ВРЕМЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

ВРЕМЯ

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

ТОМЪ V

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1861

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
304766
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1910 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 1 сентября 1861 года

Цензоръ *Ѳ. Веселаго*

Digitized by Google

ЗА ЧѢМЪ ПОЙДЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ

ЖИВИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА, вдова.
МИХАЙЛО ДМИТРИЧЪ БАЛЬЗАМИНОВЪ, сынъ ея.
АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА, сваха.
МАТРЕНА, кухарка.
ЛУКЬЯНЪ ЛУКЬЯНЫЧЪ ЧЕБАКОВЪ, офицеръ въ отставкѣ. Очень приличный господинъ, среднихъ лѣтъ, съ усами, лысоватъ: сертукъ застегнутъ на всѣ пуговицы. Выраженіе лица насмѣшливо.

Бѣдная комната у Бальзаминовыхъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

БАЛЬЗАМИНОВА (пьетъ чай) и МАТРЕНА (стоитъ у двери).

Бальзаминова. Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, послѣ бани-то!

Матрена. Ужь это начто лучше! По всѣмъ жилкамъ, по всѣмъ суставамъ пройдетъ.

Digitized by Google

Бальзаминова. А гдѣ же Миша? что-то не видать его.

Матрена. Спитъ, умаялся.

Бальзаминова. Ну, пускай спитъ.

Матрена. Чтожъ! пущай спитъ. Никакихъ важныхъ дѣлъ за нимъ нѣтъ; остановки не будетъ. А я его сослѣдила, куда онъ ходитъ.

Бальзаминова. Куда же?

Матрена. Тутъ близехонько. Только онъ не прямо ходитъ, а кругъ большой дѣлаетъ, чтобы сосѣдямъ виду не показать. Таково далеко уйдетъ, да потомъ и воротится переулками, глаза отводитъ.

Бальзаминова. Да будетъ ли толкъ-то какой нибудь?

Матрена. Ктожъ его знаетъ? Ужъ это его дѣло. Надо полагать, что и тутъ ничего себѣ не выиграетъ.

Бальзаминова. Отчего же ты такъ, Матрена, думаешь?

Матрена. Мало виду изъ себя имѣетъ, польститься-то не на что! Ну и чиномъ еще не вышелъ.

Бальзаминова (*встаетъ*). Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. (*Уходитъ. Матрена садится къ столу и пьетъ. Бальзаминова возвращается. Матрена встаетъ*) Сиди! (*Матрена садится, только оборотившись къ Бальзаминовой задомъ*). Спитъ еще. (*Садится*). А какъ ихъ по фамиліи-то, гдѣ онъ ходитъ?

Матрена (*оборотивъ голову*). Пѣженовыхъ.

Бальзаминова. Ктожъ они такіе?

Матрена. Сами по себѣ.

Бальзаминова. Какъ же такъ сами по себѣ?

Матрена. По своей части.

Бальзаминова. Экая ты безтолковая! Чтоже они, служащіе или купцы?

Матрена. Должно, торгуютъ.

Бальзаминова. Ктожъ у нихъ изъ женскаго-то полу?

Матрена. Двѣ сестры — обѣ дѣвки, ужь въ лѣтахъ. Только выходу имъ никакого нѣтъ; сидятъ наверху у себя взаперти, все одно подъ замкомъ.

Бальзаминова. Отчего же?

Матрена. Такой приказъ отъ братьевъ.

Бальзаминова. Зачѣмъ же такой приказъ?

Матрена (*дуя въ блюдечко и оборачиваясь*). Потому страмъ.

Бальзаминова. Какой же страмъ?

Digitized by Google

Матрена. Очень на мужчинъ безстыжи. Такія, говорятъ, завистливыя, что бѣда. (*Накрываетъ чашку*) Покорно благодарствуйте! (*Встаетъ и уноситъ самоваръ*).

Бальзаминова. Говорятъ: за чѣмъ пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда такъ бываетъ. Вотъ Миша ходитъ, ходитъ, а все не находитъ ничего. Другой бы бросилъ давно, а мой все не унимается Да коли правду сказать, такъ Миша очень справедливо разсуждаетъ: «Вѣдь мнѣ, говоритъ, убытку нѣтъ, что я хожу, а прибыль можетъ быть большая; слѣдовательно я долженъ ходить. Ходить понапрасну, говоритъ, скучно, а бѣдность-то еще скучнѣй.» Что правда, то правда. Нечего съ нимъ и спорить. (*Шумъ за сценой*) Что́ тамъ у васъ? (*Входитъ Бальзаминовъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

БАЛЬЗАМИНОВА и БАЛЬЗАМИНОВЪ

Бальзаминовъ. Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самомъ интересномъ мѣстѣ...

Бальзаминова. Что такое?

Бальзаминовъ. Да Матрена меня разбудила на самомъ интереспомъ мѣстѣ. И очень нужно ей было тамъ чашки убирать.

Бальзаминова. Развѣ ты что-нибудь во снѣ видѣлъ?

Бальзаминовъ. Да помилуйте! на самомъ интересномъ мѣстѣ! Вдругъ вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстрѣчу мнѣ идетъ дама, красоты необыкновенной, и говоритъ: господинъ Бальзаминовъ, я васъ люблю и обожаю! Тутъ какъ на смѣхъ, Матрена меня и разбудила. Какъ обидно! Что́ бы ей хоть немного погодить? Ужь очень мнѣ интересно, что́ бы у насъ дальше-то было. Вы не повѣрите, маменька, какъ мнѣ хочется доглядѣть этотъ сонъ. Развѣ уснуть опять? Пойду, усну. Да вѣдь пожалуй не приснится.

Бальзаминова. Разумѣется не приснится.

Бальзаминовъ. Экая досада! Мнѣ бы теперь, по моимъ дѣламъ, очень нужно такой сонъ видѣть; можетъ-быть онъ мнѣ что-нибудь и напророчилъ бы. Что, маменька, меня никто не спрашивалъ?

Digitized by Google

Бальзаминова. Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминовъ. Я, маменька, новое знакомство завелъ. Лукьянъ Лукьянычъ Чебаковъ... отличнѣйшій человѣкъ. Онъ капитанъ въ отставкѣ.

Бальзаминова. Кчему это?

Бальзаминовъ. Какъ кчему! Что вы это говорите! Вы знаете, маменька, какая у насъ сторона! Я ужь теперь далеко не хожу, а хожу тутъ поблизости.

Бальзаминова. Такъ чтоже?

Бальзаминовъ. Какъ чтоже! Какое необразованіе свирѣпствуетъ въ нашей сторонѣ, страсть! Обращенія не понимаютъ, человѣчества нѣтъ никакого! Пройди по рынку мимо лавокъ лишній разъ, — сейчасъ тебѣ прозвище дадутъ, кличку какую-нибудь. Почти у всякихъ воротъ кучера сидятъ, толстые, какъ мясники какіе, только и дѣла, что собакъ гладятъ, да играютъ съ ними; а собаки-то, маменька, какъ львы. Вѣдь по нашему дѣлу иногда нужно разъ десять мимо оконъ-то пройти, чтобы замѣтили тебя, а они развѣ дадутъ! Сейчасъ засвищутъ, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Какъ же это можно живого человѣка собаками травить?

Бальзаминовъ. Какъ можно? Что вы, маменька! Развѣ они знаютъ учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а тамъ хоть человѣка до смерти загрызи, ему все равно.

Бальзаминова. Какое необразованіе!

Бальзаминовъ. Меня раза три травили. Вопервыхъ перепугаютъ до-смерти, да еще бѣжишь съ версту, духу потомъ не переведешь. Да и срамъ! какой срамъ-то, маменька! Ты тутъ ухаживаешь, стараешься понравиться — и вдругъ видятъ тебя изъ окна, что ты летишь во всѣ лопатки. Что за видъ, со стороны-то посмотрѣть! Невѣжество въ высшей степени... что ужь тутъ! А вотъ теперь, какъ мы съ Лукьянъ Лукьянычемъ вмѣстѣ ходимъ, такъ меня никто не смѣетъ тронуть. А знаете, маменька, что я задумалъ?

Бальзаминова. А что?

Бальзаминовъ. Я хочу въ военную службу поступить.

Бальзаминова. Да ты проснулся ли совсѣмъ-то, или еще все бредишь?

Digitized by Google

Бальзаминовъ. Нѣтъ, позвольте, маменька: это дѣло разсудить надо.

Бальзаминова. Да что́ тутъ разсуждать-то! Много ли ты лѣтъ до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминовъ. Сколько бы я ни прослужилъ, вѣдь у меня такъ же время-то идетъ, за то офицеръ. А теперь что́ я! Чинъ у меня маленькій, притомъ же я человѣкъ робкій, живемъ мы въ сторонѣ необразованной, шутки здѣсь все такія неприличныя, да и насмѣшки... А-вы только представьте, маменька: вдругъ я офицеръ, иду по улицѣ смѣло, ужь тогда смѣло буду ходить; вдругъ вижу — сидитъ барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминова. Все вздоръ какой говоришь! А чѣмъ жить-то мы будемъ, пока ты въ офицеры-то произойдешь?

Бальзаминовъ. Ахъ, Боже мой! Я и забылъ про это, совсѣмъ изъ головы вонъ! Вотъ видите, маменька, какой я несчастный человѣкъ! Ужь отъ военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мнѣ нельзя. Я вамъ, маменька, говорилъ, что я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ, вотъ такъ оно и есть. Въ какомъ я мѣсяцѣ, маменька, родился?

Бальзаминова. Въ маѣ.

Бальзаминовъ. Ну вотъ всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы разсудите сами, въ нашемъ дѣлѣ безъ счастья ничего не сдѣлаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вотъ ужь правду-то русская пословица говоритъ: «не родись умепъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ.» А все-таки я, маменька, не унываю. Этотъ сонъ... хоть я его и не весь видѣлъ — чортъ возьми эту Матрену! — а все-таки я отъ него могу ожидать много пользы для себя. Этотъ сонъ, если разсудить, маменька, много значитъ, ахъ какъ много!

Бальзаминова. Да ты помнишь ли въ лицо ту даму, которую видѣлъ воснѣ-то?

Бальзаминовъ. Помню, маменька; какъ сейчасъ гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное...

Бальзаминова. Это хорошо.

Бальзаминовъ. Это, маменька, для насъ первое дѣло. У кого въ лицѣ строгость, я вѣдь съ тѣмъ человѣкомъ разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова. Да и я не люблю.

Бальзаминовъ. Другой на тебя смотритъ — точно допросъ

Digitized by Google

тебѣ дѣлаетъ. Ну, чтожъ тутъ хорошаго! Конечно, если строго разобрать, такъ мы имѣемъ недостатки въ себѣ, въ образованіи, ну и въ платьѣ тоже. Когда на тебя смотрятъ строго, чтожъ тутъ дѣлать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминова. Разумѣется. А вотъ ты коли ждешь кого, такъ одѣлся бы пошолъ; что въ халатѣ-то сидишь!

Балазаминовъ. Да, маменька, я сейчасъ одѣнусь. Лукьянъ Лукьянычъ вѣдь человѣкъ свѣтскій; какія у него трубки, съ какими янтарями, маменька! (*уходитъ*).

Бальзаминова. Какой странный сонъ! Ужь очень прямо; такъ что-то даже неловко: «я васъ люблю и обожаю»... Хорошо какъ такъ и на яву выдетъ, а то вѣдь сны-то больше все наоборотъ выходятъ. Еслибы она ему сказала: «Господинъ Бальзаминовъ, я васъ не люблю и вашего знакомства не желаю» — это было бы гораздо лучше. (*Красавина входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

БАЛЬЗАМИНОВА и КРАСАВИНА

Красавина. Съ повинной, матушка! Не вели казнить, вели рѣчь говорить.

Бальзаминова. Есть же люди на свѣтѣ, которые стыда не имѣютъ!

Красавина. Есть, матушка, есть всякаго народа.

Бальзаминова. Конечно, мы люди бѣдные, маленькіе, но однакоже вѣдь надобно, Гавриловна, немножко и совѣсть знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю! У меня совѣсть-то чище золота, одно слово — хрусталь, да чтожъ ты прикажешь дѣлать, коли такія оказіи выходятъ? Ты разсуди, какая мнѣ радость, что всякое дѣло все врозь да врозь! Первое дѣло — хлопоты даромъ пропадаютъ, а второе дѣло — всему нашему званію мараль. А просто сказать: «знать не судьба!» Вотъ и все тутъ. Ну да ужь я вамъ за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова. Ну признаться сказать, я отъ тебя, кромѣ насмѣшки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Ежели я противъ кого виновата, такъ ужь я пополамъ разорвусь, а за свою вину вдвое за-

Digitized by Google

служу. Вотъ у меня какая душа! Хоша оно въ нынѣшнемъ свѣтѣ съ такой добродѣтелью жить трудно, милая...

Бальзаминова. Ты лучше, Гавриловна, и не говори! я тебѣ въ этомъ вѣрить не могу. Мы люди бѣдные, какой тебѣ интересъ?

Красавина. А не вѣришь, такъ я тебѣ вотъ что скажу: хорошій-то который женихъ, ловкій, и безъ свахи невѣсту найдетъ, а хоть и со свахой, такъ съ него много не возьмешь; ну а твой-то плохъ, ему безъ меня этого дѣла не состряпать; значитъ я съ него возьму что мнѣ захочется. Знаешь русскую пословицу: «у всякаго плута свой расчетъ»? Безъ расчету тоже въ нынѣшнемъ свѣтѣ жить нельзя.

Бальзаминова. Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя такъ приняла. Мнѣ обидно, что моимъ сыномъ какъ дуракомъ помыкаютъ.

Красавина. Ничего, матушка; брань на вороту не виснетъ. Намъ не привыкать стать къ брани-то, наше званіе такое. А сынка твоего мы обезпечимъ, ты не безпокойся.

Бальзаминова. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И безъ него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, вѣдь она вредъ дѣлаетъ, мельницы ломаетъ. Ужь ты меня лучше ужо какъ слѣдуетъ поподчуй, я къ тебѣ вечеркомъ зайду. А теперь вотъ что я тебѣ скажу. Такая у меня на примѣтѣ есть краля, что, признаться сказать, согрѣшила — подумала про твоего сына, что модъ не жирно ли ему это будетъ?

Бальзаминова. Ктожъ такая?

Красавина. Ну объ этомъ рѣчь впереди. Вотъ видишь ты, дѣло какого роду: она вдова и съ большимъ капиталомъ, отъ этого самаго и скучаетъ.

Бальзаминова. Скажите пожалуйста!

Красавина. Такъ точно. И какъ, матушка моя, овдовѣла, такъ никуда не выѣзжаетъ, все и сидитъ дома. Ну а дома чтожъ дѣлать? извѣстно — покушаетъ да почивать ляжетъ. Богатая женщина, чтожъ ей дѣлать-то больше!

Бальзаминова. Отчего же это она при такомъ капиталѣ никуда не ѣздитъ и знакомства не имѣетъ?

Красавина. Лѣнива. Ужь сколько разъ я ей говорила: «что, модъ, ты никуда не съѣздишь, али къ себѣ гостей не позовешь?» Въ гости ѣхать, говоритъ, — одѣваться надобно: а пріѣдешь — разговаривать нужно.

Digitized by Google

Бальзаминова. Развѣ она и разговаривать не любитъ?

Красавина. Какъ не любить! Только чтобы не торопясь, съ прохладой. Ну такимъ то родомъ, сударыня ты моя, отъ этакой то жизни стала она толстѣть и тоску чувствовать. И даже такъ, я тебѣ скажу, тяжесть такая на нее напала, въ родѣ какъ болѣзнь. Ну и сейчасъ съ докторами совѣтоваться. Я была при одномъ докторѣ. Вотъ докторъ ей и говоритъ: «вамъ, говоритъ, лекарства никакого не нужно; только чтобъ, говоритъ, развлеченіе и безпремѣнно чтобъ замужъ шли».

Бальзаминова. А она чтожъ?

Красавина. Она ему сейчасъ въ руку три цѣлковыхъ бумажку. Порядокъ этотъ знаетъ.

Бальзаминова. Нѣтъ, я не про то! Я насчетъ того, что замужъ-то идти?

Красавина. «Я, говоритъ, замужъ не прочь; только гдѣ его найдешь дома-то сидя?» — А я-то, говорю, начто? — «Ну, говоритъ, хлопочи!» Такъ вотъ какія дѣла и какія оказіи бываютъ.

Бальзаминова. Ну а какъ насчетъ состоянія?

Красавина. Сверхъ границъ. Однихъ только денегъ и билетовъ мы двѣ считали-считали, счесть не могли, такъ и бросили. Да я такъ думаю, что не то что намъ, бабамъ, а и мужчинамъ, если двухъ хорошихъ взять, и то не счесть!

Бальзаминова. Какъ же это не счесть?

Красавина. Такъ вотъ и не счесть. Посчитаютъ-посчитаютъ, да и бросятъ. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всѣмъ вамъ кажется, у кого денегъ нѣтъ. А поди-ко попробуй! Нѣтъ, матушка, счетъ мудреное дѣло. И чиновники-то, которые при этомъ приставлены, и тѣ, кто до сколько умѣетъ, до столько и считаетъ: потому у нихъ и чины разные. Твой Михайло до сколько умѣетъ?

Бальзаминова. Да я думаю, сколько ни дай, все сочтетъ.

Красавина. Ну гдѣ ему! Тысячъ до десяти сочтетъ, а больше не сумѣетъ. А то вотъ еще какія оказіи бываютъ, ты знаешь ли? Что-то строили, ужь я не припомню, такъ артитехторы считали, считали, цыфирю не хватило.

Бальзаминова. Можетъ ли это быть?

Красавина. Вѣрно тебѣ говорю. Такъ что же придумали: до которыхъ поръ сочтутъ, это запишутъ, да опять цыфирь-то сначала и оборотятъ. Вотъ какъ! Такъ чтожъ тутъ мудренаго, что мы де-

Digitized by Google

негъ не сочли? Ну деньги деньгами, — это само по себѣ, а еще домъ.

Бальзаминова. Большой?

Красавина. А вотъ какой: заведи тебя въ середку, да оставь одну, такъ ты и заблудишься, все равно что въ лѣсу, и выходу не найдешь, хоть караулъ кричи. Я одинъ разъ кричала. Мало тебѣ этого, такъ у насъ еще лавки есть.

Бальзаминова. Ты ужь что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невѣстѣ-то.

Красавина. Это ужь его дѣло. Да что это его не видать?

Бальзаминова. Не знаю, онъ дома былъ. Миша! (*Бальзаминовъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ТѢЖЕ и БАЛЬЗАМИНОВЪ

Красавина. Красота ты моя писаная, разрисованая! Все ли ты здоровъ? А у насъ всѣ здоровы быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминовъ. Я еще и говорить-то съ тобой не хочу. Вотъ что!

Бальзаминова. Нѣтъ, Миша, ты съ ней не долженъ такимъ манеромъ обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу можетъ тебѣ сдѣлать.

Красавина. Не тронь его, пущай! Что это ты такой гордый сталъ? Аль нашолъ на дорогѣ сумму какую значительную?

Бальзаминовъ. Она-то пользу сдѣлаетъ? Что вы маменька, ей вѣрите? Она все обманываетъ.

Красавина. Я обманываю? Значитъ ты души моей не знаешь. Ты слыхалъ ли когда пѣсню:

«Никто души моей не знаетъ,
И чувствъ моихъ не могутъ описать?»

Бальзаминовъ. Зачто она меня, маменька, обманываетъ? Что я ей сдѣлалъ? Она сваха, — она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина. А ты ищи себѣ подъ пару, такъ тебя никто и не

Digitized by Google

будетъ обманывать; а то ты все не подъ масть выбираешь-то. Глаза то у тебя больно завистливы.

Бальзаминовъ. А тебѣ какое дѣло! Да и совсѣмъ не отъ зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородныя чувства. Развѣ можно съ облагороженными понятіями въ бѣдности жить? А коли я не могу никакими средствами достать денегъ, значитъ я долженъ жениться на богатой. (*Садится*) Ахъ, маменька, какая это обида, что все на свѣтѣ такъ нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бѣдный — на бѣдной. Есть ли въ этомъ какая справедливость? Одно только притѣсненіе для бѣдныхъ людей. Еслибъ я былъ царь, я бы издалъ такой законъ, чтобъ богатый женился на бѣдной, а бѣдный — на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина. Ну вотъ когда такой законъ отъ тебя выдетъ, тогда мы и будемъ жить по твоему; а до тѣхъ поръ, ужь ты не взыщи, все будетъ по старому русскому заведенію: «по Сенькѣ шапка, по Еремкѣ кафтанъ». А то вотъ тебѣ еще другая пословица: «видитъ собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминовъ. Вотъ видите, маменька, вотъ она опять все на смѣхъ. Зачѣмъ она пришла? Кто ее просилъ?

Красавина. Мнѣ вѣдь какъ хотите! Я изъ-за своего добра кланяться не стану. Какая мнѣ оказія!

Бальзаминова. Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, онъ не въ своемъ умѣ. Какъ тебѣ, Миша, не стыдно!

Красавина. Чтожъ онъ важность-то на себя напустилъ? Навязывать ему что ли? Ужь это много чести будетъ! Москва-то не клиномъ сошлась; найду не хуже его.

Бальзаминова. Нѣтъ, ты этого, Гавриловна, не дѣлай. Это тебѣ грѣхъ будетъ! Ты, Миша, еще не знаешь, какія она намъ благодѣянія оказываетъ. Вотъ ты поговори съ ней, а я пойду, признаться сказать, послѣ бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, такъ ктожъ тебѣ запретитъ? (*Бальзаминова уходитъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

КРАСАВИНА, БАЛЬЗАМИНОВЪ, потомъ МАТРЕНА.

Бальзаминовъ. Вотъ ты сердиться-то умѣешь, а каково мнѣ было тогда, какъ меня изъ дому выгнали? Вотъ такъ асаже!

Красавина. А ты еще все не забылъ? Видишь, какой ты злопамятный! Ну вотъ за этотъ-то за самый афронтъ я и хочу тебѣ заслужить.

Бальзаминовъ. Чѣмъ же ты заслужишь?

Красавина. Невѣсту нашла.

Бальзаминовъ. Ну ужь не надо. Опять тоже будетъ. Я самъ нашолъ.

Красавина. Мудрено что-то! Гдѣ-жъ это?

Бальзаминовъ. Какъ же! такъ я и сказалъ тебѣ!

Красавина. Ничего у тебя не выдетъ.

Бальзаминовъ. А вотъ посмотримъ.

Красавина. И смотрѣть нечего. (*Входитъ Матрена и становится у двери, приложивъ руку къ щекѣ*). Ты самъ разсуди! Какую тебѣ невѣсту нужно?

Бальзаминовъ. Извѣстно какую, обыкновенную.

Красавина. Нѣтъ, не обнаковенную. Ты человѣкъ глупый, значитъ...

Бальзаминовъ. Какъ же, глупый! Ишь ты дурака нашла!

Матрена. А что, уменъ?

Бальзаминовъ. Ты молчи, не твое дѣло!

Красавина. Ты послушай! ты человѣкъ глупый, значитъ тебѣ...

Бальзаминовъ. Да что ты все: глупый, да глупый! Это для тебя я можетъ-быть глупъ; а для другихъ совсѣмъ нѣтъ. Давай спросимъ у кого-нибудь.

Красавина. Давай спросимъ! Да нечего и спрашивать. Ты повѣрь мнѣ, я человѣкъ старый, обманывать тебя не стану.

Матрена. Какой ты, Михайло Митричъ, какъ поглядишь на тебя, спорить здоровый! Гдѣ-жъ тебѣ съ ней спорить?

Бальзаминовъ. Какъ же не спорить, когда она меня дуракомъ называетъ?

Digitized by Google

Матрена. Она лучше тебя знаетъ. Коли называетъ, значитъ правда.

Бальзаминовъ. Да что вы ко мнѣ пристали! Что вамъ отъ меня надо?

Красавина. Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпѣніе, выслушай! Ты глупый человѣкъ, значитъ тебѣ умнѣй себя искать невѣсту нельзя.

Матрена. Само собой.

Красавина. Значитъ тебѣ нужно искать глупѣй себя. Вотъ такую-то я тебѣ теперь...

Бальзаминовъ (*встаетъ*). Что ты ко мнѣ пристаешь! Что ты ко мнѣ пристаешь? Я тебѣ сказалъ, что я слушать тебя не хочу. А ты все съ насмѣшками да съ ругательствомъ! Ты думаешь, я вамъ на-смѣхъ дался? Нѣтъ, погоди еще у меня!

Красавина. Что же ты сдѣлаешь?

Бальзаминовъ. Я знаю, что сдѣлать! Ты меня не тронь! Я служащій, обидѣть меня не смѣешь! Я на тебя и судъ найду!

Красавина. Судъ? Что ты, въ умѣ ли? А судиться, такъ судиться! Ты думаешь, я испугалась? Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я отвѣтъ найду. Въ какой судъ на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминовъ. Это ужь мое дѣло.

Красавина. Да ты всѣ ли суды знаешь-то? Чай только магистратъ и знаешь? Намъ съ тобой будетъ судъ особенный! Позовутъ на глаза — и сейчасъ рѣшеніе.

Бальзаминовъ. Для меня все равно.

Красавина. Что же станешь на судѣ говорить? Какіе во мнѣ пороки станешь доказывать? Ты и словъ-то не найдешь; а и найдешь, такъ складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то напередъ подберу одно къ другому. Вотъ насъ съ тобой сейчасъ и рѣшатъ: мнѣ превелегію на листѣ напишутъ...

Бальзаминовъ. Какую привилегію?

Красавина. Противъ тебя превелегію, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всемъ превозвышена; а тебя въ лабетъ поставятъ.

Бальзаминовъ. Въ какой лабетъ? Что ты врешь!

Красавина. А еще мужчина, еще служащій, а не знаешь, что такое лабетъ! Гдѣжъ тебѣ со мной судиться!

Матрена. У! Безстыдникъ!

Digitized by Google

Бальзаминовъ. Такъ чтожъ это вы меня со свѣту сжить что ли хотите? Силъ моихъ не хватитъ! Батюшки! Ну васъ къ чорту! (*Быстро беретъ фуражку*). Отъ васъ за сто верстъ убѣжишь. (*Бросается въ дверь и сталкивается съ Чебаковымъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

ТѢЖЕ и ЧЕБАКОВЪ

Чебаковъ. Что это вы? Что это вы, господинъ Бальзаминовъ?

Матрена. Батюшки! Онъ въ умѣ повихнулся.

Бальзаминовъ. Ахъ, извините-съ! Такое невѣжество! Вы не можете себѣ представить! Это ужасъ что́ такое!

Чебаковъ. Послушайте, Бальзаминовъ, что́ съ вами такое?

Бальзаминовъ. Ничего-съ! Очень вамъ благодаренъ! Конечно, съ моей стороны неучтивость... Извините! Покорнѣйше прошу садиться!

Чебаковъ (*садясь*). Послушайте, Бальзаминовъ, вы что-то не въ своей тарелкѣ?

Бальзаминовъ. Да помилуйте-съ, Лукьянъ Лукьянычъ, никакъ невозможно! Необразованіе, пасмѣшки...

Чебаковъ. Ну, да это въ сторону! Послушайте, чтоже вы исполните, что́ обѣщали, или нѣтъ?

Бальзаминовъ. Какъ же можно! Непремѣнно-съ.

Чебаковъ. То-то же! А то вѣдь вы, пожалуй.

Бальзаминовъ. Ужь ежели я что́, Лукьянъ Лукьянычъ, обѣщалъ-съ...

Чебаковъ. Ну да, разговаривайте! Знаемъ мы васъ. Только послушайте, Бальзаминовъ, вамъ надо башмачникомъ одѣться.

Матрена. Батюшки!

Бальзаминовъ. Зачѣмъ же это-съ?

Чебаковъ. А вотъ я вамъ сейчасъ объясню.

Красавина. Ну прощай, башмачникъ! Ужь я къ тебѣ больше не пойду; потому, мой другъ, что хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ (*Уходитъ и Матрена за ней*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

БАЛЬЗАМИНОВЪ и ЧЕБАКОВЪ

Чебаковъ. Послушайте, это сваха должно быть?

Бальзаминовъ. Такъ точно-съ. Конечно невѣжество...

Чебаковъ. Такъ вотъ что, Бальзаминовъ: нельзя иначе, надо непремѣнно башмачникомъ. А то какъ же вы къ нимъ въ домъ войдете? А вы надѣньте сертукъ похуже, да фуражку, вотъ хоть эту, которая у васъ въ рукахъ, волосы растреплите, запачкайте лицо чѣмъ-нибудь и ступайте. Позвоните у воротъ, вамъ отопрутъ, вы и скажите, что-молъ башмачникъ, барышнямъ мѣрку снимать. Тамъ ужь знаютъ, васъ сейчасъ и проведутъ къ барышнямъ.

Бальзаминовъ. А потомъ чтоже-съ?

Чебаковъ. Послушайте, Бальзаминовъ! Вы чудакъ. Какъ же вы спрашиваете, что дѣлать! Вы влюблены или нѣтъ?

Бальзаминовъ. Влюбленъ-съ.

Чебаковъ. Такъ вѣдь надо же вамъ объясниться. И кстати, письмо отдадите. Моей отдайте вотъ это письмо (*отдаетъ письмо*), а своей откройтесь въ любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колѣни. Да вы послушайте, не перемѣшайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминовъ. Помилуйте! Какъ можно! А вы, Лукьянъ Лукьянычъ, ужь открылись-съ?

Чебаковъ. Давно ужь...

Бальзаминовъ. Мы ихъ, Лукьянъ Лукьянычъ, скоро увеземъ-съ?

Чебаковъ. Какъ будутъ согласны, такъ и увеземъ.

Бальзаминовъ. Моя будетъ согласна-съ, потомучто она на меня такъ смотритъ, когда мы мимо проходимъ, что даже уму непостижимо-съ.

Чебаковъ. Послушайте, ну вотъ и прекрасно.

Бальзаминовъ. Только, Лукьянъ Лукьянычъ, какъ бы намъ не ошибиться насчетъ...

Чебаковъ. Насчетъ денегъ? Нѣтъ, господинъ Бальзаминовъ, я въ этомъ никогда не ошибаюсь.

Бальзаминовъ. То вы, а то я-съ.

Digitized by Google

Чебаковъ. Онѣ сестры, у нихъ поровну капиталъ отъ отца. Братья оттого не отдаютъ ихъ замужъ, что денегъ жаль.

Бальзаминовъ. Ну, такъ я сейчасъ-съ, только сертукъ надѣну-съ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ

Чебаковъ (*одинъ*). Экой дурачина! Вотъ олухъ-то! Воображаетъ, что въ него влюбятся. А впрочемъ, если смотрѣть на жизнь съ философской точки зрѣнія, такъ и такіе люди полезны. Кого нынѣче заставишь башмачникомъ одѣться! А эта штука мнѣ можетъ стоить полтораста тысячъ. Изъ-за этого куша я здѣсь другой годъ живу, нарочно по близости квартиру нанялъ. Только чортъ ихъ возьми, живутъ очень крѣпко! Не то что видѣться, а и письмо-то передать большихъ трудовъ и издержекъ стоитъ. Если мнѣ этотъ дуракъ поможетъ ее увезти, — я его, голубчика, въ поминанье запишу.

(Входитъ Бальзаминовъ въ сертукѣ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ

ЧЕБАКОВЪ и БАЛЬЗАМИНОВЪ

Чебаковъ. Послушайте, вы настоящій сапожникъ.

Бальзаминовъ. Башмачникъ-съ.

Чебаковъ. Только послушайте, ну какъ ваше начальство узнаетъ, что вы башмачнымъ мастерствомъ занимаетесь?

Бальзаминовъ. Да, нехорошо-съ, да и отъ товарищей тоже-съ...

Чебаковъ. Нѣтъ, я шучу. Помилуйте, кто же это узнаетъ! Послушайте, я вамъ даже завидую. Вы будете разговаривать съ любимой женщиной, а я долженъ страдать въ одиночествѣ.

Бальзаминовъ. Да-съ. А ужь какъ я радъ-съ, я хоть плясать-съ готовъ-съ.

Чебаковъ. Именно на вашемъ мѣстѣ плясать надобно. Послушайте, Бальзаминовъ, а ну какъ васъ тамъ высѣкутъ?

Бальзаминовъ. Чтоже это, Лукьянъ Лукьянычъ! Я не пойду-съ! Какъ же вы сами посылаете, а потомъ говорите, что высѣкутъ? Начто же это похоже-съ!

Digitized by Google

Чебаковъ. Какъ вы, Бальзаминовъ, шутокъ не понимаете!

Бальзаминовъ. Хорошо какъ шутки, а ежели въ самомъ дѣлѣ-съ?

Чебаковъ. Ужь будьте покойны! Я бы васъ не послалъ.

Бальзаминовъ. Покоенъ-то я покоенъ, а все-таки...

Чебаковъ. Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами буду сзади слѣдить.

Бальзаминовъ. Пойдемте-съ. (*Подходятъ къ двери*). Матрена! Скажи маменькѣ, что я ушолъ.

Матрена (*за дверью*). Сама увидитъ.

(Уходятъ).

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

ДОМНА ЕВСИГНЕВНА БѢЛОТѢЛОВА, вдова лѣтъ тридцати-шести, очень полная женщина, пріятнаго лица, говоритъ лѣниво съ разстановкой.

АНФИСА ПАНФИЛОВНА }
РАИСА ПАНФИЛОВНА } ПѢЖЕНОВЫ, дѣвицы лѣтъ подъ тридцать, ни хороши, ни дурны; ни худы, ни толсты; одѣты въ простыхъ ситцевыхъ блузахъ, но въ огромной величины кринолинахъ.

ХИМКА (Афимка), горничная дѣвочка Пѣженовыхъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

КРАСАВИНА.

Сцена представляетъ два сада, раздѣленные посерединѣ заборомъ. Направо отъ зрителей садъ Пѣженовыхъ, а налѣво — Бѣлотѣловой. Въ садахъ скамейки, столики и проч.; въ саду Бѣлотѣловой налѣво видны двѣ ступеньки и дверь въ бесѣдку; у забора съ обѣихъ сторонъ кусты.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

(Въ саду на лѣвой сторонѣ.)

БѢЛОТѢЛОВА и КРАСАВИНА (сидятъ на лавочкѣ).

Бѣлотѣлова. Вотъ мы тутъ посидимъ, потомъ пойдемъ въ бесѣдку, тамъ закусимъ, посидимъ. Тамъ закуска приготовлена. Да потомъ опять сюда придемъ, посидимъ.

Digitized by Google

Красавина. Еще бы! Своя воля, что́ хотимъ, то и творимъ.

Бѣлотѣлова. Чтожъ ты мнѣ женишха, скоро?

Красавина. Скоро, красавица моя, скоро. Нельзя же вдругъ! Вѣдь женихovъ у меня много, да все не тотъ сортъ. Для тебя я ужь особенно займусь, хорошаго тебѣ сыщу.

Бѣлотѣлова. Сыщи хорошаго.

Красавина. Ужь ты будь покойна, это нашихъ рукъ дѣло. Есть у меня одинъ на примѣтѣ, а рекомендовать боюсь.

Бѣлотѣлова. А чтоже?

Красавина. Онъ бы и ничего, да дурашенъ, Богъ съ нимъ.

Бѣлотѣлова. Очень дурашенъ?

Красавина. Да таки порядочно. Да ты объ этомъ дѣлѣ не печалься; безъ мужа не останешься.

Бѣлотѣлова. Ну хорошо.

Красавина. Вѣришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на днѣ моря, я и со дна моря для твоего удовольствія достану. Да ужь и ты меня не обидь.

Бѣлотѣлова. Я не обижу, я добрая.

Красавина. Ктожъ этого не знаетъ! Весь свѣтъ знаетъ. А это я къ тому говорю, красавица ты моя писаная, что отъ кого же намъ и жить-то, бѣднымъ сиротамъ, какъ не отъ васъ, богатыхъ людей? Вамъ жить да пѣжиться, а намъ для васъ служить. Ты сиди только да придумывай, а ужь для тебя все, окромя развѣ птичьяго молока.

Бѣлотѣлова. Ничего не придумаешь.

Красавина. Лѣнь тебѣ, красавица моя, а то какъ бы не придумать. Я бы на твоемъ мѣстѣ, да съ твоими деньгами, такое веселье завела, такихъ чудесъ бы натворила, что ни объ чемъ бы, кромѣ меня, и не разговаривали.

Бѣлотѣлова. А чтожъ бы ты сдѣлала?

Красавина. Да вотъ тебѣ первое. Коли не хочешь ты никуда ѣздить, такъ у себя дома сдѣлай: позови бабъ побольше, вели приготовить отличный обѣдъ, чтобы вина побольше разнаго, хорошаго; позови музыку полковую: мы будемъ пить, а она чтобъ играла. Потомъ всѣ въ садъ, а музыка чтобъ впереди, да такъ по всѣмъ дорожкамъ маршемъ, потомъ опять домой, да пѣсни; а тамъ опять маршемъ. Да такъ чтобы три дни кряду, а начинать съ утра. А вороты вели запереть, чтобы не ушолъ никто. Вотъ тебѣ и будетъ весело.

Digitized by Google

Бѣлотѣлова. Весело, только хлопотъ много.

Красавина. А ты мнѣ прикажи, я всѣ хлопоты на себя возьму. Я орелъ на эти дѣла.

Бѣлотѣлова. Ну хорошо, какъ-нибудь сдѣлаемъ.

Красавина. Да поскорѣй бы! Хорошаго дѣла никогда откладывать не должно!

Бѣлотѣлова. Не пойти ли намъ въ бесѣдку?

Красавина. Погоди! Посидимъ здѣсь; хорошо на воздухѣ-то. Поговоримъ объ чемъ-нибудь для время-провожденія.

Бѣлотѣлова. Я ужь не знаю объ чемъ говорить. Нѣтъ ли по Москвѣ разговору какого?

Красавина. Мало ли разговору, да всему вѣрить-то нельзя. Иногда колоколъ льютъ, такъ нарочно пустую молву пускаютъ, чтобъ звончѣе былъ.

Бѣлотѣлова. Войны не слыхать ли?

Красавина. Войны не слыхать. Тихо вездѣ; по всей землѣ замиреніе вышло. Земля трясется мѣстами, объ этомъ слухъ есть; мѣстахъ въ трехъ трясеніе было.

Бѣлотѣлова. Нехорошо.

Красавина. Что хорошаго! Сама знаешь, писано есть объ этомъ. Да вотъ еще, для всякой осторожности, надобно тебѣ сказать: шайка разбойниковъ объявилась.

Бѣлотѣлова. Откуда-жь они?

Красавина. Изъ дикихъ лѣсовъ, говорятъ. Днемъ подъ каменнымъ мостомъ живутъ, а ночью ходятъ по Москвѣ, желѣзные когти у нихъ надѣты на руки и всѣ на ходуляхъ; по семи аршинъ ходули-то, а атаманъ въ турецкомъ платьѣ.

Бѣлотѣлова. Зачѣмъ на ходуляхъ?

Красавина. Для скорости, ну и для страху.

Бѣлотѣлова. Пойдемъ въ бесѣдку, посидимъ, закусимъ!

Красавина. Пойдемъ! Какой у тебя апетитъ, дай тебѣ Богъ здоровья, меня ижно завидки берутъ. Ужь чего лучше на свѣтѣ, коли апетитъ хорошъ! Значитъ весь человѣкъ здоровъ и душой покоенъ.

(Уходятъ.)

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

(На правой сторонѣ)

Выходятъ: АНФИСА ПАНФИЛОВНА и РАИСА ПАНФИЛОВНА

РАИСА. Тоска, Анфиса.

АНФИСА. Тоска.

РАИСА. Ой, батюшки, какъ скучно! (*молчаніе.*)

АНФИСА. И нейдетъ и не шлетъ никого!

РАИСА. Да кого же прислать! Ты знаешь, къ намъ ходу нѣтъ.

АНФИСА. Онъ въ прошломъ письмѣ писалъ, что придумаетъ что-нибудь. Не послать ли Химку въ лавочку: не дожидается ли онъ тамъ съ письмомъ?

РАИСА. За Химкой-то ужь подсматривать стали. Бабушка все ворчитъ на нее, должно быть что-нибудь замѣтила; да старуха нянька все братцамъ пересказываетъ. Выходи, Анфиса, поскорѣй замужъ и я бы къ тебѣ переѣхала жить: тогда своя воля; а то вѣдь это тоска.

АНФИСА. Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а ужь не пойду за тѣхъ жениховъ, что́ братцы сватаютъ. Невѣжество-то мнѣ и дома надоѣло. А мы сами немножко виноваты: тогда, какъ тятенька умеръ, ужь мы много себѣ вольности дали.

РАИСА. Вотъ золотое-то было времячко! Есть чѣмъ вспомнить!

АНФИСА. Вотъ братцы-то насъ и присадили. Такая тоска въ этомъ положеніи.

РАИСА. Хоть волкомъ вой! Ахъ, тоска, Анфиса! Ахъ, тоска!

АНФИСА. Я думала-думала, да придумала одну штуку.

РАИСА. Что́ же ты придумала?

АНФИСА (*оглядываясь*). Бѣжать съ Лукьянъ Лукьянычемъ.

РАИСА. Что́ ты сестрица! Какъ это можно!

АНФИСА. А чтожъ такое! Жалко чтоль мнѣ кого здѣсь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здѣсь живемъ, такъ братья надъ нами власть имѣютъ; а какъ изъ воротъ, такъ и кончено. И деньги свои потребую, какія мнѣ слѣдуютъ.

РАИСА. Это я думаю страшно, сестрица, когда увозятъ.

Digitized by Google

Анфиса. Ничего, Раиса, не страшно. Вѣдь ужь меня увозили, ты помнишь?

Раиса. Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

Анфиса. Ну что́ старое вспоминать! Вотъ я теперь и жду отъ Лукьянъ Лукьяныча письма объ этомъ объ самомъ. Только какъ онъ его передастъ?

Раиса. Ужь какъ-нибудь придумаетъ.

Анфиса. Тогда тебя къ себѣ жить возьму.

Раиса. Вотъ мы, Анфиса, заживемъ-то! По всѣмъ гуляньямъ, по всѣмъ дачамъ будемъ ѣздить. Я себѣ тоже военнаго выберу.

Анфиса. А что́ же этотъ, твой-то?

Раиса. Бѣлобрысый-то? Ну что́ за крайность! Кабы ничего лучше въ предметѣ не было, такъ ужь такъ бы и быть —отъ скуки.

Анфиса. Развѣ онъ тебѣ не нравится?

Раиса. Онъ мнѣ что-то, Анфиса, гнусненекъ кажется.

Анфиса. Зачѣмъ же ты съ нимъ кокетничаешь?

Раиса. Отъ тоски. Все-таки развлеченіе. Ахъ, тоска! Ахъ, тоска!

Анфиса. А онъ пожалуй подумаетъ, что ты въ него влюблена.

Раиса. Пускаетъ его думаетъ, убытку-то мнѣ немного.

Анфиса. Знаешь, Раиса, что́ я тебѣ говорила-то, что бѣжать-то съ Лукьянъ Лукьянычемъ? Вѣдь это можетъ-быть очень скоро будетъ. Я ужь что́ нужно на первый разъ, приготовила; хоть сейчасъ собраться да и была такова.

Раиса. Вотъ я посмотрю, какъ ты убѣжишь, да и я можетъ тоже сдѣлаю. Не умирать же тутъ съ тоски въ самомъ дѣлѣ! (*Химка вбѣгаетъ, дрожа отъ страха и запыхавшись.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

АНФИСА, РАИСА и ХИМКА

Анфиса. Что́ ты, Химка?

Химка. Пришолъ... пришолъ...

Анфиса. Кто пришолъ?

Химка. Башмачникъ пришолъ, башмачникъ пришолъ.

Анфиса. Какой башмачникъ?

Digitized by Google

Химка. Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говоритъ знакомые послали, барышнямъ мѣрку снимать, мѣрку снимать.

Раиса. Это отъ Лукьянъ Лукьяныча должно-быть?

Анфиса. Непремѣнно. Ктожъ его пустилъ?

Химка. Я пустила, всѣ спятъ, я пустила. Ахъ страсти!

Анфиса. Гдѣ же онъ?

Химка. У садовой калитки дожидается. Онъ у калитки...

Анфиса. Веди его сюда скорѣй, да смотри, чтобъ не увидали.

Химка. Сейчасъ, сейчасъ! Батюшки! сейчасъ (*убѣгаетъ*).

Раиса. Ишь ты какой придумщикъ! Башмачника прислалъ.

Анфиса. Благороднаго человѣка сейчасъ видно: у него всѣ и поступки благородные. Ну кто придумаетъ башмачника прислать, кромѣ благороднаго человѣка? Никто на свѣтѣ.

Раиса. Мы этого башмачника на весь домъ шить башмаки заставимъ, онъ намъ и будетъ письма переносить (*Входятъ Бальзаминовъ и Химка*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

АНФИСА, РАИСА, БАЛЬЗАМИНОВЪ и ХИМКА

Анфиса (*тихо*). Да вѣдь это твой бѣлобрысый.

Раиса. Вотъ суприз!

Анфиса. Бѣги, Химка, постереги у калитки: коли въ домѣ проснутся, такъ ты дай знакъ какой-нибудь.

Химка. Сейчасъ! Сейчасъ! Вотъ страсти-то! (*убѣгаетъ*)

Анфиса. Однако, какъ вы смѣлы!

Бальзаминовъ. Любовь все преодолѣваетъ съ.

Анфиса. Лукьяна Лукьяныча давно ли видѣли?

Бальзаминовъ. Даже только сейчасъ съ. Я отъ нихъ къ вамъ письмо имѣю.

Анфиса. Такъ давайте!

Бальзаминовъ (*подаетъ письмо*). Извольте-съ. Они отвѣтъ просили-съ. (*Анфиса отходитъ, распечатываетъ и читаетъ*)

Раиса. Васъ зовутъ Михайло Дмитричъ?

Бальзаминовъ. Точно такъ-съ. Это я собственно для васъ съ.

Раиса. Что для меня?

Digitized by Google

Бальзаминовъ. Въ такомъ видѣ-съ.

Раиса. Покорно васъ благодарю.

Анфиса. Раиса, поди сюда! Вы, господинъ Бальзаминовъ, извините: намъ нужно поговорить. Вы посидите на лавочкѣ, подождите. (*Раиса подходитъ къ Анфисѣ*)

Бальзаминовъ (*садится на лавочку у забора*). Оченно хорошо-съ.

Анфиса (*читаетъ*). «У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ. Доказательствъ моей любви вы видѣли много. Для васъ я бросилъ свѣтъ, бросилъ знакомство, оставилъ всѣ удовольствія и развлеченія, и живу болѣе года въ этой дикой сторонѣ, въ которой могутъ жить только медвѣди да Бальзаминовы...

Раиса. Ахъ, это правда.

Анфиса. Правда! (*читаетъ*) «Кажется этого довольно. Больше я ждать не могу. Изъ любви къ вамъ я рѣшаюсь избавить васъ изъ неволи; теперь все зависитъ отъ васъ. Если хотите, чтобъ мы были оба счастливы,—сегодня, когда стемнѣетъ и ваши улягутся спать, что произойдетъ вѣроятно не позже девятаго часа, выходите въ садъ. Въ переулкѣ, сзади вашего сада, я буду ожидать васъ съ коляской. Заборъ вашего сада, который выходитъ въ переулокъ, въ одномъ мѣстѣ плохъ...

Раиса. Да, братецъ давно говорилъ объ этомъ. На этой недѣлѣ хотятъ починить.

Анфиса (*читаетъ*). «Мы разберемъ нѣсколько досокъ, и вы будете на свободѣ. Мы съ вами поѣдемъ верстъ за пятнадцать, гдѣ меня ждутъ мои пріятели, и уже все готово, даже и музыка...

Раиса. И музыка! Ахъ какъ это весело! А здѣсь-то какая тоска!

Анфиса. Ахъ, Раиса! Вотъ что значитъ благородный человѣкъ! Увозитъ дѣвушку, все устроилъ отличнымъ манеромъ, и потомъ даже съ музыкой! Кто кромѣ благороднаго человѣка это сдѣлаетъ? Никто рѣшительно.

Раиса. Что́же, Анфиса, ты поѣдешь?

Анфиса. Еще бы послѣ этого да я не поѣхала! Это даже было бы неучтиво съ моей стороны. (*Читаетъ*) «Впрочемъ, можетъ-быть вамъ ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается въ томъ, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати разъ мимо вашихъ оконъ? Въ такомъ случаѣ извините, что я предложилъ вамъ бѣжать со мной...

Digitized by Google

Раиса. Отчего же онъ объ насъ такъ низко думаетъ?

Анфиса. Я ему докажу, что я совсѣмъ не такихъ понятій объ жизни. (*Читаетъ*) «Конечно, очень похвально слушаться братцевъ, бабушекъ и тетушекъ...

Раиса. Анфиса, это онъ въ насмѣшку!

Анфиса. Разумѣется. (*Читаетъ*) «но зачѣмъ же губить свою молодость и отказывать себѣ въ удовольствіяхъ? Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта. Если вы сегодня не рѣшитесь, я завтра уѣзжаю на Кавказъ. Цѣлую ваши ручки. Весь вашъ...»

Раиса (*заглядывая въ письмо*). А это что?

Анфиса. А это Люди, Червь, значитъ: Лукьянъ Чебаковъ. Ну, Раиса, я пойду напишу ему отвѣтъ, а ты тутъ посиди съ Бальзаминовымъ. Ты мнѣ послѣ скажи, что онъ тебѣ будетъ говорить.

Раиса. А какъ же Бальзаминовъ выдетъ отсюда? Вѣдь его никто не видалъ, какъ онъ вошолъ?

Анфиса. Вотъ еще бѣда-то!

Раиса. Знаешь что, Анфиса: я его какъ-нибудь спроважу черезъ заборъ.

Анфиса. Ну хорошо. Отвѣтъ я съ Химкой пришлю. Прощайте, господинъ Бальзаминовъ! (*уходитъ*)

Раиса (*Бальзаминову*). Я сейчасъ къ вамъ приду (*провожаетъ Анфису*).

Бальзаминовъ. Вѣдь вотъ теперь надо въ любви открываться, а я ничего не придумалъ, никакихъ словъ не прибралъ. Эка голова! Что ты будешь дѣлать! Будь тутъ столбъ или дерево покрѣпче, — такъ бы взялъ да и разбилъ ее въ дребезги. Сваха-то давеча правду говорила, что я дуракъ. Чтожъ въ самомъ дѣлѣ? не стоять же столбомъ! На счастье буду говорить что въ голову придетъ: можетъ быть и хорошо выйдетъ. Вотъ каковы пріятели! Сколько разъ просилъ, чтобы показали, какъ въ любви объясняться — ни одинъ не показалъ. Все изъ зависти, всякій для себя бережотъ (*Раиса возвращается*). Вотъ идетъ! Вотъ, что мы будемъ дѣлать?

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

БАЛЬЗАМИНОВЪ и РАИСА

Раиса. Извините, что мы васъ заставили дожидаться!

Digitized by Google

Бальзаминовъ. Ничего-съ! Очень пріятно-съ! (*молчаніе*) Онѣ куда же пошли-съ?

Раиса. Она пошла отвѣтъ писать.

Бальзаминовъ. Онѣ скоро-съ?

Раиса. Нѣтъ, она очень долго пишетъ. Мы скоро не умѣемъ; для этого привычка нужна, а мы кромѣ писемъ ничего не пишемъ.

Бальзаминовъ. Я тепереча все скучаю-съ.

Раиса. И мы тоже скучаемъ. Такая тоска, вы не повѣрите.

Бальзаминовъ. Да вы можетъ-быть не оттого-съ.

Раиса. Оттого что все сидимъ взаперти, не видимъ никакихъ развлеченій.

Бальзаминовъ. А я отъ другого-съ.

Раиса. Отчего же вы?

Бальзаминовъ. Я даже по ночамъ не сплю-съ.

Раиса. Можетъ-быть днемъ спите?

Бальзаминовъ. Нѣтъ, совсѣмъ не оттого-съ.

Раиса. А отчего же?

Бальзаминовъ. Отъ чувствъ-съ.

Раиса. Отъ какихъ же это чувствъ?

Бальзаминовъ. Я такъ чувствую себя, что я самый несчастный человѣкъ въ жизни.

Раиса. Довольно странно это слышать отъ васъ. Мужчины вообще счастливѣй женщинъ.

Бальзаминовъ. Но не всѣ-съ.

Раиса. У женщины несчастіе заключается оттого, что она завсегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминовъ. А у мужчины несчастіе заключается отъ любви-съ.

Раиса. Значитъ, надобно такъ полагать, что вы влюблены?

Бальзаминовъ. Такъ точно-съ.

Раиса. Кто же эта женщина, которая могла васъ прельстить собою?

Бальзаминовъ. Я не смѣю вамъ этого открыть-съ.

Раиса. Отчего же?

Бальзаминовъ. Вамъ можетъ-быть будетъ противно меня слушать-съ.

Раиса. Нисколько не противно; даже совсѣмъ напротивъ.

Бальзаминовъ. Въ такомъ случаѣ-съ позвольте вамъ выразить, что эта женщина — вы самыя-съ есть-съ.

Digitized by Google

Раиса. Ахъ, скажите! Я этого никакъ не ожидала.

Бальзаминовъ. Могу я сколько-нибудь надежду имѣть-съ, или нѣтъ-съ?

Раиса. Я еще ничего не слыхала отъ васъ.

Бальзаминовъ. Для моей любви нѣтъ словъ-съ. Я бы и желалъ выразить-съ; но никакъ не могу-съ.

Раиса. Говорите хотя то, что можете сказать!

Бальзаминовъ. Одно только и могу сказать-съ, что я самъ себѣ тиранъ.

Раиса. Какое же въ этомъ тиранство?

Бальзаминовъ. Самое жестокое тиранство-съ. Ежели человѣкъ влюбленъ-съ и даже не спитъ ночи, и не знаетъ словъ-съ...

Раиса. Вы давно въ меня влюблены?

Бальзаминовъ. Въ четвергъ послѣ обѣда, на прошлой недѣлѣ.

Раиса. Такъ это недавно! Лукьянъ Лукьянычъ любитъ Анфису полтора года.

Бальзаминовъ. И я могу-съ... даже больше.

Раиса. Ну это еще неизвѣстно. Можетъ-быть вы непостоянный кавалеръ?

Бальзаминовъ. Я считаю это въ мужчинахъ за низкость-съ.

Раиса. Коли вы влюблены, отчего же вы мнѣ письма не написали? Влюбленные всегда пишутъ письма.

Бальзаминовъ. Я не смѣлъ-съ. А ежели вы такъ снисходительны, то я первымъ долгомъ почту написать вамъ даже нынѣче. А вы мнѣ напишете на отвѣтъ-съ?

Раиса. Отчего же не написать.

Бальзаминовъ. А ежели бѣжать-съ, — вы согласны будете?

Раиса. Ужь это очень скоро.

Бальзаминовъ (*становится на колѣни*). Сдѣлайте такое одолженіе-съ! Лукьянъ Лукьянычъ тоже хотятъ увезти вашу сестрицу, такъ ужь и я-съ, чтобы вмѣстѣ-съ...

Раиса. Ну хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну увидитъ кто-нибудь? Вонъ Химка бѣжитъ (*Бальзаминовъ встаетъ. Вбѣгаетъ Химка*).

Химка (*подаетъ Бальзаминову письмо*). Вотъ письмо, вотъ письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, всѣ проснулись! (*убѣгаетъ*)

Digitized by Google

Раиса. Ахъ, какъ же быть! Куда же мнѣ васъ дѣть? Черезъ дворъ теперь нельзя.

Бальзаминовъ (*оглядывается по сторонамъ и подпрыгиваетъ*). Что же я-съ? Какже я-съ? А-я-яй! А-я-яй!

Раиса. Развѣ черезъ заборъ? Вы умѣете?

Бальзаминовъ. Разъ, два, три-съ... разъ, два, три — и тамъ-съ.

Раиса. Такъ ступайте скорѣй!

Бальзаминовъ. Сейчасъ-съ (*бѣжитъ за кустъ и лѣзетъ на заборъ налѣво*).

Раиса. Не туда, не туда! Это въ чужой садъ. (*Бальзаминовъ не слушаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

(На лѣвой сторонѣ)

БѢЛОТѢЛОВА и КРАСАВИНА (выходятъ изъ бесѣдки и останавливаются на ступеняхъ).

Бѣлотѣлова. Ты говоришь, что разбойники на ходуляхъ ходятъ? Можетъ-быть это колоколъ лютъ.

Красавина. Ужь это такъ точно, повѣрь моему слову! Вотъ видишь заборъ. Такъ выше этого забора у нихъ ходули (*Бальзаминовъ показывается на заборѣ*).

Бѣлотѣлова. Ахъ! Вотъ они. (*Убѣгаетъ въ бесѣдку. Свахи отъ испуга садится на ступеньку.*)

Бальзаминовъ (*спрыгнувъ съ забора*). А-я-яй! Ой-ой-ой!

Раиса (*за заборомъ*). Что съ вами?

Бальзаминовъ. Въ крапиву-съ.

Раиса. Ну прощайте! (*уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

КРАСАВИНА и БАЛЬЗАМИНОВЪ

Красавина. Ахъ ты, батюшки мои, какъ перепугалъ окаянный! Все сердце оторвалось. Чтобъ тебѣ пусто было! (*Бальзами-*

Digitized by Google

вновь выходитъ изъ-за куста). Ишь тебя, гдѣ лукашка-то (*) носитъ!

Бальзаминовъ. Гдѣ же это я? Вотъ и ты здѣсь!

Красавина. Я-то здѣсь; ты-то какъ попалъ?

Бальзаминовъ. Я оттуда ..

Красавина. Видно хорошо приняли, да можетъ и угостили чѣмъ-нибудь? Шенпанскимъ что ли, чѣмъ ворота запираютъ! Аль собаками травили?

Бальзаминовъ. Ты меня выведи какъ-нибудь отсюда.

Красавина. Тебя-то? Скажи ты мнѣ, варваръ, что ты съ нами сдѣлалъ? Мы дамы тучныя, долго ли до грѣха! Оборвется сердце — и конецъ. Нѣтъ, мы тебѣ руки свяжемъ, да въ часть теперича.

Бальзаминовъ. Да зачто же?

Красавина. А зато, что не лазій по заборамъ! Развѣ показано по заборамъ, ворамъ дорогу указывать? Ты у меня какъ хозяйку-то испугалъ, а? Какъ? Такъ что теперь неизвѣстно, жива ли она тамъ въ бесѣдкѣ-то! Вотъ что, другъ ты мой!

Бальзаминовъ. Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человѣкъ!

Красавина. Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, какъ тебя счесть? За вора?

Бальзаминовъ. Да какой же я воръ?

Красавина. А за что за другое, — такъ тебѣ же хуже будетъ. Она честнымъ манеромъ вдовѣетъ пятый годъ, теперь замужъ идти хочетъ, и вдругъ черезъ тебя такая мараль пойдетъ. Она по всѣмъ правамъ на тебя прошеніе за свое безчестье подастъ. Что тебѣ за это будетъ? Знаешь ли ты? А ужь ты лучше, для облегченія себя, скажи, что воровать пришолъ. Я тебѣ по дружбѣ совѣтую.

Бальзаминовъ. Ахъ, Боже мой! Да какже это, страмъ какой! Акулина Гавриловна, сдѣлай милость, выпусти какъ-нибудь!

Красавина. Теперь «сдѣлай милость», а давеча такъ изъ дому гнать! Ты теперь весь въ моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то съ тобой и сдѣлаю. Захочу — прощу, захочу — подъ уголовную подведу. Засудятъ тебя и зашлютъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

(*) Уменьшительное отъ «лукавый», простонародное слово.

Digitized by Google

Бальзаминовъ. Долго ль меня напугать? я человѣкъ робкій. Ужь я тебѣ все что̀ ты хочешь, только ты не погуби меня.

Красавина (*встаетъ*). Ну вотъ что: двѣ тысячи цѣдковыхъ.

Бальзаминовъ. Гдѣ же я возьму?

Красавина. Ужь это не твое дѣло. Будутъ. Только ужь ты изъ подъ моей власти ни на шагъ. Что̀ прикажу, то и дѣлай! Какъ только хозяйка выдетъ, говори, что влюбленъ. (*Показывая на заборъ*). Тамъ тебѣ нечего взять, я вѣдь знаю; а здѣсь дѣло-то скорѣй выгоритъ, да и денегъ-то впятеро противъ тѣхъ.

Бальзаминовъ. Что же это такое? Я умру. Въ одинъ день столько перемѣнъ со мной! Это съ ума сойдешь! Я тебя золотомъ осыплю.

Красавина. Завтра приду къ тебѣ, условіе напишемъ; а теперь говори одно, что влюбленъ. (*Заглядываетъ въ бесѣдку*). Домна Евстигневна! выходи, ничего! (*Бѣлотѣлова выходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ

БАЛЬЗАМИНОВЪ, КРАСАВИНА и БѢЛОТѢЛОВА

Бѣлотѣлова. Какъ я испугалась, думала умру.

Красавина. Ты бъ выпила чего-нибудь покрѣпче! Отъ испугу это хорошо.

Бѣлотѣлова. Я выпила.

Красавина. Ну и ничего, и пройдетъ. Ты не бойся, это знакомый, онъ по ошибкѣ. (*Беретъ Бальзаминова за руку и хочетъ подвести къ Бѣлотѣловой.*)

Бальзаминовъ (*тихо*). Ужь оченно онѣ полны.

Красавина. Ты еще разговаривать сталъ! (*Подводитъ*) Вотъ тебѣ Михайло Дмитричъ Бальзаминовъ. (*Бальзаминову*) Цѣлуй ручку! (*Бальзаминовъ цѣлуетъ*)

Бѣлотѣлова. Зачѣмъ же вы?

Бальзаминовъ. Влюбленъ-съ.

Красавина. Ну да, влюбленъ. Такъ точно. Это онъ вѣрно говоритъ. Вотъ и потолкуйте, а я по саду погуляю (*уходитъ за кусты*).

Бѣлотѣлова. Лучше сядемте. (*Садятся на скамейку*). Какъ же это вы?

Digitized by Google

Бальзаминовъ. Черезъ заборъ-съ.

Бѣлотѣлова. Отчего черезъ заборъ?

Бальзаминовъ. Отъ любви-съ. Вы не сердитесь на меня-съ?

Бѣлотѣлова. Нѣтъ, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что дѣлаете?

Бальзаминовъ. Я? ничего-съ.

Бѣлотѣлова. И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не дѣлать, а вмѣстѣ веселѣе.

Бальзаминовъ. Какъ же можно-съ, гораздо веселѣе!

Бѣлотѣлова (*кладетъ руку на плечо Бальзаминову*). Вы хотите вмѣстѣ?

Бальзаминовъ. Даже за счастіе почту-съ.

Бѣлотѣлова. Я очень добрая, я всему вѣрю; такъ ужь вы меня не обманите.

Бальзаминовъ. Какъ же это можно-съ! Я за низкость считаю обманывать.

Бѣлотѣлова. Ну хорошо! Вы меня любите, и я васъ буду...

Бальзаминовъ. Покорнѣйше благодарю-съ. Пожалуйте ручку поцѣловать!

Бѣлотѣлова. Нате! (*даетъ руку*) А то подвиньтесь поближе: я васъ такъ...

(**Бальзаминовъ подвигается, она его цѣлуетъ. Свата выходитъ изъ-за кустовъ.**)

Красавина. Ну вотъ и прекрасно! Значитъ и дѣлу конецъ!

Бѣлотѣлова (*встаетъ*). Пойдемте въ бесѣдку.

Бальзаминовъ (*Красавиной*). Мнѣ бы домой-съ.

Красавина. Мы лучше его отпустимъ. Ты ступай! Поцѣлуй ручку и ступай! Такъ прямо, изъ калитки въ ворота, никто тебя не тронетъ.

Бальзаминовъ (*цѣлуетъ руку у Бѣлотѣловой*). Прощайте-съ.

Бѣлотѣлова. До свиданья.

Красавина. До завтра, до завтра. (*Бальзаминовъ уходитъ*) А мы вотъ съ тобой потолкуемъ. Ну какъ тебѣ?

Бѣлотѣлова. Онъ мнѣ понравился. Ты мнѣ его!

Красавина. Ну а его, такъ его. Все это въ нашихъ рукахъ: Вотъ у насъ теперь и пированье пойдетъ, — дымъ коромысломъ. А тамъ и вовсе свадьба.

Digitized by Google

Бѣлотѣлова. Свадьба долго; а онъ чтобъ и прежде каждый день... ко мнѣ.

Красавина. Стоитъ объ этомъ толковать. Чтожъ ему дѣлать-то! Такъ же бѣгаетъ. А ужь теперь пущай тутъ съ утра до ночи.

Бѣлотѣлова (*смѣется*). Вотъ мнѣ теперь гораздо веселѣй.

Красавина (*смѣется*). Ахъ ты, красавица моя писаная! Ишь ты развеселилась! Вотъ я тебя чѣмъ утѣшила. Еще ты погоди, какое у насъ веселье будетъ! (*Смѣются обѣ*). Пойдемъ въ бесѣдку, я тебя проздравлю какъ слѣдуетъ.

(Уходятъ.)

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА

БАЛЬЗАМИНОВА.
БАЛЬЗАМИНОВЪ.
ЧЕБАКОВЪ.
КРАСАВИНА.
МАТРЕНА.

Комната у Бальзаминовыхъ та же, что въ первой картинѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова (*одна*). Ахъ, какъ я долго проспала! Ужь смеркается. Въ головѣ такъ тяжело, и сны все такіе снились страшные. Все Мишу воснѣ видѣла. Ужь разумѣется о чемъ думаешь, то и воснѣ видишь. Гдѣ-то онъ теперь? А что-нибудь либо дѣлается съ нимъ, либо сдѣлается необыкновенное. Сна-то никакъ не распутаю; ужь очень много видѣла-то я. Чего-чего не было! Я отроду такихъ сновъ не видала. Вотъ кабы умнаго человѣка найти, сейчасъ бы и посовѣтовалась, а одной не разобрать. Вотъ развѣ какъ вдвоемъ съ Матреной не разберемъ ли. Умъ хорошо, говорятъ, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсѣмъ; пожалуй-что въ снахъ-то понятія-то большого не имѣетъ. Вѣдь про-

Digitized by Google

стой человѣкъ спитъ крѣпко, а если что и видитъ, такъ ему все равно, у него на это понятія нѣтъ. Матрена!

(Входитъ Матрена).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ

БАЛЬЗАМИНОВА и МАТРЕНА

Бальзаминова. Ты, Матрена, умѣешь сны разбирать?

Матрена. Да что ихъ разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова. Конечно не всякій сонъ къ чему-нибудь; бываютъ сны и пустые, такъ, къ погодѣ. А вотъ ты замѣть, коли чему быть, такъ непремѣнно прежде сонъ увидишь.

Матрена. Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова. Разные перевороты могутъ быть съ человѣкомъ: одинъ изъ богатства въ бѣдность приходитъ, а другой изъ бѣдности въ богатство.

Матрена. Не видать что-то этихъ переворотовъ-то: богатый богатымъ такъ и живетъ, а бѣдный, какъ ни переворачивай его, все бѣдный.

Бальзаминова. Какъ ты глупо разсуждаешь! Развѣ не бываетъ, что на дорогѣ находятъ значительныя суммы? Ну вотъ Миша жениться можетъ на богатой: вотъ богатъ и будетъ.

Матрена. Оно точно, что говорить! Чѣмъ чортъ не шутитъ! Только ужь на рѣдкость это дѣло будетъ, какъ нашъ да на богатой женится!

Бальзаминова. Разумѣется на рѣдкость. А все-таки можетъ случиться; такія ли еще дѣла бываютъ.

Матрена. Что говорить! Всяко случается. На грѣхъ-то, говорятъ, и изъ палки выстрѣлишь.

Бальзаминова. Ну вотъ видишь ли! Значитъ, чтожъ мудренаго, что Миша женится на богатой? Вотъ въ этакомъ-то случаѣ сонъ-то и много значитъ, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой ужь я, Матрена, сонъ видѣла, такой странный, что и не знаю чему приписать! Вижу: будто я на гуляньи что ли, только народу, народу, видимо-невидимо...

Матрена. Это къ снѣгу говорятъ.

Digitized by Google

Бальзаминова. Къ какому же снѣгу! Что ты, въ умѣ ли! Въ августѣ-то мѣсяцѣ!

Матрена. Ну такъ къ дождю.

Бальзаминова. Да и не къ дождю.

Матрена. Ну а коли не къ дождю, ужь я болыше не умѣю сказать, къ чему это.

Бальзаминова. Не умѣешь, такъ и молчи; а то ты только перебиваешь. Я ужь и такъ половину перезабыла; ужь очень много со мной во снѣ приключеніевъ-то было. Только тутъ ли, послѣ ли, вдругъ я вижу корабль. Или нѣтъ, корабль послѣ.

Матрена. Уплыветъ что-нибудь.

Бальзаминова. Погоди! Сначала я вижу мостъ, и на мосту сидятъ все бабы съ грибами и съ ягодами...

Матрена. Мостъ — это съ квартиры съѣзжать на другую.

Бальзаминова. Постой! не перебивай ты меня! Только за мостомъ — вотъ чудеса-то! — будто Китай. И Китай этотъ не земля, не городъ, а будто домъ такой хорошій и написано на немъ: «Китай» Только изъ этого Китая выходятъ не китайцы и не китайки, а выходитъ Миша и говоритъ: «Маменька, подите сюда, въ Китай!» Вотъ будто я сбираюсь къ нему идти, а народъ сзади меня кричитъ: «не ходи къ нему, онъ обманываетъ: Китай не тамъ, Китай на нашей сторонѣ». Я обернулась назадъ, вижу, что Китай на нашей сторонѣ, точно такой же, да еще не одинъ. А Миша будто такой веселый, пляшетъ и поетъ: «я поѣду во Китай-городъ гулять!»

Матрена. Ну ужь это, вотъ рѣжь ты меня сейчасъ на части,— низачто не пойму, къ чему приписать.

Бальзаминова. Гдѣ тутъ понять! Да это что! Много я еще чудесъ-то видѣла; и все-то Миша въ глазахъ, все-то Миша.

Матрена. Все сокрушаешься объ немъ, объ его маломъ разумѣ, вотъ и видишь.

Бальзаминова. То онъ пляшетъ, то догоняетъ кого-то, то за нимъ кто-то гонится. То пропадетъ куда-то, то вдругъ явится.

Матрена. Да это и на яву все такъ же: то пропадетъ, то явится. Вотъ давеча пропалъ, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его въ судѣ за дѣло за какое присадили, поменьше бы слонялся, слоны-то продавалъ.

Бальзаминова. Какое ужь ему дѣло давать, по его ли разуму?

Матрена. Да вотъ онъ, напоминѣ-то легокъ.

(Входитъ Бальзаминовъ).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ

ТѢЖЕ и БАЛЬЗАМИНОВЪ

Бальзаминовъ (*садится*). Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова. Значитъ, благополучно?

Бальзаминовъ. Еще какъ благополучно-то! Такъ, маменька, что я думаю, что не переживу отъ радости. Теперь, маменька, и дрожки бѣговыя, и лошадь сѣрая, и все... Ухъ, усталъ!

Бальзаминова. А какой я безъ тебя сонъ видѣла!

Бальзаминовъ. Что́ сонъ! Со мной на яву то было, что́ никому ни въ жизнь не приснится. У своей былъ... и у той былъ, что́ сваха-то говорила, у Бѣлотѣловой, я фамилію на воротахъ прочелъ, какъ выходилъ оттуда; а туда черезъ заборъ...

Матрена. Ишь ты, нелегкая-то тебя носитъ!

Бальзаминовъ. Молчи ты! Ты еще не знаешь, съ кѣмъ ты теперь говоришь! Маменька, вотъ онѣ, мечты-то мои! Анъ вотъ правда выходитъ. Ухъ, духъ не переведу!

Бальзаминова. Что́, богато она живетъ?

Бальзаминовъ. Богато. Домъ, лошади, садъ, деньги, все...

Бальзаминова. Значитъ правду сваха-то говорила, что денегъ счету нѣтъ?

Бальзаминовъ. Правду.

Бальзаминова. Ну чтожъ ты?

Бальзаминовъ. Женюсь.

Бальзаминова. На комъ?

Бальзаминовъ. На обѣихъ.

Матрена. Что ты, татаринъ что ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, такъ ужъ себя не помнишь! Говоришь такія слова, что ниначто не похоже.

Бальзаминовъ. Погодите, постойте! А то я помѣшаюсь въ мысляхъ. Этакое счастье, и вдругъ, въ одинъ день...

Матрена. Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ!

Бальзаминовъ. Да замолчи ты! Я, маменька, себѣ человѣка найму, камердинера; а Матрешу прочь .. за грубость.

Digitized by Google

Матрена. И давно бы ты нанялъ. (*Уходитъ*)

Бальзаминова. Ну а эта, какъ ее, Пѣженова что ли? У нея сколько?

Бальзаминовъ. Полтораста тысячъ.

Бальзаминова. У этой много поменьше, чѣмъ у той.

Бальзаминовъ. За то эта, маменька, помоложе, а та постарше, — ну такъ у ней побольше.

Бальзаминова. И согласна она за тебя замужъ идти, Пѣженова-то?

Бальзаминовъ. Обѣ согласны. Только одна, чтобъ увезти; а другая такъ дома. Не отдохну никакъ.

Бальзаминова. Ну какъ же ты?

Бальзаминовъ. Погодите, маменька, погодите! Вотъ онъ садъ-то я нынѣче воснѣ-то видѣлъ! Я въ двухъ садахъ былъ.

Бальзаминова. А я, Миша, Китай видѣла. Ужь не знаю къ чему?

Бальзаминовъ. У Бѣлотѣловой лавка въ китай-городѣ, вотъ и весь вашъ сонъ.

Бальзаминова. И то правда.

Бальзаминовъ (*быстро встаетъ*). Чтоже это такое! Боже мой! Представьте, маменька...

Бальзаминова. Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминовъ. Ахъ, маменька, не мѣшайте! Представьте, маменька, я бѣдный молодой человѣкъ, хожу себѣ по улицѣ, и вдругъ чтоже? И вдругъ теперь поѣду въ коляскѣ! И знаете, что мнѣ въ голову пришло? Можетъ-быть за Пѣженовой садъ отдадутъ въ приданое: тогда можно будетъ заборъ-то разгородить, сады-то у нихъ рядомъ, и сдѣлать одинъ садъ. Разныхъ бесѣдокъ и алей...

Бальзаминова. Да ты никакъ въ самомъ дѣлѣ на обѣихъ хочешь жениться?

Бальзаминовъ. Вотъ вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Чтожъ такое! я этимъ никому вреда не дѣлаю. Коли нельзя жениться на обѣихъ, я бы хоть помечталъ по крайней мѣрѣ, а вы меня разстроили.

Бальзаминова. Ну мечтай, Богъ съ тобой!

Бальзаминовъ (*задумывается. Молчаніе*). Нѣтъ, маменька, самъ чувствую, что начинаетъ все путаться въ головѣ, такъ даже страшно дѣлается. Плановъ-то много, а обдумать не могу. Сейчасъ я думалъ объ домѣ, ну и представился мнѣ въ умѣ домъ, большой,

Digitized by Google

каменный, и львы на воротахъ; только левъ будто и разѣваетъ ротъ, каменный-то, да и залаялъ, а я объ этомъ и думать не хотѣлъ, обо львѣ-то. Хочу его изъ головы-то выкинуть, никакъ нейдетъ. А отчего это? Оттого что я не привыкъ думать, какъ богатые люди думаютъ; все думалъ такъ, какъ бѣдные думаютъ; вотъ оно теперь богатство-то въ головѣ и не помѣщается. А вотъ привыкну, такъ ничего.

Бальзаминова. Что́ мудренаго, что не помѣщается! Этакая пропасть! Иной разъ и о пустякахъ думаешь, да умъ за разумъ заходитъ; а тутъ, съ такими деньгами, — просто бѣда!

Бальзаминовъ (*задумавшись*). Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будетъ тамъ и голубей держать...

Бальзаминова. Оставь, Миша! Не думай, хуже будетъ!

Бальзаминовъ. Само думается, маменька. Правду говорятъ, маменька, что съ состояніемъ-то много заботы бываетъ.

Бальзаминова. А ты давай-ка лучше поговоримъ объ чемъ-нибудь другомъ! А то сохрани Господи, долго ли до грѣха, пожалуй совсѣмъ свихнешься.

Бальзаминовъ. Извольте, маменька! Другой бы сынъ, получивши такое богатство-то, съ матерью и говорить не захотѣлъ; а я, маменька, съ вами объ чемъ угодно, я гордости не имѣю противъ васъ. Нужды нѣтъ, что я богатъ, а я къ вамъ съ почтеніемъ. И пусть всѣ это знаютъ. Съ другими я разговаривать не стану, а съ вами завсегда. Вотъ я какой! (*садится*)

Бальзаминова. Еще бы! А которая лучше лицомъ-то изъ нихъ?

Бальзаминовъ. Мнѣ, маменька, всѣ богатыя невѣсты красавицами кажутся; я ужь тутъ лица никакъ не разберу.

Бальзаминова. Чтоже ты мнѣ не разскажешь, какъ у васъ дѣло-то было?

Бальзаминовъ. До того ли мнѣ, маменька, помилуйте! Вотъ Красавина придетъ, разскажетъ. (*Задумывается*) У меня теперь въ головѣ, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежа, чтобы къ лицу.

Бальзаминова. Брось, Миша, брось, не думай! Право я боюсь, что ты съ ума сойдешь. Да чтоже это мы въ потемкахъ-то сидимъ! Ишь какъ смерклось. Пойду велю огня зажечь.

Digitized by Google

Бальзаминовъ. Погодите, маменька! Не нужно огня, въ потемкахъ лучше.

Бальзаминова. Ну что хорошаго въ потьмахъ сидѣть?

Бальзаминовъ. Въ потьмахъ, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огнѣ, только надобно зажмуриться, а въ потемкахъ можно и такъ, съ открытыми глазами. Я теперь могу себя представить какъ угодно. И въ залѣ могу себя представить въ отличной, и въ каретѣ, и въ саду; а принесите вы свѣчку, — я сейчасъ увижу, что я въ самой бѣдной комнатѣ, мебель скверная, ну и все пропало. Да и на себя-то взгляну, — совсѣмъ не тотъ, какой я въ мечтахъ-то.

Бальзаминова. Какой же ты?

Бальзаминовъ. Въ мечтахъ я себя представляю, маменька, что я высокаго роста, полный и брюнетъ.

Бальзаминова. Разумѣется лучше.

Бальзаминовъ. Вотъ смотрите, маменька; вотъ я вамъ буду сказывать, что мнѣ представляется. Вотъ будто я сижу въ залѣ у окошка, въ бархатномъ халатѣ; вдругъ подходитъ жена...

Бальзаминова. Ну а потомъ чтожъ?

Бальзаминовъ. «Поѣдемъ, говоритъ, душенька на гулянье!»

Бальзаминова. Отчегожъ не ѣхать, коли погода хорошая?

Бальзаминовъ. Отличная, маменька, погода. Я говорю: «поди, душенька, одѣваться, и я сейчасъ одѣнусь».—Человѣкъ!—Приходитъ человѣкъ. «Одѣваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащъ на бархатной подкладкѣ!» Вотъ не нравится мнѣ, маменька, у него улыбка-то какая противная. Какъ точно онъ смѣется надо мной.

Бальзаминова. Ужь съ этимъ народомъ бѣда!

Бальзаминовъ. Вотъ и грубитъ. Ну я этого прогоню, я себѣ другого возьму (*что-то шепчетъ про себя*).

Бальзаминова. Чтожъ ты замолчалъ?

Бальзаминовъ. Это мы, маменька, съ женой разговариваемъ и цѣлуемся. Вотъ, маменька, садимся мы съ женой въ коляску, я взялъ съ собой денегъ пятьдесятъ тысячъ.

Бальзаминова. Зачѣмъ такъ много?

Бальзаминовъ. Какъ знать, можетъ-быть понадобятся!

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставилъ.

Бальзаминовъ. Еще украдутъ, пожалуй. Вотъ ѣдемъ мы дорогой, всѣ намъ кланяются. Пріѣзжаемъ въ эрмитажъ, и тамъ всѣ кланяются; я держу себя гордо. (*Въ испугѣ вскакиваетъ и ходитъ*

Digitized by Google

въ волненіи). Вотъ гадость-то! Вѣдь деньги-то у меня, пятьдесятъ-то тысячъ, которыя я взялъ, пропали.

Бальзаминова. Какъ пропали?

Бальзаминовъ. Такъ и пропали. Должно быть вытащилъ кто-нибудь.

Бальзаминова. А ты не бери съ собой!

Бальзаминовъ. Въ самомъ дѣлѣ не возьму. Все равно и дома украдутъ. Кудажъ бы ихъ дѣть? Въ саду спрятать, въ бесѣдкѣ подъ диванъ? Найдутъ. Отдать кому-нибудь на сбереженіе, пока мы на гулянье-то ѣздимъ? пожалуй зажилитъ, — не отдастъ послѣ. Нѣтъ, лучше объ деньгахъ не думать, а то безпокойно очень; объ чемъ ни задумаешь, все онѣ мѣшаютъ. Такъ я безъ денегъ будто гуляю.

Бальзаминова. Гораздо покойнѣе.

Бальзаминовъ. Вотъ, маменька, выхожу я изъ сада, жандармъ кричитъ: «коляску Бальзаминова!» (*Входитъ Чебаковъ*). А я будто, маменька, генералъ...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ТѢЖЕ и ЧЕБАКОВЪ

Чебаковъ. Послушайте, Бальзаминовъ, это вы-то генералъ?

Бальзаминова. Ахъ, батюшка, извините! Мы и не видали, какъ вы вошли.

Бальзаминовъ. Ахъ, я и не зналъ, что вы здѣсь-съ. Я такъ, по домашнему, съ маменькой-съ... а то я при васъ бы не сталъ такихъ глупостей говорить-съ! Впрочемъ чтожъ такое, въ сумеркахъ отчего же и не заняться иногда, не помечтать-съ?

Чебаковъ. Ужь вы бы лучше объ чемъ-нибудь другомъ, а не объ генеральствѣ.

Бальзаминовъ. Нѣтъ, отчего же въ сумеркахъ-съ...

Чебаковъ. Да и въ сумеркахъ нельзя. Нѣтъ, вы бросьте это занятіе!

Бальзаминова. Чтоже это мы въ потемкахъ-то сидимъ! Извините, батюшка! я сейчасъ пойду, огня принесу.

Чебаковъ. Послушайте, не безпокойтесь, мы и такъ другъ друга знаемъ.

Бальзаминова. Все-таки лучше, пристойнѣе (*уходитъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

БАЛЬЗАМИНОВЪ и ЧЕБАКОВЪ

Чебаковъ. Послушайте, ваше превосходительство, намъ надо будетъ отправиться.

Бальзаминовъ. Куда же-съ?

Чебаковъ. Все туда же. Насъ тамъ ждутъ.

Бальзаминовъ. Зачѣмъ же это онѣ насъ ждутъ-съ? Вѣдь я вамъ письмо принесъ; а завтра можно опять-съ.

Чебаковъ. Вотъ въ письмѣ-то и написано, чтобъ мы приходили сегодня.

Бальзаминовъ. И я-съ?

Чебаковъ. И вы.

Бальзаминовъ. Что же мы тамъ дѣлать будемъ-съ?

Чебаковъ. Вамъ хочется знать? Ну ужь этого я вамъ не скажу. Вотъ пойдемте, такъ сами увидите.

Бальзаминовъ. А я-то чтожъ буду дѣлать-съ? Вѣдь ужь я теперь въ любви объяснился, ужь послѣ этого что мнѣ дѣлать, я не знаю-съ.

Чебаковъ. Я васъ научу.

Бальзаминовъ. Вотъ вы давеча говорили — увезти; а я васъ, Лукьянъ Лукьянычъ, и забылъ спросить, куда же это ихъ увозятъ-съ?

Чебаковъ. Куда хотите.

Бальзаминовъ. А на чемъ же я увезу-съ?

Чебаковъ. Послушайте, я васъ этому всему научу, только пойдемте.

Бальзаминовъ. Я сейчасъ-съ (*беретъ фуражку*).

(Входитъ Бальзаминова).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

ТѢЖЕ и БАЛЬЗАМИНОВА

Бальзаминова. Куда же это ты, Миша?

Бальзаминовъ. Къ Пѣженовымъ-съ.

Digitized by Google

Бальзаминова. Развѣ ужь ты рѣшился?

Бальзаминовъ. Нѣтъ, маменька, какъ можно рѣшиться! Да вотъ Лукьянъ Лукьянычъ говоритъ, что надо идти.

Чебаковъ. Послушайте, разумѣется надо.

Бальзаминовъ. Вотъ видите, маменька! А рѣшиться, я не рѣшился-съ. Потому, извольте разсудить, маменька, дѣло-то какое выходитъ: ежели я рѣшусь жениться на одной-съ, вѣдь я другую долженъ упустить. На которой ни рѣшись — все другую долженъ упустить. А вѣдь это какая жалость-то! Отказаться отъ невѣсты съ такимъ состояніемъ! Да еще самому отказаться-то.

Чебаковъ. Послушайте, вы скоро?

Бальзаминовъ. Сейчасъ-съ.

Бальзаминова. Такъ зачѣмъ же ты идешь?

Бальзаминовъ. Ну ужь, маменька, что̀ будетъ, то будетъ, а мнѣ отъ своего счастія бѣгать нельзя. Все сдѣлано отлично, такъ чтобъ теперь не испортить. Прощайте.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ

БАЛЬЗАМИНОВА и потомъ МАТРЕНА

Бальзаминова. Такія мудреныя дѣла дѣлаются, что и нераберешь ничего! Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Такъ нужно, такъ нужно, что кажется готова послѣднее отдать, только бы поговорить съ ней. Что̀ безъ ворожеи сдѣлаешь? И будешь ходить какъ въ потьмахъ. Почемъ мы знаемъ съ Мишей, которую теперь невѣсту выбрать? Почемъ мы знаемъ, гдѣ Мишу счастье ожидаетъ въ будущемъ? Съ одной можетъ-быть счастье, а съ другой — несчастье; опять же и домъ: иной счастливъ, а другой нѣтъ; въ одномъ все ко двору, а въ другомъ ничего не держится. А какой — намъ неизвѣстно. Какъ же это такъ наобумъ рѣшиться! Солидные-то люди, которые себѣ добра-то желаютъ, за всякой малостью ѣздятъ къ Ивану Яковличу, въ сумашедшій домъ, спрашиваться; а мы такое важное дѣло да безъ совѣта сдѣлаемъ! Ужь что̀ не порядокъ, такъ не порядокъ. Нѣтъ ли тутъ поблизости хоть какой-нибудь лешовинькой? Она хоть и не такъ явственно скажетъ, какъ дорогая ворожея, а все-таки что-нибудь понять можно будетъ. Матрена!

Digitized by Google

(*входитъ Матрена*). Нѣтъ ли у насъ тутъ гдѣ, недалеко, ворожеи какой-нибудь?

Матрена. Какой ворожеи?

Бальзаминова. Гадалки какой-нибудь?

Матрена. Вамъ про что спрашивать-то?

Бальзаминова. Объ жизни, объ счастьѣ, обо всемъ.

Матрена. Такихъ нѣтъ здѣсь.

Бальзаминова. А какія же есть?

Матрена. Вотъ тутъ есть одна: объ пропажѣ гадаетъ. Коли что пропадетъ у кого, такъ сказываетъ. Да и то по именамъ не называетъ, а больше все обинякомъ. Спросятъ у нея: «кто, молъ, укралъ?» А она поворожитъ да и скажетъ: «думай, говоритъ, на чернаго, или на рябого.» Больше отъ нея и словъ нѣтъ. Да и то, говорятъ, отъ старости что ли, все вретъ больше.

Бальзаминова. Ну, мнѣ такой не надо.

Матрена. А другой негдѣ взять.

Бальзаминова. Вотъ какая у насъ сторона! Ужь самаго необходимаго, и то не скоро найдешь! На картахъ кто не гадаетъ ли, не слыхала ль ты?

Матрена. Есть тутъ одна, гадаетъ, да ее тепереча увезли.

Бальзаминова. Куда увезли?

Матрена. Гадать увезли, далеко, верстъ за шестьдесятъ, говорятъ. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывалъ, который пріѣзжалъ-то, что барыня эта разстроилась съ бариномъ.

Бальзаминова. Съ мужемъ?

Матрена. Нѣтъ, оно выходитъ, что не съ мужемъ, а такъ у ней, посторонній. Такъ повезли гадать, когда помирятся. А больше тутъ никакихъ нѣтъ.

Бальзаминова. Ты не знаешь, а то чай какъ не быть. Такая ты незанимательная женщина, ни къ чему у тебя любопытства нѣтъ.

Матрена. А начто мнѣ? Мнѣ ворожить не объ чемъ: горъ золотыхъ я ни откуда не ожидаю. И безъ ворожбы какъ-нибудь вѣкъ-то проживу.

Бальзаминова. Загадаю сама, какъ умѣю (*Достаетъ карты и гадаетъ*). Вотъ что, Матрена: теперь гляди сваха зайдетъ, такъ поставь-ко закусочки какой-нибудь въ шкапъ. (*Матрена приноситъ закуску и уходитъ. Входитъ Бальзаминовъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ

ТѢЖЕ и БАЛЬЗАМИНОВЪ

Бальзаминова. Что́ ты такъ скоро?

Бальзаминовъ (*садится*). Кончено, маменька! Такимъ дуракомъ меня поставили, что легче бы кажется сквозь землю провалиться.

Бальзаминова. Да какимъ же это манеромъ? Разскажи ты мнѣ.

Бальзаминовъ. Очень просто. Приходимъ мы съ Лукьянъ Лукьянычемъ къ ихнему саду, гляжу — ужь и коляска тутъ стоитъ. Только Лукьянъ Лукьянычъ и говоритъ мнѣ: «ну, господинъ Бальзаминовъ, теперь наше дѣло къ концу подходитъ». — Такъ у меня мурашки по сердцу и пошли. — «Давайте, говоритъ, теперь за работу, заборъ разбирать.» Такъ я маменька, старался, даже вспотѣлъ. Вотъ мы три доски сняли, а тѣ ужь тутъ дожидаются. Вотъ онъ старшую, Анфису, беретъ за руку: «садитесь, говоритъ, въ коляску.» Потомъ, маменька, начинаютъ всѣ цѣловаться: то сестры промежду себя поцѣлуются, то онъ, и ту поцѣлуетъ, и другую. Что́ мнѣ тутъ дѣлать, маменька, сами посудите? Какъ будто мнѣ и неловко, и точно какъ завидно, и словно что́ за сердце сосетъ... ужь я не знаю какъ вамъ сказать. Я сейчасъ въ ревность.

Бальзаминова. Ты это нарочно?

Бальзаминовъ. Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать противъ нихъ. Я, маменька, хотѣлъ показать Раисѣ-то, что я въ нее влюбленъ. Я и говорю Лукьянъ Лукьянычу: «какое вы имѣете право цѣловать Раису Панфиловну?» Они какъ захохочутъ всѣ. Я, маменька, не обращаю на это вниманія и говорю Раисѣ Панфиловнѣ: «когда же, говорю, мы съ вами бѣжать будемъ?» А она, маменька, вообразите, говоритъ мнѣ: «съ чего вы это выдумали?» А сама цѣлуется съ сестрой и плачетъ. Потомъ Лукьянъ Лукьянычъ сѣли въ коляску съ Анфисой и уѣхали. А Раиса, маменька, прямехонько мнѣ такъ и отпечатала: «подите вы отъ меня прочь, вы мнѣ надоѣли до смерти», да подобравши свой кринолинъ, бѣгомъ домой. Чтожъ мнѣ дѣлать? я и воротился.

Бальзаминова. Это оттого, Миша, что ты все отъ меня

Digitized by Google

скрываешь, никогда со мной не посовѣтуешься. Разскажи ты мнѣ, какъ у васъ это дѣло было съ самаго начала.

Бальзаминовъ. Порядокъ, маменька, обыкновенный. Узналъ я, что въ домѣ есть богатыя невѣсты, и началъ ходить мимо. Онѣ смотрятъ да улыбаются, а я изъ себя влюбленнаго представляю. Только одинъ разъ мы встрѣчаемся съ Лукьянъ Лукьянычемъ (я еще его не зналъ тогда), онъ и говоритъ: «за кѣмъ вы здѣсь волочитесь?» Я говорю: «я за старшей.» А и сказалъ-то такъ, наобумъ. Влюбитесь, говоритъ, въ младшую, лучше будетъ. Чтожъ, маменька, развѣ мнѣ не все равно?

Бальзаминова. Разумѣется!

Бальзаминовъ. Я и влюбился въ младшую. «Я, говоритъ, вамъ помогать буду, потомъ мы ихъ вмѣстѣ увезёмъ». Я на него понадѣялся, а вотъ что вышло! Вотъ, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминова. Какъ же ты, Миша, не подумалъ, куда ты увезешь невѣсту и на чемъ? Вѣдь для этого деньги нужны.

Бальзаминовъ. Я, маменька, на Лукьянъ Лукьяныча надѣялся.

Бальзаминова. Очень ему нужно путаться въ чужія дѣла! Всякій самъ о себѣ хлопочетъ.

Бальзаминовъ. А впрочемъ, маменька, коли правду сказать, я точно въ туманѣ былъ; мнѣ все казалось, что коли она меня полюбитъ и согласится бѣжать со мной, вдругъ сама собой явится коляска; я ее привезу въ домъ къ намъ...

Бальзаминова. На эту квартиру-то?

Бальзаминовъ. Вы не повѣрите, маменька, какъ бывало начну думать, что увожу ее, такъ мнѣ и представляется, что у насъ домъ свой, каменный, на Твер[illegible]ской.

Бальзаминова. Жаль мнѣ тебя, Миша! Совсѣмъ еще ты дитя глупое.

Бальзаминовъ. Ужь очень мнѣ, маменька, разбогатѣть-то хочется.

Бальзаминова. Ничего-то ты въ жизни не сдѣлаешь!

Бальзаминовъ. Отчего же, маменька?

Бальзаминова. Оттого что не умѣешь ты ни за какое дѣло взяться. Все у тебя выходитъ не такъ, какъ у людей.

Бальзаминовъ. Нѣтъ, маменька, не оттого что умѣнья нѣтъ, а оттого что счастья нѣтъ мнѣ ни въ чемъ. Будь счастье,

Digitized by Google

такъ все бы было, — и коляска, и деньги. И съ другой невѣстой тоже будетъ, вотъ посмотрите. Придетъ сваха, да такую вѣсточку скажетъ, что на ногахъ не устоишь. (*Красавина входитъ*) Да вотъ она! Вотъ она! (*Бальзаминовъ и Бальзаминова встаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ

ТѢЖЕ и КРАСАВИНА

Бальзаминова. Чѣмъ, матушка, обрадуете? Мы тутъ безъ васъ завяли совсѣмъ.

Бальзаминовъ (*Красавиной*). Погоди, не говори! я зажмурюсь, все легче будетъ.

Красавина. Охъ, далеко я ѣхала, насилу доѣхала (*садится*).

Бальзаминова. Откуда-жъ это, матушка?

Красавина. Отсюда не видать.

Бальзаминовъ. Погодите, маменька, погодите!

Красавина. Ѣхала селами, городами, темными лѣсами, частыми кустами, быстрыми рѣками, крутыми берегами; горлышко пересохло, языкъ призамялся.

Бальзаминовъ. Хлопочите, маменька! Хлопочите скорѣй! (*Бальзаминова достаетъ изъ шкапа водку и закуску, и ставитъ на столъ*). Вотъ пей, да и говори, ужь что-нибудь одно.

Бальзаминова (*наливаетъ рюмку*). Кушайте на здоровье!

Красавина. Выпью, куда торопиться-то.

Бальзаминовъ. Ну, ну, поскорѣе! А то я умру сейчасъ, ужь у меня подъ сердце начинаетъ подступать.

Красавина. Ишь ты какой скорый! Куда намъ торопиться-то! Надъ нами не каплетъ.

Бальзаминовъ. Чтожъ она не говоритъ! Маменька, что она не говоритъ? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! (*садится*).

Красавина. Не умрешь! А и умрешь, такъ и опять встанешь (*беретъ рюмку*). Ну, честь имѣю поздравить! (*пьетъ*)

Бальзаминова. Съ чѣмъ, матушка, съ чѣмъ?

Красавина. Какъ съ чѣмъ! А вотъ стрѣлецъ-то твой подстрѣлилъ лебедь бѣлую.

Digitized by Google

Бальзаминова. Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминовъ. Говорите что́ хотите! я умеръ.

Красавина. Много онъ маху давалъ, а теперь попалъ, — подъ самое подъ правое крылушко.

Бальзаминова. Въ послѣднее-то время, знаете ли, много съ нами такихъ несчастныхъ оборотовъ было, такъ ужь мы стали очень сумнительны.

Красавина. Да что́ тутъ сумлѣваться-то! Хоть завтра же свадьба! Такъ онъ ей понравился, что говоритъ: «сейчасъ подавай его сюда!» Ну сейчасъ, говорю, нехорошо, а завтра я тебѣ его предоставлю. «А чтобъ онъ не сумлѣвался, такъ вотъ снеси ему, говоритъ, часы золотые!» Вотъ они! Отличные, послѣ мужа остались. Ну что, ожилъ теперь?

Бальзаминовъ (*вскакиваетъ*). Ожилъ! ожилъ! Давай ихъ сюда! (*Беретъ часы*) Чтожъ это, маменька, я васъ спрашиваю?

Бальзаминова. Это тебѣ за долгое твое терпѣніе счастье выходитъ.

Красавина. А ты помнишь нашъ уговоръ? Ты на радостяхъ-то не забудь!

Бальзаминовъ. Ты просила двѣ?

Красавина. Двѣ.

Бальзаминовъ. Ну такъ вотъ ты знай же, какой я человѣкъ! Маменька, смотрите, какой я человѣкъ! Я тебѣ еще пятьдесятъ рублей прибавлю.

Красавина. Ишь ты расщедрился! Ну да ужь нечего съ тобой дѣлать, и то деньги.

Бальзаминовъ. Маменька, ужь вы теперь смотрите за мной, какъ бы со мной чего не сдѣлалось. Батюшки мои! батюшки мои! (*Прыгаетъ отъ радости*). Я теперь точно новый человѣкъ сталъ. Маменька, я теперь не Бальзаминовъ, я кто-нибудь другой!

Красавина. Давай пляску сочинимъ на радости!

Бальзаминовъ. Давай! А вы, маменька, говорили, что я сдѣлать ничего не умѣю! А ты говорила, что я дуракъ!

Красавина. Я, братъ, и теперь отъ своихъ словъ не отступлюсь.

Бальзаминова. А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говоритъ, что «дуракамъ счастье». Ну вотъ намъ счастье и вы-

Digitized by Google

шло. За умомъ не гонись, лишь бы счастье было. Съ деньгами-то мы и безъ ума проживемъ.

Бальзаминовъ. Еще бы! Начто мнѣ теперь умъ? А давеча, маменька, обидно было, какъ денегъ-то нѣтъ, да и ума-то нѣтъ, говорятъ. А теперь пускай говорятъ, что дуракъ: мнѣ все одно.

Красавина. А то вотъ еще есть пословица Ты долго за невѣстами ходилъ?

Бальзаминовъ. Долго.

Красавина. А пословица-то говоритъ: «за чѣмъ пойдешь, то и найдешь».

Бальзаминова. И то, матушка, правда.

Бальзаминовъ (*Красавиной*). Ну, давай плясать! Становись! (*Сваха становится въ позу*).

А. ОСТРОВСКІЙ

Digitized by Google

МОЕ ДѢТСТВО

(ИЗЪ ОДНѢХЪ ЗАПИСОКЪ)

III

Теперь мнѣ уже 11—12 лѣтъ, — и почему бы кажется періодъ, начинающійся хоть съ этого времени, не назвать отрочествомъ? — Да просто потому, что въ этотъ періодъ едва ли хотя на іоту измѣнился мой образъ жизни, мое положеніе въ семействѣ, мои понятія наконецъ, закованныя въ тяжолыя кандалы, дома и внѣ его. Подъ возрастами я понимаю не одно физическое прорастаніе; а нравственное едва ли шло въ паралель съ физическимъ, какъ увидимъ изъ послѣдующаго разсказа (различныхъ обломковъ знаній и свѣденій, привитыхъ въ гимназіи и полученныхъ дома, я не могу брать въ расчетъ при словѣ развитіе — ла еще *нравственное!*). Бывали правда добрыя, свѣтлыя минуты и въ моемъ прозябаніи, но онѣ такъ и остались минутами, проблесками, не прибавляя, или почти ничего не прибавляя въ умственную сокровищницу; а безъ такихъ подачекъ уму, что̀ значатъ всѣ возрасты, какъ не одно продолжительное дѣтство?

И такъ, поведемъ нашъ разсказъ.

Собственный домъ, въ который перебрались мы изъ острога, находился на одной изъ лучшихъ улицъ города и состоялъ изъ главнаго дома, отдававшагося въ наемъ, и небольшого флигеля, въ которомъ и помѣстилось все наше семейство. Не буду описывать устройство флигеля, но скажу только, что тѣснота была въ немъ такая, что даже отецъ заблагоразсудилъ отдѣлить дѣтей мужескаго пола въ нижній этажъ дома, предназначавшійся

Digitized by Google

прежде для кучеровъ и солдатъ пожарной команды, находившихся при отцѣ въ качествѣ деньщиковъ, вѣстовыхъ и проч. Мы заняли одну комнату, а кучера и солдаты помѣстились въ двухъ другихъ, смежныхъ съ нашею. Такое сосѣдство разумѣется не осталось безъ послѣдствій: въ непродолжительное время мы научились играть въ карты, въ такъ называемую «подкаретную» игру, курили махорку и довольно искусно украшали свою рѣчь такими фигурами и оборотами, что даже сами кучера приходили въ восторгъ: «тверже нашего заворачиваетъ...» разсуждали они. Дѣйствительно, я никого не зналъ изъ своихъ гимназическихъ товарищей, кто бы развратился такъ рано и такъ глубоко, какъ мы. Не смотря на жалобы, отовсюду приносимыя на насъ отцу, на различныя наказанія, которымъ подвергались мы, съ каждымъ днемъ продѣлки наши дѣлались чаще и циничнѣе, потомучто добрые наставники и руководители — кучера и солдаты, неутомимо подучивали и подстрекали насъ. Такъ мы, по ихъ наущенію, ходили ночью красть голубей (голубиная охота была сильно развита въ нашемъ городѣ), посѣщали кабаки и другія публичныя заведенія, ѣздили на лодкѣ вынимать рыболовныя снасти и красть рыбу и т. д., и т. д. Отецъ, хотя и наказывалъ насъ за всѣ эти продѣлки, мало обращалъ вниманія на источникъ, изъ котораго мы черпали всѣ наши теоретическія познанія и, не смотря на всѣ препятствія, пробовали ихъ на практикѣ.

Такимъ-то образомъ я и братья прожили довольно долго въ слишкомъ плохомъ обществѣ, рано узнавъ грязную сторону жизни.

Домъ нашъ, какъ и всякій домъ, имѣлъ при себѣ дворъ, на дворѣ конюшни, каретникъ, погреба, баню и проч. Надъ каретникомъ былъ выстроенъ мезонинъ, а около конюшни сидѣла на цѣпи собака, обреченная на вѣчную неволю и постоянно лаявшая на своихъ и чужихъ. Кругомъ двора располагались различныя сосѣдства: направо дьяконовъ дворъ, налѣво домъ какой-то старушки-чиновницы, а на задахъ безчисленное множество избушекъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *бабушкина взвоза*... Дьяконовъ дворъ весь былъ заставленъ избушками, расположенными во всевозможныхъ направленіяхъ: одна смотрѣла маленькими окнами, какъ бѣльмами украшенными бумагой, на средину двора, гдѣ росло какое-то дерево и стояла опрокинутая вверхъ днищемъ лодка, о которой уже лѣтъ пять тянулся споръ

Digitized by Google

между наслѣдниками какого-то рыбака. Другая избушка какъ-будто старалась перебѣжать ей дорогу, и вся наклонившись напередъ, вотъ-вотъ, казалось, бросится съ мѣста; третья стояла весьма приличио, хотя была уже достаточно стара и на крышѣ своей произращала густую траву и подсолнечники: эта избушка чиновничья, потомучто хозяйка ея, Трегубиха, была просватана когда-то, въ молодости, за чиновника. Нѣсколько лачужекъ стояли вокругъ помойной ямы, и злополучные хозяева ихъ знай только покрикивали, почти вылѣзая изъ окошка: «не лейте, ради Бога, дрянь-то передъ окнами: все нутро воротитъ отъ вони!» и нѣкоторые изъ нихъ лѣтъ по двадцати повторяли этотъ возгласъ... Надъ всѣми избушками царила баня, не потому чтобы она была лучше ихъ, или больше, или занимала особенно видное мѣсто, — нѣтъ, она была очень дряхла, мала была до того, что всѣ стѣны и потолокъ были исхлестаны вѣниками, какъ только можетъ исхлестать православный народъ, имѣющій неосторожность запариваться до смерти. Что, наконецъ, баня не занимала особенно виднаго мѣста — явствуетъ уже изъ того, что она, т. е. ея крыша и стѣны, служили мѣстомъ гимнастическихъ упражненій для всѣхъ и каждаго, а въ томъ числѣ и для меня; а гимнастика, нужно замѣтить, не уважалась въ то время между отцами и матерями... И такъ, баня потому царила надо всѣмъ дворомъ, что въ ней жилъ самъ дьяконъ, хозяинъ... Это былъ хромой, ветхій старикъ, жившій анахоретомъ съ воскресенья и до вечера пятницы, въ которую онъ выбирался изъ бани на крышу (крыша какого-то сарая около бани была плоская), если дѣло было лѣтомъ, или къ родственникамъ, жившимъ на этомъ же дворѣ, если была зима. Часа въ четыре, въ пятницу, онъ обыкновенно собиралъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, и по совершеніи обильнаго возліянія бахусу, былъ уносимъ ими изъ бани на крышу или къ родственникамъ. Въ эти дни мнѣ только и случалось видѣть трупъ дьякона; въ остальные онъ, по увѣренію благочестивыхъ старушекъ, «спасался».

Объ дьяконовомъ дворѣ я распространяюсь особенно много потому, что онъ служилъ почти постояннымъ моимъ убѣжищемъ. Снимается ли нагайка съ гвоздя — сейчасъ на дьяконовъ дворъ; уѣхалъ ли отецъ со двора — идешь на дьяконовъ дворъ заниматься гимнастикой на стѣнахъ и на крышѣ бани, или рыться въ мусорѣ, наваленномъ въ огромнѣйшемъ количествѣ повсюду.

Digitized by Google

Такъ что когда, вслѣдствіе одного печальнаго событія, я боялся показаться на дьяконовъ дворъ, мнѣ сдѣлалось ужасно грустно, и я долго-долго простаивалъ у забора, глядя въ щель на милый, но недоступный дворъ.

Съ бабушкинымъ взвозомъ, разстилавшимся позади нашего дома, я былъ знакомъ слишкомъ мало: зналъ только дворикъ старика, путешествовавшаго когда-то въ Іерусалимъ, и другой — унтеръ-квартала, постоянно пьянаго и увѣрявшаго насъ, что онъ надъ нами начальникъ, «потому, разсуждалъ унтеръ-квартальъ, сейчасъ въ часть отведу, не посмотрю, что отецъ брахмейстеръ». Чтоже было дѣлать съ такимъ злымъ человѣкомъ? Лучше ужь не ходить на бабушкинъ взвозъ....

Дворъ сосѣдки-чиновницы совершенно не привлекалъ нашего вниманія, потомучто на немъ не было ни мусору, ни бани, но постоянно господствовала тишина. Иногда только сынъ чиновницы, напившись пьянъ, нарушалъ это спокойствіе, потомучто, желая погонять голубей, до которыхъ былъ большой охотникъ, бросалъ цѣлыя бревна на крышу, стараясь спугнуть какого-нибудь турмана, не имѣвшаго охоты совершить воздушное путешествіе. На дворѣ поднимался тогда ужасный гвалтъ, послѣ котораго рьяный голубятникъ запирался матерью въ чуланъ, — и опять наступала всеобщая тишина.

Широкая рѣка, протекавшая недалеко отъ нашего дома, привлекала особенное мое вниманіе, потомучто здѣсь я находился на совершенной свободѣ; за мной не слѣдилъ ничей зоркій глазъ и ухо мое не слышало больше звуковъ роднаго голоса, тяжело отдававшихся на сердцѣ. Лѣтомъ я уходилъ на рѣку ловить рыбу, зимою — кататься на салазкахъ, и выбравшись изъ дому, неохотно возвращался назадъ. Знакома была также мнѣ и привольная степь, разстилавшаяся далеко за городомъ, куда я уходилъ гораздо рѣже, но гдѣ былъ еще счастливѣе, еще спокойнѣе.

Получивши мѣсто брантмейстера, отецъ былъ совершенно очарованъ новою должностью. Особенно его занимали лошади, а теперь ихъ вдоволь, слѣдовательно было надъ чѣмъ потѣшиться. Я говорю «потѣшиться», — и дѣйствительно отецъ ужасно любилъ учить молодыхъ лошадей, почему самъ обучалъ вновь или переучивалъ всѣхъ пожарныхъ лошадей. Помощникомъ себѣ въ этомъ онъ выбралъ пожарнаго солдата, извѣст-

Digitized by Google

наго своей силой, и при его содѣйствіи цѣлый день занимался выѣживаніемъ и наказываніемъ безотвѣтныхъ животныхъ. Для себя онъ также накупилъ молодыхъ лошадей, обученіе которыхъ принесло не мало огорченія матушкѣ, боявшейся, что отецъ искалѣчитъ какъ-нибудь себя. Матушка пробовала даже передавать свои опасенія отцу, но онъ грубо замѣтилъ, что это не бабье дѣло, слѣдовательно нечего ей и толковать.

По характеру, добротѣ, мягкосердечію матушка представляла совершенный контрастъ отцу. Положившая всю жизнь свою въ семейство, она отличалась необыкновенною заботливостію о дѣтяхъ, рабскою покорностью мужу и необыкновенною гуманностью въ обращеніи съ прислугой, что даже не нравилось отцу, утверждавшему, что «по ея милости, люди дѣлаютъ что хотятъ.» Никогда я не забуду ея желтаго, худого лица, постоянно озабоченнаго и печальнаго; ея рѣчей, постоянно тихихъ и нѣжныхъ; ея кроткихъ, задумчивыхъ глазъ, въ которыхъ свѣтилось столько доброты, но доброты подавленной, запуганной. Бѣдная женщина только тихонько отъ отца позволяла иногда себѣ приласкать кого-нибудь изъ насъ, боясь упрека въ баловствѣ. Батюшка и матушка почти постоянно жили въ ссорѣ между собою, т. е. отецъ не говорилъ съ ней ни слова, а матушка боялась завести съ нимъ рѣчь и только по временамъ долго и пристально смотрѣла на него своими кроткими, умоляющими глазами. Зная придирчивый характеръ отца и не желая досаждать ему своимъ присутствіемъ, матушка по большей части забивалась куда-нибудь въ темный уголокъ и довольно часто плакала втихомолку. За обѣдомъ родители поневолѣ должны были сходиться вмѣстѣ, и часто случалось, что кроткая женщина, долго сдерживавшая свое горе, наконецъ разражалась истерическимъ плачемъ, къ которому и мы присоединяли свои голоса, а отецъ тотчасъ уходилъ въ кабинетъ, бросивъ съ досады на полъ нѣсколько приборовъ и проклиная все и всѣхъ. Такіе припадки накопившагося горя всегда стоили матушкѣ слишкомъ дорого, потомучто послѣ нихъ цѣлыя недѣли она вылеживала то въ бреду, то въ летаргіи. Да, тяжолая участь выпала на ея долю!

Но вотъ наступалъ какой-нибудь праздникъ, въ который, по убѣжденію отца, «нужно было мириться даже съ врагами своими». Какъ радовалась матушка такому дню! Какъ хлопота-

Digitized by Google

ла, бѣгала она вездѣ, стараясь угодить отцу! Къ обѣду приготовитъ любимыя его кушанья, послѣ обѣда ходитъ на цыпочкахъ сама и проситъ насъ дѣлать тоже, чтобы не разбудить любимаго и *простившаго* ее мужа. Она знаетъ, что такихъ дней немного выпадетъ на ея печальную долю, и потому старается по возможности шире развернуться съ своею добротою, по возможности больше запастись радостью, которую завтра же смѣнятъ горе и слезы. Весело улыбается она теперь, глядя на все, и горячо цѣлуетъ своихъ дѣтей, едва ли вполнѣ раздѣляющихъ ея радость. Въ самомъ дѣлѣ, едва только проходилъ праздникъ, отецъ сейчасъ же снималъ съ себя тяжолое обязательство, и опять...

Въ числѣ сослуживцевъ отца по полиціи находился одинъ приставъ, обремененный подобно отцу многочисленнымъ семействомъ. Приставъ и отецъ довольно скоро подружились между собою и рѣшились образовывать своихъ дѣтей совокупными силами. Прежде всего, разсуждали они, нужно научить ихъ танцамъ и французскому языку, безъ которыхъ человѣкъ не человѣкъ.

Какъ-то вечеромъ пріѣхалъ къ намъ приставъ и объявилъ отцу, что учитель найденъ.

— Гдѣ вы его откопали? спросилъ отецъ.

— Да мнѣ рекомендовалъ его мой письмоводитель, отвѣчалъ приставъ.

— Это хорошо, замѣтилъ отецъ.

— Письмоводитель говоритъ, что онъ ловко танцуетъ; даже, говоритъ, ему можно екзаментъ произвести.

— Безъ этого нельзя: кто его знаетъ, каковъ...

— Да и дешево беретъ, распространялся приставъ: — четвертакъ за урокъ, только водки, говоритъ, ужь въ волю давайте...

— Этого добра намъ не покупать-стать.

— Онъ, видите ли, таинственно началъ приставъ: — прежде акробатомъ этимъ былъ, ну и всѣ эти штуки отмѣнно знаетъ, потомучто они тамъ чортъ знаетъ что дѣлаютъ; и по канату хо-

Digitized by Google

дятъ и черезъ голову ломаются; слѣдовательно, я полагаю, для танцевъ онъ хорошъ будетъ.

— Должно-быть хорошъ будетъ, почти утвердительно изрекъ отецъ.

— Отличный будетъ, съ достоинствомъ произнесъ приставъ, и пріятели чокнулись. Черезъ нѣсколько дней, часовъ въ шесть вечера, мы отправились къ приставу, гдѣ долженствовало произойти испытаніе.

Учитель былъ низенькаго роста, лупоглазый, широкоплечій, съ одутловатымъ лицомъ и краснымъ носомъ. Отцу онъ очень понравился, потомучто много разсуждалъ съ нимъ объ военной службѣ и увѣрялъ, что военные въ танцахъ «собаку съѣли.»

— Какъ же вы ихъ будете учить танцамъ, когда они настоящей выправки не имѣютъ? разсуждалъ отецъ.

— Это ничего, замѣтилъ учитель. — Мы будемъ въ одно время проходить и танцы и выправку; безъ этого нельзя. У меня теперь каждый ученикъ, можно сказать, ноги будетъ на шею закладывать, выворачивать ихъ носками назадъ и все такое, потомучто я, можно сказать, всѣ кости въ немъ поизломаю и повывихаю.

— То-то, это главное, чтобы подвижность то-есть имѣлъ.

— Я вѣдь теперь, можно сказать, прежде всего смотрю, какъ сложенъ человѣкъ: если у него ноги не годятся для танцевъ, я долженъ ихъ передѣлать, это ужь мое дѣло — на то я учитель.

Объясненія тянулись довольно долго, и такъ какъ отъ времени до времени они прерывались употребленіемъ всевозможныхъ водокъ, то наконецъ учитель дошолъ до того, что началъ разсказывать, какъ онъ былъ въ Парижѣ первымъ балетмейстеромъ, а оттуда черезъ океанъ по желѣзной дорогѣ ѣздилъ въ Америку. Приставъ и отецъ, чтобы не упустить время, предложили учителю показать имъ свое искусство, видя, что черезъ часъ онъ уже не будетъ никуда годиться. Старшій сынъ пристава, юноша лѣтъ восьмнадцати, воспитывавшійся въ уѣздномъ училищѣ, взялъ гитару и съ нѣкоторой застѣнчивостью началъ наигрывать «чижика», а учитель, засучивъ рукава, пустился выдѣлывать такія штуки, что становилось страшно за него. Онъ держалъ въ рукахъ платокъ, которымъ размахивалъ во всѣ стороны, то медленно переваливаясь съ ноги на ногу, то бѣшено бросаясь изъ угла въ уголъ, отчего половицы гудѣли и дрожали

Digitized by Google

какъ подъ конскими копытами. Долго бѣсновался учитель, прыгая по комнатѣ; долго отецъ и приставъ смотрѣли на него съ нѣмымъ восторгомъ, а матушка, жена пристава и мы, дѣти, съ ужасомъ и недоумѣніемъ; наконецъ, сдѣлавши отчаянный прыжокъ, учитель не могъ удержаться и полетѣлъ навзничь. Раздался хохотъ, и торжествующаго учителя повели къ столу, уставленному графинами и бутылками.

— Ну, а пофранцузскому научите ихъ? спрашивалъ отецъ учителя.

— Всему научу! Я всѣ языки знаю, даже арабскій знаю, бормоталъ учитель, безпорядочно болтая руками и ногами.

На слѣдующій же день началось наше ученье. Раза по три въ недѣлю мы обучались отдѣльно каждымъ семействомъ, а по воскресеньямъ назначались общіе танцовальные вечера у насъ или у пристава. Французскій языкъ какъ-то плохо подвигался впередъ, потомучто учитель, какъ оказалось, зналъ только mon cher, s'il vous plaît, да и то послѣднее выраженіе относилъ по преимуществу къ водкѣ. Кромѣ различныхъ кадрилей, экосезовъ, полекъ и проч., насъ заставляли разучивать множество характерныхъ танцевъ, на которые матушка не могла даже смотрѣть безъ сожалѣнія, видя какъ пьяный учитель выворачивалъ наши ноги то туда, то сюда.

Между тѣмъ одна изъ сестеръ, подвергавшаяся вмѣстѣ съ нами танцовальнымъ мученіямъ, была отдана въ пансіонъ, а для другихъ сестеръ, старшаго брата и меня нанятъ былъ учитель музыки, слѣпой органистъ католической церкви. Но сколько ни бился съ нами слѣпецъ, отсутствіе музыкальныхъ способностей въ насъ наконецъ заставило-таки его отказаться отъ уроковъ. Отецъ былъ крайне огорченъ отзывомъ слѣпца объ нашихъ способностяхъ и все-таки пригласилъ новаго учителя, который на этотъ разъ присовѣтовалъ мнѣ вмѣсто фортепьянъ заняться скрипкой, увѣряя, что руки мои слишкомъ способны для того. Почти два года учился я на скрипкѣ, и опять въ результатѣ — отсутствіе музыкальныхъ способностей.

Въ числѣ несчастныхъ, учившихся вмѣстѣ съ нами танцованію, находилась внучка одного купца, содержавшаго торговыя бани и трактиръ. Старикъ-купецъ жилъ постоянно въ самыхъ патріархальныхъ нравахъ и отличался необыкновенной старостью и силой, о которой и разсказывалъ постоянно. Нѣкото-

Digitized by Google

рые опыты его силы я видѣлъ собственными глазами: такъ, онъ ставилъ сороковую бочку съ масломъ на-попа (вертикально, на дно), свободно ломалъ двѣ подковы и проч.

— Я въ жизни моей никого не ударилъ, обыкновенно разсказывалъ о себѣ дѣдушка. — Да какъ и ударить-то? Народъ мелкій — сразу убьешь. А въ торговлѣ, господа честные, безъ этого не обойдешься: вотъ и стражду самъ отъ себя!..

— Одинъ разъ, продолжалъ онъ: — жена меня больно допяла, вотъ я ей и поднесъ оплеуху, она такъ и покатилась. Я въ полицію... Прибѣгаю... Такъ и такъ, говорю, жену убилъ — выручайте. Пошли мы съ приставомъ домой, а она, волкъ ее уѣшь, сидитъ да лается: вотъ какая, чортъ, живущая была! Да, пострадалъ я отъ нея покойницы, допяла!..

Часто отецъ, отъ нечего дѣлать, ѣздилъ къ этому купцу въ баню и бралъ съ собою кого-нибудь изъ насъ. Потомъ мы отправлялись къ старику-хозяину и начинались разсказы съ той и другой стороны: отецъ все про военную службу, купецъ — про старинное житье-бытье. Дѣдушка, подобно главѣ стоиковъ Сенекѣ, ежедневно ходилъ въ баню, съ тою только разницею, что древній философъ дѣлалъ это по нѣскольку разъ въ сутки, а старикъ только одинъ разъ, кромѣ субботы: тогда два.

— Да что! ходишь одинъ-одинешенекъ, инда одурь тебя возьметъ, — ну, пойдешь въ баню да и выпаришься, да еще скипидарцемъ помажешься, вотъ оно и ладно. А въ субботу такъ зависть тебя одолѣетъ, такъ бы все и сидѣлъ въ банѣ, — вотъ потому и хожу въ субботу два раза.

Старикъ всегда упрекалъ отца за неумѣнье пить водку.

— Вы, молодые люди (отцу было тогда 65 лѣтъ), дрянь! Какъ мы были въ вашихъ лѣтахъ, по четверти выпивали заразъ; а вы проглотите десятка полтора-два рюмокъ, да и съ ногъ долой: это не дѣло...

Постоянно враждуя съ откупомъ, сильно притѣснявшимъ всѣхъ трактирщиковъ, онъ самъ признавался, что разъ даже нагналъ на откупщика лихорадку, — «все по вѣтру самъ пускалъ», прибавлялъ добродушный купецъ.

Большой пріязнью отца пользовался также его предмѣстникъ, слѣпой старикъ, выслужившійся изъ рядовыхъ. У старика была бойкая, сварливая жена, извѣстная въ городѣ подъ именемъ «озорницы» и управлявшая въ послѣднее время вмѣсто своего

Digitized by Google

мужа пожарной командой. Семейство стараго брантмейстера состояло кромѣ того изъ сына и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна только-что вышла замужъ и поселилась съ мужемъ въ главномъ нашемъ домѣ. Семейство брантмейстера посѣщало насъ довольно часто, и въ этомъ-то кругу впервые должны были устанавливаться мои понятія; тутъ въ первый разъ я услышалъ тѣ сужденія, выводы и взгляды, которые выработались тогдашнимъ провинціальнымъ обществомъ. Старый брантмейстеръ и его семейство считались тогда далеко не послѣдними членами нашего общества, а между тѣмъ изъ нѣсколькихъ фактовъ, которые я приведу сейчасъ, легко будетъ видѣть, какъ далеко ушло тогда это общество въ своемъ умственномъ развитіи.

Часто случалось намъ скромно просиживать долгіе вечера въ обществѣ стараго брантмейстера и всего его семейства. Какъ люди военные, отецъ и брантмейстеръ побывали въ различныхъ кампаніяхъ, откуда и унесли съ собою чудесныя воспоминанія о различныхъ диковинкахъ. Зять брантмейстера, котораго судьба бросала и въ Малороссію, и въ архангельскую губернію, и въ Якутскую область, тоже присоединялъ свой звучный голосъ къ разсказамъ отца и брантмейстера; увлекаясь, за нимъ голосила старая брантмейстерша, а за нею разумѣется плелись и ея дочки — тоже смышленыя дѣвицы. Чего-чего, бывало, тутъ не разсказывается! И о кіевскихъ вѣдьмахъ, и о колдунахъ, и о проклятыхъ, обреченныхъ на вѣчную скитальческую жизнь, и о громѣ, и объ отводѣ глазъ фокусниками, — однимъ словомъ, еслибы вы желали получить превратныя понятія обо всемъ, вы бы послушали разсказы нашихъ добрыхъ знакомыхъ.

— Вѣдьмы, говорятъ, никогда пѣшкомъ не ходятъ, замѣчалъ старый брантмейстеръ.

Отецъ и зять брантмейстера, а за нимъ и мы всѣ начинали хохотать.

— Что вы смѣетесь? возражалъ слѣпой. — Я самъ не вѣрилъ прежде, а теперь знаю, что это правда. У насъ былъ солдатъ Захарченко, такъ самъ видѣлъ, какъ вѣдьма ѣхала на курицѣ, ейбогу!

— Нѣтъ, кажу, этого не можетъ быть, вступался зять, языкъ котораго сохранилъ еще нѣкоторый малороссійскій оттѣнокъ.

— Бываетъ, бываетъ, прерывалъ его отецъ: многіе видѣли...

Digitized by Google

— Я потому и говорю, что видѣлъ, утверждалъ ободренный слѣпецъ: — я самъ много вѣдьмъ видѣлъ, прибавлялъ онъ наконецъ.

— Это вѣдьмы верхомъ ѣздятъ? наивно спрашивалъ кто-нибудь изъ насъ.

— Верхомъ, верхомъ, нетерпѣливо отзывался отецъ.

Матушка боязливо посматривала то на невиннаго распросчика, то на отца, начинавшаго уже хмуриться.

— А на лошадяхъ верхомъ вѣдьмы ѣздятъ? допытывался тотъ же любопытный.

— Ну, полно врать-то! рѣзко замѣчалъ отецъ. — Когда же баба ѣздитъ на лошади верхомъ?.. Вѣчно суетесь съ своими глупостями. Вы бы молчали да слушали, что старшіе говорятъ; а эти пустяки у няньки можете распрашивать!

Ну, и присмиритъ любопытный, и дожидается, что скажутъ старшіе; а они не заставятъ долго ждать себя.

— Вонъ, когда я былъ въ Якутской области, такъ тамъ все на собакахъ ѣздятъ, разсказывалъ зять брантмейстера.

— Въ Англіи, читалъ я въ газетахъ, на крысахъ почту скоро будутъ возить — больно шибко бѣгаютъ; на птицахъ ужь возятъ, да теперь новый король народился, такъ на крысахъ приказано, опять разсказывалъ сѣдой и слѣпой брантмейстеръ.

— Тамъ одинъ лордъ все на медвѣдяхъ ѣздитъ, ввертывалъ звучнымъ голосомъ зять.

— Эхъ, у нашего полкового командира славный медвѣдь былъ! вступался отецъ.

Разговоръ на нѣкоторое время переставалъ былъ общимъ и только изрѣдка слышалось, какъ замужняя дочь брантмейстера разсказывала матушкѣ о своемъ петербургскомъ дѣдѣ.

— У него по сту человѣкъ генераловъ однихъ бываетъ каждый день — всѣ обѣдаютъ.

Но не умѣя сообразить своихъ словъ съ дѣйствительностью, тотчасъ же отпускаетъ такую фразу:

— Богачъ, одно слово... По шести тысячъ на серебро проживаетъ въ годъ: вѣдь ато, сообразите, двадцать съ чѣмъ-то тысячъ, говоря по нашему.

И опять молчаніе.

— Нынче облако надъ нашей крышей такъ низко прошло,

Digitized by Google

что я испужалась, рѣшалась наконецъ выговорить младшая дочь брантмейстера.

— А вотъ задѣло бы за крышу и своротило напрочь, резонно замѣчала ея матушка.

— Нѣтъ, не своротитъ, вступался зять.

— Какъ не своротитъ? своротитъ! утверждала опять брантмейстерша.

— Ну, меня-то вы, кажу, не увѣрите: я вѣдь видѣлъ облако-то.

Всѣ смотрѣли на разсказчика съ недоумѣніемъ.

— Когда я былъ еще мальчикомъ, продолжалъ онъ, — такъ у насъ облако въ полѣ упало, мы и побѣжали смотрѣть: такъ оно мягкое, какъ кисель; мы даже палками тыкали въ него.

Противъ такого аргумента разумѣется никто уже не могъ возражать и всѣ остались въ полнѣйшей увѣренности, что облако похоже на кисель.

Слушаешь-слушаешь, бывало, подобныя разсужденія старшихъ и придешь наконецъ къ такому заключенію, что съ кучерами хоть и не толкуешь о подобныхъ возвышенныхъ предметахъ, а все какъ-то веселѣе и отраднѣе.

Кромѣ этихъ знакомыхъ отецъ имѣлъ еще многое множество чиновниковъ, съ которыми водилъ хлѣбъ-соль вслѣдствіе служебныхъ обязанностей, а матушка цѣлую кучу различныхъ старушекъ, уважавшихъ ее за доброе сердце и гостепріимство. Изъ старушекъ, посѣщавшихъ матушку, особенно живо сохранился въ моей памяти образъ одной доброй, пожилой майорши, постоянно посѣщавшей матушку во время болѣзни, что случалось очень нерѣдко, и искренно сочувствовавшей незавидному положенію ея въ семействѣ. Часто проживала у насъ тоже по цѣлымъ недѣлямъ какая-то дѣвица, которая знала почти весь городъ, ходила по дѣламъ, разносила сплетни — но никто не зналъ, кто она такая. Постояннаго жилища у ней не было и она блуждала изъ дома въ домъ; и какъ только наскучало ей въ одномъ мѣстѣ, она сейчасъ же сочиняла про него сплетню, распускала ее по городу и, выгнанная за это, отправлялась въ другое, обвиняя только-что покинутый ею домъ въ невѣжествѣ, грубости и недобросовѣстности относительно ея. Такъ кочевала эта бѣдная дѣвица до самаго отъѣзда моего съ родины и все оставалась таинственною и неразгаданною.

Digitized by Google

Не всегда впрочемъ отецъ былъ строгъ и недоступенъ; иногда и на него находили добрыя минуты, въ которыя онъ разговаривалъ и смѣялся съ нами, позволяя даже маленькимъ сестрамъ трепать свои усы и бакенбарды. Въ одну изъ такихъ минутъ мы даже сумѣли какъ-то упросить его свозить насъ въ театръ. Дѣло было на масляницѣ, когда въ театрѣ давались два спектакля, утренній и вечерній. Насъ повезли поутру. Въ кассѣ театра отецъ выторговалъ кажется полтину, и вотъ мы вошли въ ложу. Небольшой, грязный залъ освѣщался десятью или двѣнадцатью масляными лампами, отчего въ креслахъ и глубинѣ ложъ царствовала тьма, а въ райкѣ (галлереѣ) слышны были только глухіе голоса, изъ которыхъ можно было заключить о пребываніи тамъ людей. Кусокъ дырявой, нѣкогда раскрашенной холстины безпорядочно болтался то туда, то сюда; въ оркестрѣ сидѣло счетомъ восемь человѣкъ музыкантовъ, втеченіе цѣлаго часа занимавшихся настроиваніемъ своихъ инструментовъ, — впрочемъ публика не обращала особеннаго вниманія на этотъ раздирающій душу визгъ и ревъ. Занавѣсъ заколебался и медленно сталъ подниматься вверхъ и когда совершенно исчезъ за драпировкой, послышался рѣзкій возгласъ: «довольно!» Что давали въ то время, не могу припомнить. Могу сказать только, что первое дѣйствіе прошло совершенно незамѣченнымъ публикою и непонятымъ мною. Но вѣроятно давалась драма, потомучто послѣ новаго поднятія занавѣса и новаго крика «довольно!» на сцену явился господинъ въ какомъ-то гнѣдомъ плащѣ и чернобурой шляпѣ, свирѣпый и громогласный до того, что маленькія сестры юркнули въ глубину ложи и не рѣшались выйти оттуда. Онъ бродилъ сначала въ совершенной темнотѣ и все чего-то искалъ, алкая и рыкая. Наконецъ, остановившись у слабаго подобія рампы, гнѣдой трагически произнесъ: «Затворите двери!» Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при этомъ ревѣ. «Принесите свѣчи!» опять рыкнулъ актеръ, и сестры начали хныкать въ глубинѣ ложи. Что дальше было, не помню хорошенько. Помню только, что тутъ является какая-то госпожа и останавливается въ дверяхъ. Герой нашъ, стоя на авансценѣ, скрестивши руки, громко произноситъ, увидѣвши ее: «Приди въ мои объятья!» — «Ахъ, не обнимай меня такъ больно!» взвизгиваетъ госпожа, ухватившись обѣими руками за юбку платья, и, дѣлая книксенъ, продолжаетъ стоять въ дверяхъ. Послѣ второго акта занавѣсъ

Digitized by Google

какъ-то рухнулъ и на сценѣ послышался опять прежній рѣзкій голосъ. Раздались было аплодисменты, но голоса будочниковъ скоро заглушили все. Слѣдующіе акты драмы прошли совершенно такъ же, т. е. я ровно ничего не понялъ. Послѣ драмы давался какой-то водевиль, который, помню, мнѣ понравился; но сестры никакъ не могли успокоиться и со слезами просили отца ѣхать скорѣе домой.

Должность отца, какъ брантмейстера, была крайне безпокойна, потомучто пожары въ то время случались то и дѣло, днемъ и ночью, и шестидесяти-пяти-лѣтнему старику нужно было скакать, сломя голову, куда-нибудь на конецъ города. Мы почти всегда сопутствовали отцу, тихонько отъ матушки убѣгая вслѣдъ за нимъ. Разъ, помню, горѣлъ винный заводъ; мы побѣжали туда. Дѣло было въ концѣ іюля. Пришедши на пожаръ и достаточно налюбовавшись имъ, мы отправились въ фруктовый садъ, принадлежавшій къ тому же винному заводу, воровать яблоки. Насъ было нѣсколько человѣкъ; одни влѣзли на деревья и рвали яблоки, другіе остались на землѣ и собирали. Когда мы уже собирались отправиться съ захваченной добычей и перелѣзали черезъ заборъ, вдругъ были остановлены неизвѣстно откуда явившимися казаками. Кто-то изъ бывшихъ съ нами соумышленниковъ, желая избѣжать непріятной исторіи, объявилъ казакамъ, указывая на насъ, что мы дѣти брантмейстера Гонители наши тотчасъ отвели насъ всѣхъ къ отцу, а сей, отложивши на нѣкоторое время заботу о прекращеніи пожара въ сторону, отвелъ насъ на какой-то дворъ и съ помощью казацкихъ нагаекъ тутъ же учинилъ расправу надъ своими и чужими. Черезъ нѣсколько времени, когда зашолъ къ намъ одинъ чиновникъ, сынъ котораго былъ наказанъ отцомъ вмѣстѣ съ нами, отецъ мой очень вѣжливо извинился передъ нимъ, что распорядился безъ его спросу.

Каждый день поутру отецъ ѣздилъ рапортовать полицмейстеру о состояніи пожарной команды, а оттуда, вмѣстѣ съ частными приставами, отправлялся куда-нибудь выпить водки; часа въ два онъ обѣдалъ дома, затѣмъ отдыхалъ часовъ до семи, а остальное время дня проводилъ двоякимъ образомъ: или читалъ дома молитвенникъ и псалтырь, если дѣло было зимою или осенью, или сидѣлъ на скамейкѣ у крыльца, если было лѣтнее или весеннее время. Мы были свободны только въ отсутствіе

Digitized by Google

отца и разумѣется дѣлали что́ хотѣли; при немъ же, по большей части, укрывались въ своихъ комнатахъ или усаживались вокругъ матери въ ея спальнѣ.

Если заболѣвалъ кто-нибудь изъ насъ, отецъ сейчасъ же принималъ въ больномъ живѣйшее участіе и дѣлался его медикомъ и куратором на все время болѣзни. Лекарства, даваемыя отцомъ въ этомъ случаѣ, были очень незамысловаты: такъ отъ лихорадки всегда лечилъ онъ раковыми жерновками, которыя предварительно измельчались и потомъ давались больному въ водкѣ. Корь и оспу ничѣмъ не лечили, а только привязывали руки больного, чтобы онъ не чесался. Случалось кому-нибудь разрѣзать ногу или переломить голову (а это случалось) — сейчасъ наливали въ рану березовой водки и на вопли несчастнаго коротко отвѣчали: «а я вотъ еще высѣку, когда рана-то заживетъ, а то теперь неловко». Рана, съ божіей помощью, заживала и обѣщаніе сдерживалось.

Такъ и жили мы изо-дня въ день; иногда только праздники доставляли нѣкоторую отраду. Пасха разумѣется была самымъ веселымъ праздникомъ. На страстной недѣлѣ отецъ обыкновенно собственноручно закалывалъ свинью, истязанія и мученія которой прежде смерти тянулись иногда по цѣлому часу. Кажется все горло изрѣзано въ мелкіе кусочки и отецъ поворачиваетъ въ ранѣ ножъ то туда, то сюда, но едва только кучера и солдаты выпустятъ изъ рукъ уши и ноги несчастнаго животнаго, какъ оно вскочитъ и побѣжитъ.

— Эту не зарѣжете въ горло, ваше благородіе, разсуждаетъ какой-нибудь солдатъ: — ужь такая попалась, ее надо колоть подъ лѣву лопатку.

— Полно врать-то! перебиваетъ его отецъ, отряхая съ рукъ запекшуюся кровь, и приказываетъ снова поймать и привести свинью.

Ее снова ловятъ и отецъ, хотя и отвергавшій доводы солдата, начинаетъ однако колоть «подъ лѣву лопатку».

Послѣ заклапія отецъ самъ же начинаетъ свѣжить свинью и потомъ дѣлить ее на части, причемъ окорока сначала солитъ, потомъ коптитъ въ дымовой трубѣ, послѣ чего никто не рѣшается ихъ ѣсть, потомучто они ужасно воняютъ дымомъ.

Но вотъ приходитъ наконецъ самый праздникъ. Отецъ будитъ всѣхъ къ заутренѣ, наряжается въ полный парадный мун-

Digitized by Google

дверь, насъ всѣхъ одѣваютъ тоже въ парадныя платья, — и мы идемъ въ церковь. Я смотрю въ лицо матушкѣ и не узнаю ея: на губахъ играетъ улыбка, глаза блещутъ какъ-то весело, даже цвѣтъ лица какъ-будто перемѣнился. Отстаиваемъ заутреню, за ней обѣдню, и съ радостью, именно «веселыми ногами», бѣжимъ домой. А тутъ столъ уже ломится подъ разными яствами и питіями.

— Ну, Христосъ воскресе! произноситъ отецъ, крестясь передъ образомъ.

Мы тоже крестимся.

— Ну, Христосъ воскресе! опять повторяетъ онъ, обращаясь къ матушкѣ.

Родители трижды цѣлуются, и я вижу слезу радости, блеснувшую на рѣсницѣ матушки.

Затѣмъ отецъ и матушка христосуются съ каждымъ изъ насъ.

Тутъ ужь и пойдетъ закуска!

— А что, мать, вѣдь хороши колбасы я изготовилъ? говоритъ отецъ: — ты пробовала ихъ? прибавляетъ онъ, обращаясь къ матушкѣ.

— Хороши, очень хороши, похваливаетъ матушка, для которой теперь все хорошо — очень хорошо.

— Только слишкомъ солоны да перцу много — горько! говоритъ сестра.

— Это ничего... Перецъ и соль полезны для человѣка — ихъ много и нужно, мягкимъ голосомъ объясняетъ отецъ.

Закусишь, пойдешь на качели или просто на улицу, посмотрѣть какъ ѣздятъ съ визитами, или яйца катать по лубочку вздумаешь, или въ козны играть... какъ все весело теперь!

Рождество Христово также составляло большой праздникъ для нашего семейства; а наканунѣ крещенья мы вмѣстѣ съ отцомъ ставили кресты на дверяхъ и окнахъ, чтобы нечистая сила не ввалилась въ комнату. Еще большой для насъ праздникъ былъ Илья пророкъ, потомучто этотъ день считался праздничнымъ въ пожарной командѣ, имѣвшей образъ Ильи пророка. Всѣ части съѣзжались на нашъ дворъ, гдѣ солдаты угощались виномъ и закуской, а для высшихъ полицейскихъ властей устраивалась закуска или даже цѣлый обѣдъ.

Для каждаго изъ насъ праздники были величайшей отрадой,

Digitized by Google

потомучто тогда мы получали нѣсколько больше свободы и гораздо рѣже подвергались замѣчаніямъ отъ отца, принимавшаго въ праздники болѣе доступный и веселый видъ.

То, что я говорю о себѣ, совершалось въ такой же степени и относительно моихъ братьевъ и сестеръ, потомучто обстановка наша зависѣла отъ отца, а для него, какъ выражался онъ, «не было ни любимыхъ, ни нелюбимыхъ дѣтей: всѣ одинаково равны». Слѣдовательно, братья и сестры, хотя и отличавшіеся отъ меня по характеру и наклонностямъ, въ сущности должны были выйти совершенно тѣмъ же, чѣмъ вышелъ я, потомучто жили при одной и той же обстановкѣ.

Но не пора ли сказать что-нибудь о гимназіи, этомъ свѣточѣ науки, блиставшемъ для меня въ юдоли плача и скорби?..

IV

Реставрированная гимназія, съ новымъ начальствомъ и реформами имъ произведенными, едва ли далеко ушла отъ прежней, ветхой, полуразвалившейся, съ ея пузатымъ директоромъ и готтентотскими нравами. Правда, нѣкоторыя внѣшнія измѣненія придали ей болѣе приличный видъ; но не этого нужно было для гимназіи, требовавшей коренныхъ, глубокихъ преобразованій, на которыя новое начальство не было способно по своей недалекости.

Разсказъ мой, уже потерявшій послѣдовательность, теперь кажется долженъ совершенно отказаться отъ нея, потомучто мнѣ хочется сдѣлать возможно-полный очеркъ гимназіи, оставивъ на нѣкоторое время въ сторонѣ домашнюю жизнь, къ которой впрочемъ я возвращусь въ концѣ главы.

Новый директоръ — высокій, сутуловатый мужчина, среднихъ лѣтъ, съ лицомъ носящимъ на себѣ отпечатокъ бурно проведенной молодости, отчего и голосъ его отличался какимъ-то непріятнымъ, гнусливымъ тэмбромъ, принадлежалъ къ числу провинціальныхъ аристократовъ-чиновниковъ, имѣющихъ похвальную привычку ничего не дѣлать, на подчиненныхъ смотрѣть свысока, топорщиться отъ самолюбія и проч. На гимназію онъ мало обращалъ вниманія, потомучто его чинъ и мѣсто не позволяли «вертѣться съ мальчишками», которыхъ «выпороть

Digitized by Google

можетъ и инспекторъ»; да кромѣ того и времени не было для этого, потомучто клубъ, карты и знакомство съ высшими городскими властями поглощали всѣ часы дня и ночи, такъ что бѣдняжкѣ никогда даже было выспаться. До какой степени былъ простоватъ нашъ новый начальникъ, можно судить по слѣдующему факту:

Въ числѣ членовъ клуба, въ который поспѣшилъ записаться директоръ, находился столоначальникъ или секретарь какой-то палаты, прежде бывшій его ученикомъ. Пересматривая какъ-то списокъ, новый нашъ начальникъ съ ужасомъ увидѣлъ, что онъ поставленъ въ обществѣ на одну доску съ своимъ ученикомъ — да по списку членовъ еще ниже его!.. Тутъ какъ-то скоро случилось собраніе членовъ и старшинъ, и злополучный директоръ объявилъ имъ, что принужденъ выйти изъ клуба, «потомучто не намѣренъ стоять на одной ступени съ человѣкомъ, котораго пороль изъ собственныхъ рукъ»... Какъ ни просты были его слушатели, но такое киргизъ-кайсацкое мнѣніе поразило ихъ до того, что кто-то замѣтилъ директору, что «клубъ ничего не потеряетъ съ его выходомъ»...

Другой фактъ:

Одному изъ моихъ товарищей случилось проходить мимо дома одного изъ мѣстныхъ бюрократовъ, гдѣ подъ окномъ сидѣли хозяинъ и директоръ. Ученикъ почему-то не поклонился. Пришедши въ классъ, директоръ разбранилъ его за такую дерзость.

— Я близорукъ, замѣтилъ ученикъ.

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ всегда снимать шапку передъ домомъ его превосходительства, потомучто ты не видишь, есть ли кто подъ окномъ, или нѣтъ...

Множество фактовъ подобнаго рода, прямо вытекавшихъ изъ субъективной недалекости директора, скоро подорвали даже то небольшое уваженіе, какимъ сначала пользовался онъ въ гимназіи, а въ обществѣ онъ сдѣлался предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ, причемъ впрочемъ по прежнему сохранялъ свой гордый, недоступный видъ. Въ гимназіи безпрестанно разсказывали о немъ различные анекдоты, пародировали его голосъ и манеры и, наконецъ, окрестили незатѣйливымъ именемъ Олёхи, поставивъ его такимъ образомъ наряду съ Петькой, Митькой-Сайгой, Макаркой и прочими.

Совершенно иной человѣкъ былъ инспекторъ, захватившій

Digitized by Google

въ свои руки управленіе гимназіей и производившій различныя реформы, долженствовавшія, по его мнѣнію, имѣть благотворное вліяніе на внѣшнюю и внутренную жизнь заведенія. Энергіи въ немъ, правда, было довольно много, но что значила она при его взглядѣ на воспитаніе? Могли ли привести эти крайнія, дикія мѣры къ какимъ-нибудь добрымъ, порядочнымъ результатамъ?.. Прежде всего, увидѣвши напримѣръ, что учителя ничего не дѣлаютъ, онъ или заставилъ ихъ заниматься, или вытѣснилъ въ отставку совершенно уже неспособныхъ дѣлать хотя что-нибудь. И дѣйствительно, многіе изъ прежнихъ нашихъ наставниковъ принялись за дѣло, но принялись изъ-подъ палки, по принужденію, давно уже потерявъ и охоту, и умѣнье учить чему-нибудь, почему положеніе учениковъ сдѣлалось до крайности тяжолымъ. Начались строгія преслѣдованія лѣнивцевъ, для возбужденія которыхъ инспекторъ употреблялъ розгу, и гимназія превратилась въ какую-то кордегардію, откуда то и дѣло слышались вопли и крики. Кромѣ наказаній за уроки, наказывали за всевозможныя продѣлки, о которыхъ инспекторъ узналъ отъ различныхъ шпіоновъ, выбранныхъ изъ сторожей и учениковъ. Съ какимъ варварствомъ и невозмутимымъ хладнокровіемъ производились эти наказанія, можно судить по слѣдующему случаю, — случаю, какихъ наберется не одинъ десятокъ:

Мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, бывшій кажется въ третьемъ классѣ, плохо учился изъ нѣмецкаго языка. Инспектору надоѣло сѣчь его за каждый невыученый урокъ, и вотъ онъ придумалъ посадить его на недѣлю въ карцеръ, гдѣ бы онъ занимался исключительно нѣмецкимъ языкомъ, а между тѣмъ, для поддержанія въ немъ энергіи, ежедневно давать ему по семидесяти розогъ. Однажды задавшись какимъ-нибудь вопросомъ, настойчивый инспекторъ не любилъ отступать отъ него безъ отвѣта, и бѣдный мальчикъ дѣйствительно вытерпѣлъ положенное истязаніе втеченіе недѣли.

Всѣ наказанія однако приносили слишкомъ мало пользы, развивая въ получавшихъ ихъ терпѣніе и упорство, что впрочемъ не мѣшало таки безумному инспектору слѣдовать однажды навсегда предначертанному плану.

Здѣсь нелишне будетъ сказать нѣсколько словъ объ учителяхъ, изъ которыхъ многіе, съ переходомъ моимъ въ четвертый классъ, были люди почти неизвѣстные мнѣ до тѣхъ поръ, пото-

Digitized by Google

мучто циклъ изучаемыхъ предметовъ значительно расширился; изъ прежде же поучавшихъ, одни преподавали новыя науки, другіе изъ лѣнтяевъ сдѣлались вдругъ необыкновенно прилежными и совершенно измѣнились, т. е. по внѣшности.

Въ четвертомъ классѣ мнѣ приходилось узнать и алгебру съ геометріей, и исторію съ словесностью, и греческій языкъ, такъ что поневолѣ призадумаешься передъ такою програмою! Къ этому нужно прибавить, что при тогдашнемъ методѣ преподаванія, всѣ гимназическіе предметы до того были отдѣлены другъ отъ друга, что при изученіи какого-нибудь новаго, имѣющаго прямую аналогію съ только-что пройденными, ученикъ становился совершенно въ тупикъ и безсознательно заучивалъ мертвыя буквы учебника. Учителя мало заботились объ истолкованіи задаваемаго урока и ограничивались только короткимъ рыканіемъ: «отъ сихъ до сихъ...» Помню напримѣръ, какъ учитель алгебры, желая похвастаться ученостью, иногда задавалъ намъ такія задачи, къ которымъ никто не могъ даже и приступиться. За одну изъ такихъ задачъ, неразрѣшонныхъ нами, учитель поставилъ весь классъ на колѣни. Вошолъ инспекторъ и спросилъ, за что мы наказаны.

— Да вотъ неопредѣленное уравненіе не умѣли рѣшить... Лѣнтяи! ничего не дѣлаютъ, отвѣчалъ учитель.

— А вы имъ разрѣшите и объясните, замѣтилъ инспекторъ, и сѣлъ на стулъ, желая видѣть, какъ разрѣшитъ и объяснитъ учитель (инспекторъ былъ математикъ).

Лысый, постоянно полупьяный учитель невольно долженъ былъ повиноваться. Онъ подошолъ къ доскѣ, крякнулъ, почесалъ лысину и принялся разрѣшать задачу; обломки мѣла такъ и летѣли въ стороны. Написавши довольно много, учитель посмотрѣлъ, посмотрѣлъ — и стеръ; опять написалъ — опять стеръ. Снова принялся писать, таже исторія. Инспекторъ улыбнулся, всталъ со стула и, пробормотавъ «мудреная задача!» вышелъ изъ класса, посадивши насъ по мѣстамъ; а находчивый учитель, начисто вытирая доску, громко произнесъ:

— И такъ, эту задачу, которую я разрѣшилъ теперь вамъ, вы должны приготовить къ слѣдующему классу.

— Да приготовить, батюшки!.. а то всѣхъ перепорю! скрежеща зубами заревѣлъ лысый учитель.

Этому-то существу я обязанъ моими познаніями въ алгебрѣ,

Digitized by Google

физикѣ и тригонометріи, о которыхъ всегда имѣлъ и имѣю самое смутное понятіе. Предметовъ, излагаемыхъ имъ, онъ не зналъ и довольствовался тѣмъ, что ученики зазубривали урокъ свой по учебнику слово-въ-слово. Такъ напримѣръ одинъ изъ моихъ товарищей на вопросъ лысаго учителя «почему это такъ?» всегда отвѣчалъ: «о семъ сказано въ такомъ-то параграфѣ», и учитель удовлетворялся.

Замѣчательный оригиналъ былъ учитель греческаго языка. Свой предметъ онъ зналъ отлично, но прослуживши около тридцати лѣтъ учителемъ, потерялъ всякую охоту къ передачѣ своихъ знаній и постоянно занимался въ классѣ пустою болтовнею, разсказывая событія изъ своей домашней жизни.

— У меня сегодня Васса больна (Васса — его кухарка Василиса), разсуждалъ онъ, обращаясь къ цѣлому классу и разводя руками.—Вотъ по той причинѣ и хожу въ нечищенныхъ сапогахъ. (Учитель поднималъ ногу; всѣ улыбались)... Батракъ (работникъ, онъ же кучеръ) не могъ вычистить, сколь я его ни принуждалъ: «не умѣю», говоритъ.

Иногда греческій учитель любилъ поговорить и о литературѣ; тогда разговоръ тотчасъ же склонялся на Лермонтова и Пушкина, къ которымъ старикъ за что-то питалъ глубокую ненависть.

— Что́ мнѣ ваши Лермо́нтовы, Пушкины! обыкновенно говорилъ онъ мягкимъ, какъ будто сукопнымъ языкомъ: — болваны! дрянь!.. Вонъ Софоклъ, Аристофанъ, Херасковъ, Капнистъ, вотъ это писатели, этихъ совѣтую читать, а Лермо́нтовъ и Пушкинъ — болваны!

Какъ только мы перешли въ четвертый классъ и явились на урокъ къ этому учителю, онъ сейчасъ же роздалъ намъ толстый лексиконъ, нѣкогда сочиненный имъ.

— За него вы заплатите мнѣ каждый сообразно своему состоянію. А книга хорошая, полезная, безъ нея не обойдетесь, разсуждалъ авторъ.

Дѣйствительно, книга эта впослѣдствіи весьма и весьма пригодилась матушкѣ для различныхъ хозяйственныхъ подѣлокъ: при печеніи пироговъ, завертываніи различныхъ цѣлебныхъ травъ и кореньевъ, завязываніи банокъ съ вареньемъ и проч.

Особенно забавлялъ насъ учитель, когда, выйдя на крыльцо, кричалъ: «батракъ! подавай скотину!» т. е. «кучеръ, подавай

Digitized by Google

лошадь!» — этотъ оборотъ рѣчи всегда приводилъ насъ въ восторгъ.

Съ учителемъ греческаго языка оригинальностью могъ поспорить развѣ только учитель исторіи, у котораго учебникъ Кайданова считался единственнымъ научнымъ пособіемъ и который простодушно увѣрялъ, что римляне ѣздили на оленяхъ. Въ классѣ онъ постоянно спалъ, а ученики поочередно вставали и какъ будто отвѣчали урокъ, бормоча всевозможныя нелѣпости: это вначалѣ дѣлалось для инспектора, который посмотрѣвши въ окно, видѣлъ бы, что урокъ идетъ какъ слѣдуетъ. Въ ясные, солнечные дни сладкій сонъ учителя обыкновенно нарушался его слушателями, имѣвшими привычку посредствомъ осколковъ зеркалъ отражать лучи свѣта въ глаза своего наставника; такая забава длилась иногда во все продолженіе урока и учитель уходилъ изъ класса взбѣшоннымъ.

Петька, съ которымъ я имѣлъ уже счастье познакомиться при самомъ поступленіи въ гимназію, читалъ въ четвертомъ классѣ и далѣе геометрію, которую излагалъ всегда съ удивительнымъ краснорѣчіемъ и совершенно непонятно. Съ учениками своими онъ попрежнему обходился съ заносчивостью и презрѣніемъ, однихъ считая «мужичками», другихъ «замарашками.»

Словесность, прежде преподаваемую какимъ-то старичкомъ по книжкѣ Кошанскаго, читалъ теперь новый учитель, только-что окончившій курсъ въ одномъ изъ столичныхъ университетовъ. Это была свѣжая, молодая натура, полная силъ и энергіи, человѣкъ обладавшій огромными спеціальными и энциклопедическими познаніями, что и заставило его довольно скоро выбрать болѣе широкую арену для своей дѣятельности. Но и въ то недолгое время, которое учитель пробылъ въ нашей гимназіи, глубоко была потрясена имъ старая система воспитанія и память объ немъ навсегда сохранилась между его учениками. Учителя тоже помнили и помнятъ молодого учителя словесности, постоянно упрекавшаго ихъ въ жестокосердіи и неумѣньи передавать взятаго на себя предмета. Все измѣнилось навремя подъ благотворнымъ вліяніемъ этого умнаго, гуманнаго человѣка. Въ ученикахъ своихъ онъ умѣлъ развить охоту къ чтенію, постоянно прочитывая самъ различныя книги и, кромѣ того, снабжая ими желающихъ. Уроки всегда разсказывались имъ съ такою ясностью и такъ понятно, что каждый

Digitized by Google

могъ повторить ихъ, не прочитывая по книгѣ. Кромѣ своего предмета, онъ сообщилъ намъ необходимыя понятія почти о всѣхъ наукахъ, показавъ въ тоже время методъ къ изученію ихъ и степень важности каждой во всеобщемъ знаніи. Съ какою радостью мы встрѣчали всегда этого человѣка и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали его рѣчи, всегда тихой, нѣжной и ласковой, если она обращалась къ намъ лично, и живой и понятной, если онъ передавалъ намъ какія-нибудь научныя свѣденія. Въ классѣ господствовала мертвая тишина; даже самые шаловливые мальчики затихали и напрягали слухъ, боясь проронить хотя одно слово... Особенно полное и глубокое впечатлѣніе онъ произвелъ на насъ чтеніемъ Жуковскаго, къ поэзіи котораго питалъ тогда особенную наклонность нашъ дѣтскій, мечтательный умъ. Мы, помню, плакали надъ сказкой «Рустемъ и Зорабъ», прочитанной, правда, съ необыкновеннымъ умѣньемъ и чувствомъ. До какой степени было сильно вліяніе учителя словесности на всѣхъ его окружающихъ, можно судить напримѣръ уже потому, что учитель греческаго языка пересталъ бранить Лермонтова и Пушкина, а учитель исторіи отказался отъ римскихъ оленей и, кромѣ того, началъ спрашивать хронологію различныхъ историческихъ событій, думая, что теперь уже исчерпывается вся наука. Математики, прежде занятые разговорами о различныхъ пирушкахъ и попойкахъ, въ которыхъ принимали живѣйшее участіе, тоже бросились въ науку, стараясь отыскать «квадратуру круга», и можетъ-быть нашли бы, если бы отъѣздъ учителя не вывелъ ихъ опять на житейскую дорогу. Инспекторъ смотрѣлъ искоса на новатора и попрежнему продолжалъ сѣчь лѣнивцевъ, уводя впрочемъ ихъ въ нижній этажъ, откуда неслышны были уже вопли...

Особенно много приходилось учителю спорить съ директоромъ касательно такъ называемыхъ литературныхъ бесѣдъ. Бесѣды эти назначались для учениковъ шестаго и седьмого классовъ; на нихъ прочитывалось сочиненіе, написанное кѣмъ-нибудь изъ учениковъ, и защищалось имъ же противъ возраженій, дѣлаемыхъ его товарищами. Директоръ поставлялъ каждому въ непремѣнную обязанность «возражать»; кто не дѣлалъ этого, тотъ или ставился имъ на колѣни, или былъ осыпаемъ всевозможными ругательствами. Кромѣ того, темы для сочиненій назначались самаго возвышеннаго характера: «о благородствѣ души», «о во-

Digitized by Google

лѣ», «о различіи между разсудкомъ и разумомъ, степени аналогіи ихъ между собою и сліяніи въ одномъ общемъ источникѣ — умѣ» и проч. и проч. Такая чепуха разумѣется не понравилась молодому учителю, и онъ возсталъ какъ противъ дурного обращенія съ взрослыми учениками, такъ равно и противъ тѣмъ съ философскимъ или психологическимъ оттѣнкомъ. Директоръ противился. Тогда учитель наотрѣзъ отказался посѣщать бесѣды. Дѣлать было нечего: упорный любитель возвышенныхъ темъ и низкой брани принужденъ былъ уступить, и бесѣды приняли живой, осмысленный характеръ, лишонный пареній и колѣнопреклоненія.

Молодой учитель пробылъ въ нашей гимназіи довольно недолго, оставивъ однако добрую, прочную память по себѣ между учениками и преслѣдуемый проклятіями своихъ товарищей, крелитъ которыхъ между воспитанниками былъ подорванъ навсегда и грубая матеріальная сила уже не могла служить опорою въ отношеніяхъ между оставшимися учителями и учениками. Кафедра словесности скоро была занята другимъ кроткимъ и умнымъ человѣкомъ, не имѣвшимъ однако той энергіи, какою владѣлъ прежній учитель.

Тутъ учителя начали смѣняться какъ-то слишкомъ часто; но не одинъ изъ нихъ не отличался особенно похвальными качествами, хотя многіе пріѣзжали прямо съ университетской скамейки, гдѣ, какъ извѣстно, каждый «кипитъ, желаетъ...»

Но вѣрно такова уже среда, что попавши въ нее человѣкъ невольно отрѣшается отъ всего, что вчера только было дорого его сердцу, что составляло предметъ безплодныхъ мечтаній. Дѣйствительно, каждый изъ только-что выпущенныхъ молодыхъ людей какъ нарочно дѣлался именно тѣмъ, къ чему онъ былъ менѣе всего приготовленъ, но никогда не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ и способенъ былъ быть, къ чему онъ готовился нѣсколько лѣтъ. Вмѣсто учителей, гимназія всегда имѣла отличныхъ карточныхъ игроковъ, великолѣпныхъ пьяницъ, изящныхъ кавалеровъ и проч., — но никогда почти не имѣла опытныхъ и добросовѣстныхъ наставниковъ, въ чемъ она постоянно нуждалась. Правда, иногда пожалуй попадались учителя до того добросовѣстные въ выполненіи своихъ обязанностей, что ученики бѣгали отъ ихъ классовъ, потомучто добросовѣстный наставникъ гнулъ Богъ вѣсть какую ерунду, думая, что этимъ онъ развиваетъ своихъ

Digitized by Google

слушателей. Между ними особенно замѣчателенъ былъ новый учитель исторіи.

Это была мизерная фигурка, лѣтъ двадцати, только-что выпущенная изъ педагогическаго института съ серебряной медалью (отчего же не съ золотой?). Педагогъ, на первый же разъ, застѣнчиво объявилъ намъ, что онъ пріѣхалъ только на время, что его таланты замѣчены правительствомъ и скоро онъ будетъ отправленъ за границу, а потомъ займетъ кафедру въ иркутскомъ университетѣ (тогда носились слухи объ открытіи университета въ Сибири). Профессорская кафедра была пунктомъ помѣшательства новаго учителя. Спросивши насъ о пріобрѣтенныхъ нами знаніяхъ въ исторіи, учитель сказалъ, что его методъ преподаванія будетъ совершенно иной: что онъ будетъ читать лекціи, а не задавать уроки, почему всѣ мы должны были внимательно слушать его и записывать. У меня гдѣ-то еще сохранились отрывки изъ его лекцій, обличающія въ quasi-профессорѣ крайнее тупоуміе и неумѣнье даже говорить почеловѣчески. Наконецъ наскучило учителю готовить лекціи, и вотъ онъ принялся прочитывать намъ различныя эпохи по книгамъ. Такъ напримѣръ тридцатилѣтнюю войну онъ читалъ цѣлый годъ по Шиллеру, ломка котораго производилась при помощи лексикона, отчего постоянно получался удивительнѣйшій наборъ словъ при совершенномъ отсутствіи даже граматической связи. Римскую исторію заблагоразсудилъ онъ изложить по Нибуру, искаженіемъ котораго также занимался почти годъ и тоже при помощи лексикона. Предоставивъ учителю коверкать великихъ писателей, мы занимались въ это время карточной игрой или какимъ-нибудь подобнымъ дѣломъ, все-таки болѣе интереснымъ чѣмъ лекціи.

Особенно выразилась недалекость quasi-профессора по слѣдующему обстоятельству:

Одинъ изъ учениковъ гимназіи по окончаніи курса намѣревался ѣхать въ университетъ. Учитель почему-то заблагоразсудилъ протежировать ему и далъ письмо къ профессору исторіи въ томъ университетѣ, куда ѣхалъ молодой человѣкъ. Не довѣряя учителю и плохо полагаясь на его благоразуміе, ученикъ вскрылъ письмо и къ удивленію своему прочелъ въ немъ слѣдующее:

«Милостивый государь! (писалъ quasi-профессоръ) Извините, что я, человѣкъ совершенно незнакомый вамъ, осмѣливаюсь рекомендовать молодого юношу, подателя настоящаго письма,

Digitized by Google

какъ способнѣйшаго и даровитѣйшаго изъ моихъ учениковъ. Главная же цѣль письма, милостивый государь, состоитъ въ томъ, что я прошу у васъ извиненія за то, что не могу пріѣхать къ вамъ университетъ держать экзаменъ на магистра, потомучто считаю болѣе выгоднымъ ѣхать въ университетъ нашего округа.

«Имѣю честь быть и проч.,

такой-то.»

Письмо быстро разошлось между гимназистами и по поводу его было сочинено ими множество забавныхъ анекдотовъ.

Наскучивъ безплодными самоубиваніями, да кромѣ того, получая постоянно выговоры отъ директора за дурные наши отвѣты на экзаменахъ, учитель рѣшился наконецъ покориться необходимости и взявъ какое-то руководство, принялся подобно прочимъ сослуживцамъ задавать уроки, ограничиваясь скромнымъ замѣчаніемъ: «отъ сихъ и до сихъ...»; самъ между-тѣмъ пустился въ свѣтъ, гдѣ привелъ всѣхъ въ восторгъ своею любезностью и ловкостью, а тамъ, попавшись въ сѣти какой-то дѣвицы, женился, — ну, и конецъ всему! прощай и Иркутскъ, и Европа, и кафедра! Правда, мысль о профессорствѣ никогда не покидала бѣдняка, и долго-долго среди различныхъ соло слышались возгласы молодого человѣка, что ему предстоитъ отправиться за границу и потомъ занять кафедру; но это были уже пустые звуки, а вѣдь прежде человѣкъ трудился для подобной цѣли!

Вотъ та двойная эгида, подъ гнетомъ которой я быстро выросталъ въ юношу, готоваго ежеминутно расправить крылья и вспорхнуть свободно и самостоятельно... Поставленный въ дурное положеніе дома, въ гимназіи я попадалъ въ положеніе еще худшее. Умъ мой нигдѣ не находилъ пищи для своего правильнаго развитія и, или безплодно засыпалъ, или устремлялся со всею жадностью голоднаго бѣдняка на первую попавшуюся пищу, отчего, прежде всего и сильнѣе, развивались во мнѣ дурныя наклонности, заглушая находившіяся въ бездѣйствіи и снѣ добрыя начала. Кромѣ «Выжигиныхъ», «Мазепы» и еще кое-какой подобной дряни я ничего не успѣлъ прочесть до 15—16 лѣтъ, потомучто книгъ достать было негдѣ, денегъ, на которыя я могъ бы купить ихъ, не было, а библіотека отца состояла изъ псалтыря, молитвенника и пресловутаго календаря, выдержки изъ котораго я привелъ въ началѣ записокъ. Чтоже оставалось дѣлать въ подобномъ положеніи? Нужно же куда-нибудь направить молодыя, кипучія

Digitized by Google

силы... Разумѣется, приходилось дѣлать вещи нехорошія, развивать себя тою стороною, отъ которой долго-долго впослѣдствіи не можетъ отучиться слабая натура, правда уже узнавшая настоящую дорогу. А между-тѣмъ я думалъ ѣхать въ университетъ, для котораго былъ столько же приготовленъ, какъ портной для сапожнаго мастерства. Я не зналъ не только на что я пригоденъ, но даже сомнѣвался — пригоденъ ли я на что-нибудь? Такая мысль по крайней мѣрѣ пришла мнѣ наканунѣ моего отъѣзда съ родины, и я дѣйствительно увидѣлъ, что гимназія не только не дала мнѣ ничего, но даже отняла послѣднюю надежду въ собственныя силы, въ сознаніе своего человѣческаго я... Но объ этомъ послѣ; теперь скажемъ нѣсколько словъ о нашей общественной и домашней жизни.

Городъ нашъ, какъ и слѣдуетъ всякому городу, имѣлъ различныя учрежденія, изъ которыхъ объ одномъ — театрѣ — я уже говорилъ; кромѣ театра въ немъ было также собраніе, куда мы иногда отправлялись на такъ называемые дѣтскіе балы, въ залъ, или просто въ качествѣ зрителей — на хоры, откуда съ любопытствомъ смотрѣли на танцующихъ. Хоры были устроены такимъ образомъ, что видно было только изъ первыхъ мѣстъ, остальные зрители созерцали потолокъ и люстру, что впрочемъ не мѣшало приходить имъ въ совершенный восторгъ. Для того, чтобы занять переднія мѣста, нужно было ѣхать слишкомъ рано, когда еще не зажигаютъ свѣчей, почему любители брали съ собой огарки, которые такимъ образомъ освѣщали ихъ среди тьмы. Дѣтскіе балы, на которыхъ я участвовалъ, и которые мнѣ, непривыкшему къ обществу, сильно не нравились, имѣли, по тогдашнему моему мнѣнію, большое сходство съ кулачными боями, до которыхъ я былъ большой охотникъ. И дѣйствительно, какъ тамъ, такъ и здѣсь, сначала выпускаются маленькіе, а большіе смотрятъ; потомъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, большіе мало по малу разгорячаются и выступаютъ на сцену, оттѣсняя дѣтей на задній планъ. Между большими особенно мнѣ нравился необыкновенно развязный молодой человѣкъ, котораго къ концу вечера постоянно выводили изъ залы, потомучто онъ или канканировалъ, или отплясывалъ трепака, среди монотонныхъ и крайненравственныхъ провинціальныхъ барышень.

Учрежденія подобнаго рода, ясно указывающія на нѣкоторую развитость тогдашняго общества, какъ-то не гармонировали

Digitized by Google

съ его понятіями, въ доказательство нелѣпости которыхъ я приведу нѣкоторые факты.

Лѣтомъ, въ концѣ іюня, явился неизвѣстно откуда пророкъ, *кто* доказывавшій, что на петровъ день городъ провалится сквозь землю. Предвѣщатель былъ посаженъ въ часть, и полиція, при всемъ своемъ стараніи, никакъ не могла убѣдить жителей въ ложности подобнаго предсказанія. Простолюдины вывезли изъ города свое имущество, а такъ называемое общество, хотя и не раздѣляло мнѣній черни, однако все-таки заблагоразсудило выѣхать въ этотъ день изъ города, думая, что «пожалуй и провалится»... Прошолъ день Петра и Павла, прорицатель получилъ порядочную порцію розогъ, бѣглецы возвратились въ городъ, — и общество опять зажило прежнимъ порядкомъ, выжидая новаго пророка.

Но вмѣсто пророка явилось нѣчто лучшее...

Разъ, поутру, возвратившись съ базара, отецъ сообщилъ намъ, что «въ третью часть взятъ «оборотень» — и совѣтовалъ сходить посмотрѣть его. Дѣйствительно, около части собралось множество народа, между которымъ виднѣлись и члены лучшаго нашего общества. Мы взобрались на заборъ и видѣли только какъ будочникъ билъ палкою какого-то мужика, требовавшаго, чтобы ему показали оборотня. Потомъ нѣсколько полицейскихъ солдатъ принялись разгонять толпу, вокругъ которой уже устроилось катанье, и цвѣтъ нашего общества, заинтересованный оборотнемъ, разъѣзжалъ кругомъ части.

Вообще понятія тогдашняго общества были слишкомъ ограниченны; предразсудковъ въ немъ держалась цѣлая тьма и взглядъ на вещи обусловливался извѣстными чертами, однажды навсегда привитыми няньками, бабками, или переходящими по наслѣдству отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку. Такъ напримѣръ явилась комета — война будетъ; а кто поученѣе да поумнѣе, сейчасъ объяснитъ, что бѣлый и черный арабъ идутъ на Россію. Томится въ агоніи какая-нибудь старуха-купчиха, — цѣлый городъ кричитъ: «вѣдьма! надо конекъ у крыши поднять!» Подъ колѣнкой чешется — голодъ будетъ; переносица — наборъ... Однимъ словомъ, всѣ понятія были точно такого же сорта, какими были они нѣсколько лѣтъ тому назадъ во всѣхъ нашихъ провинціяхъ. Объ газетахъ и такъ называемой политикѣ никто не смѣлъ и подумать. Политическія новости приносились или солда-

Digitized by Google

тами, шедшими на побывку, или старушками, приходившими изъ отдаленныхъ деревень и увѣрявшими, что все это объяснилъ какой-нибудь сидень-бобыль, сорокъ лѣтъ не встававшій съ мѣста. Если же кто-нибудь осмѣливался противорѣчить подобнымъ выдумкамъ, его называли вольнодумцемъ, — что и случилось съ нашимъ любимымъ учителемъ словесности, старавшимся по возможности распространять въ обществѣ здоровыя понятія. И дѣйствительно, тогдашняя литература, правда, достаточно уже богатая, но слишкомъ мало относившаяся къ жизни, слишкомъ замкнутая въ самой себѣ, не могла заинтересовать общество, для котораго литература постоянно служила не пищей, а забавой, развлеченіемъ; — вотъ почему въ большинствѣ тогдашней провинціальной молодежи, дурно воспитанной и мало развитой, литература не могла имѣть успѣха, потомучто была слишкомъ скучнымъ развлеченіемъ, слишкомъ головоломной забавой. Бывали, правда, исключенія и здѣсь, но по своей малочисленности они совершенно терялись въ тупой, невѣжественной массѣ, воспитавшейся на банальныхъ французскихъ романахъ и отечественныхъ поддѣлкахъ въ родѣ романовъ Булгарина, Зотова и другихъ.

Передъ окончаніемъ мною курса отецъ потерялъ мѣсто брантмейстера, потомучто начальство нашло его устарѣвшимъ для отправленія этой должности. Старшій братъ, долго страдавшій въ гимназіи, наконецъ вышелъ, не окончивши курса, и при помощи нѣкоторыхъ знакомыхъ и пріятелей отца, которые успѣли убѣдить его отпустить брата въ одну изъ столицъ, уѣхалъ для изученія медицины въ высшемъ медицинскомъ заведеніи.

Тутъ скоро случилось въ нашемъ городѣ происшествіе, именно похищеніе и убійство двухъ или трехъ мальчиковъ. Завязалось огромное дѣло; пріѣхала цѣлая комиссія для его изслѣдованія, и отецъ снова получилъ мѣсто смотрителя при вновь-устроенной исключительно для этого случая тюрьмѣ. Здѣсь собрано было нѣсколько десятковъ ихъ и вмѣстѣ съ ними туда же посаженъ одинъ изъ частныхъ приставовъ, сослуживецъ отца. Арестантовъ содержали очень строго, каждаго въ отдѣльной комнатѣ. Отецъ перебрался въ новую тюрьму одинъ, потомучто для семейства не было въ ней помѣщенія, что впрочемъ весьма обрадовало насъ. Дѣло длилось около года и когда окончилось, то отецъ снова переселился изъ тюрьмы.

Digitized by Google

Между тѣмъ подходило время выпускныхъ экзаменовъ, которыхъ я впрочемъ не боялся, потомучто втеченіе года постоянно былъ первымъ ученикомъ. Товарищи мои начали поговаривать объ университетѣ, перебирали различные факультеты, совѣтовались межлу собою и проч. Я не могъ принять участія въ ихъ разсужденіяхъ, потомучто не зналъ мнѣнія отца объ этомъ предметѣ. Помнилъ только, что нѣсколько времени тому назадъ отецъ говорилъ мнѣ, что въ военную службу я не гожусь — трусъ, потому онъ намѣренъ пустить меня «по штатской». Братъ между тѣмъ въ своихъ письмахъ постоянно совѣтовалъ отцу отправить меня въ университетъ, представляя различные резоны, на которые отецъ отвѣчалъ только помахиваніемъ головы и извѣстною фразою, что онъ учился на мѣдныя деньги — и дѣтей такъ же хочетъ образовать.

Экзамены прошли благополучно. Я окончилъ курсъ первымъ ученикомъ и имѣлъ кромѣ того право на поступленіе въ университетъ безъ экзамена. Выкупивши изъ гимназической библіотеки нѣсколько негодныхъ книгъ, раздававшихся тогда всѣмъ окончившимъ курсъ за довольно повышенную цѣну въ видахъ очищенія подваловъ гимназіи отъ этого мусора, и получивъ атестатъ, я явился къ отцу и показалъ ему то и другое.

— Куда же ты хочешь теперь поступить? спросилъ вдругъ отецъ, разсматривая мой атестатъ.

— Мнѣ бы хотѣлось въ университетъ, отвѣчалъ я какъ-то глупо, дѣйствительно не понимая хорошенько, зачѣмъ я поѣду туда?

— Да что ты тамъ будешь дѣлать? спросилъ отецъ, глядя на меня.

— Я буду учиться...

— Мало ты еще тутъ учился всему: и въ острогѣ учился, и въ гимназіи учился, возразилъ отецъ.

— Всѣ товарищи ѣдутъ, ввернулъ я.

— Вотъ то-то и плохо, что ты ѣдешь не по собственному желанію, а потомучто другіе такъ дѣлаютъ. А ты скажи, самъ-то хочешь-ли? И потомъ, не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ: — Впрочемъ поѣзжай, съ Богомъ!

Я бросился цѣловать его руки, обрадовавшись чему-то, а почему — этого не могъ понять.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я тогда ѣхалъ въ университетъ?

Digitized by Google

имѣлъ ли я хотя нѣкоторое понятіе о томъ, что̀ ожидаетъ меня впереди? чѣмъ казались мнѣ науки, которыя я долженъ буду проходить?.. На всѣ эти вопросы я могу откровенно отвѣчать только одно: «ничего этого я не понималъ...» Я ѣхалъ потому-что ѣхали другіе, выбралъ извѣстный факультетъ опять-таки потомучто и другіе его выбрали; а эти *другіе* столько же знали все это, какъ и я. Однимъ словомъ, собралась толпа глупыхъ юношей и, ровно ничего не понимая, разрѣшила все безъ малѣйшаго затрудненія. Были, правда, нѣкоторые споры о томъ, кому какой факультетъ избрать, но они прекратились весьма скоро, потомучто каждому ничего не стоило взять тотъ или другой, смотря потому, какъ это нравилось большинству.

— Кто на юридическій поступаетъ? спрашивалъ чей-нибудь голосъ.

— Я, былъ отвѣтъ.

— Что тебѣ за охота быть крючкомъ? спрашивали юриста.

— Ну, такъ я на камеральный поступлю.

— Камералы дураки, замѣчали ему. А ты поступай-ка на медицинскій: всѣ поступаютъ на медицинскій.

— Ну, хорошо...

Разсужденія при выборѣ факультетовъ были дѣйствительно въ подобномъ родѣ, и каждый послѣ думалъ, что онъ обсудилъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, что факультетъ онъ выбралъ вполнѣ соотвѣтствующій его способностямъ и силамъ и т. д. и т. д.

Вотъ наконецъ наступило время покинуть родной городъ. Въ роковой день всѣ собрались въ залъ; отецъ вынесъ икону, благословилъ, поцѣловался со мной трижды и предоставилъ дальнѣйшіе проводы матушкѣ, братьямъ и сестрамъ, которые намѣревались проводить меня за городскую заставу. Выѣзжая со двора, я взглянулъ на нашъ милый домъ, гдѣ столько лѣтъ тянулось мое дѣтство, — и слезы невольно покатились изъ глазъ. Вотъ проѣхали мы мимо гимназіи, проѣхали еще нѣсколько знакомыхъ домовъ и на насъ вдругъ глянулъ цѣлою сотнею оконъ острогъ. Еще грустнѣе, еще тяжеле сдѣлалось мнѣ.

— Вотъ, Миша, и острогъ, замѣтила матушка сквозь слезы: — тутъ мы жили когда-то ..

— Да... могъ только отвѣтить я, потомучто слезы совершенно душили меня.

За городской заставой мы простояли нѣсколько минутъ, по-

Digitized by Google

томучто должны были дождаться ѣхавшихъ вмѣстѣ со мной товарищей. Наконецъ — все готово; я прощаюсь съ родными въ послѣдній разъ, раздается звукъ колокольчика и тройка трогается... Прощай, родина!

Да, какъ ни тяжела моя дѣтская жизнь, какъ ни мало осталось свѣтлыхъ воспоминаній и какъ ни безобразны всѣ воспоминанія, встающія теперь въ моей памяти, — но сердце все-таки тревожно бьется при мысли, что въ этомъ уголкѣ протекли цѣлыя 11—12 лѣтъ, что на этомъ кладбищѣ, гдѣ многіе погребли цѣлыя жизни, и я вижу свѣжую могилу моего дѣтства! И вотъ сами собой шепчутся слова поэта:

Родина-мать! . . . . . .
. . . . . .
Сколько-бъ на нивахъ безплодныхъ твоихъ
Даромъ ни сгинуло силъ молодыхъ,
Сколько бы ранней тоски и печали
Долгія бури твои ни нагнали
На боязливую душу мою —
Я побѣжденъ предъ тобою стою!

М. ВОРОНОВЪ

Digitized by Google

ОТЪ БОСФОРА ДО ПЕРСИДСКАГО ЗАЛИВА

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ, ВЕДЕННЫХЪ ВО ВРЕМЯ ЧЕТЫРЕХЛѢТНЯГО ПУТЕШЕСТВІЯ ДЕМАРКАЦІОННОЙ КОМИССІИ ПО ТУРЦІИ И ПЕРСІИ

ПРОДОЛЖЕНІЕ

МАЛАЯ АЗІЯ

ГЛАВА V (*)

Масляница безъ блиновъ, но не безъ переодѣваній и ледяныхъ горъ. Картина нашего каравана. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Мятелица. Д. Инебазаръ. Долина Болосъ. Д. Чифтликъ. Турецкій комиссаріатскій чиновникъ. Выступать въ походъ или не выступать. Чамлы-Биль. Воспоминаніе о Кіоръ-оглу. Ханъ султанъ Мурада. Ночлегъ въ Ени-Базарѣ. Послѣдній переходъ до Сиваса. Историческія воспоминанія. Настоящее положеніе города.

Была масляница, но блиновъ не было. Да и до блиновъ ли было намъ! Но если русскіе желудки наши лишены были на этотъ разъ обычнаго своего лакомства, зато въ нашихъ глазахъ, съ самаго вступленія на анатолійскій берегъ, постоянно пестрѣли и кружились масляничныя явленія: это ледяныя горы, по которымъ скользили мы на лошадяхъ своихъ, и разнообразіе причудливыхъ характерныхъ костюмовъ, какъ на жителяхъ проходимыхъ нами мѣстностей, такъ и на насъ самихъ; такъ что еслибъ караванъ нашъ, со всею своею оригинальною обстановкою, появился въ эту прожорливую и гульливую недѣлю на одной изъ нашихъ улицъ, его бы

(*) См. «Время» за іюнь и августъ 1861 года.

Digitized by Google

признали за очень удачно и очень эффектно костюмированный поѣздъ:

Впереди шагалъ турокъ-проводникъ, завернутый въ свою полосатую ямапчу и вооружонный дубиною; за нимъ ѣхали два нашихъ кавваса (1), Османъ, молодой и очень красивый малый, и Аблурреззакъ, очень немолодой и очень некрасивый усачъ, нанятые комиссіею въ Константинополѣ. Оба въ фескахъ, повитыхъ жолтымъ платкомъ съ цвѣтами; въ анатолійскихъ капотахъ, изъ верблюжьей матеріи, съ башлыкомъ; у пояса турецкая сабля и пистолеты. За этими двумя воинами слѣдовалъ Е. И—чъ, съ своею свитою, состоявшею изъ трехъ человѣкъ; то были: я, исполнявшій при комиссарѣ должность секретаря и переводчика, Я. С. П., офицеръ корпуса топографовъ, и молодой топографъ И. А. О., въ скоромъ времени выучившійся свободно объясняться потурецки и поперсидски. За нами ѣхали наши люди и наконецъ тянулся караванъ подъ командою *македонца Ставри*, въ распоряженіи котораго находились и Кярванъ-Баши Мгдыси (2), со всѣмъ его разношорстнымъ народомъ.

Надо было видѣть насъ, увѣнчанныхъ остроконечными башлыками, окутанныхъ азіятскими капотами всѣхъ фасоновъ, увѣшанныхъ оружіемъ всякаго рода и возсѣдавшихъ на сѣдлахъ всевозможныхъ видовъ, турецкихъ, курдскихъ, англійскихъ, казацкихъ!.. Надо было видѣть, какъ гуськомъ лѣпились мы по горнымъ тропинкамъ, съ безконечнымъ хвостомъ громоздко навьюченныхъ лошадей и муловъ, окруженныхъ конными или спѣшившимися погонщиками! Какъ картинно качались мы на сѣдлахъ, когда лошади наши, обрываясь, уходили въ снѣгъ по шею, или съ усиліемъ пробирались между камнями, тонувшими въ глубокой грязи! Какъ живописно размахивали мы руками, при понуканьи коней своихъ! Какъ тоскливо опускали головы, стараясь защитить обвѣтрившіяся лица свои отъ влажныхъ поцѣлуевъ крутившагося въ воздухѣ снѣга!.. Все жалось, все хмурилось, все мокло, все индивѣло.

И чѣмъ далѣе подвигались мы, тѣмъ снѣгъ становился глубже, назывчивѣе, досадпѣе. Лѣса рѣдѣли и далеко-далеко отступали отъ дороги, а наконецъ и совершенно исчезли за горизонтомъ, оставляя передъ глазами нашими необозримыя пространства вол-

---

(1) Вооружонный служитель.

(2) Армяне неправильно производятъ это слово отъ двухъ армянскихъ: *махъ-тесн* (видѣлъ смерть). *Мгдыси* есть арабская форма арабскаго слова *худсъ* или *гудсъ*, которымъ мусульманы называютъ Іерусалимъ, а посѣщавшихъ этотъ городъ именуютъ *мгдыси*, такъ же какъ посѣщавшихъ Мекку — *Хаджи*, Кербелу — *Кербелаи*, Мешхедъ — *Мешхеди*.

Digitized by Google

нистой мѣстности, обнажонныя отъ всякой растительности, покрытыя однообразною бѣлою пеленою, безъ самомалѣйшей темной точки, на которой бы зрѣніе наше могло отдохнуть отъ яркаго сверканья снѣга. Уже многіе изъ прислуги нашей вооружили носы свои противъ этого зла, мѣстными очками изъ выпуклой волосяной сѣтки въ дранковой оправѣ на ниточкахъ; другіе для этого натирали порохомъ свои подглазія; третьи, наконецъ, просто-напросто завязывали глаза платками, отдавая себя на произволъ своего четвероногаго вѣрнаго слуги.

Выйдя изъ очень красиваго ущелья, мы встрѣчены были страшною мятелью, и можно сказать ощупью добрались до Инебазара, незначительной деревни, откуда дорога потянулась верстъ на двадцать на пять, по обширной долинѣ Болосъ. Въ концѣ этого пути нашли мы въ *Чифтликѣ*, мизерной деревушкѣ, расположенной на значительной высотѣ, пріютъ на ночь.

Усталость и ололѣвавшій насъ сонъ не помѣшали намъ, на ночлегѣ этомъ, прослѣдить довольно забавный эпизодъ изъ турецкихъ обычаевъ: комиссаріатскій чиновникъ, имѣвшій отъ правительства порученіе отвезти въ Харпутъ какія-то суммы, прибылъ въ Чифтликъ на зарѣ и сталъ требовать лошадей, но отказывался наотрѣзъ заплатить жителямъ прогоны. Споръ между ними и брань и угрозы чиновника еще продолжались, когда мы проснулись. Разглядѣвъ однакоже попристальнѣе европейскихъ гостей, молодецъ притихъ, поспѣшно расчитался съ жителями, вскочилъ съ прислугою своею на коней и былъ таковъ!

Вьюга выла и бѣсилась всю эту ночь, и на утро, когда мы поднялись съ походныхъ постелей для новыхъ походныхъ трудовъ, мы застали ее еще во всемъ ея разгарѣ. Вся окрестность скрывалась въ клубахъ торопливо снующихъ облаковъ, сыпавшихъ частый и мокрый снѣгъ; вѣтеръ, гудя, быстро несъ его почти параллельно землѣ; сугробы, выше вчерашняго аршина на полтора, холмились около приземистыхъ лачугъ турецкой деревушки этой и громоздились на ихъ крышахъ... А между тѣмъ скотъ нашъ вьючили и сѣдлали! Посмотрѣвъ на картину эту, я покачалъ головой и возвратился въ пріютъ нашъ доложить Е. И—чу о состояніи погоды, въ надеждѣ, что выступленіе въ походъ будетъ отложено хоть на нѣсколько часовъ. Хозяинъ лачуги и хозяинъ каравана Мгдыся, вошли въ одно время со мною и старались уговорить его обождать немного. «Дорогу замело, говорили они, и сверхъ того, посреди тумана, невозможно направляться... Снѣгъ будетъ лѣпить глаза, вѣтеръ задерживать движеніе скота... Долго ли сбиться съ пути, оборваться въ пропасть!»

Digitized by Google

Е. И. вышелъ, осмотрѣлся и... скомандовалъ подъемъ, утверждая, что погода не замедлитъ проясниться. Разговаривать было нечего и, что̀ грѣха таить, я съ замираніемъ сердца и очень недовольный, взобрался на коня. Все готово, проводникъ стоитъ по колѣни въ снѣгу, и опершись на длинную дубину, ждетъ приказаній... Караванъ зашевелился и мы врѣзались въ эту страшную завируху; но, о чудо! Не успѣли мы сдѣлать двухъ-трехъ шаговъ, какъ туманы разступились передъ нами будто по слову волшебника, выглянуло солнце, облака двинулись эшелонами по разнымъ направленіямъ, надъ нами открылись голубыя пятна неба, и все шире и шире. Свѣжій снѣгъ засверкалъ ослѣпительнымъ блескомъ, горизонтъ разрастался, окрестность плавно выдвигалась какъ бы изъ-за кулисъ, со всѣми своими причудливыми изворотами и высотами; даль, еще подернутая свинцовою тѣнью бѣжавшихъ облаковъ, манила насъ въ свои холодныя объятія... Жутко, но хоть видно передъ носомъ, — и за то спасибо! И отрадно было намъ на солнышкѣ, на свѣжемъ воздухѣ послѣ мрачной и непривѣтной норы, въ которой мы провели ночь на 13 февраля.

И этотъ переходъ шолъ все долиною Болосъ, посреди высокихъ горъ и пропастей, и вотъ передъ нами поднялось, во всемъ своемъ грозномъ величіи, знаменитое гнѣздо соловья-разбойника Анатоліи, знаменитаго Кіоръ-оглу. Это бѣдовый *Чалмы-Бель* (Пихтовый хребетъ), на которомъ имѣлъ притонъ этотъ налетъ-пѣснопѣвецъ... когда именно, и на самомъ ли дѣлѣ, — объ этомъ не заботятся говорить намъ ни само поэтическое преданіе, ни пѣсни Кіоръ-оглу, составляющія и понынѣ главный и лучшій запасъ анатолійскихъ бардовъ. Тутъ-то, говорятъ они, гнѣздился онъ съ своею шайкой изъ семисотъ семидесяти семи разбойниковъ, съ своимъ усыновленнымъ дѣтищемъ, этимъ поэтически-прекраснымъ юношей Айвазомъ, котораго онъ хитростью отнялъ у отца-пастуха и съ красавицей Нигарой, дочерью турецкаго султана, имъ похищенной. Отсюда-то направлялъ онъ свои ночные наѣзды, сюда убѣгалъ отъ преслѣдованій; эти то дебри оглашалъ онъ своимъ львинымъ рыканіемъ въ минуты гнѣва, и соловьинымъ пѣньемъ въ минуты вдохновенія, почти съ нимъ неразлучнаго! По этимъ-то высотамъ и стремнинамъ прядалъ онъ и носился соколомъ на своемъ ненаглядномъ любимцѣ Кыратѣ, этомъ сѣромъ пегасѣ, *не имѣвшемъ себѣ подобнаго по красотѣ, отважности, силѣ и быстротѣ.*

Вотъ онъ, Чамлы-Бель, это настоящее разбойничье гнѣздо по своей неприступности. И намъ взбираться на самое его темя, — теперь, когда трудности дорогъ его усложнились присутствіемъ глубокихъ снѣговъ, залегшихъ страшными сугробами между его

Digitized by Google

вѣковыхъ елей и сосенъ! А нельзя сказать чтобы наши бегиры (1) походили на Кырата!

Что и разсказывать про всѣ мученія, испытанныя нами на Чамлы-Белѣ! По рыхлому, только-что выпавшему снѣгу, посреди густого лѣса малорослыхъ елей, надъ головокружительными обрывами, карабкались мы до вершины впродолженіе двухъ часовъ; когда же, изнемогшіе отъ усталости, взобрались на самое темя горы, на встрѣчу намъ выѣхалъ всадникъ... ужь не тѣнь ли это Кіоръ-Оглу? Нѣтъ, всадникъ нашъ и издали не напоминалъ собою этого чудо-богатыря. Это былъ солдатикъ Низама, гнавшій съ десятокъ полковыхъ лошадей къ какому-то посту.

— Нейдите далѣе, закричалъ онъ, поровнявшись съ нами: — дороги нѣтъ!.. оборветесь! Экая чортова гора!

— Ну, говорили мы между собою, прошолъ ты, — пройдемъ и мы! Спускъ не хуже же будетъ подъема!

И мы принялись за работу. Да и работа же была! Безъ всякой точки опоры для ногъ, лошади наши крутились и барахтались въ снѣгу, скользили, катились по почти отвѣсному спуску. Какихъ намъ стоило усилій, чтобы держаться на сѣдлахъ! Лофъ, такъ тотъ просто кубаремъ несся внизъ передъ нами.

Худо ли, хорошо ли, а мы таки очутились наконецъ у подошвы Чалмы-Беля здравы и невредимы, со всѣми нашими вьюками и людьми, и скоро добрались до стараго хана султанъ-Мурада, гдѣ сдѣлали привалъ, закусили и набрались свѣжихъ силъ для второй половины перехода.

Въ *Ени-Базарѣ*, довольно большой деревнѣ, состоящей изъ 80 мусульманскихъ и 40 армянскихъ домовъ, ожидалъ насъ отличный ночлегъ.

Но на утро, 14 февраля, предстояла намъ дорожка до Сиваса, дорожка, какъ говорили намъ, нелакомая.

И въ самомъ дѣлѣ, что это было! Новые Чамлы-Бели, казалось, росли на пути нашемъ, по мѣрѣ нашего движенія впередъ; обрывы на обрывахъ, снѣгъ все глубже и глубже, все ослѣпительнѣе и задорнѣе для глазъ. Но что всего было досаднѣе, это встрѣчи, учащающіяся обыкновенно по близости большого города. Вереница верблюдовъ, ословъ, съ вьюками и безъ вьюковъ и безъ конца, то и дѣло натыкались на насъ, — а своротить было некуда. То намъ, то имъ приходилось свихнуться съ протоптанной стези и уходить по поясъ въ снѣжный пуховикъ и лежать на немъ лежма, пока не

(1) Испорченное персидское слово баргиръ — вьючное животное или простенькая дорожная лошадь.

Digitized by Google

минуетъ окаянная встрѣча. При этомъ обыкновенно свернется нѣсколько вьюковъ и пошла потѣха! Задержка страшная, а отдыха нѣтъ и жолчь мутится немилосердно. Одна только встрѣча доставила хоть мыслямъ нашимъ нѣкоторое развлеченіе. Это нѣсколько курдскихъ всадниковъ, спѣшившихъ, сколько позволяла дорога, уйти отъ погони, которая, какъ намъ указали въ помертвѣлой дали, двигалась довольно быстро по ихъ слѣду. Разъѣхавшись съ курдами, миновали мы и баши-бозуковъ, за ними охотившихся; а впослѣдствіи узнали что, баши-бозуки, на одномъ ночлегѣ, нагнали курдовъ, окружили лачужку, въ которой они залегли, застановили ее арбами (1), и грозились сжечь ихъ живьемъ, если они не сдадутся. Курды положили оружіе и были отведены въ Сивасъ. Подобныя исторіи случаются чуть не ежедневно и теперь.

Между тѣмъ мы подошли къ Кызылъ-Ырмаку (красная рѣка), и отсюда намъ оставалось всего три часа пути до города. Много ли, казалось бы, какихъ-нибудь двадцать верстъ перехода! А между тѣмъ намъ, при усталости нашей, показались онѣ цѣлымъ вѣкомъ. Вѣдь ужь сорокъ верстъ было пройдено нами, и при какой дорогѣ!

Пройдя часа два по самому берегу рѣки, мы отъ полуразвалившагося древняго каменнаго моста на Ыылдызъ-Сую, оставивъ Кызылъ-Ырмакъ въ сторонѣ, пошли прямо; рѣка же эта поворачиваетъ на западъ и обходитъ городъ въ двухъ верстахъ разстоянія. Дорога черезъ мостъ ведетъ въ Кейсарію.

Въ половинѣ пятаго часа дня дотащились мы до Сиваса, опередивъ караванъ свой. Уже стемнѣло, а каравана не было; мы начали безпокоиться, а вмѣстѣ съ нами и докторъ, нашъ попутчикъ, бросившій своихъ дамъ на дорогѣ, чтобы не оставлять пріятной бесѣды нашей. Вытребовавъ у мѣстнаго начальства нѣсколько конныхъ забтіе (2), мы отправили ихъ отыскивать въ снѣгахъ добро наше. Часа слишкомъ черезъ четыре послѣ нашего прихода, приплелся наконецъ и караванъ, но съ большими аваріями; и въ томъ числѣ болѣе всего опечалила насъ офтальмія, одолѣвшая, въ разной степени, почти всѣхъ людей каравана, не смотря на предосторожности, о которыхъ я говорилъ, не пощадившая и офицеровъ, и неутомимаго нашего *ка всь руки*, если позволено мнѣ такъ выразиться: я говорю о Ставри Байко, на драгоцѣнной дѣятельности котораго держалась вся наша походная жизнь; потомучто онъ исполнялъ должности мажордома, провіантмейстера, штальмейстера,

(1) Двухколесныя тяжолыя азіятскія телѣги.

(2) Забтіе — полицейскій солдатъ, или вѣрнѣе, внутренняя стража.

Digitized by Google

форшнейдера, банкира, а впослѣдствіи показывалъ все новые и новые таланты, выручавшіе насъ очень часто изъ затрудненій.

Пришлося взять за бока Ренучи. Не успѣлъ этотъ *заботливый* мужъ снять съ сѣделъ запропастившуюся-было семью свою, брошенную имъ посреди дороги, какъ его позвали къ больнымъ, и латинская кухня въ первый разъ явилась у насъ на сцену. Заходили піявки, примочки, рожки, горячая вода и разныя микстуры.

Покуда цѣлительныя средства, употребленныя итальянскимъ медикомъ, возымѣютъ свое дѣйствіе надъ воспаленными глазами страждущихъ путниковъ, скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ мы совершили нашѣ вступленіе въ городъ и въ отведенную намъ квартиру.

Но прежде всего что такое Сивасъ? Помнитъ ли читатель главныя и столь грозныя черты его исторіи? О зарожденіи его и его младенчествѣ немного данныхъ находимъ мы въ древнихъ лѣтописяхъ, а въ новѣйшую исторію онъ едва-едва занесъ свое имя... За то въ тѣ времена, когда въ Малой Азіи, съ такимъ задоромъ, хозяйничали римляне, византійцы, сарацины, сельджукскіе турки, монголы,—Сивасъ былъ большой, значительный городъ. Его нѣсколько разъ разрушали, и не только стѣны его, но и самое народонаселеніе гибло отъ меча и пламени.

Когда онъ былъ взятъ Тимуромъ, мусульманъ и христіанъ постигла одна участь.

Первые, въ числѣ четырехъ тысячъ, были по шею зарыты въ землю и окончили такимъ образомъ жизнь свою въ неслыханныхъ мукахъ. Христіянъ велѣлъ онъ побросать кучами въ огромныя ямы, прикрутивъ веревками головы ихъ къ ихъ ногамъ, прикрыть досчатыми крышками и засыпать ихъ землею. Несчастныя жертвы осуждены были такимъ образомъ, въ западнѣ своей, на долгія предсмертныя муки и гибли затѣмъ однѣ за другими, оглашая стенаніями татарскіе шатры, разбитые надъ ими головами.

Даже прокажонные и самые пріюты ихъ были уничтожены Тимуромъ изъ опасенія, чтобы зараза не сообщилась его стану. За исключеніемъ молоденькихъ мальчиковъ и дѣвицъ, все народонаселеніе потонуло въ крови своей.

Да, страшныя бѣдствія пережилъ этотъ жалкій, этотъ грязный турецкій городишко, который нонъ тамъ, передъ нами, торчитъ на томъ же уединенномъ холмѣ, посреди той же обширной равнины, гдѣ нѣкогда процвѣталъ и пилъ чашу мученичества знаменитый, царственный Севастъ Митридатовъ, Антоніевъ, Сенекеримовъ!

Ровно четыреста сорокъ девять лѣтъ и четыре мѣсяца послѣ Ти-

Digitized by Google

мурова нашествія, подступалъ подъ стѣны Сиваса отрядъ чужеземцевъ, пришедшихъ совершенно съ противоположной монголамъ стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ совершенно противоположною цѣлью. То былъ отрядъ безобидный, вооружонный единственно въ видахъ собственной защиты, такъ-таки ни разу и не обнажавшій праздныхъ мечей своихъ, и заряжавшій ружья свои противъ однихъ перепеловъ и фазановъ; отрядъ миротворцевъ, платившихъ чистою монетою за грязныя квартиры, проливавшій кровь однихъ барановъ, плѣнявшій жителей одною своею галантерейностью.

Времена Эръ-Тогруловъ и Тимуровъ прошли невозвратно; но варварамъ немногимъ бы досталось поживиться въ теперешнемъ Сивасѣ! Этотъ далеко не процвѣтающій городъ Анатоліи многомного что имѣетъ въ настоящее время до трехъ тысячъ домовъ.

Издали онъ еще показался намъ туда-сюда. Вышка посрединѣ холма съ исправно и до сихъ поръ бьющими часами, порадовала было наше зрѣніе; и въ самомъ дѣлѣ, при возвышенномъ мѣстоположеніи города, это украшеніе придаетъ ему нѣчто живописное; но когда, пробравшись по злодѣйской дорогѣ, вдоль рѣки, покрытой тамъ и здѣсь порядочными льдинами, мы подошли къ самимъ городскимъ стѣнамъ и вступили въ лабиринтъ затхлыхъ улицъ, вилявшихъ съ своею ношею грязи и снѣга, между дряннымъ домишками и мазанками, и стали поминутно натыкаться на бревна, какимито указательными пальцами торчавшія въ стѣнахъ надъ улицами, мы еще съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ рвалися къ жилью, чтобъ и отдохнуть отъ тяжолаго перехода, и отвести глаза наши отъ этого унылаго зрѣлища.

А между тѣмъ обычная, обыденная фраза наша: «Какъ должно быть здѣсь хорошо лѣтомъ» — невольно вырвалась у каждаго изъ насъ, когда мы пробѣгали глазами, изъ края въ край, эту обширную, привольную равнину, окружонную со всѣхъ сторонъ горами и посреди которой поднялся холмъ, весь засыпанный строеніями; когда мы представляли себѣ ее, въ одеждѣ густой зелени и цвѣтовъ и вырѣзавшіеся на ней узоры полуразрушенныхъ стѣнъ крѣпости, верхней и нижней, а вдали, верстахъ въ четырехъ отъ города, на окраинѣ равнины, живописно высящійся утесъ съ памятникомъ Абдуль-Вехаба, санджакдара (знаменщика) Мухаммедова; а на дальномъ горизонтѣ вѣчные снѣга Курдистанскихъ горъ!

Наконецъ мы въ городѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА VI

Сивасъ. Квартира наша. Наши хозяева. Весь караванъ расклеился. Медицинскіе подвиги доктора Ренучи. Губернаторъ. Деребей. Абдуль-Вехабъ. Прудъ сорока мучениковъ и св. Александръ. Древняя мечеть. Монастырь св. креста. Текке Шемси азизъ. Ссора грековъ и армянъ. Пряникъ. Бой-Бей Ибрахимъ.

Первый домъ, къ которому привели насъ, оказался неудобнымъ, и хазнадаръ Паши, явившійся передъ нами, какъ листъ передъ травой, повелъ насъ далѣе. Вскорѣ мы нашли обширное и довольно привольное помѣщеніе въ домѣ одного армянина, восьмидесяти-лѣтняго старика Кешишъ-оглу, отца семи сыновей, рожденныхъ имъ вѣроятно для нашего истязанія: не успѣли мы войти въ домъ, какъ они всѣ ввалились гурьбою, и насѣли на насъ съ косолапыми любезностями и пересоленною угодливостью, и завертѣлись около носовъ нашихъ какъ семь липкихъ осеннихъ мухъ.

Караванъ нашъ въ этотъ день, какъ я уже сказалъ, совершенно расклеился. Не говоря о вьюкахъ, порядочно размочалившихся въ дорогѣ, о скотѣ, едва волочившемъ ноги отъ усталости, всѣ, и слуги и господа, исключая самого Е. И—ча, разомъ заплатили дань суровому климату Арменіи. Кто возился съ глазами, кто съ дурнотою, кто съ чирьями, и мой вѣрный Петро очень некстати схватилъ ногтоѣду. Служба затормазилась; съ кухнею едва могли справиться. Ктому же въ домѣ не все было исправно: въ окнахъ его, вмѣсто стеколъ, торчала изодраная мѣстами бумага, что̀ при 10° мороза по Реомюру, не совсѣмъ-то способствовало нашему удовольствію. Огонь напрасно трещалъ и суетился въ каминѣ, и кокетливо на насъ посматривалъ: не большую онъ помощь оказывалъ усталымъ, страждущимъ и мерзнувшимъ путникамъ! Къ ночи морозъ усилился до 13°. А тутъ еще семь палачей! Отецъ ихъ, хозяинъ дома, сухинькій старичекъ, съ сѣдинькой бородкой, въ высокомъ черномъ каукѣ, повязанномъ чернымъ платкомъ, посидѣлъ себѣ, помолчалъ, пососалъ свою поминутно потухавшую трубку и ушолъ на женскую половину; но потомство его, это безпардонное потомство, не подавалось. Видно не отъ однихъ турецкихъ властей приходилось намъ пить горькую чашу бѣшенаго гостепріимства!

Но утоливъ кое-какъ ненашутку расходившійся апетитъ съ помощью чая и остатковъ отъ завтрака, мы безъ церемоніи расположились на постеляхъ, наваливъ на себя всѣ свои плащи и шубы.

Digitized by Google

Когда свѣчки были погашены и по стѣнамъ комнаты и по холмившимся на тѣлахъ нашихъ покровамъ уже блуждали одни блески каминнаго пламени, эти азіятскіе Демьяны рѣшились наконецъ подняться съ своего мѣста и уплелись, шаркая туфлями по каменному полу.

Усталость взяла свое, и ночь прошла для насъ самымъ удовлетворительнымъ образомъ; наутро многіе изъ больныхъ чувствовали себя довольно бодрыми; а около трехъ часовъ пополудни мы сѣли на коней и отправились съ визитомъ къ губернатору.

Сивасомъ правилъ въ то время Аббасъ Паша, старый обломокъ древней и знаменитой фамиліи Чапанъ-Оглу. Предки его, и самъ его отецъ, были деребеями, то есть ленными владѣтелями сивасскаго округа. Эти деребеи, въ переводѣ, — князья долинъ, были независимые князьки, владѣвшіе большею частью анатолійскихъ округовъ, и каждый изъ нихъ самовластно хозяйничалъ въ своемъ княжествѣ, безъ всякаго вмѣшательства и контроля Порты, которой они посылали опредѣленные дары. Фамилій этихъ было нѣсколько, и самыми знаменитыми и сильными считались Кара-Османъ Оглу въ Смирнѣ, Кальонджу въ Бруссѣ, Кючюкъ-Али въ Сисѣ, Балабанъ-Оглу въ Акъ-Сераѣ, и наконецъ Чапанъ-Оглу, хозяинъ всѣхъ земель въ центрѣ Малой Азіи отъ Кангере, Ангоры, Амасіи, Токата до Караманіи и до береговъ Средиземнаго моря; онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ бея или князя Іозгатскаго. Господа эти выводили въ поле войско, числительностью, какъ говорили намъ, доходившее у иныхъ до сорока и до пятидесяти тысячъ, какъ напримѣръ у послѣднихъ двухъ, и охраняли пути сообщенія противу хищничества курдовъ. Все трепетало ихъ имени; безопасность и спокойствіе царствовали по городамъ, селамъ, дорогамъ ихъ владѣній; но все это почти совершенно исчезло вмѣстѣ съ вліяніемъ и правами деребеевъ и съ распространеніемъ централизаціи власти на всю азіятскую Турцію. Все это должно въ особенности относиться къ фамиліи Чапанъ-Оглу, сильнѣйшей изо всѣхъ и болѣе другихъ дорожившей своею независимостью, которая была утрачена ею въ 1814 году, послѣ упорной защиты противъ султанскихъ войскъ, его атаковавшихъ. Послѣдній деребей этой фамиліи, отецъ нынѣшняго губернатора Сиваса, не хотѣлъ выйти изъ дворца своего, преданнаго пламени непріятелемъ, и погибъ подъ развалинами и этого дворца, и своей независимости.

Аббасъ Паша, съ перваго взгляда, показался намъ первообразомъ азіятскаго вельможи, по сану и происхожденію. Ни тѣни роскоши ни въ одеждѣ, ни въ убранствѣ пріемной комнаты, гдѣ мы нашли его громоздившимся на диванѣ; ни той азіятской красоты въ

Digitized by Google

наружности, которая напримѣръ отличала пашу Амасіи; лицомъ своимъ напоминалъ онъ хищную птицу, — носъ клювомъ, глаза на выкатѣ, и лѣвый безпрестанно закрывался; лѣтъ ему было подъ шестьдесятъ; но рѣзкость, а вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то величавость пріемовъ, но простота и увѣренность рѣчи, служили выраженіемъ прирожденной привычки властвовать и повелѣвать.

Послѣ вводныхъ фразъ, неизбѣжныхъ принадлежностей каждой турецкой бесѣды, въ особенности при пріемѣ европейскихъ гостей, и посреди неизбѣжнаго, но гораздо болѣе первыхъ пріятнаго табачнаго дыма, губернаторъ, не безъ явнаго самодовольствія, коснулся минувшей силы и блеска своего очага, и личнаго своего вліянія въ странѣ, въ особенности же того страха, который имя его внушало курдамъ.

— Пока вы на землѣ моей, не бойтесь ничего! сказалъ онъ между прочимъ: — ниодна курдская собака не оскалитъ на васъ зубы и не унесетъ ни клочка вашихъ одеждъ: — чокъ карыштырма! бунда Чапанъ-оглу варъ! (Не очень то шути, вѣдь тутъ Чапанъ-оглу есть!)

— Этотъ девизъ нашего дома извѣстенъ во всѣхъ углахъ и захолустьяхъ Курдистана и держитъ воришекъ въ почтительномъ отдаленіи отъ моихъ владѣній. Если же кто изъ нихъ и забредетъ ко мнѣ, такъ тутъ ему и конецъ. Вотъ хоть бы сегодня.

И онъ разсказалъ намъ, какъ пойманы были въ эту ночь семь курдовъ, которыхъ мы встрѣтили наканунѣ, и что они сидятъ теперь у него въ кандалахъ. Курды эти, а въ ихъ числѣ извѣстный налетъ Бой-Бей Ибрахимъ, содержались у него подъ надзоромъ и ушли-было, но какъ мы видѣли, ненадолго. Мутушъ-паша, командиръ кавалерійскаго полка, расположеннаго въ Сивасѣ, котораго мы также посѣтили въ тотъ же день, спросилъ насъ, не пожелаемъ ли мы видѣть этого разбойника, содержавшагося въ его домѣ. Разумѣется мы не отказались отъ такого любопытнаго зрѣлища, и по данному пашою знаку, черезъ нѣсколько минутъ введенъ былъ въ комнату арестантъ.

Это былъ небольшого роста, пузатый господинъ лѣтъ пятидесяти. Одутловое лицо его, съ кривымъ толстымъ носомъ и большими съ поволокой черными глазами, было очень смугло; бородка съ просѣдью торчала какъ-то въ сторону; грязная чалма изъ старой шали на бекрень; на широкихъ плечахъ затасканный курдинскій балахонъ въ продольныхъ широкихъ полосахъ, бурыя съ бѣлыми; на босыхъ ногахъ кандалы и желтыя туфли. Разговаривать намъ съ нимъ было некстати, а бесѣда бы эта могла быть далеко не безъинтересна. Мы разсматривали его съ любопытствомъ; онъ

Digitized by Google

глядѣлъ на насъ тупо, неопредѣленно, казалось безъ всякой мысли, и только сопѣлъ.

— Вы не судите, сказалъ намъ лихой полковой командиръ, указывая на разбойника, — вы не судите этого молодца по его жалкой и смиренной наружности! Это удалая, безстрашная голова! Для него зарѣзать человѣка все равно что выкурить трубку. Ну да онъ пошалилъ довольно; теперь ему кажется не сносять головы.

Въ этотъ же день мы осмотрѣли нѣкоторыя достопримѣчательности города и прежде всего медресе (школу) Гыясъ-эд-дина Кай Хосрова сельджукскаго, тѣло котораго похоронено тутъ же во дворѣ. Памятникъ еще хорошо сохранился и щеголяетъ какъ своей архитектурою, такъ и великолѣпными надписями и украшеніями.

Полюбовавшись этимъ прекраснымъ остаткомъ древности, мы выѣхали въ поле и направились къ большой армяно-католической деревнѣ Пркникъ, отстоящей верстъ на шесть, на семь отъ города; но тутъ мы рѣшительно ничего не нашли замѣчательнаго.

Возвратясь въ городъ, мы вошли въ Улу-джами или большую мечеть, бывшую во время оно греческимъ храмомъ. Это громадное зданіе, до одной трети высоты своей, вросло въ землю и громко говоритъ воображенію о величіи, нѣкогда его озарявшемъ. Одна только половина памятника обращена въ мечеть, отличающуюся между прочимъ отсутствіемъ всякихъ украшеній и убранствъ: тяжолыя выбѣленныя стѣны, плоскіе деревянные своды, четвероугольные массивные столпы, на полу цыновка. Нигдѣ ни малѣйшей греческой надписи, и только тамъ и здѣсь на столпѣ или на стѣнѣ мелькнетъ вамъ изображеніе креста. Вотъ и все.

Другая половина греческой святыни составляетъ собою дворъ мечети. Проводники наши сказали намъ, что эта Улу-джами седьмая, по величинѣ, мечеть оттоманскихъ владѣній.

Остальную часть этого дня мы провели дома, но не совсѣмъ покойно. Армянское общество Сиваса почтило насъ своимъ особеннымъ вниманіемъ, и визитамъ этихъ добрыхъ людей и изъявленіямъ ихъ чувствъ не было конца.

Настоятель армянскаго монастыря, приходившій къ намъ со всею братіею, пригласилъ насъ къ вечернѣ. Мы съ удовольствіемъ разумѣется приняли приглашеніе, и всѣмъ намъ чрезвычайно понравилась и самая служба, и въ особенности пѣніе клира. Мнѣ еще ни въ одной армянской церкви не случалось до того времени слышать такихъ прекрасныхъ и стройныхъ голосовъ; и между прочимъ, одинъ прелестный собою мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, восхитилъ насъ музыкальностью своего пѣнія. Послѣ службы мы зашли къ настоятелю.

Digitized by Google

17 февраля, едва мы проснулись, какъ намъ доложили, что греческое общество проситъ позволенія явиться къ Е. И—чу. И двери были открыты раннимъ посѣтителямъ. Съ первыхъ же словъ они обратились къ Е. И—чу съ просьбою быть посредникомъ между ними и армянскимъ обществомъ, отнимающимъ будто-бы у грековъ мѣсто для совершенія церковныхъ ходовъ и погребенія мертвыхъ.

Вслѣдствіе этого домогательства, весь этотъ и весь слѣдующій день мы возились съ представителями обѣихъ общинъ, чтобы привести ихъ къ соглашенію. Но армяне не уступали, и вотъ какъ объясняли права свои.

Армянъ, говорили они, какъ въ Сивасѣ, такъ и окрестностяхъ его, до двухъ тысячъ семи сотъ домовъ, тогда какъ грековъ здѣсь не болѣе сорока семействъ. Когда они поселились въ краю этомъ, мы приняли ихъ какъ братьевъ во Христѣ и уступили имъ небольшую церковь, но безъ принадлежащей къ ней земли, потомучто до пятисотъ семействъ нашихъ имѣютъ здѣсь погребенными предковъ своихъ; а для религіозныхъ надобностей нашихъ греческихъ братій, мы отвели имъ въ другомъ мѣстѣ участокъ, о которомъ они и слышать не хотятъ и даже не ходятъ въ церковь свою, потомучто имъ надо для этого проходить по уличкѣ, которую мы провели черезъ оспариваемую ими у насъ землю.

Процессъ ихъ давно уже разсматривался въ Константинополѣ; но греческая община не надѣялась его выиграть, потому, говорила она, что община бѣдна, а армяне сильны и богаты; а потому греки и воспользовались присутствіемъ русской комиссіи, чтобы попытаться достигнуть цѣли своей съ помощью ея посредничества; и на другой день, 18-го, когда мы посѣтили ихъ убогій, темный и запущеный храмъ, въ которомъ греческій священникъ для насъ отслужилъ обѣдню и молебенъ, всѣ греки не упустили случая помолиться, поглазѣть на гостей, отъ которыхъ ожидали разрѣшенія ихъ дѣла, и потому церковь была биткомъ набита, и Е. И—чу подано было, послѣ службы, прошеніе уже на бумагѣ.

Напрасно однакоже мы бились изо всѣхъ силъ, чтобы помирить споривших, и получили только отъ арачнорта Гавріила, архіепископа сивасскаго, обѣщаніе не противиться, до разрѣшенія тяжбы ихъ Портою, погребенію греческихъ покойниковъ въ оградѣ греческой церкви.

Я привелъ, между прочимъ, случай этотъ какъ образчикъ тѣхъ безпрестанныхъ и повсемѣстныхъ споровъ и ссоръ между армянами и греками, ссоръ, которыя, начиная отъ Іерусалима до мельчайшей деревушки какого-нибудь азіятскаго захолустья, разъѣдаютъ

Digitized by Google

вѣковѣчную язву вражды между двумя націями и поддерживаютъ соблазнъ въ христіанскомъ обществѣ Востока.

Мусульманы, забывая о собственномъ своемъ расколѣ, поселившемъ такую глубокую вражду между суннитами и шіитами, не видятъ причины уважать христіанскій міръ, на клочки разорванный разными сектами, и разъединенный взаимною ненавистью. И какъ нарочно, нигдѣ въ настоящее время религіозныя страсти не обуреваютъ христіанскаго моря въ такой степени, и такъ открыто и постоянно, какъ на мусульманскомъ Востокѣ; а въ турецкихъ владѣніяхъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь.

И вопервыхъ уже эта разница въ календарѣ, приводящая христіанскія секты къ разновременному празднованію главнѣйшихъ церковныхъ дней — рождества, вознесенія, воскресенія Христова и другихъ; вовторыхъ, постоянная зависть, постоянное ожесточеніе между церквами, между паствою, служащія поводомъ къ нескончаемымъ и упорнымъ тяжбамъ и къ скандальнымъ явленіямъ, которыхъ естественнымъ судьею становится господствующій надъ ними тотъ же мусульманинъ, враждебный имъ по своимъ вѣрованіямъ. И удивительно ли послѣ этого, что мусульманинъ, глядя на картину этихъ позорныхъ раздоровъ, съ презрѣніемъ пожимаетъ плечами и сильнѣе прежняго прижимаетъ куранъ къ своей груди!

И кто найдетъ виновнаго въ этомъ омутѣ? Грекъ указываетъ на армянина, армянинъ на грека, католикъ на армянина и на грека; а тутъ подмостился и протестантъ, и указываетъ на всѣхъ—и всѣ обвиняютъ другъ друга, другъ на друга жалуются и каждый вооруженъ, въ свою очередь, доказательствомъ своей правоты!

А тутъ новые прозелиты католическіе и протестантскіе, возстановленные пропагандистами противъ среды, съ которою они ихъ разлучили, поселяя распрю и разъединеніе и смуты въ семействахъ христіанскихъ и въ цѣлыхъ общинахъ! И сколько ихъ въ каждомъ почти городѣ! Греки и армяне, халдеи и арабы-христіане, по милости христіанскихъ миссіонеровъ, и тѣ и другіе, въ свою очередь, ходятъ, въ одномъ и томъ же городѣ, въ три-четыре разныя церкви. Родственныя связи расторгнуты и члены общинъ, раздробленныхъ на мелкіе равновѣрные кружки, отворачиваются другъ отъ друга, и мрачно и ворча глядятъ на вчерашнихъ своихъ братьевъ.

Очень печальная картина!

Но возвратимся въ Сивасъ и посѣтимъ двѣ христіанскія святыни. 18 февраля провели мы все утро въ армянскомъ монастырѣ, во имя святого животворящаго Креста. Позавтракавъ у настоятеля, мы пошли въ церковь, возобновленную въ 1005 г. Св. Ѳаддей принесъ сюда съ собою двѣ частицы креста Спасителя, которому и

Digitized by Google

посвятилъ храмъ этотъ. Одна часть святыни этой находится на алтарѣ, другая въ серебряномъ крестѣ, положенномъ на серебряное блюдо. На алтарѣ, сверхъ того, два другіе креста: одинъ съ мощами св. Ѳаддея, другой съ мощами св. Варѳоломея. Это въ первомъ придѣлѣ. Второй придѣлъ выстроенъ былъ св. Григоріемъ, просвѣтителемъ Арменіи, послѣ посвященія его въ епископы въ Кейсаріи греческимъ патріархомъ Леонтіемъ. Св. Григорій принесъ сюда тѣло св. Карапета, патріарха, совершилъ здѣсь литургію и отправился затѣмъ въ верхнюю Арменію на подвигъ просвѣщенія. Здѣсь находятся также мощи св. Николая и св. Василія. Третій придѣлъ построилъ св. Ѳаддей вскорѣ послѣ смерти Спасителя. В монастырѣ хранятся мощи многихъ святыхъ, два гроба и камень отъ пруда сорока мучениковъ, который мы вечеромъ того же дня и посѣтили.

Это есть ничто иное, какъ ключъ прозрачной воды подъ самыми стѣнами города, въ четвероугольной гранитной рамѣ, въ семь аршинъ въ квадратѣ и осѣненный низкимъ, почти плоскимъ деревяннымъ куполомъ. Говорили намъ, что крышу эту приказалъ сдѣлать, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, какой-то русскій путешественникъ, чтобы защитить бассейнъ отъ нечистотъ. Разсказали также и легенду объ источникѣ и въ заключеніе прибавили, что когда христіане вытащили изъ пруда тѣла сорока мучениковъ, для того чтобы предать ихъ землѣ, изъ воды вспорхнули сорокъ птичекъ и взвились къ небесамъ. Въ числѣ мучениковъ былъ и Александръ, язычникъ. Приставленный для наблюденія за совершеніемъ казни, онъ такъ былъ тронутъ преданностью и терпѣніемъ, съ которыми выносили пытку угодники, воспѣвавшіе, посреди мученій, славу божію, что бросился къ нимъ въ прудъ, принялъ мученическій вѣнецъ и былъ причисленъ къ лику святыхъ.

9 марта сюда стекаются христіане и совершаютъ молебствіе.

По дорогѣ отъ Ванка или армянскаго монастыря къ бассейну сорока мучениковъ, мы видѣли, неподалеку отъ перваго, источникъ, снабжающій Сивасъ единственною для питья годною и даже очень хорошею водою, и посѣтили прелестный, расположенный на самомъ краю отвѣснаго утеса, мавзолей Абдуль-Вехаба-Эль-Гази, знаменщика Мухаммедова. Нѣсколько чинаровъ стройно подымаются у подошвы утеса будто паникадилы, поставленныя предъ гробницею святого. Мавзолей, какъ и всѣ подобныя ему мусульманскія часовенки, красивъ особенно издали. Гробъ санджакдара покрытъ зеленымъ покровомъ и осѣненъ будто бы тѣмъ самымъ зеленымъ знаменемъ, который онъ носилъ передъ пророкомъ. На гробѣ лежатъ его четки.

Digitized by Google

Въ свободное отъ разъѣздовъ время я по цѣлымъ часамъ просиживалъ на крышѣ одного сосѣдняго дома, стараясь перевести на бумагу очаровательные узоры надписей и орнаментовъ, украшавшихъ стѣны, уже тронутыя разрушеніемъ Гёкъ-Медресе, о которой я упомянулъ выше. Хозяйка дома, добрая старуха, кутаясь изо всей мочи въ свое покрывало, приносила мнѣ всякій разъ каменную жаровенку для отогрѣванія рукъ, костенѣвшихъ на тринадцати-градусномъ морозѣ, подчивала меня теплою водою съ распущеннымъ въ ней розовымъ бургавскимъ леденцомъ, и даже вызывалась сварить кофе. Внукъ ея, мальчикъ лѣтъ шести, хорошенькій, живой, ужасно хлопоталъ, чтобы меня не безпокоили сосѣдніе ребятишки, заровнявшіе, съ ближайшихъ крышъ, осадить френга любопытствомъ, а можетъ-быть и еще чѣмъ другимъ. Крошка, покровитель мой, несказанно смѣшилъ меня, посреди моихъ занятій, преуморительными, но преловкими своими распоряженіями (вѣрно отецъ его служилъ по полицейской части): схвативъ палку и осыпая любопытныхъ довольно крупною и энергическою бранью, онъ бросался отъ центра, занятаго мною, по разнымъ радіусамъ, какъ котенокъ, и съ угрозою хлопалъ палкою по выступамъ террасы; оборванцы вдругъ прыснутъ отъ него будто брошенные сильною рукою, а въ то же время другіе лезутъ съ другой стороны. Мальчуганъ туда. И новая брань, и новыя угрозы. Прелесть что за дивертисментъ!

Но забавнѣе всего была однажды сцена посреди улицы, гдѣ я занимался рисовкою того же памятника, только съ другой стороны. Народъ, уже покрупнѣе сосѣдей моего молодца и въ гораздо большемъ числѣ, можно сказать садился мнѣ на плечи, пяля голову къ моему альбому... Напрасно я упрашивалъ эту безцеремонную гурьбу удалиться, она только густѣла все болѣе и болѣе. Забтійе, взятаго мною для моего охраненія, тоже не слушали. Досталось же мнѣ впродолженіе четырехъ лѣтъ отъ этихъ уличныхъ ротозѣевъ! Терпѣніе мое наконецъ лопнуло и я уже хотѣлъ удалиться, какъ вдругъ пробрался ко мнѣ мой крошечный кровельный другъ и принялся гонять народъ, осыпая его ругательствами и упираясь руками въ первыя попавшіяся ему ноги, или махая знакомою уже мнѣ палочкой. И что́ вы думаете!.. Варвары отхлынули и я спокойно могъ кончить мою неискусную, но усердную работу.

19 мы съѣздили верстъ за пять отъ города въ текке или обитель дервишей Халветійе. Возлѣ текке огромный древній минаретъ, въ которомъ показываютъ гробъ мусульманскаго святого, основателя секты этихъ дервишей мевлевійскихъ, Шемси-Азиза, очень уважаемаго всѣми мусульманами. Старшина обители, почтенный и

Digitized by Google

очень красивый старикъ; съ густыми сѣдыми локонами, въ высокой шапкѣ съ округленнымъ верхомъ и красивыми надписями изъ курана, принялъ насъ очень радушно, учтиво и попотчивалъ кофеемъ. Старикъ объяснялъ намъ, въ чемъ состоитъ тарикатъ ихъ или ихъ правило; но это исторія слишкомъ мудреная и совершенно отвлеченная, а потому и неинтересная для читателя.

На другой день, заѣхавъ дорогою къ бригадному командиру Мустафѣ нашѣ, очень пріятному старику, мы отправились проститься съ губернаторомъ. Въ этотъ разъ Аббасъ былъ въ какомъ-то кисломъ расположеніи духа; но считая долгомъ сказать, на разставанья, хоть что-нибудь любезное, онъ сообщилъ намъ, что утромъ, сидя у окопжа, онъ увидѣлъ, какъ мальчишки, скатавъ комокъ снѣгу, пустили его съ пригорка внизъ и какъ комокъ этотъ, по мѣрѣ того, какъ онъ катился, увеличивался въ объемѣ.

— Этотъ комокъ снѣгу, сказалъ въ заключеніе паша, — я уподобилъ вамъ, господа: и вы, какъ онъ, растете, подвигаясь впередъ, и путешествуя, дѣлаетесь большими людьми.

Этою довольно приторною фразою заключилась бесѣда паша и мы распрощались съ нимъ.

Глазныя больные наши почти совсѣмъ поправились, но наканунѣ еще офтальмія зацѣпила и тучнаго Мгдыси. Позвали Ренучи; но оказалось, что больной уже самъ началъ свое леченье, не дожидаясь итальянскаго хекимъ-баши. Этотъ сынъ Арменіи изволилъ ногтемъ большого пальца открыть себѣ кровь, ковыряувъ довольно ловко свою лобную вену.

Больнымъ нашимъ предстоялъ еще одинъ лишній день въ Сивасѣ. 21-го числа мы не могли выйти въ походъ по случаю страшной мятели и провели весь день дома. А пора было проститься съ семью осенними мухами, съ несноснымъ лаемъ безчисленныхъ собакъ, терзавшихъ слухъ нашъ по вечерамъ, съ несносными визитами, принимаемыми и отдаваемыми, съ учтивостями, любезностями властей и христіанскихъ жителей и наконецъ съ довольно значительнымъ холодомъ.

Уже мы располагались провести послѣднюю ночь нашу въ Сивасѣ, какъ прибѣжалъ посланный отъ дефтердара, директора счетныхъ дѣлъ, и принесъ отъ него Е. И—чу комплименты съ приложеніемъ блюда маслинъ и начиненныхъ миндалемъ винныхъ ягодъ.

Мы сдѣлали честь этому угощенію и завернулись въ свои одѣяла.

Digitized by Google

ГЛАВА VII

Въ походъ, въ походъ! Метель. Глубокій снѣгъ. д. Сефикъ. д. Улашъ, Потасовки. Ренучи приглашается на консультацію. Братъ медика сивасскаго. Холодъ. Деликли-ташъ. Картина нашей кочевки. Глубочайшій снѣгъ. Сойтаръ-Баши. Кангалъ. Встрѣча каравановъ. Аладжа-ханъ. Гористая дорога. Хасанъ-Челеби. Хекимъ-ханъ. Григорій Абрамовичъ и его пророческій сонъ. Татаръ. Неутѣшительныя свѣденія о предстоящемъ пути.

Метель не унималась, хотя и потеряла нѣсколько силы своей; но откладывать выступленія нашего въ дальній путь намъ не приходилось болѣе, и 24-го числа осѣдлали мы походныхъ коней своихъ.

За эти тринадцать дней, проведенныхъ нами въ Сивасѣ, снѣгу еще поприбавилось въ полѣ, и ненашутку.

Когда-то дозволено мнѣ будетъ вывести читателя изъ этихъ вѣчныхъ снѣговъ, накопляющихся съ такимъ упорствомъ подъ перомъ моимъ? Что дѣлать! до Малатіи не такъ-то близко, и еще нѣсколько переходовъ придется мнѣ угощать его повтореніями и этими однообразными картинами зимы и зимнихъ переходовъ. Но, въ Малатіи мы отдохнемъ отъ нихъ, и пока оттолѣ доберемся до Месопотаміи, снѣгъ только по временамъ будетъ попадаться на пути нашемъ; а затѣмъ и совершенно растаетъ и уступитъ мѣсто всѣмъ обаяніямъ роскошной малоазійской весны.

Намъ въ этотъ день предстоялъ большой переходъ верстъ въ пятьдесятъ до д. Улашъ; такъ по крайней мѣрѣ рѣшено было сонмомъ погонщиковъ нашего каравана. Но капитанъ баши-бозуковъ изъ-башы Дели-Кемле (удалая голова) Мустафа, ромомъ черкесъ, котораго Аббасъ-паша далъ намъ, съ четырьмя людьми, въ провожатые, объявилъ, что этого перехода, въ зимнее время, никто не можетъ одолѣть, и совѣтовалъ остановиться для ночлега въ д. Сефикъ, какихъ-нибудь въ верстахъ двадцати отъ Сиваса. Мы его послушались и хорошо сдѣлали. Переходъ былъ чрезвычайно трудный и непріятный.

Перейдя черезъ старинный каменный мостъ о восемнадцати аркахъ, длиною въ шестьдесятъ сажень, а шириною въ двѣ съ половиной, мы вступили на снѣжную равнину, на которой сначала было показался маленькій слѣдокъ, но немного, и мы пошли цѣлик-

Digitized by Google

комъ по глубокому снѣгу посреди бѣшеной мятелицы и густого тумана.

И какъ подумаю, что все это давно, давно миновало; что я набрасываю воспоминанія мои объ этихъ тяжолыхъ минутахъ моей жизни, сидя въ уютномъ кабинетѣ, посреди всѣхъ удобствъ и приволій родного города, подъ одною кровлею съ моими близкими...

Да, жутковато было. Таить нечего. Но то ли еще впереди!

И такъ мы шли-нешли отъ Сиваса, прокладывая себѣ дорогу наудачу, потомучто все сливалось передъ нами въ одну сплошную массу снѣга, утопавшую во мглѣ. И вотъ на вершинѣ одного крутого и высокаго подъема проводники наши остановили караванъ, объявляя, что потеряли дорогу и всякую возможность направляться посреди предметовъ, занесенныхъ и стушевавшихся снѣжною вьюгою. Минутъ пять вертѣлись мы на одномъ мѣстѣ, припадая къ снѣгу по разнымъ направленіямъ, чтобъ отыскать на немъ какой-нибудь слѣдъ... Напрасно! Что дѣлать, не назадъ же было идти! Да и уцѣлѣла ли еще, подъ завирухой, стезя, только-что проложенная нами?

Но въ то время, какъ мы недоумѣвали, что́ предпринять, вдругъ передъ нами очутилось новое лицо, какъ-будто выросло изъ земли. Это милое созданіе, съ заиндѣвѣвшими бровями и бородою и закутанное въ бурый турецкій плащъ, взялось вывести насъ на дорогу. Какъ послѣ этого не вѣрить въ существованіе добрыхъ геніевъ, выручающихъ изъ бѣды заблудшагося путника, также точно какъ и въ существованіе злыхъ кикиморъ, обходящихъ его дорогу?

Караванъ тронулся, и безъ дальнѣйшихъ остановокъ, безъ малѣйшихъ препятствій и бѣдствованій, добрелъ подобру-поздорову до ночлега нашего около часу пополудни.

Квартира намъ была отведена сравнительно отличная, опрятная, теплая и свѣтлая; что́ и требовалось доказать! Мы вздохнули.

Деревня *Сефикъ*, состоящая всего изъ тридцати мусульманскихъ домовъ, едва выглядывала на свѣтъ божій изъ-подъ тяжолой перины снѣжныхъ сугробовъ, и сонными и слипшимися отъ мороза глазами смотрѣла на пришельцевъ. Караванъ размѣстился кое-какъ; скотъ, разумѣется, гдѣ остановился, тамъ и остался чавкать кормъ свой и фыркать и сопѣть, побрякивая отъ времени до времени бубенчиками; люди, повозившись около нихъ и около мерзлыхъ вьюковъ, юркнули въ дымившіяся хаты. Все стихло, только не унималась мятель да Ставри-Байко, не знавшій ни покоя, ни усталости. Еще съ красными отъ офтальміи глазами, повязанными платкомъ съ примочкою, юлилъ онъ около животныхъ, чтобъ посмотрѣть,

Digitized by Google

нѣтъ ли между нами зарѣзанной лошади или мула; около вьюковъ — чтобы отрыть какую-нибудь посудину или другую нужную вещь; около жителей — чтобы добыть яицъ, молока, хлѣба, живности; около затопленнаго нами очага, — чтобъ приготовить обѣдъ намъ; наконецъ около насъ — чтобы исполнять всѣ наши желанія...

— Ставри! крикнетъ ему бывало Е. И.

— Oui, m'sieur! зазвенитъ косой македонецъ издали, и летитъ стремглавъ, спотыкаясь о наваленные вьюки, тамъ о бревно, здѣсь о порогъ... и почти всегда задѣнетъ за что-нибудь приближаясь; и приподымая фуражку, никогда бывало не забудетъ сказать: mille excuses, m'sieur.

— Vous n'avez pas trouvé du pain frais, Stavri? спрашиваетъ его командиръ.

— Zé vous démande pardone, m'sieur. Z'ennai trouvé d'excellane.

— Qu'est-ce que vous nous donnerez à manger ce soir?

— Zé une poitraille de moutone, des poulets; zé fais la soupe au kufté (1), une sislik (2) et une pilaf... (3) Si m'sieur désire encor quelque sose?..

— Faites une sauce, si vous voulez.

— None, zé dis-quelque autre sose...

— Ah oui, quelque autre chose! Je comprends...

И такъ далѣе. И все шло какъ по маслу.

Едва забрежжилъ свѣтъ, народъ нашъ сталъ выползать каждый изъ своего ночного пріюта, и работа закипѣла. Снова стучатъ походныя кровати наши, складываясь въ чахлы, снова вещи и провизія летятъ въ чемоданы и сундуки; а эти, въ свою очередь, уходятъ въ разверстую пасть кожаныхъ хурджиновъ (4), по которымъ шаркаютъ толстыя веревки и прыгаетъ Лофъ, обнюхивая ихъ, съ приличнымъ вѣрной собакѣ усердіемъ; снова погонщики притягиваютъ къ тюкамъ и сундукамъ вьючныхъ лошадей, дожовывающихъ свою порцію; и около нихъ переваливается тяжолый Мгдысй, дымя свою коротенькую трубку, пажи сѣдлаютъ коней нашихъ, Ставри порхаетъ съ одного конца сцены на другой. Мы допиваемъ чай. Послѣдняя посуда убирается, послѣдній вьюкъ громоздится, и уже подтянутъ; напутная понюшка отправляется въ носъ, дорожныя трубки закурены. «На коней, господа!» И снова караванъ на дорогѣ.

---

(1) Кюфте — клецки.
(2) Шишлыкъ — мясо, жареное на вертелѣ.
(3) Разварное пшено въ маслѣ.
(4) Большія турецкія сумки.

Digitized by Google

Первые полтора часа этого перехода — поверять ли мнѣ? — были еще несноснѣе вчерашнихъ. Но затѣмъ погода разъяснилась и уже до самаго Улаша не переставала улыбаться намъ; но какъ только, черезъ другіе три часа пути, вошли мы въ отведенную намъ квартиру, какъ она опять нахмурилась и облака заклубились надъ нами, и очень некстати, потомучто назавтра предстояло намъ взбираться, по разсказамъ, на самую высокую гору нашего маршрута отъ Чернаго моря до Месопотаміи. Снѣгу-то, снѣгу, говорятъ! Страшно.

Въ *Улашѣ* спутникъ нашъ докторъ Ренучи сдѣлалъ двѣ операціи: вопервыхъ, разрѣзалъ нарывъ на пальцѣ моего Петра, который, по милости одного своего пальца, не могъ служить мнѣ впродолженіе двухъ недѣль, и во-вторыхъ пустилъ своему погонщику кровь... изъ носу кулакомъ. У нихъ вышло какое-то недоразумѣніе насчетъ денегъ; погонщикъ сталъ шумѣть, ну, а докторъ не выдержалъ — и въ носъ его. Роковой день! Кровавая станція! Одновременно съ этою кулачною операціею, кровь лилась въ другомъ концѣ нашего стана: македонскій герой *на всѣ руки* работалъ надъ физіономіей юнаго Джіовани, одного изъ слугъ; поставивъ ему два добрые фонаря и выпачкавъ все лицо кровью, уже не знаю изъ какой части Джіованіевой головы пролитою, онъ отправился къ Е. И—чу съ объясненіемъ дѣла, въ то самое время, какъ докторъ уже разсказывалъ ему о своихъ подвигахъ.

Не успѣлъ еще остыть гнѣвъ расходившагося итальянца, какъ какой-то чудакъ въ турецкой одеждѣ подалъ ему клочекъ исписанной бумаги и заговорилъ съ нимъ на родномъ его языкѣ. Это было приглашеніе отъ соотечественника его, медика сиваскаго паши, ѣхать съ его братомъ, подателемъ записки, навѣстить одного труднаго больного, а именно начальника деревни Кангалъ, къ которой послѣзавтра лежалъ нашъ путь. Доктора просили ѣхать немедленно и скоро, обѣщая приличную плату отъ больного.

Какъ тутъ быть? Неужели бросить своихъ злосчастныхъ дамъ на наши руки и самому тащиться одиналцать часовъ по страшнымъ дорогамъ на неизвѣстное? Первое неудобство конечно не очень бы важно было въ глазахъ этого попечительнаго мужа и отца: онъ почти на каждомъ переходѣ оставлялъ харемъ свой плестись за нашимъ караваномъ, чтобъ занимать насъ своею бесѣдою; но что получитъ онъ за трудъ? Вотъ вопросъ, занимавшій его преимущественно. За совѣтами онъ бросился разумѣется къ намъ, а за свѣденіями о личности мудира, къ нашимъ конвойнымъ. Онъ было уже и согласился съ нашимъ мнѣніемъ, что человѣколюбіе предписываетъ ему ѣхать, и уже велѣлъ было осѣдлать коня; когда же Му-

Digitized by Google

сафа объявилъ ему, что болѣе какихъ-нибудь пятидесяти піастровъ или трехъ рублей серебромъ, онъ не долженъ надѣяться получить отъ больного повелителя Кангала, докторъ нашолъ, что долгъ заботиться о семействѣ своемъ гораздо священнѣе всѣхъ прочихъ обязанностей... И братъ сиваССкаго медика отправился въ Кангалъ одинъ показывать надъ турецкимъ сановникомъ искусство свое лечить безъ пособія медицины, съ которою онъ былъ знакомъ только по имени. Но онъ былъ братъ хекимъ-баши! Не довольно ли этого для спокойствія турка?

И, больно было, и смѣшно слушать всю эту исторію.

25 февраля, пройдя вдоль Дегирменъ-сую (мельничная рѣка), мы благополучно перебрались черезъ грозный перевалъ Деликли-ташъ (дырявый камень) (1), на которомъ нашли грязную маленькую деревушку съ общимъ названіемъ Дербендъ (застава). Круто было и снѣжно; но погода, при 12° холоду, стояла превосходная, и мы безъ большихъ трудовъ и непріятностей миновали его, сдѣлавъ на полпути небольшой привалъ. Недаромъ говоритъ пословица: не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, — и въ самомъ дѣлѣ, переходъ, угадавшій наше воображеніе издали, на дѣлѣ оказался легче многихъ и сопровождаемъ былъ даже неожиданнымъ развлеченіемъ.

Военные начальники въ Турціи имѣютъ при собѣ походныхъ шутовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ сойтаровъ, которыхъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы веселостью своею, болтовнею, пѣснями, кривляньями и всякаго рода дурачествами забавлять отрядъ, сокращать для него время тяжкихъ переходовъ и поддерживать въ немъ бодрость и хорошее расположеніе духа. Шутъ обыкновенно одѣтъ въ разныя лохмотья и имѣетъ на головѣ какую-нибудь дурацкую остроконечную шапку съ бубеньчиками, бусами, съ чекальимъ хвостомъ и тому подобными атрибутами и ѣдетъ впереди отряда. Рядомъ съ нимъ шествуетъ конный литаврщикъ, состоящій у него въ распоряженіи и надъ которымъ онъ иногда выдѣлываетъ потѣшныя штуки.

Бывшій съ нами весельчакъ Аджемъ-оглу (персіянинъ) былъ башъ-сойтаръ или главный шутъ Аббаса-паши.

Чего только онъ не выдѣлывалъ для нашей потѣхи, самымъ совѣстливымъ образомъ разыгрывая свою обычную роль!

---

(1) Пужуля въ своемъ путешествіи по Малой Азіи, называетъ эту вершину *Деркли-ташъ*. Но столбъ потурецки не деркъ, а дирекъ; и въ такомъ случаѣ это бы было не *каменный столбъ*, какъ онъ перевелъ это названіе, а *столбовой камень*. Впрочемъ я сомнѣваюсь, чтобы ухо мое, привыкшее къ турецкому языку, могло обмануть меня. Да и на извѣстныхъ картахъ написано *Деликли-ташъ*.

Digitized by Google

То декламировалъ онъ, то пѣлъ трогательнымъ голосомъ персидскіе стихи, зажмуривъ глаза и забрасывая назадъ голову, съ которой то и дѣло, какъ будто сама собою, сваливалась треуголка его изъ чекальей шкуры шерстью внаружу, и съ хвостомъ того же животнаго, торчавшимъ въ видѣ султана; и онъ, не останавливая лошади и переваливаясь на сѣдлѣ, съ комическими ужимками подымалъ ее, и вмѣстѣ съ прилипшимъ къ ней снѣгомъ, нахлобучивалъ опять себѣ на носъ; то онъ коверкался и хлопалъ по головѣ своего терпигоря литавщика; то вдругъ растянется на снѣгу, вмѣстѣ съ своею лошадью, пріученною къ этому дѣлу, и оба лежатъ какъ бездыханные трупы; то барахтается съ нею въ снѣгу, ложится подъ нее, и умная лошаденка не шелохнется, чтобъ не причинить движеніями боли своему хозяину; то, по командѣ его, она примется ползать, растопыривъ всѣ четыре ноги. Однимъ словомъ походный дивертисментъ этотъ смѣшилъ и забавлялъ насъ самымъ удачнымъ образомъ. Не думаю, чтобы самъ Ираклитъ удержался отъ хохоту при видѣ всѣхъ дурачествъ неутомимаго сойтара, одѣленнаго сверхъ того прекомическою наружностью.

По поэтической натурѣ своей и по огромному носу, онъ былъ настоящій Овидій Назонъ. А въ шутовствѣ персіяне не уступятъ лучшимъ Клоунамъ, если не превосходятъ ихъ. Это былъ вмѣстѣ и люстикъ, и пульчинельло, и клоунъ, и рапсодъ.

Что всего болѣе смѣшило меня въ Аджемъ-оглу, это нѣжные любовные стихи, вылетавшіе изъ огромнаго, зубастаго рта этого носатаго чучелы, и чувство, волновавшее гнусливый голосъ, которымъ они были произносимы. Серебристыя луны, благовонные локоны, коралловыя уста, глаза газели, дугообразныя брови красавицъ, растерзанныя сердца и жареныя печенки влюбленныхъ, — какъ разноцвѣтные бураки трещали и лопались въ воздухѣ, и вдругъ въ данную минуту, грянетъ дробь чугунныхъ котелковъ литавщика... Унылые тоны, крутымъ поворотомъ, обращаются въ allegro и млѣвшее тѣло сойтара запрыгаетъ на сѣдлѣ въ кадансъ веселому ритму; локти поднимаются выше головы и мохнатая шапка опять на снѣгу.

Приведу здѣсь только одну турецкую оду извѣстнаго поэта Баки, замѣчательную нѣкоторою оригинальностью и пропѣтую сойтаромъ съ особеннымъ чувствомъ:

«Отъ пламени любви, зажженнаго тобою, въ сердцѣ моемъ раздаются вздохи и стенанія.

«Вздохи тѣ образуютъ паръ, паръ образуетъ облако, облако молніеносное.

Digitized by Google

«Жжотъ ли огонь раны моего сердца, нанесенныя ему красотою твоего стана, —

«Огонь тотъ обращается въ свѣтило, свѣтило въ солнце, солнце лучезарное.

«Льются ли слезы изъ очей моихъ по тебѣ, о жемчужина несравненная! —

«Слезы мои обращаются въ потокъ, потокъ въ море, въ море, полное царскаго жемчуга.

«Пронесутся ли по горамъ, подобно вихрю, вздохи мои по твоимъ локонамъ, —

«И горы обращаются въ поляны, поляны въ садъ, садъ устланный нарцисами.

«Встрѣтитъ ли взоръ Бакы почку розана, —

«И почки обращаются въ листья, листья въ колючее терніе, въ терніе кинжаламъ подобное».

Признаюсь, сожалѣлъ я отъ души, когда, по приближеніи нашемъ къ Кангалу, и Дели-Келле и Аджемъ-оглу и чугунные котелки, получивъ свою подачку, и повернувъ лошадей, ударились въ обратный путь и оставили намъ отъ себя только одни веселыя воспоминанія.

Право, посмѣяться иногда отъ души — здорово. Бываютъ минуты въ жизни нашей, когда за подобное побужденіе отдалъ бы послѣднюю копѣйку, тамъ — чтобы возвратить потерянный апетитъ или сонъ, здѣсь — чтобъ заставить желудокъ исполнять свои обязанности, оживить унывшую душу, расшевелить отяжелѣвшее тѣло, одеревенѣлые мускулы.

А на поверку вышло, что мы еще дурной-то дороги не видали; по крайней мѣрѣ переходъ отъ Деликли-таша до *Кангала* превосходилъ, въ этомъ отношеніи, все что́ намъ до тѣхъ поръ случилось испытать.

Деликли-ташскій мудиръ далъ намъ до Аладжá-хана въ проводники сына своего, красиваго молодого щеголя съ длинными волосами и кокетливыми пріемами.

Когда мы вышли изъ Дербенда, туманъ былъ такъ густъ, что въ пяти-шести шагахъ ничего нельзя было различить; но вскорѣ поднялся вѣтерокъ, и мы передъ собою увидѣли узенькую тропочку, пробиравшуюся въ глубочайшемъ снѣгу, въ которой лошади наши, поминутно соскальзывавшія въ сторону, буквально уходили, вмѣстѣ съ сѣдломъ; такъ что когда, минутъ черезъ двадцать по выступленіи нашемъ, пришлось объѣзжать намъ встрѣчный караванъ верблюдовъ, протянувшійся версты на полторы, — сѣдла и всѣ вьюки наши свернулись въ снѣгъ; и мы томительно барахтались въ

Digitized by Google

немъ, какъ это было съ нами, когда мы подходили къ Сиваду. Какъ мы справились, какъ дотянулись до свободнаго мѣста, не понимаю: бредя выше пояса въ снѣгу, мы запыхались, вспотѣли, измучились, выбились изъ силъ. Но тутъ опять новыя встрѣчи, посреди не разрѣжавшагося тумана, новыя барахтанья въ снѣгу; лошади съ трудомъ устанавливали ноги на узенькой стезѣ и качались съ боку на бокъ, какъ пьяныя, такъ что почти нельзя было держаться на сѣдлѣ. Мы опередили однакожъ караванъ свой, поровнявшись съ Казыклы-су, и истерзанные шести-часовымъ ужаснымъ переходомъ, да остановками при встрѣчахъ, стоившими намъ другихъ четырехъ часовъ, доплелись до *Кангала* около двухъ часовъ пополудни, и расположились въ очень хорошемъ постояломъ домѣ. Деревня небольшая; въ ней нашли мы пятнадцать армянскихъ и двѣнадцать мусульманскихъ домовъ, хорошую каменную церковь и мечеть.

Но напрасно ждали мы каравана; проходилъ часъ за часомъ, а его не было видно. И съ нимъ еще запропастились опять и горемычныя итальянки. Вотъ уже и шестой часъ вечера, а каравана нѣтъ какъ нѣтъ. Бѣдовое дѣло!

Но вотъ въ туманѣ, надъ дорогой, заходили блѣдныя точки, чернѣя все болѣе и болѣе. Слава Богу, караванъ идетъ! И все успокоилось. Ренучи посѣтилъ больного мудира (1), но братъ сивасскаго врача ускорилъ развязку и уже Азраилъ протягивалъ руки свои, чтобы отнести новую правовѣрную душу къ гуріямъ пророка.

Переходъ слѣдующаго дня, отъ Кангала до Аладжа-Хана, былъ нѣсколько лучше предыдущаго, но совершенно въ томъ же родѣ. Погода была нехолодная; туманъ разсѣялся только съ половины перехода, когда мы миновали Ильанлы-Дагъ (змѣиную гору) и не смотря на волнистую мѣстность, по которой пролегала дорога наша, окружонная пирамидальными высотами, мы почти вовсе не чувствовали усталости, когда слѣзли съ коней на новомъ ночлегѣ. Зато мусульманскій домъ, отведенный намъ, былъ просто ужасенъ отъ грязи, пыли и мрака, въ немъ царствовавшихъ. Недаромъ конакчи или квартиргеръ, приведя насъ въ Кангалѣ въ домъ армянскаго семейства, сказалъ мнѣ: «я васъ нарочно привелъ въ домъ къ христіанину: христіане умнѣе мусульманъ, ничего неумѣющихъ хорошо дѣлать». Положимъ онъ говорилъ это изъ лести и въ надеждѣ получить за таковой отзывъ двойной бахшишъ, но что въ словахъ этихъ не было ошибки, въ этомъ мы убѣждались ежедневно.

Деревня *Аладжа-Ханъ* состоитъ изъ тридцати дворовъ и полу-

(1) Правитель.

Digitized by Google

чила свое названіе *полосатаго караванъ-сарая* отъ мечети, выкрашенной поперечными полосами, красными съ бѣлыми.

Мудиры этихъ бѣдныхъ деревень исполняютъ должность старосты и начальника конныхъ объѣздчиковъ внутренней стражи.

Но у Мгдыли опять разболѣлись глаза и вся прислуга наша была до того замучена послѣднимъ походомъ, впродолженіе десяти съ половиною часовъ, по самой убійственной дорогѣ, что надо было подумать объ отдыхѣ и уже хотѣли было остановиться здѣсь на сутки; но потомъ раздумали по нѣкоторымъ соображеніямъ, въ числѣ которыхъ непослѣднее мѣсто занимало желаніе поскорѣе добраться до лучшей стоянки.

28-го февраля шли мы по чрезвычайно гористой и трудной дорогѣ, по узенькой снѣжной тропинкѣ, при сильномъ вѣтрѣ, крѣпчавшемъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ мы подвигались. Черныя тучи замѣтно густѣли на вершинахъ ближайшихъ возвышенностей и въ томъ числѣ на круглой горѣ Султаныпъ-окъ-аты-гы-тепеси, — сопкѣ, на которой *султанъ стрѣлялъ изъ лука*, и другія дальнѣйшія высоты Керкесъ-Дагъ, Янухъ-Аглыпъ-Дагъ, Кывыхъ-Дересй, и Кёсюлю-Дагъ.

Солнце играло съ нами въ тютю: то выглянетъ изъ-за крутившихся около него тучъ, то опять за ними спрячется, и бурунъ накидывался на насъ тогда съ новою силою, засыпая снѣгомъ и караванъ нашъ, и тропинку, по которой мы плелись ощупью, и всю окрестность. Такъ шли мы почти пять часовъ, но тутъ, когда уже до станціи оставалось не болѣе двѣнадцати верстъ, туманъ своротилъ съ дороги, тучи передъ нами разступились, открылось небо, мятель стихла, снѣгу на дорогѣ поубавилось, и изъ-за безпрерывныхъ поворотовъ, спусковъ, подъемовъ, выдвигались передъ нами все новыя и новыя декораціи горъ, которыхъ сѣверные склоны покрыты были толстымъ слоемъ снѣга, а южные были сухи какъ лѣтомъ и своею чернотою успокоивали глаза наши, раздраженные отъ постояннаго блеска снѣговъ...

Хасанъ-Челеби, въ которой мы сошли съ лошадей, большая хорошая деревня, изъ семидесяти домовъ, очень живописно расположенная на обоихъ берегахъ горнаго ручья и обстановлена кругомъ высокими горами, въ то время сплошь покрытыми снѣгомъ. А ужь что квартира намъ была отведена, такъ хоть бы вѣкъ вѣковать въ ней! Просторная, опрятная, веселая, снабженная коврами и разными другими удобствами, она показалась намъ лучшею изо всѣхъ посѣщенныхъ нами.

Но ужь весна спѣшитъ къ намъ навстрѣчу, уже впиваемъ мы ея бальзамическое дыханіе, и скоро-скоро она приметъ насъ въ

Digitized by Google

свои горячія объятія! Какъ пріятно будетъ отвязаться наконецъ отъ этихъ мятелей и тумановъ, вынырнуть изъ этого океана снѣговъ! Но думали ли мы тогда, что настанетъ время, когда мы будемъ вздыхать по нихъ, и какъ еще! Тогда же мы только и думали о томъ, качаясь на сѣдлахъ и понуривъ голову, какъ бы дожить поскорѣе до теплаго солнышка, до зелени, до цвѣтовъ! Но, какъ я только что сказалъ, все это приближалось къ намъ форсированнымъ маршемъ... И мы оживали къ надеждѣ.

1-го марта двинулись мы отъ Хасанъ-Челеби къ Хекимъ-Хану, отстоящему отъ послѣдняго ночлега нашего верстъ всего на двадцать на пять.

При самомъ выступленіи нашемъ мы переправились вбродъ чрезъ горный потокъ Улу-чай, или Улу-дере́, большую рѣку, не оставлявшую насъ почти во весь переходъ, что́ доставило намъ случай переправиться черезъ нее еще разъ десять въ этотъ день. Дорога наша шла по скаламъ, виляя, волнуясь и изворачиваясь поминутно и открывая передъ нами все новые и новые виды, одни живописнѣе другихъ, одни другихъ величественнѣе и привлекательнѣе.

Но всѣ эти картины являлись глазамъ нашимъ сквозь частую сѣтку мокраго снѣга, падавшаго хлопьями, и въ промежуткахъ черныхъ тучъ, гулявшихъ въ уровень съ нами по скатамъ горъ, по темнымъ ущельямъ и пропитывавшимъ воздухъ непріятною сыростью. Не досадно ли право? То-то бы праздникъ былъ намъ, еслибъ погода была яснѣе!

Оставивъ направо высокій Ардаванъ-Дагъ, налѣво — развалины каравансарая Султанъ Мурада, Сааръ-Ка́й, Баллы-Ка́й, Гёкча-Кая, Гебе-Деликъ, Кюзунъ-гутъ-Карлы-Дагъ, мы изъ ущелья Каракысыкъ подошли къ самому селенію *Хекимъ-хану*, премило расположенному въ живописной лощинѣ, посреди множества садовъ и высокихъ горъ, не такъ однакоже близко подступившихъ къ нему, какъ то было въ Хасанъ-Челеби. Здѣсь, сказали намъ, очень много прекрасныхъ фруктовъ, и горы покрываются цвѣтами.

Квартира наша и тутъ не хуже послѣдней, если не лучше, и такъ просторна, что мы помѣстились въ ней со всѣми нашими людьми.

Когда мы вошли въ комнату, назначенную собственно для насъ, къ Е. И—чу подошолъ какой-то старикъ въ зеленомъ бешишѣ, въ бѣлой чалмѣ, съ четками въ рукахъ. Лицо его было блѣдно, безстрастно, съ небольшой сѣдинькой бородкой. Нижнее энтери́ его было перепоясано бѣлымъ муслиновымъ кушакомъ; на груди висѣли на цѣпочкѣ большая агатовая бляха, покрытая надписью, ка-

Digitized by Google

тарую и впослѣдствіи прочелъ. То было извѣстное арабское выраженіе шіитскаго толка, встрѣчаемое часто на персидскихъ и индѣйскихъ саблях и амулетахъ: *ля фета илля Али, ля сейфун илля зульфекаръ*, т. е. нѣтъ юноши подобнаго Алію и нѣтъ меча, подобнаго зульфекару (мечу Аліеву обоюдоострому).

— Снами саблю, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ довольно чистымъ русскимъ нарѣчіемъ съ легкимъ татарскимъ акцентомъ и протянулъ къ моему шефу обѣ руки.

Мы всѣ выпучили на него глаза.

— Кто ты такой, старый человѣкъ? спросилъ его одинъ изъ насъ, пока старикъ помогалъ Е. И—чу снимать его дорожную амуницію. — Ужь не русскій ли?

Но самоваръ уже шипѣлъ на складномъ столѣ нашемъ, потому-что караванъ въ этотъ день опередилъ насъ, и мы разсѣлись около него, пригласивъ и бѣлую чалму занять возлѣ насъ мѣсто и готовясь выслушать его исторію.

— Меня зовутъ Григорьемъ Абрамовичемъ, а по нашему Мухаммедъ Ханомъ, началъ нашъ новый знакомецъ. Я сынъ покойнаго-Мухаммедъ-Джафаръ Кули хана Хойскаго, и вмѣстѣ съ двумя моими братьями былъ отправленъ генераломъ Ермоловымъ изъ Тифлиса въ Петербургъ. Высочайшій дворъ обласкалъ насъ и мы скоро сдѣлались фаворитами знатныхъ особъ. Въ 1827 г. я однакожъ уѣхалъ въ Персію; а братья мои Исманль-Ханъ и Мухаммедъ-Кули ханъ остались въ столицѣ; дослужились до генеральскаго чина и старшій имѣлъ Анну первой степени. Оба они впослѣдствіи поселились въ Шеки, гдѣ Мухаммедъ-Кули и умеръ. Въ турецкую войну, я былъ въ рядахъ турецкихъ войскъ; потомъ, имѣя полъ командою триста делибашей, я дрался противъ Мухаммедъ-Али-паши египетскаго и участвовалъ въ несчастномъ для турокъ низибскомъ дѣлѣ. Потомъ ходилъ въ Мекку, посѣтилъ Кудси-Шериф (Іерусалимъ), и возвратясь въ Анатолію поселился въ Хекимъ-Ханѣ, гдѣ по любви женился на двѣнадцатилѣтней красоткѣ и живу здѣсь вотъ уже девятнадцать лѣтъ. Вспоминаю всегда съ удовольствіемъ вспоминаю, добавилъ онъ, годы проведенные мною въ Петербургѣ и Тифлисѣ между русскими!..

Григорій Абрамычъ, перебирая четки, перечелъ мнѣ множество извѣстныхъ именъ, говоря, что съ этими лицами онъ находился въ самыхъ близкихъ и лучшихъ отношеніяхъ.

Онъ говорилъ недурно порусски, но медленно, искалъ слова и выговаривалъ ихъ иногда презабавно. Не довѣряя однакожъ познаніямъ своимъ въ языкѣ этомъ, онъ просилъ меня перевести Е. И—чу слѣдующую фразу.

Digitized by Google

— Скажи полковнику, что я прошу Бога, чтобы онъ порадовалъ его столько же, сколько онъ меня порадовалъ своимъ прибытіемъ.

— Да, продолжалъ онъ обращаясь уже ко мнѣ, то по-турецки, то по-персидски, я уже двадцать два года не говорилъ по-русски. Я знаю этотъ языкъ хорошо; вѣдь я тринадцать лѣтъ прожилъ въ Россіи, гдѣ меня иначе не называли какъ Григорьемъ Абрамычемъ. Но я имѣлъ предчувствіе съ самого утра, что сегодня именно представится мнѣ подобный случай. Поиѣрьте. И этимъ предчувствіемъ я обязанъ видѣнію, приснившемуся мнѣ этой ночью. Переведите пожалуйста его высокоблагородію.

Когда я изъявилъ Григорію Абрамычу готовность мою исполнить его желаніе, онъ погладивъ свою бороду, разсказалъ какой-то нелѣпѣйшій сонъ, очевидно выдуманный имъ.

— Не правда ли, какой удивительный и пророческій сонъ? заговорилъ онъ опять на нашемъ языкѣ, обращаясь къ Е. И—чу.

Съ начала разсказа его я было развѣсилъ уши; но услышавъ заключеніе, смекнулъ, что у Григорья Абрамыча что-нибудь да на умѣ, и ожидалъ отъ него настоящаго истолкованія его пророческаго сна; и ожидалъ недолго. Вечеромъ, по возвращеніи нашемъ съ прогулки по селенію, гдѣ онъ служилъ намъ за чичероне, онъ наклонился къ моему уху:

— Душа моя, сказалъ онъ мнѣ по-персидски, не будешь ли такъ добръ, чтобъ объяснить г. полковнику мою крайнюю нужду? Въ прошломъ году хлѣбъ не уродился, и я затрудняюсь въ прокормленіи семьи моей. Я бы очень былъ ему благодаренъ, еслибъ онъ мнѣ далъ денегъ на покупку кило (1) пшеницы. Вѣдь это немного: всего 90 піастровъ.

Вотъ онъ, сонъ-то пророческій, подумалъ я. Знаю я тебя, персидская натура! Ловкіе господа, нечего сказать!

Я однакожъ передалъ просьбу его Е. И—чу, и Григорій Абрамычъ могъ поздравить себя съ авторскимъ успѣхомъ.

Въ числѣ замѣчательностей Хекимъ-хана, чалмоносный чичероне нашъ указалъ намъ на развалины очень древняго каравансарая, который, по словамъ его, былъ нѣкогда обнесенъ стѣною по волѣ знаменитаго Кёпрюлю-Заде Мухаммедъ паши для обороны въ случаѣ нападенія безпокойныхъ курдовъ.

Затѣмъ онъ повелъ насъ въ армянскій кварталъ, состоящій домовъ изъ двадцати, и показавъ на самый бѣднѣйшій изъ нихъ, объявилъ, что это церковь. Мы пожелали войти въ нее. Необходимо

(1) Кило содержитъ въ себѣ отъ 54 до 66 фунтовъ вѣсу.

Digitized by Google

за священникомъ, живущимъ тутъ же рядомъ. Священникъ въ то время спалъ. Старика растолкали; онъ вскочилъ и спросонья выбѣжалъ изъ своей мазанки, въ ночномъ колпакѣ и въ туфляхъ своихъ на босую ногу; не понимая, что съ нимъ дѣлается и чего отъ него хотятъ, онъ тыкался въ стѣны домовъ и дико смотрѣлъ вокругъ себя, быть-можетъ принимая насъ за курдинскихъ хищниковъ, пришедшихъ за церковною утварью. Но когда онъ пришолъ въ себя и отворилъ намъ такъ называемую церковь, когда мы вошли нагнувшись въ ея низенькую дверь, и разглядѣли, при свѣтѣ двухъ-трехъ зажженныхъ для насъ свѣчурокъ, внутренность этой жалкой землянки, обращенной въ храмъ божій, я понялъ, что священнику нечего было бояться разбойниковъ, потомучто въ церкви не было не только утвари, но почти ничего, напоминающаго храмъ божій, а что всего вѣрнѣе, онъ оторопѣлъ отъ стыда, что приходилось обнаружить передъ русскими гостями такое крайне жалкое положеніе своего храма.

Вопервыхъ уже въ мазанкѣ не было ни одного окна. При входѣ налѣво, камелекъ съ грудою остывшаго пепла; бревенчатыя стѣны покосились и закоптѣли, вмѣсто занавѣси какая-то почернѣвшая тряпка; алтарь сложенъ изъ глины и даже не выбѣленъ; на немъ, въ ветхомъ и грязномъ платкѣ, евангеліе, и въ тѣни образъ Богоматери, одинъ выкупавшій своимъ присутствіемъ и даже не безвкусною живописью, страшную нищету, неопрятность и запущенность церкви. Передъ выходомъ изъ нея, мы замѣтили еще, по сторонамъ, два дырявыя полотна, одно съ ликомъ Николая чудотворца, другое съ изображеніемъ Григорія просвѣтителя; но что это были за произведенія! Наконецъ посреди церкви стояли козлы, покрытые какою-то ветошью и на ней апостолъ; то былъ налой.

Непонятная бѣдность! Но вѣрнѣе, невѣроятное пренебреженіе!

Надъ дверьми обрушившихся крѣпостныхъ стѣнъ, видна надпись, въ которой я могъ прочесть имя Алаэддина.

Григорій Абрамовичъ объяснялъ, что въ окрестностяхъ есть много развалинъ церквей и замковъ, съ изображеніями; но что зимой къ нимъ добраться нельзя. Мы могли вѣрить и не вѣрить этимъ показаніямъ нашего новаго друга; но повѣрить ихъ намъ не представлялось никакой возможности; а такъ какъ онъ самъ не посѣщалъ этихъ диковинокъ, а только по наслышкѣ зналъ о ихъ существованіи, и потому не могъ передать намъ о нихъ ни малѣйшихъ подробностей, то мы и перешли къ другимъ предметамъ разговора. Насъ всего болѣе забавляли его воспоминанія о Россіи. Онъ съ самодовольствіемъ повторялъ имена русскихъ друзей своихъ.

Digitized by Google

Съ особенною любовью отзывался онъ, между прочимъ, о покойномъ графѣ Самойловѣ, бывшемъ въ его время адъютантомъ у Ермолова. Много разсказывалъ онъ намъ о дамахъ русскихъ тогдашняго времени, съ восторгомъ описывалъ красоту нѣкоторыхъ, вздыхалъ и моталъ головою, закрывая глаза, и вдругъ запѣлъ на голосъ одной татарской пѣсни:

Я мучу́съ, страдаю́;
Знаю́ для кого.
Судба разлучайтъ
Съ милой далэко!
И съ той стороны возду́хъ
Пріятно несотъ;
Тамъ моя лубезна̀
Сашенка животъ.

Это было, какъ онъ говорилъ, собственное его сочиненіе времен[illegible]авно прошедшихъ, совпадавшихъ съ эпохою зарожденія «Ка[illegible]каго плѣнника».

[illegible] тѣмъ какъ этотъ собратъ и современникъ Пушкина, въ чалмѣ и [illegible]одою, допѣвалъ свой русскій романсъ, намъ подали ужинъ [illegible] съ тѣмъ пришли доложить, что въ Хекимъ-ханъ только [illegible]прибы[illegible]ъ татаръ (¹), [illegible] путь изъ Багдада въ Константинопо[illegible] Мы поз[illegible]ли его, чтобъ распросить про состояніе предстоявшей [illegible]амъ доро[illegible].

Жалко б[illegible]о смотрѣть на этого *отца* корреспонденціи, только что свал[illegible]вшагося съ почтовой лошаденки. Если уже мы, путешествовавшіе съ возможнымъ комфортомъ, съ безпрестанными отдыхами, употреблявшіе на переходы, круглымъ счетомъ, не болѣе восьми часовъ въ сутки, обвѣтрились, закоптѣли, обросли волосами, такъ что не узнавали себя въ зеркалѣ, — можно себѣ представить страдальца, осужденнаго на безостановочное и усиленное движеніе на перемѣнныхъ лошадяхъ, впродолженіе пятнадцати-двадцати и болѣе дней, по этимъ адскимъ дорогамъ и при всякой погодѣ!

Отекшее лице татара было черно, глаза съ трудомъ выглядывали изъ-за раздувшихся вѣкъ, будто прятались отъ холода; голосъ сипѣлъ и обрывался на каждомъ словѣ.

Мы изъ человѣколюбія подали ему рюмку водки, прежде чѣмъ обратились къ нему съ вопросами; но тутъ же замѣтили, что онъ уже былъ *готовъ*, и что по крайней мѣрѣ половину его опухоли и сипоты можно было отнести насчетъ мастичной водки.

(¹) Курьеръ или почтальонъ

Неужели пророкъ мусульманскій не отпуститъ *татарамъ* этого отступленія отъ его предписаній?

Что касается насъ, то мы въ душѣ нисколько не осуждали его и приступили къ распросамъ, на которые онъ отвѣчалъ толково и подробно, хотя и сиплымъ голосомъ.

Надобно сказать, что, за Малатіей и Харпрутомъ по дорогѣ къ Мосулу, былъ одинъ пунктъ, о которомъ мы отъ жителей, проводниковъ и погонщиковъ нашихъ, наслышались порядочныхъ ужасовъ. Это была высокая гора Михрабъ, не представляющая, не смотря на крутизну и высоту свою, особенныхъ затрудненій для путешествующихъ въ лѣтнее время; но зимой, и еще въ такую зиму, которая выпала на нашу долю, переходъ этотъ, говорили намъ, едва ли возможенъ.

Это послѣднее положеніе торжественнымъ образомъ подтвердилъ намъ татаръ, перевалившійся черезъ Михрабъ два дня тому назадъ.

— Я вамъ совѣтую не пускаться по этой дорогѣ и идти лучше на Бехесни; вы не увидите Малатіи и Харпрута, — это еще большая бѣда; зато не встрѣтитесь съ остановками и большими непріятностями. Съ вашимъ караваномъ вы никакъ не пр[illegible]

— Но вѣдь англійская комиссія должна была, еще [illegible]о, пройти по этой дорогѣ? Ты вѣрно встрѣтился съ ними? сказали мы ему.

— Я встрѣтилъ господъ англичанъ по ту сторону Михраба; они точно перешли его и перетащили караванъ свой. Но ихъ-то переходъ именно и долженъ послужить для васъ указаніемъ, чтобъ не испытывать силъ своихъ противъ чудовища. Знаете ли вы, господа, чего имъ стоила эта переправа временемъ, трудами, деньгами и вещами, которыя изъ ихъ каравана попадали въ пропасть? Двѣнадцать дней жили они въ поганомъ ханѣ Али-Гыджанъ, по сю сторону горы, въ ожиданіи удобной погоды для переправы. Видя, что на Михрабѣ снѣгу накоплялось все болѣе и болѣе, они наняли курдовъ чтобы очистить дорогу, и эта работа имъ стоила тысячу двѣсти піастровъ. Дорога была очищена, но ночью выпало опять много снѣгу и дороги какъ не бывало. Напрасно только трудились и истратили деньги. Наконецъ они вышли изъ терпѣнія, перешли черезъ Михрабъ пѣшкомъ, перегнали скотъ, а вьюки перенесли на себѣ курды, за большую плату и съ большими потерями; нѣсколько ящиковъ съ провизіей скатились съ обрывовъ въ быстрый потокъ и пропали. Изъ Діарбекира они хотѣли до Мосула отправиться по Тигру на келекахъ (¹).

(¹) Плоты на мѣхахъ.

Digitized by Google

Но Е. И. не хотѣлъ бросать посреди дороги горемычное итальянское семейство; также не хотѣлъ онъ и миновать любопытныя во многихъ отношеніяхъ мѣстности и дѣлать огромный крюкъ на юго-западъ, къ окрестностямъ Мараша, совершенно въ сторонѣ отъ прямого направленія. Маршрутъ поэтому измѣненъ не былъ, и простившись съ прекраснымъ ночлегомъ и Григорьемъ Абрамычемъ, съ его разсказами и пѣснями, и пожелавъ ему при этомъ новыхъ пророческихъ сновидѣній въ родѣ послѣдняго, мы рѣшительно и храбро двинулись на Малатію.

М. Г.

Digitized by Google

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ «ДЕРЕВНЯ»

(Н. Н. —ской)

Вотъ и околица, вотъ мельница и прудъ
Весь въ красномъ пламени... А тамъ за нимъ пойдутъ
Волной широкою колосья наливные!
При блескѣ утреннемъ пурпурнаго луча
Сверкнули крестики за рощей золотые —
То ветхій сельскій храмъ. Колесами стуча,
Плотиной старою поѣхала телѣга;
Здоровой свѣжестью повѣяло съ полей,
Гречихой, коноплёй... Съ качнувшихся вѣтвей
Закапала роса. А утренняя нѣга
Очарованіемъ своимъ еще царитъ...
Безшелестно листокъ въ огнѣ зари виситъ,
Какъ озолоченный...
Скорѣй, моя телѣга!

Бывало — помнишь ли? — подпершися рукой,
Съ несносной книгою сидишь. Передъ тобой
Изъ непонятныхъ буквъ, изъ-за тупой указки
Выходятъ странныя, причудливыя сказки...
Такъ душно въ комнатѣ, и скучно, и темно!
Сирень врывается въ раскрытое окно
И сыплются цвѣтки на столъ, благоухая;
И звонъ ко всенощной, и ржанье лошадей,
И крикъ, веселый крикъ несется, замирая,
Со скрипомъ колеса съ желтѣющихъ полей;
И въ небѣ голубомъ слѣдишь за лётомъ птицы,
И въ нетерпѣньи мнешь окраины страницы,
И тетку строгую ужь слушаешь едва,
Какъ опьянѣлая кружится голова,

Digitized by Google

И хочется бѣжать въ оврагъ къ пруду и къ лодкѣ,
И плакать хочется подъ грозный голосъ тетки!..

Иль зимнимъ вечеромъ, — какъ снѣгомъ бьетъ въ стекло
Мятель летучая, — при нагорѣвшей свѣчкѣ
На сундукѣ большомъ, окованномъ, у печки
Въ тѣни угла сидишь уютно и тепло
И няню слушаешь. Узнавъ и гнетъ и горе,
Я понималъ уже, какъ пѣла мнѣ она,
Что мукой вѣчною какою-то полна
Ея душа... Поетъ бывало: «въ синемъ морѣ
Плыла лебедушка... Вдругъ соколъ налетѣлъ...»
И въ сердцѣ у меня послѣдній звукъ звенѣлъ —
И я рыдалъ, обидъ припомнивъ рядъ несчетный,
И няню цѣловалъ съ любовью безотчетной...

Ф. БЕРГЪ

Digitized by Google

УЧЕНІЕ СПИНОЗЫ О БОГѢ

(ИЗЪ ИСТОРІИ ФИЛОСОФІИ КУНО ФИШЕРА) *)

I

Понятіе субстанціи, которое новая философія въ Декартѣ взяла за свою исходную точку, только у Спинозы было дѣйствительно утверждаемо, или, что тоже, было мыслимо безъ противорѣчія. На одномъ этомъ, повторяемъ, опирается значеніе Спинозы, и такъ какъ для насъ духъ его эпохи совершенно достаточно объясняетъ эту ясную, съ геометрической прочностью построенную систему, то мы не станемъ теряться въ темныхъ ученіяхъ кабалистики, съ которой нерѣдко ставили философію Спинозы въ непосредственную связь. Теософія и спинозизмъ суть понятія очень различныя, если только подъ теософіею разумѣть не сущность философіи вообще, а нѣкорый особенный ея характеръ.

Принципъ Спинозы есть понятіе о сущности вещей. Это не есть понятіе вещи, которое составляетъ себѣ человѣческій умъ, отвлекая его отъ внѣшняго явленія, но первоначальное понятіе, котораго бытіе лежитъ не внѣ его, но содержится въ немъ самомъ. Это первоначальное понятіе должно поэтому быть мыслимо, какъ первоначальная сущность или какъ *причина самого себя*. Но существо, не основанное на чемъ-нибудь внѣ себя, и потому не ограниченное извнѣ, есть *совершенно безконечное* существо или *Богъ*, внѣ котораго ничего нѣтъ, и который поэтому необходимо составляетъ *единственное* существо. Это единое безграничное существо *свободно* отъ всякаго внѣшняго принужденія и вмѣстѣ *необходимо*, потомучто лишено всякаго внутренняго произвола; оно *лишено самости*, потомучто безгранично; оно *безсознательно*, потомучто лишено са-

(*) Отрывокъ изъ перваго тома, котораго переводъ приготовляется къ печати. Куно Фишеръ указываетъ на это мѣсто, какъ на изложеніе взгляда, собственно ему принадлежащаго.

Digitized by Google

мости; оно не имѣетъ ни ума, ни воли, потомучто у него нѣтъ сознанія, и не опредѣляется никакими цѣлями, потомучто дѣятельность по цѣлямъ можетъ быть мыслима только при умѣ и волѣ. Поэтому Богъ объемлетъ собою всѣ вещи въ порядкѣ необходимомъ, но не цѣлесообразномъ, въ необходимости естественной, но не нравственной, и такъ какъ въ Богѣ сущность и явленіе, понятіе и существованіе составляютъ одно и тоже, то Богъ *есть* то, что́ содержится въ его понятіи: природа или естественный порядокъ вещей.

I. ПОНЯТІЕ БОГА

Я пріостанавливаю изложеніе системы и ищу для ея понятія о Богѣ правильной точки зрѣнія, не для того, чтобы судить о немъ, но только для того, чтобы ясно и отчетливо разсмотрѣть его, чтобы оно не было смѣшиваемо ни съ подобными, ни съ противоположными явленіями и могло быть понято само по себѣ, въ его особенномъ положеніи. Нужно совершенно изгнать изъ ума ложныя точки зрѣнія, которыя извратили спинозизмъ и пріучили представлять его почти всегда въ ложномъ видѣ. Эти точки зрѣнія были или односторонни и такъ-сказать видѣли только профиль спинозистическаго понятія о Богѣ, или же они были ослѣплены предвзятыми, религіозными или философскими мнѣніями и не были въ состояніи видѣть чуждый предметъ безъ тумана.

Мы видѣли, какіе моменты заключаетъ въ себѣ спинозистическое понятіе о Богѣ, и какъ понятія повидимому противоположныя возводятся здѣсь къ математическому равенству. Богъ Спинозы есть равенство свободы и необходимости: онъ своболенъ, потомучто онъ безграниченъ или безконеченъ, онъ необходимъ, потомучто лишонъ самости или безличенъ. Ясно, что оба эти опредѣленія совершенно покрываютъ одно другое, что быть безграничнымъ значитъ тоже самое, что быть лишоннымъ самости, что въ умѣ Спинозы безконечное существо превышаетъ всякую границу, а слѣдовательно и границу личности.

Но что́ будетъ, если этого Бога поймутъ только съ одной стороны, если одному особенно ясна будетъ его *безличность*, а другому преимущественно его *безконечность*? Оба конечно будутъ судить о Богѣ Спинозы и вообще объ его ученіи односторонне и противоположно одинъ другому; истинный смыслъ этой философіи будетъ растолкованъ въ противоположномъ направленіи, и потому необходимо искажонъ и сдвинутъ съ надлежащаго своего мѣста. Въ знаменитомъ спорѣ, возникшемъ надъ гробомъ Лессинга относительно

Digitized by Google

ученія Спинозы, и составляющемъ интереснѣйшій документъ въ полемической литературѣ новой философіи, роли были распредѣлены по этимъ двумъ односторонним точкамъ зрѣнія. *Фридрихъ Генрихъ Якоби*, хорошо знакомый съ спинонизмомъ и одаренный конгеніальною проницательностью для пониманія этой системы, неотвратимо держалъ свой взоръ на *безличности* спинозистическаго Бога и составилъ свое сужденіе подъ впечатлѣніемъ этого бездушнаго понятія. *Моисей Мендельсонъ*, благомыслящій популярный философъ, который умѣлъ искусно подвизаться только въ границахъ своей эпохи на публичныхъ площадяхъ просвѣщенія, держался за *безконечность* спинозистическаго Бога и объяснялъ систему сообразно съ своимъ умомъ, въ настоящемъ случаѣ ни конгеніальнымъ, ни достаточно свѣдущимъ для того, чтобы вѣрно судить о предметѣ, составлявшемъ предметъ разсужденій. И Гердеръ, раздѣлявшій въ своихъ метафизическихъ понятіяхъ направленіе Мендельсона, былъ не такой человѣкъ, чтобы могъ разрѣшить спорное дѣло и примирить противоположныя сужденія. Замѣчательный и роковой для исторіи спинозизма споръ, въ которомъ съ одной стороны самое рѣзкое сужденіе было обусловлено основательнѣйшимъ знаніемъ дѣла, между тѣмъ какъ съ другой стороны люди, защищавшіе спинозизмъ и желавшіе примирить его съ обыкновеннымъ сознаніемъ, въ сущности были мало съ нимъ знакомы! Вопросъ, къ которому наконецъ пришолъ этотъ споръ, былъ такого рода: что̀ такое ученіе Спинозы — *атеизмъ* или теизмъ?

Спиноза отрицаетъ личность Бога, и слѣдовательно отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чувствующаго и чувствуемаго Бога, который, какъ бы ни были различны представленія о немъ, составляетъ въ основѣ сущность всѣхъ религій. Личность и силы, которыя изъ нея слѣдуютъ, обусловливаютъ существенную особенность проявляющагося Бога; поэтому признаніе безличнаго Бога есть отрицаніе Бога вообще, и система Спинозы, оправдывающая такое признаніе, должна понести обвиненіе въ этомъ отрицаніи. Вмѣстѣ съ личностью она отрицаетъ Бога, вмѣстѣ съ волею отрицаетъ свободу. Понятіе Бога, лишеннаго самости, есть *атеизмъ;* понятіе необходимости, исключающей произволъ и нравственную дѣятельность, есть *фатализмъ*. Таковъ взглядъ, который Якоби составилъ о спинозизмѣ, основательно изучивши эту систему, и который былъ имъ изложенъ въ остроумныхъ тезисахъ, составляющихъ въ исторіи спинозизма эпоху возрожденія (¹). Слова «атеизмъ» и «фатализмъ» въ

(¹) Jacobi, Ueber die Lehre des Spinoza in Briefen an Moses Mendelssohn, 1785, S. 118—157. (Объ ученіи Спинозы въ письмахъ къ Моисею Мендельсону).

Digitized by Google

устахъ Якоби составляютъ не упреки, а *понятія;* меньше всего они должны быть принимаемы въ томъ ненавистномъ и неблагосклонномъ смыслѣ, въ которомъ принялъ ихъ противникъ Якоби въ этомъ спорѣ, и въ которомъ они слишкомъ часто были выставляемы другими противъ спиносизма. (1) Якоби понимаетъ и съ удивленіемъ смотритъ на свѣтлую, чистую душу, которая могла найти свой покой въ мышленіи и свой рай въ умѣ, но въ этомъ раѣ онъ открываетъ только умъ, и это чисто-логическое небо, въ которомъ нѣтъ никакого мѣста *для невѣдомаго* Бога, онъ называетъ атеизмомъ. Понятый Богъ для него не есть Богъ свободный, и потому не есть дѣйствительный Богъ; философія, которая пониманіе считаетъ своимъ долгомъ и слѣдуетъ теченію доказательства до конца, не впадаетъ въ атеизмъ, какъ въ преступленіе, но подвергается ему, какъ своей судьбѣ. Въ смыслѣ Якоби, не Спиноза атеистъ, но атеистъ умъ вообще и та философія, которая предается одному только понятію. Не каждое ли доказательство есть постоянный выводъ, не каждый ли выводъ есть положеніе, обусловленное другимъ положеніемъ? Каждое положеніе, которое я доказалъ, есть обусловленное положеніе, и такъ какъ систематическое мышленіе образуетъ непрерывный ходъ доказыванія, то все, что́ я мыслю, обусловлено, и *одно только обусловленное мыслимо* или достижимо для логическаго доказательства. Поэтому умъ никогда не можетъ открыть безусловнаго или божественнаго, а можетъ только отрицать его; поэтому мыслимый или доказанный Богъ есть всегда отрицаемый Богъ, философія есть безъ исключенія атеизмъ и Спиноза величайшій примѣръ ея. При такомъ взглядѣ на философію, котораго основательность или неосновательность мы не будемъ пока изслѣдовать, хорошо понятно, какое впечатлѣніе должны были произвести Спиноза и его ученіе на душу Якоби, соединявшаго единственнымъ въ своемъ родѣ образомъ глубокомысліе съ глубиною чувства, интересъ знанія съ потребностью вѣры, ясное спокойствіе мышленія съ дифирамбическимъ порывомъ духа. Философія была для него *сродною* противоположностью; Спинозу онъ считалъ за чистѣйшій образецъ ея; онъ понималъ тайныя жизненныя біенія этой системы и видѣлъ въ ней совсѣмъ не то явленіе, какое видѣлъ его другъ Гаманнъ, для котораго спиносизмъ былъ не сродною, а вполнѣ *чуждою* противоположностью, и который съ инстинктивнымъ отвращеніемъ отступилъ отъ «ске-

(1) Moses Mendelssohn, Brief an die Freunde Lessings. II B., Sämmtl. Werk. (Письмо къ друзьямъ Лессинга).

Digitized by Google

лета геометрическаго нравоучителя» (1). Якоби знаетъ, что нѣтъ ничего выше, какъ стремленіе къ истинѣ, но онъ убѣждаетъ себя, что это стремленіе заблуждается, какъ скоро дѣйствуетъ однимъ умомъ и избираетъ путь чистаго доказыванія; въ атеизмѣ онъ видитъ неизбѣжную судьбу философіи, а въ Спинозѣ философа, который исполнилъ эту судьбу и перенесъ ее съ спокойствіемъ и самоотверженіемъ героическаго духа.

Всякое человѣческое умозрѣніе — *атеистично:* такъ судилъ въ то время *Якоби*. Всякое человѣческое умозрѣніе *теологично:* такъ въ наше время судитъ *Фейербахъ*. Всякое пониманіе, по Якоби, есть обусловливаніе, и потому отрицаніе безусловнаго: мышленіе для него есть урожденный атеистъ. Всякое пониманіе, по Фейербаху, есть обобщеніе и потому отрицаніе индивидуальнаго и естественнаго; мышленіе для него есть урожденный теологъ. Только понимать *Бога* значитъ отрицать его, утверждаетъ одинъ. Только понимать *природу*, значитъ отрицать ее, утверждаетъ другой. Принципъ спинозизма есть *понятіе Бога;* оттого эта система есть атеизмъ: такъ заключаетъ Якоби. Принципъ спинозизма есть *понятіе природы;* оттого эта система есть теологія: такъ заключаетъ Фейербахъ (2). Такъ какъ Спиноза только *мыслитъ* Бога, то онъ долженъ сущность Бога объяснять природою; такъ какъ онъ только мыслитъ природу, то онъ долженъ объяснять ея сущность Богомъ. Для Якоби спинозизмъ значитъ Deus sive natura, т. е. отрицаніе божества или атеизмъ; для Фейербаха онъ значитъ natura sive Deus, т. е. отрицаніе природы или теологія. Такимъ образомъ ясно, что у обоихъ противоположныя сужденія основаны на одномъ и томъ же взглядѣ на философію Спинозы, и что эту систему *въ одномъ и томъ же* отношеніи одинъ считаетъ за атеизмъ, а другой за теологію. Мы не станемъ далѣе слѣдить за знаменательною и поучительною антитезою, обнаружившеюся въ этомъ случаѣ, мы просто примѣнимъ ее къ системѣ Спинозы, и измѣряя спинозизмъ этими противоположными сужденіями, произнесенными съ одинаковымъ пониманіемъ, и повидимому съ одинаковымъ правомъ, мы найдемъ, что они для насъ взаимно уничтожаются, и что вѣсы спинозизма, которые съ одной стороны должны склониться къ атеизму, а съ другой къ теологіи, придутъ снова въ свое равновѣсіе. Система, которая по причинѣ того же логическаго строенія одному

(1) J. G. Hamann's Briefwechsel mit Jacobi. Fr. H. Jacobi's Werke III Bd., 3 Abtheil.

(2) Ludwig Feuerbach, Grundsätze der Philosophie der Zukunft. 1843. Ges. Werke, Bd. II.

Digitized by Google

кажется атеизмомъ, а другому — теологіею, не будетъ для насъ ни то ни другое.

II. СУЩНОСТЬ РЕЛИГІИ

Сужденіе Якоби не только односторонне, но и совершенно ошибочно въ своемъ выраженіи, потомучто его выраженіе совсѣмъ не передаетъ того смысла, который одинъ могъ съ нимъ соединяться у Якоби, и слово, имъ употребленное, не идетъ къ понятію, служащему основаніемъ его сужденія. Одностороннее сужденіе можетъ быть уравновѣшено другимъ противоположнымъ и на столько же справедливымъ, но ошибочное и извращенное сужденіе нужно исправить, и въ этомъ случаѣ мы поправимъ слово атеизмъ такъ, какъ этого требуетъ точка зрѣнія Якоби. Потомучто названіе здѣсь имѣетъ совершенно не тотъ смыслъ, какой представляетъ значеніе слова и въ какомъ его обыкновенно употребляютъ. Именно Якоби не нашолъ въ ученіи Спинозы чего-то совершенно другого, чѣмъ простой теизмъ, и такъ какъ атеизмомъ можно назвать только логическое отрицаніе теизма, то это слово не говоритъ того, чего недоставало для Якоби въ спинозизмѣ. Еслибы дѣло было только въ теизмѣ, то это скромное желаніе легко могло быть удовлетворено какою-нибудь иною философіею, чѣмъ философія Спинозы; Якоби долженъ бы былъ допустить Мендельсона наставлять себя въ просвѣщенномъ теизмѣ болѣе пріятнаго образа мыслей, и безъ сомнѣнія сталъ бы дѣйствовать заодно съ великимъ множествомъ антиспинозистовъ своего времени. Почему онъ не согласенъ съ *лейбниц-вольфовой* философіею? «Потомучто она не менѣе фаталистична чѣмъ Спинозина, и приводитъ безостановочнаго изслѣдователя къ тѣмъ же основаніямъ» (1). Якоби слишкомъ проницателенъ, чтобы предпочесть спинозизму менѣе послѣдовательныя философіи, и онъ очень дурно бы держался на своей точкѣ зрѣнія, еслибы сталъ довѣряться непрочнымъ предположеніямъ и недоказаннымъ понятіямъ, пустымъ билетамъ метафизики. Нѣтъ понятія о Богѣ въ какой бы то ни было философіи, которое замѣнило бы ему атеизмъ Спинозы. Личный Богъ, котораго ищетъ Якоби и отрицаніе котораго находитъ въ спинозизмѣ, есть не *понятіе* личнаго Бога, но *самъ онъ*, или, какъ не безъ намѣренія было сказано выше, *чувствующая* и *чувствуемая* сущность вещей: очевидно это есть Богъ въ *непосредственномъ* отношеніи къ человѣку, Богъ ощущенный человѣкомъ и живой въ его сердцѣ: единство боже-

(1) Jacobi, Ueber die Lehre des Spinosa, S. 172.

Digitized by Google

ственнаго и человѣческаго, недостижимое никакимъ силлогистическимъ, а тѣмъ менѣе механическимъ путемъ. Но этотъ личный Богъ, который становится ощущаемымъ и потому долженъ быть ощущаемъ,—что онъ такое, какъ не внутреннее общеніе человѣка съ Богомъ, состоящее не въ мышленіи, а въ *жизни*, не въ философіи, а въ *религіи*, не въ понятіи, а въ *чувствѣ*, не въ извѣстномъ родѣ теизма, но единственно въ *состояніи вѣрованія*. Личный Богъ въ смыслѣ Якоби есть *религія;* ея-то не находитъ онъ въ философіи Спинозы, и то alpha privativum, которое онъ ставитъ передъ теизмомъ, чтобы сдѣлать приговоръ спинозизму, мы должны въ смыслѣ Якоби мыслить передъ религіею. Онъ говоритъ: «Спинозизмъ есть атеизмъ.» Мы объясняемъ это положеніе такъ: Спинозизмъ есть alpha privativum религіи, или, какъ выражается самъ Якоби въ пояснительномъ примѣчаніи къ этому краткому положенію, правильно понятое ученіе Спинозы не допускаетъ никакой религіи. Только въ томъ случаѣ, если мы подъ Богомъ разумѣемъ *религію* или Бога непосредственно присутствующаго въ человѣческомъ духѣ, формула Якоби справедлива и сообразна съ точкою зрѣнія, на которой этотъ рѣшительный умъ держится противъ спинозизма и вмѣстѣ противъ всей догматической философіи. Онъ не ставитъ новаго понятія на мѣсто стараго, но полагаетъ совершенно иное направленіе духа, чѣмъ дискурсивное познаніе: онъ противополагаетъ философіи религію и, если Спинозу мы признаемъ за величайшаго философа до-кантовскаго времени, то на исходѣ изъ него мы въ Якоби видимъ перваго мыслителя новаго времени, который обратилъ вниманіе на *фактъ* религіи, который не принимаетъ этотъ фактъ догматическимъ образомъ за теологическую формулу, но понимаетъ его въ его человѣческомъ характерѣ, разсматриваетъ его не какъ доктрину, но какъ *жизнь души*, и въ этомъ смыслѣ ставитъ передъ философіею, какъ знакъ великаго вопроса.

Якоби есть одна изъ тѣхъ многозначительныхъ натуръ, *охваченныхъ* и глубочайшимъ образомъ волнуемыхъ какою-нибудь неразрѣшенною задачею, которыя являются только въ катастрофы, когда кризисъ исторіи требуетъ такихъ умовъ броженія, которыя совершенно тверды и рѣшительны въ томъ, что ихъ не удовлетворяетъ, и съ неодолимой логикой побѣждаютъ то, что противостоитъ имъ, но наоборотъ въ томъ, чего они желаютъ, бываютъ только галательны и потому обыкновенно шатки. Такіе умы соединяютъ проницательность съ энтузіазмомъ, и будучи нелицепріятными и мѣткими критиками прошедшаго, представляютъ слабыхъ и неопредѣленныхъ пророковъ будущаго. Такія натуры, привлекательныя и примиренныя среди борьбы великихъ контрастовъ, въ своемъ ду-

Digitized by Google

шевномъ строѣ похожи на сократова демона, который всегда неопредѣленъ и загадоченъ, когда утверждаетъ, и говоритъ всего яснѣе, когда отрицаетъ. Такимъ образомъ Якоби настроенъ отрицательно въ отношеніи къ философіи и положительно въ отношеніи къ религіи; онъ нашолъ формулу, чтобы отрицать философію, но не нашолъ такой, которая обнимала бы его собственный принципъ: *онъ критикъ Спинозы и пророкъ Шлейермахера.* И такъ атеизмъ Спинозы къ умѣ его критика означаетъ отрицаніе религіи, и Якоби, употребляя это слово, слѣдуетъ словоупотребленію догматической философіи, еще не видящей различія между религіею и теологіею. Но сказалъ ли бы онъ лучше, еслибы назвалъ спинозизмъ *нерелигіознымъ?* Это выраженіе было бы двусмысленно и во всякомъ случаѣ было бы въ противорѣчіи съ собственнымъ принципомъ Якоби; потомучто если религія, какъ признаетъ этотъ мыслитель, есть *человѣческая душевная жизнь въ глубочайшемъ ея основаніи*, то какимъ образомъ нѣкоторое понятіе можетъ уничтожить этотъ неразрушимый фактъ? какъ возможно, чтобы вообще какая-нибудь философія была нерелигіозна? Да еще философія Спинозы, котораго самъ Якоби предпочтительно передъ всѣми прочими философами привѣтствуетъ какъ религіозный характеръ, превознося его такими словами: «Будь благословенъ ты, великій и даже святой Бенедиктъ! Какъ бы ты ни философствовалъ о природѣ высочайшаго существа, какъ бы ни заблуждался въ словахъ, *въ твоей душѣ была его истина и твоя жизнь была его любовь*» (1).

III. ФИЛОСОФІЯ И РЕЛИГІЯ

Что спинозизмъ отрицаетъ понятіе религіи, это не значитъ слѣдовательно, что эта философія нерелигіозна или что ея основатель нерелигіозенъ, но *только то, что она не въ силахъ объяснить религію.* Вотъ многозначительный смыслъ якобіева положенія: «спинозизмъ есть атеизмъ.» Философія можетъ только понимать, а потому можетъ и отрицать только понятія; она отрицаетъ понятія, которыхъ не можетъ обнять, или факты, которыхъ не можетъ объяснить. Если она отрицаетъ понятіе какого-нибудь факта, то она значитъ признается, что не имѣетъ силы объяснить этотъ фактъ, а подобное признаніе не есть разрушеніе вещей, но составляетъ недостатокъ понятій. Поэтому въ сущности весьма неразумно видѣть въ отрица-

(1) Jacobi, Wider Mendelssohns Beschuldigungen in dessen Schreiben an die Freunde Lessings. Gesammelte Werke, B. IV, Abth. 2, S. 245. (Противъ обвиненій Мендельсона въ его письмѣ къ друзьямъ Лессинга).

Digitized by Google

ніяхъ философіи зажигательныя ракеты, бросаемыя въ мирную вселенную, тогда какъ они представляютъ ничто иное, какъ яркое пламя, которое озаряетъ недостаточное устроеніе и внутреннюю ограниченность извѣстной философской системы, и отъ котораго всегда зажигается высшее сознаніе новой философіи.

Если Зенонъ, элеатъ, отрицаетъ движеніе, то что отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, что движеніе дѣйствительно не существуетъ и что этотъ философъ никогда не двигался? Не слѣдуетъ ли скорѣе, что философія въ этомъ сознаніи еще была не въ состояніи объяснить движеніе и что ея принципъ еще не имѣлъ силы понять это явленіе? Или, когда Гёлинксъ, картезіанецъ, отрицаетъ непосредственную связь духа и тѣла, то-есть человѣческую жизнь, то развѣ изъ этого слѣдуетъ что-нибудь, кромѣ бѣдности его началъ, которыя держались крутой противоположности между мыслящей и протяженной субстанціей и потому необходимо должны были признавать непонятною и чудесною фактическую связь той и другой?

Если философія въ рѣшительныхъ поворотныхъ точкахъ своей исторіи произноситъ сужденіе: познаніе не существуетъ, какъ это было сдѣлано въ древности великими софистами непосредственно предъ Сократомъ, или въ новое время Давидомъ Юмомъ непосредственно передъ Кантомъ, то что слѣдуетъ изъ этого отрицанія? Слѣдуетъ развѣ, что фактъ познанія уничтоженъ и что науки перестали существовать? Или же то, что философія въ тогдашнемъ ея положеніи, когда кругозоръ ея простирался только на естественный міръ, еще не занимала такой точки зрѣнія, съ которой бы дѣйствительно могла разсмотрѣть этотъ фактъ, а еще менѣе обладала силою объяснить его?

Какъ *Давидъ Юмъ* относится къ догматической философіи новаго времени въ разсужденіи *познанія*, такъ точно относится Фр. Г. *Якоби* къ этой философіи въ разсужденіи *религіи*. Сомнѣніе Юма и вѣра Якоби, встрѣчающіяся на одинаковой высотѣ историческаго развитія, были послѣдними стадіями догматизма, моментами перехода, въ которыхъ приготовлялась новая эпоха и философія поднялась выше своей тогдашней точки зрѣнія. Юмъ доказываетъ догматической философіи, что она не въ состояніи объяснить познаніе и слѣдовательно объяснить самое себя, что поэтому ей не остается ничего болѣе, какъ отрицать познаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ самое себя. Якоби доказываетъ спинозизму, принимая его за родовое понятіе догматической философіи, что онъ не въ состояніи объяснить религіи или Бога присущаго въ человѣкѣ, что слѣдовательно ему ничего болѣе не остается, какъ отрицать религію *или* самого себя. Если поэтому Юмъ имѣетъ право называть философію *алогическою;*

Digitized by Google

такъ какъ она не объясняетъ понятій, то и Якоби должно быть позволено считать философію *атеистическою*, потомучто она не можетъ объяснить религіи. Здѣсь мнѣ является многознаменательный свѣтъ, который распространяется съ этой точки на прошедшее и будущее философіи и котораго я не оставлю прежде, чѣмъ онъ станетъ видѣнъ и вамъ; потомучто только при этомъ свѣтѣ можетъ быть совершенно понятъ ходъ новой философіи. Да и мнѣ кажется, что именно эта точка зрѣнія еще никѣмъ не замѣчена, а тѣмъ менѣе изслѣдована; потомучто большею частью умѣютъ видѣть только *тьми*, бросаемыя сомнѣніемъ Юма и вѣрою Якоби на всю философію, и легко убѣждаются — что философія во всякомъ случаѣ должна быть принесена въ жертву или сомнѣнію, или вѣрѣ. И дѣйствительно, справедливо, что до тѣхъ поръ, пока отдѣляютъ обѣ эти точки одну отъ другой, философія конечно должна остаться въ тѣни и дать мѣсто вѣрѣ, которая у Юма обращена на внѣшніе чувственные опыты, а у Якоби на внутренній божественный опытъ. Но чтоже? Если обнять и соединить вмѣстѣ и то и другое направленіе, какъ соединила ихъ всемірная исторія, то не будетъ ли яснѣе солнца, что *философію въ одну и ту же эпоху одинъ признаетъ алогическою, а другой атеистическою?* Слѣдовательно не должно ли предполагать, что истинно логическая философія должна быть и истинно религіозною, и что съ задачею познанія разрѣшится и задача религіи? Исторія доказываетъ это великое предположеніе. Сомнѣніе Юма предлагаетъ философіи задачу познанія, и вѣра Якоби предлагаетъ ей задачу религіи; вотъ почему первый породилъ критическую философію, а второй религіозную *философію*, и то, *чего искалъ въ Юмѣ и Якоби сократовъ демонъ новой философіи, то открыто Кантомъ и Шлейермахеромъ.*

Но я захожу впередъ своего предмета, стараясь уяснить его, и былъ принужденъ противъ воли къ этому отдаленному изслѣдованію, слѣдуя за точкою зрѣнія, съ которой Якоби смотритъ на понятіе о Богѣ Спинозы. Теперь мы знаемъ, что значитъ атеизмъ въ этомъ мѣстѣ, знаемъ, что этимъ словомъ должно быть означаемо ничто иное, какъ неспособность философіи объяснить религію изъ догматическихъ понятій. Въ этомъ словѣ, понятомъ такимъ образомъ, заключается совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой вообще и обыкновенно придаютъ ему и который даетъ значеніе пятна въ характерѣ и преступнаго дѣйствія тому, что въ сущности представляетъ только безсиліе теоріи. Если ученіе Спинозы дѣйствительно есть атеизмъ, въ смыслѣ Якоби, то можно ли однако сказать, что Спиноза былъ человѣкъ безъ религіи? Точно также справедливо бы было заключеніе, что тотъ Элеатъ, который отрицалъ движеніе, былъ святой

Digitized by Google

столпникъ. И можно ли повторять другія часто слышимыя рѣчи, что спинозизмъ уничтожаетъ религію и вытѣсняетъ ее изъ души тѣхъ, кто становится его приверженцами? Одинаково справедливо было бы заключеніе, что когда Зенонъ отрицалъ движеніе, небесныя тѣла были задержаны въ своемъ теченіи и міровое движеніе останавливалось.

Что за суевѣрный страхъ передъ понятіями, какъ-будто они какіе-то волшебники, по манію которыхъ законы теряютъ свою силу и мірозданіе измѣняетъ свои вѣчныя условія! Какое неразумное недовѣріе, еще болѣе малодушное, чѣмъ этотъ страхъ, — смотрѣть такимъ образомъ на религію, какъ будто какое-нибудь движеніе мысли можетъ поколебать этотъ вѣчный фактъ, можетъ играть имъ, какъ ничтожнымъ явленіемъ. Еслибы у нихъ было великое и твердое чувство религіи, какъ у Якоби и Шлейермахера, съ какимъ бы юморомъ встрѣтили они мнимый атеизмъ философа, вмѣсто того чтобы, какъ теперь, съ такою тоскою и такою ненавистью постоянно произносить это злое слово!

II

Спинозово понятіе о Богѣ, съ чисто-религіозной точки зрѣнія, которую занимаетъ Якоби, оказалось атеизмомъ, то-есть философемою, которая не можетъ объяснить факта религіозной жизни. Въ этомъ словѣ не заключалось ни малѣйшаго упрека. Только тѣ, которые не обладаютъ знаніемъ и пониманіемъ философскихъ вещей, могли такъ превратно понять это выраженіе и тѣмъ самымъ впасть въ одинаковую грубую несправедливость въ отношеніи къ Якоби и къ Спинозѣ. Развѣ есть какой-нибудь упрекъ въ томъ, когда утверждаютъ, что картезіанская философія не можетъ объяснить естественной жизни? Почему же должно быть упрекомъ, если о спинозистической философіи говорятъ, что она не можетъ объяснить религіозной жизни? Каждый считаетъ картезіанскую философію *механическою*, такъ какъ она отрицаетъ жизнь. Точно въ томъ же смыслѣ Якоби считаетъ спинозизмъ *атеистическимъ*, такъ какъ онъ отрицаетъ религію. Въ первомъ случаѣ слово механизмъ не дѣлаетъ изъ Декарта *машину*, и во второмъ случаѣ слово атеизмъ точно такъ же не дѣлаетъ Спинозу *еретикомъ*.

1. ПОНЯТІЕ АТЕИЗМА

И такъ, что же нужно отвѣчать тѣмъ, которые противъ ученія Спинозы употребляютъ слово атеизмъ въ обыкновенномъ догмати-

Digitized by Google

ческомъ смыслѣ, касающемся не факта религіи, а понятія о Богѣ? Прежде всего я желалъ бы изслѣдовать, возможно ли вообще отрицать понятіе Бога. Потомучто иное что-нибудь не можетъ значитъ атеизмъ; онъ отвергаетъ то, что теизмъ принимаетъ; и если теизмъ утверждаетъ логическое понятіе Бога, то атеизмъ долженъ отрицать его. Замѣтьте хорошенько — *понятіе*. Но если Богъ есть понятіе, взвѣшиваемое логически, то онъ очевидно есть высшее или абсолютное понятіе, объемлющее собою всѣ другія, и я не вижу, какимъ образомъ когда-нибудь философія можетъ обойтись безъ такого понятія, и какъ поэтому возможно, чтобы какая-нибудь философія его отрицала. Потомучто познаніе становится философіею только тогда, когда оно восходитъ къ нѣкоторому высочайшему понятію, и если достоинства такого понятія представляютъ многообразную лѣствицу степеней и не могутъ быть отчеканены во всеобщую ходячую монету, то ни въ какомъ случаѣ однакоже невозможно совершенное отсутствіе или alpha privativum понятія о Богѣ. Искать этого понятія значитъ философствовать; не искать его или относиться къ нему равнодушно, значитъ нефилософствовать; отрицаніе этого понятія составляетъ противоположность всякому философствованію и всякому пониманію. Отрицать понятіе о Богѣ значитъ тоже самое, что отрицать высочайшее понятіе, а такъ какъ оно есть вполнѣ совершенное понятіе, то вмѣстѣ съ понятіемъ о Богѣ нужно отринуть *понятіе вообще*. Какимъ образомъ это возможно? Конечно только при мышленіи *чуждомъ понятій* и *противномъ понятіямъ*. Мышленіе чуждое понятій противорѣчитъ самому себѣ, а мышленіе противное понятіямъ отрицаетъ само себя; одно есть мышленіе *алогическое*, другое *нелогическое*. Первое вообще не есть мышленіе, потомучто мышленіе состоитъ только въ понятіяхъ; второе такъ мало развито, что оно въ одно и тоже время одно и тоже утверждаетъ и отрицаетъ, и дѣйствуетъ противъ закона противорѣчія, перваго правила обыкновенной логики. И такъ атеизмъ, отрицающій понятіе о Богѣ, есть или безсмысленное слово, или въ высшей степени смутная мысль, во всякомъ случаѣ *логическая невозможность*, которая можетъ встрѣтиться гдѣ угодно, но только не въ философіи, такъ какъ философія всегда, даже на низшей своей степени и въ неглубокой формѣ, все-таки есть нѣкоторый родъ теоріи. *Система* же атеизма есть величайшая нелѣпость, какую только можно вылумать, потомучто изъ чистаго отрицанія понятій, составляющаго атеизмъ, никакимъ образомъ невозможно сдѣлать системы, всегда состоящей изъ связнаго порядка понятій. Понятіе Бога можно отрицать, только отрицая вообще понятія и слѣдовательно общія и нормативныя опредѣленія; а такъ какъ въ мышленіи это

Digitized by Google

совершенно невозможно, то такъ называемый атеизмъ можетъ встрѣтиться никакъ не въ мышленіи, а только тамъ, гдѣ единичное можетъ быть утверждаемо и такъ-сказать закрѣплено, какъ единичное, отвергающее свое соподчиненіе общему. Но такое эгоистическое дѣйствіе можетъ быть совершено никакъ не мыслью, а только жизнью; потомучто субъектъ мышленія есть всегда общая и разумная сущность, субъектъ же жизни напротивъ есть единичное и къ самому себѣ направленное недѣлимое. Вотъ почему атеизмъ можетъ имѣть мѣсто только въ жизни, а никакъ не въ мышленіи, только въ практикѣ, вращающейся около себялюбиваго недѣлимаго, а никакъ не въ теоріи, которая постоянно стремится къ общимъ родамъ и законамъ, и если Якоби открылъ религію въ глубинѣ человѣческой жизни, какъ ея вѣчное глубокое основаніе, то и атеизмъ мы находимъ только въ жизни, только на ея поверхности, въ хаосѣ ея своекорыстныхъ движеній. Какъ религія, такъ и атеизмъ не суть умственныя системы, но *жизненныя состоянія*. Религія есть человѣческая жизнь въ ея стремленіи къ безконечному. Атеизмъ есть человѣческая жизнь въ ея стремленія къ единичному и преходящему бытію. *Религія есть преданность, атеизмъ есть своекорыстіе.* Мысль, разсматриваемая сама по себѣ, ни преданна, ни своекорыстна; вотъ почему философія, разсматриваемая сама по себѣ, не есть ни религія, ни атеизмъ. Бываютъ ли изъ этого исключенія? Очень хорошо знаю я, что противопоставятъ моему положенію, и совершенно готовъ встрѣтить примѣры, которые повидимому говорятъ противъ меня. Мнѣ укажутъ на тѣ философіи, которыя принимаютъ своекорыстіе за свой принципъ и явно исповѣдуютъ атеизмъ, которыя не только допускаютъ это выраженіе, но охотно его слышатъ и съ большимъ шумомъ всюду провозглашаютъ свое имя; мнѣ укажутъ не греческихъ софистовъ, на матеріалистовъ французскаго просвѣщенія, можетъ-быть на кого-нибудь изъ новыхъ, ревностно старавшихся заслужить это имя, чтобы казаться опасными для другихъ и значительными для себя. Но на что же сводится дѣло этихъ людей, если изслѣдовать его серьознѣе, а не судить о сущности предмета по первой видимости слова? Они возвели атеизмъ въ формулу и обнаруживъ его тайну, выставили на свѣтъ противорѣчіе, имѣющее мѣсто между *логическимъ понятіемъ* и *атеистическою жизнью*: это противорѣчіе должно было быть высказано, чтобы стать видимымъ, и нужно было совершенно ясно его видѣть, чтобы вполнѣ разрѣшить. Вотъ почему эти философы никогда не достигали того, чего хотѣли; на словахъ они утверждали атеизмъ, но въ сущности они *ему измѣняли*, и *за софистическими умами въ философіи постоянно шли по пятамъ сократическіе.*

Digitized by Google

Атеизмъ въ смыслѣ Якоби составлялъ противоположность религіи; въ обыкновенномъ смыслѣ онъ есть противоположность философіи, именно своекорыстное жизненное состояніе, понимаемое софистикою, и я не вижу, что общаго въ этомъ атеизмѣ съ ученіемъ Спинозы, потомучто о послѣднемъ никто не станетъ серьозно утверждать, что оно составлено софистически и что его принципъ есть человѣческое своекорыстіе. Если спинозизмъ есть атеизмъ въ смыслѣ Якоби, то онъ составляетъ рѣшительнѣйшую противоположность ему въ смыслѣ другихъ. Но можетъ-быть изъ философіи Спинозы можно вывести такой атеизмъ, если ее критически изслѣдуетъ умъ въ родѣ Бэля, и можетъ-быть понятіе о Богѣ, признаваемое Спинозою, въ сущности есть ничто иное, какъ смутный и скрытый атеизмъ? Потомучто Спиноза называетъ сущность вещей Богомъ или *природою*, слѣдовательно онъ очевидно обоготворяетъ *міръ;* а такъ какъ міръ состоитъ изъ вещей, то онъ очевидно обоготворяетъ вещи; а такъ какъ вещи, по свидѣтельству очевидности, сосуществуютъ атомистически и каждая изъ нихъ занимаетъ собою особое существованіе, то онъ обоготворяетъ каждую *отдѣльную вещь*, и должно наконецъ допустить, если самъ онъ этого и не утверждаетъ, что каждая отдѣльная вещь есть, если не самъ Богъ, то часть Бога. И такъ очевидно это ученіе совершенно отрицаетъ понятіе Бога и прямо ведетъ къ атеизму въ грубѣйшей формѣ. *Такое* ученіе безъ сомнѣнія; но какъ же оно относится къ спинозизму? Оно такъ мало похоже на него, что не можетъ быть принято даже за самую поверхностную его карикатуру. Спиноза понимаетъ божество какъ существо вполнѣ безконечное, имѣющее безконечное существованіе и потому исключающее всякую границу, какъ отрицаніе. Можно ли утверждать, что божество или безконечный міръ онъ отожествляетъ съ отдѣльнымъ существованіемъ, или съ конечнымъ міромъ, составляющимъ ничто иное, какъ грубый комплексъ чувственныхъ вещей? Такъ является мірозданіе человѣческому воображенію или воззрѣнію, чуждому понятій, но не уму Спинозы. Нужно не прочесть, не говорю уже понять, у этого философа ни одной строчки, для того чтобы считать его способнымъ къ такому представленію: какимъ образомъ Спиноза, постигающій божественную сущность въ величайшей ея чистотѣ и охраняющій ея понятіе отъ всякаго ограниченія, могъ самъ затемнить эту возвышенную мысль смутнымъ хаосомъ вещей или даже ограничить ее частнымъ явленіемъ? Философію Спинозы выдавать за атеизмъ все равно, что понятіе вѣчнаго пространства опредѣлить какъ хаосъ безчисленныхъ точекъ. Если подъ міромъ разумѣютъ сумму чувственныхъ вещей, то *этотъ* міръ есть преходящій эфектъ въ божествѣ Спино-

Digitized by Google

зы, потому что онъ есть вполнѣ исчезающее бытіе, и Гегель правъ, говоря въ этомъ смыслѣ, что систему Спинозы скорѣе можно упрекнуть въ «*акосмизмѣ*», чѣмъ въ атеизмѣ, такъ какъ въ его міровомъ понятіи истинно существуетъ только божество (1).

И такъ выдавать ученіе Спинозы за атеизмъ въ обыкновенномъ смыслѣ есть или софизмъ, или невѣжество. Софизмъ, если слово міръ *нарочно* принимаютъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ тотъ, который даетъ ему Спиноза, если съ разума переводятъ его на чувственность, и такимъ образомъ выведутъ безъ большихъ хлопотъ паралогизмъ, что въ спинозизмѣ чувственныя вещи составляютъ божество; невѣжество, если вообще не знаютъ того, что́ думалъ Спиноза, и услышавши только, что онъ не раздѣлялъ прямо ходячихъ представленій о Богѣ и мірѣ, приписываютъ его системѣ всякаго рода нелѣпости. Хорошо бы было, еслибы софисты и невѣжды перестали судить о твореніяхъ философовъ и довольствовались бы тѣмъ, что они и безъ того слишкомъ часто были *судьями* въ томъ, въ чемъ не могли быть *критиками*.

Пусть Якоби, самъ употребившій слово атеизмъ противъ ученія Спинозы, защититъ его отъ того атеизма, въ которомъ его упрекаетъ непонятливость идіотовъ. «И Спиноза», говоритъ Якоби, сравнивая его съ Лессингомъ, «чтилъ провидѣніе, хотя оно было для него ничто иное, какъ тотъ самый порядокъ природы, который необходимо возникаетъ изъ ея вѣчныхъ законовъ; и онъ относилъ все къ *Богу, единому сущему*, и полагалъ высшее благо въ томъ, чтобы познавать Безконечнаго и любить его выше всего». (2) «Къ несчастію, восклицаетъ Спиноза, дѣло дошло до того, что люди, признающіе, что они не имѣютъ о Богѣ никакого понятія и что познаютъ его только посредствомъ чувственныхъ вещей (причины которыхъ имъ неизвѣстны), не краснѣя обвиняютъ философовъ въ атеизмѣ.» (3)

Слова Якоби, которыя мы только что привели, объясняютъ намъ вмѣстѣ еще другое понятіе, въ которомъ такъ же какъ въ атеизмѣ онъ упрекалъ ученіе Спинозы, и мы столь же мало найдемъ смыслъ *фатализма* на поверхности слова, какъ мало могло быть найдено значеніе понятія *атеизмъ*, по одному его названію. Атеизмъ здѣсь не отрицаетъ понятія о Богѣ, и фатализмъ не утверждаетъ понятія фа-

---

(1) Hegel, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. 3 Thl. (Gesammelte Werke, Bd. XV) S. 361.

(2) Jacobi, Wider Mendelssohns Beschuldigungen in dessen Schreiben an die Freunde Lessings. Gesammelte Werke, Bd. IV, Abth. 2, S. 238.

(3) Eh proh dolor! res eo jam pervenit, ut, qui aperte patentur, se Dei ideam non habere et Deum nonnisi per res creatas (quarum causas ignorant) cognoscere, non erubescant philosophos atheismi accusare. Tr. Theol. Pol. cap. II, p. 173.

Digitized by Google

тума или предназначенной судьбы. Конечно, высшая мысль Спинозы есть *необходимость*, но не такая, которая составляетъ неразумную силу внѣ міра и слѣпо играетъ съ лишенными воли вещами, а напротивъ внутренняя закономѣрность самого міра, слѣдовательно ни рокъ, ни судьба, ни фатумъ. Если изъ природы круга слѣдуетъ равенство радіусовъ, то эту необходимость опредѣляетъ не фатумъ, а математика, и такимъ образомъ обнаруживается не сила рока, а сущность самой фигуры. Точно такъ въ мірозданіи дѣйствуетъ субстанція или имманентная сущность вещей, и эта необходимость, дѣйствующая во всѣхъ явленіяхъ, есть не играющая судьба, а закономѣрная природа. Спинозистическая необходимость есть сообразное съ природою дѣйствіе или математическое слѣдованіе. Фатумъ есть неразумное господство или таинственное предназначеніе. Если въ спинозистическомъ Богѣ вообще нѣтъ никакого опредѣленія, то какимъ образомъ можетъ здѣсь быть *предопредѣленіе?* Предопредѣленіе вдвое больше противорѣчитъ сущности этого Бога, чѣмъ опредѣленіе, и мы должны сказать собственными словами Спинозы, что фатумъ въ Богѣ есть жесточайшая нелѣпость, какую только можно себѣ представить. И такъ что же хочетъ сказать Якоби своимъ фатализмомъ противъ Спинозы, о которомъ самъ же онъ сказалъ, что тотъ чтилъ провидѣніе, хотя это провидѣніе было ничто иное, какъ порядокъ природы, необходимо проистекающій изъ ея законовъ? Онъ далекъ отъ того, чтобы найти въ ученіи Спинозы обыкновенный фатализмъ, и скорѣе защищаетъ философа отъ этого понятія столь же ревностно, какъ ограждалъ его отъ безсмысленцы обыкновеннаго атеизма. Какъ скоро мы поймемъ Якоби, мы уже постоянно не будемъ упускать изъ виду точку зрѣнія, которую онъ открылъ и въ первый разъ поднялъ противъ философіи; но вообще мы не прежде вѣрно оцѣнимъ противоположность Спинозы и Якоби и напрасно бы старались отыскать положеніе, занимаемое послѣднимъ въ исторіи, пока не постигнемъ оригинальнаго характера, лежащаго на всей дѣятельности Якоби. Онъ открываетъ религіозную жизнь въ противоположность философіи, которая не въ состояніи понять этого факта, и, какъ Спиноза излагаетъ метафизику какъ бы in abstracto, такъ же чисто и безпримѣсно Якоби держится на точкѣ зрѣнія религіи. Для философіи есть уединенное мѣсто, удаленное отъ остальной человѣческой жизни и обитаемое только размышляющимъ умомъ. Есть уединенное и неприкосновенное мѣсто для благовѣйнаго человѣческаго сердца, гдѣ ведетъ свою тихую жизнь религія. Тамъ живетъ Спиноза, а здѣсь Якоби. Если вообще существуетъ противоположность между философіею и религіею, то ее можно найти только въ ихъ отвлеченно взятыхъ направленіяхъ,

Digitized by Google

и Спиноза и Якоби составляютъ воплощеніе этой противоположности. Религія существуетъ только тамъ, гдѣ божество наполняетъ и утверждаетъ человѣческое бытіе и обратно бываетъ *ощущаемо* и утверждаемо этимъ бытіемъ. Богъ Спинозы не обращаетъ вниманія на человѣка; этотъ Богъ по своей природѣ никогда не можетъ стать религіею: вотъ почему философія Спинозы есть атеизмъ. Богу религіи соотвѣтствуетъ любвеобильное и отеческое міроуправленіе; Богу спинозизма соотвѣтствуетъ безсердечное и математическое міроуправленіе: вотъ почему эта философія есть фатализмъ. Съ религіозной точки зрѣнія Якоби, философія, которая доказываетъ сущность Бога и ходъ вещей more geometrico, не принимая въ расчетъ личной человѣческой жизни, должна была казаться атеистическимъ и фаталистическимъ ученіемъ. Оба эти опредѣленія имѣютъ одно и тоже значеніе. Атеизмъ противоложенъ религіи, фатализмъ противоположенъ религіозному міровоззрѣнію. Философія Спинозы есть и то и другое, потомучто она не можетъ понять и слѣдовательно должна отрицать состояніе религіи и основанный на немъ взглядъ на вещи.

II. ПОНЯТІЕ ТЕИЗМА

Якоби судитъ о философіи съ точки зрѣнія человѣческой религіи, а не съ точки зрѣнія правовѣрной догматики. Онъ утверждаетъ, что между жизнью религіи и раціонализмомъ философіи существуетъ непримиримая противоположность, которая систематически раскрылась въ ученіи Спинозы. Подобное различіе, установленное столь глубоко и несогласимо, естественнымъ образомъ должно было возбудить сильное противорѣчіе въ тѣхъ, кто жилъ разомъ въ обѣихъ этихъ областяхъ и кто думалъ, что понятіе *раціональной религіи* представляетъ точку совпаденія, въ которой примиряются разумъ и религія, или философія и вѣра. Въ интересѣ раціональной религіи, за которую стояли въ восемнадцатомъ вѣкѣ идеализмъ философіи и просвѣщеніе теологіи, нужно было опровергнуть Якоби и попытаться согласить спинозово понятіе о Богѣ съ религіею. Это и было сдѣлано *Моисеемъ Мендельсономъ* (1), который тотчасъ вооружился противъ Якоби, а позднѣе *Гердеромъ* (2), который раздѣлялъ удивленіе Якоби къ Спинозѣ, и, зная его систему гораздо лучше Мендельсона, шолъ по слѣдамъ этого послѣдняго съ большимъ вниманіемъ и безъ всякаго увлеченія. Потомучто Мендельсонъ трактовалъ спорные вопросы, возникшіе между нимъ и Якоби, хотя въ полномъ смыслѣ слова sine studio, но зато тѣмъ болѣе cum ira, и, ослѣпляло ли его встревоженное чувство дружбы къ Лессингу, или раздраженное

Digitized by Google

самолюбіе, но только онъ не видѣлъ, въ чемъ собственно состоитъ предметъ спора; религія Лессинга до конца осталась для него столь же скрытою, какъ философія Спинозы, а еще менѣе подозрѣвалъ этотъ отставшій метафизикъ, какой новый духъ возникъ въ принципѣ вѣры Якоби. Онъ не зналъ, долженъ ли онъ защищать Лессинга противъ Спинозы, или скорѣе Спинозу противъ Якоби; поэтому онъ дѣлалъ и то и другое, и наконецъ доказывалъ, что ученіе Спинозы, если только немножко исправить его, могло еще допустить теизмъ, или по крайней мѣрѣ какъ «очищенный пантеизмъ», легко могло согласоваться съ духомъ просвѣщенной религіи.

Мендельсонъ и Гердеръ не поняли противоположности между Спинозою и Якоби, и потому не могли примирить ея. Для нихъ осталось темнымъ истинное ея основаніе, потомучто они не постигли генія ни Спинозы, ни Якоби, и слѣдовательно не могли быть къ нимъ справедливыми. Спинозовское понятіе о Богѣ они перевели на лейбницевскую теологію, якобіевъ принципъ вѣры на обыкновенное понятіе религіи, и казалось серьозно были убѣждены, что противоположность философіи и религіи совершенно изглаживается на нейтральной и безплодной почвѣ вольфовой метафизики, потомучто она, какъ философія, должна удовлетворять понятіямъ Спинозы, и, какъ теизмъ, вѣрѣ Якоби. Однимъ словомъ, они доказывали *согласіе спинозизма съ раціональною религіею;* а подъ такою религіею они разумѣли не вѣрующее состояніе человѣческой жизни, а нѣкоторое ученіе о Богѣ и о божественныхъ вещахъ, метафизическую систему, въ которой была рѣчь о личномъ творцѣ міра и о мудромъ порядкѣ вещей. Раціональная религія была для нихъ тоже самое, что просвѣщенный теизмъ и, если только удалось представить философію Спинозы какъ просвѣщенный теизмъ, то отсюда для нихъ само собою слѣдовало ея согласіе съ раціональною религіею, исчезала противоположность, установленная Якоби, и былъ опровергнутъ принципъ вѣры, стремящійся уйти изъ области всякаго умозрѣнія.

Если принять (что̀ мы тотчасъ изслѣдуемъ ближе), что философія Спинозы допускаетъ какую-нибудь формулу теизма, то все-таки этимъ ничего не было бы доказано противъ Якоби, потомучто то, что̀ Якоби называетъ вѣрою, есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ то, что̀ Мендельсонъ и Гердеръ называютъ религіею. Раціональная религія есть понятіе *догматической философіи*, вѣра же Якоби есть состояніе человѣческой жизни, открытіе, которое не могло быть лишено значенія отсталыми понятіями, но могло быть объяснено только послѣдующими и дѣйствительно новыми понятіями философіи. Что̀ это за понятія, разумѣется будетъ сказано не здѣсь, но только позднѣе, когда ходъ исторіи достигнетъ до самого Якоби, и въ

Digitized by Google

своемъ мѣстѣ я покажу, что въ Якоби человѣческое сознаніе сдѣлало или пыталось сдѣлать открытіе, которое идетъ дальше всякаго догматическаго мышленія и котораго послѣднее разъясненіе еще можетъ-быть таится въ нѣдрахъ философіи. По крайней мѣрѣ достовѣрно, что Якоби, критикъ Спинозы и пророкъ Шлейермахера, гораздо больше имѣетъ значенія въ исторіи философіи и именно даетъ гораздо большій толчекъ ея послѣднему періоду, чѣмъ это обыкновенно думаютъ и допускаютъ историки философіи. Подобные умы нужно судить не по внѣшнему объему ихъ сочиненій; отрывочный характеръ, который могутъ имѣть эти сочиненія, не долженъ для насъ ни размельчать, ни уменьшать ихъ геніальности.

И такъ научный процессъ этихъ теистовъ съ Якоби мы предоставляемъ тому вѣку, который породилъ его, и будемъ принимать теперь участіе въ этомъ спорѣ *только на столько*, на сколько дѣло касается спинозизма. Возможно ли то, что́ принимали на себя Мендельсонъ и Гердеръ, — представить спинозово понятіе о Богѣ, какъ теизмъ? И тотъ и другой исходили изъ спинозовскаго Бога, но переводя это понятіе на способъ представленій, чуждый спинозизму, они легко выдѣляли изъ него признаки теизма. Невозможно понимать это безконечное существо въ смыслѣ протяженія, какъ *экстенсивную* величину, потомучто подобная безконечность противорѣчитъ себѣ самой и извращенный пантеизмъ такого рода долженъ быть всячески изгнанъ изъ ученія Спинозы: или исправляя его вмѣстѣ съ Мендельсономъ, или заранѣе иначе объясняя его съ Гердеромъ. Если же безконечность принимать не экстенсивно, то остается только понимать ее интенсивно, то-есть не какъ величину, но какъ *силу*, именно *безконечную* силу, которая не можетъ состоять ни въ какой иной дѣятельности, какъ въ *мышленіи*. И такъ спинозовскій Богъ составляетъ первоначальную мыслительную силу и слѣдовательно не есть ни лишонное мысли существо, ни слѣпая сила, но міровой умъ, какъ создатель и первообразъ мудраго и въ порядкѣ существующаго творенія. По этому первообразу нетрудно отгадать устройство самого образа, который въ этомъ случаѣ есть міръ. Если Богъ представляетъ умъ, начертывающій планъ міра, то произведеніемъ божественной силы безъ сомнѣнія будетъ *наилучшій* міръ и отдѣльныя вещи будутъ въ постепенномъ порядкѣ лѣствицы приближаться къ Богу. Такимъ представленіемъ позволимому теизмъ спасенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ спинозизмъ перешолъ въ теодицею Лейбница. Мы едва понимаемъ, какъ возможно было подобное qui pro quo системъ и какимъ образомъ такой псевдо-спинозизмъ могъ быть излагаемъ почтенными и учеными мужами со всею серьозностью убѣжденія. Въ наше время нужно немного знанія ис-

Digitized by Google

торіи философіи и еще менѣе остроумія въ логическихъ различеніяхъ, для того чтобы понять различіе между Спинозою и Лейбницемъ; но тотъ вѣкъ вольфовскаго просвѣщенія, который совершенно потерялъ изъ виду истиннаго Спинозу, и котораго метафизика была скорѣе удобна, чѣмъ опредѣленна, можетъ-быть неизбѣжно долженъ былъ обмануться въ различіи своей философіи отъ спинозистической. И въ философіи бываютъ совѣсти узкія и совѣсти широкія, могущія принять въ себя все чужое, безъ всякаго слѣда конгеніальности: узкая совѣсть сжимаетъ принимаемое, широкая распространяетъ его; въ одномъ случаѣ предметъ теряетъ свой особенный характеръ и долженъ подчиниться прокустовой мѣркѣ, въ другомъ предметъ теряетъ всякій характеръ вообще и становится общимъ мѣстомъ. Вольфова метафизика имѣла широкую совѣсть и въ Мендельсонѣ и Гердерѣ примѣнила ее къ спинозизму.

Мы оставляемъ въ сторонѣ теизмъ нѣмецкаго просвѣщенія, это опредѣленное ученіе восемнадцатаго вѣка, образовавшееся подъ непосредственнымъ вліяніемъ философскихъ понятій и основанное скорѣе на заключеніяхъ разума, чѣмъ на религіозномъ убѣжденіи. Обращаемъ наше изслѣдованіе къ теизму вообще. Мы должны поэтому опредѣлить формулу, которая обнимала бы всѣ различныя формы теизма и вмѣстѣ съ тѣмъ въ генетическомъ опредѣленіи объясняла бы вмѣстѣ его понятіе и источникъ происхожденія. Потомучто философствующій умъ никогда не порождалъ теизма, а только доказывалъ, или скорѣе старался доказать его, и самое представленіе, составляющее теизмъ, уже существовало, прежде чѣмъ діалектическія заключенія философіи принялись его доказывать.

Теизмъ учитъ о *личномъ Богѣ* или понимаетъ божественную сущность въ формѣ личнаго существованія. Это выраженіе есть формула, приложимая ко всѣмъ теистическимъ системамъ, которыя согласны въ томъ, что они понимаютъ божество личнымъ, и только степенями различаются въ дальнѣйшемъ развитіи этого представленія. Только представляя себѣ божество личнымъ, мы можемъ *видѣть въ немъ существо съ всемогущею волею*, которое можетъ какъ бы оставить позади себя естественно-необходимый ходъ вещей, идущій шагъ за шагомъ, и противостать человѣку *непосредственно*, или открыться ему *прямо*, безъ этого безконечнаго посредствованія. Но прямое общеніе человѣка съ Богомъ есть религія. Между тѣмъ какъ наука постигаетъ необходимый ходъ явленій, и потому объясняетъ человѣку его безконечно посредствуемую зависимость отъ сущности вещей, религія, какъ опредѣлилъ ее Шлейермахеръ, есть чувство *непосредственной* зависимости. Это будетъ ни понятіе, ни представленіе, но *жизненное состояніе*, которое становится по-

Digitized by Google

нятіемъ или представленіемъ, когда стремится объяснить себя и которое находитъ это объясненіе самого себя только въ представленіи личнаго Бога. Поэтому основаніемъ этого представленія всегда служитъ религія; личный Богъ есть религіозное понятіе и теизмъ во всякомъ случаѣ есть *религіозное ученіе*. Религіозный человѣкъ *живетъ* въ непосредственной связи съ божественнымъ, какъ физическій человѣкъ живетъ въ непосредственномъ единеніи съ природою, а нравственный съ нравственнымъ закономъ. Вотъ почему религіозный человѣкъ хочетъ, чтобы Богъ былъ для него непосредственнымъ объектомъ, то-есть онъ хочетъ представлять и созерцать его и слѣдовательно необходимо долженъ олицетворять его. Личный Богъ есть олицетворенный Богъ, а олицетворенный Богъ есть проектъ религіи. Поэтому теизмъ и религія тѣсно связаны психологически, но теизмъ не есть религія, потомучто религія есть не ученіе, а жизнь, и именно, чтобы еще разъ выставить здѣсь рѣшительные атрибуты противъ легкомысленныхъ недоразумѣній, не нисшее и преходящее, но совершенное и обсолютно необходимое жизненное состояніе, отъ котораго не можетъ отрѣшиться человѣкъ, и которое нельзя отрицать или отвергнуть, хотя бы понятія еще были безсильны, для того чтобы проникнуть и объяснить его. Поэтому теизмъ содержится только въ *психологіи религіи* и никогда не встрѣчается въ естественномъ познаніи вещей.

III. СПИНОЗИЗМЪ И ТЕИЗМЪ

Какъ же теперь относится къ теизму философія Спинозы? Она мыслитъ Бога какъ вполнѣ безконечное существо и, отрицая въ немъ каждое ограниченіе, она не можетъ понимать его въ формѣ личнаго существованія, не можетъ отдѣлять его отъ природы и принимать его за непосредственный предметъ по ту или по эту ея сторону. Такимъ понятіемъ отрицается всякое опредѣленное представленіе о Богѣ и слѣдовательно, отнимая отъ него всякое представленіе или воззрѣніе, это понятіе въ самомъ принципѣ противорѣчитъ всякому теизму.

«На твой вопросъ», говоритъ Спиноза въ одномъ изъ своихъ писемъ, «имѣю ли я о Богѣ столь же ясное *понятіе*, какъ о треугольникѣ, отвѣчаю утвердительно. Но если ты меня спросишь, имѣю ли я о Богѣ столь же ясный *образъ*, какъ о треугольникѣ, то я отвѣчу отрицательно. *Потомучто мы не можемъ воображать Бога, а можемъ только постигать*» (1).

(1) Ad quaestionem tuam, an de Deo tam claram, quam de triangulo habeam

Digitized by Google

Перенесемъ себя вполнѣ въ образъ мышленія Спинозы. Если Богъ есть абсолютное бытіе, то внѣ его нѣтъ никакого бытія, потомучто иначе онъ долженъ бы былъ опредѣляться въ отношеніи къ этому другому бытію и слѣдовательно былъ бы не абсолютнымъ, а только относительнымъ существомъ, какъ бы возвышенно и духовно впрочемъ оно ни казалось человѣческому воображенію. Этимъ разрушается представленіе *монотеизма*, потомучто въ этомъ религіозномъ ученіи для Бога хотя не существуетъ другихъ боговъ, но подлѣ него или подъ нимъ существуетъ міръ; міръ существуетъ отъ Бога, и Богъ въ этой трансценденціи есть отдѣльное существо. Поэтому въ дѣйствительности онъ не безконеченъ и только считается безконечнымъ въ правовѣрномъ представленіи. Монотеизмъ ограничиваетъ Бога и потому по спинозистическимъ понятіямъ есть его отрицаніе, такъ какъ omnis determinatio est negatio.

Если же Богъ вообще не есть какое-нибудь особенное существо, то его никакъ не должно представлять подъ условіями конечнаго бытія и облекать человѣческими атрибутами; формы природы еще менѣе ему соотвѣтствуютъ, чѣмъ отвлеченія монотеизма; никакимъ образомъ нельзя его индивидуализировать, потомучто это значило бы прямо оставлять его въ границахъ конечнаго. Вотъ почему религіозный антропоморфизмъ не только далеко не изображаетъ божественной сущности, но скорѣе есть ея отрицаніе и притомъ болѣе грубое отрицаніе, чѣмъ монотеизмъ; потомучто антропоморфизмъ раздробляетъ единство божіе на множество конечныхъ недѣлимыхъ. Этимъ разрушаются представленія *политеизма*, какъ пустые идолы, въ которыхъ воображеніе, не управляемое понятіями, представляетъ себѣ вѣчное. Спинозовскій Богъ не есть ни *моносъ* по ту сторону міра, ни индивидуумъ, созданный людьми по своему образу. Внѣмірному Богу недостаетъ міра и потому онъ несовершенъ, а Богъ въ явленіи человѣческаго бытія есть прямо нѣчто конечное. Совершенное существо, какъ его понялъ Спиноза, не можетъ обитать ни одиноко на небѣ, ни вмѣстѣ съ другими себѣ равными на олимпѣ или въ пантеонѣ.

Наконецъ, если спинозовскій Богъ не терпитъ ограниченія индивидуальности, приписываемой ему фантазіею, то для него совершенно невозможно самому войти въ эти границы. Если для Спинозы заключается жестокое противорѣчіе уже въ представленіи абсолютнаго существа во множествѣ недѣлимыхъ, то для ума этого философа со-

---

ideam, respondebo affirmando. Si me vero interroges, utrum tam claram de Deo, quam de triangulo habeam *imaginem*, respondebo negando. Deum enim non imaginari, sed quidem intelligero possumus. (Ep. 60.)

Digitized by Google

вершенно невыносимо — заключить божество въ единичное недѣлимое.

Божественный разумъ, не терпящій отдѣленія отъ міра въ монотеизмѣ, еще менѣе можетъ принять формы политеизма, а меньше всего можетъ воплотиться въ христіанствѣ. Вотъ почему вочеловѣченіе Бога есть жесточайшее противорѣчіе для божества въ спинозизмѣ. Въ смыслѣ Спинозы — Богъ сталъ человѣкомъ, значитъ: субстанція стала модусомъ. Богъ явился въ этомъ единичномъ человѣкѣ — въ смыслѣ Спинозы значитъ: субстанція стала этимъ единичнымъ модусомъ, или, чтобы сдѣлать наглядымъ противорѣчивое отношеніе посредствомъ геометрическаго примѣра: безконечное пространство есть вотъ этотъ одинъ треугольникъ! На этомъ примѣрѣ для спинозизма объясняются противорѣчія религіозныхъ представленій. Сравните божество съ безконечнымъ пространствомъ; монотеизмъ является уму Спинозы, какъ-будто говоря: безконечное пространство находится внѣ фигуръ; политеизмъ, какъ-будто говоря: безконечное пространство состоитъ изъ извѣстныхъ фигуръ; христіанство такъ, какъ-будто оно говоритъ: безконечное пространство есть эта единичная фигура.

Совершенно ясно, что изъ этихъ религіозныхъ представленій всего менѣе Спиноза можетъ освоиться съ послѣднимъ, потомучто вочеловѣченіе Бога, это средоточіе христіанскаго ученія, совершенно непонятно для его философіи. Догматъ вочеловѣченія, какъ весьма характеристически выражается Спиноза, для него тоже, что квадратура круга, потомучто какъ квадратъ не можетъ получить природы круга, такъ точно невозможно, чтобы Богъ принялъ природу человѣка.

И какъ спинозистическій Богъ всего дальше отъ вочеловѣчившагося Бога христіанства, такъ всего ближе онъ кажется сроднымъ съ возвышенною сущностью монотеизма. Потомучто монотеизмъ утверждаетъ по крайней мѣрѣ единство Бога, но только представляя Бога по ту сторону міра, онъ ограничиваетъ это единство, слѣдовательно уничтожаетъ его и образуетъ дуализмъ Бога и міра. Монизмъ согласуется, дуализмъ не согласуется съ мыслью Спинозы. Это отношеніе многознаменательно. Монотеизмъ произошолъ изъ пантеистическихъ религій востока, обоготворявшихъ субстанцію или сущность вещей, какъ силу природы. На высшей степени восточнаго духа, въ *іудейской* религіи, субстанція отдѣлилась отъ элементовъ природы, постепенно очистилась отъ смѣшенія съ космическими силами и противостала чувственному міру, какъ чисто духовная сущность. Такимъ образомъ въ іудейскомъ сознаніи изъ субстанціи сталъ субъектъ, изъ силы природы Іегова, и съ монотеизмомъ раскрылась

Digitized by Google

бездна между Богомъ и міромъ. *Іудей* Спиноза мыслитъ монотеизмъ; онъ остался философомъ-іудеемъ въ томъ, что *понялъ* высочайшее представленіе своей религіи. Понятіе во всякомъ случаѣ отрицаетъ дуализмъ. Философія Спинозы отрицаетъ дуализмъ іудейской религіи, она превращаетъ *моносъ* въ *панъ* и слѣдовательно монотеизмъ въ пантеизмъ. Мысля совершенное существо, Спиноза долженъ обнимать имъ все бытіе, слѣдовательно ничего не можетъ исключать изъ него, потомучто иначе это существо было бы недостаточно и несовершенно. Его Богъ не исключаетъ міра и не противостоитъ ему, какъ особый субъектъ; онъ не можетъ дѣйствовать на міръ извнѣ и потому составляетъ не causa transiens, а causa immanens міра.

Этотъ Богъ не можетъ ничего избирать изъ міра для своихъ цѣлей, потомучто онъ вообще не избираетъ, а *дѣйствуетъ;* поэтому въ отношеніи къ нему нѣтъ избраннаго народа, такъ какъ вообще ничто не существуетъ въ отношеніи къ нему; этотъ Богъ не имѣетъ никакихъ особенныхъ интересовъ, и потому не вступаетъ ни въ какіе особенные союзы; онъ дѣйствуетъ не по афектамъ, но по *основаніямъ:* онъ не есть ревнующій Богъ, мстящій за грѣхи отцовъ, потомучто въ немъ нѣтъ ни ревности, ни грѣховъ. Въ этомъ Богѣ нѣмѣютъ страсти, волнующія человѣческую грудь, онъ пульсируетъ въ цѣломъ мірозданіи вѣчнымъ ритмомъ причинности. Онъ не сравниваетъ вещей, онъ только ихъ производитъ; нѣтъ ни отрицаній, ни превосходныхъ степеней, которыя могли бы обозначить въ немъ непзрекаемое, и «святая святыхъ» есть для него пустой знакъ. Богъ Спинозы, если проведемъ противоположность до конца, есть не древній завѣтъ, а вѣчно обновляющійся міръ, и вотъ почему іудейскіе вѣроучители прокляли своего философа за то, что онъ мыслилъ этого Бога.

Digitized by Google

ИЗЪ ГЕЙНЕ

(О. Е. Б—нъ-Б—ль)

Помнишь, мы съ тобою были
Двое маленькихъ дѣтей —
Залѣзали на курятникъ
И въ соломѣ, межъ клѣтей,

Проходящимъ всѣмъ навстрѣчу,
Подражая пѣтуху,
Дѣтскимъ голосомъ кричали
Звонко такъ: «ку-ка-ре-ку!»

И въ ребяческихъ затѣяхъ,
Другъ мой милый, помню я,
Мы жилище созидали
Изъ ларей и изъ тряпья.

Въ немъ, живя открытымъ домомъ,
Рады были мы гостямъ:
Кошка старая сосѣда
Заходила въ гости къ намъ;

(И немало старыхъ кошекъ
Повстрѣчалось намъ потомъ)
О здоровьи, о погодѣ
Толковали мы втроемъ,

Какъ большіе, разсуждали,
Что куда сталъ хуже свѣтъ,
Кофей дорогъ и что денегъ
Въ обращеньи вовсе нѣтъ.

Digitized by Google

Правда, это были игры;
Но дѣйствительность, ей-ей,
Во сто разъ невыносимѣй
Для больной души моей.

Навсегда умчались игры,
Деньги, счастье и любовь,
И съ тобою, другъ мой милый,
Мы дѣтьми не будемъ вновь!

Н. СТРАННОПОЛЬСКІЙ

Digitized by Google

СЪ ЧЕШСКАГО

(Изъ Гавличка)

Не вели ты свое тѣло на кладбищѣ хоронить:
Тамъ поповскія коровы надъ тобой будутъ ходить.
Отыщи себѣ могилу въ сторонѣ, гдѣ каждый годъ,
Вѣя нѣжнымъ ароматомъ, липа стройная цвѣтетъ,
Гдѣ въ вѣтвяхъ тѣнистыхъ птицы укрываются порой
И гдѣ парубокъ гуляетъ съ молодицей дорогой.
Изъ могилы сладкимъ медомъ побѣжишь ты по вѣтвямъ,
И не мало аромату этотъ сокъ придастъ цвѣтамъ;
Прилетятъ толпой къ нимъ пчелы медъ душистый собирать,
И тобой дѣвицы будутъ горькій кофей подслащать.

Н. СТРАННОПОЛЬСКІЙ

Digitized by Google

МЕРИ БАРТОНЪ

ПОВѢСТЬ О МАНЧЕСТЕРСКИХЪ ТРУЖЕНИКАХЪ

(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ГЛАВА XXX

О тяжкая ночь
Неисходной печали!
Во мракѣ ищу я
Исхода, пути,
Но въ тьмѣ и туманѣ
Мнѣ ихъ не найти.
Ночная тоска
Мрачна и тяжка!..

Джобъ наполъ мистрисъ Вильсонъ въ тоскливомъ безпокойствѣ и волненіи: она все ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, ни слова не говоря съ хозяйкою, но испуская отъ время до времени такіе тяжолые, болѣзненные вздохи, что всѣ присутствующіе невольно содрогались.

— Ну! произнесла она, быстро и рѣзко обратившись къ Джобу, какъ только онъ вошолъ въ комнату.

— Ну, говори же! повторила она быстро, прежде нежели онъ сообразилъ какъ и что отвѣчать; надо знать, что онъ трудился выдумать какой-нибудь успокоительный и добродушный вздоръ, чтобы угомонить ее хоть на время. Но вопросъ и настойчивое движеніе вдовы такъ ошеломили его, что онъ совершенно нехотя выговорилъ чистую правду.

— Вилль еще не пріѣзжалъ. Однако онъ можетъ еще пріѣхать и поспѣть какъ разъ вовремя.

Digitized by Google

Она съ минуту пристально на него посмотрѣла, какъ бы сомнѣваясь, можетъ ли еще быть что-нибудь хуже этого отвѣта. Потомъ тихо покачала головою и сказала гораздо спокойнѣе, нежели можно было ожидать, судя по ея судорожной походкѣ и взволнованному состоянію за минуту передъ тѣмъ:

— Лучше не говори этого. Ты этого не думаешь. Ты почти такъ же отчаяваешься, какъ и я. А я такъ и знала съ самаго начала, что мальчика моего повѣсятъ за то, чего онъ не дѣлалъ. Да это и лучше; пусть ужь Господь приберетъ его изъ этого тяжкаго міра, гдѣ больше нѣтъ ни правды, ни милости.

Она подняла глаза — помолилась какъ-будто про себя — и сѣла.

— Ну-ну, вотъ ужь ты и пошла расписывать! сказалъ Джобъ. — Вилль правда отплылъ сегодня утромъ на своемъ кораблѣ, но только эта бравая дѣвушка, Мери Бартонъ, ужь поѣхала за нимъ въ догонку и конечно привезетъ его назадъ, лишь бы удалось ей съ нимъ слово перемолвить. Она еще не возвращалась. Такъ чего жъ ты? не убивайся же! Все будетъ ладно.

— Все ладно и будетъ, сказала она, — но не такъ какъ ты думаешь. — Джема повѣсятъ и онъ отойдетъ къ отцу и къ братишкамъ своимъ. Тамъ Господь милосердый положилъ предѣлъ слезамъ и сѣтованіямъ, тамъ Спаситель Іисусъ призираетъ малыхъ дѣтей, которые тоскуютъ по матерямъ, покинутымъ на землѣ. Эхъ, Джобъ! хорошо тамъ, и мнѣ очень туда хочется, и все-таки тоска беретъ, какъ подумаю, что и Джемъ скоро туда отойдетъ. Я бы и не подумала тосковать, если бы намъ съ нимъ хоть сегодня же умереть, да если бы только знали, что онъ невиненъ — какъ я знаю!

— Рано или поздно узнаютъ, и горько раскаются въ томъ, что повѣсили его ни зачто ни прочто, возразилъ Джобъ.

— О, это такъ. Бѣдные, бѣдные! Да проститъ имъ Богъ ихъ страшную ошибку.

Джобъ между тѣмъ не могъ сидѣть на мѣстѣ, и то и дѣло подходилъ то къ двери, то къ окну, точно звѣрь въ клѣткѣ. На дворѣ была тьма кромѣшная. Луна еще не вставала.

— А вы бы лучше ложились спать! произнесъ онъ, стоя у окна. — Назавтра вамъ надо собраться съ силами. Джемъ вовсе потеряется, коли увидитъ васъ такой слабой да хилой. Я схожу теперь за Мери. Она вѣрно ужь пріѣхала. Вы не бойтесь, я приду къ вамъ и все разскажу; только уходите, ложитесь въ постель.

Digitized by Google

— Добрый ты мой другъ, Джобъ Легъ! я пойду и лягу, коли хочешь. Но ты помни же это: какъ только промыслишь Мери, тотчасъ веди ее ко мнѣ, тотчасъ ко мнѣ! — Она говорила очень тихимъ голосомъ, но спокойно.

— Какже, какже! сказалъ Джобъ и шмыгнулъ изъ дому.

Прежде всего онъ пошолъ къ мистеру Бриджьнорту, потомучто вдругъ вообразилъ, что Вилль и Мери его тамъ дожидаются.

Но ихъ тамъ не было. Мистеръ Бриджьнортъ самъ только что воротился, и Джобъ задыхаясь поднялся на лѣстницу и пробрался въ кабинетъ, чтобы переговорить съ нимъ о положеніи дѣла.

— Плохо дѣло! сказалъ адвокатъ роясь въ бумагахъ и выражая на лицѣ серьозныя опасенія. — Джонсонъ говорилъ мнѣ сегодня, какъ это было: ему передала та женщина, у которой квартировалъ Вильсонъ. Сдается мнѣ, что эта миссъ Бартонъ понапрасну прогуляется. Вся надежда на шаткость поличныхъ свидѣтельствъ и на отличную репутацію подсудимаго. Надежда правда очень слабая и неопредѣленная. Однако я пригласилъ въ присутствіе мистера Клинтона и онъ постарается дать самый лучшій отзывъ. А теперь, любезнѣйшій другъ, позвольте пожелать вамъ доброй ночи и выпроводить васъ отсюда. Мнѣ почти всю ночь придется просидѣть за письмомъ. Вы видѣли моего писаря, какъ шли сюда? Видѣли? Ну такъ потрудитесь тотчасъ же послать мнѣ его сюда.

Послѣ этого Джобу оставаться не приходилось и отвѣсивъ низкій поклонъ, онъ ушолъ.

Пошолъ онъ къ мистрисъ Джонсъ. Она была дома, но Чарли опять куда-то исчезъ. — Этого малаго никакая сила не удержитъ, говорила мать. Развѣ запрешь его на ключъ да на замокъ, да и то не всегда вѣрно; вотъ она разъ заперла было его на чердакѣ, а онъ въ слуховое окно юркнулъ, да и былъ таковъ Теперь-то онъ можетъ быть опять пошолъ на пристань, за той молодой женшиной. Ужь онъ найдетъ себѣ дѣло на пристани.

Джобъ, незваный и непрошеный, усѣлся на стулъ, рѣшившись дождаться возвращенія Чарли.

Мистрисъ Джонсъ гладила и складывала бѣлье и все время продолжала толковать о Чарли и о своемъ мужѣ, который служилъ матросомъ на какомъ-то кораблѣ, отправившемся въ Индію, и оставилъ ей мальчишку, съ которымъ она не могла сладить. Она вздыхала, тужила и жаловалась и на матросовъ, и на портовые города, и на бури морскія, и на безсонницу, и на худые штанишки своего сына,

Digitized by Google

а Джобъ давно уже не слушалъ ея и только внимательно прислушивался ко всѣмъ голосамъ и шагамъ на улицѣ.

Наконецъ пришолъ и Чарли, но пришолъ одинъ.

— Видно Мери Бартонъ попала въ какую-нибудь бѣду, сказалъ онъ, обращаясь исключительно къ Джобу. Объ ней не слыхать ни на одной изъ пристаней, а Борнъ говоритъ, что лодка-то, на которой она поѣхала, была съ чеширской стороны. Такъ ужь до завтра мы о ней ничего не узнаемъ.

— Завтра утромъ, въ девять часовъ, ей надо быть въ судѣ, сказалъ Джобъ печально: она должна дать показаніе въ уголовномъ дѣлѣ.

— Такъ она и говорила, то-есть что-то въ этомъ родѣ, сказалъ Чарли, очевидно желавшій узнать еще что-нибудь. Но Джобъ молчалъ.

Онъ больше рѣшительно не зналъ, что дѣлать; и потому всталъ, поблагодарилъ мистрисъ Джонсъ за тепло и вышелъ на улицу. Тутъ онъ постоялъ и обдумалъ, какіе еще остались шансы ко спасенію и каковъ вѣроятный исходъ дѣла?

Потомъ онъ медленно повернулъ въ ту сторону, гдѣ оставилъ мистрисъ Вильсонъ. Больше дѣлать нечего, это ясно. Однако онъ все мѣшкалъ на улицѣ и долго еще бродилъ, все надѣясь, что усталость склонитъ старуху ко сну до его возвращенія и что такимъ образомъ онъ какъ-нибудь избѣгнетъ ея распросовъ.

Онъ осторожно прокрался въ домъ; но заспанная хозяйка таки дожидалась его и дѣвицу, которая, какъ ей сказали, будетъ ночевать вмѣстѣ съ мистрисъ Вильсонъ.

Спросонья, хозяйка такъ застучала, стараясь зажечь свѣчу (сама-то она дремала у камина), что изъ сосѣдней комнаты послышался голосъ мистрисъ Вильсонъ:

— Кто тамъ?

Джобъ не отвѣчалъ и затаилъ дыханіе, надѣясь, что она забудется и больше ничего не услышитъ; но хозяйка, нимало не дѣлившая его опасеній, уронила щипцы, которые рѣзко застучали и звякнули, и вслѣдъ затѣмъ начала такъ пространно и громко извиняться, что не могло больше оставаться сомнѣнія въ присутствіи Джоба.

— Джобъ! Джобъ Легъ! крикнула вдова въ волненіи.

— Ахъ ты Господи! бормоталъ Джобъ, нехотя направляясь къ ея двери. Хотѣлъ бы я знать, грѣхъ ли теперь соврать немножечко? А ложь-то можетъ быть успокоитъ ее, дастъ ей выспаться. А то,

Digitized by Google

коли завтра дѣло лопнетъ, она пожалуй еще двѣ недѣли не заснетъ. А? попробовать развѣ.

— Джобъ, ты здѣсь что ли? произнесла она опять, дрожащимъ, смятеннымъ голосомъ.

— Какже, здѣсь я! А я думалъ, что ты ужь спишь!

— Сплю? Какже можно заснуть, пока я не узнаю, нашолся ли Вилль?

— Вотъ тебѣ и разъ! проворчалъ Джобъ и прибавилъ вслухъ: Небось, нашолся Вилль, цѣлъ и невредимъ, и завтра явится куда надо!

— И поручится за моего бѣднаго мальчика, да? поручится онъ за Джема? скажетъ, что онъ былъ съ нимъ, Джобъ? Да говори же, ради Бога!

— Э, куда ни шло! подумалъ Джобъ, за семь бѣдъ одинъ отвѣтъ. Какже! крикнулъ онъ опять, все пояснитъ и присягу дастъ; а Джемъ оправдается и выдетъ невиненъ какъ дитя новорожденное.

Послышался шорохъ въ комнатѣ мистрисъ Вильсонъ, и Джобъ стоя у двери догадался, что она уже стоитъ на колѣнахъ и дрожащимъ голосомъ возсылаетъ благодаренія и радостныя слезы къ Богу.

Слыша это, Джобъ смутился, сердце у него оторвалось: онъ подумалъ о завтрашнемъ разочарованіи, о страшномъ пробужденіи ожидавшемъ ее поутру; онъ увидѣлъ всю тщету своей лжи. Но чтожъ теперь дѣлать!

Пока онъ слушалъ да размышлялъ, она кончила свою молитву.

— А Мери? Ты нашолъ ее у мистрисъ Джонсъ, Джобъ? продолжала она распрашивать.

Онъ глубоко вздохнулъ.

— Да, она теперь тамъ. Господи прости и помилуй! добавилъ онъ шопотомъ. Кто бы могъ подумать, чтобы я на старости лѣтъ сталъ такимъ отъявленнымъ вралемъ!

— Христосъ съ нею, гдѣ жъ она? Что нейдетъ сюда, лечь въ постель. Ей пора отдохнуть и оправиться.

Джобъ откашлянулся, сплюнулъ въ сторону всѣ укоры своей совѣсти и отвѣчалъ:

— Да она немножко устала, утомилась отъ этого путешествія на лодкѣ, а мистрисъ Джонсъ упросила ее остаться переночевать. Ея домъ кстати недалеко отъ судебной палаты, такъ завтра оттуда сподручнѣе идти въ судъ.

Digitized by Google

— Ну, теперь легче пошло! продолжалъ Джобъ про себя, съ легкимъ стенаніемъ. — Видно самъ отецъ лжи пришолъ на подмогу, потомучто рѣчь у меня пошла какъ по маслу, словно я и дѣло говорю. Авось больше не станетъ распрашивать, то-то бы хорошо! Уйду, покамѣстъ она опять не столкнула меня съ бѣсомъ!

И онъ ушолъ въ кухню, гдѣ у камина продолжала ожидать его заспанная и лѣнивая хозяйка. Мужъ ея давно уже ушолъ спать.

Но Джобъ все еще не могъ ни на что рѣшиться и придумывалъ, что бы ему дѣлать. Будь онъ теперь въ лучшей постели изъ всего Ливерпуля, и тогда бы ему не удалось заснуть.

— Ты меня оставь тутъ, я посижу въ креслѣ, сказалъ онъ наконецъ хозяйкѣ, которая все еще стояла, дожидаясь его ухода.

Такъ какъ онъ былъ старинный другъ дома, то хозяйка оставила его въ покоѣ; впрочемъ можетъ-быть она слишкомъ дремала, чтобы воспротивиться чему-либо, и рада была какъ-нибудь отдѣлаться отъ гостя, лишь бы добраться до своего пуховика.

ГЛАВА XXXI

«Ужель прошла томительная ночь
Съ тоской моей и мукой ожиданья?
Та ночь, когда душа моя была
Полна одною, неотвязной мыслью:
Что̀ изречетъ мнѣ завтра судія —
«*Невиненъ*» иль «*виновенъ*»?... О судьба!
А для иныхъ — для тысячи людей —
Все та же ночь такъ мирно проходила,
И счастье новое на утро имъ несла!»

Вильсонъ

Но гдѣ же въ самомъ дѣлѣ Мери?

Какъ отлегло бы отъ сердца у бѣднаго Джоба, еслибы онъ могъ видѣть ее! А онъ просто измучился на ея счетъ; и сколько разъ, въ теченіе этой долгой ночи, выбранилъ онъ и ее и себя; — ее за упрямство, а себя за уступчивость, за то что согласился на ея неразумное желаніе все сдѣлать самой и одной отправиться за Вилемъ.

Правда, что Мери также не видала въ глаза постели, какъ и Джобъ, въ эту ночь; но все-таки она была подъ кровомъ честныхъ, почтенныхъ, хотя и грубыхъ людей.

Digitized by Google

Она не противилась, когда старый лодочникъ схватилъ ее за руку и потащилъ за собою по докамъ, черезъ лабиринтъ мелкихъ закоулочковъ. Она покорно пошла за нимъ, едва сознавая, что передвигаетъ ноги, не зная куда идетъ, но какъ-то смутно радуясь тому, что кто-то ею распоряжается.

Онъ привелъ ее къ старому-престарому домику, очень маленькому и построенному очевидно прежде всѣхъ другихъ зданій этой улицы, что́ и было вѣроятно причиною его почтенной, провинціальной и солидной наружности. Лодочникъ втолкнулъ ее въ кухню и увѣрившись наконецъ, что она цѣла и дорогою не пропала, хлопнулъ ее ладонью по спинѣ и произнесъ: Тутъ!

Кухня была свѣтлая и веселенькая, ярко освѣщенная огнемъ камина; этотъ яркій свѣтъ — а можетъ-быть отчасти и колотушка по спинѣ — привели Мери въ себя и она разомъ почувствовала всю неловкость и сомнительность своего положенія: приходилось тотчасъ отдавать о себѣ отчетъ маленькой, суетливой старушкѣ, хлопотавшей у очага. Лодочникъ повелъ себя въ этомъ случаѣ очень хладнокровно: онъ тотчасъ усѣлся въ свое кресло, и не удостоивая свою старуху никакими объясненіями, принялся жевать табакъ, при чемъ поглядывалъ на Мери съ самодовольнѣйшимъ видомъ: взглядъ его выражалъ то торжество побѣдителя, захватившаго въ руки мятежнаго врага, то лукавство тюремщика, какъ бы говорящаго: теперь попробуй вырваться!

Старуха — жена его — все еще стояла, съ кочергою въ рукѣ, ожидая, чтобы ей объяснили наконецъ, кого это мужъ такъ нецеремонно притащилъ къ себѣ въ гости; но пока она съ изумленіемъ глазѣла на дѣвушку, щеки Мери сначала вспыхнули, потомъ побѣлѣли какъ полотно: — въ глазахъ у ней потемнѣло — она схватилась за комодъ, чтобы не упасть — все пошло кругомъ передъ нею и она во весь ростъ упала на полъ.

Мужъ и жена бросились къ ней на помощь: подняли ее, безчувственную, и пока старикъ поддерживалъ ее на одной колѣнкѣ, старуха поплелась за холодною водой. Принесши воду, она плеснула ею въ лицо Мери, которая громко всхлипнула, но все-таки не открыла глазъ и была такъ же блѣдна.

— Кто такая, Бенъ? спросила старушка, растирая безсильныя, онѣмѣвшія руки дѣвушки.

— Я почемъ знаю? отвѣчалъ супругъ сурово.

Digitized by Google

— Ну чтожъ, продолжала жена успокоительнымъ тономъ, съ которымъ обыкновенно обращаются къ капризнымъ дѣтямъ, и прибавила какъ бы про себя: — я вѣдь думала, что тебѣ можетъ-быть извѣстно, потому какъ ты ее привелъ домой. Бѣдняжка! Что ужь ее спрашивать о чемъ-нибудь! Лишь бы помочь-то. Ахъ досадно, что спирту моего нѣтъ у меня теперь: въ прошлое воскресенье въ церкви я его сосѣдкѣ отдала, — она сердечная никакъ не могла удержаться отъ дремоты во время проповѣди. Ахти батюшки мои! да какая она блѣдная!

— На-ка, подержи ее маленько! сказалъ мужъ.

Она повиновалась, продолжая шептать свои тихія рѣчи и не обращая вниманія на его отрывистые, рѣзкіе возгласы; для ея стараго, любящаго сердца и возгласы-то эти были словно перлы драгоцѣнные, потомучто она отъ юныхъ лѣтъ не переставала еще любить своего мужа горячо и преданно: да и его, стараго ворчуна, кажется втайнѣ смягчали и угомоняли звуки ея добраго голоса, хотя онъ ни за какія блага не согласился бы обнаружить передъ ней сокровищъ своей давнишней нѣжности, вѣчно сокрытой подъ грубѣйшею оболочкой.

— Что ему, старому, надо тамъ? шептала старушка наклоняясь надъ дѣвушкой и укладывая ея голову какъ можно удобнѣе.— Вонъ перо мое вытащилъ, которое ужь у меня никакъ пять лѣтъ лежитъ нетронутое. Съ нами сила Господня! Жжотъ вѣдь, жжотъ мое перо! А-а, знаю теперь — вотъ вѣдь какой догадливый: жженыя перья, говорятъ, помогаютъ отъ обморока. Да, да, а этой бѣдняжкѣ и это не помогаетъ! Ну, теперь чего еще? Ага! Свѣтлая голова у моего старины: я бы вовѣкъ этого не придумала!

Старикъ между тѣмъ лазилъ на угловую полку и досталъ оттуда четырехъ-угольную склянку съ темнымъ, настоеннымъ спиртомъ, и съ надписью: Золотая вода.

— Вотъ это такъ! сказала жена, когда онъ влилъ немножко этой жидкости въ полуоткрытый ротъ Мери и дѣвушка встрепенулась и кашлянула. — Вотъ, Господь съ нимъ! всегда-то онъ такой добрый, да изобрѣтательный.

— Вотъ ужь нѣтъ! прорычалъ онъ, съ удовольствіемъ глядя на румянецъ, оживившій щеки дѣвушки и на ея открывшіеся глаза, съ удивленіемъ смотрѣвшіе вокругъ: — вотъ ужь нѣтъ! Я сроду еще не бывалъ такъ глупъ.

Жена помогла Мери встать и усадила ее въ кресла.

Digitized by Google

— Теперь ладно что ли, молодушка? спросилъ лодочникъ съ участіемъ.

— Да, сэръ, благодарю васъ. Я право, сэръ, не знаю какъ благодарить васъ, прибавила Мери слабымъ голосомъ.

— А провалъ васъ возьми съ вашей благодарностью! И онъ отряхнулся, взялъ свою трубку и вышелъ изъ дому безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Старуха осталась въ совершенномъ недоумѣніи насчетъ званія и положенія своей странной гостьи.

Мери посмотрѣла вслѣдъ за уходящимъ лодочникомъ, потомъ обратила грустные глаза на хозяйку и сдѣлала слабое движеніе, чтобы встать и тоже уйти изъ дому — сама не зная куда.

— Ни-ни! Кто бы ты ни была, а на улицу выходить тебѣ не годится теперь. Можетъ статься (продолжала старушка вполголоса) ты и пропащая какая; оно такъ и сдается мнѣ, потомучто больно ужь ты смазлива. Ну чтожъ! Пропащія-то эти и терпятъ всего больше; потому порядочный человѣкъ никогда не пропадетъ, все будетъ на Бога надѣяться; а вотъ грѣшники-то и страдаютъ, душой скорбятъ и утѣшенія имъ нѣтъ. Горько имъ! Ихъ-то и жалко пуще всего, имъ и помогать надо. Не выйдетъ она сегодня изъ моего дома, кто бы ни была! Будь она себѣ хоть самая пропащая изо всего Ливерпуля, и то не выпущу. Хотѣлось бы мнѣ только знать, гдѣ ее старикъ мой подцѣпилъ!

Мери, разсѣянно слушавшая эту рѣчь, попробовала дать хозяйкѣ нѣсколько положительныхъ, хотя и отрывочныхъ свѣденій.

— Я не пропащая, сударыня, право нѣтъ. Хозяинъ вашъ возилъ меня въ лодкѣ въ море, вслѣдъ за однимъ отплывшимъ кораблемъ. Тамъ есть одинъ человѣкъ, котораго очень нужно для спасенія жизни другого человѣка, котораго завтра судить будутъ. Капитанъ не отпустилъ его, но онъ сказалъ, что все-таки воротится, въ проводной лодкѣ — При воспоминаніи о своихъ разбитыхъ надеждахъ, Мери начала плакать, а старушка принялась утѣшать ее, начавъ съ своего обычнаго «ну чтожъ!»

— Ну чтожъ! И воротится, вѣрно воротится. Ужь я знаю. Ты только не печалься, перестань объ этомъ горевать. Ну право же, непремѣнно воротится.

— О, я такъ боюсь! такъ боюсь, что не воротится! восклицала Мери, тѣмъ не менѣе очень утѣшенная увѣреніями старушки, хоть и знала, что увѣренія эти неосновательны.

Digitized by Google

Продолжая толковать вполголоса, отчасти про себя, отчасти обращаясь къ Мери, старушка приготовила чай и стала упрашивать гостью чего-нибудь перекусить и подкрѣпиться. Но Мери качая головою рѣшительно отказалась отъ ѣды, и только чашку чаю выпила съ жадностью. Вся внутренность ея горѣла отъ проглоченной въ безпамятствѣ водки и каждое впечатлѣніе воспринимала она съ необычайною живостью и болѣзненнымъ чувствомъ, между тѣмъ какъ голова у ней страшно болѣла и пылала.

Говорить ей очень не хотѣлось, потомучто все выходило навыворотъ: произносились совсѣмъ не тѣ слова, которыя она намѣревалась выговорить. Такъ она и сидѣла молча, а мистрисъ Стерджисъ (ея хозяйка) между тѣмъ продолжала говорить, убирая чайную посуду и во все время суетясь по комнатѣ изъ угла въ уголъ, такъ что глядя на нее у Мери голова кружилась. Ей очень бы хотѣлось теперь проститься съ доброю старушкой и пойти спать. Но куда?

Старый лодочникъ воротился, но глядѣлъ еще сердитѣе и грубѣе прежняго. Онъ швырнулъ ногою сухія туфли, приготовленныя для него женою, и на всѣ ея рѣчи отвѣчалъ суровымъ рычаніемъ. Мери приписывала все это тому, что старикъ непріятно пораженъ, найдя ее все еще подъ своимъ кровомъ, и стала собираться съ силами чтобы покинуть этотъ домъ. Но она ошибалась. Черезъ нѣсколько времени онъ сказалъ, пристально смотря на огонь и какъ-будто къ нему исключительно обращаясь: — Вѣтеръ дуетъ прямо имъ навстрѣчу!

— Ай, неужто? сказала тихо жена, которая, зная его насквозь, очень хорошо понимала, что его теперешняя сварливость происходитъ единственно отъ затаеннаго сочувствія. — Ну чтожъ! Вѣтеръ по ночамъ то и дѣло мѣняется. До утра еще далеко. Бьюсь объ закладъ, что съ тѣхъ поръ какъ ты смотрѣлъ, онъ уже перемѣнился.

Она взглянула въ окно на ближній флюгеръ, блестѣвшій при лунномъ свѣтѣ на чужой крышѣ; но какъ истая жена и мать моряковъ, она мигомъ увидѣла, что флюгеръ стоитъ на самой неблагопріятной точкѣ: испустивъ глубокій вздохъ, она отвернулась отъ окна и начала по своему обыкновенію отыскивать другихъ средствъ къ утѣшенію.

— А развѣ некому больше дать въ судѣ-то показаніе, что вамъ завтра нужно? спросила она.

— Некому, отвѣтила Мери.

Digitized by Google

— И нѣтъ у васъ подозрѣній ни на кого другого, если тотъ и вправду невиноватъ?

Мери не отвѣчала, но вся вздрогнула.

Стерджисъ замѣтилъ это.

— Перестань надоѣдать ей своими распросами! сказалъ онъ женѣ. — Ей надо лечь въ постель, вишь она какъ продрогла отъ морской сырости. Я стану наблюдать за этимъ проклятымъ вѣтромъ— провалъ бы его взялъ — и за флюгеромъ. Вотъ какъ приливъ наступитъ, такъ и принесетъ ихъ.

Мери пошла наверхъ, шепча благодаренія и благословенія добрымъ людямъ, пріютившимъ ее, чужую сироту. Мистрисъ Стерджисъ привела ее въ комнату, въ которой все говорило о морѣ и о чужихъ земляхъ. Тутъ была кровать одного изъ сыновей, отплывшаго недавно въ Китай, и къ потолку привѣшена была койка другого сына, носившагося теперь по волнамъ балтійскаго моря. Простыни повидимому сшиты были изъ паруснаго холста, но не смотря на суровый цвѣтъ и грубость ткани, казались очень чистыми и гладкими.

На стѣнѣ висѣли два изображенія кораблей, съ подписями ихъ названій. На эти грубыя картинки обратились глаза доброй матери и смотрѣли до тѣхъ поръ, пока не наполнились слезами. Однако она отерла слезы рукою и веселымъ тономъ начала увѣрять Мери, что постели очень чистыя.

— Я не могу спать, благодарю васъ. Я вотъ тутъ буду сидѣть, если позволите, сказала Мери садясь на стулъ у окна.

— Ахъ нѣтъ, пожалуйста! сказала мистрисъ Стерджисъ: — хозяинъ мнѣ велѣлъ уложить васъ, и это надо сдѣлать. И что пользы наблюдать? Знаете пословицу — не глазѣй на чугунъ, не то не закипитъ. А я вѣдь вижу, на что вы смотрите — все на флюгеръ. А я вотъ стараюсь на него никогда не глядѣть, не то такъ съ него глазъ и не спустишь. Иногда, какъ вѣтеръ-то подымется, у меня сердце выболитъ; но я стараюсь не глядѣть въ окошко и дѣлать свое дѣло, и не думать больше ни о чемъ, кромѣ своего дѣла.

— Позвольте мнѣ немножко посидѣть! упрашивала Мери, видя что хозяйка непремѣнно желаетъ ее уложить. Ея тонъ, ея взглядъ убѣдили хозяйку.

— Ну пожалуй, пусть будетъ по вашему. Тамъ, внизу, мнѣ за это достанется, ужь знаю я. Онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока

Digitized by Google

вы не ляжете. Такъ ужь сидите потише, чтобы онъ думалъ, что вы заснули.

И Мери тихо, не шевелясь съ мѣста, всю ночь не спускала глазъ съ упрямаго флюгера. Она сидѣла на стулѣ у окна, отстраняя рукою занавѣску, повѣшенную въ спальнѣ отъ луннаго свѣта; голова ея прислонилась къ косяку, глаза горѣли, и съ рѣзкою болью вперялись на одинъ предметъ.

Наконецъ на горизонтѣ встало багровое утро и краснымъ заревомъ обдало комнату.

То было утро судебнаго дня!

ГЛАВА XXXII

....Тебя здѣсь обвиняютъ
Въ жестокомъ нарушеньи правъ господнихъ,
Въ томъ, что потворствуя страстямъ своимъ слѣпымъ,
Чужую жизнь ты отнялъ произвольно.
И словомъ, ты — чтобы назвать тебя
Тѣмъ страшнымъ именемъ, что всѣхъ приводитъ въ трепетъ,
Блѣднитъ чело и сердце холодитъ —
Убійца!..

Мильманъ.

Изъ всѣхъ безпокойныхъ людей, которымъ отъ чрезмѣрнаго волненія души ночь эта показалось длинною, едва ли не всѣхъ взволнованнѣе и безпокойнѣе былъ несчастный отецъ убитаго юноши. Онъ и вообще мало спалъ съ тѣхъ поръ какъ разразилось надъ нимъ это несчастіе: его постоянно преслѣдовали смутныя, тревожныя мысли, не дававшія ему покою ни днемъ, ни ночью.

И всѣхъ безсоннѣе была конечно эта ночь. Онъ тысячу разъ думалъ и передумывалъ, все ли сдѣлано, все ли подготовлено къ непремѣнной погибели Джемса Вильсона; онъ начиналъ уже почти жалѣть, что слишкомъ поторопился веденіемъ этого дѣла, а между тѣмъ чувствовалъ, что не вкуситъ ни минуты покоя и отдохновенія, пока не добьется мести. Впрочемъ не знаю, употреблялъ ли онъ слово «месть» въ своихъ соображеніяхъ и мечтахъ: онъ все звалъ ее «правосудіемъ», и вѣроятно считалъ свою цѣль законною жаждой правды на землѣ. И не зналъ онъ ни покоя, ни отдыха ни душѣ, ни тѣлу: безпрестанно, непрерывно шагалъ онъ взадъ и впередъ по своей спальнѣ, утомленною и тоскливой походкой звѣря, запертаго

Digitized by Google

въ клѣтку; когда же наболѣвшіе члены его наконецъ отказывались служить и онъ на минуту садился, то во всѣхъ суставахъ начиналась у него такая нервическая дрожь, такія болѣзненныя, какъ бы судорожныя подергиванья, что онъ тотчасъ снова вставалъ и принимался ходить, избирая этотъ родъ утомленія и боли, какъ меньшее изъ двухъ золъ.

Съ разсвѣтомъ пробудилась вся его дѣятельность: онъ тотчасъ отправился будить своего адвоката, и еще разъ измучилъ его своими допросами и наставленіями; потомъ открылъ свои часы и сталъ ждать, когда наконецъ откроютъ засѣданіе и начнется судъ.

Что за дѣло ему до живыхъ, — до жены и дочерей, — что за дѣло до нихъ, когда тутъ лежитъ мертвый (все еще непогребенный, по настоятельному желанію отца; а отецъ не хотѣлъ хоронить его до тѣхъ поръ, пока убійца не будетъ приговоренъ къ казни)?

Въ девять часовъ всѣ собрались на общее, страшное свиданіе.

Судья, присяжные, истецъ, подсудимый, свидѣтели — всѣ собрались подъ одною кровлей; кромѣ того было тутъ множество народу, болѣе или менѣе принимавшаго участіе въ различныхъ процессахъ, однако участіе пассивное; въ числѣ такихъ людей находились Джобъ Легъ, Бенъ Стерджисъ, Чарли Джонсъ и многіе другіе.

Джобъ Легъ тщательно избѣгалъ вопросовъ со стороны мистрисъ Вильсонъ. По правдѣ сказать, онъ даже очень мало пользовался ея обществомъ въ это утро, потомучто всталъ ранехонько и тотчасъ отправился отыскивать Мери; когда же окончательно убѣдился, что о ней нѣтъ ни слуху, ни духу, онъ съ отчаянія рѣшился все-таки не разочаровывать мистрисъ Вильсонъ, разсудивъ, что горе никогда не приходитъ слишкомъ поздно; и если ужь ударъ неизбѣженъ, то лучше какъ можно долѣе оставить ее въ невѣденіи насчетъ предстоящей бѣды. Она заняла свое мѣсто на скамьѣ свидѣтелей, и хотя была очень утомлена и слаба, но не показывала ни страха, ни смятенія.

Пока Джобъ протѣснялся въ толпѣ народа, желая пройти впередъ, писарь мистера Бриджьнорта подозвалъ его къ себѣ.

— Вотъ письмо къ вамъ отъ нашего кліента, сказалъ онъ.

У Джоба сердце замерло, когда онъ бралъ письмо. Онъ и самъ не зналъ чего испугался, но ему все чудилось, что вотъ-вотъ Джемъ самъ признаетъ себя виновнымъ и тѣмъ опрокинетъ всѣ ихъ надежды.

Письмо было такого содержанія:

Digitized by Google

«Любезный другъ! Отъ всего сердца благодарю васъ за доброе вниманіе, за то что позаботились найти для меня адвоката; но мнѣ онъ никакой пользы не принесетъ, хотя многимъ другимъ можетъ быть и принесъ бы Тѣмъ не менѣе, дорогой другъ мой, я вамъ очень обязанъ. Я предвижу, что дѣло кончится для меня неблагопріятно, — и неудивительно: будь я самъ на мѣстѣ одного изъ присяжныхъ, я призналъ бы виновнымъ человѣка, противъ котораго было бы столько явныхъ уликъ. И такъ, если они признаютъ меня виноватымъ, то не ихъ вина. Однако, Джобъ Легъ, я думаю вы и сами знаете, что я такъ же виноватъ въ этомъ преступленіи, какъ новорожденное дитя, — хотя доказать этого я не могу. Если бы я не думалъ, что вы увѣрены въ моей невинности, то конечно не посмѣлъ бы и писать къ вамъ, не посмѣлъ бы выражать вамъ своихъ желаній. Не забудьте, что это желанія, — что это слова человѣка, ожидающаго скорой смерти. Дорогой мой другъ, позаботьтесь о моей матери; дѣло не въ деньгахъ, потомучто и она и тетка Алиса на этотъ счетъ совершенно обезпечены. Но вы пожалуйста не тяготитесь ею, когда она будетъ говорить съ вами обо мнѣ, и что́ бы ни думали, что́ бы ни говорили другіе, показывайте ей, что *вы* считаете меня казненымъ понапрасну. Я не думаю, чтобы она долго могла пережить меня, и всѣхъ насъ. Будьте нѣжны къ ней, Джобъ, ради меня; и если подчасъ она будетъ брюзглива или немножко капризна, то простите ей и сообразите все что́ она выстрадала въ жизни. Я знаю, что матушка никогда не усомнится во мнѣ, Господь съ нею.

«Есть другая особа, которую мнѣ кажется я любилъ слишкомъ сильно. Однако эта-то любовь и составляла отраду всей моей жизни. Она будетъ думать, что я убилъ ея возлюбленнаго, что я причиною всѣхъ ея горестей, всѣхъ теперешнихъ страданій. Такъ и надо, чтобы она думала Тяжело мнѣ это выговорить, но дѣлать нечего: такъ и *надо*. Для нея это будетъ лучше, а объ ней только я теперь и думаю. Однако, милый Джобъ, вы для своихъ лѣтъ очень крѣпкаго здоровья и быть-можетъ проживете еще очень долго; въ такомъ случаѣ, черезъ много лѣтъ, если вы почувствуете приближеніе своей кончины, то скажите ей — такъ же торжественно, какъ я самъ теперь говорю вамъ, — что я умеръ невинно. Теперь вы ей этого не говорите, но черезъ много лѣтъ можно сказать; иначе я не могу вынести мысли, что она во всю свою долгую жизнь будетъ меня ненавидѣть, какъ убійцу своего возлюбленнаго, и ненависть эту унесетъ

Digitized by Google

съ собою въ могилу. Мнѣ слишкомъ тяжело было бы встрѣтить ее на томъ свѣтѣ все еще непримиренною со мною, а о томъ, какъ бы она взглянула на меня *здѣсь* — я и думать боюсь.

«И такъ, Богъ да благословитъ васъ, Джобъ Легъ, и затѣмъ прощайте.

«Преданный вамъ

«Джемсъ Вильсонъ.»

По прочтеніи письма Джобъ нѣсколько разъ перевернулъ его въ рукахъ, глубоко вздохнулъ и завернувъ его небрежно въ обрывокъ газетной бумаги, положилъ въ жилетный карманъ. Потомъ пошолъ къ двери той комнаты, гдѣ находились свидѣтели, чтобы навѣдаться, не тутъ ли Мери Бартонъ.

Когда дверь отворилась, онъ увидалъ ее сидящую у стола, на который она положила обѣ руки, а голову склонила на руки. Положеніе это выражало совершенное отчаяніе и конечно этого было достаточно, чтобы вовсе обезкуражить бѣднаго, смущеннаго Джоба; а тутъ еще раздавались неудержимыя рыданія и горькія жалобы мистрисъ Вильсонъ, которыя ясно доказывали, что она хотя отчасти была уже разочарована въ блистательныхъ надеждахъ, поданныхъ имъ наканунѣ. Самой мистрисъ Вильсонъ въ дверь не было видно, а Джобъ конечно не полюбопытствовалъ заглянуть въ комнату подальше.

Печально воротился онъ въ толпу зрителей, радуясь, что ни вдова, ни Мери не видали его у дверей.

Нѣсколько оправившись отъ своего смятенія и достаточно собравшись съ мыслями, чтобы понять что́ вокругъ него происходитъ, онъ услышалъ, что уже начался судъ Джемса Вильсона по дѣлу объ убійствѣ Генри Карсонса. Писарь громогласно читалъ изложеніе дѣла, и минуты черезъ двѣ послѣдовалъ обычный вопросъ: «что́ вы скажете, виновенъ или не виновенъ?»

Не смотря на то что отвѣтъ уже былъ извѣстенъ, потомучто неизмѣнно и всегда былъ одинъ и тотъ же, — въ присутствіи настало мертвое молчаніе: торжественная тишина привѣтствовала даже и этотъ чисто офиціальный приступъ. Подсудимый стоялъ, крѣпко сжавъ губы и пристально смотря на судью — но только тѣлесными очами видѣлъ онъ его; духовный же взоръ его блуждалъ далеко-далеко... Воображеніе какъ-будто представляло въ быстрой перемѣнѣ всю картину прошедшей жизни: сначала мелькнули воспоминанія дѣтства, отецъ такъ гордившійся имъ, своимъ первенцемъ; ми-

Digitized by Google

лый товарищъ дѣтскихъ игръ — рѣдкая Мери; потомъ надежды и любовь... отчаяніе, и все-таки любовь, и пустота въ мірѣ, и тоска въ жизни безъ ея отвѣтной любви; потомъ мать, бездѣтная мать, но немалаго уже бездѣтная, скоро и она соединится со всѣмъ, что любила на землѣ, а пока будетъ доживать, то не станетъ мучиться сомнѣніями и опасеніями за дитя свое, — она вѣритъ въ невинность его... И вотъ, внезапно очнувшись отъ своего забытья, онъ произнесъ тихимъ и твердымъ голосомъ:

— Невиненъ, милордъ.

Всѣ обстоятельства убійства, нахожденіе тѣла и улики противъ Джема были извѣстны большей части присутствующихъ почти такъ же какъ намъ съ вами; поэтому во время чтенія обвинительнаго акта, въ публикѣ поднялся маленькій шумъ и завелись разговоры.

— Вонъ, что сидитъ за Вильсономъ, это и есть мистеръ Карсонсъ-отецъ.

— Какая благородная наружность у этого старика! Какое суровое, непреклонное выраженіе и какой классическій профиль! Не правда ли, какъ онъ напоминаетъ нѣкоторые бюсты Юпитера?

— Ахъ, меня больше интересуетъ подсудимый. Я вообще ужасно люблю наблюдать преступниковъ. Всматриваешься въ этотъ человѣческій образъ, общій всѣмъ людямъ, и все стараешься уловить въ немъ признаки тѣхъ злодѣйствъ, которыми они выдѣлились изъ людей массы. Я таки довольно видѣлъ убійцъ, на своемъ вѣку, но признаюсь, мнѣ рѣдко случалось встрѣтить человѣка, съ такимъ рѣзкимъ отпечаткомъ каинова преступленія на лицѣ, какъ вотъ у этого подсудимаго.

— Гм... я конечно не физіономистъ, но лицо его право не производитъ на меня такого дурного впечатлѣнія. Конечно, онъ теперь мраченъ и угрюмъ, но вѣдь это очень естественно въ его положеніи.

— Да вы посмотрите внимательнѣе на его низкій лобъ, выражающій такую рѣшительность, на опущенные глаза, на бѣлыя, стиснутыя губы. Онъ и головы не поднимаетъ, — посмотрите!

— Лобъ у него не очень низокъ, еслибы только откинуть назадъ эти громадные черные волосы, и притомъ форма лба довольно хорошая, по всѣмъ признакамъ. Если и другіе судятъ человѣка по такимъ пустымъ примѣтамъ, то лучше бы ужъ тюремный цирюльникъ остригъ этого молодца прежде суда. А что касается до опущенныхъ глазъ и стиснутыхъ губъ, то это происходитъ отъ его теперешней

Digitized by Google

ажитаціи. Повѣрьте, мой милый, что къ нравственности подсудимаго это нимало не относится.

Бѣдный Джемъ! Даже и великолѣпные волосы твои, которыми такъ гордилась нѣжная мать, послужили теперь къ твоему осужденію!

Позвали свидѣтелей. Сначала къ отвѣту потребовались только полисмены, люди привычные къ дѣламъ такого рода и такъ хорошо знавшіе, чего именно отъ нихъ требуютъ, что всѣ ихъ показанія были кратки, обстоятельны и нимало не утомили вниманія слушателей.

— Ясно какъ день противъ подсудимаго, шепнулъ одинъ изъ писарей другому.

— То-есть черно какъ ночь, сострилъ его собесѣдникъ, и оба улыбнулись.

— Джени Вильсонъ! Это кто? судя по фамиліи, должно быть родственница?

— Родная мать, — та, что даетъ показаніе насчетъ ружья, помните?

— О, да, — какже, помню! Ну плохо же ей, бѣдняжкѣ, я полагаю.

Тутъ оба смолкли, потомучто одинъ изъ чиновниковъ подвелъ мистрисъ Вильсонъ къ скамьѣ свидѣтелей. Я часто называю ее старухой и старушкой, потомучто въ сущности она кажется гораздо старѣе своихъ лѣтъ, а по настоящему ей тогда могло быть немного больше пятидесяти. Частію отъ болѣзни, или отъ ушиба, полученнаго ею еще въ молодости и оставившаго на лицѣ ея слѣды затаеннаго страданія, частію отъ сварливаго нрава, частію отъ горя, или наконецъ отъ прихрамыванья, она всегда была очень старообразна. Но теперь ей казалось далеко за семьдесятъ лѣтъ: всѣ черты лица ея заострились, глаза и щеки впали, кожа сморщилась и походка была чрезвычайно слаба. Она видимо старалась подавить рыданія, успокоиться и безсознательно силилась такъ вести себя, чтобы угодить сыну, котораго она такъ часто огорчала своимъ нетерпѣніемъ и рѣзкостью. Онъ скрывалъ лицо руками, положивъ ихъ на перила рѣшотки, и въ этомъ положеніи оставался почти во все время пока продолжался судъ, что не мало возбуждало публику противъ него. Присяжный адвокатъ началъ допросъ.

— Ваше имя Джени Вильсонъ?

— Да, сэръ.

— Вы мать подсудимаго?

Digitized by Google

— Да, сэръ, повторила она дрожащимъ голосомъ, въ которомъ все еще слышны были слезы; но она усиленно подавила ихъ, желая выказать себя передъ сыномъ какъ можно приличнѣе.

Адвокатъ приступилъ къ важнѣйшей части допроса, клонившейся къ доказательству того, что ружье, найденное на мѣстѣ преступленія, точно принадлежитъ подсудимому. Мистрисъ Вильсонъ съ самаго начала такъ ясно доказала это полисмену, что теперь отпираться было невозможно; и потому, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, ружье внесли въ присутствіе и задали ей положительный вопросъ:

— Это ружье принадлежитъ вашему сыну, не такъ ли?

Въ мучительномъ безсиліи произнесть роковое слово, она ухватилась за перегородку обѣими руками, и наконецъ тоскливо промолвила:

— О, Джемъ, Джемъ! Что мнѣ сказать?

Всѣ головы потянулись впередъ, чтобы разслушать отвѣтъ подсудимаго, хотя на общій ходъ слѣдствія отвѣтъ этотъ не могъ имѣть вліянія. Онъ поднялъ голову, — лицо его выражало полнѣйшее состраданіе къ матери, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердую рѣшимость все вынести, что бы ни выпало ему на долю. Онъ произнесъ:

— Говори правду, матушка.

Такъ она и сдѣлала, съ покорностью малаго ребенка. Каждый изъ присутствующихъ чувствовалъ, что она говоритъ правду и невольно расположился къ матери и сыну, послѣ этого краткаго обращенія ихъ другъ къ другу. Но страшный судья оставался непоколебимъ, присяжные не выказали ни малѣйшаго сочувствія, и адвокатъ торжественно изложилъ передъ судилищемъ всѣ обстоятельства дѣла, упомянувъ между прочимъ объ отсутствіи Джема изъ дому въ тотъ вечеръ какъ совершилось убійство, и вообще обо всѣхъ уликахъ противъ подсудимаго.

Чтеніе кончилось. Матери позволили сойти внизъ. Но она не могла долѣе сдерживать порывовъ материнскаго сердца и внезапно обратившись къ судьѣ, котораго считала верховнымъ распорядителемъ судьбы сына, стала говорить своимъ подавленнымъ, прерывающимся голосомъ:

— Ну, сэръ, хоть я и сказала вамъ правду, чистую правду, какъ онъ мнѣ велѣлъ; но вы съ моихъ словъ не вздумайте его осуждать на казнь! О, милордъ, клянусь вамъ, что онъ невиненъ какъ дитя въ утробѣ матери. Вѣдь я мать ему, я его выкормила, вынянь-

Digitized by Google

чила, и съ перваго дня рожденія утѣшалась имъ каждый часъ, такъ мнѣ ли его не знать! Ужь я конечно лучше его знаю, чѣмъ вонъ эти молодцы (она кивнула головою на присяжныхъ и новымъ усиліемъ воли принудила себя отчетливо произносить слова), — они, я думаю, сроду его не видывали до сего дня. Милордъ судья, да онъ такой добрый, такой хорошій, что я не разъ дивилась на него глядя: есть ли на немъ какой грѣхъ? И сколько разъ, бывало, какъ нападетъ на меня сердитый часъ (а я таки бываю сердита), пеняла я на себя, и говорила: неблагодарная я этакая, слѣпая грѣшница, мнѣ ли Господь не послалъ Джема? чего бы еще кажется, какого надо добра послѣ этого? А вотъ Господь и наказалъ меня. Если же Джемъ... если Джема возьмутъ у меня, то останусь я круглой сиротой; и такая буду бѣдная, такая бѣдная, никого у меня больше не будетъ, кто бы душу мою отогрѣлъ, и не могу я на это сказать — да будетъ воля божія! Не могу я, милордъ, нельзя этого!

Рыдая произнесла она послѣднія слова и вышла изъ присутствія, поддерживаемая нѣсколькими служителями правосудія, которые вели ее однакоже съ почтеніемъ и заботливостью, достойными ея великой печали.

Улики шли одна за другою, усиливаясь и умножаясь по мѣрѣ появленія новыхъ свидѣтелей, такъ что грозили вскорѣ окончательно погубить Джема. Уже доказана была подлинность ружья, и то, что за нѣсколько дней до убійства онъ грозился на молодого Карсонса; и даже то, что полиція принуждена была въ то время разнять противниковъ и вмѣшаться въ ихъ ссору, для предупрежденія какой-нибудь крайности. Оставалось доказать, что были достаточно-побудительныя причины къ угрозѣ и къ самому убійству. Полисменъ, слышавшій на улицѣ крупный разговоръ Джема съ Карсонсомъ, передалъ его присутствію и такимъ образомъ навелъ на слѣдъ Мери Бартонъ.

Теперь и ее потребовали къ допросу. Зала присутствія была уже биткомъ набита, но этой частью слѣдствія публика такъ сильно интересовалась, что въ дверяхъ стали тѣсниться новыя толпы.

Старый Карсонсъ почувствовалъ новое сжиманіе сердца при мысли, что сейчасъ увидитъ эту Елену — причину всѣхъ золъ и бѣдъ; онъ ждалъ ея появленія съ смѣшаннымъ чувствомъ участія и отвращенія; потомучто покойникъ вѣдь любилъ ее, да и она можетъ-быть на свой ладъ любитъ и оплакиваетъ то же существо, которое онъ теперь такъ горько оплакиваетъ! Въ тоже время онъ

Digitized by Google

какъ-будто ненавидѣлъ ее, презиралъ ея пресловутую красоту, причину его горя; онъ ревновалъ къ ней своего покойнаго сына, и хотѣлъ бы отнять у ней даже законное право горевать о немъ, о безвременной его кончинѣ. Надо напомнить читателю, что въ публикѣ всѣ считали рѣшеннымъ и подписаннымъ, что красивый, веселый и блистательный, богатый, молодой джентльменъ безъ всякаго сомнѣнія былъ предпочтенъ красавицею этому угрюмому, серьезному кузнецу, который притомъ же долженъ трудами рукъ своихъ заработывать хлѣбъ насущный.

До сихъ поръ ходъ дѣла вполнѣ соотвѣтствовалъ завѣтнымъ надеждамъ и ожиданіямъ мистера Карсонса: на суровомъ лицѣ мстителя, съ котораго казалось навѣки исчезла улыбка, выразилось довольство, родъ какого-то мрачнаго наслажденія.

Всѣ глаза обратились на ту дверь, въ которую входили свидѣтели. Даже Джемъ поднялъ голову и захотѣлъ взглянуть на нее хоть на одинъ мигъ, чтобы потомъ отвернуться отъ ея негодующаго взгляда. Служитель пошолъ за нею.

Она все еще сидѣла въ томъ положеніи, въ которомъ за два часа назадъ видѣлъ ее Джобъ Легъ, въ полуотворенную дверь. Она не шевельнулась съ тѣхъ поръ ни однимъ пальцемъ. Сторожъ окликнулъ ее, но она не тронулась съ мѣста и оставалась до того неподвижною, что онъ сочелъ ее спящею и подошедши тронулъ ее. Она тотчасъ вскочила, быстрыми, поспѣшными шагами послѣдовала за нимъ въ присутствіе и сѣла на скамью свидѣтелей.

И изъ всего этого моря человѣческихъ образовъ, смутно и туманно волновавшихся передъ нею, различала она только двѣ опредѣленныя точки: судью, могущаго осудить, и подсудимаго, которому быть-можетъ суждено умереть.

Мягкіе лучи утренняго солнца заструились чрезъ высокое окно надъ ея головою и освѣтили ея роскошные, золотистые волосы, густыми прядями подобранные подъ маленькій чепчикъ; въ томъ же лучѣ заиграли мошки. Между тѣмъ вѣтеръ на дворѣ перемѣнился — перемѣнился почти въ ту минуту, какъ она перестала наблюдать за флюгеромъ; а она этого не замѣтила, не знала!

Многіе изъ присутствующихъ, ожидавшіе увидѣть красавицу плотную, кровь съ молокомъ — сильно разочаровались при видѣ Мери, потомучто она была блѣдна какъ мертвецъ; лицо ея выражало какую-то странную рѣшимость, а въ глубокихъ, сѣрыхъ глазахъ такъ и просвѣчивала скорбная, смятенная душа. Но нѣкоторые изъ

Digitized by Google

зрителей тотчасъ признали въ ней красавицу иного рода, сіявшую такой высокой, чистой и странной прелестью, что иныхъ она поразила на многіе годы, такъ что ее уже забыть не могли.

Собраніе рябило и путалось въ ея глазахъ; она почти ничего не могла разобрать, кромѣ все тѣхъ же двухъ завѣтныхъ образовъ, и на первый простой вопросъ адвоката кажется объ имени ея и званіи — отвѣчала совершенно машинально, точно во снѣ. Точно также отвѣчала она и на два или три другіе вопроса, все еще отуманенная и не увѣренная, чтобы все это происходило въ дѣйствительности, все еще не проникнувшись сознаніемъ страшной истины.

Какъ вдругъ, сама не зная какъ и отчего, она очнулась. Внезапно нахлынуло на нее сознаніе, что все это правда, что сотни глазъ устремлены на нее, что сама она произноситъ живыя слова, что вотъ этотъ человѣкъ, склонившій голову на руки, не иной кто какъ Джемъ. Лицо ея вспыхнуло яркимъ румянцемъ, но тотчасъ краска сбѣжала и щеки стали еще блѣднѣе прежняго. Боясь самой себя, боясь измѣнить ужасной тайнѣ, сокрытой во глубинѣ души ея, она съ усиліемъ напрягала свои способности, чтобы быть какъ можно внимательнѣе, отвѣчать впопадъ и все понять, о чемъ ее спрашиваютъ. Изощривъ такимъ образомъ свое вниманіе, она услышала слѣдующій вопросъ, сдѣланный молоденькимъ адвокатомъ, крайне довольнымъ, что ему досталось допрашивать именно этого свидѣтеля.

— А позвольте спросить, который изъ поклонниковъ былъ счастливѣе? Вы сказали, что знакомы съ обоими молодыми людьми. Кто же былъ счастливѣе, т. е. котораго вы изволили предпочесть?

Да кто-же онъ, этотъ дерзкій допросчикъ, такъ смѣло проникающій въ ея сердечную тайну? Что за человѣкъ, который осмѣлился, при цѣломъ собраніи незнакомаго народа, спрашивать то, что́ женщина со слезами, съ краскою на лицѣ, повѣряетъ обыкновенно одному только человѣку, наединѣ, да и то не вдругъ?

Лицо Мери выразило живѣйшее негодованіе: она холодно и твердо посмотрѣла въ глаза дерзкому адвокату. Но въ ту же минуту она замѣтила, какъ дрогнула фигура человѣка, стоявшаго тамъ, въ углу, за адвокатомъ, какъ двѣ руки мгновенно опустились внизъ и какъ въ ея сторону обратилось лицо — проникнутое такою неизъяснимою любовью, такой неисходной печалью, такою мучительною боязнью въ ожиданіи ея отвѣта, что она въ ту же минуту рѣшилась на все. Настоящая минута всего важнѣе, — будущее представля-

Digitized by Google

лось ей неизмѣримой, мертвенной пустыней, мысль о немъ повергала ее въ безуміе. Но *теперь* пришла пора сознаться въ своей ошибкѣ, пора сознаться даже въ своей любви. Да, именно теперь, когда онъ, возлюбленный, всѣми покинутъ, осуждаемъ и преслѣдуемъ, теперь-то и не стыдно признаваться въ любви къ нему. И такъ, она медленно обернулась къ судьѣ, частію для того, чтобы доказать противному допросчику, что она не съ нимъ имѣетъ дѣло, частію, чтобы скрыть свое лицо и самой не видѣть того, другого, который такъ мучительно ожидалъ ея страшнаго отвѣта.

— Меня спрашиваютъ, котораго изъ двухъ я больше любила? Прежде можетъ-быть мнѣ нравился мистеръ Гарри Карсонсъ — право не знаю, — забыла; но подсудимаго, Джемса Вильсона, я любила больше всего на свѣтѣ, любила невыразимо, и теперь люблю еще сильнѣе, хотя до сихъ поръ онъ никогда не зналъ объ этомъ ни слова. Изволите видѣть, сэръ, я лишилась матери тринадцати лѣтъ отъ роду, когда еще не знала ни добра, ни худа; а была я тщеславна, глупа, неопытна, и любила слушать какъ прославляли мою наружность. Тутъ повстрѣчалась я съ бѣднымъ этимъ молодымъ Карсонсомъ; онъ меня замѣтилъ, сталъ увѣрять, что любитъ меня; а я, по глупости своей, думала, что онъ затѣваетъ на мнѣ жениться. Ужасна, сэръ, для дѣвочки потеря матери, особливо въ молодыхъ лѣтахъ. Ну, а мнѣ казалось, что хорошо-бы попасть въ барыни, быть богатой и никогда больше не знать нужды и заботы. И сама я не знала, какъ мнѣ дорогъ Джемъ Вильсонъ, до самаго того дня, какъ онъ пришолъ ко мнѣ одинъ разъ съ предложеніемъ жениться на мнѣ, а я отвѣчала рѣзкимъ и жестокимъ отказомъ (Богъ видитъ, сэръ, моя жизнь тогда была несладкая, я была внѣ себя); онъ повѣрилъ на слово и съ того дня покинулъ меня. И я съ тѣхъ поръ ниразу его не видала, не говорила съ нимъ ни полслова, хотя мнѣ очень хотѣлось его видѣть, чтобы показать ему какъ-нибудь, что оба мы поторопились и напрасно разошлись такъ внезапно; потомучто какъ только онъ ушолъ отъ меня тогда, я въ одну минуту узнала навѣрное, кого я люблю — и люблю больше жизни... прибавила она, понизивъ голосъ при этомъ вторичномъ признаніи. — Но такъ какъ джентльменъ спрашиваетъ меня, кого я окончательно предпочитала, то объявляю, что мистеръ Карсонсъ мнѣ только нравился и льстилъ моему самолюбію; а Джемса Вильсона я...

Она закрыла лицо руками, чтобы скрыть яркую краску, покрывавшую ея щеки, шею и даже пальцы.

Digitized by Google

Настала минута молчанія. Рѣчь ея конечно внушила слушателямъ участіе и сожалѣніе къ подсудимому, но она же и усиливала правдоподобность его преступленія. Адвокатъ продолжалъ допросъ:

— Но вѣдь вы видали молодого мистера Карсонса и послѣ отказа, сдѣланнаго подсудимому Вильсону?

— Да, часто видала.

— Слѣдовательно разговаривали съ нимъ въ послѣднее время?

— Собственно разговоръ съ нимъ я имѣла только однажды.

— О чемъ же? Какова была сущность вашего разговора? Сказали ли вы ему, что предпочитаете другого?

— Нѣтъ, сэръ. Я не думаю, чтобы дурно поступила теперь, откровенно высказавъ свои чувства; но тогда, у меня никогда не достало-бы смѣлости признаться одному молодому человѣку въ томъ, что я люблю другого. Я никогда не говорила мистеру Карсонсу о Джемсѣ. Никогда.

— Что-же вы говорили ему во время этого послѣдняго, окончательнаго *разговора*, какъ вы его называете? Если не помните выраженій, то по крайней мѣрѣ передайте точный смыслъ своихъ словъ.

— Постараюсь, сэръ, но хорошенько не припомню. Я ему сказала, что не могу его любить и не желаю болѣе имѣть съ нимъ никакихъ сношеній. Онъ всячески старался переувѣрить меня, уговаривалъ, но я стояла на своемъ и наконецъ убѣжала.

— И никогда съ тѣхъ поръ не говорили съ нимъ?

— Никогда!

— Помните, сударыня, что вы говорите подъ присягою. Скажите-же, говорили ли вы когда либо подсудимому о вниманіи къ вамъ мистера Генри Карсонса? о вашемъ знакомствѣ съ нимъ? Не пытались ли когда нибудь возбудить въ немъ ревность, похваляясь поклонникомъ высшаго полета?

— Никогда. Этого никогда! — проговорила она такъ твердо и рѣшительно, что въ истинѣ этихъ словъ не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Не знаете ли вы, до какой степени ему извѣстны были сношенія ваши съ мистеромъ Карсонсомъ? Помните присягу.

— Никогда, сэръ. Я ничего не знала до тѣхъ поръ, пока услышала о ссорѣ его съ мистеромъ Карсонсомъ, и о томъ, что Джемъ сказалъ при полисменѣ. Но все это я услышала уже послѣ убійства. Я и до сихъ поръ не могу придумать, кто могъ сказать Джему? О, сэръ, позвольте мнѣ удалиться!

Digitized by Google

Она чувствовала, какъ мало-помалу разсудокъ, власть надъ собою и самыя физическія силы ее оставляли, она рѣшительно тѣряла сознаніе, и лишилась употребленія своихъ членовъ. Заставлять ее долѣе оставаться въ судѣ не было надобности, она свое дѣло сдѣлала, и ее отпустили. Подозрѣнія противъ подсудимаго стали еще сильнѣе; но онъ уже оправился, выпрямился и вся его фигура выражала столько достоинства, рѣшимости и твердости, что это придавало ей какое-то особое достоинство. А между тѣмъ онъ погрузился въ глубокую думу.

Во все это время Джобъ Легъ трудился успокоить и утѣшить мистрисъ Вильсонъ, которая сначала оставалась въ залѣ, чтобы посмотрѣть на свое дѣтище, а потомъ стала рыдать и всхлипывать такъ громко, что принуждена была выйти на свѣжій воздухъ, и тамъ, сидя на ступеняхъ палаты, горько плакала. Неизвѣстно, кто бы принялъ Мери подъ свое покровительство, по выходѣ ея изъ залы, еслибъ не мистрисъ Стерджисъ, добрая жена стараго лодочника; движимая участіемъ къ Мери, она явилась таки въ присутствіе и теперь протѣснилась къ ней, чтобы вывести ее изъ залы.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала ей Мери. Я отсюда не уйду, надо-же наблюдать, смотрѣть, а нето его повѣсятъ!

— О, какъ можно! воскликнула старушка. Его не повѣсятъ, будьте спокойны. Ктому-же и вѣтеръ вовсе перемѣнился, а это вѣдь для него добрый знакъ. Пойдемте-ка, какія вы горячія! То блѣднѣете, то краснѣете — вѣрно вы нездоровы. Пойдемте отсюда.

— Ахъ, ничего я не знаю, только низачто не уйду отсюда, отвѣчала Мери страннымъ поспѣшнымъ шопотомъ, хватаясь за перила, какъ бы изъ страха, чтобы какая нибудь посторонняя сила не увлекла ее прочь. Мистрисъ Стерджисъ стала около нея и терпѣливо выжидала, время отъ времени просовывая голову впередъ и стараясь разсмотрѣть, тутъ ли ея мужъ. И каждый разъ она видѣла его, крѣпко стоящаго на мѣстѣ, глядящаго во всѣ глаза и слушающаго обоими ушами. Жена могла быть увѣрена, что пока не кончится засѣданіе, онъ не уйдетъ, и дома ея не хватится.

Мери продолжала крѣпко держаться за перила: ей надо было на что нибудь опереться, какъ нибудь устоять на мѣстѣ въ этой душной, кружащейся залѣ. Она думала, что если ухватится за что-нибудь жосткое и твердое, ей легче будетъ слушать и понимать, — а то какая страшная боль въ головѣ и какой одурающій трудъ вслушиваться и сознавать все это! Вотъ они всѣ въ морѣ, плывутъ по

Digitized by Google

большимъ, пѣнистымъ волнамъ, и говорятъ всѣ вмѣстѣ, разомъ, и никто не замѣчаетъ, никто не хочетъ слушать ея отца, который велитъ имъ молчать и слушать, что онъ скажетъ. Но вотъ опять, кажется, зала перестаетъ качаться и кружиться — всѣ по мѣстамъ и ей опять можно разсмотрѣть судью: онъ все сидитъ какъ идолъ, неподвижный и важный, въ своихъ регаліяхъ. А противъ него Джемъ, онъ смотритъ на нее и кажется хочетъ сказать: неужели мнѣ умереть за твоего от...? — она страшнымъ усиліемъ принудила себя опомниться и на минуту пришла въ себя. Но мысли ни на минуту не оставались въ порядкѣ: опять, опять все закружилось и спуталось; она все больше теряла сознаніе, все меньше могла владѣть собою, и начала бормотать какія-то несвязныя рѣчи. Ихъ слышала одна мистрисъ Стерджисъ, всѣ остальные слишкомъ заняты были ходомъ дѣла, которое приближалось къ концу.

Адвокатъ подсудимаго избѣгалъ перекрестныхъ допросовъ, предоставляя себѣ право снова призвать свидѣтелей послѣ; инструкціи были ему даны такія неточныя, такія краткія, исходъ дѣла такъ много зависѣлъ отъ показанія посторонняго лица, которое все еще не являлось въ присутствіе, что въ сущности онъ и самъ не зналъ, съ чего начать защитительную рѣчь; до сихъ поръ онъ довольствовался безмолвнымъ наблюденіемъ и только выжидалъ случая представить какой-нибудь законный протестъ. Развалившись въ креслахъ, онъ все нюхалъ табакъ, стараясь придать этому движенію самое презрительное выраженіе; изрѣдка онъ подымалъ брови и обмѣнивался какимъ-нибудь замѣчаніемъ съ мистеромъ Бриджъпортомъ, который сидѣлъ за его спиною.

Бриджъпортъ интересовался дѣломъ несравненно болѣе адвоката, потому быть-можетъ, что въ немъ принималъ участіе старый пріятель его, Джобъ Легъ; а Джобъ между тѣмъ чрезъ Чарли Джонса познакомился съ Беномъ Стерджисомъ, который разсказалъ ему всѣ подробности вчерашняго путешествія Мери: выслушавъ все это, онъ протѣснился къ мистеру Бриджъпорту и передалъ ему всѣ эти свѣденія, а также свои опасенія и надежды.

Впрочемъ Джобъ сообщилъ все это до того кратко, что Бриджъпортъ почти не понялъ и заключилъ только, что время дорого и что надо его выиграть, что и передалъ адвокату, который въ эту минуту всталъ съ мѣста, чтобы начать защитительную рѣчь.

Джобъ, получивъ наконецъ достаточное понятіе о положеніи дѣла, и доставивъ нужныя свѣденія адвокату, сталъ искать Мери.

Digitized by Google

Оглядѣвшись хорошенько, онъ увидѣлъ ее, стоящую рядомъ съ какою-то старушкой очень приличной наружности; лицо Мери было воспалено и тревожно, губы ея безпрестанно шевелились, какъ будто она то и дѣло что-то разсказывала, а глаза, ни на чемъ не останавливаясь, безпрерывно перебѣгали съ одного предмета къ другому, точно она чего-то искала. Джобъ подумалъ, не его ли она ищетъ, и пошолъ проталкиваться къ ней. Но когда онъ наконецъ протѣснился до нея, она на него не обратила никакого вниманія, и какъ онъ съ ней ни разговаривалъ, она все продолжала осматриваться и все такъ же дико поводила глазами. Онъ пытался прислушаться къ ея торопливому бормотанью и услышалъ повтореніе все однихъ и тѣхъ же словъ:

— Мнѣ нельзя сходить съ ума, никакъ нельзя, низачто. Говорятъ, что сумашедшіе высказываютъ всю правду; да это неправда. Вѣдь я всегда была лгунья; право лгунья, а не сумашедшая. Мнѣ и нельзя сходить съ ума, никакъ нельзя, низачто.

Какъ вдругъ она замѣтила, съ какимъ горестнымъ вниманіемъ слѣдитъ за ней Джобъ; рѣзкимъ движеніемъ обернувшись къ нему, она было хотѣла попрекнуть его нахальнымъ подслушиваньемъ, но внезапно увидѣла что-то — или кого-то — кто даже и въ теперешнемъ ея состояніи разомъ сосредоточилъ на себя ея вниманіе. Тогда, сильнымъ взмахомъ поднявъ руки вверхъ, она громко крикнула:

— О Джемъ, Джемъ! Ты спасенъ, а я — безумная! — и въ то же мгновеніе ее схватили судороги. Осторожно и почтительно ее вынесли изъ присутствія, но всеобщее вниманіе уже обратилось въ другую сторону: дверь отворилась и въ залу ворвался какой-то отчаянный матросъ, который черезъ стулья, скамьи и перила, помимо сторожей и полисменовъ, пробирался впередъ, усердно ломая на пути всѣ преграды.

Чиновники сильно противились такому насильственному вторженію, но никакъ не могли убѣдить новоприбывшаго въ необходимости болѣе правильной системы дѣйствія; насилу уломали его отправиться на мѣсто, назначенное ему закономъ, т. е. на скамьи свидѣтелей. Вилль до того измучился мыслію объ опасности, которой въ его отсутствіе подвергался Джемъ, что даже и теперь еще опасался, что вотъ-вотъ схватятъ подсудимаго и повѣсятъ, прежде нежели онъ, Вилль, успѣетъ произнесть свое оправдательное показаніе. Что касается до Джоба Лега, то онъ пришолъ въ совершенное смятеніе, что́ уже видно изъ того, съ какимъ равноду-

Digitized by Google

шіемъ онъ допустилъ добрую мистрисъ Стерджисъ — совершенно ему незнакомую женщину — унесть изъ присутствія несчастную Мери, которая между тѣмъ металась въ конвульсіяхъ.

— Эта-то очнется, отойдетъ! Объ ней думать нечего! думалъ онъ и дрожащею рукой навараксалъ на лоскуткѣ бумаги коротенькую записочку мистеру Бриджьнорту; Бриджьнортъ, съ своей стороны, видя бурное вторженіе Вилля въ замиравшее отъ ожиданія присутствіе, тотчасъ понялъ, что это долженъ быть тотъ самый отсутствующій свидѣтель, который таки явился (лучше поздно чѣмъ никогда) и еще можетъ спасти подсудимаго отъ вѣрной казни. Пока зрители волновались и въ залѣ происходило смятеніе и крики, раздавались приказанія и увѣщанія, обращенныя къ Виллю, а Мери уносили изъ присутствія въ припадкѣ судорогъ, Бриджьнортъ сохранилъ самое адвокатское присутствіе духа, и прежде нежели дошли до него трепетныя каракули Джоба Лега, онъ уже сообразилъ всѣ обстоятельства, вспомнилъ объ отплытіи Вилля на кораблѣ и о томъ, какъ Мери догоняла его, и о томъ, какого рода показаніе могъ онъ принесть въ судъ.

Когда все это было передано джемову адвокату, онъ ободрился; онъ радовался не столько возможности спасти подсудимаго, въ невинности котораго и самъ еще сильно сомнѣвался, сколько случаю блеснуть юридическимъ краснорѣчіемъ и яркими красками описать собранію, какъ «мужественный юноша, уносимый шумными волнами безбрежнаго океана, возвращенъ былъ на берегъ благородными стараніями смѣлой дѣвицы», — и какъ «опасно бываетъ беззавѣтное довѣріе къ шаткимъ основамъ поличныхъ свидѣтельствъ», и проч., и проч. Между тѣмъ допросчикъ картинно скрестилъ руки на груди, поднялъ брови и недовѣрчиво сжалъ губы, какъ бы приготовляясь разбить въ пухъ и прахъ дерзновеннаго свидѣтеля, который осмѣливался приносить ложное показаніе. Ибо, да будетъ всѣмъ извѣстно, что приличія требуютъ считать весьма подозрительными и вздорными тѣ показанія, которыя противорѣчатъ мнѣнію адвокатовъ, получившихъ за поддержки такого мнѣнія значительныя суммы денегъ; и если кто либо изъ свидѣтелей возьмется доказывать, что истецъ, нанявшій адвоката, неправъ, или затѣялъ дѣло ошибочно, то такого свидѣтеля нерѣдко гласно обвиняютъ въ клятвопреступленіи, въ сообщничествѣ и предлагаютъ ему подумать о спасеніи безсмертной души своей.

Но какъ только Вилль отчасти достигъ своей цѣли, какъ только

Digitized by Google

онъ убѣдился, что судья и присяжные выслушаютъ его показаніе отъ начала до конца, и увидѣлъ передъ собою Джема—правда, блѣднаго и исхудалаго, но все же живого и здороваго—такъ онъ мигомъ угомонился, вполнѣ овладѣлъ собою и съ величайшимъ присутствіемъ духа приготовился ясно и разумно отвѣчать на вопросы. Онъ разсказалъ вопервыхъ извѣстную намъ исторію о томъ, какъ передъ истеченіемъ отпуска онъ намѣренъ былъ, согласно давнишнему обѣщанію, навѣстить своихъ родныхъ на островѣ Менѣ; какъ всѣ деньги нечаянно издержалъ въ Манчестерѣ, и потому принужденъ былъ отправиться въ Ливерпуль пѣшкомъ, что и сдѣлалъ въ тотъ самый вечеръ, какъ совершилось убійство; и какъ вплоть до Голлинсъ-Грина провожалъ его пѣшкомъ двоюродный его братъ Джемъ Вильсонъ, нынѣ подсудимый. Онъ чрезвычайно обстоятельно изложилъ всѣ подробности этихъ проводовъ, и потомъ разсказалъ, какимъ страннымъ образомъ его воротили съ дороги въ Америку и какъ онъ мучился опасеніями всякаго рода, пока противные вѣтры задерживали въ морѣ проводную лодку. Присяжные, за полчаса передъ тѣмъ уже составившіе было окончательное мнѣніе, почувствовали, что мнѣніе это самымъ неожиданнымъ и неудобнымъ образомъ поколеблено послѣднимъ показаніемъ. Они до того смѣшались, что были почти благодарны допросчику за то, что онъ всталъ съ грознымъ челомъ и очевидно приготовился опровергнуть показаніе, такъ некстати перепутавшее самое ясное, по ихъ мнѣнію, дѣло. Если нѣкоторые изъ присяжныхъ такъ горячо приняли къ сердцу эту неудачу, то что же долженъ былъ чувствовать старый мистеръ Карсонсъ, при видѣ впечатлѣнія, произведеннаго на всѣхъ свидѣтельствомъ молодого моряка? Все это конечно нимало не поколебало собственной его увѣренности въ преступленіи Джема; въ груди его кипѣла буря; его ненависть, его жажда мести уже избрали искупительную жертву; онъ направилъ всѣ силы и всѣ средства къ вѣрнѣйшей ея погибели, и теперь разочаровать старика въ его любимыхъ надеждахъ, обмануть его ожиданія, было хуже, чѣмъ отнять у голоднаго тигра его готовую добычу. Его страшно поблѣднѣвшее лицо, помутившіеся глаза, искаженныя черты, не давали болѣе ни малѣйшаго понятія о величавыхъ бюстахъ Юпитера.

Допросчикъ, которому предстояло преслѣдовать показаніе Вилля, замѣтилъ измѣнившееся лицо мистера Карсонса, и желая подслужиться ему съ перваго же раза, пересолилъ дѣло оскорбительно дерзкимъ вопросомъ:

Digitized by Google

— Ну, любезный, вы прекрасно разсказали присутствію презанимательную и преумилительную исторію. Теперь кто же можетъ сомнѣваться въ чистѣйшей невинности вашего родственника, подсудимаго? Но вы пропустили одно обстоятельство весьма интереснаго свойства; такое обстоятельство, безъ котораго, по моему мнѣнію, показаніе ваше неполно. Не угодно ли вамъ будетъ сообщить господамъ присяжнымъ, что̀ побудило васъ къ такому интересному повѣствованію? То-есть, какое количество звонкой монеты, съ изображеніемъ нынѣ благополучно царствующей особы, получили вы, или имѣете получить — за то, что явились съ пристани, или покинули для этого какое-нибудь другое, менѣе приличное мѣсто — и произнесли передъ почтеннымъ собраніемъ такую рѣчь (которая; должно сознаться, дѣлаетъ честь своему изобрѣтателю и вашему наставнику)? Помните, сэръ, что вы присягали.

Вилль не вдругъ вникнулъ въ значеніе этой рѣчи, испещренной такими непривычными для его слуха выраженіями, и на минуту даже смѣшался. Но какъ только онъ добрался до смысла, то вспыхнулъ и такъ пристально посмотрѣлъ своими ясными, большими и честными глазами на допросчика, что тотъ въ свою очередь принужденъ былъ потупиться передъ проницательнымъ взглядомъ. Тогда Вилль отвѣчалъ:

— Вотъ лучше вы скажите судьѣ и присяжнымъ, много ли вамъ заплатили за то, чтобы нагло оскорблять человѣка, который какъ передъ Богомъ высказалъ одну святую истину, и ни за какія блага не согласился бы соврать, хотя бы за это посулили ему богатѣйшую взятку, когда либо достававшуюся на долю законниковъ за обдѣлываніе грязныхъ дѣлъ. А, сэръ? скажете что ли? Я съ своей стороны, милордъ (онъ обратился къ судьѣ), готовъ присягнуть хоть тысячу разъ сряду, если того потребуетъ ваша милость или господа присяжные, лишь бы повѣрили моему слову. Да вотъ, я вижу тутъ въ толпѣ кормчаго, О'Бріена, съ которымъ я воротился въ проводной лодкѣ. Не угодно ли кому изъ вашихъ распросить его обо мнѣ?

Это было очень кстати, и адвокатъ подсудимаго тотчасъ приступилъ къ допросу О'Бріена. Кормчій далъ то самое показаніе, которое могло совершенно очистить Вилля отъ подозрѣнія въ подкупѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ погони, слышалъ переговоры, происходившіе между лодкою и кораблемъ, и въ своей собственной проводной лодкѣ привезъ Вилля обратно въ Ливерпуль. Что же касается до самого кормчаго, назначаемаго обыкновенно высшими лицами мор-

Digitized by Google

скаго вѣдомства и выбираемаго изъ числа благонадежнѣйшихъ людей, — его уже никакія подозрѣнія не могли коснуться.

Мистеръ Карсонсъ въ отчаянномъ изнеможеніи прислонился къ спинкѣ своего кресла. Онъ достаточно былъ знакомъ съ ассизными судами вообще, чтобы знать, какъ неохотно сдаются присяжные на самыя очевидныя улики, если по закону уличеннаго слѣдуетъ казнить смертью. Въ то время, когда еще дѣло шло какъ по маслу и подсудимый подвергался наибольшей опасности, Карсонсъ старался умѣрять свои пылкія надежды, соображая, что все-таки присяжные бываютъ въ такихъ случаяхъ очень несговорчивы. Теперь ужь и соображать нечего; ему казалось почти вѣрнымъ, что по какому-то непонятному недосмотру, чья-то посторонняя сила вмѣщалась въ это дѣло, выкинула неожиданную штуку, и вотъ убійца его сына, убійца любимаго дитяти, безотвѣтнаго и ненагляднаго Гарри, все еще не схороненнаго, какъ-нибудь выскользнетъ изъ рукъ, уйдетъ отъ правосудія и отправится себѣ преспокойно поживать на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ уже никогда не суждено сіять его блистательному сыну.

Такъ и случилось. Подсудимый еще разъ закрылъ лицо руками, чтобы скрыть отъ черезчуръ любопытныхъ взглядовъ толпы непобѣдимое волненіе, имъ овладѣвшее; Джобъ Легъ пересталъ толковать съ мистеромъ Бриджнортомъ; Чарли присмирѣлъ; присяжные одинъ за другимъ возвратились и сѣли по мѣстамъ, и судья сдѣлалъ обычный вопросъ, на который долженъ былъ послѣдовать рѣшительный, страшный отвѣтъ...

Рѣшеніе это самимъ присяжнымъ казалось не совсѣмъ удовлетворительнымъ, потомучто они окончательно не были увѣрены въ невинности подсудимаго; признать же его виновнымъ, послѣ послѣдняго показанія, было бы странно; но такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ преступника ожидала смерть — а смертный приговоръ никому не легко произносить надъ ближнимъ, то всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ взятыя легли на вѣсахъ правосудія на сторону Джема, и въ мертвой тишинѣ едва дышавшаго собранія раздалось окончательное «невиненъ»!

Еще минута молчанія — и въ залѣ поднялся смѣшанный говоръ и шопотъ: всѣ вполгососа обсуждали рѣшеніе суда. Джемъ стоялъ неподвижно, съ опущенною головой. Бѣдный малый былъ подавленъ приключеніями послѣднихъ часовъ.

Вступивъ въ залу присутствія, онъ не имѣлъ почти никакой надежды на свое оправданіе, и даже не желалъ жизни, потомучто все

Digitized by Google

ему говорило о равнодушіи или даже о ненависти Мери. Она вѣдь любила другого, и съ ея точки зрѣнія онъ, Джемъ, былъ убійцею ея возлюбленнаго. И вдругъ, въ этой темной пучинѣ неисходной тоски, въ которую облеклось было для него понятіе о жизни, сверкнулъ яркій лучъ невыразимой отрады: Мери сказала, что любитъ его — и вотъ все преобразилось, просіяло, а будущаго въ этомъ мірѣ быть-можетъ не суждено ему... Но онъ ни на чемъ не могъ остановить мыслей кромѣ ея словъ, ея открытаго признанія въ страстной любви къ нему; все остальное какъ-то смѣшалось, спуталось, да онъ и не старался ничего разбирать. Главное въ томъ, что она любитъ его.

И вотъ жизнь, полная милыхъ образовъ, внезапно освѣтившаяся цѣлою радугой отрадныхъ надеждъ, виситъ на волоскѣ, на тончайшей паутинкѣ. Онъ пробовалъ увѣриться, что любовь ея смягчитъ для него и самую смерть. Но ему то-и-дѣло мерещилось, чѣмъ могла бы сдѣлаться *жизнь* заодно съ нею, и онъ тяжело дышалъ, онъ мучился, ждалъ и изнемогалъ отъ неизвѣстности. Появленіе Вилля только усилило муку ожиданія.

Полный смыслъ судейскаго рѣшенія не вдругъ достигъ до его сознанія. Голова у него кружилась, онъ не двигался. Кто-то дернулъ его за рукавъ. Онъ обернулся и увидѣлъ Джоба Лега: по смуглымъ, морщинистымъ щекамъ старика текли обильныя слезы: онъ тщетно пытался оправиться и заговорить какъ слѣдуетъ. Онъ схватилъ руку Джема и сталъ пожимать ее, чтобы какъ-нибудь выразить волновавшія его чувства.

— Ну, ступай же, поворачивайся! Я думалъ, ты радъ будешь отдѣлаться отъ такой штуки! вскричалъ тюремщикъ, успѣвшій между тѣмъ ввести другого блѣднаго подсудимаго, впалые глаза котораго выражали страшное смятеніе, тогда какъ остальныя черты лица его точно окаменѣли.

Джобъ Легъ началъ протѣсняться на выходъ изъ залы и Джемъ безпрекословно за нимъ послѣдовалъ.

Толпа разступилась и многіе поспѣшно подбирали свои платья прочь съ дороги, чтобы не прикоснуться какъ-нибудь къ Джему: атмосфера преступленія еще не развѣялась вокругъ него, и онъ все еще какъ будто причастенъ былъ къ убійству.

Но вотъ онъ вышелъ на открытый воздухъ, онъ снова свободенъ! Хотя иные еще недовѣрчиво на него поглядывали, но друзья радостно обступили его: Джобъ и Вилль изо всѣхъ силъ жали ему

Digitized by Google

руки. Онъ не сопротивлялся, и пріятели поочередно принимались трясти его за руки, ни на минуту не останавливаясь въ этомъ пріятномъ и полезномъ занятіи, между тѣмъ какъ Бенъ Стерджисъ стряхивалъ съ себя «всю эту дурь» и усердно ругалъ Чарли Джонса, зато что тотъ кувыркался и ходилъ на головѣ вокругъ *суженаго* Мери; а въ томъ, что Джемъ ея суженый, теперь не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія. А Джемъ во все это время чувствовалъ только слабость и дурноту; онъ бы далъ Богъ знаетъ что, за право хоть на одинъ часъ остаться одному — хотя бы даже въ маленькой каморкѣ тюрьмы своей, чтобы на свободѣ перебрать въ своей памяти всѣ событія протекшей недѣли и сообразить все, что̀ сулилъ ему въ будущемъ исходъ сегоднишняго утра. Голосомъ, прерывающимся отъ подавленнаго волненія, отъ душившихъ его слезъ, онъ произнесъ наконецъ:

— Гдѣ она?

Его привели въ ту комнату, гдѣ сидѣла его мать. Ей уже разсказали какимъ образомъ оправданъ ея сынъ, и она теперь смѣялась, и плакала, и болтала, и предавалась выраженію всѣхъ чувствъ, сдержанныхъ и затаенныхъ впродолженіе этихъ дней. Когда привели сына, она со слезами бросилась къ нему на шею. Онъ отвѣчалъ на всѣ ея ласки, но все смотрѣлъ по сторонамъ, смотрѣлъ дальше. Кромѣ матери и друзей, пришедшихъ съ нимъ вмѣстѣ, въ комнатѣ никого не было.

— Э, дитятко! сказала она наконецъ, когда голосъ у ней немножко прочистился. — Видишь теперь, что̀ значитъ хорошее-то поведеніе. Вотъ я замолвила за тебя доброе слово, присяжные-то и не посмѣли тебя вѣшать. Да куда! послѣ того, что̀ я имъ о тебѣ говорила, и думать было нечего. Хорошо, что меня-таки пустили ѣхать въ Ливерпуль; да ужь такъ или иначе, пріѣхала бы я, знала, что безъ меня тебѣ плохо будетъ, сокровище мое. Но какой же ты блѣдный и дрожишь весь!

Онъ опять сталъ цѣловать ее, но все оглядывался, все смотрѣлъ вокругъ и опять произнесъ тотъ же вопросъ:

— Гдѣ она?

Digitized by Google

ГЛАВА XXXIII

Ты не бойся палящаго зноя,
Ни холодной зимы, ни снѣговъ:
Ты укрылся въ объятья покоя
Отъ боренія бурныхъ вѣтровъ.

Долгъ житейскій исполнивъ неложно,
Суждено тебѣ мзду получить,
И отнынѣ тебѣ уже можно
Отдыхать, наслаждаться, любить....

Она попала въ такой міръ, въ которомъ до слуха ея не достигали уже ни слова примиренія, ни сладкія надежды, ни ободренія: въ міръ горячешныхъ грезъ, на одрѣ жестокой болѣзни. День за днемъ и часъ за часомъ, вскакивала она то и дѣло, громко умоляя отца своего спасти Джема, или же обращалась къ вѣтру и волнамъ, безжалостнымъ и безучастнымъ, и ихъ молила сжалиться надъ нею; и снова, снова произносила эти безпорядочныя, жалкія мольбы, напрягая для этого свои послѣднія, бѣдныя силы, и измученная падала на постель, съ тихими воплями отчаянной тоски. Ей говорили, что Джемъ живъ и здоровъ, приводили его къ ней; но ни зрѣніе, ни слухъ не служили ей болѣе проводниками внѣшнихъ впечатлѣній, и голосъ человѣческій не пробуждалъ въ ней сознанія.

Одинъ Джемъ понялъ смыслъ нѣкоторыхъ странныхъ ея изрѣченій и догадался, что она, также какъ онъ, почему-то знаетъ или подозрѣваетъ, что убійца Карсонса отецъ ея.

Уже давно (конечно если измѣрять время количествомъ происшествій и думъ, а не часовъ и не ударовъ маятника) Джемъ заподозрилъ Джона Бартона въ убійствѣ Карсонса, и хотя не могъ сообразить за что и почему, но различныя мелкія обстоятельства (въ томъ числѣ и то, что за два дня передъ тѣмъ, Бартонъ взялъ у него на подержаніе ружье), навели Джема на истинную правду. То думалъ онъ, что Бартонъ какъ-нибудь провѣдалъ объ ухаживаньи Гарри Карсонса за дочерью и вздумалъ такъ жестоко отмстить ему за это; то полагалъ, что причиною вражды и мести были извѣстныя столкновенія и горькія размолвки между фабричными и фабрикантами, размолвки, въ которыхъ Бартонъ всегда принималъ такое горячее участіе. Но если Джемъ считалъ своею обязанностью умал-

Digitized by Google

чивать объ этомъ и сохранять тайну даже и тогда, когда молчаніе подвергало опасности его собственную жизнь, и даже послѣ смерти подвергало память его презрѣнію и ненависти Мери, то теперь, когда Мери отдалась ему, онъ считалъ себя во сто кратъ болѣе обязаннымъ беречь ихъ общую тайну и наблюдать, чтобы она какъ-нибудь въ бреду не обличила отца, — она, которая столько для него сдѣлала, такъ мужественно его спасала, и вотъ теперь на столько потеряла разсудокъ и всякую власть надъ собою, что даже не помнила что̀ говоритъ.

Всю ночь Джемъ провелъ на ногахъ, ходя изъ угла въ уголъ въ тѣсномъ домикѣ Бена Стерджиса. Онъ прислушивался къ безпорядочному бреду бѣдной Мери, которая лежала въ маленькой спальнѣ наверху; за нею съ нѣжностью ухаживала мистрисъ Стерджисъ и тихо плакала отъ жалости. Мери произносила отрывочныя фразы, темный смыслъ которыхъ былъ ясенъ для Джема; но мало помалу бредъ ея дошолъ до такихъ отчаянныхъ, неутолимыхъ воплей и раздирающихъ намековъ, что Джемъ не выдержалъ и самъ больной, измученный и печальный сошолъ внизъ; тамъ у камина сидѣлъ спящій Бенъ Стерджисъ, считавшій повидимому своею обязанностью прохранѣть эту ночь въ креслахъ, а не въ постелѣ, чтобы быть въ готовности исполнять различныя порученія, какъ-то сбѣгать къ доктору, въ аптеку, и т. д.

Джемъ не думалъ спать, и не могъ оторвать своего вниманія отъ безпрестаннаго прислушиванья, хотя ничего сколько-нибудь утѣшительнаго разслушать было невозможно. Передъ разсвѣтомъ ему послышался тихій, осторожный стукъ въ уличную дверь; отворять эту дверь конечно было не его дѣло, но такъ какъ Бенъ крѣпко спалъ, онъ разсудилъ, что слѣдуетъ отпереть и посмотрѣть по крайней мѣрѣ кто тамъ стучится, чтобы знать, стоитъ ли безпокоить изъ-за этого хозяевъ. На порогѣ дома оказался Джобъ Легъ, и Джемъ тотчасъ узналъ его въ полусвѣтѣ занимающагося утра.

— Каково ей? Ага! бѣдняжечка, это она тамъ! Что и говорить! Какой странный голосъ однакоже: такъ и скрипитъ. А въ здоровомъ-то состояніи какая она тихонькая, какъ пріятно говоритъ!.. А ты, парень, не опускайся такъ-то, зачѣмъ унывать!

— Какъ же быть, Джобъ! Есть ли человѣческое терпѣнье слушать, какъ такая голубка страдаетъ и стонетъ? Кабы она была мнѣ и совсѣмъ чужая, то кажется нельзя равнодушно слышать: такая молоденькая, и... да что̀ тутъ толковать, Джобъ! Я не могу гово-

Digitized by Google

рить объ этомъ какъ бы слѣдовало мужчинѣ... — Рыданія душили Джема.

— Пусти же меня, что сталъ? сказалъ Джобъ насильно входя въ домъ, потомучто Джемъ все время держался за скобу и заграждалъ ему дорогу: ему не хотѣлось впускать Джоба, чтобы онъ не слышалъ словъ Мери и такъ отлично зная всѣхъ, о комъ она умоминала, не догадался въ чемъ дѣло.

— Я вѣдь пришолъ за дѣломъ, продолжалъ Джобъ: —вопервыхъ надо мнѣ было узнать, каково ей, бѣдной дѣвочкѣ. Вовторыхъ я вчера вечеромъ получилъ отъ Маргариты письмо; она въ большой тревогѣ: докторъ говоритъ, что старуха наша едва ли протянется еще нѣсколько дней, а вѣдь нехорошо будетъ, коли ей придется умирать одной, или хоть бы при Маргаритѣ и мистрисъ Девенпортъ. Вотъ я и придумалъ, что останусь здѣсь присматривать за Мери и ходить за нею, а вы съ Виллемъ возьмите съ собой мать и ступайте проститься съ Алисою.

Печальное лицо Джема еще больше вытянулось. Джобъ продолжалъ:

— Маргарита пишетъ, что она все еще въ бреду, воображаетъ, что она дома, у своей матери; но по моему все-таки слѣдуетъ вамъ туда отправляться: не бросать же старуху на чужія руки, надо чтобы кто изъ своихъ закрылъ ей глаза по крайней мѣрѣ.

— Да развѣ нельзя вамъ съ Виллемъ проводить матушку домой? А я бы къ вамъ пріѣхалъ, когда... попробовалъ отговориться Джемъ.

— Слушай, братъ! рѣзко перебилъ его Джобъ: —кабы ты зналъ, что́ мать изъ-за тебя перестрадала, то не подумалъ бы отъ нея отвертываться на ту самую пору, какъ она тебя чуть не изъ гроба вытащила. Знаешь ли, что она нынѣче ночью меня будила, да и говоритъ: Джобъ, говоритъ, прости что я тебя потревожу, да скажи мнѣ только, неужто это все на яву? Вправду ли Джемъ оправданъ? О, дай Господи, чтобы все это былъ не сонъ! — Она, видишь ли, не можетъ взять въ толкъ, почему ты теперь не съ нею, а съ Мери Бартонъ. Ну хорошо, хорошо! я-то знаю почему. Но ты-то знай, что мать никогда сразу неуступаетъ сыновняго сердца невѣсткѣ, она по клочечкамъ будетъ его отстаивать, и коли уступитъ наконецъ, то все-таки будетъ ворчать. Нѣтъ, Джемъ. Теперь слѣдуетъ тебѣ уѣхать съ матерью, коли вѣруешь въ Бога и желаешь отъ него милости. Она вдова, кромѣ тебя у ней никого нѣтъ. А за Мери не бой-

Digitized by Google

ся: она молода, все вынесетъ и выйдетъ молодцомъ. Добрые люди, что́ пріютили ее, кажется народъ почтенный, а я за нею стану присматривать будто за родною дочерью (которая лежитъ теперь, бѣдняжечка, на холодномъ лондонскомъ кладбищѣ!). Оно конечно, ей все-таки лучше бы быть между своихъ, чѣмъ тутъ-то валяться въ чужомъ домѣ. По моему Джону Бартону гораздо бы приличнѣе сидѣть дома, да смотрѣть за дочерью, чѣмъ прохлаждаться Богъ вѣсть по какимъ городамъ и заниматься не своимъ дѣломъ!

Въ умѣ Джема мелькнула новая мысль, новое опасеніе: что, если Мери въ бреду запутаетъ отца? На всякій случай онъ сказалъ Джобу:

— Ахъ, она такъ ужасно бредитъ! Вотъ всю ночь поминаетъ отца и припутываетъ его ко вчерашнему происшествію въ судѣ. Недостаетъ только, чтобы она вообразила, что и его судятъ такъ же какъ меня.

— Что мудренаго! возразилъ Джобъ. Больные въ ея положеніи мало ли что путаютъ. Всего лучше не обращать на это вниманія. Ну, Джемъ, ступай же съ матерью домой, и оставайся тамъ, пока Алиса не отойдетъ, а всѣ заботы о Мери поручи мнѣ старику.

Джемъ почувствовалъ, что Джобъ совершенно правъ и что спорить нечего, но какъ тяжко, какъ горько сжалось его сердце, когда онъ въ послѣдній разъ подошолъ къ двери спальни и вперилъ долгій, нѣжный прощальный взглядъ на Мери! Она сидѣла въ постели, чудные волосы ея, какъ-то болѣзненно потускнѣвшіе, были распущены въ безпорядкѣ, голова обвязана мокрымъ полотенцемъ, всѣ черты лица искажены безпокойствомъ и болью.

Глаза его наполнились слезами. Надѣяться онъ не умѣлъ, потому что раннія горести сокрушили уже свѣжія силы его души, а теперь всякій предметъ представлялся ему въ особенно черномъ цвѣтѣ. Что́ если она умретъ именно теперь, когда онъ только что овладѣлъ сокровищемъ ея любви! И что́ если (хуже того!) она на всю жизнь останется помѣшанною, бѣднымъ уродцемъ, а сумашедшіе, какъ извѣстно, живутъ иногда подолгу и несмотря на сильнѣйшія страданія, на совершенную безпомощность, достигаютъ глубокой старости...

Джобъ отчасти угадалъ его мысли и тихо проговорилъ: Джемъ!

Тотъ не двигался.—Джемъ! повторилъ Джобъ, желая непремѣнно сосредоточить его вниманіе на своихъ словахъ. Молодой человѣкъ быстро обернулся и это движеніе сорвало съ рѣсницъ его накипѣв-

Digitized by Google

шія слезы. — Надо надѣяться на Бога и въ его рукахъ оставить ее! произнесъ Джобъ. Онъ сказалъ это тихо и медленно, но слова его запали въ душу Джема, и онъ ушолъ съ нѣсколько затихшимъ и смягченнымъ сердцемъ

Несмотря на то что мистрисъ Вильсонъ обязана была спасеніемъ единственно вмѣшательству Мери, Джемъ засталъ ее очень недовольною тѣмъ, что онъ провелъ безсонную ночь у постели бѣдной страдалицы. Она распространилась о важности сыновнихъ обязанностей относительно родителей, и сказала между прочимъ, что эти обязанности выше всѣхъ другихъ. Джемъ задумался и вспомнилъ, что вчера мать чуть ли не понимала этого правила наоборотъ, потомучто изъ угожденія сыну такъ усиленно подавляла свой крутой нравъ и всѣ свои естественныя стремленія. Однако, вспомнивъ о вчерашнемъ, онъ живо представилъ себѣ всѣ обстоятельства того дня, и то что жизнь его висѣла на волоскѣ отъ постыдной казни, и то что во тьмѣ впервые блеснулъ ему тогда лучъ надежды и любви, и сердце его еще болѣе смягчилось, и онъ съ истиннымъ мужествомъ сталъ переносить мелкія шероховатости будничной жизни. А это была заслуга немалая, потомучто послѣ напряжоннаго состоянія, въ которомъ онъ провелъ послѣднюю недѣлю, всѣ нервы его какъ-то ослабли и онъ чувствовалъ себя почти такимъ же раздражительнымъ и брюзгливымъ, какъ бывало мать его.

Алиса была еще жива, не страдала, но и только: трехнедѣльный младенецъ едвали могъ быть физически слабѣе ея, а полугодовой ребенокъ безъ сомнѣнія лучше ея могъ сознавать всѣ окружающіе предметы. Но и въ этомъ состояніи она разливала вокругъ себя какой-то необыкновенный миръ и тишину. Вилль сначала горько расплакался, увидѣвъ свою нѣжную вторую мать близко къ смерти; но и теперь, какъ всегда, въ присутствіи ея нельзя было долго предаваться порывамъ горькаго чувства, громкимъ изъявленіямъ печали. Теплая вѣра, одушевлявшая ее во всю жизнь, оставила дивный свѣтъ свой въ ясныхъ глазахъ старушки, освѣтила все лицо ея какимъ-то неземнымъ отблескомъ. Въ рѣчахъ ея не было уже тѣхъ частыхъ обращеній къ Богу и безпрестанныхъ повтореній священныхъ словъ, какъ бывало прежде, въ здоровомъ состояніи; не было и тѣхъ увѣщаній ближнимъ, которыя обыкновенно произносятъ на смертномъ одрѣ благочестивые люди. Она только и бредила попрежнему счастливыми днями своего веселаго, милаго дѣтства, и дорогими ея сердцу картинами своей сѣверной родины.

Digitized by Google

Зрѣніе давно уже измѣнило ей, а она все еще видѣла старинную обстановку первыхъ лѣтъ, ничѣмъ не обезображенную и не потускнѣвшую въ эти долгіе, трудные годы. Давнишніе покойники для нея ожили во образѣ цвѣтущей юности, и самая смерть пришла какъ новая благодать, словно тихая ночь для усталаго и утомившагося ребенка. Все *здѣшнее* она честно исполнила, работу свою покончила и сдала.

Чего больше желать богатѣйшему и славнѣйшему изъ владыкъ земныхъ?

— Матушка, спокойной ночи! Милая матушка, благословите меня еще разъ. Я очень устала и мнѣ такъ хочется спать!—То были послѣднія слова ея по сю сторону жизни.

Она скончалась на другой день послѣ возвращенія ихъ изъ Ливерпуля. Съ этого времени Джемъ замѣтилъ, что мать ревниво наблюдаетъ за нимъ, стараясь сослѣдить какой-нибудь признакъ его стремленія воротиться къ Мери. Но онъ рѣшилъ уже непремѣнно уѣхать туда какъ только кончатся похороны; ему хотѣлось хоть мелькомъ взглянуть на свою Мери; Джобъ не писалъ ниразу, ему даже и въ голову не приходило, чтобы это могло быть нужно. Если Мери умретъ, онъ самъ успѣетъ извѣстить объ этомъ друзей ея; если она выздоровѣетъ, онъ самъ же привезетъ ее домой. Вообще онъ смотрѣлъ на писаніе какъ на вспомогательное средство при занятіяхъ естественною исторіей, средство приложить бумажку съ толковымъ опредѣленіемъ къ какому-нибудь скорпіону или жуку, но отнюдь не считалъ его средствомъ излагать свои мысли.

Вслѣдствіе этого полнѣйшаго невѣденія насчетъ Мери, Джемъ находился въ постоянномъ волненіи и страхѣ, и въ каждомъ входившемъ человѣкѣ, въ каждой запискѣ, подозрѣвалъ вѣсть о смерти своей суженой.

Выносить этого долѣе онъ не могъ, но рѣшился не тревожить мать и не объявлять ей своего намѣренія до тѣхъ поръ, пока тѣло Алисы не будетъ окончательно предано землѣ.

Въ воскресенье послѣ обѣда они съ искренними слезами похоронили ее. Вилль плакалъ неутѣшно: его обуяло прежнее, чисто-дѣтское чувство одиночества и тоски между «чужими».

Мало-помалу Маргарита приблизилась къ нему, какъ бы ожидая, что онъ къ ней обратится за утѣшеніемъ; вскорѣ пылкое горе его перешло въ тихую грусть, потомъ въ задумчивость, и хотя ему все еще казалось, что радости его навѣки разлетѣлись, но онъ безсо-

Digitized by Google

знательно началъ свыкаться съ мыслью, что Маргарита должна принадлежать ему,—и въ сѣрую ткань будничной жизни стала пробираться яркая, золотая ниточка. Однако, возвращаясь съ похоронъ, онъ велъ подъ руку Джени Вильсонъ, а Маргарита шла съ Джемомъ.

— Маргарита, я ѣду въ Ливерпуль завтра, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ; пора освободить вашего дѣдушку.

— О, я думаю, онъ съ величайшею охотой ухаживаетъ за бѣдной Мери: она почти такъ же дорога ему, какъ и я. Да не лучше ли мнѣ поѣхать? Я все это время такъ пристально занята была Алисою, что это мнѣ и въ голову не входило. Я конечно не могу быть ей такъ полезна какъ всякій другой, но все-таки Мери пріятно будетъ видѣть около себя знакомое женское лицо. Ахъ, какъ мнѣ совѣстно, Джемъ, что я прежде не догадалась! прибавила Маргарита съ очевиднымъ раскаяніемъ.

Но предложеніе ея отнюдь не по сердцу было ея спутнику. Онъ нашолъ, что лучше говорить безъ обиняковъ, и просто объяснить ей свои намѣренія, а то онъ было хотѣлъ схитрить, распространившись о необходимости освободить Джоба Лега, да и напуталъ.

— По правдѣ сказать, Маргарита, мнѣ просто самому хочется ѣхать туда, и ѣхать для себя, а вовсе не для вашего дѣдушки. Я ни дня ни ночи покоя не знаю, думая о Мери. Жить ли ей или умереть, а я считаю ее передъ Богомъ своею женой, все равно какъ-будто мы были обвѣнчаны; а такъ какъ поэтому я имѣю полное право ухаживать за нею, то не уступлю этого права даже и ..

— Отцу ея? подсказала Маргарита, когда голосъ его оборвался на этомъ словѣ.—Да, очень странно, что такая дѣвушка какъ Мери брошена на произволъ судьбы и должна на чужихъ рукахъ выдерживать такую страшную болѣзнь. Джонъ Бартонъ словно въ воду канулъ — никто не знаетъ куда онъ дѣвался, а то я бы попросила Морриса написать къ нему насчетъ Мери. Ужь какъ бы кстати было, еслибы онъ воротился домой!

Джемъ былъ совершенно противнаго мнѣнія.

— У Мери и теперь нѣтъ недостатка въ друзьяхъ, сказалъ онъ. Тѣхъ, у кого живетъ она, тоже можно назвать друзьями, хотя недѣлю тому назадъ мы и не подозрѣвали, что существуютъ такіе люди на свѣтѣ. Но видно самое лучшее средство скоро сблизиться и подружиться, это — заботиться объ одномъ и томъ же предметѣ, имѣть общее дѣло, общее горе. Хозяйка обращается съ нею какъ мать

Digitized by Google

родная, а хозяинъ кажется очень почтенный и хорошій человѣкъ, судя по тому, что́ я успѣлъ развѣдать о немъ. Но вотъ мы уже почти пришли домой, а я все еще главнаго не сказалъ вамъ, Маргарита. У меня до васъ просьба: позаботьтесь немножко о матушкѣ въ мое отсутствіе. Ей оно конечно будетъ не по сердцу, а я еще ничего и не говорилъ ей объ этомъ. Если она будетъ ужь очень недовольна, то я возвращусь завтра къ ночи, если же не очень, то я намѣренъ остаться до тѣхъ поръ, пока не рѣшится судьба Мери, къ добру ли, къ худу ли. Вилль тоже останется съ матушкою, и хоть немного поможетъ вамъ поладить съ нею.

Это послѣднее обстоятельство одно только и было непонутру Маргаритѣ. Она все боялась слишкомъ часто попадаться ему на глаза и какъ-будто навязываться, однако вовсе не хотѣла высказать эту боязнь Джему, который до сихъ поръ повидимому и не подозрѣвалъ, что существуетъ на свѣтѣ какая-нибудь влюбленная пара кромѣ его и Мери.

Маргарита изъявила таки согласіе на всѣ предложенія Джема, хотя далеко не охотно.

— Если вамъ можно будетъ, Джемъ, зайдите пожалуйста къ намъ вечеромъ, я наберу кой-какихъ нужныхъ вещицъ для Мери, и вы тогда скажете мнѣ надолго ли уѣзжаете. Если вы воротитесь завтра къ ночи, и Вилль тамъ будетъ все время, то можетъ-быть мнѣ и незачѣмъ ходить къ вашей матушкѣ?

— Нѣтъ, Маргарита, все-таки сходите! У меня сердце не будетъ на мѣстѣ, если вы не обѣщаете хоть на минуту зайти къ ней. Впрочемъ сегодня вечеромъ я таки зайду къ вамъ. Прощайте. Постойте-ка, — нельзя ли вамъ какъ-нибудь попросить Вилля проводить васъ домой? Мнѣ хочется остаться съ матушкою наединѣ, чтобы поговорить на свободѣ.

Нѣтъ, этого Маргарита не сдѣлаетъ! И вправду, жертва была бы уже слишкомъ велика: это значило вовсе забыть всякій стыдъ и чуть не бросаться на шею Виллю.

Однако все устроилось благополучно: тотчасъ по возвращеніи домой, Вилль, все еще подавленный своею горестью, ушолъ навѣрхъ поплакать на свободѣ. Оставшись вдвоемъ съ матерью, Джемъ немедленно приступилъ къ объясненію.

— Матушка!

Она быстро отняла отъ глазъ смоченный платокъ и обернулась,

Digitized by Google

глядя прямо ему въ лицо. Это движеніе его раздосадовало и онъ не обинуясь объявилъ довольно поспѣшно:

— Матушка! Завтра утромъ я отправляюсь въ Ливерпуль, навѣстить Мери Бартонъ.

— А что за родня тебя Мери Бартонъ, чтобы скакать за нею такимъ манеромъ?

— Коли выздоровѣетъ, — будетъ мнѣ женою, а коли умретъ... ну, лучше и не говорить, что будетъ со мною, если она умретъ.

Голосъ его оборвался.

Мать на минуту растрогалась; но тотчасъ ее кольнуло чувство прежней ревности, еще усилившейся съ тѣхъ поръ какъ этотъ единственный сынъ точно съ того свѣта вернулся къ ней, неожиданно избѣгнувъ страшной опасности. Сердце ея сжалось и очерствѣло, она не почувствовала ни малѣйшей симпатіи къ сыну и отвернулась отъ него. На лицѣ его выразилось то самое серьозное, ребяческое вниманіе, съ которымъ въ былые годы приходилъ онъ къ матери съ какимъ-нибудь вопросомъ или горемъ.

Она заговорила тѣмъ холоднымъ и сдержаннымъ тономъ, котораго именно ожидалъ и опасался Джемъ, смутно угадывая впередъ каждое слово, прежде нежели оно произносилось.

— Ты ужь не маленькій, воленъ дѣлать что вздумаешь. Извѣстно, кому дѣло до старухи-матери и до всего, что она вытерпѣла? первая смазливая рожица всегда затретъ ее. Живо помнится мнѣ, какъ въ прошлый вторникъ я на тебя глядѣла въ судѣ — и мнѣ казалось, что мой ты, весь мой собственный, а судья словно дикій звѣрь, который хочетъ вырвать тебя изъ моихъ рукъ. Я тогда кажется заступилась за тебя, годилась таки на что-нибудь. А теперь можетъ-быть ты и думать забылъ объ этомъ.

— Матушка! Вы знаете, вѣдь вы очень хорошо знаете, что я во всю жизнь неспособенъ забыть всего, что вы для меня сдѣлали— а дѣлали вы очень много. Но почемужъ вы думаете, что въ моемъ сердцѣ только для васъ однихъ и есть мѣсто? Васъ я могу любить все такъ же какъ и всегда, и Мери буду любить, какъ только можно сильнѣе.

Онъ ждалъ отвѣта. Но мать не удостоила его и взглядомъ

— Матушка, отвѣчайте же! сказалъ онъ наконецъ.

— Что мнѣ отвѣчать? Ты кажется ничего не спрашиваешь.

— Ну, теперь спрашиваю. Завтра утромъ я поѣду къ ней, къ своей нарѣченной невѣстѣ. Милая матушка! Благословите ли вы

Digitized by Google

меня на этотъ путь? Если Богу угодно будетъ, чтобы она выздоровѣла, примете ли вы ее въ домъ какъ родную дочь?

Она не рѣшалась ни отказать, ни согласиться. Настало молчаніе.

— Кчему ты туда поѣдешь! спросила она наконецъ сварливо. Опять наскочишь на какую-нибудь исторію. Гораздо лучше сидѣть дома со мною.

Джемъ всталъ и съ отчаяннымъ нетерпѣніемъ зашагалъ по комнатѣ. Она не хочетъ его понять!.. Наконецъ онъ остановился прямо передъ нею. Она сидѣла смирно, съ выраженіемъ оскорбленнаго достоинства и кротости.

— Матушка! Я часто думаю, какой превосходный человѣкъ былъ мой отецъ. Вы мнѣ не разъ разсказывали о первомъ времени вашего знакомства и сватовства, о томъ несчастномъ случаѣ съ колесомъ, о вашей болѣзни и о прочемъ. Какъ давно это было?

— Да ужь лѣтъ двадцать пять тому назадъ! сказала она со вздохомъ.

— Я думаю, какъ вы лежали тогда больныя, вамъ и въ голову не приходило, что вы доживете до теперешнихъ лѣтъ и будетъ у васъ такой молодчина сынъ, какъ я?

Она слегка улыбнулась и взглянула на него. Ему только того и было нужно.

— Ну, тебѣ до отца-то далеко; онъ невпримѣръ былъ краше! сказала она, глядя на него съ нѣжностью, не смотря на свои неободрительныя слова.

Онъ еще раза два прошолся взадъ и впередъ. Ему хотѣлось свернуть разговоръ на свое теперешнее положеніе.

— Хорошее было время, когда батюшка былъ живъ!

— Вотъ ужь что правда, то правда, дитятко. Такого времени мнѣ не дождаться больше на своемъ вѣку.

Она печально вздохнула.

— Матушка!—онъ остановился окончательно и нѣжно взялъ ее за руку.

— Вѣдь вы желали бы, чтобы я былъ такъ же счастливъ какъ отецъ мой былъ въ свое время? Вы вѣдь рады будете, если кто-нибудь сдѣлаетъ меня такимъ же счастливымъ человѣкомъ, какимъ вы дѣлали батюшку? Такъ вѣдь, милая матушка?

— Я далеко не все сдѣлала для его счастья! отвѣчала она тихимъ голосомъ, съ глубокою печалью и раскаяніемъ.—Онъ могъ бы

Digitized by Google

быть гораздо счастливѣе. Но послѣ того несчастнаго случая у меня нравъ сталъ ужасно неровный, и съ тѣхъ поръ уже никогда не поправился. А онъ, голубчикъ мой, скончался, и не знаетъ теперь какъ я горюю о томъ, что подчасъ мучила и донимала его.

— Ну, матушка, это еще неизвѣстно! сказалъ Джемъ успокоительно. — Какъ бы то ни было, вы прожили отлично, какъ дай Богъ всякому. Ну ради его, матушка, не откажите же мнѣ въ своемъ благословеніи: благословите меня ѣхать къ той, которую Господь присудилъ быть моею женою — если когда либо приведется мнѣ жениться. Ради *его*, коли не хотите ради меня самого, постарайтесь полюбить ту женщину, которая будетъ для меня тѣмъ же, чѣмъ вы были для него. А я, матушка, и не прошу у Бога лучшей жены, лучшаго и вѣрнѣйшаго сердца, чѣмъ то, что вы принесли въ домъ отца моего.

Жосткое выраженіе исчезло съ ея лица, — она все еще отворачивалась отъ Джема, но больше потому, что изъ глазъ ея струились слезы, возбужденныя его словами, а не потому чтобы сохраняла какое-либо горькое чувство. Когда же замолкъ его тихій, умоляющій мужественный голосъ, она подняла руки, пригнула голову сына къ своей, и торжественно произнесла:

— Богъ да благословитъ тебя, Джемъ, дорогое дитя мое! да благословитъ онъ и Мери Бартонъ, ради тебя!

Сердце Джема встрепенулось, и съ этой минуты вмѣсто опасеній въ душѣ его возродилась надежда на спасеніе Мери.

— Матушка! Только не скрывайтесь отъ Мери, покажите ей себя въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, и она будетъ любить васъ не меньше чѣмъ я.

Такъ, поперемѣнно улыбаясь, плача и лаская другъ друга, провели они вечеръ въ серьозныхъ разговорахъ.

— Мнѣ еще надо сходить къ Маргаритѣ. Каково? уже десять часовъ, кто бы могъ подумать? Вы, матушка, не ждите меня пожалуйста. Вамъ съ Виллемъ пора на покой, вы оба измучились. Я ворочусь черезъ часъ.

Маргаритѣ вечеръ показался очень длиннымъ и скучнымъ. Она уже совсѣмъ было перестала ждать Джема, когда заслышала его шаги.

Онъ разсказалъ ей о благопріятномъ оборотѣ мыслей мистрисъ Вильсонъ, о своихъ надеждахъ и радостяхъ, но ничего не упомянулъ объ опасеніяхъ.

Digitized by Google

— Какъ подумаешь, сказала она, какъ радость-то сходится съ горемъ! Вотъ вы будете считать свою помолвку съ того дня, какъ мы схоронили милую Алису. Да, скоро забываются покойники!

— Милая Маргарита!.. Но что мудренаго, вы такъ измучились за это время, да и меня заждались сегодня. Только вотъ что я вамъ скажу: если Господу угодно посылать намъ новыя заботы, новыя радости и занятія, хотя бы даже и рядомъ съ свѣжею могилой, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы покойники тутъ же предавались забвенію. Маргарита, вы вѣдь помните наши лица, можете себѣ представить нашу наружность?

— Конечно! Но что же общаго между этимъ и воспоминаніями о бѣдной Алисѣ?

— А вотъ что. Вы вѣдь не безпрестанно стараетесь припоминать наши лица, не то и дѣло трудитесь надъ этимъ; но я увѣренъ, что часто, когда напримѣръ вы засыпаете, или такъ сидите тихо и спокойно, лица наши представляются вамъ вдругъ очень живо и съ любовью на васъ смотрятъ. Вѣрно вы для этого не дѣлаете особыхъ усилій и не считаете своею обязанностью непремѣнно думать о знакомыхъ лицахъ, а все-таки видите ихъ. Такъ и со всѣми, кого мы навѣки теряемъ. Если они при жизни были достойны нашей искренней любви, то мы ихъ и послѣ смерти не забудемъ. Это противно нашей природѣ. И такъ же странно было бы съ нашей стороны упрекать себя въ томъ, что мы предаемся посылаемой Богомъ радости, или въ томъ, что упускаетъ изъ вида наши горести: какъ бы вамъ странно было раскаяваться въ томъ, что вы не безпрестанно припоминаете, какое лицо у вашего дѣдушки или какъ на небѣ горятъ звѣзды. Еслибы вы и хотѣли забыть все это, то не могли бы, потомучто помнить такъ пріятно, такъ хорошо! Не бойтесь же, чтобы я позабылъ объ Алисѣ.

— Я и не думаю, Джемъ — теперь, по крайней мѣрѣ. Только мнѣ показалось, что вы все ужь объ Мери...

— Вспомните однако, какъ давно я сдерживался и терпѣлъ молча. Ахъ, какъ бы рада была милая тетя Алиса, еслибы знала, что мнѣ есть надежда жениться на Мери!.. то-есть конечно если Богу угодно будетъ сохранить ее.

— Въ послѣднія двѣ недѣли она бы ничего этого не поняла, хоть бы вы и сказали ей. Съ самаго вашего отъѣзда ей все представлялось, что она маленькая и бѣгаетъ за своею матерью. Должно-быть въ дѣтствѣ она была пресчастливый ребенокъ! Какъ пріятно ей

Digitized by Google

было вспоминать объ этихъ прошлыхъ временахъ, лежа на смертномъ одрѣ; и такая она стала сѣдая, дряхлая!

— А я никого не зналъ счастливѣе ея, когда она и жива-то была.

— О да, и какъ тихо, спокойно она скончалась! — все думала, что она у матери на рукахъ.

И оба они тихо задумались объ этой мирной, блаженной кончинѣ.

Пробило одинадцать. Джемъ встрепенулся.

— Мнѣ давнымъ-давно пора уходить. Дайте мнѣ узелокъ. Матушку не забудете? Спокойной ночи, прощайте, Маргарита.

Она проводила его и заперла за нимъ дверь. Онъ остановился у крыльца, чтобы поправить узелокъ. Дворъ, улица, все спало; все давно успокоилось въ тихій воскресный вечеръ. Звѣзды мирно свѣтились надъ пустынными улицами и луна все обливала мягкимъ свѣтомъ. Крыльцо, на которомъ стоялъ Джемъ, было въ тѣни.

Послышались тяжолые, медленные шаги по мостовой. Джемъ еще не успѣлъ перевязать своего узелка, какъ на улицѣ показался человѣкъ: слабая, хилая фигура, съ очевиднымъ трудомъ и усиліемъ тащившая изъ сосѣдняго колодца ведро воды; она прошла мимо Джема, повернула за уголъ и тутъ, при свѣтѣ луны, Джемъ узналъ въ этомъ согбенномъ, дряхломъ человѣкѣ съ поникшею головой — Джона Бартона.

Какъ зловѣщее привидѣніе, не могущее управлять своими движеніями, прошолъ онъ однообразнымъ, тяжолымъ шагомъ вплоть до своей двери, вошолъ въ домъ, и тяжолая скоба, звякнувъ за нимъ, прозвучала въ ночной тиши заунывно и жалобно. Потомъ все снова смолкло.

Съ минуту Джемъ стоялъ неподвижно, подавленный мыслями, которыя пробудились въ немъ при видѣ отца Мери.

Маргарита не знаетъ, что онъ возвратился: стало-быть онъ какъ воръ прокрался ночью въ собственное жилище?.. Джемъ и прежде нерѣдко видалъ его мрачнымъ, но въ эту ночь было въ немъ что-то особенное: какъ-будто сокрушила его внутренняя борьба, и утративъ всякое къ себѣ уваженіе, таится онъ и пресмыкается одинъ одинешенекъ.

Сказать ли ему о болѣзни Мери? Джему казалось, что этого не надо, и по многимъ причинамъ. Нельзя было извѣщать о болѣзни, не коснувшись въ то же время многихъ другихъ обстоятельствъ, о

Digitized by Google

которыхъ лучше умолчать при немъ, — пусть уже Мери сама когда-нибудь все объяснитъ ему. До сихъ поръ повидимому никто не думалъ подозрѣвать его въ преступленіи. Ко всему этому примѣшивалось въ сердцѣ Джема величайшее нежеланіе встрѣчаться съ Бартономъ лицомъ къ лицу, такъ какъ онъ не сомнѣвался въ его злодѣяніи.

Конечно, онъ отецъ Мери и это даетъ ему право знать все что́ до нея касается; но предположивъ, что онъ, какъ отецъ, тотчасъ захочетъ видѣть ее, идти къ ней, — кто могъ ручаться за послѣдствія? Въ числѣ множества смѣшанныхъ чувствъ, выражаемыхъ ею въ бреду горячки, вмѣстѣ съ нѣжнѣйшими изъявленіями дѣтской любви къ отцу, выражала она и опасеніе съ нимъ встрѣтиться. Видно было, что она инстинктивно приходитъ въ ужасъ при мысли о томъ, что онъ пролилъ кровь; это обстоятельство какъ бы раздѣляло для нея особу отца на двѣ личности — одну, прежнюю, которая лелѣяла, няньчила и любила ее во всю жизнь, и другую — теперешнюю, которая запятнала себя кровавымъ преступленіемъ и стала причиною всѣхъ ея горестей и бѣдъ.

Каковы же могли быть послѣдствія, еслибы онъ предсталъ передъ нею въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда преобладало именно это чувство?

Джемъ не могъ, не хотѣлъ подвергать ее такимъ ужаснымъ случайностямъ; да поправдѣ сказать, онъ уже считалъ ее болѣе своею, чѣмъ принадлежащею кому бы то ни было въ мірѣ, хотя бы даже предъявитель такихъ правъ на нее былъ человѣкъ, облеченный въ священный санъ отца и незапятнанный никакимъ позорнымъ или преступнымъ дѣломъ. Теперь, по убѣжденію Джема, беречь ее, лелѣять и устранять отъ всякаго зла, — уже его дѣло.

Таковы были мимолетныя думы, ощущенія и мысли Джема, стоявшаго все время на ступени крылечка, послѣ печальной встрѣчи съ этой удрученною тѣнью: онъ все еще продолжалъ смотрѣть вслѣдъ за нею въ опустѣвшее пространство. Но если всѣ эти размышленія покажутся вамъ темными, сбивчивыми, если вы не вдругъ поймете настоящихъ побужденій Джема, то могу васъ увѣрить, что именно изъ нихъ онъ вывелъ слѣдующее рѣшеніе: распоряжаться и дѣйствовать, какъ-будто онъ и не думалъ встрѣчаться съ этимъ призрачнымъ подобіемъ Джона Бартона

Digitized by Google

ГЛАВА XXXIV

Диксвелль.
Прощенье, о! прощенье, и могилу!
Мери.
Богъ видитъ скорбь души твоей, родитель!
А я невольно трепещу при мысли
О томъ, что могъ ты сдѣлать...
Диксвелль.
. . . . О, молчи!
Мери.
Тяжолый жребій палъ тебѣ на долю!
Эллiотъ.

Когда Джемъ вошолъ въ домъ, гдѣ лежала больная Мери, она все еще была въ опасности и жизнь ея висѣла на волоскѣ; доктора боялись сказать что-либо положительное, и большихъ надеждъ не подавали. Однако положеніе ея было уже не такъ томительно для окружающихъ, потомучто она лежала въ совершенномъ забытьи и неподвижности, что происходило частью отъ болѣзни, частью отъ утомленія послѣ всего что ей довелось испытать.

Джему съ своей стороны пришлось теперь испытывать то самое мученіе, которое такъ знакомо всякому, сидѣвшему у постели больного, мученіе гораздо невыносимѣйшее для мужчины нежели для женщины: это ожиданіе перемѣны и безпомощное, однообразное сидѣнье на мѣстѣ, безъ всякаго дѣла и безъ всякой пользы для того, кому такъ хотѣлось бы помочь.

Но наконецъ пришла и награда за долгое терпѣнье: тяжолое дыханіе Мери стало тише и ровнѣе, страдальческое, безпокойное выраженіе лица смягчилось и перешло въ тихое утомленіе и слабость. Она заснула обыкновеннымъ, натуральнымъ сномъ; всѣ окружающіе заходили на цыпочкахъ, начали говорить шопотомъ и сдерживали дыханіе, хотя имъ очень хотѣлось вздохнуть полною грудью и произнесть сердечное благодареніе.

Она открыла глаза. Умъ ея находился въ чисто младенческомъ состояніи: ей нравились красненькіе узоры на обояхъ, ее пріятно успокоивалъ полусвѣтъ отъ опущенныхъ сторъ и нѣсколько развлекали различные предметы, какъ-то рисунки кораблей, фестончики на занавѣсахъ и пестрые букеты, намалеванные на спинкахъ стуль-

Digitized by Google

евъ. Она засмотрѣлась на стеклянный шаръ, въ которомъ насыпанъ былъ разноцвѣтный песокъ съ острова Уайта и который висѣлъ въ амбразурѣ окна. Все это занимало ее такъ полно, что она кажется и не желала иныхъ развлеченій и даже ни о чемъ не спросила мистрисъ Стерджисъ, хотя видѣла, какъ эта добрая женщина стояла надъ нею съ чашкой чая и поила ее съ ложечки.

Она не видала также другого лица, просіявшаго такой законной радостью, такой горячей благодарностью, — не видала ни благоговѣйно сложенныхъ рукъ, ни влажныхъ глазъ, съ тихимъ восторгомъ слѣдившихъ за ея томными движеніями; а если и замѣтила за занавѣскою это заглядывающее, радостное лицо, то была слишкомъ слаба, чтобы остановить на немъ свое вниманіе или сознать, что тотъ, котораго она такъ страстно любила, стоитъ надъ нею и благодаритъ Бога за каждый ея взглядъ, за каждое дыханіе.

Во все продолженіе этого получасового бдѣнія никто не проронилъ ниодного слова, а она снова задремала, и снова начали они шептаться и жестами передавать другъ другу свои отрадныя ощущенія. Джемъ сѣлъ около кровати, и слегка придерживая сторонку полога, смотрѣлъ и не могъ насмотрѣться на блѣдное, измученное личико, съ такими заострившимися чертами.

Она опять проснулась, кроткіе глаза ея раскрылись и встрѣтились съ устремленнымъ на нее взглядомъ. Она тихо улыбнулась, какъ дитя завидѣвшее мать-кормилицу, и продолжала смотрѣть на него все тѣми же дѣтски-чистыми глазами, безсознательно наслаждаясь тѣмъ что видѣла. Мало-помалу сознаніе блеснуло въ этихъ глазахъ, точно она догадалась или что-то вспомнила: блѣдныя щеки окрасились вдругъ яркимъ румянцемъ и она слабымъ движеніемъ попробовала скрыть лицо въ подушку.

Джемъ призвалъ на помощь всю свою силу воли, чтобы сдѣлать то что было нужно въ эту минуту, т. е. отойти и позвать мистрисъ Стерджисъ, которая преспокойно дремала у камина. Исполнивъ это, онъ принужденъ былъ поскорѣе выйти изъ комнаты, чтобы оправиться отъ сильнѣйшаго радостнаго волненія, готоваго вырваться наружу въ каждомъ его движеніи, взглядѣ и звукѣ голоса.

Съ этихъ поръ Мери начала быстро поправляться.

По многимъ причинамъ слѣдовало стараться какъ можно скорѣе отвезть ее домой. Всѣ джемовы дѣла были въ Манчестерѣ. Тамъ жила мать его, тамъ предстояло ему устраивать и свое новое хозяйство.

Digitized by Google

Дѣла его находились теперь въ самомъ безпорядочномъ и неопредѣленномъ состояніи, благодаря павшему на него подозрѣнію и аресту, и присутствіе его на мѣстѣ необходимо было для поправленія всего этого; быть-можетъ репутація его успѣла уже такъ пострадать, не взирая на рѣшеніе присяжныхъ, что въ Манчестерѣ оставаться болѣе не приходилось. Онъ помнилъ какъ недоброжелательно посматривали рабочіе и самъ хозяинъ на одного человѣка, подозрѣваемаго въ какомъ-то преступленіи и случайно попавшаго къ нимъ въ словолитню. Его мучила теперь мысль, какъ онъ самъ почиталъ тогда предосудительнымъ для порядочнаго человѣка, работать вмѣстѣ съ бывшимъ колодникомъ; ему то и дѣло вспоминался этотъ бѣднякъ, съ понуренною головой и унижоннымъ взглядомъ, пришедшій честно заработывать насущный хлѣбъ и таки выгнанный изъ завода косыми взглядами, намеками и отмалчиваньемъ своихъ товарищей.

Джемъ очень хорошо зналъ, что добрая слава его запятнана, что многіе быть-можетъ и до сихъ поръ считаютъ его преступникомъ; что впослѣдствіи онъ можетъ еще безукоризненною жизнью оправдаться въ общемъ мнѣніи, но въ настоящую минуту нужно вооружиться терпѣніемъ и приготовиться къ худшему; чѣмъ скорѣе переживетъ онъ всѣ эти неизбѣжныя испытанія, тѣмъ лучше. Ему хотѣлось бы поскорѣе явиться съ типографію и лично удостовѣриться, какъ будутъ на него смотрѣть. И чудились ему косые взгляды, обидные намеки и всеобщее отчужденіе...

Но была одна причина, по которой Джемъ также и опасался нѣсколько возвращенія Мери домой, по выздоровленіи: ему страшно было подумать объ ожидающей ее тамъ встрѣчѣ.

Какъ ни думалъ, ни гадалъ Джемъ, — никакъ не могъ рѣшиться, что дѣлать. Онъ чувствовалъ въ себѣ силу дѣйствовать всячески, какъ бы трудно или тяжело ни пришлось ему, лишь бы исполнить по совѣсти долгъ свой. Но совѣсть рѣшительно воспрещала ему говорить съ Мери объ отцѣ, при теперешнемъ ея безполезномъ и слабомъ состояніи. Съ однимъ именемъ его связывалось уже столько тяжолаго и мрачнаго! Какъ ни старайся говорить о немъ равнодушно и спокойно, все-таки нельзя такъ притвориться, чтобы не показать ей, что страшная тайна ея ему извѣстна.

Что касается до Мери, то она стала несравненно тише и кротче нежели была когда-либо: послѣ болѣзни всѣ ея движенія, взгляды, голосъ и рѣчи прониклись какою-то особою нѣгой и лаской. Каза-

Digitized by Google

лось, ей не хотѣлось прерывать сладкой тишины даже пріятными звуками своего собственнаго голоса, и мало говорила она даже съ самимъ Джемомъ, который жадно впивалъ каждое ея слово.

Впрочемъ на лицѣ ея написано было столько любви и довѣрія, что Джему не съ чего было пугаться ея частаго безмолвія и разсѣянности. Лишь бы она любила его, все остальное пойдетъ отлично; а щекотливаго предмета, для обоихъ равно тягостнаго, лучше покамѣстъ вовсе не касаться.

Насталъ теплый, ясный день. Мери вышла наконецъ на свѣжій воздухъ, опираясь на руку Джема, плотно прислоняясь къ его радостно-бьющемуся сердцу; а мистрисъ Стерджисъ, стоя на порогѣ своего домика, съ веселымъ видомъ благословляла ихъ на прогулку.

Они дошли до рѣки. Мери вздохнула.

— О Джемъ, отведи меня домой. Эта рѣка словно вся скована изъ тяжолаго, зыбкаго, ослѣпительнаго металла, какъ въ тотъ день, когда я заболѣла.

Джемъ повелъ ее обратно. Она опустила голову такъ низко, какъ будто искала чего на землѣ.

— Джемъ! — Онъ весь превратился въ слухъ; она на минуту остановилась.

— Когда мнѣ можно будетъ домой? то-есть въ Манчестеръ? Мнѣ такъ наскучило это мѣсто, хотѣлось бы на свою сторону.

Она говорила тихимъ голосомъ и безъ всякаго нетерпѣнія, но такъ печально, какъ-будто отъ исполненія своего желанья ожидала большого горя.

— Безцѣнная моя! поѣдемъ куда тебѣ угодно, лишь бы достало у тебя силъ вынести переѣздъ. Я просилъ Джоба сказать Маргаритѣ, чтобы она все приготовила къ твоему пріѣзду. Она будетъ тебя беречь и покоить. Дома тебѣ дѣлать нечего. Джобъ самъ предлагаетъ свою квартиру.

— Да. Но мнѣ надо быть дома, Джемъ. Теперь я постараюсь вести себя хорошенько. О нѣкоторыхъ вещахъ намъ говорить не слѣдуетъ (она понизила голосъ), но сдѣлай милость, не противься моему возвращенію домой. Не будемъ больше говорить объ этомъ; я должна быть дома, и одна.

— Не одна же, Мери!

— Нѣтъ, одна. Я не могу сказать тебѣ, зачѣмъ мнѣ это нужно. Но ты можешь догадаться и тогда вѣрно поймешь, почему я не хочу.

Digitized by Google

больше говорить объ этомъ — по крайней мѣрѣ теперь. Обѣщай, милый Джемъ, обѣщай!

Онъ обѣщалъ. Чтобы угодить этимъ умоляющимъ глазамъ, онъ готовъ былъ обѣщать все на свѣтѣ. Но тутъ же втайнѣ раскаялся и почувствовалъ, что сдѣлалъ глупость. Потомъ разсудилъ, что ей виднѣе, что она знаетъ можетъ-быть больше его, и составила какой-нибудь планъ дѣйствій, въ который ему мѣшаться нечего.

Одно только дурно, что завелся такой предметъ, о которомъ оба не дерзаютъ заговаривать, и молча должны угадывать свои взаимныя мысли по этому поводу, блѣднѣя, отворачиваясь другъ отъ друга и замолкая невольно при каждомъ случайномъ намекѣ!

Въ одинъ прекрасный день Мери оказалась довольно окрѣпшею, чтобъ ѣхать въ Манчестеръ. Ей очень хотѣлось этого, но сердце дрогнуло при мысли о разставаньѣ съ гостепріимнымъ кровомъ, подъ которымъ даже басистая ворчьба Бена Стерджиса не нарушала общаго мира и гармонически сливалась въ пріятный акордъ съ остальными домашними мотивами. Ей грустно было покидать тихую, уютную комнатку, въ которой оказали ей столько нѣжнаго участія; жаль стало даже раздвижного полога у кровати, при мысли, что она никогда больше не увидитъ его. А если неодушевленные предметы внушали ей такія сожалѣнія, то каково было разставаться съ почтенными стариками, принявшими ее подъ свой кровъ и няньчившими какъ родное дѣтище? Тутъ-то вспомнились ей всѣ капризы, всѣ неразумныя требованія, которыми она донимала ихъ въ полусознательной дремотѣ своей болѣзни, и съ горькимъ раскаяніемъ бросившись на шею къ доброй мистрисъ Стерджисъ, она одними только слезами могла ей выразить свою благодарность и любовь.

Бенъ топтался вокругъ ихъ съ четырехгранной бутылкой «золотой водки» въ одной рукѣ и стаканчикомъ въ другой. Онъ подходилъ то къ Мери, то къ Джему, то къ своей женѣ, и каждому наливая полный стаканчикъ, уговаривалъ выпить для подкрѣпленія силъ; но такъ какъ каждый поочередно отказывался, то онъ выпивалъ самъ и снова начиналъ обходить компанію съ тѣмъ же предложеніемъ и тѣми же послѣдствіями.

Проглотивъ третій стаканчикъ, онъ благоволилъ объясниться по этому поводу:

— Терпѣть не могу лишней траты. Налилъ, такъ выпей. Вотъ мое правило! — Сказавъ это, онъ поставилъ бутылку обратно въ шкапъ.

Digitized by Google

Наконецъ онъ же повелительнымъ голосомъ сказалъ Джему и Мери, что пора имъ убираться, потому-де, что опоздаютъ къ поѣзду. Мистрисъ Стерджисъ до тѣхъ поръ держалась молодцомъ; но какъ только молодые люди вышли изъ дому, она не могла удержать слезъ и стала громко рыдать и всхлипывать, несмотря на упреки мужа. Услыхавъ, какъ на колокольнѣ пробило два часа, она встрепенулась и съ невольною, радостной надеждой, воскликнула:

— А можетъ-быть опоздаютъ-таки на желѣзную дорогу!

— Какъ! И опять сюда вернутся? Нѣтъ, нѣтъ! Это пустяки. Мы свое дѣло сдѣлали, поплакали, проводили и будетъ. Нечего снова заводить. А нето, какъ опять провожать придется, надо будетъ совсѣмъ опрастывать ту бутылку; сейчасъ только три чарки вылилъ— расходъ немалый! Пора бы уже Джеку воротиться изъ Гамбурга, да привезть мнѣ еще этой заморской водицы.

Подъѣзжая къ Манчестеру, Мери блѣднѣла все больше и больше, и лицо ея приняло почти суровое выраженіе. Въ сущности, она только подготовляла себя къ свиданію съ отцомъ, на случай если застанетъ его дома. Джемъ никому не заикнулся о полночной встрѣчѣ своей съ Джономъ Бартономъ; но она точно предчувствовала, что гдѣ бы онъ ни странствовалъ, а рано или поздно воротится таки домой. Въ какомъ расположеніи духа она застанетъ его — Богъ вѣсть. Объ этомъ и подумать было страшно. Съ тѣхъ поръ какъ она узнала о способности отца къ преступленію, въ собственномъ ея характерѣ открылась ей какая-то мрачная сторона, которую она также боялась изслѣдовать. Была минута, когда ей со страху захотѣлось просить, чтобы ее избавили отъ ужасной необходимости жить вдвоемъ съ убійцею! Она припоминала его обычную суровость и сосредоточенность въ тѣ времена, когда еще душа его не смущалась памятью о злодѣйствѣ; припоминала раздражительность его и уныніе, и представляла себѣ, какъ они попрежнему будутъ проводить долгіе вечера: она, до поздней ночи изнывая надъ трудною работой; онъ, суровѣе и страшнѣе чѣмъ когда-либо, съ мукою угрызеній въ своей страдальческой душѣ Повременамъ на нее нападалъ такой страхъ отъ этихъ мыслей и картинъ, что хотѣлось кричать и плакать.

Но сознаніе обязанности, дѣтская любовь и благодарность за все добро и ласку, испытанныя отъ него съ ранняго дѣтства, помогли ей побѣдить этотъ ужасъ. Она рѣшилась все выносить, хотя бы каждый день пришлось трепетать и бояться; рѣшилась терпѣливо сносить всѣ неровности его тяжолаго нрава, и не только терпѣливо, но

Digitized by Google

съ глубокою жалостью за нимъ ухаживать, зная, какова страшная участь каждаго убійцы. Она нѣжно будетъ беречь его, какъ подобаетъ невинности охранять виновнаго, выжидая благопріятныя минуты, чтобы при случаѣ пролить на глубокія раны сердца цѣлительный бальзамъ утѣшенія.

Съ невозмутимымъ спокойствіемъ человѣка, искренно рѣшившагося терпѣть до конца, она приблизилась къ дому, который по привычкѣ называла еще своимъ домомъ, но который утратилъ уже всю неприкосновенную святость семейнаго очага.

— Джемъ! сказала она, остановившись у воротъ дворика, за два шага отъ квартиры Джоба Лега. — Поди къ Джобу и тамъ жди меня полчаса, никакъ не меньше. Если черезъ полчаса я не приду, то ступай прямо къ матушкѣ, поклонись ей отъ меня поласковѣй. Я пришлю Маргариту, когда мнѣ нужно будетъ тебя видѣть. — Она глубоко вздохнула.

— Мери, Мери! Не могу я оставить тебя. Ты разсуждаешь такъ холодно, какъ будто мы другъ другу чужіе, а у меня все сердце рвется за тобой. Я знаю для чего ты меня удаляешь, но...

Онъ говорилъ громко и тревожно; она положила руку на его плечо и заглянула еще въ глаза съ нѣжнымъ упрекомъ; всѣ члены ея дрожали и она дрожащими губами сказала ему:

— Милый Джемъ! Я бы часто говорила тебѣ о любви своей, еслибы не высказалась однажды такъ ясно и откровенно на этотъ счетъ, въ извѣстномъ тебѣ случаѣ. Вспоминай о той минутѣ, Джемъ, всякій разъ какъ я покажусь тебѣ холодною. Тогда я охотно и безъ утайки выразила словами все, что у меня было на сердцѣ; а теперь, хотя не говорю о своемъ горѣ при разставаньѣ съ тобою, а любовь въ сердцѣ осталась все та же. Но не время говорить о такихъ вещахъ. Если я теперь не исполню того, что считаю своею обязанностью, то потомъ всю жизнь буду упрекать себя. Джемъ, ты обѣщалъ...

Сказавъ это она ушла, и боясь чтобы онъ все-таки не вздумалъ за нею слѣдовать, прошла дворикъ несравненно быстрѣе, чѣмъ сдѣлала бы это въ другомъ случаѣ. Вотъ и дверь, вотъ желѣзная ручка; одно мгновеніе — и дверь отворилась.

Тамъ сидѣлъ отецъ тихо и неподвижно; онъ даже не обернулся, чтобы посмотрѣть кто вошолъ; а можетъ-быть узналъ походку, угадалъ по движеніямъ и общей манерѣ.

Онъ сидѣлъ у огня, или лучше-сказать у камина, потомучто

Digitized by Google

огня не было. Въ рѣшоткѣ завязли нѣсколько кучекъ холодной сѣрой золы, давнымъ-давно оставшейся отъ горѣвшаго когда-то угля. Онъ занималъ свое обычное мѣсто въ креслахъ, конечно по привычкѣ, руководившей всѣмъ механизмомъ его отжившаго существа. Казалось, вся энергія души и тѣла сосредоточилась гдѣ-то внутри, въ одномъ изъ великихъ хранилищъ жизни, и тамъ изнемогала въ борьбѣ съ сокрушителемъ-врагомъ, совѣстью.

Руки его были сложены, пальцы крѣпко сжаты, что обыкновенно служитъ признакомъ нѣкоторой рѣшимости, силы; но въ немъ такъ очевидно было противное, что положеніе тѣла опредѣлилось совершенно случайно, независимо отъ него самого; казалось, его можно бы свалить съ мѣста однимъ ударомъ соломенки.

Что касается до лица, то оно истомилось и высохло какъ у скелета, съ тою разницею, что такого страдальческаго выраженія у скелетовъ не бываетъ. Нельзя было равнодушно видѣть этого человѣка, какъ бы ни хотѣли вы ожесточиться противъ его злодѣянія.

Но при видѣ этой полной безпомощности, этого глубокаго самоуниженія и страданья, Мери мгновенно позабыла о преступленіи. Мы видѣли, какъ трудно ей было согласить мысль объ отцѣ съ мыслію объ убійцѣ; теперь это стало еще труднѣе: она видѣла въ немъ только отца, своего милаго, дорогого отца! Каковы бы ни были причины его страданій, самыя страданія дѣлали его для нея дороже чѣмъ когда-либо. Злодѣйство какъ-то отошло на задній планъ, утратило для нея свое значеніе.

Она обошлась съ нимъ горячо и нѣжно, стараясь услужить ему и угодить на всѣ лады.

У ней было немного денегъ, остатокъ отъ вознагражденія за роль свидѣтельницы въ судѣ; когда смерклось, она тихонько вышла изъ дому и купила нѣкоторыхъ вещей, необходимыхъ для продовольствія отца.

Непонятно, какимъ образомъ прожилъ онъ и остался въ живыхъ втеченіе послѣднихъ дней, проведенныхъ тутъ въ полномъ одиночествѣ. Мери нашла домъ такимъ же пустымъ, какимъ оставила его: не было ни угля, ни свѣчъ, ни съѣстной провизіи, и никакихъ вообще припасовъ.

Она скоро воротилась домой, но проходя мимо двери Джоба Лега, пріостановилась. Джемъ, безъ сомнѣнія, давно уже отправился домой и вѣроятно какъ-нибудь убѣдилъ Маргариту не ходить сегодня къ подругѣ, иначе она бы уже пришла къ Мери.

Digitized by Google

Но завтра... завтра вѣдь она придетъ непремѣнно! А кто какъ не слѣпая Маргарита чуткимъ ухомъ слѣдитъ за всѣми интонаціями, вздохами, прислушивается къ самому безмолвію?

Желая какъ можно скорѣе воротиться къ отцу, Мери не стала больше раздумывать; однако безсознательнымъ движеніемъ отворила дверь къ квартиру Джоба, сама не зная, что́ сказать.

— Это Мери Бартонъ! Я ее узнала по дыханію, дѣдушка! Это Мери Бартонъ.

Радость Маргариты и горячія изліянія ея нѣжности сильно подѣйствовали на Мери: она не могла удержаться отъ слезъ, ослабѣла, смутилась и сѣла на первый попавшійся стулъ.

— Эге! Мери, ты таки поправилась съ тѣхъ поръ какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ. Ну-ка, что́ скажешь, каковы мы съ Джемомъ сидѣлки? Коли всѣ промыслы упадутъ, то я обращусь къ этой службѣ. А Джемъ кажись на всю жизнь законтрактовался? А? Нечего такъ краснѣть, душа моя. Теперь вы порядкомъ, я думаю, объяснились на этотъ счетъ!

Маргарита держала ее за руку и тихо улыбалась.

Джобъ Легъ взялъ свѣчу въ руки и началъ оглядывать Мери въ подробности.

— Вотъ и румянецъ есть въ лицѣ, правда немного. Но когда я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ, у тебя и губы-то были бѣлыя какъ мѣлъ. Носикъ тоже еще немножко осунулся; ты теперь больше прежняго стала похожа на отца. Господи! Да что́ съ тобою? Не опять ли дурно тебѣ?

При имени отца Мери дѣйствительно поблѣднѣла и сжалась; но чувствовала, что теперь-то и надо сказать о немъ что-нибудь.

— Батюшка воротился, сказала она,—но совсѣмъ больной и слабый. Онъ прежде никогда такой не бывалъ. Я даже Джема просила не приходить къ намъ, чтобы какъ-нибудь не обезпокоить отца.

Она говорила поспѣшно и, какъ ей самой показалось, ненатуральнымъ голосомъ; но они повидимому ничего не замѣтили и не обратили вниманія даже на ея намекъ, что всякій визитъ будетъ лишній. Джобъ тотчасъ воткнулъ въ пробку булавку съ какимъ то насѣкомымъ, которое держалъ въ рукахъ, и сказалъ:

— Отецъ воротился! Каково? а Джемъ мнѣ ни слова не сказалъ. И еще боленъ... Сейчасъ пойду, развеселю его маленько болтовней своей. Охъ ужь эти депутаціи, никогда отъ нихъ не жди добра!

Digitized by Google

— О, Джобъ! Батюшка не выдержитъ... батюшка очень боленъ! Не приходите! право, вы очень добры и милы, но сегодня по крайней мѣрѣ...

Она не знала что̀ сказать и въ отчаяньи видѣла, что Джобъ продолжаетъ убирать своихъ мошекъ.—Не приходите, пока я не пришлю за вами или сама не приду. Батюшка теперь въ такомъ положеніи, я думаю ему не годится принимать постороннихъ. Пожалуста не ходите. Я стану каждый день приходить къ вамъ и извѣщать о его здоровьѣ. Мнѣ теперь надо поскорѣе къ нему. Милый Джобъ, добрый Джобъ! Не сердитесь на меня. Еслибы вы знали все, вы бы право пожалѣли меня.

Джобъ между тѣмъ ворчалъ съ самымъ недовольнымъ видомъ и даже Маргарита нѣсколько сдержаннымъ тономъ пожелала ей добраго вечера. Въ эту минуту для Мери очень некстати была чья-либо холодность, тѣмъ больше не могла она перенесть мысли, что эти добрѣйшіе, искренніе друзья сочтутъ ее неблагодарною; поэтому она воротилась отъ двери, и быстро обнявъ Джоба поцѣловала сначала его, потомъ Маргариту. Слезы ручьями текли по ея щекамъ, но она не произнесла больше ни слова и поспѣшно выйдя изъ дому, пошла къ себѣ.

Отецъ все еще сидѣлъ въ той же позѣ, какъ блѣдный призракъ. Онъ отвѣчалъ на ея вопросы (впрочемъ весьма немногочисленные, потому что столькихъ предметовъ нельзя было касаться), но отвѣчалъ односложными словами, слабымъ, тонкимъ, почти дѣтскимъ голосомъ, и ни разу не поднялъ глазъ: онъ не смѣлъ взглянуть на дочь. Говоря съ нимъ, или просто ходя по комнатѣ, она также избѣгала смотрѣть на него. Ей хотѣлось быть какъ всегда, обращаться съ нимъ какъ обыкновенно, но какъ ни усердно она старалась объ этомъ, внутреннее чувство говорило ей, что это невозможно.

Такъ провели они нѣсколько дней. По вечерамъ онъ медленно взбирался по лѣстницѣ наверхъ въ свою спальню, и въ долгіе часы ночи Мери слышала, какъ вырывались изъ его груди глухіе стоны и болѣзненные вопли, обыкновенно сдержанные и глубоко затаенные впродолженіе дня.

Сколько разъ, сидя и прислушиваясь по ночамъ къ этимъ томительнымъ звукамъ, она думала: не легче ли будетъ его бѣдному сердцу, если она пойдетъ и признается ему, что все знаетъ, и жалѣетъ о немъ, и любитъ его больше прежняго?

Дни проходили такъ же однообразно, тяжело и тихо, какъ первый

Digitized by Google

вечеръ горькаго ихъ свиданія. Онъ ѣлъ безъ всякаго удовольствія. Повидимому пища не приносила ему никакой пользы, потомучто съ каждымъ днемъ лицо его становилось призрачнѣе, мертвеннѣе.

Всѣ сосѣди держались отъ нихъ въ сторонѣ. Въ послѣдніе годы Джонъ Бартонъ имѣлъ въ себѣ что-то отталкивающее, что удалило отъ него всѣхъ, кромѣ тѣхъ немногихъ друзей, которые его знали смолоду, или умѣли привлечь его довѣріе и сочувствіе. Кому охота ходить къ человѣку, вѣчно нахмуренному, суровому и погружонному въ глубокую думу. Сосѣди ограничивались изъявленіемъ участія и нѣсколькими добродушными вопросами, въ то время какъ Мери выходила изъ дому или возвращалась къ себѣ черезъ дворикъ. Съ своей тяжолой тайной на душѣ, Мери сдѣлалась подозрительна, и такое сдержанное обращеніе показалось ей крайне страннымъ и значительнымъ. Джоба и Маргариты ей также сильно недоставало: она такъ уже привыкла со всѣми своими горестями обращаться прямо къ нимъ и отъ нихъ ожидать утѣшенія и помощи.

Но всего больше вздыхала она о той роскоши, которою такъ недавно наслаждалась въ обществѣ Джема, — о ежедневномъ, ежечасномъ его попеченіи, нѣжной любви и готовности отвѣвать отъ нея каждую пылинку, каждую черную мысль.

Она знала, что онъ часто бродитъ вкругъ ея дома, хотя въ первые два дня это сознаніе было чисто-духовное. На третій она встрѣтилась съ нимъ у Джоба Лега.

Ее приняли очень хорошо и очевидно старались быть съ нею дружелюбными; но все-таки замѣтно было, что между ними пролегла какая-то сѣрая завѣса, особенно чувствительная для Мери. Что же касается до Джема, то въ его голосѣ, глазахъ и во всякомъ движеніи такъ и видѣлась самая страстная, самая благоговѣйная и довѣрчивая любовь. Довѣріе особенно проявлялось въ томъ, что онъ почтительно избѣгалъ того единственнаго пункта, о которомъ запрещено ему было заговаривать.

Онъ вышелъ отъ Джоба Лега вмѣстѣ съ нею. Они остановились на тротуарѣ: онъ держалъ ее за руку, съ сильнѣйшимъ желаніемъ удержать ее, и спрашивалъ, скоро ли они увидятся опять?

— Матушкѣ такъ хочется тебя видѣть! прошепталъ онъ. — Не можешь ли придти завтра, или когда-нибудь?

— Не знаю, отвѣчала она тихо. Но теперь еще подожди немного — надо подождать. Милый, мнѣ нужно идти къ нему! Милый мой Джемъ!

Digitized by Google

На другой день (четвертый съ пріѣзда въ Манчестеръ), сидя у окна и печально размышляя надъ какимъ-то шитьемъ, Мери увидѣла на дворѣ личность, которую конечно меньше всѣхъ на свѣтѣ желала видѣть: Салли Ледбиттеръ.

Она очевидно шла къ нимъ; чрезъ минуту она постучалась въ дверь. Джонъ Бартонъ безпокойно взглянулъ исподлобья въ ту сторону. Мери знала, что если не вдругъ отворить или отвѣчать, то Салли не задумается войти безъ приглашенія. Поэтому она поспѣшно вскочила съ мѣста, отворила дверь, встала на порогѣ, все время крѣпко держась за скобу, и старалась по возможности загородить дорогу и не допустить любопытную дѣвицу даже заглянуть въ комнату.

— Ну, Мери Бартонъ, воротилась таки наконецъ! Я слышала что ты дома, вотъ и пришла послушать, что́ ты скажешь новенькаго.

Она намѣрена была непремѣнно войти и видѣла, что Мери этого не желаетъ. Поэтому она встала на цыпочки и глядя ей черезъ плечо постаралась увидѣть что́ тамъ такое, втайнѣ надѣясь высмотрѣть какого-нибудь любовника; но вмѣсто того глазамъ ея представилась мрачная фигура суроваго старика, котораго она всегда усердно избѣгала, и быстро спрятавшись опять за Мери, она продолжала разговоръ за дверью и какъ можно тише.

— Ага! такъ и батька-старый воротился! Чтожъ онъ говоритъ о твоихъ дѣяніяхъ въ Ливерпулѣ и прежде? Ты ужь знаешь гдѣ. Теперь, душенька, скрывать нечего, потомучто все напечатано на весь свѣтъ.

Мери тихо вздохнула и попросила Салли перемѣнить разговоръ: онъ и прежде всегда былъ ей непріятенъ, а теперь вдвое хуже отъ той легкости, съ какою Салли трактовала все на свѣтѣ. Еслибы онѣ были однѣ, Мери еще вынесла бы это довольно терпѣливо, — такъ ей казалось по крайней мѣрѣ — но теперь она была почти увѣрена, что отецъ прислушивается: онъ притаилъ дыханіе и какъ будто измѣнилъ свое безучастное положеніе. Однако удержать языкъ любопытной Салли не было никакой возможности: она желала узнать всѣ подробности приключеній Мери; подобно многимъ *барышнямъ* въ заведеніи миссъ Симондсъ, она очень завидовала ея знаменитости, тогда какъ сама Мери считала эту славу самою незавидной!

— Нѣтъ, да отчего же избѣгать разговора объ этомъ? Вѣдь это было и въ «вѣдомостяхъ», и въ «вѣстникѣ», да Дженъ Годсонъ слышала отъ кого-то, что и въ лондонской газетѣ было перепечатано.

Digitized by Google

Ты прославилась какъ настоящая героиня, Мери. А какова тебѣ показалась роль свидѣтельницы? Не правда ли, какіе безстыдники эти адвокаты? Такъ и впиваются глазами. Бьюсь объ закладъ, что ты раскаялась, что не приняла моего предложенія и не надѣла моего чернаго шарфа! Такъ вѣдь, Мери, а? Говори правду.

— По правдѣ сказать, Салли, я объ этомъ и не вспомнила. До того-ли было? сказала Мери съ упрекомъ.

— Ахъ, я и забыла. Ты тогда ужь очень занялась этимъ болваномъ, Джемсомъ Вильсономъ. Нечего сказать! Если мнѣ доведется когда нибудь стать свидѣтельницею въ ассизномъ судѣ, то подцѣплю себѣ дружка почище подсудимаго. Хоть писца какого-нибудь, все же лучше, — или по крайней мѣрѣ тюремнаго сторожа.

Какъ ни грустно было Мери въ эту минуту, но она не могла удержаться отъ улыбки при дикой мысли о подцѣпленіи «дружка» въ такое время, въ такомъ мѣстѣ, особенно при такихъ обстоятельствахъ.

— Мнѣ и въ умъ не приходило высматривать себѣ жениховъ, увѣряю тебя. Только что́ объ этомъ толковать, мнѣ и вспомнить-то тяжело! Какъ поживаетъ миссъ Симондсъ и всѣ другія?

— Все благополучно. Да, кстати: она мнѣ поручила передать тебѣ, что если ты впередъ будешь хорошенько вести себя, то можешь опять приходить работать. Я тебѣ говорила, что послѣ всѣхъ этихъ исторій она рада будетъ взять тебя обратно, для приманки покупателей. Теперь хоть изъ Сальфорда станутъ ѣздить къ намъ въ магазинъ, лишь бы однимъ глазкомъ на тебя взглянуть, и это будетъ продолжаться пожалуй мѣсяцевъ шесть сряду!

— Полно пожалуйста, не пойду я къ миссъ Симондсъ. Мнѣ и взглянуть на нее совѣстно. Да еслибъ и не совѣстно...

Она остановилась и покраснѣла.

— Ахъ! знаю я, о чемъ ты думаешь. Но вѣдь теперь это не вдругъ же сладится, и такъ какъ его изъ типографіи выгнали, то я бы на твоемъ мѣстѣ подумала да и передумала, прежде чѣмъ отказываться отъ миссъ Симондсъ.

— Выгнали изъ типографіи! — Джема? вскрикнула Мери.

— Разумѣется. А ты и не знала? Какже, порядочные люди не захотѣли работать вмѣстѣ съ... Нѣтъ впрочемъ, этого я не буду говорить, потомучто ты все-таки ужасно хлопотала изъ-за этой тамъ очной ставки что ли? Впрочемъ я съ своей стороны и не подумала

Digitized by Google

бы сердиться на горяченькаго молодца, который бы изъ ревности пырнулъ своего соперника. Вонъ въ театрѣ они и все такъ.

Но Мери думала о Джемѣ. Какое добро съ его стороны — ниразу ей не говорить о потерѣ мѣста! И какъ много ужь онъ пострадалъ изъ-за нея!..

— Разскажи-ка мнѣ объ этомъ подробнѣе, сказала она.

— А вотъ видишь, у нихъ у всѣхъ тамъ подѣланы шпаги такія въ комедіи, и какъ только... начала Салли. Но Мери нетерпѣливо тряхнула головою и перебила ее:

— Джемъ-то, Джемъ! я тебя о немъ спрашиваю.

— О-о! о немъ я знаю не больше всѣхъ другихъ. Говорятъ, ему отказали отъ мѣста, потомучто другіе считаютъ, что ты не совсѣмъ его оправдала отъ этаго убійства, хотя можетъ-быть присяжнымъ и въ самомъ дѣлѣ не хотѣлось его вѣшать. Старый мистеръ Карсонсъ ужасъ какъ злится на судью, на присяжныхъ и на всѣхъ тамъ законниковъ. Такъ я слышала.

— Надо идти къ нему... пойду къ нему! шептала Мери поспѣшно и въ волненіи.

— Онъ тебѣ скажетъ, что я всю правду говорила, ничего не соврала, сказала Салли.—А я твоего отвѣта не буду передавать миссъ Симондсъ; ты лучше два раза подумай, разсуди. Прощай покамѣстъ.

Мери затворила дверь и возвратилась въ комнату.

Отецъ сидѣлъ все въ томъ же положеніи, въ той же неизмѣнной позѣ. Только голова его еще больше пригнулась къ землѣ.

Она надѣла шляпку, чтобы идти въ Энкотсъ: ее томило непреодолимое желаніе видѣть Джема, распросить его, утѣшить, увѣрить въ своей любви и преданности.

Въ ту минуту какъ она, передъ выходомъ, наклонилась надъ отцомъ, онъ въ первый разъ заговорилъ добровольно. Но голова его была такъ низко опущена, а голосъ такъ слабъ и глухъ, что она не разслышала и принуждена была вовсе нагнуться къ нему. Помолчавъ еще съ минуту, онъ повторилъ свою фразу:

— Скажи Джему Вильсону, чтобы приходилъ ко мнѣ сегодня, въ восемь часовъ.

Разслышалъ ли онъ разговоръ ея съ Салли Ледбиттеръ? Ей казалось, что онѣ говорили очень тихо. Думая объ этомъ и обо многомъ, она пошла въ Энкотсъ.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXV

« ..О, еслибы онъ жилъ, —
Повѣрьте, на себя онъ самъ бы наложилъ
Со всею строгостью такое покаянье.
Я знаю, онъ горячъ на всякое дѣянье:
И нынѣ, истину святую возлюбя,
Такую муку онъ избралъ бы для себя,
Что лютые враги бы вчужѣ содрогались
И заживо ему грѣхи его прощались».

Соути («Родрикъ»).

Повернувъ въ улицу, гдѣ жили Вильсоны, Мери встрѣтила Джема; онъ подошолъ къ ней такъ внезапно, что она вздрогнула.

— Ты идешь къ матушкѣ? спросилъ онъ, съ нѣжностью взявъ ее подъ руку и умѣряя шаги.

— Да; и ты тоже? О, Джемъ, правда ли это? Скажи мнѣ!

Она знала, что по выраженію ея лица онъ непремѣнно пойметъ ея темный вопросъ. Однако онъ съ минуту промолчалъ и поколебался, прежде нежели отвѣтилъ ей.

— Безцѣнная моя, это правда; я и не хочу скрывать — если ты точно объ этомъ говоришь. Я больше не буду работать въ Дункомбовой словолитнѣ. Теперь, мнѣ кажется, намъ уже нечего таить другъ отъ друга, и если я не сказалъ тебѣ вчера, то просто изъ страха огорчить тебя. Ты не бойся, я скоро найду другую работу.

— Но зачто же тебя выключили, когда присяжные признали тебя невиннымъ?

— Оно вѣдь не то чтобы выключили, но я самъ нашолъ, что лучше оставить это мѣсто. Многіе изъ рабочихъ такъ или иначе выказывали, что имъ непріятно будетъ опять находиться подъ началомъ у меня; иные давно меня знаютъ и вполнѣ во мнѣ увѣрены; но другіе — и этихъ гораздо больше — выразили сомнѣніе на мой счетъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ даже объ этомъ молодому Дункомбу.

— О Джемъ, какъ имъ не совѣстно! сказала Мери съ печальнымъ негодованіемъ.

— Нѣтъ, милая! Я не знаю, зачто же ихъ винить? Эти бѣдняки ужасно стоятъ и держатся за свою репутацію; имъ больше и гордиться-то нечѣмъ, и потому очень натурально, что они боятся всякаго подозрительнаго человѣка и берегутся его какъ заразы.

Digitized by Google

— Но ты... что они отъ тебя видѣли, кромѣ добра? Могли бы кажется узнать тебя короче за это время.

— Нѣкоторые знаютъ; управляющій, я увѣренъ, считаетъ меня невиноватымъ. Онъ даже сказалъ это сегодня; говоритъ, что толковалъ со старшимъ Дункомбомъ и порѣшили, что лучше бы мнѣ хоть на время оставить Манчестеръ. Они хотятъ меня рекомендовать куда-нибудь въ другое мѣсто.

Но Мери все качала своею печальной головкой и повторяла съ грустью:

— Могли бы они лучше знать тебя, Джемъ.

Джемъ сжалъ маленькую ручку въ своихъ жосткихъ, рабочихъ рукахъ. Минуты черезъ двѣ онъ спросилъ:

— Мери, очень ты привязана къ Манчестеру? Скажи мнѣ, большое бы горе для тебя было покинуть эту копченую трущобу?

— Съ тобою? спросила она, тихо и спокойно взглянувъ на него.

— Конечно, душа моя! Въ этомъ-то можешь быть увѣрена, я бы не сталъ тебя просить уѣхать изъ Манчестера покуда я самъ тутъ. Но много хорошаго говорятъ о Канадѣ, а у нашего управляющаго есть тамъ родственникъ, и тоже по типографской части. Ты знаешь ли гдѣ Канада-то, Мери?

— Н... нѣтъ, кажется не знаю. Но вѣдь съ тобою, Джемъ... (голосъ ея понизился до тихаго шопота) все равно...

Послѣ этого что за дѣло до географіи?

— А отецъ? произнесла вдругъ Мери, разомъ прерывая сладкое молчаніе единственной фальшивой нотой своей жизни.

Она взглянула на серьозное лицо своего друга и тутъ же вспомнила о порученіи отца.

— О, Джемъ, я еще не говорила тебѣ?.. Батюшка велѣлъ сказать, что ему тебя нужно зачѣмъ-то; проситъ придти сегодня въ восемь часовъ. Зачѣмъ бы это, Джемъ?

— Не знаю, возразилъ онъ. Во всякомъ случаѣ приду. Мучиться да разгадывать не слѣдуетъ, продолжалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, впродолженіе которыхъ они въ молчаніи ходили по переулку, куда Джемъ завелъ ее при началѣ разговора. — Пойдемъ къ матушкѣ, а потомъ я тебя провожу домой, Мери. Когда я встрѣтилъ тебя, ты вся дрожала: нельзя еще стало-быть отпускать тебя одну въ такую даль, сказалъ онъ, съ любовью преувеличивая ея слабость и безпомощность.

Digitized by Google

Они еще немножко погуляли, обмѣнялись нѣсколькими фразами, въ сущности весьма незначительными, по крайней мѣрѣ для насъ съ вами, но для нихъ имѣвшими полный, драгоцѣнный смыслъ, наполнившій ихъ обоихъ невыразимымъ счастьемъ.

Пробило половина седьмого.

— Пойдемъ, поговори съ матушкою. Она знаетъ, что ты будешь ей дочерью, Мери, дорогая моя.

Они вошли. Джени Вильсонъ уже сердилась на сына, зато что такъ поздно воротился домой. Онъ еще ничего не говорилъ ей о своемъ удаленіи изъ типографіи. У ней была страсть готовить какіе-нибудь съѣстные сюрпризы или маленькія удовольствія для тѣхъ, кого она любила; когда же эти послѣдніе какъ-нибудь запаздывали или являлись не вовремя, она приходила въ волненіе, въ отчаяніе, и какъ только показывались предметы ея стараній и нѣжности, она на нихъ опрокидывалась съ упреками и ворчливымъ брюзжаньемъ; такимъ образомъ постоянно нарушался миръ, единая отрада всякаго семейнаго очага, какъ бы ни былъ онъ бѣденъ и скроменъ, и всѣ домашніе питали особое отвращеніе и ненависть къ ея «упитаннымъ тельцамъ», которые котя и доказывали ея привязанность и нѣжность, но все же нерѣдко причиняли брань и смуты въ домѣ.

Глядя на возрастающую густоту и потомъ жосткость картофельныхъ аладьевъ, которыя готовились къ джемову чаю, мистрисъ Вильсонъ сначала вздыхала, потомъ стала ворчать.

Дверь отворилась и онъ вошолъ. Лицо его такъ и сіяло гордою улыбкой, а Мери Бартонъ, которую онъ велъ подъ руку, краснѣла, конфузилась, и опускала длинныя рѣсницы на яркіе глаза, свѣтившіеся блаженствомъ. Юная чета казалась погружонною въ лучезарную атмосферу счастья.

Чтоже материнское сердце? Неужели оно вовсе погрязло въ картофельномъ тѣстѣ? Нѣтъ, на одно только мгновеніе почувствовала она горечь обиды, досаду за пропавшіе труды свои; потомъ, женская душа переполнилась нѣжнымъ сочувствіемъ къ сыну: она раскрыла объятія и заключивъ въ нихъ Мери, съ радостными слезами шептала ей на ухо:

— Господь съ тобою, Мери, благословляю тебя! Только сдѣлай его счастливымъ, и Богъ съ вами!

Джему не легко было разлучать этихъ двухъ, милыхъ ему существъ, которыя ради его начинали уже такъ много любить другъ

Digitized by Google

друга; но приближалось время, назначенное для свиданія съ Джономъ Бартономъ, а до его квартиры было неблизко.

По дорогѣ къ дому они говорили мало, но шли быстро и много думали.

Солнце еще недавно сѣло, но сумерки начинали сгущаться въ тѣсномъ городѣ. Когда отворилась дверь бартоновой квартиры, Джемъ почти ничего не могъ разсмотрѣть въ комнатѣ, освѣщенной лишь скуднымъ топливомъ камина.

Но Мери все увидѣла разомъ.

Глазъ ея, привычный ко всей обыкновенной обстановкѣ этой комнаты, тотчасъ разсмотрѣлъ, что въ ней было необыкновеннаго,— она увидѣла и все поняла.

Отецъ стоялъ за своимъ кресломъ, и держался за его спинку, какъ бы боялся упасть. Прямо противъ него стоялъ мистеръ Карсонсъ, и рѣзкія черты его суроваго профиля чернымъ силуэтомъ рисовались на огнѣ каминнаго пламени.

За Бартономъ сидѣлъ Джобъ Легъ: опершись локтями на столъ, онъ положилъ голову на руки и очевидно слушалъ, — но какъ глубоко горевалъ о томъ, что приходилось ему слышать.

Въ разговорѣ повидимому произошолъ перерывъ: всѣ съ минуту молчали; Мери и Джемъ стали у полуотворенной двери, не смѣя шевельнуться, затаивая самое дыханіе.

— Такъ ли я разслышалъ? началъ старый Карсонсъ, глухимъ, дрожащимъ голосомъ. — То ли вы сказали? Такъ это вы убили моего сына — моего единственнаго сына? (послѣднія слова отзывались жалобой и неисходною печалью; но тутъ онъ заговорилъ грозно и свирѣпо). Не воображайте, чтобы я расположенъ былъ къ милости и пощадилъ васъ изъ-за того только, что вы сами признались въ своемъ злодѣйствѣ. Говорю вамъ, что ни на волосъ не смягчу наказанія, какое можетъ присудить вамъ законъ: какъ вы не пощадили моего сына, такъ и я не прощу васъ, не пощажу!

— Я и не прошу пощады, возразилъ Бартонъ тихимъ голосомъ.

— Прòсите или не прòсите — мнѣ дѣла нѣтъ. Вы будете повѣшены, слышите — повѣшены! сказалъ Карсонсъ, подступая ближе и повторяя страшное слово съ насмѣшливымъ торжествомъ: ему хотѣлось обдать противника хотя частицею той желчи, что кипѣла въ груди его.

Digitized by Google

Джонъ Бартонъ тяжко дышалъ; но не отъ страха: ему только то казалось ужаснымъ, что онъ успѣлъ внушить такую къ себѣ ненависть, которой исполнено было каждое слово, движеніе и взглядъ стараго Карсонса.

— Что до казни, сэръ, я и самъ знаю, что заслужилъ ее. Это въ порядкѣ вещей. Конечно, вещь ужасная; но вотъ что я вамъ скажу, сэръ, продолжалъ онъ, вдругъ оживляясь и выпрямившись: — еслибы вы повѣсили меня на другой день послѣ преступленія, я бы на колѣняхъ благодарилъ и благословлялъ васъ. Смерть! Господи, что смерть въ сравненіи съ жизнью... съ такою жизнью, какую я тянулъ въ послѣднія двѣ недѣли! Моя жизнь и вообще была благо не великое; но такая жизнь, какъ съ той ночи!.. — Онъ вздрогнулъ при этой мысли. — Да что, сэръ, я неразъ хотѣлъ на себя руки наложить, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ своихъ думъ. А не убился я вотъ почему: испугался, чтобы на томъ свѣтѣ память о злодѣйствѣ не стала меня мучить еще пуще. О, Богу одному извѣстно, какъ грызетъ меня совѣсть, какъ боюсь, чтобы онъ не осудилъ меня за то, что безъ должнаго терпѣнія несу этотъ крестъ, имъ посланный мнѣ — и въ тысячу разъ худшій нежели всѣ казни и висѣлицы, сэръ!

Волненіе прервало его голосъ, онъ на минуту замолкъ и потомъ снова заговорилъ:

— Съ того дня, (можетъ оно и грѣшно съ моей стороны, но что дѣлать!) съ того дня я все думаю: если попаду въ тотъ міръ, гдѣ, говорятъ самъ Господь обитаетъ, онъ можетъ-быть научитъ меня добру и злу, научитъ — хоть и накажетъ. Я таки пострадалъ здѣсь. И еще пройду черезъ адскій огонь съ радостью, лишь бы очиститься отъ грѣха. Страшное это дѣло! А что до казни, то это все пустяки.

Онъ въ изнеможеніи опустился на стулъ, Мери бросилась къ нему. До этой минуты онъ какъ будто и не замѣчалъ ея присутствія.

— Ахъ дитятко! произнесъ онъ слабымъ голосомъ: это ты! Гдѣ же Джемъ Вильсонъ?

Джемъ подошолъ. Джонъ Бартонъ снова заговорилъ, глухимъ, прерывистымъ голосомъ.

— Другъ! ты изъ-за меня много вытерпѣлъ. Допустивъ тебя до этого, я сдѣлалъ худшую подлость въ жизни. И это противъ тебя, за котораго самъ поручусь какъ за дитя новорожденное. Я и не

Digitized by Google

благодарю тебя за это, не благословляю. Благословеніе мнѣ подобныхъ никому въ прокъ не пойдетъ. А Мери ты будешь любить, не смотря на то, что она моя дочь.

Онъ замолчалъ и на нѣсколько минутъ все стихло въ комнатѣ.

Мистеръ Карсонсъ собрался уйти. Взявшись за ручку двери, онъ разъ остановился и помедля немного сказалъ:

— Надѣюсь, вы понимаете съ какими намѣреніями я ухожу: иду прямо въ полицію и сейчасъ пришлю взять тебя, негодяй, и твоего сообщника. Завтра утромъ ты перескажешь свою исторію тѣмъ, которые въ правѣ запрятать тебя въ тюрьму, и скоро ты на дѣлѣ испытаешь, каково бываетъ на висѣлицѣ.

— О, сэръ! вскричала Мери, кидаясь впередъ и хватая мистера Карсонса за руку: — отецъ мой умираетъ! Взгляните на него, сэръ. Если вамъ нужна смерть за смерть, то она уже близка. Оставьте мнѣ его на нѣсколько послѣднихъ часовъ! Онъ и такъ умретъ, позвольте же мнѣ быть при немъ сколько можно дольше. О, сэръ! Если есть въ васъ капля жалости, оставьте его умереть здѣсь!

Джонъ всталъ съ мѣста, прямой и суровый, и сказалъ:

— Мери, дитя мое, я должникъ его! Умру — гдѣ и когда онъ прикажетъ. Ты правду говоришь, я къ смерти близокъ; но что за дѣло, гдѣ проведу остальные часы жизни? Все это время пройдетъ въ борьбѣ душевной, въ битвѣ за добрую славу, за доброе имя на томъ свѣтѣ. Я пойду куда вамъ угодно, сэръ. А онъ невиненъ, прибавилъ онъ слабо, указывая рукою на Джема и снова падая на стулъ.

— Небось! Его не посмѣютъ тронуть! тихо произнесъ Джобъ Легъ.

Мистеръ Карсонсъ опять было повернулся къ двери, съ тѣмъ же неумолимымъ выраженіемъ лица, но еще разъ остановленъ былъ голосомъ Джона Бартона, который опять всталъ и опираясь на Джема произнесъ:

— Сэръ, одно слово! Моя голова посѣдѣла отъ страданій, а ваша отъ старости...

— А развѣ я не страдалъ? сказалъ Карсонсъ, какъ бы желая возбудить сочувствіе или жалость въ убійцѣ своего сына.

И убійца въ душѣ отозвался на этотъ призывъ, и простоналъ при мысли о мукѣ, которой былъ причиною.

Digitized by Google

— А мои волосы развѣ не отъ горя посѣдѣли? Развѣ я не трудился, не изнемогалъ отъ заботъ и работы, безпрестанно переходя отъ опасеній къ надеждамъ, и всѣ свои надежды полагая въ одномъ единственномъ сынѣ? Я не говорилъ тогда о нихъ, но лелѣялъ ихъ въ сердцѣ своемъ. Я казался суровымъ и грубымъ, — можетъ-быть для другихъ я и былъ таковъ, но не для него, нѣтъ! Никому не понять, какъ много, какъ невыразимо я любилъ его! Даже онъ самъ никогда не подозрѣвалъ, какъ у меня сердце прыгало при одномъ звукѣ его шаговъ, какъ дорогъ онъ былъ своему старому отцу! И вотъ онъ умеръ... убитъ .. не услышитъ моихъ рѣчей, не обрадуетъ глазъ моихъ! Онъ, мое солнце, моя радость — навѣки скрылся и навѣки настала для меня темная ночь. О, Господи, поддержи меня, укрѣпи меня! стоналъ старикъ.

Слезы отуманили глаза Джона Бартона. Такъ все равно, что бѣдный, что богатый, хозяинъ ли, рабочій ли, — всѣ равны, всѣ братья по сердцу, по способности къ страданію? Не та ли печаль грызла и убивала его самого, по смерти маленькаго Тома, въ тѣ давно, давно прошедшіе годы, которые казались теперь прожитыми какъ бы въ иномъ мірѣ?

Несчастный, стоявшій передъ нимъ, пересталъ быть для него «хозяиномъ», существомъ чуждаго происхожденія, вѣчнымъ и естественнымъ врагомъ его; хозяиномъ, который цѣлый вѣкъ ходитъ въ золотѣ, ѣстъ на серебрѣ, а сердце носитъ каменное, недоступное никакимъ человѣческимъ интересамъ, исключая торговыхъ; пересталъ онъ казаться ему притѣснителемъ, противникомъ, и представился вдругъ въ видѣ очень бѣднаго, несчастнаго и безнадежнаго старика.

Сочувствіе къ несчастному, состраданіе, составлявшее всегда отличительную черту бартонова характера, наполнило теперь сердце его, и онъ ощутилъ потребность сказать этому бѣдному богачу, изнемогавшему подъ бременемъ горя, теплое слово утѣшенія, надежды.

Но кто же онъ, утѣшитель и ободритель? Точно ли онъ имѣетъ право своимъ участіемъ смягчить страданіе ближняго? Не онъ ли самъ причиною всѣхъ этихъ бѣдъ?

О, сокрушительная мысль! О, тяжкое, подавляющее воспоминаніе! Онъ навѣки утратилъ право помогать ближнему.

Удрученный этою мыслью, уничтоженный сознаніемъ неисчислимыхъ послѣдствій своего злодѣйства, онъ упалъ на стулъ. До

Digitized by Google

сихъ поръ онъ столько же помышлялъ о траурномъ домѣ, о безутѣшныхъ родителяхъ убитаго, какъ солдатъ, спокойно спускающій курокъ, думаетъ о несчастной женѣ и плачущихъ дѣтяхъ, которыхъ онъ въ эту минуту превращаетъ во вдову и сиротъ.

Джонъ Бартонъ смотрѣлъ на свой поступокъ какъ на средство постращать извѣстное сословіе, вѣчно стремящееся поработить другое сословіе и извлечь изъ него наибольшую для себя пользу за наименьшее количество денегъ; онъ имѣлъ въ виду по большей мѣрѣ уничтожить заносчиваго участника важной торговой фирмы, всѣми силами мѣшавшаго возвышенію меньшихъ братій, безпомощныхъ бѣдняковъ. Но даже и съ этой точки зрѣнія, какъ скоро прошолъ первый порывъ увлеченія, онъ не могъ укрыться отъ мстителя, — неизбѣжнаго угрызенія совѣсти.

Теперь же онъ ясно понялъ, что поднялъ руку на человѣка, убилъ брата, и ничего добраго не выйдетъ изъ этого злодѣйства, никому оно не пойдетъ впрокъ, даже и братьямъ-страдальцамъ, для которыхъ онъ рѣшился на страшное дѣло.

Съ сокрушоннымъ сердцемъ опустилъ онъ голову на столъ. Каждое порывистое рыданіе, каждый стонъ, вырывавшійся изъ груди Карсонса, ножомъ врѣзывался ему въ сердце.

Онъ почувствовалъ себя достойнымъ всеобщаго проклятія, и въ тоже время сознавалъ, что безполезно держаться за софизмы и парадоксы, въ силу которыхъ онъ сочелъ своею обязанностью совершить преступленье. А между тѣмъ ему все сильнѣе и сильнѣе хотѣлось чѣмъ-нибудь оправдать себя, дать хотя какое-нибудь объясненіе своему поступку. Слабо поднявъ голову, онъ взглянулъ на Джоба Лега и прошепталъ:

— Я не зналъ что дѣлалъ, Джобъ; Богъ видитъ, что не зналъ О, сэръ! продолжалъ онъ, стремительно бросаясь къ ногамъ Карсонса: скажите, что вы прощаете мнѣ муку, которую я вамъ причинилъ. До моихъ страданій, до смерти, казни, мнѣ право дѣла нѣтъ, — вы это знаете. Но, ради Господа, простите вы мнѣ долгъ мой!

— Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ! произнесъ Джобъ тихо и торжественно, какъ бы на молитвѣ; эти слова показались ему естественнымъ продолженіемъ бартоновой мольбы.

Мистеръ Карсонсъ отвелъ руки отъ лица, подернутаго сумрачною ненавистью.

Digitized by Google

— Пусть мои долги останутся неотпущенными, лишь бы дождаться отмщенія за убитаго сына.

Есть богохульныя дѣла, какъ и богохульныя слова: всякое жестокое, безжалостное дѣло есть въ своемъ родѣ богохульство.

Мистеръ Карсонсъ вышелъ изъ дому, а Джонъ Бартонъ остался на полу, распростертый и почти бездыханный.

Его подняли и съ тайною надеждой на скорый конецъ, отнесли наверхъ.

Нѣсколько времени всѣ молча прислушивались то къ его слабѣвшему дыханью, то къ внѣшнимъ звукамъ со двора: каждый разъ какъ по мостовой раздавались поспѣшные шаги, они думали что то́ идутъ полицейскіе.

Выходя изъ этого дома, мистеръ Карсонсъ былъ въ сильнѣйшемъ волненіи. Голова его кружилась и вся кровь кипѣла. Въ глазахъ у него до того все темнѣло и путалось, что онъ не видѣлъ даже темно-синяго ночного неба. Чтобы хоть нѣсколько оправиться и успокоиться, онъ прислонился къ рѣшоткѣ какого-то дома и безсознательно вперилъ глаза въ небесную твердь, величаво взиравшую мильонами звѣздъ своихъ.

Мало-помалу ему послышался собственный его голосъ, какъ будто отдающійся тамъ, въ безконечномъ пространствѣ: голосъ повторялъ послѣднія слова его, но какъ заунывно, какъ печально!

— Пусть мои долги останутся неотпущенными, лишь бы дождаться отмщенія за убитаго сына!..

Онъ попробовалъ стряхнуть съ себя тяжолое впечатлѣніе этихъ словъ, развлечь свое воображеніе. Онъ былъ въ лихорадочномъ состояніи, ему сильно нездоровилось. Немудрено!

Постоявъ немного онъ направился домой, а не въ полицію, какъ угрожалъ Бартону. Все равно, подумалъ онъ, успѣю и утромъ. Нечего опасаться, чтобы преступникъ скрылся, — во всякомъ случаѣ не уйдетъ.

И онъ старался разогнать незваныя мысли, призраки, голоса, которые туманили его голову; чтобы возстановить духовное равновѣсіе свое, онъ пошолъ тихо и ровно, принуждая себя сознательно смотрѣть на все окружающее.

Былъ тихій весенній вечеръ и на улицахъ много народу. Между прочимъ шла по тротуару нянька съ маленькою дѣвочкой, которую она вела повидимому домой, съ какого-нибудь дѣтскаго праздника, вѣроятно даже съ танцовальнаго вечера, потомучто хоро-

Digitized by Google

шенькая малютка была одѣта въ нарядное бѣлое платье, а чудныя ножки, стараясь поспѣвать за нянькою, все время выдѣлывали какое-то па, мѣрно выбивая тактъ какого-то веселаго мотива

Какъ вдругъ на нее нашолъ сзади мальчикъ лѣтъ девяти или десяти, съ виду комиссіонеръ или носильщикъ, довольно грубый и грязный. Въ сравненіи съ легкою, бѣленькой дѣвочкой, онъ казался зловѣщимъ великаномъ. Не знаю какъ это случилось, но только проходя мимо, онъ невзначай свалилъ дѣвочку съ ногъ, ударилъ ее о мостовую, и не обративъ ни малѣйшаго вниманія пошолъ дальше.

Малютка встала, плача отъ боли, и какъ видно не понапрасну, потомучто съ чистенькаго личика, за минуту предъ тѣмъ такого свѣжаго и нѣжнаго, капала теперь алая кровь и испещряла нарядную тальму крупными пятнами, которыхъ такъ часто боятся маленькія дѣти.

Нянька, женщина сильная и рѣшительная, схватила мальчика за руку въ ту самую минуту, какъ мистеръ Карсонсъ, бывшій свидѣтелемъ всей этой сцены, подходилъ ближе.

— Ахъ ты негодный сорванецъ! Вотъ я тебя отдамъ полисмену, сейчасъ отдамъ! Видишь ли какъ ты ушибъ бѣдную барышню? видишь? — И няня при каждомъ словѣ неистово трясла его за плечо.

Мальчикъ смотрѣлъ сердито и дерзко, но тѣмъ не менѣе замѣтно робѣлъ при имени полисмена — этого уличнаго людоѣда всѣхъ нашихъ повѣсъ. Нянька замѣтила это и стала его насильно тащить впередъ, чтобы, какъ она выражалась, задать ему «хорошенькую острастку».

Ужасъ мальчика возрасталъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гнѣвъ его; какъ вдругъ кроткая малютка, удерживая рыданія, схватила няню за шею и сказала:

— Постой, милая няня, я вѣдь не очень ушиблась. Плакать очень стыдно, я знаю. Онъ вѣдь нечаянно. *Онъ не зналъ что̀ дѣлаетъ*, не зналъ вѣдь, послушай мальчикъ? Няня не будетъ звать полисмена, ты не бойся. — И она протянула губки къ своему обидчику, чтобы онъ ее поцѣловалъ, и по дѣтскому домашнему обычаю, «помирился».

— Вотъ это парень будетъ помнить и впередъ будетъ осторожнѣе, по милости этой крошечной дамочки! — сказалъ какой-то прохожій, не то себѣ, не то Карсонсу, который все время наблюдалъ за дѣтьми.

Digitized by Google

Карсонсъ повидимому не обратилъ вниманія на это замѣчаніе и прошолъ дальше. Но просьба малютки напомнила ему другой тихій, прерывающійся голосъ, недавно обращавшійся къ нему такъ униженно и смиренно, все съ тою же мольбой объ отпущеніи великаго грѣха.

— Я не зналъ что̀ дѣлалъ...

Эти слова пробудили въ его душѣ еще и другое воспоминаніе: онъ ихъ гдѣ-то слышалъ или читалъ, въ томъ же искупительномъ смыслѣ. Гдѣжъ бы это?

Неужели?...

Придя домой онъ непремѣнно посмотритъ, не тамъ ли это. И вотъ, войдя въ свой домъ, онъ прямо, не говоря ни слова, пошолъ наверхъ, въ свою библіотеку, и вынулъ изъ шкапа большую, великолѣпно изданную библію, съ золотымъ обрѣзомъ и застежками. Она была такъ мало въ употребленіи, съ тѣхъ поръ какъ вышла изъ мастерской переплетчика, что съ трудомъ можно было разлѣпить страницы.

На самой первой страницѣ, которую открылъ мистеръ Карсонсъ, попались ему имена дѣтей и его собственное имя.

«Генри Джонъ, сынъ вышеупомянутыхъ Джона и Елисаветы Карсонсъ.

Родился 29-го сентября 1815 г.»

Для порядка слѣдовало теперь вставить число и годъ его смерти. Но страница вдругъ исчезла изъ глазъ старика, отуманившихся слезами.

И потянулись длинной вереницей думы и воспоминанія, начиная съ того дня, когда онъ съ гордою радостью купилъ эту дорогую книгу, чтобы вписать на первой страницѣ день рожденія своего новорожденнаго сына.

Онъ положилъ голову на открытую страницу и слезы медленно катились на нетронутые листы книги.

Убійца сына наконецъ нашолся; онъ самъ сознался въ своемъ злодѣяніи. А между тѣмъ — странно! — Карсонсъ не могъ питать къ нему той страстной ненависти, которую ощущалъ, воображая себѣ убійцу молодымъ, заносчивымъ человѣкомъ, нагло попирающимъ всѣ законы божескіе и человѣческіе. Какъ ни хотѣлось ему удержать въ себѣ мстительныя чувства, которыя онъ считалъ необходимою данью памяти сына, но въ душу прокрадывалась невольная жалость къ бѣдному, изсохшему, сокрушонному подобію чело-

Digitized by Google

вѣка, который исповѣдался передъ нимъ сегодня въ грѣхѣ своемъ и умолялъ его о прощеніи.

Во дни своего младенчества и молодости, мистеръ Карсонсъ былъ бѣденъ и привыкъ къ бѣдности; но то была бѣдность приличная, чистенькая, а не та безобразная, голая нищета, которую онъ замѣтилъ во всѣхъ углахъ бортонова дома и которая такъ странно противорѣчила великолѣпію и комфорту его собственнаго жилища. И онъ погрузился въ непривычныя размышленія о неравенствѣ благъ между братьями-человѣками.

Очнувшись отъ раздумья, онъ обратился къ предмету первоначальныхъ своихъ поисковъ, — евангелію. Тамъ подозрѣвалъ онъ существованіе нѣжнаго, жалобнаго изрѣченія! «Они не знаютъ что дѣлаютъ — не вѣдаютъ что творятъ».

Была уже глухая полночь и въ домѣ все было тихо и спокойно. Ничто не тревожило старика, ничто не прерывало его странныхъ, необычайныхъ занятій.

Много лѣтъ назадъ, евангеліе служило ему букваремъ: по немъ онъ учился читать. Но это было такъ давно, что онъ едва научился тогда помнить по порядку всѣ происшествія, а Духа жизни такъ и не понялъ.

Теперь онъ снова принялся читать сказаніе, съ участіемъ малаго ребенка: начавъ съ начала, онъ продолжалъ почти съ жадностью и въ первый разъ уразумѣлъ смыслъ цѣлаго. Наконецъ онъ дошолъ до конца, — до страшнаго конца — и тутъ встрѣтилъ знакомую, жалобную мольбу.

Закрывъ книгу, онъ впалъ въ глубокое раздумье.

И всю ночь архангелъ боролся съ демономъ...

Другіе всю ночь провели у одра смерти. Джонъ Бартонъ очнулся и былъ въ полной памяти. Повременамъ онъ говорилъ даже почти съ прежнею энергіей, съ прежнимъ грубымъ краснорѣчіемъ.

— Часто я, часто искалъ прямого пути въ жизни; а это задача для бѣднаго человѣка не легкая. По крайней мѣрѣ для меня она была трудна. Никто не научилъ меня, никто не показалъ, гдѣ найти дорогу. Въ дѣтствѣ выучили меня читать, а книгъ никакихъ не дали. Только слышалъ я, что библія хорошая книга. Вотъ, какъ подросъ я, вошолъ въ разумъ и принялся за библію. Но кто же бы зналъ, что черное черно и бѣлое бѣло, еслибы всѣ вокругъ васъ такъ жили и дѣйствовали, какъ будто черное бѣло, а бѣлое-то и есть черное. Это единственное мое оправданіе на томъ свѣтѣ.

Digitized by Google

Прости мнѣ, Господи! Но право могу сказать, что охотно бы исполнялъ все что́ сказано въ писаніи, еслибы видѣлъ, что и другіе вѣруютъ. Но всѣ, хоть и толкуютъ о евангеліи, и приводятъ тексты, а дѣйствуютъ ровно наоборотъ. Въ тѣ времена я ходилъ бывало съ моей библіей, словно малое дитя, и указывая пальцемъ на какое-нибудь мѣсто, у всѣхъ спрашивалъ, что́ оно значитъ? И никто мнѣ не отвѣтилъ. Потомъ взялъ я себѣ за правило два-три другихъ текста, ясныхъ какъ божій день, и попробовалъ дѣлать то самое, что́ тамъ приказано. Но — ужь не знаю какъ это случилось, только вижу, что и богатые и бѣдные, всѣ, всѣ, столько же заботятся объ этихъ текстахъ, какъ я о лордѣ-мерѣ лондонскомъ. Такъ я мало-помалу и убѣдился, что это только такъ выдумано, чтобы морочить бѣдныхъ невѣждъ, женщинъ, ребятъ, и тому подобныхъ.

— Не долго я старался жить какъ велитъ писаніе; но это время показалось мнѣ словно въ раю. Покойница Алиса ободряла меня. Но всѣ остальные твердили: держись за свои права, тащи въ свою сторону, нето другіе перетянутъ. А жена и дѣти совсѣмъ ничего не говорили, только безпомощность и нищета ихъ громко вопіяла противъ меня; и сталъ я дѣйствовать какъ всѣ. Тогда умеръ мой малютка Томъ. Это все вы уже знаете. А мнѣ что-то тяжело... дыханье спираетъ и въ глазахъ темно, точно я слѣпну.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ совершеннаго безмолвія и тишины, онъ снова заговорилъ:

— Вообще говоря, любить ближняго мнѣ было нетрудно, не смотря на то, до чего я дошолъ теперь. Было время, когда я кажется могъ любить даже и хозяевъ, кабы они допустили. То было въ мое евангельское время, когда еще сынъ не умиралъ съ голоду. Часто у меня сердце разрывалось надвое: такъ хотѣлось и погоревать вмѣстѣ съ бѣдными, страждущими братьями, и любить тѣхъ, которые по моему мнѣнію довели ихъ до этого положенія.

— Подъ конецъ я отчаялся, пересталъ мѣрять дѣянія человѣческія на евангельскую мѣрку; потомъ подумалъ, что и мнѣ нечего такъ держаться за библію — одинъ въ полѣ не воинъ. Впрочемъ это я можетъ-быть и прежде вамъ разсказывалъ. Но съ тѣхъ поръ я падалъ все ниже, ниже, ниже...

Послѣ этого онъ не могъ больше говорить послѣдовательно, у него вырывались только отрывистыя фразы.

— Не думалъ я, чтобы онъ былъ ужь такъ старъ.... О, кабы

Digitized by Google

онъ только простилъ меня!. — Потомъ онъ бормоталъ безсвязныя, горячія слова молитвы.

Джобъ Легъ пошолъ домой, ошеломленный неожиданнимъ ударомъ. Мери и Джемъ остались ждать кончины. Предсмертная агонія началась уже. Стало свѣтать, и Джемъ вышелъ изъ дому отыскивать какую-нибудь аптеку или москательную лавочку, гдѣ бы можно было достать прохладительнаго питья для бѣднаго страдальца.

Во время его отсутствія Бартону стало хуже: онъ метался, упалъ поперегъ своей постели и почти пересталъ дышать. Мери тщетно силилась приподнять его, горе и недавняя болѣзнь слишкомъ истощили ея собственныя силы.

Дверь внизу отворилась; она стала кричать и звать Джема на помощь.

Но по лѣстницѣ послышались тяжолые шаги... не джемовы.

Черезъ минуту мистеръ Карсонсъ стоялъ на порогѣ. Въ одно мгновеніе онъ понялъ въ чемъ дѣло.

Онъ поднялъ изнемогшее тѣло умирающаго, переложилъ его, и отлетающая душа съ благодарностью взглянула на него просвѣтлѣвшими глазами Джона Бартона. Карсонсъ продолжалъ поддерживать его въ объятіяхъ: умирающій сложилъ руки на молитву.

— Молитесь за насъ! сказала Мери падая на колѣни и совершенно забывая въ эту торжественную минуту объ отношеніяхъ отца къ мистеру Карсонсу.

Какія же слова могли ему придти въ голову, какъ не тѣ, что́ онъ только что прочелъ въ святой книгѣ?

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!.. остави намъ долги наши, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ....

И когда онъ кончилъ эти слова, Джонъ Бартонъ лежалъ уже мертвый въ объятіяхъ стараго Карсонса.

Такъ кончилась трагическая жизнь бѣднаго человѣка.

Мери навремя лишилась сознанія. Когда она очнулась, то была уже внизу: Джемъ ее поддерживалъ на скамьѣ у камина. Джобъ и Карсонсъ стояли тутъ же, тихо и благоговѣйно разговаривая между собою. Потомъ мистеръ Карсонсъ простился и вышелъ изъ дому, а Джобъ произнесъ вслухъ, но какъ-будто самъ съ собою:

— Услышалъ Богъ молитву этого человѣка: Онъ укрѣпилъ его.

Digitized by Google

ГЛАВА XXXVI

«Первый, сумрачный день ничтожества —
послѣдній день опасности и печалей».

Байронъ.

Съ самаго пріѣзда своего изъ Ливерпуля, Мери какъ-то смутно, инстинктивно чувствовала — хотя быть-можетъ не сознавала — что одного теперь слѣдовало желать для отца, а именно скорѣйшей смерти.

Она видѣла, что угрызенія совѣсти разрушительно дѣйствуютъ на его тѣло; но не дерзала обращаться къ безконечному источнику милосердія съ вопросомъ, что ожидаетъ отца въ будущей жизни?

Сначала этотъ ударъ страшно поразилъ ее и повергъ въ глубокое отчаяніе; но какъ только она пришла въ себя, получила способность соображать и мыслить, — въ душѣ ея пробудилась полная покорность судьбѣ. Можно себѣ представить, что ни Джемъ не поскупился на выраженія любви и нѣжности, ни Джобъ съ Маргаритою не пожалѣли участія и заботы, чтобы утѣшить и приголубить бѣдную сироту, оставшуюся теперь въ мірѣ одинокою, безъ роду и племени.

Она не знала и не спрашивала ничего о похоронахъ; объ этомъ при ней говорили шопотомъ и все устроилось безъ ея участія. Она отдалась въ распоряженіе друзей съ истинно ребяческимъ довѣріемъ, довольная тѣмъ, что ее оставили на свободѣ предаваться грезамъ и воспоминаніямъ, отъ которыхъ тихо струились по ея блѣднымъ щекамъ теплыя слезы.

Этотъ день показался ей длиннѣйшимъ въ жизни, потомучто ни до какихъ занятій, ни до какихъ заботъ ее не допустили; но быть можетъ эта-то длина ничѣмъ не занятаго дня и принесла ей наибольшую пользу, хотя время тянулось очень томительно. Она успѣла обдумать свое положеніе со всѣхъ сторонъ, и вполнѣ сознала всю важность и всѣ послѣдствія своего сиротства. Такимъ образомъ однимъ страданіемъ меньше досталось ей на долю: она не испытала горечи страшнаго пробужденія, настающаго наутро послѣ великой потери. Ничего не можетъ быть ужаснѣе, какъ дождаться смерти близкаго человѣка къ ночи, т. е. около того времени, когда

Digitized by Google

обыкновенно мы ложимся спать. Очень естественно, что переживъ послѣдніе часы агоніи, измучившись отъ горя, хлопотъ и даже отъ безсонныхъ ночей, мы засыпаемъ тогда почти внезапно, не успѣвъ порядкомъ вникнуть въ смерть; и вотъ, просыпаясь поутру, поражаетъ насъ полное сознаніе потери, пустоты, неизмѣнимой и неизбѣжной во вѣки вѣковъ.

Съ разсвѣтомъ и для мистрисъ Вильсонъ наступила извѣстная череда заботъ и занятій. Она считала приличнымъ непремѣнно сдѣлать визитъ своей будущей невѣсткѣ. По какой-то привычкѣ, по сцѣпленію мыслей (переходя отъ смерти къ кладбищу, отъ кладбища къ церкви и отъ церкви къ праздникамъ), она вообразила, что нужно одѣться въ парадное платье — давно уже не надѣванное, — и теперь не безъ удовольствія занималась просушкою и расправленьемъ своихъ старушечьихъ нарядовъ передъ каминомъ.

Джемъ воротился домой въ день смерти Джона Бартона довольно поздно; онъ былъ подавленъ впечатлѣніями дня, изрядно усталъ, но засталъ мать очень занятою глаженьемъ траурнаго платья и крайне разговорчивою. Какъ ни хотѣлось ему отдохнуть и успокоиться, но пришлось сѣсть и отвѣчать на ея вопросы.

— Ну, Джемъ! Скончался таки онъ, сердечный?

— Да. Вы откуда узнали, матушка?

— А Джобъ заходилъ ко мнѣ, по дорогѣ къ гробовщику, и разсказалъ. И чтоже, хорошо онъ умиралъ?

Джема поразило, что мать еще не знаетъ объ исповѣди Джона Бартона на смертномъ одрѣ; но вспомнивъ о скромности Джоба Лега, онъ понялъ его молчаніе на этотъ счетъ и втайнѣ рѣшилъ, что покуда возможно, мать его ничего не узнаетъ. Лишь бы уговорить ее какъ-нибудь переселиться съ ними въ Канаду, какъ онъ предлагалъ Мери, — тогда уберечь печальную тайну отъ Дженни Вильсонъ будетъ несравненно легче; а сохранить тайну, по мнѣнію Джема, нужно было для будущаго семейнаго спокойствія. Трудно было ожидать, чтобы мистрисъ Вильсонъ, при раздражительности своего нрава, не упоминала хоть изрѣдка о преступленіи Джона Бартона; а Джему хорошо было извѣстно, какое тяжолое впечатлѣніе производили бы на Мери подобныя напоминанія. Вслѣдствіе такихъ соображеній онъ рѣшился завтра же какъ можно раньше сходить къ Джобу и склонить его къ совершенному молчанію объ этомъ дѣлѣ; онъ зналъ, что съ этой стороны можно было расчитывать на полнѣйшій секретъ, хотя бы дѣло было уже извѣстно и Маргаритѣ.

Digitized by Google

Но что сдѣлаетъ мистеръ Карсонсъ? Возможно ли какими-нибудь доводами убѣдить его пощадить память несчастнаго Бартона?

Эти размышленія были прерваны крикливымъ голосомъ успѣвшей уже разсердиться матери.

— Джемъ! говорила она, — начтожъ ты, желала бы я знать, стоялъ у смертнаго одра, коли не вынесъ оттуда ниодной путной вѣсти? Вотъ я тутъ цѣлый день торчу одна одинешенька (кромѣ той минуты, что́ Джобъ провелъ у меня) и думаю себѣ: авось Джемъ придетъ, да поразскажетъ, — онъ молъ самъ былъ въ домѣ въ ту пору какъ умиралъ старикъ; а ты вотъ сидишь, словно истуканъ, и собакѣ слова не вымолвить, не то что матери. Чтоже за толкъ ходить по людямъ и глядѣть какъ умираютъ, коли не можешь послѣ того припомнить ни одного изрѣченія покойника!

— Да изрѣченій никакихъ не было, матушка, замѣтилъ Джемъ.

— Вотъ тебѣ на! Этакой охотникъ былъ рѣчи говорить, а тутъ, какъ самый-то просторный случай вышелъ, онъ и спасовалъ! Да вѣдь такого случая въ другой разъ не дождешься! Что́же, спокойный былъ конецъ?

— Онъ всю ночь очень мучился, отвѣчалъ Джемъ, неохотно вспоминая объ этой ночи.

— А ты догадался ли подушку изъ-подъ головы вытащить? Не вытащилъ? Ну, молодецъ! Какъ это ты, кажется и ученый, и воспитанный, а того не знаешь, что это одно средство помочь человѣку въ такомъ родѣ? Въ подушкѣ навѣрное были голубиныя перья! Эхъ, какъ подумаешь, не малыя дѣти вы съ Мери, а не смыслите, что никогда смерть не приходитъ спокойно, коли подъ головой у человѣка подушка съ голубиными перьями.

Джемъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы отъ всей этой болтовни уйти въ свою коморку и тамъ, лежа на кровати обдумать безъ помѣхи все что случилось и что́ предстояло сдѣлать.

Вопервыхъ слѣдовало увидѣться съ мистеромъ Дункомбомъ, прежнимъ его хозяиномъ, и потому на другой день рано утромъ онъ отправился на заводъ, гдѣ проводилъ обыкновенно цѣлые дни въ продолженіе столькихъ лѣтъ, гдѣ передумалъ всѣ свои думы, пережилъ всѣ свои опасенія и надежды. Несладко было ему думать, что отнынѣ предстоитъ отвыкать, отрываться отъ знакомыхъ мѣстъ; тяжело было также видѣть, какъ измѣнились къ нему отношенія большей части товарищей-рабочихъ. Пока онъ стоялъ у входа въ словолитню, ожидая мистера Дункомба, мимо его прошли многіе изъ ра-

Digitized by Google

ботниковъ, возвращавшихся отъ завтрака; и изъ всѣхъ едва нашлись двое или трое, которые удостоили бы узнать его и подали ему руку: остальные или вовсе не кланялись, или ограничивались легкимъ киваньемъ головою, и то издали.

— Тяжело это, думалъ Джемъ съ горькимъ чувствомъ и какою-то спазмою въ горлѣ, — тяжело думать, что какъ честно ни живи между людьми, а всегда они рады слушать на тебя всякую клевету и вѣрить ей. Кабы остаться въ Англіи, я бы скоро спять нажилъ общее уваженіе; но тогда что́ бы пришлось вынести бѣдной Мери! Рано или поздно правда откроется и всѣ станутъ пальцами показывать на дочь Джона Бартона. Хорошо еще, что Господь судитъ не такъ строго какъ люди: это одно можетъ послужить намъ всѣмъ утѣшеніемъ.

Мистеръ Дункомбъ не вѣрилъ виновности Джема, хотя Джемъ и въ этотъ разъ ничѣмъ не опровергъ возводимыхъ на него обвиненій; но тѣмъ не менѣе онъ находилъ, что при существующихъ обстоятельствахъ лучше бы ему покинуть родину.

— Я уже кажется говорилъ вамъ, сказалъ мистеръ Дункомбъ, — что правительство обратилось къ намъ съ просьбою о пріисканіи толковаго человѣка и способнаго механика, для приготовленія инструментовъ и машинъ въ новой земледѣльческой школѣ, которую основали теперь въ Канадѣ, въ городѣ Торонто. Это мѣсто хорошее, казенная квартира, участокъ земли и порядочные проценты съ производимыхъ инструментовъ. Я могу показать вамъ и подробности, какъ только найду письмо; оно кажется осталось у меня на дому.

— Благодарю васъ, сэръ. Я и не видавъ письма, могу ручаться, что приму мѣсто. Мнѣ нужно вонъ изъ Манчестера, а разъ что я уйду изъ родного города, все равно — и даже лучше — вовсе оставить Англію.

— Правительство конечно возьметъ на себя ваши путевыя издержки; я думаю даже, что можно выхлопотать подъемныя деньги на переселеніе вашего семейства, если вы семейный человѣкъ. Но вы вѣдь кажется неженаты?

— Нѣтъ еще, сэръ, но... и Джемъ запнулся какъ красная дѣвушка.

— Но, сказалъ мистеръ Дункомбъ съ улыбкою, — вы не прочь жениться передъ отъѣздомъ? а, Вильсонъ?

— Точно такъ, сэръ. У меня также мать есть, и я надѣюсь, что

Digitized by Google

она поѣдетъ съ нами. Но за ея проѣздъ я могу заплатить, чтоже безпокоить начальство?

— Ну, ну! Я сегодня же напишу о представленіи васъ къ мѣсту и скажу, что у васъ семейство, состоящее изъ двухъ душъ. Кто же станетъ спрашивать, въ восходящемъ ли или нисходящемъ поколѣніи? Надѣюсь еще увидѣться съ вами до вашего отплытія, Вильсонъ, хотя впрочемъ не думаю, чтобы васъ заставили долго дожидаться здѣсь. Въ другой разъ приходите ко мнѣ прямо на-домъ: это будетъ гораздо лучше. А то народъ здѣсь такой безтолковый! Крѣпитесь, другъ мой.

У Джема какъ гора съ плечъ свалилась, когда это дѣло устроилось: ему было очень тяжело, пока переселеніе еще не было рѣшено окончательно.

Чѣмъ больше онъ смотрѣлъ и подвигался впередъ, тѣмъ яснѣе и прямѣе становился путь его. Онъ пошолъ навѣстить Мери и при случаѣ сообщить ей о своемъ рѣшеніи; у ней сидѣла Маргарита.

— Дѣдушкѣ нужно васъ видѣть! сказала она Джему, какъ только онъ вошолъ.

— А мнѣ тоже надо его видѣть, возразилъ Джемъ, внезапно припоминая вчерашнее свое намѣреніе просить Джоба о сохраненіи тайны.

И такъ, онъ успѣлъ только поцѣловать разстроенное личико своей печальной невѣсты, и тотчасъ простившись съ нею, отправился къ старому Легу, который нетерпѣливо ожидалъ его.

Какъ только Джобъ завидѣлъ Джема, онъ закричалъ ему:

— Письмо получилъ отъ мистера Карсонса! Какъ Богъ святъ, онъ хочетъ видѣть тебя и меня. Чтоже это? Надѣюсь не бѣда какая-нибудь? прибавилъ онъ, глядя на Джема съ недоумѣніемъ. Но если и гнѣздились въ умѣ Джоба какія-либо подозрѣнія, онѣ тотчасъ разсѣялись при видѣ честнаго, открытаго и безстрашнаго лица Джема.

— Не могу придумать, чего надо отъ насъ бѣдному старику! отвѣчалъ онъ.

— Можетъ-быть есть еще какой-нибудь пунктъ, который ему кажется темнымъ. Да что же отгадывать попусту? Лучше прямо идти къ нему.

— А не лучше ли тебѣ немножко отстать? А я бы пошолъ впередъ, разузнать въ чемъ дѣло. Онъ, того и гляди, забралъ себѣ въ

Digitized by Google

голову еще какую-нибудь закорючку, — вообразилъ напримѣръ, что ты сообщникъ, и поставитъ тебѣ западню.

— Я не боюсь! отвѣчалъ Джемъ. — Я никакого зла не дѣлалъ тому бѣдному убитому молодцу и ничего объ этомъ не знаю; впрочемъ признаюсь, было время, когда я точилъ на него зубы. Но если на правду пойдетъ, правда сама собою откроется. Я пойду къ старому джентльмену и передамъ ему все что́ знаю, потомучто теперь ужь это никому не повредитъ. Ктому же я, по нѣкоторымъ причинамъ, самъ желалъ съ нимъ видѣться и теперешнее свиданіе для меня очень кстати.

Спокойная увѣренность Джема нѣсколько ободрила Джоба; но онъ все-таки втайнѣ сокрушался, что Джемъ не послушался его и не пустилъ впередъ, для развѣдки намѣреній мистера Карсонса.

Между тѣмъ Джени Вильсонъ привела въ порядокъ свой парадный трауръ и отправилась съ визитомъ въ домъ покойника. Она была нѣсколько смущена и взволнована по случаю различныхъ нравоучительныхъ изрѣченій и поговорокъ, которыя считала необходимыми въ подобныхъ обстоятельствахъ, и придумывая что́ бы такое хорошее сказать сиротѣ, шла къ ней въ довольно возбужденномъ и безпокойномъ состояніи духа.

При входѣ ея Мери, сидѣвшая у огня сложа руки, тотчасъ ее замѣтила, и видя мать Джема, старинную знакомую своихъ покойныхъ родителей, добрую женщину, которая въ дѣтствѣ мало ли чѣмъ баловала ее и тѣшила, она встала, пошла навстрѣчу, бросилась къ ней на шею и сказала сквозь слезы и рыданія:

— О, умеръ вѣдь... скончался, — всѣ умерли, всѣ оставили меня... одну безпріютную!..

— Бѣдная моя, дитя ты мое, бѣдняжечка! проговорила Джени Вильсонъ, нѣжно цѣлуя ее. — Ты не одна теперь, не крушись же такъ; не говоря уже о Томъ, который съ небесъ призираетъ тебя — вѣдь ты знаешь, что онъ всѣмъ сиротамъ другъ и отецъ, — но вспомни о Джемѣ! Милая Мери, вспомни хоть и обо мнѣ! Я конечно бываю подчасъ и нравна, и вспыльчива, но все же во мнѣ есть душа человѣческая и съ этихъ поръ ты будешь мнѣ дочерью, роднымъ моимъ дѣтищемъ. И Джемъ-то не больше будетъ любить тебя по своему, чѣмъ я буду тебя любить на свой ладъ. И ты, Мери, спускай мнѣ почаще, прости мнѣ крутой мой нравъ, — помни только, что Богъ видитъ, какъ я стану лелѣять тебя, лишь бы ты считала меня матерью и не печалилась больше о сиротствѣ своемъ.

Digitized by Google

Мистрисъ Вильсонъ давно уже обливалась слезами произнося эту рѣчь, такъ непохожую на заготовленныя причитанія и изрѣченія, которыми она запасалась для этого визита. Всѣ благочестивыя поговорки выскочили изъ ея памяти и осталось одно чистое, истинно-христіанское и горячее чувство.

Онѣ сѣли объ на одно кресло и крѣпко обнялись, плача объ одномъ и томъ же покойникѣ и надѣясь, вѣруя, любя вмѣстѣ одного и того же живого человѣка.

Съ этихъ поръ ничто уже не омрачало ихъ взаимнаго довѣрія и нѣжной дружбы. Мать даже на Джема скорѣе могла разсердиться нежели на Мери: при невѣсткѣ она до того старалась сдерживаться и умѣрять свою обычную брюзгливость, что мало-помалу самый характеръ ея утратилъ свои неровности и сдѣлался гораздо мягче.

Годы спустя, разговаривая съ Джемомъ, она какъ-то нечаянно проговорилась, и онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что ей извѣстно преступленіе Джона Бартона. Они уже давнымъ-давно не видали никого изъ манчестерскихъ, кто бы могъ сообщить ей тайну. Да притомъ едва ли кто и изъ манчестерскихъ зналъ ее: такъ тщательно позаботился Джемъ о полнѣйшемъ секретѣ. Джемъ полюбопытствовалъ тотчасъ же узнать: вопервыхъ все ли она знаетъ, вовторыхъ — откуда узнала? Оказалось, что сама Мери все разсказала ей.

Въ то самое утро, которое описано въ настоящей главѣ, когда Мери со слезами слушала нѣжныя увѣщанія и принимала ласки отъ мистрисъ Вильсонъ, она повѣдала изумленной гостьѣ тайную причину своей глубокой печали: страшный грѣхъ, который отецъ наложилъ на свою душу.

Она не знала, что Джемъ еще ничего не говорилъ объ этомъ матери, воображая, что эта вѣсть, какъ и сплетня о преступленіи Джема, уже всѣмъ извѣстна въ городѣ. Слово за слово, увѣренная, что мистрисъ Вильсонъ и такъ все знаетъ, Мери высказала ей причину своего неисходнаго горя — болѣе неутолимаго чѣмъ то, что̀ причиняетъ одна только смерть.

Въ важныхъ случаяхъ, подобныхъ теперешнему, врожденное великодушіе мистрисъ Вильсонъ высказывалось наружу. Въ мелочахъ и ежечасныхъ бездѣлицахъ, она поддавалась своей болѣзненной раздражительности и женской слабости; но великимъ печалямъ она всегда умѣла сочувствовать, вполнѣ понимала ихъ и даже теперь, пока Мери передавала ей ужасное дѣло, она не позволила себѣ выразить ни удивленія, ни ужаса, не выказала любопытства насчетъ

Digitized by Google

недомолвокъ, не спрашивала подробностей, словомъ — оказалась такъ же деликатна и достойна довѣрія, какъ и сынъ ея. Когда же впослѣдствіи случалось ей изрѣдка ворчать на Мери, — она нападала на нее или за расточительность, или за скупость, за увлеченіе нарядами или за небрежность въ туалетѣ, за излишнюю веселость или неумѣстную грусть: но никогда, ниразу, въ минуту сильнѣйшаго раздраженія, не попрекнула ее ни кокетствомъ съ Гарри Карсонсомъ, ни родствомъ съ его убійцею. И всякій разъ какъ говорила о Джонѣ Бартонѣ, поминала его съ почтеніемъ, котораго онъ заслуживалъ во всю жизнь свою, до послѣдняго, преступнаго и тяжкаго мѣсяца этой жизни.

Поэтому такъ и поразился Джемъ, когда много лѣтъ спустя мать дала замѣтить свои свѣдѣнія по этому предмету. И съ того дня какъ узналъ онъ — съ нѣкоторымъ угрызеніемъ совѣсти, — какъ строго умѣетъ она владѣть собою и какія неизвѣданныя добродѣтели таятся на днѣ ея души, — обычное почтеніе его и нѣжность къ матери смѣнилась глубокимъ благоговѣніемъ. Наперерывъ старались они съ Мери успокоить, украсить послѣдніе годы старушки-матери и сдѣлать ее какъ можно счастливѣе.

Но я касаюсь уже случаевъ гораздо позднѣйшихъ въ жизни нашихъ героевъ, тогда какъ остается сообщить читателю немало происшествій, случившихся лѣтъ за семь назадъ.

ГЛАВА XXXVII

«Богачъ-то скачетъ, а бѣдный плачетъ
Ему вослѣдъ:
— Зачтожъ мнѣ холодъ, болѣзнь и голодъ,
И скудный свѣтъ? —
— Толкуй съ попами! а между вами
Мнѣ братьевъ нѣтъ!»

Въ жизни мистера Карсонса случился рѣшительный переломъ. Предметъ всѣхъ заботъ, страданій, надеждъ и опасеній его жизни внезапно исчезъ изъ глазъ; цѣль его канула въ вѣчность, въ таинственный міръ, стоящій за рубежомъ жизни. Самое мщеніе, которое онъ такъ недавно и ожесточенно преслѣдовалъ, не удалось, было въ рукахъ его — и изъ рукъ испарилось, будто по мановенію волшебства.

Digitized by Google

Въ такихъ обстоятельствахъ человѣкъ, наименѣе склонный къ размышленію, невольно впадаетъ въ раздумье; тѣмъ болѣе задумался мистеръ Карсонсъ, съ своимъ хотя и не обширнымъ, но здравымъ и энергическимъ умомъ. Впрочемъ эта энергія была едва ли не главнѣйшею причиною его односторонности: онъ потому и не расширилъ своего умственнаго кругозора, что слишкомъ упорно и страстно предался одной цѣли.

Но вотъ, отъ зданія прежней жизни не осталось и камня на камнѣ, — все разрушено, повергнуто во прахъ, и никогда больше не поднимется. Это было нѣчто въ родѣ перехода земной жизни къ загробной, когда многія изъ причинъ, заставлявшихъ насъ дѣйствовать такъ или иначе, втеченіе долгихъ лѣтъ, обращаются въ ничто и безъ слѣда исчезаютъ. Побывавъ у смертнаго одра убійцы своего сына, мистеръ Карсонсъ послѣднимъ, болѣзненнымъ усиліемъ отторгнулъ душу свою отъ всего прошедшаго, утратившаго теперь всякое значеніе для послѣдующей жизни, и на нѣсколько часовъ погрузился въ размышленія.

Разбирая и придумывая, чѣмъ бы снова возбудить себя къ дѣятельности, онъ перебиралъ въ умѣ всякія побудительныя причины, какъ-то: жажду денегъ, почестей, громкаго имени между денежными царьками своего круга, и мало-помалу приходилъ къ убѣжденію, что все это вздоръ, все погибло и схоронено вмѣстѣ съ останками сына. Но вдругъ ему пришло на мысль, что нужно бы подробнѣе и положительнѣе узнать, какія причины могли подвигнуть Джона Бартона на преступленіе? И это печальное любопытство, однажды возбужденное, начало его мучить и терзать. Это-то и заставило его послать за Джобомъ Легомъ и Джемомъ Вильсономъ, отъ которыхъ онъ надѣялся добиться самыхъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Потомъ, зная что мистеръ Бриджнортъ былъ адвокатомъ Джема, онъ самъ пошолъ къ нему на домъ, съ неяснымъ подозрѣніемъ, что Джемъ быть-можетъ все-таки замѣшанъ въ это дѣло, и такъ или иначе способствовалъ убійству его сына.

Возвратясь домой, онъ еще не засталъ у себя званыхъ гостей и на свободѣ имѣлъ время опять надуматься о томъ вечерѣ, въ который выслушивалъ исповѣдь Джона Бартона. Онъ съ досадою вспомнилъ, какъ измѣнила ему обычная суровая надменность, какъ онъ на столько забылся передъ этими людьми, которыхъ ожидалъ теперь, что предался при нихъ изъявленіемъ своего горя, своего отчаянья. И вспоминая все это, онъ запасался теперь холоднымъ са-

Digitized by Google

мообладаніемъ и твердостью, чтобы въ предстоящемъ разговорѣ не выказать ни малѣйшаго порыва, никакой чувствительности.

Тѣмъ не менѣе, когда вошедшій слуга доложилъ о приходѣ двухъ человѣкъ, которымъ назначено было придти, и пошолъ звать ихъ въ библіотеку, — дрожащія руки и закачавшаяся голова старика ясно показывали, какъ онъ постарѣлъ въ эти три-четыре недѣли и даже какъ волновала его мысль о предстоящемъ свиданіи.

Однако онъ сдѣлалъ надъ собою невѣроятное усиліе и успѣлъ такъ оправиться, что Джобъ Легъ и Джемъ Вильсонъ нашли въ немъ суровѣйшаго и надменнѣйшаго джентльмена, какого когда-либо случалось имъ видѣть, и сердечное участіе, возбужденное въ нихъ прежде искренними изъявленіями его законнаго горя, разомъ изгладилось въ ихъ душахъ при встрѣчѣ съ этимъ непреклоннымъ, деревяннымъ господиномъ.

Онъ пригласилъ ихъ сѣсть, на минуту заслонилъ глаза рукою, потомъ заговорилъ:

— Сегодня утромъ я былъ у мистера Бриджьнорта. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ не могъ сообщить мнѣ почти никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній касательно происшествія 18-го числа. Я желаю знать нѣкоторыя вещи и быть-можетъ вы въ состояніи удовлетворить меня. Какъ близкіе друзья, товарищи Джона Бартона, вы вѣроятно многое знаете или имѣете поводъ предполагать. Говорите прямо, чистую правду. То что вы скажете въ этой комнатѣ, никогда не пойдетъ дальше. Ктому же, какъ вамъ извѣстно, законъ ограждаетъ всякаго отъ вторичнаго суда по одному и тому же обвиненію.

Онъ наминуту остановился, потомучто самый процессъ разговора былъ для него утомителенъ и труденъ послѣ извѣстнаго происшествія.

Джобъ Легъ вставилъ тутъ свою рѣчь.

— Ни я, ни товарищъ мой не обижаемся тѣмъ, что вы изволите говорить насчетъ правды. Вы насъ не знаете, стало-быть не можете быть увѣрены въ нашей правдивости. Но все-таки лучше довѣряться чести и правдѣ человѣка, пока онъ не подалъ повода сомнѣваться въ нихъ. А впрочемъ, сэръ, можете спрашивать что угодно: ручаюсь вамъ, что мы или отвѣтимъ чистую правду, или вовсе придержимъ языкъ за зубами.

— Извините, произнесъ Карсонсъ, слегка наклоняя голову. Онъ держалъ въ рукѣ какую-то бумагу и до того дрожалъ, что насилу

Digitized by Google

могъ надѣть очки. — Я желаю знать, Вильсонъ, можете ли вы объяснить, какимъ образомъ ваше ружье попало въ руки Бартона? Вы, кажется отказались отвѣчать на этотъ вопросъ мистеру Бриджьнорту?

— Точно такъ, сэръ. Еслибы я тогда сказалъ, что зналъ, то непремѣнно замѣшалъ бы въ дѣло Бартона, а потому предпочелъ молчать. Вамъ, сэръ, я готовъ сказать теперь все что знаю; но къ сожалѣнью, это очень немного. Ружье принадлежало сперва моему отцу, который давно уже учился стрѣлять въ цѣль и для этого вмѣстѣ съ Бартономъ ходилъ въ манежъ; они всегда брали съ собою это ружье и стрѣляли изъ него, хотя, поправдѣ сказать, оно очень стараго устройства и довольно плохо дѣйствуетъ.

При этихъ словахъ Джемъ спохватился, но уже было поздно: онъ съ раскаяньемъ увидѣлъ, какъ лицо несчастнаго старика исказилось внутреннею мукой и подавленной тоской. Но такія невольныя и неудержимыя выраженія чувства каждый разъ располагали къ нему Джоба и Джема.

— Одинъ разъ, въ будни, продолжалъ Вильсонъ, — кажется это было въ среду... да, точно такъ, именно въ день св. Патрика, я возвращался домой обѣдать и на порогѣ нашего дома встрѣтилъ Джона. Матери моей не было дома, онъ никого не засталъ и сказалъ, что приходилъ попросить у меня ружьеца, и даже безъ спросу взялъ бы его, да не нашолъ. Матушка этого ружья всегда боялась, и потому послѣ смерти батюшки я унесъ его въ свою комнату; тамъ оно и стояло. Я пошолъ къ себѣ, досталъ ружье, вынесъ и отдалъ Джону. А онъ все время стоялъ за дверью на улицѣ.

— А сказалъ ли онъ вамъ, зачѣмъ оно ему понадобилось? спросилъ Карсонсъ поспѣшно.

— Нѣтъ, кажется не говорилъ. Сначала бормоталъ что-то насчетъ манежа и стрѣльбы въ цѣль; а мнѣ и въ голову не вошло что либо другое, потомучто онъ столько лѣтъ уже практиковался тамъ.

Пока Джемъ говорилъ, Карсонсъ весь вытянулся въ струнку и превратился въ слухъ. Но теперь напряженіе прошло, онъ вяло и безсильно опустился къ спинкѣ креселъ.

Однако онъ опять выпрямился, когда Джемъ, желавшій доставить огорченному отцу всякія подробности, заговорилъ снова:

— Я не зналъ зачѣмъ онъ бралъ ружье, не зналъ до тѣхъ поръ, пока меня схватили. Да и теперь не знаю хорошенько. Боже меня сохрани выпутываться изъ своей бѣды, втягивая въ нее стариннаго

Digitized by Google

пріятеля, друга отца моего, и наконецъ отца любимой дѣвушки. Этого бы я никогда не сдѣлалъ, потому и не хотѣлъ отвѣчать мистеру Бриджьнорту; и теперь никому бы не сталъ говорить, кромѣ васъ.

Джемъ сильно покраснѣлъ, упоминая въ своемъ разсказѣ о Мери; но все время такъ прямо и честно смотрѣлъ въ глаза мистеру Карсонсу, что въ невинности и правдивости его не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія. Карсонсъ понялъ, что Джемъ сказалъ все что̀ зналъ, все что̀ могъ. Поэтому онъ обратился къ Джобу Легу.

— Вы кажется все время были въ комнатѣ, пока Бартонъ говорилъ со мною?

— Да, сэръ, отвѣчалъ Джобъ.

— Сдѣлайте одолженіе извините меня за нескромные вопросы; всѣ эти свѣдѣнія, я не знаю, какъ-то благотворно дѣйствуютъ на меня. Скажите пожалуйста, вы не имѣли до тѣхъ поръ никакихъ подозрѣній на Бартона?

— Никакихъ, Богъ свидѣтель! сказалъ Джобъ торжественно. — По правдѣ сказать — ты ужь извини, пожалуйста, Джемъ, — я долго думалъ, что точно Джемъ во всемъ виноватъ. Повременамъ мнѣ казалось рѣшительно невозможнымъ, чтобы онъ былъ преступникомъ; я былъ увѣренъ въ немъ, какъ въ самомъ себѣ. И вообще всякій разъ, какъ хорошенько обдумывалъ, рѣшалъ, что не онъ это сдѣлалъ. Но на Бартона все-таки никогда не думалъ.

— А между тѣмъ, судя по его признанію, онъ тогда отлучился, сказалъ Карсонсъ, посмотрѣвъ на бумагу.

— Какже, и долго былъ въ отлучкѣ, — не знаю сколько именно. Но вѣдь это часто бываетъ, что мы словно ослѣпнемъ, и до тѣхъ поръ не видимъ что̀ у насъ подъ носомъ, пока другіе пальцемъ не укажутъ. Да и то, еслибы не самъ Бартонъ объяснилъ на смертномъ одрѣ, по какой причинѣ онъ это сдѣлалъ, я бы никакъ не могъ догадаться; тогда какъ еслибы Джемъ былъ виноватъ, то стоитъ взглянуть на Мери Бартонъ, чтобы понять, что тутъ одной ревности довольно.

— Такъ вы полагаете, что Джонъ Бартонъ ничего не зналъ о несчастной склонности моего сына... (Карсонсъ мелькомъ взглянулъ на Джема и поправился) объ отношеніяхъ его къ Мери Бартонъ? Этотъ молодой человѣкъ, Вильсонъ, какъ видите слышалъ о нихъ.

— Особа, сообщившая мнѣ объ этомъ, возразилъ Джемъ — ясно сказала мнѣ, что ничего не говорила и не намѣрена говорить отцу

Digitized by Google

Мери. Я полагаю, что онъ объ этомъ не слыхивалъ. А еслибы слышалъ, то не таковскій былъ человѣкъ, чтобы умолчать или оставить подобное дѣло безъ вниманія.

— Ктому же, сказалъ Джобъ, — причина, которую онъ объяснилъ на смертномъ одрѣ, кажется достаточною, особливо для тѣхъ, кто лично и коротко зналъ его.

— Вы хотите сказать о чувствахъ его, возбужденныхъ отношеніями рабочихъ къ фабрикантамъ? Вы думаете, что онъ такъ поступилъ изъ мщенія, чтобы отплатить моему сыну за участіе его въ усмиреньи работниковъ?

— Ну, сэръ, возразилъ Джобъ, — это рѣшить трудно. Джонъ Бартонъ былъ неохотникъ спрашивать чужого совѣта и о дѣлахъ своихъ никогда не распространялся. Поэтому я могу только выводить заключенія изъ его мнѣній и разсужденій вообще, а объ этомъ предметѣ въ особенности онъ отроду при мнѣ не заикался. Изволите видѣть, его ужасно мучила мысль, какъ согласить богатство и нищету съ ученьемъ Христовымъ...

Джобъ остановился, придумывая, какъ бы яснѣе выразить свою мысль, т. е. впечатлѣніе, произведенное на Бартона постоянною и горькою противоположностью между различными людскими сословіями и состояніями. Но не успѣлъ еще онъ пріискать выраженій, какъ мистеръ Карсонсъ сказалъ:

— Значитъ онъ былъ овенистъ, — поборникъ равенства, общинной собственности, и тому подобныхъ нелѣпостей?

— О нѣтъ! Джонъ Бартонъ не былъ дуракомъ. Ему нечего было толковать, что еслибы сегодня сдѣлать всѣхъ людей равными, то завтра же найдутся такіе, которые встанутъ утромъ пораньше и перегонятъ остальныхъ. Не былъ онъ также изъ тѣхъ, что гонятся за богатствомъ и знатностью. Напротивъ, не было человѣка умѣреннѣе его, лишь бы былъ у него и у его семьи хлѣбъ насущный. Но что всего пуще сокрушало и мучило его во всю жизнь (и многихъ бѣдняковъ, сэръ, также сокрушаетъ, пуще бѣдности и нищеты, хуже самаго голода), такъ это то, что люди, у которыхъ платье хорошее, пища сладкая и карманы полны денегъ, держатся отъ него поодаль и знать не хотятъ, хорошо ли ему или худо; живъ ли онъ, нѣтъ ли, и куда дѣнется — въ адъ или въ рай. Ему больно было видѣть, что куча золота такъ разъединяетъ людей, пролагаетъ бездну между братьями. Потомучто ему пуще всего хотѣлось любить ближняго: онъ былъ человѣкъ любящій до того времени какъ

Digitized by Google

вышелъ изъ терпѣнья, и видѣть не могъ безъ бѣшенства, какъ его братья-бѣдняки терпятъ на божьемъ свѣтѣ, — какъ-будто Христосъ-то не былъ бѣденъ и не терпѣлъ! Было время, сказывалъ онъ, когда онъ всѣхъ людей любилъ горячо и ко всѣмъ равно былъ расположенъ, считая ихъ всѣхъ равными. А въ послѣдніе годы ожесточился, глядя на горести и бѣды ближняго и думая, что богатые могли бы всему помочь, да не хотятъ.

— Вотъ такъ-то и всѣ вы воображаете, сказалъ мистеръ Карсонсъ. — А между тѣмъ что мы тутъ можемъ сдѣлать? Спросъ на товары, и слѣдственно количество работы, не отъ насъ зависитъ, и вообще не можетъ зависѣть ни отъ одного человѣка, ни отъ цѣлаго сословія. Все отъ обстоятельствъ чисто внѣшнихъ, которые подвластны единой волѣ божьей. Коли товары нейдутъ съ рукъ, то чтоже намъ дѣлать? Вѣдь и мы не меньше васъ отъ этого терпимъ.

— Ну, оно меньше-то меньше! Я, сэръ, хотя политическою экономіей не занимаюсь, но это знаю вѣрно. Человѣкъ я неученый, а глаза у меня все-таки есть. И никогда не случалось мнѣ видѣть, чтобы хозяева наши худѣли и слабѣли отъ недостатка пищи; и вообще, перемѣны въ ихъ образѣ жизни незамѣтно, хотя можетъ-быть у нихъ бываютъ свои недочеты; только въ такихъ случаяхъ они отказываютъ себѣ въ предметахъ роскоши, тогда какъ нашъ братъ бѣднякъ лишается всего необходимѣйшаго для поддержанія жизни. Вы, сэръ, вѣроятно сами согласитесь, что плохо бываетъ человѣку, когда онъ Богъ знаетъ что бы далъ, лишь бы добыть работы, заработать пропитаніе своимъ дѣтямъ; и какъ ни радъ бы онъ работать изъ послѣднихъ силъ, работы не даютъ и семья голодаетъ. Джонъ Бартонъ конечно не такъ бы расписалъ вамъ эти дѣла, онъ былъ мастеръ; а я говорю только что самъ знаю.

— Послушайте, любезнѣйшій. Положимъ, что двое людей живутъ вмѣстѣ, но въ одиночествѣ; одинъ печетъ хлѣбы, другой шьетъ сертуки, или что-нибудь подобное. Теперь разсудите, охота ли хлѣбопеку уступать свои продукты, обмѣнивая ихъ на сертуки, единственно для того чтобы доставлять работу товарищу, тогда какъ сертуковъ ему вовсе не требуется? Таково именно положеніе дѣлъ между нами; стоитъ только замѣнить единицы крупными цифрами. Съ улучшеніемъ машинъ, съ усовершенствованіемъ промышленности, произойдутъ безъ сомнѣнія огромныя перемѣны въ занятіяхъ массъ. Пустяки все, вздоръ! — Такъ и быть должно.

Джобъ Легъ подумалъ нѣсколько минутъ.

Digitized by Google

— Да, правда, тошно приходилось прядильщикамъ и простымъ ткачамъ, когда пошли эти шпульки да самолеты. Съ тѣхъ поръ вся жизнь пошла вкривь и вкось. А я все-таки не перестаю думать, что и самолеты, и машины, и желѣзныя дороги, — все отъ Бога. Я уже довольно таки пожилъ на свѣтѣ и убѣдился, что Господь, насылая бѣдствія, направляетъ ихъ къ вящему благу. Все къ лучшему; но я увѣренъ также, что насылая бѣдствія, Богъ предоставляетъ облегчать ихъ тѣмъ, кого разсудилъ за благо надѣлить и счастіемъ, и богатствомъ, и всякими благами. Конечно, не мнѣ разсуждать о томъ, какъ привесть въ исполненіе начертанія господни, это дѣло трудное; но въ томъ я убѣжденъ, что надѣляя человѣка земными благами, Богъ въ тоже время и тѣмъ самымъ налагаетъ на него обязанности. Долгъ счастливыхъ — помогать несчастнымъ нести крестъ свой.

— А между тѣмъ факты говорятъ намъ — и это каждый день подтверждается на дѣлѣ, — что человѣку несравненно лучше быть самостоятельнымъ, дѣйствовать независимо и ни на кого не надѣяться кромѣ себя, — сказалъ Карсонсъ задумчиво.

— Съ фактами нельзя обращаться какъ съ точными количествами: назвавъ два какихъ-нибудь факта, вы не имѣете права выводить изъ нихъ произвольнаго, отвлеченнаго заключенія. Богъ одарилъ человѣка чувствами и страстями, которыхъ ни подъ какія формулы подводить нельзя, потомучто онѣ по природѣ своей измѣнчивы и шатки. Иные даже созданы слабыми, и слабости эти очень разнообразны. Такъ одинъ слабъ тѣломъ, другой разумомъ, третій характеромъ, четвертый не умѣетъ отличить добра отъ худа, и такъ далѣе; а кто и отличаетъ добро отъ зла, часто не имѣетъ твердости держаться правой стороны. А по моему, кому какую силу Богъ далъ, тотъ и долженъ ее употреблять на пользу и помощь слабѣйшему; — а факты — да чортъ съ ними! Прошу извиненія, сэръ. Я порядкомъ не умѣю выразить свою мысль. Языкъ у меня словно кранъ, крѣпко запертой: вода изнутри такъ и напираетъ, а наружу выходятъ однѣ капельки.

Джобу въ самомъ дѣлѣ было грустно и досадно, что не умѣлъ онъ хорошенько изъясняться, тогда какъ въ душѣ у него все было такъ ясно и положительно.

— Все что вы говорите безъ сомнѣнія очень вѣрно, возразилъ мистеръ Карсонсъ; но какъ же вы думаете приложить эти понятія къ дѣйствіямъ фабрикантовъ, — напримѣръ къ моимъ поступкамъ? прибавилъ онъ серьозно и задумчиво.

Digitized by Google

— Не довольно я ученъ, чтобы доказать-то! Въ головѣ у меня мысли хорошія, я вѣрю въ нихъ какъ въ евангеліе, а вотъ выложить-то вамъ ихъ по порядку не знаю, сэръ. По моему у хозяевъ должно на совѣсти лежать — между прочимъ и у васъ, сэръ, лежитъ на совѣсти — вопросъ, все ли сдѣлали передъ Богомъ, чтобы облегчить разныя бѣды ближняго, которыя бываютъ непремѣнными слѣдствіями вашего обогащенія? Рѣшать такіе вопросы, благодаря Бога, не мое дѣло. А вотъ Джонъ Бартонъ брался за нихъ, и отвѣчалъ — нѣтъ! Это его огорчило, ожесточило, съ ума свело; а дошедши до безумія, онъ совершилъ великій грѣхъ, сотворилъ бѣду непоправимую; потомъ оплакивалъ ее кровавыми слезами, и — я увѣренъ — смиренно, кротко подвергнется наказанію на томъ свѣтѣ. Я отроду не видывалъ такого горькаго, искренняго раскаянія какъ въ ту ночь.

Нѣсколько минутъ длилось совершенное молчаніе. Мистеръ Карсонсъ закрылъ лицо руками и казалось вовсе забылъ о присутствіи постороннихъ; а они совѣстились прервать его спасительное раздумье и не вставали съ мѣстъ.

Наконецъ онъ сказалъ, не глядя на нихъ, смотрѣвшихъ на него съ такимъ участіемъ:

— Спасибо вамъ обоимъ, что пришли, — и откровенно со мною поговорили. Но мнѣ сдается, Легъ, что мы нимало не убѣдили другъ друга въ возможности, — въ силѣ или безсиліи хозяевъ облегчить зло, на которое жалуются люди.

— Ахъ, сэръ, больно мнѣ огорчать васъ въ такую минуту, но надо объясниться: я вовсе не о силѣ говорилъ, а о томъ, что̀ насъ всего пуще печалитъ: у нихъ намѣреній-то нѣтъ, ни охоты облегчать страданія, которыя иногда какъ чума свирѣпствуютъ въ промышленныхъ городахъ; а хозяевамъ въ это время ничуть не хуже обыкновеннаго. Еслибы мы видѣли, что они сколько-нибудь хлопочутъ, стараются за насъ, — какъ бы долго ни пришлось намъ ждать дѣйствительной помощи, и даже еслибы вовсе не пришла эта помощь, но пришли бы вы и сказали намъ: бѣдныя вы головы! у насъ молъ по васъ душа выболѣла и всячески мы старались, да дѣлать нечего, помочь нельзя! — ну, право намъ легче бы было и мы бодро переживали бы тяжолыя времена. Вѣдь нельзя себѣ представить, не испытавъ лично, что̀ можетъ вытерпѣть человѣкъ, лишь бы могъ онъ вѣрить, что ему сочувствуетъ ближній и готовъ помочь, чѣмъ можетъ! Если ближнему нечего дать намъ, кромѣ сочувствія и обод-

Digitized by Google

ренія, — чтожъ! мы принимаемъ крестъ свой прямо изъ рукъ господнихъ и на столько вѣруемъ въ любовь его, что слѣпо предаемся его волѣ. Вы изволите говорить, что разговоръ нашъ ни къ чему не повелъ? Нѣтъ, повелъ. Я узналъ, съ какой точки зрѣнія вы смотрите на предметы, узналъ и буду помнить; и впередъ, если случится судить о васъ, не стану обсуждать ваши поступки съ своей точки зрѣнія, а только съ вашей. Слѣдовательно, разговоръ этотъ для меня былъ полезенъ. Я человѣкъ старый, можетъ-быть никогда уже не приведется мнѣ видѣть васъ; но молиться о васъ буду, стану вспоминать и думать о васъ, о вашихъ несчастіяхъ, о вашемъ великомъ богатствѣ и объ ужасномъ концѣ вашего сына, — долго, долго буду думать; и попрошу у Господа Бога благословить васъ и въ здѣшней и въ будущей жизни. Аминь. Простите!

Джемъ во все это время держался въ сторонѣ, съ большимъ почтеніемъ и достоинствомъ. Оба они встали и отвѣсили низкій поклонъ, глядя на мистера Карсонса съ глубокимъ участіемъ, — неизбѣжною данью человѣку, который перенесъ и простилъ большое зло, и притомъ очевидно старается побороть свою печаль и переносить испытаніе мужественно.

Онъ такъ же низко и тихо поклонился имъ въ отвѣтъ. Потомъ быстро подошолъ и крѣпко пожалъ имъ руки. Джобъ и Джемъ молча вышли изъ комнаты.

Бываютъ минуты, когда люди, находясь подъ бременемъ великаго несчастія и созерцая его въ душѣ своей, обрѣтаютъ такую необычайную ясность и чистоту понятій, которая въ древности доходила у иныхъ до прорицанія. Люди, одаренные наибольшею способностью любви и страданія, а также большою силою характера, въ тяжкія минуты совершенно отрѣшаются отъ своей личности и переходятъ отъ сознанія собственной бѣды къ познанію причинъ ея, стараясь найти по возможности вѣрнѣйшее средство избавить отъ нее другихъ.

Отсюда происходитъ высокая и благородная дѣятельность, время отъ времени проявляющаяся въ иныхъ натурахъ, которыя сами испытали въ жизни тяжкіе кресты и желаютъ отъ ближняго отвратить страданія. И это одна изъ благороднѣйшихъ, лучшихъ цѣлей страданія: человѣкъ твердо борется со зломъ, посланнымъ ему свыше, и побѣждаетъ, на благо будущимъ поколѣніямъ.

Прошло немало времени прежде чѣмъ суровая природа Карсонса сдалась на это убѣжденіе, и даже когда постигъ онъ отрадную

Digitized by Google

тайну, также суровость помѣшала ему перемѣнить на свой счетъ общественное мнѣніе. Его судили не по дѣламъ, а по наружности. А измѣнить характеръ все-таки несравненно легче нежели привычки и манеры, созданныя тѣмъ же характеромъ. Люди мало или поверхностно знавшіе мистера Карсонса, до самой кончины продолжали считать его человѣкомъ холоднымъ и жестокимъ. Но тѣ, которые близко его знали и пользовались его довѣренностью, видѣли въ чемъ состояло живѣйшее желаніе, завѣтная мечта его сердца: онъ хотѣлъ, чтобы никому больше не довелось потерпѣть отъ тѣхъ причинъ, которыя его самого заставили пострадать такъ жестоко; онъ хотѣлъ водворить полное довѣріе, полное сочувствіе между хозяевами и рабочими, всѣхъ убѣдить въ той истинѣ, что у обоихъ сословій общіе интересы; что обдумывать и обсуждать эти интересы слѣдовало сообща; что вслѣдствіе этого нужно стараться объ образованіи рабочихъ, чтобы изъ нихъ выходили люди, а не машины; чтобы привязать рабочихъ къ хозяевамъ узами почтенія и любви, а не одними денежными сдѣлками; словомъ, онъ хотѣлъ, чтобы между обоими сословіями царствовалъ духъ истиннаго христіанства.

Многія улучшенія, введенныя нынѣ на манчестерскихъ фабрикахъ и заводахъ, обязаны своимъ происхожденіемъ вмѣшательству мистера Карсонса. Много есть и такихъ, которыя еще не приведены въ исполненіе; но и тѣ родились въ раздумчивой головѣ этого сураваго человѣка, наученнаго личнымъ опытомъ и несчастіемъ.

ГЛАВА XXXVIII

Не клони насъ, злое время,
Тяжкой долею къ землѣ:
Переносимъ жизни бремя
Мы съ покорностью судьбѣ.
Жажда денегъ, жажда власти
Не приходитъ намъ на умъ;
Не тревожатъ насъ ни страсти,
Ни борьба мятежныхъ думъ.
Какъ ни тяжко жизни бремя,
Не скучаемъ мы въ борьбѣ:
Не клони же, злое время,
Горькой долей насъ къ землѣ!

Барри Корнвалль.

Вскорѣ послѣ похоронъ Джона Бартона, дѣло о переселеніи Джема въ Торонто окончательно устроилось, и даже день отплытія былъ

Digitized by Google

назначенъ. До отъѣзда оставалось уже очень мало времени, а хлопотъ предстояло еще множество: слѣдовало устроить множество хозяйственныхъ мелочей, и кромѣ того побороть препятствіе, котораго Джемъ и Мери одинаково ожидали и боялись. То было сопротивленіе со стороны мистрисъ Вильсонъ, сопротивленіе весьма вѣроятное, тѣмъ болѣе что она ничего еще не слыхала о предполагаемомъ отъѣздѣ изъ Англіи.

Обоимъ молодымъ людямъ чрезвычайно хотѣлось, чтобы мать навсегда осталась жить съ ними; но они опасались, чтобы отвращеніе отъ разлуки съ родиною не послужило поводомъ къ разрыву ея съ ними. Наконецъ однажды вечеромъ, сидя съ матерью вдвоемъ и замѣчая, что она въ особенно мирномъ расположеніи духа, Джемъ рѣшился во всемъ ей открыться. Но къ величайшему его удивленію она не оказала никакого сопротивленія и выразила готовность всюду слѣдовать за нимъ и за его женою.

— Эта Мерика конечно должна быть сторона дальняя, — поди еще дальше Лондона, — въ чужихъ краяхъ гдѣ-нибудь? Но я вѣдь насчетъ Англіи стала вовсе худого мнѣнія, съ тѣхъ поръ какъ тебя, парня тихаго и смиреннаго, взяли да и засадили тутъ въ тюрьму. Куда бы вы ни поѣхали, и я съ вами. Можетъ-быть тамъ, въ индѣйской землѣ, лучше сумѣютъ отличить хорошаго человѣка. Да что ужъ говорить! сказано, что ѣду.

Такъ съ каждымъ днемъ сглаживались для нихъ всѣ неровности жизненнаго пути: въ настоящемъ все было ясно и просто, въ будущемъ много надеждъ, и вообще на душѣ было такъ легко, что и къ прошедшему возвращаться небольно.

— Джемъ! сказала ему Мери, сидя однажды въ сумеркахъ у окна, въ ожиданіи Маргариты, которая приходила къ ней ночевать. Голосъ Мери отзывался тихимъ счастіемъ. — Джемъ! Ты еще такъ и не сказалъ мнѣ ниразу, какъ ты провѣдалъ о моихъ глупостяхъ съ бѣднымъ молодымъ Карсонсомъ. — При воспоминаніи объ этой глупости она покраснѣла отъ стыда и спрятала лицо на его плечѣ. Онъ отвѣчалъ:

— Милочка! Странно какъ-то и сказать тебѣ: мнѣ сказала тетка твоя, Эсѳирь.

— А-а! помню. А какъ же она-то узнала? Я тогда такъ была разстроена, что и не спросила у ней ничего. Гдѣ ты ее видѣлъ? Я забыла, гдѣ она живетъ.

Мери говорила такъ просто и откровенно, что Джемъ убѣдился

Digitized by Google

въ совершенномъ ея невѣденіи насчетъ положенія Эсѳири и не зналъ что сказать на это. Помолчавъ немного онъ спросилъ:

— А гдѣ ты видѣла Эсѳирь, и когда именно? Скажи, милая, потомучто до сихъ поръ ты ниразу объ этомъ не упоминала и я теряюсь въ догадкахъ.

— О, это было въ ту страшную ночь, — точно сонъ какой! — И она разсказала ему о полночномъ посѣщеніи Эсѳири, прибавивъ: передъ отъѣздомъ надо бы ее отыскать и навѣстить, а я право не знаю, гдѣ ея квартира.

— Милая Мери...

— Что ты, Джемъ? воскликнула она, смущаясь отъ его перѣшительнаго тона.

— У бѣдной тети Эсѳири нѣтъ никакой квартиры: она изъ тѣхъ несчастныхъ, что шатаются по улицамъ. — И онъ въ свою очередь повѣдалъ ей о встрѣчѣ своей съ Эсѳирью, входя притомъ въ такія подробности, что волей или неволей Мери должна была повѣрить и согласиться, хотя это было ей очень горько.

— Джемъ! сказала она съ горячностью: мы должны отыскать ее, надо ее найти! — И она встала съ мѣста, какъ будто тотчасъ же хотѣла отправиться на поиски.

— Что же мы можемъ сдѣлать, милочка? спросилъ онъ, нѣжно ее удерживая.

— Что сдѣлать? Какъ, да чего же нельзя сдѣлать, еслибы только найти ее? Ты думаешь, она такъ счастлива на своемъ мѣстѣ, что и не захочетъ мѣнять его? Попробуй только протянуть ей руку помощи! Да не держи меня, Джемъ: теперь именно такое время, когда подобныя ей женщины выходятъ на улицу, и почемъ знать, что я сію же минуту не отыщу ее?

— Постой, Мери, подожди минуту. Лучше я самъ пойду сейчасъ искать ее, коли хочешь, хотя поиски, я думаю, будутъ напрасны. Тебѣ выходить не слѣдуетъ. Лучше всего завтра утромъ навесть справки въ полиціи. Но если я ее найду, какъ убѣдить ее идти за мною? Одинъ разъ она уже отказалась, говоря что низачто на свѣтѣ не можетъ отстать отъ пьянства.

— Ты и не убѣдишь никогда, если самъ будешь бояться и сомнѣваться, сказала Мери со слезами. — Ты надѣйся, вѣрь въ то, что осталось въ ней добраго. Обращайся къ ея хорошей сторонѣ — въ ней навѣрное осталось еще что-нибудь... О! приведи ее домой, и ты

Digitized by Google

увидишь, мы станемъ такъ любить ее, что она измѣнится къ лучшему.

— Да! сказалъ Джемъ, воспламеняясь словами Мери: — она поѣдетъ съ нами въ Америку и мы ей поможемъ отвыкнуть отъ пагубныхъ привычекъ. Сейчасъ пойду, безцѣнная моя, и если сегодня не найду ее, то завтра спросимъ у полиціи. Береги-жъ себя ты, мое сокровище! прибавилъ онъ, нѣжно цѣлуя ее передъ уходомъ.

Но тщетны были поиски. Джемъ всю ночь ходилъ взадъ и впередъ по городу, и не встрѣтилъ Эсѳири. На слѣдующій день онъ обратился въ полицію; по описанію его и примѣтамъ, полицейскіе объявили, что имъ извѣстна такая женщина подъ именемъ «Бабочки»: такъ ее назвали по причинѣ необыкновенной пестроты ея нарядовъ, года за два передъ тѣмъ. При помощи полиціи Джемъ розыскалъ одинъ изъ притоновъ такихъ особъ, — грязный трактиръ, за Петровской улицей. Джемъ и помощникъ его, добродушнѣйшій изъ блюстителей порядка, отправились туда и не безъ затрудненій были впущены подозрительною хозяйкой въ просторный чуланъ, въ которомъ человѣкъ тридцать бродягъ обоего пола, дремали въ повалку весь день, только вечеромъ выходя на промыселъ, — кто воровать, кто просить милостыню, кто продавать себя.

— Я знаю, что здѣсь была эта бабочка, сказала хозяйка, озираясь вокругъ. — Третьягодня вечеромъ она приходила, говоря, что у ней нѣтъ ни пенни за душой и не на что нанять угла; что еслибы здѣсь была деревня, а не городъ, то можно бы куда-нибудь въ кусты зайти да и издохнуть, либо въ яму какую; а тутъ на улицахъ полиція никому не даетъ покою, а ей надо гдѣ-нибудь лечь умирать. Ну, у насъ здѣсь тоже не Богъ знаетъ какой покой, но въ ту ночь довольно было просторно, пусто; я-же человѣкъ не злой — кабы была позлѣе смолоду, то мало ли могла бы нажить добра, да вотъ нѣту, характера недостало. Ну, я тогда и послала ее сюда, а теперь кажись ее здѣсь нѣтъ.

— А плоха она была? спросилъ Джемъ.

— О, кожа да кости, и кашель такой, что ломилъ ее пополамъ.

Распрашивая далѣе, они узнали, что она чувствовала приближеніе смерти и въ тоскѣ захотѣла еще разъ подышать чистымъ воздухомъ. Она вышла, но никто не зналъ куда направилась.

Джемъ поручилъ передать ей множество привѣтствій, и во всякомъ случаѣ просилъ хозяйку и полисмена тотчасъ послать за нимъ, какъ только нападутъ на ея слѣды; потомъ пошолъ въ квартиру

Digitized by Google

Мери, которой не видѣлъ цѣлый день, проведенный въ поискахъ. Онъ передалъ ей все что́ узналъ, и оба, опечаленные неуспѣшностью дѣла, долго и грустно молчали.

Спустя нѣсколько времени они начали говорить о своей будущности. Дня черезъ два Мери должна была сдать квартиру и на недѣлю уйти жить къ Джобу Легу, а потомъ обвѣнчаться и тотчасъ ѣхать въ Америку. Разсуждая объ этихъ планахъ, влюбленные опять незамѣтно впали въ сладкое, мечтательное безмолвіе.

Мери сидѣла рядомъ съ Джемомъ, который обнялъ ее за талью; склонивъ голову на его плечо, она думала обо всемъ, что́ произошло въ этомъ домѣ, и о томъ, что скоро она навѣки его покинетъ.

Какъ вдругъ она почувствовала, что Джемъ встрепенулся, — и сама встрепенулась, не зная отчего; она попробовала заглянуть ему въ лицо, но сумерки были уже такъ густы, что выраженія его она не могла разглядѣть. Онъ обернулся къ окну; она взглянула по тому же направленію и увидѣла блѣдное лицо, крѣпко прижавшееся снаружи къ стекламъ и пристально смотрящее въ темную комнату.

Пока они смотрѣли, какъ бы прикованные къ мѣсту и немогшіе ни думать, ни шевелиться, блестящіе глаза блѣднаго призрака помутились и вся фигура беззвучно, безсильно упала за окномъ на мостовую.

— Это Эсѳирь! сказали они оба разомъ, и бросились вонъ изъ комнаты. Тамъ, у стѣны, лежало что-то похожее на груду бѣлыхъ и полинялыхъ тряпокъ, а въ тряпкахъ валялась бѣдная Бабочка — въ обморокѣ или мертвая, — нѣкогда чистая и прекрасная Эсѳирь.

Какъ раненая лань усиленно тащитъ свои размозженые члены въ зеленую чащу, гдѣ она родилась и выросла и гдѣ хочетъ умереть, такъ эта несчастная пришла взглянуть на знакомый пріютъ своей прежней невинности, чтобы тутъ и сложить свои усталыя кости. Невозможно было навѣрное распознать, жива ли она была, или уже бездыханна.

Въ эту минуту подошли Джобъ съ Маргаритою, которая пришла ночевать. Онъ сказалъ, что у Эсѳири еще бьется пульсъ. Ее снесли наверхъ и положили на постель не раздѣвая, изъ боязни неосторожнымъ движеніемъ потревожить остатокъ потухающей жизни. Но все было тщетно.

Около полуночи она широко раскрыла глаза и оглянула знакомую комнату. Джобъ Легъ стоялъ на колѣняхъ у постели и громко,

Digitized by Google

усердно читалъ молитвы; но замѣтивъ ея взглядъ, онъ остановился. Она судорожнымъ движеніемъ привстала и сѣла на кровати.

— Такъ это все былъ сонъ? произнесла она порывисто. И по привычкѣ, которую не потеряла даже въ этотъ страшный смертный часъ, стала ощупывать у себя на груди медальонъ. Захвативъ его рукою, она пришла въ сознаніе, и поняла, что въ самомъ дѣлѣ пережила все то, что съ нею случилось въ послѣдніе годы.

Тогда она снова упала въ подушки и не говорила болыше ни слова. Она все держала въ рукѣ медальонъ съ волосами своей дочери, и повременамъ прикладывая его къ губамъ, долго и нѣжно цѣловала. Пока была у ней сила плакать, она тихо и горько плакала, потомъ умерла.

Ее положили въ могилу рядомъ съ Джономъ Бартономъ; тамъ они и покоятся вмѣстѣ, а на камнѣ, ихъ покрывающемъ, нѣтъ ни именъ, ни чиселъ, ни вензелей, вырѣзаны только слѣдующія слова:

«Псаломъ CIII, ст. 9: Не вѣченъ во гнѣвѣ Его и не вовѣки пребудетъ Его ярость.»

Я вижу длинный и низкій деревянный домъ, чистенькій и просторный. Первобытный лѣсъ кругомъ вырубленъ, только одно старинное, развѣсистое дерево оставлено около самаго домика и осѣняетъ его кровлю. Вокругъ жилища раскинутъ садъ, дальше идетъ обширный огородъ. Надъ всею картиной разливается роскошное сіянье лѣтняго солнца и все окрашиваетъ яркими, жаркими красками.

Въ дверяхъ дома стоитъ Мери и глядя на дорогу въ городъ, дожидается возвращенія мужа, который долженъ придти съ обычной работы. Она смотритъ и слушаетъ съ тихою улыбкой пѣсенку, раздающуюся изнутри дома:

Идетъ тятька по дорожкѣ,
Несетъ сладкія лепешки;
И гостинцы и пирогъ
Онъ для Джони приберегъ.

Джони гулитъ и поетъ пѣтухомъ, а бабушка выноситъ его къ двери и наслаждается тѣмъ, что онъ отъ нея нейдетъ къ матери, не смотря ни на какія приманки.

Digitized by Google

— Письма изъ Англіи! Оттого я такъ и замѣшкался.

— О Джемъ, Джемъ! Чтожъ ты ихъ такъ крѣпко держишь? Что тамъ пишутъ?

— Вѣсти все хорошія. Ну-ка отгадай, что пишутъ?

— Ахъ нѣтъ, лучше скажи. Я не умѣю отгадывать! говоритъ Мери.

— Такъ и не хочешь? Ну-ка, матушка, что вы скажете?

Джени Вильсонъ подумала съ минуту.

— Вилль женился на Маргаритѣ? сказала она.

— Несовсѣмъ — а близко того. Вотъ старушка-то наша подогадливѣе молодой. Ну же, Мери, постарайся отгадать.

Онъ наминуту съ намѣреніемъ закрылъ руками глаза своего малютки, пока тотъ, нетерпѣливымъ движеніемъ не оттолкнулъ его руки, говоря по своему:

— Не визу...

— Ну вотъ, а теперь видишь, Джони? Чтожъ Мери, угадала?

— Что-нибудь сдѣлали съ Маргаритою, чтобы возвратить ей зрѣніе? сказала Мери.

— Такъ. Ей дѣлали операцію и она теперь видитъ такъ же хорошо какъ и прежде. Она выходитъ за Вилля, 25 числа ихъ свадьба, а въ слѣдующій переѣздъ онъ пріѣдетъ съ нею сюда. Джобъ Легъ тоже собирается, но только не къ тебѣ, Мери, и не къ вамъ, матушка, даже не къ тебѣ, молодецъ мой (и онъ наклонился поцѣловать сына), а просто ѣдетъ поискать новыхъ насѣкомыхъ въ Канадѣ: такъ Вилль пишетъ. Какъ видите, матушка, онъ только и помышляетъ о жукахъ.

— Милый Джобъ Легъ! сказала Мери тихо и задумчиво...

КОНЕЦЪ

Digitized by Google

ВЪ ГОРАХЪ

Сырая мгла лежитъ въ ущельѣ;
А тамъ — какъ призраки легки,
Въ стыдливомъ, дѣвственномъ веселѣ,
Въ багрянцахъ утра — ледники...

Какою жизнью вѣетъ новой
Мнѣ съ этой снѣжной вышины,
Изъ этой чистой, бирюзовой,
И свѣта полной глубины!..

Тамъ, знаю, ужасъ обитаетъ,
И нѣтъ людского тамъ слѣда, —
Но сердце точно отвѣчаетъ
На чей-то зовъ: «туда, туда!»

А. МАЙКОВЪ

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

V

ПЕРВЫЙ МѢСЯЦЪ

Три дня спустя по прибытіи моемъ въ острогъ, мнѣ велѣно было выходить на работу. Очень памятенъ мнѣ этотъ первый день работы, хотя впродолженіе его не случилось со мной ничего очень необыкновеннаго, по крайней мѣрѣ взявъ въ соображеніе все и безъ того необыкновенное въ моемъ положеніи. Но это было тоже одно изъ первыхъ впечатлѣній, а я еще продолжалъ ко всему жадно присматриваться. Всѣ эти три первые дня я провелъ въ самыхъ тяжолыхъ ощущеніяхъ. «Вотъ конецъ моего странствованія: я въ острогѣ!» — повторялъ я себѣ поминутно: — «вотъ пристань моя на многіе, долгіе годы, мой уголъ, въ который я вступаю съ такимъ недовѣрчивымъ, съ такимъ болѣзненнымъ ощущеніемъ... А кто знаетъ? можетъ-быть — когда, черезъ много лѣтъ, придется оставить его, — еще пожалѣю о немъ!..» — прибавлялъ я не безъ примѣси того злораднаго ощущенія, которое доходитъ иногда до потребности нарочно бередить свою рану, точно желая полюбоваться своей болью, точно въ сознаніи всей великости несчастія есть дѣйствительно наслажденіе. Мысль современемъ пожалѣть объ этомъ углѣ — меня самого поражала ужасомъ: я и тогда уже предчувствовалъ, до какой чудовищной степени приживчивъ человѣкъ. Но это еще было впереди, а покамѣстъ теперь, кругомъ меня все было враждебно и — страшно... хоть не все, но разумѣется такъ мнѣ казалось. Это дикое любопытство, съ которымъ оглядывали меня мои новые

Digitized by Google

товарищи-каторжники, усиленная ихъ суровость съ новичкомъ изъ дворянъ, вдругъ появившимся въ ихъ корпораціи, суровость, иногда доходившая чуть не до ненависти, — все это до того измучило меня, что я самъ желалъ ужь поскорѣе работы, чтобъ только поскорѣе узнать и извѣдать все мое бѣдствіе разомъ, чтобъ начать жить какъ и всѣ они, чтобъ войти со всѣми поскорѣе въ одну колею. Разумѣется, я тогда многаго не замѣчалъ и не подозрѣвалъ, что́ у меня было подъ самымъ носомъ; между враждебнымъ я еще не угадывалъ отраднаго. Впрочемъ нѣсколько привѣтливыхъ, ласковыхъ лицъ, которыхъ я встрѣтилъ даже въ эти три дня, покамѣсть сильно меня ободрили. Всѣхъ ласковѣе и привѣтливѣе со мной былъ Акимъ Акимычъ. Между угрюмыми и ненавистливыми лицами остальныхъ каторжныхъ, я не могъ не замѣтить тоже нѣсколько добрыхъ и веселыхъ. «Вездѣ есть люди дурные, а между дурными и хорошіе», — спѣшилъ я подумать себѣ въ утѣшеніе: — «кто знаетъ? эти люди можетъ-быть вовсе не до такой степени хуже тѣхъ, *остальныхъ*, которые *остались* тамъ, за острогомъ». Я думалъ это и самъ качалъ головою на свою мысль, а между тѣмъ, — Боже мой! — еслибъ я только зналъ тогда, до какой степени и эта мысль была правдой!

Вотъ напримѣръ тутъ былъ одинъ человѣкъ, котораго только черезъ много-много лѣтъ я узналъ вполнѣ, а между тѣмъ онъ былъ со мной и постоянно около меня почти во все время моей каторги. Это былъ арестантъ Сушиловъ. Какъ только заговорилъ я теперь о каторжникахъ, которые были *не хуже* другихъ, то тотчасъ же невольно вспомнилъ о немъ. Онъ мнѣ прислуживалъ. У меня тоже былъ и другой прислужникъ. Акимъ Акимычъ еще съ самаго начала, съ первыхъ дней, рекомендовалъ мнѣ одного изъ арестантовъ, — Осипа, говоря, что за тридцать копѣекъ въ мѣсяцъ онъ будетъ мнѣ стряпать ежедневно особое кушанье, если мнѣ ужь такъ противно казенное и если я имѣю средства завести свое. Осипъ былъ одинъ изъ четырехъ поваровъ, назначаемыхъ арестантами по выбору въ наши двѣ кухни, хотя впрочемъ оставлялось вполнѣ и на ихъ волю принять или не принять такой выборъ; а принявъ, можно было хоть завтра же опять отказаться. Повара ужь такъ и не ходили на работу, и вся должность ихъ состояла въ печеніи хлѣба и варкѣ щей. Звали ихъ у насъ не поварами, а стряпками (въ женскомъ родѣ),

Digitized by Google

впрочемъ не изъ презрѣнія къ нимъ, тѣмъ болѣе что на кухню выбирался народъ толковый и по возможности честный, а такъ, изъ милой шутки, чѣмъ наши повара нисколько не обижались. Осипа почти всегда выбирали, и почти нѣсколько лѣтъ сряду онъ постоянно былъ стряпкой, и отказывался иногда только на время, когда его ужь очень забирала тоска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охота проносить вино. Онъ былъ рѣдкой честности и кротости человѣкъ, хотя и пришолъ за контрабанду. Это былъ тотъ самый контрабандистъ, высокій, здоровый малый, о которомъ уже я упоминалъ; трусъ до всего, особенно до розогъ, смирный, безотвѣтный, ласковый со всѣми, ни съ кѣмъ *никогда* не поссорившійся, но который не могъ не проносить вина, не смотря на всю свою трусость, по страсти къ контрабандѣ. Онъ вмѣстѣ съ другими поварами торговалъ тоже виномъ, хотя конечно не въ такомъ размѣрѣ, какъ напримѣръ Газинъ, потомучто не имѣлъ смѣлости на многое рискнуть. Съ этимъ Осипомъ я всегда жилъ очень ладно. Чтоже касается до средствъ имѣть свое кушанье, то ихъ надо было слишкомъ немного. Я не ошибусь, если скажу, что въ мѣсяцъ у меня выходило на мое прокормленіе всего рубль серебромъ, разумѣется кромѣ хлѣба, который былъ казенный, и иногда щей, если ужь я былъ очень голоденъ, не смотря на мое къ нимъ отвращеніе, которое впрочемъ почти совсѣмъ прошло впослѣдствіи. Обыкновенно я покупалъ кусокъ говядины, по фунту на день. А зимой говядина у насъ стоила грошъ. За говядиной ходилъ на базаръ кто-нибудь изъ инвалидовъ, которыхъ у насъ было по одному въ каждой казармѣ, для надсмотра за порядкомъ, и которые сами, добровольно, взяли себѣ въ обязанность ежедневно ходить на базаръ за покупками для арестантовъ и не брали за это почти никакой платы, такъ развѣ пустяки какіе-нибудь. Дѣлали они это для собственнаго спокойствія, иначе имъ невозможно бы было въ острогѣ ужиться. Такимъ образомъ они проносили табакъ, кирпичный чай, говядину, калачи, и проч. и проч., кромѣ только развѣ одного вина. Объ винѣ ихъ и не просили, хотя иногда и подчивали. Осипъ стряпалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ сряду все одинъ и тотъ же кусокъ зажареной говядины. Ужь какъ онъ былъ зажаренъ, — это другой вопросъ, да не въ томъ было и дѣло. Замѣчательно, что съ Осипомъ я въ нѣсколько лѣтъ почти не сказалъ двухъ

Digitized by Google

словъ. Много разъ начиналъ заговаривать съ нимъ, но онъ какъ-то былъ неспособенъ поддерживать разговоръ: улыбнется бывало или отвѣтитъ *да* или *нѣтъ*, да и только. Даже страшно было смотрѣть на этого геркулеса семи лѣтъ отъ роду.

Но кромѣ Осипа, изъ людей мнѣ помогавшихъ былъ и Сушиловъ. Я не призывалъ его и не искалъ его. Онъ какъ-то самъ нашолъ меня и прикомандировался ко мнѣ; даже не помню когда и какъ это сдѣлалось. Онъ сталъ на меня стирать. За казармами для этого нарочно была устроена большая помойная яма. Надъ этой-то ямой, въ казенныхъ корытахъ, и мылось арестантское бѣлье. Кромѣ того Сушиловъ самъ изобрѣталъ тысячи различныхъ обязанностей, чтобъ мнѣ угодить: наставлялъ мой чайникъ, бѣгалъ по разнымъ порученіямъ, отыскивалъ что-нибудь для меня, носилъ мою куртку въ починку, смазывалъ мнѣ сапоги раза четыре въ мѣсяцъ; все это дѣлалъ усердно, суетливо, какъ будто Богъ знаетъ какія на немъ лежали обязанности, однимъ словомъ совершенно связалъ свою судьбу съ моею и взялъ всѣ мои дѣла на себя. Онъ никогда не говорилъ напримѣръ: «у васъ столько рубахъ, у васъ куртка разорвана» и проч., а всегда: «у *насъ* теперь столько-то рубахъ, у *насъ* куртка разорвана». Онъ такъ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза и кажется принялъ это за главное назначеніе всей своей жизни. Ремесла, или какъ говорятъ арестанты, рукомесла у него не было никакого, и кажется только отъ меня онъ и добывалъ копейку. Я платилъ ему сколько могъ, то-есть грошами, и онъ всегда безотвѣтно оставался доволенъ. Онъ не могъ не служить кому-нибудь и, казалось, выбралъ меня особенно потому, что я былъ обходительнѣе другихъ и честнѣе на расплату. Былъ онъ изъ тѣхъ, которые никогда не могли разбогатѣть и поправиться, и которые у насъ брались сторожить майданы, простаивая по цѣлымъ ночамъ въ сѣняхъ на морозѣ, прислушиваясь къ каждому звуку на дворѣ на случай плацъ-майора, и брали за это по пяти копеекъ серебромъ чуть не за всю ночь, а въ случаѣ просмотра теряли все и отвѣчали спиной. Я ужь объ нихъ говорилъ. Характеристика этихъ людей — уничтожать свою личность всегда, вездѣ и чуть не передъ всѣми, а въ общихъ дѣлахъ разыгрывать даже не второстепенную, а третьестепенную роль. Все это у нихъ ужь такъ по природѣ. Сушиловъ былъ очень жалкой малый, вполнѣ безотвѣт-

Digitized by Google

ный, и приниженный, даже забитый, хотя его и никто у насъ не билъ, а такъ ужъ отъ природы забитый. Мнѣ его всегда было о чемъ-то жаль. Я даже и взглянуть на него не могъ безъ этого чувства; а почему жаль,—я бы самъ не могъ отвѣтить. Разговаривать съ нимъ я тоже не могъ; онъ тоже разговаривать неумѣлъ, и видно что ему это было въ большой трудъ, и онъ только тогда оживлялся, когда, чтобъ кончить разговоръ, дашь ему что-нибудь сдѣлать, попросишь его сходить, сбѣгать куда-нибудь. Я даже наконецъ увѣрился, что доставляю ему этимъ удовольствіе. Онъ былъ не высокъ и не малъ ростомъ, не хорошъ и не дуренъ, не глупъ и не уменъ, не молодъ и не старъ, немножко рябоватъ, отчасти бѣлокуръ. Слишкомъ опредѣлительнаго объ немъ никогда ничего нельзя было сказать. Одно только: онъ, какъ мнѣ кажется и сколько я могъ догадаться, принадлежалъ къ тому же товариществу, какъ и Сироткинъ, и принадлежалъ единственно по своей забитости и безотвѣтности. Надъ нимъ иногда посмѣивались арестанты, главное зато, что онъ *смѣнялся* дорогою, идя въ партіи въ Сибирь, и смѣнился за красную рубашку и за рубль серебромъ. Вотъ за эту-то ничтожную цѣну, за которую онъ себя продалъ, надъ нимъ и смѣялись арестанты. Смѣниться значитъ перемѣниться съ кѣмъ-нибудь именемъ, а слѣдственно и участью. Какъ ни чуденъ кажется этотъ фактъ, а онъ справедливъ, и въ мое время онъ еще существовалъ между препровождаемыми въ Сибирь арестантами въ полной силѣ, освященный преданіями и опредѣленный извѣстными формами. Сначала я никакъ не могъ этому повѣрить, хотя и пришлось наконецъ повѣрить очевидности.

Это вотъ какимъ образомъ дѣлается. Препровождается напримѣръ въ Сибирь партія арестантовъ. Идутъ всякіе: и въ каторгу, и въ заводъ, и на поселеніе; идутъ вмѣстѣ. Гдѣ-нибудь дорогою, ну хоть въ пермской губерніи, кто-нибудь изъ ссыльныхъ пожелаетъ смѣняться съ другимъ. Напримѣръ какой-нибудь Михайловъ, убійца или по другому капитальному преступленію, находитъ идти на многіе годы въ каторгу для себя невыгоднымъ. Положимъ онъ малый хитрый, тертый, дѣло знаетъ; вотъ онъ и высматриваетъ кого-нибудь изъ той же партіи попростѣе, позабитѣе, побезотвѣтнѣе, и которому опредѣлено наказаніе побольше сравнительно: или въ заводъ на малые годы,

Digitized by Google

или на поселенье, или даже въ каторгу, только помельче сроком. Наконецъ находитъ Сушилова. Сушиловъ изъ дворовыхъ людей и сосланъ просто на поселенье. Идетъ онъ уже тысячи полторы верстъ, разумѣется безъ копейки денегъ, потомучто у Сушилова никогда не можетъ быть ни копейки, — идетъ изнуренный, усталый, на одномъ казенномъ продовольствіи, безъ сладкаго куска хоть мимоходомъ, въ одной казенной одежѣ, всѣмъ прислуживая за жалкіе мѣдные гроши. Михайловъ заговариваетъ съ Сушиловымъ, сходится, даже дружится и наконецъ на какомъ-нибудь этапѣ поитъ его виномъ. Наконецъ предлагаетъ ему: не хочетъ ли онъ смѣняться? Я дескать, Михайловъ, вотъ такъ и такъ, иду въ каторгу не каторгу, а въ какое-то «особое отдѣленіе». Оно хоть и каторга, но особая, получше стало быть. — Объ особомъ отдѣленіи во время существованія его, даже изъ начальства-то не всѣ знали, хоть бы напримѣръ и въ Петербургѣ. Это былъ такой отдѣльный и особый уголокъ, въ одномъ изъ уголковъ Сибири, и такой немноголюдный (при мнѣ было въ немъ до семидесяти человѣкъ), что трудно было и на слѣдъ его напасть. Я встрѣчалъ потомъ людей служившихъ и знающихъ о Сибири, и которые отъ меня только въ первый разъ услыхали о существованіи «особаго отдѣленія». Въ Сводѣ Законовъ сказано объ немъ всего строкъ шесть: «Учреждается при такомъ-то острогѣ Особое отдѣленіе, для самыхъ важныхъ преступниковъ, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжкихъ каторжныхъ работъ.» Даже сами арестанты этого «Отдѣленія» не знали: что̀ оно, навѣчно или насрокъ? Сроку не было положено, сказано—впредь до открытія самыхъ тяжкихъ работъ, и только; — стало быть «вдоль по каторгѣ.» Немудрено что ни Сушиловъ, да и никто изъ партіи этого не зналъ, не исключая и самого сосланнаго Михайлова, который развѣ только имѣлъ понятіе объ Особомъ отдѣленіи судя по своему преступленію, слишкомъ тяжкому и за которое уже онъ прошолъ тысячи три или четыре. Слѣдственно не пошлютъ же его въ хорошее мѣсто. Сушиловъ же шолъ на поселеніе; чего же лучше? «Не хочешь ли смѣняться?» Сушиловъ подъ хмѣлькомъ, душа простая, полонъ благодарности къ обласкавшему его Михайлову, и потому не рѣшается отказать. Ктому же онъ слышалъ уже въ партіи, что мѣняться можно, что другіе же мѣняются,

Digitized by Google

слѣдственно необыкновеннаго и неслыханнаго тутъ нѣтъ ничего. Соглашаются. Безсовѣстный Михайловъ, пользуясь необыкновенною простотою Сушилова, покупаетъ у него имя за красную рубашку и за рубль серебромъ, которые тутъ же и даетъ ему при свидѣтеляхъ. Назавтра Сушиловъ уже не пьянъ, но его поятъ опять, ну да и плоко отказываться: полученный рубль серебромъ уже пропитъ, красная рубашка немного спустя тоже. Не хочешь, такъ деньги отдай. А гдѣ взять цѣлый рубль серебромъ Сушилову? А не отдастъ, такъ артель заставитъ отдать: за этимъ смотрятъ въ артели строго. Ктому же, если далъ обѣщаніе, то исполни, — и на этомъ артель настоитъ. Иначе сгрызутъ. Забьютъ пожалуй, или просто убьютъ, по крайней мѣрѣ застращаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допусти артель хоть одинъ разъ въ такомъ дѣлѣ поблажку, то и обыкновеніе смѣны именами кончится. Коли можно будетъ отказываться отъ обѣщанія и нарушать уже сдѣланный торгъ, уже взявши деньги, — кто же будетъ его потомъ исполнять? Однимъ словомъ — тутъ артельное, общее дѣло, а потому и партія къ этому дѣлу очень строга. Наконецъ Сушиловъ видитъ, что ужь не отмолишься и рѣшается вполнѣ согласиться. Объявляется всей партіи; ну тамъ кого еще слѣдуетъ тоже дарятъ и поятъ, если надо. Тѣмъ разумѣется все равно: Михайловъ или Сушиловъ пойдутъ къ чорту на рога, ну а вино-то выпито, угостили; — слѣдственно и съ ихъ стороны молчокъ. На первомъ же этапѣ дѣлаютъ напримѣръ перекличку; доходитъ до Михайлова: «Михайловъ!» Сушиловъ откликается: я! «Сушиловъ!» Михайловъ кричитъ я — и пошли дальше. Никто и не говоритъ ужь больше объ этомъ. Въ Тобольскѣ ссыльныхъ разсортировываютъ. «Михайлова» на поселеніе, а «Сушилова» подъ усиленнымъ конвоемъ препровождаютъ въ особое отдѣленіе. Далѣе никакой уже протестъ невозможенъ; да и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ доказать? На сколько лѣтъ затянется такое дѣло? Что за него еще будетъ? Гдѣ наконецъ свидѣтели? Отрекутся, еслибъ и были. Такъ и остается въ результатѣ, что Сушиловъ за рубль серебромъ, да за красную рубаху въ «особое отдѣленіе» пришолъ.

Арестанты смѣялись надъ Сушиловымъ, — не зато, что онъ сфискался (хотя къ смѣнившимся на болѣе тяжолую работу съ

Digitized by Google

легкой, вообще питаютъ презрѣніе, какъ не великимъ сообразившимся въ просакъ дуракамъ), а зато, что онъ взялъ только красную рубаху и рубль серебромъ: слишкомъ ужъ ничтожная плата. Обыкновенно мѣняются за большія суммы, опять таки судя относительно. Берутъ даже и по нѣскольку десятковъ рублей. Но Сушиловъ былъ такъ безотвѣтенъ, безличенъ и для всѣхъ ничтоженъ, что надъ нимъ и смѣяться-то какъ-то не приходилось.

Долго мы жили съ Сушиловымъ, уже нѣсколько лѣтъ. Мало-помалу онъ привязался ко мнѣ чрезвычайно; я не могъ этого не замѣтить, такъ что и я очень привыкъ къ нему. Но однажды,— никогда не могу простить себѣ этого, — онъ чего-то по моей просьбѣ не выполнилъ, а между тѣмъ только что взялъ у меня денегъ, и я имѣлъ жестокость сказать ему: «вотъ, Сушиловъ, деньги-то вы берете, а дѣло-то не дѣлаете». Сушиловъ смолчалъ, сбѣгалъ по моему дѣлу, но что-то вдругъ загрустилъ. Прошло дня два. Я думалъ: не можетъ быть, чтобъ онъ это отъ моихъ словъ. Я зналъ, что одинъ арестантъ, Антонъ Васильевъ, настоятельно требовалъ съ него какой-то грошовый долгъ. Вѣрно денегъ нѣтъ, а онъ боится спросить у меня. На третій день я и говорю ему: «Сушиловъ, вы кажется у меня хотѣли денегъ спросить, для Антона Васильева? Нате». Я сидѣлъ тогда на нарахъ; Сушиловъ стоялъ передо мной. Онъ былъ кажется очень пораженъ, что я самъ ему предложилъ денегъ, самъ вспомнилъ о его затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ, по его мнѣнію, ужъ слишкомъ много у меня забралъ, такъ что и надѣяться не смѣлъ, что я еще далъ ему. Онъ посмотрѣлъ на деньги, потомъ на меня, вдругъ отвернулся и вышелъ. Все это меня очень поразило. Я пошолъ за нимъ и нашолъ его за казармами. Онъ стоялъ у острожнаго частокола, лицомъ къ забору, прижавъ къ нему голову и облокотясь на него рукой. — «Сушиловъ, что съ вами?» спросилъ я его. Онъ не смотрѣлъ на меня и я, къ чрезвычайному удивленію замѣтилъ, что онъ готовъ заплакать: «Вы, Александръ Петровичъ... думаете...» — началъ онъ прерывающимся голосомъ и стараясь смотрѣть въ сторону, «что я вамъ... за деньги... а я... я... эхъ!» Тутъ онъ оборотился опять къ частоколу, такъ что даже стукнулся объ него лбомъ, — и какъ зарыдаетъ!.. Первый разъ я видѣлъ, какъ катор-

Digitized by Google

гѣ человѣка плачущаго. Насилу я утѣшилъ его, и хоть онъ съ этихъ поръ, если возможно это, еще усерднѣе началъ служить мнѣ и «наблюдать меня», но по нѣкоторымъ, почти неуловимымъ признакамъ я замѣтилъ, что его сердце никогда не могло простить мнѣ попрекъ мой. А между тѣмъ другіе смѣялись же надъ нимъ, шпыняли его при всякомъ удобномъ случаѣ, ругали его иногда крѣпко,—а онъ жилъ же съ ними ладно и дружелюбно и никогда не обижался. Да, очень трудно бываетъ распознать человѣка, даже и послѣ долгихъ лѣтъ знакомства!

Вотъ почему съ перваго взгляда каторга и не могла мнѣ представиться въ томъ настоящемъ видѣ, какъ представилась послѣдствіи. Вотъ почему я и сказалъ, что если и смотрѣлъ на все съ такимъ жаднымъ, усиленнымъ вниманіемъ, то все-таки не могъ разглядѣть много такого, что у меня было подъ самымъ носомъ. Естественно меня поражали сначала явленія крупныя, рѣзко выдающіяся, но и тѣ можетъ-быть принимались мною неправильно и только оставляли въ душѣ моей одно тяжолое, безнадежно-грустное впечатлѣніе. Очень много способствовала тому встрѣча моя съ А—вымъ, тоже арестантомъ, прибывшимъ незадолго до меня въ острогъ и поразившимъ меня особенно мучительнымъ впечатлѣніемъ въ первые дни моего прибытія въ каторгу. Я впрочемъ узналъ еще до прибытія въ острогъ, что встрѣчусь тамъ съ А—вымъ. Онъ отравилъ мнѣ это первое тяжолое время и усилилъ мои душевныя муки. Не могу умолчать о немъ.

Это былъ самый отвратительный примѣръ, до чего можетъ опуститься и исподлиться человѣкъ и до какой степени можетъ убить въ себѣ всякое нравственное чувство, безъ труда и безъ раскаянія. А—въ былъ молодой человѣкъ, изъ дворянъ, о которомъ уже я отчасти упоминалъ, говоря, что онъ переносилъ нашему плацъ-майору все что дѣлается въ острогѣ, и былъ друженъ съ его деньщикомъ Ѳедькой. Вотъ краткая его исторія: Недокончивъ нигдѣ курса и разорившись въ Москвѣ съ родными, испугавшимися развратнаго его поведенія, онъ прибылъ въ Петербургъ, и чтобъ добыть денегъ, рѣшился на одинъ подлый доносъ, т. е. рѣшился продать кровь десяти человѣкъ, для немедленнаго удовлетворенія своей неутолимой жажды къ самымъ грубымъ и развратнымъ наслажденіямъ, до которыхъ онъ,

Digitized by Google

соблазненный Петербургомъ, его кондитерскими и Мѣщанскими, сдѣлался падокъ до такой степени, что будучи человѣкомъ не глупымъ, рискнулъ на безумное и безсмысленное дѣло. Его скоро обличили; въ доносѣ своемъ онъ впуталъ невинныхъ людей, другихъ обманулъ, и за это его сослали въ Сибирь, въ нашъ острогъ, на десять лѣтъ. Онъ еще былъ очень молодъ, жизнь для него только-что начиналась. Казалось бы, такая страшная перемѣна въ его судьбѣ должна была поразить, вызвать его природу на какой-нибудь отпоръ, на какой-нибудь переломъ. Но онъ безъ малѣйшаго смущенія принялъ новую судьбу свою, безъ малѣйшаго даже отвращенія, не возмутился передъ ней нравственно, не испугался въ ней ничего, кромѣ развѣ необходимости работать и разстаться съ кондитерскими и съ тремя Мѣщанскими. Ему даже показалось, что званіе каторжнаго только еще развязало ему руки на еще бо́льшія подлости и пакости. «Каторжникъ, такъ ужь каторжникъ и есть; коли каторжникъ, стало-быть ужь можно подличать, и не стыдно». Буквально, это было его мнѣніе. Я вспоминаю объ этомъ гадкомъ существѣ какъ объ феноменѣ. Я нѣсколько лѣтъ прожилъ среди убійцъ, развратниковъ и отъявленныхъ злодѣевъ, но положительно говорю, никогда еще въ жизни я не встрѣчалъ такого полнаго нравственнаго паденія, такого рѣшительнаго разврата и такой наглой низости, какъ въ А—вѣ. У насъ былъ отцеубійца, изъ дворянъ; я уже упоминалъ о немъ; но я убѣдился по многимъ чертамъ и фактамъ, что даже и тотъ былъ несравненно благороднѣе и человѣчнѣе А—ва. На мои глаза, во все время моей острожной жизни, А—въ сталъ и былъ какимъ-то кускомъ мяса, съ зубами и съ желудкомъ, и съ неутолимой жаждой наигрубѣйшихъ, самыхъ звѣрскихъ тѣлесныхъ наслажденій, а за удовлетвореніе самаго малѣйшаго и прихотливѣйшаго изъ этихъ наслажденій онъ способенъ былъ хладнокровнѣйшимъ образомъ убить, зарѣзать, словомъ на все, лишь бы спрятаны были концы въ воду. Я ничего не преувеличиваю; я узналъ хорошо А—ва. Это былъ примѣръ того, до чего могла дойти одна тѣлесная сторона человѣка, не сдержанная внутренно никакой нормой, никакой законностью. И какъ отвратительно мнѣ было смотрѣть на его вѣчную насмѣшливую улыбку. Это было чудовище, нравственный квазимодо. Пра-

Digitized by Google

бавьте къ тому, что онъ былъ хитеръ и уменъ, красивъ собой, нѣсколько даже образованъ, имѣлъ способности; нѣтъ, лучше пожаръ, лучше моръ и голодъ, чѣмъ такой человѣкъ въ обществѣ! Я сказалъ уже, что въ острогѣ все такъ исподлилось, что шпіонство и доносы процвѣтали и арестанты нисколько не сердились за это. Напротивъ, съ А—мъ всѣ они были очень дружны и обращались съ нимъ несравненно дружелюбнѣе чѣмъ съ нами. Милости же къ нему нашего пьянаго майора придавали ему въ ихъ глазахъ значеніе и вѣсъ. Между прочимъ онъ увѣрилъ майора, что онъ можетъ снимать портреты (арестантовъ онъ увѣрялъ, что былъ гвардіи поручикомъ), и тотъ потребовалъ, чтобъ его высылали на работу къ нему на домъ, для того разумѣется, чтобъ рисовать майорскій портретъ. Тутъ-то онъ и сошолся съ деньщикомъ Ѳедькой, имѣвшимъ чрезвычайное вліяніе на своего барина, а слѣдственно на всѣхъ и на все въ острогѣ. А—въ шпіонилъ на насъ по требованію майора же, а тотъ, хмѣльной, когда билъ его по щекамъ, то его же ругалъ шпіономъ и доносчикомъ. Случалось, и очень часто, что сейчасъ же послѣ побой майоръ садился на стулъ и приказывалъ А—ву продолжать портретъ. Нашъ майоръ кажется дѣйствительно вѣрилъ, что А—въ былъ замѣчательный художникъ, чуть не Брюловъ, о которомъ и онъ слышалъ, но все-таки считалъ себя вправѣ лупить его по щекамъ, потому досказать, что теперь ты хоть и тотъ же художникъ, но каторжный, и хоть будь ты раз-Брюловъ, а я все-таки твой начальникъ, а стало-быть что захочу, то съ тобою и сдѣлаю. Между прочимъ онъ заставлялъ А—ва снимать ему сапоги и выносить изъ спальни разныя вазы, и все-таки долго не могъ отказаться отъ мысли, что А—въ великій художникъ. Портретъ тянулся безконечно, почти годъ. Наконецъ майоръ догадался, что его надуваютъ, и убѣдившись вполнѣ, что портретъ не оканчивается, а напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становится на него непохожимъ, разсердился, исколотилъ художника и сослалъ его за наказаніе въ острогъ, на черную работу. А—въ видимо жалѣлъ объ этомъ, и тяжело ему было отказаться отъ праздныхъ дней, отъ подачекъ съ майорскаго стола, отъ друга-Ѳедьки и отъ всѣхъ наслажденій, которыя они вдвоемъ изобрѣтали себѣ у майора на кухнѣ.

Digitized by Google

По крайней мѣрѣ майоръ, съ удаленіемъ А—ва, пересталъ преслѣдовать М., арестанта, на котораго А—въ безпрерывно доносилъ, и вотъ за что: М., во время прибытія А—ва въ острогъ, былъ одинъ. Онъ очень тосковалъ; не имѣлъ ничего общаго съ прочими арестантами, глядѣлъ на нихъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, не замѣчалъ и проглядѣлъ въ нихъ все, что могло бы подѣйствовать на него примирительно, и не сходился съ ними. Тѣ платили ему тою же ненавистью. Вообще положеніе людей, подобныхъ М., въ острогѣ ужасно. Причина, по которой А—въ попалъ въ острогъ, была М. неизвѣстна. Напротивъ А—въ, допрашивавшись съ кѣмъ имѣетъ дѣло, тотчасъ же уѣрилъ его, что онъ сосланъ совершенно за противоположное доносу, почти за то же, за что сосланъ былъ и М. М. страшно обрадовался товарищу, другу. Онъ ходилъ за нимъ, утѣшалъ его въ первые дни каторги, предполагая, что онъ долженъ былъ очень страдать, отдалъ ему послѣднія свои деньги, кормилъ его, подѣлился съ нимъ необходимѣйшими вещами. Но А—въ тотчасъ же возненавидѣлъ его, именно за то, что тотъ былъ благороденъ, за то, что съ такимъ ужасомъ смотрѣлъ на великую низость, за то именно, что былъ совершенно непохожъ на него, и все что М., въ прежнихъ разговорахъ, передалъ ему объ острогѣ и о майорѣ, все это А—въ поспѣшилъ при первомъ случаѣ донести майору. Майоръ страшно возненавидѣлъ за это и угнеталъ М., и еслибъ не вліяніе коменданта, онъ довелъ бы его до бѣды. А—въ же не только не смущался, когда потомъ М. узналъ про его низость, но даже любилъ встрѣчаться съ нимъ и съ насмѣшкой смотрѣть на него. Это видимо доставляло ему наслажденіе. Мнѣ нѣсколько разъ указывалъ на это самъ М. Эта подлая тварь потомъ бѣжалъ съ однимъ арестантомъ и съ конвойнымъ, но объ этомъ побѣгѣ я скажу послѣ. Онъ очень сначала и ко мнѣ подлизывался, думая, что я не слыхалъ о его исторіи. Повторяю, онъ отравилъ мнѣ первые дни моей каторги еще большей тоской. Я ужаснулся той страшной подлости и низости, въ которую меня ввергнули, среди которой я очутился. Я подумалъ, что здѣсь и все такъ же подло и низко. Но я ошибался: я судилъ обо всѣхъ по А—ву.

Въ эти три дня, я въ тоскѣ слонялся по острогу, лежалъ на своихъ нарахъ, отдалъ шить надежному арестанту, умѣв-

Digitized by Google

ному мнѣ Акимъ Акимычемъ, изъ выданнаго мнѣ казеннаго холста, рубашки, разумѣется за плату (по сколько-то грошей съ рубашки), завелъ себѣ по настоятельному совѣту Акима Акимыча складной тюфячекъ (изъ войлока, обшитаго холстомъ), чрезвычайно тоненькій, какъ блинъ, и подушку, набитую шерстью, страшно жесткую съ непривычки. Акимъ Акимычъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ мнѣ всѣхъ этихъ вещей и самъ въ немъ участвовалъ, собственноручно сшилъ мнѣ одѣяло изъ лоскутковъ стараго казеннаго сукна, собраннаго изъ вынесшихся панталонъ и куртокъ, купленныхъ мною у другихъ арестантовъ. — Казенныя вещи, которымъ выходилъ срокъ, оставались въ собственность арестанта; онѣ тотчасъ же продавались тутъ же въ острогѣ, и какъ бы ни была запошена вещь, все-таки имѣла надежду сойти съ рукъ за какую-нибудь цѣну. Всему этому я сначала очень удивлялся. Вообще это было время моего перваго столкновенія съ народомъ. Я самъ вдругъ сдѣлался такимъ же простонародьемъ, такимъ же матерщинникомъ, какъ и они. Ихъ привычки, понятія, мнѣнія, обыкновенія, — стали какъ-будто тоже мои, по крайней мѣрѣ не формѣ, по закону, хотя я и не раздѣлялъ ихъ въ сущности. Я былъ удивленъ и смущенъ, точно я не подозрѣвалъ прежде ничего этого и не слыхалъ ни о чемъ, хотя и зналъ и слышалъ. Но дѣйствительность производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ знаніе и слухи. Могъ ли я, напримѣръ, хоть когда-нибудь прежде подозрѣвать, что такія вещи, какъ такіе старые обноски, могутъ считаться тоже вещами? — а вотъ сшилъ же себѣ изъ этихъ старыхъ обносковъ одѣяло! Трудно было и представить себѣ, какого сорта было сукно, определенное на арестантское платье. Съ виду оно какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ походило на сукно, толстое, солдатское; но чуть-чуть попорченное, оно обращалось въ какой-то бредень и раздиралось возмутительно. Впрочемъ суконное платье давалось на годичный срокъ, но и съ этимъ срокомъ трудно было справиться. Арестантъ работаетъ, носитъ на себѣ тяжести; платье обтирается и обдирается скоро. Тулупы же выдавались на три года и обыкновенно служили впродолженіе всего этого срока и одеждой, и одѣялами, и подстилками. Но тулупы крѣпки, хотя и нерѣдкость было на комъ-нибудь видѣть, къ концу третьяго года, т. е. срока выноски, тулупъ заплатанный простою холстиной.

Digitized by Google

Несмотря на то, даже очень выношенные, по окончаніи опредѣленнаго имъ срока, продавались копеекъ за сорокъ серебромъ. Нѣкоторые же, получше сохранившіеся, продавались за шесть или даже за семь гривенъ серебромъ, а въ каторгѣ это были большія деньги.

Деньги же — я уже говорилъ объ этомъ, — имѣли въ острогѣ страшное значеніе, могущество. Положительно можно сказать, что арестантъ, имѣвшій хоть какія-нибудь деньги въ каторгѣ, въ десять разъ меньше страдалъ, чѣмъ совсѣмъ не имѣвшій ихъ, хотя послѣдній обезпеченъ тоже всѣмъ казеннымъ, и кчему бы кажется имѣть ему деньги? — какъ разсуждало наше начальство. Опять таки повторяю, что еслибъ арестанты лишены были всякой возможности имѣть свои деньги, они или сходили бы съ ума, или мерли бы какъ мухи (несмотря на то, что были во всемъ обезпечены), или наконецъ пустились бы въ неслыханныя злодѣйства, — одни отъ тоски, другіе — чтобъ поскорѣе быть какъ-нибудь казненнымъ и уничтоженнымъ, или такъ какъ-нибудь «перемѣнить участь» (техническое выраженіе). Если же арестантъ, добывъ почти кровавымъ потомъ свою копейку, или рѣшась для пріобрѣтенія ея на необыкновенныя хитрости, сопряженныя чаще съ воровствомъ и мошенничествомъ, въ тоже время такъ безразсудно, съ такимъ ребяческимъ безсмыслiемъ тратитъ ихъ, то это вовсе не доказываетъ, что онъ ихъ не цѣнитъ, хотя бы и казалось такъ съ перваго взгляда. Къ деньгамъ арестантъ жаденъ до судорогъ, до омраченія разсудка, и если дѣйствительно бросаетъ ихъ какъ щепки, когда кутитъ, то бросаетъ за то, что считаетъ еще одной степенью выше денегъ. Что же выше денегъ для арестанта? Свобода или хоть какая-нибудь мечта о свободѣ. А арестанты большіе мечтатели. Объ этомъ я кой-что скажу послѣ, но, къ слову пришлось: повѣрятъ ли, что я видалъ сосланныхъ на *двадцатилѣтній* срокъ, которые мнѣ самому говорили, очень спокойно, такія напримѣръ фразы: «а вотъ подожди, дастъ-Богъ кончу срокъ, и тогда»... Весь смыслъ слова «арестантъ» означаетъ человѣка безъ воли; а тратя деньги, онъ поступаетъ уже по *своей волѣ*. Несмотря ни на какія клейма, кандалы и ненавистныя пали острога, заслоняющія ему божій міръ и огораживающія его какъ звѣря въ клѣткѣ, — онъ можетъ достать вина, т. е. страшно запрещенное наслажденіе, попользо-

Digitized by Google

[illegible] разбойничьей, даже иногда (хоть и не всегда) подкупить своего ближайшего начальника, инвалида и даже унтеръ-офицера, которые сквозь пальцы будутъ смотрѣть на то, что онъ нарушаетъ законъ и дисциплину; даже можетъ, сверхъ торгу, еще покуражиться надъ ними, а покуражиться арестантъ ужасно любитъ, то-есть представиться предъ товарищами и увѣрить даже себя хоть на время, что у него воли и власти несравненно больше, чѣмъ кажется, — однимъ словомъ можетъ накутить, набуянить, разобидѣть кого-нибудь въ прахъ и доказать ему, что онъ все это *можетъ*, что все это «въ нашихъ рукахъ», т. е. увѣрить себя въ томъ, о чемъ бѣдняку и помыслить невозможно. Кстати: вотъ отчего можетъ-быть въ арестантахъ, даже и въ трезвомъ видѣ, замѣчается всеобщая наклонность къ куражу, къ хвастовству, къ комическому и наивнѣйшему возвеличенію собственной личности, хотя бы призрачному. Наконецъ во всемъ этомъ кутежѣ есть свой рискъ, — значитъ все это имѣетъ хоть какой-нибудь призракъ жизни, хоть отдаленный призракъ свободы. А чего не отдашь за свободу? Какой мильонщикъ, еслибъ ему сдавили горло петлей, не отдалъ бы всѣхъ своихъ мильоновъ за одинъ глотокъ воздуха?

Удивляются иногда начальники, что вотъ, какой-нибудь арестантъ жилъ себѣ нѣсколько лѣтъ такъ смирно, примѣрно, даже десяточнымъ его сдѣлали за похвальное поведеніе, и вдругъ, рѣшительно ни съ того, ни съ сего, — точно бѣсъ въ него влѣзъ, — зашалилъ, накутилъ, набуянилъ, а иногда даже просто на уголовное преступленіе рискнулъ: или на явную непочтительность передъ высшимъ начальствомъ, или убилъ кого-нибудь, или изнасиловалъ и проч. Смотрятъ на него и удивляются. А между тѣмъ можетъ-быть вся-то причина этого внезапнаго взрыва въ томъ человѣкѣ, отъ котораго всего менѣе можно было ожидать его, — это тоскливое, судорожное проявленіе личности, инстинктивная тоска по самомъ себѣ, желаніе заявить себя, свою приниженную личность, вдругъ появляющееся и доходящее до злобы, до бѣшенства, до омраченія разсудка, до припадка, до судорогъ. Такъ можетъ-быть заживо схороненный въ гробу и проснувшійся въ немъ, колотитъ въ свою крышу и силится сбросить ее, хотя разумѣется разсудокъ могъ бы убѣдить его, что всѣ его усилія останутся тщетными. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ ужь

но до разсудку: тутъ судороги. Возьмемъ еще въ соображеніе, что почти всякое самовольное проявленіе личности въ арестантѣ считается преступленіемъ; а въ такомъ случаѣ ему естественно все равно, что большее, что малое проявленіе. Кусать такъ уже кусать, рискнуть такъ уже рискнуть на все, даже хоть на убійство. И только вѣдь стоитъ начать: опьянѣетъ потомъ человѣкъ, даже не удержишь! А потому всячески бы лучше не доводить до этого. Всѣмъ было бы спокойнѣе.

Да, но какъ оно сдѣлать?

VI

МЕРЗЛЫЙ МѢСЯЦЪ.

При вступленіи въ острогъ, у меня было нѣсколько денегъ; въ рукахъ съ собой было немного, изъ опасенія, чтобъ не отобрали, но на всякой случай было спрятано, т. е. заклеено въ переплетѣ евангелья, которое можно было пронести въ острогъ, нѣсколько рублей. Эту книгу, съ заклеенными въ ней деньгами, подарили мнѣ еще въ Тобольскѣ тѣ, которые тоже страдали въ ссылкѣ и считали время ея уже десятилѣтіями и которые во всякомъ несчастномъ уже давно привыкли видѣть брата. Есть въ Сибири, и почти всегда не переводится, нѣсколько лицъ, которыя кажется значеніемъ жизни своей поставляютъ себѣ — братскій уходъ за «несчастными», состраданіе и соболѣзнованіе о нихъ, точно о родныхъ дѣтяхъ, совершенно безкорыстное, святое. Не могу не припомнить здѣсь вкратцѣ объ одной встрѣчѣ. Въ городѣ, въ которомъ находился нашъ острогъ, жила одна дама, Настасья Ивановна, вдова. Разумѣется никто изъ насъ, въ бытность въ острогѣ, не могъ познакомиться съ ней лично. Казалось, назначеніемъ жизни своей она избрала помощь ссыльнымъ, но болѣе всѣхъ заботилась о насъ. Было ли въ семействѣ у ней какое-нибудь подобное же несчастье, или кто-нибудь изъ особенно дорогихъ и близкихъ ея сердцу людей пострадалъ по такому же преступленію, но только она какъ-будто за особое счастье почитала сдѣлать для насъ все, что только могла. Многаго она конечно не могла; она была очень бѣдна. Но мы, сидя въ острогѣ,

чувствовала, что тамъ на острогѣ есть у насъ преданный другъ. Между прочимъ она намъ часто сообщала новости, въ которыхъ мы очень нуждались. Выѣзди изъ острога и отправляясь въ другой городъ, я успѣлъ побывать у ней и попрощаться съ нею заочно. Она жила гдѣ-то въ форштадтѣ, у одного изъ своихъ бывшихъ родственниковъ. Была она не стара и не молода, не хороша и не дурна; даже нельзя было узнать, умна ли она, образованна ли? Замѣчалась только въ ней, на каждомъ шагу, одна безконечная доброта, непреодолимое желаніе угодить, облегчить, сдѣлать для насъ непремѣнно что-нибудь пріятное. Все это такъ и виднѣлось въ ея тихихъ, добрыхъ взглядахъ. Я провелъ вмѣстѣ съ другими изъ острожныхъ моихъ товарищей у ней почти цѣлый вечеръ. Она такъ и глядѣла намъ въ глаза, смѣялась когда мы смѣялись, спѣшила соглашаться со всѣмъ, что бы мы ни сказали; суетилась угостить насъ хоть чѣмъ-нибудь, чѣмъ только могла. Поданъ былъ чай, закуска, какія-то сласти, и еслибъ у ней были тысячи, она бы кажется имъ обрадовалась только потому, что могла бы лучше намъ угодить да облегчить нашихъ товарищей, оставшихся въ острогѣ. Прощаясь, она вынесла намъ по сигарочницѣ на память. Эти сигарочницы она склеила для насъ сама изъ картона (ужь Богъ знаетъ какъ онѣ были склеены), оклеила ихъ цвѣтной бумажкой, точно такою же, въ какую переплетаются краткія ариѳметики для дѣтскихъ школъ (а можетъ-быть и дѣйствительно на оклейку пошла какая-нибудь ариѳметика). Кругомъ же обѣ папиросочницы были, для красоты, оклеены тоненькимъ бордюрчикомъ изъ золотой бумажки, за которою она можетъ-быть нарочно ходила въ лавки. «Вотъ вы курите же папироски, такъ можетъ-быть и пригодится вамъ», сказала она, какъ бы извиняясь робко передъ нами за свой подарокъ... Говорятъ иные (я слышалъ и читалъ это), что высочайшая любовь къ ближнему есть въ то же время и величайшій эгоизмъ. Ужь въ чемъ тутъ-то былъ эгоизмъ, — никакъ не пойму.

Хоть у меня вовсе не было при входѣ въ острогъ большихъ денегъ, но я какъ-то не могъ тогда серьозно досадовать на тѣхъ изъ каторжныхъ, которые, почти въ первые часы моей острожной жизни, уже обманувъ меня разъ, пренаивно приходили по другому, по третьему и даже по пятому разу занимать у меня.

Digitized by Google

Не признаюсь въ одномъ откровенно: мнѣ очень было досадно, что встрѣтятъ здѣсь, съ самыми низкими встрѣчами, непременно должно было такъ мнѣ казаться, считать меня простоватой и дурекомъ и объѣдаться надо мной именно потому, что я въ первый разъ давалъ имъ деньги. Имъ непремѣнно должно было казаться, что я поддаюсь на ихъ обманы и плуты, мошенники, напротивъ, я имъ отказывалъ и торговалъ вещь по 3 раза, чтобъ сколько-нибудь несравненно болѣе уважали меня. Но какъ я ни старался, я отказывать все-таки не могъ. Досадовалъ же я потому, что серьезно и заботливо думалъ въ эти первые дни о томъ, какъ и на какой ногѣ поставлю я себя въ острогѣ, или лучше сказать, на какой ногѣ я долженъ былъ стоять съ ними. Я чувствовалъ и понималъ, что вся эта среда для меня совершенно новая, что я въ совершенныхъ потемкахъ, а что въ потемкахъ нельзя прожить столько лѣтъ. Слѣдовало приготовиться. Разумѣется я рѣшилъ, что прежде всего надо поступать прямо, какъ внутреннее чувство и совѣсть велятъ. Но я зналъ тоже, что вѣдь это только афоризмъ, а передо мной все-таки явится самая неожиданная практика.

И потому, несмотря на всѣ мелочныя заботы о своемъ устройствѣ въ казармѣ, о которыхъ я уже упоминалъ и въ которыя вовлекалъ меня попреимуществу Акимъ Акимычъ, несмотря на то, что онѣ нѣсколько и развлекали меня, — страшная, ядущая тоска все болѣе и болѣе меня мучила. «Мертвый домъ!» говорилъ я самъ себѣ, присматриваясь иногда въ сумерки, съ крылечка нашей казармы, къ арестантамъ, уже собравшимся съ работы и лѣниво слонявшимся по площадкѣ острожнаго двора, изъ казармъ въ кухни и обратно. Присматривался къ нимъ, и по лицамъ и движеніямъ ихъ старался узнавать, что они за люди и какіе у нихъ характеры? Они же шлялись передо мной съ нахмуренными лбами, или ужь слишкомъ развеселые (эти два вида наиболѣе встрѣчаются и почти характеристика каторги), ругались или просто разговаривали, или наконецъ прогуливались въ одиночку, какъ-будто въ задумчивости, тихо, плавно, иные съ усталымъ и апатическимъ видомъ, другіе (даже и здѣсь!) — съ видомъ заносчиваго превосходства, съ шапками набекрень, съ тулупами въ накидку, съ дерзкимъ лукавымъ взглядомъ и съ нахальной пересмѣшкой. Все это моя среда, мой теперешній міръ, —

Digitized by Google

думалъ я, — съ которымъ хочу не хочу, а долженъ жить. Я пробовалъ было распрашивать и разузнавать объ нихъ у Акима Акимыча, съ которымъ очень любилъ пить чай, чтобъ не быть одному. Мимоходомъ сказать, чай, въ это первое время, былъ почти единственною моею пищею. Отъ чаю Аким Акимычъ не отказывался и самъ наставлялъ нашъ смѣшной, самодѣльный, маленькій самоваръ изъ жести, который далъ мнѣ на содержаніе. М. Аким Акимычъ выпивалъ обыкновенно одинъ стаканъ (у него были стаканы), выпивалъ молча и чинно, возвращая мнѣ его благопристойно и тотчасъ же принимался отдѣливать мой одинъ. Но того, что мнѣ надо было узнать — сообщить не могъ и даже не понималъ, къ чему я такъ особенно интересуюсь характерами окружающихъ насъ и ближайшихъ къ намъ каторжныхъ, и слушалъ меня даже съ какой-то хитренькой улыбочкой, очень мнѣ памятной. Нѣтъ, видно надо самому испытывать, а не распрашивать, подумалъ я.

На четвертый день, также какъ и въ тотъ разъ, когда я ходилъ перековываться, выстроились рано поутру арестанты, въ два ряда, на площадкѣ передъ кордегардіей, у острожныхъ воротъ. Впереди, лицомъ къ нимъ, и сзади — вытянулись солдаты, съ заряженными ружьями и съ примкнутыми штыками. Солдатъ имѣетъ право стрѣлять въ арестанта, если тотъ вздумаетъ бѣжать отъ него, но въ тоже время и отвѣчаетъ за свой выстрѣлъ, если сдѣлалъ его не въ случаѣ самой крайней необходимости; тоже самое и въ случаѣ открытаго бунта каторжниковъ. Но ктоже бы вздумалъ бѣжать явно? Явился инженерный офицеръ, кондукторъ, а также инженерные унтеръ-офицеры и солдаты, приставы надъ производившимися работами. Сдѣлали перекличку; часть арестантовъ, ходившая въ швальни, отправлялась прежде всѣхъ; до нихъ инженерное начальство и не касалось; они работали собственно на острогъ и обшивали его. Затѣмъ отправились мастерскія, а затѣмъ и на обыкновенныя черныя работы. Въ числѣ человѣкъ двадцати другихъ арестантовъ отправился и я. За крѣпостью, на замерзшей рѣкѣ, были двѣ казенныя барки, которыя за негодностью нужно было разобрать, чтобъ по крайней мѣрѣ старый лѣсъ не пропалъ даромъ. Впрочемъ весь этотъ старый матерьялъ кажется очень мало стоилъ, почти ничего. Дрова въ городѣ про-

Digitized by Google

давались по цѣнѣ ничтожной и кругомъ лѣсу было множество. Посылали почти только для того, чтобъ арестантамъ не сидѣть сложа руки, что̀ и сами-то арестанты хорошо понимали. За такую работу они всегда принимались вяло и апатически, а почти совсѣмъ другое бывало, когда работа сама по себѣ была дѣльная, цѣнная, и особенно когда можно было выпросить себѣ на урокъ. Тутъ они словно чѣмъ-то одушевлялись, и хоть имъ вовсе не было никакой отъ этого выгоды, но, я самъ видѣлъ, выбивались изъ силъ, чтобъ ее поскорѣй и получше докончить; даже самолюбіе ихъ тутъ какъ-то заинтересовывалось. А въ настоящей работѣ, дѣлавшейся болѣе для проформы, чѣмъ для надобности, трудно было выпросить себѣ урокъ, а надо было работать вплоть до барабана, бившаго призывъ домой въ одинадцать часовъ утра. День былъ теплый и туманный; снѣгъ чуть не таялъ. Вся наша кучка отправилась за крѣпость на берегъ, слегка побрякивая цѣпями, которыя хотя и были скрыты подъ одеждою, но все-таки издавали тонкій и рѣзкій металлическій звукъ съ каждымъ шагомъ. Два-три человѣка отдѣлились за необходимымъ инструментомъ въ цейхаузъ. Я шолъ вмѣстѣ со всѣми и даже какъ-будто оживился: мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть и узнать, что̀ за работа? какая это каторжная работа? и какъ я самъ буду въ первый разъ въ жизни работать?

Помню все до малѣйшей подробности. На дорогѣ встрѣтился намъ какой-то мѣщанинъ съ бородкой, остановился и засунулъ руку въ карманъ. Изъ нашей кучки немедленно отдѣлился арестантъ, снялъ шапку, принялъ подаяніе — пять копеекъ и проворно воротился къ своимъ. Мѣщанинъ перекрестился и пошолъ своею дорогою. Эти пять копеекъ въ тоже утро проѣли на калачахъ, раздѣливъ ихъ на всю нашу партію поровну.

Изъ всей этой кучки арестантовъ одни были, по обыкновенію, угрюмы и неразговорчивы, другіе равнодушны и вялы, третьи лѣниво болтали промежъ собой. Одинъ былъ ужасно чему-то радъ и веселъ, пѣлъ и чуть не танцовалъ дорогой, прибрякивая съ каждымъ прыжкомъ кандалами. Это былъ тотъ самый невысокій и плотный арестантъ, который въ первое утро мое въ острогѣ, поссорился съ другимъ у воды, во время умыванья, за то что другой осмѣлился безразсудно утверждать про себя, что онъ птица каганъ. Звали этого развеселившагося пар-

Digitized by Google

на Скуратовъ. Наконецъ онъ запѣлъ какую-то лихую пѣсню, изъ которой я помню припѣвъ:

Безъ меня меня женили —
Я на мельницѣ былъ.

Недоставало только балалайки.

Его необыкновенно-веселое расположеніе духа разумѣется тотчасъ же возбудило въ нѣкоторыхъ изъ нашей партіи негодованіе, даже принято было чуть не за обиду.

— Зовьмъ! съ укоризною проговорилъ одинъ арестантъ, до котораго впрочемъ вовсе не касалось дѣло.

— Одна была пѣсня у волка, и ту перенялъ, тулякъ! — замѣтилъ другой, изъ мрачныхъ, хохлацкимъ выговоромъ.

— Я-то положимъ тулякъ, немедленно возразилъ Скуратовъ, а вы въ вашей Полтавѣ галушкой подавились.

— Ври! самъ-то что ѣдалъ! Лантемъ щи хлѣбалъ.

— А теперь словно чортъ ядрами кормитъ, — прибавилъ третій.

— Я, и вправду, братцы, изнѣженный человѣкъ, — отвѣчалъ съ легкимъ вздохомъ Скуратовъ, какъ-будто раскаяваясь въ своей изнѣженности и обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ особенности: — съ самаго сызмалѣтства на черносливѣ да на панарусскихъ булкахъ испытанъ (т. е. воспитанъ. Скуратовъ нарочно коверкалъ слова), родимые же братцы мои и теперь еще въ Москвѣ свою лавку имѣютъ, въ прохожемъ ряду вѣтромъ торгуютъ, купцы богатѣющіе.

— А ты чѣмъ торговалъ?

— А по разнымъ качествамъ и мы происходили. Вотъ тогда-то, братцы, и получилъ я первыя двѣсти...

— Неужто рублей! — подхватилъ одинъ любопытный, даже вздрогнувъ услышавъ про такія деньги.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, не рублей, а палокъ. Лука, а Лука!

— Кому Лука, а тебѣ Лука Кузьмичъ, нехотя отозвался маленькой и тоненькой арестантикъ, съ востренькимъ носикомъ.

— Ну Лука Кузьмичъ, чортъ съ тобой, такъ ужь и быть.

— Кому Лука Кузьмичъ, а тебѣ дядюшка.

— Ну, да чортъ съ тобой и съ дядюшкой, не стоитъ и гово-

Digitized by Google

рать! А хорошее было слово хотѣлъ сказать. Ну-такъ, вотъ, братцы, такъ это случилось, что не долго я нашелъ въ Москвѣ; дали мнѣ тамъ напослѣдокъ пятнадцать кнутиковъ, да и отправили вонъ. Вотъ я...

— Да за что отправили-то?... перебилъ одинъ, прилежно слѣдившій за разсказомъ.

— А на ходи въ карантинъ, не пей шнуртовъ, не играй на белендрясѣ; такъ что я не успѣлъ, братцы, настоящимъ образомъ въ Москвѣ разбогатѣть. А очень, очень, очень того хотѣлъ, чтобъ богатымъ быть. И ужь такъ мнѣ этого хотѣлось, что и не знаю какъ и сказать.

Многіе разсмѣялись. Скуратовъ былъ очевидно изъ добровольныхъ весельчаковъ, или лучше шутовъ, которые какъ-будто ставили себѣ въ обязанность развеселять своихъ угрюмыхъ товарищей и разумѣется ровно ничего кромѣ брани за это не получали. Онъ принадлежалъ къ особенному и замѣчательному типу, о которомъ мнѣ можетъ-быть еще придется договорить.

— Да тебя и теперь вмѣсто соболя бить можно, замѣтилъ Лука Кузьмичъ. Ишь, одной одежи рублей на сто будетъ.

На Скуратовѣ былъ самый ветхій, самый заношеный тулупишка, на которомъ со всѣхъ сторонъ торчали заплаты. Онъ довольно равнодушно, но внимательно осмотрѣлъ его сверху до низу.

— Голова зато дорого стоитъ, братцы, голова! отвѣчалъ онъ. — Какъ и съ Москвой прощался, тѣмъ и утѣшенъ былъ, что голова со мной вмѣстѣ пойдетъ. Прощай Москва, спасибо за баню, за вольный духъ, славно исполосовали! А на тулупъ нечего тебѣ, милый человѣкъ, смотрѣть...

— Небось на твою голову смотрѣть?

— Да и голова-то у него не своя, а подаянная, опять ввязался Лука. — Ее ему въ Тюмени Христа-ради подали, какъ съ партіей проходилъ.

— Чтожъ ты, Скуратовъ, небось мастерство имѣлъ?

— Како мастерство! поводырь былъ, гаргосовъ водилъ, у нихъ голыши таскалъ, замѣтилъ одинъ изъ нахмуренныхъ, — вотъ и все его мастерство.

— Я дѣвствительно пробовалъ-было сапоги точать, — отвѣ-

Digitized by Google

— Да потомъ еще разъ работалъ, ужъ здѣсь, [illegible]

Погодя-того немножко,
Ак-кулининъ мужъ на дворъ...

[illegible]

Digitized by Google

развесистый, пронзительный голосъ, не говоря о другой сторонѣ я узналъ уже послѣ, видный и рослый парень, съ большой бородавкой на щекѣ и съ прекомическимъ выраженіемъ лица, которое должно-быть казалось ему очень важнымъ. Называлъ его піонеромъ, потомучто давно-ли онъ служилъ въ піонерахъ и теперь не находился въ особомъ отдѣленіи. Про него тоже придется много говорить.

Впрочемъ и не всѣ «серьозные» были такъ экспансивны какъ негодующій на веселость хохолъ. Въ каторгѣ было нѣсколько человѣкъ, мѣтившихъ на первенство, на знаніе всякаго дѣла, на изобрѣтательность, на характеры и умы. Иногда эти господа дѣйствительно были посильнѣе съ характеромъ и дѣйствительно достигали того, на что напрягали свои способности, — то-есть нравственнаго вліянія на своихъ товарищей. Между собою эти умники были часто большіе враги — и каждый изъ нихъ имѣлъ много ненавистниковъ. На прочихъ арестантовъ они смотрѣли съ достоинствомъ и даже съ снисходительностью, объ пенужныхъ не затѣвали, у начальства были на хорошемъ счету, на работахъ являлись какъ будто распорядителями, и никто изъ нихъ не ставъ бы приглашать другаго въ пріятели, до такихъ мелочей они не унижались. Со мной всѣ эти были замѣчательно вѣжливы, во все продолженіе каторги, но не очень разговорчивы, тоже какъ-будто изъ достоинства. Объ нихъ тоже придется поговорить подробнѣе.

Пришли на берегъ. Внизу, на рѣкѣ, стояла замерзшая въ водѣ старая барка, которую надо было ломать. На той сторонѣ рѣки синѣла степь; видъ былъ угрюмый и пустынный. Я ждалъ, что такъ всѣ и бросятся за работу, но объ этомъ и не думали. Иные разсѣлись на валявшихся по берегу бревнахъ; почти всѣ вытащили изъ сапогъ кисеты съ туземнымъ табакомъ, продававшимся на базарѣ въ листахъ по три копейки за фунтъ, и коротенькіе талиновые чубучки съ маленькими деревянными трубочками-самодѣльщиной. Трубки закурились: конвойные солдаты обтянули насъ цѣпью и съ скучнѣйшимъ видомъ принялись насъ стеречь.

— И кто догадался ломать эту барку? промолвилъ одинъ какъ бы про себя, ни къ кому впрочемъ не обращаясь. — Щепокъ чтоль захотѣлось?

Digitized by Google

— А кто насъ не боится, тотъ и догадался, замѣтилъ другой.

— Куда это мужичье-то валитъ? помолчавъ спросилъ первый, разумѣется незамѣтивъ отвѣта на прежній вопросъ и указывая вдаль на толпу мужиковъ, пробиравшихся куда-то гуськомъ по цѣльному снѣгу. Всѣ лѣниво оборотились въ ту сторону и отъ нечего дѣлать принялись ихъ пересмѣивать. Одинъ изъ мужичковъ, послѣдній, шелъ какъ-то необыкновенно смѣшно, разставивъ руки и свѣсивъ набокъ голову, на которой была длинная мужичья шапка, гречневикомъ. Вся фигура его цѣльно и ясно обозначалась на бѣломъ снѣгу.

— Ишь братанъ Петровичъ, какъ оболокся! — замѣтилъ одинъ, передразнивая выговоромъ мужиковъ. Замѣчательно, что арестанты вообще смотрѣли на мужиковъ нѣсколько свысока, хотя половина изъ нихъ были изъ мужиковъ.

— Задній-то, ребята, ходить точно рѣдьку ондитъ.

— Это тяжкодумъ, у него денегъ много, замѣтилъ третій.

Всѣ засмѣялись, но какъ-то тоже лѣниво, какъ-будто нехотя. Между тѣмъ подошла калашница, бойкая и разбитная бабенка.

У ней взяли калачей на подаянный пятакъ и раздѣлили тутъ же поровну.

Молодой парень, торговавшій въ острогѣ калачами, забралъ десятка два и крѣпко сталъ спорить, чтобъ выторговать три, а не два калача, какъ слѣдовало по обыкновенному порядку. Но калашница не соглашалась.

— Ну а того-то не дашь?

— Чего еще?

— Да чего мыши-то не ѣдятъ.

— Да чтобъ-те язвило! взвизгнула бабенка и засмѣялась.

Наконецъ появился и приставъ надъ работами, унтеръ-офицеръ съ палочкой.

— Эй вы, что́ разсѣлись? Начинать!

— Да что́, Иванъ Матвѣичъ, дайте урокъ, проговорилъ одинъ изъ «начальствующихъ», медленно подымаясь съ мѣста.

— Чего давеча на разводкѣ не спрашивали? Барку растащи, вотъ-те и урокъ.

Кое-какъ наконецъ поднялись, и спустились къ рѣкѣ, едва волоча ноги. Въ толпѣ тотчасъ же появились и «распорядители»

по крайней мѣрѣ на словахъ. Оказалось, что барку не слѣдовало рубить зря, а надо было по возможности сохранить бревна и въ особенности поперечныя копоры, прибитыя по всей длинѣ своей ко дну барки деревянными гвоздями, — работа долгая и скучная.

— Вотъ надо ты бы перво-наперво оттащить это бревнушко. Принимайся-ка, ребята! замѣтилъ одинъ, вовсе не распорядитель и не начальствующій, а просто чернорабочій, безсловесный и тихій малый, молчавшій до сихъ поръ, и нагнувшись обхватилъ руками толстое бревно, поджидая помощниковъ. Но никто не [illegible] ему.

— Да, подымешь небось! И ты не подымешь, да и [illegible] твой, медвѣдь, приди — и тотъ не подыметъ! — проворчалъ что-то сквозь зубы.

— Такъ чтожъ, братцы, какъ начинать-то? я ужь и не знаю... проговорилъ озадаченный выскочка, оставивъ бревно и [illegible].

— Всей работы не переработаешь... чего выскочилъ?

— Тремъ курамъ корму раздать обочтется, а туда же первый... Сердце!

— Да я, братцы, ничего, отговаривался озадаченный: — я только такъ.

— Да чтожъ мнѣ на васъ чехлы попадѣть, что ли? аль солить васъ прикажете на зиму? крикнулъ опять приставъ, съ недоумѣніемъ смотря на двадцатиголовую толпу, не знавшую какъ приняться за дѣло. — Начинать! скорѣй!

— Скорѣй скораго не сдѣлаешь, Иванъ Матвѣичъ.

— Да ты и такъ ничего не дѣлаешь, эй! Савельевъ! Разговоръ Петровичъ! тебѣ говорю: что стоишь, глаза продаешь!.. начинать!

— Да я чтожъ одинъ сдѣлаю?..

— Ужь задайте урокъ, Иванъ Матвѣичъ.

— Сказано — не будетъ урка. Растащи барку и иди домой. Начинать!

Принялись наконецъ, не вяло, нехотя, неумѣло. Даже досадно было смотрѣть на эту здоровенную толпу дюжихъ работниковъ, которые кажется рѣшительно недоумѣвали, какъ взяться за дѣло. Только было принялись вынимать первую, самую ма-

ленькую кокору, — оказалось, что она ломается, «сама ломается», какъ принесено было въ оправданіе приставу; слѣдственно такъ нельзя было работать, а надо было приняться какъ-нибудь иначе. Полное полное разсужденіе прежде всякой работы, какъ приняться сначала, что сдѣлать? Разумѣется, мелочная ругань, пересмѣйщи и подлаживанье... Пристав[illegible] прикрикнулъ и, помахавъ палочкой, не[illegible]ора, отошелъ. Оказалось сначала, что топоровъ мало и что надо еще принести какой-нибудь инструментъ. Тотчасъ же отрядили двухъ парней, [illegible] за инструментомъ въ крѣпость, а въ ожиданіи, всѣ остальные преспокойно усѣлись на баркѣ, вынули свои трубочки и стали закуривать [illegible]

Приставъ наконецъ плюнулъ.

— Ну, отъ васъ работа не заплачетъ! Эхъ народъ, народъ! — проворчалъ онъ сердито, махнулъ рукой и пошолъ въ крѣпость, помахивая палочкой.

Черезъ часъ пришолъ кондукторъ. Спокойно выслушавъ арестантовъ, онъ объявилъ, что даетъ на урокъ вынуть еще четыре кокоры, но такъ, чтобъ ужъ онѣ не ломались, а цѣликомъ, да сверхъ того отдѣлилъ разобрать значительную часть барки, съ тѣмъ, что тогда ужъ можно будетъ идти домой. Урокъ былъ большой, но, батюшки, какъ принялись! Куда дѣлась лѣнь, куда дѣлось недоумѣніе! Застучали топоры, начали вывертывать деревянные гвозди. Остальные подкладывали толстые шесты и налегая на нихъ въ двадцать рукъ, бойко и мастерски выламывали кокоры, которыя, къ удивленію моему, выламывались теперь совершенно цѣлыя и непопорченныя. Дѣло кипѣло. Всѣ вдругъ какъ-то замѣчательно поумнѣли. Ни лишнихъ словъ, ни ругани! всякъ зналъ что сказать, что сдѣлать, куда стать, что посовѣтовать. Ровно за полчаса до барабана заданный урокъ былъ оконченъ, и арестанты пошли домой усталые, но совершенно довольные, хоть и выиграли всего-то какихъ-нибудь полчаса противъ указаннаго времени. Но относительно меня я замѣтилъ одну особенность: куда бы я ни приткнулся имъ помогать во время работы, вездѣ я былъ неумѣста, вездѣ мѣшалъ, вездѣ меня, чуть не съ бранью, отгоняли прочь.

Какой-нибудь послѣдній оборвышъ, который и самъ-то былъ самымъ плохимъ работникомъ и не смѣлъ пикнуть передъ

другими заключенными, побойчее его и посмышленее, не хотел спускать вдруг крикуну на меня и продать меня, если и ставили надзирать меня, надо тебе предложить, что я ему объявил. Но наверно один из бойких прямо и грубо сказал мне: «куда лезешь, скуластое рыло! что сюда лезешь куда не спрашивают?»

— Попался въ мѣшокъ! тотчасъ же подхватилъ другой.

— А ты лучше кружку возьми, — сказалъ мнѣ третій, — да и ступай сбирать на каменное построеніе, да на табашное разореніе, а здѣсь тебѣ нечего дѣлать.

Приходилось стоять отдѣльно, а отдѣльно стоять, когда всѣ работаютъ, какъ-то совѣстно. Но когда дѣйствительно такъ случилось, что я отошолъ и сталъ на конецъ барки, тотчасъ же закричали: — Вонъ какихъ надавали работниковъ; чего съ ними сдѣлаешь? Ничего не сдѣлаешь!

Все это разумѣется было нарочно, потомучто всѣхъ это тѣшило. Надо было поломаться надъ бывшимъ дворянчикомъ, и конечно они были рады случаю.

Очень понятно теперь, почему, какъ уже я говорилъ прежде, первымъ вопросомъ моимъ при вступленіи въ острогъ было: какъ вести себя, какъ поставить себя передъ этими людьми? Я предчувствовалъ, что часто будутъ у меня такія-же столкновенія съ ними, какъ теперь на работѣ. Но несмотря ни на какія столкновенія, я рѣшился не измѣнять плана моихъ дѣйствій, уже отчасти обдуманнаго мною въ это время; я зналъ, что онъ справедливъ. Именно: я рѣшилъ, что надо держать себя какъ можно проще и независимѣе, отнюдь не выказывать особеннаго старанія сближаться съ ними; но и не отвергать ихъ, если они сами пожелаютъ сближенія. Отнюдь не бояться ихъ угрозъ и ненависти и, по возможности, дѣлать видъ, что не замѣчаю того. Отнюдь не сближаться съ ними на нѣкоторыхъ извѣстныхъ пунктахъ и не давать потачки нѣкоторымъ ихъ привычкамъ и обычаямъ, однимъ словомъ — не напрашиваться самому на полное ихъ товарищество. Я догадался съ перваго взгляда, что они первые презирали бы меня за это. Однако, по ихъ понятіямъ (и я узналъ это впослѣдствіи навѣрно), я все-таки долженъ былъ соблюдать и уважать передъ ними даже дворянское происхожденіе мое, то-есть нѣжиться, ломаться, брезгать ими, фыркать на каждомъ шагу, бѣлоручничать. Такъ именно они понимали что такое дво-

Digitized by Google

ранняго. Они разумѣется ругали бы меня за это, но все-таки уважали бы про себя. Такая роль была не по мнѣ, и никогда не бывалъ дворянинъ по нѣскольку лѣтъ въ непонятномъ, но этого и хотѣлъ себѣ своею никакой уступки не унижать передъ ними ни образованія моего, ни образа мыслей моихъ. Если бъ я сталъ, напримѣръ, въ угоду, подлащаться къ нимъ, соглашаться съ ними, фамильярничать съ ними и допускаться въ разныя ихъ «качества», чтобъ выиграть ихъ расположеніе, — они бы тотчасъ же предположили, что я дѣлаю это изъ страха и трусости и съ презрѣніемъ обошлись бы со мной. Да это и примѣръ: онъ водилъ къ майору и они сами больше его. Съ другой стороны, мнѣ и не хотѣлось заискивать передъ ними въ голодную и недоступную для нихъ сытость, какъ дѣлали нѣкоторые. Я очень хорошо видѣлъ теперь, что они презираютъ меня еще, что я хотѣлъ работать, какъ и они, не щадился и не ломался передъ ними; и хоть я навѣрно зналъ, что потомъ они принуждены будутъ перемѣнить обо мнѣ свое мнѣніе, но все-таки мысль, что теперь они какъ-будто имѣютъ право презирать меня, думая, что я на работѣ заискивалъ передъ ними, — эта мысль ужасно огорчала меня.

Когда вечеромъ, по окончаніи послѣ-обѣденной работы, я воротился въ острогъ, усталый и измученный, страшная тоска опять одолѣла меня. «Сколько тысячъ еще такихъ дней впереди,— думалъ я, — все такихъ же, все однихъ и тѣхъ же!» Молча, уже въ сумерки, скитался я одинъ за казармами, вдоль забора и вдругъ увидалъ нашего Шарика, бѣгущаго прямо ко мнѣ. Шарикъ былъ наша острожная собака, такъ, какъ бываютъ ротныя, батарейныя и эскадронныя собаки. Она жила въ острогѣ съ незапамятныхъ временъ, никому не принадлежала, всѣхъ считала хозяевами и кормилась выбросками изъ кухни. Это была довольно большая собака, черная съ бѣлыми пятнами, дворняшка, не очень старая, съ умными глазами и съ пушистымъ хвостомъ. Никто-то никогда не ласкалъ ея, никто-то никогда не обращалъ на нее никакого вниманія. Еще съ перваго же дня я погладилъ ее и изъ рукъ далъ ей хлѣба. Когда я ее гладилъ, она стояла смирно, ласково смотрѣла на меня и въ знакъ удовольствія тихо махала хвостомъ. Теперь, долго меня не видя, — меня, перваго, который въ нѣсколько лѣтъ вздумалъ ее приласкать, она бѣгала и отыскивала меня между всѣми, и отыскавъ за казармами, съ

Digitized by Google

[illegible] пустилась мнѣ навстрѣчу. Ужь и не знаю, что ее мной сталось, но я бросился цѣловать ее, я обнялъ ея голову; она вскочила мнѣ передними лапами на плеча, и начала лизать мнѣ лицо. «Такъ вотъ другъ, котораго мнѣ посылаетъ судьба!» — подумалъ я, и каждый разъ, когда потомъ, въ это первое тяжелое и угрюмое время, я возвращался съ работы, то прежде всего, не входя еще никуда, я спѣшилъ за казармы, со скачущимъ передо мной и визжащимъ отъ радости Шарикомъ, обхватывалъ его голову и цѣловалъ, цѣловалъ ее, и какое-то сладкое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мучительно-горькое чувство, щемило мнѣ сердце. И помню, мнѣ даже пріятно было думать, какъ будто хвалясь передъ собой своей же мукой, что вотъ, на всемъ свѣтѣ только и осталось теперь для меня одно существо мени любящее, ко мнѣ привязанное, мой другъ, мой единственный другъ, — моя вѣрная собака Шарикъ.

Ѳедоръ Достоевскій.

ПОКУДА

ПОВѢСТЬ

I

Какъ странно созданъ человѣкъ! Говорятъ — существо свободное... какой вздоръ! Я не знаю существа болѣе зависящаго: развитіе его ума, характера, его взглядъ на вещи, — все зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ. Разумъ, эта высшая способность человѣка, кажется данъ ему для того, чтобы глубже чувствовать собственное безсиліе и униженіе передъ случайностью.

Прежніе товарищи упрекаютъ меня, что я ничего не дѣлаю, говорятъ, что служеніе обществу есть долгъ всякаго честнаго человѣка. Я много спорю съ ними по этому поводу. Счастливые люди! въ тридцать лѣтъ они сохранили юношескій пылъ и тѣ высокія вѣрованія, что̀ такъ облагораживаютъ ошибки, за которыя я преслѣдую моихъ товарищей безпощадною насмѣшкой и чувствую злобную радость, когда замѣчаю, что слова мои дѣлаютъ на нихъ впечатлѣніе; но въ тоже время въ глубинѣ души, гдѣ такъ много неизъяснимой печали, я имъ завидую. И много бы я отдалъ за упоеніе ихъ вѣры...

Я слишкомъ рано началъ жить, т. е. думать, наблюдать и разбирать людей, ихъ характеры, привычки и страсти.

Условія, при которыхъ сложился мой характеръ, какъ нельзя болѣе благопріятствовали такому результату. Съ дѣтства меня никто не любилъ; вся любовь и надежды матери и сестеръ были сосредоточены на старшемъ братѣ: то былъ красивый и бойкій мальчикъ, самолюбивый и надменный. Онъ былъ старше меня

Digitized by Google

двумя годами; каждый, кто видѣлъ насъ вдвоемъ, невольно дѣлалъ сравненіе, такъ невыгодное для меня, причемъ моя застѣнчивость и неловкость еще сильнѣе бросались въ глаза, и тогда какъ брату расточали похвалы и ласки, обо мнѣ или забывали, или, что еще хуже, утѣшали. Съ тѣхъ поръ какъ я началъ сознавать себя, это обидное снисхожденіе было для меня невыносимо: зависть и вражда къ брату глубоко запали въ мою дѣтскую душу.

Чтобы избѣжать непріятныхъ столкновеній съ домашними, я старался какъ можно болѣе отдаляться отъ всѣхъ; разъ и навсегда я принялъ эту мѣру и, несмотря на выговоры, даже наказанія, не выходилъ изъ своей комнаты. Дѣтей было много въ нашемъ домѣ: кромѣ насъ съ братомъ, трехъ сестеръ и дочери гувернантки, мать моя воспитывала еще двухъ дочерей своей умершей сестры, и ни съ кѣмъ изъ нихъ я не могъ сойтись. Напрасно гувернеръ и гувернантка старались заставить меня идти гулять вмѣстѣ съ братомъ и сестрами, или играть въ залѣ: я упорно отказывался и сходился съ ними только въ классной комнатѣ. Я всегда одинаково удовлетворительно зналъ мой урокъ, не заслуживалъ ни похвалъ, ни порицаній; разъ только я особенно хорошо отвѣчалъ изъ исторіи, которой всегда занимался съ любовью: учитель посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, началъ разсыпаться въ похвалахъ и ставить мое прилежаніе въ примѣръ другимъ дѣтямъ, упрекая ихъ въ несправедливости ко мнѣ. Не знаю почему похвала эта показалась мнѣ слишкомъ поздней и обидной, и съ этого дня я старался какъ можно менѣе обращать на себя вниманія. Мать хотѣла отучить меня отъ этихъ странностей, но всѣ ея попытки остались безъ успѣха и она должна была примириться съ моимъ характеромъ, тѣмъ болѣе, что я никому не мѣшалъ. Я былъ такъ радъ, что меня оставили въ покоѣ! И скучно, однообразно проходило мое дѣтство: не освятили его ни ласки родныхъ, ни дружба сверстниковъ. По цѣлымъ часамъ я сидѣлъ въ моей комнатѣ, тогда какъ веселые голоса дѣтей и звонкій смѣхъ ихъ порой долетали до меня; я сидѣлъ одинъ, и сколько думъ проходило въ моей головѣ!.. Я такъ свыкся съ этими думами, такъ полюбилъ ихъ, что онѣ сдѣлались для меня лучшимъ наслажденіемъ. Я особенно любилъ думать во время вечерней молитвы. Не знаю почему мнѣ такъ нравился этотъ торжественный часъ, когда даже ненави-

Digitized by Google

стная гувернантка не находила приложенія своей должности; напрасно смотрѣла она по сторонамъ, желая сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе: на всѣхъ лицахъ былъ покой и тишина. Я стоялъ обыкновенно позади всѣхъ; прислонясь къ стѣнкѣ и сложивъ руки, я уходилъ въ свой фантастическій міръ и вызывалъ любимые образы и событія. Но часто, когда съѣзжались гости, комнаты были ярко освѣщены, въ залѣ играла музыка, мои сестры, красивыя и нарядныя, какъ бабочки порхали по гладкому паркету, мое сердце рвалось туда, я проклиналъ мое добровольное заточеніе: искушеніе было сильно; но я вспоминалъ моего ловкаго и счастливаго брата и преданныхъ ему сестеръ, вспоминалъ ихъ насмѣшки — и чувство ненависти, непримиримой вражды заглушало во мнѣ всѣ другія чувства. Я думалъ: они всѣ заодно, а я одинъ... И долго я плакалъ, потомъ отыскивалъ какія-нибудь книжки и начиналъ читать. Чтеніе развлекало и занимало меня; помню, какое наслажденіе доставляли мнѣ сказки: «Чудовище и красавица» и «Дѣвочка красная-шапочка». Я перечиталъ всѣ книжки нашей дѣтской библіотеки, и когда въ свободные отъ уроковъ часы мнѣ нечего было дѣлать, я снова принялся-было ихъ перечитывать, но уже не нашолъ и половины тѣхъ красотъ, которыя меня поражали съ перваго раза. Я даже началъ сомнѣваться въ дѣйствительности описываемыхъ происшествій. Какъ-то, перечитывая въ третій разъ «Чудовище и красавицу», я чувствовалъ усталость и скуку. Это было лѣтомъ; мы жили на дачѣ. Съ досады я бросилъ книжку и пошолъ въ садъ; тамъ никого не было: мои сестры и братъ гуляли съ гувернанткой въ рощѣ. За садовой рѣшоткой я увидалъ крестьянскихъ мальчиковъ, играющихъ въ лошадки. Я съ завистью прислушивался къ ихъ шумному говору и рѣзкому смѣху, подумалъ немного о томъ, не лучше ли было бы, еслибы я родился въ крестьянской семьѣ, и не останавливаясь долго на этой мысли, я перелѣзъ плетень и просилъ ихъ принять меня въ свою игру. Но они мнѣ рѣшительно отказали, на томъ основаніи, что я баринъ, начали дразнить меня и гнать прочь, такъ что я впередъ не смѣлъ показаться въ ихъ кружкѣ. Но я на этомъ не остановился; мнѣ какъ-то удалось завести знакомство съ сыномъ нашего дворника, и черезъ его протекцію меня приняли въ свое общество крестьянскіе мальчики. Благодаря отсутствію всякаго надзора, ничто не мѣшало моимъ сношеніямъ съ новыми друзья-

Digitized by Google

ми; я зналъ, что еслибы узнала мать, то она не допустила бы этого, но я велъ дѣла свои осторожно, и лѣто для меня прошло очень весело и пріятно. Я смѣло расчитывалъ на будущее.

Съ наступленіемъ зимы я снова принялся за чтеніе; на этотъ разъ я добрался до библіотеки моей матери. Мать читала не много, но выписывала всѣ лучшіе журналы, и я началъ читать всѣ новыя повѣсти и романы; правда, многаго не понималъ, но читалъ съ наслажденіемъ.

Въ гостиной моей матери, гдѣ по необходимости я долженъ былъ иногда являться, часто бывали споры о всѣхъ этихъ книгахъ. Я съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался, думалъ и повѣрялъ свои собственныя понятія и наблюденія; книги замѣняли мнѣ совѣтниковъ и друзей: въ минуты огорченія и досады я обращался къ нимъ, углублялся до самозабвенія и находилъ мужество и силу, и все окружающее казалось мнѣ такъ глупо и смѣшно передъ тѣми характерами и событіями, о которыхъ я читалъ или воображалъ. Но и книги не всегда отвѣчали на тѣ вопросы и явленія, которые поражали меня и которые я искалъ въ нихъ разрѣшить: вѣроятно это сознаніе недостатка въ творчествѣ привело меня къ тому, что я рѣшился быть писателемъ. Мнѣ было тогда лѣтъ тринадцать; первымъ моимъ опытомъ въ литературѣ была драма: «Роковой кинжалъ». Сюжетъ ея былъ самый замысловатый. Дѣйствіе происходило въ Испаніи: герой, храбрый и благородный донъ Фернандо томится въ темницѣ, прекрасная донна изнываетъ въ разлукѣ тоже гдѣ-то въ заточеньи. Я очень трогательно изображалъ судьбу героевъ, погибшихъ въ цвѣтѣ лѣтъ жертвою людской несправедливости и злобы; все шло какъ по маслу до того мѣста, гдѣ герой бѣжалъ изъ темницы и пріѣхалъ освободить свою возлюбленную: онъ уже подставилъ лѣстницу и началъ пилить желѣзную рѣшотку, какъ вдругъ меня позвали въ классъ. Я кое-какъ сунулъ тетрадку подъ подушку моей постели и отправился. Когда я возвратился назадъ въ мою комнату, то не нашолъ своей тетрадки тамъ, гдѣ ее оставилъ; въ испугѣ я началъ рыться въ постели, растрепалъ всѣ мои пожитки, но всѣ усилія были напрасны: «Роковой кинжалъ» исчезъ. Я распрашивалъ прислугу, рылся во всѣхъ углахъ и не могъ придумать, куда дѣвалась моя тетрадка. Вѣрно взялъ братъ! — мелькнуло въ моей головѣ, и чѣмъ болѣе я размышлялъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ вѣроятности

Digitized by Google

такого предположенія. Эта мысль привела меня въ бѣшенство: я заперся въ моей комнатѣ и не выходилъ къ обѣду. По всему бываетъ конецъ, и я успокоился, вообразилъ себя героемъ, котораго преслѣдуетъ злая судьба, и покорился. Я былъ увѣренъ, что рано или поздно мой добрый геній восторжествуетъ и накажетъ моихъ враговъ. На другой день, какъ только я явился къ чаю, сестры переглянулись съ братомъ и расхохотались; я не ошибся: они похитили и прочли мой «Роковой кинжалъ». Стыдъ, негодованіе и злость терзали меня, но я скрылъ все въ глубинѣ души и казался равнодушнымъ; тѣмъ не менѣе сестры и братъ не переставали потѣшаться надо мною и даже стали называть меня «Роковой кинжалъ», о чемъ сообщили и гувернанткѣ. Тогда злость моя не имѣла границъ; я сталъ придумывать, какъ бы отомстить моимъ злодѣямъ, и эта новая мысль врѣзалась въ мой мозгъ и не давала покоя. Я не спалъ ночи; но все, что ни придумывалъ, казалось или неудобнымъ, или недостаточнымъ. Я остановился на томъ, что зарѣжу себя перочиннымъ ножичкомъ и оставлю имъ письмо; я уже началъ сочинять это письмо, и оно выходило такъ трогательно, что читая его, я плакалъ навзрыдъ. Нервы мои были сильно раздражены: я не выдержалъ и занемогъ.

II

По выздоровленіи моемъ я сдѣлался еще задумчивѣе, еще сосредоточеннѣе; я весь ушолъ въ свой внутренній міръ и много думалъ надъ самимъ собой. Я рѣшился поступать такъ, чтобы ни въ чемъ не упрекать себя: въ каждомъ словѣ, въ каждой мысли отдавалъ себѣ отчетъ, и оттого малѣйшая ошибка стоила мнѣ мучительнаго раскаянія. Въ то время въ домѣ нашемъ явилась новая личность: мать моя позволила гувернанткѣ взять къ себѣ своего сына изъ кадетскаго корпуса на время каникулъ. Павелъ былъ мнѣ ровесникъ; у него былъ прямой и до невѣроятности вспыльчивый характеръ. Сначала вмѣстѣ съ братьями и сестрами онъ преслѣдовалъ меня насмѣшками и даже превзошолъ ихъ въ колкости и дерзости; я встрѣчалъ эти гоненія довольно равнодушно: со времени моей болѣзни я сдѣлался спокойнѣе. Разъ какъ-то Павелъ поссорился съ одною изъ моихъ кузинъ и по-

Digitized by Google

жаловался на нее матери: я хорошо зналъ этотъ фактъ, въ которомъ виноватъ былъ Павелъ и оправдалъ дѣвочку передъ матерью. Въ припадкѣ горячности, Павелъ разбранилъ меня и назвалъ дѣвчонкой; обиднѣе этого эпитета ничего не могло быть для меня; но я не возражалъ, не оправдывался и не мстилъ. Когда вспышка Павла прошла, ему было передо мной неловко; онъ пересталъ смѣяться надо мной и избѣгалъ меня. Я первый заговорилъ съ нимъ. Не помню хорошо, какъ это было. Помню только, что при первомъ моемъ словѣ Павелъ взглянулъ на меня съ изумленіемъ; повидимому онъ не ожидалъ, что я не сержусь на него, потомъ вдругъ бросился мнѣ на шею, обнялъ меня и заплакалъ. Съ этой минуты мы были друзьями.

Натура Павла была одна изъ тѣхъ страстныхъ, восторженныхъ натуръ, для которыхъ нѣтъ средины: онѣ или любятъ, или ненавидятъ, или подчиняются, или угнетаютъ; въ любви его ко мнѣ было что-то фанатическое: онъ безусловно вѣрилъ въ мою непогрѣшимость, во всѣхъ своихъ дѣлахъ требовалъ моего совѣта и поступалъ по немъ, не разсуждая. Такое рабство возмущало меня: я старался смягчить, облагородить наши отношенія; но онъ не хотѣлъ понять моей деликатности, и если я не просилъ его сдѣлать для меня что-нибудь, заступиться, когда мнѣ дѣлаютъ выговоръ, взять на себя мою вину, онъ толковалъ это по своему: сердился, выходилъ изъ себя, осыпалъ меня упреками, чрезъ нѣсколько времени извинялся, раскаявался, проклиналъ себя и нарочно дѣлалъ шалости, чтобы быть наказаннымъ; такимъ образомъ онъ мучилъ себя и меня. Это была глубокая, поэтическая личность съ огромными достоинствами и недостатками.

Какъ бы то ни было, но я много обязанъ этой дружбѣ и она безъ сомнѣнія имѣла вліяніе на мой характеръ. Высказывая ему свои задушевныя мысли и планы и встрѣчая полное сочувствіе, я былъ какъ-то самоувѣреннѣе; его мысли и намѣренія я всегда обдумывалъ и старался усвоить, если они мнѣ нравились.

Бывало лѣтнимъ вечеромъ въ рекреаціонное время, когда всѣ приготовляютъ уроки на завтрашній день, а солнце свѣтитъ весело и влажный воздухъ вызываетъ изъ комнаты, — сердце мое полно сладкихъ ощущеній: я не могъ заучивать городовъ и рѣкъ и ходилъ по комнатѣ объ руку съ Павломъ съ тетрадкой въ рукахъ. Мы вслухъ мечтали о будущемъ, и сколько было вѣры

Digitized by Google

въ себѣ; сколько надеждъ въ этихъ свѣтлыхъ грезахъ!.. Какъ часто потомъ, оставшись снова одинъ, я любилъ вспоминать объ этихъ вечерахъ...

По окончаніи каникулъ я просилъ мою мать позволить мнѣ видѣться съ Павломъ и она часто отпускала меня въ корпусъ и просила Павла приходить на праздники; такимъ образомъ наши дружескія отношенія продолжались до окончанія его курса. Съ поступленіемъ на службу, онъ уѣхалъ на Кавказъ, а я поступилъ въ университетъ. Сначала мы вели переписку; но интересы наши такъ разнились, что естественнымъ образомъ нельзя было поддержать ее. И порвалась между нами крѣпкая, дружеская связь: каждый пошолъ своей дорогой, весь отдаваясь теченію избраннаго пути, бросая на алтарь далекой цѣли все, что было личнаго, дорогого, милаго.

Я слушалъ лекціи по юридическому факультету. Какое широкое поле дѣятельности открылось для горячей головы, жаждущей истины! Я любилъ науку для науки, чистой и безкорыстною любовью, и отдался ей съ увлеченіемъ всею силою души, помимо всякаго личнаго интереса. Мать сердилась на меня за то, что я отсталъ отъ общества, сдѣлался дикаремъ; мои манеры приводили ее въ отчаяніе. «На что ты похожъ? говорила она мнѣ. — Какъ я покажусь съ тобой въ свѣтъ? Меня всѣ будутъ упрекать; а развѣ я виновата? Вѣдь Анатолій братъ же тебѣ»... И она все болѣе и болѣе горячилась и осыпала меня упреками. Я слушалъ ее съ почтительнымъ вниманіемъ и не возражалъ: это еще болѣе сердило ее; она рѣшила наконецъ, что я потерянный, что изъ меня ничего не выдетъ. Въ этихъ выговорахъ для меня не было ничего новаго: я ихъ всегда ожидалъ и потому не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія, продолжая вести себя такъ, какъ внушало собственное благоразуміе, и избавилъ мать отъ непріятности являться со мною въ обществѣ.

Въ моемъ гордомъ одиночествѣ я привыкъ быть самостоятельнымъ, привыкъ не подчиняться авторитету, какъ бы онъ ни былъ высокъ; но я не былъ слѣпъ къ своимъ недостаткамъ и зналъ ихъ лучше всякаго другого. Я давно научился думать, наблюдать характеры; но чѣмъ болѣе смотрѣлъ я на моего брата, этого идола семьи, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ своемъ нравственномъ превосходствѣ. Анатолій былъ неглупый малый, но пустой, дерзкій фатъ, притязательный и задорный; я былъ

Digitized by Google

къ нему необыкновенно равнодушенъ: дѣтская непріязнь исчезла безъ слѣда, а болѣе серьознаго чувства онъ не могъ внушить мнѣ.

III

Братъ кончилъ курсъ въ университетѣ и готовился поступить въ военную службу; у него съ сестрами былъ совѣтъ: въ какой полкъ лучше поступить? Послѣ долгихъ преній всѣ единогласно рѣшили, что лучше уланскаго кивера ничего не можетъ быть, — и братъ поступилъ въ уланы. Сестры восхищались имъ. И въ самомъ дѣлѣ, военный мундиръ очень шолъ къ его высокому росту и стройному стану. Я самъ любовался имъ, когда онъ ѣздилъ верхомъ на статной лошади, или танцовалъ съ кузиной Нелли, самой красивой и граціозной изъ нашихъ дѣвицъ. Онъ являлся и на гуляньяхъ, и на балахъ всегда подлѣ Нелли, былъ любезенъ и предупредителенъ до мелочности; а дома, когда не было гостей, они постоянно ссорились.

Передъ однимъ баломъ, сидя одинъ въ гостиной, я услыхалъ въ сосѣдней комнатѣ споръ Анатолія съ его товарищемъ Тѣшилымъ, который былъ очень близокъ въ нашемъ домѣ, — ему быть кавалеромъ Нелли. Нелли была на сторонѣ Тѣшина; но Анатолій требовалъ, чтобы она была съ нимъ, на томъ основаніи, что она уже нѣсколько разъ имѣла своимъ кавалеромъ Тѣшина, что это замѣтятъ — и будутъ говорить.

Нелли надулась и сказала, что она будетъ со мной. Всѣ удивились странности явиться съ такимъ букой: онъ еще сдѣлаетъ пожалуй какую неловкость, да поѣдетъ ли еще онъ? — Нелли была непреклонна. Наконецъ всѣ разошлись по своимъ комнатамъ; въ залѣ остались только Тѣшинъ и Нелли. Подали огня. Нелли стала играть на фортепьяно, офицеръ сѣлъ подлѣ нея. Я сидѣлъ въ темной комнатѣ противъ двери и смотрѣлъ на нихъ; мною овладѣла пріятная лѣнь, звуки Carnaval de Vénise едва перебирали моими чувствами; я былъ въ состояніи непонятнаго довольства и покоя, такъ что еслибы мнѣ сказали въ эту минуту, что я долженъ завтра идти на смерть, — я не испугался бы. На душѣ у меня было свѣтло и весело. Передо мной какъ въ туманѣ рисовались двѣ стройныя фигуры.

Digitized by Google

— Довольно, перестань играть, сказалъ Тѣшинъ, взявъ руку Нелли, и голова его такъ близко наклонилась къ ней, что черные его волосы коснулись ея плеча. Звуки Carnaval de Vénise замерли, будто порвались; лицо Тѣшина прильнуло къ обнаженному плечу Нелли. Стѣны и стулья закружились у меня въ глазахъ, дыханіе замерло.

— Какъ ты хороша, Нелли! сказалъ молодой человѣкъ.

— Перестань болтать вздоръ! сказала Нелли, вставая со стула. Онъ обнялъ ее и они начали ходить по комнатѣ.

— Отчего ты непремѣнно хочешь имѣть своимъ кавалеромъ Александра Ѳедорыча?

— Для контраста, отвѣчала она, смѣясь весело.

— Плутовка! проговорилъ молодой человѣкъ.

— Мнѣ пора одѣваться, сказала Нелли.

— Погоди, еще успѣешь: я такъ рѣдко вижу тебя одну. И онъ притянулъ ее къ себѣ; но она вырвалась и смѣясь бросилась изъ комнаты. Она скользнула мимо меня, ея платье махнуло по креслу, на которомъ я сидѣлъ, и при этомъ движеніи струя воздуха какъ-то освѣжительно коснулась моего лица.

— Ты сегодня поѣдешь съ нами на балъ? спрашивала меня Нелли, совсѣмъ одѣтая выходя въ залу.

Я отказывался сколько могъ.

— Неправда, ты поѣдешь, ты долженъ ѣхать: я буду съ тобой танцовать цѣлый вечеръ. Она обвила мою шею бархатными руками; быстрые глазки ея свѣтились такъ близко, что у меня кружилась голова.

— Ну чего тебѣ стоитъ съѣздить? Ты сдѣлаешь мнѣ этимъ огромное удовольствіе, говорила она, и голосъ ея звучалъ особенно нѣжно и мягко. — Ты не откажешь, когда я прошу тебя такъ искренно! Ты такъ уменъ... прибавила она съ хитрою улыбкой.

Я согласился.

Мы скоро отправились; въ каретѣ насъ сидѣло четверо: я съ Нелли, Тѣшинъ и одна изъ сестеръ. Тѣшинъ сидѣлъ противъ Нелли: всю дорогу они болтали. Я молчалъ; въ головѣ моей былъ какой-то туманъ: недавно видѣнная сцена за фортепьяно такъ и мерещилась въ глазахъ. Спутники мои заговорили о предстоящей свадьбѣ одной изъ моихъ сестеръ.

— А вы скоро выдете замужъ? спросилъ Тѣшинъ Нелли.

Digitized by Google

— Скоро, отвѣчала она съ увѣренностью.

— А за кого? Можно узнать?

— За одного старичка.

— Для контраста? — вырвалось у меня.

Нелли засмѣялась.

Таковы были женщины, которыхъ я встрѣчалъ. Онѣ не могли внушить симпатіи. Гдѣ же та женщина, о которой я мечталъ, не воздушная, блестящая нимфа, не образецъ кротости и смиренія, а женщина-человѣкъ, со всѣми человѣческими достоинствами и недостатками? Вопросъ о ея судьбѣ волновалъ и мучилъ меня, и какъ часто сердце мое болѣло за нее!.. И вотъ наконецъ явилась она: она не бросилась мнѣ въ глаза съ перваго раза и не поразила меня ничѣмъ; можетъ-быть при другихъ обстоятельствахъ я прошолъ бы мимо, не замѣтивъ этой прекрасной души. Въ жизнь мою я не встрѣчалъ подобной женщины! — Я зналъ женщинъ умнѣе, добрѣе, прекраснѣе, но не встрѣчалъ другой Зенаиды. Было что-то особенное, самобытное въ ея характерѣ и образѣ мыслей. Я познакомился съ ней, когда она была невѣстой брата: это не мѣшало мнѣ не обращать на нее вниманія до тѣхъ поръ, пока я не узналъ ее короче.

Въ то время я кончилъ курсъ въ университетѣ и только-что началъ служить, только-что встрѣтился лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, на которую до сихъ поръ смотрѣлъ сквозь розовую дымку утренней зари. Въ то время все въ нашемъ обществѣ волновалось и стремилось впередъ съ какой-то лихорадочной поспѣшностью, какъ бы желая вознаградить даромъ прожитое время. Каждый видѣлъ, сколько у насъ накопилось дѣла и сколько предстоитъ нерешоныхъ вопросовъ. Я видѣлъ какъ падаетъ величайшее изъ золъ — рабство, но сердце мое не радовалось: я зналъ какъ глубоко вросли въ нашу почву корни этого рокового зла и какъ много нужно усилій, чтобы отыскать и вырвать ихъ. Они пробрались во всѣ слои нашего общества и опутали его тонкою, крѣпкою сѣтью: ихъ не выдернуть безъ боли цѣлому организму. Я вѣрилъ, что молодое поколѣніе съ благороднымъ самоотверженіемъ примется общими силами искоренять все, что есть у насъ негоднаго и вреднаго, и гордая мысль о своемъ участіи въ дѣлѣ общественнаго преобразованія было моимъ нравственнымъ двигателемъ: на ней сосредоточились всѣ мои желанія и надежды; но каково было мое разочарованіе, ко-

Digitized by Google

гда я поступилъ на службу! Я узналъ, что впродолженіе многихъ лѣтъ я долженъ довольствоваться на поприщѣ служебной дѣятельности скромной ролью переписчика. Помимо этой механической работы я пытался заявить мою мысль: но меня встрѣтили насмѣшками, наградили эпитетомъ *выскочки* и — только: протесты мои ничего болѣе не вызвали, можетъ-быть потому, что я не умѣлъ взяться за дѣло. Какъ бы то ни было, но сердце мое ныло и болѣло. Я видѣлъ, какъ мимо безнаказаннаго зла, которое привело бы въ негодованіе каждаго свѣжаго человѣка, проходили люди съ почтеннымъ именемъ и огромнымъ вѣсомъ, не замѣчая его, или не желая замѣтить. Съ невозмутимымъ равнодушіемъ смотрѣли они на все, что дѣлалось передъ глазами: казалось, ничто не могло возбудить не только ихъ участія или симпатіи, но даже удивленія. Два года моего существованія на службѣ никому ничего не принесли, и мнѣ самому становилось въ тягость; но я не падалъ духомъ и все чего-то ждалъ, все на что-то надѣялся. Мнѣ приходилось встрѣчать людей съ возвышенными стремленіями, людей, которые умѣютъ какъ-то сдѣлать свое существованіе полезнымъ,— и этихъ немногихъ явленій было довольно, чтобы освѣжить меня. Я пытался быть полезнымъ помимо служебной дѣятельности и тутъ только увидалъ, какъ мало я знаю жизнь и общество, среди котораго жилъ. Гдѣ же я былъ столько лѣтъ? Чему учился? Къ чему готовился? Я былъ юристомъ и долженъ былъ надолго сложить свои знанія и смотрѣть безъ участія какъ совершаются дѣла, рѣшающія судьбу людей, которыхъ я любилъ горячей, безпредѣльной любовью. Я долженъ былъ еще многому учиться, чтобы быть человѣкомъ. Переписывая бумаги и съ особенной злостью выводя слова: «*повелику*» и «*яко*», я пріобрѣталъ знаніе людей и терялъ вѣру въ будущее, въ самого себя. Но чтобы не имѣть причинъ упрекать себя въ лѣни или недостаткѣ характера, я продолжалъ служить. Начальнику не нравилось во мнѣ многое: моя манера вступать въ разговоръ со старшими, совершенно некстати высказывать свое мнѣніе и еще болѣе странная и совсѣмъ неумѣстная привычка — противорѣчить.

Впрочемъ начальникъ мой Трифонъ Аѳанасьичъ былъ человѣкъ добрый и кроткій; но при всемъ своемъ великодушіи онъ не могъ мнѣ извинить дурного почерка и ставилъ въ примѣръ долговязаго и извилистаго Лутошкина, что въ столѣ у Ивана

Digitized by Google

Ивановича. Въ самомъ дѣлѣ, Лутошкинъ имѣлъ восхитительный почеркъ и никогда не зналъ соперниковъ въ каллиграфіи; я могъ только завидовать ему. Но вскорѣ и я переписывалъ, если не красиво, то довольно чисто, какъ выражался мой начальникъ, которому наконецъ вздумалось выйти въ отставку, къ совершенному моему удовольствію, тѣмъ болѣе, что на его мѣсто поступилъ человѣкъ рыцарской честности. Это былъ статный, красивый господинъ лѣтъ тридцати; въ его манерахъ была какая-то рѣзкость и нетерпѣливость, во всей наружности столько увѣренности и отваги, что хватило бы на десять такихъ молодцовъ. Вообще физіономія Сергѣя Петровича Зеленовскаго напомнила собою разбойника. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ примѣрной честности между чиновниками; онъ не только не бралъ взятокъ, но отказывался даже отъ жалованья. Когда нѣкій господинъ вздумалъ *поблагодарить* его за что-то, Зеленовскій пришолъ въ ярость и грозилъ отдать его подъ судъ; въ эту минуту онъ былъ прекрасенъ, какъ воплощеніе гнѣва и презрѣнія, и произвелъ эффектъ; все чиновничество нашего департамента пришло въ трепетъ и уныніе; но это впечатлѣніе скоро разсѣялось. Зеленовскій цеглижировалъ службой; онъ пріѣзжалъ въ департаментъ въ 12 часовъ утра на парѣ красивыхъ играющихъ лошадей, которыхъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ; въ присутствіи, посвистывая, ходилъ по комнатѣ, садился для разнообразія на столъ, или на окно, очень неохотно принимался за бумаги, не думая, что часто однимъ почеркомъ пера рѣшаетъ судьбу людей. Съ чиновниками онъ обращался возмутительно-небрежно; его отвѣты и приказанія были коротки и отрывисты. Вообще его поступленіе не произвело существенной перемѣны. Подчиненные скоро примѣнились къ его характеру и ловко обманывали новаго начальника, смѣясь между собою надъ его недальновидностью.

Разъ какъ-то возвратясь изъ департамента очень не въ духѣ, я встрѣтилъ у насъ Зенаиду. Она сидѣла въ залѣ подлѣ Полли, которая играла на фортепьяно. Облокотясь на спинку кресла и поддерживая голову, Зенаида сидѣла неподвижно; въ выраженіи ея лица, въ тоскливомъ взглядѣ, было столько серьезной печали и той безсильной покорности, за которой видна цѣлая без-

Digitized by Google

дня отчаянія, что мнѣ стало неловко. Я остановился въ дверяхъ и не зналъ, — идти ли въ комнату, или вернуться. Она замѣтила меня, я подошолъ. Зенаида, улыбаясь, протянула мнѣ руку и о чемъ-то заговорила, но я ничего не понималъ. «Отчего это она такъ печальна?» вертѣлось у меня въ головѣ. Вошолъ братъ. Нелли запѣла по его просьбѣ давно наскучившій мнѣ романсъ: «*Что такъ сильно, сердце, бьешься*». У нея былъ хорошій голосъ и она пѣла съ особеннымъ выраженіемъ, которое искупало пустоту содержанія.

— Вздоръ! сказала Зенаида какъ бы невольно, когда сестра пропѣла: «*Воля счастья не даетъ*».

— Отчего? спросилъ Анатолій.

— Воля не даетъ счастія! Такъ чтоже его даетъ?!

— Вы такъ часто ратуете за свободу, Зенаида, какъ-будто она непремѣнное условіе счастья.

— Конечно.

— Ужь только никакъ не для женщины.

— Женщина должна слѣпо подчиняться, слѣпо вѣрить, сказала одна изъ сестеръ.

Зенаида молчала. По лицу ея пробѣжала презрительная усмѣшка.

Я вдругъ заспорилъ съ братомъ по этому предмету. Мы спорили такъ долго и съ такимъ ожесточеніемъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти одного изъ насъ. Чѣмъ болѣе горячился и выходилъ изъ себя мой противникъ, тѣмъ удачнѣе я бралъ надъ нимъ верхъ и тѣмъ серьознѣе и печальнѣе становилась Зенаида. Весь этотъ вечеръ она была задумчива, разсѣянна и рано уѣхала домой. Она не говорила со мной ни слова, но прощаясь, крѣпко пожала мнѣ руку и съ этого дня ея внимательный взглядъ съ выраженіемъ любопытства останавливался на мнѣ. Я никогда не искалъ случая говорить съ Зенаидой, но внимательно слушивался, когда она говорила съ другими, и все болѣе и болѣе находилъ въ ней достоинствъ. Я немогъ понять, что свело Зенаиду съ моимъ братомъ; между ними было такъ мало общаго; она была очень умна и такъ правильно смотрѣла на вещи: чтожъ ей нравилось въ этомъ фанфаронѣ, котораго она не могла уважать? Дѣло было такъ просто. Мать Зенаиды была капризная и вздорная старуха, заражонная нелѣпыми предразсудками. Ея строгость въ отношеніи къ дочери доходила до смѣшного. Му-

Digitized by Google

дрено ли, что молодой дѣвушкѣ хотѣлось вырваться на волю. Но въ то время я иначе смотрѣлъ на поступокъ Зенаиды: я видѣлъ въ немъ отвратительную ложь и гнусную безнравственность. Я позабывалъ, что положеніе женщины безвыходно, что это лежитъ въ семействѣ, что ложь — единственная ея оборона противъ деспотизма главы семейства.

Въ воспитаніи, которое дѣлаетъ ее ни на что неспособной и ни къ чему негодной кромѣ паркета, въ предразсудкахъ общества, которое готово закидать грязью и оттолкнуть женщину за всякое ея свободное дѣйствіе, порицая ее въ уклоненіи отъ какихъ-то природныхъ обязанностей и отбивая у ней всякую охоту къ труду, а слѣдовательно и къ самостоятельности, — лежитъ начало рабства. Женщина выходитъ замужъ, чтобы имѣть вѣрное средство къ жизни, или скорѣе вырваться на волю; но она, горько ошибается, потомучто рабство, неутомимо преслѣдуя ее, является и тутъ, но въ другихъ формахъ. Тоже случилось и съ Зенаидой.

IV

День свадьбы моего брата приближался. Зенаида казалась спокойною, или это только казалось. Братъ долженъ былъ жить послѣ свадьбы уже не съ нами, что очень огорчало сестеръ; онѣ просили его провести лѣто вмѣстѣ на дачѣ. Наконецъ день свадьбы насталъ; это было въ іюнѣ. Помню я, было свѣтлое, ясное утро. Я всталъ рано; въ домѣ была суматоха, прислуга убирала комнаты, сестры хлопотали за туалетомъ. Я сидѣлъ одинъ въ моей комнатѣ и думалъ о Зенаидѣ. Неизъяснимая тоска терзала мое сердце и страшныя предположенія волновали умъ. Когда я серьозно подумалъ о своей грусти, она показалось мнѣ странною и неумѣстною, да и самъ-то я смѣшонъ, такъ что я старался скрыть ее отъ самого себя. Я взялъ ружье и пошолъ въ лѣсъ; но сердце болѣзнено ныло и слезы просились на глаза. Отчего же въ самомъ дѣлѣ мнѣ не жалѣть Зенаиду? Кому какое дѣло до меня? Никто ничего не пойметъ, ничего не замѣтитъ...

Я возвратился изъ лѣсу часовъ въ десять вечера. Домъ нашъ былъ ярко освѣщенъ, въ саду горѣли плошки, толпы любопытныхъ тѣснились около дома, стараясь заглянуть въ окно, откуда

Digitized by Google

слышались звуки бальной музыки. Я пробрался въ мою комнату черезъ садъ; меня никто не замѣтилъ. Звуки оркестра, веселые голоса гостей, шумъ подъѣзжающихъ экипажей и визгъ любопытныхъ кумушекъ сливались въ одинъ странный гулъ и неистово терзали мой слухъ. Сквозь эту адскую музыку мнѣ слышался плачъ и ропотъ собственнаго сердца; мнѣ хотѣлось бѣжать, уйти отъ своей печали, отъ самого себя...

Съ наступленіемъ ночи шумъ утихалъ понемногу, толпы любопытныхъ рѣдѣли. Начало свѣтать, когда я вышелъ на улицу. Влажный воздухъ охватилъ мою разгоряченную голову и лился въ грудь живительной струей. Широкій просторъ полей манилъ меня къ себѣ на лоно всеобъемлющей тишины и покоя. Около дома почти никого не было; кучера покачивались на козлахъ; глубокая дремота замѣнила оживленную бесѣду. Заспанный и сердитый лакей появлялся иногда у экипажа и, немилосердно зѣвая, отыскивалъ свою карету. Тишина прерывалась стукомъ колесъ подъѣхавшаго къ крыльцу экипажа; въ него бросалась разряженная барыня съ блѣднымъ, утомленнымъ лицомъ и помятымъ платьемъ; стукъ затворенной дверцы раздавался рѣзко, одиноко, затѣмъ слышался шумъ быстро отъѣзжающаго экипажа; шумъ этотъ постепенно замиралъ и опять наступала тишина. Я вышелъ вонъ изъ деревни. Все тихо и пусто, кругомъ ровное, гладкое, широкое пространство, кой-гдѣ окаймленное лѣсомъ, котораго черныя зубчатыя вершины рѣзко рисуются на голубомъ фонѣ неба. Ночныя тѣни бережно приподнимаются; все притаилось, будто замерло въ благоговѣйномъ ожиданіи. Въ этой простой, однообразной картинѣ, въ этой таинственной тишинѣ было что-то величавое, неизъяснимо-прекрасное. Чувство восторженнаго умиленія охватило мою душу; въ ней не было мѣста личнымъ желаніямъ и страстямъ. Бѣдный сынъ праха, я чувствовалъ силу генія въ развернутомъ передо мной художественномъ произведеніи! Я остановился какъ вкопанный, сложивъ руки и устремивъ глаза на раскинувшійся надо мной широкій сводъ, и чудилось мнѣ, что кто-то глядитъ на меня оттуда глубокимъ, проницательнымъ взглядомъ...

Digitized by Google

V

Цѣлую недѣлю шолъ проливной дождь. Казалось природа плакала съ неудержимымъ отчаяніемъ, и наплакавшись до истощенія силъ, отдыхала, какъ больная. Наконецъ солнце какъ-то особенно привѣтливо и томно выглянуло изъ-за толпы блуждающихъ безцѣльно облаковъ, но не вдругъ начало обогрѣвать землю: оно нехотя, небрежно бросало яркіе лучи, разсыпалось брильянтами въ дождевыхъ капляхъ и снова пряталось за встрѣчныя облака. Только къ вечеру, когда облака совершенно разсѣялись, оно съ радостнымъ трепетомъ залило теплыми лучами все, что ни попадалось на пути. Но я не слишкомъ обрадовался солнцу, я находилъ особенную прелесть въ ненастьѣ. Въ наслажденіи ненастьемъ я находилъ что-то серьозное и глубокое, чего не промѣнялъ бы за безпечное веселье, которое наводитъ веселое сіянье солнечныхъ лучей. Вотъ почему я не спѣшилъ воспользоваться хорошимъ вечеромъ и остался дома, когда всѣ ушли гулять. Я долго ходилъ по комнатамъ. Я какъ-то особенно любилъ быть одинъ въ домѣ; хорошо и привольно быть одному и думать: это не то-что запереться въ тѣсной комнатѣ, какъ это я часто дѣлалъ подъ предлогомъ занятій, когда хотѣлось думать. Я обошолъ весь домъ и мнѣ захотѣлось войти въ комнату Зенаиды. Я вошолъ. Я никогда не былъ въ этой комнатѣ. Въ ней было довольно безпорядка, и это мнѣ понравилось: я имѣлъ отвращенье къ нѣмецкой акуратности. Я сѣлъ на диванъ передъ рабочимъ столикомъ, и задумался о Зенаидѣ. Благодаря дурной погодѣ, которая не выпускала изъ комнаты, члены семейства въ это время болѣе имѣютъ случая высказываться и сталкиваться между собою. Разница въ характерахъ Анатолія и Зенаиды съ каждымъ днемъ становилась очевиднѣе. Анатолій, мелочной и завистливый, не выносилъ ея превосходства онъ старался уничтожать ее, въ пустякахъ показывалъ свою власть, придирался къ ея словамъ, къ самымъ незначительнымъ поступкамъ и толковалъ ихъ въ дурную сторону. Съ своей стороны Зенаида хотѣла поставить себя внѣ всякой власти; я удивлялся ея умѣнью давать иногда самому щекотливому разговору шуточный оборотъ или поставить своего противника въ такое положеніе, что онъ

Digitized by Google

или долженъ согласиться, или явно выказать свое невѣжество. Во всякомъ случаѣ она умѣла сохранить свое достоинство; но тѣмъ не менѣе, положеніе ея было незавидно. Между Зенаидой и моимъ братомъ завязалась тайная вражда, непонятная можетъ быть для нихъ самихъ; она быстро развилась и не обѣщала ничего добраго.

Голоса въ саду заставили меня обернуться къ окну: Зенаида и Анатолій рука объ руку шли по дорожкѣ. Они живо разговаривали и смѣялись, и сколько искренности было въ этомъ весельѣ! Я невольно залюбовался на эти красивыя молодыя лица; всѣ мои мрачныя мысли разсѣялись. Впечатлѣніе было сильно; въ эту минуту я былъ близорукъ: мысль моя не шла далѣе этой гладкой, свѣтлой поверхности.

Я долго еще оставался въ этой комнатѣ, гдѣ все, начиная отъ развернутой книги до брошеной на диванѣ мантильи, которую сегодня я видѣлъ на *ней*, все говорило о недавнемъ присутствіи хозяйки. Вдругъ дверь быстро отворилась, и Зенаида вошла въ комнату. Въ жизнь мою я не былъ такъ сконфуженъ.

— Вы здѣсь зачѣмъ? спросила она весело, подходя ко мнѣ и смотря на меня пристально.

— Я... я... искалъ карандашъ.

— И ищете на диванѣ, сложа руки? Много же вы найдете! Сказывайте, зачѣмъ пришли? продолжала она настойчиво.

Я смѣшался и не помню, что отвѣчалъ.

— Такъ-то? сказала она, погрозивъ мнѣ пальцемъ. — Хорошъ! Да чтожъ вы стоите? Вотъ хоть бы помогли одѣться.

Она подала мнѣ свой бурнусъ.

— Ну теперь пойдемте гулять. Что вы все сидите въ комнатѣ!

— Пожалуй пойдемте, отвѣчалъ я равнодушно.

— Отчего это вы такъ невеселы? спросила она, когда мы вышли въ садъ.

— Чему-жъ мнѣ радоваться?

— Не радоваться, но быть, какъ всѣ. Знаете ли что? Мнѣ давно хотѣлось съ вами говорить. Вы отличный человѣкъ, но вы большой эгоистъ. Васъ нужно исправить и тогда изъ васъ будетъ что-нибудь хорошее. Отчего вы бѣгаете людей? Это непростительно, потомучто такихъ людей, какъ вы, немного.

Digitized by Google

Я засмѣялся.

— Хандрить не хорошо! сказала она, не обращая вниманія на мой смѣхъ.

— Вы кажется хотите привести меня на путь истинный? сказалъ я со злостью.

Зенаида молчала. На лицѣ ея не было и тѣни досады.

— Вы хотите щегольнуть сердцемъ, продолжалъ я. — Это старая штука!

Она молчала. Лицо ея было спокойно и грустно.

Мы встрѣтились съ сестрами и я имъ оставилъ.

На душѣ моей легло какое-то горькое, безпокойное чувство; больное сердце было отъ неосторожнаго прикосновенія. Что она ко мнѣ пристаетъ? Что ей нужно? — думалъ я, и меня разбирала злость.

Я долго гулялъ въ рощѣ и поздно вечеромъ, возвращаясь домой, я увидалъ Зенаиду. Она сидѣла у воротъ на скамейкѣ и слегка покачивалась на мѣстѣ, какъ это было всегда, когда она задумывалась. По мѣрѣ того какъ я подходилъ, враждебныя чувства мои къ этой женщинѣ смѣшались съ другими, противоположными чувствами, внезапно нахлынувшими при взглядѣ на нее. Голова моя шла кругомъ, сердце замирало: я готовъ былъ броситься передъ нею на колѣни, излить мою душу... Но я опомнился и прошелъ быстро, не взглянувъ на нее.

— Александръ, крикнула она мнѣ вслѣдъ: — подите сюда!

Я остановился, не вѣрилъ ушамъ и не обернулся назадъ до тѣхъ поръ, пока снова не услышалъ: — Александръ, подите сюда!

Я подошолъ.

— Вы сердитесь? сказала она и протянула мнѣ руку. — Помиримтесь! — И въ выраженіи голоса, съ которымъ были сказаны эти простыя слова, въ выраженіи ея свѣтлыхъ глазъ — было столько искренности, участія и симпатіи... Я горячо цѣловалъ ея руку и не знаю чѣмъ бы кончилъ эту сцену, еслибы она не прервала меня:

— Пойдемте домой! Поздно, сказала она.

Мы пошли. Она о чемъ-то заговаривала; я слушалъ ее, смотрѣлось и ловилъ слова, не разбирая смысла: сердце мое было полно безотчетнаго довольства. Мы вошли въ домъ. Она пошла на балконъ: я слѣдовалъ за нею, не отдавая себѣ отчета, для чего

Digitized by Google

я это дѣлалъ. Мы много говорили. Я никогда не забуду этого вечера. Погода была недурна: ночь самая обыкновенная, но тѣмъ не менѣе прекрасная, прекрасная своей примиряющей тишиной, своею торжественностью. Деревья сада тихо качали кудрявыми вершинами и сѣтка ихъ тѣни слегка шевелилась на полу балкона. Красивая голова моей собесѣдницы и вся ея граціозная фигура четко рисовалась въ полумракѣ; мягкій воздухъ будто гладилъ меня по лицу и чувство наслажденія разлилось у меня въ груди: то же чувство свѣтилось въ неподвижномъ, будто забывшемся взглядѣ Зенаиды. Я былъ готовъ согласиться, что жизнь прекрасна, что въ ней много высокихъ наслажденій, и можетъ-быть въ это время нефальшиво понималъ ея простой, глубокій смыслъ.

— Да, хорошо жить на свѣтѣ! сказалъ я.

— Тому, кто умѣетъ находить хорошее и пользоваться имъ, отвѣтила Зенаида, и будто въ подтвержденіе ея словъ изъ залы принеслись звуки фортепьяно: Нелли пѣла «Гондольеръ молодой». Я очень любилъ эту пѣсню: слова ея, выраженіе, съ которымъ они были пропѣты, затронули мое сердце и заронили въ него чувство самонадѣянности и довольства. Я вѣрилъ въ возможность счастія, а время шло и безвозвратно уносило вмѣстѣ съ соромъ будничной жизни все, что въ ней было рѣдкаго и дорогого...

VI

Зенаида пыталась внести смыслъ въ домъ моей матери, окружила себя людьми съ здравыми понятіями, съ новыми воззрѣніями: то были большею частью молодые люди безъ громкихъ именъ и связей, съ одними личными достоинствами. Она много читала и почти никуда не выѣзжала: все это сильно не нравилось моей матери и она привисывала ея занятія и поступки желанію воспитать себя достойнѣе ея дочерей и племянницъ, воспитаніемъ которыхъ очень гордилась. Сестры отдалялись отъ Зенаиды и по своему обсуживали и осмѣивали ея слова и поступки. Зенаида съ обыкновеннымъ своимъ тактомъ, полнымъ достоинства и благородства, отстаивала себя и, всегда вѣрная себя, твердо шла своимъ путемъ, несмотря на мелкія оскорбленія и придирки.

Digitized by Google

Явленіе этой личности произвело сильное впечатлѣніе въ нашемъ семействѣ; каждый волею или неволею чувствовалъ ея вліяніе. Я видѣлъ въ Зенаидѣ мой идеалъ женщины; ея жаждѣ дѣятельности и знаній, мечтамъ о свободѣ, презрѣнію пустоты и мелочности — я горячо сочувствовалъ.

— Нѣтъ, вы не правы, сказала мнѣ Зенаида, когда я говорилъ ей о моимъ безплодныхъ трудахъ, растраченныхъ напрасно силахъ: — у жизни есть цѣли, для которыхъ можно отдать жизнь, есть мгновенія, за которыя можно много и долго страдать.

— Укажите мнѣ эти цѣли, дайте мнѣ эти мгновенія! сказалъ я въ порывѣ невыразимой тоски.

Она молчала.

— Чѣмъ же заплатитъ мнѣ жизнь за всѣ вѣрованія, которыя она отняла, — говорилъ я, — за всѣ благородныя стремленія, которымъ она посмѣялась?

— Такъ вотъ оно что! Вы хотите торговаться съ жизнью и боитесь проиграть... Вы слишкомъ мелочны, слишкомъ расчетливы и себялюбивы: вы не стоите лучшей участи.

— Развѣ я говорю о возмездіи? — Я только хочу видѣть результатъ моихъ усилій...

— Ждите.

— Чего же ждать, когда все пошло прахомъ?

— Значитъ вы не умѣете взяться за дѣло. Гдѣ вашъ проектъ объ арестантахъ?

— Не приняли.

— А статья о приходскихъ училищахъ?

— Все пошло къ чорту!

Зенаида задумалась. Я смотрѣлъ на нее съ какимъ-то злобнымъ, горькимъ торжествомъ. Она ушла на балконъ. Я долго сидѣлъ одинъ и думалъ, но мало-помалу всѣ горькія чувства успокоились и улеглись въ моей груди. Я пошолъ къ Зенаидѣ.

Мы заговорили о новой актрисѣ, вспоминали впечатлѣніе, произведенное ея игрой, потомъ перешли вообще на искусство, и оба такъ воодушевились, что впечатлѣніе перваго разговора почти сгладилось. Мы не замѣтили, какъ подошолъ Анатолій.

— Зенаида, ты ѣдешь завтра къ Зеленовскимъ? спросилъ онъ.

Я замѣтилъ вдругъ, какъ губы Зенаиды сжались и брови нахмурились.

Digitized by Google

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Нѣтъ? повторилъ изумленный Анатолій. — А если я тебя прошу?

— Все равно: я не могу.

Анатолій вспыхнулъ.

— Послушайте, Зенаида, сказалъ онъ серьозно: — это изъ рукъ вонъ. Вы по одному какому-нибудь странному капризу, изъ желанія противорѣчить, такъ какъ это вашъ конекъ, хотите меня сдѣлать дуракомъ передъ Зеленовскимъ. Я сказалъ ему, что ты будешь...

— Ктожъ тебя просилъ объ этомъ? Ты знаешь, что я не люблю туда ѣздить.

— Но если я хочу, чтобъ ты была?..

Зенаида молчала.

— Если вы не ѣдете къ Зеленовскимъ, то не поѣдете ни къ вашимъ Тѣшинымъ, ни Марусинымъ.

Я всталъ и ушолъ въ садъ.

— Вы пренебрегаете людьми, которыхъ я уважаю, и знакомствомъ съ которыми дорожу; вы ни во что ставите мои интересы — слышалось съ балкона.

Я долго ходилъ по саду. Ночь была сырая и холодная, какія обыкновенно бываютъ въ началѣ августа. Густой бѣлый паръ стлался по землѣ, звѣзды горѣли тускло, въ воздухѣ волновалась мутная мгла и сердце мое, за минуту полное мира и спокойствія, ныло отъ сомнѣнія и тоски.

. . . . . .

Семейство Зеленовскихъ познакомилось съ нами вскорѣ послѣ свадьбы Зенаиды. Мать Сергѣя Петровича, надменная и капризная старуха, на всѣхъ смотрѣла свысока и покровительственно, особенно на Зенаиду, родныхъ которой никто не зналъ. У Сергѣя Петровича были еще двѣ сестры, довольно безцвѣтныя личности, пропитанныя претензіями матери. Все наше семейство было въ восторгѣ отъ такого знакомства и очень тщеславилось имъ. Зеленовскій расточалъ вниманіе Нелли и всѣ рѣшили, что быть свадьбѣ; только Зенаида оставалась равнодушной къ общей радости.

Digitized by Google

VII

Разъ какъ-то я гулялъ въ рощѣ. Погода была тихая и ясная, но гуляющихъ почти никого не было: всѣ съѣзжались въ городъ. Августъ былъ въ концѣ; отовсюду вѣяло близостью осени. Солнце уже нежило и не сверкало весело: оно пряталось за облака и рано уходило на ночлегъ. Я сѣлъ у пруда и смотрѣлъ, какъ развернувшаяся передо мною картина, что такъ недавно нѣжила взоръ роскошью растительности и свѣжестью красокъ, блѣднѣла, сбрасывая съ себя пышное убранство, и будто говорила мнѣ свое послѣднее «прости»! — и сердце мое болѣзненно отозвалось на этотъ грустный привѣтъ. «Возвратится»! говорилъ я самъ себѣ, смотря на удаляющееся лѣто и желая заглушить безотчетное уныніе; а въ груди моей что-то плакало, вторя нескончаемой, заунывной пѣснѣ вѣтра. Мнѣ хотѣлось обнять эту картину, чтобы хоть на мигъ удержать разрушеніе, защитить ее отъ неумолимой силы, предъ которой такъ безропотно склонилась она. Кругомъ все было тихо, и мнѣ казалось, что я одинъ посреди этой пустыни; но вотъ изъ-за густой группы лѣса, за которую, извиваясь, уходилъ прудъ, послышались голоса и вскорѣ на прудѣ показалась лодка. Она медленно приближалась и я узналъ сидящихъ въ ней знакомыхъ лицъ: то были Зеленовскій, Зенаида и Нелли. Они поровнялись со скамейкой, на которой я сидѣлъ: меня никто не замѣтилъ. Зеленовскій опустилъ весла и говорилъ что-то съ большимъ одушевленіемъ, Нелли слушала опустивъ глаза и немного отвернувшись, онъ смотрѣлъ на Зенаиду, которая сидѣла напротивъ. Она казалась взволнованною и почему-то это подѣйствовало на меня непріятно. Я поздно возвратился домой: у насъ былъ Зеленовскій и еще нѣсколько гостей. Всѣ сидѣли въ залѣ, разговаривали, спорили, смѣялись. Я вышелъ на балконъ и сѣлъ на нижнихъ ступеняхъ лѣстницы. Вскорѣ за мной на балконъ вошли Зенаида и Зеленовскій. Зеленовскій говорилъ что-то съ большимъ жаромъ; я началъ прислушиваться.

— Еслибы я искалъ только женщины, я бы очень много нашолъ ихъ, говорилъ Сергѣй Петровичъ: — и для чего же я бы искалъ ее именно въ васъ?

Digitized by Google

Я не разслушалъ что отвѣчала Зенаида.

— Какія-жъ вамъ нужны доказательства? продолжалъ онъ.— Имѣлъ наконецъ вашъ мужъ заслужилъ право на вашу любовь? Развѣ тѣмъ, что васъ за него отдала ваша мать, а меня вы избиваете сами?

— Чтожъ будетъ потомъ? сказала Зенаида послѣ долгаго молчанія.

— Вы предпочитаете оставаться съ вашей волокой средней?

— Ктожъ вамъ это сказалъ?

— Такъ чтожъ?.. Что вамъ мѣшаетъ? Неужели вы придерживаетесь извращенныхъ понятій нравственности? Неужели принадлежать мужу, котораго не любишь и не уважаешь по вашему нравственно? Въ васъ нѣтъ даже самолюбія!.. Вѣдь вы знаете, что я люблю васъ...

— Этого мало: нужно, чтобы я любила.

— Вы никого не полюбите! отвѣчалъ Зеленовскій послѣ долгаго молчанія.

Дверь балкона стукнула: вошолъ мой братъ и Тѣшинъ. Они заговорили о балахъ въ Сокольникахъ. Братъ увѣрялъ, что тамъ не стоитъ быть: публика дрянь, зала никуда не годится. Тѣшинъ вступился за залу. Анатолій увѣрялъ, что она могла быть лучше.—Но вѣдь и всѣ существующіе предметы могли быть лучше! глубокомысленно замѣтилъ Тѣшинъ.

— Я съ этимъ согласенъ, отвѣчалъ братъ: — но въ Сокольникахъ должно быть лучше...

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ. Наконецъ Тѣшинъ и Анатолій ушли въ комнату.

— Вотъ вы кого мнѣ предпочли! сказалъ Зеленовскій Зенаидѣ вслѣдъ уходящаго Анатолія.

Зеленовскій скоро уѣхалъ. Съ этого дня онъ почти пересталъ къ намъ ѣздить. Моя мать и сестры сдѣлались къ нему очень холодны; но все мое вниманіе было обращено на Зенаиду. Я замѣтилъ, что все семейство смотритъ на нее какъ-то враждебно, сестры втихомолку совѣтуются о чемъ-то, и едва подходитъ Зенаида, какъ онѣ прекращаютъ разговоръ. Мать особенно сдѣлалась холодна съ ней. Зенаида почти не выходила изъ своей комнаты; всѣ ея знакомые оставили ее, потомучто мать и Анатолій обращались съ ними очень нелюбезно. Наконецъ братъ съ женою уѣхалъ на свою квартиру.

Digitized by Google

Въ домѣ нашемъ безъ нихъ точно опустѣло: сестры притихли, мать начала хандрить, гости съѣзжались рѣже. Я почти пересталъ видѣть Зенаиду: она ѣздила къ намъ рѣдко, а къ нимъ почти никогда. Бывало въ сумерки, когда я безъ огня хожу въ залѣ съ любимыми думами, часто въ какомъ-то забытьи я останавливался и смотрѣлъ на двери прежней комнаты Зенаиды. Я ждалъ, что вотъ отворятся эти двери и покажется высокая, стройная женщина. Я съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался и — слышался мнѣ шумъ ея шелковаго платья, въ глазахъ мелькали неопредѣленныя тѣни; мало-помалу онѣ сгруппировывались въ одинъ любимый образъ: онъ дѣлался все яснѣе и яснѣе, и приближался ко мнѣ медленной, величавой походкой Зенаиды... Я хватался за голову, бѣжалъ вонъ и долго ходилъ по улицамъ безъ мысли и цѣли.

VIII

Разъ какъ-то Зенаида пришла къ намъ утромъ. Сестеръ и матери не было дома, а ей непремѣнно нужно было ихъ видѣть. Я сказалъ, что онѣ скоро возвратятся и она осталась дожидаться.

— Вы кажется читали, Александръ? сказала она мнѣ. — Прошу васъ, продолжайте: я не буду мѣшать вамъ.

Я увѣрялъ, что мнѣ пріятнѣе говорить съ ней: она не обратила вниманія на мои слова, сѣла подалѣ отъ меня и задумалась. Я замѣтилъ, что она особенно грустна, и чтобы развлечь ее, я заговорилъ о постороннихъ предметахъ. Мало-помалу ея веселость возвратилась: она казалась особенно оживленною, остроумна и какъ-то неестественно смѣялась; но въ ея шуткахъ проглядывала жолчь и горесть.

— Ахъ, какъ тяжело! сказала она схвативъ себя за голову. — Вотъ это хорошая пословица: «*Что имѣемъ — не храним, потеряваши плачемъ*». Какъ бы я не хотѣла теперь разставаться съ Москвой: здѣсь все-таки лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ провинціи.

— Вездѣ хорошо, гдѣ насъ любятъ! сказалъ я, не понимая къ чему все это она говоритъ.

Digitized by Google

— Не знаю, отвѣчала она: — меня никто не любилъ.

— Неправда... сказалъ я, не смотря на нее.

— Вы думаете? спросила она, и я чувствовалъ, что она на меня смотрѣла.—Если любовь можетъ существовать при желаніи пріобрѣсть любимую личность въ свою собственность, подчинить ее своему произволу, присвоить себѣ право располагать ея судьбой, взять на себя отвѣтственность за ея поступки, вмѣшиваться въ дѣло ея совѣсти, то и меня любили. Можно ли же не желать избавиться отъ такой любви? Но какъ избавиться?

Она закрыла лицо руками и съ минуту сидѣла неподвижно. Но вотъ она подняла голову, и въ ея лицѣ, въ самой позѣ было столько величія и глубокой покорности. Нѣсколько времени мы молчали.

— Отчего вы не бываете у насъ? спросила вдругъ Зенаида.

— Некогда... отвѣчалъ я въ смущеніи.

Она посмотрѣла на меня своимъ пристальнымъ проницательнымъ взглядомъ и настойчиво повторила:

— Отчего?

Я чувствовалъ, что краснѣлъ, и у меня не было силъ сказать что-нибудь.

— А, такъ вотъ оно что!.. сказала она. — Значитъ я не ошиблась... Она медленно встала и взяла свою шляпку. Я подошолъ къ ней. Какое-то предчувствіе говорило мнѣ, что я ее болѣе не увижу. Мнѣ хотѣлось удержать ее, насмотрѣться на это милое лицо... Я обнялъ ея талію и плакалъ какъ безумный.

Когда я взглянулъ на нее, лицо ея было печально и серьозно.

— Зенаида, я такъ люблю васъ... А вы!..

— Любите: проговорила она не смотря на меня, и мнѣ показалось, что голосъ ея дрожалъ. Она надѣла свою шаль и вышла изъ комнаты. Я молча смотрѣлъ ей вслѣдъ и сердце мое разрывалось. Я понималъ, что она уходила навсегда и уносила съ собой всѣ мои радости и надежды на счастье. Мнѣ было горько и обидно.

На другой день совершенно неожиданно явился ко мнѣ мой братъ.

— Мать очень сердится? спросилъ онъ меня.

Я отвѣчалъ, что ничего не замѣтилъ. Да и за что ей сердиться?

— Развѣ ты ничего не знаешь? спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ... Что такое?

— Это просто несчастье! я теряю голову и не знаю что дѣлать.

Онъ подвинулъ ко мнѣ свой стулъ.

— Вотъ видишь въ чемъ дѣло, началъ Анатолій. — Нелли вздумалось влюбиться въ Зеленовскаго, или она просто мѣтила за него замужъ, — это все равно, ну и мать была рада. А Зеленовскій провелъ ихъ всѣхъ: онъ былъ влюбленъ въ Зенаиду. Было у нихъ тамъ что, или нѣтъ, — чортъ ихъ знаетъ, только мать ужасно сердится, что не состоялась свадьба Нелли. И пускай бы еще сердилась на одну Зенаиду, а то и на меня тоже. Вотъ еще недавно разсердилась за то, что Зенаида познакомилась съ актрисой. Это конечно нехорошо, потомучто компрометируется все семейство: у меня сестры невѣсты; хотя онѣ живутъ и не съ нами, но все-таки неловко. Да я-то въ чемъ тутъ виноватъ? Что я въ самомъ дѣлѣ — блюститель нравственности, квартальный надзиратель?..

Убѣдившись такими доводами въ несчастьи брата, я конечно ему сочувствовалъ, но тѣмъ не менѣе не могъ заявить этого сочувствія на дѣлѣ, не могъ придумать, чѣмъ бы помочь горю.

Черезъ недѣлю сказали мнѣ, что Анатолій рѣшительно поссорился съ женой и она уѣхала на лѣто въ деревню къ одной своей пріятельницѣ. Но лѣто проходило, а Зенаида не возвращалась. Братъ кажется не очень скучалъ и ея отсутствіе мало безпокоило его. Послѣ онъ мнѣ самъ разсказывалъ, что Зенаида живетъ гдѣ-то въ гувернанткахъ и онъ этому радъ; жизнь съ ней ему надоѣла, потомучто это не женщина, а упрямый чортъ, съ ней нельзя не ссориться; но что при всемъ этомъ ему трудно было съ ней разстаться, потомучто былъ влюбленъ.

IX

Въ домѣ нашемъ по отъѣздѣ Зенаиды все пошло прежнимъ порядкомъ. Сначала въ кругу знакомыхъ моей матери много говорили о ней: одни разсказывали, что Зенаида была влюблена въ Зеленовскаго и хотѣла оставить мужа, но къ счастію, это скоро обнаружилось; другіе — что мужъ не вынесъ ея скандальнаго пове-

Digitized by Google

[illegible] изъ дому, и мало ли еще что говорили! Анатолій, [illegible], разсказывая мнѣ эти сплетни. Что же касается моей матери, то одно имя Зенаиды приводило ее въ негодованіе и никто изъ домашнихъ не напоминалъ о ней въ присутствіи моей матери. Какъ скоро это происшествіе перестало въ нашемъ семействѣ быть новостью, фантазія краснорѣчивыхъ разсказчиковъ истощилась и всѣ забыли о Зенаидѣ. Я чувствовалъ себя одинокимъ и какъ бы беззащитнымъ среди людей, которые бросали грязью въ мой идеалъ; я чувствовалъ безсиліе, и сколько негодованія и злобы, сколько отчаянія и стыда было въ этомъ чувствѣ! Я бросилъ службу, знакомства и по цѣлымъ часамъ не выходилъ изъ комнаты. Мало-помалу всѣ эти чувства смирились и успокоились подъ гнетомъ апатіи.

Такъ проходили годы.

Разъ какъ-то, я сидѣлъ одинъ въ моей комнатѣ и смотрѣлъ въ окно. Предо мною раскинулась пестрая картина низкихъ, грязныхъ домовъ съ разноцвѣтными крышами. Я мысленно приподнималъ это жалкое рубище города, заглядывалъ во всѣ углы отъ роскошныхъ гостиныхъ до мрачныхъ подваловъ, и сколько трагическихъ, раздирающихъ душу картинъ представилось моему воображенію, сколько жертвъ увлеченія, порока и нужды гибло въ этой горячимъ ключемъ бьющей жизни! Въ ушахъ моихъ гремѣли проклятія и слышались подавленные стоны и все это покрывалось общимъ напряжоннымъ шумомъ города, будто усиливающаго подавить внутреннюю боль. И подымались со дна души моей, давно уснувшія подъ гнетомъ апатіи чувства любви и печали...

Въ это время ко мнѣ вошолъ Анатолій. Онъ повертѣлся вокругъ меня, и видя, что я не обращаю на него вниманія, сѣлъ и довольно таинственно повелъ рѣчь о превратностяхъ судьбы, наконецъ договорился до того, что сообщилъ извѣстіе о смерти Зенаиды. Она жила въ гувернанткахъ въ какомъ-то уѣздномъ городѣ, по словамъ Анатолія, переходила изъ дома въ домъ и нигдѣ не могла ужиться; наконецъ наняла себѣ квартиру гдѣ-то на чердакѣ, жила въ бѣдности, не имѣла даже горничной, бѣгала по урокамъ изъ-за какихъ-нибудь грошей, наконецъ простудилась и умерла. Я принялъ это извѣстіе довольно равнодушно. Да и что могло возбудить во мнѣ подобное явленіе? Смерть по-

Digitized by Google

хватила жертву, заранѣе ей обреченную... Развѣ вся эта масса людей, что такъ волнуется и стремится впередъ большимъ потокомъ, не останавливаясь и не вдумываясь, вырывая другъ у друга право первенства на праздникѣ жизни, и зачастую ненавидя и преслѣдуя другъ друга съ упорнымъ ожесточеніемъ, — не падетъ передъ ней безъ сопротивленія и борьбы? Рано или поздно — не все ли равно?

А. С—ВА

СВѢЖЕЕ ПРЕДАНЬЕ

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ

ГЛАВА IV

Судьба ты русло жизни. — Рядъ
Случайностей неуловимыхъ,
Неровность почвы, цѣпь преградъ
То шаткихъ, то непоколимыхъ —
Опредѣляетъ вѣчный скатъ...

Жизнь русская не водопадомъ
Слетѣла съ каменныхъ вершинъ,
Не сыпалась жемчужнымъ градомъ
И не спѣшила — средь долинъ,
Освободясь отъ пышной пѣны,
Подъ сѣнью дремлющихъ равнинъ
Плескаться въ мраморныя стѣны,
И не видала надъ собой
Протянутую въ золотой
Коронѣ листьевъ — роскошь сада,
Плетенку съ кистью винограда.

Нѣтъ! наша жизнь текла иной
Дорогой, — тихою рѣкой;
Надъ ней таинственно шумѣли
Непроходимые лѣса,
И сѣверныя небеса
Въ ней отражались...

Помню мели

Digitized by Google

Песчаныя, волнистой мглой
Подернутыя, — сосны, ели,
Солому, копоть, волчій вой,
Пѣснь заунывную, далекій
Звонъ колокола, одинокій
Шалашъ, костеръ, кой-гдѣ слѣды
Пожара, да изъ-подъ воды
Виднѣющіеся пороги.

И долго я искалъ дороги,
И, медленно, [illegible]
Я плылъ, толкая мой челнокъ,
И вѣрилъ я въ существованье
Иныхъ, счастливыхъ береговъ:
Мнѣ говорилъ объ нихъ Камковъ,
Герой недавняго преданья.

Не разъ въ излучинамъ рѣки
Сходились наши челноки...
Онъ старше былъ, ловецъ усталый,
Я былъ предъ нимъ ребенокъ малый,
И онъ училъ меня веслом
Махать смѣлѣе. Вдругъ пахнуло
На насъ мятелью... Все вокругъ
Вдругъ побѣлѣло, и потемк
Его чуть въ тину не отнесло,
Меня чуть не затерло льдом.

И я мой челнъ разбитый бросилъ
Порой на бе́регъ выхожу;
Тамъ вижу я обломки веселъ,
И пригорюнившись сижу...

Взломало ледъ — и тѣже волны
Стремятся въ даль, и по волнамъ
Плывутъ другихъ другіе челны
Къ обѣтованнымъ берегамъ.
Привѣтъ вамъ, братья! Путь счастливый!
Я по пословицѣ правдивой —
«Рыбакъ узнаетъ рыбака»,
Васъ узнаю издалека.

Digitized by Google

Привѣтъ вамъ, братья! Но не знаютъ,
Знать не хотятъ, не узнаютъ,
И на привѣтъ не отвѣчаютъ —
И мимо берега плывутъ...

Пойду домой. Чтожъ дѣлать дома?
Дремать ли? Пчелку ли читать, —
За Гарибальди улетать...
Или пародіи писать,
Иль живописнаго альбома
Переворачивать листы,
Встрѣчать невѣрныя черты
Знакомыхъ лицъ, глядѣть на виды
Кавказа дикаго, Тавриды
Покинутой, степей пустыхъ —
И вызывать воспоминанья,
И смутно чувствовать, что въ нихъ
Нѣтъ прежняго очарованья?

Ужель разочарованъ я?!
Давно ли!.. Да, мои друзья,
Кто въ самого себя лишь вѣритъ,
И говоритъ, что вѣра въ немъ
Еще кипитъ живымъ ключемъ,
Тотъ или недалекъ умомъ,
Иль очень тонко лицемѣритъ.
Что́ значитъ вѣрить въ самого
Себя... въ себя, — въ свою особу! —
Нулемъ быть, подвигаться къ гробу
Отдѣльной точкой, ничего
Кругомъ не видѣть, злою жаждой
Томиться вѣчно, ибо каждый
Изъ насъ, какихъ бы ни былъ силъ,
Одинъ — ничтожество, и геній
Безъ дружныхъ рукъ, безъ увлеченій
Простынетъ, если не простылъ.

Гдѣ сердце тухнетъ, гдѣ не свѣтитъ
Сей факелъ гордаго ума,
Тамъ можетъ-быть вопросовъ тьма

Digitized by Google

Изъ жизни встанетъ: жизнь отвѣтитъ
Ихъ можетъ-быть но не отвѣтитъ
Ни на одинъ изъ нихъ —
Любви!
Огня, огня побольше! . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

———

Давно одинъ сижу я дома,
Не слышу прежнихъ голосовъ...
И снится мнѣ мой другъ Камковъ,
Невольно снится!
Вамъ знакома
Его каморка — стало-быть
Начну короче говорить.

Что́ дѣлаетъ Камковъ? Читаетъ —
Статью ли пишетъ? Нѣтъ, страдаетъ.
Но — что́ за вздоръ! ушелъ онъ
Серьозно, нешутя влюбленъ!
Спросите. — Этого не знаетъ
Пока никто, а за него
Я право не могу ручаться.
Онъ можетъ вдругъ опять приняться
За философію. Тогда
Мы будемъ съ носомъ, господа.
И первый буду я сконфуженъ.
Скажите, безъ любви кому
Тогда романъ мой будетъ нуженъ?

Конечно, другу моему
Не чужды были увлеченья,
Но — это были треволненья,
Похожія на вдохновенья;
Онъ какъ-то вспыхивалъ и — гасъ.
Я знаю, что Камковъ неразъ
Плѣнялся красотою женской,

Digitized by Google

То городской, то деревенской,
Плѣнялся выраженьемъ глазъ,
Плѣнялся милой простотою,
(Неужто болѣе ничѣмъ?)
Но онъ до глупости былъ нѣмъ,
Суровъ до самоотреченья,
До невозможности желать
Взаимности... Я размышленья
Его могу вамъ передать.
— Камковъ! онъ думалъ: — ты опять
За старое... тебѣ ли съ рыломъ
Суконнымъ да въ гостиной рядъ!
Ты въ одиночествѣ унылом
Уже заплѣсневѣлъ, измятъ
Ты рано внутренней борьбою...
И ничему не поддался,
И ни за чѣмъ не погнался.
Тебѣ ль роскошничать! Что́ страсти?! —
Вѣдь это роскошь жизни. Мнѣ ль
Сгорать и млѣть у нихъ во власти?
Вонъ на дворѣ шумитъ мятель...
Въ окошки дуетъ... сыро, чадно...
Бюстъ Пушкина одинъ парадно
Стоитъ и лоснится въ углѣ.
Поэтъ! спасибо! (хоть за это,
Бѣднякъ, благодари поэта!)
Вонъ — безпорядокъ на столѣ,
И старыхъ лексиконовъ томы
Такими кислыми глядятъ,
Что кажется чихнуть хотятъ.
Увы! въ такія ли хоромы,
Къ иным мечтамъ пріучена,
Взойдетъ она — моя жена,
Иль хоть любовница?.. Быть-можетъ
Любовь моя все превозможетъ.
(Все можетъ статься на бѣду!)
Чѣмъ я отпраздную побѣду?
Вдвоемъ съ ней къ Печкину пойду
Или въ Сокольники поѣду?..
. . . . . .
Извольте видѣть, господа,
Какъ размышлялъ онъ иногда.

Digitized by Google

И размышляй всегда онъ эдакъ, —
Я бъ убѣдился напослѣдокъ,
Что изъ героя моего
Не выдетъ ровно ничего.
Байро́нствующій Подколесинъ,
Онъ былъ бы для меня несносенъ.
Но не любилъ онъ, а мечталъ
Неизъяснимый идеалъ,
Неизъяснимой красотою
Его дразнилъ, манилъ и ждалъ.
Передъ больной его душою
Онъ встанетъ тѣнью молодой
Неуловимой, роковой,
И умъ его не развѣнчаетъ
Ея чела... Недаромъ онъ
Какъ бы предчувствіемъ страдаетъ —
Какъ-будто чѣмъ-то огорченъ,
Сердитъ, — и не подозрѣваетъ,
Какъ онъ великъ и какъ смѣшонъ.

Вотъ онъ на циферблатъ косится,
Семи часовъ зачѣмъ-то ждетъ —
Какъ-будто опоздать боится,
И въ тоже время тайно злится,
Что стрѣлка медленно ползетъ.

У баронесы онъ обѣдалъ,
И хоть шампанскаго отвѣдалъ,
Но былъ не веселъ, и домой
Пришолъ сердитый.
— Боже мой!
Ему сказала на прощанье
Жена барона: — васъ просить
Хотятъ, черезъ меня, учить
Одно премилое созданье, —
Княжну Таптыгину. Ей лѣтъ
Шестнадцать, и она ужь въ свѣтъ
Пустилась. Думаю, учиться
Ей некогда; ктому жъ она
Собою очень недурна;
За нею станутъ волочиться,
И ужь волочатся.

Digitized by Google

— Но я.
Сказалъ Камковъ, — ужь двѣ недѣли
Хожу къ ним въ домъ, и вамъ меня
Просить не нужно.
— Въ самомъ дѣлѣ!..
Уже?!
И взоръ ея скользнулъ
Куда-то въ сторону. Минута
Прошла въ молчаньѣ. Почему-то
Герой мой фракъ свой застегнулъ,
Вздохнулъ и руку протянулъ
За шляпой.
— Признаюсь вамъ, — рада
Я за княжну, но не за васъ...

— Во всякомъ случаѣ мнѣ надо
Спѣшить домой... Который часъ?

— Опять домой! Ну погодите,
Не важничайте. Разскажите...
Неужели не скучно вамъ
Сидѣть съ княжной и по складамъ
Ее учить! Княжну я знаю:
Она мнѣ дальняя родня,
Хоть и бываетъ у меня
Довольно рѣдко. Князь — отсталый
Помѣщикъ, и гордецъ немалый,
Подъ часъ хвастунъ и враль большой,
Въ разводѣ съ бѣдною женой,
Въ долгахъ по горло, утопаетъ
Въ шампанскомъ и лакеевъ бьетъ.
Дочь съ папеньки примѣръ беретъ,
И маменьки не уважаетъ:
Какъ та ее ни умоляетъ
Видаться съ ней, — она какъ ледъ,
И нѣтъ въ ней сердца. Гувернантку...
Ну словомъ эту англичанку...
Кто ей нашолъ, когда отецъ
Любимую свою цыганку
Прогналъ изъ дома наконецъ?
Я и княгиня. — И ужели
Княжна умна! Вы двѣ недѣли

Digitized by Google

Даете ей уроки — ну
Какъ вы находите?
— Княжну
Я мало знаю...
— Не успѣли
Вы раскусить...
— Да, подтвердилъ
Камковъ, — еще не раскусилъ.

И баронесѣ показалось,
Что онъ надулся. Подошла
Она къ роялю, провела
Рукой по клавишамъ, взяла
Акордъ, и громко засмѣялась:
— Ахъ, чтобъ раскусывать, у васъ
Недостаетъ зубовъ подъ часъ:
Вы только мастера кусаться!

Камковъ упрямо сталъ прощаться,
Сказалъ, что ѣдетъ на урокъ.

— Я бъ заперла васъ на замокъ,
Я посадила бы васъ въ клѣтку,
Когда бъ могла! Зачѣмъ вы рѣдко
Являетесь! По четвергамъ
Зачѣмъ васъ нѣтъ... И какъ же вамъ
Не грѣхъ, не стыдно?!
Такъ игриво,
И строго и полушутливо,
Съ особеннымъ умѣньемъ дамъ
Великосвѣтскихъ, баронеса
Его бранила и была
Любезна. Вдругъ — оборвала
Потокъ рѣчей. не подала
Руки, и вышла вонъ...
— Мила
Какъ бѣсъ; но похитрѣе бѣса! —
Подумалъ про себя Камковъ...

Домой пришолъ онъ въ шесть часовъ,
И трубку закурилъ, и ходитъ,
Какъ-будто мѣста не находитъ

Digitized by Google

Или не знаетъ что́ начать;
Но вы, друзья, хотите знать,
Какъ могъ Камковъ, отъ обожанья
Прелестной женщины, съ такимъ
Умомъ и сердцемъ развитымъ,
Дойти до страннаго желанья
Противорѣчить ей, сердить,
И даже иногда съ ней быть
Ейбогу чѣмъ-то въ родѣ Буки?
Давно ли онъ почти безъ скуки
Могъ съ нею время проводить,
Смѣяться, спорить, говорить
Съ ней объ открытіяхъ науки,
И объ искусствахъ, и о томъ,
Куда мы наконецъ идемъ,
Какая всѣхъ насъ ожидаетъ
Судьба, — и прочее. — Ктому жъ
Жена мила, довѣрчивъ мужъ,
Сынъ тупъ — и все какъ подобаетъ.

Давно ли странный мой герой
Былъ далеко нехладнокровенъ,
Когда Моцартъ или Бетховенъ
Былъ оживленъ ея игрой,
Когда рояль ея гремѣла
Какъ божій громъ, иль нѣжно пѣла,
И слышался кристальный звукъ
Подъ пальцами искусныхъ рукъ;
Когда у ней лицо горѣло,
И темные какъ ночь глаза
(Которыхъ ни одна слеза
Не оросила) покрывались
Блестящей влагой и къ нему
Съ завѣтной тайной обращались.
Когда — Богъ знаетъ почему,
Она невольно любовалась
Своимъ вліяньемъ... то терялась
Въ мечтахъ — была оживлена,
То становилась вдругъ блѣдна,
Игру внезапно прерывала,
И говорила: «Чтоже вы

Digitized by Google

Молчите?» — и сама молчала
Не поднимая головы.

Когда она его встрѣчаетъ —
И руку нехотя даетъ,
И такъ же нехотя беретъ
Ее назадъ, — не отвѣчаетъ,
Или глазами провожаетъ,
Когда онъ хочетъ не простясь
Уйти домой въ урочный часъ.
Ужели онъ не замѣчаетъ
Въ ней перемѣны, и не льститъ
Его такая перемѣна?
И онъ не ждетъ — не дорожитъ
Минутами!
Какая пѣна
Морская, взбитая волной,
Сравнится съ млечной бѣлизной
Ея роскошныхъ плечъ и шеи?
Чей голосъ мягче, взоръ смѣлѣй?
Что въ свѣтѣ можетъ быть темнѣй
Ея волосъ? Они какъ змѣи
Крутятся — и Камковъ не разъ
Ихъ видѣлъ, издали косясь,
И передъ позднимъ баломъ въ бальномъ
Костюмѣ онъ ее видалъ,
И утромъ иногда встрѣчалъ
Ее у сына — въ бѣломъ спальномъ
Нарядѣ, въ блузѣ и чепцѣ,
Съ дремотной томностью въ лицѣ,
Съ тѣмъ тонкимъ, не остывшимъ жаромъ
Постели, ночи и всего,
Что было тайной для него;
Въ томъ *неглиже*, въ которомъ даромъ
Не любятъ женщины себя
Показывать: онѣ любя
Или по дружбѣ позволяютъ
Собой плѣнять насъ по утрамъ;
Лишь тѣ, которые снимаютъ
Съ нихъ мѣрку, этого не знаютъ;
Башмачникъ напримѣръ для дамъ
Что значитъ? — ничего! . . . .

Digitized by Google

. . . . . .

Тогда протянутая ножка
Безчувственна — и стало-быть
Башмачникъ можетъ приходить
Въ тотъ ранній часъ, когда окошко
Еще завѣшано, и свѣтъ
Дневной, изъ-за пурпурныхъ складокъ
Скользя, глядитъ на безпорядокъ
Счастливой спальни. Но поэтъ —
Философъ — словомъ, мой ученый
Для баронесы былъ *персоной*,
А не ремесленникомъ; съ нимъ
Нецеремонность эта съ дѣтства
Была бы въ ней ничѣмъ инымъ,
Какъ только шалостью кокетства
Или затѣями любви.

Какъ баронеса умудрилась
Въ него влюбиться? чѣмъ плѣнилась?
Иль можетъ-быть у ней въ крови
Везувій тлѣлъ! — Къ чему напрасно
Судить-рядить иль обвинять!
Природа — деспотъ: самовластно
Царитъ и любитъ направлять
Людей на собственныя цѣли,
Чтобы не слишкомъ разжирѣли,
Чтобъ не застаивалась кровь —
И посылаетъ намъ любовь.

И это все герой мой видѣлъ
(Хоть и не скоро увидалъ).
Зачтожъ природу онъ обидѣлъ?
Зачто, злодѣй, возненавидѣлъ
Ея кокетство? — Дурь нашла,
Или природа обожгла
Его зато, что онъ случайно
Какъ трусъ ей въ очи заглянулъ,
Иль по незнанью оттолкнулъ
Онъ чашу съ нектаромъ, и тайно
Раскаявался въ этомъ? — Да,
Была минута, господа...
И онъ домой пришолъ смущенный,

Digitized by Google

Почти всю ночь не спалъ онъ, сонный,
Страдалъ, какъ будто кошмаръ
Его давилъ...
Что это значитъ?
Не то ли, что любви запросъ
Того, кто въ бѣдности возросъ,
Всегда сначала озадачитъ?
Не то ли, что сердечный жаръ
Могъ заразить его? Горячка
Не такъ прилипчива, какъ то
Чего мы скрыть не въ силахъ. Кто
Матросъ, того морская качка
Не можетъ не качать; унять
Ее по щучьему велѣнью
Нельзя: попробуйте придать
Къ любви сомнѣнье, къ увлеченью
Разсудокъ или долгъ — и васъ
Начнетъ покачивать какъ-разъ.

И долго былъ обуреваемъ
Камковъ, и у него едва
Не закружилась голова.
Онъ устоялъ — мы это знаемъ.
Минервы зоркая сова
Спугнула голубей Венеры,
Онъ заглянулъ въ лицо Химеры...
Я не завидую ему
И не браню, а потому
И ставлю вмѣсто восклицанья
Недоумѣнія крючекъ:?

Тамъ, гдѣ блаженство, гдѣ страданье,
Тамъ, гдѣ кипитъ страстей потокъ, —
Что добродѣтель? что порокъ?
Кого винить? чѣмъ восхищаться?
Кого безжалостно казнить?
Предъ кѣмъ безмолвно преклоняться?

Что значитъ въ женщинѣ губить
Покой души иль сердце, — быть
Любимымъ и не откликаться?
Или любя ее, не смѣть

Digitized by Google

Къ ней прикоснуться? маску скинуть
И во время ее покинуть —
Или напротивъ, не имѣть
Довольно силъ, чтобъ съ ней разстаться,
Когда мы знаемъ, что она,
Любя другого, намъ вѣрна?
Притворствомъ удовлетвориться,
Иль недовольно притворяться?
Кто лучше, выше наконецъ
По мнѣнью свѣта въ вѣкъ нашъ зрѣлый:
Умъ пламенный, въ развратѣ смѣлый,
Иль благороднѣйшій глупецъ?
Та дѣвушка, что́ отдавалась
Любви и счастію сполна
И, судьями оскорблена,
Наплакалась и настрадалась —
Или бездушная жена?

Все лицемѣріе отбросивъ,
Скажите — оттого ль смѣшонъ
Намъ будетъ нынѣшній Іосифъ,
Что онъ въ развратъ не посвященъ,
И что за это Фараонъ
Его въ темницу не посадитъ,
А Богъ казной не наградитъ?

Вопросовъ тьма. Кто съ ними сладитъ,
Кто ихъ обсудитъ и рѣшитъ?
Любви и счастья кодексъ вѣренъ
Старинным спискамъ, но давно
Кой-кѣмъ то здѣсь, то тамъ похеренъ —
Справляться стало мудрено.
Различно каждый понимаетъ.

Ужель Камковъ воображаетъ,
Что философія должна
Другіе сердцу дать уставы,
Что наконецъ рѣшитъ она,
Въ чемъ наша воля, въ чемъ мы правы?
Или намѣренъ онъ создать
Теорію любви сначала,
Чтобъ хоть *идея* оправдала

Его любовь, чтобъ онъ сказать
Могъ смѣло, почему онъ любитъ —
И гибнетъ самъ иль жертву губитъ?
Или онъ думаетъ: любя
Жену другого, подкупая
Лакеевъ, мужа надувая, —
Какъ онъ посмотритъ на себя?
И если правдѣ онъ измѣнитъ, —
Чѣмъ онъ въ душѣ ее замѣнитъ?

Не правда ли, для многихъ онъ
И непонятенъ, и смѣшонъ?
А будь онъ просто человѣкомъ,
Такимъ какъ всѣ, какъ вы да я,
Не спорь въ душѣ съ лукавымъ вѣкомъ
И наконецъ не мучь себя
Пустой, но честною борьбою, —
Онъ былъ бы франтъ во всей красѣ,
Ему бъ завидовали всѣ.

И такъ Камкову не давалась
Любовь — онъ это видѣлъ самъ
(«Гдѣ тонко тамъ и рвется»). Вамъ
Самимъ, я думаю, случалось
Такія страсти испытать:
Ихъ право можно доканать,
Перекрестившись, въ двѣ недѣли.
Я этотъ срокъ нарочно далъ,
Ибо герой мой въ самомъ дѣлѣ
Ихъ въ двѣ недѣли доканалъ.

Зачтожъ однако баронесу
Онъ хитрой женщиной назвалъ
И даже уподобилъ бѣсу —
Зачто? За то ли, что она
Къ нему немножко ревновала?
Кто жъ не ревнуетъ? Что княжна
Ее немножко напугала,
Что безтолковый мой герой,
Съ тѣхъ поръ какъ занятъ сталъ княжной,
Все брови хмуритъ — увѣряетъ,
Что онъ страдаетъ головой,

Digitized by Google

Что онъ быть-можетъ ей мѣшаетъ
Когда заходитъ по утрамъ
Къ ней въ кабинетъ, — учтивъ и скученъ,
И сталъ замѣтно равнодушенъ
Къ ея радушнымъ четвергамъ?

(А четверги друзьямъ открыты —
Друзьямъ прогресса и молвы,
И лѣтописцами Москвы
Конечно будутъ не забыты.)

Никто на этихъ вечерахъ
Не могъ читать у ней въ глазахъ,
И сдержанное нетерпѣнье
Въ ней истощилось — перешло
Въ тревожный сонъ, въ недоумѣнье,
Въ желанье дерзкое — на зло
Всему, во что́ бы то ни стало
Имъ овладѣть... Она страдала.

Конечно, ей не привыкать
Страданье смѣхомъ прикрывать;
А кто привыкъ — тому не надо
На это хитрости большой.

Такъ ошибался мой герой;
Но говорила въ немъ досада.

— А! думалъ онъ, когда домой
Шолъ вечеромъ: — вы не щадите
Княжны, вы рады клеветать
На дѣвушку — и вы хотите,
Чтобъ я былъ веселъ!.. Нѣтъ, пора
Мнѣ отрезвѣть! Мнѣ надоѣли,
Мнѣ скучны ваши вечера:
Ни зла въ нихъ нѣту, ни добра.
Какая польза въ самомъ дѣлѣ —
Предъ этой свѣтскою толпой
Мѣшать науку съ болтовней,
И никого не убѣждая,
Хозяевъ тѣшить ради чая?
И все что́ вызвано трудомъ,

Digitized by Google

Нуждой, безсонными ночами,
И жаждой знанья, и слезами,
Нести какъ дань въ богатый домъ
Гдѣ всѣ такъ праздны, все такъ ложно ?..
Но признаюсь вамъ, невозможно
И передать всего того,
Что лѣзло въ голову его.

На подмороженныя лужи
Ступая всей своей ступней,
Не чувствуя вечерней стужи,
Онъ шолъ съ поникшей головой,
Но... не забылъ онъ объ урокѣ...

Заря блѣднѣла. На востокѣ
Туманъ лиловый холодѣлъ,
Надъ кровлями и надъ крестами
Ночь тихо двигалась. Блестѣлъ
Зенитъ вечерними звѣздами.
Москва подобно небесамъ
Спѣшила засвѣтить другія,
Таинственныя, но земныя
Созвѣздія — и къ фонарямъ
Послала буточниковъ. Вамъ
Извѣстно, что и съ фонарями
Въ Москвѣ, какъ въ небѣ со звѣздами,
Порой такъ глухо и темно,
Что можно заблудиться я ; но,
Друзья. примите въ разсужденье :
Чѣмъ пасмурнѣе освѣщенье,
Чѣмъ наши улицы грязнѣй,
Тѣмъ вдвое больше наслажденья
Сидѣть въ семьѣ иль у друзей,
Или съ возлюбленной своей
Передъ шипящимъ самоваромъ,
Вести пріятную вдвоемъ
Бесѣду (ворковать), иль ромъ
Въ чай подливая, спорить съ жаромъ.
И жизнь халатная тогда
Милѣе вдвое, господа.

Digitized by Google

Камковъ не ѣздилъ за границу,
Не видѣлъ газовыхъ пучковъ
Огня при блескѣ зеркаловъ,
И нашу древнюю столицу
Съ матеріальной стороны
Считалъ тогда довольно сносной.
Теперешніе крикуны
Тогда ходили съ рожей постной,
И громко ни одинъ изъ нихъ
Не смѣлъ безчестить мостовыхъ...
Ихъ фельетоны были слабы
(То были розы безъ шиповъ).

Но, господа, — бьетъ семь часовъ.
Куда стремится мой Камковъ
На подрѣзяхъ черезъ ухабы?
Вотъ площадь, вотъ гостиный рядъ,
Огни, возы, крестьяне, бабы
Кадушки, клѣти... вотъ стоятъ
На хвостикахъ, развѣсивъ уши,
Свиней мороженыя туши...
Капустой пахнетъ... вотъ висятъ,
Какъ бусы, прѣсные баранки,
Стоятъ мальчишки надъ лоткомъ,
И сбитень пьетъ подъ фонаремъ
Приказный...
Ковыляютъ санки —
Камковъ не видитъ ничего.
Міръ будничный предъ нимъ мелькаетъ.
Онъ брызжетъ грязью на него,
Когда въ ложбину попадаетъ,
То ваньку за кушакъ хватаетъ,
То упирается въ задокъ.

Камковъ стремится на урокъ.
(Урокъ — обязанность святая...)
И ѣдетъ онъ, не забывая,
Что ждетъ его семья друзей,
Стаканы съ чаемъ, кренделей
Тарелка, трубка, разговоры
На тысячу ладовъ, мечты,
Пріятельскія остроты,

Digitized by Google

Философическія споры,
И Б, и К, и Г, и тотъ,
Кого онъ скоро обоймет
Въ послѣдній разъ и въ даль проводитъ,
И тотъ, кто Гейне переводитъ,
И тотъ, кто вѣчно всѣхъ смѣшитъ,
И тотъ, кто иногда груститъ
О запертой на ключъ невѣстѣ...

Когда они сбирались вмѣстѣ —
Никто изъ нихъ не козырялъ,
Не напивался : пьянство, карты
Къ инымъ изъ нихъ — увы! — позднѣй
Пришли — уже на склонѣ дней,
Когда Баконы и Декарты
И Гегели отъ насъ ушли,
Какъ волны теплаго тумана,
Что поутру поднявшись рано,
Плывутъ съ прозябнувшей земли
Черезъ верхушки лѣса въ небо,
Не зная сами, что весной
Подъ ихъ волнистой пеленой
Для зеренъ будущаго хлѣба
Спасительная теплота
Была незримо разлита.

Друзья Камкова собирались
Въ тотъ вечеръ цѣлою семьей,
Затѣмъ что мысленно прощались
Уже другъ съ другомъ : разлетались
Они съ грядущею весной...

Но мы ихъ общество покинемъ,
И въ новый, незнакомый домъ
Отправимся.
Пора! — войдемъ.
Суконный занавѣсъ раздвинемъ,
Отворимъ лаковую дверь.
Посмотримъ, гдѣ-то онъ теперь,
Герой нашъ? Вотъ онъ, — новой сферой
Какъ чародѣйствомъ окруженъ,
Какъ-будто воодушевленъ,

Digitized by Google

Или проникнутъ новой вѣрой
(Таковъ его вечерній видъ),
Въ уютной комнаткѣ сидитъ
Передъ молоденькой княжною,
Съ раскрытой книгой подъ рукою.
И двѣ свѣчи предъ нимъ горятъ,
И дѣвушки глаза блестятъ
Своей прозрачной глубиною —
Въ нихъ отъ рѣсницъ ея порою
Тѣнь неподвижная стоитъ.
Съ наивнымъ, робкимъ изумленьемъ
Она ему въ лицо глядитъ,
Какъ-будто все что́ говоритъ
Камковъ, какимъ-то страннымъ пѣньемъ
Ей кажется. Ея уста
Полураскрыты... грудь не смѣетъ
Дышать, какъ-будто возникаетъ
Предъ ней великая мечта
О жизни... Словно привидѣнье,
А не учитель передъ ней
Сидитъ, и разъясняетъ ей
Души святое назначенье,
На землю сводитъ небеса,
И въ этомъ видитъ чудеса.
То прозу, то стихи читаетъ,
Не спрашиваетъ ни о чемъ,
Вопросы самъ подозрѣваетъ,
Молчитъ съ минуту — и потомъ
За ученицу отвѣчаетъ
Такъ просто и съ такимъ лицомъ
Спокойно-яснымъ, что, признаться,
Друзья, вамъ можетъ показаться
При этомъ случаѣ, что онъ
Порядочный хамелеонъ.
Куда дѣвалась вся досада?
Гдѣ эта глупая хандра?

Но, господа, уже пора
Давно, чтобъ съ силами собраться,
Мнѣ съ этою главой разстаться.

Какъ змѣй, что́ сбросивъ чешую,

Digitized by Google

Объ ней ужь больше не хлопочетъ,
Такъ я четвертую мою
Главу бросаю съ плечъ. Кто хочетъ
Поднять, пусть поднимаетъ; кто
Желаетъ затоптать, пусть топчетъ...
. . . . . .
Зоилъ бранитъ — поэтъ не ропчетъ.

Я. ПОЛОНСКІЙ

Digitized by Google

МОРМОНИЗМЪ И СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, основатель секты мормоновъ предсказывалъ, что «прежде второго пришествія будетъ большой переворотъ въ южной Каролинѣ по поводу вопроса о невольничествѣ, и много будетъ пролито крови».

Это предсказаніе почти готово исполниться. Соединенные Штаты раздѣлились на два враждебныя союза и каждую минуту можетъ возгорѣться междоусобная война. Какую роль займутъ мормоны въ этой драмѣ? Хотя и свободные, они тѣмъ не менѣе враждебно смотрятъ на правительство Штатовъ; воспользуются ли они этимъ случаемъ, чтобъ утвердить свою самостоятельность, или останутся невидимому равнодушными зрителями событій? Вотъ интересная задача, которая безъ сомнѣнія снова обратитъ общее вниманіе на это собраніе, какъ называютъ себя мормоны, новѣйшихъ угодниковъ. Многіе писатели разсказывали происхожденіе, нравы и политическую исторію этого общества; новѣйшіе публицисты сообщили намъ еще нѣсколько взглядовъ на соціальное положеніе мормоновъ, ихъ доктрины и на почву, заселенную ими.

Самый замѣчательный трудъ принадлежитъ Жюлю Реми, ученому натуралисту. Онъ занялся этимъ предметомъ, безъ предварительно-составленнаго взгляда или предубѣжденія; прежде чѣмъ произнесть окончательный приговоръ, онъ рѣшилъ хорошенько вглядѣться. Книга его есть собраніе всѣхъ его безпристрастныхъ наблюденій, изъ которыхъ каждый читатель можетъ составить свой собственный взглядъ на предметъ.

I. СТРАНА МОРМОНОВЪ

По замѣчательному сближенію, страна, въ которой поселились мормоны, представляетъ разительное сходство съ ихъ теократическимъ правленіемъ: она какъ-будто нарочно создана для нихъ.

Digitized by Google

Всѣ географы признали за фактъ, что каждая нація отражаетъ на себѣ всѣ физическія особенности страны, въ которой она развивается; здѣсь же совсѣмъ другой случай: новый народъ, какъ бы чувствующій потребность приблизиться къ окружающей природѣ, пріискиваетъ самъ въ нѣдрахъ горъ мѣсто, соотвѣтствующее его генію. Смотрѣть ли на выборъ мормоновъ, какъ на обыкновенную игру случая? Они называютъ себя израильтянами Новаго-Свѣта, и доктрины ихъ во многомъ сходны съ доктринами іудеевъ: потому-то и поселились они въ странѣ, напоминающей Палестину. Посрединѣ ихъ владѣній разстилается Мертвое море, въ которое впадаетъ рѣка подобная Іордану, вытекающая, также какъ и онъ, изъ прекраснаго озера, напоминающаго Генисаретское море. Въ обѣихъ странахъ есть цвѣтущія, плодоносныя долины, окруженныя скалами, и обѣ онѣ граничатъ пустыней. Чтобъ достигнуть обѣтованной земли, мормоны должны были пройти по пустынямъ, какъ и израильтяне по пескамъ и скаламъ Синайскаго полуострова. Подобно Моисею, Іосифъ Смитъ не могъ ввесть своихъ братьевъ въ американскій Ханаанъ: честь перейти Іорданъ досталась Брайему Юнгу, ихъ новому Навину.

Земля Уты (Utah), которую прежде невѣрно называли Большимъ Бассейномъ и которую мормоны сначала переименовали въ Пустыню или Страну Пчелъ, представляетъ равнину между Скалистыми горами и Сіеррою-Невадою, въ Калифорніи. Она возвышается надъ уровнемъ моря, къ сѣверу, отъ 1200 до 1400 метръ, но постепенно склоняется къ югу, гдѣ незамѣтно соединяется съ пустынными равнинами Колорадо. Она покрыта отдѣльными цѣпями горъ, почти параллельными меридіану и раздѣленными пространными долинами, которыя издали кажутся рукавами большой рѣки. Нѣкоторыя изъ этихъ долинъ орошаются рѣками, но больше встрѣчается временныхъ озеръ, съ тинистой соленой водой, или даже подземныхъ ключей, вырывающихся мѣстами на поверхность земли. Ни одна рѣка Уты не вливается въ большія рѣки, вытекающія изъ Скалистыхъ горъ, но впадаютъ въ соленыя озера или исчезаютъ въ пескахъ, образуя тинистыя болота.

Ута, по договору 1848 года доставшаяся Соединеннымъ Штатамъ, почти равна по величинѣ своей Франціи; мормоны занимаютъ только ея восточную часть. Главное населеніе расположилось у подножія горъ Уайзачъ (Wahsatch), въ іорданской долинѣ, и у береговъ Большого Соленаго озера, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ внутреннихъ морей. Это озеро, котораго настоящій объемъ сдѣлался извѣстенъ только съ 1850 г., благодаря изслѣдованіямъ капитана Стансбери, имѣетъ не менѣе ста льё въ окружности; глубина же

его на значительное они не превышаетъ десяти метровъ, а въ средней величинѣ не болѣе двухъ. Въ средней озера есть нѣсколько скалистыхъ острововъ по 1000 метровъ и болѣе; самый большой изъ нихъ и самый близкій къ столицѣ мормоновъ Антелопъ-Эйландъ соединяется съ континентомъ песочной полосой, почти постоянно сухою лѣтомъ, но заливаемою послѣ большихъ дождей и во время бури.

Стансбери-Эйландъ, второй по величинѣ островъ, тоже соединяется съ землею узкимъ перешейкомъ; въ немъ есть прекрасныя пастбища, и сосѣдніе хлѣбопашцы присылаютъ туда свой скотъ, чтобъ сохранить его отъ набѣговъ индѣйцевъ.

Въ водахъ Большого озера растворено множество соляныхъ веществъ. Степень солености измѣняется смотря по времени года, продолжительности дождей или засухи; но во всякомъ случаѣ сильнѣе нежели въ водахъ океана. Въ воды этого озера нѣтъ возможности погрузиться, и при тихой погодѣ можно заснуть на его поверхности.

Плавать однакожъ очень трудно, потомучто нужно, чтобы ноги были всегда внѣ воды. Если одна капля воды попадетъ въ глазъ, боль бываетъ невыносимая, а когда проглотишь ее, случается припадокъ спазматическаго кашля. Капитанъ Стансбери утверждаетъ, что самый искусный пловецъ не справился бы съ его волнами во время вѣтра и вдали отъ берега.

Въ Великомъ озерѣ нѣтъ ни рыбы, ни моллюсковъ; представителями жизни являются въ немъ водяныя растенія изъ породы возгрицы (potiochs), и маленькій червь, разрывающій песокъ у береговъ. Форели, занесенныя въ него водами Іордана, быстро засыпаютъ. На поверхность озера прилетаютъ цѣлыя стаи чаекъ, дикихъ гусей, лебедей и уток. Ни въ какой другой части Америки, кромѣ развѣ тѣхъ водъ Потомака, невидать такого множества птицъ. Стаи маленькихъ пеликановъ, подъ предводительствомъ двухъ старшихъ, смотрятся въ озеро съ вершины всѣхъ скалъ, между тѣмъ какъ отцы ихъ отправляются на рыбную ловлю въ другія рѣки.

Деревьевъ нѣтъ ни на берегу, ни на смежныхъ долинахъ; вдали только видѣются кусты чернобыльника и другихъ растеній, выносящихъ соляную почву.

Линія воды почти никогда не извѣстна, потомучто берегъ представляетъ множество тинистыхъ отмелей, на которыхъ останавливается вода. Лѣтомъ грязь высыхаетъ и дѣлается похожа на лоскутки кожи; сѣрные пламени выходятъ изъ трещинъ земли, и воздухъ дѣлается удушливъ.

Digitized by Google

Все озеро окружено подобными равнинами, за исключеніемъ одной черной цѣпи на сѣверной сторонѣ. На западѣ идутъ опять долины между озерами и рядомъ отдаленныхъ горъ. Во время нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ эти долины покрываются тонкимъ соляным слоемъ, въ видѣ кристала, на поверхности котораго образуются трещины, что дѣлаетъ равнину похожею на морскую зыбь. Экипажъ капитана Стансбери плавалъ шестьдесятъ часовъ около этихъ береговъ, не находя капли воды, годной къ употребленію. Одно изъ соляныхъ полей имѣло двадцать километровъ въ длину и двѣнадцать въ ширину и представляло массу въ четыре милл. куб. метровъ. Какъ только пойдетъ дождь, или просто воздухъ сдѣлается влажнѣе, — соль растворяется и является грязноватая, вязкая поверхность.

Въ прежнія времена Большое соленое озеро имѣло значительное протяженіе. Всюду замѣтны, на значительной вышинѣ отъ теперешняго уровня озера, наносныя возвышенія и скалы. На сѣверѣ отъ Большого озера капитанъ Стансбери насчиталъ тринадцать наносныхъ возвышеній, изъ которыхъ самое высокое шестьюдесятью метрами превышаетъ настоящую поверхность. На островѣ Фремонъ, возвышающемся на 250 метръ, нашли уступы прежнихъ береговъ, подобные ступенямъ гигантской лѣстницы и идущіе до самой вершины горы. Очевидно, что горы были прежде утесистыми островами, подобно тѣмъ, которые еще теперь виднѣются на поверхности озера.

Легко понять, какъ впродолженіе вѣковъ вода постоянно убывала и пропиталась такимъ большимъ количествомъ соли. Большой Бассейнъ отдѣляется отъ Тихаго океана высокими горами, которыя останавливаютъ дождевыя облака и не позволяютъ имъ приносить влажность въ равнину; а между тѣмъ пары улетучиваются сильно; вода озеръ легко уносится вѣтромъ, черезъ горныя цѣпи. Вслѣдствіе этой постоянной убыли, уровень озеръ понижается, ручьи высыхаютъ, соль сосредоточивается болѣе и болѣе въ бассейнѣ озера, такъ что только снѣгъ и дожди пополняютъ убыль воды. Очень вѣроятно, что теперь испареніе пополняется дождями, потому что уровень озера то возвышается, то понижается. Въ посѣщеніе Реми, береговые жители сказали ему, что въ послѣдніе три года вода возвысилась на два метра и была нѣсколько менѣе солона.

Озеро Ута, отъ котораго страна получила названіе, гораздо менѣе Большого озера, но зато и далеко не такъ солоно. Оно лежитъ у подножія горъ Уайзачъ на пятнадцать льё къ югу отъ столицы мормоновъ. Длина его пятьдесятъ километровъ, а ширина двадцать пять; глубина же только пять метровъ. Многочисленные протоки

Digitized by Google

сообщаютъ ему прѣсную и прозрачную воду, избытокъ которой онъ удѣляетъ Соленому озеру, посредствомъ узкой и углубленной Іорданской долины. Долины, окружающія это озеро, очень красивы, но все-таки уступаютъ долинамъ уайзачскихъ возвышеній. Между этими мѣстностями, напоминающими лучшія мѣста Виргиніи и Нью-Іорка, можно указать на Кашь-Велли, Веберъ-Велли, Коаль-Велли и въ особенности Тампагоносъ-Велли, отдѣленную отъ равнины узкимъ пространствомъ, по которому нельзя было проложить другого пути, кромѣ прорубленнаго въ скалахъ. Прекрасный водопадъ, въ 300 метръ вышины, отдѣляется отъ отвѣснаго карниза и низвергается въ темную глубь. Выше ущелье образуетъ обширный кругъ, куда вливаются чрезвычайно-замѣчательные минеральные источники. Почти вся почва бассейна, поверхность которой имѣетъ десять квадрат. километровъ, исчезаетъ подъ слоемъ известковаго туфа. На этомъ общемъ базисѣ образовались четыре возвышенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно велика сила воды. Нѣкоторые источники вытекаютъ изъ воронкообразныхъ отверстій, но большая часть прорыла себѣ конусы, подобные маленькимъ волканамъ и соединяетъ свои воды въ кратерѣ: здѣсь они кольцеобразно складываютъ туфъ и склеиваютъ тростникъ, растущій на окраинѣ конуса.

Средняя температура этихъ источниковъ бываетъ отъ 27 до 43 градусовъ, по Цельзіусу. Множество тремучихъ змѣй, привлеченныхъ теплотою, поселяются въ щеляхъ туфа или обвиваются вокругъ тростника. Большое количество другихъ минеральныхъ источниковъ, вытекающихъ изъ подножія горъ и носящихъ прозаическія названія Пивного, Пароходнаго и пр., показываетъ, что волканическія силы дѣйствуютъ и выше нагорной равнины. Самый извѣстный источникъ тотъ, въ которомъ мормоны крестятъ своихъ неофитовъ. Чтоже касается до простыхъ источниковъ; то они рѣдки и почти всегда наполнены солеными и известковыми веществами; обыкновенно составъ ихъ воды зависитъ отъ времени года. Весною и въ началѣ лѣта, во время таянія снѣговъ, вода приблизительно чиста; во время засухи, соль и известка сосредоточиваются въ маломъ количествѣ воды и дѣлаютъ ее совершенно негодною. — Количество производящей земли занимаетъ въ длину пространство отъ 4 до 5 градусовъ широты у западнаго подножія горъ Уайзачъ; но ширина этого пояса, среднимъ числомъ, не болѣе двухъ или трехъ километровъ. Къ этой узкой производящей полосѣ, которая одна только годна къ обработыванію, можно бы прибавить Іорданскую долину, еслибъ была возможность провесть въ нее каналы. Почва этой долины и смежныхъ съ нею состоитъ изъ песчаной земли, совер-

Digitized by Google

шенно безплодной отъ недостатка сырости. Къ несчастію дождя въ Утѣ очень рѣдки, небо неизмѣнно ясно впродолженіе шести мѣсяцевъ, отъ апрѣля до октября; источники, стекающіе съ горъ Уайзачъ, слишкомъ незначительны, такъ что обрабатывать землю можно только мѣстами. Въ первое время колонизаціи, сырая земля, отдыхавшая впродолженіе вѣковъ или даже со времени выступа Уты изъ моря, была довольно плодородна; нѣкоторыя мѣстности, почва которыхъ состоитъ изъ обломковъ полевого шпата, приносили почти такую же жатву, какъ въ приатлантическихъ краяхъ; но черноземъ, лежащій на слоѣ жирной глины (¹), теряетъ постепенно свое питательное вещество, и эта глинистая почва, выступая на поверхность полей, прикасается къ корнямъ растеній и сжигаетъ ихъ своимъ ѣдкимъ началомъ. Земля, дающая первый годъ обильную жатву, на второй годъ едва производитъ нѣсколько сухихъ стеблей, а при слѣдующемъ сборѣ представляетъ голую поверхность, на которой тамъ и сямъ видны клочки пожелтѣвшей травы. По необходимости земледѣльцы Уты ведутъ кочевую жизнь. По прибытіи къ Большому бассейну переселенцы поселились на берегахъ озера Уты и въ болѣе доступныхъ мѣстахъ равнины; но поврежденіе полей заставило ихъ возвратиться на небольшія долины, и такимъ образомъ съ каждымъ годомъ они все болѣе и болѣе удаляются въ горы. Качество земли ухудшается наравнѣ съ возрастаніемъ населенія. Къ этому неплодородію почвы нужно прибавить гибельное опустошеніе саранчи. Было вычислено, что земля Уты не можетъ прокормить болѣе мильона людей. Житница мормоновъ есть Кашь-Велли, расположенный къ сѣверу отъ Большого озера.

Къ востоку отъ равнины Іордана и маленькой цѣпи горъ Окирръ простирается пустыня, состоящая изъ сплошной глинистой массы, усѣянной кустарниками чернобыльника (artemisia). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея незамѣтно никакихъ слѣдовъ растительности, и она походитъ на шоссе изъ цемента, изрѣзаннаго безчисленными многоугольными расчепами. Нѣтъ ни одного ручья въ этой песчаной пустынѣ, и только послѣ долгаго времени путешественникъ изрѣдка встрѣтитъ поля, покрытыя кристалами соли, въ бѣлой поверхности которыхъ отражаются облака и лазурь неба. На горизонтѣ виднѣется рядъ вулканическихъ скалъ. Блескъ этой огромной

(¹) Эта глина извѣстна подъ названіемъ: *глина* saloeratus (saloeratus-clay). Saloeratus означаетъ углекислую соль. Энгельманъ нашолъ въ этой глинѣ частицы обыкновенной соли, частицы сѣрнокислой извести, большое количество сѣрнокислой магнезіи и очень малую часть органическихъ частицъ.

Digitized by Google

пустыни действуетъ удручительно, и потому всѣ предметы принимаютъ какой-то мрачный колоритъ.

Среди этихъ огромныхъ равнинъ, обитаемыхъ только несмѣтнымъ количествомъ необыкновенной формы ящерицъ, пролегаетъ путь нашихъ эмигрантовъ. Со времени открытія Калифорніи люди умирали здѣсь тысячами; быки и лошади въ огромномъ числѣ околѣвали отъ жажды. Ихъ разбросанныя кости служатъ указаніемъ пути; ночью же, когда не слышно болѣе хрустѣніе подъ ногами скелетовъ, путешественникъ останавливается изъ боязни заблудиться.

Миражъ, производимый отраженіемъ солнечныхъ лучей на этихъ песчаныхъ и соляныхъ равнинахъ, представляетъ иногда странныя явленія и обезображиваетъ предметъ почти до невѣроятности. Реми разсказываетъ объ этомъ удивительный случай:

«Передъ нами протекала величественная рѣка, берега которой окаймляли пирамидальныя деревья, похожія на тополь. Вода въ ней была такъ чиста и прозрачна, зеленѣющія аллеи казалось распространяли такую прохладу, что мы инстинктивно пришпорили нашихъ коней, чтобы какъ можно скорѣе достигнуть воды и ей утолить нашу жажду. Но вскорѣ рѣка выступила изъ береговъ и образовала море, омывающее подошвы фантастическихъ горъ. Цѣлые зубчатые острова выплывали изъ глубины этого незнакомаго океана, на которомъ красовались суда всевозможныхъ родовъ и паруса которыхъ раздувались невидимымъ вѣтромъ. Мысы, похожіе на пѣтушьи гребешки, и таинственныя пещеры отдѣлялись отъ горъ, какъ опоры свода античныхъ соборовъ. Въ небольшой губѣ огромные киты играли на поверхности ея, выпуская изъ себя воду въ видѣ серебристыхъ фонтановъ, совершенно какъ дельфины забавляются на тихомъ берегу Перу. На первомъ планѣ этого морского ландшафта возвышались роскошныя жилища въ итальянскомъ вкусѣ, которыя казалось утопали въ густой зелени деревьевъ. Потомъ нашимъ глазамъ представилось шествующее войско, съ военнымъ оркестромъ, артиллеріею и съ эскадронами, командуемыми начальниками съ перьями на шлемѣ. Столбы пыли подымались къ небу и отражались въ зеркальной поверхности волъ...»

Несмотря на отвращеніе, внушаемое ученіемъ и нравами мормоновъ, неоспоримо однако, что они оказали важную услугу человѣчеству и цивилизаціи, населивъ эти негостепріимныя страны. Эта безплодная равнина, отдѣляющая скатъ Тихаго океана отъ ската Атлантическаго моря, казалась негодною для земледѣлія.

И такъ въ центрѣ этой безмолвной пустыни мормоны положили

Digitized by Google

основаніе своему священному городу, который назовутъ должно быть предназначенъ въ скоромъ времени складочнымъ мѣстомъ между Нью-Іорком и Санъ-Франциско, западною Европою и восточною Азіею. Какъ должны быть благодарны люди, интересующіеся вопросомъ о переселеніи, этимъ фанатикамъ, желающимъ избѣгнуть цивилизаціи, и которые несмотря на то, сдѣлались самыми замѣчательными ея поборниками! Безъ особеннаго напряженія силы воли мормоны не могли бы выполнить своей задачи. Исполненные въ глубинѣ души желаніемъ мести и будучи столь же послушны своему отечеству, какъ и вѣрны своимъ убѣжденіямъ, они покидаютъ поля и жилища, оставляютъ городъ ими основанный, священный храмъ изъ мрамора, который сдѣлался имъ такъ же дорогъ, какъ кааба мусульманину, и поручаютъ только нѣкоторымъ изъ своихъ собратій достроить его и освятить съ большимъ торжествомъ. Мужчины, женщины и дѣти, предшествуемые своими жрецами, переходятъ по льду Мисисипи и проникаютъ въ необитаемые лѣса Іова, руководствуясь компасомъ, подобно матросамъ на морѣ. Прибывъ въ суровую зиму къ берегамъ Мисури, они укрываются отъ холода въ ямахъ, вырытыхъ ими въ землѣ, и безъ боязни приготовляются къ ужасамъ голода. Въ тоже время самые храбрые изъ молодыхъ людей, составляютъ авангардъ, перекидываютъ мосты черезъ рѣки и прокладываютъ дорогу въ пустыняхъ запада. Между тѣмъ приходитъ письмо отъ президента Соединенныхъ Штатовъ, въ которомъ онъ требуетъ отъ этого выселяющагося народа пятьсотъ человѣкъ на службу неблагодарной республики, отъ которой они терпятъ всѣ несчастія. Пятьсотъ человѣкъ, самыхъ полезныхъ изъ этого кочующаго общества, отправляются безъ ропота на этотъ зовъ, старики же и инвалиды заступаютъ ихъ мѣста въ прокладываніи дорогъ и земледѣліи.

Нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ облегчаютъ страданія переселенцевъ; но вскорѣ наступаетъ вторая зима, и народъ, состоящій изъ 15,000 бѣглецовъ, снова дѣлается добычей голода и измороза, которые подконецъ становятся такъ ужасны, что заставляютъ ихъ питаться кожею оружій и сбруи; но эти несчастія никого не поколебали въ своей рѣшимости. Къ голоду присоединяется холера и цынга; тысячи мертвыхъ похоронены въ равнинахъ, и шествіе эмигрантовъ походитъ на похороны. Мормоны видятъ въ этомъ только болѣе причины благодарить Спасителя, и продолжаютъ путешествіе съ необходимыми остановками, чтобы дать отдыхъ больнымъ. Наконецъ 24 іюля 1847 г., сто сорокъ три человѣка, составляющіе авангардъ, увидѣвъ съ высоты холма большое Соленое озеро, бросаются на колѣни для благодаренія Бога, и

Digitized by Google

въ поле не вечеръ принимаются за работу, копаютъ землю, прокладываютъ дороги и прорываютъ каналы для орошенія земли.

Но конецъ страданіямъ мормоновъ еще не пришолъ. Голодъ, вслѣдствіе опустошенія полей саранчею, былъ довольно ощутителенъ для нихъ впродолженіе еще двухъ лѣтъ, и до первой половины 1849 года они должны были довольствоваться 24 лотами пшеницы на человѣка въ день. Съ этого времени благоденствіе мормоновъ было нарушаемо исключительно только войной.

У этихъ смѣлыхъ поселенцевъ слѣдующая пословица въ большомъ употребленіи: *я могу* — никогда ничего не сдѣлало; *попробую* — произвело чудеса; *сдѣлаю* — имѣло всегда блистательный результатъ». На самомъ дѣлѣ исторія мормоновъ кажется какимъ-то чудомъ.

II. УЧЕНІЕ МОРМОНОВЪ

Мормонизмъ могъ возникнуть и пользоваться такимъ успѣхомъ только въ Соединенныхъ Штатахъ. Эта республика представляется намъ какъ бы какъ большой лабораторіи, гдѣ всѣ религіозныя, соціальныя и политическія теоріи берутъ свое начало. Тамъ въ одно и то же время имѣетъ мѣсто самая крайняя свобода вмѣстѣ съ ужаснымъ рабствомъ, умерщвленіе плоти — съ возстановленіемъ ея, безбрачіе — съ многоженствомъ, коммунизмъ — съ мѣстничествомъ. Это большая школа, гдѣ всѣ теоріи древняго міра, основанныя на принципѣ авторитета или свободы, испытываются, чтобы потомъ служить наставленіемъ вселенной. Человѣческія теоріи, едва родившіяся въ умѣ, пускаютъ готовыя корни въ этой неизмѣримой почвѣ, отличающейся своимъ гостепріимствомъ въ отношеніи всякихъ идей и эмигрантовъ. Среди этого американскаго общества, гдѣ секты дробятся до невозможности, гдѣ религія совѣсти отдѣльнаго лица вытѣсняетъ всѣ существующія религіи, гдѣ каждый свободно принимаетъ свою вѣру и перемѣняетъ ее по собственному произволу, въ этой странѣ черезъ противодѣйствіе образуется новая религія. Дробленію сектъ она противопоставляетъ сильную организацію своей непреложной теократіи, отбрасываетъ республиканскую свободу и превозноситъ совершенное сосредоточеніе всѣхъ силъ и всякой воли въ головѣ папы; черезъ порабощеніе женщинъ она доходитъ до порабощенія народа. Между тѣмъ какъ католицизмъ, религія съ неограниченною властью, постепенно теряетъ свою относительную важность въ англо-саксонскихъ республикахъ, американскій папа украшается тройною короною и присвоиваетъ себѣ духовную и свѣтскую власть.

Digitized by Google

Реми и почти всѣ историки, занимавшіеся началами новой религіи, полагаютъ, что Іосифъ Смитъ, основатель мормонизма, ничто иное какъ низкій лицемѣръ. Замѣчая около себя борьбу безчисленныхъ сектъ, споръ тысячи мнѣній, видя свою мать игрушкою религіозныхъ заблужденій, онъ думалъ, что настала удобная минута утвердить себя въ качествѣ пророка, окружить себя свитой изъ плутовъ и шествовать на пути почестей и богатства. Вѣроятно, что Іосифъ Смитъ посвятилъ свою жизнь пророчеству; но развѣ онъ не подалъ бы подъ рукою мысль и ненависть, какъ многіе другіе лицемѣры, являвшіеся въ разныя времена, еслибы подъ конецъ самъ не сталъ вѣровать въ свое ученіе и откровеніе? Не можетъ быть, чтобы человѣкъ, основавъ религію, не былъ самъ убѣжденъ въ ея истинѣ и не былъ проникнутъ вѣрою, которой горы не могутъ служить препятствіемъ, и которая такъ порабощаетъ сердца людей. Чтобы проповѣдывать истину или заблужденіе, необходимо слѣдить самому за собой съ полнымъ усердіемъ и преданностью, необходимо идти прямо къ цѣли, безъ задней мысли, безъ скрытности въ мысляхъ и безъ угрызеній совѣсти. Эта непоколебимая вѣра, это чистосердечіе могутъ слиться съ точнымъ знаніемъ человѣчества и съ удивительной дипломаціей; но основатели религіозныхъ сектъ приносятъ свои страсти, свои дарованія, свои расчеты въ жертву вѣрѣ, которая ихъ увлекаетъ.

Къ чести всего человѣчества, мы должны сказать, что предпріятіе Іосифа Смита не составляетъ исключенія въ исторіи религій. Уязвленное самолюбіе, неукротимое желаніе, жажда мести, дѣйствуя заодно съ заразительнымъ безумствомъ, безъ сомнѣнія преобразовали всю эту ложь въ предметы новаго ученія, и въ послѣдніе годы своей жизни онъ сдѣлался по ихъ мнѣнію вдохновеннымъ vates. Онъ началъ свою карьеру низкимъ обманщикомъ, а окончилъ ее самоувѣреннымъ мормонскимъ пророкомъ. Въ искренность этого человѣка насъ заставляетъ еще болѣе вѣрить то, что онъ не былъ ослѣпленъ, какъ другіе вретенщики, могуществомъ; онъ остался чистымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Нося названіе пророка, онъ не переставалъ быть дѣйствительно справедливымъ, добрымъ и щедрымъ; онъ постоянно заботился о бѣдныхъ и нуждающихся, преимущественно посѣщалъ ихъ и бралъ ихъ въ повѣренные. Онъ обворожилъ всѣхъ своею любезностью и милымъ обхожденіемъ. «Онъ питалъ отеческую любовь къ своимъ друзьямъ и былъ замѣчательно великодушенъ въ отношеніи своихъ враговъ. Его любимое препровожденіе времени было играть въ мячикъ съ дѣтьми.» Мормоны, которые его знавали, отзываются о немъ съ особеннымъ восторгомъ, и даже его противники отдаютъ

Digitized by Google

ему полную справедливость. Обыкновенный принципъ: делать рай, но больше ада своими врагами, имъ никогда не быть осуждену. Не служитъ ли это принципомъ всѣхъ пророковъ прежнихъ и настоящихъ съ снисходительнымъ къ нелѣпу нашего пророка? И развѣ можно не замѣтить, что убѣжденіе, а не обманъ, служило Іосифу Смиту главнымъ орудіемъ для переворота? Большое участіе, съ которымъ было принято откровеніе мормоновъ въ Америкѣ, много способствовало успѣху новаго ученія. Щекотливому патріотизму нашихъ американцевъ льстило то обстоятельство, что имъ не нужно болѣе обращаться къ Старому Свѣту за священными преданіями. Но царство мормоновъ, земной рай никогда не существовалъ въ отдаленной Месопотаміи въ Халдеѣ, но въ центрѣ американской Месопотаміи — между рѣкою Миссисипи и Миссури; нынѣшніе ламанитъ(1) или краснокожіе американцы суть истинный народъ Бога, и до нашего времени имъ удалось удержаться въ своей національности, между тѣмъ какъ евреи разсѣяны по всему земному шару. Чтобы исполнить свою миссію, Іисусъ Христосъ долженъ былъ явиться въ Новомъ-Свѣтѣ и проповѣдывать свое ученіе, какъ онъ проповѣдывалъ его въ Палестинѣ. Въ Америкѣ вскорѣ возникнетъ новый Іерусалимъ, и святой Іоаннъ находится на равнинахъ востока, ожидая день своего вступленія въ этотъ священный городъ, чтобы показать избранному народу ключи Мельхиседека. И такъ американецъ, гордый славою своего отечества, можетъ равнодушно видѣть въ немъ развитіе настоящаго, прошедшаго и будущаго человѣчества. Но это только второстепенная причина успѣховъ Іосифа Смита: самая сущность заключается въ томъ, что мормонизмъ дозволяетъ замѣнить истинную вѣру весьма обыкновенной, глубокое благочестіе — пустою внѣшностью, и представляетъ такимъ образомъ боязливымъ душамъ легкій путь къ спасенію.

Всѣ путешественники увѣряютъ, что мормоны далеки отъ того, чтобы быть людьми религіозными въ полномъ смыслѣ этого слова. Конечно, между ними есть нѣжныя и чистосердечныя души, которыя преисполнены неподдѣльной любовью ко всему хорошему, истинно расположены къ людямъ и научаютъ съ удивительною ревностью слова, внушенныя пророками; но большинство мормоновъ кажется намъ людьми необразованными, которые устраняютъ себя

(1) Въ откровеніи мормоновъ сказано, что евреи, укрывшіеся внѣ Америки, раздѣлились на двѣ враждебныя партіи, нефитовъ и ламанитовъ. Эти послѣдніе сдѣлались невѣрны своему Богу, истребили своихъ братій нефитовъ и овладѣли всѣмъ континентомъ. Отъ нихъ происходятъ индѣйцы.

Digitized by Google

отъ обязанности размышлять. Не имѣя собственнаго убѣжденія, они вѣрятъ на-слово, и мало-помалу религія ихъ обращается въ привычку и становится волѣнопреклоненіемъ, чистѣйшею внѣшностью. Мормоны, которые обсуживаютъ богословскіе вопросы и размышляютъ объ естествѣ Бога, ангеловъ и человѣческой души, не пользуются уваженіемъ.

На одного ученаго, Орсонъ Пратта, который двадцать лѣтъ жизни провелъ въ составленіи, въ видѣ ученія, мнѣній и промаховъ основателей мормонизма, смотрѣли почти какъ на вѣроотступника, потомучто онъ слишкомъ серьозно смотрѣлъ на религію и сдѣлался ея великимъ истолкователемъ. Напротивъ того, тѣ, которые не теряются въ безполезныхъ отвлеченностяхъ и вѣрятъ на-слово, служатъ у нихъ образцомъ святости. Настоящій мормонъ довольствуется послушаніемъ и благочестиво платитъ десятую часть своего имущества, своихъ доходовъ и своего заработка.

Не безполезно изучить ученіе Іосифа Смита, потомучто оно находится въ тѣсной связи съ учрежденіями и общественнымъ бытомъ мормоновъ. Долгое время полагали, что оно не представляетъ ничего новаго, и за исключеніемъ возобновленія древней полигаміи, болѣе или менѣе походитъ на ученія безчисленныхъ протестантскихъ сектъ, которыя привлекли къ себѣ вѣрующій народъ Соединенныхъ Штатовъ. Но это заблужденіе. Мормоны по справедливости протестуютъ противъ всякаго уподобленія ихъ язычникамъ (gentils) своего отечества. Они имѣютъ свое собственное откровеніе, своихъ пророковъ и свои догматы; они представляютъ новый союзъ и наслѣдуютъ христіанство, какъ это послѣднее наслѣдовало религію евреевъ. Іосифъ Смитъ получаетъ какъ бы въ священное наслѣдство книги еврейскаго союза, равно какъ и новый завѣтъ, объясняетъ ихъ откровеніемъ свыше и даетъ народу, какъ онъ говоритъ, настоящую библію, книгу мормоновъ.

При первомъ взглядѣ, совокупность откровенія мормоновъ представляетъ только странную эклектическую философію индусскихъ миѳовъ, воззрѣнія платоническія и еротическія, магометанскую чувственность и христіанскія заповѣди. Какъ Зороастръ, мормоны признаютъ добраго и злого генія; какъ Пиѳагоръ, они вѣрятъ въ переселеніе душъ; еще недавно они приняли американскую мечту о родствѣ умовъ по симпатіи душъ, соединяющихся у могилы. У крестителей они заимствовали крещеніе погруженіемъ въ воду, у апокалипсическихъ сектъ вѣру въ *millenium*, а у всѣхъ фанатиковъ — видѣнія, пророчества и чудеса. Каждая религія, каждая ересь доставили ученію мормоновъ свою долю истины и заблужденія. Прежде всего, мормоны ссылаются на своихъ мнимыхъ пред-

Digitized by Google

ковъ, нефитовъ. Мормоны — іудеи по преданію, іудеи по вѣрѣ въ плохимъ и злыхъ ангеловъ, по понятіямъ составленнымъ ими о вещественномъ Богѣ, по умозрѣнію о семействѣ, іудеи по своей ненависти къ египтянамъ, іудеи по своей алчности къ благамъ сей юдоли: они также думаютъ, что все золото, накопленное въ желѣзныхъ сундукахъ, должно принадлежать имъ, что все человѣчество работаетъ и множество рабовъ заняты обработкою и украшеніемъ земли, на которой черезъ тысячу лѣтъ будутъ возвышаться ихъ замки изъ бриліантовъ и рубиновъ.

Несмотря на заимствованія у столькихъ различныхъ религій, ученіе мормоновъ составляетъ все-таки нѣчто однородное. Какъ двѣ рѣки, стекающія съ противоположныхъ горъ, впадаютъ въ одно нечистое озеро, такъ и совершенно различные догматы сливаются въ этомъ грубомъ матеріализмѣ. Религія мормоновъ учитъ, что все состоитъ изъ вещества, все есть грубая сила, оконченное дѣйствіе. Богъ, по мнѣнію мормоновъ, есть только могущественнѣйшій человѣкъ; нѣкогда онъ даже не имѣлъ передъ нами преимущества; но онъ возвысился въ небесной іерархіи, и теперь сидитъ на возвышенномъ тронѣ рая. У него есть глаза, ротъ и уши; онъ одного съ нами происхожденія, имѣетъ нѣсколько женъ; дѣти его такъ же многочисленны, какъ песчинки на днѣ морскомъ. Онъ ѣстъ какъ всѣ люди, онъ съ удовольствіемъ вдыхаетъ запахъ кровавыхъ жертвоприношеній, и когда храмъ Новаго Іерусалима будетъ оконченъ, то зарѣжутъ быковъ и большое число ягнятъ, чтобы сдѣлать ему угодное. Отецъ, дѣдъ и всѣ предки Бога, его родные и двоюродные братья — такъ же могущественны, какъ и онъ; но люди не обязаны имъ ни любовью, ни уваженіемъ, потомучто нашъ свѣтъ не подлежитъ ихъ покровительству: они управляютъ планетами или отдаленными солнечными системами. У нихъ такое же тѣло какъ у насъ, они ѣдятъ, пьютъ, населяютъ свои серали, и какъ боги Гомера, увлекаются порочными отступленіями. Сатана есть также богъ, и мормоны даютъ ему почетное мѣсто, увѣряя, что онъ хотѣлъ даровать земное прощеніе всѣмъ грѣшникамъ безъ исключенія. Предъ трономъ Господа завязался споръ, и Люциферъ былъ проклятъ и изгнанъ за свою слишкомъ необузданную любовь къ людямъ. Сатана, превратившись въ демона, тѣмъ не менѣе *gentleman*; простыя искушенія суть дѣла дьяволовъ втораго разряда и самыхъ низшихъ чертенятъ.

Всѣ люди суть сыновья Бога-Отца, справедливо названнаго такъ, потомучто онъ великій творецъ. Мы родились въ его обиталищѣ, мы вкушали небесный нектаръ; потомъ, какъ бабочки, мы потеряли свои божественныя крылья и обратились въ личин-

Digitized by Google

ни; но у насъ осталось живое воспоминаніе о блескѣ, который насъ тамъ окружалъ; райское сіяніе представляется намъ какъ бы во снѣ; мы слышимъ отдаленное эхо небесныхъ ароъ, и грусть, которая насъ одолѣваетъ независимо отъ насъ самихъ — ничто иное, какъ сожалѣніе о нашемъ прежнемъ отечествѣ. Послѣ нашей смерти, всѣ матеріальныя частицы теряютъ свою органическую связь и обращаются въ болѣе или менѣе продолжительной реакціи въ спиртъ или облачный эфиръ. По истеченіи этого времени искуса, злые люди снова начнутъ свое поприще, а добрые, которые заслужили рай, снова облекутся въ безсмертное тѣло и сдѣлаются богами. Они дадутъ роскошные праздники, сидя за великолѣпно-убранными столами, и будутъ питаться амброзіей, пить нектаръ, а жоны ихъ превратятся въ богинь неподкупной красоты.

Такое ученіе потворствуетъ самому безграничному эгоизму. Мормонъ вполнѣ увѣренъ, что въ небесномъ жилищѣ онъ будетъ обладать богатствомъ, могуществомъ, почестями, удовольствіями, сладострастіемъ, въ особенности когда онъ здѣсь умѣлъ достигнуть титула проповѣдника. Будучи духовнымъ и свѣтскимъ княземъ на землѣ, мормонскій сановникъ останется княземъ и въ небесной странѣ; онъ будетъ пользоваться всѣми своими силами и способностями, и наслаждаться тѣлесными и душевными удовольствіями; онъ возьметъ въ замогильную жизнь свое богатство, вдесятеро умноженное сложными процентами. Правовѣрные, которые обладаютъ въ душѣ нѣкоторымъ честолюбіемъ, не упускаютъ случая возвыситься; послушные до раболѣпства и точно платя десятую часть доходовъ, они увѣрены, что пріобрѣтаютъ титулъ ангела и бога, который на основаніи нелѣпаго ученія ихъ, остается еще на этомъ свѣтѣ за начальниками церкви. Это безнравственное честолюбіе существуетъ не только въ глубинѣ ихъ сердца, но и обнаруживается въ книгахъ новѣйшихъ угодниковъ: «человѣкъ живетъ только для удовольствія», говоритъ ихъ такъ называемый апостолъ. И богъ мормоновъ походитъ на своихъ сыновей, потому что «онъ самый большой эгоистъ изъ всѣхъ живыхъ существъ»! Въ такихъ ужасныхъ выраженіяхъ другой также ихъ апостолъ опредѣляетъ свое вѣрованіе въ создателя.

Правленіе мормоновъ основано на тѣхъ же началахъ какъ у боговъ неба; оно чисто теократическое. Папа Брайемъ Юнгъ, «помазанный муромъ по приказанію Мельхиседека», въ одно и тоже время пророкъ и обладатель способностью откровенія; какъ президентъ церкви, онъ пользуется гораздо большею властью, чѣмъ какой-либо монархъ въ мірѣ: онъ повелитель души и тѣла; мормонскіе ораторы не боятся даже называть его въ лицо богомъ на

земль. Брайемъ Юнгъ присоединилъ къ себѣ вице-президента Кимбалла и секретаря Вельса. За этимъ триумвиратомъ непосредственно слѣдуетъ великій патріархъ, потомъ слѣдуютъ по порядку двѣнадцать апостоловъ, великіе проповѣдники, число которыхъ простирается до четырехъ тысячъ, епископы, раздѣленные на группы по семидесяти человѣкъ; далѣе, старосты или elders. Всѣ эти священники принадлежатъ къ ордену Мельхиседека, между тѣмъ какъ вспомогательные и дьяконы подвергаются искусу, извѣстному подъ именемъ ордена Аарона; это вновь обращенные; они составляютъ большую часть правовѣрныхъ, несмотря на титулъ проповѣдника. Всѣ духовные чиновники суть вмѣстѣ съ тѣмъ и свѣтскіе; забота о матеріальныхъ нуждахъ общества возложена на тѣхъ же, которые заняты спасеніемъ души. Это та же теократія, какъ она найдена была іезуитами, во время миссій изъ Бразиліи и Парагвая. Одно только удивительно, что несмотря на эту организованную іерархію и на привязанность мормоновъ къ празднествамъ и церемоніямъ, великіе священники Новаго Іерусалима носятъ отличительную одежду съ правовѣрными и не присвоиваютъ себѣ религіозныхъ титуловъ. Какъ истинные лики, верховные первосвященники имѣютъ только одно преимущество передъ остальными правовѣрными: они пользуются правомъ не снимать шляпъ во время службы.

Хотя теократія по своей природѣ неизмѣняема, но Брайемъ Юнгъ, какъ человѣкъ знающій свое дѣло, не хотѣлъ уничтожить послѣдніе слѣды республиканскаго правленія, которое было знакомо мормонамъ американскаго происхожденія съ самаго дѣтства. Еще существуетъ одна чистая формальность, которая покрываетъ власть папы и даетъ ей демократическое утвержденіе: два раза въ годъ пророкъ является народу и снова единогласно избирается всѣми гражданами. Этотъ призракъ верховной власти нисколько не умаляетъ власть Брайема, потомучто правовѣрные видятъ въ этомъ только случай получить благословеніе пророка. Это всеобщее одобреніе, сохранившее свой видъ для извѣстныхъ избраній, не представляетъ также ничего опаснаго: это не болѣе, какъ насмѣшка. Повѣренный при балотировкѣ отмѣчаетъ въ спискѣ имя каждаго братства, противъ номера, которымъ отмѣченъ письменный голосъ, положенный въ урну. Такимъ образомъ, каждый неблагомыслящій избиратель становится извѣстенъ своимъ начальникамъ и можетъ быть отмѣченъ какъ измѣнникъ обществу. Сверхъ того церковный обрядъ посвященія у мормоновъ, который составляетъ часть ихъ богослуженія, подавляетъ въ зародышѣ всякую независимую мысль въ правовѣрныхъ. Мормоны должны дать клятву въ совершенномъ

и несомнѣнномъ послушаніи Брайему Юнгу и начальникамъ церкви; они обѣщаютъ, самыми ужасными клятвами, принести въ жертву свое семейство, благосостояніе и жизнь для блага общества, лишь бы въ случаѣ надобности отказаться отъ своей собственности въ пользу церкви, и обязываются никогда не отвергать даже самыя позорныя признанія, и учинить самыя нечестивыя и предательскія преступленія въ угодность своимъ начальникамъ. Они рѣшаются быть «посломъ, зачасканной тряпкой» въ рукахъ Брайема. Ничего не можетъ быть ужаснѣе для будущности мормоновъ, какъ это отрѣшеніе отъ собственной воли. Но странное дѣло: слѣдуя внушенію, данному имъ сильной американской демократіей, ученики Іосифа Смита превзошли въ твердости даже своихъ соотечественниковъ въ одинаковый промежутокъ времени; чтобы заставить цвѣсти оазисъ посреди безплодной пустыни, они въ сильной степени развили свою личную инициативу. Будучи неутомимыми работниками, они искали свою славу въ томъ, чтобы все дѣлать самимъ и ничего не требовать у постороннихъ людей, которые ими управляютъ; но эти энергическіе люди, столь совершенные для простыхъ земледѣльцевъ, демократы во всемъ, что относится къ матерьяльному существованію, безвозвратно отказались отъ нравственной воли: они оставили за собой только руки и отдали свои души.

Обработывая землю и строя города, они заставляютъ своихъ начальниковъ заботиться объ общественныхъ и политическихъ нуждахъ. Невольно возникаетъ вопросъ: не послѣдуетъ ли за этимъ отреченіемъ отъ будущаго существованія души полное отпаденіе у мормоновъ всякой инициативы и дикая матерьяльныхъ заботъ? Все прекращается у человѣка, который отдалъ свою душу. Уже нравственное чувство у мормоновъ притупилось; такъ, несмотря на манифестъ, обнародованный Іосифомъ Смитомъ во время его кандидатства на мѣсто президента Соединенныхъ Штатовъ, несмотря на ученіе объ уничтоженіи мормонскихъ сектъ въ своихъ первыхъ мѣстахъ основанія — Киртландѣ, въ Джексонъ-кентри и въ Нову, рабство почти уже гласно признано въ Новомъ-Іерусалимѣ: и при ихъ безусловномъ послушаніи своему владыкѣ, неудивительна такая послѣдовательность. Предметы, о которыхъ ораторы разсуждаютъ въ торжественныхъ собраніяхъ, вообще по природѣ своей удаляютъ иновѣрцевъ. Вмѣсто того чтобы говорить о блаженствѣ небесной жизни, о спасеніи души, или просто о вопросахъ нравственности, проповѣдники долго останавливаются на матерьяльныхъ нуждахъ общества; они вкратцѣ перечисляютъ вновь прибывшихъ переселенцевъ впродолженіе года и разсѣянныхъ по всѣмъ частямъ владѣнія; они толкуютъ о доходахъ, получаемыхъ съ рудниковъ, о

Digitized by Google

пользованіи лѣсомъ, объ усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ работниками въ приготовленіи орудій. Эта забота о матерьяльномъ благодействіи очень понятна, потомучто будущая жизнь, по мнѣнію мормоновъ, есть простое продолженіе настоящей, и слѣдовательно у нихъ нѣтъ основанія такъ долго останавливаться на томъ, что относится до того свѣта; Новый-Іерусалимъ, основанный ими, не болѣе какъ торговый домъ, котораго фирма и составъ не измѣняется впродолженіе тысячелѣтія. И такъ очень естественно, что мормоны, будучи людьми необходимо практическими, болѣе всего занимаются настоящимъ и матерьяльнымъ положеніемъ общества. Подъ предлогомъ вѣры, мормонизмъ есть только средство не принимать всѣхъ религіозныхъ проблемъ.

Обряды богослуженія приспособлены къ той же цѣли, къ исключенію мысли. Во всѣхъ церемоніяхъ, символическіе обряды играютъ важную роль; ихъ постоянно возобновляютъ и ставятъ непремѣннымъ условіемъ для спасенія; но это только матерьяльные символы; умъ не можетъ быть долго ими занятъ. Такимъ образомъ всякій, кто въ чемъ-нибудь провинился, долженъ снова креститься, подъ опасеніемъ утратить свое названіе угодника: безъ погруженія въ воду грѣшника, грѣхъ его не можетъ быть смытъ. Эта матерьяльная необходимость возстановительнаго крещенія существуетъ для живыхъ и мертвыхъ. Всякій человѣкъ, умершій въ какомъ-нибудь преступленіи, не иначе можетъ быть спасенъ, какъ если кто-либо изъ его друзей, оставшійся въ живыхъ, не очистится за него въ очистительной водѣ: такимъ же образомъ можно жениться вмѣсто умершаго и родить ему семейство, назначенное увеличивать славу покойника въ вѣчности.

Такова у нихъ религія и такова нравственность: мормоны не менѣе пошлы и грубы въ своихъ идеяхъ о бракѣ, какъ и въ своемъ ученіи о богахъ и о судьбѣ въ будущей жизни. Среди общества, въ которомъ женщина болѣе уважаема и свободна чѣмъ въ какой либо странѣ міра, мормоны объявляютъ полигамію и порабощеніе женщинъ, неминуемое слѣдствіе многоженства. Этотъ догматъ ихъ религіи могъ такъ оскорбить американскій народъ, что Іосифъ Смитъ, увѣряя, что получилъ его какъ божественное откровеніе 12 іюня 1843 года, сообщилъ о немъ только своимъ самымъ закадычнымъ друзьямъ; а Брайемъ Юнгъ обнародовалъ его только въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1852 года, когда могъ уже располагать болѣе чѣмъ тридцатью тысячами подданныхъ въ Утѣ и слѣдовательно имѣлъ достаточно силы, чтобы устоять противъ нападенія союзныхъ войскъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что основатель мормо-

Digitized by Google

низма слѣдовалъ тайному, недостойному желанію при введеніи полигаміи.

Дѣйствительно, эти люди, для которыхъ «веселье есть цѣль жизни» и которые надѣются быть «богами-эгоистами», видятъ въ богатствѣ и могуществѣ ясный знакъ благословенія свыше: чѣмъ богаче мормонъ и чѣмъ ближе онъ стоитъ къ божеству, тѣмъ болѣ онъ возвышается на избранной имъ іерархіи.

Въ Америкѣ, гдѣ народонаселеніе слишкомъ малочисленно для обработки земли, жены и дѣти могутъ играть роль только предметовъ излишняго богатства. Дѣти суть сильные работники, отдающіе всѣ свои силы взамѣнъ пищи; женщины суть ревностныя служанки, заботящіяся о порядкѣ жилищъ, объ удобствахъ и матерьяльныхъ наслажденіяхъ своихъ мужей и повелителей, преобразуя бѣдность въ довольство, довольство въ богатство, при помощи благоразумія и расчетливости. Такъ какъ благоволеніе боговъ къ мормонамъ измѣряется пріобрѣтеннымъ богатствомъ, то имъ слѣдуетъ заботиться объ увеличеніи числа женъ и дѣтей. Такимъ образомъ человѣкъ обогащается на землѣ и въ раю достигаетъ нетлѣнной славы. Каждый изъ этихъ браковъ болѣе укрѣпляетъ его на пути къ небесному престолу. «Глава многочисленнаго семейства — восклицаетъ апостолъ Орсонъ Хидъ — царствуетъ навсегда въ центрѣ своей собственной славы, подобно Богу въ вѣчности».

Къ этому столь важному для мормоновъ пункту слѣдуетъ прибавить политическія причины, которыя играютъ не менѣе важную роль. Мормоны твердо увѣрены, что они назначены быть повелителями всей земли. Здѣсь все принадлежитъ имъ по праву: золото и серебро, поля и дворцы; но для того, чтобы завоевать землю съ ея богатствами и роскошью, имъ слѣдуетъ обзавестись могущественною арміею; по словамъ библіи, дѣти Авраама должны быть такъ же многочисленны, какъ песчинки на днѣ морскомъ. Мормоны ввели, или лучше-сказать возстановили полигамію, съ цѣлью, убѣдительнымъ образомъ увеличить народонаселеніе. Всѣ дѣти, усопшія души которыхъ они вызываютъ и даруютъ имъ жизнь, должны служить имъ въ будущемъ солдатами: имъ завѣщана слава защищать новую теократическую имперію противъ нашествія американской республики, потомъ отдѣлиться отъ всей земли, при помощи евреевъ и древняго міра. «Торопитесь жениться! восклицаетъ Брайемъ Юнгъ.—Чтобы я не видѣлъ болѣе мальчиковъ старше шестнадцати и дѣвочекъ старше четырнадцати лѣтъ!» И такъ у нихъ считается ужасною измѣною противъ отечества не имѣть нѣсколькихъ женъ, когда къ тому представляется случай; проповѣдники терпятъ привержепца моногаміи, но называютъ его въ церкви человѣкомъ, упор-

Digitized by Google

[illegible] къ вѣрѣ». Зато приверженецъ полигаміи можетъ до безконечности увеличивать число своихъ жонъ: «всѣ дочери людей созданы для него, и та изъ нихъ, которая выходитъ замужъ за иновѣрца, сама приготовляетъ себѣ адъ».

Порабощеніе женщины есть первое условіе полигаміи. Нужно, чтобы жена знала и говорила, что она подчинена, и взамѣнъ своей любви требовала отъ мужа покровительство и дружбу; необходимо, чтобъ она терпѣла отъ него униженіе и перестала быть подругой, чтобы сдѣлаться его собственностью. Ничто такъ хорошо не соотвѣтствуетъ іерархической системѣ, принятой мормонами. По ихъ мнѣнію, женщина обладаетъ душою второго разряда и не можетъ прямо сноситься съ Богомъ; ея молитвы не прежде достигнутъ неба и ей не прежде даруется спасеніе, пока она не возьметъ себѣ мужа. Та же, которая остается дѣвицей, обращается въ ничто; законъ мормоновъ признаетъ также за дѣвицей право требовать себѣ мужа, «чтобы трудиться для его вѣчной славы». Это глубокое уничиженіе, и между тѣмъ всѣ путешественники серьозно увѣряютъ, что большинство мормонскихъ жонъ кажется совершенно примирилось со своею участью и радостно занимаетъ свои мѣста въ гаремѣ мужей-полигамовъ. Основатели мормонизма, живя въ свободныхъ штатахъ сѣвера, гдѣ республиканскія начала почерпаютъ всю свою силу въ нѣдрахъ самого семейства, очень хорошо знали, что для того, чтобы заставить торжествовать полигамію, нужно было прежде всего вытребовать согласія у самихъ жонъ. Одни мужья не могли превозносить это грубое ученіе; между тѣмъ какъ жоны, уже разъ поддавшись ему, могли служить ему опорою своимъ увлекательнымъ фанатизмомъ. Никакое учрежденіе не можетъ имѣть успѣха, если женская половина общества не предана ему всей душой. Своимъ кроткимъ и медленнымъ вліяніемъ на мужчинъ и властью надъ дѣтьми, женщины имѣютъ въ своихъ рукахъ судьбу религій и имперій; чтобы основать теократію, могущую неотмѣнно поработить всякую совѣсть, слѣдовало сперва поработить женщинъ и поселить въ нихъ гордость ихъ подчиненнымъ положеніемъ. Вотъ за это-то дѣло взялись мормонскіе ораторы съ большимъ искусствомъ и съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца. Имъ это удалось, и теперь сами мормонскія женщины помогаютъ имъ въ своемъ собственномъ униженіи и предпочитаютъ удовольствія гарема любви и свободѣ. Изъ фанатизма такого рода, онѣ вообще охотнѣе выходятъ замужъ за многожонныхъ старцевъ, чѣмъ за молодыхъ холостяковъ, которые еще часто встрѣчаются въ Утѣ. Это весьма понятно: слава мормоновъ измѣряется какъ здѣсь, такъ и на небѣ числомъ жонъ. И такъ

Digitized by Google

молодая дѣвушка, желающая возсѣдать въ раю на возвышенномъ тронѣ, должна преимущественно свататься за патріарха, отрасное семейство котораго обезпечиваетъ ему безсмертную славу. Есть еще другая причина, которая должна привлекать ихъ къ многоженному старцу: можно гораздо менѣе бояться за отступленіе отъ вѣры такого пана, чѣмъ молодого человѣка, который впродолженіе многихъ лѣтъ подвергнутъ искушеніямъ свѣта. Когда старикъ-мужъ окончитъ свое земное существованіе, то молодыя жены его, раздѣлявшія съ нимъ свою судьбу, могутъ прибавить къ своимъ семейнымъ пріятную увѣренность, что онѣ составили свое счастіе. Въ этой многобрачной жизни заключается какая-то приманка для прельщенія нѣкоторыхъ женщинъ. «Чѣмъ болѣе имѣешь мужей, тѣмъ болѣе смѣешься (the more, the merrier)!» говорила молоденькая дѣвушка Жюлю Реми. Кстати о мормонской полигаміи: мысль о составленіи общины женщинъ была высказана, но безуспѣшно. Напротивъ того мормоны ужасно строги до своихъ правъ самовластнаго и исключительнаго господства. Будучи мужьями нѣсколькихъ жонъ, которыми они владѣютъ какъ стадомъ барановъ, они становятся очень щекотливы при вопросѣ о своихъ правахъ господина; они стараются, въ глазахъ иностранца, придать какую-то таинственность своему хозяйству и всему что имъ принадлежитъ; они ставятъ между собою и *язычниками* непреодолимую преграду своего эгоизма. Жоны суть самая святая и драгоцѣнная собственность, и всякій кто обольстилъ жену, дочь, или сестру мормона, долженъ погибнуть отъ руки оскорбленнаго. Мормоны говорятъ прямо, что они будутъ наказывать смертью всякое нарушеніе нравовъ, когда владѣніе Уты будетъ преобразовано въ самовластное государство съ правомъ издавать собственные законы. Правда, что разводъ позволенъ и многократно повторяется: вотъ здѣсь-то полигамія приближается къ кровосмѣшенію. Реми разсказываетъ объ одной мормонкѣ, которая была шесть разъ замужемъ, и четыре мужа которой были еще живы.

Но можно было заранѣе предвидѣть по законамъ статистики, что полигамія произведетъ совершенно противоположные результаты, чѣмъ мормоны ихъ ожидали. Народонаселеніе менѣе увеличивается, какъ еслибы каждый угодникъ довольствовался одной женой и еслибы всѣ холостяки Уты были женаты (1). Серали мно-

(1) Въ концѣ 1858 года, насчитывали въ этой странѣ до 3617 многоженныхъ мужей, изъ которыхъ 1117 имѣли пять жонъ и болѣе; но большая часть мормоновъ не могла еще себѣ найти жонъ; даже вѣроятно, что число мужчинъ превышаетъ число женщинъ, какъ во всѣхъ странахъ, населенныхъ эмигрантами. Равновѣсіе между сектами еще не возстановлено.

Digitized by Google

обыкновенныхъ мормоновъ относительно представляютъ гораздо менѣе дѣтей, чѣмъ «log-houses» американскихъ землекоповъ. Множество угодницъ, вышедшихъ замужъ слишкомъ рано, безплодны или мало плодовиты; кромѣ того смертность на новорожденныхъ жизнь: она даже гораздо значительнѣе, чѣмъ въ самыхъ нездоровыхъ мѣстностяхъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Папа Брайемъ Юнгъ въ 1855 году имѣлъ уже пятьдесятъ женъ, и въ томъ году у него родилось девять дѣтей на одной недѣлѣ. Неизвѣстно число всѣхъ, которыми онъ обладалъ; но теперь у него ихъ осталось болѣе тридцати. Замѣчено также, что въ Утѣ, какъ и въ гаремахъ Турціи, родится гораздо болѣе дѣвочекъ чѣмъ мальчиковъ, между тѣмъ какъ видно совершенно противное въ странахъ, гдѣ господствуетъ моногамія. Впрочемъ дѣти мормоновъ, которыя остаются въ живыхъ, очень красивы и сильны.

III. СОЦІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ МОРМОНОВЪ

Прогуливаясь по столицѣ мормоновъ, Жюль Реми не могъ не придти въ восхищеніе какъ отъ повсемѣстнаго порядка, такъ и отъ совершеннаго довольства, которое выражалось на лицахъ и въ разговорахъ жителей. Всѣ были въ движеніи. Не было ни питейныхъ домовъ, ни клубовъ, ни публичныхъ заведеній: взамѣнъ ихъ были мастерскія и самые разнобразные заводы и фабрики; дневная работа едва прекращалась на нѣсколько минутъ, и притомъ всегда при полномъ согласіи; пьянство и нищенство были совершенно неизвѣстны. По этой причинѣ мормоны съ полнымъ правомъ могли назвать свою страну — Страною Пчелъ: самый городъ походитъ на вѣчно жужжащій улей.

Къ несчастію, въ такомъ дѣятельномъ обществѣ одинъ только механическій трудъ считается важнымъ и заслуживающимъ полнаго вниманія. Всякій стремится сдѣлаться скорѣе работникомъ, начиная отъ простого смертнаго до перваго изъ ихъ апостоловъ, и даже Брайемъ Юнгъ, сдѣлавшійся папою, не покинулъ свое столярное ремесло; всякій считаетъ своею обязанностью пренебрегать науками. Обитатели Уты походятъ на золотопромышленниковъ Калифорніи и Австраліи, во время золотыхъ пріисковъ. На профессоровъ смотрятъ весьма неблагосклонно; они играютъ самую незначительную роль въ обществѣ. На самомъ дѣлѣ, самая задача, которую они на себя возложили, не ведетъ ли прямо къ просвѣтленію разума, къ исторженію невѣжества, а слѣдовательно и къ сопротивленію папской власти? Такимъ образомъ большая часть учрежденій, основанныхъ Брайемомъ Юнгомъ, находится теперь только на бу-

Digitized by Google

мать. Университетъ въ пустынѣ находится въ полномъ составѣ: онъ имѣетъ своего канцлера, своихъ двѣнадцать профессоровъ, но безъ слушателей и даже безъ аудиторій. Школы, въ которыхъ занимаются первоначальнымъ обученіемъ, открыты только впродолженіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ; содержатели такихъ школъ, дурно вознаграждаемые за труды свои и преданные на общее посмѣяніе, считаются за одну изъ бѣдственныхъ язвъ и живутъ, почти безъ исключенія, въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Ничто не можетъ лучше охарактеризовать первобытное состояніе Уты, какъ копія, снятая Жюлемъ Реми съ надписи, прибитой на дверяхъ одной изъ школъ:

«Мы, учитель школы, привѣтствуемъ всѣхъ своихъ собратій!

«Въ понедѣльникъ 19 ноября, въ день убіенія ста восьмидесяти тысячъ ассиріянъ ангелами господними, назначается вторичное открытіе моихъ курсовъ по богословію, чтенію и письму, вмѣстѣ съ орѳографіею. Но такъ какъ, послѣ семилѣтняго пребыванія нашего въ этой странѣ, наступилъ голодъ, то цѣны съ каждаго обучающагося дитяти, мальчика или дѣвочки, будутъ слѣдующія:

«За одинъ мѣсяцъ — четверикъ пшеницы или кукурузы, или два четверика картофеля. Но такъ какъ у насъ теперь зима, то каждый обязанъ принесть съ собою, чрезъ каждые пятнадцать дней, по одному кедровому полѣну. Тѣ же, которые не могутъ платить хлѣбомъ или бермутскимъ картофелемъ, могутъ замѣнить свое приношеніе — медвѣжьимъ мясомъ, бѣлками или сушеными тыквами, равно какъ шпекомъ или сыромъ.

«И такъ какъ я въ настоящее время страдаю голодомъ, то и желалъ бы, чтобы плата за полмѣсяца была мнѣ отдана впередъ.

«Содержатель школы.»

Безполезное для мальчиковъ образованіе въ тоже время забыто и для дѣвушекъ. «Умѣть шить, вышивать, заниматься садоводствомъ, стряпать кушанья, содержать въ чистотѣ свое жилище, — вотъ чѣмъ должны ограничиваться всѣ познанія женщины, говоритъ Брайсъ. — Если же вы вздумаете занять ихъ чтеніемъ, то онѣ сейчасъ же накинутся на романы, повѣсти и тому подобную дрянь, станутъ пренебрегать своими обязанностями, сдѣлаются непослушными какъ въ отношеніи мужей своихъ, такъ и отцовъ. Пріучайте ихъ къ работѣ! Пріучайте ихъ къ работѣ!» Какая разница, относительно образованія, между мормонами и американскими Штатами, Нью-Іоркомъ, Огейо и западомъ! Тамъ чуть ли не седьмая часть всего народонаселенія посѣщаетъ школы; процвѣтаютъ публичныя лекціи, гимназіи, институты, университеты, профессора пользуются

Digitized by Google

всеобщимъ невѣжествомъ и всѣ законодатели поставляютъ своею главнѣйшею заботою — упрочить матерьяльное существованіе всѣхъ публичныхъ учебныхъ заведеній. Несмотря на пламенное желаніе благосклонно смотрѣть на угодниковъ, Реми не могъ не признаться, что дѣти ихъ вообще грубы, большіе лгуны, и уже съ юныхъ лѣтъ склонны къ разврату; употребляютъ почти всегда неприличныя выраженія, какъ-будто бы они были посвящены во всѣ таинства сладострастія. Это преждевременное развращеніе дѣтей происходитъ отъ многихъ причинъ: они съ самыхъ молодыхъ лѣтъ лишены материнской ласки; ихъ никогда не пріучаютъ къ уваженію матерей, которыя почти всегда играютъ самую жалкую роль въ семейной жизни; ихъ слишкомъ рано посвящаютъ въ сокровенныя тайны; все грубое обученіе ограничивается механическимъ трудомъ, и существуетъ почти полное отсутствіе всякихъ умственныхъ занятій, которыя только одни въ состояніи облагородить сердце и развить умъ.

Мормоны вообще презираютъ всѣ науки, и въ особенности питаютъ полное отвращеніе къ медицинѣ. На самомъ дѣлѣ, люди, которые сами себѣ не принадлежатъ, которые поручаютъ душу и тѣло свое на попеченіе представителямъ Бога на землѣ, — поступили бы въ высшей степени беззаконно, еслибы не требовали сохраненія здравія своего отъ своихъ проповѣдниковъ. Нѣсколько американскихъ медиковъ, поселившихся въ Гритъ-Сольтъ-Лекъ-Сити присвоили себѣ право заниматься леченіемъ, и такимъ образомъ какъ бы вступили въ соперничество съ преступнымъ ученіемъ Брайема-Юнга; присутствіе ихъ терпимо, но тѣ изъ мормоновъ, которые тайно обратятся къ ихъ помощи, почитаются или слабыми въ вѣрѣ, или вѣроотступниками, и не могутъ быть приняты въ нѣдра церкви, до тѣхъ поръ пока не будутъ вторично окрещены.

Только одни проповѣдники имѣютъ право лечить. Для изученія этого искусства, отъ нихъ не требуются ни анатомическихъ, ни физіологическихъ познаній; имъ достаточно помазать больного масломъ, благословить и впродолженіе долгаго времени молиться около постели больного. Какъ скоро пацієнтъ излечивается, благодаря или своей крѣпкой натурѣ, или горячей вѣрѣ, то онъ приноситъ благодарность проповѣднику, которому принадлежитъ вся слава; но если болѣзнь кончается смертью, то въ этомъ видятъ твердую волю боговъ, и преступенъ будетъ тотъ, который обличитъ въ невѣжествѣ самоувѣреннаго мормона!

Если допустить, что они дѣйствительно страдаютъ умственной дѣятельности, то взамѣнъ того мормоны, увлеченные грубою, физическою силою, такъ называемою конкретно-матерьяльною, съ та-

Digitized by Google

кою страстью предаются механическому труду, которая свойственна не только однимъ американцамъ. Они владѣютъ бумажными фабриками, типографіями, механическими заводами, мельницами для фабрикаціи свекловичнаго и тростниковаго сахара, чугунолитейными, бронзовыми, свинцовыми заводами, суконными, ковровыми фабриками; ружейными и пороховыми заводами, литографіями, рисовальными и вышивальными школами; во время лѣта маленькій пароходъ совершаетъ постоянные рейсы по Соленому озеру; экипажи тянутся вдоль всѣхъ главныхъ улицъ.

Мормоны-механики даже въ состояніи быть строителями пароходовъ, и въ одной изъ послѣднихъ экспедицій можно было замѣтить, съ какимъ замѣчательнымъ искусствомъ былъ построенъ одинъ изъ локомотивовъ. Они чеканятъ золотыя монеты того же самаго достоинства, какъ у американцевъ, и эти монеты отличаются особеннымъ символическимъ изображеніемъ, представляющимъ глазъ Іова, покрытый фригійскою шапкою. Въ узкихъ долинахъ они прокладываютъ до того искусно дороги, что онѣ принесли бы честь любому изъ нашихъ европейскихъ инженеровъ: они перекидываютъ черезъ рѣки мосты, строятъ желѣзныя дороги для добыванія желѣзной руды и каменнаго угля. У нихъ только золотыя и серебряныя руды находятся въ пренебреженіи: Брайемъ Юнгъ, признавая по справедливости развращеніе и неповиновеніе неизбѣжными послѣдствіями разработки драгоцѣнныхъ металловъ, положительно запрещаетъ своимъ вѣрноподданнымъ заниматься этимъ ремесломъ.

Быстрое развитіе священнаго города мормоновъ Гритъ-Сольтъ-Лекъ-Сити (Great-Salt-Lake-City) поражаетъ не только американцевъ, но и жителей всѣхъ странъ. Городъ этотъ, расположенный въ видѣ амфитеатра на скатѣ холма, недалеко отъ праваго берега Іордана и въ двухъ или трехъ льё отъ устья этой рѣки при Большомъ Соленомъ озерѣ, имѣлъ еще въ 1850 г. только нѣсколько домовъ. Въ настоящее время Гритъ-Сольтъ-Лекъ-Сити, имѣющій 16,000 жителей, представляетъ собою одинъ изъ самыхъ красивыхъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Всѣ улицы, шириною въ 40 метровъ, орошаются по обѣимъ сторонамъ протоками чистѣйшей воды, берега которыхъ усажены въ два ряда густыми ивами. Дома, всегда чистые и даже очень красивые, отдѣляются отъ улицы деревьями, густыми кустарниками и цвѣточными оградами. Огромныя площади, полныя прохлады и тѣни, прерываютъ собою однообразіе длинныхъ и совершенно прямыхъ улицъ. Въ какой необъяснимый восторгъ приходятъ путешественники, когда они, послѣ продолжительныхъ и однообразныхъ странствованій по песчанымъ степямъ, увидятъ наконецъ клочекъ земли, воздѣланный человѣческими ру-

Digitized by Google

ванія. Мормоны, приходящіе изъ Европы или Калифорніи, увидѣвъ уже издалека священный городъ, падаютъ на колѣни, подобно совершающимъ мусульманамъ, увидѣвшимъ зданія Мекки или Медины.

Брайемъ Юнгъ позаботился болѣе о своемъ удобствѣ, чѣмъ о прославленіи Бога, потомучто въ то время какъ фундаментъ храма едва только выступаетъ отъ поверхности земли, дворецъ папы уже почти совершенно оконченъ. Строеніе это очень оригинально по своей мавританской архитектурѣ и какъ-будто бы предназначается для сераля; оно построено изъ отличнаго гранита и многихъ другихъ горныхъ породъ, привезенныхъ съ большимъ трудомъ съ сосѣднихъ горъ. Мормоны утверждаютъ, что скинія ихъ превосходитъ своимъ великолѣпіемъ всѣ до сихъ поръ извѣстные памятники; между тѣмъ, судя по плану, снятому Реми съ будущей замѣчательности, она кажется намъ весьма неизящной. Храмъ этотъ представляетъ смѣсь всѣхъ возможныхъ стилей — готическаго, романскаго, мавританскаго, и исключая симетріи, не будетъ отличаться никакимъ другимъ достоинствомъ. Правда, планъ этого зданія не былъ начертанъ самимъ Богомъ, какъ это было при построеніи Нову (Nouvoo); но зато храмъ Уты построенъ только на время: при началѣ тысячелѣтія будетъ построенъ другой въ штатѣ Мисури, на томъ самомъ мѣстѣ земного рая, гдѣ первый человѣкъ благословилъ своихъ дѣтей.

Вотъ что принималъ Іосифъ Смитъ за жертвенникъ, высѣченный изъ камня, на которомъ праотецъ Адамъ совершалъ первое свое жертвоприношеніе; и вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, мормоны въ одинъ прекрасный день предадутъ пламени злыхъ и нечестивыхъ людей всего земного шара. Въ ожиданіи же приближающейся, столь прославленной эры, храмъ въ Гритъ-Сольтъ-Лекъ-Сити остается центромъ всего свѣта и единственно истинной скиніей мормоновъ.

Столица не будетъ имѣть другихъ церквей, равно какъ и города и селенія Уты будутъ имѣть только по одной часовнѣ, замѣняющей собою великій храмъ, въ которомъ лично служитъ пророкъ. Размноженіемъ церквей Брайемъ Юнгъ опасается ослабить силу вліянія, уменьшить благоговѣніе, долженствующее существовать въ храмѣ господнемъ; должно, чтобы храмъ въ головѣ каждаго представлялся какимъ-то невыразимымъ величіемъ, должно, чтобы въ стѣнахъ священной церкви всѣ видѣли свою общую родину. По этому случаю мормоны замѣчаютъ, что во всѣхъ населенныхъ городахъ Европы церкви хотя и размножаются, но почти всегда бываютъ пустыми.

Digitized by Google

По величинѣ и красотѣ своей, второстепенные города Соединенныхъ могутъ быть сравнены съ Гритъ-Сольтъ-Лекъ-Сити, Филлиморъ, въ которомъ помѣщается законодательное собраніе и верховный мормонскій судъ,—самое жалкое и грязное мѣстечко. Только слѣдующіе три города заслуживаютъ нѣкотораго вниманія по своему положенію: Огденъ-Сити (Ogden's City), расположенный къ сѣверу отъ столицы, на одномъ концѣ своемъ образуетъ живописную долину; Провo (Provo), прилегающій къ устью Тимпагоноса (Timpagonos) у озера Уты, и наконецъ Цедеръ-Сити (Cedar-City), построенный на томъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ прежде городъ, построенный ацтеками, и гдѣ по временамъ встрѣчаются въ нѣдрѣ земли остатки окрашенныхъ черепковъ. Затѣмъ Грантсвиль (Grantsville), Нефи (Nephi), Манти (Manti), Пейзонъ (Payson), Пароуанъ (Parowan) — ничто иное какъ селенія; всѣ зданія ихъ ограничиваются одноэтажными домами и небольшими погребами весьма некрасивой наружности; только-что построенные, они уже ежеминутно угрожаютъ разрушеніемъ. Самая система построенія очень простая. Какъ только находятъ удобное мѣсто, то вынимаютъ изъ почвы на 3 и 4 фута глубины глину, потомъ рѣжутъ изъ нея четыреугольные бруски на подобіе кирпичей, и раскладываютъ ихъ на землѣ; когда кирпичи эти достаточно высохли на солнцѣ, то ихъ кладутъ въ такомъ видѣ, употребляютъ въ дѣло.

Всѣ города Уты населены мормонами, которые по происхожденію своему принадлежатъ къ самымъ разнообразнымъ націямъ: здѣсь можно найти американцевъ, и англичанъ, и скандинавовъ, и нѣмцевъ, и французовъ, и негровъ; даже встрѣчаются иногда индусы, канаки (kanacs) и китайцы. «Всѣ эти люди, говоритъ Реши, рожденные въ средѣ самыхъ различныхъ и часто совершенно противоположныхъ вѣрованій и предразсудковъ, различные по своему языку, нравамъ, законамъ, націямъ и обычаямъ,—эти люди должны составить одно цѣлое. На самомъ дѣлѣ, они соединяются и притомъ такими прочными узами, какими рѣдко соединяются между собою родные братья, живутъ въ полной гармоніи, посреди континента Америки, и образуютъ совершенно новую, новѣйшую, тѣсную по своему единству націю. Можетъ-быть, благодаря этому разнообразію происхожденій, нравовъ и воспитанія, такъ легко управлять мормонами и составить изъ нихъ одну цѣлую, нераздѣльную націю. Покинутые въ степи, они не могутъ иначе привязаться другъ къ другу, какъ вслѣдствіе одного и того же фанатизма. Ни одна изъ партій не на столько могущественна, чтобы могла взять верхъ надъ другою; пришедшіе съ различныхъ концовъ земли, они всѣ поражаются, благоговѣютъ при

Digitized by Google

взглядъ на это могущественное общество, принимающее ихъ въ свою среду. Гордость нисколько не мѣшаетъ имъ безпрекословно повиноваться силѣ власти, коль скоро они видятъ, что всѣ одинаково равны между собою и пользуются одинаковою независимостью.

Должно къ этому прибавить, что Брайемъ Юнгъ, папа мормоновъ, обладалъ замѣчательною способностью, или правильнѣе сказать, истиннымъ геніемъ — соглашать всѣ разнообразные элементы своего народа. Замѣчательная хитрость соединялась съ добрымъ духомъ и непоколебимою силою характера. «Онъ преслѣдовалъ каждую цѣль съ необыкновеннымъ упорствомъ, рѣдкою стойкостью и въ высшей степени замѣчательною самоувѣренностью, достающейся въ удѣлъ только однимъ великимъ политикамъ.»

Спокойно, хладнокровно и разсудительно онъ разбираетъ каждое дѣло и не спѣшитъ быстрымъ окончаніемъ его; но разъ поставивши, онъ неуклонно преслѣдовалъ свою мысль и не прекращалъ дѣйствіе свое до тѣхъ поръ, пока не видѣлъ полнаго успѣха. Вслѣдствіе своего постоянно веселаго расположенія духа и кроткаго нрава онъ имѣлъ самыя непринужденныя манеры; всѣ служащіе жены его питали къ нему, какъ къ яростному фанатику, безпредѣльное почтеніе; онъ умѣлъ обворожить даже своихъ непріятелей и порабощать или отдалять отъ себя всѣхъ тѣхъ, которые всецѣло подчинялись ему. Кромѣ того все, казалось, совершалось въ немъ съ полнымъ убѣжденіемъ: безъ этого важнаго условія даже самый даровитый человѣкъ не можетъ создать что-нибудь великое. Онъ обладалъ многими достоинствами и недостатками, которые такъ по-сердцу невѣжественному и полудикому народу. Необыкновенная твердость воли и рѣдкое благоразуміе были главнѣйшими симптомами его двухлѣтняго правленія; онъ обладалъ способностью смѣшить всѣхъ окружающихъ, и громкій смѣхъ всегда сопровождалъ его бойкую рѣчь; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заслужилъ уваженіе людей корыстолюбивыхъ тѣмъ, что старался увеличивать свое богатство счастливыми спекуляціями.

«Самый смѣхъ его казался въ глазахъ мормоновъ самымъ чистосердечнымъ; будучи ребенкомъ, онъ всего одиннадцать дней сидѣлъ на школьной скамьѣ, а между тѣмъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и говорилъ на языкѣ рая, т. е. онъ объяснялся только съ тѣми изъ вѣрноподданныхъ, которые обладали даромъ исполненія; онъ не зналъ ни одного слова по-французски, и если кто-нибудь заговаривалъ на чужомъ языкѣ, то ему уже казалось, что покушались на его жизнь. Мормоны считали его за вдохновеннаго пророка.

Digitized by Google

Благоразумная политика Брайема проявлялась рѣшительно во всемъ. Недопуская мормоновъ группироваться около Соленого озера и на плодоносныхъ долинахъ уайзачскаго возвышенія, онъ распредѣлилъ на всемъ протяженіи этой страны свои колоніи такъ благоразумно, что города составляли собою длинную, непрерывную цѣпь, такъ чтобъ въ случаѣ внѣшнихъ войнъ или принужденнаго отступленія можно было обратить ихъ въ укрѣпленія или засады. Еще до открытія золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи, цѣпь этихъ укрѣпленій, окружавшихъ Страну Пчелъ, направлялась отъ сѣвера по направленію Санъ-Франциско по долинѣ Карсонъ, Сіерра-Невада и Сакраменто; но какъ скоро Калифорнія стала Эльдорадомъ всѣхъ народовъ, Брайемъ Юнгъ тотчасъ понялъ, что въ настоящее время они уже не настолько укрѣплены, чтобы можно было противодѣйствовать ими нападеніямъ внѣшнихъ враговъ, и потому приказалъ упразднить свои аванпосты и взамѣнъ того расположилъ ихъ съ южной стороны, по направленію Ріо-Колорадо и южной Калифорніи. Построенные города при подошвѣ возвышенности Уайзачской и воздѣланныя колоніи индѣйцевъ, расположенныя въ долинѣ Ріо-Виргенъ на дальномъ разстояніи другъ отъ друга, представляютъ собою какъ бы этапы, при помощи которыхъ начальникъ губерніи можетъ поддерживать свободныя сообщенія съ моремъ. Брайемъ Юнгъ обходится съ индѣйцами весьма миролюбиво и притомъ необыкновенно воздержно, вслѣдствіе своего прочнаго права и справедливости. Еслибы когда-нибудь американская республика объявила мормонамъ войну, то послѣдніе могутъ навѣрное расчитывать на помощь тридцати тысячъ вооруженныхъ индѣйцевъ.

Коль скоро Брайемъ Юнгъ возымѣетъ желаніе построить гдѣ-нибудь новую колонію, онъ прямо, безъ всякихъ предварительныхъ соглашеній посылаетъ своихъ вѣрноподданныхъ къ мѣсту назначенія. Эти послѣдніе тотчасъ оставляютъ свои жилища и выселяются въ назначенный день одни или вмѣстѣ съ женами, смотря по желанію пророка. Такъ въ началѣ суровой зимы, когда земля уже была покрыта значительнымъ слоемъ снѣга, были выселены около шестидесяти семействъ для основанія города Санъ-Петъ (San-Pete) и для построенія для себя шалашей. Такимъ образомъ папа мормоновъ, подобно Горному Старцу, подвергаетъ своихъ вѣрноподданныхъ различнаго рода лишеніямъ, заставляетъ ихъ испытывать голодъ, холодъ и жажду, и все для того, чтобы быть увѣреннымъ, что въ случаѣ войны или отступленія можетъ онъ расчитывать навѣрное на ихъ безпрекословное повиновеніе. Въ настоящее время мормоны, живущіе въ пустыняхъ, съ такою неустра-

Digitized by Google

имѣстью переходятъ съ одного мѣста на другое, какъ будто бы вселенная принадлежала имъ. Реми, спѣшившій вообще своею поѣздкою, употребилъ на проѣздъ отъ Сакраменто до Большого Соленаго озера пятьдесятъ восемь дней, между тѣмъ какъ онъ встрѣтилъ на дорогѣ одного мормона, который совершалъ тотъ же самый путь въ десять дней. Онъ останавливался въ день только три раза, и притомъ каждая стоянка его продолжалась не болѣе двухъ часовъ; онъ вмѣстѣ съ слугою своимъ, едва успѣвали вздремнуть. Они скакали рысью на двухъ огромныхъ мулахъ, которые за неимѣніемъ травы довольствовались въ день однимъ фунтомъ сухарей. Правда, что нѣкоторые янки обладаютъ такою же силою какъ мормоны: одинъ изъ нихъ, германскаго происхожденія, отправился однажды совершенно одинъ изъ Сенъ-Люи въ Калифорнію пѣшкомъ, потащивъ за собою небольшую телѣжку съ багажомъ и съѣстными припасами. Телѣжку свою онъ потерялъ во время бури, переправляясь черезъ рѣку Веберъ, и очутился въ Сакраменто въ одномъ рубищѣ.

Колонисты-миссіонеры, отправляемые Брайемъ Юнгомъ въ чужія страны, должны уже сами заботиться о своемъ существованіи. Надѣленные благословеніями и напутственными молитвами общества мормоновъ, они безъ гроша денегъ оставляютъ свои жилища, многочисленную семью, и отправляются, вмѣстѣ съ однимъ изъ каравановъ эмигрантовъ, въ Калифорнію или къ одному изъ атлантическихъ портовъ, смотря по мѣсту назначенія. Во время дороги, они стараются добыть себѣ денегъ или въ качествѣ каменьщиковъ, или столяровъ, или носильщиковъ, или вообще работниковъ; потомъ нанимаются матросами или поварами на кораблях, которые должны доставить ихъ въ Европу, Китай, Австралію или на острова Тихаго океана. Достигнувши мѣста назначенія, они въ одно и тоже время заботятся и объ основаніи своей конгрегаціи, и о доставленіи себѣ работы. Часто, преслѣдуемые полиціею, они укрываются или обращаются въ бѣгство въ сосѣднія деревни, и тамъ борются съ нуждою, не находя ни въ комъ сочувствія. Нѣкоторые изъ нихъ вступаютъ въ свиту англійской милиціи, путешествуютъ съ нею и своими проповѣдями стараются привлечь ее къ себѣ.

Въ Англіи мормонскіе апостолы привлекаютъ къ себѣ наибольшее число приверженцевъ: въ концѣ 1851 г. около 33,000 вновь обращенныхъ были записаны въ городскую книгу Ливерпуля.

Въ Скандинавіи тысячи земледѣльцевъ и работниковъ увлекаются этимъ новымъ ученіемъ, которое своею грубою простотою привлекаетъ къ себѣ непросвѣщенные умы; но строгость шведскихъ

Digitized by Google

законовъ удерживаетъ огромное число еретиковъ при своей церкви. Общія собранія въ Мальмоэ (Malmoë) часто разсѣеваются полицейскими мѣрами; нерѣдко огромная толпа, вооруженная палками и ружьями, разрушала частные дома, служившіе сералями и заманивши угодниковъ, немилосердно била ихъ и потомъ кидала во рвы. Въ нѣкоторыхъ участкахъ Швеціи, члены консисторіи установили штрафъ въ 25 рейхсталеровъ для тѣхъ, которые примутъ къ себѣ въ гости мормоновъ, или отдадутъ имъ въ наемъ комнату, или даже кто отведетъ имъ небольшой уголокъ во время преслѣдованія. Въ Даніи же, гдѣ на основаніи конституціи 1849 г., каждому предоставляется право свободнаго богослуженія, общества мормоновъ находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи (¹). Весьма замѣчательно, что проповѣди мормоновъ имѣютъ успѣхъ только на сѣверѣ; изъ числа всѣхъ послѣдователей этого ученія насчитываютъ нѣсколько сотъ французовъ, итальянцевъ и испанцевъ. Что́ за причины такой противоположности? Ихъ много, и притомъ самыхъ разнообразныхъ. Прежде всего должно замѣтить, что большая часть апостоловъ направляется къ Британіи, гдѣ они могутъ проповѣдывать на родномъ языкѣ своемъ и пользоваться полною свободою; потомъ, какъ извѣстно, низшій, бѣдный классъ народонаселенія сѣвера, говоря вообще, гораздо грубѣе и невѣжественнѣе жителей южныхъ странъ. Они вообще склонны къ фантасмагоріи, къ призрачному міру, какъ всѣ эксцентрики. Напротивъ того, жители южной Европы тѣсно связаны съ своею родиною, менѣе склонны къ колонизаціи и даже одна мысль объ отправленіи въ Уту наводитъ на нихъ ужасъ. Кромѣ того, одна изъ главнѣйшихъ причинъ заключается между прочимъ въ томъ, что жители южной Европы не нуждаются въ неограниченной власти для прощенія грѣховъ, а слѣдовательно тѣмъ болѣе и въ признаніи какого-то заатлантическаго папы; римская церковь, которая ихъ вскормила и вспоила, только требуетъ отъ нихъ пребыванія въ своей средѣ. Какъ бы то ни было, миссіонеры мормоновъ даже на сѣверѣ дѣлаютъ своими послѣдователями только низшій, невѣжественный классъ: отъ этого происходитъ ихъ настоящій неуспѣхъ

(¹) Къ 1 января 1857 года, послѣдователей Іосифа Смита было въ Скандинавіи до 2,692, изъ которыхъ 340 жили въ Швеціи, 198 въ Норвегіи и 2,447 въ Даніи. Одинъ городъ Копенгагенъ заключалъ въ себѣ до 1208 мормоновъ, почти сотую часть всего народонаселенія. Въ Исландіи же апостолы пріобрѣли только семь послѣдователей своего ученія. Впрочемъ цыфры эти даютъ только весьма слабое понятіе о великомъ успѣхѣ апостоловъ мормоновъ, потому что большая часть, становясь послѣдователями новаго ученія, переселяется въ свое новое отечество — Новый Іерусалимъ.

Digitized by Google

въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ родилась эта новая вѣра; они обращаютъ въ Америкѣ только вновь прибывшихъ эмигрантовъ.

Въ 1859 г. насчитывали въ Утѣ около 80,000 мормоновъ (1). Не принимая въ расчетъ участка Каосонъ-Велли, населеннаго рудокопами, который въ скоромъ времени составитъ самостоятельное владѣніе и будетъ носить названіе Невада (Nevada), число жителей Уты простирается теперь до 100,000 и потому мормоны имѣютъ право причислять свою страну къ числу верховныхъ штатовъ. Впрочемъ еще сомнительно, чтобы общій конгресъ призналъ ихъ штатъ, когда въ немъ еще до сихъ поръ многоженство находится въ полномъ почетѣ. Уже мормоны, живущіе въ Калифорніи и другихъ частяхъ Союза, принуждены были отказаться отъ своего дорогого обычая. 5 апрѣля 1860 г. представительная палата въ Вашингтонѣ сдѣлала предложеніе объ уничтоженіи многоженства, въ пользу котораго было 149 голосовъ, противъ 60; но сенатъ замедлилъ рѣшеніемъ этого вопроса и только потому мормоны не объявляютъ отъ краткой войны федералистамъ. Въ настоящее же время, благодаря вопросу о невольничествѣ, рѣшеніе остановлено, и мормоны могутъ укрѣплять крѣпости свои на горахъ.

Можно положительно сказать, что Брайемъ Юнгъ и его вѣрноподданные ни на минуту не прекращали своей вражды съ американскою республикою; безспорно, она явилась вслѣдствіе стычекъ между представителями Союза, обреченными управлять страною, и духовными лицами, которыя иногда также временно получаютъ полную власть. Магистраты, учрежденные тамъ федералистами, существуютъ только номинально, изъ вѣжливости, потомучто если двое мормоновъ поссорятся между собою и захотятъ, чтобы ихъ разсудилъ судъ Соединенныхъ Штатовъ, то они, прежде чѣмъ рѣшиться на это, предварительно обращаются для разсмотрѣнія спора къ

(1) Реми утверждаетъ, что въ 1859 г. число мормоновъ, распространенныхъ по всему земному шару, простиралось до 186,000, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Ута имѣетъ	80,000
Соединенные Штаты и Калифорнія	40,000
Британія	33,000
Австралія, Новая Зеландія, Сандвичевы острова, Таити и другіе.	10,000
Канада и Англія	8,000
Скандинавія	5,000
Германія	3,000
Южная Америка и Антильскіе острова	2,000
Швейцарія и Пьемонтъ	1,500
Франція	500
Другія страны (Азія, Африка и проч.)	3,600
Всего	186,600

Digitized by Google

одному изъ братьевъ Брайему или Кимбаллу. Они держатъ только своимъ законамъ, въ родѣ моисеевыхъ, по которымъ всевозможныя преступленія и злодѣянія наказываются одинаковымъ образомъ: око за око, зубъ за зубъ. Реми нападаетъ на служащихъ федералистовъ, посланныхъ въ Уту президентомъ Соединенныхъ Штатовъ: онъ укоряетъ ихъ, безъ исключенія, въ страсти къ картежной игрѣ, въ развратѣ; этимъ конечно они все болѣе и болѣе становятся ненавистнѣе мормонамъ и возбуждаютъ противъ себя общее негодованіе. Положимъ даже, что это бываетъ только съ нѣкоторыми изъ федералистовъ, но во всякомъ случаѣ фактъ, что всѣ недавно опредѣленные, служащіе американцы живутъ въ совершенной враждѣ съ мормонами, ясно показываетъ, какъ велика ненависть этихъ послѣднихъ къ союзу. Въ 1857 и 1858 г., вслѣдствіе однихъ неудовольствій между Брайемъ Юнгомъ и представителями Вашингтона, Ута была атакована арміею федералистовъ. Конечно, пророкъ могъ весьма легко уничтожить ихъ, такъ какъ она была немногочисленна, но безспорно, онъ скоро увидѣлъ всю угрожающую ему опасность отъ такой побѣды, потомучто приготовлялся къ новому походу и, ради мщенія, предалъ пламени всѣ города, по которымъ проходилъ.

Мормоны никогда не принимаютъ къ себѣ *язычниковъ*, равно какъ и язычники, проходящіе владѣніе Уты, безъ рекомендательныхъ писемъ, никогда къ нимъ не обращаются, потомучто между язычниками и американскими общинами существуетъ непримиримая ненависть. Мормоны говорятъ объ египтянахъ съ такимъ отвращеніемъ, съ какимъ иныя предки ихъ, іудеи, говорили иногда объ идумеянахъ и моавитянахъ. Когда мормоны еще не имѣли своихъ виноградниковъ, то они съ ужасомъ помышляли объ употребленіи при причастіи вина, взятаго у язычниковъ; епископы предпочитали употреблять для этого воду. При всякомъ случаѣ они обнаруживали полное отвращеніе ко всему американскому и, какъ говорятъ, при совершеніи своихъ священныхъ таинствъ, они проклинаютъ всю великую республику. Приметъ ли эта ненависть мормоновъ къ язычникамъ свободный ходъ, и колѣно «ангеловъ-губителей», о которыхъ уже такъ много говорили, отмститъ ли за смерть Іосифа и Іерувима Смита, за всѣ гоненія, за голодъ, который они претерпѣвали и за всѣ лишенія, которымъ подвергались во время страшнаго исхода? Извѣстно только то, что мормоны имѣютъ уже ружья, съ которыми они научаются обращаться, и что разъ въ недѣлю они собираются вмѣстѣ и маневрируютъ. Самый храбрый и непоколебимый изъ всѣхъ мормоновъ, это — солдатъ, потомучто онъ какъ-то слѣпо повинуется своему начальству и въ своей смерти видитъ безгра-

Digitized by Google

нячую благодать, посылаемую ему отъ Бога. Забывая о великомъ распространеніи другихъ религіозныхъ сектъ, мормоны гордятся только своимъ необычайнымъ успѣхомъ, что въ тридцать лѣтъ они успѣли привлечь къ себѣ до 200,000 человѣкъ, изъ которыхъ 100,000 составляютъ какъ бы одну нераздѣльную націю. Въ этомъ сектѣ апостолы мормоновъ видятъ вѣрный залогъ своей блестящей будущности. Уже они считаютъ себя завоевателями всей вселенной. Послушать ихъ, такъ богословы Уты уже знакомы не только съ нашею современною исторіею, но даже и съ послѣдующею, въ предущемъ Гогъ и Магогъ, т. е. короли земли и ихъ войска, соединяются вмѣстѣ, чтобы разорить новѣйшихъ угодниковъ; но имъ нечего этого опасаться, потомучто пророкъ ихъ будетъ держать въ рукѣ огненный мечъ Лавана. Гогъ и Магогъ будутъ побѣждены въ сраженіи при Армагеддонѣ и Господь истребитъ чумою и голодомъ послѣдніе остатки всей арміи. Тогда мормоны останутся владѣтелями всего міра и воцарится полное благополучіе, существующее уже тысячи лѣтъ. Іудеи древняго міра ставутъ перестроивать свой храмъ въ Іерусалимѣ, между тѣмъ какъ нарамытяне или мормоны, при помощи побѣжденныхъ индѣйцевъ, построятъ себѣ новый Іерусалимъ на землѣ Джаксонъ, въ самомъ центрѣ древняго, земного рая. Континенты Европы и Америки, отдѣленные въ настоящее время Атлантическимъ океаномъ, снова соединятся вмѣстѣ, какъ это было въ первый день сотворенія міра, и построятъ города на приподнятой землѣ моря: «между двумя Іерусалимами будетъ пролегать широкая дорога, до которой еще никогда не касалась лапа льва и которая еще оставалась сокровенною для глаза орла».

. . . . . .

Все это совершится еще до истеченія настоящаго столѣтія, и Брейемъ Юнгъ нисколько не задумываясь утверждаетъ, что въ 1890 году Соединенные Штаты уже не будутъ болѣе существовать.

Свободные американцы, напротивъ того, положительно утверждаютъ, что они не могутъ выносить посреди своей республики такую ужасную теократію, которая образуетъ изъ себя штатъ невольниковъ и которая своимъ страннымъ іерархическимъ устройствомъ, подвергаетъ опасности личную свободу. Послѣ борьбы, подробности которой трудно предсказать наперед, мормоны будутъ принуждены или постепенно переходить въ американскія колоніи и такимъ образомъ ослабить свою централизацію, или же переселиться на острова Тихаго океана. Можетъ-быть смерть Брейема, рука котораго умѣла такъ искусно управлять этою странною, заставитъ ихъ разсѣяться на враждебныя другъ другу партіи, которыя совершенно безсознательно будутъ подкапывать себѣ мо-

Digitized by Google

гиду. Въ Америкѣ, гдѣ всѣ событія быстро смѣняются одни другими, гдѣ все развивается съ неимовѣрною быстротою, можетъ-быть фанатизмъ къ мормонизму не перейдетъ отъ отца къ сыну. Тѣмъ болѣе, что доктрины и нравы мормоновъ уже принесли свои плоды: новѣйшее поколѣніе заражено до глубины души и уже не живетъ болѣе никакою вѣрою, составляющею достояніе возраждающихся государствъ.

Можно сказать, что періодъ паденія мормоновъ уже начался. Правда, что число ихъ все еще возрастаетъ, города украшаются, дороги увеличиваются, но несмотря на то, всѣ эти улучшенія новѣйшихъ угодниковъ далеко отстали отъ быстрой цивилизаціи сосѣдныхъ штатовъ.

Владѣніе Уты было населено прежде Калифорніи и въ немъ насчитываютъ только до 100,000 жителей, между тѣмъ какъ въ штатѣ Тихаго океана — слишкомъ 500,000 душъ; въ немъ процвѣтаетъ обширная торговля, многочисленные заводы, желѣзныя дороги и пароходы. Колоніи Калифорніи дѣлаютъ частыя нападенія на владѣніе Уты, и даже завладѣли всею правою стороною ея.

Земледѣльцы Вашо (Washoe), Карсона (Carson) и озера Пирамиды (Pyramide), въ числѣ 60,000 человѣкъ, непримиримые враги мормоновъ, ежегодно приближаютъ свои аванпосты къ Новому Іерусалиму, не повинуются никакимъ законамъ мормоновъ и ежеминутно угрожаютъ разрушеніемъ всего государства Брайема Юнга, какъ скоро число ихъ увеличится. Въ то же самое время рудокопы Канзаса (Kansas), едва пришедшіе на поляны востока, раздвинутъ свои границы до подошвы Скалистыхъ горъ и взбираются на вершины холмовъ, гдѣ представляется глазамъ зрителя Большое Соленое озеро. Граница, которая отдѣляетъ Новый Іерусалимъ отъ Нью-Іорка и Сан-Франциско, кажется для глаза весьма незначительною. Первоначально весьма обыкновенная улица соединяла между собою этотъ городъ съ другими двумя городами Тихаго и Атлантическаго океана; потомъ проложили дорогу болѣе роскошную; въ настоящее время уже электрическія проволоки распространяются по поверхности Уты; не пройдетъ десяти лѣтъ,—линіи желѣзныхъ дорогъ, которыя уже и въ настоящее время окружаютъ границы мормоновъ, составятъ главный путь въ этой пустынѣ для всѣхъ народовъ. Человѣчество солидарно: вотъ роковой законъ, котораго ни одно человѣческое общество не въ состояніи обойти. Какъ бы правовѣрно обществу ни было, оно не можетъ существовать изолированнымъ; пожалуй, на время оно можетъ поселиться въ пустынѣ, окружить себя своими законами, регламентаціями, различнаго рода запрещеніями, — воздушная завѣса рано или поздно должна

быть опрокинута, и тѣ изъ эгоистовъ, которые до сихъ поръ не желали мирнымъ путемъ вступить въ соприкосновеніе съ сосѣдними народами, только послѣ продолжительныхъ и жестокихъ жертвъ попадутъ въ человѣческую среду. Фанатизмъ мормоновъ, замѣчательная промышленность ихъ, согласіе, даже очевидная справедливость не будутъ въ состояніи спасти ихъ отъ судьбы, которая имъ угрожаетъ, потомучто они встали поперегъ человѣчества; вѣра ихъ указываетъ имъ на непріятелей и будущихъ рабовъ въ лицѣ всего человѣчества, между-тѣмъ какъ истинная религія есть всеобщее братство.

Digitized by Google

КРЕСТЬЯНСКІЯ ДѢТИ

(О. С. Ч—ской)

Опять я въ деревнѣ. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши — живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрелъ я въ сарай и заснулъ глубоко.
Проснулся : въ широкія щели сарая
Глядятся веселаго солнца лучи.
Воркуетъ голубка ; надъ крышей летая,
Кричатъ молодые грачи.
Летитъ и другая какая-то птица —
По тѣни узналъ я ворону какъ разъ !
Чу ! шопотъ какой-то... а вотъ вереница
Вдоль щели внимательныхъ глазъ !
Все сѣрые, каріе, синіе глазки —
Смѣшались какъ въ полѣ цвѣты.
Въ нихъ столько покоя, свободы и ласки,
Въ нихъ столько святой доброты !
Я дѣтскаго глаза люблю выраженье,
Его я узнаю всегда.
Я замеръ : коснулось души умиленье...
Чу ! шопотъ опять !

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ

Борода !

ВТОРОЙ

А баринъ, сказали !..

ТРЕТІЙ

Потише вы, черти !

Digitized by Google

ВТОРОЙ

У баръ бороды не бываетъ — усы.

ПЕРВЫЙ

А ноги-то длинныя, словно какъ жерди.

ЧЕТВЕРТЫЙ

А вона на шапкѣ глядитко — часы!

ПЯТЫЙ

Ай важная штука!

ШЕСТОЙ

И цѣпь золотая...

СЕДЬМОЙ

Чай, дорого стоитъ?

ВОСЬМОЙ

Какъ солнце горитъ!

ДЕВЯТЫЙ

А вона собака — большая-большая!
Вода съ языка-то бѣжитъ.

ПЯТЫЙ

Ружье! погляднтко: стволина двойная,
Замочки рѣзные...

ТРЕТІЙ *(съ испугомъ)*

Глядитъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ

Молчи, ничего! постоимъ еще, Гриша!

ТРЕТІЙ

Прибьетъ...»

Испугались шпіоны мои
И кинулись прочь: человѣка засльша,
Такъ стаей съ макины летятъ воробьи.
Затихъ я, прищурился — снова явились,
Глазенки мелькаютъ въ щели.
Что было со мною, — всему подивились

И мой приговоръ изрекли:
— Такому-то гусю ужь что за охота!
Лежалъ бы себѣ на печи!
И видно не баринъ: какъ ѣхалъ съ болота,
Такъ рядомъ съ Гаврилой... «Услышитъ, молчи!»

О, милые плуты! Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей;
Но если бы даже ты ихъ ненавидѣлъ,
Читатель, какъ «низкаго рода людей», —
Я все-таки долженъ сознаться открыто,
Что часто завидую имъ:
Въ ихъ жизни такъ много поэзіи слито,
Какъ дай Богъ балованымъ дѣткамъ твоимъ.
Счастливый народъ! Ни науки, ни нѣги
Не вѣдаютъ въ дѣтствѣ они.
Я дѣлывалъ съ ними грибные набѣги:
Раскапывалъ листья, обшаривалъ пни,
Старался примѣтить грибное мѣстечко,
А утромъ не могъ низачто отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разомъ и хвать
Змѣю! Я подпрыгнулъ: ужалила больно!
Савося хохочетъ: — «попался спроста!»...
Зато мы потомъ ихъ губили довольно
И клали рядкомъ на перилы моста.
Должно-быть за подвиги славы мы ждали.
У насъ же дорога большая была:
Рабочаго званія люди сновали
По ней безъ числа.
Копатель канавъ вологжанинъ,
Лудильщикъ, портной, шерстобитъ,
А то въ монастырь горожанинъ
Подъ праздникъ молиться катитъ.
Подъ наши густые, старинные вязы
На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
Ребята обступятъ: начнутся разсказы
Про Кіевъ, про стужу, про чудныхъ звѣрей.
Иной подгуляетъ, такъ только держися —
Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!

Digitized by Google

Чухну передразнитъ, мордву, черемиса,
И сказкой потѣшитъ, и притчу ввернетъ:
«Прощайте, ребята! Старайтесь найначе
На Господа Бога во всемъ потрафлять:
У насъ былъ Вавило, жилъ всѣхъ побогаче,
Да вздумалъ однажды на Бога роптать, —
Съ тѣхъ поръ захудалъ, разорился Вавило,
Нѣтъ меду со пчелъ, урожаю съ земли,
И только въ одномъ ему счастіе было,
Что волосы изъ носу шибко росли...»
Рабочій разставитъ, разложитъ снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дѣти и рады —
Какъ пилишь, какъ лудишь — имъ все покажи.
Прохожій заснетъ подъ свои прибаутки,
Ребята за дѣло — пилить и строгать!
Иступятъ пилу — не наточишь и въ сутки!
Сломаютъ буравъ — и съ испугу бѣжать,
Случалось, тутъ цѣлые дни пролетали,
Чтó новый прохожій, то новый разсказъ...

Ухъ, жарко!.. До полдня грибы собирали,
Вотъ изъ лѣсу вышли — навстрѣчу какъ разъ
Синѣющей лентой, извилистой, длинной,
Рѣка луговая: спрыгнули гурьбой
И русыхъ головокъ надъ рѣчкой пустынной
Чтó бѣлыхъ грибовъ на полянкѣ лѣсной!
Рѣка огласилась и смѣхомъ и воемъ:
Тутъ драка — не драка, игра — не игра...
А солнце палитъ ихъ полуденнымъ зноемъ.
Домой, ребятишки! обѣдать пора.
Вернулись: у каждаго полно лукошко,
А сколько разсказовъ! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видѣли волка... у, страшный какой!
Ежу предлагаютъ и мухъ и козявокъ,
Карней молочко ему отдалъ свое —
Не пьетъ! отступились...
Кто ловитъ піявокъ
На лавѣ, гдѣ матка колотитъ бѣлье,
Кто няньчитъ сестренку двухлѣтнюю Глашку,
Кто тащитъ на пожню ведерко кваску;

А тотъ, подвязавши подъ горло рубашку,
Таинственно что-то чертятъ по песку;
Та въ лужу забилась, а эта съ обновой
Сплела себѣ славный вѣнокъ:
Все бѣленькой, жолтенькой, блѣдно-лиловой
Да изрѣдка красный цвѣтокъ.
Тѣ спятъ на припекѣ, тѣ пляшутъ въ присядку,
Вотъ дѣвочка ловитъ лукошкомъ лошадку:
Поймала, вскочила и ѣдетъ на ней.
И ей ли, подъ солнечнымъ зноемъ рожденной
И въ фартукѣ съ поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успѣла,
Гляди — ужь чернехоньки губы у всѣхъ,
Набили оскому: черница поспѣла!
А тамъ и малина, брусника, орѣхъ!
Ребяческій крикъ, повторяемый эхомъ,
Съ утра и до ночи гремитъ по лѣсамъ.
Испугана пѣньемъ, ауканьемъ, смѣхомъ,
Взлетитъ ли тетеря, закокавъ птенцамъ,
Зайченокъ ли вскочитъ — содомъ, суматоха!
Вотъ старый глухарь съ облинялымъ крыломъ
Въ кусту завозился... ну, бѣдному плохо!
Живого въ деревню тащатъ съ торжествомъ...

— Довольно, Ванюша! гулялъ ты не мало,
Пора за работу, родной! —
Но даже и трудъ обернется сначала
Къ Ванюшкѣ нарядной своей стороной:
Онъ видитъ какъ поле отецъ удобряетъ,
Какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно,
Какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ,
Какъ колосъ ростетъ, наливаетъ зерно.
Готовую жатву подрѣжутъ серпами,
Въ снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ,
Просушатъ, колотятъ-колотятъ цѣпами,
На мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.
Отвѣдаетъ свѣжаго хлѣбца ребенокъ
И въ поле охотнѣй бѣжитъ за отцомъ.
Навьютъ ли сѣнца: «полѣзай, пострѣленокъ!»
Ванюша въ деревню въѣзжаетъ царемъ...

Digitized by Google

Однакоже зависть въ дворянскомъ дитяти
Посѣять намъ было бы жаль.
И такъ, обернуть мы обязаны кстати
Другой стороною медаль.
Положимъ, крестьянскій ребенокъ свободно
Ростетъ, не учась ничему,
Но выростетъ онъ, если Богу угодно,
А сгибнуть ничто не мѣшаетъ ему.
Положимъ, онъ знаетъ лѣсныя дорожки,
Гарцуетъ верхомъ, не боится воды;
Зато безпощадно ѣдятъ его мошки,
Зато ему рано знакомы труды.

Однажды, въ студеную зимнюю пору
Я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ.
Гляжу — подымается медленно въ гору
Лошадка, везущая хворосту возъ,
И шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ
Лошадку ведетъ подъ-уздцы мужичокъ
Въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ,
Въ большихъ рукавицахъ... а самъ съ ноготокъ!
— Здорово, парнище! — «Ступай себѣ мимо!»
— Ужь больно ты грозенъ, какъ я погляжу!
Откуда дровишки? — «Изъ лѣсу, вѣстимо;
Отецъ, слышишь, рубитъ, а я отвожу».
(Въ лѣсу раздавался топоръ дровосѣка).
— А что, у отца-то большая семья? —
«Семья-то большая, да два человѣка
Всего мужиковъ-то: отецъ мой да я...»
— Такъ вотъ оно что! А какъ звать тебя? — «Власомъ».
— А кой тебѣ годикъ? — «Шестой миновалъ...
Ну, мертвая!» крикнулъ малюточка басомъ,
Рванулъ подъ-уздцы и быстрѣй зашагалъ...
На эту картину такъ солнце свѣтило,
Ребенокъ былъ такъ уморительно малъ,
Какъ-будто все это картонное было,
Какъ-будто бы въ дѣтскій театръ я попалъ.
Но мальчикъ былъ мальчикъ живой, настоящій,
И дровни, и хворостъ, и пѣгонькій конь,
И снѣгъ до окошекъ деревни лежащій,
И зимняго солнца холодный огонь —
Все, все настоящее русское было,

Digitized by Google

Съ клеймомъ нелюдимой, мертвящей зимы,
Что́ русской душѣ такъ мучительно мило,
Что̀ русскія мысли вселяетъ въ умы, —
Тѣ честныя мысли, которымъ нѣтъ доли,
Которымъ нѣтъ смерти — . . . . . .
Въ которыхъ такъ много и злобы и боли,
Въ которыхъ такъ много любви!

Играйте же, дѣти! Ростите на волѣ!
На то вамъ и красное дѣтство дано,
Чтобъ вѣчно любить это скудное поле,
Чтобъ вѣчно вамъ милымъ казалось оно.
Храните свое вѣковое наслѣдство,
Любите свой хлѣбъ трудовой —
И пусть обаянье поэзіи дѣтства
Проводитъ васъ въ нѣдра землицы родной!..

Теперь намъ пора возвратиться къ началу.
Замѣтивъ, что стали ребята смѣлѣй, —
— Ай! воры идутъ! закричалъ я Фингалу;
— Украдутъ, украдутъ! Ну прячь поскорѣй! —
Фингалушка скорчилъ серьозную мину,
Подъ сѣно пожитки мои закопалъ,
Съ особымъ стараньемъ припряталъ дичину,
У ногъ моихъ легъ — и сердито рычалъ.
Обширная область собачьей науки
Ему въ совершенствѣ знакома была;
Онъ началъ такія выкидывать штуки,
Что публика съ мѣста сойти не могла.
Дивятся, хохочутъ! Ужь тутъ не до страха!
Командуютъ сами: — Фингалка, умри!
— «Не засти, Сергѣй! Не толкайся, Кузяха!
Смотри — умираетъ — смотри!»
Я самъ наслаждался, валяясь на сѣнѣ,
Ихъ шумнымъ весельемъ. Вдругъ стало темно
Въ сараѣ: такъ быстро темнѣетъ на сценѣ,
Когда разразиться грозѣ суждено.
И точно: ударъ прогремѣлъ надъ сараемъ,
Въ сарай полилась дождевая рѣка,
Актеръ залился оглушительнымъ лаемъ,

Digitized by Google

А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипѣла,
Ударилась въ стѣну, опять заперлась.
Я выглянулъ: темная туча висѣла
Надъ нашимъ театромъ какъ разъ;
Подъ крупнымъ дождемъ ребятишки бѣжали
Босые къ деревнѣ своей...
Мы съ вѣрнымъ Финталомъ грозу переждали
И вышли искать дупелей.

Н. НЕКРАСОВЪ

Digitized by Google

УГОЛОКЪ АНДАЛУЗІИ

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ)

ПОСВЯЩЕНО А. И. ЯКУНЧИКОВОЙ

Разлука съ Кадисомъ. — Пароходъ. — Tortillas per herbas. — Пассажиры. — Берега Гвадалквивира. — Пріѣздъ въ Севилью. — Первое впечатлѣніе. — Фонда de Paris. — Разсказы. — Севилья ночью. — Нѣсколько словъ о нравахъ. — Утро. — Севилья днемъ. — Жиральда. — Соборъ. — La Caridad. — Легенда о Донъ-Хуанѣ. — Натурализмъ. — Св. Феликсъ de contalicio. — Драгоцѣнное фланерство. — Періана. — Торговая площадь. — Церковная процессія. — Религіозность. — Поѣздка въ Alcala. — Дороги. — Происшествіе. — Въ театрѣ. — Зала національныхъ танцевъ. — Бонанца. — Дорога и страна. — Разочарованіе. — Хересъ. — Puerto St-Maria. — Возвращеніе въ гавань Кадиса.

Кадисъ рѣшительно околдовалъ насъ. Съ каждымъ днемъ мы болѣе и болѣе къ нему привыкали; съ каждымъ днемъ труднѣе было изъ него вырваться. Возвращаясь поздно ночью въ фонду Vista-Allegri, мы всякій разъ давали себѣ слово непремѣнно уѣхать завтра; но наступитъ утро, выйдешь на балконъ, взглянешь на синій океанъ, на бѣлый городъ, который начинаетъ пробуждаться, — и тутъ же исчезнетъ вчерашняя рѣшимость, тутъ же начнешь хитрить съ самимъ собою и примешься обдумывать, какъ бы склонить товарищей остаться здѣсь еще лишній день. Такъ дѣйствовалъ каждый изъ насъ, но дѣйствовалъ втайнѣ, потомучто съ наступленіемъ вечера каждый въ свою очередь краснорѣчиво начиналъ доказывать, что лишній этотъ день былъ нѣкоторымъ образомъ жертвой, принесенной въ видахъ дружбы и товарищества.

Какъ ни трогателенъ такого рода combat de générosité, но время повидимому нимало имъ не умилялось: оно шло-себѣ сво-

Digitized by Google

имъ чередомъ, и съ каждой секундой сокращало срокъ, назначенный намъ для путешествія по Испаніи. Подконецъ мы даже испугались.

— Господа! повторяли мы чаще одинъ другому, и каждый разъ съ большею энергіей и убѣжденіемъ: — господа! шутки въ сторону: продолжая такимъ образомъ, мы право рискуемъ не видать Севильи...

Наконецъ рѣшено было выѣхать изъ Кадиса 15 октября.

Каждое утро отправлялись изъ Кадиса два парохода: одинъ отходилъ въ одиннадцать часовъ, другой въ двѣнадцать; между Кадисомъ и Севильей всего семь часовъ разстоянья по Гвадалквивиру. Предположите, что въ концѣ плаванія по Гвадалквивиру находится не Севилья, но Коломна или Серпуховъ, — и тогда бы кажется съ удовольствіемъ можно было предпринять такое путешествіе; а между тѣмъ (судите по этому, какой городъ Кадисъ) намъ все-таки трудно было съ нимъ проститься.

Въ условный день, часу въ одиннадцатомъ мы стояли однакожъ на пристани.

Накупивъ свѣжихъ, только-что сорванныхъ съ дерева гранатъ, сѣли мы въ шлюпку и отправились на пароходъ. На черныхъ крыльяхъ его колесъ большими золотыми буквами написано было: «Севилья». Мы пріѣхали почти цѣлымъ часомъ раньше; палуба была совершенно пуста.

— Господа! вспомните, что мы еще не завтракали! произнесъ С*, между тѣмъ какъ мы смотрѣли на бѣлый Кадисъ, пестрѣвшій своими зелеными балконами, полосатыми маркизами и терасами, наполненными цвѣтами и зеленью; все это мѣстами повторялось на гладкой, густой лазури океана. — Господа! мы такъ боялись не сдержать слова, продолжалъ С*, — такъ боялись не ослабнуть духомъ и снова не остаться въ Кадисѣ, что совершенно забыли о желудкѣ! Нечего ждать пріѣзда пассажировъ; надо напротивъ спѣшить избавить себя отъ такой опасной конкурренціи: начнутъ ѣсть — намъ меньше останется! Пойдемте-ка въ буфетъ и распорядимся заблаговременно...

Рѣчь С* не могла не встрѣтить сочувствія: дѣйствительно всѣ были очень голодны. Общество поспѣшило сойти во вторую палубу, гдѣ разставлены были два стола, покрытые скатертью.

— La lista! carta! закричали всѣ въ одинъ голосъ, обращаясь къ буфетчику, котораго, даже безъ большихъ усилій воображе-

Digitized by Google

нія, легко было принять за бандита, перерядившагося въ черную куртку и такіе же панталоны.

Въ дѣлѣ насыщенія себя «lista» оказалась однакожъ совершенно лишнею вещью.

Изъ двадцати блюдъ, означенныхъ на ней, мы ни въ одномъ не могли дать себѣ даже приблизительнаго отчета; не было названія, котораго каждый изъ насъ не толковалъ бы по-своему. Каждый день въ Vista-Allegri мы находили готовымъ завтракъ, обѣдъ, и никому тогда въ голову не приходило — хоть разъ спросить названіе блюдъ, записать ихъ или запомнить, чтобы при случаѣ не стать втупикъ, какъ это теперь съ нами дѣлалось.

— Господа, вотъ тутъ, подъ номеромъ восьмымъ написано: Tortillas per herbas, замѣтилъ Б. Т*: — это безъ всякаго сомнѣнья значитъ: супъ tortue, черепаховый супъ. Дѣлать нечего, спросимъ хоть супъ tortue; онъ очень питателенъ; авось достаточно будетъ, чтобы заморить голодъ до Севильи.

— Tortillas per herbas! уже говорили мы буфетчику, подымая кверху четыре пальца правой руки, что обозначало четыре порціи.

Въ ожиданіи принесены были сверху купленые гранаты: мы принялись завтракать, заѣдая ихъ маленькими бѣлыми хлѣбцами, которые тутъ же лежали на столѣ, въ плетеной соломенной корзинкѣ.

Хлѣбъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ: кисель, тяжолъ; отзывался чѣмъ-то затхлымъ; другого хлѣба мы впрочемъ не пробовали еще въ Испаніи; даже въ милой нашей фондѣ Vista-Allegri онъ не былъ лучше. Его пекутъ здѣсь изъ кукурузной муки и безъ дрожжей. Гранаты зато оказались превосходными. Между здѣшними гранатами и тѣми, которыя продаются у насъ въ милютиныхъ лавкахъ, сходство тоже, что между свѣженькой семнадцатилѣтней дѣвушкой и сорокалѣтней старой дѣвой, умирающей отъ сухотки. Здѣсь розовая оболочка зеренъ наполнена прохлаждающимъ сладкимъ сокомъ, который льется струйками и обсахариваетъ пальцы, какъ только начнешь сымать шкурку.

Полчаса послѣ ухода буфетчика, онъ снова явился съ подносомъ, уставленнымъ четырьмя тарелками.

— Вотъ наконецъ и tortillas! раздалось радостное восклицаніе.

Но радость смѣнилась изумленьемъ, какъ только заглянули

ны въ тарелки: вмѣсто четырехъ порцій черепаховаго супа, передъ нами красовались четыре яичницы! Tortillas per herbas — поиспански яичница. Наши гастрономическія свѣдѣнія пополнились сверхъ того тѣмъ еще, что испанская яичница невозможна даже для голоднаго человѣка: она приправляется зеленоватымъ оливковымъ масломъ, пересыпается рубленымъ чеснокомъ и кусочками прогорьклаго свиного сала.

Бѣда да и только! приходилось почти умирать съ голоду на порогѣ буфета и кухни, наполненныхъ по всей вѣроятности съѣстными припасами всякаго рода. Ксчастію, вскорѣ подошолъ на выручку одинъ пасажиръ: онъ намъ знакомъ былъ по Кадису.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, весельчакъ, умный малый, родомъ берлинецъ; онъ уже девятый разъ совершалъ путешествіе по Испаніи, живалъ здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, зналъ языкъ отлично, а страну какъ свои пять пальцевъ. Его посылали сюда въ качествѣ своего повѣреннаго хозяева одной изъ самыхъ значительныхъ полотняныхъ фабрикъ сѣверной Пруссіи. Такихъ комиссіонеровъ по части полотняныхъ издѣлій Германіи здѣсь очень много.

Бѣлыя рубашки, которыми любуешься на груди majos, юнки, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ маленькія ножки андалузянокъ — все это, не мѣшаетъ замѣтить, произрастаетъ и обработывается на нѣмецкой почвѣ. Пораженный щегольствомъ кадитановъ и кадитанокъ, я, признаюсь, сначала начиналъ сомнѣваться въ истинѣ того, что читалъ о жалкомъ состояніи промышленности въ Испаніи; но бесѣды съ нашимъ знакомымъ нѣмцемъ и потомъ время убѣдили меня, что читанное и слышанное нимало не преувеличено. На всемъ пространствѣ пиримейскаго полуострова нѣтъ ни одной фабрики, ни одного завода, за исключеніемъ одной только Каталоніи и преимущественно Барцелоны. Самая промышленность Каталоніи и Барцелоны важна только сравнительно; произведенія ихъ какъ капля въ морѣ въ отношеніи къ общей потребности; ктому же, такъ какъ удобныхъ дорогъ не существуетъ, и произведенія это доставляются на мулахъ, они, весьма естественно, обходятся покупателю втридорога. Всевозможные товары приходятъ сюда изъ Германіи, Франціи и Англіи; они достигаютъ своей цѣли частью правильнымъ торговымъ путемъ, и тогда, благодаря огромной таможен-

ной пошлинѣ, обходятся еще дороже мѣстныхъ произведеній; частью заграничный товаръ распространяется контрабандой; послѣдній несравненно больше въ ходу, потомучто, сравнительно все-таки продается дешевле. Говорятъ, правительство начинаетъ принимать мѣры касательно поощренія національной промышленности. Давно бы пора! Слушая разсказы о томъ, какъ оно до сихъ поръ дѣйствовало, кажется какъ словно переходишь изъ міра дѣйствительности въ міръ фантастическихъ кошемаровъ.

Правительство, еще въ концѣ семнадцатаго столѣтія, преслѣдовало купцовъ хуже очумленныхъ: оно отводило имъ въ городахъ самыя отдаленныя, глухія улицы, оставляло безнаказанными и даже поощряло всевозможныя оскорбленія, которыя умышленно наносились купцамъ какъ «низкимъ людямъ»; правительство позволяло грабить купца и само ловило случай, чтобы конфисковать его имущество. Правительство, которое и тогда вѣроятно состояло изъ людей сравнительно болѣе просвѣщенныхъ, тѣмъ не менѣе раздѣляло дикую, невѣжественную точку зрѣнія народа въ отношеніи къ торговлѣ и вообще промышленнымъ людямъ; нелѣпое, безумное чувство ненависти и презрѣнія къ послѣднимъ какъ ни вредило успѣхамъ и процвѣтанію страны, было однакожъ сильнѣе чувства національной, государственной пользы.

Причина презрѣнія къ промышленности объясняется отчасти исторіей, а также характеромъ испанскаго народа. Въ глазахъ старыхъ испанцевъ, тотъ кто занимался ремесломъ, клалъ на себя клеймо вѣчнаго безчестія; онъ словно отдѣлялъ себя отъ испанцевъ и шолъ по стопамъ ненавистныхъ арабовъ, которые первые внесли ремесло въ отечество, и до изгнанія ихъ, одни занимались промыслами. Тотъ кто доставалъ себѣ пропитаніе ручной работой, презирался потому еще, что никто не мѣшалъ ему промѣнять низкое орудіе промысла на благородное оружіе; никто не мѣшалъ ему бѣжать съ оружіемъ на защиту отечества и тѣмъ самымъ облагородить свое положеніе званіемъ идальго; если онъ не дѣлалъ этого, онъ стало-быть былъ трусъ, слабодушенъ, не имѣлъ чувства достоинства, не имѣлъ понятія о чести. Такъ думалъ народъ въ то время; отчасти онъ и теперь еще несовсѣмъ отрезвился отъ такихъ понятій. Духъ рыцарства хотя значительно уже выдохся, но и понынѣ еще живетъ въ испанскомъ народѣ. Несмотря на это, по мѣрѣ того какъ

время общество возвратъ къ давно погибшимъ арабамъ, промышленность конечно взяла бы свое и мало-помалу необходимость дала бы ей право гражданства; но тутъ задержало ее еще другое обстоятельство, именно страшный наплывъ золота изъ Америки; возможность доставать себѣ все необходимое, не производя ничего своими руками, немилосердно обленила и избаловала испанца. Баловство и лѣность съ успѣхомъ также поддерживались безчисленными монастырями, которые покрывали почву Испаніи; въ нихъ прокармливали даромъ всякаго, кто ни явился. Такъ было въ старой Испаніи; но не забудьте, давно ли напримѣръ уничтожены здѣсь эти монастыри, пріучавшіе народъ къ лѣности и дармоѣдству?

Причины эти все-таки не имѣли бы кажется тѣхъ горькихъ послѣдствій для промышленности, еслибъ, какъ я замѣтилъ, духъ рыцарства, лихости, удальства, героизма своего рода, не жилъ еще до сихъ поръ въ душѣ почти каждаго испанца, еслибъ народъ сильно ему не сочувствовалъ. Духъ этотъ натурально противится жизни осѣдлой, замкнутой, тихо-трудолюбивой. Удаль, ловкость, опасность, рѣшимость, сила, — имѣющія вѣсъ въ умѣніи каждаго полудикаго народа, конечно должны казаться особенно соблазнительными испанцу, существу натуры огненной, страшно впечатлительной, склонной къ чудесному, къ приключеніямъ, быстро увлекающейся воображеніемъ. Здѣсь имена великихъ дѣятелей на поприщѣ мануфактурномъ, — имена, которыми готовы были бы гордиться Англія, Бельгія и Франція, — долго не встрѣтятъ еще сочувствія народа. Вотъ напримѣръ матадоръ Монтесъ, или Хозе-Марія, удалой разбойникъ, прославившійся грабежами на большихъ дорогахъ, — это другое дѣло! Хозе-Марія увлечетъ кого угодно; недаромъ имя его такъ популярно, недаромъ народъ любитъ говорить о немъ, съ жаромъ разсказываетъ о его похожденіяхъ и называетъ его храбрымъ caballero и честнымъ, удалымъ, добрымъ малымъ. Такіе отзывы слышишь здѣсь даже отъ людей дѣйствительно почтенныхъ, вполнѣ заслуживающихъ уваженья, честность которыхъ неприкосновенна.

Но возвратимся къ нашему пароходу, который пущенъ уже въ ходъ и бьетъ колесами воду.

На палубѣ, кромѣ насъ и еще знакомаго намъ, прибыло пять пассажировъ. Несмотря на то, что общество наше состояло всего-

Digitized by Google

нарсего, лѣтъ десять назадъ. Это, нельзя сказать, строго было составлено; тутъ было трое русскихъ, два англичанина, одинъ прусакъ, два испанца, одинъ американецъ, единственная особа женскаго пола, бывшая съ нами (особа очень хорошенькая, съ черными блестящими глазками, черными прекрасными волосами и веселымъ вздернутымъ носикомъ), оказалась впослѣдствіи француженкой.

Говорю «впослѣдствіи», потомучто въ первое время мнѣнія по этому предмету были слишкомъ разныя; они служили поводомъ къ долгимъ, весьма даже серьезнымъ преніямъ. Одна, ссылаясь на кавалера юной путешественницы, — молодого рыжаго американца, съ выдавшейся нижней челюстью и одѣтаго въ сѣрый дорожный костюмъ, — хотѣла непремѣнно видѣть въ ней южную смуглую американку, или ирландку по крайней мѣрѣ; другіе навзничь опрокидывали такое предположеніе: они стояли на томъ, что дама — испанка чистѣйшей крови; послѣднее мнѣніе особенно горячо защищалъ Ф*. Напрасно надрывался нашъ нѣмецъ, стараясь убѣдить всѣхъ, и каждаго, что пассажирка — француженка, что самъ онъ слышалъ, какъ изъ испанскаго на чистѣйшемъ парижскомъ нарѣчіи, что если хотятъ знать, она даже не жена американца, какъ предполагали многіе, но возлюбленная его, захваченная имъ по дорогѣ изъ Парижа. Ф* стоялъ все-таки на своемъ; онъ предлагалъ пари, и въ силу своего мнѣнья приводилъ, какъ несомнѣнное доказательство, далусской породы, маленькую ножку, быстрому глазу замѣтную кожи и наконецъ черное атласное платье путешественницы.

— Ручаюсь чѣмъ угодно, что она не соотечественница! неожиданно заговорилъ одинъ изъ испанцевъ, высокій молодой человѣкъ, котораго богъ-вѣсть почему также, какъ и насъ, приняли за доктора. Онъ попросту былъ empleado, чиновникъ: мы познакомились съ нимъ еще въ буфетѣ и нашли въ немъ, какъ вообще во всѣхъ испанцахъ, съ которыми приходилъ случай сближаться, очень любезнаго, привѣтливаго и добродушнаго человѣка.

— Не могу утвердительно рѣшить, какой она націи, продолжалъ онъ, косясь на нее: — но только она не испанка, и это вамъ ручаюсь. Впрочемъ въ этомъ легко убѣдиться: сядемъ рядомъ съ нею, вы съ одной стороны, я съ другой, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, такъ какъ я стоялъ къ нему побли-

Предложеніе было мгновенно приведено въ дѣйствіе. Хорошенькая дама углубилась въ чтеніе какой-то книжки и повидимому не обратила на насъ малѣйшаго вниманія.

Испанецъ, говорившій довольно хорошо по-французски, началъ разспрашивать меня о Парижѣ.

Съ первыхъ же словъ глаза дамы оторвались отъ книжки и украдкою взглянули въ нашу сторону.

Не медля минуты, я приступилъ къ самому одушевленному описанію парижской жизни и увеселеній; хорошенькое личико сосѣдки замѣтно оживилось; наконецъ, когда я заговорилъ о публичныхъ балахъ и коснулся Мабиля, сосѣдка очевидно не могла уже владѣть собою; она засмѣялась, но желая вѣроятно сохранить разстояніе приличное, поспѣшила нагнуться черезъ бортъ и сдѣлала видъ, какъ-будто смотритъ на воду.

Французская живость и сообщительность скоро одержали свое: не прошло минуты, дама обернулась и первая съ нами заговорила. Минутъ десять спустя, мы бесѣдовали такъ же непринужденно и весело, какъ-будто вѣкъ были знакомы.

Общество наше, вполнѣ теперь примиренное и согласное, поспѣшило къ намъ присоединиться. Разговоръ сдѣлался общимъ. Англичанинъ, спутникъ француженки, принялъ въ немъ не послѣднее участіе. Вниманіе, оказанное его дамѣ, очевидно ему польстило: онъ началъ съ того, что предложилъ всѣмъ сигары и выказалъ при этомъ вѣжливость, которую никакъ нельзя было ожидать отъ холоднаго, сосланнаго повидимому изъ родины и несообщительности.

Мы не замедлили узнать въ немъ одного изъ тѣхъ эксцентриковъ-туристовъ, которые служатъ всегда французамъ неистощимою темой для остроумія. Это дѣйствительно былъ чудакъ перваго номера. Онъ ѣхалъ въ Севилью не столько изъ любопытства и по собственному побужденію, сколько потому, что тамъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ его отецъ, потомъ старшій братъ и наконецъ пять лѣтъ назадъ, второй братъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ при этомъ спеціальную цѣль: собрать библіотеку изъ трехъ тысячъ томовъ старыхъ испанскихъ изданій; нельзя же было третьему брату, который вмѣстѣ съ мильонами наслѣдовалъ фамильную страсть къ библіоманіи, нельзя же было ему не послѣдовать примѣру родителя и братьевъ! Такъ какъ отецъ и братья пробыли въ Севильѣ ровно годъ, третій братъ рѣшилъ

Digitized by Google

пробыть въ Севильѣ до пятнадцатаго октября слѣдующаго года, что, считая съ нынѣшняго числа, составляло ровно триста шестьдесятъ пять дней.

Француженка между тѣмъ, нимало не стѣсняясь, явно выказывала, что всѣ эти объясненія ея спутника, и даже самъ онъ, жестоко ей надоѣли; она поминутно вмѣшивалась въ разговоръ и перебивали его.

— Edouard! повторяла она, приправляя слова свои милыми улыбками и взглядами, которыя очевидно скорѣе намъ предназначались: — je veux aller en Russie! Nous irons en Russie... N'est-ce pas, que tu me prends en Russie?..

— Peut-être, возражалъ ломанымъ языкомъ и всякій разъ съ той же невозмутимой флегмою ея спутникъ: — peut-être! Cela existe dans mon dictionnaire!

Онъ носилъ съ собою книжку, въ которой трехгодичное его путешествіе по Европѣ расписано было день въ день; на третій годъ положено было пробыть шесть недѣль въ Москвѣ и Петербургѣ.

Между тѣмъ какъ мы такимъ образомъ болтали и смѣялись, пароходъ продолжалъ дѣлать свое дѣло.

Въ глубинѣ темносиняго залива, по которому клубился сѣдой слѣдъ парохода, Кадисъ обозначался уже бѣлой полоской; надъ нею, двумя темными крапинами выступали куполъ и колокольня собора. Мы начинали приближаться къ противоположному берегу, плоскому, песчаному, и съ каждой минутой явственнѣе обрисовывались на немъ бѣлыя деревни и города. Прямо противъ насъ постепенно выросталъ и расширялся городъ Puerto Santa-Maria. Здѣсь пароходъ круто поворачиваетъ влѣво, такъ что носъ его прямо приходится противъ устья Гвадалквивира; но въ этомъ мѣстѣ устье такъ еще широко, что нельзя опредѣлить глазомъ береговъ рѣки; присутствіе ея обозначается пока тѣмъ только, что темноголубой цвѣтъ воды теряетъ свою прозрачность и превращается въ мутно-желтоватый. Немного погодя, на помутившейся поверхности залива глазъ явственно начинаетъ отличать широкую кайму грязи; пароходъ входитъ въ нее и слѣдуетъ ея изгибамъ, потому что она служитъ вѣрнѣйшимъ фарватеромъ для входа въ рѣку. Это грязь — ничто другое, какъ вода поэтическаго Гвадалквивира.

Мало-помалу начинаютъ выясняться оба берега; слѣва вы-

ставляется низменная болотистая равнина, убѣгающая въ неизмѣримую даль; ее замыкаютъ горы, которыхъ по отдаленности приняли мы сначала за облака на горизонтѣ; кое-гдѣ, у самой воды, подымаются группы тощихъ тополей, и тутъ же чернѣютъ шалаши изъ вѣтвей и листьевъ, жилище рыбаковъ. Остальное пространство покрыто иломъ и заросло камышомъ; надъ нимъ безпокойно носились большія бѣлыя морскія чайки, испуганныя шумомъ парохода. Съ каждымъ поворотомъ колесъ рѣка дѣлается уже и все менѣе оправдываетъ свое арабское прозвище Гвадалквивира, то-есть большой рѣки. Часа полтора послѣ ухода изъ Кадиса, Гвадалквиръ представляетъ желтую грязную рѣчку шириною саженъ въ пять. Словомъ, разочарованіе было бы самое полное, еслибъ не берегъ правой стороны, который нарочно какъ-будто для того и созданъ, чтобы путешественникъ не забылъ, что онъ въ милой Испаніи. Онъ не перестаетъ тѣшить глазъ красивыми деревушками и городками, выбѣленными словно заново. Часто встрѣчаются одинокія фермы; онѣ точно также сверкаютъ бѣлизною; по большей части онѣ выбѣгаютъ съ своей плоской терасой и красной черепичной кровлей изъ гущи зелени, которая если ужь привилась къ почвѣ, то является здѣсь во всей силѣ тропической растительности. По всему этому берегу, вплоть до Бонанцы, города смѣняются фермами, фермы виноградниками или оливковыми плантаціями; на песчаныхъ желтыхъ откосахъ, спускающихся къ водѣ, то и дѣло встрѣчаются стада барановъ, которыхъ пригнали на водопой; мѣстами живописно лѣпятся рыбацкія слободки съ длинными, опрокинутыми кверху дномъ лодками и красноватыми сѣтями, которыя развѣшаны фестонами на кольяхъ и сушатся на солнцѣ. Все это, благодаря яркому, освѣщенію, необыкновенной прозрачности воздуха и густому бархатному колеру неба, который сообщаетъ всѣмъ нѣжный голубой цвѣтъ, — превращается въ столько же чудныхъ картинъ самаго веселаго, праздничнаго характера. Глядя на все это, не перестаешь себя спрашивать: гдѣжъ эта запущенность и бѣдность, сдѣлавшіяся провербіальными въ отношеніи къ Испаніи? дѣйствительно ли имъ или нѣтъ?

Вотъ наконецъ направо показалась Бонанца или вѣрнѣе San-Lucar de Barrameda. Бонанцой называется собственно мѣсто, гдѣ расположена пристань Санъ-Люкара. Городъ, окруженный зеленью, бѣлѣетъ надъ крутымъ, золотистымъ песчанымъ

Digitized by Google

обрывомъ, который замѣтенъ еще издали; надо миновать его чтобы достигнуть пристани. Тутъ пароходъ останавливается минутъ на пять, чтобы взять новыхъ пасажировъ и высадить старыхъ. Пароходъ нашъ никого не выпустилъ и принялъ только нѣсколько тюковъ и боченковъ, предназначенныхъ въ Севилью.

Мы поѣхали далѣе.

За Санъ-Люкаромъ тянется лѣсъ изъ зонтикообразныхъ раскидистыхъ сосенъ, который на минуту переноситъ васъ мысленно въ Италію; далѣе, берегъ неожиданно понижается; еще два три поворота рѣки — онъ обращается въ такую же безжизненную пустыню, какъ его vis-à-vis. Куда ни глянешь, повсюду желтоватые, обожженые солнцемъ луга; справа — плоскія, постепенно суживающіяся и убѣгающія въ даль линіи сливаются съ горизонтомъ; слѣва пустыню замыкаетъ хребетъ Сіеры-Морены, который по отдаленности принимаетъ видъ фантастическаго миража: точно гряда перломутовыхъ облаковъ, которыя просвѣчиваютъ сквозь туманъ.

Говоря такъ неуважительно о Гвадалквивирѣ, я забылъ передать вамъ объ одномъ его свойствѣ, которое по всей вѣроятности и заслужило ему въ древности названіе большой рѣки. Грязная и повидимому ничтожная эта рѣченка подвержена страшнымъ разливамъ; они бываютъ иногда такъ сильны, что опустошаютъ всю страну отъ Калиса до Севильи.

Разливы происходятъ обыкновенно осенью или зимою, въ дождливую пору года; но не вода дождей этому виною, хотя они льютъ здѣсь какъ изъ ведра и часто продолжаются по нѣскольку сутокъ сряду. Главной причиной служатъ потоки, которые образуются отъ талаго снѣгу, растворяемаго дождемъ; въ нѣсколько часовъ они страшно раздуваются и яростно устремляются съ горъ въ Гвадалквивиръ; если къ этому задуетъ югозападной вѣтеръ и море запретъ устье рѣки, — вода стремительно выбѣгаетъ изъ береговъ и затопляетъ всю долину. Въ зиму 1626 года наводненіе продолжалось сорокъ дней; вода поднялась до Севильи, и такъ высоко, что третья часть города была потоплена. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ вода достигла третьяго этажа. Три тысячи домовъ были разрушены; народу погибло бездна, и столько же отъ потопленія, сколько отъ голоду; потеря разнаго рода имущества въ городѣ и по окрестностямъ превышала сумму въ двадцать мильоновъ.

Digitized by Google

Такъ бывало встарину, такъ и теперь нерѣдко повторяется. Ко всему этому надо присовокупить еще то обстоятельство, что вода, долго оставаясь послѣ разлива въ низменныхъ мѣстахъ, превращаетъ почву въ болото; съ наступленіемъ жаровъ воздухъ заражается и повсемѣстно распространяетъ пережающіяся лихорадки и эпидемическія болѣзни. Говоритъ, кричитъ Монпансье, которато супружество сдѣлало постояннымъ жителемъ южной Испаніи, давно и сильно хлопочетъ, убѣждая правительство предпринять работы для канализаціи береговъ и долины Гвадалквивира; неизвѣстно, насколько успѣваетъ онъ въ этомъ; фактъ тотъ однакожъ, что до сихъ поръ ничего еще не сдѣлано; Гвадалквивиръ продолжаетъ разливаться, и кромѣ того, годъ отъ году сильнѣе затягивается иломъ; онъ теперь судоходенъ только до Севильи.

Отъ Вонанцы, часа на три по крайней мѣрѣ, правый и лѣвый берегъ остаются тѣми же, безо всякой перемѣны: тѣ же неоглядныя луговыя равнины, покрытыя чахлой желтоватой травой, сожженной солнцемъ. Гвадалквивиръ дѣлаетъ время отъ времени такіе крутые, частые повороты, что рулевой едва успѣваетъ править пароходомъ; колеса съ трудомъ кажется ворочаются въ густой бурой грязи; на поверхности ея появляются струйки чистой воды, когда поблизости вливается въ рѣку родникъ или ручей. Одинъ этотъ шумъ колесъ да свистъ пара пробуждаетъ мертвую тишину окрестности; не пролетитъ даже птица. Точно перенесло васъ вдругъ въ пустыню Новаго Свѣта; точно плывешь по одной изъ тѣхъ иловатыхъ рыжихъ рѣчекъ, которыя орошаютъ луга сѣверной Америки и которыя такъ превосходно описываетъ Куперъ. Нельзя себѣ представить, что еще полтора-два часа—и вдругъ очутишься... гдѣ же?—въ шумной, многолюдной Севильѣ!

Единственнымъ развлеченіемъ этихъ унылыхъ пустынь служатъ стада полудикихъ быковъ. Они пасутся здѣсь круглый годъ; это тѣ самые быки, которыхъ готовятъ для corrido di toros не только Севильи, но и другихъ городовъ Андалузіи. Иногда пароходъ заставалъ врасплохъ цѣлое стадо на водопоѣ; испуганныя животныя однимъ махомъ выскакивали изъ воды на берегъ и стремительно неслись въ глубину луговъ; случалось, бывали смѣльчаки, которые не слѣдовали за своими товарищами; утопая по брюхо въ тинѣ, они не трогались съ мѣста и только поворачивали голову, всматриваясь притупленно-уди-

Digitized by Google

вленными глазами во слѣдъ удаляющемуся походу. На плоскихъ, убѣгающихъ въ даль линіяхъ пустыни, вырѣзывался отчетливо характерный силуэтъ погонщика, человѣка верхомъ, вооруженнаго длинной пикой, съ ружьемъ, сверкающимъ за спиной, въ высокой черной широкополой шляпѣ, изъ-подъ которой развивался край платка, которымъ здѣсь народъ обвязываетъ голову; ноги его, обвернутыя до колѣнъ кожей, исчезали до половины икры въ желѣзныхъ стременахъ, имѣвшихъ видъ заостренныхъ ладокъ; изъ-подъ шляпы обрисовывалась пара бакенбардъ, обстриженныхъ въ видѣ котлетки, и между ними смотрѣло смуглое бедуинское лицо, оживленное бѣлками глазъ; красный кушакъ, коричневая куртка, коротенькіе штаны, плащъ брошенный на одно плечо, — дополняли костюмъ. Иногда такая фигура, припавъ грудью къ лукѣ высокаго арабскаго сѣдла, проносилась по степи во весь духъ лошади, крутя надъ головою петлю аркана, которымъ ловятъ непокорныхъ, строптивыхъ быковъ. Все это, оживляя пустыню, усиливало вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлѣніе дикости, отдаляло мысль отъ близости цивилизаціи.

Время отъ времени поворотъ рѣки какъ словно приближалъ насъ къ линіи горъ, которыя продолжали замыкать горизонтъ лѣваго берега; хребетъ Сіеры-Морены былъ очень далекъ; но необыкновенная чистота и прозрачность воздуха давала возможность ясственно различать зубчатую профиль снѣжныхъ вершинъ, очертаніе пропастей и уступовъ, которые въ безпорядкѣ громоздились другъ на дружку. Солнце садилось прямо противъ насъ; невозможно передать словами тѣхъ эффектовъ свѣта и тѣни, какими одѣвались горы: цвѣта радуги, чистѣйшій кобальтъ, перломутръ, грудь голубя, золото и розовое серебро слабо передадутъ дивную фантасмагорію яркихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неуловимонѣжныхъ воздушныхъ красокъ, которыя переливались по скатамъ Сіеры-Морены. Свѣтъ отъ нея разливался какъ-будто по всей окрестности; онъ словно сообщался даже грязному Гвадалквивиру, изгибы котораго ярко теперь сверкали въ потемнѣвшихъ берегахъ.

Съ приближеніемъ къ Севильѣ, Сіера-Морена снова уходитъ въ глубину и постепенно затушовывается отдаленьемъ. Какъ бы взамѣнъ этого, оба берега, особенно правый, опять начинаютъ оживляться. Все замѣтно говоритъ о близости большого города. Снова однѣ за другими и постепенно чаще и чаще пока-

Digitized by Google

мелются отдѣльныя фермы и бѣлыя какъ молоко деревни, потопленныя зеленью. Растительность здѣсь еще роскошнѣе, чѣмъ даже въ окрестностяхъ Санъ-Люкара. Виноградникамъ нѣтъ конца, оливковыя плантаціи и серебристые тополя смѣнялись апельсинными рощами и гранатовыми деревьями; мѣстами, надъ бѣлымъ каменнымъ куполомъ мирадора (вышки, пристроенной къ верхней части зданія), сохранившимъ свою арабскую форму, стройно выбѣгаетъ пальма; мѣстами, надъ песчанымъ обрывомъ берега, синѣютъ исполинскіе алоэ или фантастически путаются и лѣзутъ впередъ яркозеленыя лопатки колючаго кактуса. Самый Гвадалквивиръ стыдится какъ-будто своей грязи и старается себя украсить; на поверхности его, кромѣ мелкихъ рыбацкихъ лодокъ, появляются время отъ времени барки съ треугольными латинскими парусами, поставленными въ видѣ раскрытыхъ ножницъ. Все это — барки, скаты береговъ, зелень, деревни, словомъ весь передній планъ картины, которая развертывалась передъ глазами, постепенно погружалось въ густую синеватую тѣнь; надъ ней все ярче и ярче разгорался между тѣмъ закатъ, исполосованный пурпуровыми волокнистыми линіями. Въ воздухѣ замѣтно посвѣжѣло.

Немного погодя, на верхушкѣ отдаленной башни сверкнула золотая точка.

— Это статуя Вѣры надъ Жиральдой! подсказалъ знакомый нашъ нѣмецъ: — а вонъ подлѣ нея открылась теперь верхняя часть собора, — добавилъ онъ, указывая на темную зубчатую массу, которую издали можно было принять за возвышенную часть города.

Крутой поворотъ Гвадалквивира неожиданно открылъ глубокую золотистую перспективу, въ которой фіолетовыми пятнами обозначались арки какого-то моста, церкви, зданія и множество лодокъ, наполненныхъ народомъ; говоръ и восклицанія неслись оттуда; съ каждой минутой городской шумъ усиливался, вмѣстѣ съ тѣмъ сгущались тѣни и холодѣлъ воздухъ. Слѣва, въ темнотѣ, потянулся наконецъ рядъ зданій, которыя казалось выростали изъ воды: здѣсь начинался (такъ объяснилъ намъ нѣмецъ) кварталъ Тріаны. Справа между тѣмъ вдругъ потянулъ запахъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ; минуту спустя, мы огибали густую стѣну зелени, которая въ этомъ мѣстѣ превращаетъ берегъ въ роскошнѣйшую прогулку: это Alameda Cristiana.

Digitized by Google

любимый загородный садъ жителей Севильи, между совершенно черными стволами кипарисовъ, олеандровъ, гранатовыхъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ, мелькали въ голубоватомъ лунсвѣтѣ бѣлыя движущіяся пятна и раздавались голоса гуляющихъ.

Пароходъ прямо шолъ къ низенькой башнѣ, которая вилась надъ водою.

— Это такъ называемая Toro del Oro — башня, куда, говорятъ, складывалось въ былое время все золото, привозимое изъ Америки, пояснилъ намъ нѣмецъ.

Toro del Oro превращена теперь кажется въ таможенный сторожевой пунктъ. Саженяхъ въ десяти до нея находится пристань.

Когда пароходъ остановился, заря успѣла окончательно утонуть; вмѣстѣ съ зарею исчезли также какъ-будто черныя, мрачныя пятна, мѣстами затемнявшія перспективу города; они расходились, начинали сквозить и постепенно сливались въ общій голубоватый тонъ, который сообщался всему густымъ синимъ цвѣтомъ звѣзднаго неба.

Всѣ эти впечатлѣнія промелькнули для насъ почти безсознательно; страшная суета происходила на палубѣ парохода. Каждый спѣшилъ скорѣе выбѣжать на пристань; ожившійся даже нашъ американецъ, по крайней мѣрѣ голосъ его не переставалъ раздаваться посреди общаго гама.

Съ первымъ шагомъ на берегъ, насъ обступила толпа носильщиковъ; поднялась кутерьма невообразимая; всѣ кричали разомъ и каждый немилосердно тащилъ въ свою сторону. Напрасно надсаживались мы, повторяя: Fonda de Paris,—куда насъ рекомендовали, напрасно цѣплялись мы отчаянно за наши дорожные мѣшки: ничего не помогало. Богъ-вѣсть чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ не подоспѣлъ на выручку знакомый испанецъ и потомъ нѣмецъ; оба хотѣли остановиться въ одной гостинницѣ съ нами; вскорѣ на крикъ испанца: Жіовани! Жіовани! — выскочилъ весь впопыхахъ изъ толпы маленькой человѣкъ, сопровождаемый бѣлымъ пуделемъ; это былъ итальянецъ, служившій въ качествѣ проводника или гида при гостинницѣ Fonda de Paris. Онъ тотчасъ же распорядился наймомъ носильщиковъ, нагрузилъ нашъ багажъ, и мы вошли въ Севилью черезъ темные ворота, продѣланные въ высокой зубчатой стѣнѣ.

Digitized by Google

Не знаю болѣе мучительнаго состоянья какъ то, которое испытываешь вступая ночью въ новый городъ, особенно когда городъ этотъ давно возбуждалъ любопытство; перечтешь заранѣе всевозможныя описанія, ловишь каждый живой разсказъ, чтобы короче съ нимъ познакомиться, строишь обольстительные планы, жадно ждешь минуты, чтобы провѣрить, на сколько воображеніе украсило или не дошло до дѣйствительности, — и видишь между тѣмъ, что все это надо отложить на завтра... да, на завтра, даромъ-что идешь самимъ городомъ и даже ко всему можешь такъ-сказать прикоснуться рукою. Безполезность усилій, чтобы разсмотрѣть тотъ или другой предметъ, который вдругъ живо напомнитъ прочитанное или слышанное, еще сильнѣе раздражаетъ любопытство и усиливаетъ сердечное волненіе. Проходя мимо собора, я не могъ утерпѣть, чтобы не взбѣжать на ступеньки одного изъ входовъ; еще минута—и я приподнялъ бы кожаный фартукъ, которымъ заслоняются здѣсь двери храмовъ, — но В. Т. удержалъ меня.—Что за ребячество! сказалъ онъ:—вы только портите себѣ первое впечатлѣніе; поберегите его. Что теперь увидите? мракъ только одинъ и ничего больше! То ли дѣло завтра будетъ!..

Улицы, по которымъ мы проходили, были темны и узки; множество народу толкалось взадъ и впередъ; кое-гдѣ раздавался смѣхъ, хохотъ и бряцанье гитары. Совершенный мракъ, посреди котораго все это совершалось, усиливалъ впечатлѣніе. Два или три раза изъ темной впадины протянулась къ намъ рука и сиплый голосъ произнесъ: una limosina por l'amor de Dios! Мы вышли наконецъ на небольшую площадь, обсаженную вокругъ деревьями; фонтанъ шумѣлъ посерединѣ; между деревьями блестѣло нѣсколько освѣщенныхъ оконъ.

Это были окна Fonda de Paris.

Наружная дверь прямо вводитъ въ patio,—довольно просторную комнату, гдѣ вмѣсто потолка натянутъ холстъ; полъ вымощенъ квадратами изъ сѣраго и бѣлаго мрамора; по стѣнамъ, выбѣленнымъ мѣломъ, стелятся вьющіяся растенія; въ углахъ горшки съ олеандрами, обсыпанными цвѣтами; мраморныя скамьи съ высокой спинкой окружаютъ patio; посерединѣ басейнъ, обложенный мраморомъ, цвѣтами и раковинами; надъ нимъ узорчатая мраморная чаша, изъ которой бьетъ фонтанъ. Все это освѣщается мягкимъ полусвѣтомъ нѣсколькихъ цвѣтныхъ бумаж-

Digitized by Google

ныхъ фонарей, привѣшенныхъ къ веревкамъ, идущимъ поперегъ patio, отъ карниза къ карнизу.

Номера расположены во второмъ этажѣ; онъ весь состоитъ изъ какихъ-то длинныхъ, низенькихъ коридоровъ, напоминающихъ старинные католическіе монастыри. Комнаты здѣсь такъ же чисты какъ въ Vista-Allegri Кадиса; во весь полъ разостланы пестрые плетеные ковры изъ цвѣтной соломы; надъ постелями кисейные полога отъ мускитовъ; цѣну взяли съ насъ почти туже что и въ Кадисѣ, несмотря на то, что приняли насъ здѣсь за путешествующихъ англичанъ.

Разобравъ свой багажъ по номерамъ, мы спустились въ столовую, — длинную залу, которая непосредственно находится за patio. Общество фонды давно уже отобѣдало; но такъ какъ вмѣстѣ съ пароходомъ изъ Кадиса всегда ждутъ новыхъ гостей, одна половина стола оставалась накрытою.

На дальномъ концѣ стола сидѣло человѣкъ восемь испанцевъ и французовъ; по всей вѣроятности то были привычные посѣтители, habitués гостинницы: они громко разговаривали, покуривая сигары и папиросы, которыя тутъ же свертывали.

Не помню рѣшительно, какія подавались блюда; не помню даже, были ли они приправлены оливковымъ масломъ, были ли подогрѣты, или состояли изъ свѣжихъ припасовъ. Кадисъ научилъ насъ быть невзыскательными. Вообще, въ Испаніи ѣда не составляетъ удовольствія: здѣсь пьютъ и ѣдятъ ровно на столько, чтобы поддержать существованіе. Помню только, что во время этого обѣда поглощено было неимовѣрное количество винограду, свѣжихъ фигъ и апельсиновъ. Равнодушіе къ блюдамъ происходило можетъ-статься оттого также, что съ первой минуты какъ сѣли мы обѣдать, вниманіе наше сильно было заинтересовано разговоромъ, происходившимъ на другомъ концѣ стола. Предметомъ бесѣды были разбойники. Мы только-что начинали знакомство съ Испаніей; была ли возможность не прислушаться?

Говорилось между прочимъ о происшествіи, которое случилось на дняхъ съ почтовой каретой, перевозившей путешественниковъ изъ Кордовы въ Мадритъ. На нее напали разбойники; связавши кучера, начальникъ шайки объявилъ, чтобы никто не боялся за свою жизнь, что онъ никого не тронетъ; онъ требовалъ только немедленной выдачи казенныхъ денегъ. Я былъ

Digitized by Google

за службу Государствѣ, сказалъ онъ: — правительство у насъ неблагодарно; оно не платило мнѣ жалованья нѣсколько лѣтъ сряду; и слѣдовательно считаю себя вправѣ взять то, въ чемъ мнѣ такъ несправедливо отказали за мои заслуги. Отнимая эти деньги, я беру только то, можетъ-быть даже менѣе того, — что задолжало мнѣ правительство!..» Взявъ деньги, онъ развязалъ кучера, велѣлъ распречь лошадей и потребовалъ, чтобы путешественники не трогались съ мѣста по крайней мѣрѣ два часа; это было необходимо, чтобы дать время ему и его товарищамъ уйти въ горы; въ случаѣ неисполненія такого уговора, онъ грозилъ снова напасть и уже на этотъ разъ обѣщалъ всѣхъ перерѣзать какъ цыплятъ. Мы тутъ же узнали, что въ настоящее время въ госпиталѣ Севильи находится до шестидесяти человѣкъ раненыхъ ножомъ; но въ этомъ обстоятельствѣ разбойники не принимали никакого участія. Раненые были по большой части жертвы *navaja*; — «раздражонной руки»: такъ говорятъ здѣсь, желая выразить увлеченье, минутную вспышку, досаду, которыя въ Испаніи оканчиваются обыкновенно ударомъ ножа.

Ножъ, *navaja* — любимѣйшее оружіе андалузцевъ; у нихъ онъ такой же точно предметъ щегольства и необходимости, какъ шашка у черкесовъ. Лезвее *navaja* имѣетъ форму рыбы и конецъ востренъ съ обѣихъ сторонъ: оно покрыто узорами и надписями, выведенными грубой эмалью краснаго и чернаго цвѣта; ножъ носятъ за поясомъ, но не съ боку, а за спиною. Не считая *majos*, щеголей и удальцовъ, каждый почти андалузецъ умѣетъ биться на ножахъ: умѣнье это обусловливается столько же необходимостью, сколько составляетъ особое искусство: усовершенствованіе въ немъ непослѣдній предметъ хвастовства; говорятъ даже, опытнымъ людямъ довольно взглянуть на разрѣзы раны, чтобы тотчасъ узнать молодца, который нанесъ ее.

Всѣ эти разсказы являлись какъ нельзя болѣе кстати при дебютѣ въ столицѣ Андалузіи; они открывали передъ нами одинъ уголокъ мѣстныхъ нравовъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

Было уже около девяти часовъ, когда мы встали изъ-за стола; насъ давно подмывало пройтись по городу.

Повернувъ съ площади налѣво, мы прямо вышли на главную улицу; она называется кажется Cale de Toledo; это Невскій проспектъ Севильи. Улица освѣщалась одними только окнами дверями богато убранныхъ магазиновъ и лавокъ; впрочемъ

Digitized by Google

она была такъ узка и невысока (рѣдкій домъ имѣетъ болѣе двухъ этажей), что и при этомъ даровомъ освѣщеніи можно было превосходно разсматривать гуляющихъ; лучи свѣта, вырывавшіеся изъ оконъ и дверей, придавали толпѣ еще болѣе пестроты и живописности.

Съ первыхъ же шаговъ насъ поразило множество женщинъ: онѣ составляли двѣ трети толпы по крайней мѣрѣ. Вторымъ предметомъ удивленья, — но на этотъ разъ не радостнымъ, а досадливымъ, — были кринолины, шали и шляпки, — ужасныя современныя французскія шляпки, которыя попадались на каждомъ шагу. Не странно ли, что именно то, чего не слѣдовало никакъ перенимать у Европы, что было здѣсь такъ красиво, то скорѣй всего и передѣлалось на европейскій ладъ? Баскина, мантилья, граціозная прическа изъ волосъ и живыхъ цвѣтовъ, которыя такъ идетъ къ андалузскому типу, видимо исчезаютъ, чтобы дать мѣсто изобрѣтеніямъ парижской моды. Отъ прежняго сохранился только вѣеръ; онъ шумитъ и переливается въ рукахъ каждой женщины, сверкая въ полумракѣ своими блестками. Множество мужчинъ одѣваются также поевропейски; безпрестанно попадались франты, которые сдѣлали бы честь итальянскому бульвару въ Парижѣ. Но какъ эфектно зато выставлялись посреди всего этого маленькая, надѣтая набекрень войлочная шапочка съ затянутыми кверху полями, цвѣтная куртка, шитая шнурками, убранная по швамъ серебряными пуговками, и открывающая на груди бѣлую рубашку, перехваченную у таліи широкимъ краснымъ или желтымъ кушакомъ; съ какою жадностью слѣдишь въ толпѣ за мантильей и головкой, убранной волосами съ двумя пучками жасмина на вискахъ! Здѣсь, такъ же какъ въ Кадисѣ, мужчины не даютъ руки дамамъ; женщины ходятъ отдѣльными группами.

Севильянки, сколько я могъ замѣтить, живѣе кадисянокъ, меньше ихъ ростомъ и смуглѣе. Походка ихъ и пріемы проникнуты чѣмъ-то неуловимо-быстрымъ, смѣлымъ, игривымъ, кокетливымъ; невообразимая миловидность и грація движенія съ какимъ нѣсколько разъ въ секунду женщина раскроетъ и сложитъ вѣеръ, увѣренность во взглядѣ и поступи, — все это, въ соединеніи съ красотою типа и выраженіемъ чего-то страстнаго въ каждой чертѣ лица и каждомъ движеніи, дѣлаетъ ихъ обольстительными выше всякаго описанія: при встрѣчѣ съ ними

сладкозвучнѣе, чтобы не сказать: сердце невольно радуется, и сильно и весело дѣлается, когда вспомнишь, что предъ тобою, рисуясь парижанки. Выраженія: зажигательные взгляды, молніеносные взгляды, здѣсь только имѣютъ мѣсто: понятно, отчего кажутся они у насъ такою натяжкой. Какъ вообще во всѣхъ породахъ чистой крови, типъ севильянокъ не отличается большимъ разнообразіемъ; всѣ какъ словно напоминаютъ одна другую; у всѣхъ большіе черные глаза съ красивымъ арабескнымъ разрѣзомъ, идущимъ къ вискамъ; вѣки окружены густою бахромою темныхъ какъ уголь рѣсницъ: сверканіе бѣлка на смугломъ лицѣ усиливаетъ блескъ и безъ того огненнаго взгляда; никогда прежде не видалъ я такихъ прелестныхъ, такихъ губокъ; всевозможныя поэтическія сравненія будутъ блѣдны предъ дѣйствительностью.

Ничего не скажу вамъ о маленькихъ ножкахъ и ручкахъ, о красотѣ волосъ, стана и плечъ (здѣсь, замѣтьте, носятъ на улицахъ, какъ и въ Кадисѣ, платья съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами); все это такъ хорошо, такъ въ самомъ дѣлѣ соблазнительно, такъ способно сладко одурманить человѣка, что нужно недостаетъ описывать: портишь только впечатлѣніе!

Обворожительныя улыбки и страстные взгляды здѣсь впрочемъ очень дешевая монета; обращаясь къ равнодушному, они служатъ только знакомъ веселости и бойкости, отличающихъ андалузскій характеръ; не только взглядъ и улыбка, но самый непринужденный разговоръ не даетъ еще повода уноситься мечтаніемъ касательно успѣха. Не думайте однакожъ, чтобы страшная эта свобода рѣчей и обращенія дѣйствовали во вредъ такъ называемой нравственности: ничуть не бывало; между ними нѣтъ ничего общаго. Чистота нравовъ нисколько здѣсь не хуже той, которую встрѣчаешь въ нашихъ сѣверныхъ обществахъ, гдѣ мнимая воздержность, la retenue и ханжеская мораль (говорю ханжеская, потомучто никто ей не вѣритъ: ни тѣ, которые ее проповѣдуютъ, ни тѣ, которые ей слѣдуютъ) часто скрываетъ грубѣйшую растлѣнность воображенія и самаго сердца. Въ Испаніи никто не оскорбляется видомъ влюбленнаго молодого человѣка, который настойчиво ухаживаетъ за дѣвушкою; влюбленный или novio, — женихъ, какъ его здѣсь неправильно называютъ, потомучто ухаживанье ни къ чему еще не обязываетъ, — видится съ предметомъ своего сердца по нѣсколько разъ въ день,

говорить съ дѣвушкой безъ свидѣтелей, провести [illegible] ночи, бесѣдуя съ нею у рѣшотки окна или балкона: это опасно и предосудительно, въ смыслѣ строгой морали, затаенныя пылкія желанія, тайныя переписки или ухаживанье-волокитство, которые ничѣмъ не оправдываются, ни страстью ни даже влеченіемъ? Эта свобода, которой точно такою пользуются дѣвушки Англіи, даетъ самостоятельность, дѣлаетъ женщинъ существами вполнѣ сознательными; раннее сближеніе обществомъ мужчинъ развиваетъ опытъ, который столько же служитъ потомъ защитой собственной нравственности, сколько даетъ умѣнье отличить пустого волокиту отъ человѣка въ самомъ дѣлѣ привязаннаго сердцемъ. При страстности темперамента и пылкости воображенія, здѣсь, сколько слышно, очень мало одинокихъ *несчастныхъ случаевъ*, какъ у насъ говорятся; ухаживанья за замужними женщинами здѣсь точно также рѣдкое исключеніе: ужь одно это не довольно ли говоритъ въ пользу морали? При короткости женскаго обращенія, которое у насъ тотчасъ же даетъ мужчинѣ право быть смѣлымъ и самоувѣреннымъ, въ Испаніи ненарушимо сохранилась утонченная рыцарская вѣжливость; женщинѣ, даже между простонародьемъ, уступаютъ всегда первый шагъ, даютъ первое мѣсто. Учтивость бросается въ глаза даже въ обращеніи мужчинъ простого класса между собою; впрочемъ и то надо сказать: бранное слово, оскорбительное названіе, толчекъ — встрѣтили бы здѣсь короткій отвѣтъ: ножъ въ бокъ безъ дальнихъ церемоній.

Въ Толедской улицѣ нѣтъ ровно ничего особенно-замѣчательнаго, а между тѣмъ не было возможности урваться отсюда раньше поздней ночи: такъ обаятельно дѣйствуютъ странное оживленье и веселость севильской толпы.

Черные атласные и бѣлые вѣера, усыпанные блестками или расписанныя изображеніями боя быковъ, шуршатъ и двигаются со всѣхъ сторонъ какъ міріады большихъ пестрыхъ ночныхъ бабочекъ; веселыя восклицанія и затаенный шопотъ, пѣніе фанданго, раздающееся то тутъ, то тамъ, взгляды, отъ которыхъ захватываетъ дыханіе, милое, полное граціи движеніе головой, какимъ привѣтствуютъ знакомыхъ на улицѣ, изъ оконъ и балконовъ; аккорды гитаръ и смѣхъ въ окнахъ, потопленныхъ мракомъ; языкъ, лица, огненныя, полныя выраженія мимики, — все это носитъ такую печать оригинальности, дышетъ такъ всѣмъ

Digitized by Google

молодое, такъ полно лѣта, страсти, жизни, что невольно себя ощущываешь: точно ли живешь посреди всего этого, или такъ только весь все это видишь?

Возвращаясь домой темными, узенькими, извилистыми переулками, освѣщенными только сверху синей полосой звѣзднаго неба, мы встрѣтили нѣсколько novios съ шляпой надвинутой на глаза, въ плащѣ и съ гитарой; гитара умолкала какъ только раздавались наши шаги; насъ предупредили, что лишнее любопытство въ этихъ случаяхъ считается верхомъ невѣжества; зная сверхъ того, что оно не всегда обходится даромъ и не имѣя желанія получить на сонъ грядущій ударъ navaja между ребрами, мы спѣшили пройти мимо.

Здѣсь любовь кажется главная цѣль и самое серьозное занятіе жизни. Въ Испаніи точно также какъ въ Сициліи случалось не встрѣчать людей надѣленныхъ природой всѣми возможными дарами; до знакомства съ ними спрашиваешь:

— Кто этотъ господинъ? что онъ дѣлаетъ? служитъ гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ.

— Художникъ онъ?

— Нѣтъ.

— Пѣвецъ?

— Нѣтъ.

— Литераторъ?

— Нѣтъ.

— Негоціантъ?

— Нисколько.

— Что же онъ наконецъ?

— Были вы вчера въ театрѣ? спрашиваютъ васъ вмѣсто отвѣта.

— Да.

— Не замѣтили ли вы во второмъ бенуарѣ съ лѣвой стороны хорошенькую женщину въ бѣломъ платьѣ?

— Да.

— Господинъ, о которомъ вы спрашиваете, любитъ ее вотъ скоро уже пять лѣтъ! отвѣчаютъ вамъ такъ же спокойно, какъ если бъ дѣло шло объ опредѣленіи самаго серьознаго занятія, самой блистательной, дѣятельной карьеры.

Digitized by Google

Онъ любитъ: что же вы еще хотите чтобъ онъ дѣлалъ? Жизнь его достаточно кажется наполнена!

Климатъ, темпераментъ, національный характеръ обусловливаютъ жизнь народа; естественно, что жизнь въ Испаніи должна управляться другими условіями чѣмъ у насъ. Романтическій восторженный мечтатель — у насъ напримѣръ комическіе типы; чуть ли не синонимы школярства, сумасбродства, тупоумія; романтическое направленіе не только осмѣивается въ личностяхъ, его преслѣдуютъ даже въ произведеніяхъ литературы. Теперь только въ Испаніи да еще можетъ-быть въ Сициліи романтизмъ и поэзія сохранились не только въ старыхъ романсахъ, но и въ самой жизни Вы ихъ встрѣчаете здѣсь гуляющихъ по улицамъ такъ же дѣйствительно и свободно, какъ у насъ чиновниковъ, офицеровъ и такъ-называемыхъ дѣловыхъ людей.

Ступайте ночью по Севильѣ, загляните въ любой переулокъ, не въ ту часть его, которая посеребрена луною, но въ другую, гдѣ черная тѣнь домовъ обрисовывается на синемъ небѣ, — вы непремѣнно различите мужскую фигуру, завернутую въ плащъ; широкая шляпа низко надвинута на глаза, правая нога упирается въ ступень или камень, пальцы слегка перебираютъ струны гитары... Идите дальше: подъ сѣнью душистыхъ лимонныхъ деревъ или розовыхъ акацій, окружающихъ площадь, на мраморной скамьѣ, ближайшій уголъ которой охваченъ голубымъ лучемъ мѣсяца, сидятъ мужчина и женщина; затаенный ли любовный лепетъ, вздохи ли несутся оттуда, или то слышится неровный шелестъ фонтана, который какъ призракъ бѣлѣетъ посреди темной площади... Далѣе, изъ кромѣшнаго мрака неожиданно выступитъ patio, освѣщенный цвѣтными бумажными фонарями и алебастровыми лампами, обставленый цвѣтами и зеленью, зеркалами и картинами, съ мраморнымъ фонтаномъ и столами, покрытыми хрусталемъ съ сорбетами и студеной водою; нѣсколько паръ мужчинъ и женщинъ танцуютъ болеро; живой грохотъ кастаньетъ, восклицанія, веселый смѣхъ, бряцаніе гитаръ шумно вырываются на улицу; какимъ огнемъ дышетъ здѣсь каждый взглядъ, каждое движенье! какая простодушная, откровенная веселость, сколько страсти и простой, естественной граціи! Еще далѣе — и снова все окуталось мракомъ, снова окружаетъ васъ мертвая тишина. Но даже и въ тишинѣ здѣсь слышится что-то жизненное, точно глухо стучитъ чье-то сердце, точно пульсъ

ьется ускореннымъ тактомъ. Дѣло въ томъ, что Севилья, даже въ самый поздній часъ ночи, только притворяется спящею; она засыпаетъ только съ зарею. Какъ бы поздно ни было, въ самыхъ глухихъ, отдаленныхъ переулкахъ не перестаетъ бродить таинственный шелестъ, въ которомъ чудится вамъ то отдаленный лепетъ и вздохи, то мелодическіе акорды гитары... Въ самомъ воздухѣ, напитанномъ запахомъ лимонныхъ и апельсинныхъ деревъ, проносятся какъ словно какія-то жаркія струи, чье-то страстное дыханіе, которое наполняетъ сердце невѣдомыми до того волненіемъ, желаніями, страстью...

И все это, повѣрьте, не мечты, не выдумки, а дѣйствительность; каждый, кому приводилось быть на югѣ Испаніи, подтвердитъ вамъ, что самъ, лично, испытывалъ обаяніе поэтической жизни, той жизни, которую здѣсь только можно еще встрѣтить.

На другой день меня ни свѣтъ ни заря пробудилъ звонъ колоколовъ; онъ очевидно раздавался не съ колокольни, потомучто дребезжалъ подъ самыми моими окнами; кому же колоколовъ было слишкомъ много и звукъ ихъ слишкомъ былъ тонокъ и молокъ. Я поспѣшилъ вскочить съ постели, отдернулъ занавѣску, отворилъ дверь балкона и выглянулъ на площадь.

Заря только-что занималась, разливая по небу нѣжно-розовый свѣтъ; тотъ же свѣтъ наполнялъ площадь, проходилъ по деревьямъ обрызганымъ росою, окрашивалъ фонтанъ и мраморныя скамьи. По мостовой, между деревьями и зданіемъ фонды, выступала длинная вереница муловъ, навьюченныхъ глиняными красными кувшинами, въ которыхъ по ночамъ привозятъ снѣгъ съ горъ для дневнаго потребленья Севильи; подъ шеей каждаго мула болтался длинный мѣдный колоколъ, имѣвшій видъ опрокинутаго бокала. Звякацье колоколовъ, сухой стукъ подковъ по мостовой, возгласы погонщиковъ далеко раздавались по пустыннымъ улицамъ; городъ еще не пробуждался. На мраморныхъ скамьяхъ подъ деревьями лежали въ растяжку и завернувшись въ плащъ какіе-то молодцы куривціе папироску; они быть можетъ провели здѣсь ночь, не имѣя другого пріюта; быть-можетъ нарочно пришли сюда съ тѣмъ, чтобы встрѣтить первые лучи и погрѣться, tomar el sol, — наслаждаться солнцемъ, — какъ выражаются Испанцы.

Какъ бы сильно ни было впечатлѣніе, которое оставляетъ Се-

Digitized by Google

вилья, — справедливость требуетъ сказать, что городъ собственно играетъ тутъ послѣднюю роль. Испанская поговорка:

Quien no ha visto a Sevilla,
No ha visto à maravilla,

т. е. кто не видалъ Севильи, тотъ не видалъ чуда, справедлива ровно на столько, на сколько относится къ собору, къ національному музею, наполненному драгоцѣннѣйшими картинами севильской школы, къ Алькансару — старому мавританскому дворцу, къ церкви la Caridad, но главное къ собору. Это зданіе не только чудо Испаніи, но чудо Европы. Городъ собственно, — я разумѣю общій видъ домовъ и улицъ, общественныя увеселенья, удобства, окрестности, — не представляетъ ничего особенно поразительнаго. Севилья пересѣчена по всѣмъ направленіямъ тѣсными, извилистыми, узенькими и очень дурно вымощенными улицами. По нимъ круглый день, поминутно скользя и спотыкаясь, проходятъ только вереницы муловъ; рѣдкая изъ нихъ такъ широка, чтобы свободно могла проѣхать карета; поэтому ли, или по другой причинѣ, экипажей здѣсь почти невидно; ѣздятъ только за городъ. По большой части всѣ ходятъ пѣшкомъ; шумная, живая толпа постоянно толкается посреди мостовой. Дома рѣдко превышаютъ два этажа; ихъ акуратно бѣлятъ два или три раза въ годъ; городъ, какъ вообще всѣ испанскіе города, гдѣ мы были, — смотритъ очень чисто. Но известь и щекотурка, проходя одинаково по всѣмъ зданіямъ, отымаетъ у физіономіи города ту живописность, которую вправѣ ожидать каждый особенно отъ старой Севильи; щекотурка и мѣлъ, кромѣ того что нестерпимо ослѣпляютъ глаза, окончательно затерли и замазали лѣпные мавританскіе узоры, слѣды которыхъ и теперь еще кое-гдѣ выступаютъ надъ старыми воротами и по стѣнамъ домовъ частныхъ обывателей; благодаря щекотуркѣ, окончательно сгладилась скульптурная рѣзьба изъ камня и дерева, исчезла живопись, которой такъ недавно еще украшались фасады богатыхъ домовъ.

Съ Жиральды, на которую мы поднялись (съ этого начали мы первыя наши похожденія въ Севильѣ), городъ открывается какъ на ладони: онъ лежитъ посреди совершенно плоской обожженой солнцемъ равнины, которая уходитъ съ одной стороны къ подножію Сіеры-Морены, съ другой пропадаетъ въ золотистомъ знойномъ просторѣ, кой-гдѣ оживленномъ прихотливыми изги-

Digitized by Google

ами Гвадалквивира. Панорама Севильи и ея окрестностей, — даже при всей готовности моей повергнуться въ прахъ передъ нею, — не произвели на меня ожидаемаго эфекта; въ грандіозномъ отношеніи, я ничего не знаю лучше вида Кадиса съ высоты его соборной колокольни.

Не знаю также, что сказать вамъ о столь прославленной Жиральдѣ. Издали, на меня по крайней мѣрѣ, сдѣлала она гораздо больше впечатлѣнія; кромѣ того что воображеніе настроено было столько лѣтъ въ ея пользу, она дѣйствительно очень граціозно рисуется надъ общею массою города и невольно привлекаетъ глазъ розовымъ своимъ колеромъ. Вблизи это ничего больше какъ огромная четырехугольная кирпичная башня, сохранившая блѣдные слѣды арабскихъ лѣпныхъ украшеній вокругъ крошечныхъ рѣлкихъ оконъ, имѣющихъ видъ бойницъ. Свѣдѣнія о томъ, что выстроена она около 1000 года мавританскимъ архитекторомъ аль-Гебóромъ, изобрѣтателемъ будто бы алгебры; что верхніе три яруса, окружонные мраморными галереями, съ крышей увѣнчанной колосальной бронзовой статуей Вѣры, — воздвигнуты гораздо позже, испанскимъ архитекторомъ Франциском Рюйцъ, — интересны для археолога, для историка; художественному чувству до нихъ все равно; оно нимало этимъ не подкупается, потомучто понимаетъ и чувствуетъ только наглядныя, непосредственныя наслажденья.

Самое замѣчательное, по-моему, въ Жиральдѣ, это ея лѣстница; она винтообразно обходитъ снизу вверхъ всю внутренность башни; ступенекъ нѣтъ; она идетъ en pente douce и такъ широка, что два человѣка верхомъ свободно могутъ взобраться до перваго надстроеннаго яруса, гдѣ привѣшены колокола; освѣщается она тѣми маленькими окнами, которыя видны снаружи.

Впрочемъ, при входѣ на Жиральду, послѣ перваго бѣглаго взгляда, все вниманье исключительно отдаешь собору; онъ почти примыкаетъ къ Жиральдѣ, которая служитъ ему колокольней.

Сверху онъ представляется цѣлымъ кварталомъ сѣрыхъ каменныхъ зданій, соединенныхъ въ одно цѣлое. Сначала глазамъ не вѣришь, что всѣ эти терасы, окружонныя каменными балясинами и идущія одна за другою, что это безчисленное множество верхушекъ, сводовъ и каменныхъ куполовъ, что весь этотъ лѣсъ башенъ, готическихъ стрѣлокъ, контрфорсовъ — принадлежитъ одному строенію.

Digitized by Google

Размѣры собора еще болѣе увеличиваются, когда сойдешь внизъ и начнешь оглядывать его у основанія. Въ наружности его нѣтъ и не могло быть одинаковаго обще-характернаго стиля. Онъ начатъ еще арабами; главная часть мечети и теперь совершенно цѣла; она выходитъ на дворъ de los Naranjeros, сохранившій прежнее свое назначеніе сада; цѣлъ даже фонтанъ, гдѣ мусульмане совершали омовеніе; дворъ обсаженъ громадными апельсинными деревьями; они, говорятъ, посажены еще арабами. Въ четырнадцатомъ столѣтіи къ мечети, обращенной въ церковь, начали пристраивать новый храмъ. Соборный причетъ, владѣвшій тогда несмѣтными сокровищами, принесъ въ жертву на постройку его всѣ свои доходы, оставя для себя только необходимое. Такъ опредѣлено было *по обыкновенію*. Основаніемъ плану служила такая мысль: «построить храмъ, какого еще не было на землѣ христіанской, которому бы міръ удивился!» Надо сказать, — цѣль была вполнѣ достигнута. Для выполненія ея конечно много способствовали громадныя средства; но сравнительно съ тѣмъ, что осуществилось, средствъ однихъ было мало; къ такому результату могло только привести религіозное фанатическое увлеченіе, которое тогда вдохновляло каждое отдѣльное лицо и управляло всѣмъ обществомъ. Съ постепеннымъ ослабленіемъ религіознаго чувства въ Испаніи, постройка собора замедлялась и наконецъ вовсе остановилась; теперь, по всей вѣроятности, онъ уже никогда не кончится.

Приподнявъ кожаный фартукъ, которымъ завѣшиваются здѣсь церковныя двери, и войдя во внутренность собора, человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, чувствуетъ себя приплюснутымъ, уничтоженнымъ, превращеннымъ въ муху.

Пять длинныхъ стрѣльчатыхъ сводовъ чистѣйшаго стиля первой эпохи готики, скрещиваясь между собою, составляютъ потолокъ; его поддерживаютъ ряды колонъ, которыя у капителей кажутся тоненькими, между тѣмъ какъ у основанія онѣ толщиною съ башню; средній сводъ высоты необъятной; подъ нимъ свободно могла бы умѣститься Ивановская колокольня; по всей окружности собора, вдоль внутреннихъ стѣнъ, идутъ счетомъ восьмьдесятъ придѣловъ и отдѣльныхъ часовенъ; многіе изъ нихъ могутъ служить большими церквами; въ общей громадѣ размѣровъ, ихъ почти не замѣчаешь. Все это строилось отдѣльными лицами или семействами изъ поколѣнія въ поколѣніе,

Digitized by Google

и стоялось со времени основанія собора до конца прошлаго столѣтія. Тутъ можете вы прослѣдить всевозможныя стили архитектуры, отъ строгаго готическаго до малѣйшаго рококо, который, попавъ подъ руку испанскимъ художникамъ, превзошелъ богатствомъ орнаментаціи и фантазіей всѣ границы самаго необузданнаго воображенія. Скульптурныя изображенія сценъ ветхаго и новаго завѣта и святыхъ изъ бронзы, кости, серебра, мрамора и дерева; рѣзьба изъ всевозможныхъ камней и деревъ; колонны, карнизы и фронтоны изъ порфира, яшмы, хрусталя, мрамора и обожженной расписной глины; мозаика и рѣдкія картины, — украшаютъ безчисленныя ниши и выступы этихъ придѣловъ; престолы ихъ устаблены кромѣ того распятіями, маленькими статуйками, драгоцѣнными подсвѣчниками, складнями, дарохранительницами, цвѣтами въ вазахъ самой тонкой, художественной работы. Стѣны между этими отдѣльными часовнями украшены статуями, барельефами и картинами первоклассныхъ живописцевъ и скульпторовъ Испаніи; тутъ между прочимъ и знаменитый св. Антоній падуанскій Мурильо, — картина, которую многіе считаютъ лучшимъ его произведеніемъ.

Но желаніе дать обо всемъ этомъ хотя даже приблизительное понятіе, было бы безумiемъ. Бывая здѣсь каждый день продолженіе круглаго года, все-таки невозможно всего пересмотрѣть. Умъ теряется, голова идетъ кругомъ при одномъ воспоминаніи такого страшнаго изобилія чудесъ искусства; они разсыпаны здѣсь съ тою невѣроятною щедростью, о которой могутъ дать понятіе однѣ развѣ церкви Италіи и Сициліи.

Соборъ освѣщается восьмидесятью тремя окнами, расписанными сюжетами изъ священнаго писанія; живопись принадлежитъ лучшей эпохѣ процвѣтанія живописи на стеклѣ; оригиналами служили рисунки первыхъ итальянскихъ, нѣмецкихъ и испанскихъ мастеровъ времени возрожденія. Такъ какъ окна расположены на значительной высотѣ и обходятъ вокругъ внутреннія стѣны, — солнце освѣщаетъ ихъ поперемѣнно, проходя свой дневной кругъ. Въ какое время ни войдешь въ соборъ, лучи солнца, пронизывая съ той или другой стороны окна и окрашиваясь яркими цвѣтами, спускаются радужными полосами въ сумрачный полусвѣтъ величаваго зданія; изламываясь на прихотливыхъ, мелкихъ граняхъ колонъ, проходя сквозь облака ладона, закрадываясь въ глубокіе смуглые барельефы и завитки изъ

Digitized by Google

дерева, захватывая мѣстами мозаику и позолоту, — бросая пестрыя пятна на каменныя плиты пола съ изображеніемъ гербовъ и надписей, на живописныя группы преклоненныхъ молельщиковъ, — лучи эти дополняютъ магическій эффектъ собора, невольно приводятъ самаго равнодушнаго зрителя къ ощущенію чего-то близкаго экстазу.

На мои глаза, главное чудо этого общаго чуда — это иконостасъ (retablo) и хоръ, — мѣсто, гдѣ органъ и куда во время службы собирается причетъ для пѣнія псалмовъ и молитвъ. Они расположены другъ противъ друга и занимаютъ середину главнаго свода.

Retablo отгороженъ высокой бронзовой рѣшоткой во вкусѣ богатѣйшаго renaissance; за нею, во всю ширину свода, отъ колонъ до колонъ идутъ мраморныя ступени, оканчивающіяся площадкой; тутъ главный престолъ. Глаза ослѣпляются звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, мерцаніемъ огней сотенъ паникадилъ, блескомъ налоевъ шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоцѣнной по работѣ, сколько по цѣнности. За престоломъ, все пространство между колонами замыкается иконостасомъ, который въ вышину равняется высотѣ свода. Онъ весь изъ дерева; ряды барельефовъ идутъ одинъ за другимъ; о числѣ ихъ можете судить уже потому, что на retablo изображенъ весь ветхій и новый завѣтъ; каждый барельефъ обрамленъ широкой деревянной рѣзной каймою, взрытой какъ медовый сотъ, покрытый херувимчиками, фигурами, ангелами, святыми; все это путается съ листьями, плодами, орнаментами, фантастическими химерами; страшное богатство воображенія озадачиваетъ не менѣе чѣмъ самое выполненіе; каждый узоръ рѣзца показываетъ сознательнаго, сильнаго мастера; ничтожнѣйшая мелочь пройдена съ любовью, а между тѣмъ все бойко, смѣло, свободно отъ рутины, дышетъ чѣмъ-то индивидуальнымъ, проникнуто огнемъ истиннаго вдохновенья. Барельефы, въ которыхъ фигуры вышиною около аршина, выполнены чуть ли еще не съ большимъ мастерствомъ.

Хоръ точно также весь деревянный. Вы входите въ замкнутое пространство, открытое только сверху; оно вокругъ испещрено высокими монументальными сѣдалищами, усыпанными изящнѣйшей рѣзьбою; все что только могла придумать готика, все что присоединило къ ней потомъ пламенное воображеніе испанскихъ

Digitized by Google

одеяніяхъ, является здѣсь въ самомъ полномъ, самомъ пышномъ видѣ. Толстые томы гравюръ, десятки тысячъ фотографій, цѣлыя коллекціи гипсовыхъ слѣпковъ конечно не передадутъ вамъ невѣроятное изобиліе этихъ деталей, которыя при безконечномъ разнообразіи формъ сливаются все-таки въ одно гармоническое, очаровательное цѣлое.

Глядя на такія работы, невольно падаешь духомъ, когда мысленно перенесешься къ тому, что теперь производится въ томъ же родѣ...

Искусство рѣзьбы изъ дерева, не мѣшаетъ замѣтить, неотъемлемо принадлежитъ Испаніи; оно процвѣтало здѣсь съ незапамятныхъ временъ и вѣроятно перешло вмѣстѣ съ испанцами во Фландрію. Въ рѣдкой деревенской церкви не встрѣчаются здѣсь хорошіе образчики скульптуры изъ дерева. Лучшіе художники, Берруэтъ, ученикъ Микель-Анжело и основатель мадритской школы, Бехера, Алонзо-Кано и другіе не пренебрегали деревомъ; изъ такого рода произведеній нерѣдко встрѣчаются здѣсь истинные chefs-d'œuvre.

Надъ хорами возвышается одинъ изъ самыхъ большихъ католическихъ органовъ; трубы его, толстыя какъ колонны, украшены также деревянной рѣзьбою. Въ хорѣ участвуетъ болѣе ста-пятидесяти человѣкъ, не считая сотни дѣтей, которые подтягиваютъ дискантомъ, занимаясь въ тоже время перелистываніемъ пудовыхъ нотныхъ книгъ, воздвигнутыхъ на вертящіяся скульптурныхъ налояхъ.

Случалось, въ это самое время войдешь въ соборъ: человѣческіе голоса и звуки органа теряются въ отдаленьи; прислушиваешься — точно поютъ нѣсколько серафимовъ, которые спрятались гдѣ-нибудь подъ завиткомъ или гранью въ неизмѣримой вышинѣ главнаго свода.

Между хоромъ и retablo возвышается бронзовый подсвѣчникъ; его примешь сначала за памятникъ, поставленный надъ могилой какого-нибудь важнаго прелата; онъ служитъ поддержкою восковой свѣчки, въ которой двѣ тысячи пятьдесятъ фунтовъ вѣсу: это цѣлая мачта! Въ годъ сожигается въ соборѣ двадцать тысячъ фунтовъ воску и столько же фунтовъ масла; краснаго вина на совершеніе тайны причащенія выходитъ до восьмнадцати тысячъ литровъ; всякій день въ восьмидесяти придѣлахъ происходитъ до пятисотъ службъ. Поэтому

Digitized by Google

предоставляю вамъ сдѣлать окончательный выводъ о размѣрахъ севильскаго собора. Размѣрамъ этимъ, надо замѣтить, отвѣчаетъ богатство сокровищъ, которыя намъ показывали въ ризницѣ: здѣсь буквально нагромождены горы золота, серебра, жемчуга и драгоцѣнныхъ камней; мы видѣли между прочимъ огромныя часовни и модели храмовъ изъ золота и серебра; ихъ выносятъ иногда во время церковныхъ процессій; одно изъ нихъ помѣщается на особыхъ народныхъ носилкахъ, которыя могутъ поднять не менѣе сорока человѣкъ. Рѣзные шкафы, обступающіе кругомъ стѣны ризницы, биткомъ набиты драгоцѣнною утварью и ризами, которымъ цѣны нѣтъ. Словомъ, описать соборъ и все что въ немъ заключается, невозможно; повторяю вамъ; при одномъ воспоминаніи голова идетъ кругомъ и мысли путаются!

Чтобы разомъ покончить съ архитектурой и художествами, попрошу васъ на минуту въ бывшую монастырскую церковь de la Caridad; монастырь превращенъ теперь въ городскую больницу. Уже причина, которой церковь обязана своимъ существованіемъ, сама по себѣ интересна: ее выстроилъ кто бы вы думали? — выстроилъ ее донъ-Хуанъ де Марана, — тотъ самый донъ-Хуанъ, который, справедливо или нѣтъ, пользуется нѣсколько столѣтій извѣстностью перваго волокиты, гуляки, развратника и безбожника. Вотъ что разсказываетъ о немъ легенда по поводу церкви la Caridad: разъ ночью донъ-Хуанъ возвращался съ пирушки въ самомъ веселомъ настроеніи духа; на поворотѣ въ темную улицу, слухъ его былъ пораженъ унылымъ, протяжнымъ пѣніемъ; онъ остановился; голоса приближались. Вскорѣ изъ-за угла показалась погребальная процессія; впереди шли въ два ряда монахи съ зажженными свѣчами, освѣщавшими ихъ коричневые капоры, съ дырами прорѣзанными для глазъ; позади несли покойника. — «Кого хоронятъ?» спросилъ донъ-Хуанъ. — «Донъ-Хуана де Марана!» гробовымъ голосомъ отозвались монахи. Такой отвѣтъ нѣсколько озадачилъ гуляку; онъ подошолъ еще ближе и повторилъ свой вопросъ. — «Хоронимъ донъ-Хуана, повторили въ свою очередь монахи: — послѣдуйте за нами, почтенный caballero, помолитесь за упокой грѣшной души его!..» Донъ-Хуанъ взглянулъ въ лицо покойника; такъ какъ въ Испаніи покойниковъ носятъ съ открытымъ лицомъ, донъ-Хуану легко было убѣдиться, что покойникъ дѣйствительно былъ никто

Digitized by Google

другой, какъ его собственная особа. «Странно!!» подумалъ отрезвившійся волокита. Не произнося слова, онъ присоединился къ шествію и вошолъ въ церковь; тутъ присутствовалъ онъ при отпѣваніи и погребеніи самого себя. На другой день его нашли лежащаго въ обморокѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила погребальная церемонія. Это обстоятельство такъ сильно подѣйствовало на донъ-Хуана, что онъ вполнѣ раскаялся, постригся въ монахи и пожертвовалъ все свое состоянье на постройку церкви, теперешней de la Caridad.

Церковь великолѣпна; тутъ во всей своей ослѣпительной роскоши является соединеніе всѣхъ возможныхъ мотивовъ итальянскаго renaissance съ французскимъ *рококо*, — стиля, который особенно часто украшаетъ храмы Испаніи; его зовутъ здѣсь plateresco; бѣлыя стѣны храма наполовину исчезаютъ подъ позолотою орнаментовъ. Здѣсь находятся двѣ знаменитыя картины Мурильо: умноженіе хлѣбовъ и Моисей исторгающій воду изъ скалы. Хотя картины эти по величинѣ чуть ли не самыя большія произведенія художника (во второй восьмнадцать фигуръ въ натуру), но обѣ повѣшены такъ высоко, что вполнѣ насладиться ими можно только съ помощью бинокля. Въ той же церкви у входа видѣлъ я страшную картину Хуана-Вальдеса: изъ темнаго фона выступаютъ на первый планъ два трупа, лежащіе одинъ противъ другого; они въ состояніи полнаго гніенія; кожа мѣстами раздулась и позеленѣла, мѣстами треснула, сползла и пропускаетъ міріады бѣлыхъ червей съ красными головками; одинъ трупъ въ порфирѣ и коронѣ; другой въ тіарѣ и парадномъ папскомъ облаченіи; у ногъ ихъ навалены въ безпорядкѣ скипетръ, регаліи, короны, груды золота; знаки земного отличія поставлены здѣсь въ контрастъ неизбѣжному отвратительному жизненному концу, который всѣхъ уравниваетъ.

Нельзя кажется придумать менѣе симпатическаго сюжета; прибавьте еще къ тому страшную пластическую правду выполненія. Но живопись такое многостороннее искусство, что даетъ долю эстетическаго наслажденья уже тогда, когда хотя одно изъ его условій превосходно выполнено; письмо Хуана Вальдеса такъ великолѣпно, исполнено такого смака, такой жизненности, что независимо отъ сюжета, противъ воли все-таки отрываешься отъ картины.

Не могу утерпѣть, чтобы не упомянуть о колоссальномъ дере-

Digitized by Google

нашемъ барельефѣ, который поставленъ здѣсь вмѣсто запростопнаго образа. Девять фигуръ въ ростъ окружаютъ Спасителя, только-что снятаго съ креста. Вы представить себѣ не можете, какая поражающая сила въ выраженіи лицъ: слѣды страданій, начертанные не только въ лицѣ Христа, но въ сжатыхъ мускулахъ его тѣла, даже на самой кожѣ, мѣстами висящей лоскутьями; все это однакожъ, по мнѣнію художника, было слишкомъ еще слабо для полноты впечатлѣнія; онъ расписалъ барельефъ красками, и такъ натурально, что, готовъ побожиться, видишь передъ собою живыхъ людей. Такихъ скульптурныхъ произведеній много въ церкви la Caridad. Намъ показывали деревянную статую Спасителя, изображеннаго въ ту минуту, какъ онъ привязанъ къ позорному столбу; глядя на эту статую, также расписанную, невольно замираетъ сердце и духъ захватываетъ; Христосъ стоитъ совершенно какъ живой; кожа виситъ клочьями, обнажая мѣстами кости колѣнъ и ребра; кровь льется ручьями по лицу и одеждѣ; стекла рубиноваго цвѣту вставлены тамъ, гдѣ кровь запеклась или остановилась въ видѣ капли; помутившіеся глаза, которымъ художникъ далъ выраженье страданья, котораго ввѣкъ не забудешь, — сдѣланы для большей вѣрности изъ цвѣтного эмаля; они смотрятъ изъ-подъ темныхъ впадинъ, осыпанныхъ прядями *натуральныхъ волосъ;* волоса въ свою очередь вырываются изъ-подъ *настоящаго* терноваго вѣнца...

Такія изображенія на каждомъ шагу попадаются въ Испаніи. Здѣсь реализмъ въ искусствѣ дошолъ до крайнихъ своихъ предѣловъ. Стремленіе къ натуральному, все равно въ какомъ бы отвратительномъ видѣ оно ни представлялось, составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ испанскаго художества. Кроткій идеалъ, вдохновлявшій итальянскихъ живописцевъ и скульпторовъ XV, XVI вѣка, проникалъ сюда, по повидимому въ то время никого не увлекъ, никого не тронулъ; не того искало пламенное, необузданное воображеніе испанца: разжигаемое безуміемъ религіознаго фанатизма, оно могло находить удовлетвореніе только въ потрясающихъ эфектахъ, въ такихъ произведеніяхъ искусства, которыя не только льстили, но если можно, усиливали бы въ немъ фанатическое настроеніе духа. Художникамъ легко было достигнуть такой цѣли; они стремились къ ней столько же по собственному чувству, сколько вслѣдствіе напра-

Digitized by Google

вленія данпаго исскуству духовной инквизиціей; она находила свою выгоду поддерживать фанатизмъ: это было удобнѣйшее средство управлять народомъ по своему произволу.

Послѣ картинъ, имѣющихъ предметомъ пытки, истязанія монаховъ, забивающихъ себя до смерти камнемъ въ грудь и т. д., съ большимъ еще умиленіемъ останавливаешься и отдыхаешь сердцемъ передъ головками мадонъ и ангеловъ Мурильо. Глядя на нихъ, не ощущаешь того тяжолаго гнета, который невольно ложится на душу передъ мрачными картинами большой части его соотечественниковъ. Въ религіозныхъ произведеніяхъ Мурильо грозная, ужасающая сторона религіи замѣнена сердечной, человѣческой, любящей, которая собственно составляетъ главный смыслъ христіанскаго ученія. Доброта, кротость, милосердіе были идеалами Мурильо; такими чувствами по крайней мѣрѣ проникнуты всѣ лица его картинъ священнаго содержанія; не потому ли онѣ такъ намъ и симпатичны, что самый идеалъ художника всѣмъ доступнѣе?..

Бѣда да и только! Эта Севилья заключаетъ въ себѣ такое изобиліе художественныхъ сокровищъ, что право не знаешь на что рѣшиться: упомянуть ли только о самомъ значительномъ, или ужь лучше сряду пропустить все художественное, такъ какъ дѣло здѣсь собственно въ бѣгломъ очеркѣ путевыхъ впечатлѣній? Послѣднее по-моему благоразумнѣе. Съ другой стороны на каждомъ шагу встрѣчаются здѣсь такія рѣдкости, что право совѣстно какъ-то пройти ихъ молчаніемъ. Можно ли напримѣръ слова не сказать объ Алькансарѣ, мавританскомъ дворцѣ, недавно еще возобновленномъ стараніями герцога Монпансье?.. Рѣшаюсь однакожъ умолчать о немъ, хотя бы даже изъ чувства уваженія къ нему же самому. Тутъ цѣлыми страницами ничего не скажешь; не передашь даже приблизительнаго понятія читателю, незнакомому напримѣръ вовсе съ архитектурою арабовъ. Читатель не бывшій въ Испаніи, но интересовавшійся когда-нибудь ея арабскими памятниками, по всей вѣроятности давно уже перечелъ все что говорится о нихъ въ книгахъ Віардо, Боткина, Готье и другихъ болѣе спеціальныхъ сочиненіяхъ. Къ тѣмъ же источникамъ пусть обратятся всѣ тѣ, кого особенно занимаетъ національный музей Севильи (el museo provincial, какъ сказано въ каталогѣ). Исторію испанской живописи, точно также какъ біографію художниковъ, найдете вы у Рачинскаго и Віардо; Бот-

Digitized by Google

кинъ такъ прекрасно опредѣлилъ поэтизмъ мурильевской живописи, такъ вѣрно и тонко объясняетъ его стиль и манеру, что пришлось бы только повторять его слова говоря о великомъ живописцѣ.

Музей самъ по себѣ, какъ архитектурное зданіе, а также и въ отношеніи внутренняго декоративнаго устройства, не заслуживаетъ особеннаго вниманія. Снаружи мрачныя старинныя стѣны; внутри тѣ же гладкія стѣны. Здѣсь весь интересъ и роскошь сосредоточиваются въ картинахъ. Такъ напримѣръ вы входите въ длинную большую залу съ темнымъ закоптѣлымъ потолкомъ и паутинами во всѣхъ углахъ; стекла огромнаго итальянскаго окна въ глубинѣ очевидно немыты съ того дня, какъ зданіе перестало быть монастыремъ; полъ выстланъ кирпичемъ, весь потрескался и покрытъ пылью; но въ этой залѣ счетомъ девятнадцать запрестольныхъ картинъ Мурильо (*). Можете судить, что могло бы ожидать здѣсь зрителя, еслибъ картины эти были хорошо освѣщены и обставлены болѣе достойнымъ образомъ! По-моему перлъ этого драгоцѣннаго собранія — св. Феликсъ, подносящій Христа-младенца Богородицѣ. Не знаю, чтобы кисть Мурильо произвела что-нибудь совершеннѣе; здѣсь полотно, краски, словомъ матерьяльныя части живописнаго искусства окончательно какъ бы исчезли; передъ вами открывается воздушное квадратное пространство, въ которомъ клубятся легкія

(*) 1. Богородица и преклоненный передъ нею св. Августинъ.
2. Зачатіе пресвятой Дѣвы (въ томъ же родѣ какъ у насъ въ эрмитажѣ).
3. Св. Леандръ и Бонавентура.
4. Рожество спасителя.
5. Св. Филипъ (de Cantalicio), подносящій Христа-младенца Богородицѣ.
6. Св. Ѳома (de Villanueva), раздающій милостыню нищимъ.
7. Св. Юста и св. Руфина, поддерживающія модель Жиральды.
8. Св. Антоній падуанской и Христосъ-младенецъ, являющійся на библіи.
9. Зачатіе пресв. Дѣвы; надъ нею Богъ-отецъ и сонмъ ангеловъ.
10. Тотъ же сюжетъ.
11. Благовѣщеніе.
12. Христосъ на крестѣ и св. Францискъ.
13. Св. Феликсъ (de Cantalicio); поясная фигура съ Христомъ-младенцемъ на рукахъ.
14. Св. Іоаннъ-креститель.
15. Богородица съ Христомъ-младенцемъ.
16. Тотъ же сюжетъ.
17. Ангелъ, поддерживающій тѣло Христово.
18. Богородица съ Христомъ-младенцемъ на рукахъ.
19. Іосифъ съ Христомъ-младенцемъ на рукахъ.

Digitized by Google

облака, насквозь проникнутыя свѣтомъ; слѣва, въ бѣлой развѣвающейся одеждѣ тихо спускается Богородица; прелестное кроткое лицо ея освѣщается невидимыми небесными лучами; справа, внизу, на едва примѣтномъ клочкѣ земли, стоитъ на колѣнахъ святой; лицо его, опрокинутое назадъ, исполнено восторженнаго умиленья; вся душа перешла кажется въ полные сладкихъ слезъ глаза, устремленные къ дивному видѣнію; руки его, простертыя впередъ, покрыты бѣлымъ покровомъ; на немъ спящій Христосъ-младенецъ. Картина особенно тѣмъ еще замѣчательна, что въ ней кромѣ поэзіи и прелести выраженья, еще менѣе выказывается условнаго, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ Мурильо; она очевидно написана въ минуты самаго горячаго вдохновенья. Сюжетъ, взятый вѣроятно изъ мѣстной легенды и нимало не трогающій современнаго зрителя, подтверждаетъ только то, что мы сказали по поводу картины Хуана-Вальдеса: въ живописи, болѣе чѣмъ въ другомъ пластическомъ искусствѣ, главное дѣло не столько въ содержаніи, сколько въ поэтическомъ чувствѣ художника и потомъ въ совершенствѣ техническихъ условій.

Но чудеса искусства сами по себѣ; какъ бы велика ни была жадность къ картинамъ, статуямъ и вообще предметамъ художества, является наконецъ минута пресыщенья; нервы утомляются, падаютъ и требуютъ отдохновенія. Но даже и мимо искусствъ нѣтъ города, гдѣ бы время проходило такъ пріятно, какъ въ Севильѣ. Не знаю, въ какой степени развита въ ней общественная жизнь и на сколько удовлетворяется ею постоянный житель; но путешественникъ, который пріѣзжаетъ сюда на три-четыре недѣли, который радъ уже, если можетъ познакомиться съ внѣшней обстановкой, у котораго нѣтъ времени подсмотрѣть изнанку и тѣмъ самымъ можетъ-быть испортить свѣжесть первыхъ впечатлѣній, — такой путешественникъ ни въ какомъ случаѣ не соскучится въ Севильѣ. Мы прожили по крайней мѣрѣ такъ пріятно, какъ ни въ какомъ другомъ городѣ Европы.

Утро начиналось всегда съ того, что отправившись бродить по городу безъ цѣли, куда глаза глядятъ; зайдешь обыкновенно въ соборъ, Алькасаръ, музей la Caridad или другую церковь; часто, сюда привлечетъ не столько чувство изящнаго, сколько попросту желаніе отдохнуть. Я уже сказалъ, что Севилья, какъ городъ, не представляетъ ничего особенно великолѣпнаго; а между

Digitized by Google

тѣмъ нигдѣ не фланируешь съ такимъ наслажденіемъ. Любопытство постоянно на-сторожкѣ, ни на секунду не усыпляется; на всемъ здѣсь такая печать своеобразности, такъ все непохоже на Европу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря солнцу и небу, благодаря инстинктивному чувству изящнаго, свойственному южнымъ народамъ,—все является здѣсь въ такомъ картинномъ, живописномъ видѣ, что самое фланерство получаетъ свой процентъ эстетическаго наслажденія.

По цѣлымъ часамъ засматриваешься иногда въ голубую тѣнь, падающую отъ старой стѣны, гдѣ толпа смуглыхъ, кудрявыхъ, черномазыхъ muchachos (мальчишекъ) скачутъ и возятся какъ чертенята, играя въ toros. Взявшій на себя роль быка подражаетъ съ необыкновеннымъ искусствомъ всѣмъ пріемамъ и движеніямъ разъяреннаго животнаго; другіе, кто сидя верхомъ на палочкѣ, кто съ клочкомъ бумаги или листомъ лапуха въ рукѣ, прыгаютъ вокругъ, представляя пикадоровъ и banderillos. Наконецъ, подбоченясь съ комическою важностью, выступаетъ матадоръ; бычекъ бросается впередъ, и въ ту же секунду падаетъ къ ногамъ матадора при громкихъ возгласахъ всѣхъ остальныхъ ребятишекъ; нерѣдко къ тоненькому голоску дѣтей присоединяется богатырской басъ взрослаго человѣка: проходя мимо, онъ не могъ не остановиться, а подконецъ и самъ увлекся. Мѣстами поднятый коверъ наружной двери позволяетъ любоваться patio съ его милой, граціозной обстановкой: цвѣтами, фонтаномъ и женщинами, играющими вѣеромъ. Мѣстами вниманіе останавливается на группѣ нищихъ; выразительность лицъ, позы, живописность лохмотьевъ, охваченныхъ яркими переливами солнца и тѣни, объясняютъ, отчего даже идеальный Мурильо не могъ противиться обольщенію и бралъ иногда нищихъ оригиналомъ для своихъ картинъ.

Иногда отправлялись мы въ отдаленнѣйшія части города, заходили въ Тріану, — кварталъ, слывшій когда-то самымъ опаснымъ угломъ чуть ли не всей Андалузіи. Населеніе Тріаны, состоявшее преимущественно изъ цыганъ (gitanos), наполнялось еще людьми самаго сомнительнаго промысла. Теперь Тріана интересна только по воспоминаніямъ; на улицахъ ея, лишонныхъ мостовой, взбудораженныхъ точно послѣ землетрясенія и обставленныхъ жалкими низенькими мазанками, поросшими репейникомъ и алоэ; изрѣдка развѣ встрѣтишь оборванное цыганское семейство, ко-

Digitized by Google

торое варитъ что-то въ котелкѣ у входа въ жилище. Къ уничтоженію опаснаго населенія Тріаны нимало однакожъ не содѣйствовало правительство; оно здѣсь не на столько заботливо и предусмотрительно. Какъ мы ни распрашивали, никто не могъ сказать, отчего Тріана годъ отъ году пустѣетъ.

Гвадалквивиръ отдѣляетъ предмѣстье отъ города; чтобы съѣздить въ Севилью, надо перейти каменный мостъ и миновать большую площадь; ее замыкаютъ справа набережная и городская стѣна; слѣва площадь открывается на Кампанію, въ которой величаво рисуются арки римскаго водопровода. Площадь эта съ утра до вечера, не выключая часовъ сіесты, постоянно полна народомъ; здѣсь торгуютъ съѣстными припасами и тѣми мелкими обиходными предметами, которые составляютъ потребность простого класса; здѣсь также продаютъ и пробуютъ лошадей, ословъ и муловъ; посреди шумнаго, непонятнаго говора, неразъ приходилось слышать знакомыя слова цыганскаго языка, которыя удавалось прежде слышать въ Зарайскѣ или Серпуховѣ. Громадныя досчаныя телѣги съ сѣномъ и запряженныя парою воловъ, длинныя цѣпи разукрашенныхъ муловъ съ перекидными плетеными корзинами, наполненными овощами, арбузами, виноградомъ, гранатами и кувшинами; гурты гусей и свиней, собаки и лошади,—все это снуетъ и движется въ страшномъ безпорядкѣ посреди толпы, которая повидимому нимало этимъ не стѣсняется. Тутъ можно увидѣть костюмы всѣхъ провинцій Андалузіи и Каталоніи. Не знаешь куда дѣваться отъ суеты и гаму, отъ оборванныхъ muchachos, которые кричатъ надъ самымъ ухомъ: «Fuego! fuego!» предлагая огонь въ мѣдныхъ тазахъ съ угольями; отъ продавцовъ воды, которые тутъ же голосятъ во всю силу легкихъ: «Agua! agua gelato! Quien quiere agua fresquita?»

При всей своей безпорядочной суетѣ, толпа эта, надо замѣтить, ведетъ себя необыкновенно прилично; причина того трезвость и еще та вынужденная осторожность и учтивость въ обращеніи другъ съ другомъ, о которой я говорилъ выше. О кабакахъ здѣсь нѣтъ помину; ихъ замѣняютъ такъ называемые refrescos, лавочки, гдѣ за самую ничтожную плату можно получить порцію снѣгу съ лимоннымъ сокомъ или стаканъ холодной воды, въ который для вкуса опускается кусокъ отвердѣлой сахарной пѣны, весьма схожій съ нашими кондитерскими безе. Во всю мою

Digitized by Google

бытность въ Испаніи, разъ только случилось видѣть пьянаго: толпа muchachos, взрослыхъ мужчинъ и женщинъ шла за нимъ, сопровождая каждый его шагъ свистомъ и насмѣшками; изъ оконъ высовывались головы любопытныхъ; при видѣ пьянаго, мужчины начинали свистать и лаять пособачьему.

Фланерство наше, надо правду сказать, не всегда однакожъ было безъ цѣли; мы только почему-то тщательно иногда скрывали ее другъ отъ друга. Случалось напримѣръ, что каждый изъ насъ выразитъ желаніе отдѣлиться отъ общества и идти самъ по себѣ; прекрасно; всѣ соглашаются; разойдутся въ разныя стороны и потомъ, часъ спустя, смотришь — всѣ сошлись пожалуй хоть бы въ дверяхъ сигарной фабрики. Сигарныя фабрики чаще другихъ мѣстъ Севильи служили пунктомъ такихъ неожиданныхъ столкновеній. Дѣло въ томъ, что здѣсь, въ одной залѣ работаетъ до пятисотъ молоденькихъ дѣвушекъ; изъ нихъ бездна хорошенькихъ; все это поетъ, болтаетъ, смѣется и куритъ; онѣ курятъ сколько хотятъ, съ тѣмъ чтобы не уносить табаку изъ фабрики. Cigarèra совершенно особенный типъ; онъ соотвѣтствуетъ прежнему типу парижской гризетки; въ многочисленномъ классѣ женскаго населенья Севильи только сигареры сохранили національный костюмъ: онѣ являются по праздникамъ въ коротенькой баскинѣ, корсажѣ обнажающемъ плечи и съ широкими рукавами, усыпанными блестками; вечеромъ, на всѣхъ площадяхъ и прогулкахъ вы ихъ встрѣтите съ сигарою во рту и вѣеромъ, который быстро переходитъ изъ одной руки въ другую; онѣ гуляютъ небольшими групами; въ нѣсколькихъ шагахъ непремѣнно слѣдуютъ лихіе, щегольски одѣтые majos; случалось впрочемъ встрѣчать и русскихъ.

Нѣтъ кажется города въ мірѣ, гдѣ бы встрѣчалось на каждомъ шагу столько случайностей, такое разнообразіе ощущеній и такіе контрасты, какъ въ Севильѣ; оттого-то именно онъ такъ и дорогъ фланеру. Не успѣешь отвести глазъ отъ крупы веселыхъ хорошенькихъ cigareros, — и вдругъ наталкиваешься на зрѣлище, отъ котораго замираетъ сердце отъ ужаса, и въ волосахъ пробѣгаетъ озноб: мимо васъ проносятъ окровавленнаго человѣка, который бьется въ предсмертныхъ судорогахъ; сейчасъ за сосѣднимъ домомъ онъ сдѣлался *жертвой раздраженной руки*, то-есть попросту его хватили ножомъ; крикъ, шумъ, смятенье мгновенно наполняютъ улицу. Нѣсколько шаговъ далѣе, снова

Digitized by Google

мертвая тишина; и вдругъ изъ-за угла, на поворотѣ, васъ неожиданно оглушаютъ веселые звуки военной музыки. — Что это? спрашиваешь. — Церковная процессія!..

Первый разъ какъ застигнулъ меня на улицѣ такой неожиданный музыкальный концертъ, — я поспѣшилъ прижаться къ стѣнѣ, нимало не сомнѣваясь, что навстрѣчу идетъ батальонъ или полкъ солдатъ. Ничуть не бывало! Музыканты, игравшіе какой-то вальсъ, служили авангардомъ церковной процессіи. За музыкантами, въ нѣсколько рядовъ и въ полномъ облаченіи выступало духовенство; подъ фіолетовымъ бархатнымъ балдахиномъ, украшеннымъ кистями, золотымъ шитьемъ и страусовыми перьями, тяжело пыхтѣлъ и переваливался старый жирный попъ, съ глазами неподвижно, насильственно какъ-то опущенными къ землѣ; вокругъ суетились мальчики въ бѣлой одеждѣ, державшіе зажженныя свѣчи или махавшіе во всѣ стороны куривщимися кадилами; далѣе, ярко пестрѣли и сверкали на солнцѣ хоругви, серебряные рѣзные фонари, воздвигнутые на цвѣтныхъ шестахъ, изображенія церквей и башень, или возвышалась на богатыхъ носилкахъ деревянная крашеная мадона съ вѣнкомъ розъ на головѣ и одѣтая въ пышное бальное платье съ безчисленнымъ множествомъ кружевныхъ воланов; за ними гнусливо, но во весь голосъ и совершенно въ разладъ пѣли пѣвчіе; шествіе замыкалось новыми нескончаемыми рядами духовныхъ лицъ въ полной парадной одеждѣ. Все это было очень живописно и даже эффектно если хотите, но ради чего это дѣлалось, рѣшительно не могу объяснить себѣ.

Сколько я могъ замѣтить при встрѣчѣ съ такими процессіями, испанцы не только не умиляются ими, но остаются къ нимъ совершенно равнодушными; мало того, не обращаютъ даже на нихъ почти никакого вниманія. Процессія состоитъ иногда болѣе чѣмъ изъ двухсотъ лицъ духовенства, а между тѣмъ ее сопровождаютъ нѣсколько нищихъ старухъ и толпа muchachos; послѣднихъ очевидно привлекаетъ только музыка.

Впослѣдствіи разговоры, а также и то, что приводилось самому видѣть, окончательно убѣдили меня, что Испанія, слывшая когда-то самой религіозной страной католическаго міра, — теперь наоборотъ, едва ли не самая равнодушная къ религіи.

Причина этого очевидна: она вся въ дѣйствіяхъ самого духовенства, которое въ свое время перешло здѣсь всевозможные

предѣлы власти и злоупотребленій. Впадая въ крайности, свойственныя пылкимъ народамъ, испанцы перерѣзали монаховъ своихъ, какъ только перестали ихъ бояться. Бѣлое духовенство уцѣлѣло какимъ-то чудомъ; не потому ли можетъ-быть, что слишкомъ уже презиралось народомъ? Надо видѣть, съ какимъ восторгомъ встрѣчаются въ театрѣ сцены, гдѣ смѣются надъ духовенствомъ, пародируютъ духовныхъ лицъ и комически распѣваютъ «de profundis». И все это происходитъ какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ спустя послѣ уничтоженія инквизиціи, которая, въ ханжескомъ усердіи своемъ поддержать вѣру, пережгла, перерѣзала и передушила болѣе десяти мильоновъ человѣкъ испанскаго народа. Нечего сказать, цѣль славно достигнута!

Иногда, уговорившись наканунѣ, мы вставали часовъ въ шесть-семь утра и дѣлали поѣздки за городъ. Разъ даже заѣхали мы очень далеко. Не знаю кто-то сообщилъ Б. Т., что верстахъ въ пятнадцати отъ Севильи, въ мѣстечкѣ Alcala, превосходная охота съ ружьемъ; тамъ, увѣряли, въ такомъ страшномъ изобиліи водились въ это время куропатки, что можно было стрѣлять ихъ дюжинами почти не сходя съ мѣста. Б. Т. страстный охотникъ; судите, что съ нимъ сдѣлалось послѣ такого извѣстія. Мы пробовали было его успокоить, совѣтовали справиться, такъ ли дѣйствительно было какъ разсказывали, выставляли ему на видъ всѣмъ извѣстное свойство андалузцевъ, — свойство, которое вѣроятно недаромъ заслужило имъ названіе испанскихъ гасконцевъ, — ничего не помогало; мы все равно что толкли воду. Ясно слѣдовательно, приходилось сдѣлать уступку въ его пользу. Что прикажете дѣлать съ человѣкомъ, который нешутя видѣлъ высочайшую степень земного блаженства въ томъ, чтобы подстрѣлить куропатку въ Андалузіи! Мы согласились ему сопутствовать и рѣшили завтра же чѣмъ-свѣтъ съѣздить въ Алкалу.

Въ тотъ же вечеръ Жіованни (гидъ фонды de Paris), сопровождаемый своимъ неизбѣжнымъ бѣлымъ пуделемъ, отправился заказывать лошадей и экипажъ; послѣдній предназначался тѣмъ изъ насъ, которые наотрѣзъ объявили, что скорѣе согласятся проѣхать лошадь подъ мышкою до Алкала, чѣмъ проскакать на ней пятнадцать верстъ верхомъ.

Часовъ въ шесть мы были на ногахъ и выходили изъ дверей нашей фонды. Жіованни и еще три человѣка въ коричневыхъ

Digitized by Google

плащахъ и такого же цвѣту лицахъ, держали подъ уздцы лошадей.

— Гдѣ же карета? спросили мы.

— Готова.

— Чтожъ она не является?

— Невозможно проѣхать: она слишкомъ широка и не пролѣзла бы въ улицу, спокойно возразилъ Жіованни: — пусть господа, которые ѣдутъ верхомъ, садятся; остальныхъ я провожу до экипажа...

— Далеко ли идти?..

— Почти на край города, къ puerto de Carmona...

Puerto de Carmona выходитъ на большую торговую площадь, о которой я уже говорилъ.

Дѣлать нечего, тронулись въ путь.

Почти у выхода на площадь, подъ черепичными навѣсами съ толстыми каменными столбами, увидѣли мы длинный крытый фургонъ, запряженный шестью мулами по два въ рядъ. Фургонъ, напоминавшій наружной своей формой старые омнибусы, странствовавшіе когда-то Невскій проспектъ, былъ по внутреннему своему устройству еще неудобнѣе послѣднихъ: двѣ голыя скамьи во всю длину, и только; доски пола просвѣчивали и перегибались подъ ногами. Зато мулы, выбритые отъ заднихъ ногъ до половины спины, исчезали почти подъ кистями, буфами и помпонами изъ цвѣтной шерсти; mayoral, — кучеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ владѣлецъ экипажа и муловъ, представлялъ изъ себя одну изъ тѣхъ пышныхъ, великолѣпныхъ фигуръ, которыми нельзя довольно налюбоваться, даромъ-что ихъ на каждомъ шагу встрѣчаешь въ Севильѣ. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, онъ былъ одѣтъ совершеннымъ щеголемъ: красный широкій кушакъ, коротенькіе голубые панталоны съ серебряными пуговками по швамъ, кожаные штиблеты до колѣнъ, открывающія съ боковъ голую икру, голубая шитая куртка, яркой платокъ вокругъ шеи съ длинными концами, падающими на бѣлую рубашку; голова его съ сѣдыми висками, рѣзко выступавшими на смуглой какъ корица кожѣ, повязана была желтымъ яркимъ фуляромъ; ее прикрывала сверхъ этого маленькая, надѣтая набекрень шапочка съ круто-загнутыми полями и украшенная кисточками; лицо кучера, гладко выбритое, съ парою черныхъ бакенбъ въ видѣ котлетъ по бокамъ, исподлобья было выраже-

Digitized by Google

нія веселости, лихости, удали, — словомъ лицо вполнѣ андалузское.

Подлѣ муловъ хлопотало еще нѣсколько человѣкъ, напоминавшихъ лицомъ и одеждой тѣхъ бандитовъ, которые неожиданно выскакиваютъ изъ бочекъ въ пьесѣ Фра-Дьяволо.

Увидавъ насъ, mayoral послалъ намъ знакъ привѣтствія исполненный достоинства, подобралъ возжи и сѣлъ на козлы, приглашая насъ скорѣе занять наши мѣста.

Прошло однакожъ болѣе десяти минутъ прежде чѣмъ мы тронулись съ мѣста; мулы низачто не хотѣли выйти изъ-подъ навѣса; крики людей и хлопанье бичей усиливали только, повидимому ихъ упрямство; они бились, рвались, лягали, и чѣмъ болѣе столпившіе вокругъ люди кричали и дергали, тѣмъ менѣе подвигалось дѣло. Наконецъ раздался ужасный крикъ, мулы рванулись впередъ какъ бѣшеные и во весь духъ помчали насъ по мостовой; до сихъ поръ не понимаю какимъ чудомъ выскочилъ нашъ фургонъ и мы вмѣстѣ съ нимъ, цѣлы и невредимы, изъ лабиринта столбовъ, окружавшихъ дворъ и давѣсь. Въ первую минуту у насъ рѣшительно отшибло память; помню только, какъ мы скакали по мостовой, держась другъ за дружку и стукаясь головами въ кузовъ и досчаныя стѣны.

— Ауа! ауа! кричалъ во весь голосъ mayoral, яростно между тѣмъ размахивая въ воздухѣ сигарой.

— Ауа! ауа! вторили ему еще громче изъ толпы, которая, не знаю какъ успѣвала раздаваться, чтобы дать намъ дорогу и не быть раздавленной.

На концѣ площади, уже при самомъ въѣздѣ на мостъ, всѣ эти крики, грохотъ экипажа и топотъ подковъ, слились вдругъ въ одинъ неистовый гамъ, и фургонъ получилъ неожиданно такой толчокъ, отъ котораго едва не разсыпался въ щепки. Мы поспѣшили выскочить вонъ. Мулы наши цѣликомъ вломились въ обозъ, спускавшійся гуськомъ съ моста.

Пока распутывались постромки, разводили муловъ, мы нѣсколько разъ имѣли случай замѣтить ту учтивость въ обращеніи, которая отличаетъ испанскій народъ отъ всякаго другого; такой случай, не говорю у насъ, но во Франціи и даже Англіи не обошолся бы безъ обмѣны бранныхъ словъ, пожалуй даже драки; здѣсь все ограничилось только выразительными жестами и взглядами; послѣ этого, всѣ съобща принялись подсоблять другъ

дружно; минуту пить спустя, mayoral закурилъ свою сигару, учтиво предложилъ огня товарищамъ, усѣлся на козлы и мы снова поскакали, продолжая стукаться головами.

Въ Алькала надо ѣхать по той же дорогѣ какъ въ Мадритъ. Миновавъ весь Гвадалквивира, оставя влѣво Тріану, мы вскорѣ очутились на совершенно пустынной дорогѣ; странно даже было видѣть, что въ такомъ близкомъ разстояніи отъ города не было и признака жилья. Въ обѣ стороны развертывалась песчаная однообразная равнина, усѣянная грудами камней, насквозь прожженыхъ солнцемъ; кое-гдѣ на краю дороги лѣпилась развалина мазанки, обросшая репейникомъ или громадными синеватыми алоэ, которые высоко выбѣгали своими колючими остряками надъ плоской, знойной линіей горизонта. Время отъ времени попадались длинныя цѣпи муловъ, перегибавшихся подъ тяжестью мѣшковъ съ мукою; встрѣчались также верховые въ коричневыхъ плащахъ, закрывавшихъ нижнюю половину лица, съ ружьемъ за плечами и широкихъ надвинутыхъ на глаза шляпахъ.

Жаръ между тѣмъ замѣтно начиналъ донимать насъ; дребезжавшій досчатой потолокъ фургона чувствительно накаливался. Къ этому вскорѣ присоединилась тонкая песчаная пыль, которая клубами врывалась въ окна, въ щели и нестерпимо жгла и садняла лицо. Кто-то предложилъ закрыть окна; но въ ту же минуту принуждены были снова опустить ихъ, потомучто чуть не задохлись отъ духоты.

На шестой или седьмой верстѣ одинъ изъ нашихъ обратилъ всеобщее вниманіе на человѣка, который бѣжалъ подлѣ фургона; онъ былъ безъ шляпы, въ оборванной синей рубашкѣ и такихъ же панталонахъ, которые придерживалъ рукою, изъ боязни вѣроятно потерять ихъ на дорогѣ. Заподозривъ его тотчасъ же въ злостныхъ намѣреніяхъ стащить что-нибудь, мы стали украдкою наблюдать всѣ его движенія; по прошествіи минуты мы узнали въ немъ одного изъ тѣхъ подгоняльщиковъ (zagal), которыхъ берутъ здѣсь кучера, чтобы подгонять путемъ-дорогой капризныхъ, упрямыхъ муловъ. Zagal появлялся то съ одной стороны фургона, то съ другой, то забѣгалъ къ передовымъ муламъ; несясь такимъ образомъ во весь духъ и придерживая свои панталоны, онъ успѣвалъ въ то же время подбирать камушки, которыми со всего маху пускалъ въ муловъ, заставляя ихъ ска-

Digitized by Google

кать еще шибче; потъ лилъ съ него ручьями; набравъ горсть камней, онъ иногда ловко вскакивалъ на козлы и передавалъ ихъ тому кучеру, который въ свою очередь принимался пускать ими и въ хвостъ, и въ голову. Нашъ zagal могъ еще по всей справедливости считать себѣ счастливѣйшимъ человѣкомъ: ему представлялась еще возможность садиться на козлы; по большей части козлы бываютъ также заняты пасажирами; въ такихъ случаяхъ бѣднягѣ пробѣгаетъ отъ станціи до станціи, не имѣя возможности перевести духъ; замѣтьте, станціи здѣсь огромныя, не менѣе двадцати пяти верстъ.

Но здѣсь впрочемъ этому никто не удивляется; андалузцы недаромъ слывутъ людьми самыми легкими на подъемъ, лучшими ходоками и скороходами.

Часамъ къ десяти жаръ сдѣлался рѣшительно невыносимъ; къ счастью, около этого времени прибыли мы въ Alcala de los Panaderos.

Несмотря на такое трескучее названіе, въ Алкалѣ всего одна улица; она обстановлена жалкими низенькими домами, выбѣленными мѣломъ; ихъ до того накаляло солнце, что подлѣ нихъ чувствовался жаръ какъ отъ плавильнаго жерла чугуннаго завода. Алкала расположена между голыми кремнистыми холмами и однимъ концомъ своимъ примыкаетъ къ маленькой мутной рѣкѣ съ двумя водяными мельницами; здѣсь печется часть хлѣба, доставляемая каждую ночь на мулахъ въ Севилью. На одномъ изъ холмовъ вырѣзывается въ сверкающемъ до ослѣпленія небѣ профиль римскихъ развалившихся укрѣпленій. Кругомъ ни одной былинки, ни одного деревца; отовсюду сверкаетъ одинъ камень, накаляющій воздухъ; у мельницы торчатъ двѣ-три чахлыя ветлы, но и тѣ отъ корня до маковки засыпаны жгучею пылью и мукою.

Possada (постоялый дворъ), гдѣ мы остановились, ничѣмъ не отличалась отъ остальныхъ домовъ; съ улицы входишь въ мрачную, закоптѣлую кухню съ пучками луковицъ, развѣшенныхъ по потолку; на стѣнахъ бросаются въ глаза ружья и мушкетоны, и ни одной кострюли; прямо — рядъ столбовъ, а за ними непосредственно конюшня, такъ что, заказывая завтракъ, мы вдоволь наблюдали какъ нашъ mayoral устанавливалъ муловъ; запахъ кухни конечно не такъ сильно щекоталъ наши ноздри, какъ запахъ навоза. Слѣва, низенькая дверь приводитъ въ об-

Digitized by Google

широкую комнату со сводами и поломъ, вымощеннымъ плитами; вокругъ стѣны каменныя скамьи и длинные сосновые столы, пропитанные насквозь запахомъ масла.

Несмотря на зной, Б. Т. настоятельно требовалъ, чтобъ мы немедленно отправлялись съ нимъ на охоту.

— Завтракъ будетъ скуденъ, это ужъ по всему видно, сказалъ онъ въ видѣ убѣжденья: — не лучше ли походить часокъ-другой и прибавить къ нему дюжинки двѣ жирныхъ куропатокъ!

Испанецъ, котораго мы взяли съ собою, передалъ намъ, что по словамъ кучера, загаля и содержателя посады, лучшимъ мѣстомъ для охоты былъ холмъ, гдѣ возвышались развалины.

Б. Т. схватилъ ружье, оглянулъ насъ торжествующимъ взглядомъ и ринулся къ двери.

Мы невольно за нимъ послѣдовали.

На половинѣ холма, покрытаго колючимъ кустарникомъ и глыбами обвалившихся стѣнъ, мы едва уже могли переводить духъ; солнце, кромѣ того что ослѣпляло глаза, разслабляло насъ до того, что мы едва передвигали ногами; нечего было думать идти далѣе, прежде чѣмъ не спадетъ зной. Б. Т. очевидно самъ начиналъ это чувствовать, но страсть брала верхъ надъ всѣмъ; онъ все-таки лѣзъ выше и казалось, употреблялъ еще больше стараній, чтобы насъ ободрить. Призвавъ на помощь послѣднія силы, мы съ отчаяньемъ пошли за нимъ. Наконецъ, когда полчаса спустя, покрытые царапинами, пылью и потомъ, взобрались мы къ развалинамъ,—Б. Т. вдругъ сѣлъ на камень и уныло свѣсилъ голову.

— Чтожъ это значитъ? спрашивали мы: — отчего вы не идете дальше? Мы исполнили ваше желаніе; видите, мы здѣсь! Ступайте же за вашими куропатками...

— Дальше идти незачѣмъ! возразилъ онъ, мрачно озираясь вокругъ.

— Какъ?

— Не стоитъ!

— Стало-быть нѣтъ куропатокъ? спросили мы, тщетно стараясь отыскать клочекъ тѣни, куда бы можно было укрыть хоть голову—но этого быть не можетъ! съ чего же всѣ они увѣряли, что здѣсь куропатки водятся въ такомъ изобиліи?..

— А чортъ же ихъ знаетъ, съ чего они это взяли! досадливо

Digitized by Google

разразился Б. Т.: — здѣсь дичь вотъ какая: одна только и можетъ быть! добавилъ онъ, указывая на пріалы ящерицъ, которыя быстро сновали по сверкавшимъ на солнцѣ обломкамъ.

Отдохнувъ немного, мы поспѣшили спуститься. Но въ посадѣ насъ ожидало новое разочарованіе: хозяинъ, обѣщавшій прежде пустить для насъ въ ходъ всю свою провизію, объявлялъ теперь, что въ его распоряженіи только луковица, чеснокъ, шоколадъ, виноградъ и хлѣбъ. Дѣлать нечего, надо было покориться горькой судьбѣ; мы тутъ же принялись за хлѣбъ, который даромъ-что здѣсь изготовляется, оказался почему-то еще жестче и преснѣе чѣмъ въ Севильѣ.

Но этимъ еще не кончилось.

Едва сѣли мы въ большой комнатѣ со сводами и пропустили въ ротъ первую виноградинку, изъ кухни послышались такіе неистовые крики, поднялся такой грохотъ, что мы разомъ, какъ бы по командѣ, вскочили на ноги. Въ ту же секунду въ комнату стремительно влетѣли два человѣка верхомъ на лошадяхъ; одинъ былъ молодой, другой уже старикъ; оба неистово гикали и вращали надъ головою нагайками. Не успѣли мы отхлынуть назадъ, какъ лошадь молодого поскользнулась и шарахнулась объ полъ; сѣдокъ вывернулся изъ-подъ нея съ необычайною ловкостью, поставилъ ее на ноги, ударилъ нагайкой, вскочилъ въ сѣдло, пригнулся къ лукѣ, гикнулъ и пропалъ въ дверяхъ въ сопровожденіи стараго своего товарища. Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ.

На крикъ хозяина и хозяйки мы выбѣжали въ кухню въ ту самую минуту, какъ верховые во весь духъ проскакали по улицѣ. Въ жизнь не забуду того яростнаго отчаянья, которому предавались владѣтели посадья; они рвали на себѣ волосы, метались по угламъ, били себя въ грудь кулаками, крестились, испускали то глубокіе вздохи, то потоки угрозъ и проклятій. Даже увѣщанія кучера, загала и Жіовании, которые сюда же выбѣжали, долго не могли привести ихъ въ болѣе спокойное состояніе.

Наконецъ дѣло объяснилось: молодцы, надѣлавшіе всю эту суматоху, были идальги, — отецъ и сынъ, два мелкихъ владѣльца землею, которые давно острили зубы на хозяевъ посадьи; они выжидали только случая насолить имъ. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, они выбрали минуту, когда собрались гости; ры-

Digitized by Google

вдвоемъ верхомъ, они цѣли въ виду надѣлать больше скандала и тѣмъ усилить оскорбленіе хозяевамъ. Какъ могли они изловчиться, чтобы проскочить на лошади въ низенькую, узкую дверь кухни и потомъ нашей комнаты, это для меня до сихъ поръ остается загадкой.

Переждавъ зной, мы къ обѣду тѣмъ же путемъ вернулись въ Севилью.

Разъѣзжая такимъ образомъ по окрестностямъ (не съ большею опасностью удачей), или фланируя по улицамъ, не видѣли мы какъ проходилъ день. А между тѣмъ главный запасъ силъ надо было всегда приберегать къ вечеру; потомучто только отъ семи часовъ до поздней ночи, Севилья начинаетъ жить полною своей жизнью; она тогда только является во всемъ своемъ блескѣ. Въ эту пору впечатлѣній еще больше, и они еще разнообразнѣе. О весельи и говорить нечего. Веселость андалузскаго характера сообщаетъ всему городу оживленье, о которомъ одни развѣ Палермо или Неаполь во время карнавала могутъ дать понятіе.

За часъ до солнечнаго заката, когда улицы начинаютъ потопляться прохладною тѣнью, и только крыши домовъ и колокольни горятъ еще золотомъ и пурпуромъ, ярко вырѣзываясь въ густой синевѣ неба, идешь обыкновенно на площадь del Duque или на Alameda christiana; послѣдняя — садъ на берегу Гвадалквивира; сюда по вечерамъ собирается весь beau-monde Севильи. Такъ бывало впрочемъ тогда только, когда узнаешь за обѣдомъ, что афиши не возвѣщаютъ baylе nacional, т. е. балетъ или національные танцы. Въ такомъ случаѣ christiana и фланерство по улицамъ, безъ размышленія приносились въ жертву театру. Въ Севильи ихъ нѣсколько. Одинъ особенно (не помню его названія) отличается великолѣпіемъ; зала блѣдно-лилового цвѣта съ позолотой; вмѣсто стульевъ кольтеровскія кресла, обитыя краснымъ сафьяномъ. Но зала, превосходныя декораціи, игра актеровъ и самая прелесть танцовщицъ, — все забывается передъ рядами красавицъ, которыми унизаны ложи. Обнаженныя руки, играющія вѣеромъ, взгляды, которыми обмѣниваются изъ ложи въ ложу, милое движеніе головъ при встрѣчѣ съ знакомыми, мантильи, откинутыя назадъ и открывающія матовыя чудныя плечи, пряди черныхъ волосъ съ магноліей или камеліей на вискахъ, — все это поминутно отрываетъ отъ сцены.

Digitized by Google

Первый разъ какъ случилось мнѣ быть въ театрѣ, я лишній разъ убѣдился въ присутствіи граціи, которая проникаетъ природу южнаго человѣка и высказывается въ самыхъ даже мелочныхъ его привычкахъ и обычаяхъ.

На сцену вышла молоденькая, хорошенькая актриса; она спѣла сайнетъ, національную пѣсню, и спѣла ее превосходно; съ окончаніемъ второго куплета, зала, къ великому моему удивленію, вдругъ наполнилась нѣжнымъ шипѣньемъ, смѣшаннымъ съ особеннымъ какимъ-то звукомъ, похожимъ на чмоканье. Я взглянулъ на бѣдную актрису: она обводила публику глазами, и приложивъ руку къ сердцу, кланялась во всѣ стороны; она,— такъ по крайней мѣрѣ показалось мнѣ въ эту минуту, — выказывала о снисхожденіи. Въ негодованіи на публику, я обратился къ сидѣвшему рядомъ со мною бельгійскому консулу.

— Это ни начто не похоже, сказалъ я; она прелестно поетъ; зачто же всѣ на нее вдругъ напустились?..

— Какъ напустились? проговорилъ онъ съ удивленьемъ: — напротивъ, слышите: публика въ восхищеньи и благодаритъ ее...

— Странный способъ выражать благодарность: всѣ шипятъ и чмокаютъ!

— Ну да, чмокаютъ: этимъ-то именно публика и хочетъ сказать ей, что находитъ ее очень милою и потому посылаетъ ей поцѣлуи!

Здѣшнія театральныя танцовщицы очаровательны. Онѣ могутъ только не нравиться нашимъ балетмейстерамъ, танцорамъ и танцовщицамъ, у которыхъ нелѣпѣйшая рутина и такъ называемая *школа* окончательно извратила вкусъ; которымъ противоестественные труды выломали кости, безобразно вывернули носки и колѣна и вдобавокъ заморили ихъ до чахотки; вмѣсто граціи вы видите только искуственную, приторную афектацію; вмѣсто хорошенькой женщины передъ вами болѣе или менѣе разогнутый циркуль.

Испанская танцовщица — просто прежде всего хорошенькая женщина; въ ней увлекательно именно то, что нѣтъ ничего заученаго, условнаго; каждое ея движеніе отмѣчено свободой и природной, натуральной граціей; она танцуетъ не по заказу, но страстно, съ увлеченіемъ. Поэтому самому любитель танцевъ (и кто-жъ не сдѣлается имъ въ Испаніи!), чтобы вполнѣ услышать себя, никакъ не долженъ идти въ театръ; сценическая обста-

Digitized by Google

новка рѣшительно отымаетъ здѣсь половину удовольствія; вы видите живой танецъ, исполненный страстными, воодушевленными женщинами, вамъ не сидится на мѣстѣ, васъ невольно тянетъ впередъ, вы увлечены, а тутъ сиди, не трогайся съ мѣста и смотри издали!

Андалузцы, большіе охотники до танцевъ, предупредили такое неудобство. Въ Севильѣ существуетъ особое мѣсто, куда сходятся по вечерамъ танцоры и любители національныхъ танцевъ. Тамъ только съ полной непринужденностью, во всемъ великолѣпіи исполняется настоящій типическій болеро, jota aragonesa, олѐ, фанданго и сегидилья.

Мы конечно не пропускали ни одного такого вечера.

Еще заранѣе, во время обѣда, ни о чемъ больше никто не говорилъ, какъ о предстоящемъ удовольствіи. Слушая наши разсказы, изо всего нашего общества одинъ молодой американецъ (тотъ самый, что́ ѣхалъ на пароходѣ) сохранялъ невозмутимое равнодушіе. Впродолженіе этихъ двухъ недѣль, какъ мы пріѣхали въ Севилью, онъ буквально ниразу не ступилъ за порогъ фонды.

— Торопиться мнѣ незачѣмъ, говорилъ онъ, когда мы выражали ему наше удивленье: — я пробуду здѣсь до слѣдующаго октября; въ годъ все успѣю увидѣть; ктому же ходить мнѣ теперь некогда: я занятъ составленіемъ каталога тѣхъ книгъ, корыя намѣренъ отыскивать.

Онъ точно также не выпускалъ однакожъ изъ фонды и свою спутницу-парижанку. Можете судить, что́ происходило съ этой особой, созданной изъ одного нетерпѣнія, любопытства и подвижности. Прислушиваясь къ нашимъ разсказамъ, она выходила изъ себя; сидя въ своемъ нумерѣ, она положительно съ ума сходила и лѣзла на стѣны; подконецъ самъ американецъ сталъ намъ на нее жалованья.

Тронутый ея положеньемъ, я началъ разъ его упрашивать пойти съ нами послѣ обѣда смотрѣть національные танцы. Онъ долго упрямился; наконецъ всѣ приступили къ нему съ той же просьбой; онъ согласился, но съ тѣмъ условіемъ однакожъ, чтобы придти на мѣсто не раньше той минуты, какъ начнутся танцы. Таковъ ужь былъ капризъ его; иначе онъ не соглашался; онъ говорилъ, что сейчасъ же уйдетъ назадъ, если придется дожидаться.

Digitized by Google

Было около восьми часовъ; танцы начинаются ровно въ восемь; я поскорѣе отправился; я обѣщалъ дождаться условной минуты и возвѣстить о ней всему нашему обществу.

Мѣсто, гдѣ происходятъ танцы, находилось въ сосѣдней улицѣ; оно занимало второй этажъ стариннаго, мрачнаго дома; витая каменная лѣстница съ потертыми ступенями приводитъ прямо къ двери большой залы съ бревенчатымъ потолкомъ и голыми стѣнами, освѣщенными нѣсколькими лампами; вмѣсто мебели, вокругъ деревянныя скамьи. Толпа привычныхъ посѣтителей была уже въ полномъ сборѣ; человѣкъ до ста испанокъ и испанцевъ, кто одѣтый поевропейски, кто въ національномъ костюмѣ, нѣсколько пріѣзжихъ иностранцевъ — стояли группами, расхаживали взадъ и впередъ, шумно разговаривали, играли вѣерами и курили. Посерединѣ залы прогуливался самъ хозяинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учитель танцевъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, въ сѣрой курткѣ, коротенькихъ панталонахъ и бѣлыхъ чулкахъ à jour. На полу, кой-гдѣ по угламъ, живописными группами сидѣли цыгане, мужчины и женщины, старые и молодые; всѣ они были въ лохмотьяхъ, случайно подобранныхъ на улицѣ; кой-гдѣ на полинявшихъ цвѣточныхъ лоскутьяхъ сверкала уцѣлѣвшая блестка или выдавалась яркая новенькая заплата; но даже и подъ такою одеждой, многія изъ молоденькихъ бросались въ глаза дикой своей красотою. Танцовщицы еще не являлись; онѣ выходятъ по знаку изъ сосѣдней комнаты, которая доступна только учителю: но танцоры, большею частію изъ цыганъ, были уже налицо и настроивали гитары. То что я говорилъ о танцовщицахъ, относится точно также и къ танцорамъ: это такіе лихіе, красивые и полные одушевленья молодцы, которые такъ вотъ и просятся въ картину; андалузскій костюмъ, самъ уже по себѣ щеголеватый, придаетъ ихъ движеніямъ какую-то особенную мужественную красоту и грацію; густые свои волосы прячутъ они въ пунцовую или синюю сѣтку; она концомъ спускается на затылокъ и потомъ свѣшивается на плечо.

— Скоро начнутся танцы? спросилъ у двухъ-трехъ знакомыхъ мужчинъ, которые неизмѣнно приходили сюда каждый вечеръ.

— Минутъ черезъ пять... можетъ быть даже ранѣе. Уже почти восемь часовъ.

Я побѣжалъ предупредить общество, но не успѣлъ я сойти

Digitized by Google

десятокъ секундъ, какъ неожиданно до слуха долетѣли трескотня кастаньетъ и живое бряцанье гитаръ, возвѣстившія появленье танцовщицъ. Много уже разъ приводилось мнѣ бывать въ этой залѣ; я зналъ, что меня тамъ ожидало; но при всемъ томъ, въ эту минуту, — признаюсь чистосердечно, — забылъ француженку, американца, забылъ ожидавшее меня общество, и стремительно, сломя голову полетѣлъ вверхъ по лѣстницѣ въ залу. Никто впрочемъ не былъ изъ нихъ потомъ въ претензіи; каждый соглашался, что на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже самое. Сама француженка и ея спутникъ, явившіеся четверть часа спустя, объявили напрямикъ послѣ перваго же танца, что находятъ мое увлеченіе совершенно натуральнымъ и вполнѣ его оправдываютъ.

Не смѣйтесь, читатель; вамъ можетъ-быть не случалось заглядывать въ эту танцовальную залу Севильи; когда вы тамъ побываете, тогда скажете намъ свое мнѣніе.

Мнѣ по крайней мѣрѣ не случалось еще видѣть болѣе увлекательнаго зрѣлища.

Начать съ того, что всѣ танцовщицы прелесть какъ хороши собою; костюмъ ихъ очень живописенъ: онъ состоитъ изъ цвѣтного, очень низенькаго корсажа и коротенькой баскины; все это общито блестками, яркими кучками лентъ и живыми цвѣтами; ножки такъ хороши, обуты съ такимъ изяществомъ, что такъ и тянетъ перецѣловать ихъ отъ первой до послѣдней. Наконецъ, неподдѣльная страстность взглядовъ и движеній, необыкновенная живость самаго танца, исполненнаго сладострастной нѣги и граціи, мотивъ пѣсни, которая сопровождаетъ танецъ, бряцанье гитаръ; лихорадочный трепетъ кастаньетъ, воодушевленіе, которое постепенно овладѣваетъ зрителями, — все это дѣлаетъ изъ этой залы чуть ли не самое соблазнительное мѣсто Севильи и легко можетъ вскружить голову самому апатическому смертному.

Самый обворожительный танецъ для меня, это ôla: въ немъ танцоръ и особенно танцовщица переходятъ всѣ оттѣнки постепенно разгорающейся страсти. Въ мое время, танецъ этотъ исполнялся неизмѣнно одною и тою же парой.

По данному знаку, на середину залы выходила молоденькая цыганка; рубашка, ниже обнажавшая плечи, и пестрая юпка были всей ея одеждой; маленькая ея головка и тонкая, граціозно

выгнутая шея съ трудомъ казалось выносили тяжесть смоляныхъ косъ, изъ которыхъ на правый високъ выбѣгалъ живой пунцовый цвѣтокъ. Трудно представить себѣ что-нибудь изящнѣе овала ея лица, золотисто-бронзоваго и вмѣстѣ съ тѣмъ покрытаго матовою блѣдностью, — не тою блѣдностью, которая на сѣверѣ служитъ признакомъ болѣзни, но южною блѣдностью, которая еще болѣе возвышаетъ красоту женщины; ни на одномъ камеѣ не встрѣчалъ я болѣе тонкой профили; въ линіяхъ плечъ, рукъ и ногъ этой дѣвушки сохранилась во всей чистотѣ своей высочайшая тонкость породы; онѣ дышали тою женственною прелестью и строгою законченностью, которой любуемся мы на древнихъ греческихъ изваніяхъ; вся она почему-то представлялась (и не мнѣ одному) типомъ Клеопатры въ молодости. Къ такому сходству способствовала также величавость и строгость выраженія, которыя рѣзко отличали эту дѣвушку отъ остальныхъ ея подругъ.

Танецъ начинался съ того обыкновенно, что она слегка наклоняла голову и опускала глаза, такъ что рѣсницы ея бросали тѣнь на щеки; она, казалось, задумывалась о чемъ то, не замѣчала ни толпы, ее обступавшей, ни своего танцора, который между тѣмъ впивался въ нее огненными глазами и слегка побрякивалъ гитарой; при второмъ и третьемъ акордѣ хоръ цыганъ, сидѣвшихъ тутъ же, испускалъ вздохъ: этимъ вздохомъ начинаются многіе припѣвы, поющіеся во время танцевъ. Вздохъ незамѣтно переходилъ въ мотивъ; онъ постепенно подхватывался всѣмъ хоромъ; къ нему мало-помалу присоединялись звуки кастаньетъ и гитаръ. Первыя движенія танцовщицы были медленны; стоя на мѣстѣ и продолжая смотрѣть въ землю, она лѣниво, какъ бы послѣ сна, перегибала станъ и плавно разводила руками; танцоръ тѣмъ временемъ оживлялся съ каждой секундой; по мѣрѣ того какъ учащался темпъ мотива, звуки гитаръ и кастаньетъ усиливались, — энергическое лицо танцора наполнялось выраженіемъ какой-то сатанинской страсти; глаза его сверкали какъ у тигра, пальцы судорожно дергали по всѣмъ струнамъ гитары, онъ нетерпѣливо топалъ ногами. Наконецъ танцовщица подняла голову и бросила на него взглядъ; глаза ихъ встрѣтились.

— Ауа! ауа! Раздалось кой-гдѣ изъ толпы. Зрители плотнѣе обступили танцоровъ; увлекаясь заодно съ ними, они начи-

Digitized by Google

зали также притопывать ногами и трещать кастаньетами, потому что каждый приходящій сюда приноситъ непремѣнно кастаньеты въ карманѣ.

— Ауа! ауа! подхватывали десятки голосовъ.

— Ауа! ауа! дико покрикивалъ въ свою очередь танцоръ, разжигая все болѣе и болѣе танцовщицу.

Глаза ея уже сверкали огнемъ; увлекаемая какъ-будто магнетической силой взглядовъ, она тянулась къ танцору, который ускорялъ шагъ, заходилъ къ ней то съ одной стороны, то съ другой, манилъ ее глазами и все болѣе и болѣе старался разжечь ее. Но дѣло уже было сдѣлано: огненная, неукротимая страсть говорила въ каждомъ ея движеніи; плечи ея вздрагивали, щеки горѣли, руки жадно ловили танцора, тонкій станъ изгибался и сладострастно опрокидывался назадъ; черные зрачки блистали огнемъ ненасытныхъ желаній.

Изъ всѣхъ присутствующихъ не было человѣка, у котораго при этомъ не вздрагивало бы сердце: толпа рѣшительно выходила изъ себя; все вокругъ стучало ногами, трещало кастаньетами, судорожно вскрикивало, вторя крикамъ цыганъ и цыганокъ, которые изступленно били въ ладоши, звенѣли гитарами и постепенно ускоряли темпъ пѣсни; энтузіазмъ толпы очевидно все болѣе и болѣе воодушевлялъ танцоровъ. Подконецъ танецъ принимаетъ характеръ такой бѣшеной и откровенной страсти, которая сдѣлала бы его невозможнымъ ни на какой европейской сценѣ; онъ оканчивается тѣмъ, что танцовщица въ страстномъ изнеможеніи падаетъ на грудь танцора, который быстро обхватываетъ ей талію, приподымаетъ ее на воздухѣ, цѣлуетъ и торжественно выноситъ изъ толпы.

Сколько кажется, во всѣхъ танцахъ Испаніи, танцоры и танцовщицы дѣйствуютъ не столько ногами, сколько всѣмъ корпусомъ; глаза и выраженіе лица, на которомъ проходятъ всѣ гаммы страсти, играютъ также не послѣднюю роль. Здѣсь хорошенькія ножки, необезображенныя сверхъестественными трудами, служатъ какъ бы для того только, чтобы бить тактъ, между тѣмъ какъ станъ, руки, бюстъ и головка, повинуясь быстротѣ или медленности темпа, производятъ граціозные перегибы. Во многихъ танцахъ существуютъ позы, гдѣ станъ опрокидывается назадъ до такой степени, что плечи танцовщицы почти касаются пола; руки слѣдуютъ тому же движенію и трещатъ

Digitized by Google

кастаньетами, между тѣмъ какъ ножка, вытянутая впередъ, бьетъ тактъ, но въ самую ту минуту, когда вамъ кажется, что танцовщица изнемогаетъ отъ усталости и едва имѣетъ силы играть кастаньетами, она вдругъ быстро вскакиваетъ, снова осыпаетъ васъ искрами своихъ взглядовъ, — и все превращается въ одинъ неуловимый вихрь, въ одну подвижность.

Многіе танцы тѣмъ оканчиваются, что танцовщица, выбравъ глазами кого-нибудь изъ зрителей, — исполняетъ для него собственно самыя соблазнительныя свои позы; по окончаніи танца, она неожиданно подбѣгаетъ къ избранному и бросаетъ ему на лицо свой платокъ... Передъ возвращеніемъ платка, въ него завертываютъ обыкновенно деньги. Не совѣтую однакожъ быть слишкомъ щедрымъ: платки полетятъ на васъ со всѣхъ сторонъ; и тогда, если у васъ хоть сколько-нибудь слабъ характеръ, вы погибли, — это неизбѣжно: такъ было по крайней мѣрѣ со многими изъ нашихъ товарищей; сердце ихъ чуть ли не до сихъ поръ еще въ Севильѣ!

Когда выйдешь на улицу послѣ такихъ впечатлѣній, можете судить, какъ обаятельно должна дѣйствовать жаркая голубая севильская ночь! Самые старые и холодные изъ насъ, даромъ-что сознавали весь комизмъ своего положенія, выказывали тѣмъ не менѣе въ эти минуты самые явные знаки восторженности и страстнаго настроенія. Да, такъ случалось; о молодыхъ и говорить нечего. Для всѣхъ насъ впрочемъ пребываніе въ Севильѣ врядъ ли когда-нибудь изгладится изъ памяти.

Прощаясь съ нею съ палубы парохода, мы отвернули глаза тогда только, какъ блестящая маковка фигуры надъ Жиральдой окончательно скрылась въ золотомъ парѣ, потоплявшемъ равнину Гвадалквивира.

Намъ оставалось еще два дня до срока, когда нашъ корабль долженъ былъ оставить рейдъ Кадиса, съ тѣмъ чтобы войти въ Средиземное море. Надо было воспользоваться этимъ временемъ, чтобы увидѣть еще что-нибудь кромѣ Севильи. Мы остановились на такомъ планѣ: спускаясь по Гвадалквивиру въ Кадисъ, остановиться на пристани Бонанца; оттуда хотѣлось намъ проѣхать сухимъ путемъ до Puerto Santa-Maria, потомъ сѣсть въ вагонъ желѣзной дороги, осмотрѣть Хересъ, и на другой день снова вернуться въ Puerto. Капитанъ парохода обѣщалъ между тѣмъ, по

Digitized by Google

пріѣздѣ въ Кадисъ, выслать съ корабля катеръ, который долженъ былъ ждать нашего возвращенія въ Puerto.

Въ Бонанцѣ произошла съ нами довольно забавная сцена. Едва сошли мы съ парохода и ступили на пристань, насъ плотно обступила ватага кучеровъ; ихъ было до пятидесяти. Сверкая глазами, производя неистовые жесты, всѣ принялись кричать въ одно время и каждый порывался впередъ, усиливаясь захватить скорѣе наши дорожные мѣшки; напрасно надсаживали мы горло, повторяя заранѣе приготовленныя фразы и стараясь вразумить ихъ, стараясь объяснить по крайней мѣрѣ куда хотимъ ѣхать, — ничего не дѣйствовало; напротивъ, тѣмъ отчаяннѣе защищали мы мѣшки свои, тѣмъ крѣпче они ихъ держали; тѣмъ громче мы кричали, тѣмъ настойчивѣе они наступали, тѣмъ яростнѣе на насъ лѣзли. Словомъ, мы положительно ужь не знали какъ выпутаться и нешуто начинали падать духомъ. Даже Б. Т., никогда въ жизнь не терявшій терпѣнія, сохранявшій невозмутимое равнодушіе въ минуты самыхъ жестокихъ штормовъ и сильной опасности, — и тотъ наконецъ вышелъ изъ себя. Рванувшись отчаянно впередъ, онъ вдругъ замахалъ руками и прокричалъ громовымъ голосомъ, который на секунду покрылъ всѣ голоса:

— Sacha diavolo! — Russia batiimento! Imperatore, batimento de la Russia!

Но такъ какъ и это не произвело никакого дѣйствія, напротивъ, къ крикамъ присоединился еще громкій смѣхъ, Б. Т. разсудилъ за лучшее засмѣяться въ свою очередь, чему и всѣ мы невольно послѣдовали. Мы рѣшились отдаться въ руки этимъ разбойникамъ и слѣдовать за тѣми изъ нихъ, изъ рукъ которыхъ труднѣе было вырвать мѣшокъ. Каждый кучеръ завладѣлъ такимъ образомъ двумя изъ насъ и порядокъ мгновенно возстановился. Шагахъ въ двадцати стояло множество двуколесныхъ красныхъ одноколокъ въ родѣ неаполитанскихъ coricolas; разница въ томъ, что маленькой кузовъ испанской calessa прилаженъ непосредственно къ оглоблямъ, такъ что каждое движеніе мула передается сѣдоку: кучеръ усаживается точно также какъ и въ Неаполѣ—частію на оглоблю, частію на досечку, куда упираются ноги путешественниковъ. Съ великимъ трудомъ мы помѣстились вдвоемъ въ каждой calessa. Кучеръ въ національной андалузской шапочкѣ, бѣлой рубашкѣ, шитой курткѣ, красномъ

кушакѣ и кожаныхъ штиблетахъ, прыгнулъ съ неимовѣрною легкостью на свое сѣдалище, но тѣмъ не менѣе отдавилъ намъ ноги; улыбнувшись въ видѣ извиненія, онъ свернулъ papelitos (папироску), взялъ лихую, молодецкую позу, весело подвигнулъ намъ — и мы понеслись, подпрыгивая какъ мячики. Мулъ вообще неохотно двигается съ мѣста; но если ужь пришло ему желаніе скакать, онъ летитъ безъ удержу; его тогда ничѣмъ не остановишь. Не могу сказать, чтобы намъ было покойно и мягко сидѣть.

Нельзя сказать также, чтобы мы были совершенно покойны нравственно.

Мы прежде еще слышали, что вообще вся страна между Сапъ-Люкаромъ, Хересомъ и Puerto, была далеко не безопасна. На наше счастье, какъ пасъ увѣряли, конечно могъ попасться кучеръ, связанный тѣсною дружбой съ разбойниками,—дружбой, которая застраховывала насъ отъ опасности; такая дружба скрѣпляется тѣмъ обыкновенно, что кучеръ платитъ разбойнику условленную контрибуцію и такимъ образомъ на извѣстное время покупаетъ безопасность себѣ и сѣдокамъ своимъ. Очень могло быть, что кучеръ нашъ находился въ самыхъ братскихъ отношеніяхъ съ разбойниками и былъ однимъ изъ самыхъ акуратныхъ плательщиковъ контрибуціи; но даже и при такомъ обстоятельствѣ мы все-таки чувствовали себя несовсѣмъ спокойно.

Кромѣ разбойниковъ, на глухихъ перепутьяхъ Испаніи встрѣчаются еще такъ называемые rateros — люди, занимающіеся мирнымъ хлѣбопашествомъ, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ непрочь воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы напасть на путешественника и пустить его нагишомъ продолжать путешествіе. Эти rateros опаснѣе разбойниковъ: противъ послѣднихъ защищаться не станешь; ограничишься тѣмъ, что отдашь кошелекъ и поѣдешь далѣе, напутствуемый «Vayan ustedes con Dios!»— фразой, которой почти каждый встрѣчающійся на дорогѣ провожаетъ здѣсь путешественника; противъ ratero, нападающаго часто въ одиночку, непремѣнно начнешь отбиваться, и ничего нѣтъ мудренаго, если почувствуешь въ боку navaja, прежде чѣмъ успѣешь взвести курокъ пистолета. Кромѣ того, въ первую минуту не придетъ даже въ голову взять предосторожность. Ratero не отличишь отъ обыкновеннаго простолюдина; кто знаетъ, это можетъ-быть тотъ нищій, который робко подходитъ къ вамъ,

Digitized by Google

протягиваетъ руку и жалобно говоритъ: «una limosina por l'amor de Dios!» или «buena campo, caballeros!» и т. д.

Мѣстность, которая открылась передъ нами послѣ San-Lucar, имѣла впрочемъ такой характеръ, что мысль объ опасности невольно рождалась сама собою. Какъ только за нами скрылся городъ, въ обѣ стороны пошла такая дичь и глушь, какой я отроду еще не видывалъ. Справа и слѣва возвышались ряды каменистыхъ небольшихъ холмовъ, которые прятались другъ за дружку; на всемъ этомъ не было признака какой бы то ни было жизни; вокругъ ни былинки; повсюду одинъ голый рыжеватый грунтъ и камень съ хрящемъ. Солнце, раскаляя круглый годъ почву, превращало здѣсь въ золу и пепелъ самый зародышъ растительности; самый этотъ пепелъ уносило вѣтромъ; оставались только голые, рыжіе кряжи холмовъ, такихъ же сухихъ, какъ пемза. Небо сверкало надъ ними какъ плавленая мѣдь; скаты холмовъ, къ которымъ мѣстами приближалась дорога, отражали такой сильный жаръ и такъ нестерпимо блистали, что каждый разъ приходилось закрывать ладонью глаза, чтобы не ослѣпнуть. Несмотря на конецъ октября и пятый часъ пополудни, пекло такъ невыносимо, что мы при выѣздѣ изъ Санъ-Люкара принуждены были снять сертукъ, жилетъ и галстукъ; но даже и въ одной рубашкѣ было жарко.

Кой-гдѣ по окраинѣ дороги, надъ грудой камней торчалъ деревянный крестъ, выкрашенный краснобурой или черной краской. Иногда, въ отдаленьи, по обнаженному холму лѣпилось нѣсколько мазанокъ, которыхъ въ первую минуту невозможно даже было отличить отъ почвы; но и тамъ точно также все казалось выжженнымъ и вымершимъ; звука не слышалось; не видѣлось живой, движущейся точки. Изрѣдка случалось перегонять и встрѣчать вереницы бѣлыхъ ословъ, навьюченныхъ тростникомъ, кувшинами или соломой; за ними верхомъ на бритомъ мулѣ слѣдовалъ человѣкъ, завернутый въ коричневый плащъ, съ ружьемъ за плечами, въ широкополой шляпѣ, изъ-подъ которой выглядывало сумрачное оливковое лицо, оживленное бѣлками глазъ; иногда въ такомъ же точно костюмѣ неожиданно показывался у поворота одинокій всадникъ.

— Вотъ ratero! шептали мы, ободряя другъ друга локтемъ и поспѣшая предложить кучеру новую сигару.

Кучеръ, свиставшій и напѣвавшій на всю дорогу, бралъ си-

гару, обязательно улыбался, закуривалъ ее и мы проносились мимо такъ же благополучно, какъ если бъ ѣхали по Каменноостровскому проспекту.

Несмотря на то, что намъ и прежде и послѣ нерѣдко приводилось странствовать безъ провожатыхъ по дорогамъ Испаніи, — съ нами не случилось ни одного изъ тѣхъ происшествій, о которыхъ разсказываютъ путешественники; разбойники и гитосъ до сихъ поръ остались для насъ совершеннымъ миѳомъ, такъ что подконецъ стало даже досадно.

Часамъ къ семи, когда холмы и дорога начали окрашиваться пурпуромъ заката, увидѣли мы передъ собою Puerto Santa-Maria; справа, между бѣлѣющими массами домовъ, открывалась синяя полоса океана. Станція желѣзной дороги расположена въ верстѣ отъ города. Кучеръ показалъ знаками, что въ городъ ѣхать незачѣмъ, что можно прямо проѣхать къ станціи, что такъ будетъ несравненно ближе. Дѣйствительно, зданіе станціи, несмотря на сгущавшіеся сумерки, явственно обозначалось сзади. Мы дали ему знакъ ѣхать скорѣе, потому что, не зная навѣрное времени отправленія поѣзда, хотѣли лучше прибыть раньше.

Вскорѣ однакожъ раскаялись мы въ нашей поспѣшности, но поздно было думать поправлять дѣло. На этой полуверстѣ, отдѣлявшей насъ отъ станціи, мы чуть двадцать разъ не сломили себѣ шеи; съ каждымъ поворотомъ колесъ мы схватывались другъ за дружку, ожидая, что вотъ сію секунду вышвырнетъ насъ на дорогу. Вся мѣстность была взрыта точно послѣ землетрясенія; колеса уходили то въ глубокія разсѣлины, то въѣзжали на камни, то съ визгомъ скользили по корнямъ исполинскихъ алоэ, которые мрачно высовывались со всѣхъ сторонъ. На половинѣ этого адскаго пути, солнце сѣло и, какъ это здѣсь обыкновенно бываетъ, наступила вдругъ тьма кромѣшная; разъ или два раздался свистъ паровоза: онъ возвѣщалъ, что паровозъ уже готовъ, можетъ даже быть сейчасъ отходитъ.

Къ счастію все ограничилось одними опасеніями и безпокойствомъ; мы благополучно подъѣхали къ станціи и даже пришли туда минутъ за десять до отправки поѣзда.

На станціи, устроенной по образцу французскихъ станцій, но только съ меньшею роскошью, было такъ мало пассажировъ, что вчужѣ пришлось пожалѣть акціонеровъ; тутъ между прочимъ успѣли мы прочесть объявленіе, которое привѣшено было

Digitized by Google

на всѣхъ стѣнахъ; въ немъ говорилось, что компанія «не отвѣчаетъ за все что можетъ случиться на дорогѣ съ пасажирами»..,

Несмотря на такой оригинальный способъ внушать довѣріе, мы поспѣшили однакожъ взять билеты и заняли свои мѣста.

У насъ не было рекомендательныхъ писемъ въ Хересъ. Мы не заботились объ этомъ, потомучто до сихъ поръ отлично безъ нихъ обходились. Письма — совсѣмъ даже лишняя вещь въ Испаніи, когда пріѣзжаешь, какъ мы напримѣръ, на самое короткое время. Здѣсь такое изобиліе предметовъ, останавливающихъ любопытство, и все это такъ доступно каждому, что дай-богъ успѣть осмотрѣть все что хочется; нравы и вся внѣшняя обстановка жизни исполнены въ Испаніи высочайшаго интереса; чтобы хоть сколько-нибудь познакомиться съ послѣдними, нужны только желаніе и крѣпкія ноги, способныя выдерживать нѣсколько часовъ въ день фланерства.

При всемъ томъ, надо сказать, мы поступили не совсѣмъ основательно, предпринимая на авось путешествіе въ Хересъ. Единственную занимательность этого города составляютъ, какъ извѣстно, погреба или bodegas, какъ ихъ здѣсь называютъ; такъ какъ эти bodegas принадлежатъ частнымъ лицамъ, — легко могло случиться, что насъ бы туда не пустили безъ особой рекомендаціи. Къ сожалѣнію, все это пришло намъ въ голову уже на пути въ Хересъ.

Мы ѣхали не одни: въ одномъ вагонѣ съ нами сидѣло нѣсколько человѣкъ испанцевъ; желая получить какое-нибудь объясненіе касательно нашего затруднительнаго положенія, мы приступили къ нимъ съ распросами; съ первыхъ словъ открылось, что ни одинъ слова не зналъ пофранцузски; мимика, спасавшая насъ столько разъ въ Испаніи, оказалась на этотъ разъ также безполезною: въ вагонѣ было темно, хоть глазъ выколи.

Съ пріѣздомъ въ Хересъ положеніе наше окончательно усложнилось. Выйдя изъ вагона, мы очутились на длинной платформѣ подъ аркой; передъ нами открывалась темная и совершенно почти пустынная площадь. Нѣсколько человѣкъ, завернутыхъ въ плащъ, съ шляпами, надвинутыми на глаза и сигарою во рту, расхаживали по одиночкѣ взадъ и впередъ по платформѣ.

Подобравъ дорожные мѣшки, мы подошли къ ближайшему изъ нихъ.

— Fonda, fonda! possada! заговорили мы, стараясь под-

Digitized by Google

снить жестами, чего добивались: кто тыкалъ пальцемъ въ ротъ и выразительно, апетитно чмокалъ; кто, приложивъ объ ладони къ щекѣ и наклонивъ голову съ видомъ засыпающаго человѣка, принимался даже храпѣть; кто энергически простиралъ руку впередъ, какъ бы желая сказать, чтобы его только скорѣе отсюда вывели.

Незнакомецъ остановился, сверкнулъ въ темнотѣ своими бѣлками, пустилъ клубъ дыму, тряхнулъ шляпой, отвернулся и пошолъ далѣе.

Мы приступили ко второму незнакомцу, повторивъ передъ нимъ ту же сцену; но и здѣсь старанія наши были одинаково безуспѣшны: выслушавъ насъ повидимому очень внимательно, онъ точно также отвернулся и пошолъ далѣе.

— Господа, чтожъ теперь дѣлать? воскликнулъ С*, который обыкновенно скорѣе всѣхъ падалъ духомъ въ критическихъ случаяхъ: — куда дѣваться? куда идти — прямо, направо или налѣво? Надо же чѣмъ-нибудь кончить. Какое право глупое положенье!

— Самое естественное, самое заслужонное положенье для тѣхъ, которые являясь въ какую-нибудь страну, не заботятся прежде познакомиться сколько-нибудь съ языкомъ! замѣтилъ П*.

— Сколько разъ говорилъ я, господа, вмѣшался Б. Т., — что отправляясь куда бы то ни было, необходимо составлять по крайней мѣрѣ маленькій списокъ самонужнѣйшихъ фразъ и словъ...

— Всѣ твердили объ этомъ, всѣ постоянно объ этомъ заботились,—и между тѣмъ никто до сихъ поръ ниразу этого не исполнилъ! досадливо перебилъ С*. — Всѣ эти размышленія никчему однакожъ намъ теперь не послужатъ; надо на что-нибудь рѣшиться. Не ночевать же здѣсь въ самомъ дѣлѣ!

Кто-то подалъ мысль собраться всѣмъ въ одну кучку и кричать fonda и possada до тѣхъ поръ, пока не прилучь къ намъ на выручку. Мысль показалась всѣмъ очень практической.

Секунду спустя, арка и часть площади огласились такимъ хоромъ, который, по всей вѣроятности, не отличался еще ни на одномъ театрѣ; согласіе голосовъ и слова, произносимыя хоромъ, были въ равной степени замѣчательны.

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе, все это привело къ желанному результату: не прошло минуты, къ намъ суетливо подбѣжалъ маленькій человѣкъ въ курткѣ и низенькой шляпѣ.

— Fonda! Possada! закричали мы еще громче, обступая незнакомца. Б. Т., видя, что незнакомецъ отступаетъ, поспѣшилъ протянуть ему ладонь, побрякивая мелкой монетой.

Послѣдній этотъ маневръ оказалъ замѣчательный успѣхъ: маленькій человѣкъ успокоился, одобрительно кивнулъ головой и далъ знакъ, чтобы за нимъ слѣдовали.

Мы прошли нѣсколько темныхъ, узенькихъ улицъ, никого почти не встрѣтивъ; въ рѣдкомъ окнѣ мерцалъ огонекъ. Нельзя однакожъ сказать, чтобы было поздно; припоминая Кадисъ и Севилью, которые въ это время именно только и кипятъ жизнью, мы не могли объяснить себѣ тишины Хереса. Уже одного этого обстоятельства довольно было, чтобы дать о немъ не очень выгодное понятіе.

— Possada! сказалъ маленькій человѣкъ, останавливаясь передъ дверью углового двухъ-этажнаго дома.

Сунувъ ему нѣсколько монетъ, мы пустились вверхъ по лѣстницѣ; поспѣшность наша ясно доказывала, что всѣ мы одинаково были голодны.

Комната, куда мы вошли, освѣщалась единственной жестяной лампадкой, привѣшенной къ мрачной стѣнѣ. Свѣтъ ея позволялъ различать бревенчатый потолокъ, рядъ бутылокъ за прилавкомъ, устроеннымъ въ видѣ алькова, и наконецъ длинный столъ, занимавшій середину комнаты. Съ перваго взгляда поражала здѣсь та же особенность, которая такъ часто встрѣчается въ городахъ Испаніи: особенность состоитъ въ томъ, что заботливость домохозяевъ исключительно кажется обращена на внѣшнюю чистоту домовъ; сверкающая бѣлизна наружныхъ стѣнъ, особенно въ фондахъ и посадахъ второго разряда, служитъ самымъ рѣзкимъ контрастомъ съ внутреннею обстановкой; ее составляютъ обыкновенно голыя закопченыя стѣны, такой же потолокъ, кирпичный, неровный полъ, жирныя скамейки и столъ, покрытый толстой скатертью весьма сомнительной свѣжести.

Шумъ, произведенный нами, разбудилъ хозяина, который лежалъ въ растяжку подлѣ прилавка. При видѣ многочисленнаго общества, которое обѣщало ему явную выгоду, онъ нимало однакожъ не обрадовался; напротивъ, онъ досадливо отвернулъ

Digitized by Google

голову, потирая ладонью сонные глаза, и даже произнесся нѣсколько проклятій.

Нимало не обезкураженные такой выходкой, мы побросали на полъ дорожные мѣшки, шумно разсѣлись вокругъ стола и приступили къ той пантомимѣ, какую пускаютъ въ ходъ балетные пейзаны и разбойники, когда, остановившись передъ оторопѣвшимъ трактирщикомъ, настоятельно показываютъ, что желаютъ добраться до его погреба и кухни.

Мрачное настроеніе владѣльца посады повидимому только усилилось; пробудившись окончательно и сверкая глазами, онъ рванулся впередъ, простеръ руки и прокричалъ громовымъ голосомъ:

— Chicolata!

— No, no chicolata! Не хотимъ шоколада! отозвались всѣ хоромъ, дергая отрицательно головою: — вотъ еще что выдумалъ! No, no chicolata! No!..

— Можетъ-статься у него ничего нѣтъ кромѣ шоколада...

— Не можетъ быть! чтоже это за посада послѣ этого! Наконецъ, что до меня касается, я положительно не могу пить шоколаду; я такъ голоденъ, что выпью семь чашекъ и къ завтрему навѣрное буду боленъ...

— Знаете-ли что, господа, промолвилъ Б. Т.: — не обратиться ли намъ къ нашей любезной tortillas per herbas? На этотъ разъ она была бы вовсе нелишнею...

— Превосходно! Tortillas per herbas! закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Chicolata! отозвался трактирщикъ еще упрямѣе и досадливѣе прежняго.

— Tortillas! tortillas! прокричали мы, стуча кулаками по столу.

При этомъ трактирщикъ вышелъ уже окончательно изъ себя; онъ началъ было что-то говорить, но вдругъ остановился, ухватилъ себя за волосы и яростно затопалъ ногами.

Не знаю чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ въ эту самую минуту не вошолъ въ комнату новый гость: то былъ высокій, толстый господинъ съ широкимъ, улыбающимся лицомъ. Трактирщикъ бросился къ нему и началъ говорить очень скоро, сопровождая каждое слово самыми отчаянными жестами.

Можете судить о нашей радости, когда незнакомецъ, обра-

Digitized by Google

тись къ намъ, заговорилъ вдругъ по-французски; радость удвоилась, когда онъ объявилъ, что говоритъ по-испански такъ же хорошо, какъ на родномъ языкѣ. Это былъ купецъ изъ Бордо, пріѣзжающій сюда ежегодно для закупки винъ, которыми торговалъ съ Бельгіей; онъ завернулъ въ посаду, чтобы посмотрѣть, не было ли тутъ его товарищей. Но увы! радость наша не была продолжительна: онъ сказалъ, что въ посадѣ, несмотря на то что она единственная въ Хересѣ, ничего нельзя было достать кромѣ шоколада и кукурузнаго хлѣба.

— Утромъ, во время рынка, другое дѣло; но теперь придется голодать, если вы не охотники до шоколада, сказалъ онъ.—Хересъ въ этомъ отношеніи жалкій городишка; здѣсь пріѣзжающіе останавливаются или у знакомыхъ, или на квартирахъ отъ жильцовъ; впрочемъ постойте, можетъ-быть что-нибудь еще и найдется! примолвилъ онъ, весело подмигивая: — здѣсь даже за деньги нерѣдко приходится вымаливать услугъ трактирщика, какъ милость какую-нибудь.

Переговоривъ съ хозяиномъ, который упрямо и горячо о чемъ-то спорилъ, французъ радостно объявилъ намъ, что нашлась утка.

Пока жарили утку, мы воспользовались случаемъ и начали разспрашивать новаго знакомца, какъ сдѣлать, чтобы осмотрѣть погреба.

— Очень легко, сказалъ онъ: — какой погребъ желаете вы осмотрѣть?

— Намъ говорили въ Севильѣ, что здѣсь самый знаменитый погребъ принадлежитъ г. Домеку.

— Превосходно! это мой соотечественникъ; онъ будетъ очень радъ вашему посѣщенію; самого Домека нѣтъ въ Хересѣ, но это все равно: здѣсь его племянникъ, очень обязательный и милый человѣкъ; вы прямо къ нему адресуйтесь. Къ сожалѣнію, я завтра ѣду, а то бы самъ васъ туда свелъ; но это все равно; имя Домека такъ популярно въ Хересѣ, что стоитъ сказать его первому встрѣчному — онъ прямо приведетъ васъ на мѣсто.

Наконецъ явилась столь ожидаемая утка.

— Ma foi, je ne m'attendais pas à un *canard* pareil! Il est fort celui-là! — воскликнулъ французъ, заглядывая въ блюдо и заливаясь дребезжащимъ смѣхомъ.

Но хорошо было ему смѣяться на сытый желудокъ; каково

Digitized by Google

намъ приходилось при видѣ этой утки, состоящей буквально изъ одного каркаса обтянутаго кожей, пережженой въ оливковомъ маслѣ! Непостижимымъ дѣлалось, какъ могла существовать такая птица: хоть бы одинъ живой мускулъ, хоть бы одинъ тонкій ломтикъ мяса! Дѣлать нечего, пришлось обратиться къ шоколаду.

— Да, забавная страна! говорилъ французъ, не умолкавшій ни на минуту: — почва плодородна болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь; народъ одаренъ всѣми способностями; и между тѣмъ все, къ чему ни притронешься, — въ самомъ дикомъ, младенческомъ состояньи!.. Не желаю вамъ, господа, доброй ночи, довершилъ онъ прощаясь съ нами: — это невозможно; въ гостинницѣ Хереса такое желаніе имѣло бы даже видъ насмѣшки; впрочемъ сами увидите.

Онъ нисколько не преувеличивалъ. Мнѣ и Б. Т. отвели маленькую комнату съ кирпичнымъ голымъ поломъ и двумя низенькими диванами, покрытыми вмѣсто подушки какими-то жосткими валунами, которые врѣзывались въ ребра; въ окнѣ, доходившемъ до полу, недоставало двухъ нижнихъ стеколъ; одно изъ нихъ завѣшивалось тряпкой; раздуваясь по волѣ вѣтра, она только напускала еще больше воздуху. Но это были еще цвѣточки; едва улеглись мы на диваны и задули свѣчку, тѣло наше почувствовало такой зудъ, какъ-будто насъ заживо поджаривали; минутъ черезъ пять мы начали даже стонать: такъ облѣпили насъ насѣкомые. Комната эта давно, я думаю, не слыхала такихъ ожесточенныхъ проклятій. Пособить этому не было никакой возможности; не ночевать же въ самомъ дѣлѣ на улицѣ! Ворочаясь чуть не до зари, мы однакожъ заснули.

Немало удивились мы, когда утромъ, взглянувъ на часы, увидѣли, что уже девять.

Подкрѣпивъ силы свои неизбѣжнымъ шоколадомъ, общество наше, спавшее не лучше нашего, отправилось прямо къ Домеку. Французъ сказалъ правду: первый muchacho, къ которому обратились мы съ именемъ Домека и которому показали мелкую монету, тотчасъ же понялъ чего мы отъ него хотѣли.

Проходя городомъ, мы немало удивились, увидя улицы запружонными народомъ. Куда дѣвалась вчерашняя тишина! Все суетилось, двигалось и страшно кричало. Здѣсь, узнали мы потомъ, происходили въ этотъ день какіе-то важные выборы.

Digitized by Google

Внѣшняя физіономія Хереса, кромѣ общихъ чертъ, свойственныхъ всѣмъ городамъ Андалузіи, то-есть узенькихъ, извилистыхъ улицъ, затемненныхъ выступающими крышками, низкихъ выбѣленныхъ домовъ, усѣянныхъ зелеными жалюзи, — не представляетъ ничего особенно характернаго; мы все это видѣли уже сотни разъ. Спускаясь по одной изъ улицъ, замкнутой слѣва огромнымъ сѣрымъ и совершенно голымъ зданіемъ собора (внутри онъ такъ же мало замѣчателенъ, какъ и снаружи) — мы увидѣли рядъ бѣлыхъ стѣнъ; онѣ окружали множество высокихъ строеній, столпившихся въ одну кучку; это были владѣнія Домеки.

Они занимаютъ большое пространство и состоятъ изъ множества отдѣльныхъ дворовъ; каждый дворъ имѣетъ свое спеціальное назначеніе. Здѣсь каждый день впродолженіе круглаго года употребляется до двухсотъ работниковъ; во время сбора винограда число это возрастаетъ до полуторы тысячи. Но самое замѣчательное здѣсь, это самые погреба. Девять каменныхъ корпусовъ въ родѣ нашихъ манежей, но только выше, и освѣщенныхъ сверху, установлены снизу до верху рядами бочекъ; каждый рядъ отмѣченъ ярлыкомъ и представляетъ особое отдѣленіе: здѣсь отдѣленіе винъ, отличающихся другъ отъ друга сортомъ винограда: пахарете, амонтильядо, — такое, которое совершило кругосвѣтное плаваніе, такое, которое собирается его сдѣлать и такъ далѣе; тутъ отличіе состоитъ въ большемъ или меньшемъ времени, которое вино стоитъ въ бочкахъ. Время, какъ извѣстно, удобряетъ хересъ; улучшается онъ также и дѣлается мягче черезъ сообщеніе съ воздухомъ. Хересъ, какъ большая часть крѣпкихъ южныхъ винъ, содержитъ въ себѣ много спирту; извѣстная часть алькоголя должна улетучиться, и потому большая часть бочекъ стоитъ съ открытыми отверстіями.

Намъ давали пробовать между прочимъ вина, которому сто тридцать лѣтъ; его всего двѣ бочки; оно не продается, но время отъ времени хозяева дарятъ по нѣскольку бутылокъ значительнымъ лицамъ. На мой вкусъ, вино это имѣетъ свойство всего знаменитаго, авторитетскаго: издали подходишь съ благоговѣніемъ; попробуешь — ничего нѣтъ особеннаго, такъ что даже выбранишь себя за преждевременное поклоненіе. Вино это попеременно носило названіе всѣхъ великихъ людей своего времени: до четырнадцатаго года на бочкѣ начертано было мѣломъ: Наполеонъ I; послѣ того, первый путешествующій англичанинъ

Digitized by Google

стеръ это имя и написалъ на его мѣстѣ: Велингтонъ; послѣднее имя и теперь еще красуется на бочкахъ. Изъ виноградниковъ Домека ежегодно добывается тысячу пятьсотъ тонъ вина, по тридцати аробовъ въ каждомъ тонѣ (ароба ровняется шестнадцати литрамъ). Годичный запасъ состоитъ изъ пятнадцати тысячъ боченковъ вина всѣхъ возможныхъ сортовъ и достоинствъ.

Насъ, весьма натурально, интересовало узнать, въ какой силѣ существуетъ торговля между Хересомъ и Россіей. Племянникъ г. Домека, вызвавшійся быть нашимъ чичероне, зналъ очень хорошо имена главныхъ нашихъ виноторговцевъ; онъ сообщилъ, что вотъ уже скоро девять лѣтъ, какъ домъ ихъ прекратилъ съ Россіей всякія сношенія.

— Это почему? спросили мы.

— Ваши виноторговцы требовали слишкомъ низкіе сорта; для насъ выгоднѣе оставлять такое вино у себя; мѣста у насъ много; простоявъ у насъ нѣсколько лѣтъ, оно получитъ доброту, которая потомъ при продажѣ удвоиваетъ цѣнность вина. кромѣ того та еще выгода, что вывозя только хорошее вино, мы поддерживаемъ репутацію дома. Но другіе погреба торгуютъ съ Россіей; у васъ также нынѣ настоящій, хорошій хересъ, но только, сколько мнѣ извѣстно, онъ выписывается изъ Англіи; въ Англіи хересъ привозится не иначе какъ разбавленный водкой: онъ иначе не выдерживаетъ перевозку моремъ.

Боченокъ въ шестьсотъ бутылокъ хорошаго вина, стоитъ въ Хересѣ около трехсотъ пятидесяти рублей серебромъ; есть сорта несравненно дороже. Объ обширной дѣятельности завода Домеки можете судить по башнѣ, которая сложена на одномъ изъ дворовъ изъ дубовыхъ брусьевъ, предназначающихся для ежегоднаго изготовленія бочекъ; насъ было восемь человѣкъ, и всѣ мы свободно взбирались по ея лѣстницѣ, сложенной изъ тѣхъ же брусьевъ; съ высоты этой башни открываются не только владѣнія завода, но часть города и ближайшая окрестность.

Насъ пригласили въ домъ владѣльца, — очень роскошный домъ, въ которомъ между прочимъ находится интересное собраніе картинъ старыхъ испанскихъ мастеровъ. Но намъ было не до картинъ, тѣмъ менѣе, что, сколько помнится, ни одной не было особенно знаменитой.

Несмотря на невыгодное впечатлѣніе, произведенное Хересомъ, каждый изъ насъ невольно начиналъ чувствовать тоску.

Digitized by Google

предшествующую разлукѣ; этотъ день былъ послѣднимъ, который провели мы въ Испаніи. Мы поспѣшили проститься съ обязательнымъ племянникомъ Домека, чтобы поспѣть вовремя на желѣзную дорогу къ трехчасовому поѣзду.

Хересъ, сколько можно судить изъ оконъ вагона, раскинутъ посреди холмистыхъ полей. Это тѣ самыя поля, на которыхъ въ началѣ восьмого столѣтія арабы одной битвой завоевали у готовъ Испанію; но историческій интересъ не придаетъ имъ никакой красоты; самые виноградники, которыми покрыты скаты холмовъ, представляли теперь самый жалкій видъ; плоды были собраны; вмаружу вмѣсто густой кудрявой зелени, высовывались миріады голыхъ тычинокъ; подъ ними лежали взбудораженными грудами рыжіе, блеклые листья. Тотъ же рыжеватый тонъ распространялся на лугахъ, которые, чѣмъ дальше отъѣзжаешь отъ Хереса, тѣмъ больше овладѣваютъ мѣстностью; однообразіе прерывается большими стоячими лужами. Вы представить себѣ не можете, до чего, мѣстами, поражаетъ здѣсь страшная запущенность. Безпечность ли народа тому виною, или малое населеніе — не знаю; на каждомъ шагу встрѣчается мѣстность, которая для землевладѣльца была бы кладомъ; она отвѣчаетъ на всѣ условія выгодной разработки; сила растительности высказывается исполинскими алоэ, достигающими иногда до двухъ съ половиной саженей; ко всему этому между тѣмъ, со времени арабовъ, рука человѣческая не прикоснулась. Въ странѣ, гдѣ вода — такая рѣдкость, послѣ каждаго дождя стекаются въ низменныя мѣста, какъ здѣсь напримѣръ, огромныя лужи, — стоитъ только нѣсколькимъ рукамъ притронуться, чтобы разлить эту воду по канавкамъ и тѣмъ оплодотворить почву. Но руки не являются, лужи пересыхаютъ, а до того времени распространяютъ въ воздухѣ заразу.

Въ пятомъ часу прибыли мы въ Puerto Santa-Maria, небольшой, но очень оживленный и живописный городокъ на песчаномъ берегу голубого залива, который отдѣляетъ его отъ Кадиса. Часъ привелъ въ отличную посаду. Столовая — чистая, свѣжая комната, обставленная горшками съ зеленью и удобною мебелью — расположена въ нижнемъ этажѣ. Изъ оконъ открывается видъ на море, усѣянное какъ пухомъ бѣлыми мелкими парусами.

Давно не имѣли мы въ Испаніи такого славнаго обѣда; онъ

Digitized by Google

состоялъ изъ превосходныхъ, только-что вынутыхъ изъ воды устрицъ, свѣжихъ жареныхъ бараньихъ котлетъ съ бобами, хорошаго вина и плодовъ.

Puerto — любимая лѣтняя прогулка жителей Кадиса и другихъ ближайшихъ городовъ; окрестности Puerto усѣяны садами и дачами богатыхъ мѣстныхъ негоціантовъ и землевладѣльцевъ. Онъ славится также своими родниками, изъ которыхъ многіе имѣютъ цѣлебное свойство. Оберпитесь спиною къ морю, а лицомъ станьте къ городу и передъ вами, за первымъ планомъ бѣлыхъ домовъ, насаженныхъ другъ на дружку, съ ихъ терасами и зелеными жалюзи окопъ,—развертываются отлогіе холмы, исполосованные бѣлыми линіями стѣнъ, изъ-за которыхъ вырывается самая роскошная растительность; мѣстами надъ нею выбѣгаютъ длинные чешуйчатые стволы пальмъ съ ихъ раскидистою, граціозною верхушкой. На всемъ этомъ, при обыкновенной прозрачности здѣшняго воздуха, яркости освѣщенія и голубизнѣ неба, лежитъ печать чего-то веселаго, милаго и въ высшей степени живописнаго. Puerto славится также по всей Андалузіи своими боями быковъ; здѣшняя арена одна изъ лучшихъ. Но, какъ я уже сказалъ въ статьѣ своей о Кадисѣ, намъ не удалось видѣть этого зрѣлища; бои быковъ оканчиваются съ исходомъ сентября; причина этого, какъ сказали намъ, дожди, которые появляются около этого времени; почва арены размягчается и дѣлается неспособною для эволюцій матадоровъ, chulos, банде-рильосовъ и проч.

Какъ здѣсь обыкновенно бываетъ, — все населеніе, съ наступленіемъ вечера, высыпало изъ домовъ, и улицы ярко запестрѣли. Въ Puerto любимое мѣсто прогулки — Victoria, апельсинная роща, раскинувшаяся по берегу моря. Здѣсь, точно такъ же какъ въ Севильѣ и Кадисѣ, съ перваго взгляда бросается въ глаза значительное преобладаніе женскаго пола надъ мужскимъ. Большинство женщинъ, вмѣсто черной кружевной мантильи, покрываютъ голову яркимъ краснымъ платкомъ, который ниспадаетъ складками ниже колѣнъ; такой нарядъ идетъ какъ нельзя лучше къ смуглому цвѣту лица, чернымъ волосамъ съ голубоватой волной и блестящимъ андалузскимъ глазамъ; типъ женщинъ не такъ строгъ какъ у кадитанокъ; онъ скорѣе приближается къ живому типу женщинъ Севильи. Чѣмъ далѣе заходили мы впередъ, тѣмъ болѣе попадалось хорошенькихъ; не успѣешь

Digitized by Google

остановить глаза на одной, смотришь — тамъ идетъ еще красивѣе.

Но увы! въ то самое время, когда подъ тѣнью апельсинныхъ деревъ Victoria прибывало съ каждой минутой больше гуляющихъ, когда сквозь веселый шумъ толпы, смѣхъ и шелестъ вѣеровъ, стали мѣстами раздаваться акорды гитаръ, когда съ послѣдними вспышками огненнаго заката, Puerto явился передъ нами во всей красѣ своей, — намъ слѣдовало съ нимъ разстаться!

Катеръ давно уже ожидалъ насъ у пристани. Отъ Puerto до Кадиса одиннадцать верстъ. Нашъ корабль стоялъ отъ Кадиса въ полуверстѣ; приходилось слѣдовательно плыть болѣе десяти верстъ, а вдобавокъ плыть въ греблю, потомучто тишина воздуха не позволяла поставить парусъ.

Расположившись въ катерѣ лицомъ къ берегу, такъ чтобы по крайней мѣрѣ не выпускать его изъ виду какъ можно долѣе, мы любовались городомъ до тѣхъ поръ, пока быстро набѣжавшія сумерки и наконецъ отдаленье не скрыли его изъ виду. Разъ или два вѣтерокъ принесъ намъ какіе-то неясные звуки, и наконецъ все смолкло и затуманилось ночью. Тогда вниманіе наше обратилось въ другую сторону залива, къ Кадису... Мы всѣ любили его; каждый вынесъ оттуда столько милыхъ, незабвенныхъ впечатлѣній! Но Кадисъ былъ слишкомъ еще далекъ.

Вокругъ насъ разстилалась во всѣ стороны и уходила въ темноту незыблемая гладь залива. Небесный сводъ, который здѣсь, несмотря на густоту синяго цвѣта, кажется несравненно глубже и еще необъятнѣе, чѣмъ на сѣверѣ, усыпанъ былъ звѣздами; онѣ отражались въ морѣ во всей чистотѣ алмазнаго своего блеска; слѣдъ нашего катера сверкалъ такимъ фосфорическимъ блескомъ, что позволялъ различать лица; съ каждымъ ударомъ веселъ, вода закипала вокругъ мильонами огненныхъ искръ и стекала потомъ съ веселъ серебристыми блистающими струями.

Нѣсколько недѣль назадъ, эта самая прогулка вырвала бы у насъ крики восторга. Теперь мы плыли молча. Прелесть настоящаго впечатлѣнія усиливала только тягостное чувство разлуки.— «Въ послѣдній разъ! въ послѣдній!.. Прощай! Долго не увидимся! Можетъ даже быть никогда больше!..» повторялъ поочередно то тотъ, то другой. Легко было замѣтить, что въ душѣ каждаго скрывалась одна и таже мысль; ее можно было пере-

Digitized by Google

вести такими словами: — «Ничего-что Испанія такъ далеко отстала во многомъ отъ Европы: несмотря на всѣ ея неудобства, безпорядки, безобразіе управленія, дикость и запущенность; несмотря на голодъ, который часто приходится испытывать, на жесткія постели, на tortillas съ оливковымъ масломъ и несвѣжими яйцами; несмотря даже на клоповъ и блохъ, живо напоминающихъ родное отечество, — Испанія все-таки самая увлекательная, поэтическая часть Европы, и разставаться съ нею куда какъ не хочется!»

Уже поздно ночью увидѣли мы передъ собою огромную черную глыбу нашего корабля; онъ тихо поскрипывалъ, очерчивая въ звѣздномъ небѣ свои верёвки и мачты. За нимъ, неподалеку и ниже къ горизонту, сверкалъ знакомый рядъ огней на Аламедѣ Кадиса, гдѣ мы провели чуть ли не лучшіе часы надо всего нашего путешествія.

Съ зарею мы снова увидѣли бѣлый, милый Кадисъ съ его терасами, цвѣтами, вышками и безчисленными зелеными балконами; но любовались мы имъ уже не долго; притомъ любовались мы съ палубы корабля, который летѣлъ на всѣхъ парусахъ и съ каждой минутой все дальше уносилъ насъ въ открытое море...

Д. ГРИГОРОВИЧЪ

Digitized by Google

ГОЛУБЯТНЯ [1]

Вы думаете рѣчь идетъ о простой голубятнѣ? Нѣтъ, это бѣдная комнатка, въ которой живутъ два старые голубя — мужъ и жена.

Въ одинъ изъ снѣжныхъ мартовскихъ вечеровъ, въ Парижѣ, я сидѣла дома и читала, когда отворилась дверь и мнѣ подали письмо. Не нужно было и распечатывать, чтобъ догадаться, что это была просьба о пособіи. Письма этого рода такъ схожи другъ съ другомъ: одинаковая бумага, почеркъ, какой-то особенный запахъ, характеризующій нищету, часто съ примѣсью запаха водки и табаку.

Замѣчали ли вы, какъ нищета уничтожаетъ въ человѣкѣ его собственную личность? Пока вы богаты, у васъ свои наклонности, свой характеръ, свои особенности; обѣднѣли вы — и все это такъ-сказать сгладилось; принимаясь писать письмо о пособіи, вы употребите тѣже общія бѣднякамъ блѣдныя чернила, мысли въ письмѣ примутъ общее всѣмъ направленіе, даже сложите вы письмо общеупотребительнымъ скромнымъ образомъ: однимъ словомъ, выйдетъ письмо о пособіи! То, которое я держала въ рукахъ, не пахло ни табакомъ, ни водкой. Но впродолженіе зимы мнѣ такъ часто случалось наталкиваться на обманъ и мошенничество, что я имѣла нѣкоторое право сдѣлаться эгоисткой и не съ прежнимъ довѣріемъ смотрѣть на людскія бѣдствія.

У меня промелькнула было грѣшная мысль отдать письмо назадъ не распечатывая, однако я не сдѣлала этого, потому ли, что

---

[1] Въ прошломъ году въ Парижѣ вышла книга «Les Horizons Prochains», имѣвшая огромный успѣхъ. Она вся состоитъ изъ мелкихъ разсказовъ. Имя автора неизвѣстно, но безъ сомнѣнія это женщина. Мы перевели изъ этой книги двѣ прилагаемыя повѣсти, чтобъ познакомить публику съ новымъ талантомъ. Прибавимъ только, что талантъ этотъ, по преимуществу религіозный, къ сожалѣнію вдохновляется болѣе католицизмомъ, чѣмъ евангельскимъ ученіемъ.

Digitized by Google

стало совѣстно самой себя, или что человѣкъ, ожидавшій отвѣта, проговорилъ: «они здѣсь сами.»

Я отпустила его, распечатала письмо и прочла. Въ конвертѣ было два письма. Одно, съ просьбою о пособіи, четко написанное, сходное съ многими изъ получаемыхъ мною прежде. Въ немъ такъ же слова «Богъ», «благодѣтель», «отчаяніе» были написаны большими буквами, съ различными каллиграфическими украшеніями. Описывалась въ немъ крайняя бѣдность, впрочемъ какимъ-то особенно-искреннимъ тономъ, нѣкоторыя фразы казалось вылились прямо изъ сердца; но я такъ уже была предубѣждена противъ всѣхъ увѣреній подобнаго рода, мои уши такъ прислушались къ стонамъ и вздохамъ, что я не чувствовала уже себя способной отличить правильной ноты отъ фальшиваго звука. Вотъ въ чемъ худая сторона призванія людей, посвятившихъ себя на пользу ближняго.

Слѣдующее письмо было совершенно другого рода: это была рекомендація какого-то зажиточнаго господина, проживающаго въ Ліонѣ. Я нѣсколько знала его. Онъ посылалъ ко мнѣ двухъ бѣдняковъ: у нихъ было прежде свое заведеніе и жили они хорошо, но потомъ дѣла какъ-то разстроились. Люди, писалъ онъ, просто примѣрной честности. Они обратились къ нему за помощью, онъ сдѣлалъ для нихъ все что могъ, подѣлился сверхъ того самымъ дорогимъ достояніемъ — частыми христіанскими убѣжденіями; они вѣрили и любили, но имъ противно было жить милостыней. Въ Ліонѣ нечего было дѣлать, Парижъ представился имъ обѣтованной землею и не было средствъ удерживать ихъ долѣе. Жена можетъ-быть бы и не поѣхала: у ней осталось меньше иллюзій; но съ мужемъ и толковать было нечего. Парижъ, гдѣ требуется столько изящной мебели и драпировокъ, а у него такой изящный вкусъ!.. Не прошло вѣдь еще и двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ отличался своимъ искусствомъ можно-сказать во второмъ городѣ Франціи, послѣ Парижа; да ему стоитъ только явиться — и всѣ мастерскія такъ и завалятъ его работой! Одно только его заботило, что нужно будетъ держать человѣкъ двадцать работниковъ, а это можетъ-быть непріятно женѣ.

Всѣ доводы и аргументы остались безъ пользы; они уѣхали. Письмо, въ которомъ мнѣ рекомендовали ихъ, написано было еще за три мѣсяца. Сколько въ эти три мѣсяца понесено труда, испытано лишеній!

Я быстро отворила дверь и нашла ихъ сидящими смиренно;

Digitized by Google

рядкомъ на скамейкѣ, въ черной одеждѣ; это были два старыя, блѣдныя лица, съ перваго раза возбуждавшія какое-то особенное сочувствіе. Мужу было лѣтъ шестьдесятъ, женѣ за пятьдесятъ, хотя она казалась старше. У ней было кроткое лицо, окаймленное сѣдыми волосами, ясные глаза, сохранившіе какой-то отпечатокъ далекой молодости, спокойно обрисованный ротъ, что́-то особенно кроткое, покорное и доброе во всей фигурѣ. Она стояла позади мужа, безъ признаковъ особеннаго замѣшательства, хотя немного сконфуженая.

Мужъ ея, старый обойщикъ, ни въ чемъ не походилъ на нее: это былъ маленькій человѣчекъ, съ живыми, лихорадочными глазами, порывистыми движеніями; онъ то вставалъ, то садился, казался измученнымъ, безпрестанно взглядывалъ на жену съ любовью, но и любовь эта была какая-то тревожная. У него былъ низкій лобъ, густые сѣдые волосы, узкая голова, и что-то, что̀ при взглядѣ на него заставляло невольно подумать о коноплянкѣ. На самомъ дѣлѣ онъ отличался недостаткомъ, приписываемымъ этой птицѣ; я это замѣтила въ первыя десять минутъ.

Несмотря на убогую жизнь, въ душѣ жены было спокойствіе, а тревожный умъ мужа кипѣлъ и волновался ежеминутно. Она вѣрила и все упованіе возлагала на Бога, онъ тоже вѣрилъ, а между тѣмъ ждалъ помощи отвсюду; она ждала терпѣливо, онъ сгаралъ въ безполезной тревогѣ; она не оглядывалась на прошедшее, онъ съ горечью припоминалъ его и увеличивалъ свои страданія; она любила его нѣжно и въ этой любви было все ея утѣшеніе, онъ любилъ страстно, и въ любви къ ней были его самыя лютыя муки. Три мѣсяца искали они работы и не нашли.

— Всѣ говорятъ, что я старъ! говорилъ мой бѣднякъ. — Всюду мнѣ заперты двери! не дали обить ни одного стула, ни одной драпировки повѣсить, когда я работалъ въ архіерейскомъ домѣ! Посмотрите, развѣ мои руки ужь никуда не годны? — и онъ засучивалъ рукавъ своего истертаго платья: — развѣ у меня не всѣ десять пальцевъ?.. Просить милостыню!.. а нужно, потомучто нѣтъ хлѣба!

И онъ почти упалъ на скамейку. Жена его остановила на мнѣ свои прекрасные, спокойные глаза, на которыхъ навертывались слезы и взяла за руку мужа.

— Богъ не оставитъ насъ! сказала она такимъ тихимъ, задушевнымъ голосомъ, что вѣрно ея простыя слова дошли до Бога.

Старый обойщикъ вдругъ успокоился.

Digitized by Google

— Правда, сказалъ онъ: — мы еще счастливы!

Когда они уходили, мужъ инстинктивно, наперекоръ обычаю, взялъ подъ руку жену, вмѣсто того чтобъ самому подать ей руку. Это была его давнишняя привычка, а она и не замѣчала этого. Ни разу эта чистая, смиренная душа не подумала, что была опорой своего стараго товарища; ни разу не замѣтила, что была во всемъ выше его; приди ей эта мысль, — она была бы ей ненавистна... но къ счастью, она не приходила. Это была не притворная скромность, за которой нерѣдко прячется гордость, не одна лишь наружная покорность, скрывающая твердую волю, способную достигнуть цѣли окольными путями, если нѣтъ силъ идти къ ней прямо; она не говорила: такъ хочетъ мужъ! но была искренно готова исполнить его желаніе. Если оно ей не нравилось, она высказывала это спокойно и прямо, но не настаивая; все сдѣланное худо исправляла такъ сказать инстинктивно, почти не отдавая себѣ отчета. Она любила мужа всѣми силами души, уважала и удивлялась ему. Онъ былъ честнѣйшая душа, готовый на добро, неутомимый въ трудѣ, но смотрящій на себя, на жизнь и на все, кромѣ своей жены, съ какой-то мрачной точки зрѣнія.

Въ Парижѣ нетрудно потерять кого-нибудь изъ вида. Оказавъ всю зависящую отъ меня помощь этимъ бѣднякамъ, я занялась другими. Прошло два мѣсяца, они не напоминали о себѣ и я позабыла ихъ, но вдругъ вспомнила и бросилась къ нимъ на квартиру.

Въ комнатѣ былъ одинъ только мужъ.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить, что ихъ опять посѣтила нужда. Оставалась только необходимая мебель; желѣзная печь, въ которой варился бѣдный обѣдъ, бѣлыя занавѣски на окнахъ и занавѣси съ кровати, старинныя чашки, позолоченые стаканы, эстампы — все отправилось въ Mont de Piété. Порядокъ въ комнатѣ, нѣсколько лоскутковъ, постланныхъ у кровати вмѣсто ковра, напоминали о присутствіи женщины.

Обойщикъ писалъ такъ прилежно, что въ первую минуту не замѣтилъ меня. Заслышавъ шумъ, онъ поднялъ голову, быстро вскочилъ, усадилъ меня, потомъ по обыкновенію схватился за голову и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Часъ отъ часу хуже! совсѣмъ нѣтъ работы! она измучилась! — Онъ взялъ въ руки работу жены и опять положилъ ее на мѣсто.

— Я ничего не дѣлаю, а она меня кормитъ! Я умѣю только

Digitized by Google

протягивать руку. Просить, вѣчно просить!.. Онъ сдѣлалъ отчаянный жестъ; ему припомнилась работа въ архіерейскомъ домѣ.

— И къ довершенію всего, я ее мучу... да, мучу! Мнѣ слѣдовало бы ободрять ее, а выходитъ наоборотъ: я отнимаю у ней послѣднюю силу; слѣдовало бы кротко принимать ея утѣшенія, а я раздражаюсь! У ней есть вѣра, а я принялъ роль демона, стараюсь ее уничтожить. Когда она велитъ мнѣ надѣяться, я спрашиваю, къ чему это ведетъ. Я злой, безполезный человѣкъ, годный только на то, чтобъ ее мучить!

Онъ откинулся на спинку стула.

— Гдѣ бы вы думали она теперь? въ Mont de Piété, — понесла закладывать часы, которые я подарилъ ей въ день свадьбы, тридцать шесть лѣтъ тому назадъ. А знаете ли, что́ я сдѣлалъ? Я насказалъ ей за это цѣлую тьму грубостей! Она на меня посмотрѣла, поцѣловала и снова сѣла на мѣсто. Тогда я грубо сказалъ ей «ступай!» и она вышла.

Нѣсколько минутъ онъ молчалъ.

— Но вотъ посмотрите, заговорилъ онъ уже почти веселымъ голосомъ, подавая мнѣ листъ, который писалъ до моего прихода: — посмотрите! Я справедливъ къ себѣ, это доставитъ ей удовольствіе!

Я прочла: «милая жена, я негодяй. Милая жена, я недостойный человѣкъ!» и такъ исписанъ былъ весь листъ до конца, печатными буквами.

— Не думаю, чтобъ это могло ее обрадовать, сказала я просто.

Онъ съ безпокойствомъ взглянулъ на меня.

— Лучше скажите ей, что вы ее любите.

— Люблю ли я ее! вскричалъ старикъ съ горячностью. — Эта женщина, жена моя, это ангелъ! Въ ней вся моя жизнь! Я очень несчастливъ; мы терпимъ холодъ (и онъ окинулъ взглядомъ бѣдную комнату), иногда голодъ; но все-таки есть минуты, часы даже, когда мы счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ! Вечеромъ мы рано ложимся, свѣчи дороги... Тамъ (и онъ указалъ на бѣдную постель), когда она кладетъ на мое плечо свою голову, я бываю такъ счастливъ, что сердце выпрыгнуть хочетъ! О, если бы умереть въ такую минуту!

— А что же будетъ съ нею?

Онъ вскрикнулъ:

— Такъ, эгоистъ во всемъ и всегда! и началъ ломать руки.

Въ эту минуту растворилась дверь и вошла жена. Съ перваго взгляда замѣтила она разстройство мужа и бросилась къ нему:

Digitized by Google

— Прости меня, я огорчила тебя; мы выкупимъ ихъ, опять и ты самъ надѣнешь мнѣ ихъ на шею! и она обнимала его: — Я принесла хлѣба, всего, будемъ надѣяться на Бога; самъ Христосъ терпѣлъ голодъ.

Замѣтивъ меня, она немного сконфузилась и замолкла, потомъ поклонилась и поблагодарила меня за посѣщеніе. Старый обойщикъ всегда крѣпко держался своихъ мыслей. При первой возможности, онъ схватилъ исписанный листъ, и съ радостнымъ лицомъ отдалъ его женѣ. Она прочла, покраснѣла, подошла къ столу, быстро написала что-то, показала мужу и разорвала листъ на мелкіе кусочки.

Я уже послѣ узнала эти слова, которыя навсегда запечатлѣлись въ сердцѣ обойщика; вотъ они: «Я твоя счастливѣйшая жена и покорная раба.» Никакія благодѣянія не могутъ замѣнить работы. Обойщику работа была нужнѣе хлѣба.

— У меня есть старое кресло, очень хорошее; можете вы его поправить?

Глаза старика заблестѣли.

— Приходите.

— Когда? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Да завтра! или въ первый ясный день, какъ хотите.

— И... можно будетъ придти съ женою?

— Конечно!

— Она вѣдь знаетъ дѣло лучше меня!

— О, сказала она, съ кроткой улыбкой.

Лицо старика оживилось. Въ одну секунду онъ помолодѣлъ десятью годами; морщины разгладились, станъ распрямился, онъ потиралъ руки; то, чего не могли сдѣлать утѣшенія жены и вся моя помощь, сдѣлала работа, *его работа*. Онъ опять принимался за свое ремесло, и съ нимъ возвращалась вся его молодость и сила.

Онъ побѣжалъ къ комоду, открылъ ящикъ, посмотрѣлъ инструменты, перебралъ ихъ одинъ за другимъ и кажется вовсе забылъ о моемъ присутствіи. Выраженіе лица его жены было чисто небесное; она крѣпко сложила руки и молча смотрѣла на меня.

На другой день была прекрасная погода.

Въ Парижѣ мало скромныхъ уголковъ, и мой крошечный садикъ показался мнѣ въ это утро такимъ свѣжимъ, душистымъ.

Клочекъ голубого неба и зеленаго дерна, вьющіяся растенія у забора, золотистый ракитникъ, прекрасные розовые кусты, вокругъ которыхъ такъ и увиваются пчелы, жужжа съ озабоченнымъ видомъ;

Digitized by Google

небольшая палатка, защищающая отъ жара, садовые стулья, столъ и надъ нимъ цвѣтущая акація, усыпающая его своими бѣлыми, ароматными листьями,—вотъ каковъ былъ мой садъ. Конечно это жалкое воспроизведеніе той роскошной природы и той могучей радости, отъ которой расширяется сердце, когда идешь по полямъ весь облитый солнцемъ, свободный.

Уже въ семь часовъ утра я услышала звонокъ и увидѣла входящую чету. Они оба принарядились; платья ихъ были поношены, въ заплаткахъ, но все-жъ имѣли праздничный видъ. Сами они просто сіяли. Старика едва можно было уговорить позавтракать: до такой степени онъ торопился за дѣло. Надо было видѣть, какъ онъ за него принялся! Надѣвъ зеленый передникъ и набравъ полонъ ротъ булавокъ, онъ размѣрялъ, прикидывалъ, кроилъ, вѣчно былъ недоволенъ и двадцать разъ начиналъ сызнова; все это впрочемъ шло живо, искусно и работа быстро подвигалась.

Жена шила молча, внимательно слѣдя за нимъ, съ такимъ радостнымъ видомъ.

Главной моей заботой было кормить ихъ хорошенько и почаще давать имъ отдыхъ, а главной заботой старика (жена поняла меня сразу) было работать, чтобъ показать, что онъ не забылъ своего мастерства, можетъ сдѣлать еще кой-какія хорошія вещи, а главное—способенъ прокормить жену иначе, чѣмъ собирая милостыню.

Насилу могла я оттащить его отъ этого несчастнаго кресла и заставить отдохнуть немного въ саду, на солнышкѣ. Когда лучи солнца или запахъ цвѣтовъ врывались въ комнату, обойщикъ немедленно приподнималъ голову, говорилъ: «какъ хорошо здѣсь пахнетъ!» и съ новымъ усердіемъ брался за работу.

И былъ онъ счастливъ, по своему счастливъ, перебрасывался съ женою веселыми фразами, и оба смѣялись—онъ какъ-то отрывисто, она свѣжимъ и ровнымъ смѣхомъ.

Возвратились его счастливые дни, онъ началъ заработывать деньги.

Къ вечеру кресло было окончено блистательно; я сказала ему это; у него руки тряслись отъ радости; это былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Онъ смотрѣлъ на работу съ нѣкоторымъ самодовольствіемъ, но безъ гордости; казалось, ему было въ привычку хорошо дѣлать дѣло; смотрѣлъ онъ бодро и былъ такъ непривычно спокоенъ... Жена смотрѣла то на него, то на кресло, то опять на него, взглядывала и на меня, и мысленно благодарила Бога. Она

Digitized by Google

была въ сильномъ волненіи: счастье дѣйствовало сильнѣе горя на ея натуру.

Уходя, мужъ развязно подалъ ей руку; теперь уже онъ дѣлался ея покровителемъ.

Хотѣлось бы мнѣ остановиться на этомъ ясномъ лѣтнемъ днѣ, но увы! нужно досказать до конца.

Старый обойщикъ не ошибся: работа явилась, хотя небольшая, но жить было можно и они были счастливы.

Когда я въ іюлѣ уѣзжала изъ Парижа, въ комнаткѣ ихъ появилась нужная мебель; былъ даже горшокъ резеды на окнѣ, двѣ канарейки, и часы, первый свадебный подарокъ, красовались за поясомъ доброй женщины.

Теперь у нихъ было хозяйство, жили они душа въ душу, однимъ словомъ это было голубятня.

Есть люди, готовые посмѣяться надъ этой старой любовью; я не принадлежу къ ихъ числу.

Мнѣ жаль людей, думающихъ, что для любви есть одно только молодое время, а по прошествіи его сердце изсохнетъ и останется доживать вѣкъ сухо, прозаично, безъ вспышекъ, безъ свѣта и тѣни.

Мужчина и женщина любили другъ друга; въ душѣ ихъ была тьма нѣжности, цѣломудренности, граціи, тайныхъ волненій, печалей и радостей. Прошли года и они сдѣлались добрыми товарищами: это лучшій исходъ.. Они откровенны, снисходительны къ слабостямъ другъ друга, одинаково радуются и одинаково скучаютъ во весь остатокъ своей жизни, ничего не требуютъ и ничего не даютъ одинъ другому, безъ надеждъ и безъ сожалѣнія ожидая часа разлуки и, когда пробьетъ этотъ часъ, холодно и спокойно разстаются, — они, которые когда-то такъ горячо любили другъ друга!

Говорятъ, это разумно и въ порядкѣ вещей, а я нахожу это безумствомъ, и самымъ возмутительнымъ.

Я уѣхала изъ Парижа: въ немъ свирѣпствовала холера. Когда я возвратилась, декабрьскіе вѣтры оледеняли воздухъ своимъ дыханіемъ; въ домахъ было холодно, неучастно, я должна была заботиться о своемъ помѣщеніи.

Однажды, наканунѣ новаго года, раздается звонокъ; ко мнѣ пришолъ старый обойщикъ. Я почти не узнала его: онъ сидѣлъ на скамьѣ одинъ, сгорбленый, сморщеный, съ блуждающими глазами, и смотрѣлъ на меня пристально.

Digitized by Google

— Я голоденъ, проговорилъ онъ глухимъ голосомъ: — потому и рѣшился придти опять къ вамъ.

Я предчувствовала, что случилось что-то ужасное, но не рѣшалась разрѣшить своего сомнѣнія. Онъ посмотрѣлъ на меня, увидѣлъ, что я ничего не знаю, и вдругъ разразился:

— Жена умерла! дико вскричалъ онъ: — умерла, умерла, умерла!.. И схватился обѣими руками за голову. Потомъ глухо, какъ бы говоря самъ съ собою, онъ разсказалъ свою драму.

Въ самый сильный разгаръ холеры, бѣдная женщина отправилась за покупками и возвратясь заболѣла такъ сильно, что впродолженіи четырехчасовыхъ страданій, могла только прошептать едва внятное прощаніе съ мужемъ. Руки ея все время были сложены, послѣдняя улыбка напоминала ангела.

— Я одинъ, вотъ уже три мѣсяца! у меня ничего нѣтъ! я самъ ничто, а все-таки живу!.. Господь еще не сжалился надо мною!

Я тихо взяла его руку, какъ дѣлывала прежде его жена; онъ вздрогнулъ. Пока онъ продолжалъ свой разсказъ отрывистыми фразами, я наблюдала за разрушеніемъ, которое сдѣлало горе во всемъ его существѣ: онъ былъ оборваный, грязный, тогда какъ прежде чистота его платья была безукоризненна; щеки ввалились, глаза горѣли, все тѣло судорожно подергивалось. Онъ говорилъ скоро и много, неслыша ни своихъ словъ, ни моихъ возраженій; жалобы его лились какъ морская волна, ударяющаяся о берегъ. Когда я сильно затрогивала религіозную струну, она издавала неясный звукъ, но скорѣй въ силу привычки... Отчаяніе все заглушило.

— Я не работаю болѣе, голова не на мѣстѣ, говорилъ онъ. — Я двигаюсь, иду, дѣлаю что мнѣ скажутъ, какъ машина! Во мнѣ уже все умерло!.. А я не могу еще умереть! вскрикнулъ онъ вдругъ, вскакивая со скамьи. — *Я ѣмъ!* представьте, я могу еще *ѣсть!*.. да, я дѣлаю эту низость, потомучто голодъ мучителенъ!

Я велѣла принести бульону и еще чего-нибудь съѣстного, но онъ отказался, говоря, что у него горло сжимается и что онъ доволенъ тѣмъ, что можетъ говорить и плакать. Человѣкъ чувствуетъ себя ничтожнымъ, при взглядѣ на разъяренное море.

Мысль о своей слабости поражаетъ его. Онъ не можетъ смотрѣть на вѣчные валы и слышать этотъ могучій голосъ, раздающійся надъ водами. Есть другой океанъ, котораго предѣлы ему доступнѣе: это бездна печали, одна изъ тѣхъ глубокихъ горестей, для которыхъ нѣтъ болѣе надежды на землѣ, которая находитъ пищу

Digitized by Google

въ самой себѣ и подобно Прометею, вѣчно привязана къ скалѣ, съ растерзанными внутренностями; одна изъ тѣхъ бездонныхъ пропастей, въ которыхъ исчезаютъ всякая помощь и утѣшеніе.

Я не сказала этому человѣку, что у него былъ идолъ и что Господь сокрушилъ его; я не сказала ему, что жена его была твореніе божіе, а грѣшно такъ привязываться къ творенію, забывая творца; я не сказала ему, что христіанинъ долженъ радоваться ниспосылаемому ему горю.

Я спросила его только, по возможности спокойнымъ голосомъ, захотѣлъ ли бы онъ воротить ее теперь съ неба, гдѣ она безъ сомнѣнія, на эту бѣдную землю, такъ полную всякихъ страданій?

Эта мысль поразила его: — Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ онъ съ нѣжностью, и слезы хлынули изъ его глазъ.

— Желали ли бы вы, чтобы она была теперь на вашемъ мѣстѣ, а вы на ея?

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ онъ, почти съ радостнымъ выраженіемъ: — Господь возлюбилъ ее!

Онъ нѣсколько разъ повторилъ слово *возлюбилъ*, какъ-будто запечатлѣвая въ своемъ сердцѣ это первое утѣшеніе. *Онъ возлюбилъ ее!* эта мысль примиряла его съ волей господней. *Онъ возлюбилъ ее!* повторялъ онъ нѣсколько разъ.

Въ этотъ день не хотѣлъ онъ принять никакой другой пищи.

На другой день я пошла къ нему. На двери прибита была черная досечка съ бѣлою надписью: *здѣсь покоится Бенаръ вдовецъ*. Слово вдовецъ написано было огромными буквами. У меня сжалось сердце. Разсудокъ бѣдняка не выдержалъ напора горя.

Я остановилась на порогѣ. Бенаръ неподвижно сидѣлъ передъ альковомъ. Кровати въ немъ не было: она стояла всторонѣ, неоправленая. Въ альковѣ возвышался изящный катафалкъ.

Я подошла; Бенаръ оглянулся, бросился ко мнѣ и подвелъ меня за руку къ своему мѣсту.

— Вотъ что я сдѣлалъ! сказалъ онъ мнѣ голосомъ, въ которомъ изъ-за грусти проглядывало какое-то удовольствіе. — Посмотрите! и голосъ его дрожалъ, движенія дѣлались лихорадочны. Смотрите! вотъ ея столъ, покрытый чернымъ сукномъ; вотъ клѣтка: канарейки умерли, я позабылъ о нихъ въ своихъ мученіяхъ: *она не сдѣлала бы этого!* Вотъ бѣлые цвѣты! На это я употребляю всѣ свои заработки и все что мнѣ даютъ, все!.. Вотъ ея часы, часы...

Digitized by Google

(слезы его задушили) Они остановились въ тотъ день... Вотъ ея кольцо... вотъ ея шаль, бѣдная шаль!

Онъ упалъ на колѣни и съ головой закрылся шалью; мнѣ слышались его рыданія. Закрывшись этимъ саваномъ, онъ продолжалъ:

— Въ ней была моя вѣра; она учила меня любить Христа и нести его иго; теперь, она все унесла съ собою! Я не молюсь болѣе, не знаю, вѣрю ли я и приметъ ли меня Господь!

Почти инстинктивно я схватила со стула книгу, открыла ее и положила на катафалкъ. Бенаръ узналъ ее, склонился молча къ ея страницамъ и, не дотрогиваясь руками, впился въ нихъ жаднымъ взоромъ, какъ умирающій отъ жажды бросается въ пустынѣ къ единственному источнику.

— Идѣже не будетъ смерти, печали и воздыханія! — произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ и сдѣлался тихъ и кротокъ, какъ ребенокъ. Онъ закрылъ книгу, съ почтеніемъ поцѣловалъ ее и положилъ на прежнее мѣсто.

— Это ея книга, ея евангеліе. А я и позабылъ о немъ. Да, это она, та прекрасная книга, которую она каждое утро читала и которую мы читали вмѣстѣ по вечерамъ Это былъ твой отвѣтъ, моя возлюбленная, твое посланіе ко мнѣ. Ты велишь мнѣ надѣяться на Господа, да, да! Я буду читать, буду молиться, смирюсь и онъ сжалится надо мною, онъ соединитъ насъ!

Съ тѣхъ поръ обойщикъ сталъ видимо спокойнѣе; иногда случалось ему роптать и отчаяваться, но подконецъ онъ смирялся. Иногда вѣра его доходила до высшихъ предѣловъ, онъ бывалъ счастливъ... но случались минуты и горькаго, отчаяннаго сомнѣнья.

Это была слабая, измученная голова, одна изъ тѣхъ натуръ, которыя бываютъ несносны для разумныхъ людей, потомучто онѣ полны противорѣчій и съ ними вѣчно приходится начинать сначала; одно изъ тѣхъ сердецъ, въ которыхъ горе укореняется сильно, которыя не умѣютъ мириться съ жизнью, и принимаютъ всякое впечатлѣніе сильно, серьозно; сердецъ, почти всегда разбитыхъ и потому близкихъ Богу.

Онъ не могъ больше работать; любовь къ своему ремеслу у него вовсе исчезла. Онъ сдѣлался комиссіонеромъ, ходилъ, ходилъ до утомленія, какъ машина, и только въ альковѣ дѣлался снова самимъ собою. Тамъ пробуждался въ немъ прежній обойщикъ, душой преданный своему дѣлу.

Всѣ вырученныя деньги онъ употреблялъ на украшеніе ката-

Digitized by Google

фалка, каждый день придумывалъ новыя вещи, а самъ ходилъ голодный, оборваный, необутый. — Ему нельзя давать денегъ: онъ употребляетъ ихъ на какія-то куски матеріи. Зачѣмъ потакать его сумасшествію? — говорили разумные люди.

Но отнимите у бѣдняка эту послѣднюю отраду — и сердце его тотчасъ бы разбилось.

Однажды онъ пришолъ ко мнѣ съ торжествующей миной.

— У меня есть идея! сказалъ онъ. — Нужно можетъ-быть нѣсколько лѣтъ, чтобы привести ее въ исполненіе, но все равно, ато будетъ! — И онъ понизилъ голосъ:

— Я хочу обтянуть свою комнату чернымъ съ бѣлыми полосами и съ бѣлыми слезинками! Когда я это окончу, Христосъ возьметъ меня къ себѣ.

Онъ показалъ мнѣ ящикъ, куда пряталъ свои сокровища; тамъ было нѣсколько су и серебряная монета.

Христосъ взялъ его къ себѣ ранѣе...

Digitized by Google

БѢДНЫЙ МАЛЬЧИКЪ

Онъ былъ несчастливъ и вдобавокъ такъ безобразенъ, какъ позволительно быть только очень умному человѣку, а у него и въ умѣ былъ недостатокъ.

Отецъ его былъ хитрый мужикъ, башмачникъ по ремеслу. Въ часы досуга складывалъ онъ иногда пѣсни и разсказывалъ тьму исторій; глаза у него были сѣрые, вѣчно бѣгавшіе; лицо, въ которомъ высказывалась душа измѣнчивая, если можно такъ выразиться, скользящая какъ змѣя между листьями. Дома бывалъ онъ постоянно грубъ и говорилъ отрывисто.

По воскресеньямъ, въ дурную погоду, онъ изучалъ какую-то старую книгу 1600 года, наполненную полу-медицинскими, полумагическими формулами; Альбертъ-великій трудился надъ нею болѣе нежели Эскулапъ. Въ деревнѣ онъ заслужилъ репутацію знахаря. То тотъ, то другой приходили къ нему подъ вечерокъ просить лекарства для коровы или жены. Платили ему колбасою или косушкой. Расплата происходила большею частью въ кабакѣ. Надо было послушать разсказовъ башмачника: чего-чего не было! Сколькихъ парней онъ перебилъ, сколько разныхъ продѣлокъ за нимъ водилось! Потомъ начинались таинственные разсказы о заколдованной скотинѣ, о привороженной дѣвкѣ, такъ что крестьяне слушали разинувъ рты: «Вотъ-то знаетъ!» говорили бывало.

Если герой нашъ и не былъ совершеннымъ колдуномъ, зато отличался способностью рѣшительно ко всякому дѣлу: онъ былъ и плотникъ, и охотникъ, и столяръ, и кузнецъ. — Сидитъ въ немъ что-то! говаривали люди.

Башмачникъ только посмѣивался на это и притомъ такъ, что на лицѣ его не замѣтишь, что онъ смѣется.

Онъ много добывалъ, но ничего не оставалось въ домѣ: все про-

Digitized by Google

гуливалось. Онъ увѣрялъ, что виновата жена: порядка нѣтъ, не заведешь ничего, такая яма бездонная! Повторялось это нерѣдко, и бѣдная тщедушная женщина, знавшая, что однимъ своимъ появленіемъ уже возбуждаетъ гнѣвъ мужа, дѣлалась все безотвѣтнѣе, все безличнѣе и робче. Надо сказать, что и вообще природа не надѣлила ее большимъ разумомъ.

Она постоянно жила въ враждебной атмосферѣ: мужъ или бранилъ, или поднималъ ее на смѣхъ. У ней и движенія были какія-то нерѣшительныя; страхъ сдѣлать дурно вѣчно ее преслѣдовалъ; хотя она была далеко не стара, но у ней постоянно дрожали руки и взглядъ былъ какой-то неопредѣленный. Она не чувствовала себя хозяйкой; ниразу не сказала: *моя* кухня, *моя* постель. Все было въ безпорядкѣ и грязно не потому, чтобы она не убирала, особенно на первыхъ порахъ своего замужества, но потомучто у ней *не выходило;* въ ней не было того спокойствія, при которомъ спорится дѣло. Мысли толпились въ ея головѣ, какъ-будто колыхаемыя вѣтромъ. Съ годами торопливость ея начала уменьшаться, но не потому, чтобы она надумалась, а потому, что не хватало энергіи.

Она поняла инстинктивно, что будетъ тѣмъ спокойнѣе, чѣмъ меньше будетъ попадаться на глаза мужу, и потому выходила только по хозяйственнымъ надобностямъ.

Утромъ она тащилась къ колодцу въ старомъ кокошникѣ, старой кофтѣ, старой юпкѣ, черпала воду, медленно перемывала картофель, плелась домой, ставила въ печь обѣдъ и какъ-то лѣниво принималась за метлу. Заслышавъ голосъ хозяина, она роняла метлу, давала выкипѣть водѣ; отправивъ обѣдъ, она садилась у печки, въ самый темный уголъ, и такъ просиживала цѣлые часы.

Хозяинъ сидѣлъ въ комнатѣ за работой и злобно взглядывалъ, если жена осмѣлится переступить порогъ. Она дѣлала это очень рѣдко. Вотъ каковы были мужъ и жена.

У нихъ былъ сынъ.

Отецъ, славившійся ученостью, назвалъ его Улисомъ. Никогда еще имя и носящій его не представляли такого разительнаго контраста. Отецъ, разочарованный въ женѣ, возлагалъ большія надежды на сына: онъ будетъ у меня тѣмъ-то; я сдѣлаю изъ него хорошаго ремесленника; онъ у меня господиномъ будетъ! Но мать произвела его на свѣтъ по своему образу и подобію.

Когда онъ былъ мальчишкой, у него была лохматая голова, маленькіе глаза, безъ цвѣта, испуганные какъ у матери, блуждаю-

Digitized by Google

щіе какъ у отца. Носъ былъ почти невѣроятныхъ размѣровъ, ротъ шолъ отъ одного уха къ другому. Все это помѣщалось на двухъ длинныхъ ногахъ, безобразномъ туловищѣ и заключалось руками, длину которыхъ можно бы только извинять способностью къ какой-нибудь работѣ. Но увы! будь онѣ самыя короткія въ мірѣ, въ нихъ не могло бы быть больше неловкости. Несмотря на все это, Улисъ дѣлалъ всякое дѣло съ большою увѣренностью. Все выходило скверно, но онъ не терялъ мужества.

Если ему попадался въ руки горшокъ, изъ пяти разъ четыре онъ разбивалъ его; брался ли онъ за стулъ, стулъ непремѣнно падалъ; вздувалъ ли онъ огонь, вся зола попадала въ кушанье; когда онъ принимался кормить корову, то бѣдное животное, знавшее издавна его ловкость, всегда отворачивалось, чтобы не получить въ глазъ толчекъ вилами. Ничто не въ силахъ было его сконфузить; когда бывало отецъ, не потерявшій еще надежды исправить сына, пошлетъ ему вслѣдъ тройной зарядъ ругательствъ, Улисъ дико взглядывалъ на него, покачивался на ногахъ, поднималъ одно плечо и разражался смѣхомъ Жокриса.

Въ школѣ успѣхи его не были блистательнѣе. — Это замкнутая натура! говорилъ учитель. И въ самомъ дѣлѣ насилу отомкнули голову Улиса для вмѣщенія въ нее азбуки, но передъ изученіемъ складовъ она снова сомкнулась. Бездна, отдѣляющая склады отъ словъ, навсегда осталась разверстою.

Съ ариѳметикой было не лучше. Улисъ зналъ, что одно яблоко и еще два яблока составятъ три яблока, и что если сынъ цѣловальника возьметъ у него два, то остается одно; но таже операція, переложенная на цыфры, оставалась ему недоступна. Онъ безпокойными глазами смотрѣлъ на бѣлые знаки на черной доскѣ, качался на своихъ безконечныхъ ногахъ, ломалъ мѣлъ между пальцами, проводилъ ими потомъ по лицу, весь классъ разражался смѣхомъ, а учитель ставилъ его на колѣни, за дверь.

Воскресенья онъ проводилъ на дровяномъ дворѣ.

Въ законѣ божіемъ, когда нужно было говорить наизусть тексты, Улисъ акуратно останавливался на половинѣ третьей строки и не шолъ дальше. Правда, онъ повторялъ сказанное пять или шесть разъ и даже повторилъ бы и двадцать, еслибы отецъ ректоръ не останавливалъ его взмахомъ руки.

Отецъ говаривалъ: вѣдь онъ не глупъ, все придетъ современемъ, подождите!

Digitized by Google

Но ничего не приходило. Улисъ росъ тѣмъ же ограниченнымъ мальчикомъ, несмотря на линейку отца ректора и пинки собственнаго родителя.

Онъ замѣчалъ, пугаемъ, что случайно западало въ его тупую голову, былъ добръ, всегда доволенъ собою, довѣрчивъ къ другимъ и поднималъ носъ, съ видомъ мальчика, которому стоитъ только захотѣть и онъ заткнетъ всѣхъ за-поясъ.

У отца зарождалась страшная мысль, что сынъ его выростетъ ни къ чему негоднымъ. Однако, ему все не хотѣлось сознаться, частью изъ гордости, частью изъ какой-то почти животной привязанности. Онъ зналъ, что съ того дня, какъ рушатся его надежды на Улиса, онъ способенъ его возненавидѣть; эта мысль страшила его, онъ цѣплялся за каждую иллюзію; только на жену сталъ смотрѣть еще суровѣе.

Мать не могла и любить сына, какъ бы хотѣлось; жизнь въ ней была убита. Когда его били, она страдала какъ-то пассивно, никогда не рѣшаясь вступиться.

Отецъ еще не былъ увѣренъ, что всѣ товарищи Улиса считаютъ его идіотомъ. Надъ нимъ смѣялись, строили ему западни, но не мучили слишкомъ, потомучто онъ былъ какъ-то необыкновенно чистосердеченъ, всему вѣрилъ, первый смѣялся, когда его надували. Горе и радость онъ принималъ равнодушно. Ни одной игры не составлялось безъ Улиса, его приглашали всюду, ставили на первое мѣсто, а по бокамъ помѣщались два мальчика и дурачили его безъ пощады. Улисъ былъ счастливъ: онъ считалъ себя самымъ острымъ, самымъ красивымъ, самымъ ловкимъ, всѣмъ чѣмъ хотите. Его тщеславіе было только забавно; оно происходило не изъ гордости, но отъ безграничнаго довѣрія, отъ совершенной неопытности, отъ врожденной наивности, которую не могли искоренить никакія разочарованія. Обманутый наканунѣ, Улисъ готовъ былъ снова вѣрить на слѣдующее утро.

Сколько онъ выкинулъ штукъ на дворѣ стараго замка! сколько надъ нимъ хохотали! то были счастливые дни для Улиса, дни его славы! Надо было видѣть, какъ онъ ходилъ на ходуляхъ, кричалъ по-утиному и важно озирался, когда всѣ хохотали.

— Иди сюда, Улисъ, сюда! ты тутъ необходимъ. Одинъ ты и способенъ на это!

И Улисъ взбирался на плеча двухъ мальчишекъ, которые трясли и толкали его; онъ терялъ равновѣсіе, падалъ, потиралъ колѣни, лок-

Digitized by Google

ти, потомъ, взглянувъ на насмѣшниковъ, важно произносилъ: «стоило только захотѣть, такъ не упалъ бы!»

Въ другой разъ, клали копѣйку въ ведро воды. — Улисъ, ты одинъ можешь достать ее зубами, мы всѣ отказались. Зажми ротъ и носъ и открой глаза.

Улисъ храбро опускалъ голову, но вскрикивалъ, чихалъ, обдавалъ всѣхъ водою и готовъ былъ повторить десять разъ ту же штуку.

Кто не видалъ Улиса, бѣгущаго взапуски, на своихъ длинныхъ ногахъ и разсѣкающаго руками воздухъ, тотъ не видалъ много хорошаго.

— Улисъ, поцѣлуй самую хорошенькую! — И Улисъ пускался бѣжать, всѣ отъ него, но онъ не унывалъ и бѣгалъ до тѣхъ поръ, пока его не остановятъ.

Товарищи его были большіе шалуны, но добрые мальчики. Улисъ ни съ кѣмъ не былъ особенно друженъ, но ни одинъ не рѣшился бы сдѣлать ему зло. Онъ получалъ много пинковъ, кожей его не дорожили правда, но онъ и самъ не обращалъ на это большого вниманія. Не будь Улисъ такъ тупъ, изъ него вышелъ бы герой: такъ много было въ немъ презрѣнія къ страданіямъ, высокой довѣрчивости, чего-то такого простого и рѣшительнаго, что помогаетъ достигнуть цѣли, пройдя огонь и воду.

Бѣдный Улисъ! Ему бывало очень весело по воскресеньямъ, въ дни счастливаго дѣтства, на широкомъ дворѣ; онъ всегда игралъ первую роль или прыгалъ съ другими, забавляясь болѣе всѣхъ.

Иногда, въ іюлѣ, являлся одинъ изъ тѣхъ урагановъ, которые ломаютъ деревья, срываютъ плоды въ огородѣ, разсыпаютъ по землѣ листья. То-то раздолье! Можно подбирать яблоки, вѣтеръ растреплетъ волосы — страшно и хорошо! — тополи гнутся и показываютъ серебряную изнанку своихъ листьевъ, дворъ оглашается крикомъ.

Въ іюнѣ, когда стадо отправляется въ горы, бываетъ другая исторія.

Издали слышно, какъ идетъ скотина. Звонъ большого колокольчика и лепетъ маленькихъ, чиканье пастуховъ раздаются по воздуху. Мальчишки собираются къ кабаку, на дорогу. Тутъ останавливаются пастухи и идутъ освѣжиться, потомучто путь по горамъ не легокъ, особенно ночью, когда ведешь за собою стадо изъ шестидесяти коровъ! Пока пастухи пьютъ, мальчишки стерегутъ стадо.

— Улисъ, бери-ка большой кнутъ, ты будешь стеречь быка.

Digitized by Google

Улисъ прехрабро отправлялся.

Вотъ они, вотъ они! впередъ самая лучшая корова, съ букетомъ на головѣ, съ колокольчикомъ, повѣшеннымъ на кожаномъ ремнѣ, съ національнымъ гербомъ! Корова кажется умерла бы, еслибъ съ нея вздумали снять это ожерелье, да это мы знаемъ по опыту! Посмотрите, какъ мѣрно и великолѣпно она выступаетъ.

Вотъ пастухи, серьозные, съ благородными лицами. Они покинули долину и домъ. Стосковались по горамъ, по длиннымъ сумеркамъ, по видамъ на далекое пространство и Альпы. Они жаждутъ свободной жизни, долгихъ переходовъ, сыровъ и всего соединеннаго съ этой жизнью. Вотъ и небольшой возъ съ поклажей; посередкѣ котелъ; сзади идетъ все стадо; коровы бѣлыя, черныя, пестрыя, рыжія; козы прошли впередъ, онѣ уже нѣсколько дней на горѣ.

Мальчишки суетятся около стада, покрикиваютъ и командуютъ надъ скотиной, пока одинъ изъ пастуховъ не прикрикнетъ на нихъ.

Улису доставался тычекъ рогами, но онъ все-таки возвращался домой съ гордымъ видомъ побѣдителя.

Видя его такимъ, отецъ снова начиналъ надѣяться. А осень! пора кутежа! классовъ нѣтъ, фрукты на каждомъ шагу...

Въ сентябрѣ есть такіе золотые дни, какихъ не бываетъ ни въ одномъ мѣсяцѣ. Солнце немного блѣдно, свѣжія росы освѣжили траву, она плотно скошена; цвѣтовъ нигдѣ невидно, но зато можно ходить по всѣмъ полямъ. Нѣтъ уже никакой жатвы, глазъ смотритъ далеко-далеко. Воздухъ легокъ, листва уже не такъ густа и сквозь нее проникаютъ лучи; вся природа идеализируется. Нѣсколько мошекъ, родившихся сегодня и которыя завтра умрутъ, исполняютъ въ воздухѣ какой-то таинственный танецъ. У стволовъ яблонь и и грушъ красуются кучи яблокъ красныхъ, бѣлыхъ, янтарныхъ грушъ.

Тогда-то Улисъ лакомился! У отца его не было ни полей, ни огородовъ, но товарищи давали ему яблоковъ, иногда и червивыхъ, да онъ не былъ взыскателенъ.

Наступалъ и октябрь. Коровы возвращались назадъ. Это уже были не тѣ вечера, въ которые онѣ шли на горы и вѣнки украшали ихъ головы, когда въ сумерки раздавался ихъ колокольчикъ и гиканье. Нѣтъ, теперь имъ было холодно въ горахъ, особливо въ послѣднее время, корму было немного, онѣ далеко расходились по полямъ, жадно глотали траву, останавливались у плетня и задумчиво поглядывали вдаль. Большіе колокольчики были сняты, до слѣдую-

Digitized by Google

даго лѣта. Деревня оглашалась изъ конца въ конецъ этой музыкой; волы перекликались между собою; въ самыхъ скрытыхъ мѣстахъ, между скалами, позванивали бубенчики; изъ всего этого выходила какая-то дикая мелодія, недоконченыя ноты которой терялись въ воздухѣ, утопали въ нѣдрахъ безконечной гармоніи.

Тутъ начинаются доходы мальчиковъ. За сто су и пару сапогъ на придачу, если хозяинъ не скупъ, каждый берется пасти стадо, во время осени.

Одна-двѣ коровы, нѣсколько барановъ, и за ними бѣлокуренькій, пухлый мальчикъ, съ открытой головой, за которымъ увяжется братишка или сестренка, — вотъ что встрѣчаете вы всюду.

Въ лугу разводятъ яркій огонь, вырываютъ ямку въ землѣ и прячутъ въ нее запасъ моркови, оставленной на полѣ. На самой вершинѣ груши случится иногда забытый плодъ, такой заманчивый.

— Улисъ, Улисъ, вотъ штука-то! достань-ка, мальчикъ!

Улисъ въ жизнь свою не взлѣзалъ на дерево безъ того, чтобы не свалиться; но ничего! онъ полѣзетъ.

— Ты не боишься?

Улисъ поднимете плечи и пустится; его поддерживаютъ, подталкиваютъ: — Смѣлѣй, уже скоро! — Потомъ вдругъ его отпускаютъ; онъ летитъ на землю, разставивъ, какъ паукъ, руки и ноги. Публика катается по травѣ и хохочетъ.

А все-таки это было хорошее время. У Улиса были тогда свои радости, свои свѣтлыя воспоминанія. Для него также свѣтило солнце, родились яблоки, наступали воскресенья; доставалось правда поболѣе пинковъ, чѣмъ другому, да онъ за ними не гнался.

Насмѣшекъ онъ не замѣчалъ, ничтожества своего тоже; отца онъ привыкъ видѣть всегда грубымъ; въ апатію матери не вдумывался. По мѣрѣ того какъ онъ выросталъ, а она слабѣла, онъ помогалъ ей, какъ могъ; носилъ воду, кололъ дрова; она говорила, что онъ милъ, онъ ей вѣрилъ, и такъ проходили годы.

Когда ему исполнилось пятнадцать лѣтъ и съ ними возрасла его тупость, жизнь его измѣнилась. Безобразіе увеличивалось. Улисъ былъ до невѣроятности высокъ, невѣроятно неловокъ, непостижимо тупъ.

Товарищи, пришедши въ возрастъ, сдѣлались злѣе; они втягивали Улиса въ плохія продѣлки. Отецъ ректоръ давно отъ него от-

Digitized by Google

ступился; мать угасала съ каждымъ днемъ. Отецъ становился день ото дня суровѣе; лицо его становилось иногда страшнымъ; никогда не слыхалъ Улисъ не только ласковаго, но и равнодушнаго слова; отецъ или молчалъ, или бранился. У матери недоставало нравственной силы, чтобы утѣшить сына: ей даже это не приходило и въ голову. Отецъ въ мастерской, мать на кухнѣ, сынъ, на котораго кричатъ, то потому, что онъ скверно дѣлаетъ, то потому, что онъ ничего не дѣлаетъ, — вотъ вся домашняя обстановка.

Обыкновенно Улисъ свертывался въ уголку, около матери, поднявъ колѣни выше головы и перебирая золу руками.

Наконецъ — и это случилось скоро — отецъ понялъ, что сынъ его ниже посредственности; что онъ ничего не знаетъ, ничего и не будетъ знать и ни къ чему ни годенъ; что надъ нимъ всѣ насмѣхаются и подѣломъ; что онъ дуракъ и басня всей деревни, — онъ, его сынъ!

Это было коротко, ясно и выразительно. Получивъ ясное доказательство и признавъ это фактомъ, отецъ принялся ненавидѣть сына. Въ этомъ онъ никогда не раскаялся. Онъ поступалъ съ нимъ какъ съ вещью. Заваливалъ изнурительной работой, кормилъ мало и плохо, билъ больно, и такъ шло неизмѣнно. Это все сдѣлалось безъ переходовъ, какъ-будто такъ и быть надлежало.

Худо одѣтый, голодный, отвергнутый всѣми, кромѣ товарищей, которые употребляли его для забавы, Улисъ потерялъ часть своего яснаго воззрѣнія на жизнь. Однако товарищамъ удавалось еще будить въ немъ иногда признаки героизма. Тогда онъ опять выкидывалъ дивныя штуки.

Подчасъ его водили въ кабакъ, поили пьянымъ, сводили съ какимъ-нибудь забіякой и приносили домой полумертваго; то посылали его пѣть вечеромъ, подъ окнами самой богатой дѣвушки; отецъ дѣвушки, не любившій шутокъ, подчивалъ его колѣномъ и Улисъ возвращался съ пробитой головой. Въ другой разъ, втягивали его въ дѣло съ лѣсными сторожами или полиціей; съ него требовали штрафъ, отецъ вооружался хлыстомъ, Улисъ прятался въ амбаръ, куда мать приносила ему остатки холоднаго супа.

Тогда-то въ головѣ его проснулось что-то похожее на сознаніе. Его охватила неясная мысль о своемъ ничтожествѣ; ничего отчетливаго, но какое-то недовѣріе къ себѣ, страхъ находиться съ другими. Онъ мало-помалу созналъ, до какой степени онъ безобразно сложенъ, смѣшонъ и дуренъ.

Digitized by Google

Это былъ первый шагъ, другіе слѣдовали быстро. Онъ увидалъ свою неловкость, неразвитость, даже сильнѣе чѣмъ онъ существовали на дѣлѣ. Казалось, горе развило его умъ, что у него появилась душа для страданій. Онъ созналъ себя униженнымъ, отвергнутымъ; вся жизнь представилась ему въ видѣ пошлаго фарса.

Онъ не углублялся въ анализъ; грусть его увеличивалась и затопила его совсѣмъ.

Улисъ сдѣлался дикъ и угрюмъ; онъ быстро проходилъ мимо домовъ, избѣгалъ прежнихъ товарищей и, по окончаніи дѣла, уходилъ прямо на чердакъ, ложился на свои лохмотья и предавался печальнымъ думамъ.

Не стало и помину о самоувѣренной улыбкѣ; онъ чувствовалъ себя глубоко-несчастнымъ, не ненавидѣлъ никого, только сталъ самъ себѣ противенъ.

Большое несчастіе чувствовать себя отчужденнымъ отъ общества безобразіемъ и тупостью, знать, что всѣ тобою гнушаются и вправѣ гнушаться. Это страданіе есть первый шагъ къ эгоизму. Оставленный людьми, человѣкъ предается самообожанію; по недостатку благородныхъ ощущеній, довольствуется нисшими.

Съ Улисомъ однакожъ этого не случилось.

Когда онъ понялъ, что онъ существо неудавшееся, что его никто не любитъ, что всѣ смѣются надъ нимъ и поправить этого невозможно; когда онъ со всѣхъ сторонъ обдумалъ свое положеніе, — онъ вдругъ опустился, какъ опустилась его мать, но сознательно и съ чувствомъ глубокой скорби.

Съ иллюзіями молодости закатилось солнце Улиса. Онъ жилъ теперь въ вѣчномъ осеннемъ туманѣ.

Въ прежнее время, послѣ побранокъ отца онъ расправлялъ крылья, убѣгалъ въ деревню за новыми толчками и возвращался веселымъ. Теперь все рушилось. Дни Улиса тянулись монотонно, одинаково несчастливые. Онъ не пришолъ въ отчаяніе: для этого нужна была сила; онъ совершенно ослабѣлъ тѣломъ.

Отецъ все болѣе раздражался отъ возрастающей неспособности сына, а сынъ ослабѣвалъ постепенно. Топоръ, пила, все валилось изъ его рукъ. Гнѣвъ отца, его жосткія слова, проскользавшія прежде незамѣтно, теперь впивались въ плоть и кровь сына и оставляли глубокіе слѣды.

Онъ не просилъ любви, не чувствовалъ за собой права на чье-

Digitized by Google

нибудь вниманіе; ему и въ голову не приходило возбудить жалость отца, но онъ медленно умиралъ отъ тягостнаго одиночества.

Подчасъ, когда становилось ужь очень трудно, онъ взглядывалъ на мать. Ему казалось, что отъ нея могла бы придти помощь; онъ еще не осмѣлился до того, чтобы объясниться съ нею, оказать ей нѣмую ласку,—краснорѣчивое слово всѣхъ, у кого уста сомкнуты,—но онъ инстинктивно почувствовалъ, что къ ней именно нужно адресоваться. Мать въ свою очередь смотрѣла на него съ удивленіемъ; она замѣчала его угрюмость, видѣла, что порой у него пробиваются слезы, что онъ блѣднѣетъ, слабѣетъ и на нападки отца смотритъ не съ прежнимъ равнодушіемъ. Но она неспособна была отыскивать причину; она робко поглядывала на мужа, пятилась къ двери и шептала, что надо терпѣть.

Болѣзнь усилилась. Грубое обхожденіе отца, недостатокъ пищи, уединеніе, душевныя страданія быстро истощило это бѣдное тѣло, въ которомъ безъ того было немного жизни. Свечера его томилъ жаръ, къ утру трясла лихорадка и никогда одной капли вина, чтобы согрѣть его.

Ни мать, ни сынъ не осмѣливались за столомъ протянуть руку къ бутылкѣ Наконецъ тѣло несчастнаго покрылось ранами, надо было оставить работу. Отецъ не сказалъ ничего; онъ видѣлъ страданія сына, но былъ слишкомъ ожесточенъ. Улисъ едва осмѣливался сходить съ своего чердака, два раза въ день, чтобъ принимать участіе въ семейной трапезѣ. Погрѣвшись немного у печки, онъ медленно всползалъ опять на лѣстницу. Онъ проводилъ тяжолые часы одинъ, безъ развлеченія, безъ утѣшеній, съ горечью вспоминая прошедшее, съ ужасомъ вглядываясь въ будущее; такъ сидѣлъ онъ, безсмысленно поглядывая на блѣдную полосу свѣта или на низкій потолокъ своего убѣжища.

Въ деревнѣ никто не замѣтилъ отсутствія Улиса. Онъ ужь давно удалился отъ парней, его позабыли. Онъ поступилъ какъ хищный звѣрь, ушолъ умирать къ сторонѣ.

Мать съ удивленіемъ слѣдила за ходомъ болѣзни. Однажды, когда отецъ ушолъ на работу, она поднялась къ сыну и тихонько спросила, что съ нимъ?

— Я боленъ, отвѣчалъ Улисъ глухо.

Мать встревожилась, подошла ближе. Худоба сына напугала ее; она разстегнула его грубую рубашку, раскрыла грудь, увидѣла раны, глубоко вздохнула; потомъ спустилась внизъ, принесла уксу-

Digitized by Google

ту, корпіи и стала перевязывать раны. Каждый день она дѣлала это тихонько, въ то время какъ отецъ отправлялся въ кабакъ. Руки ея были очень непривычны, перевязки грубы, но сколько облегченія доставляли онѣ Улису, съ какимъ восторгомъ прислушивался онъ къ ея торопливымъ шагамъ по лѣстницѣ!

Случилось около этого времени, что пасторъ и многіе другіе другъ стали освѣдомляться, почему не видать Улиса.

Какъ только узнали о его болѣзни, его пришли навѣстить, впрочемъ не расчитывая, что это можетъ доставить ему удовольствіе: это такое вѣдь глупое существо! Между тѣмъ онъ страдаетъ, надо ему помочь; у него есть и душа, надо ее утѣшить. Всѣ испугались его одиночества, его болѣзни, помощь пришла со всѣхъ сторонъ. Улисъ благодарилъ, удивленный и все-таки сосредоточенный. Онъ чувствовалъ, что сожалѣютъ о человѣкѣ, а не о его собственной личности.

Онъ даже сдѣлался еще печальнѣе.

Тогда ему начали говорить о Богѣ, о Спасителѣ. Улисъ слушалъ серьозно, внимательно, какъ бы поражонный новизною слышаннаго, но не говорилъ ничего. Только когда посѣтители начинали стучаться въ дверь, онъ быстро вставалъ и торопливо отпиралъ ее.

Это повторялось часто. Наконецъ стали прибѣгать къ евангелію: не надѣясь, что онъ способенъ что-нибудь понять, ему все-таки прочли нѣсколько главъ, псалмы, исторію патріарховъ и въ особенности жизнь Іисуса. Съ нимъ мало разсуждали: два-три слова простыхъ, другого онъ бы не понялъ. Лицо Улиса начало проясняться, въ немъ проявилось какое-то внутренное довольство, не прежняя безсмысленная радость, но что-то покорное, сдержанное, благородное... да, благородное. Раза два-три онъ задалъ вопросы, удивившіе посѣтителей.

Такъ шло прогрессивно, какъ день — когда онъ прибавляется, тихо, торжественно — какъ Господь проявляетъ себя. Облаковъ не было, солнце не скрывалось. Не было ни сомнѣній, ни страха, ни борьбы. Евангеліе проникло всецѣло, во всей своей силѣ и прелести въ это наболѣвшее сердце, — и оно просіяло.

Христосъ встрѣтилъ въ пустынѣ эту слабую душу, онъ поднялъ этого бѣднаго ребенка и взялъ его на свои руки. Христосъ былъ первый, который возлюбилъ его. Когда Улисъ услышалъ его голосъ, онъ проникъ ему въ душу и онъ тотчасъ за нимъ послѣдовалъ. Со-

Digitized by Google

мнѣнаться онъ былъ не въ состояніи, подобно Моисею, когда тотъ на горѣ увидѣлъ славу божію.

Онъ внялъ и увѣровалъ всѣмъ своимъ сердцемъ, онъ безгранично возлюбилъ этого Іисуса, который воззвалъ къ нему и сказалъ: сынъ мой, отдай мнѣ твое сердце. Въ его вѣрѣ было что-то весеннее, чистое; въ немъ снова проснулись, подъ перстомъ божіимъ, и довѣріе, и наивность, которыя такъ неполно проявлялись прежде въ его несовершенной натурѣ.

Іисусъ былъ его Богомъ, былъ его создателемъ, еще вчера увершимъ на крестѣ въ жесточайшихъ страданіяхъ, за него, *разбойника!* какъ говорилъ онъ самъ.

И этотъ Христосъ-побѣдитель присутствовалъ ежечасно въ его бѣдной лачужкѣ. Онъ не осмѣливался ничего или почти ничего говорить другимъ людямъ, но Христу! Другіе о немъ сожалѣли: это были добрые люди, онъ не стоилъ ихъ сожалѣнія, но Христосъ! Христосъ, который вынесъ и голодъ и холодъ, котораго оскорбляли цѣлую темную ночь передъ пасхой, Христосъ, прикасавшійся къ прокаженнымъ, этотъ Христосъ былъ его братъ и Богъ; въ одно время съ нимъ онъ чувствовалъ себя легко.

Улисъ никогда много не жаловался, теперь пересталъ вовсе. Едва можно было добиться отъ него одного слова о болѣзни. Онъ принялъ обѣщанія библіи съ довѣрчивостью дитяти, слушающаго своего отца, онъ ощущалъ ихъ близкое исполненіе. Войти въ царство небесное, узрѣть своего Бога, утолить жажду любви, наслаждаться цѣлую вѣчность неизрѣченнымъ блаженствомъ — казалось ему простой и легкой вещью. Пока онъ могъ вставать, то все ходилъ по чердаку задумавшись, смотря въ неопредѣленное мѣсто. «Я скоро умру!» говорилъ онъ; потомъ садился на постель и столько радости свѣтилось въ его чертахъ, такъ энергично выговаривалъ онъ свои немногія слова, въ немъ такъ очевидно было присутствіе Бога, что каждый чувствовалъ себя ниже этаго несчастнаго, убитаго существа.

Улису очень хотѣлось *домой*, однако онъ не высказалъ нетерпѣнія. «Когда онъ увидитъ, что время, — онъ придетъ за мною!» говаривалъ онъ.

Отецъ не видалъ его никогда; Улисъ не сходилъ внизъ, онъ не входилъ къ нему наверхъ. Нѣкоторые посѣтители, посмѣлѣе, заходили къ башмачнику. — Вашъ сынъ очень боленъ! — Отвѣта не бы-

Digitized by Google

ю. — Онъ очень терпѣливъ. — Ни слова. — Еслибы вы... Холодный, сухой взглядъ прерывалъ окончаніе фразы.

Мать собрала весь остатокъ силъ и сосредоточила ихъ на любви къ сыну. Она не понимала что́ съ нимъ происходитъ, но ей необходимо было видѣть и слышать его. Когда онъ говорилъ о Богѣ, она напрягала всѣ свои умственныя способности; когда онъ молился, она становилась подлѣ него на колѣни. Она тихо вступала въ свѣтлую обитель, въ которой жилъ ея сынъ, она получала радость и счастіе изъ вторыхъ рукъ. Она чувствовала, что *такъ хорошо* и хотѣла бы, чтобъ это всегда продолжалось.

Но бѣдный мальчикъ слишкомъ много выстрадалъ.

Однажды вечеромъ, онъ обнялъ свою мать и сказалъ ей:

— Матушка, если хочешь быть вмѣстѣ со мною у Бога, надо вѣрить въ него.

— Да, отвѣчала мать. Она была поражена.

— Позовите отца.

— Отца! повторила она съ испугомъ.

— Ступайте, матушка!

Улисъ ниразу не говаривалъ съ ней такимъ образомъ. Она дрожа спустилась съ лѣстницы, растворила дверь комнаты и стала на порогѣ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, она не двигалась. Отецъ обернулся.

— Что́ нужно? закричалъ онъ.

— Сынъ... Улисъ...

— Ну!

— Онъ зоветъ васъ.

Руки отца слегка задрожали.

— Мнѣ нѣкогда.

Испуганная женщина пошла назадъ.

— Завтра, закричалъ вслѣдъ ей башмачникъ.

Она пришла наверхъ, почти веселая.

— Ну что́?

— Онъ сказалъ завтра.

— Завтра! повторилъ сынъ съ странной улыбкой.

Они долго пробыли вмѣстѣ; Улисъ въ этотъ день много говорилъ матери о Спасителѣ; наконецъ, когда стало ужь поздно:

— Ступай внизъ, матушка, отецъ забранитъ.

У матери не было быстраго соображенія, однако что-то тяго-

Digitized by Google

тѣло у ней на сердцѣ; ей хотѣлось остаться, но отецъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ступайте, матушка, повторилъ Улисъ серьознымъ тономъ.

Онъ отвернулся къ стѣнѣ, она посмотрѣла на него, прислушалась къ его дыханію, сама не зная почему, и вышла.

Въ эту ночь онъ скончался...

Утромъ мать пришла встревоженная; она удивилась неподвижности сына и торжественной тишинѣ, такъ что сама не могла говорить. Она тронула его пальцемъ, потомъ, внѣ себя, съ крикомъ бросилась внизъ, въ мастерскую, и въ первый разъ въ жизни, громко, съ поднятой головою, съ жестомъ отчаянія вскричала: — Онъ умеръ!

Башмачникъ побѣднѣлъ, кашлянулъ, потомъ взглянулъ на нее мутнымъ, безпощаднымъ взоромъ и такъ смотрѣлъ долго, пока она вновь не склонилась и, опустивъ голову, медленно, задомъ, не убралась въ свой уголокъ у печки. Такъ останется она завтра, еще десять лѣтъ, во весь остатокъ своей страдальческой жизни.

Digitized by Google

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

VII

НОВЫЯ ЗНАКОМСТВА. ПЕТРОВЪ

Но время шло, и я мало-помалу сталъ обживаться. Съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе смущали меня обыденныя явленія моей новой жизни. Происшествія, обстановка, люди — все какъ-то примелькалось къ глазамъ. Примириться съ этой жизнью было невозможно, но признать ее за совершившійся фактъ давно пора было. Всѣ недоразумѣнія, которыя еще оставались во мнѣ, я затаилъ внутри себя, какъ только могъ глуше. Я уже не слонялся по острогу какъ потерянный, и не выдавалъ тоски своей. Дико-любопытные взгляды каторжныхъ уже не останавливались на мнѣ такъ часто, не слѣдили за мной съ такою выдѣланною наглостью. Я тоже видно примелькался имъ, чему я былъ очень радъ. По острогу я уже расхаживалъ какъ у себя дома, зналъ свое мѣсто на нарахъ и даже повидимому привыкъ къ такимъ вещамъ, къ которымъ думалъ и въ жизнь не привыкнуть. Регулярно каждую недѣлю ходилъ брить половину своей головы. Каждую субботу, въ шабашное время, насъ вызывали для этого, поочередно, изъ острога въ кордегардію (не выбрившійся уже самъ отвѣчалъ за себя), и тамъ цырюльники изъ батальоновъ мылили холоднымъ мыломъ наши головы и безжалостно скребли ихъ тупѣйшими бритвами, такъ что у меня даже и теперь морозъ проходитъ по кожѣ при воспоминаніи объ этой пыткѣ. Впрочемъ скоро нашлось лекарство: Акимъ Акимычъ указалъ мнѣ одного арестанта, военнаго разряда, который за копѣйку брилъ собственной бритвой кого угодно и тѣмъ промышлялъ. Многіе изъ каторжныхъ ходили къ нему, чтобъ избѣ-

Digitized by Google

жать казенныхъ цырюльниковъ, а между тѣмъ народъ былъ и нѣженка. Нашего арестанта-цырюльника звали *майоромъ*, — по чему — не знаю, и чѣмъ онъ могъ напоминать майора — тоже не могу сказать. Теперь, какъ пишу это, такъ и представляется мнѣ этотъ майоръ, высокій, сухощавый и молчаливый парень, до вольно глуповатый, вѣчно углубленный въ свое занятіе и непре мѣнно съ ремнемъ въ рукѣ, на которомъ онъ денно и нощно на правлялъ свою донельзя сточенную бритву, и кажется весь ухо дилъ въ это занятіе, принявъ его очевидно за назначеніе всей своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ до крайности доволенъ, когда бритва была хороша и когда кто-нибудь приходилъ по бриться: мыло было у него теплое, рука легкая, бритье бархат ное. Онъ видимо наслаждался и гордился своимъ искусствомъ и небрежно принималъ заработанную копѣйку, какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ дѣло было въ искусствѣ, а не въ копѣйкѣ. Больно досталось А—ву отъ нашего плацъ-майора, когда онъ, фискаля ему на острогъ, упомянулъ разъ имя нашего острожнаго цы рюльника и неосторожно назвалъ его *майоромъ*. Плацъ-майоръ разсвирѣпѣлъ и обидѣлся до послѣдней степени. «Да знаешь ли ты, подлецъ, что такое майоръ! кричалъ онъ, съ пѣной у рта, всевойски расправляясь съ А—вымъ: — понимаешь ли ты, что такое майоръ! И вдругъ какой-нибудь подлецъ каторжный и смѣетъ его звать майоромъ, мнѣ въ глаза, въ моемъ присут ствіи!..» Только А—въ могъ уживаться съ такимъ человѣкомъ.

Съ самого перваго дня моей жизни въ острогѣ, я уже началъ мечтать о свободѣ. Расчетъ, когда кончатся мои острожные годы, въ тысячѣ разныхъ видахъ и примѣненіяхъ, сдѣлался моимъ любимымъ занятіемъ. Я даже и думать ни о чемъ не могъ иначе, и увѣренъ, что такъ поступаетъ всякій лишенный на срокъ свободы. Не знаю, думали-ль, разсчитывали-ль каторж ные такъ же какъ я, но удивительное легкомысліе ихъ надежды поразило меня съ перваго шагу. Надежда заключеннаго, лишен наго свободы — совершенно другого рода, чѣмъ настоящимъ образомъ живущаго человѣка. Свободный человѣкъ, конечно надѣется (напримѣръ на перемѣну судьбы, на исполненіе ка кого-нибудь предпріятія), но онъ живетъ, онъ дѣйствуетъ; на стоящая жизнь увлекаетъ его своимъ круговоротомъ вполнѣ. Не то для заключеннаго. Тутъ, положимъ, тоже жизнь, — острож ная, каторжная; но кто бы ни былъ каторжникъ и на какомъ

Digitized by Google

ероки они ни были сосланы, онъ рѣшительно, инстинктивно, не можетъ принять свою судьбу за что-то положительное, окончательное, за часть дѣйствительной жизни. Всякій каторжникъ чувствуетъ, что онъ не *у себя дома*, а какъ-будто въ гостяхъ. На двадцать лѣтъ онъ смотритъ какъ-будто на два года и совершенно увѣренъ, что и въ пятьдесятъ пять лѣтъ, по выходѣ изъ острога, онъ будетъ такой же молодецъ, какъ и теперь въ тридцать-пять. — «Поживемъ еще!» — думаетъ онъ, и упрямо гонитъ отъ себя всѣ сомнѣнія и прочія досадныя мысли. Даже сосланные безъ срока, особаго отдѣленія, и тѣ расчитывали иногда, что вотъ нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ придетъ разрѣшеніе изъ Питера: «перешлютъ въ Нерчинскъ, въ рудники, и назначатъ срокъ». Тогда славно: вонерныхъ въ Нерчинскъ чуть не полгода идти, а въ партіи идти противъ острога куды лучше! а потомъ кончить въ Нерчинскѣ срокъ и тогда... И вѣдь такъ расчитываетъ иной сѣдой человѣкъ!

Въ Тобольскѣ видѣлъ я прикованыхъ къ стѣнѣ. Онъ сидитъ на цѣпи, этакъ въ сажень длиною; тутъ у него койка. Приковали его за что-нибудь изъ ряду вонъ страшное, совершенное уже въ Сибири. Сидятъ по пяти лѣтъ, сидятъ и по десяти. Большею частью изъ разбойниковъ. Одного только между ними я видѣлъ какъ-будто изъ господъ; гдѣ-то онъ когда-то служилъ. Говорилъ онъ смиренхонько, пришепетывая; улыбочка сладенькая. Онъ показывалъ намъ свою цѣпь, показывалъ какъ надо ложиться удобнѣе на койку. То-то должно быть была своего рода птица! Всѣ они вообще смирно ведутъ себя и кажутся довольными, а между тѣмъ каждому чрезвычайно хочется поскорѣе высидѣть свой срокъ. Кчему бы кажется? А вотъ кчему: Выйдетъ онъ тогда изъ душной, промозглой комнаты съ низкими кирпичными сводами, и пройдется по двору острога, и... и только. За острогъ ужь его не выпустятъ никогда. Онъ самъ знаетъ, что спущенные съ цѣпи навѣчно уже содержатся при острогѣ, до самой смерти своей и въ кандалахъ. Онъ это знаетъ и все-таки ему ужасно хочется поскорѣе кончить свой цѣпной срокъ. Вѣдь безъ этого желанія могъ ли бы онъ просидѣть пять или шесть лѣтъ на цѣпи, не умереть или не сойти съ ума? Сталъ ли бы еще иной-то сидѣть?

Я чувствовалъ, что работа можетъ спасти меня, укрѣпить мое здоровье, тѣло. Постоянное душевное безпокойство, нерви-

Digitized by Google

ческое раздраженіе, спертый воздухъ казармы, могли бы разрушить меня совершенно. Чаще быть на воздухѣ, каждый день уставать, пріучаться носить тяжести — и по крайней мѣрѣ я спасу себя, — думалъ я, — укрѣплю себя, выйду здоровый, бодрый, сильный, нестарый. Я не ошибся: работа и движеніе были мнѣ очень полезны. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ какъ свѣчка. Вошолъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, бодрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой. Нѣтъ, думалъ я, на него глядя: я хочу жить и буду жить. Зато и доставалось же мнѣ сначала отъ каторжныхъ за любовь къ работѣ, и долго они язвили меня презрѣніемъ и насмѣшками. Но я не смотрѣлъ ни на кого и бодро отправлялся куда-нибудь, напримѣръ хоть обжигать и толочь алебастръ, — одна изъ первыхъ работъ, мною узнанныхъ. Это была работа легкая. Инженерное начальство повозможности готово было облегчать работу дворянамъ, что впрочемъ было вовсе не поблажкой, а только справедливостью. Странно было бы требовать съ человѣка, вполовину слабѣйшаго силой и никогда не работавшаго, того же урока, который задавался по положенію настоящему работнику. Но это «баловство» невсегда исполнялось, даже исполнялось-то какъ-будто украдкой: за этимъ надзирали строго со стороны. Довольно часто приходилось работать работу тяжолую, и тогда разумѣется дворяне выносили двойную тягость, чѣмъ другіе работники. На алебастръ назначали обыкновенно человѣка три-четыре, стариковъ или слабосильныхъ, ну и насъ въ томъ числѣ разумѣется; да сверхъ того прикомандировывали одного настоящаго работника, знающаго дѣло. Обыкновенно ходилъ все одинъ и тотъ же, нѣсколько лѣтъ сряду, Алмазовъ, суровый, смуглый и сухощавый человѣкъ, уже въ лѣтахъ, необщительный и брезгливый. Онъ глубоко насъ презиралъ. Впрочемъ онъ былъ очень неразговорчивъ, дотого что даже лѣнился ворчать на насъ. Сарай, въ которомъ обжигали и толкли алебастръ, стоялъ тоже на пустынномъ и крутомъ берегу рѣки. Зимой, особенно въ сумрачный день, смотрѣть на рѣку и на противоположный, далекій берегъ, было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце было въ этомъ дикомъ и пустынномъ пейзажѣ. Но чуть ли еще не тяжелѣй было, когда на безконечной бѣлой пеленѣ снѣга ярко сіяло

Digitized by Google

солнце; такъ бы и улетѣлъ куда-нибудь въ эту степь, которая начиналась на другомъ берегу и разстилалась къ югу одной непрерывной скатертью, тысячи на полторы верстъ. Алмазовъ обыкновенно молча и сурово принимался за работу; мы словно стыдились, что не можемъ настоящимъ образомъ помогать ему, а онъ нарочно управлялся одинъ, нарочно не требовалъ отъ насъ никакой помощи, какъ-будто для того, чтобъ мы чувствовали всю вину нашу передъ нимъ и каялись собственной безполезностью. А всего-то и дѣла было вытопить печь, чтобъ обжечь накладенный въ нее алебастръ, который мы же бывало и натаскаемъ ему. На другой же день, когда алебастръ бывалъ уже совсѣмъ обожжонъ, начиналась его выгрузка изъ печки. Каждый изъ насъ бралъ тяжолую колотушку, накладывалъ себѣ особый ящикъ алебастромъ и принимался разбивать его. Это была премилая работа. Хрупкій алебастръ быстро обращался въ бѣлую блестящую пыль, такъ ловко, такъ хорошо крошился. Мы взмахивали тяжолыми молотами и задавали такую трескотню, что самимъ было любо. И уставали-то мы наконецъ, и легко въ тоже время становилось; щеки краснѣли, кровь обращалась быстрѣе. Тутъ ужь и Алмазовъ начиналъ смотрѣть на насъ снисходительно, какъ смотрятъ на малолѣтныхъ дѣтей; снисходительно покуривали свою трубочку, и все-таки не могъ не ворчать, когда приходилось ему заговорить. Впрочемъ онъ и со всѣми былъ такой же, а въ сущности кажется добрый человѣкъ.

Другая работа, на которую я посылался, — въ мастерской вертѣть точильное колесо. Колесо было большое, тяжолое. Требовалось немалыхъ усилій вертѣть его, особенно когда токарь (изъ инженерныхъ мастеровыхъ), точилъ что-нибудь въ родѣ лѣстничной балясины, или ножки отъ большого стола, для казенной мебели какому-нибудь чиновнику, на что требовалось чуть не бревно. Одному въ такомъ случаѣ было вертѣть не подъ силу и обыкновенно посылали двоихъ, — меня и еще одного изъ дворянъ, В. Такъ эта работа впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и оставалась за нами, если только приходилось что-нибудь точить. Б. былъ слабосильный, тщедушный человѣкъ, еще молодой, страдавшій грудью. Онъ прибылъ въ острогъ съ годъ передо мною, вмѣстѣ съ двумя другими изъ своихъ товарищей, — однимъ старикомъ, все время острожной жизни и денно и нощно молившимся Богу (за что очень уважали его арестанты) и умершимъ при мнѣ, и

съ другимъ еще очень молодымъ человѣкомъ, свѣжимъ, рушнымъ, сильнымъ, смѣлымъ, который дорогою несъ устававшаго съ полъ-этапа Б., что продолжалось семьсотъ верстъ сряду. Нужно было видѣть ихъ дружбу между собою. Б. былъ человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, благородный, съ характеромъ великодушнымъ, но испорченнымъ и раздраженнымъ болѣзнью. Съ колесомъ справлялись мы вмѣстѣ и это даже занимало насъ обоихъ. Мнѣ эта работа давала превосходный моціонъ.

Особенно тоже я любилъ разгребать снѣгъ. Это бывало обыкновенно послѣ бурановъ, и бывало очень нерѣдко въ зиму. Послѣ суточнаго бурана заметало иной домъ до половины оконъ, а иной чуть не совсѣмъ заносило. Тогда какъ уже прекращался буранъ и выступало солнце, выгоняли насъ большими купами, а иногда и всѣмъ острогомъ — отгребать сугробы снѣга отъ казенныхъ зданій. Каждому давалась лопата, всѣмъ вмѣстѣ урокъ, иногда такой, что надо было удивляться, какъ можно съ нимъ справиться, и всѣ дружно принимались за дѣло. Рыхлый, только-что слегшійся и слегка примороженный сверху снѣгъ ловко брался лопатой, огромными комками, и разбрасывался кругомъ, еще на воздухѣ обращаясь въ блестящую пыль. Лопата такъ и врѣзалась въ бѣлую, сверкающую на солнцѣ массу. Арестанты почти всегда работали эту работу весело. Свѣжій зимній воздухъ, движеніе разгорячали ихъ. Всѣ становились веселѣе; раздавался хохотъ, вскрикиванья, остроты. Начинали играть въ снѣжки, не безъ того разумѣется, чтобъ черезъ минуту не закричали благоразумные и негодующіе на смѣхъ и веселость, и всеобщее увлеченіе обыкновенно кончалось руганью.

Мало-помалу я сталъ распространять и кругъ моего знакомства. Впрочемъ самъ я не думалъ о знакомствахъ; я все еще былъ неспокоенъ, угрюмъ и недовѣрчивъ. Знакомства мои начались сами собою. Изъ первыхъ сталъ посѣщать меня арестантъ Петровъ. Я говорю *посѣщать* и особенно напираю на это слово. Петровъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и въ самой отдаленной отъ меня казармѣ. Связей между нами повидимому не могло быть никакихъ; общаго тоже рѣшительно ничего у насъ не было и быть не могло. А между тѣмъ, въ это первое время Петровъ какъ-будто обязанностью почиталъ чуть не каждый день заходить ко мнѣ въ казарму, или останавливать меня въ шабашное

время, когда бывало я хожу за казармами, по возможности подальше отъ всѣхъ глазъ. Мнѣ сначала это было непріятно. Но онъ какъ-то такъ умѣлъ сдѣлать, что вскорѣ его посѣщенія даже стали развлекать меня, несмотря на то, что это былъ вовсе не особенно сообщительный и разговорчивый человѣкъ. Съ виду былъ онъ невысокаго роста, сильнаго сложенія, ловкій, вертлявый, съ довольно пріятнымъ лицомъ, блѣдный, съ широкими скулами, съ смѣлымъ взглядомъ, съ бѣлыми, частыми и мелкими зубами и съ вѣчной щепотью табаку за нижней губой. Класть за губу табакъ было въ обычаѣ у многихъ каторжныхъ. Онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Ему было лѣтъ сорокъ, а на видъ только тридцать. Говорилъ онъ со мной всегда чрезвычайно непринужденно, держалъ себя въ высшей степени на равной ногѣ, т. е. чрезвычайно порядочно и деликатно. Если онъ замѣчалъ напримѣръ, что я ищу уединенія, то поговоривъ со мной минуты двѣ, тотчасъ же оставлялъ меня и каждый разъ благодарилъ за вниманіе, чего разумѣется не дѣлалъ никогда и ни съ кѣмъ изъ всей каторги. Любопытно, что такія-же отношенія продолжались между нами не только въ первые дни, но и впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и почти никогда не становились короче, хотя онъ дѣйствительно былъ мнѣ преданъ. Я даже и теперь не могу рѣшить: чего именно ему отъ меня хотѣлось, зачѣмъ онъ лѣзъ ко мнѣ каждый день? Хоть ему и случалось воровать у меня впослѣдствіи, но онъ воровалъ какъ-то *нечаянно*: денегъ же почти никогда у меня не просилъ, слѣдственно приходилъ вовсе не за деньгами или за какимъ-нибудь интересомъ.

Не знаю тоже почему, но мнѣ всегда казалось, что онъ какъ-будто вовсе не жилъ вмѣстѣ со мною въ острогѣ, а гдѣ-то далеко въ другомъ домѣ, въ городѣ, и только посѣщалъ острогъ мимоходомъ, чтобъ узнать новости, провѣдать меня, посмотрѣть какъ мы всѣ живемъ. Всегда онъ куда-то спѣшилъ, точно гдѣ-то кого-то оставилъ и тамъ ждутъ его, точно гдѣ-то что-то не додѣлалъ. А между тѣмъ какъ-будто и не очень суетился. Взглядъ у него тоже былъ какой-то странный: пристальный, съ оттѣнкомъ смѣлости и нѣкоторой насмѣшки, но глядѣлъ онъ какъ-то вдаль, черезъ предметъ: какъ-будто изъ-за предмета, бывшаго передъ его носомъ, онъ старался разсмотрѣть какой-то другой, подальше. Это придавало ему разсѣянный видъ. Я нарочно смотрѣлъ иногда: куда пойдетъ отъ меня Петровъ? гдѣ это его такъ

ждутъ? Но отъ меня онъ торопливо отправлялся куда-нибудь въ казарму или въ кухню, садился тамъ подлѣ кого-нибудь изъ разговаривающихъ, слушалъ внимательно, иногда и самъ вступалъ въ разговоръ, даже очень горячо, а потомъ вдругъ какъ-то оборветъ и замолчитъ. Но говорилъ ли онъ, сидѣлъ ли молча, а все-таки видно было, что онъ такъ только, мимоходомъ, что гдѣ-то тамъ есть дѣло и тамъ его ждутъ. Страннѣе всего то, что дѣла у него не было никогда, никакого; жилъ онъ въ совершенной праздности (кромѣ казенныхъ работъ разумѣется). Мастерства никакого не зналъ, да и денегъ у него почти никогда не водилось. Но онъ и объ деньгахъ не много горевалъ. И объ чемъ онъ говорилъ со мной? Разговоръ его бывалъ такъ же страненъ, какъ и онъ самъ. Увидитъ напримѣръ, что я хожу гдѣ-нибудь одинъ за острогомъ, и вдругъ круто поворотитъ въ мою сторону. Ходилъ онъ всегда скоро, поворачивалъ всегда круто. Придетъ шагомъ, а кажется будто онъ подбѣжалъ.

— Здраствуйте.

— Здраствуйте.

— Я вамъ не помѣшалъ?

— Нѣтъ.

— Я вотъ хотѣлъ васъ про Наполеона спросить. Онъ изъ родня тому, что въ двѣнадцатомъ году былъ? (Петровъ былъ изъ каптонистовъ и грамотный).

— Родня.

— Какой же онъ, говорятъ, президентъ?

Спрашивалъ онъ всегда скоро, отрывисто, какъ-будто ему надо было какъ можно поскорѣе объ чемъ-то узнать. Точно онъ справку наводилъ по какому-то очень важному дѣлу, не терпящему ни малѣйшаго отлагательства.

Я объяснилъ, какой онъ президентъ и прибавилъ, что можетъ быть скоро и императоромъ будетъ.

— Это какъ?

Объяснилъ я повозможности и это. Петровъ внимательно слушалъ, совершенно понимая и скоро соображая, даже нагнувъ въ мою сторону ухо.

— Гм. А вотъ я хотѣлъ васъ, Александръ Петровичъ, спросить: правда ли, говорятъ есть такія обезьяны, у которыхъ руки до пятокъ, а величиной съ самаго высокаго человѣка?

— Да, есть такія.

— Какія же это?

Я объяснилъ сколько зналъ и это.

— А гдѣ же онѣ живутъ?

— Въ жаркихъ земляхъ. На островѣ Суматрѣ есть.

— Это въ Америкѣ что-ли? Какъ это говорятъ, будто тамъ люди внизъ головой ходятъ?

— Не внизъ головой. Это вы про антиподовъ спрашиваете. — Я объяснилъ что такое Америка и, по возможности, что такое антиподы. Онъ слушалъ такъ же внимательно, какъ будто нарочно приѣжалъ для однихъ антиподовъ.

— А-а! А вотъ я прошлаго года про графиню Лавальеръ читалъ, отъ алъютанта Арефьевъ книжку приносилъ. Такъ это правда, или такъ только выдумано? Дюма сочиненіе.

— Разумѣется выдумано.

— Ну прощайте. Благодарствуйте.

И Петровъ исчезалъ и въ сущности никогда почти мы не говорили иначе, какъ въ этомъ родѣ.

Я сталъ о немъ справляться. М., узнавши объ этомъ знакомствѣ, даже предостерегалъ меня. Онъ сказалъ мнѣ, что многіе изъ каторжныхъ вселяли въ него ужасъ, особенно сначала, съ первыхъ дней острога, но ни одинъ изъ нихъ, ни даже Газинъ, не производили на него такого ужаснаго впечатлѣнія, какъ этотъ Петровъ.

— Это самый рѣшительный, самый безстрашный изъ всѣхъ каторжныхъ, говорилъ М. — Онъ на все способенъ; онъ ни передъ чѣмъ не остановится, если ему придетъ капризъ. Онъ и васъ зарѣжетъ, если ему это вздумается, такъ, просто зарѣжетъ, не поморщится и не раскается. Я даже думаю, онъ не въ полномъ умѣ.

Этотъ отзывъ сильно заинтересовалъ меня. Но М. какъ-то не могъ мнѣ дать отчета, почему ему такъ казалось. И странное дѣло: нѣсколько лѣтъ сряду я зналъ потомъ Петрова, каждый день говорилъ съ нимъ; все время онъ былъ ко мнѣ искренно привязанъ (хоть и рѣшительно не знаю за что), — и во всѣ эти нѣсколько лѣтъ, хотя онъ и жилъ въ острогѣ благоразумно и ровно ничего не сдѣлалъ ужаснаго, но я каждый разъ, глядя на него и разговаривая съ нимъ, убѣждался, что М. былъ правъ и что Петровъ можетъ-быть самый рѣшительный, безстрашный и не знающій надъ собою никакого принужденія человѣкъ. Поче-

Digitized by Google

му это такъ мнѣ казалось, — тоже не могу дать отчета. Замѣчу впрочемъ, что этотъ Петровъ былъ тотъ самый, который хотѣлъ убить плацъ-майора, когда его позвали къ наказанію и когда майоръ «спасся чудомъ», какъ говорили арестанты, — уѣхавъ передъ самой минутой наказанія. Въ другой разъ, еще до каторги, случилось, что полковникъ ударилъ его на ученіи. Вѣроятно его и много разъ передъ этимъ били; но въ этотъ разъ онъ не захотѣлъ снести и закололъ своего полковника открыто, среди бѣла дня, передъ развернутымъ фронтомъ. Впрочемъ я не знаю въ подробности всей его исторіи; онъ никогда мнѣ ее не разсказывалъ. Конечно это были только вспышки, когда натура объявлялась вдругъ вся, цѣликомъ. Но все-таки онѣ были въ немъ очень рѣдки. Онъ дѣйствительно былъ благоразуменъ и даже смиренъ. Страсти въ немъ таились, и даже сильныя, жгучія; но горячіе угли были постоянно посыпаны золою и тлѣли тихо. Ни тѣни фанфаронства или тщеславія я никогда не замѣчалъ въ немъ, какъ напримѣръ у другихъ. Онъ ссорился рѣдко, зато и ни съ кѣмъ особенно не былъ друженъ, развѣ только съ однимъ Сироткинымъ, да и то когда тотъ былъ ему нуженъ. Разъ впрочемъ я видѣлъ какъ онъ серьозно разсердился. Ему что-то не давали, какую-то вещь; чѣмъ-то обдѣлили его. Спорилъ съ нимъ арестантъ силачъ, высокаго роста, злой, задира, насмѣшникъ и далеко не трусъ, Василій Антоновъ, изъ гражданскаго разряда. Они уже долго кричали и я думалъ, что дѣло кончится многомного что простыми колотушками, потомучто Петровъ, хоть и очень рѣдко, но иногда даже дирался и ругался какъ самый послѣдній изъ каторжныхъ. Но въ этотъ разъ случилось не то: Петровъ вдругъ поблѣднѣлъ, губы его затряслись и посинѣли; дышать сталъ онъ трудно. Онъ всталъ съ мѣста и медленно, очень медленно, своими неслышными, босыми шагами (лѣтомъ онъ очень любилъ ходить босой) подошолъ къ Антонову. Вдругъ, разомъ во всей шумной и крикливой казармѣ всѣ затихли; муху было бы слышно. Всѣ ждали что будетъ. Антоновъ вскочилъ ему навстрѣчу; на немъ лица не было... Я не вынесъ и вышелъ изъ казармы. Я ждалъ, что еще не успѣю сойти съ крыльца, какъ услышу крикъ зарѣзаннаго человѣка. Но дѣло кончилось ничѣмъ и на этотъ разъ: Антоновъ, не успѣлъ еще Петровъ дойти до него, молча и поскорѣе выкинулъ ему спорную вещь. (Дѣло шло о какой-то самой жалкой ветошкѣ, о какихъ-то подверт-

Digitized by Google

какъ). Разумѣется, минуты черезъ двѣ Антоновъ все-таки ругнулъ его пошлецомъ, для очистки совѣсти и для приличія, чтобъ показать, что не совсѣмъ же онъ такъ ужъ струсилъ. Но на ругань Петровъ не обратилъ никакого вниманія, даже и не отвѣчалъ: дѣло было не въ руганьи и выигралось оно въ его пользу; онъ остался очень доволенъ и взялъ себѣ ветошку. Черезъ четверть часа онъ уже попрежнему слонялся по острогу, съ видомъ совершеннаго бездѣлья и какъ будто искалъ, не заговорятъ ли гдѣ-нибудь о чемъ-нибудь полюбопытнѣе, чтобъ приткнуть туда и свой носъ и послушать. Его казалось все занимало, но какъ-то такъ случалось, что ко всему онъ по большей части оставался равнодушенъ и только такъ слонялся по острогу безъ дѣла, метался его туда и сюда. Его можно было тоже сравнить съ работникомъ, съ дюжимъ работникомъ, отъ котораго затрещитъ работа, но которому покамѣстъ не даютъ работы и вотъ онъ въ ожиданіи сидитъ и играетъ съ маленькими дѣтьми. Не понималъ я тоже, зачѣмъ онъ живетъ въ острогѣ, зачѣмъ не бѣжитъ? Онъ не задумался бы бѣжать, еслибъ только крѣпко того захотѣлъ. Надъ такими людьми какъ Петровъ, разсудокъ властвуетъ только до тѣхъ поръ, покамѣстъ они чего не захотятъ. Тутъ ужъ на всей землѣ нѣтъ препятствія ихъ желанію. А я увѣренъ, что онъ бѣжать сумѣлъ бы ловко, надулъ бы всѣхъ, по нельзя жъ тебѣ сидѣть безъ хлѣба, гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ рѣчномъ камышѣ. Но видно онъ еще не набрелъ на эту мысль и не пожелалъ этого *вполнѣ*. Большого разсужденія, особеннаго здраваго смысла я никогда въ немъ не замѣчалъ. Эти люди такъ и родятся объ одной идеѣ, всю жизнь безсознательно двигающей ихъ туда и сюда; такъ они и мечутся всю жизнь, пока не найдутъ себѣ дѣла вполнѣ по желанію; тутъ ужь имъ и голова нипочемъ. Удивлялся я иногда, какъ это такой человѣкъ, который зарѣзалъ своего начальника за побои, такъ безпрекословно ложится у насъ подъ розги. Его иногда и сѣкли, когда онъ попадался съ виномъ. Какъ и всѣ каторжные безъ ремесла, онъ иногда пускался проносить вино. Но онъ и подъ розги ложился какъ-будто съ собственнаго согласія, т. е. какъ будто сознавалъ, что за дѣло, въ противномъ случаѣ ни за что бы не легъ, хоть убей. Дивился я на него тоже, когда онъ, несмотря на видимую ко мнѣ привязанность, обкрадывалъ меня. Находило на него это какъ-то полосами. Это онъ укралъ у меня

Digitized by Google

библію, которую я ему далъ только донести изъ одного мѣста въ другое. Дорога была съ нѣсколько шаговъ; но онъ успѣлъ найти по дорогѣ покупщика, продалъ ее и тотчасъ же пропилъ деньги. Вѣрно ужь очень ему пить захотѣлось, а ужь, что очень захотѣлось, то *должно* быть исполнено. Вотъ такой-то и рѣжетъ человѣка за четвертакъ, чтобъ за этотъ четвертакъ выпить водки, хотя въ другое время пропуститъ мимо и съ сотнею тысячъ. Вечеромъ онъ мнѣ самъ и объявилъ о покражѣ, только безъ всякаго смущенія и раскаянья, совершенно равнодушно, какъ о самомъ обыкновенномъ приключеніи. Я было попробовалъ хорошенько его цобранить; да и жалко мнѣ было мою библію. Онъ слушалъ не раздражаясь, даже очень смирно; согласился, что библія очень полезная книга, искренно жалѣлъ, что ее у меня теперь нѣтъ, но вовсе не сожалѣлъ о томъ, что укралъ ее; онъ глядѣлъ съ такою самоувѣренностью, что я тотчасъ же и пересталъ браниться. Брань же мою онъ сносилъ вѣроятно разсудивъ, что вѣдь нельзя же безъ этого, чтобъ не изругать его за такой поступокъ, такъ ужь пусть дескать душу отведетъ, потѣшится, поругаетъ; но что въ сущности все это вздоръ, такой вздоръ, что серьезному человѣку и говорить-то было бы совѣстно. Мнѣ кажется онъ вообще считалъ меня какимъ-то ребенкомъ, чуть не младенцемъ, непонимающимъ самыхъ простыхъ вещей на свѣтѣ. Если напримѣръ я самъ съ нимъ объ чемъ-нибудь заговаривалъ, кромѣ паукъ и книжекъ, то онъ правда мнѣ отвѣчалъ, но какъ будто только изъ учтивости, ограничиваясь самыми короткими отвѣтами. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: что ему въ этихъ книжныхъ знаніяхъ, о которыхъ онъ меня обыкновенно распрашиваетъ? Случалось, что вовремя этихъ разговоровъ я нѣтъ-нѣтъ, да и посмотрю на него сбоку: ужь не смѣется ли онъ надо мной? Но нѣтъ; обыкновенно онъ слушалъ серьозно, внимательно, хотя впрочемъ не очень, и это послѣднее обстоятельство мнѣ иногда досаждало. Вопросы задавалъ онъ точно, опредѣлительно, но какъ-то не очень дивился полученнымъ отъ меня свѣдѣніямъ и принималъ ихъ даже разсѣянно... Казалось мнѣ, еще, что про меня онъ рѣшилъ, не ломая долго головы, что со мною нельзя говорить какъ съ другими людьми, что кромѣ разговора о книжкахъ я ни о чемъ не пойму и даже неспособенъ понять, такъ что и безпокоить меня нечего.

Я увѣренъ, что онъ даже любилъ меня и это меня очень до-

ражало. Считалъ ли онъ меня недоросшимъ, неполнымъ человѣкомъ, чувствовалъ ли ко мнѣ то особаго рода состраданіе, которое инстинктивно ощущаетъ всякое сильное существо къ другому слабѣйшему, признавъ меня за такое... не знаю. И хоть все это не мѣшало ему меня обворовывать, но я увѣренъ, и обворовывая онъ жалѣлъ меня. «Эхъ дескать! думалъ онъ можетъ-быть, запуская руку въ мое добро, чтожъ это за человѣкъ, который и за добро-то свое постоять не можетъ!» Но за это-то онъ кажется и любилъ меня. Онъ мнѣ самъ сказалъ одинъ разъ, какъ-то нечаянно, что я уже «слишкомъ доброй души человѣкъ», и «ужь такъ вы просты, такъ просты, что даже жалость береть. Только вы, Александръ Петровичъ, не примите въ обиду — прибавилъ онъ черезъ минуту: — я вѣдь такъ отъ души сказалъ.»

Съ этакими людьми случается иногда въ жизни, что они вдругъ рѣзко и крупно проявляются и обозначаются въ минуты какого-нибудь крутого, поголовнаго дѣйствія или переворота, и такимъ образомъ разомъ попадаютъ на свою полную дѣятельность. Они не люди слова и не могутъ быть зачинщиками и главными предводителями дѣла; но они главные исполнители его и первые начинаютъ. Начинаютъ просто, безъ особыхъ возгласовъ, но зато первые перескакиваютъ черезъ главное препятствіе, незадумавшись, безъ страха, идя прямо на всѣ ножи, — и всѣ бросаются за ними и идутъ слѣпо, идутъ до самой послѣдней стѣны, гдѣ обыкновенно и кладутъ свои головы. Я не вѣрю, чтобъ Петровъ хорошо кончилъ; онъ въ какую-нибудь одну минуту все разомъ кончитъ и если не пропалъ еще до сихъ поръ, значитъ случай его не пришолъ. Кто знаетъ впрочемъ? можетъ и доживетъ до сѣдыхъ волосъ и преспокойно умретъ отъ старости, безъ цѣли слоняясь туда и сюда. Но мнѣ кажется М. былъ правъ, говоря, что это былъ самый рѣшительный человѣкъ изъ всей каторги.

VIII

РѢШИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ. ЛУЧКА

Насчетъ рѣшительныхъ трудно сказать; въ каторгѣ, какъ и вездѣ, ихъ было довольно мало. Съ виду пожалуй и страшный

человѣкъ; сообразишь бывало, что про иного разсказываютъ, и даже сторонишься отъ него. Какое-то безотчетное чувство заставляло меня даже обходить этихъ людей сначала. Потомъ и во многомъ измѣнился въ моемъ взглядѣ даже на самыхъ страшныхъ убійцъ. Иной и не убилъ, да страшнѣе другого, который по шести убійствамъ пришолъ. Объ иныхъ же преступленіяхъ трудно было составить даже самое первоначальное понятіе: дотого въ совершеніи ихъ было много страннаго. Я именно потому говорю, что у насъ въ простонародьи иныя убійства происходятъ отъ самыхъ удивительныхъ причинъ. Существуетъ напримѣръ, и даже очень часто, такой типъ убійцы: живетъ этотъ человѣкъ тихо и смирно. Доля горькая, — терпитъ. Положимъ онъ мужикъ, дворовый человѣкъ, мѣщанинъ, солдатъ. Вдругъ что-нибудь у него сорвалось; онъ не выдержалъ и пырнулъ ножомъ своего врага и притѣснителя. Тутъ-то и начинается странность: навремя человѣкъ вдругъ выскакиваетъ изъ мѣрки. Перваго онъ зарѣзалъ притѣснителя, врага; это хоть и преступно, но понятно; тутъ поводъ былъ; но потомъ ужь онъ рѣжетъ и не враговъ, рѣжетъ перваго встрѣчнаго и поперечнаго, рѣжетъ для потѣхи, за грубое слово, за взглядъ, для чотки, или просто: прочь съ дороги, не попадайся, я иду! Точно опьянѣетъ человѣкъ, точно въ горячешномъ бреду. Точно перескочивъ разъ черезъ завѣтную для него черту, онъ уже начинаетъ любоваться на то, что нѣтъ для него больше ничего святого; точно подмываетъ его перескочить разомъ черезъ всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и безпредѣльной свободой, насладиться этимъ замираніемъ сердца отъ ужаса, котораго невозможно, чтобъ онъ самъ къ себѣ не чувствовалъ. Знаетъ онъ ктому же, что ждетъ его страшная казнь. Все это можетъ-быть похоже на то ощущеніе, когда человѣкъ съ высокой башни тянется въ глубину, которая подъ ногами, такъ что ужь самъ наконецъ радъ бы броситься внизъ головою: поскорѣй, да и дѣло съ концомъ! И случается это все даже съ самыми смирными и непримѣтными дотолѣ людьми. Иные изъ нихъ, въ этомъ чаду, даже рисуются собой. Чѣмъ забитѣе былъ онъ прежде, тѣмъ сильнѣй подмываетъ его теперь пощеголять, задать страху. Онъ наслаждается этимъ страхомъ, любитъ самое отвращеніе, которое возбуждаетъ въ другихъ. Онъ напускаетъ на себя какую-то *отчаянность*, и такой «отчаянный» иногда самъ ужь поскорѣе

Digitized by Google

ждетъ наказанія, ждетъ, чтобъ *порѣшили* его, потомучто самому становится наконецъ тяжело носить на себѣ эту напускную *отчаянность*. Любопытно, что большею частью все это настроеніе, весь этотъ напускъ, продолжается ровно вплоть до эшафота, а потомъ какъ отрѣзало! точно и въ самомъ дѣлѣ этотъ срокъ какой-то форменный, какъ-будто назначенный заранѣе опредѣленными для того правилами. Тутъ человѣкъ вдругъ смиряется, стушовывается, въ тряпку какую-то обращается. На эшафотѣ нюнитъ — проситъ у народа прощенія. Приходитъ въ острогъ, и смотришь: такой слюнявый, такой сопливый, забитый даже, такъ что даже удивляешься на него: «да неужели это тотъ самый, который зарѣзалъ пять-шесть человѣкъ?»

Конечно иные и въ острогѣ не скоро смиряются. Все еще сохраняется какой-то форсъ, какая-то хвастливость; вотъ дескать, я вѣдь не то, что вы думаете; я «по шести душамъ». Но кончаетъ тѣмъ, что все-таки смиряется. Иногда только потѣшитъ себя, вспоминая свой удалой размахъ, свой кутежъ, бывшій разъ въ его жизни, когда онъ былъ «отчаяннымъ», и очень любитъ, если только найдетъ простячка, съ приличной важностью передъ нимъ поломаться, похвастаться и разсказать ему свои подвиги, не показывая впрочемъ и вида, что ему самому разсказать хочется. Вотъ дескать какой я былъ человѣкъ!

И съ какими утонченностями наблюдается эта самолюбивая осторожность, какъ лѣниво-небрежно бываетъ иногда такой разсказъ! Какое изученное фатство проявляется въ тонѣ, въ каждомъ словечкѣ разсказчика. И гдѣ этотъ народъ выучился!

Разъ, въ эти первые дни, въ одинъ длинный вечеръ, праздно и тоскливо лежа на нарахъ, я прослушалъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, и по неопытности принялъ разсказчика за какого-то колоссальнаго, страшнаго злодѣя, за неслыханный, желѣзный характеръ, тогда какъ въ это же время чуть не подшучивалъ надъ Петровымъ. Темой разсказа было, какъ онъ, Лука Кузьмичъ, не для чего иного, какъ единственно для одного своего удовольствія *уложилъ* одного майора.

Этотъ Лука Кузьмичъ былъ тотъ самый маленькой, тоненькой, съ востренькимъ носикомъ, молоденькой арестантикъ нашей казармы, изъ хохловъ, о которомъ уже какъ-то и упоминалъ я. Былъ онъ въ сущности русскій, а только родился на югѣ, кажется дворовымъ человѣкомъ. Въ немъ дѣйствительно было что-

Digitized by Google

то вострое, заносчивое: «мала птичка, да ноготокъ востеръ». Но арестанты инстинктивно раскусываютъ человѣка. Его очень немного уважали, или какъ говорятъ въ каторгѣ, «ему очень немного уважали». Онъ былъ ужасно самолюбивъ. Сидѣлъ онъ въ этотъ вечеръ на нарахъ и шилъ рубашку. Шитье бѣлья было его ремесломъ. Подлѣ него сидѣлъ тупой и ограниченный парень, но добрый и ласковый, плотный, и высокій, его сосѣдъ по нарамъ, арестантъ Кобылинъ. Лучка, по сосѣдству, часто съ нимъ ссорился и вообще обращался свысока, насмѣшливо и деспотически, чего Кобылинъ отчасти и не замѣчалъ по своему простодушію. Онъ вязалъ шерстяной чулокъ и равнодушно слушалъ Лучку. Тотъ разсказывалъ довольно громко и явственно. Ему хотѣлось, чтобы всѣ его слушали, хотя напротивъ и старался дѣлать видъ, что разсказываетъ одному Кобылину.

— Это, братъ, пересылали меня изъ нашего мѣста, началъ онъ, ковыряя иглой, — въ Ч—въ, по бродяжеству значитъ.

— Это когда же, давно было? спросилъ Кобылинъ.

— А вотъ горохъ поспѣетъ, другой годъ пойдетъ. Ну, какъ пришли въ К—въ — и посадили меня туда на малое время въ острогъ. Смотрю: сидятъ со мной человѣкъ двѣнадцать, все хохловъ, высокіе, здоровые, дюжіе, точно быки. Да смирные такіе: ѣда плохая, вертитъ ими ихній майоръ какъ его милости *завгодно* (Лучка нарочно перековеркалъ слово). Сижу день, сижу другой; вижу трусъ-народъ. Чтожъ вы, говорю, такому дураку поблажаете?

— А подика-сь самъ съ нимъ поговори! даже ухмыляются на меня. Молчу я. И пресмѣшной же тутъ былъ одинъ хохолъ, братцы, прибавилъ онъ вдругъ, бросая Кобылина и обращаясь ко всѣмъ вообще. — Разсказывалъ какъ его въ судѣ порѣшили, и какъ онъ съ судомъ разговаривалъ, а самъ заливается плачетъ; дѣти, говоритъ, у него остались, жена. Самъ матерой такой, сѣдой, толстый. «Я ему, говоритъ, бачу: ни! А винъ, бисовъ сынъ, все пишетъ, все пишетъ! Ну, бачу соби, да щобъ ты здохъ, а ябъ подывився! А винъ все пишетъ, все пишетъ; да якъ писне!.. Тутъ и пропала моя голова!» Дай-ка, Вася, ниточку; гнилыя каторжныя.

— Базарныя, отвѣчалъ Вася, подавая нитку.

— Наши швальныя лучше. Анамеднись Невалида посылали,

Digitized by Google

— У какой онъ тамъ подлой бабы беретъ? продолжалъ Лучка, вдѣвая на свѣтъ нитку.

— У кумы значитъ.

— Значитъ у кумы.

— Такъ чтоже, какъ же майоръ-то? спросилъ совершенно забытый Кобылинъ.

Того только и было нужно Лучкѣ. Однакожъ онъ не сейчасъ продолжалъ свой разсказъ, даже какъ-будто и вниманія не удостоилъ Кобылина. Спокойно расправилъ нитки, спокойно и лѣнивo передернулъ подъ собой ноги и наконецъ-то ужь заговорилъ:

— Взбудоражилъ наконецъ я моихъ хохловъ, потребовали майора. А я еще съ утра у сосѣда жуликъ (*) спросилъ, взялъ да и спряталъ, значитъ на случай. Разсвирѣпѣлъ майоръ. Вдетъ. Ну, говорю, не трусить, хохлы! А у нихъ ужь душа въ пяткахъ ушла; такъ и трясутся. Вбѣжалъ майоръ; пьяный. «Кто здѣсь! какъ здѣсь! Я царь, я и богъ!»

Какъ сказалъ онъ: «я царь, я и богъ», я и выдвинулся, продолжалъ Лучка: — ножъ у меня въ рукавѣ.

— Нѣтъ говорю, ваше высокоблагородіе, — а самъ по маленьку все ближе да ближе: — нѣтъ ужь это какъ же можетъ быть, говорю, ваше высокоблагородіе, чтобъ вы были у насъ царь да и богъ?

— А, такъ это ты, такъ это ты! закричалъ майоръ! — бунтовщикъ!

— Нѣтъ, говорю (а самъ все ближе да ближе), — нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, какъ можетъ извѣстно и вѣдомо вамъ самимъ, Богъ нашъ, всемогущій и вездѣсущій, единъ есть, говорю. И царь нашъ единъ, надъ всѣми нами самимъ Богомъ поставленный. Онъ, ваше высокоблагородіе, говорю, монархъ. А вы, говорю, ваше высокоблагородіе, еще только майоръ — начальникъ нашъ, ваше высокоблагородіе, царскою милостью, говорю, и своими заслугами.

Какъ-какъ-какъ-какъ! такъ и закудакталъ, говорить не можетъ, захлебывается. Удивился ужь очень.

— Да вотъ какъ, говорю, да какъ кинусь на него вдругъ, да въ самый животъ ему такъ-таки весь ножъ и впустилъ. Ловко

(*) Ножъ.

пришлось. Покатился, да только ногами задрыгалъ. Я ножъ бросилъ:

— Смотрите, говорю, хохлы, подымайте его теперь! —

Здѣсь уже я сдѣлаю одно отступленіе. Къ несчастію такія выраженія: «я царь, я и богъ» и много другихъ, подобныхъ этому, были въ немаломъ употребленіи встарину, между многими изъ командировъ. Надо впрочемъ признаться, что такихъ командировъ остается уже немного, а можетъ-быть и совсѣмъ перевелись. Замѣчу тоже, что особенно щеголяли и любили щеголять такими выраженіями большею частью командиры, сами вышедшіе изъ нижнихъ чиновъ. Офицерскій чинъ какъ-будто переворачиваетъ всю ихъ внутренность, а вмѣстѣ и голову. Долго кряхтя подъ ламкой и перейдя всѣ степени подчиненности, они вдругъ видятъ себя офицерами, командирами, благородными, и съ непривычки и перваго упоенія преувеличиваютъ понятіе о своемъ могуществѣ и значеніи: разумѣется только относительно подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Передъ высшими же они попрежнему въ подобострастіи, совершенно уже ненужномъ и даже противномъ для многихъ начальниковъ. Иные подобострастники даже съ особеннымъ умиленіемъ спѣшатъ заявить, передъ своими высшими командирами, что вѣдь они и сами изъ нижнихъ чиновъ, хоть и офицеры, и «свое мѣсто завсегда помнятъ». По относительно нижнихъ чиновъ они становились чуть не неограниченными повелителями. Конечно, теперь врядъ ли ужь есть такіе, и врядъ ли найдется такой, чтобъ прокричалъ: «я царь, я и богъ». Но несмотря на это я все-таки замѣчу, что ничто такъ не раздражаетъ арестантовъ, да и вообще всѣхъ нижнихъ чиновъ, какъ вотъ этакія выраженія начальниковъ. Эта начальность самовозвеличенія, это преувеличенное мнѣніе о своей безнаказанности, рождаетъ ненависть въ самомъ покорномъ человѣкѣ и выводитъ его изъ послѣдняго терпѣнія. Къ счастію, все это дѣло почти прошлое, даже и встарину-то строго преслѣдовалось начальствомъ. Нѣсколько примѣровъ тому и я знаю.

Да и вообще раздражаетъ нижній чинъ всякая сыворка небрежность, всякая брезгливость въ обращеніи съ нимъ. Иные думаютъ напримѣръ, что если хорошо кормить, хорошо содержать арестанта, все исполнять по закону, такъ и дѣло съ концомъ. Это тоже заблужденіе. Всякій, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ униженъ, хоть и инстинктивно, хоть безсознательно, а

все-таки требуетъ уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальникомъ; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что онъ человѣкъ. А такъ какъ онъ дѣйствительно человѣкъ, то слѣдственно и надо съ нимъ обращаться по человѣчески. Боже мой! да человѣческое обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже потускнулъ образъ божій. Съ этими-то «несчастными» и надо обращаться наиболѣе по человѣчески. Это спасеніе и радость ихъ. Я встрѣчалъ такихъ добрыхъ, благородныхъ командировъ. Я видѣлъ дѣйствіе, которое производили они на этихъ униженныхъ. Нѣсколько ласковыхъ словъ — и арестанты чуть не воскресали нравственно. Они какъ дѣти радовались и какъ дѣти начинали любить. Замѣчу еще одну странность: сами арестанты не любятъ слишкомъ фамильярнаго и *слишкомъ* уже добродушнаго съ собой обхожденія начальниковъ. Ему хочется уважать начальника, а тутъ онъ какъ-то перестаетъ его уважать. Арестанту любо напримѣръ, чтобъ у начальника его были ордена, чтобъ онъ былъ видный собою, въ милости у какого-нибудь высокаго начальника, чтобъ былъ и строгъ, и важенъ, и справедливъ, и достоинство бы свое соблюдалъ. Такихъ арестанты больше любятъ: значитъ и свое достоинство сохранилъ, и ихъ не обидѣлъ, стало-быть и все хорошо и красиво.

. . . . . .

— Ужь и жарили-жъ тебя должно-быть за это? спокойно замѣтилъ Кобылинъ.

— Гм. Жарили-то, братъ, оно правда что жарили. Алей, дай-ка ножницы! Чтой-то братцы, сегодня майдана нѣтъ?

— Даве пропились, замѣтилъ Вася. — Еслибъ не пропились, такъ оно пожалуй и было бы.

— Еслибъ! да еслибъ и въ Москвѣ сто рублей даютъ, замѣтилъ Лучка.

— А сколько тебѣ, Лучка, дали за все про все? заговорилъ опять Кобылинъ.

— Дали, другъ любезный, сто-пять. А что скажу, братцы: вѣдь чуть меня не убили, подхватилъ Лучка, опять бросая Кобылина. — Вотъ какъ вышли мнѣ эти сто-пять, повезли меня въ полномъ парадѣ. А никогда-то до сего я еще плетей не отвѣдывалъ. Народу привалило видимо-невидимо, весь городъ сбѣжал-

ся: разбойника наказывать будутъ, убивецъ значитъ! Ужъ и какъ глупъ этотъ народъ, такъ не знаю какъ и сказать. Тимошка (*) раздѣлъ, положилъ, кричитъ: поддержись, ожгу! жду: что будетъ? Какъ онъ мнѣ влѣпитъ разъ, — хотѣлъ-было и крикнутъ, раскрылъ-было ротъ, а крику-то во мнѣ и нѣтъ. Голосъ значитъ остановился. Какъ влѣпитъ два, ну вѣришь или невѣришь, я ужь и не слыхалъ какъ *два* просчитали. А какъ очнулся, слышу считаютъ: семнадцатый. Такъ меня, братъ, раза четыре потомъ съ кобылы снимали, по получасу отдыхалъ: водой обливали. Гляжу на всѣхъ выпуча глаза, да и думаю: «тутъ же помру».

— А и не померъ? наивно спросилъ Кобылинъ.

Лучка обвелъ его въ высочайшей степени презрительнымъ взглядомъ; раздался хохотъ.

— Валясина, какъ есть!

— На чердакѣ нездорово, замѣтилъ Лучка, точно раскаиваясь, что могъ заговорить съ такимъ человѣкомъ.

— Умомъ значитъ рѣшонъ, скрѣпилъ Вася.

Лучка хоть и убилъ шесть человѣкъ, но въ острогѣ его никогда и никто не боялся, несмотря на то, что можетъ быть онъ душевно желалъ прослыть страшнымъ человѣкомъ...

IX

ИСАЙ ѲОМИЧЪ. ВАНЯ. РАЗСКАЗЪ ВАКЛУШИНА

Наступалъ праздникъ рождества христова. Арестанты ожидали его съ какою-то торжественностью, и глядя на нихъ, я тоже сталъ ожидать чего-то необыкновеннаго. Дня за четыре до праздника повели насъ въ баню. Въ мое время, особенно въ первые мои годы, арестантовъ рѣдко водили въ баню. Всѣ обрадовались и начали собираться. Назначено было идти послѣ обѣда и въ эти послѣ-обѣда уже не было работы. Всѣхъ больше радовался и суетился изъ нашей казармы Исай Ѳомичъ Бумштейнъ, каторжный изъ евреевъ, о которомъ уже я упоминалъ въ четвертой главѣ моего разсказа. Онъ любилъ париться до отупѣнія, до безчувственности, и каждый разъ, когда случается мнѣ теперь,

(*) Палачъ.

перебирая старыя воспоминанія, вспомнить и о нашей каторжной банѣ (которая стоитъ того, чтобъ объ ней незабыть), то на первый планъ картины тотчасъ же выступаетъ передо мною лицо блаженнѣйшаго и незабвеннаго Исая Фомича, товарища моей каторги и сожителя по казармѣ. Господи, что за умори-тельный и смѣшной былъ этотъ человѣкъ! Я уже сказалъ нѣ-сколько словъ про его фигурку: лѣтъ пятидесяти, тщедуш-ный, сморщенный, съ ужаснѣйшими клеймами на щекахъ и на лбу, худощавый, слабосильный, съ бѣлымъ цыплячьимъ тѣ-ломъ. Въ выраженіи лица его видѣлось безпрерывное, ничѣмъ непоколебимое самодовольство и даже блаженство. Кажется онъ ничуть не сожалѣлъ, что попалъ въ каторгу. Такъ-какъ онъ былъ ювелиръ, а ювелира въ городѣ не было, то и работалъ безпрерывно по господамъ и по начальству города одну ювелир-скую работу. Ему все-таки хоть сколько-нибудь да платили. Онъ не нуждался, жилъ даже *богато*, но откладывалъ деньги и да-валъ подъ-закладъ на проценты всей каторгѣ. У него былъ свой самоваръ, хорошій тюфякъ, чашки, весь обѣденный приборъ. Городскіе евреи не оставляли его своимъ знакомствомъ и покро-вительствомъ. По субботамъ онъ ходилъ подъ конвоемъ въ свою городскую молельную (что дозволяется законами) и жилъ совер-шенно припѣваючи, съ петерпѣніемъ впрочемъ ожидая выжить свой двѣнадцатилѣтній срокъ, чтобъ «зениться». Въ немъ была самая комическая смѣсь наивности, глупости, хитрости, дерзо-сти, простодушія, робости, хвастливости и нахальства. Мнѣ очень странно было, что каторжные вовсе не смѣялись надъ нимъ, развѣ только подшучивали для забавы. Исай Фомичъ оче-видно служилъ всѣмъ для развлеченія и всегдашней потѣхи. «Онъ у насъ одинъ, не троньте Исая Фомича», говорили аре-станты, и Исай Фомичъ, хотя и понималъ въ чемъ дѣло, по ви-димо гордился своимъ значеніемъ, что очень тѣшило аресан-товъ. Онъ умори-тельнѣйшимъ образомъ прибылъ въ каторгу (еще до меня, но мнѣ разсказывали). Вдругъ однажды, передъ вечеромъ, въ шабашное время, распространился въ острогѣ слухъ, что привели жидка и брѣютъ въ кордегардіи и что онъ сейчасъ войдетъ. Изъ евреевъ тогда въ каторгѣ еще ни одного не было. Арестанты ждали его съ петерпѣніемъ и тотчасъ же обступили, какъ онъ вошолъ въ ворота. Острожный унтеръ-офицеръ про-велъ его въ гражданскую казарму и указалъ ему мѣсто на на-

Digitized by Google

рахъ. Въ рукахъ у Исая Ѳомича былъ его мѣшокъ съ выданными ему казенными вещами и своими собственными. Онъ положилъ мѣшокъ, вамостился на нары и усѣлся подобравъ подъ себя ноги, не смѣя ни на кого поднять глаза. Кругомъ него раздавался смѣхъ и острожныя шуточки, имѣвшія въ виду еврейское его происхожденіе. Вдругъ сквозь толпу протѣснился молодой арестантъ, неся въ рукахъ самыя старыя, грязныя и разорванныя лѣтнія свои шаровары, съ придачею казенныхъ подверточъ. Онъ присѣлъ подлѣ Исая Ѳомича и ударилъ его по плечу:

— Ну, другъ любезный, я тебя здѣсь уже шестой годъ поджидаю. Вотъ смотри, много ли дашь?

И онъ разложилъ передъ нимъ принесенныя лохмотья.

Исай Ѳомичъ, который при входѣ въ острогъ сробѣлъ до того, что даже глазъ не смѣлъ поднять на эту толпу насмѣшливыхъ, изуродованныхъ и страшныхъ лицъ, плотно обступившихъ его кругомъ, и отъ робости еще не успѣлъ сказать слова,— увидѣвъ закладъ, вдругъ встрепенулся и бойко началъ перебирать пальцами лохмотья. Даже прикинулъ на свѣтъ. Всѣ ждали, что онъ скажетъ.

— Чтожъ, рубля-то серебромъ небось не дашь? а вѣдь стоило бы! продолжалъ закладчикъ, подмигивая Исаю Ѳомичу.

— Рубля серебромъ нельзя, а семь копѣекъ можно.

И вотъ первыя слова, произнесенныя Исаемъ Ѳомичемъ въ острогѣ. Всѣ такъ и покатились со смѣху.

— Семь! Ну давай хоть семь; твое счастье! Смотрижъ, береги закладъ; головой мнѣ за него отвѣчаешь.

— Проценту три копѣйки, будетъ десять копѣекъ, отрывисто и дрожавшимъ голосомъ продолжалъ жидокъ, опуская руку въ карманъ за деньгами и брязливо поглядывая на арестантовъ. Онъ и трусилъ-то ужасно, и дѣло-то ему хотѣлось обдѣлать.

— Въ годъ что ли три копѣйки проценту?

— Нѣтъ не въ годъ, а въ мѣсяцъ.

— Тугонекъ же ты, жидъ. А какъ тебя величать?

— Исаій Ѳомичъ.

— Ну Исай Ѳомичъ, далеко ты у насъ пойдешь! Прощай.

Исай Ѳомичъ еще разъ осмотрѣлъ закладъ, сложилъ и бережно сунулъ его въ свой мѣшокъ, при продолжавшемся хохотѣ арестантовъ.

Digitized by Google

Его дѣйствительно всѣ какъ-будто даже любили и никто не обижалъ, хотя почти всѣ были ему должны. Самъ онъ былъ невѣжда какъ мурина, и видя всеобщее расположеніе къ себѣ, даже куражился, но съ такимъ простодушнымъ комизмомъ, что ему тотчасъ же это прощалось. Лучка, знавшій на своемъ вѣку много жидовъ, часто дразнилъ его и вовсе не изъ злобы, а такъ, для забавы, точно также какъ забавляются съ собачкой, попугаемъ, ученымъ звѣрками и проч. Исай Ѳомичъ очень хорошо это зналъ, нисколько не обижался и ловко отшучивался.

— Эй жидъ, приколочу!

— Ты меня одинъ разъ ударишь, а я тебя десять, молодецъ! говорилъ Исай Ѳомичъ.

— Пархъ проклятый!

— Нехай буде пархъ.

— Жидъ пархатый!

— Нехай буде такочки. Хоть пархатый, да богатый: грошики на.

— Христа продалъ.

— Нехай буде такочки.

— Славно, Исай Ѳомичъ, молодецъ! Не троньте его, онъ у насъ одинъ! кричатъ съ хохотомъ арестанты.

— Эй жидъ, хватишь кнута, въ Сибирь пойдешь.

— Да я и такъ въ Сибири.

— Еще дальше угонятъ.

— А что тамъ панъ Богъ есть?

— Да есть-то есть.

— Ну нехай; былъ бы панъ Богъ, да грошей, такъ вездѣ хорошо будетъ.

— Молодецъ Исай Ѳомичъ, видно что молодецъ! кричатъ кругомъ, а Исай Ѳомичъ, хоть и видитъ, что надъ нимъ же смѣются, но бодрится; всеобщія похвалы приносятъ ему видимое удовольствіе и онъ на всю казарму начинаетъ тоненькимъ дискантомъ пѣть: ля-ля-ля-ляля! какой-то нелѣпый и смѣшной мотивъ, единственную пѣсню, безъ словъ, которую онъ пѣлъ впрочемъ во все время каторги. Потомъ, познакомившись со мной, онъ увѣрялъ меня подъ клятвою, что это та самая пѣсня и именно тотъ самый мотивъ, который пѣли всѣ шестьсотъ тысячъ евреевъ, отъ мала до велика, переходя черезъ Чермное море, и

что каждому еврею заповѣдано пѣть этотъ мотивъ въ минуту торжества и побѣды надъ врагами.

Наканунѣ каждой субботы, въ пятницу вечеромъ въ нашу казарму нарочно ходили изъ другихъ казармъ посмотрѣть, какъ Исай Ѳомичъ будетъ справлять свой шабашъ. Исай Ѳомичъ былъ до того невинно хвастливъ и тщеславенъ, что это общее любопытство доставляло ему тоже удовольствіе. Онъ съ нѣмецкою и выдѣланною важностью накрывалъ въ уголку свой крошечный столикъ, развертывалъ книгу, зажигалъ двѣ свѣчки и, бормоча какія-то сокровенныя слова, начиналъ облачаться въ свою ризу (*рижу*, какъ онъ выговаривалъ). Это была пестрая накидка изъ шерстяной матеріи, которую онъ тщательно хранилъ въ своемъ сундукѣ. На обѣ руки онъ навязывалъ наручники, а на головѣ, на самомъ лбу, прикрѣплялъ ремешкомъ какой-то деревянный ящичекъ, такъ что казалось изъ лба Исая Ѳомича выходитъ какой-то смѣшной рогъ. Затѣмъ начиналась молитва. Читалъ онъ ее нараспѣвъ, кричалъ, оплевывался, оборачивался кругомъ, дѣлалъ дикіе и смѣшные жесты. Конечно все это было предписано обрядами молитвы и въ этомъ ничего не было смѣшного и страннаго, но смѣшно было то, что Исай Ѳомичъ какъ бы нарочно рисовался передъ нами и щеголялъ своими обрядами. То вдругъ закроетъ руками голову и начинаетъ читать навзрыдъ. Рыданья усиливаются и онъ въ изнеможеніи и чуть не съ воемъ склоняетъ на книгу свою голову, увѣнчанную ковчегомъ; но вдругъ, среди самыхъ сильныхъ рыданій, онъ начинаетъ хохотать и причитывать нараспѣвъ какимъ-то умиленно-торжественнымъ, какимъ-то разслабленнымъ отъ избытка счастья голосомъ. «Ишь его разбираетъ!» говорятъ бывало арестанты. Я спрашивалъ однажды Исая Ѳомича: что значатъ эти рыданія и потомъ вдругъ эти торжественные переходы къ счастью и блаженству? Исай Ѳомичъ ужасно любилъ эти вопросы отъ меня. Онъ немедленно объяснилъ мнѣ, что плачъ и рыданія означаютъ мысль о потерѣ Іерусалима и что законъ предписываетъ при этой мысли какъ можно сильнѣе рыдать и бить себя въ грудь. Но что въ минуту самыхъ сильныхъ рыданій онъ, Исай Ѳомичъ, *долженъ вдругъ*, какъ бы невзначай, вспомнить (это *вдругъ* тоже предписано закономъ), что есть пророчество о возвращеніи евреевъ въ Іерусалимъ. Тутъ онъ долженъ немедленно разразиться радостью, пѣснями, хохотомъ и

Digitized by Google

проговаривать молитвы такъ, чтобы самымъ голосомъ выразить, какъ можно болѣе счастья, а лицомъ какъ можно больше торжественности и благородства. Этотъ переходъ *вдругъ* и непремѣнная обязанность этого перехода, чрезвычайно нравились Исаю Ѳомичу: онъ видѣлъ въ этомъ какой-то особенный, прехитрый кунштикъ, и съ хвастливымъ видомъ передавалъ мнѣ это замысловатое правило закона. Разъ, во время самаго разгара молитвы въ комнату вошолъ плацъ-майоръ, въ сопровожденіи караульнаго офицера и конвойныхъ. Всѣ арестанты вытянулись въ струнку у своихъ наръ, одинъ только Исай Ѳомичъ еще болѣе началъ кричать и кривляться. Онъ зналъ, что молитва дозволена, прерывать ее нельзя было, и крича передъ майоромъ, не рисковалъ разумѣется ничѣмъ. Но ему чрезвычайно пріятно было поломаться передъ майоромъ и порисоваться передъ нами. Майоръ подошолъ къ нему на одинъ шагъ разстоянія: Исай Ѳомичъ оборотился задомъ къ своему столику и прямо, въ лицо майору, началъ читать нараспѣвъ свое торжественное пророчество, размахивая руками. Такъ какъ ему предписывалось и въ эту минуту выражать въ своемъ лицѣ чрезвычайно много счастья и благородства, то онъ и сдѣлалъ это немедленно, какъ-то особенно сощуривъ глаза, смѣясь и кивая на майора головой. Майоръ удивился; но наконецъ фыркнулъ отъ смѣха, назвалъ его дуракомъ и пошолъ прочь, а Исай Ѳомичъ еще болѣе усилилъ свои крики. Черезъ часъ, когда ужь онъ ужиналъ, я спросилъ его: а что́ еслибъ плацъ-майоръ, по глупости своей, на васъ разсердился?

— Какой плацъ-майоръ?

— Какъ какой? да развѣ вы не видали?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь онъ стоялъ на одинъ аршинъ передъ вами, прямо передъ вашимъ лицомъ.

Но Исай Ѳомичъ серьознѣйшимъ образомъ началъ увѣрять меня, что онъ не видалъ рѣшительно никакого майора, что въ это время, при этихъ молитвахъ онъ впадаетъ въ какой-то экстазъ, такъ что ничего ужь не видитъ и не слышитъ, что́ кругомъ его происходитъ.

Какъ теперь вижу Исая Ѳомича, когда онъ въ субботу слоняется бывало безъ дѣла по всему острогу, всѣми силами стараясь ничего не дѣлать, какъ это предписано въ субботу по закону. Ка-

кіе невозможные анекдоты разсказывалъ онъ мнѣ каждый разъ когда приходилъ изъ своей молельни; какіе иначе невозможные извѣстія и слухи изъ Петербурга приносилъ мнѣ, увѣряя, что получилъ ихъ отъ своихъ жидковъ, а въ изъ первыхъ рукъ.

Но я слишкомъ уже много разговорился объ Исаѣ Бокучѣ.

Во всемъ городѣ были только двѣ публичныя бани. Первая, которую содержалъ одинъ еврей, была номерная, съ платою по 50 копѣекъ за номеръ и устроенная для лицъ высокаго полета. Другая же баня была по преимуществу простонародная, ветхая, грязная, тѣсная, и вотъ въ эту-то баню и повели нашъ острогъ. Было морозно и солнечно; арестанты радовались уже тому, что выйдутъ изъ крѣпости и посмотрятъ на городъ. Шутки, смѣхъ не умолкали дорогою. Цѣлый взводъ солдатъ провожалъ насъ съ заряженными ружьями, на диво всему городу. Въ банѣ тотчасъ же раздѣлили насъ на двѣ смѣны: вторая дожидалась въ холодномъ передбанникѣ, покамѣстъ первая смѣна мылась, что необходимо было сдѣлать за тѣснотою бани. Но несмотря на то баня была до того тѣсна, что трудно было представить, какъ и половина-то нашихъ могла въ ней умѣститься. Но Петровъ не отставалъ отъ меня; онъ самъ безъ моего приглашенія подскочилъ помогать мнѣ и даже предложилъ меня вымыть. Вмѣстѣ съ Петровымъ вызвался прислуживать мнѣ и Баклушинъ, арестантъ изъ особаго отдѣленія, котораго звали у насъ піонеромъ и о которомъ какъ-то я помянулъ, какъ о веселѣйшемъ и милѣйшемъ изъ арестантовъ, какимъ онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Мы съ нимъ уже слегка познакомились. Петровъ помогъ мнѣ даже раздѣваться, потомучто по непривычкѣ я раздѣвался долго, а въ передбанникѣ было холодно, чуть ли не также какъ на дворѣ. Кстати: арестанту очень трудно раздѣваться, если онъ еще не совсѣмъ научился. Вопервыхъ нужно умѣть скоро распинуровывать подкандальники. Эти подкандальники дѣлаются изъ кожи, вершка въ четыре длиною и надѣваются на бѣлье, прямо подъ желѣзное кольцо, охватывающее ногу. Пара подкандальниковъ стоитъ не менѣе шести гривенъ серебромъ, а между тѣмъ каждый арестантъ заводитъ ихъ себѣ, на свой счетъ разумѣется, потомучто безъ подкандальниковъ невозможно ходить. Кандальное кольцо неплотно охватываетъ ногу, и между кольцомъ и ногой можетъ пройти палецъ; такимъ образомъ желѣзо бьетъ по ногѣ, третъ ее и въ одинъ день арестантъ безъ подкандальниковъ успѣлъ

Digitized by Google

бы натереть себѣ ранки. Но снять подкандальники еще потруднѣе. Трудно научиться ловко снимать изъ-подъ кандаловъ бѣлье. Это цѣлый фокусъ! Снять нижнее бѣлье, положимъ хоть съ лѣвой ноги, нужно пропустить его сначала между ногой и кандальнымъ кольцомъ; потомъ, освободивъ ногу, продѣть это бѣлье назадъ сквозь тоже кольцо; потомъ все, уже снятое съ лѣвой ноги, продернуть сквозь кольцо на правой ногѣ; а затѣмъ все продѣтое сквозь правое кольцо, опять продѣть къ себѣ обратно. Такая же исторія и съ надѣваньемъ новаго бѣлья. Новичку даже трудно и догадаться какъ это дѣлается; первый выучилъ насъ всему этому арестантъ Кореневъ, въ Тобольскѣ, бывшій атаманъ разбойниковъ, просидѣвшій пять лѣтъ на цѣпи. Но арестанты привыкли и обходятся безъ малѣйшаго затрудненія. Я далъ Петрову нѣсколько копѣекъ, чтобъ запастись мыломъ и мочалкой; арестантамъ выдавалось правда и казенное мыло, на каждаго по кусочку величиною съ двукопѣечникъ, а толщиною съ ломтикъ сыра, подаваемаго по вечерамъ на закуску у «средняго рода» людей. Мыло продавалось тутъ же, въ передбанникѣ, вмѣстѣ съ сбитнемъ, калачами и горячей водой. На каждаго арестанта отпускалось, по условію съ хозяиномъ бани, только по одной шайкѣ горячей воды; кто же хотѣлъ обмыться вочище, тотъ за грошъ могъ получить и другую шайку, которая и передавалась въ самую баню, черезъ особо устроенное для того окошко изъ передбанника. Раздѣвъ, Петровъ повелъ меня даже подъ-руку, замѣтивъ, что мнѣ очень трудно ступать въ кандалахъ. «Вы ихъ кверху потяните, на икры», приговаривалъ онъ, поддерживая меня, точно дядька:—«а вотъ тутъ осторожнѣе, тутъ порогъ.» Мнѣ даже нѣсколько совѣстно было; хотѣлось увѣрить Петрова, что я и одинъ умѣю пройти; но онъ этому бы не повѣрилъ. Онъ обращался со мной рѣшительно какъ съ ребенкомъ, несовершеннолѣтнимъ и неумѣлымъ, которому всякой обязанъ помочь. Петровъ былъ отнюдь не слуга, прежде всего не слуга; разобидь я его, онъ бы зналъ какъ со мной поступить. Денегъ за услуги я ему вовсе не обѣщалъ, да онъ и самъ не просилъ. Чтожъ побуждало его такъ ходить за мной?

Когда мы растворили дверь въ самую баню, я думалъ, что мы вошли въ адъ. Представьте себѣ комнату шаговъ въ двѣнадцать длиною и такой же ширины, въ которую набилось мо-

жетъ быть, по сто человѣкъ разомъ, и ужь по крайней мѣрѣ, навѣрно восемьдесятъ, потомучто арестанты разбѣлены были всего на двѣ смѣны, а всѣхъ насъ пришло въ баню до двухсотъ человѣкъ. Паръ, застилающій глаза, копоть, грязь, тѣснота до такой степени, что негдѣ поставить ногу. Я испугался и хотѣлъ вернуться назадъ, но Петровъ тотчасъ же ободрилъ меня. Кое-какъ, съ величайшими затрудненіями протѣснились мы до лавокъ черезъ головы расѣвшихся на полу людей, прося ихъ нагнуться, чтобъ намъ можно было пройти. Но мѣста на лавкахъ всѣ были заняты. Петровъ объявилъ мнѣ, что надо купить мѣсто, и тотчасъ же вступилъ въ торгъ съ арестантомъ, помѣстившимся у окошка. За копѣйку тотъ уступилъ свое мѣсто, тотчасъ получилъ отъ Петрова деньги, которыя тотъ успѣлъ зажавъ въ кулакѣ, предусмотрительно взявъ ихъ съ собою въ баню, и тотчасъ же юркнулъ подъ лавку, прямо подъ мое мѣсто, гдѣ было темно, грязно и гдѣ липкая сырость наросла, вездѣ чуть не на полпальца. Но мѣста и подъ лавками были всѣ заняты; тамъ тоже копошился народъ. На всемъ полу не было мѣстечка въ ладонь, гдѣ бы не сидѣли скрючившись арестанты, плескаясь изъ своихъ шаекъ. Другіе стояли между ихъ торчкомъ, держа въ рукахъ свои шайки, мылись стоя; грязная вода стекала съ нихъ прямо на бритыя головы сидѣвшихъ внизу. На полкѣ и на всѣхъ уступахъ, ведущихъ къ нему, сидѣли съежившись и скрючившись мывшіеся. Но мылись мало. Простолюдины мало моются горячей водой и мыломъ; они только страшно парятся, и потомъ обливаются холодной водой, — вотъ и вся баня. Въ паровъ пятьдесятъ на полкѣ подымалось и опускалось разомъ; всѣ хлестались до опьяненія. Пару поддавали поминутно. Это былъ ужь не жаръ; это было пекло. Все это орало и гоготало, при звукѣ ста цѣпей, волочившихся по полу... Иные, желая пройти, запутывались въ чужихъ цѣпяхъ и сами падѣвали по головамъ сидѣвшихъ ниже, падали, ругались и увлекали за собой задѣтыхъ. Грязь лилась со всѣхъ сторонъ. Всѣ были въ какомъ-то опьянѣломъ, въ какомъ-то возбужденномъ состояніи духа; раздавались визги и крики. У окошка въ предбанникѣ, откуда подавали воду, шла ругань, тѣснота, цѣлая свалка. Полученная горячая вода расплескивалась на головы сидѣвшихъ на полу, прежде чѣмъ ее доносили до мѣста. Нѣтъ-нѣтъ, а въ окно или въ пріотворенную дверь выглянетъ усатое

лицо солдата и съ ружьемъ въ рукѣ, конвоировавшаго партію, вошелъ въ баню. Обритыя головы и распаренныя докрасна тѣла арестантовъ казались еще уродливѣе. На распаренной спинѣ обыкновенно ярко выступаютъ рубцы отъ полученныхъ когда-то ударовъ плетей и палокъ, такъ что теперь иѣкоторыя спины кажутся какими-то пестрыми. Страшные рубцы! У иныхъ весь почти прошелъ по кожѣ, смотря на нихъ. Поддадутъ — и вдругъ застелетъ густымъ горячимъ облакомъ всю баню; все закопошится, заверитъ. Изъ облака пара замелькаютъ избитыя спины, бритыя головы, скрюченныя руки, ноги: а въ довершеніе Исай Ѳомичъ загогочетъ во все горло, на самомъ высокомъ полкѣ. Онъ парится до безпамятства, но кажется никакой жаръ не можетъ его насытить; за копѣйку онъ нанимаетъ парильщика, но тотъ наконецъ не выдерживаетъ, бросаетъ вѣникъ и бѣжитъ обливаться холодной водой. Исай Ѳомичъ не унываетъ и нанимаетъ другого, третьяго: онъ уже рѣшается для такого случая не смотрѣть на издержки, и меняетъ до пяти парильщиковъ. «Здоровъ паритъся, молодецъ Исай Ѳомичъ!» кричатъ арестанты. Исай Ѳомичъ самъ чувствуетъ, что въ эту минуту онъ выше всѣхъ и затянулъ всѣхъ въ запоемъ; онъ торжествуетъ, и рѣзкимъ, сумасшедшимъ голосомъ выкрикиваетъ свою арію: ля-ля-ля-ляля, покрывающую всѣ голоса. Мнѣ пришло на умъ, что если всѣ мы вмѣстѣ будемъ когда-нибудь въ пеклѣ, то оно очень будетъ похоже на это мѣсто. Я не утерпѣлъ, чтобъ не сообщить эту догадку Петрову; онъ только поглядѣлъ кругомъ и промолчалъ.

Я было хотѣлъ и ему купить мѣсто подлѣ меня, но онъ усѣлся у моихъ ногъ и объявилъ, что ему очень ловко. Баклушинъ между тѣмъ покупалъ цѣлую воду и подносилъ ее по мѣрѣ необходимости. Петровъ объявилъ, что вымоетъ меня съ ногъ до головы, такъ что «будете совсѣмъ чистенькіе», и усиленно сталъ меня парить. Париться я не рискнулъ. Петровъ натеръ меня всего мыломъ. «А теперь я вамъ *ножки* вымою», прибавилъ онъ въ заключеніе. Я было хотѣлъ отвѣчать, что могу вымыть и самъ, но ужъ не противорѣчилъ ему и совершенно отдался въ его волю. Въ уменьшительномъ «ножки» рѣшительно не звучало ни одной нотки рабской; просто-запросто Петровъ не могъ назвать моихъ ногъ ногами: вѣроятно потому, что у другихъ, у настоящихъ людей — ноги, а у меня еще только ножки.

Вымывъ меня, онъ съ такими же церемоніями, т. е. съ подъ

дорожкам и съ предосторожностями на каждомъ шагу, точно я былъ аэростатъ, доставилъ меня въ передбанникъ и велѣлъ бѣлье, а уже когда совершенно кончилъ со мной, бросился назадъ въ баню, париться.

Когда мы пришли домой, я предложилъ ему стаканъ чаю. Отъ чаю онъ не отказался, выпилъ и поблагодарилъ. Мнѣ пришлось въ тотъ день распоряжаться и неподчинять его косушкой. Косушка нашлась и въ нашей казармѣ. Петровъ былъ отмѣнно доволенъ, заплакалъ, крякнулъ, и замѣтивъ мнѣ, что я совершенно оживилъ его, весёлымъ отправился въ кухню, какъ будто тамъ безъ него что-то никакъ не могли рѣшить. Вмѣсто него ко мнѣ явился другой собесѣдникъ, Баклушинъ (піонеръ), котораго я еще въ банѣ тоже позвалъ къ себѣ на чай.

Я не зналъ характера милѣе Баклушина. Правда, онъ не давалъ спуску другимъ, онъ даже часто ссорился, не любилъ чтобъ вмѣшивались въ его дѣла, — однимъ словомъ умѣлъ за себя постоять. Но онъ ссорился ненадолго, и кажется всѣ у насъ его любили. Куда онъ ни входилъ, всѣ встрѣчали его съ удовольствіемъ. Его знали даже въ городѣ, какъ забавнѣйшаго человѣка въ мірѣ и никогда не теряющаго своей веселости. Это былъ высокій парень, лѣтъ тридцати, съ молодцоватымъ и простодушнымъ лицомъ, довольно красивымъ, и съ бородавкой. Это лицо онъ поворачивалъ иногда такъ уморительно, представляя встрѣчныхъ и поперечныхъ, что окружавшіе его не могли не хохотать. Онъ былъ тоже изъ шутниковъ; но не давалъ потачки нашимъ безсмысленнымъ ненавистникамъ смѣха, такъ что его ужь никто не ругалъ зато что онъ «пустой и безполезный» человѣкъ. Онъ былъ полонъ огня и жизни. Познакомился онъ со мной еще въ первыхъ дней и объявилъ мнѣ, что онъ изъ кантонистовъ, служилъ потомъ въ піонерахъ и былъ даже замѣченъ и любимъ нѣкоторыми высокими лицами, чѣмъ, по старой памяти, очень гордился. Меня онъ тотчасъ же сталъ распрашивать о Петербургѣ. Онъ даже и книжки читалъ. Придя ко мнѣ на чай, онъ сначала разсмѣшилъ всю казарму, разсказавъ нашъ поручикъ Шь отдѣлалъ утромъ нашего плацъ-майора, и сѣвъ подлѣ меня, съ довольнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что кажется театръ состоится. Въ острогѣ затѣвался театръ на праздникахъ. Объявились актеры, устраивались помаленьку декораціи. Нѣкоторые изъ города обѣщались дать свои платья для актерскихъ ролей,

Digitized by Google

же для меня?), даже, черезъ посредство одного мещанина, умѣлъ достать офицерскій костюмъ и эксельбантикъ. Только убилъ плацъ-майоръ невздумалъ запретить, какъ прошлаго года. О прошлаго года на рождествѣ майоръ былъ не въ духѣ: гдѣ-то проигрался, да и въ острогѣ кому-то напакостилъ, вотъ онъ и пристегнулъ ее мнѣ, а теперь можетъ-быть не захочетъ съ нимъ словомъ Баклушинъ былъ въ возбужденномъ состояніи: видно было, что онъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ театра, и тогда же далъ себѣ слово непремѣнно побывать на этомъ представленіи. Простодушная радость Баклушина объ удачѣ театра была мнѣ по-сердцу. Слово за слово, и мы разговорились. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что не все слушалъ въ Петербургѣ; что онъ тамъ въ чемъ-то провинился и его сослали въ Р., впрочемъ унтеръ-офицеромъ, въ гарнизонный батальонъ.

— Вотъ оттуда-то меня ужь и прислали сюда, замѣтилъ Баклушинъ.

— Да зачто же это? спросилъ я его.

— Зачто? Какъ вы думаете, Александръ Петровичъ, зачтъ? Вѣдь зато что влюбился!

— Ну, за это еще не пришлютъ сюда, возразилъ я смѣясь.

— Правда, прибавилъ Баклушинъ, — правда, что я при этомъ же дѣлѣ одного тамошняго нѣмца изъ пистолета подстрѣлилъ. Да вѣдь стоитъ ли ссылать изъ-за нѣмца, посудите сами!

— Однакожъ какъ же это? Разскажите, это любопытно.

— Престрашная исторія, Александръ Петровичъ!

— Такъ тѣмъ лучше. Разсказывайте.

— Аль разсказать? Ну такъ ужь слушайте...

Я выслушалъ хоть не совсѣмъ смѣшную, но зато довольно странную исторію одного убійства...

Дѣло это было вотъ какъ, началъ Баклушинъ. — Какъ послали это они меня въ Р., вижу — городъ хорошій, большой, только купцовъ много. Ну и разумѣется еще молодой человѣкъ, у начальства на хорошемъ счету, хожу себѣ шапку набекрень, время провожу значитъ. Нѣмкамъ подмигиваю. И понравилась тутъ мнѣ одна нѣмочка, Луиза. Онѣ обѣ были прачки, для самого нашего чистаго бѣлья, она и ея тетка. Тетка-то старая, фуфырная такая, а живутъ зажиточно. Я сначала мимо оконъ конфекты давалъ, а потомъ и настоящую дружбу свелъ. Луиза и порусски говорила хорошо, а только такъ какъ-будто картавила, — этакая

то-есть мы уже, что я и не встрѣчалъ еще такой никогда. Я было спачала того да сего, а она мнѣ: нѣтъ, этого не меня, Саша, потому я хочу, чтобъ невинность свою сохранить, чтобъ тебѣ же достойной женой быть, и только ласкается, смѣется таково звонко, да чистенькая такая была, я ужь и не видалъ такихъ кромѣ нея. Сама же взманила меня жениться. Ну, какъ не жениться, подумайте! Вотъ я готовлюсь съ просьбой идти къ подполковнику... Вдругъ смотрю — Луиза разъ на свиданіе не вышла, другой не пришла, на третій не бывала... Я письмо отправляю; на письмо нѣтъ отвѣту. Чтожъ это, думаю? То-есть кабы обманывала она меня, такъ ухитрилась бы, и на письмо бы отвѣчала и на свиданіе бы приходила. А она и солгать-то не сумѣла; такъ просто отрѣзала. Это тетка, думаю. Къ теткѣ я ходить не смѣлъ; она хоть и знала, а мы все-таки подъ видомъ дѣлали, то-есть тихими стонами. Я какъ угорѣлый хожу, написалъ послѣднее письмо и говорю: коль не придешь, самъ къ теткѣ приду. Испугалась, пришла. Плачетъ; говоритъ, одинъ нѣмецъ Шульцъ, дальній ихъ родственникъ, часовщикъ, богатый и ужь пожилой, изъявилъ желаніе на ней жениться, — чтобъ, говоритъ, и меня осчастливить, и самому на старости безъ жены не остаться; да и любитъ онъ меня, говоритъ, и давно ужь намѣреніе это держалъ, да все молчалъ, собирался. Такъ вотъ, говоритъ, Саша, онъ богатый, и это для меня счастье; такъ неужелижъ ты меня моего счастья хочешь лишить? Я смотрю: она плачетъ, меня обнимаетъ... Эхъ, думаю, вѣдь резонъ же она говоритъ! Ну что́ толку за солдата выдти, хотя бъ я и унтеръ? — Ну, говорю, Луиза, прощай, Богъ съ тобой; нечего мнѣ тебя твоего счастья лишать. А что онъ, хорошъ? — Нѣтъ говоритъ, пожилой такой, съ длиннымъ носомъ... даже сама разсмѣялась. Ушолъ я отъ нее; чтожъ, думаю, не судьба! На другое это утро пошолъ я подъ его магазинъ, улицу-то она мнѣ сказала. Смотрю въ стекло: сидитъ нѣмецъ, часы дѣлаетъ, лѣтъ этакъ сорока пяти, носъ горбатый, глаза выпучены, во фракѣ и въ стоячихъ воротничкахъ, этакихъ длинныхъ, важный такой. Я такъ и плюнулъ; хотѣлъ было у него тутъ же стекло разбить... да что́ думаю! нечего трогать, пропало какъ съ возу упало! Пришолъ въ сумерки въ казарму, легъ на койку, и вотъ вѣрите ли, Александръ Петровичъ, какъ заплачу...

Ну проходитъ этакъ день, другой, третій. Съ Луизой не ви-

пусь. А между тѣмъ узнали отъ одной кумы (старая была, тоже прачка, къ которой Луиза иногда хаживала), что нѣмецъ про вашу любовь знаетъ, потому-то и рѣшилъ поскорѣй свататься. А то бы еще года два еще подождалъ. Съ Луизы будто бы онъ взятку такую взялъ, что она меня знать не будетъ; и что будто онъ ихъ, и тетку и Луизу, покуда еще въ черномъ тѣлѣ держитъ, что можетъ дескать еще и раздумаетъ, а что совсѣмъ-то еще и теперь не рѣшился. Сказала она мнѣ тоже, что послѣзавтра, въ воскресенье, онъ ихъ обѣихъ утромъ на кофей звалъ, и что будетъ еще одинъ родственникъ, старикъ, прежде былъ купецъ, а теперь бѣдный-пребѣдный, гдѣ-то въ подвалѣ надсмотрщикомъ служитъ. Какъ узналъ я, что въ воскресенье они можетъ-быть все дѣло рѣшатъ, такъ меня зло взяло, что и съ собой совладать не могу. И весь этотъ день и весь слѣдующій только и дѣлалъ, что объ этомъ думалъ. Такъ бы и съѣлъ этого нѣмца, думаю.

Въ воскресенье утромъ, еще я ничего не зналъ, а какъ обѣдни отошли, — вскочилъ, натянулъ шинель, да и отправился къ нѣмцу. Думалъ я ихъ всѣхъ застать. И почему я отправился къ нѣмцу, и что тамъ сказать хотѣлъ — самъ не знаю. А на всякій случай пистолетъ въ карманъ сунулъ. Былъ у меня этотъ пистолетишка такъ, дрянной, съ прежнимъ куркомъ; еще мальчишкой я изъ него стрѣлялъ. Изъ него и стрѣлять-то нельзя ужь было. Однакожъ я его пулей зарядилъ; думаю: станутъ выгонять, грубить; я пистолетъ выну и ихъ всѣхъ напугаю. Прихожу. Въ мастерской никого нѣтъ, а сидятъ всѣ въ задней комнатѣ. Окромя ихъ ни души, прислуги никакой. У него всего-то прислуги одна нѣмка была, она жъ и кухарка. Я прошолъ магазинъ; вижу — дверь туда заперта, да старая этакъ дверь, на крючкѣ. Сердце у меня бьется, я остановился; слушаю: говорятъ понѣмецки. Я какъ толкну ногой изъ всей силы, дверь тотчасъ и растворилась. Смотрю: столъ накрытъ. На столѣ большой кофейникъ и кофей на спиртѣ кипитъ. Сухари стоятъ; на другомъ подносѣ графинъ водки, селедка и колбаса, и еще бутылка вина какого-то. Луиза и тетка, обѣ разодѣтыя, на диванѣ сидятъ. Противъ нихъ на стулѣ самъ нѣмецъ, женихъ, причесанный, во фракѣ и въ воротничкахъ, такъ и торчатъ впередъ. А сбоку на стулѣ еще нѣмецъ сидитъ, старикъ ужь, толстый, сѣдой, и молчитъ. Какъ вошелъ я, Луиза такъ и побѣлѣла. Тетка было привскочила да

и сѣлъ, а нѣмецъ нахмурился. Такой сердитый; всталъ и настрѣлъ:

— Что вамъ, говорилъ, угодно?

Я было сконфузился, да злость ужь меня сильно взяла.

— Чего, говорю, угодно! а ты гостя принимай, водкой подчуй. Я къ тебѣ въ гости пришолъ.

Нѣмецъ подумалъ и говоритъ: Садитъ-съ.

Сѣлъ я. — Давай же, говорю, водки-то.

— Вотъ, говоритъ, водка; пейте пожалуй.

— Да ты мнѣ, говорю, хорошей водки давай. — Злость-то значитъ меня ужь очень беретъ.

— Это хорошая водка.

Обидно мнѣ стало, что ужь слишкомъ онъ такъ меня низко ставитъ. А всего пуще, что Луиза смотритъ. Выпилъ я, да и говорю:

— Да ты чтожъ такъ грубить началъ, нѣмецъ? Ты со мной подружись. Я по дружбѣ къ тебѣ пришолъ.

— Я не могу быть вашъ другъ, говоритъ: ви простой солдатъ.

Ну тутъ я и взбѣсился.

— Ахъ ты чучела, говорю, колбасникъ! Да знаешь ли ты, что отъ сей минуты, я все что хочу съ тобой могу сдѣлать? Вотъ хочешь, изъ пистолета тебя застрѣлю?

Вынулъ я пистолетъ, всталъ передъ нимъ, да и наставилъ дуло ему прямо въ голову, въ упоръ. Тѣ сидятъ ни живы, ни мертвы; пикнуть боятся; а старикъ, такъ тотъ какъ листъ трясется, молчитъ, поблѣднѣлъ весь.

Нѣмецъ удивился, однакожь опомнился.

— Я васъ не боюсь, говоритъ, и прошу васъ, какъ благородный человѣкъ, вашу шутку сейчасъ оставить, а я васъ совсѣмъ не боюсь.

— Ой врешь, говорю, боишься! А чего! самъ головы изподъ пистолета пошевелить не смѣетъ; такъ и сидитъ.

— Нѣтъ, говоритъ, ви это никакъ не смѣетъ сдѣлать.

— Да почему жъ, говорю, не смѣетъ-то?

— А потому, говоритъ, что это вамъ строго запрещено и васъ строго наказать за это будутъ.

То-есть черта этого дурака нѣмца знаетъ! Не подожгъ бы

мнѣ самъ, былъ бы живъ до сихъ поръ; за споромъ только и стало дѣло.

— Такъ не смѣю, говорю, по-твоему?

— Нѣт-ть!

— Не смѣю?

— Ви это совершенно не смѣйтъ со мной сдѣлать...

— Ну такъ вотъ же тебѣ, колбаса! Да какъ папцу его, онъ и покатился на стулѣ. Тѣ закричали.

Я пистолетъ въ карманъ, да и былъ таковъ, а какъ въ крѣпость входилъ, тутъ у крѣпостныхъ воротъ пистолетъ въ кратеру и бросилъ.

Пришолъ я домой, легъ на койку и думаю: вотъ сейчасъ возьмутъ. Часъ проходитъ, другой, — не берутъ. И ужъ этакъ передъ сумерками, такая тоска на меня напала; вышелъ я: безпремѣнно Луизу повидать захотѣлось. Прошолъ я мимо часовщика. Смотрю: тамъ народъ, полиція. Я къ кумѣ: вызови Луизу! Чуть-чуть подождалъ, вижу: бѣжитъ Луиза, такъ и бросилась мнѣ на шею, сама плачетъ: «всему я, говоритъ, виновата, что тетки послушалась.» Сказала она мнѣ тоже, что тетка тотчасъ же послѣ давешняго домой пришла и такъ струсила, что заболѣла и — молчокъ; и сама никому не объявила, и мнѣ, говоритъ, запретила; боится; какъ угодно, пусть тамъ и дѣлаютъ. Насъ, говоритъ, Луиза, никто давеча не видалъ. Онъ и служанку свою услалъ, потому боялся. Та бы ему въ глаза вцѣпилась, кабы узнала, что онъ жениться хочетъ. Изъ мастеровыхъ тоже никого въ домѣ не было; всѣхъ удалилъ. Самъ и кофей сварилъ, самъ и закуску приготовилъ. А родственникъ, такъ тотъ и прежде всю жизнь свою молчалъ, ничего не говорилъ, а какъ случилось давеча дѣло, взялъ шапку и первый ушолъ. И вѣрно тоже молчать будетъ, сказала Луиза. Такъ оно и было. Двѣ недѣли меня никто не бралъ и подозрѣнія на меня никакого не было. Въ эти же двѣ недѣли, вѣрьте не вѣрьте, Александръ Петровичъ, я все счастье мое испыталъ. Каждый день съ Луизой сходились. И ужъ такъ она, такъ она ко мнѣ привязалась! Плачетъ: «я, говоритъ, за тобой, куда тебя сошлютъ, пойду; все для тебя покину!» Я ужъ думалъ всей жизни моей тутъ рѣшиться: такъ она меня тогда разжалобила. Ну, а черезъ двѣ недѣли меня и взяли. Старикъ и тетка согласились, да и доказали на меня...

— Но постойте, прервалъ я Баклушина: — васъ за это толь-

Digitized by Google

ко могли всего-то лѣтъ на десять, ну на двѣнадцать, на полный срокъ, въ гражданскій разрядъ прислать; а вѣдь вы въ особомъ отдѣленіи. Какъ это можно?

— Ну ужь это другое вышло дѣло, сказалъ Баклушинъ. — Какъ привели меня въ судную комиссію, капитанъ передъ судомъ и обругай меня скверными словами. Я не стерпѣлъ, да и говорю ему: «Ты что ругаешься-то? развѣ не видишь, подлецъ, что передъ зерцаломъ сидишь!» Ну тутъ ужь и пошло по-другому; по-новому стали судить, да за все вмѣстѣ и присудили: четыре тысячи, да сюда въ особое отдѣленіе. А какъ вывели меня къ наказанію, вывели и капитана: меня по зеленой улицѣ, а его лишить чиновъ и на Кавказъ въ солдаты. До свиданія, Александръ Петровичъ. Заходите же къ намъ въ представленіе-то.

ѲЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

Digitized by Google

МАДАМЪ ЛАКОСТЪ

Едва прошло десять лѣтъ со времени произнесенія приговора надъ госпожою Лафаржъ (*), приговора, возбудившаго столько толковъ, какъ вдругъ разнесся слухъ о новомъ преступленіи, совершенно схожемъ съ драмою, разыгравшеюся въ Гландье: жена — женщина молодая, поразительной красоты, умная, изящная; мужъ — человѣкъ грубый, отвратительный; слѣдовательно и развязка та же — мышьякъ.

Ригпё (Riguepeu) — мѣстечко, лежащее вблизи Викъ-Фезансака (Vic-Fezensac), который отстоитъ на двадцать километровъ отъ Оша (Auch), главнаго города департамента Жеръ (Gers). Вблизи Ригпё, на возвышеніи, рядомъ съ семью или восемью бѣдными крестьянскими хижинами, видѣнъ большой одноэтажный домъ, съ красной крышей и зелеными ставнями; домъ этотъ носитъ названіе *замка Филиберъ*.

Въ 1843 г. въ немъ жилъ нѣкто Генрихъ Лакостъ (Lacoste), владѣлецъ довольно значительнаго пространства земли, оцѣненной въ 700,000 франковъ и доставшейся ему большею частью по наслѣдству. Два брата, умершіе прежде Генриха Лакоста, оставили ему почти все свое состояніе, въ особенности Филибертъ Лакостъ, сдѣлавшій его исключительнымъ своимъ наслѣдникомъ. Обогатившись немного поздно, потомучто въ 1839 г. ему было 66 лѣтъ, Генрихъ Лакостъ вздумалъ жениться и бросилъ взглядъ на 20-лѣтнюю дѣвушку, Евфимію Вержесъ (Vergès).

Дочь племянницы Генриха Лакоста, Евфимія Вержесъ жила въ деревнѣ у своихъ родителей, въ Мазеролѣ (Mazerolles), въ Пиренеяхъ. Генрихъ Лакостъ принялъ на себя ея воспитаніе и помѣстилъ ее въ одномъ монастырѣ въ Тарбѣ. На ней-то вздумалъ онъ жениться.

(*) См. «Время» за май мѣсяцъ.

Digitized by Google

Свадьба совершилась 23 мая 1841 г.

16 мая 1843 г., по возвращеніи супруговъ Лакостъ изъ поѣздки на ярманку въ Ригпё, Генрихъ Лакостъ заболѣлъ. Восемь дней спустя онъ умеръ.

По прошествіи нѣкотораго времени, мадамъ Лакостъ представила завѣщаніе, писанное 1 іюля 1841 г., дѣлавшее ее единственной наслѣдницей покойнаго мужа, смерть котораго, скажемъ мимоходомъ, не возбудила ничьихъ подозрѣній. Потомъ она переѣхала въ Тарбъ (Tarbes) и предалась забавамъ и роскоши, возбудившей зависть многихъ. Мѣсяца два спустя послѣ смерти мужа, госпожа Лакостъ начала принимать въ своемъ домѣ молодого человѣка, который, какъ говорили, просиживалъ у нея до полуночи. Начались толки о смерти мужа, старика и скупого, приключившейся такъ во-время для молодой и расточительной жены. Понемногу толки эти усилились и перешли въ слухъ о томъ, что Лакостъ умеръ неестественной смертью.

Въ декабрѣ 1843 г., то-есть шесть мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Генриха Лакоста, слухи эти возбудили вниманіе судебнаго начальства. Рѣшено было добыть изъ земли тѣло покойнаго, по просьбѣ самой же госпожи Лакостъ, которая намѣревалась начать искъ противъ своихъ клеветниковъ.

18 декабря два врача, приглашенные слѣдственнымъ приставомъ, вскрыли тѣло. Они отняли отъ трупа брюшные органы и часть мускуловъ бедра, взяли немного земли изъ-подъ гроба, а равно и покрывавшей гробъ.

Вещества эти были представлены въ Ошъ, для химическаго разложенія врачу Бутонъ (Bouton) и фармацевтамъ Лиданжъ (Lidange) и Понъ (Pons). Оказалось, что внутренности Генриха Лакостъ заключали въ себѣ мышьякъ.

Опытъ этотъ показался неудовлетворительнымъ и назначено новое изслѣдованіе, для производства котораго приглашены изъ Парижа три лучшіе химика: гг. Пелозъ (Pelouze), Дёверги (Devergie) и Фландэнъ (Flandin).

Изъ донесенія ихъ видно, «что часть печени, надъ которой дѣлали изслѣдованіе, заключала въ себѣ значительное количество мышьяку, около пяти милиграмовъ; что мышьякъ найденъ также и въ кишкахъ, хотя въ меньшемъ количествѣ; что въ землѣ, взятой съ могилы, его не оказалось».

Какъ только госпожа Лакостъ узнала о результатѣ изслѣдованія, она тотчасъ прибыла въ Ошъ, къ одному другу своего мужа, оставшемуся и ея другомъ, и намѣрена была явиться къ королевскому прокурору. Ее едва удержали отъ этого намѣренія.

Digitized by Google

5 января приказано было арестовать госпожу Лакостъ. Она возвращалась изъ Оша и когда выходила изъ кареты, одинъ изъ лакеевъ указалъ на жандармовъ, приближавшихся къ дому, въ сопутствіи мера. Когда представители власти прибыли къ дому, госпожа Лакостъ была далеко. Самые тщательные поиски не привели ни къ чему, а люди старались ихъ усложнять по возможности.

Съ этого дня госпожа Лакостъ сдѣлалась предметомъ постоянныхъ преслѣдованій. Дорога въ Тарбъ, въ Тулузу и въ Викъ-Фезенсакъ постоянно посѣщалась жандармами; но всѣ труды были напрасны: госпожа Лакостъ могла назваться невидимкою. Тайна эта занимала умы въ высшей степени.

Слѣдствіе шло между тѣмъ своимъ путемъ. Оно добралось до нѣкоторыхъ признаковъ, по которымъ можно было обвинить, какъ участника въ преступленіи, стараго и бѣднаго учителя въ Ригпѣ, Іосифа Мельяна (Meilhan). Мельяна арестовали; при допросѣ онъ отвергъ всякое участіе въ преступленіи, а равно и виновность госпожи Лакостъ.

2 іюля 1844 г. дѣло обоихъ представлено въ уголовный судъ въ Жеръ.

Во время слѣдствія госпожа Лакостъ дала знать черезъ своихъ друзей, что она явится сама въ данное время. Дѣйствительно, 4 іюля она прибыла въ тюрьму въ Ошъ, и выдержала съ большимъ спокойствіемъ трехчасовой допросъ.

10 іюля Евфимія Лакостъ предстала передъ жерскій уголовный судъ, составившійся подъ предсѣдательствомъ г. Доннодери (Donnoderie), совѣтника королевскаго суда въ Ажанѣ; при немъ состояли гг. Клозакъ де Мазьё (Clozac de Mazieux) и Ландренъ (Landrin), судьи трибунала первой инстанціи. Кресло королевскаго прокурора занималъ г. Кассаньоль (Cassagnol), въ ассистенціи г. Дьёзе (Dieuzée), помощника.

Защитникомъ Мельяна былъ адвокатъ Кантелу (Canteloup), извѣстный и уважаемый законовѣдъ въ Ошѣ. Защитникомъ госпожи Лакостъ — г. Алемъ-Руссо (Alem-Rousseau), старшій адвокатъ ошскаго суда.

Вотъ обвинительный актъ, прочтенный въ этомъ засѣданіи:

Документъ этотъ, напомнивъ обстоятельства брака Генриха Лакоста съ Евфиміей Вержесъ и скоропостижную смерть мужа, который «несмотря на свои лѣта, пользовался казалось крѣпкимъ здоровьемъ», объяснялъ, что вслѣдствіе двухъ медицинскихъ изслѣдованій, въ органахъ трупа найдены значительные слѣды мышьяку, «не дающіе никакой возможности сомнѣваться въ отравленіи».

Но кто виновникъ преступленія? При слѣдствіи подозрѣніе пало

на Евфимію Вержесъ, которая, будучи женой старца, «унижалась до выполненія *самыхъ подлыхъ* обязанностей, играла при немъ роль служанки и *низкою услужливостью* льстила самолюбію и скупости стараго мужа».

«Старанія Евфиміи Вержесъ были увѣнчаны успѣхомъ: 1 іюля 1841 г. Генрихъ Лакостъ написалъ завѣщаніе, назначая молодую жену единственной своей наслѣдницей.

«Вскорѣ между супругами начались неудовольствія. Генрихъ Лакостъ, желавшій пламенно имѣть потомка, которому могъ бы передать свою фамилію и состояніе, видѣлъ съ горестью безплодность жены.

«Евфимія Вержесъ съ своей стороны страдала отъ скупости и ревности мужа. Онъ ей давалъ очень мало денегъ; держалъ почти взаперти; не позволялъ одной ходить даже въ церковь, ни посѣщать своихъ подругъ.

«Таковы были въ 1842 г. взаимныя отношенія супруговъ».

Въ этомъ мѣстѣ обвинительный актъ вводитъ на сцену соучастника, Іосифа Мельяна, учителя въ Ригпѣ, который «имѣлъ съ госпожою Лакостъ частыя сношенія».

«Человѣкъ этотъ, жившій исключительно, какъ казалось, доходами своего званія, началъ вскорѣ пользоваться весьма дурною славой Онъ обольстилъ, говорятъ, дочь Лескюра, которая забеременѣла и умерла вслѣдствіе выкидыша. Общество подобнаго человѣка, почти семидесятилѣтняго, должно было возбудить отвращеніе молодой женщины; однако Евфимія Вержесъ была съ нимъ очень коротка и повѣряла ему свои домашнія тайны.

«Совѣты такого друга какъ Мельянъ, не могли возстановить согласія между супругами. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1843 г. Лакостъ говорилъ нѣкоему Лесперу: «я очень недоволенъ женой; у нея скверная голова; она мнѣ ни въ чемъ не уступаетъ. Я готовъ даже измѣнить завѣщаніе». Въ апрѣлѣ того же года Генрихъ Лакостъ повторялъ почти тоже старинному другу своему г. Дюпуи».

Далѣе обвинительный актъ описываетъ поѣздку на ярманку въ Ригпѣ, представляя Лакоста совершенно здоровымъ. Нѣсколько часовъ спустя онъ говоритъ г. Лаффону, сборщику податей: «у меня судороги въ желудкѣ; послѣ стакана вина, который меня заставилъ выпить Мельянъ, я чувствую себя нехорошо». Возвращаясь одинъ изъ Ригпѣ, г. Лакостъ встрѣчаетъ Ивана Дюррьё и говоритъ ему: «Мельянъ пригласилъ меня выпить вина; съ тѣхъ поръ у меня болитъ животъ и тошнитъ».

Дома Петръ Курне посовѣтовалъ г. Лакосту лечь въ постель и напиться теплой воды. Ночью сдѣлалась сильная рвота. Лакостъ лежалъ въ комнатѣ близъ кухни; его перенесли въ другую, болѣе отдаленную комнату, «чтобы шумъ ему не мѣшалъ».

Digitized by Google

Евфимія Вержесъ постоянно ухаживала за мужемъ, приготовляла ему питье, не допускала никого къ больному и втеченіи трехъ дней не пригласила врача. Правда, что Лакостъ не желалъ его видѣть, «но ничто не доказываетъ, чтобы онъ не перемѣнилъ намѣренія». Врачъ Ламолль былъ приглашонъ только на пятый день.

Количество мышьяку, найденное въ органахъ, доказываетъ, что ядъ былъ данъ въ нѣсколько пріемовъ, сперва Мельяномъ, а впослѣдствіи Евфиміей Вержесъ.

«Когда Генрихъ Лакостъ скончался, Евфимія Вержесъ пролила нѣсколько слезъ; но эта мнимая чувствительность уступила вскорѣ мѣсто другимъ заботамъ: Евфимія отпустила сама бѣлье для покойнаго и отправилась тотчасъ отыскивать въ письменномъ столѣ завѣщаніе, назначавшее ее единственной наслѣдницей мужа.

«На слѣдующій день Іосифъ Мельянъ, не посѣтившій ниразу Генриха Лакоста во время его болѣзни, поспѣшилъ явиться ко вдовѣ. Евфимія Вержесъ пригласила его обѣдать. Послѣ того онъ обѣдалъ у нея снова; но благодарность госпожи Лакостъ не ограничилась одними наружными доказательствами дружбы: она передала ему вексель на имя Кастера въ 1772 франка и выдала обязательство уплаты ежегодной пенсіи въ 400 франковъ.

«Въ слѣдующемъ августѣ мѣсяцѣ, Мельянъ, возвращаясь отъ вдовы Лакостъ, встрѣтилъ г. Сабазана и сказалъ, потряхивая деньгами въ карманѣ, что онъ получилъ пенсію за первую треть.

«Въ другой разъ Мельянъ хвасталъ передъ аббатомъ Базія, говоря, что расходы его обезпечены на всю жизнь, что у него есть пенсія и капиталы. Въ тоже время онъ добылъ изъ кармана горсть денегъ, прибавивъ, что кошелекъ его снабженъ всегда подобнымъ образомъ.

«Откуда могли взяться такія богатства, если они не были цѣною совершеннаго преступленія?

«Въ тоже время Евфимія Вержесъ пользовалась и своимъ состояніемъ, и своей свободой.

«Съ первыхъ дней вдовства переписка ея чрезвычайно оживилась. Жена Лескюра то и дѣло что приносила ей письма. Евфимія почти открыто поговаривала о намѣреніи вступить во второй бракъ».

Госпожа Лакостъ переѣхала въ Тарбъ, наняла у г. Фуркада богатую квартиру, меблированную съ большой роскошью, завела лошадей, кучера и пользовалась всевозможными удобствами жизни. Одинъ изъ первыхъ посѣщалъ ее молодой Б., уходя изъ ея дому не ранѣе полуночи.

Общественное мнѣніе, на которое Евфимія Вержесъ казалось не обращала никакого вниманія, заговорило въ свою очередь. Болѣзнь, похитившая такъ быстро Генриха Лакоста, обстоятельства, сопровождавшія ее, возбудили нѣкоторыя подозрѣнія; при видѣ

Digitized by Google

благодѣяній, которыми вдова осыпала Мельяна, каждый подумалъ невольно: «это вѣроятно цѣна стакана вина, даннаго Мельяномъ Лакосту на ярманкѣ въ Ригпѣ».

Обвинительный голосъ возсталъ вскорѣ противъ обоихъ подсудимыхъ.

Вдова казалось не хотѣла отступить передъ опасностью. Она написала къ королевскому прокурору письмо, прося его вскрыть тѣло, надѣясь, что время сгладило слѣды яду. Въ тоже время она поручила нѣкоему Лабади узнать, кто изъ жителей Ригпѣ разсѣялъ про нее поносительные слухи, предваривъ, что она намѣрена начать искъ противъ клеветниковъ. Лабади исполнилъ какъ нельзя лучше это порученіе; онъ былъ въ особенности у мера и аббата, которыхъ свидѣтельства слѣдовало опасаться болѣе всего, и сообщилъ имъ о намѣреніи госпожи Лакостъ преслѣдовать тѣхъ, кто говорилъ противъ нее.

Все это были только средства испугать свидѣтелей, чтобы пріобрѣсти ихъ молчаніе; вскорѣ госпожа Лакостъ скрылась изъ своего дома и всѣ старанія открыть ея убѣжище остались безуспѣшными

Одинъ Мельянъ былъ арестованъ. Въ домѣ его нашли заемное письмо въ 1772 франка и 820 франковъ золотомъ и серебромъ. Обязательства на 400 фр. пенсіи нигдѣ не оказалось.

Во время многократныхъ допросовъ при производствѣ слѣдствія, Мельянъ для своего оправданія приводилъ объясненія спутанныя и неправдоподобныя, или голословныя отрицанія, которымъ противорѣчили показанія свидѣтелей.

Доказательствомъ, что 400 франковъ пенсіи были дѣйствительно назначены Евфиміей Вержесъ, служитъ то, что въ августѣ мѣсяцѣ, срокѣ уплаты пенсіи, Мельянъ, возвращаясь однажды отъ вдовы Лакостъ, сказалъ г. Сабазану, что онъ получилъ пенсію за первую треть.

Обвиняемый не припоминаетъ себѣ этихъ словъ, но г. Сабазанъ подтверждаетъ сказанное, и показанія его нельзя считать подозрительнымъ. И такъ Мельянъ старается совершенно безуспѣшно оправдать себя; отвѣты его, не уничтожая взведенныхъ обвиненій, служатъ только къ подтвержденію виновности подсудимыхъ. Участь ихъ должна быть одинакова. Ежели Мельянъ виноватъ, то Евфиміи Вержесъ нельзя считать невинною.

Вотъ текстъ, немного сокращенный, обвинительнаго акта. Въ немъ видно болѣе выводовъ чѣмъ доказательствъ, но ловкость, съ которою онъ былъ составленъ, давала ему большую наружную силу.

Затѣмъ начался допросъ Мельяна.

Мельянъ поселился въ Ригпѣ шесть лѣтъ тому назадъ; до того онъ былъ учителемъ въ Брѣзевиллѣ. Солдатъ во время республики, онъ впослѣдствіи занимался нѣкоторое время въ Бордо и Байоннѣ химіей и физикой.

Digitized by Google

В. Во время вашего пребыванія въ Ригѣ, вы жили у трактирщика Лескюръ (Leacure). Лескюръ потерялъ дочь; не знаете ли, отъ какой болѣзни?

О. Нѣтъ; дѣвушка эта жаловалась на боль въ желудкѣ; докторъ приказалъ ей пустить кровь и дѣлать ножныя ванны.

В. Знаете ли, что смерть ея приписываютъ выкидышу?

О. Я никогда объ этомъ не слышалъ; во время болѣзни она жаловалась то на то, то на другое. Докторъ...

В. Оставимте болѣзнь и доктора всторонѣ, будемъ говорить про ея смерть. Знаете ли, что сказано было послѣ вскрытія тѣла этой дѣвушки?

О. Знаю: говорили, что тѣло вскрывалъ докторъ Сабатье.

В. Что оказалось при вскрытіи?

О. Не знаю.

В. Давайте отвѣты болѣе положительные. Знаете ли, что послѣ вскрытія докторъ Сабатье объявилъ, что дочь Лескюра умерла вслѣдствіе выкидыша?

Мельянъ (нетерпѣливо). Да нѣтъ! Я никогда не слышалъ ничего подобнаго.

Президентъ. Такъ какъ вы отпираетесь, то перейдемъ къ другому пункту. Говорятъ, что Лескюръ поймалъ васъ въ преступномъ сообщеніи съ его женой, и разсердившись выгналъ васъ.

Мельянъ. Нѣтъ, нѣтъ! Лескюръ никогда меня не выгонялъ. Вотъ какъ происходило дѣло. Лескюръ ѣхалъ въ дорогу и сидѣлъ уже на своей лошади, когда мнѣ понадобились деньги мои и бумаги, которыя онъ пряталъ у себя въ шкапу. Не желая его задерживать, я обратился за моими вещами къ женѣ его. Въ это время Лескюръ сошолъ съ лошади и вошолъ въ комнату; видя меня близъ своей жены, онъ сдѣлалъ движеніе, которое мнѣ не понравилось. На дворѣ было очень жарко; на мнѣ не было сертука; я схватилъ сертукъ за рукавъ, накинулъ на плечи и вышелъ изъ дому. Я отправился къ аббату и разсказалъ ему все происшествіе; у него же я остался ночевать. На слѣдующій день я говорилъ о томъ же доктору Сабатье, который мнѣ отвѣтилъ: «воротитесь; Лескюръ убѣдился въ своей ошибкѣ, онъ извинится передъ вами». Во время моего разговора съ г. Сабатье, мимо насъ прошла госпожа Лакостъ; она вошла въ домъ, за ней я, Лескюръ бросился ко мнѣ на шею и извинился.

Президентъ. Вы слишкомъ велерѣчивы въ вашихъ объясненіяхъ, несогласныхъ съ фактами, доказанными слѣдствіемъ. *Говорите скорѣе, короче.*

Мельянъ. Я разсказываю какъ происходило дѣло. На слѣдую-

Digitized by Google

щій день, когда я воротился домой и легъ въ постель, Лескеръ зашолъ ко мнѣ въ комнату и сказалъ: «Забудемъ нашу ссору и будемъ веселы попрежнему».

Говоря это Мельянъ разсмѣялся добродушно.

Далѣе обвиненный объяснялъ, что онъ не видѣлъ г. Лакоста и не говорилъ съ нимъ на ярманкѣ въ Ригнѣ; онъ провелъ этотъ день съ капитаномъ Мотъ (Mothe). Въ этотъ же день онъ не имѣлъ никакого тайнаго совѣщанія съ госпожею Лакостъ. Онъ вомнитъ, что нѣкто Петръ Курне (Courtnet) говорилъ ему о головной болѣзни Лакоста, но не о рвотахъ. Онъ не посѣтилъ Лакоста во время болѣзни, потомучто госпожа Лакостъ увѣряла, будто онъ не желаетъ никого видѣть.

В. Послѣ смерти Генриха Лакоста, не спрашивали ли вы у мера Ригнѣ формы на составленіе обязательства на уплату ежегодной ренты въ 400 франковъ и не упоминали ли при этомъ о госпожѣ Лакостъ? И не показывали ли вы впослѣдствіи г. Сабазану, меру, обязательства на 400 франковъ ежегодной ренты, подписаннаго Евфиміей Лакостъ?

О. Все это очень перепутано! Я вамъ скажу правду. Я далъ госпожѣ Лакостъ 1772 франка; вотъ въ чемъ все дѣло. Она мнѣ выдала вексель на имя Кастера.

В. Дали ли вы деньги до или послѣ полученія векселя?

О. Въ тюрьмѣ я немного позабылъ все это: кажется послѣ. Кажется даже я хотѣлъ дать 1000 франковъ впередъ, но госпожа Лакостъ отъ нихъ отказалась.

В. А 400 франковъ ежегодной ренты?

О. Это была маленькая хитрость съ моей стороны. Сынъ мой постоянно просилъ у меня денегъ; онъ разорялъ меня... Чтобы спасти остатки, я хотѣлъ притвориться, будто отдалъ деньги госпожѣ Лакостъ. Тогда-то я и показывалъ г. Сабазану обязательство въ 400 франковъ, написанное и подписанное мною подъ фамилію Евфиміи Лакостъ. Сынъ могъ мнѣ повѣрить.

В. Но меръ Сабазанъ никогда не встрѣчался съ вашимъ сыномъ?

О. Если не встрѣчался, то могъ встрѣтиться.

В. Сколько у васъ было вашихъ денегъ?

О. 3000 франковъ. Г. Сабазанъ знаетъ хорошо, что у меня были деньги.

В. Вы были учителемъ втеченіи десяти лѣтъ и получали дохода 500 франковъ. Согласно обвиненію, у васъ были привычки немного дорогія въ ваши лѣта. Какъ же вы могли столько сберечь? Это можетъ удивить каждаго.

О. А! это васъ удивляетъ! Однако въ Брёзевиллѣ у меня была

Digitized by Google

квартира и столъ; въ Ригпѣ я жилъ у Лесюра и не всякій день ѣлъ жаркое; столъ — 3 франка, квартира — 2 франка, хлѣбъ... всего 6 франковъ въ мѣсяцъ; стирка бѣлья 6 франковъ въ годъ; всего 130 франковъ въ годъ. Вы видите, что я могъ сберечь кое-что. Кромѣ того я занимался продажей сѣмянъ.

Г-жа Лакостъ, спрошенная въ свою очередь, объяснила, что она вышла замужъ добровольно; ежели полтора мѣсяца спустя послѣ смерти мужа начала принимать одного молодого человѣка, то она прежде его не знала, что мужъ ея былъ ревнивъ и что въ день ярмонки въ Ригпѣ онъ не жаловался ни на какія страданія.

В. Онъ легъ рано въ этотъ день?

О Вообще г. Лакостъ ложился рано спать.

В. Онъ спалъ съ вами въ одной комнатѣ?

О. Да; но на слѣдующій день мы разлучились на ночь.

В. Ночью съ вторника на середу Генриха Лакоста рвало?

О. Нѣтъ.

В. Обратите вниманіе на ваши отрицательные отвѣты; фактъ, который вы опровергаете, будетъ вамъ доказанъ свидѣтелями.

О. Я васъ могу увѣрить только въ одномъ: что рвота началась въ четвергъ вечеромъ, и что я тогда за нимъ присматривала.

В. Что давали вы вашему мужу?

О. Я ему давала лимонадъ, дѣлала ванны...

В. Да, но никто не приближался тогда къ г. Лакосту, ни одинъ докторъ не былъ призванъ и даже...

О. Извините, кто только пожелалъ, могъ посѣщать его и докторъ былъ приглашонъ.

Президентъ. Да, въ послѣднія минуты.

Г. Алемъ-Руссо. Генрихъ Лакостъ самъ не желалъ доктора и имѣлъ на то свои причины.

Президентъ. Мы дѣлаемъ допросъ обвиненной и желаемъ, чтобы она отвѣчала намъ одна. (Обращаясь къ госпожѣ Лакостъ.) При средствахъ, которыя вы употребляли, страданія не могли увеличиться, а между тѣмъ боль усиливалась. Проволочка, допущенная въ приглашеніи доктора, должна была показаться всѣмъ весьма странною.

Г-жа Лакостъ, съ живостью и ударяя на каждомъ словѣ: вы забываете, сударь, что рвота началась въ середу вечеромъ и въ четвергъ и что два дня спустя мужъ мой... скончался.

Президентъ. Впрочемъ у насъ есть средство опредѣлить числа: вотъ письмо, писаное г. Лакостомъ къ доктору, въ которомъ онъ самъ описываетъ состояніе своего здоровья.

Digitized by Google

Г. Алемъ-Руссо. Извините, г. президентъ, письмо писано госпожою Лакостъ подъ диктовку мужа.

Президентъ. Дѣйствительно, я не разсмотрѣлъ почерка. Вотъ письмо.

Президентъ читаетъ письмо отъ 19 мая 1843 г., адресованное на имя доктора Буде (Boudée), въ которомъ больной говоритъ между прочимъ, что въ середу его рвало и спрашиваетъ, не принять ли ему касторовато масла.

Королевскій прокуроръ. Изъ этого письма, писанаго подъ диктовку больного, видно, что докторъ былъ приглашонъ уже тогда, когда показалась рвота.

Г. Алемъ-Руссо. Да, но письмо писано госпожею Лакостъ, которая наконецъ преодолѣла отвращеніе мужа къ врачамъ.

Президентъ. Есть еще одно весьма важное обстоятельство. Госпожа Лакостъ, ухаживая за своимъ мужемъ, исполняла обязанности, возлагаемыя обыкновенно на прислугу, несообразныя ни съ ея положеніемъ, ни съ ея состояніемъ, не принося этимъ никакого облегченія въ страданіяхъ больного. Мы понимаемъ, сколько самоотверженія и добродѣтели въ попеченіяхъ вашихъ для больного старика мужа; только не понимаемъ, почему вы унижались до нѣкоторыхъ подробностей, которыя могли исполнять наемныя руки, или вѣрнѣе сказать, обвинительный актъ объясняетъ это постояннымъ стремленіемъ уничтожить слѣды, которые могли бы предать васъ.

О. Я все дѣлала изъ привязанности и благодарности къ моему мужу.

Президентъ. Вы не давали доктору Буде никакихъ объясненій о болѣзни вашего мужа?

Г-жа Лакостъ. Боже мой! я знала, что мужъ мой былъ всегда боленъ, но онъ постоянно скрывался. Какъ кажется, г. Лакостъ страдалъ грыжей, лишаями... и другими болѣзнями.

Президентъ. Какъ могли вы знать это?

О. Я могла бы легко догадаться обо всемъ по таинственности, которою окружался г. Лакостъ; онъ часто натиралъ тѣло разными лекарствами; другія принималъ въ микстурахъ, и сердился, если я только замѣчала что-нибудь.

В. Вы говорите, что Генрихъ Лакостъ страдалъ лишаями и другими накожными болѣзнями, что онъ постоянно лечился. Который же врачъ пользовалъ его, или по крайней мѣрѣ какой аптекарь приготовлялъ ему лекарства?

О. Этого я не знаю; кажется, что покойный лечилъ самъ себя. Впрочемъ защитникъ мой скажетъ вамъ вѣроятно болѣе подробностей.

Digitized by Google

В. Г. Лакостъ сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ онъ назначалъ васъ единственною своею наслѣдницею: знали ли вы объ этомъ?

О. Да, онъ мнѣ показывалъ свое завѣщаніе.

В. Но какъ кажется, впослѣдствіи онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Мужъ вашъ очень желалъ имѣть наслѣдника, и когда надежды его не сбывались, онъ началъ жаловаться многимъ лицамъ; чтобы осуществить свои надежды, онъ, говорятъ, обращался даже къ дѣвушкамъ, служившимъ въ домѣ.

О. Объ этомъ многіе говорили мнѣ, въ особенности со времени смерти г. Лакоста.

В. Въ какой бы степени ни были достовѣрны эти слухи, но вы должны сознаться, что они породили въ вашемъ семействѣ споры, несогласія?

О. Нѣтъ, милостивый государь, несогласій у насъ не было.

В. Однако въ это время мужъ вашъ жаловался многимъ на вашъ характеръ. Онъ говорилъ, что вы не имѣли для него прежняго вниманія и намѣревался даже уничтожить свое завѣщаніе?

О. Не думаю, чтобы такъ могло быть.

В. Онъ говорилъ объ этомъ за нѣсколько дней до своей смерти.

О. Повторяю вамъ, что я этому не вѣрю. Мужъ мой любилъ меня и я любила его также.

В. Послѣ смерти г. Лакоста въ тѣлѣ его найдено значительное количество мышьяка.

О. Не знаю какъ это могло случиться.

В. Отрава не подлежитъ сомнѣнію. Были ли у вашего мужа враги?

О. Нѣтъ, сударь, по крайней мѣрѣ я ихъ не знаю.

В. Какимъ же образомъ человѣкъ, у котораго не было враговъ, съ которымъ вы жили, за которымъ вы ухаживали, какимъ же образомъ человѣкъ этотъ могъ быть отравленъ?

О. Я не понимаю этого отравленія, если только въ секретныхъ средствахъ, которыя употреблялъ мужъ мой, не было яду.

В. Я бы могъ понять подобный родъ защиты, еслибы вы намъ указали, какія были эти средства: но все что́ вы говорите, слишкомъ неопредѣленно... Перейдемъ однако къ другому обстоятельству. Мужъ вашъ имѣлъ частыя сношенія съ Мельяномъ. Что́ это за человѣкъ? какой нравственности?

О. Я знакома съ Мельяномъ, но нравственной стороны его не знаю.

В. Знаете ли, что въ Ригпё Лескюръ выгналъ его отъ себя?

О. Да.

В. Вы уговорили Лескюра принять его снова?

Digitized by Google

О. Да.

В. Не ходила ли къ вамъ часто жена Лескюра и не пряталась ли она отъ всѣхъ во время своихъ посѣщеній?

О. Не думаю.

В. Не была ли жена Лескюра тайнымъ посредникомъ между вами и Мельяномъ?

О. Нѣтъ.

В. Былъ ли Мельянъ у васъ въ домѣ во время болѣзни мужа?

О. Не помню.

В. Послѣ смерти вашего мужа онъ обѣдалъ у васъ нѣсколько разъ?

О. Одинъ разъ — на другой день смерти, и то въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ.

В. Вы дали Мельяну вексель на имя Кастера. Какую сумму онъ вамъ вручилъ?

О. 1772 франка.

В. Дали ли вы ему векссль до полученія денегъ?

О. Нѣтъ, я ему выдала вексель взамѣнъ денегъ.

В. Мельянъ сказалъ, что вы ему подарили эту сумму.

Г-жа Лакостъ, живо: это ложь, чистѣйшая ложь!

В. Мельянъ говорилъ, что вы обязались платить ему ежегодную пенсію въ 400 франковъ и показывалъ даже ваше обязательство, подписанное *Евфимія Лакостъ*.

О. Я никогда не подписываюсь *Евфимія Лакостъ*, но *вдова Лакостъ*.

Президентъ приказалъ секретарю подать нѣсколько писемъ обвиненной; всѣ были подписаны: вдова Лакостъ.

На слѣдующіе затѣмъ вопросы госпожа Лакостъ отвѣтила, что мужъ ея страдалъ нѣкогда разными подозрительными болѣзнями; что въ послѣднее время болѣзни эти усилились, въ особенности съ появленіемъ грыжи, и что онъ принималъ много лекарствъ.

Послѣ того приглашены были первые и вторые эксперты для представленія отчета своимъ химическимъ изысканіямъ. Принесены хрустальныя вазы, заключавшія въ себѣ внутренности покойнаго и два блюдечка, на которыхъ видны блестящія, металическія пятна.

Гг. Пёлузъ, *Альфонсъ Девержи* и *Фландень* показали, что металическій составъ, полученный въ видѣ колецъ, — мышьякъ; что онъ добытъ изъ внутренностей и мускуловъ Лакоста посредствомъ апарата Марша и что употребленные реагенты были совершенно чисты; въ землѣ, окружавшей гробъ, не найдено мышьяка.

Г. Девержи прибавилъ, что наука не допускаетъ существованія

Digitized by Google

мышьяка въ человѣческомъ тѣлѣ, если оно находится въ нормальномъ состояніи.

Но происходилъ ли мышьякъ, найденный въ тѣлѣ Лакоста, отъ лекарствъ, многократно принимаемыхъ, или отравленіе произошло отъ одного пріема? Вотъ въ чемъ заключался вопросъ.

Г-жа Лакостъ, вновь призванная, подтвердила, что мужъ ея натирался какимъ-то жирнымъ составомъ и употреблялъ бѣловатое питье, для отстраненія часто возвращавшихся сифилитическихъ страданій.

Докторъ *Ламоль* (Lasmolles) показалъ, что Лакостъ хотя былъ скрытенъ, говорилъ однако о лишаяхъ, очень ему докучавшихъ. Онъ принималъ свои средства и никогда не слушалъ наставленій врача. О существованіи грыжи г. Ламоль узналъ только отъ одного мызника, въ чемъ впрочемъ Лакостъ не сознавался. Онъ не предполагалъ отравленія; видѣлъ какъ госпожа Лакостъ ухаживала за своимъ мужемъ, который не оказывалъ ей никакого неудовольствія. Свидѣтель не слышалъ ничего о стаканѣ вина, предложенномъ Лакосту Мельяномъ.

Г. Девержи показалъ, что мышьякъ употребляется при накожныхъ болѣзняхъ, но не знаетъ подобнаго средства для употребленія внутрь.

Г. Фландень показалъ, что при нечаянномъ отравленіи, вслѣдствіе употребленія дурно приготовленныхъ препаратовъ мышьяка, въ печени умершаго можно найти столько же яду, сколько и въ печени отравленнаго человѣка. Онъ впрочемъ полагалъ, что смерть Лакоста послѣдовала вслѣдствіе принятаго единовременно значительнаго количества яду.

Г. Дюпуи (Dupouy), отставной офицеръ, показалъ, что въ концѣ апрѣля 1843 г., за днѣ недѣли до смерти, Лакостъ жаловался ему на свою жену, говорилъ, что онъ несчастливъ, что онъ мученикъ, что онъ хочетъ лишить жену наслѣдства.

Г. Лесперъ (Lespére), обыватель въ Бассонѣ, показалъ почти тоже, присовокупивъ, что Лакостъ не говорилъ женѣ о своемъ завѣщаніи, опасаясь, чтобы она не отравила его; что покойникъ былъ скупъ, ревнивъ и поведенія очень легкаго.

Г. Лафонъ (Lafont), сборщикъ податей въ Казо-Дангле (Cazo-Danglès), показалъ, что 16 августа Лакостъ жаловался ему на судороги въ желудкѣ, сдѣлавшіяся послѣ того какъ онъ выпилъ у Мельяна стаканъ вина; что супруги Лакостъ жили довольно мирно, исключая немногихъ ссоръ изъ-за ревности.

Г. Антоній Мотъ (Mothe), отставной капитанъ, показалъ, что

Digitized by Google

16 августа онъ обѣдалъ съ Мельянномъ, гулялъ съ нимъ по ярмонкѣ, гдѣ его и оставилъ, или вѣрнѣе, потерялъ въ толпѣ.

Г. Сабатье, шляпникъ въ Викѣ, утверждалъ, что 16 августа онъ былъ въ Ригпё, что Мельянъ въ этотъ день не встрѣчался съ Лакостомъ, что лицо послѣдняго было покрыто лишаями, которые онъ скрывалъ повозможности, что онъ лечился самъ или прибѣгалъ къ помощи ветеринара, что онъ терпѣть не могъ врачей и священниковъ.

Иванъ Дюрьё (Durieux), землепашецъ въ Ригпё, показалъ, что при возвращеніи съ ярманки Лакостъ жаловался на боли въ желудкѣ и что супруги Лакостъ жили очень примѣрно.

Петръ Курне (Cournet), каменьщикъ, показалъ, что на слѣдующій день ярманки, по его совѣту, Лакостъ пилъ теплую воду, вслѣдствіе чего его рвало всю ночь.

Доминикъ Миля (Milhas), лакей въ Ригпе, показалъ, что въ день ярманки, вечеромъ, Лакостъ былъ боленъ и на слѣдующій день жаловался на сильную рвоту, что госпожа Лакостъ очень ухаживала за мужемъ, носила ему разные отвары и постоянно находилась при немъ.

Наварръ (Navarre), плотникъ въ Викъ-Фезансакѣ, показалъ, что въ день ярманки Лакостъ заболѣлъ, на слѣдующій день жаловался на боль головы и желудка, но про рвоту не упоминалъ; что въ середу былъ докторъ Ламолль и давалъ слабительное, что Лакостъ употреблялъ какую-то помаду, которую ему прописывалъ какой-то гадатель изъ Ориза; что онъ былъ скупъ и ревнивъ, что во время болѣзни кто хотѣлъ могъ навѣщать его.

Наварръ-сынъ показалъ тоже что и отецъ, присовокупивъ, что однажды, когда у него раскраснѣлась щека, Лакостъ сталъ увѣрять его, что это лишай и что онъ вылечился отъ подобной болѣзни жиромъ, который ему давалъ нѣкто Фуассъ.

Якобина Ларрьё (Larrieu), хорошенькая 18-лѣтняя дѣвушка, горничная госпожи Лакостъ, показала, что покойный ухаживалъ за ней и однажды, когда она была одна въ комнатѣ, предложилъ ей 2,000 франковъ дохода; Якобина ничего не отвѣтила. На слѣдующій день онъ снова пришолъ къ ней: «Я сдѣлалъ завѣщаніе; записалъ тебѣ 2,000 франковъ дохода; послѣ моей смерти, ты найдешь завѣщаніе за зеркаломъ», сказалъ г. Лакостъ. — Оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ завѣщаніемъ, отвѣтила Якобина. «Въ такомъ случаѣ я его уничтожу.» — Сколько вамъ угодно.

Барыня брила своего мужа почти постоянно.

В. Не оказывала ли она ему и другихъ услугъ?

Digitized by Google

Ѳ. Однажды я видѣла, какъ она подвязывала ему панталоны, мыла ноги и стригла ногти.

Г. Алемъ-Руссо. Обвинительный актъ называетъ подобное попеченіе подлостью, мы же его называемъ самоотверженіемъ.

Королевскій прокуроръ. По нашему мнѣнію это тонкій расчетъ.

Г. Ноэль, аббатъ въ Ригнё, показалъ, что онъ видѣлъ обязательство на уплату ежегодной пенсіи въ 400 франковъ, но что почеркъ, которымъ оно было написано, не походилъ на почеркъ госпожи Лакостъ; что супруги Лакостъ жили мирно; что во время ихъ бракосочетанія церковный обрядъ не былъ совершонъ въ Ригнё, такъ какъ оба находились въ близкомъ родствѣ.

Показанія послѣдовавшихъ засимъ многихъ свидѣтелей не заключали въ себѣ ничего замѣчательнаго и ограничивались только отзывами въ пользу или противъ обвиненной.

По выслушаніи свидѣтелей, президентъ приступилъ къ разсмотрѣнію вопроса о болѣзни г. Лакоста съ судебно-медицинской точки зрѣнія; врачи и химики представили свои заключенія.

Докторъ Пелузъ. Господа, вотъ трубочка, заключающая въ себѣ мышьякъ, добытый изъ половины печени, подвергнутой нашему изслѣдованію; мы получили эти два металическія кольца, которыя легко различить сквозь стекло.

Въ тоже время г. Пелузъ показалъ фарфоровыя блюдечки, на которыхъ видны были темныя пятна, происшедшія равнымъ образомъ отъ мышьяка. По мнѣнію врачей, присутствіе мышьяка въ тѣлѣ г. Лакостъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Президентъ. Теперь намъ остается только объяснить это присутствіе мышьяка. Здѣсь представляется нѣсколько судебно-медицинскихъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ будетъ зависѣть исходъ настоящаго дѣла. Скажите, господа, доказано ли, что г. Лакостъ умеръ отъ отравленія?

Г. Алемъ-Руссо. Я не могу допустить подобной формы вопроса.

Президентъ. Позвольте, въ свое время вы сдѣлаете ваши замѣчанія. Г. Дёвержи, я повторяю мой вопросъ: умеръ ли Генрихъ Лакостъ отъ отравленія, умеръ ли онъ отъ мышьяка, даннаго ему съ умысломъ или случайно?

Г. Девержи. Мы дошли только до одного убѣжденія, проистекшаго изъ нашихъ изслѣдованій, а именно: что въ тѣлѣ Генриха Лакостъ заключался мышьякъ. Теперь я прошу г. президента сдѣлать обвиненнымъ нѣкоторые вопросы съ чисто медицинской точки зрѣнія, и спросить ихъ напримѣръ, продолжалась ли рвота безпрерывно отъ начала болѣзни до самой смерти?

Digitized by Google

Г-жа Лакостъ. Рвота началась не тотчасъ по возвращеніи мужа съ ярмарки въ Ригпё.

Президентъ. Здѣсь замѣтны двѣ системы: обвинители говорятъ, что рвота началась тотчасъ; защитники утверждаютъ, что рвота показалась только ночью съ середы на четвергъ.

Г. Девержи. Для меня это вопросъ второстепенный; но какъ во время настоящаго пренія многіе предполагали, что г. Лакостъ скончался вслѣдствіе прежнихъ болѣзней, то мнѣ нужно знать: рвало ли его ежедневно и безостановочно?

Г-жа Лакостъ. Нѣтъ, рвота прекратилась было и потомъ возобновилась съ новой силой.

В. Г. Лакостъ принималъ ли пищу, пилъ ли что-нибудь?

Г-жа Лакостъ. Да, онъ любилъ всегда хорошо поѣсть и выпить.

В. Были ли у него сильныя страданія?

О. Да, но только въ послѣдніе дни.

В. Однако онъ могъ вставать, заниматься своими дѣлами?

О. Да, вставалъ.

Докторъ. Этого для меня достаточно. Теперь я могу положительно сказать: мышьякъ былъ принятъ вовнутрь, и то ночью, потомучто мы нашли его въ печени.

Перехожу къ другимъ причинамъ, которыя, правдоподобно, могли произвести смерть. По показаніямъ нѣкоторыхъ свидѣтелей, многіе дѣлаютъ себѣ вопросъ: не послѣдовала ли она отъ несваренія желудка или грыжи? Я разберу эти два предположенія.

Докторъ Девержи доказываетъ, что при обстоятельствахъ, въ которыхъ найдено тѣло г. Лакостъ, причиной смерти не могла быть ни грыжа, ни несвареніе желудка, и заключаетъ словами: «Судя по симптомамъ болѣзни, смерть послѣдовала отъ пріема мышьяку; срокъ ея совершенно соотвѣтствуетъ количеству найденнаго яду.»

Г. Фландень того же мнѣнія.

Г. Пелузъ отказывается изложить свое заключеніе.

Г. Мола, докторъ въ Ошѣ, утверждаетъ, что количество мышьяку чрезвычайно мало, едва четыре десятыхъ грана.

Г. Девержи опровергаетъ это мнѣніе, доказываетъ, что мышьяку найдено гораздо больше чѣмъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что химическимъ анализомъ добыта только малая часть его.

Г. Мола полагаетъ, что ежели мышьякъ принимать и въ малыхъ пріемахъ, то онъ можетъ *накопиться* и при малѣйшемъ слу-

Digitized by Google

чаѣ вызвать смерть, не будучи ея причиной. Въ настоящемъ случаѣ необходимо принять во вниманіе прежнія болѣзни Лакоста.

Г. Девержи соглашается, что тѣло принимаетъ въ себя, но и выдѣляетъ принятое.

Г. Фландень. Бывали случаи, что употребленіе помады или втиранія производило смерть, хотя употребленная при составѣ доза не могла быть смертельною.

Г. Лиданжъ, аптекарь въ Ошѣ. Въ здѣшнихъ окрестностяхъ легко можно доставать вещества, содержащія мышьякъ; жидкость Фовлера находится даже въ продажѣ: это большое зло.

Г. Девержи заключаетъ медицинскія пренія слѣдующими словами: «Я утверждаю, что г. Лакостъ умеръ вслѣдствіе отравленія мышьякомъ; слово *отравленіе* я употребляю съ точки зрѣнія науки: мышьякъ убилъ его.»

12 іюля опросы всѣхъ свидѣтелей были кончены, и г. Кассаньоль, королевскій прокуроръ, произнесъ слѣдующія слова:

«Господа!

«Я не нахожу нужнымъ напоминать людямъ, проникнутымъ важностью и святостью возложенныхъ на нихъ обязанностей, о знаменательности настоящаго дѣла; оно говоритъ само за себя: отравленіе будитъ въ насъ столько воспоминаній, даже историческихъ, что каждый легко объяснитъ себѣ участье принимаемое публикой въ нашихъ преніяхъ.

«Дѣйствительно, какое преступленіе потребуетъ болѣе превратной души, какое преступленіе можетъ возбудить болѣе негодованія? Оно достойно наказанія самаго примѣрнаго!»

Объяснивъ, что и въ древнихъ законодательствахъ отравленіе преслѣдовалось самымъ строгимъ образомъ, прокуроръ приступаетъ къ настоящему дѣлу и говоритъ:

«Генрихъ Лакостъ увидѣлъ на одной свадьбѣ свою внучатную племянницу, дѣвицу Евфимію Вержесъ. Она ему понравилась и онъ женился на ней. Расчеты молодой женщины видны съ самаго начала супружеской жизни. Она показываетъ мужу привязанность, которой не ощущаетъ; окружаетъ его преувеличенными попеченіями; исполняетъ при немъ обязанности, возлагаемыя обыкновенно на прислугу. И все это дѣлаетъ 23-лѣтняя дѣвушка для 68-лѣтняго старца, котораго въ настоящихъ преніяхъ намъ показывали покрытаго лишаями, разслабленнаго разными болѣзнями! Кто скажетъ, что здѣсь не было расчета?

«Всѣ эти хитрости удались вполнѣ.

«1 іюля 1841 г. написано завѣщаніе. Евфимія Вержесъ достигла своей цѣли.

Digitized by Google

«Тутъ началась для госпожи Лакостъ другая эпоха. У нея нѣтъ дѣтей, она не можетъ удовлетворить желанію мужа. Она знаетъ, что г. Лакостъ хочетъ имѣть наслѣдника на сторонѣ; для предупрежденія этого она заводитъ въ домѣ шпіоновъ. Ей передали, что мужъ ея сдѣлалъ денежныя предложенія Луизѣ Дюпуи; Якобина Ларьё сообщила ей подобныя же свѣдѣнія. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло касалось не болѣе ни менѣе какъ пенсіи въ 2,000 франковъ или суммы въ 20,000 франковъ.

«Вотъ каковы были домашнія отношенія супруговъ.

«Въ это время подошла ярманка въ Ригнё. Г. Лакостъ выпиваетъ у Мельяна стаканъ вина. Появляются судороги, онъ заболѣваетъ, умираетъ! По-нашему, онъ умираетъ отравленный.

«Кто же былъ этотъ Мельянъ? Другъ жертвы! Его другъ!

«Вы знаете бродяжную жизнь Мельяна: то солдатъ, то аптекарь, то купецъ, наконецъ учитель, онъ поселяется въ Ригнё. Заводитъ дружбу съ г. Лакостомъ и его молодой женой, посѣщаетъ ихъ часто, слишкомъ часто.

«И замѣтьте, какая странность! Лакостъ боленъ; Мельянъ, другъ его, Мельянъ, посѣщавшій его такъ часто, — Мельянъ не является къ нему! Онъ не былъ въ Филиберѣ во все время болѣзни. О! Мельянъ опасался, чтобы жертва его, въ минуту смерти, не упрекнула его въ преступленіи! Угрызенія совѣсти останавливали его въ эту минуту.

«Я убѣжденъ, что во все время этой страшной болѣзни, онъ неразъ ставилъ ногу на порогъ дома Филиберъ и всякій разъ крикъ совѣсти заставлялъ его возвращаться.»

Далѣе королевскій прокуроръ описываетъ поведеніе Мельяна послѣ смерти Генриха Лакоста; у него деньги, билеты, обязательство на 400 франковъ пенсіи.

«Господа, развѣ васъ не поражаетъ слѣдующее обстоятельство: эта молодая женщина ухаживаетъ за старикомъ, на котораго въ тоже время жалуется; старикъ выпиваетъ у Мельяна стаканъ вина и умираетъ въ страшныхъ страданіяхъ; а Мельянъ, этотъ бывшій аптекарскій ученикъ, показавшій во время настоящихъ преній столько цинизма, предъявляетъ всѣмъ билетъ госпожи Лакостъ, обязательство госпожи Лакостъ! Господа, этимъ все объясняется!»

Обвинитель разсматриваетъ послѣ того поведеніе госпожи Лакостъ во время болѣзни мужа, отъ постели котораго она устраняетъ всѣхъ свидѣтелей, исполняя сама, безъ любви, самыя отвратительныя обязанности, призываетъ врача только въ послѣдній день, говоритъ о несваренія желудка и послѣ смерти занята только своимъ состояніемъ и вознагражденіемъ своего соучастника.

«Нравственныя доказательства изобилуютъ въ настоящемъ дѣлѣ: деньги, найденныя у Мельяна, равнодушіе госпожи Лакостъ послѣ

Digitized by Google

смерти мужа, посѣщеніе извѣстнаго молодого человѣка, перемѣна въ образѣ жизни. Не забывайте, что въ дѣлѣ отравленія судебная власть не можетъ явиться къ вамъ съ руками полными доказательствъ; нравственныя доказательства должны имѣть также свою силу. На основаніи подобныхъ доказательствъ произнесенъ приговоръ надъ госпожею Бренвилье; они же приняты во вниманіе при разрѣшеніи дѣла Лафаржъ. Господа жюри, вы должны судить и разсуждать!

«А въ настоящемъ случаѣ сколько нравственныхъ доказательствъ! Мельянъ выгоняетъ Лескюръ: госпожа Лакостъ, своимъ вліяніемъ, возвращаетъ его въ этотъ домъ. Какая связь существовала между госпожею Лакостъ и этимъ человѣкомъ? Какое общество она посѣщала? Развѣ ей не было извѣстно, что на Мельяна падало безславіе за поведеніе его въ Ригпё? Развѣ она не опасалась одного соприкосновенія съ нимъ?»

Разсказавъ вкратцѣ судебно-медицинскія пренія и объяснивъ на основаніи матерьяльныхъ доказательствъ фактъ отравленія, прокуроръ продолжаетъ:

«Чтоже говоритъ госпожа Лакостъ въ свое оправданіе? Что она сама требовала разсмотрѣнія ея дѣла судебнымъ порядкомъ, что тѣло вскрыто по ея просьбѣ. Почему же госпожа Лакостъ скрывалась? Развѣ такъ должна дѣйствовать невинная женщина?

«Знаете ли, госпожа Лакостъ, что вамъ слѣдовало сдѣлать? По моему мнѣнію, вамъ слѣдовало помогать намъ открыто въ нашихъ поискахъ; вамъ слѣдовало просить, чтобы виновный былъ наказанъ; вамъ слѣдовало сказать: мужъ мой выпилъ стаканъ вина у Мельяна; онъ умеръ; допросите Мельяна! Но нѣтъ, вы никогда не обвиняли Мельяна; вы оставили его въ покоѣ, вы ему покровительствовали!»

Въ концѣ рѣчи королевскій прокуроръ обращается къ жюри, проситъ ихъ быть справедливыми, разсмотрѣть тщательно, со всевозможнымъ вниманіемъ, подробности настоящаго важнаго дѣла, и опускаетъ въ чашу два черныхъ шара.

Кантелу, защитникъ Мельяна, сказалъ:

«Господа жюри,

«Іосифъ Мельянъ могъ бы предоставить свою защиту кому-либо изъ знаменитыхъ адвокатовъ столицы; но, увѣренный въ своей невинности, онъ довольствуется помощью, которую мы ему предложили. И потому, господа, я счастливъ и убѣжденъ, что приношу честь моему званію, являясь сегодня на поприще давно мною оставленное, для защиты честнаго человѣка, невиннаго старца».

Разсмотрѣвъ жизнь Мельяна и прочитавъ нѣсколько свидѣтельствъ, въ томъ числѣ и свидѣтельство муниципальнаго совѣта города Вилъ-Фезансака, удостовѣряющихъ въ поведеніи и нрав-

Digitized by Google

ственности Мельяна, Кантелу разсматриваетъ обвиненіе и доказываетъ его неосновательность. Онъ оканчиваетъ слѣдующимъ:

«Говорили: «во время болѣзни Лакоста Мельянъ не былъ у него?» Слава-богу, что такъ случилось. Что сказали бы вы, еслибъ онъ былъ у Лакоста? Вы бы вѣроятно воскликнули: «ядъ не скоро подѣйствовалъ; убійца идетъ доконать свою жертву!» Повторяю: слава-богу, что мы тамъ не были!

«Но на слѣдующій день, узнавъ о болѣзни, мы хотѣли посѣтить госпожу Лакостъ. Мы говорили объ этомъ гг. Сабазану, Тенне и другимъ; намъ сказали, что г. Лителеръ, другъ дома, являлся два раза и не былъ принятъ; это обстоятельство остановило и насъ. Впрочемъ вашему примѣру послѣдовали всѣ, даже и аббатъ въ Ригпё.

«Насъ спрашиваютъ: «зачѣмъ же послѣ того вы были у вдовы?» Боже мой, да мы были у нее три или четыре раза втеченіи пяти мѣсяцевъ!

«Мы были на похоронахъ г. Лакостъ какъ и всѣ; мы были на панихидѣ какъ и всѣ; мы обѣдали у госпожи Лакостъ какъ и всѣ. Еслибъ мы этого не сдѣлали, обвинители воскликнули бы: «смотрите! онъ не могъ отдать послѣдняго долгу Лакосту; совѣсть ему не позволила!» Вотъ какова была бы ваша рѣчь.

«И вы насъ обвиняете потому, что мы сдѣлали то, что должны были сдѣлать! Но мнѣ кажется, что нужно хорошо подумать, прежде чѣмъ начать обвиненіе на столь ненадежномъ основаніи.

«Перехожу къ денежному вопросу. Дѣло идетъ о векселѣ въ 1772 франка, о ежегодной пенсіи въ 400 франковъ, этихъ дарахъ госпожи Лакостъ Мельяну.

«Дѣйствительно ли вы вѣрите тому, что человѣкъ можетъ рѣшиться подвергнуться висѣлицѣ изъ-за капитала въ 1772 франка и пенсіи въ 400 франковъ? Этого быть не можетъ. Награда должна соотвѣтствовать оказанной услугѣ. Не забывайте, что для госпожи Лакостъ, дѣло шло о состояніи въ 500,000 франковъ, которое ускользало изъ ея рукъ.

«Господа, Мельянъ обремененный семействомъ, Мельянъ преслѣдуемый сыномъ, Мельянъ, который долженъ былъ содержать своихъ внуковъ, Мельянъ, — за подобную услугу не могъ довольствоваться подобнымъ вознагражденіемъ».

Кантелу старается оправдать объясненія представленныя Мельяномъ относительно сдѣланныхъ имъ сбереженій, относительно обязательства въ 400 франковъ и векселя на имя Кастера и продолжаетъ:

«Я возстановилъ, на сколько умѣлъ, добрую славу этого старца, я доказалъ его нравственность, я доказалъ, что нѣтъ возможности считать его виновнымъ. Господа, въ одномъ изъ послѣднихъ процессовъ, въ процесѣ Дононъ-Калота, одинъ президентъ сказалъ очень справед-

Digitized by Google

ливо, что сомнѣніе судьи есть спасеніе обвиненнаго. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ даже сомнѣнія, нѣтъ ни нравственной, ни законной возможности осужденія, есть совершенный недостатокъ доказательствъ, нѣтъ никакой увѣренности.

«Кажется я исполнилъ свою обязанность; оставляя мои ежедневныя занятія, чтобы явиться среди васъ, я хотѣлъ возвратить честь достойному семейству, отомстить за оскорбленную истину и остановить несправедливый приговоръ, судебное убійство.

«Господа, вамъ остается только оправдать Мельяна».

Г. Алемъ-Руссо, защитникъ госпожи Лакостъ, началъ рѣчь слѣдующими словами:

«Господа жюри,

«Наконецъ и мнѣ позволено возвысить голосъ. Наконецъ эта молодая женщина услышитъ здѣсь въ первый разъ голосъ дружбы и привязанности, она, которую втеченіи осьми мѣсяцевъ преслѣдуетъ подозрѣніе, которую обвиняютъ со всѣхъ сторонъ. Пусть покрайней мѣрѣ слово мое, слово дружбы, позволитъ ей забыть страданія, возбужденныя въ ней рѣчью г. королевскаго прокурора.

«Что скажете вы о томъ расчетѣ, который многіе хотятъ видѣть въ супружествѣ Евфиміи Вержесъ съ Генрихомъ Лакостомъ? Странный, должно сознаться, расчетъ, который со стороны молодой женщины, извѣстной красавицы, хорошо образованной, имѣвшей наконецъ 20,000 франковъ состоянія, заключался въ томъ, чтобы выйти замужъ за старика, котораго состояніе едва достигало 400,000 франковъ. Не забудьте, что въ то время Генрихъ Лакостъ потерялъ надежду наслѣдовать послѣ брата своего Филиберта: всѣмъ извѣстно, что этотъ послѣдній сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу какого-то молодого человѣка, котораго называли его сыномъ. Слѣдовательно трудно найти расчетъ въ супружествѣ, заключенномъ при подобныхъ условіяхъ.

«Кажется намѣреніе женить Генриха Лакоста на дѣвицѣ Вержесъ возникло еще въ 1839 г. Съ того времени г. Лакостъ помѣстилъ племянницу свою въ пансіонѣ въ Тарбѣ, гдѣ она получила, на счетъ своего дяди, прекрасное образованіе; она росла съ тою мыслью, что вскорѣ должна сдѣлаться женою дяди.

«Правда, г. Лакостъ скрывалъ это намѣреніе; но когда слухъ о свадьбѣ достигъ до Ригпё и Филиберъ узналъ о бракѣ, онъ немедленно уничтожилъ свое завѣщаніе. Такимъ образомъ по справедливости можно сказать, что госпожа Лакостъ сдѣлалась благодѣтельницей своего мужа,

«Бракосочетаніе совершилось въ началѣ 1841 года.

«Едва дѣвушка успѣла вступить въ новую для нея жизнь, какъ тотчасъ поняла опасности и требованія ея положенія. Поэтому мы можемъ неоднократно слышать, какъ она отвѣчала тѣмъ, которые уговаривали ее веселиться: «нѣтъ, мужъ мой старъ, его нужно беречь; я должна оставаться при немъ; притомъ же я должна сохранить себя

Digitized by Google

чистою отъ всякаго подозрѣнія». Вотъ съ какими чувствами госпожа Лакостъ входитъ въ супружескую жизнь; вотъ какъ она понимаетъ, она, молодая и хорошенькая, обязанность самоотверженія, которой остается вѣрною до послѣдняго вздоха того, котораго любила; потому что она дѣйствительно любила своего мужа, своего мужа старика и больного.

«Пришло однако несчастіе. Г. Лакостъ, давно больной, страждущій, дѣлалъ усилія, чтобы скрыть свои страданія отъ молодой жены, что весьма понятно. Наконецъ онъ заболѣваетъ; жена почти исключительно ухаживаетъ за нимъ Онъ умираетъ два года спустя послѣ своего брака.

«Г-жа Лакостъ наслѣдовала правда весьма значительное состояніе, но вовсе не такое огромное, какое приписывали.

«Пріученная при мужѣ къ жизни простой, почти скупой, мало ея достойной, бросается ли госпожа Лакостъ къ роскоши, какъ многіе ее обвиняли? Удовлетворяетъ ли она прихотямъ тщеславія? Нѣтъ, не вѣрьте этому.

«Г-жа Лакостъ занята была мыслями болѣе возвышенными, болѣе достойными ея сердца. Она писала къ своимъ маклерамъ, чтобы они дали льготу ея должникамъ. Г. Лакостъ бралъ 6%; госпожа Лакостъ не хочетъ 6, она довольствуется 5%; это уменьшаетъ ея состояніе на одну пятую, да ей что за дѣло? Эта женщина, которую обвиняютъ въ преступленіи, которая должна опасаться дѣйствій суда и стараться инстинктивно удалиться отсюда, эта женщина имѣетъ одну цѣль: превратить въ недвижимое все движимое имѣніе, которое она нашла въ бумажникѣ своего мужа. Она не удаляется изъ этихъ мѣстъ, она не думаетъ бѣжать.

«Появляются однако обвинители, находятъ вездѣ и во всемъ доказательства. Говорили, что госпожа Лакостъ не жалѣетъ своего мужа; но имѣете ли вы право вопрошать подобнымъ образомъ сердце? Принадлежитъ ли вамъ оцѣнка задушевныхъ его чувствъ? Можете ли вы, публичный обвинитель, брать доказательства въ подобныхъ подробностяхъ?.. Госпожа Лакостъ запирается у себя въ домѣ; она не плачетъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, но почитаетъ память того, который былъ ея мужемъ! Если же бы, напротивъ, она говорила всѣмъ о своемъ горѣ, если бы она показывала свои слезы, вы непремѣнно бы сказали, что эта женщина играетъ недостойную комедію и старается обмануть общественное мнѣніе; такимъ образомъ все обращается противъ обвиненнаго, который имѣетъ несчастіе сѣсть на эту скамью.

«Г. Лакостъ скончался; его похоронили; втеченіи шести мѣсяцевъ всѣ молчатъ; никто никого не подозрѣваетъ. Но вдругъ все перемѣняется: молодая вдова слышитъ глухіе толки; ее обвиняютъ въ соучастничествѣ въ большомъ преступленіи, говорятъ, что она отравила .. нѣтъ, ошибаюсь, — что она велѣла отравить своего мужа! Что сказать мнѣ вамъ объ огорченіи этой женщины, о ея слезахъ, о ея негодованіи, о ея отчаяніи?

Digitized by Google

«Въ виду подобнаго обвиненія представлялись два средства оправданія: начать искъ противъ лицъ, которыя распространяли столь низкую клевету, и вовторыхъ, вскрыть тѣло покойнаго; госпожа Лакостъ знала, что невинность ея должна обнаружиться.

«Наука можетъ, по истеченіи мѣсяцевъ, лѣтъ, даже вѣковъ, найти обвинительный ядъ и дать правосудію возможность убѣдиться въ преступленіи или провозгласить невинность.

«Г-жа Лакостъ ободрилась: ей можно оправдаться; не теряя времени, она написала къ г. королевскому прокурору и просила вскрытія тѣла и слѣдствія.

«Но увы! могла ли она ожидать, что тамъ, гдѣ она искала оправданія, ее встрѣтитъ обвиненіе! Несчастная судьба бѣдной женщины, которая должна пройти черезъ всѣ степени униженія!

«Представляется первый вопросъ: правда ли, что г. Лакостъ палъ жертвой яда, даннаго съ умысломъ или безъ всякаго намѣренія? Я не намѣренъ, господа, разрѣшить этого вопроса. Нѣтъ, я представлю факты какъ они были: сомнительными — если они сомнительны, достовѣрными — если они окажутся такими.

«Припомнимъ факты въ хронологическомъ порядкѣ. Выѣзжая изъ Тарба, г. Лакостъ былъ нездоровъ; его посѣщалъ докторъ и совѣтовалъ пустить кровь. Въ Бессу, Лакостъ ничего не говоритъ о своихъ страданіяхъ. Въ Ригпё всѣ замѣчаютъ въ немъ перемѣну; онъ самъ жалуется на боли въ желудкѣ. Нужно однако сказать слово о привычкахъ г. Лакоста.

«Вы слышали показанія свидѣтелей: онъ обжирался (простите за выраженіе) блюдами простыми, тяжолыми и въ большомъ изобиліи; прибавьте къ тому, что онъ страдалъ застарѣлой грыжей: кажется это ясно для всѣхъ. Началась рвота: было ли это во вторникъ или въ середу, все равно; довольно того, что рвота была; она прекратилась, потомъ ему сдѣлалось хуже. Былъ приглашонъ докторъ, но онъ не могъ остановить болѣзни; г. Лакостъ скончался. Таковы факты.

«Признаюсь, я немного удивился, когда услышалъ, что г. Лакостъ не могъ умереть ни отъ грыжи, ни отъ несваренія желудка. На чемъ, на какихъ данныхъ г. Дёвержи основалъ подобное заключеніе? На симптомахъ болѣзни, описанныхъ г. Ламоллемъ по истеченіи шести мѣсяцевъ! Я не опровергаю достоинствъ г. Ламолля, но спрашиваю себя: можно ли полагаться на точность медицинскаго описанія, сдѣланнаго по прошествіи шести или восьми мѣсяцевъ?

«Мнѣ отвѣтятъ вѣроятно химическими изслѣдованіями, доказавшими существованіе яда. Пусть и такъ будетъ, я соглашаюсь, — ядъ существуетъ. Но сколько тутъ появляется вопросовъ! Если ядъ существуетъ, то какъ онъ былъ принятъ? Достовѣрно ли вы притомъ знаете, что мышьякъ не можетъ быть въ человѣческомъ тѣлѣ, находящемся въ нормальномъ положеніи? Сегодняшняя наука говоритъ нѣтъ, я это знаю; но вчерашняя говорила да. Чтоже скажетъ завтрашняя?

Digitized by Google

«Примемъ однако за положительное существованіе яда и перейдемъ къ вопросу: откуда онъ взялся?

«Здѣсь, какъ вы знаете, является система обвиненія, которая говоритъ, что ядъ служитъ доказательствомъ преступленія, и система защиты, которая будучи принуждена объяснить неизвѣстный ей фактъ, спрашиваетъ васъ: не можетъ ли ядъ быть результатомъ лекарства, не отравилъ ли больной самъ себя, желая вылечиться?

«Г. Лакостъ давно принималъ лекарства, которыя мы назовемъ секретными, потомучто онъ прятался принимая ихъ, и потомучто сегодня мы можемъ только догадываться, какова могла быть натура этихъ лекарствъ.

«Мы собрали много данныхъ, которыя могутъ навести насъ на путь истины; мы узнали положительно, что г. Лакостъ требовалъ у одного аптекаря воды Фовлера; правда, что аптекарь ему отказалъ. Это служитъ однако доказательствомъ, что г. Лакостъ нуждался въ Фовлерѣ, лекарствѣ мышьяковомъ, и что слѣдовательно онъ страдалъ какою-нибудь болѣзнью, требующею самыхъ сильныхъ и въ тоже время самыхъ опасныхъ средствъ.

«Кто вамъ сказалъ, что не получивъ Фовлера въ Бессу, онъ не обратился за нимъ въ другую сторону и не добылъ его наконецъ? Говорятъ, аптекаря могутъ выдавать подобныя средства только по предписанію врачей. Дѣйствительно такъ; но развѣ правило это соблюдается, въ особенности въ деревнахъ? Припомните, что въ Бордо г. Лакостъ требовалъ жидкости св. Людовика и когда жена его думала, что дѣло идетъ объ анисовой водкѣ, онъ сказалъ: «Нѣтъ, этого женщины не принимаютъ.»

«Долгое время мы сами не знали, что значитъ жидкость св. Людовика, и теперь только намъ сказано, что Фовлеръ былъ употребленъ въ первый разъ какъ медицинское средство въ госпиталѣ св. Людовика въ Парижѣ. И вотъ вамъ *Газета госпиталей*, гдѣ вы можете прочитать слѣдующее объявленіе: *Растворъ Фовлера, какъ его употребляютъ въ госпиталѣ св. Людовика!* Вы понимаете теперь, сколько правдоподобія во всѣхъ этихъ сближеніяхъ.

«Докторъ *Лалланнъ* (Lalanne) прислалъ мнѣ свидѣтельство, которымъ удостовѣряетъ, что онъ пользовалъ г. Лакоста отъ хроническихъ лишаевъ; но совѣты его оставались обыкновенно безъ вниманія.

«Невозможно, скажете вы мнѣ, чтобы г. Лакостъ употреблялъ подобныя средства, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, и вы не можете намъ указать никого, къ кому бы онъ прибѣгалъ за помощью. — Вы слишкомъ много требуете; развѣ вы не знаете, что г. Лакостъ чувствовалъ антипатію къ врачамъ и что онъ этого не скрывалъ? Съ другой стороны многіе свидѣтели вамъ показали, что онъ обыкновенно прибѣгалъ къ помощи медицинскихъ книгъ.

«Изъ сближенія этихъ обстоятельствъ можно съ достовѣрностью сдѣлать заключеніе, что г. Лакостъ употреблялъ мышьяковыя средства и

Digitized by Google

что засимъ смерть его могла быть послѣдствіемъ вредныхъ снадобій, которыя онъ принималъ и количество которыхъ увеличилъ когда-нибудь неосторожно, надѣясь на скорѣйшее выздоровленіе.

Далѣе г. Алемъ-Руссо разсматриваетъ вопросъ съ ученой точки зрѣнія, разрѣшаетъ его въ пользу защищаемой имъ стороны, и восклицаетъ:

«Господа, все здѣсь сомнительно. Таково было послѣднее слово г. Пелуза, таково должно быть послѣднее слово науки: «ядъ существуетъ, но мы не знаемъ откуда онъ взялся!»

«Кто же могъ отравить Лакоста? Жена не могла сдѣлать этого сама; ей нашли Мельяна... ученаго химика? — нѣтъ, аптекаря! У него родилась мысль, онъ совершилъ преступленіе!

«Однако, ежели г-жа Лакостъ хотѣла убить мужа, нуженъ ли ей былъ Мельянъ? Не могла ли она добыть мышьяку сама? Говорятъ, это легко было сдѣлать. Слѣдовательно Мельянъ намъ былъ ненуженъ, его соучастіе было излишнимъ.

«Кантелу вамъ доказалъ, что Мельянъ честный и уважаемый всѣми человѣкъ. Еслибы намѣренія наши были преступны, могли ли бы мы обратиться къ нему?

«Противъ стакана вина, противъ рвотъ во вторникъ и въ среду, мы имѣемъ доказательство — письмо самого Лакоста. Онъ пишетъ къ доктору Бубе, проситъ его совѣта, но не говоритъ ничего о стаканѣ вина, а изъ выраженій письма должно понять, что рвота показалась въ первый разъ не ночью со вторника на среду, а во вторникъ днемъ.

«Я знаю, что вы мнѣ противопоставите показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей. Но почему же въ васъ столько вѣры въ память *многихъ свидѣтелей*, въ особенности по истеченіи столь продолжительнаго времени?

«Я потерялъ мать: это былъ страшный день для меня! Но, Боже! числа.. я теперь не помню!.. Почему же вы полагаете, что люди эти лучше помнятъ вещи, которыя для нихъ менѣе близки, чѣмъ для меня смерть матери?»

Далѣе г. Алемъ-Руссо опровергаетъ выводы, сдѣланные обвиненіемъ изъ передачи билета въ 1772 франка и пенсіи въ 400 франковъ, описываетъ юность Евфиміи Вержесъ, ея замужество и продолжаетъ:

«Скажу вамъ, г. королевскій прокуроръ, вещь, которая васъ вѣроятно удивитъ, но не менѣе того чистую истину: Евфимія Вержесъ, выходя замужъ за Генриха Лакостъ, дѣлала почти дурную партію. При вступленіи въ бракъ съ кѣмъ бы то ни было дѣвица Вержесъ получала 15,000 франковъ; послѣ отца должна была наслѣдовать капиталъ въ 20,000 франковъ, и того 35,000 франковъ! Чтоже принесъ ей мужъ? Какое было тогда состояніе г. Лакоста? У него было всего 35,000 фран-

Digitized by Google

ковъ! Онъ тогда не наслѣдовалъ еще послѣ брата своего Филиберта, 35,000 франковъ, 35,000 франковъ, вотъ все что было.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Алемъ-Руссо читаетъ два завѣщанія Генриха Лакостъ, изъ которыхъ видно, что все состояніе его, до вступленія въ бракъ, не превышало 35,000 франковъ.

«И такъ, господа, вотъ каковъ былъ расчетъ двадцатилѣтней дѣвушки, вышедшей замужъ за шестидесяти-осьмилѣтняго старика! Я догадываюсь однако, что вы мнѣ скажете: Евфимія знала, что наслѣдство Филиберта получитъ Генрихъ Лакостъ. Три брата: Бертранъ, Филибертъ и Генрихъ, условились взаимно передавать другъ другу свое состояніе.

«Нѣтъ, господа, вы ошибаетесь! Задолго до женитьбы братъ Филибертъ сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу незаконнаго сына своего. Онъ не любилъ Генриха, и уничтожилъ свое завѣщаніе только тогда, когда Евфимія отдала руку брату его. Такимъ образомъ можно сказать, что Евфимія Вержесъ принесла состояніе Генриху Лакостъ.»

Разсмотрѣвъ еще показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей, знавшихъ хорошо домашнюю жизнь и нравственность г-жи Лакостъ, Алемъ-Руссо оканчиваетъ рѣчь слѣдующими словами:

«Теперь, господа жюри, вамъ остается только провозгласить невинность этой женщины; освободите ее скорѣе отъ этой унизительной скамьи. Вашъ приговоръ можетъ возвратить ей свободу и состояніе; но онъ не возвратитъ ей ни счастія, ни спокойствія, которыхъ она была вправѣ ожидать и которыя, отняты у нея безвозвратно по ошибкѣ правосудія.»

Королевскій прокуроръ опровергаетъ защиту слѣдующимъ образомъ:

«Вамъ много говорили о секретныхъ лекарствахъ; одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что у Лакоста были лишаи по цѣлому тѣлу; но доказательствъ нѣтъ. Вамъ не могутъ показать той книги, при помощи которой лечился Лакостъ; вамъ не могутъ показать остатковъ лекарствъ, которыя употреблялъ покойный и которыя должны же были остаться гдѣ-нибудь въ аптекѣ, въ его комнатѣ.»

Разсматривая церковный бракъ г-жи Лакостъ, королевскій прокуроръ опровергаетъ его существованіе и приводитъ три письма разныхъ духовныхъ лицъ, которыя удостовѣряютъ, что всѣ поиски для отысканія свидѣтельства о бракосочетаніи г-на Лакоста оказались безуспѣшными.

Въ этомъ мѣстѣ обвиненія г. Алемъ-Руссо дѣлаетъ послѣднее возраженіе:

«Чтожъ это за доводъ, что церковное бракосочетаніе

Digitized by Google

онъ. Но какое имѣете вы право сказать обвиненному: освященъ ли твой бракъ въ церкви? А если обвиненный не нашего вѣроисповѣданія, если онъ деистъ, можете ли вы отказать ему въ свободѣ совѣсти?

«Но благодаря Бога, г-жа Лакостъ не протестантка, не деистка: она католичка, она одного съ нами вѣроисповѣданія. Бракъ ея былъ освященъ церковью, у меня въ рукахъ письмо Вержеса-отца.»

Алемъ-Руссо читаетъ письмо старика Вержесъ, изъ котораго видно, что церковный бракъ совершонъ, съ разрѣшенія епископа, аббатомъ Ре, въ Тарбѣ, въ частной квартирѣ.

«Послѣднее слово, господа. Двѣ тысячи лѣтъ весь міръ становится на колѣни передъ невинно-осужденнымъ! Не забывайте, господа жюри, невинно обвиняемыхъ! Съ какою поспѣшностью вы войдете вскорѣ въ эту комнату, гдѣ въ дѣйствительности разрѣшится вопросъ о жизни и смерти! Вашъ приговоръ, господа, мы кажется продугадываемъ. За вами будетъ *послѣднее* слово!»

14 іюля на всѣ сдѣланные присяжнымъ вопросы о виновности судимыхъ, они дали отрицательный отвѣтъ.

Вѣроятно читатель ожидалъ подобной развязки. Но здѣсь невольно раждается вопросъ: какую же роль играетъ наука въ процессахъ объ отравленіи мышьякомъ? Въ дѣлѣ Буресе (въ 1823 г.) г. Орфила находитъ окись мышьяка тамъ, гдѣ г. Баррюель видитъ только жиръ. Въ дѣлѣ Лафаржъ наука употребляетъ апаратъ Марша, столь чувствительный, что онъ открываетъ даже милліонную часть мышьяка. Противорѣчія, случаи сомнѣнія, изобилуютъ въ подобныхъ опытахъ, результатомъ которыхъ бываетъ смертный приговоръ. Въ дѣлѣ Лакоста г. Пелузъ сказалъ, что количество мышьяку, найденное въ трупѣ, почти исключительное; тогда какъ по мнѣнію г. Фландена, мышьякъ, найденный въ органахъ Лафаржа, *не можетъ быть опредѣленъ цифрами!* Что думать, когда видимъ еще, что ученые несогласны въ вопросѣ о присутствіи въ человѣческомъ тѣлѣ мышьяку природнаго и когда возбуждается другой вопросъ, еще болѣе важный, — о скрытомъ мышьякѣ, накопившемся въ органахъ и находящемся въ зависимости отъ неопредѣленныхъ еще законовъ всасыванія и выдѣленія? Слѣдуетъ ли получить человѣческое сужденіе этой измѣнчивой и невѣрной наукѣ? Слѣдуетъ ли сказать съ г-жою Лафаржъ: «Мое осужденіе спасло г-жу Лакостъ!»

ЛЕГЕНДЫ СЕРБОВЪ

Знатокамъ сербской литературы извѣстно, какой очаровательной прелестью и глубиной чувства полны такъ-называемыя *женскія пѣсни* сербовъ, то-есть пѣсни, возникавшія изъ того круга жизни, того міра чувствъ и воззрѣній, которыя, какъ ни близко стоитъ къ нимъ мужчина, могутъ быть такъ хорошо усвоены, такъ поэтически выражены только одною женщиною. Вѣрные древнимъ преданіямъ своей родины, сербы и до сихъ поръ еще предоставляютъ женщинамъ и дѣвушкамъ воспѣвать любовь со всѣми ея надеждами, желаніями, страданіями и радостями, ревностью, вѣрностью и разлукой, любовь во всемъ ея объемѣ и всѣхъ видоизмѣненіяхъ, дружбу и братанье, усыновленіе, сватовство, свадьбу, крестины со всѣми ихъ удовольствіями, праздниками, играми и танцами, и наконецъ тоску объ отсутствующихъ, умершихъ и падшихъ въ битвѣ. Потому эти пѣсни — мягкія, нѣжныя, малообразныя, сербъ охотно слушаетъ только въ интимномъ кружку своемъ, и не любитъ ихъ ни на веселой «бесѣдѣ», ни на шумномъ свадебномъ пиру, ни на похоронной процессіи у носилокъ покойника. Самъ же онъ не поетъ ихъ почти никогда. Достойнымъ своего мужского голоса онъ считаетъ только сильное, пластически-образное сказаніе о какомъ-нибудь событіи, спорѣ, битвѣ или о богатырскихъ подвигахъ. Матеріалы для своей пѣсни онъ беретъ только изъ своихъ соціальныхъ отношеній, какъ товарища къ товарищу, какъ христіанина къ турку, какъ угнетеннаго къ притѣснителю, какъ героя къ герою, и поетъ или то, что заслуживаетъ, по его мнѣнію, славы, или то, что изъ устъ въ уста и изъ рода въ родъ должно переходить какъ примѣръ предостереженія или подстрекать слушателей къ мести. Такъ возникли пѣсни смѣлыхъ дѣвичьихъ похитителей, такъ произошли сказанія о гордыхъ войнахъ, поединкахъ, вторженіяхъ и набѣгахъ, «слава» лихого гайдучничества; такъ много столѣтій тому назадъ образовались рапсодіи объ упадкѣ великаго Сербскаго княжества, о

Digitized by Google

Кралевичѣ Марко, и въ новѣйшее время цикдъ сказаній изъ борьбы за свободу при Кара-Георгіѣ и Милошѣ Обреновичѣ, — этотъ чисто-эпическій отрывокъ, который и по своему содержанію, и по своей формѣ стоитъ совершенно отдѣльно и самостоятельно въ циклѣ сербскихъ сказаній, но столько же отличный отъ строго-расположенной, художественной эпопеи, сколько отъ баллады и романса, и только относительно своей наивной пластики, несмотря на множество ужасныхъ варваризмовъ, сродной съ Иліадой и Одиссеей.

Большая часть памятниковъ народной литературы сербовъ собраны и объяснены нѣмецкими поэтами Тальви (Talvj) и Каппером. Другіе обработаны Гергардомъ подъ руководствомъ рано-умершаго сербскаго поэта, пѣвца войны за свободу, Мулитиновича. Драгоцѣнные отрывки объ упадкѣ великосербскаго государства и амзельфельдерской битвѣ (1389) соединены въ одно эпическое цѣлое Зигфридомъ Каппером (1), а въ подлинномъ видѣ находятся въ огромномъ сборникѣ Вука Караджича (2). Этими источниками пользовались и мы при составленіи настоящей статьи.

Такимъ образомъ въ глубокомъ изслѣдованіи этихъ въ своемъ родѣ высоко-замѣчательныхъ памятниковъ чрезвычайно самобытнаго генія нѣтъ недостатка. Французская, англійская, чешская, нѣмецкая и *даже* русская литература имѣютъ очень много интересныхъ изслѣдованій о народной поэзіи. Великій поэтъ польскій Адамъ Мицкевичъ разсмотрѣлъ ее со стороны панславянски-политической. Нѣмцы, не обращая вниманія на политическія симпатіи и антипатіи народа, сдѣлали добросовѣстную оцѣнку эпической и эстетической стороны сербской поэзіи.

Въ введеніи къ «Пѣснямъ сербовъ» Каппер указалъ на внѣшнюю особенность сербскихъ легендъ, на ихъ явное и непосредственное происхожденіе изъ до-христіанскаго культа сербовъ и на замѣчательное смѣшеніе элементовъ языческаго и христіанскаго, эллинскаго и римскаго. Богъ этихъ легендъ обращается съ святыми какъ съ подчиненными; вселенная раздѣлена на области, которыми управляютъ поровну — надѣленные силою боги. Несмотря на свое христіанство, богъ этотъ терпитъ вилъ и другихъ духообразныхъ существъ, допускаетъ ихъ производить на людей добрыя или дурныя вліянія, и даже не противится противодѣйствующей или разрушительной силѣ нѣкоторыхъ безжизненныхъ вещей.

Вотъ въ чемъ заключается огромное преимущество (разумѣется

(1) Fürst Lazar, epische Dichtung. Leipzig, 1853. 3-te Auflage.
(2) См. Gesänge der Serben. 3 Bd. Leipzig. 1852.

Digitized by Google

съ поэтической точки зрѣнія) легенды православно-славянской, гдѣ преобладаетъ элементъ чисто человѣческій, передъ западно-католической, которая всегда и вездѣ была строго-церковной. Еслибъ даже сербская легенда и родилась, какъ католическая, въ тихомъ уединеніи монастырей, то и тогда въ ней не выступилъ бы на первый планъ ни самъ монастырь, ни церковь съ тѣмъ или другимъ догматомъ. Все что сербы берутъ для легенды изъ области христіанства, есть высочайшій его символъ — крестъ. Ради него монахи и міряне претерпѣваютъ страшныя бѣдствія и наконецъ одолѣваютъ ихъ; ради креста предпринимаются битвы и походы, и съ помощью креста служители его побѣждаютъ враговъ своихъ. Но большею частью легенда укореняется въ почвѣ чисто-человѣческихъ отношеній, и тогда — это глубокая, прекрасная, общечеловѣческая мудрость, которая черезъ вмѣшательство Бога и его неисчерпаемой, чудодѣйственной силы дѣлается въ нихъ видимою и наглядною. Наконецъ дьяволъ съ страшными силами своего мрачнаго царства, которыя такъ ужасно групируются въ католической легендѣ, играетъ у сербовъ болѣе глупую, чѣмъ опасную роль. По мнѣнію народа, сопротивляться Высшему и его вѣчно мудрому порядку вещей скорѣе глупо, чѣмъ дурно.

Но православная легенда заходитъ еще далѣе. Безъ всякаго страха интересы чисто-человѣческіе она ставитъ выше церковныхъ. Воскресенье есть день господень, еже святити его: въ этотъ день не должна совершаться ни одна работа. Но выше этого правила стоитъ насущная потребность:

«Зрѣлый колосъ въ полѣ ждать не будетъ!»

Выше всѣхъ праздниковъ стоитъ у народа прекрасная обязанность благодѣянія и заботы о бѣдныхъ и безпомощныхъ ближнихъ. Потомучто воскресенье установлено не для Бога, а для человѣка, чтобы духъ его очистился и возвысился до благочестиваго погруженія въ самого себя. А благодѣяніе, какъ практическое внитіе въ самого себя и самоочищеніе, стоитъ выше молитвы и считается у сербовъ высочайшимъ служеніемъ Господу. Но послушаемъ объ этомъ слова самой легенды. Герой ея простой крестьянинъ.

Дьяконъ Стефанъ

Рано утромъ Стефанъ дьяконъ поднимался,
Въ воскресенье, до восхода солнца,
Передъ солнцемъ, передъ литургіей.

Digitized by Google

Но не въ церковь бѣлую идетъ онъ:
Онъ идетъ изъ дому въ чисто поле,
Сѣетъ въ борозды пшеницу золотую.

Видитъ — идутъ по дорогѣ двое старцевъ,
Двое старцевъ, честныхъ богомольцевъ,
И привѣтствуютъ Стефана добрымъ словомъ:
«Богъ тебѣ на помочь, батька-дьяконъ!»
Отвѣчаетъ имъ Стефанъ на то какъ должно:
«Благодарствуйте, честные богомольцы!»

Тутъ опять ему сказали оба старца:
«Ты скажи-ка намъ, Стефане, Богъ съ тобою,
Аль напасть-бѣда съ тобою приключилась,
Что такъ рано ноньче ты поднялся
Въ воскресенье утромъ раньше солнца,
Раньше солнца, прежде литургіи,
И изъ дому вышелъ въ чисто поле
Сѣять въ борозды пшеницу золотую?
Аль съ ума ты, человѣче, спятилъ?
Али сдѣлался ты туркою поганымъ:
Крестъ честной ногами попираешь,
Вѣру милую христову презираешь,
Отрицаешься отъ всякаго закона?»

Отвѣчаетъ имъ на это Стефанъ дьяконъ:
«Богъ спаси васъ, старцы-богомольцы!
Вы спросили — слушайте же правду:
Я въ своемъ умѣ, а не рехнулся,
Да не сталъ и туркою поганымъ!
Отъ креста святого не отрекся,
Не срамилъ христовой милой вѣры,
Не попралъ ногами я закона!
А лежатъ на мнѣ теперь заботы —
А носить-то ихъ вѣдь тяжеленько!
А и тамъ, въ моемъ ли бѣломъ домѣ
Восьмерыхъ слѣпцовъ я призираю,
Да нѣмыхъ питаю ровно столько-жъ:
Помогаетъ мнѣ моя супруга —
Да проститъ Господь намъ прегрѣшенья!»

И сказали старцы между собою:
«Не пойтить ли намъ на дворъ стефановъ —
Повидать стефанову супругу,
Посмотрѣть, какъ домомъ управляетъ?»

Digitized by Google

А жена межъ тѣмъ давно ужъ встала —
Раньше солнца жаркаго поднялась,
Раньше солнца, прежде литургіи,
Молотила просо золотое.

Говорятъ привѣтъ ей богомольцы:
«Богъ тебѣ, хозяюшка, на помочь!»
Стариковъ встрѣчаетъ добрымъ словомъ
Работящая, прилежная хозяйка:
«Богъ спаси васъ, старцы-богомольцы!»

Тутъ опять сказали оба старца:
«Ты скажи-ка намъ, Господь съ тобою,
Аль напасть съ тобою приключилась,
Что такъ рано утромъ ты вставала,
Въ воскресенье, до восхода солнца,
Прежде солнца, прежде литургіи,
И молотишь просо золотое?
Аль совсѣмъ, хозяйка, ты рехнулась,
Сдѣлалась поганою турчанкой,
Крестъ святой ногами попираешь,
Вѣру милую христіанскую поносишь,
И законъ господень позабыла?»

Говорила дьяконица старцамъ:
«Богъ спаси васъ, старцы-богомольцы!
Вы спросили, слушайте же правду:
Я съ ума покамѣстъ не сходила,
И не сдѣлалась поганою турчанкой,
И ногами крестъ не попирала,
Вѣру милую христову не хулила,
Отъ закона я не отрекалась.
А лежатъ на мнѣ теперь заботы,
А заботы не легко сносить вѣдь:
А въ моемъ высокомъ, бѣломъ домѣ
Восьмерыхъ слѣпцовъ я призираю,
Да нѣмыхъ питаю ровно столько жъ,
Мой супругъ во всемъ мнѣ помогаетъ —
И проститъ Господь намъ прегрѣшенья!»

Ей на это оба богомольца:
«Помоги тебѣ Господь, хозяйка!
Ты скажи, отдашь ли намъ сынишку,
Что лежитъ тамъ въ люлькѣ золоченой?
Мы убьемъ сынка твово родного,
И его ли кровью неповинной

Окропить хотимъ мы бѣлый дворъ твой:
Кто тамъ нѣмъ — возговоритъ сейчасъ же,
А кто слѣпъ, такъ тотъ очами прозритъ!»

Призадумалась стефанова хозяйка,
Призадумалась, не знаетъ что ей дѣлать.
Заломила руки, — плачетъ горько.
Жалко ей единственнаго сына,
Да и жаль нѣмыхъ, слѣпыхъ, убогихъ:
И брала сынка она изъ люльки
Подавала старцамъ богомольцамъ...

Убивали старцы ей сыночка,
Бѣлый дворъ тогда они кропили
Теплой кровью малаго дитяти:
Кто былъ нѣмъ, возговорилъ сейчасъ же,
Кто былъ слѣпъ, сейчасъ очами прозрѣлъ.
И пошли своимъ путемъ-дорогой
Старики сѣдые богомольцы.

Послѣ нихъ Стефаниха подходитъ
Къ золоченой дѣтской колыбелкѣ,
Чтобъ сыночка милаго оплакать.
Глядь-поглядь — а въ люлькѣ, невредимый,
Улыбаясь, веселъ — рѣзвый мальчикъ
Золоченымъ яблокомъ играетъ.

Въ удивленьи матерь восклицаетъ:
«Богъ великій! честь тебѣ и слава!
Развѣ не было здѣсь старцевъ-богомольцевъ?
Аль сынка они не убивали?
Аль его невинной красной кровью
Бѣлыхъ стѣнъ они не окропили?
Аль нѣмые говорить не стали?
Аль слѣпые свѣтъ не увидали?
Аль дитя сидитъ не въ колыбели,
Золоченымъ яблокомъ играетъ?»

А на это мальчикъ въ колыбели:
«Мать моя, кормилица родная!
Ты не вѣрь, что были то два старца:
Вѣрь — то были ангелы господни!»

Силенъ, статенъ, веселъ выросъ мальчикъ.
Кто былъ нѣмъ, — навѣки исцѣлился,
Кто былъ слѣпъ, — съ тѣхъ поръ навѣки прозрѣлъ.

Digitized by Google

А пшеница въ полѣ у Стефана
Приносила жатву, чуть не втрое.

По нашему мнѣнію, легенда эта весьма замѣчательна; это — прекрасное, въ высшей степени благородно задуманное прославленіе соціальной добродѣтели народа — любви къ ближнему, доходящей до самопожертвованія; это — торжество истинной, духовной набожности надъ набожностью дешовой, чисто-наружной, могло произойти только изъ чистѣйшаго, неиспорченаго понимания религіи. Значеніе этой легенды усиливается еще и тѣмъ, что герой ея — дьяконъ, и стало-быть принадлежитъ къ іерархіи самой церкви. Насъ не должно удивлять, что мы видимъ его за плугомъ: до сихъ поръ еще въ небольшихъ селахъ турецко-христіанскихъ провинцій Турціи, и у насъ въ Россіи, священники, дьяконы и дьячки сами обработываютъ землю.

Такимъ образомъ въ жизни и воззрѣніяхъ сербскаго народа элементъ соціальный очевидно преобладалъ надъ религіозно-обрядовымъ. Съ основной идеей приведеннаго выше сказанія о дьяконѣ Стефанѣ совершенно согласны легенды о добродѣтеляхъ, которыми пріобрѣтается блаженство неба, и о порокахъ, которые низводятъ въ адъ. Нигдѣ не стоитъ на первомъ планѣ строгое послѣдованіе церковнымъ уставамъ, нигдѣ не идетъ рѣчи о наружномъ богопочитаніи. Вездѣ выступаютъ впередъ обязанности семьянина, хозяина, гражданина, обязанности любви къ ближнему, исполненіе которыхъ приноситъ счастіе, а небреженіе ими — осуждаетъ. Когда родная мать св. Петра просила своего сына пустить ее въ рай, онъ долженъ былъ запереть передъ нею врата обители блаженныхъ, «потомучто она никогда не напоила жаждущаго, не накормила алчущаго, не одѣла нагого, не одѣлила слѣпого, и никогда ничего не пожертвовала для спасенія души своей, кромѣ ничтожной пряди льна, да и ту раздѣлила на троихъ, и потомъ никогда не могла забыть этой жертвы». Такимъ образомъ не *безбожіе*, а *безмилосьчіе* обратилось въ упрекъ ей. Въ другой легендѣ св. Николай и Илья, исправляющіе, совершенно сходно съ эллино-римскимъ мифомъ о Харонѣ, должность перевозчиковъ черезъ что-то въ родѣ Стикса, сажаютъ въ лодку свою толпу тѣней, желавшихъ перевезтись на ту сторону, въ рай. Изъ цѣлой толпы они прогоняютъ только трехъ, какъ самыхъ великихъ грѣшниковъ: одинъ потребовалъ своего кума къ суду, другой жилъ въ постоянной враждѣ съ сосѣдомъ, а третій замаралъ честь дѣвушки. За эти преступленія противъ *общества, дома* и *семейства*, по понятіямъ сербовъ, уже нѣтъ искупленія. Послѣдуемъ за св. Маріей въ адъ и увидимъ, какъ тяжело на-

Digitized by Google

казывается тамъ небреженіе этими тремя святынями, даже въ частныхъ случаяхъ. Замѣтимъ еще и то, что св. Марія, вмѣстѣ съ которой мы спустимся въ преисподнюю, не имѣетъ ничего общаго съ матерью Спасителя; это такъ-называемая «огненная» Марія, Огніана, и самая легенда ведетъ начало изъ Черногоріи:

Адъ

Молитъ Господа Марія Огніана;
«Дай, о Боже, мнѣ ключи отъ рая!
Дай мнѣ ихъ, чтобъ дверь я отворила:
Черезъ рай пойду я въ адъ кромѣшный,
Посмотрѣть какъ грѣшники страдаютъ.
Да нельзя-ль кого-нибудь избавить!»

Молитъ такъ. Господь ей позволяетъ,
Отдаетъ Маріи ключъ отъ рая,
Съ ней Петра святого посылаетъ.

Отворились крѣпкіе ворота,
И идутъ чрезъ райскую обитель
Петръ святой съ Маріей Огніаной,
И приходятъ къ пропасти кромѣшной.

И вошли въ ущелье адской бездны.
Видятъ: идутъ трое по дорогѣ —
По животъ пылаютъ ноги у перваго;
До плеча пылаютъ руки у другого;
Голова у третьяго пылаетъ.

Какъ узрѣла то Марія Огніана,
Вопрошаетъ такъ апостола святого:
«Ты скажи мнѣ, Петръ, святой апостолъ,
Какъ тѣ трое грѣшныхъ согрѣшили,
Что должны терпѣть такія муки?»

А на это ей святой апостолъ:
«Разскажу я все тебѣ, Марія!
Этотъ друга въ бѣдствіи оставилъ —
По животъ теперь въ аду пылаетъ;
Тотъ изъ зависти своихъ сосѣдей проклялъ —
По плечо теперь рука пылаетъ.
На родного третій поднялъ руку —
А теперь лицо въ огнѣ пылаетъ.

Digitized by Google

Прочь идетъ Марія Огніана.
Глядь — сидятъ два старца у дороги,
А съ бородъ такъ полымя и пышетъ!

Тутъ опять Марія вопросила:
Ты скажи мнѣ, Петръ, святой апостолъ,
Какъ же эти старцы согрѣшили?

Отвѣчаетъ Петръ, святой апостолъ:
«Эти старцы были судіями,
На мірскомъ совѣтѣ засѣдали;
Да судили-то они неправо, ложно,
Поступали своевольно, брали взятки.
Были оба судьи-лихоимцы.»

Прочь идетъ Марія Огніана;
Глядь — сидитъ тамъ женщина младая,
А у ней пылаютъ обѣ руки,
Да не только руки, даже ноги;
На грудяхъ семь змѣй у ней висѣло.

Тутъ опять апостола спросила:
«Что̀ за грѣхъ та женщина свершила,
Что должна терпѣть такія муки?

А на это Петръ, святой апостолъ:
«Это тоже ты, сестра, узнаешь.
Злая баба та была торговкой,
Да въ вино водицу подливала,
Дорогой цѣной ту пакость продавала!
Жениху, съ которымъ обручилась,
Измѣнивъ, къ другому привязалась,
А когда другого обманула —
Злого зелья грѣшница напилась,
Чтобъ плода ей чрево не давало!
Но судилъ Господь Богъ ей иначе:
Семь сыновъ, сестра, онъ ей назначилъ!
Семь сыновъ сосутъ ей бѣлы-груди,
Съ ними и предъ Господа предстанетъ!»

И Марія мимо проходила;
Идутъ дальше по заклепамъ ада.
Глядь — сидитъ старуха у дороги,
И пылаютъ обѣ руки-ноги,
А съ волосъ такъ полымя и пышетъ!

Digitized by Google

Какъ узрѣла то Марія Огніана,
Подошла сама она къ старухѣ
И спросила: «въ чемъ ты согрѣшила,
Что должна терпѣть такія муки?
Не могу ли я тебя избавить?»

И въ слезахъ отвѣтила старуха:
«Что̀ скажу я, если вмѣсто сердца,
Вмѣсто сердца камень въ бѣлой груди?
Меня мать родная проклинала,
А и я надъ нею насмѣялась,
И троихъ мужей изплоть до могилы
Я вдовой бездѣтной проводила;
А когда съ четвертымъ породнилась —
Двухъ сироткъ въ домѣ находила.
Мнѣ Господь послалъ ихъ вмѣсто дѣтокъ!
Одному изъ нихъ было четыре,
А другому два всего годочка:
Подошли они ко мнѣ ласкаясь,
Подошли, оставили игрушки,
Да я скоро, скоро вмѣсто смѣху
На ихъ глазки слезы вызывала.
Плачетъ старшій: дай мнѣ рубашонку,
Дай мнѣ, мама, бѣлую рубашку!
Ужь на камень я его столкнула —
Не вставалъ ребенокъ больше съ камня.
Плачетъ меньшій: дай мнѣ хлѣба, мама!
Накормила я его землею черной (*)!»

И рыдая, грѣшная старуха
Дальше хочетъ каяться Маріи,
Да апостолъ говорить ей не далъ,
А беретъ за руки огневыя,
Въ бездны ада грѣшницу толкаетъ.

Плача вонъ идетъ Марія Огніана,
Черезъ рай ко Господу приходитъ,
Золоты ключи къ ногамъ его слагаетъ,
И сложивши такъ возговорила:
«Господи! да будетъ твоя воля,
Приговоръ твой праведенъ вовѣки;
Мнѣ-жъ — позволь за кающихся плакать!

Какъ преступленіе противъ *семейства*, на первомъ планѣ стоитъ

(*) То-есть свела въ могилу, уморила съ голоду.

Digitized by Google

въ этой легендѣ легкомысленное расторженіе помолвки, грѣшница наказываемая такъ строго, осквернила святыя семейныя отношенія при самомъ началѣ ихъ, и потомъ, противоестественнымъ, произвольнымъ отреченіемъ отъ священнѣйшаго назначенія женщины — быть матерью, она дѣлается преступницею противъ *общества*. По чти наравнѣ съ этимъ грѣхомъ наказываются обманъ ближняго, зависть, недоброжелательство, судейская продажность, злоупотребленіе общественнымъ довѣріемъ, измѣна дружбѣ.

О наказаніяхъ же, какія ожидаютъ уклонившихся отъ того или другого устава церкви (припомнимъ на какія терзанія обречены комическіе преступники въ чисто-католической легендѣ Данта), — о томъ, что ждетъ въ загробной жизни тѣхъ, кто не часто ходитъ въ церковь, въ постные дни ѣстъ мясо, — нѣтъ и помину ни въ этой да и ни въ какой другой легендѣ сербскаго народа. Мало того, въ нихъ нѣтъ недостатка въ ироническихъ моментахъ, въ которыхъ здравому, незаражонному понятію о высокомъ значеніи семейства и ненарушимости отцовской власти противопоставляются уклончивыя, корыстныя дѣйствія нѣкоторыхъ духовныхъ пастырей и отцовъ народа. Послушайте напримѣръ хоть эту драгоцѣнную легенду о томъ,

какъ императоръ Константинъ очистился отъ грѣха

Торжествуетъ императоръ Константинъ
Честный день весенняго Егорья,
День цвѣтовъ торжественно справляетъ (2).

---

(2) Егорьевъ день, праздникъ весны, совершается сербами очень торжественно. Въ этотъ день, по словамъ Караджича, мужчины купаются, рано утромъ, еще до восхода солнца, въ первый разъ на чистомъ воздухѣ. Дѣвушки и женщины ловятъ съ мельничныхъ колесъ воду, которой они приписываютъ чудодѣйственную силу сгонять съ тѣла всякіе недуги, кладутъ въ нее на ночь разныя травы и цвѣты, особенно зорю (ligusticum, leristicum L.) и потомъ купаются въ рѣчкѣ, куда предварительно накидаютъ зелени, цвѣтовъ и молодыхъ березъ. До егорьева дня нельзя не только рвать, но даже и нюхать зори; въ этотъ же день всякій долженъ имѣть изъ нея букетикъ: молодые мужчины на шляпѣ, а дѣвушки за поясомъ; бараньяго мяса тоже нельзя ѣсть (обычай, который есть и у турокъ), пока священникъ въ день святого Егорья не благословитъ передъ церковью молодую, украшенную цвѣтами и восковыми свѣчами прочку, за что и получаетъ въ награду баранью шкуру. Не мѣшаетъ также въ егорьевъ день побольше качаться, бороться и спать: послѣднее предостерегаетъ на весь годъ отъ головной боли. Но главную роль играютъ на этихъ праздникахъ торжественные обѣды. Прежде они давались сербскими царями и вельможами съ баснословной роскошью. Не быть гостепріимнымъ въ этотъ день считается большимъ грѣхомъ, чернѣйшею неблагодарностью противъ самого Бога, какъ подателя всѣхъ благъ.

Digitized by Google

Три стола воздвигнуть приказалъ онъ,
Какъ одинъ-то изъ чистого злата,
Какъ другой изъ серебра литого,
Изъ вощенаго самшита [3] третій.
А за столъ изъ золота литаго,
Сѣли всѣ четыре патріарха,
Съ ними вмѣстѣ сербскіе владыки [4].

А за столъ изъ серебра литого
Сѣли вмѣстѣ тридцать три монаха,
А за столъ изъ гладкаго самшита
Сѣло триста юныхъ самоучекъ [5],
Между нихъ одинъ былъ всѣхъ моложе.
Вотъ усѣлись набожные гости
Наслаждаться трапезою пышной;
И встаетъ тогда царь Константиносъ.
Онъ встаетъ съ высокаго престола,
Съ головы золотъ вѣнецъ снимаетъ,
И къ гостямъ честнымъ съ престола сходитъ.

Прежь всего къ злату столу подходитъ,
Къ четыремъ премудрымъ патріархамъ
И двѣнадцати честнымъ владыкамъ.
Преклоняетъ царь главу свою смиренно,
Говоритъ къ церковнымъ государямъ:
«Богъ спаси васъ, киры-патріархи,
Да и васъ, достойные владыки!
Не хотите ль грѣшнику повѣдать
Какъ ему очистить свою душу,
Искупить лихое злодѣянье?

Знайте: я — великій этотъ грѣшникъ!
На отца я, Бога позабывши,
Наложилъ когда-то эту руку:
А теперь въ раскаяньи великомъ,
Искупить хотѣлъ бы окаянство...»

---

[3] Самшитъ дерево —buxus semper virens.

[4] Архіереи.

[5] Djece samouce. Это названіе, усвоенное для молодыхъ людей, посвятившихъ себя священническому образованію, произошло вѣроятно изъ прежняго, а большею частью и теперешняго недостатка въ высшихъ училищахъ; вслѣдствіе чего молодые люди, готовившіеся въ духовное званіе, выучившись при какомъ-нибудь монастырѣ писать и читать, доходили до всего своимъ умомъ. Слово это вполнѣ соотвѣтствуетъ еврейскому понятію bachur.

Digitized by Google

Говорятъ на это патріархи,
Съ ними всѣ епископы-владыки
(Вѣрно всѣ объ милости царевой
Да о выгодѣ своей они радѣли,
А до правды мало было дѣла!):
«Блескъ коронъ, великій императоръ,
Всякій грѣхъ съ твоей души снимаетъ!
Прикажи сковать вѣнцы изъ злата,
Драгоцѣннымъ каменьемъ украсить,
И вели отдать намъ патріархамъ,
Да и намъ двѣнадцати владыкамъ,
И проститъ Господь твою ошибку!»

Выслушалъ ихъ рѣчи императоръ;
Поклонившись въ поясъ, повернулся;
Ко второй онъ трапезѣ подходитъ,
Гдѣ сидѣли тридцать три монаха.
Здѣсь онъ также голову склоняетъ,
Говоритъ честнымъ отцамъ монахамъ:
«Вы отцы премудрые монахи,
Не хотите ль грѣшнику повѣдать,
Какъ ему очистить свою душу,
Искупить большое злодѣянье?
Знайте — я великій этотъ грѣшникъ;
На отца, забывши страхъ господень,
Наложилъ когда-то эту руку;
А теперь, въ раскаяньи великомъ
Искупить хотѣлъ бы окаянство...»

И ему отвѣтили монахи:
«Свѣтъ земли, великій Константиносъ!
Искупить грѣхи твои нетрудно
Утверди ты грамотою царской
Всѣмъ намъ ровно тридцать три прихода,
Да построй ты бѣлую обитель,
Учреди въ ней трапезу монахамъ:
За тебя они молиться будутъ,
И тогда — простится твой проступокъ!»

Выслушалъ монаховъ Константиносъ,
Поклонился, молча прочь отходитъ,
Ко столамъ вощенаго самшита.
Здѣсь онъ также голову склоняетъ.
Говоритъ всѣмъ юнымъ самоучкамъ:
«Школяры, младые самоучки!
Не хотите ль грѣшнику повѣдать,

Digitized by Google

Какъ ему очистить свою душу,
Искупить большое злодѣянье?
Знайте — я великой этотъ грѣшникъ:
На отца, забывши страхъ господень,
Наложилъ когда-то эту руку;
А теперь, въ раскаяньи великомъ,
Искупить хотѣлъ бы окаянство!..»

Но молчатъ всѣ триста самоучекъ,
Ни одинъ суда изречь не смѣетъ.
Но тогда меньшой школяръ поднялся,
И не думая о милостяхъ царевыхъ,
Вспомянулъ одно господне слово,
Говоритъ державному владыкѣ:
«Ты вѣнецъ нашъ, славный императоръ!
Что желаешь, — то сказать не трудно,
Не легко-то только грѣхъ очистить.
Ты построй-ка малую избушку
Изъ сосновыхъ, изъ смолистыхъ бревенъ,
Да обмажь ее смолой да дегтемъ,
И запрись въ ней, свѣтъ-царь Константиносъ,
Запершись положи въ уголочки,
Въ уголочки угольевъ горячихъ,
И сиди отъ вечера до утра:
Если выйдешь, царь, ты невредимымъ —
Окаянство значитъ отпустилось.»

Какъ услышалъ кесарь эти рѣчи,
Онъ не могъ отъ гнѣва удержаться:
Приказалъ ту хижину поставить,
Приказалъ обмазать дегтемъ, саломъ,
Запиралъ младого самоучку,
Запиралъ избу со всѣхъ уголочковъ,
И изба всю ночку прогорѣла.

Рано утромъ вышелъ императоръ
Посмотрѣть сгорѣвшую избушку.
Кромѣ пепла ровно ничего-то
Отъ избы сосновой не осталось,
А у пепла юный самоучка —
У него въ рукахъ псалтирь большая,
И поетъ онъ, громко славитъ Бога
Что его средь полымя и дыма
Сохранилъ онъ здраво, невредимо...

Императоръ чуду удивился,

Digitized by Google

Приказалъ избу другую ставить,
Самъ садился, зажигалъ съ уголчиномъ,
До утра избушка пламенѣла...
Рано утромъ, еще до разсвѣта
На пожаръ приходитъ самоучка
Посмотрѣть, что сталось съ государемъ ..
Кромѣ пепла ровно ничего-то
Отъ избы сосновой не осталось,
И царя тотъ пепелъ покрываетъ
Съ головы вѣнчанной до сандалій.
Такъ душа царева очищалась
Отъ грѣха лихого окаянства...
Съ той поры сталъ праведникомъ кесарь:
Онъ питалъ голодныхъ пищей,
Онъ поилъ питьемъ кто жаждалъ,
Одѣвалъ нагихъ въ свои одежды,
Защищалъ всѣхъ бѣдныхъ, притѣсненныхъ —
До конца рука святой осталась!

Еще разъ приговоръ здраваго народнаго смысла торжествуетъ надъ пристрастнымъ и своекорыстнымъ приговоромъ. Сильный императоръ подчиняется ему наравнѣ съ послѣднимъ изъ своихъ подчиненныхъ. Какъ тому, такъ и другому должны быть одинаково святы семейныя узы, и только самое жестокое покаяніе можетъ искупить того, кто осмѣлился возстать противъ отеческой власти, выше которой, по понятіямъ южныхъ славянъ, только одна власть божія...

Кругъ сербскихъ легендъ не ограничивается однимъ семействомъ въ собственномъ значеніи этого слова; онъ гораздо шире. Къ семьѣ серба принадлежатъ не одни родственники крови: для него также святы узы воспріемничества, кумовства, усыновленія и братанья. Воспріемничество, которое въ нашемъ новомъ обществѣ считается пустою формальностью, налагаетъ на серба обязанности, которыя развѣ немногимъ чѣмъ меньше обязанностей отца къ сыну. Выбрать кого-нибудь kumovati есть величайшая честь, знакъ величайшаго довѣрія выбирающаго къ избираемому. Отказаться отъ этой чести считается почти грѣхомъ. Употребить это довѣріе во зло считается самымъ постыднымъ дѣломъ. Вотъ что говоритъ о святости кумовства черногорская легенда о

Манойло, который продаетъ своего крестника

Собрались двѣ матери младыя:
Какъ одна-то стройная гречанка,

Digitized by Google

А другая смуглая влашанка.
Идутъ обѣ по дорогѣ къ куму,
По дорогѣ къ Грьичу Манойлу ;
И несутъ они съ собой младенцевъ —
Волошанка смуглая сыночка,
А нарядная гречанка дочку.

И счастливо въ бѣлый дворъ Манойлы
Матери младыя приходили,
И счастливо жъ дѣтокъ окрестили.

Но на утро, на другой день рано,
Говоритъ гречанка Манойло :
«Слушай, кумъ мой Грьиче Манойло!
Подмѣни мнѣ мерзкую дѣвченку —
Ты подбрось дѣвченку волошанкѣ,
Да отдай мнѣ мальчика-сыночка.
Я клянусь христовой милой вѣрой
Заплатить за это чистымъ златомъ!»

Обольстила (Богъ ей будь судьею!)
Та гречанка Грьича Манойло, —
Подмѣнилъ онъ крестниковъ-младенцевъ.
А потомъ двѣ матери вставали,
Обѣ шли своимъ путемъ дорогой.

А когда на гору поднимались,
Плакать сталъ младенецъ волошанки :
Съ страхомъ слышитъ матерь крики боли,
И садится на краю дороги,
Да беретъ младенца изъ пеленокъ...
А въ пеленкахъ дѣвочка лежала.
Разозлилась злая волошанка,
И на камень бросила младенца,
А изо-рту такъ и хлыщетъ пѣна!

Собралась она опять къ Манойлѣ.
И пришедши ко двору Манойлы,
Заломила въ горѣ бѣлы руки,
И рыдая громко завопила :
«Грѣхъ тебѣ отъ Бога, Грьичъ Манойло!
Такъ за злато крестника ты продалъ?
Заплати за то тебѣ Йована!» (*)

(*) Св. Іоаннъ-креститель считается у сербовъ покровителемъ воспріемничества. День, въ который православной церковью чтится память этого святого, считается у сербовъ такимъ великимъ праздникомъ, что солнце три раза оста

Digitized by Google

А на то Манойло ей клянется:
«Нѣтъ, кума, я этого не дѣлалъ;
— У него ребенокъ на колѣняхъ —
Или то не плоть моя родная?»

И идетъ отъ кума волошанка
И идетъ домой съ пустою люлькой.
На коня гнѣдого Грчичъ садится,
Ѣдетъ, скачетъ ко двору гречанки,
И велитъ ей золото отвѣсить.
Возвращаясь съ золотомъ тяжолымъ,
Ѣдетъ тихо черезъ лѣсъ на гнѣдкѣ,
На дорогѣ видитъ онъ ягненка.

«Отсталъ знать отъ родного стада» —
Грчичъ подумалъ — «черненькій ягненокъ».
Наложилъ стрѣлу онъ на тетиву
И убилъ ягненка молодого.
И съ коня усталаго онъ сходитъ,
Зажигаетъ хворостъ, жаритъ мясо,
И въ лѣсу обѣдъ себѣ готовитъ.
Отъ бедра же жирные кусочки
Онъ въ мѣшокъ овсяный свой бросаетъ,
Привезти домой къ женѣ ихъ хочетъ.

На коня вскочилъ Грчичъ, ѣдетъ дальше.

Издалека бѣлый дворъ завидѣлъ;
Какъ жена навстрѣчу выбѣгаетъ,
Да ломаетъ руки, громко плачетъ.
Какъ увидѣлъ то Манойло, закричалъ ей:
«Что́ случилось? Говори, жена, скорѣе!»

Горько плача Грчиха отвѣчаетъ:
«Сынъ-то нашъ, нашъ сынъ единородный,
Обратился въ чернаго ягненка...
Обратился, въ лѣсѣ заблудился!»

«Горе мнѣ! воскликнулъ Грчичъ Манойло: —
Я въ кустахъ нашолъ того ягненка,
Да убилъ его стрѣлою быстрой
И къ обѣду жарилъ, приготовилъ,
И тебѣ привезъ кусокъ отъ ляшки..»

навливается въ этотъ день на небѣ, проникнутое святостью торжества и уваженіемъ къ угоднику. Повѣрье это очевидно произошло изъ того, что ивановъ день — одинъ изъ самыхъ длинныхъ іюньскихъ дней.

Digitized by Google

Лѣзетъ правою рукою Грчиха,
Въ овсяной мѣшокъ, за тою лашкой —
Глядь — рука ея родного сына!

И рыдая падаетъ на землю;
«Посмотри-ка, вотъ тебѣ награда,
За продажу крестника родного!
Безъ слѣда твой родъ со свѣту сгинетъ!»

Вотъ что было. Помолитесь Богу,
Чтобы впредь того же не случалось.

Однимъ изъ отличительныхъ элементовъ южно-славянскаго племени составляетъ *дружба*, узы которой для серба даже святѣе узъ родства крови, потомучто «братанье» основано на свободномъ выборѣ любящихся, тогда какъ родство крови есть дѣло случая. Сербъ не знаетъ ничего постыднѣе, ничего безчестнѣе измѣны другу. Покровителемъ дружескихъ союзовъ считается все тотъ же Іоаннъ-предтеча, товарищъ дѣтства и другъ Спасителя. Стоитъ только во имя св. Йована предложить дружбу самому злому врагу, чтобъ онъ сталъ вамъ самымъ вѣрнымъ другомъ. Отвергнуть предложенную такимъ образомъ дружбу считается позорнымъ злодѣяніемъ. Какъ строго наказывается измѣна кумовству, мы уже видѣли изъ предыдущей легенды; какое высокое понятіе имѣетъ народный духъ о дружбѣ, можетъ показать слѣдующая легенда, тоже черногорскаго происхожденія.

Друзья

Жили долго въ неразрывной дружбѣ
Побратимы Муйо да Алійя (*);
Такъ-то дружно жили, что въ знакъ дружбы
Обмѣнялись милыми конями,
Изъ-за пояса оружьемъ свѣтлымъ.

Разъ верхомъ садились оба друга,
Выѣзжали къ берегу морскому,
Чтобъ убить тамъ утицъ-златодёрыхъ.

Вылеталъ у Муйо сѣрый соколъ,
У Алійи бѣлъ перепелятникъ.

(*) Мустафа и Али.

Digitized by Google

Громко крикнулъ Муйо: «соколъ добылъ!»
А Алійя: «нѣтъ, перепелятникъ!»

Крѣпко это Муйо огорчило.
Вотъ потомъ друзья на землю сходятъ
И садятся подъ зеленой елкой.
Студено вино пьютъ въ хладной тѣни;
Отъ вина подъ елкой засыпаютъ.

И увидѣли то на морѣ три вилы;
И большая меньшимъ говорила:
«А друзья-то право неразлучны,
Никогда поссориться не могутъ!
Той изъ васъ, что́ тѣхъ друзей разсоритъ,
Дамъ сейчасъ я сто златыхъ цехиновъ».

То меньшая вила услыхала,
Бѣлы крылья тотчасъ распустила,
Опустилась къ Муйо, къ изголовью,
Стала плакать горькими слезами;
Слезы щеки Муйо прожигали.

И вскочилъ онъ словно сумашедшій,
Надъ собой красавицу увидѣвъ...
Будитъ друга громкими рѣчами:
«Встань Алійя, ко двору поѣдемъ.
Посмотри, что́ Богъ мнѣ посылаетъ!»

Быстро Алій вскакивалъ на ноги:
«Какъ! кричитъ онъ: — чтобъ твой мозгъ изсохнулъ!
У тебя такъ двѣ теперь ужъ будетъ,
А у друга ни одной, какъ прежде?»

Никогда такъ Муйо не было обидно.
Изъ-за пояса онъ выхватилъ свой ханджуръ —
И прошолъ булатъ сквозь сердце Али.

И упалъ Алій тутъ навзничь. Муйо
Тотчасъ сѣлъ на бѣлую кобылу,
Поднимаетъ красную дѣвицу,
И домой сбирается съ ней ѣхать.

Ржотъ надъ Али лошадь вороная,
Жалобно ржотъ возлѣ господина.
Горько такъ не плачетъ братъ о братѣ!

Какъ услышалъ Али это ржанье,

Digitized by Google

Уполозъ друга со слезами:
«Муйо, слушай! другъ ты и измѣнникъ!
Повернись ты бѣдую кобылу
Да возьми конечка-сиротинку,
Чтобы стонъ въ лѣсу не раздавался,
Чтобъ дурная слава не ходила
По землѣ объ муйиной измѣнѣ.
Повернулъ свою кобылу Муйо,
Подъ устцы беретъ онъ лошадь друга,
Чародѣйку на лошадь сажаетъ,
Вмѣстѣ съ нею черезъ лѣсъ онъ скачетъ.

Въ чащѣ бора, на краю дороги
Видитъ онъ — сидитъ на камнѣ воронъ,
Воронъ, однокрылая калѣка.
«Эй! кричитъ онъ ворону-бѣднягѣ: —
Чай тебѣ съ однимъ крыломъ-то плохо?»
— Охъ какъ плохо! воронъ отвѣчаетъ: —
Мнѣ нельзя безъ крылышка летати;
Такъ и другъ не можетъ жить безъ друга;
Вотъ хоть ты бы, Муйо, безъ Алійи!»
Самъ съ собою Муйо разсуждаетъ:
«Дурно, Муйо! право я боюся,
Что тебѣ сегодняшняя удаль
Не добромъ въ деревнѣ отзовется!
Коли птицы такъ тебя ругаютъ,
Такъ товарищи ужь вѣрно не похвалятъ!»

А красавица тихонько шепчетъ:
«Слушай, Муйо! мы назадъ вернемся!
Я лечу не этакія раны,
Можетъ-быть спасу тебѣ Алійю!»
Вѣтеръ такъ по полю не летаетъ,
Какъ назадъ къ Алійи мчится Муйо.
Подъѣзжая жъ къ елкѣ, подъ которой
Студено вино два друга пили,
Оглянулся Муйо на дѣвицу
Посмотрѣть, куда она отстала:
Глядь — анъ конь летитъ за нимъ порожній ..

Муйо палъ на землю возлѣ друга...
Да слезами горю не поможешь,
Не вдохнуть ему души въ Алійю!
Какъ увидѣлъ Муйо друга мертвымъ,
Изъ-за пояса канджаръ булатный вынулъ,
И вонзилъ себѣ средь бѣлой груди.

Digitized by Google

Дружба считается у сербовъ нерасторжимой; но крайней мѣрѣ мелочныя, обыденныя размолвки не въ состояніи разорвать ее; и нужно вмѣшательство какой-нибудь сверхъестественной силы, напримѣръ злой силы вилъ, чтобы расторгнуть священный союзъ братанья.

Прочитавши сообщенныя нами легенды, нельзя не оцѣнить ихъ глубокой, внутренней связи съ жизнью и міровоззрѣніями того народа, среди котораго они сложились. Сербскій народъ, уже цѣлыя столѣтія оставленный на произволъ анархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ необузданнѣйшаго деспотизма, съ удивительнымъ чутьемъ угадалъ, что единственная опора его національности остается въ прочности семейныхъ отношеній, и потому всѣ его пѣсни, всѣ его легенды заняты прославленіемъ домашнихъ добродѣтелей семьянина — любви материнской, дѣтской, братской и супружеской, честнаго пріемничества, вѣрной дружбы, неподкупной честности; всѣ они поддерживаютъ въ народѣ любовь къ національности, возжигаютъ его храбрость, учатъ его самопожертвованію за отчизну, свободу и «милую» христіанскую вѣру, и питаютъ въ немъ непримиримую ненависть къ «поганымъ» притѣснителямъ вѣры, свободы и отечества, — туркамъ. Дай-богъ, чтобы народные пѣвцы Сербіи долго еще не перестали слагать такія легенды!

Digitized by Google

По поводу уничтоженія откупной системы

и замѣны ея акцизной

Статья первая

I

Несмотря на мнѣніе нѣкоторыхъ, впрочемъ крайне-немногихъ, сторонниковъ откупной системы, что она у насъ незамѣнима по отношенію къ интересамъ государственной казны, и что потому рано еще считать ее близкой къ концу; несмотря на надежды нѣкоторыхъ господъ, находящихъ выгоднымъ для себя существованіе винныхъ откуповъ; несмотря и на нѣкоторыя другія обстоятельства, — откупная система уже доживаетъ свой вѣкъ и у насъ въ Россіи. И находится она въ такомъ плачевномъ для себя состояніи не только потому, что правительство намѣрено замѣнить ее акцизной системой, но и потому, что Россія, вся Россія уже познаетъ теперь весь вредъ отъ откуповъ. Она именно сознаетъ, что съ существованіемъ откуповъ неизмѣнно связано множество такого рода злоупотребленій, которыя никакимъ образомъ не допускаются въ государствахъ, находящихся на значительной степени развитія; она сознаетъ теперь, что откупная система не приноситъ надлежащихъ доходовъ казнѣ, тогда-какъ на народъ, на его нравственность и промышленность, а потому и на всю участь его дѣйствуетъ вредно. И потому понятно, почему ни въ Россіи, вообще нѣтъ — кромѣ крайне-немногихъ, большею частью заинтересованныхъ исключеній — сторонниковъ откупной системы; понятно также, почему правительство наше, рѣшившись по окончаніи послѣдней войны улучшить путемъ административныхъ реформъ участь Россіи, не отложило въ долгій ящикъ уничтоженіе откуповъ, а напротивъ, почло нужнымъ приняться за этотъ во-

Digitized by Google

просъ какъ можно поспѣшнѣе и рѣшить его безъ лишнихъ замедленій. Намѣреніе правительства выказалось сразу — просто, ясно и вполнѣ-опредѣлительно, и потому, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, это намѣреніе встрѣчено глубокимъ сочувствіемъ со стороны рѣшительнаго большинства нашего общества, а возможное, покуда, осуществленіе этого намѣренія — изданіемъ новыхъ акцизныхъ правилъ — принято съ искреннею признательностью. Если же эта признательность высказалась у насъ не такъ *громогласно*, какъ бы это было во многихъ другихъ странахъ въ подобномъ случаѣ, то причина тому заключается какъ въ нѣкоторыхъ невыгодныхъ для всѣхъ условіяхъ нашей общественной жизни вообще, такъ въ особенности въ томъ, что въ это же время, какъ и теперь еще, рѣшался у насъ вопросъ, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ остальные, даже весьма важные административные вопросы, а именно вопросъ крестьянскій.

Но какъ бы несовершенна ни была откупная система, она тѣмъ не менѣе ежегодно доставляла многіе десятки мильоновъ доходу государственной казнѣ, составлявшіе и составляющіе еще такую огромную часть нашихъ государственныхъ доходовъ вообще, какой не составляютъ налоги на напитки ни въ одномъ изъ цивилизованныхъ государствъ. А потому нашему министерству финансовъ предстояла *трудная* задача, при рѣшеніи которой, въ особенности при скоромъ рѣшеніи, едва ли возможно избѣгнуть ошибокъ, — иногда быть-можетъ значительныхъ. Но разумѣется, такого рода ошибки должны вызывать со стороны людей поистинѣ благонамѣренныхъ и понимающихъ трудность подобной задачи не осужденіе, а желаніе помочь администраціи въ устраненіи подобныхъ ошибокъ, въ особенности такой администраціи, которая въ этомъ случаѣ, обсуждала такой вопросъ съ возможной гласностью и вызывала мнѣнія всѣхъ и каждаго, кто только могъ или хотѣлъ содѣйствовать ей въ этомъ отношеніи.

Просимъ читателей нашихъ не приписывать сказаннымъ здѣсь словамъ смысла, котораго они не имѣютъ, и не предполагать, чтобъ мы хотѣли этими словами сказать что-либо дурное о тѣхъ акцизныхъ правилахъ, которыя уже напечатаны и утверждены. Читателямъ нашимъ безъ сомнѣнія извѣстно, что еслибъ и задумали мы что-либо подобное, то намѣреніе наше не могло бы осуществиться иначе, какъ путемъ болѣе или менѣе административнымъ. Кромѣ того, еслибъ мы возымѣли намѣреніе разбирать печатно новую акцизную систему нашу, долженствующую замѣнить прежнюю откупную, и получили бы на то разрѣшеніе, то и въ такомъ случаѣ мы имѣли бы *право* не критиковать, въ узкомъ значеніи этого слова,

нашу систему, не осуждать въ особенности нашу финансовую администрацію и сокрушаться ея въ созданіи этой системы, а только указать на слабыя стороны ея. Мы очень хорошо понимаемъ, что въ случаѣ если бы мы взялись еще осуждать кого-либо за эту систему или протестовать какія-либо ея стороны, то каждый имѣлъ бы право замѣтить намъ, что это дѣлаемъ мы не вовремя, слишкомъ поздно, что вопросъ этотъ обсуждался гласно, что наше министерство финансовъ не только никого не стѣсняло въ этомъ отношеніи, но само вызывало всѣхъ и каждаго на гласное обсужденіе этого вопроса, и что потому лица, добросовѣстно участвовавшія въ начертаніи новыхъ акцизныхъ правилъ, имѣли полное право отвѣтить порицателю своему, что и онъ изъ тѣхъ, которые крыли только задними умомъ. Къ счастію для насъ, мы сознаемъ въ этомъ отношеніи свои права и обязанности, и потому не съ цѣлію критики, даже въ лучшемъ, этимологическомъ значеніи этого слова, пишемъ мы эти строки. Намѣреніе наше состоитъ въ томъ, чтобъ показать, какое мѣсто занимаетъ новая русская акцизная система въ ряду другихъ подобныхъ же системъ. Кромѣ того мы желаемъ возбудить вопросъ чисто-научный; но конечно такой научный вопросъ, разрѣшеніе котораго должно рано или поздно имѣть вліяніе на административную практику.

На это намъ могутъ замѣтить, что намъ не для чего вмѣшивать русскія административныя мѣры въ научные вопросы. Извините, отвѣтимъ мы. И наша администрація вообще, и даже вся наша русская политика, какъ и администрація и политика англійская, французская и другія, тѣсно связаны съ степенью познаній и образа мыслей лицъ административныхъ и политическихъ вообще, въ особенности главныхъ между ними. Всѣ эти лица слѣдуютъ въ большей или меньшей степени извѣстнымъ преданіямъ, правиламъ, мнѣніямъ; всѣ они въ большей или меньшей степени убѣждены, что для дѣятельности ихъ необходимы познанія и правила, и этимъ познаніямъ и правиламъ они придаютъ, въ большей или меньшей степени, значеніе *науки* или *искусства*, но искусства не въ смыслѣ художества, а въ смыслѣ науки. Здѣсь не мѣсто разбирать, въ какой степени та или другая администрація, или та или другая политика, или всѣ онѣ вмѣстѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ еще не вполнѣ созданной, сколько намъ извѣстно, науки — политики. Это повело бы насъ слишкомъ далеко, да притомъ же удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса намъ не по плечу, — какъ не по плечу оно, смѣемъ думать, и всякому другому человѣку, потомучто здѣсь слишкомъ много еще нерѣшеннаго, чтобъ одинъ человѣкъ могъ рѣшить подобный вопросъ. Настоящіе люди съ истиннымъ призва-

Digitized by Google

міръ къ административной и вообще политической дѣятельности учатся долго и много, и дѣйствительно много знаютъ, многому выучиваются до того времени, когда рѣшаются вступить на политическое поприще, а и находясь уже на немъ, продолжаютъ учиться. Такіе люди всегда чтутъ науку, и можетъ-быть никто лучше ихъ не сознаетъ ея необходимости, а также и практической пользы отъ нея. Конечно, не всѣ государственные люди въ мірѣ занимаютъ мѣста свои по призванію, свѣдѣніямъ и способностямъ своимъ, и не всѣ они потому понимаютъ значеніе науки; тѣмъ не менѣе большая часть даже вовсе не даровитыхъ государственныхъ людей невольно слѣдуетъ, въ большей или меньшей степени, извѣстнымъ правиламъ, которымъ они придаютъ значеніе правилъ необходимыхъ, испытанныхъ истинъ, и на болѣе или менѣе систематическое собраніе которыхъ они такимъ образомъ смотрятъ какъ на собраніе законовъ, правилъ, истинъ, — словомъ, какъ на науку администрированія. Да въ наше время надо вовсе не знать того, что творится въ мірѣ, чтобъ сомнѣваться во вліяніи науки вообще и административныхъ или политическихъ наукъ въ особенности на администрацію и даже политику вообще. Ужъ кажется Наполеонъ III напримѣръ, *практическій человѣкъ* даже на взглядъ не только обыкновенныхъ *практическихъ людей*, прекрасно устроивающихъ дѣла свои, но и на взглядъ такихъ *практическихъ* людей, дѣйствія которыхъ иногда приводятъ въ неописанный восторгъ, а иногда такъ даже пугаютъ обыкновенныхъ практическихъ людей; а между тѣмъ и Наполеонъ III видитъ и понимаетъ, что безъ науки не обходится не только та или другая часть администраціи, но и политика вообще. А изъ этого не слѣдуетъ ли между прочимъ, что правы, совершенно правы тѣ наиболѣе способные и свѣдущіе государственные люди, которые всѣми мѣрами покровительствуютъ наукѣ и обусловливаютъ свои дѣйствія съ ея требованіями; наоборотъ, неправы тѣ, большею частью бездарные и во всякомъ случаѣ малосвѣдущіе люди, выскочки въ администраціи, которые смотрятъ на науку какъ на нѣчто такое, что недостойно ихъ высокаго вниманія и пригодно только для ученыхъ? Да, нелишнее было бы въ наше время сомнѣваться во вліяніи науки не только на администрацію, но и на политику вообще. Совершенно другой вопросъ: достаточно ли такое вліяніе? — но на этотъ разъ мы не касаемся этого вопроса; намъ съ васъ довольно и того, что наука и администрація, а частью и политика не вовсе чужды другъ другу, чему конечно и слѣдуетъ быть.

Кромѣ того, наше министерство финансовъ въ послѣднее время ясно выказываетъ, нѣкоторыми пріемами своими, намѣреніе свое согласить принимаемыя имъ мѣры и предпринимаемыя пре-

Digitized by Google

разованій съ требованіями науки, именно науки о финансахъ. Само собой разумѣется, что подобное намѣреніе и въ особенности осуществленіе его можетъ только радовать людей просвѣщенныхъ. Въ этомъ отношеніи неодобреніе возможно только со стороны тѣхъ, которые не понимаютъ что такое наука, какъ она создается и къ чему ведетъ. Ясно, что если наука, вслѣдствіе своей молодости и неразвитости, утверждаетъ или предписываетъ что-либо ложное и вредное, то надо это предварительно доказать, исключить ложное изъ науки; но доколѣ это не доказано, необходимо слѣдовать ея предписаніямъ, потому что наука есть собраніе истинъ или, по меньшей мѣрѣ, правилъ и мнѣній, признаваемыхъ за истинныя, а истинное не только полезно, но даже безусловно необходимо. Ясно также, что если наше министерство финансовъ стремится къ тому, чтобъ мѣры его согласовались съ требованіями науки, то оно стремится къ истинному; а если, кромѣ того, оно еще приглашаетъ и выслушиваетъ экспертовъ, то этимъ оно выказываетъ и намѣреніе свое— истины, добытыя наукой, примѣнить къ Россіи сообразно съ территоріальными и другими условіями нашего быта. Чего же лучше?

Но какъ бы ни былъ хорошъ и вообще раціоналенъ въ подобныхъ случаяхъ образъ дѣйствій нашего министерства финансовъ, какъ и всякаго другого министерства финансовъ, оно можетъ достичь или не достичь своей прекрасной цѣли, между прочимъ, отъ двухъ обстоятельствъ: во-первыхъ оттого, ясно ли и вѣрно ли рѣшила наука тотъ или другой финансовый вопросъ, или же она еще не рѣшила его, или, что тоже, рѣшила покуда невѣрно; а во-вторыхъ оттого, какъ поняли эксперты и вообще лица, участвовавшія въ начертаніи извѣстныхъ правилъ, ту или другую финансовую (по наукѣ) истину, примѣненіе которой къ той или другой странѣ составляетъ цѣль этихъ правилъ.

Такимъ образомъ для *научной* оцѣнки нашей будущей акцизной системы необходимо рѣшить вопросы:

1) Что нашло наше министерство финансовъ въ наукѣ по части налоговъ на напитки?

2) Что русская система привнесла собой въ науку?

3) Которая изъ системъ наилучшая съ точки зрѣнія науки, т. е. съ точки зрѣнія не того или другого народнаго быта, а съ точки зрѣнія обще-экономической?

Читатели наши видятъ, въ чемъ состоитъ задача настоящей статьи. Мы не имѣемъ притязанія дѣйствовать на нашу финансовую администрацію; мы желали бы только нѣсколько подѣйствовать на нашихъ экономистовъ и финансистовъ вообще, а именно поднять вопросъ о налогахъ на напитки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на всѣ косвен-

Digitized by Google

ные налоги вообще. Намъ кажется, что экономисты и ученые финансисты вообще слишкомъ рано еще почили на розахъ въ этомъ отношеніи. Смѣемъ думать, что предметъ этотъ достоинъ вниманія нашихъ читателей.

II

Всѣмъ извѣстно, съ какою цѣлью облагаютъ правительства подданныхъ своихъ разнаго рода податьми. Цѣль эта состоитъ въ томъ, чтобъ получать доходы; высшее же искусство въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, чтобы получать возможно болѣе доходовъ, но въ тоже время возможно менѣе обременять налогами и ихъ взиманіемъ какъ производителей, такъ и потребителей. Такую-то задачу задавали себѣ и правительства при назначеніи существующихъ налоговъ на спиртовые напитки. Такую же задачу задаетъ себѣ и наука о финансахъ. Посмотримъ, какъ рѣшена эта задача теоретически и практически.

Существуютъ двѣ главныя системы налоговъ на спиртовые напитки: англо-германская и французская. Существенная разница между ними заключается въ томъ, что англійская и наибольшая часть германскихъ администрацій облагаютъ спиртовые напитки налогомъ преимущественно въ моментъ ихъ производства, возможно строго контролируютъ это производство, но зато предоставляютъ потомъ возможно-полную свободу торговлѣ этими напитками; французская же администрація облагаетъ вино налогомъ въ тѣ моменты, когда оно переходитъ отъ производителя къ оптовымъ и мелочнымъ торговцамъ, продающимъ вино потребителямъ.

Англо-германская система подраздѣляется на двѣ: англійскую и прусскую или германскую. Первая дѣйствуетъ въ Англіи, вторая же въ Пруссіи, въ Бельгіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, преимущественно въ германскихъ.

Не вдругъ конечно образовались эти системы, и много свѣтлаго ума и административнаго таланта надо было употребить, чтобъ дойти до того, что́ представляютъ намъ въ этомъ отношеніи самые цивилизованные народы въ мірѣ и ихъ администраціи. Эти системы представляютъ собой послѣднее покуда слово такихъ администрацій; сама наука — *современная теорія финансовъ* — не нашла покуда ничего такого, что́ могла бы она противопоставить такимъ системамъ, хотя правда и далеко не все оправдываетъ она въ нихъ. Но этого конечно мало для науки: отъ нея рано или поздно слѣдуетъ ожидать не одного только осужденія тѣхъ или другихъ адми-

Digitized by Google

нистративныхъ промаховъ, но и представленія положительныхъ правилъ, назначенія совершеннѣйшихъ мѣръ и пріемовъ, долженствующихъ замѣнить собою тѣ, которые подвергаются ея осужденію и заслуживаютъ его.

Разсмотримъ эти системы въ общихъ ихъ чертахъ. Читатели наши увидятъ такимъ образомъ, въ какой степени наука о финансахъ, въ настоящемъ развитіи своемъ, и административная финансовая практика въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ могли содѣйствовать нашему министерству финансовъ въ начертаніи новой акцизной системы. Только путемъ подобнаго сопоставленія и сравненія можно уяснить себѣ относительное достоинство и степень раціональности акцизныхъ системъ.

Въ производствѣ спиртоныхъ напитковъ есть *три момента*, которые могутъ быть принимаемы, дѣйствительно принимались и въ значительной степени еще принимаются въ основаніе налога на такіе напитки во время ихъ производства, отчего и образовались слѣдующія три системы:

1) *Вмѣстимость перегонныхъ кубовъ*. Налогъ взимается съ этой вмѣстимости, причемъ принимается въ соображеніе и опредѣляется извѣстное пространство времени *для* каждой перегонки. При такой системѣ представитель казны, чиновникъ, запираетъ на ключъ кубъ на все время, когда онъ не дѣйствуетъ, и такимъ-то образомъ казна *довольно* получаетъ налогъ сполна. Эта система довольно легка и удобна, тѣмъ не менѣе она покинута, потомучто *не дѣйствительно* вполнѣ не обезпечиваетъ казны. Здѣсь величина налога столько же зависитъ отъ размѣра, даннаго ему казною, сколько и отъ способности заводчика въ опредѣленное время совершать какъ можно болѣе перегонокъ, и такимъ образомъ лишать казну значительной части ея дохода. Этотъ способъ акцизнаго сбора существовалъ прежде въ Пруссіи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, но теперь принадлежитъ къ числу минувшихъ явленій, потомучто не обезпечиваетъ достаточно доходовъ казны.

2) *Вмѣстость заторныхъ или кадильныхъ чановъ*, т. е. количество сырыхъ матерьяловъ, изъ которыхъ выдѣлываются напитки, также служитъ мѣриломъ и средствомъ для налога. На этомъ основана нынѣшняя *прусская* система.

3) *Количество вообще выкуриваемаго вина* служитъ основаніемъ для налога по англійской системѣ.

Такимъ образомъ взимается въ Пруссіи акцизный сборъ съ вина. Произведены были опыты, изъ которыхъ выведено, что изъ 100 кварты готовой бражки добывается около 5 кварть спирта, крѣпостью въ 50 градусовъ, по спиртометру Траллеса. Сло-

вомъ, было вычислено, сколько и какого матерьяла необходимо для опредѣленной величинѣ заторныхъ или квасильныхъ чановъ при каждой отдѣльной выкуркѣ, продолжающейся также опредѣленное время, и такимъ образомъ назначенъ налогъ въ 1 грошъ съ каждыхъ 25 квартъ затора, т. е. около 5 копѣекъ серебромъ съ 2½ ведра. Этотъ способъ былъ введенъ въ 1820 г., но уже скоро потомъ, именно въ 1824 году, правительство прусское увидѣло, что оно получаетъ доходъ не сполна, и вотъ по какой причинѣ. Эта форма налога, какъ само собой разумѣется, побуждаетъ заводчиковъ къ тому, чтобъ при *опредѣленномъ* количествѣ выкуриваемаго спирта, объемъ затора былъ возможно малъ, т. е. чтобы отъ извѣстнаго количества затора получалось спирта болѣе того, сколько предполагаетъ казенная администрація, и такимъ образомъ платить меньшій налогъ противъ назначеннаго. Съ этой-то цѣлью и начали заводчики приготовлять заторъ какъ можно гуще. Правительство, замѣтивъ такую уловку, увеличило въ 1824 году налогъ на 20 процентовъ. Тоже повторилось въ 1838 и потомъ въ 1854 году.

Ясно, что такое обложеніе налогомъ предмета потребленія нерацiонально въ высшей степени, ибо вопервыхъ сковываетъ промышленность тѣмъ, что опредѣляетъ или, правильнѣе, установляетъ норму производства; вовторыхъ, побуждаетъ производителей обходить законъ и обманывать казну; втретьихъ, лишаетъ казну значительныхъ доходовъ и наконецъ вчетвертыхъ, стоитъ не дешево.

Въ самомъ дѣлѣ, взиманіе такого налога требуетъ значительнаго числа чиновниковъ и сопряжено съ такими формальностями, которыхъ не называютъ варварскими только потому, что прусское правительство старается быть въ этомъ отношеніи какъ можно снисходительнѣе къ своимъ подданнымъ, и дѣйствительно оно въ этомъ отношеніи невримѣръ уступчивѣе и кротче правительствъ напримѣръ французскаго и англійскаго. Несмотря однако на такую кротость, уступчивость и снисходительность, вотъ нѣкоторыя изъ формальностей, которыя неизбѣжно связаны съ прусской акцизной системой.

При началѣ производства, заводчикъ обязанъ представить въ акцизное вѣдомство подробное и точное описаніе завода своего, подробный планъ его и вѣдомость обо всѣхъ сосудахъ и вообще предметахъ, необходимыхъ для выкурки вина, съ обозначеніемъ величины этихъ предметовъ и мѣста, которое занимаютъ они на заводѣ. Акцизное вѣдомство посылаетъ чиновниковъ для повѣрки на мѣстѣ этого плана и этой вѣдомости; чиновники вымѣриваютъ сосуды, клеймятъ ихъ, ставятъ на нихъ нумера и надписываютъ

Digitized by Google

изъ величинъ и т. п. Кромѣ того, не менѣе чѣмъ за десять дней до начала выкурки, заводчикъ обязанъ представить акцизному вѣдомству подробную смѣту всему производству на заводѣ за цѣлый мѣсяцъ впередъ и ежемѣсячно пополнять подобныя смѣты. Онъ не имѣетъ права что либо произвести на заводѣ иначе и не въ тотъ день, какъ обозначено въ мѣсячной смѣтѣ или объявленіи. Онъ не имѣетъ также права употреблять въ дѣло тотъ или другой чанъ не въ очередь, или же долженъ получить особенное на то разрѣшеніе. Наконецъ чаны должны быть извѣстныхъ размѣровъ, производство затора также опредѣлено, время этого затора тоже, и проч. и проч. Само собой разумѣется, что каждое нарушеніе подобныхъ правилъ сопровождается штрафами.

Вотъ въ общихъ чертахъ одна изъ лучшихъ, а можетъ-быть и самая лучшая изъ существующихъ акцизныхъ системъ. Вино между тѣмъ есть одинъ изъ необходимѣйшихъ предметовъ потребленія, и въ странахъ сѣверныхъ оно конечно составляетъ для большинства народонаселеній предметъ, безъ котораго обойтись довольно трудно. Парализировать регламентаціями производство вина, значитъ затруднять для народонаселенія постоянное, умѣренное, а потому и безвредное употребленіе вина, что уже доказано опытомъ и наукой, и наоборотъ, это значитъ содѣйствовать потребленію вина не въ мѣру, въ праздники, при полученіи рабочими жалованья, т. е. содѣйствовать умноженію пьянства и тѣсно-связанныхъ съ нимъ пороковъ и преступленій.

Легко понять, что такой способъ обложенія предметовъ потребленія не соотвѣтствуетъ естественнымъ политико-экономическимъ законамъ, и если что смягчаетъ нѣсколько тягость подобной системы, такъ это то обстоятельство, что она менѣе англійской и французской системы стѣсняетъ кругъ производителей вина и менѣе этихъ системъ вредитъ такимъ образомъ земледѣлію, почти повсюду нуждающемуся, для своего развитія, въ винокуреніи, доставляющемъ кормъ скоту и проч. И дѣйствительно за *относительное* достоинство, въ сравненіи съ другими, прусской системы говорятъ между прочимъ то обстоятельство, что въ Пруссіи есть и можетъ существовать значительное число сельско-хозяйственныхъ винокурень; но разумѣется, ихъ было бы несравненно болѣе, еслибъ акцизная система была лучше, т. е. еслибъ она болѣе соотвѣтствовала законамъ и условіямъ народнаго хозяйства.

Легко понять также, что велика роль акцизныхъ чиновниковъ въ этой системѣ и что уже потому эта система и сама по себѣ не совсѣмъ хороша, и вовсе непримѣнима къ Россіи. Всѣмъ извѣстно, что чиновникъ — необходимое явленіе въ государствѣ, но и тоже

время онъ плохой производитель предметовъ потребленія; а потому желательно было бы, чтобъ роль и значеніе чиновниковъ въ производствѣ предметовъ потребленія согласовались съ степенью человѣческаго и гражданскаго развитія и достоинства этихъ лицъ. Потому-то между прочимъ и возможна такая система въ Пруссіи, Бельгіи и въ нѣкоторыхъ другихъ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, что въ нихъ чиновники, кромѣ крайне-рѣдкихъ исключеній, не имѣютъ обыкновенія, не имѣютъ и возможности, строя клѣтку для казеннаго воробья, строить себѣ дома.

Ясно, что подобная акцизная система не представляла собой нашему министерству финансовъ такого идеала совершенства, которому необходимо было бы подражать.

Англійская акцизная система существуетъ съ 1825 года; стало-быть результаты ея должны быть извѣстны. Дѣйствительно, теперь уже никто не сомнѣвается, что если съ одной стороны она лучше другихъ системъ обезпечиваетъ доходы казны тѣмъ, что рѣшительно ограничиваетъ и преслѣдуетъ *незаконное*, т. е. не подлежащее акцизу, или правильнѣе, избѣгающее акциза винокуреніе; то съ другой стороны она наноситъ и значительный вредъ всему народному хозяйству тѣмъ, что крайне ограничиваетъ число лицъ и хозяйствъ, могущихъ съ выгодой для себя и для всего края заниматься винокуреніемъ, — словомъ, она сосредоточиваетъ этотъ промыселъ въ рукахъ немногихъ богатыхъ заводчиковъ и лишаетъ земледѣліе тѣхъ выгодъ, которыя могло бы оно извлечь изъ винокуренія. Не нужно, думаемъ мы, распространяться о томъ, какъ вредно вліяніе подобной фискальной системы на все народное хозяйство и какъ явно, чтобъ не сказать болѣе, жертвуется здѣсь благосостояніе народа интересамъ казны.

Посмотримъ теперь, какими способами достигаетъ англійская акцизная система подобныхъ результатовъ.

Заводчикъ, винокуръ, прежде всего обязанъ получить позволеніе, т. е. патентъ или лицензію, стоющую болѣе 10 фунтовъ стерлинговъ; потомъ онъ обязанъ вывѣсить *вывѣску* съ надписью, объясняющею родъ его заведенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ связанъ разными правилами относительно мѣста, гдѣ можетъ имѣть заводъ. Такъ напримѣръ винокурный заводъ долженъ быть въ чертѣ города или не отстоять не болѣе четверти мили отъ такого города, въ которомъ не менѣе 500 домовъ; кромѣ того, никакая винокурня не можетъ помѣщаться ближе четверти англійской мили отъ ректифи-

Digitized by Google

ватора, т. е. составителя водокъ, а также и отъ оптоваго торговца водками и спиртомъ. Малѣйшее нарушеніе такихъ правилъ подвергаетъ виновныхъ высокимъ пенямъ.

Мало того, англійскія акцизныя правила подробно опредѣляютъ количество всѣхъ чановъ, кубовъ и вообще сосудовъ, какое можетъ имѣть заводъ или винокурня, величину, положеніе этихъ сосудовъ и даже самый порядокъ выкурки вина. Эти правила предписываютъ даже, какою краскою должны быть окрашены трубы, соединяющія чаны, и вообще сосуды, необходимые для выкурки вина. Можно смѣло сказать, что англійскій винокуръ устроиваетъ свой заводъ и дѣйствуетъ въ немъ преимущественно по плану предначертанному администраціей, или же что англійскій винокуръ несравненно менѣе хозяинъ въ своей винокурнѣ, нежели англійская администрація.

Несмотря на такія опредѣлительныя правила, которыхъ онъ долженъ безусловно слѣдовать, если не хочетъ подвергнуться высокимъ пенямъ, англійскій заводчикъ тѣмъ не менѣе обязанъ, до начала выкурки вина, доставлять въ акцизное управленіе подробное описаніе, планы и рисунки помѣщеній своей винокурни и находящихся въ ней чановъ, кубовъ, сосудовъ и утвари вообще.

Самый процесъ выкурки совершается подъ строгимъ надзоромъ акцизныхъ чиновниковъ, не выходящихъ можно-сказать изъ винокурни въ это время выкурки и даже приготовленія къ ней. Приступая напримѣръ къ приготовленію затора, заводчикъ обязанъ увѣдомить о томъ акцизное управленіе не позже какъ за шесть часовъ; спуская заторъ въ квасильные чаны, онъ также обязанъ объ этомъ дать знать акцизному управленію, притомъ представить ему письменное объявленіе о количествѣ и качествѣ затора, во всею подробностью и т. д. Каждое подобное объявленіе повѣряется на мѣстѣ чиновникомъ и за каждое малѣйшее упущеніе по этой части заводчикъ подвергается штрафу отъ 20, 50 и до 500 фунтовъ стерлинговъ. Акцизные чиновники имѣютъ право входить въ винокуренные заводы во всякое время дня и ночи; въ случаѣ малѣйшаго подозрѣнія въ нарушеніи заводчикомъ акцизныхъ правилъ, чиновникъ можетъ приостановить дѣйствіе завода, взламывать бакки, разбирать полы, стѣны, ломать посуду и т. п. Словомъ, въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ власть неограниченную и долго можетъ пользоваться ею, доколѣ не будетъ доказано, что онъ употребилъ ее во зло.

Самый способъ взиманія налога на напитки предоставляетъ англійскимъ акцизнымъ чиновникамъ много правъ, требуетъ отъ нихъ техническихъ по винокурной и пивоварной части свѣдѣній и

Digitized by Google

ставитъ ихъ въ необходимость постоянно присутствовать при производствѣ. Этотъ налогъ взимается на трояком основаніи, а именно: по количеству и качеству (крѣпости) затора, по количеству и качеству первой перегонки, и наконецъ по количеству изготовленнаго спирта. Такимъ образомъ доходы казны обезпечиваются вполнѣ, на сколько это возможно при акцизной системѣ.

Такому же надзору и подобнымъ же стѣсненіямъ подвергаются по англійскимъ законамъ и *ректификаторы*, т. е. составители водокъ, а въ большей или меньшей степени и всѣ торговцы спиртомъ и водкою. Всѣ они обязаны не только платить за патенты, но и исполнять извѣстныя правила, почти столь же стѣснительныя, какъ тѣ, которыя существуютъ для винокуровъ.

Понятно, что это чисто-англійская система акциза съ вина и пригодна, и то относительно разумѣется, только для Англіи. Благодаря такимъ учрежденіямъ, неограниченныя права акцизныхъ чиновниковъ по надзору за производствомъ питій и по взиманію съ нихъ акциза, если и не парализируются, то конечно превращаются въ этой странѣ въ права и обязанности, строго опредѣленныя и съ точностью исполняемыя, а потому и не допускающія произвола. Въ самомъ дѣлѣ, если велика власть англійскихъ акцизныхъ чиновниковъ, то велика и несомнѣнна также возможность, которую имѣютъ англійскіе заводчики и торговцы напитками — отстаивать права свои и находить защиту отъ произвола акцизныхъ чиновниковъ. Въ этомъ отношеніи Англія совершенно вѣрна себѣ — и здравому смыслу. Ея гражданинъ есть гражданинъ полноправный, ея судья — судья полновластный, ея чиновникъ — то, чѣмъ долженъ быть чиновникъ по своему назначенію, а именно лицо, пользующееся полнымъ довѣріемъ правительства, а потому и уваженіемъ частныхъ лицъ; но въ тоже время учрежденія англійскія ревниво и заботливо обезпечиваютъ и защищаютъ права всѣхъ и каждаго, по требованію существующихъ законовъ, да притомъ же и гласность въ Англіи неограниченна, а при такой гласности произволъ и скоро раскрывается, и скоро подавляется. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобъ всѣ законы и учрежденія англійскіе были безусловно хороши и во всѣхъ отношеніяхъ лучше законовъ и учрежденій другихъ странъ: нѣтъ, далеко не всѣ законы и учрежденія англійскіе хороши; но они вѣрны себѣ и всѣмъ другимъ англійскимъ законамъ и самой Англіи. Причина же этому, какъ извѣстно, заключается въ духѣ и характерѣ англійскаго народа и его правительства. Потому-то между прочимъ и возможна въ Англіи невозможная и немыслимая во многихъ другихъ странахъ англійская акцизная система.

Digitized by Google

Французская финансовая администрація предпочитаетъ поражать налогомъ напитки не при самомъ производствѣ ихъ, а передъ потребленіемъ, и этимъ-то главнѣйше отличается французская акцизная система отъ прусской и англійской.

Французская акцизная система чрезвычайно сложна, несравненно сложнѣе прусской и англійской, хотя и эти не отличаются особенной простотой и вѣрностью здравымъ экономическимъ началамъ, требующимъ наибольшей, по возможности, экономической свободы для производства предметовъ потребленія.

Всѣ производители спирта и вина раздѣляются во Франціи на слѣдующія категоріи:

1) Такъ называемые bouilleurs du crû, выкуривающіе вино изъ собственныхъ своихъ произведеній. Они освобождены какъ отъ патентнаго сбора (лиценціи), такъ и отъ надзора надъ ихъ заведеніями и производствомъ.

2) Distillateurs, дистиллаторы, производящіе водку изъ произведеній собственныхъ своихъ садовъ и остатковъ разнаго рода винъ. Эти также освобождены отъ контроля акцизнаго управленія и патентнаго сбора, но подвергаются налогу при продажѣ своихъ издѣлій.

3) Bouilleurs de profession, т. е. перегонщики спирта и производители водокъ изъ патоки и другихъ остатковъ сахарнаго производства. Къ этой же категоріи принадлежатъ и тѣ изъ дистиллаторовъ, которые выдѣлываютъ спиртъ и водки изъ хлѣбныхъ растеній и изъ *купленныхъ* продуктовъ. Этотъ разрядъ производителей напитковъ подверженъ и патентнымъ сборамъ, и строжайшему контролю, и разнымъ регламентативнымъ правиламъ. Эти правила едва ли проще и лучше, въ какомъ либо отношеніи, англійскихъ и прусскихъ; малѣйшее нарушеніе ихъ также подвергаетъ виновныхъ высокимъ пенямъ.

Со спирта и вина не взимается акцизнаго сбора, доколѣ они не выходятъ изъ завода; но зато какъ только начинается выпускъ ихъ изъ заводовъ, каждое ихъ передвиженіе и переходъ отъ однихъ лицъ къ другимъ, къ оптовымъ торговцамъ и отъ нихъ къ мелочнымъ, каждый переходъ ихъ изъ завода, подвала или какого либо помѣщенія въ другое,—каждый такой переходъ совершается не иначе какъ съ дозволенія акцизнаго управленія и съ уплатой новаго налога. Намъ бы пришлось написать не менѣе пяти-шести печатныхъ страницъ, еслибъ мы вздумали перечислить всѣ такіе переходы вина и акцизные сборы съ него, существующіе во Франціи. Такихъ сборовъ нѣсколько десятковъ. Мы представили только самую краткую характеристику французской системы, даже не очеркъ

ся; но и сказаннаго нами достаточно, кажется, чтобъ понять несовершенство ея. Ясно, что она ничѣмъ не лучше двухъ другихъ акцизныхъ системъ, англійской и прусской; едва ли она и многимъ лучше, съ точки зрѣнія свободы производства, нашей откупной системѣ. Понятно также, что роль акцизныхъ чиновниковъ въ ней такъ же немалы, какъ въ Пруссіи и Англіи, съ тою только разницей, что во Франціи произволъ такихъ чиновниковъ, въ особенности при извѣстныхъ правительствахъ, ограничивающихъ гласность, менѣе ограниченъ, нежели въ Пруссіи и Англіи. А что мы нисколько не преувеличиваемъ, дѣлая такой отзывъ о французской системѣ, то вотъ тому нѣкоторыя изъ доказательствъ:

1) По самымъ умѣреннымъ расчетамъ, по крайней мѣрѣ одна треть напитковъ находитъ возможность избавляться отъ акцизныхъ сборовъ.

2) Контрабандная продажа спирта, водокъ и вина развита во Франціи въ высокой степени.

3) Производство и торговля страшно стѣсняются этой системой, отчего напитки дороги.

4) Винодѣліе спиртовое, какъ промышленность, почти не развивается во Франціи.

5) Акцизные чиновники многочисленны, дорого стоятъ казнѣ, а пользы приносятъ относительно немного.

Вотъ *идеалы* акцизныхъ системъ, косвенныхъ налоговъ или сборовъ съ напитковъ, которые представляла и представляетъ нашимъ преобразователямъ финансовая практика передовыхъ странъ, — идеалы, о которыхъ болѣе или менѣе снисходительно, а частью и съ похвалой отзывается и современная наука о финансахъ.

I. Милль

Digitized by Google

ПОДВИГИ НАШИХЪ КОЛУМБОВЪ ВЪ ВОСТОЧНОМЪ ОКЕАНѢ

Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствія ея до настоящаго времени. Составилъ П. Тихменевъ. Часть I. Спб. 1861. стр. V, 386 и 66.

Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана. Четыре выпуска. Приложеніе къ Морскому Сборнику, 1861.

Восточный океанъ, и именно сѣверный его уголъ, давно знакомъ русскимъ служилымъ людямъ. За сто лѣтъ до Беринга служилые люди плавали съ Анадыра въ Колыму моремъ, на баркахъ, называвшихся *кочами* и возили государеву казну, ясакъ; точно также плавали они изъ Колымы на Анадыръ, по Ледовитому океану, черезъ Беринговъ проливъ (а отецъ Беринга тогда еще не родился) и по Камчатскому или Берингову морю и возили тоже государеву казну, муку, порохъ и свинецъ. Въ своихъ рапортахъ или отпискахъ въ случаѣ какого нибудь несчастья на морѣ, они такъ наивно разсказывали о своихъ приключеніяхъ; съ такимъ изумительнымъ самоотверженіемъ добраго стараго времени они спасали казенное имущество съ *кочи*, затертаго въ океанѣ льдами, что невозможно читать этихъ поэмъ безъ истиннаго удивленія. Промышленники уже въ тѣ далекія времена вели на Колымѣ и на Анадырѣ дѣятельный торгъ пушнымъ товаромъ, вымѣнивая шкуры на желѣзо и муку; и въ тѣ далекія времена неутолимая корысть тянула въ тундры и въ снѣга толпы удальцовъ, которые наживались неномѣрно и за то неномѣрно тѣснили бѣдныхъ туземцевъ, миролюбивый, незлобивый народъ, — чукчей, коряковъ, юкагировъ, тунгусовъ. Промышленники къ дальнихъ краяхъ сами терпѣли всевозможныя лишенія, голодъ, холодъ, цынгу, и ожесточенные страданіями, съ большою легкостью

Digitized by Google

заставляли тоже самое терпѣть и другихъ. Такъ напримѣръ одинъ изъ государевыхъ кочей носило вѣтромъ по морю нѣсколько недѣль, такъ что люди наконецъ изнемогли отъ голоду и цынготной болѣзни. Наконецъ кочъ остановился, затертый льдами. Экипажъ забралъ государеву казну, состоящую изъ соболей и лисицъ, и потащилъ ее на берегъ по льду. Придя на берегъ, служилые люди нашли, что промышленники, знавшіе о ихъ несчастіи, скупили у туземцевъ всю рыбу и не продавали имъ иначе, какъ за ужасную цѣну, по пяти гривенъ за фунтъ, и служилые люди, шатаясь отъ болѣзни и голоду, бродили по юкагирскимъ юртамъ, выпрашивая ради Христа кусокъ рыбы.

Потомъ, въ началѣ прошлаго столѣтія, знаменитый Данило Анцыферовъ открылъ и завоевалъ подъ высокую царскую руку Камчатку. Съ горстью казаковъ онъ прошолъ по этой странѣ до самаго южнаго мыса, и уѣхалъ въ Россію съ собранными въ государеву казну мѣхами. Его преемникъ Иванъ Козыревъ открылъ и занялъ первые острова курильской гряды, основалъ осѣдлость на островѣ Парамуширѣ, и сильно ограбивъ туземцевъ, послалъ въ государеву казну нѣсколько сороковъ мѣховъ. Вслѣдъ за казаками явились и промышленники, какъ стая вороновъ. Вмѣстѣ съ промышленниками явились водка, оспа и сифилисъ, и здѣсь повторилось тоже самое явленіе, которое замѣчается вездѣ, гдѣ только племя болѣе цивилизованное соприкасается съ дикимъ: послѣднее исчезаетъ какимъ-то роковымъ образомъ, уступая мѣсто первому. Въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія промышленники стали пускаться на острова и вывезли множество мѣховъ съ алеутской и съ курильской гряды. По Россіи ходили слухи о баснословныхъ богатствахъ драгоцѣнными мѣхами тѣхъ острововъ: дикари отдавали за простой, дрянной ножикъ два и три морскіе бобра, или десятокъ и два десятка великолѣпнѣйшихъ лисицъ. Явилось множество такъ называемыхъ компаній для промысла мѣховъ. Кто нибудь снаряжалъ корабликъ, такой, на которомъ теперь едва ли кто рѣшится плыть по рѣкѣ, и спускалъ его въ море, обыкновенно въ Охотскѣ. Являлось много охотниковъ, которые обыкновенно назывались промышленниками; происходилъ уговоръ, въ силу котораго промышленники обыкновенно получали половину всѣхъ тѣхъ мѣховъ, какіе добудутъ, и корабликъ пускался въ море. Промышленники были обыкновенно изъ презрѣннѣйшихъ слоевъ низшаго населенія восточной Сибири. Чаще всего это были бѣглые каторжники, или прощенные, выжившіе свой срокъ на каторгѣ убійцы, воры и разбойники. Это были первые представители Россіи, съ которыми познакомились алеуты и жители американскаго берега,

Digitized by Google

аляскинцы, кенайцы, чугачи и угалахмюты. Понятно, что они получили о насъ не совсѣмъ выгодное понятіе.

Различныя компаніи, производившія промыслы на алеутскихъ островахъ, поступали съ жителями несправедливо, очень часто жестоко; но все-таки многія компаніи, дѣйствовавшія въ одномъ мѣстѣ, были для жителей полезнѣе одной большой компаніи, распоряжавшейся безо всякой конкуренціи. Сначала конечно дикари не имѣли понятія объ относительной цѣнности своихъ мѣховъ; но нѣсколько компаній, старавшихся наперерывъ выманивать товары въ свою пользу, набавляли цѣну, и алеуты получали за мѣха все болѣе и болѣе тѣхъ предметовъ, въ которыхъ нуждались. Такимъ образомъ мало-помалу алеуты сдѣлались бы по своему богаты и пожалуй стали бы считать себя равноправными со всѣми остальными русскими гражданами.

Но явился очень хитрый, пронырливый и оборотливый человѣкъ, купецъ Шелеховъ. Онъ преобразовалъ тамошній край, и подвиги его чувствуются до сихъ поръ. Вмѣстѣ съ двумя другими купцами онъ образовалъ на десять лѣтъ компанію; на складочный капиталъ онъ построилъ три кораблика и отправился на «*аляксинскую землю, называемую американскою, на знаемые и незнаемые острова для производства пушнаго промысла и всякихъ поисковъ, и заведенія добровольнаго торга съ туземцами.*

Эта компанія была зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи развилась Россійско-Американская компанія. Г. Тихменевъ, въ своей книгѣ, заглавіе которой выписано въ началѣ этой статьи, излагаетъ исторію этой компаніи. Къ несчастію, вышла только первая часть этого сочиненія, и панегирикъ неполонъ, незаконченъ. Но можно утѣшиться тѣмъ, что исторія доведена до 1841 года, когда въ послѣдній разъ возобновлена привилегія компаніи на двадцать лѣтъ, такъ что и послѣднія извѣстія — почти современность. Ктому же еще, по самому существу дѣла, по однаковости обстановки, подвиги компаніи за послѣднія двадцать лѣтъ не могутъ вовсе ничѣмъ отличаться отъ подвиговъ за все прошедшее время.

Нѣтъ надобности обращать особенное вниманіе на всѣ мелочи и подробности книги г. Тихменева; въ нихъ весьма немного интереснаго, потомучто большого интереса въ панегирикѣ и быть не можетъ. Всякій фактъ, всякое событіе истолковано въ хорошую сторону, къ вящему прославленію имени Россійско-Американской компаніи; но при небольшомъ вниманіи, все это разоблачается и истина оказывается во всемъ блескѣ и во всей полнотѣ, особенно при помощи изданныхъ въ приложеніи къ Морскому Сборнику «матеріаловъ для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ восточнаго

Digitized by Google

океана.» Г. Тихменевъ имѣлъ въ виду показать, что съ легкой руки Шелехова, Россійско-Американская компанія оказала чуть ли не благодѣяніе Россіи и сѣвернымъ частямъ Восточнаго океана тѣмъ, что собирала съ нихъ впродолженіи шестидесяти лѣтъ хорошіе барыши.

Такъ, разсказывая о путешествіи Шелехова на Кадьякъ, г. Тихменевъ прибавляетъ:

«Всякій конечно согласится, что не одна выгода, но и самопожертвованіе на пользу общую могли внушить смѣлому странствователю мысль о подобномъ путешествіи и придать ему силы къ перенесенію всѣхъ трудностей, опасностей и лишеній, которыя надлежало ему испытать, при неуклонномъ стремленіи къ достиженію предназначенной имъ цѣли.»

Еслибы г. Тихменевъ потрудился сблизить съ этой пышной фразой количество вывезеннаго Шелеховымъ груза, то онъ вѣроятно сумѣлъ бы нѣсколько воздержаться. Три корабля первой компаніи Шелехова обошлись въ 70 тысячъ рублей, стало быть каждый около 23,000 руб. Возвращаясь изъ перваго вояжа, два только изъ этихъ кораблей, по собственной оцѣнкѣ промышленника, привезли въ Охотскъ грузу на 732,000 рублей. Когда основной капиталъ послѣ первой операціи увеличивается слишкомъ въ пятнадцать разъ, то понятнымъ становится въ торговомъ человѣкѣ умѣнье выдержать «всѣ трудности, опасности и лишенія.» Ктому же объ этой поѣздкѣ Шелехова мы имѣемъ свѣденія только изъ его собственнаго журнала и донесенія. Трудности состояли въ томъ, что пришлось выдержать нѣсколько бурь; но человѣкъ, пустившійся въ море, поневолѣ выдерживаетъ бури, какими бы намѣреніями онъ ни былъ одушевленъ. Опасности состояли въ томъ, что дикари на островѣ Кадьякѣ вовсе не обрадовались прибытію Шелехова, вѣроятно зная по опыту, что посѣщеніе русскихъ не приносило имъ счастья. Жители Кадьяка, *коняги*, требовали, чтобы наши искатели приключеній или барышей удалились отъ острова. Несмотря на то, что Шелеховъ началъ съ ними хитрить и пустился въ переговоры, коняги пустили въ нашихъ нѣсколько стрѣлъ, и черезъ два или три дня почью напали на промышленныхъ. Произошла драка, въ которой русскіе одержали верхъ. Коняги собрались на одномъ островкѣ и совѣщались о томъ, что имъ дѣлать: вѣроятно, они предполагали опять напасть на пришлецовъ, чтобы истребить ихъ, точно также какъ и всякій народъ имѣетъ право отражать незванныхъ гостей. У Шелехова было пять двухъ-фунтовыхъ пушекъ. Онъ осадилъ конягъ на ихъ неприступномъ каменистомъ островкѣ

Digitized by Google

и началъ стрѣлять изъ пушекъ по ихъ шалашамъ. Бѣдняки не имѣли понятія о пушкахъ и считали себя на утесахъ въ совершенной безопасности. Они обратились въ бѣгство, оставивъ въ рукахъ сѣвернаго Кортеса множество убитыхъ и плѣнныхъ. У сѣверо-американскихъ племенъ до сихъ поръ сохранился обычай плѣнныхъ обращать въ рабство; Шелеховъ такъ и распорядился. Онъ поселилъ своихъ плѣнниковъ близъ гавани, снабдилъ ихъ всѣмъ, что́ нужно для промысла пушныхъ звѣрей и сталъ пользоваться ихъ трудами. При этомъ онъ обезпечилъ себя заложниками, забравъ у нихъ дѣтей, человѣкъ двадцать.

Далѣе въ своемъ донесеніи Шелеховъ говоритъ, что по его убѣжденію «свѣтъ истинной вѣры Христовой скорѣе всего могъ положить въ нихъ добрыя начала», и потому онъ объяснялъ дѣтямъ и взрослымъ законъ божій и такимъ образомъ возбудилъ въ нихъ желаніе креститься. Передъ отъѣздомъ изъ Кадьяка онъ окрестилъ сорокъ человѣкъ туземцовъ.

Видно, что ловкій Шелеховъ изукрасилъ свое донесеніе всѣмъ тѣмъ, что́ могло понравиться тогдашнему правительству. Понятно, что онъ могъ окрестить человѣкъ сорокъ дикарей, или даже больше. Обращеннымъ въ рабство людямъ нельзя было сопротивляться своему владѣльцу. Ктому же дикари получали при крещеніи по холщевой рубашкѣ и по пяти листовъ табаку. Это имъ очень нравилось, и многіе туземцы говорили впослѣдствіи (около 1810 г.) Головнину, что они готовы принимать крещеніе хоть каждый день, только бы получать рубашки и табакъ, который они такъ любятъ жевать. Понятно тоже, что Шелеховъ открыто лгалъ, увѣряя, будто онъ объяснялъ конягамъ законъ божій: для этого нужно было прежде всего узнать ихъ языкъ, а потомъ самому быть истиннымъ христіаниномъ. Ничего этого не было, и новообращенные христіане послѣ того были обращаемы еще нѣсколько разъ. Но не въ христіанствѣ въ самомъ дѣлѣ заключались цѣли Шелехова: дѣло-то состояло въ томъ, что капиталъ его компаніи въ первую операцію увеличился въ пятнадцать разъ. А гдѣ до барышей коснется, тамъ достается не только алеутамъ и конягамъ, но и всѣмъ другимъ паціентамъ.

На островѣ Кадьякѣ, на островѣ Афогнакѣ и на Кенайскомъ берегу Шелеховъ поселилъ своихъ промышленныхъ, и для сохраненія ихъ (а съ ними и барышей) построилъ небольшіе острожки, состоящіе изъ бревенчатаго частокола, какъ до сихъ поръ у насъ строятся остроги для арестантовъ. Для управленія своими заведеніями и невольниками, онъ оставилъ своего прикащика Самойлова и уѣхалъ въ Охотскъ, а оттуда въ Иркутскъ.

Digitized by Google

Тутъ-то начинаются его продѣлки и подвиги для пріобрѣтенія монополіи. Онъ зналъ очень хорошо, что соперничество другихъ промышленниковъ не дастъ ему спокойно наслаждаться пріобрѣтенными алеутами и конягами, не позволитъ ему одному вывозить изъ страны, богатой пушными звѣрями, всѣ тѣ сокровища, которыя такъ удобно сбывались въ Китай и на всѣхъ русскихъ рынкахъ. Онъ началъ съ того, что представилъ генералъ-губернатору Якоби подробное описаніе своего путешествія, карту посѣщенныхъ имъ земель и планы воздвигнутыхъ и заложенныхъ имъ укрѣпленій. Новозавоеванныя страны въ донесеніи его оказались многолюдными и плодородными, острожки оказались крѣпостями, ясельники его коняги — россійскими подданными, христіанство распространеннымъ. Онъ просилъ генералъ-губернатора снабдить его инструкціей относительно того, какъ ему обращаться съ приведенными имъ въ россійское подданство народами, и главное, объ исходатайствованіи милостиваго благоволенія ея величества къ трудамъ его на пользу отечества.

«*Безъ монаршаго одобренія мало и недостаточенъ будетъ труд*ъ *мой* (говоритъ въ своемъ донесеніи Шелеховъ), поелику и къ дѣлу сему приступалъ и приступаю единственно съ тѣмъ, чтобы въ означенномъ морѣ землямъ и островамъ сдѣлать собою обозрѣніе и угодьямъ оныхъ учинить замѣчанія, а въ пристойныхъ мѣстахъ, въ отвращеніе другихъ державъ, расположить надежнѣйшія наши, служащія къ славѣ премудрой нашей государыни въ пользу свою и нашихъ соотечественниковъ, занятія. И не безъ основанія питаюсь надеждою, что такое намѣреніе и на будущія времена въ тѣхъ странахъ, по мѣрѣ моего стремленія, сколько силъ и возможности будетъ, открою непредвидѣнные государству доходы, съ пользою притомъ и своею.»

Послѣ того правительство предписало сибирскому генералъ-губернатору Якоби изложить свое мнѣніе о лучшихъ способахъ къ утвержденію владычества Россіи на островахъ восточнаго океана и на берегахъ Америки, объ образованіи управленія туземными народами и объ улучшеніи ихъ быта. Отвѣтъ на это въ Иркутскѣ былъ готовъ и обработанъ самимъ Шелеховыхъ. Якоби представилъ, что Шелехову и товарищамъ его «необходимо дать *исключительное право* на производство промысла въ вышесказанныхъ мѣстахъ». Такое мнѣніе Якоби подтверждалъ разными высшими соображеніями, и между прочимъ упоминалъ, что другіе промышленники разстроютъ и опровергнутъ все такъ успѣшно начатое Шелеховымъ. Онъ кончаетъ свое донесеніе словами: «слѣдовательно нельзя не убѣдиться, что лучше ввѣрить *обращеніе* съ туземцами одному че-

Digitized by Google

ловѣку, извѣстному уже по трудамъ своимъ, чѣмъ многимъ, *руководимымъ большею частію корыстолюбіемъ*».

Коммерцъ-коллегія, разсмотрѣвъ это мнѣніе Якоби, совершенно съ нимъ согласилась, и при помощи дѣятельнаго искательства Шелехова, придумала даже выдать ему въ ссуду изъ казны безъ процентовъ, на двадцать лѣтъ, двѣсти тысячъ рублей. Дѣло было обдѣлано и обдумано во всѣхъ подробностяхъ и частностяхъ. Въ добавокъ ко всѣмъ выгодамъ, Шелеховъ и Голиковъ получили похвальныя грамоты, шпаги и золотыя медали. Затѣмъ начинается однообразнѣйшая исторія о томъ, какъ снаряжались въ Охотскѣ корабли, отправлялись на острова за промышленными шкурами, возили на острова хлѣбъ и разные предметы мѣны, оттуда возили мѣха. Очень многіе корабли гибли, пропадало пропасть людей. То тамъ разобьется корабль, то здѣсь погибнетъ весь экипажъ съ грузомъ; но все это были обстоятельства неважныя, потомучто корабль можно выстроить новый, а грузовъ можно добыть множество. Больше всего поражена была компанія, когда у нея пропала цѣлая партія покорныхъ и кроткихъ алеутовъ, человѣкъ 120, наѣвшись гдѣ-то на промыслѣ ядовитыхъ ракушекъ. Это была потеря невознаграждаемая, потомучто лишала компанію значительнаго числа отборныхъ рабочихъ рукъ.

Удивительно, какъ дешево еще цѣнился хорошій, здоровый алеутъ. Въ 1818 году лейтенантъ Рокфель, французъ, былъ въ Ситхѣ. Тамъ правитель заключилъ съ нимъ условіе для промысла бобровъ, съ тѣмъ, что вся добыча будетъ раздѣлена на двѣ равныя части: одна часть Рокфелю, а другая — россійско-американской компаніи; за свою долю Рокфель долженъ былъ взять на свой корабль 30 байдарокъ, 60 алеутовъ и двухъ приказчиковъ, везти ихъ къ югу, къ берегамъ американскимъ, тамъ, во время промысла морскихъ бобровъ, защищать ихъ въ случаѣ нападенія колюшей и потомъ привезти назадъ въ Ситху. За каждаго алеута, который будетъ убитъ колюшами, онъ обязывался внести по 200 испанскихъ талеровъ. Въ этой экспедиціи было убито двадцать алеутовъ, и два пропало безъ вѣсти. Потомъ еще одинъ умеръ отъ ранъ. Экспедиція вовсе не удалась. Рокфель проигралъ въ эту лотерею; ему пришлось заплатить компаніи 4,600 испан. талеровъ.

Добрый правитель колоній вошолъ въ положеніе Рокфеля, и для поправки его дѣлъ, предложилъ ему снова алеутовъ и байдарки на тѣхъ же самыхъ условіяхъ. Алеуты немедленно были снаряжены, но матросы рокфелева корабля взбунтовались, потомучто не хотѣли подвергать жизнь свою новымъ опасностямъ среди колюшей. «Рѣшительный отказъ моихъ матросовъ — пишетъ Рокфель — прини-

Digitized by Google

мать дальнѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, заставилъ меня поневолѣ отказаться отъ столь выгоднаго предпріятія». — Долгъ, лежавшій на Рокфелѣ, 4600 талеровъ за 23 алеута, правитель согласился принять хлѣбомъ.

Дешево еще цѣнились алеуты, когда изъ нихъ можно было извлекать весьма большія выгоды. Но надо полагать, что они были поставлены дешево для того, чтобы заохотить иностраннаго капитана принимать участіе въ бобровомъ промыслѣ. Никто на свѣтѣ лучше алеута не умѣетъ и не можетъ умѣть охотиться за морскимъ бобромъ. Алеуты даже страстно любятъ эту охоту; въ ней поэзія ихъ печальной жизни. Алеутъ, увидѣвшій на морѣ бобра, дрожитъ весь, какъ охотничья собака, и не смотря ни на какую бурю, готовъ броситься на свою байдарку, сшитую изъ сивучьей кожи, чтобы плыть на свою любимую охоту. Обыкновенно нѣсколько байдарокъ окружаютъ то мѣсто, гдѣ видѣли бобра; кругъ онѣ дѣлаютъ очень большой, въ версту или больше въ діаметрѣ. Какъ скоро бобръ покажется на поверхность воды, чтобы вздохнуть, ближайшій къ нему алеутъ бросаетъ въ него свою асцидную стрѣлку съ необычайною ловкостью, и тотчасъ поднимаетъ весло, давая этимъ знать своимъ товарищамъ, что бобръ здѣсь. Тотчасъ перемѣняется дирекція, и счастливецъ становится центромъ перемѣстившагося круга байдарокъ. Бобръ можетъ пробыть въ водѣ четверть часа, а потомъ непремѣнно гдѣ-нибудь вынырнетъ, чтобы подышать. Но раненый, онъ такъ долго оставаться подъ водою не можетъ. Только-что онъ покажется, летитъ въ него новая стрѣлка, и онъ тотчасъ опять ныряетъ, если еще въ силахъ. Между тѣмъ кругъ байдарокъ сближается, и добычу вытаскиваютъ съ великимъ торжествомъ. — Колюши тоже бьютъ бобровъ, но они бьютъ ихъ изъ ружей, и потому охота ихъ не бываетъ такъ успѣшна. Бобры боятся ружейныхъ выстрѣловъ, при звукѣ которыхъ цѣлая большая стая уплываетъ и пропадаетъ изъ виду на нѣсколько мѣсяцевъ. У алеутовъ же напротивъ, уйдетъ немного бобровъ и большая часть стаи остается въ ихъ рукахъ. Русскіе промышленники пробовали учиться бить бобровъ стрѣлками; но оказалось, что на это нуженъ особенный, природный талантъ, на это нужно родиться на алеутскихъ и другихъ подобныхъ островахъ и вырости на байдаркѣ, среди волнъ бурнаго и туманнаго моря. Бобръ качается на волнѣ; точно такъ же качается байдарка, повинуясь движенію послѣдняго удара весломъ, движенію волны и наконецъ вѣтру; сверхъ того полетъ самой стрѣлки зависитъ отъ направленія и силы вѣтра. Не смотря на всѣ эти сложныя движенія, охотникъ долженъ ихъ предвидѣть всѣ на нѣсколько мгновеній впередъ, и твердою, вѣрною и сильною рукою бросить свою стрѣлку прямо въ цѣль.

Digitized by Google

Это умѣнье въ алеутахъ такъ важно для успѣховъ промысла, что вѣрно оцѣнить его нѣтъ возможности, и 200 талеровъ за алеута — цѣна ничтожная. Но это было уже въ 1818 году, когда пушные звѣря и алеуты значительно были выбиты и повывелись; а раньше, именно въ послѣднее десятилѣтіе прошлаго столѣтія, цѣна на алеутовъ была еще ниже.

Въ 1790 году правителемъ промысловъ сдѣлался, по контракту съ Шелеховымъ, разорившійся купецъ Барановъ. Какъ водится, въ контрактѣ было упомянуто для виду, что Барановъ будетъ обращаться съ туземцами кротко и снисходительно. Это конечно была пустая фраза, лишенная всякаго значенія. Обращаться кротко и снисходительно долженъ былъ правитель; положимъ, что такъ; но въ то же время онъ долженъ былъ употреблять ихъ въ работу, посылать на дальніе промыслы. Уже это одно было и некротко, и неснисходительно. Тутъ выходило противорѣчіе, и еслибы правителемъ колоній былъ не Барановъ, человѣкъ слишкомъ двадцать лѣтъ прожившій въ тѣхъ далекихъ краяхъ, и тамъ одичавшій, а кто-нибудь другой, человѣкъ идеально-добрый, человѣкъ возвышеннѣйшихъ чувствъ, и тотъ поступалъ бы съ завоеванными невольниками жестоко и безчеловѣчно, или — не былъ бы правителемъ. Такимъ образомъ мы здѣсь винимъ не Баранова, не Деларова, не Гагемейстера, не кого бы то ни было изъ правителей, изъ которыхъ нѣкоторые были тоже люди не безъ недостатковъ. Мы винимъ систему, монополію, которая уже сама собою портитъ человѣка, искажаетъ его наклонности, дѣлаетъ его деспотомъ болѣе или менѣе рѣзкаго характера.

Дѣло въ томъ, что главный правитель долженъ былъ прежде всего творить волю пославшихъ его купцовъ, то-есть добывать имъ какъ можно больше барышей. Для этого въ его распоряженіе безотвѣтственно давалось цѣлое народонаселеніе алеутовъ, курильцовъ, аляксинцовъ, чугачей, кенайцовъ, угалакмютовъ, колюшей и другихъ прибрежныхъ жителей въ сѣверномъ углу восточнаго океана. Если беречь этихъ туземцевъ, то не только не будетъ барышей, но будутъ убытки, и конечно, компанія не потерпѣла бы такого правителя. Если же давать барыши, то — не было никакой возможности не притѣснять для этого туземцевъ, не заставлять ихъ работать черезъ силу, не разорять ихъ, не увозить ихъ на промыслы верстъ на 500 и на 1000 отъ дома, на вѣчную разлуку съ семействами.

Обстоятельства компаніи устроились такимъ образомъ, что безъ невольничества туземцевъ не было бы никакихъ барышей. Дикари довольствовались очень немногимъ, и намѣнявъ себѣ на мѣха сколько имъ нужно было желѣза, котловъ, горшковъ, иголокъ, то-

Digitized by Google

поровъ, рубашекъ, — весьма желали бы жить спокойно въ своихъ земляныхъ юртахъ. Тогда мѣна останавливалась сама собою. Кто-му же еще доставка предметовъ мѣны изъ Россіи была дорога до чрезвычайности. Нѣкоторые предметы приходилось везти изъ Москвы сухимъ путемъ до Охотска, а оттуда въ Кадьякъ или въ Ситху на корабляхъ до Камчатки, тамъ зимовать, а оттуда уже на слѣдующій годъ въ Кадьякъ или въ Ситху. Отъ этой перевозки цѣна товаровъ возвышалась непомѣрно, и на нѣкоторые товары цѣна утроивалась, на другіе, дешевѣйшіе, даже удесятерялась. Въ такихъ обстоятельствахъ мѣна была вовсе невозможна, тѣмъ болѣе, что вымѣненный пушной товаръ приходилось везти тѣмъ же самымъ путемъ, съ тѣми же громадными издержками. Пушной товаръ обходился бы такъ дорого, что никто не былъ бы въ состояніи покупать алеутскихъ бобровъ и лисицъ. Приходилось принять другія мѣры, и именно насильно заставлять алеутовъ добывать дорогіе мѣха, брать у нихъ эти мѣха и продавать въ Россіи и въ Китаѣ. Тутъ на товаръ падала только цѣна перевозки его въ одинъ конецъ. При отсутствіи конкуренціи, морскіе бобры продавались у насъ на шапки и на воротники по баснословно высокимъ цѣнамъ. Были любители, которые платили за одинъ воротникъ до двухсотъ, четырехсотъ и пятисотъ рублей; а такъ какъ изъ одного большого бобра выходитъ четыре хорошіе воротника и столько же воротниковъ низшаго достоинства, то каждая шкурка приносила компаніи барыши неестественные. Требовались и большіе расходы. Для правителя и его подчиненныхъ требовались нѣкоторыя вещи, къ которымъ они привыкли въ Европѣ. Надо было возить въ Кадьякъ и въ Ситху всѣ эти вещи и самый хлѣбъ. Пробовали посылать все это изъ Россіи моремъ, черезъ Атлантическій океанъ, вокругъ мыса Горна. Оказалось, что и это непомѣрно дорого. Но все-таки это окупалось сторицею отъ непомѣрно дорогой продажи бобровъ и другихъ мѣховъ, какъ въ Кяхтѣ, такъ и въ Россіи.

Но оставалась еще значительная конкуренція: иностранцы, именно англичане и американцы, съ своими кораблями часто посѣщали тѣ края и вымѣнивали мѣха гораздо сходнѣе русскихъ. Причинъ этого было много. Предметы мѣны для колюшей, — ружья, порохъ, свинецъ и шерстяныя одѣяла, — доставлялись англичанами очень дешево и въ большомъ количествѣ, и потому уже, что ближе, и потому, что иностранные купцы покупали эти товары у себя дома безъ пошлины, тогда какъ американская компанія должна была грузить шерстяныя вещи въ Петербургѣ, заплативъ за нихъ провозныя пошлины. Къ тому же у насъ было правиломъ — ни въ какомъ случаѣ не продавать колюшамъ и какимъ бы то ни было туземцамъ ни

Digitized by Google

ружей, ни пороху, ни свинцу. Русская компанія хотѣла владѣть туземцами безусловно и беззавѣтно, которые потому и не должны были имѣть оружія. Англичане и американцы, напротивъ, хотѣли имѣть въ туземцахъ только союзниковъ, совершенно свободныхъ, и мѣняться съ ними на основаніи добровольнаго соглашенія. Понятно, что такимъ образомъ отношенія гораздо легче, удобнѣе, проще, но зато при нихъ не можетъ быть такихъ колоссальныхъ выгодъ, какими пользовалась наша компанія.

Нашей компаніи хотѣлось во что бы то ни стало избавиться въ тѣхъ краяхъ отъ конкуренціи иностранцевъ, и она хлопотала объ этомъ очень дѣятельно. Дѣла компаніи представлены были правительству съ самой благовидной стороны. Показано было, что компанія оказала Россіи огромныя услуги, открыла дальніе острова, поддерживаетъ своими мѣхами кяхтинскую торговлю съ Китаемъ, даетъ такимъ образомъ въ казну большія пошлины и т. д., и если-бы не иностранцы, которые своею конкуренціей въ восточномъ океанѣ портятъ все дѣло, то еще не то было бы... Компанія сначала выхлопотала, чтобы запрещенъ былъ ввозъ въ Россію котиковъ, съ тѣмъ, чтобы одна наша компанія имѣла право ихъ привозить. Вслѣдствіе этого, конечно, потребители стали платить компаніи за мѣха еще дороже прежняго, а пользы для Россіи не было никакой. Вредъ же заключался въ томъ, что мы платили за котиковъ гораздо дороже, нежели платили бы тогда, когда на нашемъ рынкѣ было бы этого товару больше и иностранные продавцы соперничали бы въ продажѣ съ компаніей. Запрещеніе ввоза котиковъ не остановило однакоже соперничества иностранцевъ въ промыслахъ компаніи на восточномъ океанѣ. Въ 1800 году приходилъ англійскій корабль, и въ глазахъ русскихъ англичане вымѣняли у колошей болѣе двухъ тысячъ бобровъ. Надо замѣтить, что колоши были не то, что простодушные алеуты, съ которыми можно было дѣлать что угодно. Это тѣ краснокожіе, съ которыми познакомилъ Европу Куперъ. Это не низкорослые, сгорбленные, кривоногіе алеуты; это народъ крупный, гордый, смѣлый, страстно любящій свою независимость, воинственный, ловко владѣющій огнестрѣльнымъ оружіемъ, томагавкомъ и ножомъ. Ихъ свирѣпыя лица, расписанныя арабесками красной и черной краской, наводили ужасъ на робкихъ, миролюбивыхъ алеутовъ.

Въ морѣ алеутскомъ стало убавляться количество бобровъ; но по слухамъ, бобры были южнѣе и въ огромномъ количествѣ. Партіи алеутовъ отсылались къ югу на промыселъ, и добычи было неимовѣрно много. Партія въ семнадцать байдарокъ промыслила какъ-то болѣе двухъ тысячъ бобровъ близъ острова Ситхи. Кадьякскій

Digitized by Google

правитель Барановъ рѣшился устроить заселеніе на Ситхѣ. Одна изъ выгодъ тамошней мѣстности состояла въ томъ, что гавань ситхинская круглый годъ не замерзаетъ; но невыгодъ было немало: колюши не поддавались промышленникамъ, какъ поддавались бѣдные алеуты; напротивъ, они смотрѣли на русскихъ и на приговмыхъ ими алеутовъ какъ на злѣйшихъ своихъ враговъ, которые соперничали съ ними въ добываніи пушного товара, такъ-сказать отбивали у нихъ хлѣбъ. Поэтому понятно, что когда Барановъ устроилъ на островѣ Ситхѣ небольшой острожекъ, то колюши воспользовались первою оплошностью поселенныхъ тамъ людей и истребили ихъ, а острожекъ сожгли. Погибло 130 человѣкъ алеутовъ и 20 русскихъ. Осталось въ живыхъ только трое русскихъ, пятеро алеутовъ, восемнадцать женщинъ и шестеро дѣтей.

Черезъ два года послѣ того, въ 1804, Барановъ съ сильною партіею напалъ на колюшей въ ситхинскомъ заливѣ, сначала разогналъ ихъ пушками съ своихъ судовъ, потомъ высадился и тотчасъ занялся постройкою новаго острога, Новоархангельска. При этомъ нападеніи съ нашей стороны было убито трое, ранено двѣнадцать русскихъ и *нѣсколько* алеутовъ: сколько именно ранено и убито было алеутовъ — и не говорится, потому, вѣроятно, что этого добра было еще тогда довольно. Съ тѣхъ поръ колюши постоянно враждуютъ съ поселившимися между ними русскими и алеутами. Много разъ они нападали на наши промысловыя партіи врасплохъ и уничтожали ихъ безпощадно. Взамѣну истраченныхъ алеутовъ привозились другіе, и конечно Барановъ принималъ только людей бодрыхъ, здоровыхъ, способныхъ къ тяжолой работѣ, къ заготовкѣ лѣса, къ охотѣ на пушныхъ звѣрей, къ мореходнымъ трудамъ. Отъ этого конечно на островахъ убавлялось число рабочихъ рукъ, оставались дома калѣки, старики, женщины и дѣти. Кстати замѣтимъ, что по уставу своему компанія имѣла право употреблять на свои промыслы *половину* всѣхъ людей, способныхъ къ работѣ. Нѣтъ никакого основанія полагать, чтобы эта статья устава исполнялась со всею точностью, потомучто дѣло шло о барышахъ, при чемъ, какъ извѣстно, достается не однимъ гусямъ. Да сверхъ того еще, еслибы человѣколюбивый правитель и рѣшился строго исполнять уставъ, то и тогда онъ обезлюдилъ бы острова во всей точности закона. Половина всѣхъ здоровыхъ людей, забранныхъ въ нынѣшнемъ году, не возвращается на родину. Черезъ пять лѣтъ берется половина остальныхъ, черезъ два года — еще половина остальныхъ и такъ далѣе. У старпковъ, женщинъ и дѣтей весьма часто не было куска рыбы для утоленія голода, и потому народонаселеніе уменьшалось уже независимо оттого, что оно не увеличивалось по есте-

Digitized by Google

ственной причинѣ отсутствія съ острововъ молодыхъ и здоровыхъ людей. Это было нерасчетливо, конечно, но всякій правитель хлопоталъ въ особенности о томъ, чтобы въ нынѣшнемъ и въ слѣдующемъ году получить много пушнаго товару, и такимъ образомъ быть хорошимъ правителемъ, доставляя большіе барыши директорамъ.

Г. Тихменевъ, становясь совершенно на точку зрѣнія директоровъ, между прочимъ очень наивно разсказываетъ, что на одномъ изъ курильскихъ острововъ, на Урупѣ, было устроено компанейское заселеніе еще въ 1795 году, подъ командою *передовщика* Звѣздочетова. Всего свезено было туда и оставлено 35 мужчинъ и 3 женщины. Черезъ *десять* лѣтъ послѣ того Рязановъ хотѣлъ подойти къ Урупу, чтобы узнать, что̀ сдѣлалось съ этими несчастными. Г. Тихменевъ увѣряетъ, будто неизвѣстность объ этомъ заселеніи сильно озабочивала правленіе компаніи, но не говоритъ, что̀ же мѣшало правленію освѣдомиться объ этихъ людяхъ. Рязанову тоже не удалось подойти къ острову. Тѣмъ и кончились заботы правленія о промышленной партіи, которая съ тѣхъ поръ должна была истратить всѣ свои запасы, издержать заряды и т. д. Впослѣдствіи уже сдѣлалось извѣстнымъ, что передовщикъ Звѣздочетовъ варварски обращался съ своими подчиненными и «жестокости его достигли крайнихъ предѣловъ» (замѣчаетъ г. Тихменевъ). Промышленные возстали противъ своего притѣснителя и были такъ великодушны, что только отрѣшили его отъ должности и отвезли его на семнадцатый островъ, съ тѣмъ, чтобы туземцы отвезли его въ Камчатку, вмѣстѣ съ донесеніемъ о его поступкахъ. Звѣздочетовъ умѣлъ обмануть курильцовъ, склонилъ ихъ на свою сторону и при ихъ помощи захватилъ власть опять въ свои руки. Но наконецъ этотъ тиранъ умеръ, а оставшіеся въ живыхъ люди его команды, «не имѣя *никакихъ средствъ къ существованію*, черезъ нѣсколько времени послѣ смерти Звѣздочетова, оставили Урупъ и тѣмъ надолго *лишили компанію выгодъ*, извлекавшихся отъ промысла на Курильскихъ островахъ» (стр. 110 и 111).

Наивный разсказъ г. Тихменева и его негодованіе на то, что люди Звѣздочетова лишили компанію выгодъ, потомучто у нихъ не было никакихъ средствъ къ существованію — очень мило. Въ самомъ дѣлѣ, встарину правители такъ называемыхъ колоній, или лучше-сказать приказчики на компанейскихъ промыслахъ, смотрѣли на людей какъ на орудіе благосостоянія компаніи, а стало-быть и правителей. Взгляда государственнаго тутъ быть не могло, какъ по невѣжеству правителей, такъ и потому, что въ такомъ случаѣ колоніи прямо приносили бы убытокъ. Компанія пользовалась мо-

Digitized by Google

монополіею промысловъ на мѣстѣ, неограниченною властью надъ людьми и наконецъ монополіею продажи туземныхъ товаровъ въ Россіи и въ Кяхтѣ. Всѣ эти благопріятнѣйшія для торговли обстоятельства были причиною огромныхъ выгодъ. Продажею товаровъ, добывавшихся въ сѣверномъ углу Тихаго океана, завѣдывало правленіе; его операціи, какъ водится въ такихъ случаяхъ, покрыты мракомъ неизвѣстности: говорятъ даже, что для успѣха въ торговыхъ дѣлахъ это очень выгодно, даже необходимо. Положимъ покамѣстъ, что такъ; но акціонеры и не хотѣли разстроивать торговаго дѣла неумѣстнымъ любопытствомъ касательно будущихъ предпріятій; они можетъ-быть и не хотѣли знать, что́ было въ прошломъ году или за пять лѣтъ тому назадъ. Но весьма любопытно, поучительно и нисколько не вредно для будущаго хода дѣлъ было бы знать, какъ велись дѣла десять лѣтъ назадъ, напр. кому проданъ чай, вымѣненный въ Кяхтѣ и потомъ въ Шанхаѣ на пушные товары, почемъ онъ продавался, въ какое время и на какихъ основаніяхъ. Не взводя никакого подозрѣнія на директоровъ компаніи за всѣ истекшія шестьдесятъ лѣтъ ея существованія, напротивъ, признавая ихъ лицами въ высшей степени добросовѣстными, честными, благородными, никакъ нельзя однакоже не замѣтить, что безотчетное и безотвѣтное распоряженіе чужимъ имуществомъ вводитъ человѣка въ великія искушенія и не избавляетъ отъ лукаваго. Есть люди, между самыми правдивыми и прямыми, которые низачто не хотѣли бы безъ контроля распоряжаться чужимъ добромъ, ни подъ какимъ видомъ не приняли бы на себя такой тяжкой обязанности. Многіе изъ такихъ людей не признавали бы вовсе правильнымъ — держать свои распоряженія по Правленію въ тайнѣ, для самой пользы дѣла, уже не говоря о чувствѣ справедливости. Положимъ, что въ Шанхаѣ вымѣненъ чай, десять тысячъ мѣстъ, и чай этотъ приходитъ въ Петербургъ. Для какой-же цѣли держать это втайнѣ? Зачѣмъ не продавать этотъ чай прямо за шанхайскій, по опредѣленной на цѣнѣ за каждый цибикъ, или — кто больше дастъ? Почему не объявить, что привезено столько-то бобровъ, и продаются они по такимъ-то цѣнамъ? Вѣдь бобры такой товаръ, на который не найдется конкурентовъ.

Дѣло въ томъ, что встарину, до 1841 года, не было возможности объявить всѣхъ дѣлъ компаніи. Правленіе само не могло опредѣлить, во сколько обошлась ему каждая бобровая шкура, потомучто въ цѣну добытаго бобра входитъ безчисленное множество разныхъ данныхъ, издержки на содержаніе главнаго правителя, рабочихъ, чиновниковъ, служителей, содержаніе корабликовъ, выстроенныхъ по правиламъ средневѣковой морской архитектуры, содержаніе

Digitized by Google

правленія, канцелярій и т. д. Все это, вмѣстѣ съ барышами, платили покупатели бобровыхъ воротниковъ и шапокъ. Но какъ же велики были барыши? Сколько процентовъ набавлялось на сумму издержекъ въ видѣ торговаго барыша? Очевидно, что мѣры тутъ не было, потомучто мѣра эта въ нормальной торговлѣ опредѣляется конкуренціей, соперничествомъ, а въ монополіи ровно столько же причинъ набавить 20%, сколько и 75%, и 200%. Произволъ неограниченный, а когда уже пошло дѣло на пріобрѣтеніе, то — ктоже останавливается на полдорогѣ? И что же за причина остановиться? Тутъ уже — чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Г. Тихменевъ, въ своемъ «Историческомъ обозрѣніи Россійско-Американской компаніи» останавливается на 1841 годѣ, когда въ послѣдній разъ была продолжена привилегія компаніи на двадцать лѣтъ, до нынѣшняго 1861 года. Что было въ эти двадцать лѣтъ, были ли освобождены алеуты изъ рабства, или это вожделѣнное время настало для нихъ только теперь, съ окончаніемъ срока привилегіи — мы не знаемъ. Но встарину правители и приказчики дѣлали съ бѣдными туземцами и съ русскими, у нихъ служившими, что имъ было угодно, и очень многіе дѣйствовали подобно Звѣздочетову; не было ни законовъ, ни правительственныхъ мѣстъ и лицъ, не говоря уже о совѣсти.

Сначала русскіе промышленники нанимались за извѣстную долю промысла и сами контролировали свои расчеты. Впослѣдствіи съ ними расчитывались деньгами; но въ сущности это было одно и тоже, потомучто имъ деньги вовсе не были нужны. Компанія держитъ лавку, изъ которой отпускаетъ промышленникамъ все, что имъ нужно, въ счетъ будущихъ расчетовъ. Водка, ромъ, сапоги, иголки, холстъ, хлѣбъ (ежели кто хочетъ брать сверхъ своего пайка) — все это выдается промышленнику безпрепятственно. Казалось бы, что ничего нѣтъ лучше и удобнѣе этого; но дѣло въ томъ, что всѣ необходимые для промышленныхъ товары оцѣниваетъ само правленіе, и опять таки за недостаткомъ соперничества другихъ купцовъ, оцѣниваетъ во сколько хочетъ. Здѣсь тоже остановиться не на чемъ, и хотя для формы главное правленіе назначаетъ цѣну только 50% дороже того, во что вещи обошлись себѣ; но на другой сторонѣ земного шара кто за этимъ усмотритъ? Поэтому случалось, что промышленники, получавшіе жалованье особенными марками, отдавали эти марки въ лавкѣ за товары, и жили такимъ образомъ благополучно до гибели въ морѣ, или до колюшкаго скальпировальнаго ножа, или наконецъ до окончательнаго расчета, происходившаго при отправленіи въ Россію. При расчетѣ оказывалось, что промышленный, втеченіе шести или семи лѣтъ, задол-

Digitized by Google

жалъ въ лавочку столько, что ему надо заживать *забранные* товары. Поневолѣ остается промышленный, и заживаетъ расчетъ, и опять входитъ въ неоплатный долгъ.

Такимъ образомъ разъясняются дѣла. Сущность оборотовъ американской компаніи заключается въ лавочномъ заборѣ въ Новоархангельскѣ, въ спекуляціи на жизнь алеутскихъ и кадьякскихъ семействъ и въ несмысленномъ хвастовствѣ людей, носящихъ дорогіе бобровые воротники и бобровыя шапки.

Самовольство правителей въ Новоархангольскѣ и ихъ приказчиковъ при промыслахъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ доходило до размѣровъ едва вѣроятныхъ. Иногда они нанимали людей на извѣстные сроки и не отпускали ихъ всю жизнь, дѣлая съ ними безотчетно все что́ хотѣли. Они расчитывали на удаленіе правительственныхъ властей, на свое полномочіе, и наконецъ на защиту въ петербургскомъ главномъ правленіи, къ которому благоволили разные древніе милостивцы. Для примѣра приведемъ только одинъ разсказанный Головнинымъ случай съ тунгузскимъ княземъ Шихирдинымъ.

Ѳедоръ Шихирдинъ, глава угжурскаго тунгузскаго рода, началъ дѣло въ 1801 году. Племянникъ этого князька, Петръ Шихирдинъ, былъ въ Охотскѣ нанятъ Шелеховымъ, еще въ 1783 году, на четыре года, на острова, съ тѣмъ чтобы по прошествіи этого времени доставить его обратно. Съ тѣхъ поръ, втеченіи восемнадцати лѣтъ, Петра Шихирдина держали на островахъ, въ разныхъ работахъ. Князекъ Ѳедоръ доказывалъ, что отсутствіе племянника причинило большіе убытки всему угжурскому роду, требовалъ возвращенія племянника и вознагражденія 3000 рублей. Черезъ *шесть лѣтъ* послѣ подачи этого прошенія охотскія власти писали въ охотскую контору американской компаніи объ удовлетвореніи просителя и о высылкѣ на родину съ острововъ князька Петра Шихирдина. Черезъ два мѣсяца охотская контора отвѣчала, что тунгуза Петра Шихирдина ни по выпискамъ, ни по алфавитнымъ книгамъ не значится въ работныхъ людяхъ на островахъ. Черезъ годъ послѣ того, уже въ 1808 году, истецъ опять пріѣхалъ въ Охотскъ и повторилъ свою просьбу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ охотская контора компаніи опять отвѣчала, что тунгуза Петра Шихирдина никогда между рабочими не было, а былъ тунгузъ тоже Петръ, но не Шихирдинъ, а Бабцовъ, отъ котораго самъ проситель отказался незнаніемъ. Еще черезъ годъ проситель узналъ, что его племянникъ злонамѣренно названъ Бабцовымъ, и опять требовалъ племянника и денегъ. Охотскія власти опять требовали исполненія его просьбы. Черезъ два мѣсяца охотская контора просила выдать ей копію съ этихъ требо-

Digitized by Google

ній, а охотскія власти въ этомъ отказали и перенесли дѣло въ Иркутскъ. Тамъ оказалось, что тунгузскій работникъ Петръ Шихирдинъ давно умеръ, еще въ 1786 году, оставя за собою долгу компаніи 55 р. 57 к. Въ дѣлахъ оказалась еще записка, сюда относящаяся, уже 1810 года; изъ нея видно, что Бабцовъ оказался настоящимъ Шихирдинымъ, но что искъ перешолъ въ Петербургъ, въ главное правленіе компаніи, и по обычаю затягивающихся тяжбъ, принялъ другой характеръ: правленіе стало обвинять охотскія власти въ томъ, что онѣ не только не оказываютъ ни въ чемъ пособія, какъ должны были бы по уставу, но *чинятъ* разныя *насилія*. Чѣмъ дѣло кончилось — покрыто мракомъ неизвѣстности. Вѣроятно, Петръ Шихирдинъ наконецъ умеръ, старый дядя его конечно послѣдовалъ его примѣру, и дѣло кануло въ вѣчность, а требуемыя 3000 руб. были раздѣлены между акціонерами или директорами.

Этотъ случай довольно подробно разсказанъ въ запискѣ изъ дѣлъ канцеляріи охотскаго портоваго начальника, напечатанной въ приложеніи къ «Морскому Сборнику» (стр. 17—23). Тамъ же напечатано еще нѣсколько подобныхъ разсказовъ. И это только примѣры, а не всѣ такого рода случаи; конечно, многіе люди были задерживаемы и не находили никакихъ средствъ подать голосъ, дать о себѣ какую-нибудь вѣсть въ Россію. И погибали они среди тумановъ и морозовъ, среди лишеній и недостатковъ, съ длиннымъ спискомъ мелочныхъ долговъ въ лавочкѣ компаніи; они погибли, но такъ-какъ на этомъ свѣтѣ ничто не пропадаетъ, то они возрождались въ видѣ великолѣпныхъ бобровыхъ воротниковъ съ просѣдью и прогуливались по Невскому проспекту, или въ видѣ драгоцѣнныхъ чернобурыхъ лисицъ, и покрытые изумруднаго цвѣта бархатомъ, съ теплотою ласкали спѣлыя плечи красавицъ.

Намъ неизвѣстны подвиги россійско-американской компаніи послѣ 1841 года; г. Тихменевъ разскажетъ ихъ намъ во второмъ томѣ своей книги. Говорятъ, что втеченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ сдѣланы большіе успѣхи въ человѣколюбіи относительно алеутовъ и другихъ туземцовъ сѣвернаго края Восточнаго океана; а до того времени россійско-американская компанія, весьма выгодная для своихъ акціонеровъ и правленія, была явленіемъ оскорбительнымъ для человѣчества и разорительнымъ для Россіи.

Говорятъ, она была полезна въ томъ отношеніи, что оживила торговлю нашу съ Китаемъ въ Кяхтѣ и заплатила съ своего основанія до 1841 года столько-то мильоновъ пошлины съ отпускныхъ и привозныхъ товаровъ. Но дѣло въ томъ, что въ ея рукахъ была большая часть мягкой рухляди, и еслибы всякій имѣлъ право промышлять мѣха въ тѣхъ моряхъ и на тѣхъ островахъ, которые были

Digitized by Google

отданы во владѣніе купеческой компаніи, то мѣховъ было бы добыто не меньше и пошлины съ нихъ были бы уплачены разными промышленниками, а не однимъ приказчикомъ компаніи. Если же мѣховъ и было бы меньше, особенно когда бы алеуты и прочіе туземцы были подъ покровительствомъ правительства, зато алеуты были бы цѣлы; вѣроятно даже ихъ было бы больше прежняго, по извѣстному закону природы, тогда какъ теперь число ихъ уменьшилось болѣе нежели вдесятеро. Курильцевъ, на всей грядѣ, теперь осталось не болѣе 56 душъ, тогда какъ въ прошломъ столѣтіи они считались тысячами.

Компанія не сдѣлала ровно ничего для развитія нашего кораблестроенія, тогда какъ на островахъ и по берегамъ моря нельзя ей было обходиться безъ кораблей. Иностранные мореходы и русскіе морскіе офицеры, бывавшіе въ тѣхъ моряхъ, единогласно утверждаютъ, что суда, выстроенные компаніей въ Охотскѣ, въ Ситхѣ, на Кальякѣ заслуживаютъ полнѣйшаго удивленія по невѣжественности строителей. Всего же удивительнѣе — говорятъ они — что эти суда совершаютъ переѣзды черезъ значительныя моря, каково Охотское, Курильское, и тотчасъ по выходѣ въ море не опрокидываются и не тонутъ. Но что совершенно озадачиваетъ опытнаго, стараго моряка, напримѣръ китобоя, которому случается держаться въ морѣ по нѣскольку лѣтъ сряду, это — поразительная, отважная безпечность или безпечная отважность людей, которые рѣшаются ввѣрить свою жизнь этимъ баркамъ. Корабли строились по указаніямъ *старовояжныхъ* промышленниковъ, и по преданію сохраняли уже однажды придуманную для нихъ форму.

Компанія не обратила никакого вниманія на огромныя богатства своихъ морей — на китовъ. Безчисленное множество этихъ животныхъ кишитъ тамъ круглый годъ; американскіе и англійскіе корабли ходятъ туда за китовымъ жиромъ какъ въ свою кладовую; флотиліи въ сто, во сто двадцать, въ полтораста кораблей ежегодно заглядываютъ въ тѣ моря на короткое время, грузятся жиромъ и уходятъ домой. Одинъ разъ какъ-то компанія выписала китобоя для обученія алеутовъ, невольниковъ. Но наука не пошла, потомучто она была не по натурѣ этимъ бѣднымъ, робкимъ добрякамъ. Тѣмъ и кончилась эта осторожная попытка, потому можетъ-быть, что лавочный заборъ отъ этого не увеличился бы и пришлось бы для китоваго промысла перемѣнять систему: строить порядочные корабли, приглашать образованныхъ шкиперовъ, а въ качествѣ матросовъ посылать не невольниковъ, кадьякцевъ или алеутовъ, а нанимать желающихъ, охотниковъ, и расчитываться съ ними деньгами, а не заборомъ по лавочкѣ.

Digitized by Google

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что компанія лучше и справедливѣе прежняго вела свои дѣла впродолженіе послѣдняго истекающаго двадцатилѣтняго срока своей возобновленой привилегіи. Это было неизбѣжно уже по самому времени, вслѣдствіе невольнаго прогресса нашего вмѣстѣ со всѣмъ человѣчествомъ. Этому способствовалъ и выборъ правителей, которые всегда были образованные офицеры нашего флота, служили въ компаніи, но въ тоже время состояли на службѣ правительства. Поэтому мы съ нетерпѣніемъ будемъ ждать второго и послѣдняго тома книги г. Тихменева, чтобы изучить дѣла этой компаніи. Сквозь панегирикъ иногда видна бываетъ сущность дѣла.

Но признаемся, мало у насъ надежды на то, чтобы улучшенія послѣднихъ двадцати лѣтъ соотвѣтствовали требованіямъ человѣчества, и тутъ уже виноваты не столько люди, сколько система. Извѣстно, что и въ эти двадцать лѣтъ осталась въ Новоархангельскѣ лавочка и расчетъ происходилъ на лавочный заборъ, что никто кромѣ компаніи не имѣлъ права привезти на наши острова и прибрежья ни булавки; стало-быть цѣны въ лавочкѣ назначались произвольныя. Извѣстно также, что въ разныхъ заселеніяхъ и промыслахъ начальниками были промышленники-приказчики, съ неограниченнымъ произволомъ, съ правомъ безотчетнаго распоряженія трудами и личностью подчиненныхъ имъ туземцовъ; стало-быть туземцы страдали, потомучто власть въ рукахъ невѣжды опаснѣе ножа.

Любопытно будетъ взглянуть на второй томъ г. Тихменева, особенно если онъ отложитъ тонъ панегирика и возьмется за правду. При доступности для него офиціальныхъ документовъ, это было бы и не очень трудно.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОПУЩЕННЫЯ НАШЕЙ КРИТИКОЙ

Г-ЖА КОХАНОВСКАЯ И ЕЯ ПОВѢСТИ

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.

Литература есть явленіе весьма сложное и многостороннее. Одна изъ необходимыхъ ея сторонъ, рѣзко бросающаяся въ глаза, состоитъ въ безпрерывныхъ неправильностяхъ и уклоненіяхъ. Не станемъ обманывать себя и скажемъ прямо, что если есть во вселенной міръ фальшивыхъ явленій, то этотъ міръ именно — міръ литературы. Я не говорю о природѣ, гдѣ все правильно и законно: я беру въ соображеніе только сферы человѣческой дѣятельности. По самой сущности дѣла, нельзя представить себѣ дѣятельности болѣе свободной въ уклоненіяхъ, какъ дѣятельность литературная. Мечта, фантазія, самообольщеніе — гдѣ все это возможнѣе, чѣмъ въ литературѣ? Только въ литературѣ можно жить, не касаясь нисколько земли, прямо на облакахъ. Здѣсь область словъ и мыслей, а не грубой дѣйствительности; здѣсь чаще бываетъ просторъ всѣмъ увлеченіямъ, всѣмъ прихотямъ, всѣмъ обманамъ. Литераторы иногда — краснобаи, мечтатели. Они нерѣдко принимаютъ слова за дѣло, мысль за чувства; они часто живутъ въ воображаемомъ, а не дѣйствительномъ мірѣ; многія явленія имъ случается видѣть въ искаженномъ, а не въ естественномъ видѣ. Какъ часто они преувеличиваютъ: сантиментальничаютъ и вздыхаютъ тамъ, гдѣ вовсе нѣтъ страданій: смѣются и бранятся тамъ, гдѣ нужно говорить серьозно. Они все идеализируютъ, все сочиняютъ, даже часто сочиняютъ самихъ себя; они иногда воображаютъ, что достаточно излагать благородныя мысли, чтобы быть дѣйствительно благород-

Digitized by Google

нымъ, что горя и пламенѣя на бумагѣ, они и въ дѣйствительности пылаютъ.

И потому нигдѣ нѣтъ столько фальши, столько пустого треска и шума, столько мыльныхъ пузырей, столько миражей и всякихъ оптическихъ обмановъ, какъ въ литературѣ.

Говоримъ все это не съ тѣмъ, чтобы бросить хотя малѣйшую тѣнь на литературу. Напротивъ, если хотимъ сохранить уваженіе къ литературѣ, если хотимъ не приходить въ уныніе отъ разныхъ ея фальшивыхъ явленій, то намъ именно нужно вполнѣ убѣдиться въ ихъ необходимости, неизбѣжности, и научиться помимо ихъ находить и цѣнить истинныя явленія. Каковы бы ни были недостатки литературы, они проистекаютъ изъ тѣхъ же благородныхъ источниковъ, изъ которыхъ течетъ и ея живая вода. Великое дѣло — жертвовать собою мысли, даже мечтѣ, даже созданію одного воображенія. Потомучто чаще всего человѣкъ поклоняется другимъ идоламъ, видимымъ и осязаемымъ. Тутъ заблудиться трудно, и немудрено, что удаляясь отъ этой дѣйствительности, люди часто блуждаютъ и гонятся за призраками. Чѣмъ дальше и труднѣе цѣль, тѣмъ больше тѣхъ, кто падаетъ на дорогѣ или пускается на ложный путь.

Притомъ литература въ себѣ же содержитъ и корень исцѣленія. Ей нимало не нужны и совершенно безполезны постороннія указки и помочи. У этихъ идеалистовъ-литераторовъ чувство истины и красоты такъ тонко, такъ раздражительно въ отношеніи къ уклоненіямъ, что тоньше и раздражительнѣе оно не можетъ быть ни у какого посторонняго надзирателя. Если въ литературѣ не отзовется голосъ въ защиту попираемой истины или поруганнаго идеала, то гдѣ же вы его найдете? Гдѣ же вы найдете голосъ не только довольно сильный, но и на столько живой, настолько воодушевленный и горячій, чтобы онъ могъ дѣйствительно оборонить дѣло, подвергающееся опасности?

Правда ли это однакоже? Правда ли то, что литература всегда есть полная представительница умственнаго движенія народа? Можетъ-быть и нѣтъ; можетъ-быть бываютъ случаи, когда представительство совершается неполнѣ, даже въ значительной степени неполнѣ. Но, еслибы это и было, то во всякомъ случаѣ поправить это дѣло, довести представительство до нѣкотораго совершенства и можетъ литература, и одна только она и можетъ. Потомучто она сама смотритъ за собою, и если можетъ-быть кто-нибудь лучше ея видитъ, какъ она дѣйствуетъ, то поправить ея дѣйствіе можетъ только она сама, когда сама же замѣтитъ свою неправильность.

И такъ дѣло ясное: не можетъ быть ничего лучше, какъ если

Digitized by Google

литература дѣйствуетъ сознательно, если она сама говоритъ о своихъ недостаткахъ, сама замѣчаетъ свои уклоненія. Признаніе—половина исправленія. Стремленіе къ *дѣйствительности*, къ ясному сознанію своихъ отношеній, къ возможно-лучшему участію въ народной, въ настоящей жизни есть также одно изъ литературныхъ, мечтательныхъ стремленій, особенно развившихся именно въ наши времена. Стремленіе сознать свое значеніе, опредѣлить точно свою дѣятельность и ея смыслъ, есть одно изъ лучшихъ проявленій литературы нашего времени. Толки о народности и толки о незрѣлости нашей литературы имѣютъ этотъ, а не другой смыслъ. Литераторы—стараются понять себя и свою дѣятельность. Если вслѣдствіе такого, живо проснувшагося стремленія наступили у насъ раздумье, безурядица, хаосъ, безтолочь; если мы вздумали подвергать сомнѣнію значеніе даже такого свѣтозарнаго явленія, какъ Пушкинъ; если появились уродливѣйшія теоріи внутренняго приготовленія, по которымъ поэзія есть суррогатъ дѣйствительности, народъ, уважающій свои преданія, недоступенъ прогрессу и т. д.; то все это мнѣ кажется показываетъ только наше желаніе *найтись*, сознательно укрѣпиться на какой-нибудь твердой опорѣ. Въ корнѣ самыхъ фальшивыхъ литературныхъ явленій всегда лежитъ истина.

Фальшь, господствующая въ нашей критикѣ, то-есть во взглядѣ литературы на самое себя, достигаетъ изумительныхъ размѣровъ. Предаваясь благороднѣйшимъ мечтамъ объ отдаленнѣйшихъ предметахъ, мы не видимъ того, что̀ дѣлается прямо передъ нашими глазами. Чего же это не видятъ наши проницательные критики? спроситъ читатель. Нашей изящной литературы, отвѣтимъ мы. Не замѣчали ли вы, что вниманія нашихъ критиковъ и рецензентовъ чаще всего удостоиваются пошлѣйшія произведенія; какія только порождаетъ наша литература? Какое-нибудь сочиненіе д-ра Панезипца, какая-нибудь пустѣйшая брошюрка или сборникъ стиховъ непремѣнно возбуждаютъ остроуміе нашей критики. Глумленіе идетъ нескончаемо и жаръ обличенія обнаруживается необыкновенный. Зато въ отношеніи къ тому, что̀ у насъ имѣетъ дѣйствительную цѣну, что̀ нужно любить, холить, — критика слѣпа и глуха.

Хорошо быть чуткимъ и проницательнымъ въ какомъ-нибудь отношеніи; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы хорошо было быть слѣпымъ въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи. Если у насъ есть что-нибудь свое, дѣйствительно вкоренившееся въ русскую почву, дѣйствительно растущее и живое, то прежде всего безъ сомнѣнія сюда принадлежитъ наша изящная, творческая литература. Въ настоящее время эта литература представляетъ, какъ намъ кажется, особенно отрадное явленіе. Нѣтъ у насъ явленій, достигаю-

Digitized by Google

ихъ крайнихъ предѣловъ величія, но у насъ много замѣчательныхъ талантовъ, и литература течетъ не маленькимъ ручейкомъ, а широкою рѣкою. Въ ней уже не имѣетъ господства что-нибудь фальшивое, заносное, реторическое, выдуманное; мы обладаемъ настоящею литературою, нормальною, неподдѣльною, не сочиняемою, а текущею прямо изъ живыхъ ключей истиннаго творчества. Истинно-творческія явленія никогда не бываютъ и не будутъ исключительно господствующими ни въ какой литературѣ; всегда въ большихъ размѣрахъ будетъ присутствовать примѣсь фальшивыхъ явленій. Но хорошо и то, что истинно творческія явленія не составляютъ у насъ, какъ бывало, исключеній изъ общаго правила, а вошли въ разрядъ обыкновенныхъ, постоянныхъ фактовъ.

Каковы бы ни были впрочемъ размѣры этихъ постоянныхъ, обыкновенныхъ фактовъ, быть слѣпымъ въ отношеніи къ нимъ непростительно и не должно. Творческое произведеніе, даже самое маленькое, есть вещь до такой степени дорогая и прекрасная, что можно только жалѣть о тѣхъ, кто не умѣетъ ее цѣнить. Такое произведеніе есть нѣчто болѣе дѣйствительное, болѣе живое, болѣе правильное, чѣмъ многое множество иныхъ краснорѣчивыхъ разглагольствій и смѣлѣйшихъ теорій. Творческое созданіе не есть мечта, софизмъ, миражъ, оптическій обманъ: оно есть дѣйствительный предметъ, законно существующій, въ себѣ самомъ носящій свое неотъемлемое право и оправданіе. Критика для такихъ созданій неопасна, скорѣе они опасны для критики; не критикъ ихъ судья, а они судьи критика: достоинство критика опредѣляется тѣмъ, на сколько онъ понимаетъ ихъ достоинства.

Слѣдовательно критика, неумѣющая цѣнить и понимать творческихъ произведеній, не умѣетъ видѣть самой яркой дѣйствительности, и если она открыто пренебрегаетъ ими, то это признакъ, что она все болѣе и болѣе витаетъ въ области грезъ и мечтаній.

Отсюда прямо слѣдуетъ, что нужно говорить о повѣстяхъ г-жи Кохановской.

Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ истинно-творческимъ произведеніямъ, читатели позволятъ намъ еще нѣсколько остановиться на общихъ размышленіяхъ о нашей критикѣ. Заговоривъ о ея слѣпотѣ, о фальши, которая въ ней господствуетъ, мы воспользуемся случаемъ пояснить эти общія положенія частнымъ наглядным примѣромъ. Мы возьмемъ его изъ многоученой книги, изъ нашего *Энциклопедическаго Словаря*. Во второмъ его томѣ, который вышелъ съ мѣсяцъ назадъ, есть статья «Аксаковъ». Не хотите ли

Digitized by Google

посмотрѣть, какъ оцѣнены въ немъ литературныя заслуги Сергѣя Аксакова? Любопытства ради выпишемъ это мѣсто цѣликомъ:

«Критика наша еще не сказала послѣдняго слова о значеніи Аксакова и трудовъ его въ исторіи литературы. Первыя сочиненія его, объ охотѣ и уженьи, по своей спеціальности были замѣчены немногими. Масса публики даже жалѣла, что мастерскія описанія и картины природы перемѣшаны въ этихъ произведеніяхъ съ техническими подробностями, утомительными и непонятными для большинства. Успѣху «Семейной Хроники» много содѣйствовало время ея появленія (1856 годъ), когда русская литература только что проснулась отъ долгаго бездѣйствія. Но и въ то время нашлись голоса въ журналистикѣ, обвинявшіе автора, если не въ сочувствіи его, то по крайней мѣрѣ въ совершенномъ безучастіи къ такимъ личностямъ, какъ Куролесовъ и даже самъ Багровъ, обходившійся возмутительно съ своею женою и домашними. Петербургскіе журналы находили, что невозможно было восхищаться подобнымъ характеромъ, и главнымъ достоинствомъ разсказа считали типически вѣрное воспроизведеніе дѣйствительности. Московскіе органы гласности, доводившіе поклоненіе Аксакову до высшей степени, восторгались безусловно всякою строкою «Хроники» и не совсѣмъ ловко опровергали всѣмъ извѣстный фактъ, что исторія семейства Багровыхъ — была исторія дѣйствительно существовавшихъ лицъ. Полемика эта была впрочемъ непродолжительна, и когда черезъ два года явилось продолженіе «Хроники» — «Дѣтскіе годы Багрова-внука», число хвалебныхъ статей объ этой книгѣ было значительно меньше. Стали находить въ ней длинноты, скучныя повторенія. Сама публика встрѣтила книгу съ меньшимъ сочувствіемъ; интересъ ея былъ замѣтно слабѣе. Когда же явились (въ томъ же году) разныя мелкія сочиненія автора, «Современникъ» высказалъ прямо, что видитъ во многихъ статьяхъ — старческую болтовню и излишнее благоговѣніе автора передъ каждою строкою своихъ произведеній. Другіе журналы отозвались объ нихъ уклончиво, болѣе изъ уваженія къ прежнимъ заслугамъ и личнымъ достоинствамъ писателя. Смерть его была встрѣчена съ сожалѣніемъ всѣми, безъ различія взглядовъ, потомучто литература теряла въ немъ благороднаго независимаго дѣятеля».

Хороша оцѣнка! Всего поразительнѣе конечно въ ней то, что составитель ея слѣпо вѣритъ призрачному міру нашей критики. Мнѣнія онъ цѣнитъ кажется прямо по количеству страницъ, на которыхъ они изложены, и не можетъ себѣ представить, чтобы гдѣнибудь могли существовать истины кромѣ журналовъ, а въ особенности кромѣ «Современника». Все что говоритъ авторъ, почти совершенно справедливо; дѣйствительно *такъ* отнеслась критика къ Аксакову; но сама эта критика была изъ рукъ вонъ слаба и несправедлива — одного этого факта не замѣтилъ сотрудникъ «Энциклопедическаго Словаря».

Digitized by Google

Чтобы не вдаваться въ подробный разборъ и выставить однаже всю противоположность, которая существуетъ между міраемъ нашей критики и дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ литературѣ, мы попробуемъ сами составить отзывъ объ Аксаковѣ въ аралель отзыву «Энциклопедическаго Словаря». Разумѣется это будетъ только примѣръ, чтобы показать, что *не только свѣту, что окошкъ.*

Попробуйте сравнить:

«Критика наша, по недостатку въ послѣднее время критическихъ алантовъ, не успѣла еще показать значенія Аксакова, хотя онъ неомнѣнно занялъ высокое мѣсто въ нашей литературѣ. Уже его сочиенія объ охотѣ и уженьи были замѣчены многими. Не смотря на ехническія подробности, важныя для однихъ спеціалистовъ, эти сочиенія читались всѣми, потомучто главное ихъ достоинство состояло въ астерскихъ картинахъ природы, русской природы, прочувствованной русскимъ человѣкомъ. Затѣмъ *Семейная Хроника* (1856) имѣла громадный и вполнѣ заслужонный успѣхъ. Только совершеннымъ отсутствіемъ глубокаго пониманія объясняется то, что нашлись въ журналистикѣ голоса, обвинявшіе автора то въ какомъ-то безучастіи, а то напротивъ въ сочувствіи къ такимъ лицамъ, какъ Куролесовъ и Багровъ, въ ихъ дурныхъ сторонахъ и поступкахъ. Этихъ критиковъ главнѣйшимъ образомъ кажется занималъ вопросъ, что слѣдуетъ дѣлать — щедро наградить или повѣсить Куролесова и Багрова? — и они были въ крайнемъ недоумѣніи, что не смотря на типически вѣрное и глубокое изображеніе дѣйствительности у Аксакова, они не въ состояніи рѣшить такого простого и легкаго вопроса. Впрочемъ московскіе журналы отдали Аксакову слѣдующую ему дань похвалы и удивленія и, когда петербургскіе журналы стали намекать, что «Хроника» есть исторія дѣйствительно существовавшихъ лицъ, справедливо замѣтили, что не въ этомъ дѣло. *Хроника* есть безъ сомнѣнія главное произведеніе С. Аксакова. Черезъ два года послѣ нея явились «Дѣтскіе годы Багрова-внука», въ которыхъ проявился тотъ же талантъ, хотя въ болѣе узкой рамкѣ. «Современникъ», не понимая всей прелести этой книги, съ чрезвычайнымъ усердіемъ напалъ на нѣкоторыя ея длинноты и повторенія. Когда же явились въ томъ же году разныя мелкія сочиенія автора (въ которыхъ главное мѣсто занимаютъ его «Театральныя и литературныя воспоминанія»). «Современникъ», съ обычною смѣлостью и тонкостью, нашолъ въ нихъ почти одну старческую болтовню и излишнее благоговѣніе автора передъ каждою строкою своихъ произведеній. Эта придирчивая и слѣпая критика не вызвала даже никакихъ опроверженій со стороны Москвы, по той простой причинѣ, что не стоила ихъ. «Воспоминанія», не смотря на малое историческое значеніе многихъ лицъ, которыя въ нихъ дѣйствуютъ, представляютъ удивительно живую картину и вполнѣ воскрешаютъ передъ нами какое бы ни было, но все-таки *наше* былое время. Какъ бы то ни было, сочи-

Digitized by Google

ненія С. Аксакова признаны въ настоящее время классическими; то-есть поставлены общимъ мнѣніемъ наряду съ лучшими произведеніями въ нашей литературѣ. Преподаватели словесности повсюду употребляютъ ихъ въ школахъ, какъ образцы для развитія ума и вкуса въ своихъ питомцахъ».

Такъ, по нашему мнѣнію, нужно бы было измѣнить отзывъ «Словаря» объ Аксаковѣ; Аксаковъ, какъ явленіе глубокое и огромное, необходимо долженъ былъ стать камнемъ преткновенія для узкой и слабой критики, и дѣйствительно эта критика запнулась за него и выказала на немъ свое безобразное безсиліе.

Вотъ фактъ нашей литературы, вотъ что въ ней дѣйствительно случилось.

Изо всего этого слѣдуетъ, что съ творческими произведеніями критика должна обращаться чрезвычайно осторожно. Они легко безъ нея обойдутся; не смотря на придирки и нападки, они найдутъ себѣ читателей, которые вполнѣ оцѣнятъ ихъ достоинства. Повторимъ еще разъ: критика, обращаясь къ творческимъ произведеніямъ, обращается къ дѣйствительности яркой, незыблемой, отъ нея независящей. Критика должна постоянно помнить, что сдѣлаться фантазіею, призракомъ, миражемъ легче всего можетъ она, сама критика, а никакъ не предметъ ея изученія.

Говоримъ это потому, что легкомысліе, легкомысленное обращеніе съ предметами нашихъ рѣчей у насъ въ большомъ ходу. Мы все шутимъ, все шалимъ, и думаемъ про себя: а что за бѣда? Бѣды-то конечно мало, да и толку-то немного.

Серьозное и глубокое слово рѣдко слышится у насъ; а между тѣмъ всѣ мы мастера на разныя дерзкія и самохвальныя рѣчи. Мы дескать всегда стоимъ за истину. Да спрашивается еще, умѣете ли вы различать, что истинно и что ложь? Мы всегда на сторонѣ прогресса. Да прежде всего прогрессъ-то стоитъ ли на вашей сторонѣ? Мы за народъ... Да знаете ли вы хоть что-нибудь о народѣ, кромѣ того, что у людей головы на плечахъ? Да умѣете ли вы еще любить, вы, которые торжественно заявляете о своей пламенной любви? (1)

И такъ первое, что надлежитъ имѣть всякому, кто говоритъ объ истинѣ, прогрессѣ, народѣ, есть глубочайшее благоговѣніе къ истинѣ, прогрессу, народу. У кого нѣтъ этого благоговѣнія, кто не обнаруживаетъ смиренія передъ предметами, о которыхъ говоритъ, тотъ напрасно похваляется своею любовью къ разнымъ великимъ идеямъ.

---

(1) Просимъ замѣтить, что мы говоримъ вообще. Въ этомъ общемъ смыслѣ слова наши столько же прямо относятся къ г. Аскоченскому, какъ и ко всякому другому.

Digitized by Google

Точно таково же должно быть отношеніе критика къ произведеніямъ, о которыхъ онъ судитъ. Если онъ не обнаруживаетъ уваженія къ нимъ, если въ немъ нѣтъ искренняго усердія и старанія проникнуть въ тайны творческихъ произведеній, то онъ всуе будетъ произносить имя критика.

Такія рѣчи намъ кажется особенно умѣстны въ настоящемъ случаѣ, когда мы собираемся говорить о г-жѣ Кохановской. Тотъ, кто сталъ бы смотрѣть на нихъ съ какими-нибудь задними мыслями, кто сталъ бы анализировать ихъ содержаніе съ цѣлью извлечь изъ него сухую формулу, кто вздумалъ бы подвести ихъ подъ какую-нибудь готовую мѣрку и тѣмъ порѣшить дѣло, тотъ едва ли бы получилъ послѣ этихъ операцій значительный результатъ. Чѣмъ хороши немногія и необъемистыя произведенія г-жи Кохановской? Глубокою мыслью? Современностью вопросовъ? Многостороннимъ и вѣрнымъ изображеніемъ какой-нибудь жизни, какой-нибудь эпохи? Ничто подобное замѣтно не выступаетъ въ этихъ повѣстяхъ. Онѣ не рѣшаютъ ни нашихъ вопросовъ, ничего не сравниваютъ и не противополагаютъ, ни противъ чего не протестуютъ. Онѣ похожи на музыку, на пѣсню. Такъ что критикъ, одаренный смѣлостью и безбоязненно прилагающій къ творческимъ произведеніямъ свои разъ навсегда готовыя требованія, легко можетъ вычеркнуть произведенія г-жи Кохановской изъ числа замѣчательныхъ явленій.

Что мило, *что* дорого намъ въ изящныхъ произведеніяхъ, — это легко чувствовать тому, кто умѣетъ чувствовать, но сказать всегда трудно. Согласитесь, что самое сильное впечатлѣніе на васъ должно произвести то, что́ повергаетъ васъ въ *изумленіе*, что́ открываетъ передъ вами какую-то безконечность, что́ шевелитъ въ васъ не извѣстныя, будничныя струны, а именно струны таинственныя, что́ будитъ въ васъ цѣлый міръ новаго и указываетъ вамъ на безпредѣльно-далекій горизонтъ. Не то произведеніе хорошо, которое только опредѣленно рѣшаетъ какой-нибудь вопросъ, которое только выражаетъ одну законченную мысль, а то, которое, рѣшая вопросы и опредѣляя мысли, въ тоже время даетъ вамъ чувствовать весь океанъ вопросовъ, изъ которыхъ одинъ рѣшонъ, и всю безконечность мыслей, изъ которыхъ одна вами понята. Есть книги, которыя будятъ мысль; есть такія, которыя ее усыпляютъ. Истинно творческія произведенія всегда представляютъ нѣчто оживляющее и освѣжающее, тогда какъ могутъ быть и такія литературныя явленія, которыя дурманятъ какъ бѣлена и усыпляютъ какъ опіумъ.

Digitized by Google

Каковы бы ни были достоинства формы и содержанія повѣстей г-жи Кохановской, онѣ преимущественно дороги намъ тѣмъ, что въ нихъ вѣетъ свѣжій воздухъ, что онѣ производятъ на насъ дѣйствіе бодрящее и освѣжающее. Онѣ исполнены поэзіи, то-есть того свѣта, который неожиданно озаряетъ давно знакомые предметы и открываетъ намъ кроющуюся въ нихъ глубокую жизнь. Но кромѣ того эта поэзія имѣетъ для насъ еще какую-то особенную привлекательность и понятность. Этотъ свѣтъ какъ-будто имѣетъ особенный оттѣнокъ, необыкновенно пріятный для насъ, озаряющій міръ теплѣе и чище всякаго другого свѣта.

Если въ поэтическихъ произведеніяхъ возможна народная самобытность, то безъ сомнѣнія только подъ тѣмъ условіемъ, что каждому народу доступно въ поэзіи нѣчто особенное, трудно понятное или можетъ-быть вовсе непонятное другимъ народамъ. Дѣло однакоже не въ томъ, чтобы имѣть что-нибудь свое, особенное, другимъ недоступное; дѣло въ томъ, чтобы это свое стало понятнымъ, особенное стало общечеловѣческимъ. Въ своемъ частномъ нужно открыть общее; самобытная народная поэзія возможна не потому, что другимъ народамъ недоступно это общее, а потому, что они не могутъ открыть его въ этомъ частномъ. Общее же безсильно и ничтожно, какъ скоро оно не въ силахъ озарить собою частнаго; намъ нужна своя поэзія, потомучто поэзія другихъ народовъ насъ не удовлетворяетъ; чужая поэзія остается для насъ общимъ, не проникающимъ въ нашу частную, индивидуальную народную жизнь.

Вотъ почему мы съ необыкновенною радостью встрѣчаемъ всѣ произведенія, отъ которыхъ вѣетъ нашей народной особенностью. Въ поэзіи, какъ и во всемъ, передъ нами находится далекій и свѣтлый идеалъ, и мы часто готовы судить о произведеніяхъ поэзіи не по ихъ внутренней цѣльной гармоніи, а по тѣмъ отрывочнымъ намекамъ, которые указываютъ намъ на нашъ дорогой идеалъ. Въ такихъ намекахъ состоитъ главная привлекательность произведеній г-жи Кохановской. Отъ нихъ вѣетъ русскимъ духомъ, русскою жизнью.

Русская жизнь отзывается, хотя и не выражается вполнѣ (прибавляемъ это для ясности), въ нихъ своими *положительными* сторонами. У насъ есть писатели, которые съ несравненно бо́льшимъ искусствомъ, съ несравненно большею силою раскрываютъ намъ народную жизнь; ихъ образы многосторонніе, опредѣленнѣе, крѣпче, чѣмъ лица г-жи Кохановской; но эти образы не того разряда, котораго мы ищемъ и ожидаемъ. Мы *ждемъ* все еще другихъ образовъ, а въ тѣхъ, которые уже даны намъ, — радуемся надеждѣ на эти будущія созданія. Лица же г-жи Кохановской, хотя болѣе

Digitized by Google

блѣдныя, суть именно наши желанные образы, положительныя лица нашей жизни. Это тѣ лица, на которыхъ *можетъ* вполнѣ раскрыться наша поэзія, въ которыхъ *можетъ* вполнѣ выразиться наша народная жизнь.

Въ этомъ отношеніи произведенія г-жи Кохановской могутъ быть поставлены въ *одинъ разрядъ* съ немногими явленіями нашей литературы. Сюда мы относимъ напримѣръ *Хронику* С. Аксакова и нѣкоторыя произведенія Пушкина, изъ которыхъ главное — *Капитанская дочка*. Все это суть разсказы, въ которыхъ художникъ *прямо* относится къ жизни, то-есть гдѣ онъ нисколько не сомнѣвается въ присутствіи идеаловъ въ этой жизни, гдѣ онъ умѣетъ видѣть эти идеалы, и просто разсказываетъ о томъ, какъ они проявились, какъ обнаружилось въ людяхъ и въ жизни-то, чему всѣ должны поклоняться, что несомнѣнно свято и дорого всѣмъ. При этомъ, проявленія могутъ быть и незначительны и даже очень просты, но вся ихъ цѣна заключается въ томъ великомъ, что проявилось. Что за геров — Маша и Гриневъ въ «Капитанской дочкѣ»? Но намъ дорога та почва, на которой они живутъ, то святое и великое, что инстинктивно живетъ въ нихъ и дѣлаетъ ихъ простыми, но истинными людьми, и притомъ русскими людьми.

Русская поэзія должна возрастать на почвѣ русской жизни. Между тѣмъ наша настоящая, нынѣшняя жизнь, какъ это давно было сказано, раздвоена, не имѣетъ цѣльности, необходимой для того, чтобы быть плодотворною почвою. Въ каждомъ изъ насъ два человѣка: одинъ русскій, нѣчто въ родѣ Бѣлкина, и другой европеецъ, нѣчто въ родѣ Гамлета, принца датскаго. Мы одинаково способны и производить такія вещи, и восхищаться такими вещами, какъ *Каменный гость* и *Капитанская дочка*. Тургеневъ, поэтъ современной жизни, озаряетъ намъ всѣ тайны этого раздвоенія, этой борьбы и совмѣщенія элементовъ, не успѣвшихъ еще придти въ равновѣсіе и согласіе. Писатели же, которые ищутъ цѣльныхъ, почвенныхъ натуръ, необходимо должны были отступить или отъ настоящаго времени, или отъ полнаго круга настоящей русской жизни. *Капитанская дочка* по своему времени принадлежитъ къ той же эпохѣ, какъ и *Семейная Хроника*. Островскій преимущественно любитъ кругъ купечества, котораго внутренно еще не касается наше раздвоеніе.

Точно такъ и г-жа Кохановская въ своихъ разсказахъ или отодвигается назадъ, во времена Екатерины, или уходитъ въ глухія мѣста, въ городки и помѣстья, затерянные въ нашей широкой Россіи и живущіе еще нетронутою народною жизнью. Здѣсь поэта лицомъ къ лицу встрѣтила сама русская поэзія, встрѣтили русскія

Digitized by Google

пѣсни, такъ глубоко проникающія народную жизнь, такъ ярко освѣщающія ее для того, кто умѣетъ ихъ понимать. Пѣсни, эти самородки чистаго золота, составляютъ почти постоянный элементъ повѣстей г-жи Кохановской. Лица этихъ повѣстей живутъ тою жизнью, обнаруживаютъ тотъ взглядъ на міръ, какой выразился въ народныхъ пѣснахъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность жизни этихъ лицъ. Герои и героини г-жи Кохановской мастера пѣть, а если не пѣть, то вполнѣ сочувствовать пѣнію другихъ.

Такимъ образомъ передъ нами открывается свѣтлый міръ, въ которомъ сама поэзія есть одинъ изъ главныхъ элементовъ и занимаетъ мѣсто, необходимо принадлежащее ей въ гармоническомъ кругу жизни. Содержаніе этой жизни такъ же просто, какъ содержаніе пѣсенъ: родственныя привязанности, хозяйственныя хлопоты, веселье съ тѣми же пѣснями, бракъ, рожденіе, смерть, и память о милыхъ мертвыхъ... Все тоже, что̀ вездѣ творится подъ солнцемъ; но все это освѣщено русскою душою, прочувствовано русскимъ сердцемъ. Завязкою драмы обыкновенно служитъ семейный деспотизмъ — крупная черта нашей жизни. Если хотите, вѣдь это тоже вѣчная борьба, постоянный драматическій элементъ человѣческой жизни вообще. Глубокое семейное чувство не можетъ не приходить въ столкновеніе и борьбу съ тѣмъ, что̀ его нарушаетъ, съ новою любовью, съ образованіемъ новой семьи.

Семейный деспотизмъ у г-жи Кохановской смѣло является въ свѣтлыхъ краскахъ, и это вовсе не вслѣдствіе какихъ-нибудь задними мыслей, — что̀ главное. Онъ дѣйствительно *можетъ* имѣть свѣтлыя краски. Деспотизмъ, какъ и эгоизмъ, какъ и самолюбіе, составляетъ въ основаніи все-таки проявленіе личности. Любовь можетъ служить основою деспотизма, точно также какъ желаніе болѣе высокихъ силъ и дѣйствій — основою самолюбія. Грубая форма можетъ быть всегда прощена сердцемъ, какъ скоро она вся проникнута своимъ прекраснымъ содержаніемъ, хотя разумѣется даже и простившій не можетъ согласиться на законность ея всегдашняго существованія.

Нравоученіе изъ этого всего то, что *низкія* формы не должны закрывать отъ насъ истиннаго своего содержанія. Г-жа Кохановская, какъ поэтъ свѣтлой стороны жизни, необходимо должна была показать намъ во многихъ случаяхъ всю несущественность формы передъ содержаніемъ. Среди видимаго страха, деспотизма, насилія, какимъ свѣтлымъ ключемъ течетъ у нея внутренняя жизнь людей! Эта жизнь такъ же крѣпка и здорова, какъ крѣпки и здоровы были эти люди среди тысячи неудобствъ и злоключеній. Въ раз-

Digitized by Google

сказѣ «Послѣ обѣда въ гостяхъ» повидимому все сводится на заѣзженную тему. Любовь Архиповна прямо хочетъ доказать своею исторіею, что въ случаѣ разлада между мужемъ и женою, всегда жена виновата. Конечно такъ она и думала, такъ и будетъ внушать всѣмъ, кому можетъ. Между тѣмъ самый разсказъ, полный глубокой жизни, совершенно ускользаетъ отъ всякой общей формулы и не имѣетъ въ себѣ и тѣни чего-нибудь оправдывающаго супружескій деспотизмъ. Люди эти признавали разныя правила, подчинялись извѣстнымъ предразсудкамъ, дурно распредѣляли между собою власть, дурно понимали свои отношенія. Но все это покрыто, все сглажено, все искуплено ихъ живыми привязанностями, ихъ способностью любить, ихъ глубоко-чувствующимъ сердцемъ, которое наконецъ примиряетъ ихъ между собою и даетъ имъ годы истиннаго счастья. Внѣшняя жизнь со всѣмъ ея разнообразіемъ и безобразіемъ является здѣсь просто какъ *случай* для обнаруженія тѣхъ или другихъ чувствъ; сердечныя же чувства оказываются истиннымъ содержаніемъ жизни.

Понятно, что чѣмъ глубже поэтъ смотритъ на жизнь, чѣмъ меньше онъ останавливается на одной поверхности явленій, тѣмъ вѣрнѣе струны, которыя онъ беретъ и тѣмъ прозрачнѣе озаряется жизнь. Все грязное, нечистое, безобразное легко бросается въ глаза; его видятъ и не-художники, и часто принимаются рисовать съ него хаотическія картины и мрачныя карикатуры. Только художникъ способенъ уловить живую душу этихъ явленій, и только художникъ можетъ видѣть глубокій свѣтъ, который иногда горитъ среди этого мрака.

Но видѣть, чувствовать — еще мало; нужно еще воссоздать жизнь съ ея плотью и кровью; нужно, чтобы пониманіе перешло въ дѣло, и чувство въ созданіе. Всѣ наши симпатіи на сторонѣ г-жи Кохановской; мы вполнѣ сочувствуемъ всему, чему она сочувствуетъ въ своихъ образахъ. Но полны ли и реальны ли эти образы — другой вопросъ. По нашему мнѣнію у г-жи Кохановской есть только одно вполнѣ безукоризненное произведеніе, именно *Послѣ обѣда въ гостяхъ* (1). Здѣсь мѣра почти вполнѣ соблюдена; не только картина приходится по рамкѣ, но здѣсь дано надлежащее мѣсто и мрачной сторонѣ, и комизму жизни. Свѣтлый тонъ и краткость всего разсказа совершенно естественны, потомучто разсказъ есть воспоминаніе и ведется отъ лица героини.

Не то въ другихъ разсказахъ. Въ *Гайкѣ* (1), объемъ не соотвѣт-

(1) «Русскій Вѣстникъ» 1858, августъ.

(1) «Русское Слово» 1860, апрѣль.

Digitized by Google

ствуетъ содержанію. Какъ ни хороши пани воеводша, ея дочка и женихъ ея дочки, эти образы не довольно полны, не имѣютъ такого обилія реальныхъ чертъ, чтобы занять столько мѣста. Отсюда повторенія, длинноты и всякія кудрявости, которыя нимало не украшаютъ, а только обременяютъ картину.

Въ разсказѣ «Изъ провинціальной галлереи портретовъ» (1), нѣтъ никакой растянутости, но зато краски выходятъ слишкомъ свѣтлы и черты слишкомъ общи. Какъ будто сама это чувствуя, г-жа Кохановская называетъ эту повѣсть *сказкою о богатырѣ Гаврилѣ Михайловичѣ*. Во всемъ тонѣ этой сказки слышна какая-то напряженность, какія-то лишнія размахиванія и вскрикиванія.

А между тѣмъ какое чудное содержаніе! Мы переносимся въ другой вѣкъ, въ другой міръ, въ жизнь тѣхъ людей, которыхъ рождали во время пѣсенъ и пляски и которые умирали своею смертью. Эта жизнь сложилась крѣпко, имѣла незыблемый строй, твердыя начала, признаваемыя за неподверженныя сомнѣнію святыню. На такой твердой почвѣ развертывалась тогда индивидуальная жизнь, и посмотрите, какъ она была полна и прекрасна. Даже деспотизмъ семейный, деспотизмъ помѣщицкій не мѣшалъ ей, потомучто принимался за явленіе нормальное.

Особенно замѣчательны въ этой повѣсти отношенія между отцомъ, дочерью и женихомъ, отношенія мастерски схваченныя. Женихъ, которому отказалъ отецъ невѣсты, является однакоже къ нему въ домъ.

«Извините меня, Гаврила Михайловичъ, развязно говорилъ онъ. Я совсѣмъ было не думалъ заѣзжать къ вамъ и, сами вы знаете, не съ руки мнѣ; да вотъ, проѣзжая, увидѣлъ въ окно Анну Гавриловну, и какъ я самъ здѣсь, вы меня не спрашивайте».

— Приборъ! сказалъ Гаврило Михайловичъ, не спрашивая и сажая за обѣдъ гостя.»

Такимъ образомъ дѣло идетъ на чистоту. Два деспота ведутъ борьбу лицомъ къ лицу, какъ будто вполнѣ сознавая, что ихъ воля не имѣетъ никакого права совершенно помѣшать естественному ходу вещей. Гаврила Михайлычъ даже ничего не говоритъ своей дочери; положимъ это слишкомъ. Но вѣрная та черта, что онъ ея не пугаетъ, не внушаетъ ей повиновенія правамъ отца; онъ такъ ее любитъ, что не можетъ этого сдѣлать, и молча признаетъ за нею право противодѣйствовать своей власти. Дѣло идетъ просто о томъ, *чья возьметъ*; и чья возьметъ, тотъ и правъ. Нельзя не видѣть, что это очень послѣдовательно.

---

(1) «Русскій Вѣстникъ» 1859, мартъ.

Digitized by Google

Деспотизмъ здѣсь получаетъ совершенно внѣшнее значеніе, какъ явленіе, уже само собою потерявшее свою существенность. Драмы собственно здѣсь не выходитъ, такъ какъ она вышла въ исторіи Любовь Архиповны. Существеннымъ въ исторіи Гаврила Михайлыча остались простыя семейныя отношенія, глубокая любовь между членами семьи, слегка взволновавшаяся, а потомъ расширяющаяся прибытіемъ новыхъ членовъ.

Съ сочувствіемъ глядя на этотъ міръ, уже прожитой, уже исчезнувшій, мы конечно не получаемъ желанія возвратиться къ его отношеніямъ, къ его формамъ и нравамъ. Чему же мы сочувствуемъ? Неужели семейному деспотизму? Конечно нѣтъ. Но самое сочувствіе наше уже показываетъ, что есть въ этомъ мірѣ черты намъ родственныя, что сохранились въ насъ самихъ живыя нити, связывающія насъ съ этимъ міромъ, что въ этомъ мірѣ была и любовь. Таково напримѣръ крѣпкое семейное начало. Оно такъ глубоко залегло въ природу русскаго человѣка, что какія бы формы ни принимало, какимъ бы колебаніямъ ни подвергалось, безъ сомнѣнія навсегда сохранитъ надъ нами свою силу именно потому, что главное его основаніе не въ формѣ, ни даже въ преданіи, а въ любви.

Въ заключеніе скажемъ, что разсказы г-жи Кохановской писаны прекраснымъ и своеобразнымъ языкомъ. Вполнѣ знакомая съ народною рѣчью, она почерпнула изъ нея для своихъ разсказовъ богатство, силу и свѣжесть выраженія. Очень жаль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти прекрасныя свойства переходятъ въ вычурность и кудреватость, и слѣдовательно совершенно теряются. Намъ кажется, что г-жѣ Кохановской нѣтъ никакой нужды насиловать себя ни въ изобрѣтеніи, ни въ изложеніи. При ея глубокомъ талантѣ ей вовсе ненужно еще особенно стараться быть *народною*, писать *чрезвычайно порусски*. Она можетъ, какъ мы думаемъ, дать себѣ полную свободу, и писать что́ пишется. А что́ бы она ни написала, все будетъ въ чисто-народномъ духѣ и будетъ звучать чисто-народнымъ языкомъ.

Безъ сомнѣнія мы еще неразъ встрѣтимся съ произведеніями г-жи Кохановской, отъ которой многаго ожидаемъ. Мы надѣемся при другомъ случаѣ поговорить о ней подробнѣе, а теперь ограничиваемся этимъ легкимъ очеркомъ.

Digitized by Google

РАЗСВѢТЪ

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢВИЦЪ

«Затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ, говоритъ Гоголь, и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя нанимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира, съ отопленіемъ и сторожами; а затѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою.»

На эту мысль навелъ насъ журналъ для дѣвицъ «Разсвѣтъ». Цѣль его пожалуй очень хороша, особенно если посмотришь съ французской точки зрѣнія, гдѣ чѣмъ безнравственнѣе мужчина, тѣмъ полнѣйшаго невѣдѣнія требуетъ онъ отъ дѣвушки — невѣсты своей, ни дать, ни взять нашъ другъ и пріятель Анучкинъ, которому непремѣнно нужно, чтобы женщина по-французски говорила, и кажется именно потому, что онъ самъ не имѣлъ счастья получить такого *блестящаго* образованія; но вѣдь мы не французы, а русскіе, и у насъ на этотъ счетъ могутъ быть свои взгляды. Сами напримѣръ «Разсвѣтъ», въ первомъ же своемъ номерѣ за нынѣшній годъ старается растолковать своимъ читательницамъ, что «слабый умъ въ слабомъ тѣлѣ вовсе не привлекательное качество». Это мысль Стюарта-Милля. Очень хорошо-съ. Но вѣдь чтобы окрѣпъ умъ, ему нужны сильныя и многосторонніе движенія, ему нужна своя умственная гимнастика. Эту гимнастику онъ можетъ отличнѣйшимъ образомъ найти въ чтеніи серьозныхъ книгъ, самаго разнороднаго только содержанія. И самъ «Разсвѣтъ» проводитъ вездѣ ту мысль, что женщина совершенно такъ же полноправна во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и мужчина; онъ хочетъ сдѣлать ей доступными всѣ

Digitized by Google

занятія наравнѣ съ мужчиною, не исключая даже государственной службы; онъ даже до того простираетъ свои сближенія правъ женщины съ правами мужчины, что въ одномъ мѣстѣ очень наивно спрашиваетъ: «для чего женщину учатъ быть хорошею матерью, когда мужчину не учатъ быть хорошимъ отцомъ?» — онъ рѣшительно не признаетъ, чтобы женщинѣ было что-нибудь вредно, что здорово мужчинѣ и наоборотъ, и между тѣмъ самъ издается для взрослыхъ дѣвицъ, стало-быть для дѣвицъ старше пятнадцати лѣтъ: слѣдовательно, самымъ своимъ существованіемъ допускаетъ какую-то замкнутость дѣвицы, допускаетъ нѣкоторую неволю мысли ея, которой нельзя отпереть того, что открывается мужчинамъ однихъ съ нею лѣтъ, и не догадывается спросить себя, что если нѣтъ никакой надобности издавать особый журналъ для молодыхъ людей, то какая же предстоитъ надобность издавать особый журналъ для дѣвицъ? — Такой вопросъ былъ бы гораздо логичнѣе и отвѣтить на него было бы гораздо труднѣе, нежели на вопросъ, предлагаемый «Разсвѣтомъ» и нами выписанный. Да отъ того можетъ-быть и нужно учить женщинъ быть хорошими матерями, что мужчинъ-то этому никто не учитъ. Надо же, чтобы кто-нибудь умѣлъ это. И главное, намъ такое недоумѣніе кажется совершенно противорѣчащимъ основной идеѣ «Разсвѣта» — идеѣ его существованія. Вѣдь это выходитъ несогласіе насчетъ распредѣленія пяти рублей съ полтиною, оставшихся для бѣдныхъ. Понятно существованіе разныхъ спеціальныхъ журналовъ: напримѣръ «Журналъ для акціонеровъ», «Медицинскій журналъ», «Морской и военный сборникъ». Тѣ должны существовать, потомучто свѣдѣнія, составляющія сущность ихъ, неинтересны или ненужны для большинства читающей публики и совершенно неудобны для того, чтобы войти въ составъ неспеціальныхъ, литературныхъ журналовъ. Но что такое спеціальное заключается въ дѣвицѣ для того, чтобы она нуждалась въ особомъ спеціальномъ журналѣ? Есть у ней нѣкоторыя особыя, только ей свойственныя и ее интересующія занятія, напримѣръ вышиванье, шитье; но мы не находимъ ничего такого въ «Разсвѣтѣ:» тамъ никакихъ узоровъ или хозяйственныхъ совѣтовъ не предлагается; тамъ все помѣщаются сочиненія о такихъ предметахъ, которыя могутъ быть интересны для всей вообще просвѣщенной публики. Есть разница только въ изложеніи мыслей, есть пропасть напримѣръ недоговорокъ, есть нѣкоторое умалчиваніе о разныхъ вещахъ, есть нѣкоторое, весьма слабое, но очень часто худо-скрытое поползновеніе на нравоученіе; есть какая-то жидковатость мысли, несвободной мысли, сковываемой нѣкоторыми условіями, не существующими въ другихъ журналахъ; есть какая-то водяни-

Digitized by Google

стость во всемъ, водянистость, дѣлающая этотъ журналъ скучнымъ и невозможнымъ для ума зрѣлаго, для мысли бодрой и сильной... Чтоже это такое? Неужели это недобросовѣстное потаканіе предразсудкамъ общества? Но журналъ «Разсвѣтъ» нигдѣ не сказалъ, что онъ совсѣмъ считаетъ самъ ненужнымъ свое существованіе, а издается только затѣмъ, что въ обществѣ существуетъ потребность въ немъ, потребность, имъ не раздѣляемая; но что видя, какъ силенъ предразсудокъ въ обществѣ, онъ будетъ не потакать ему, а смягчать только нѣкоторую суровость его: надо же что-нибудь давать читать дѣвицамъ, когда имъ не даютъ ничего. Но тогда бы была видна какая-нибудь борьба, и борьба въ самой сущности, а не на словахъ. Между тѣмъ мы въ журналѣ «Разсвѣтъ» не находимъ ничего этого. Журналъ этотъ носитъ на себѣ совершенно дѣтскій характеръ. Говорится въ немъ о страстяхъ и любви; но о нихъ почти въ той же мѣрѣ говорится и въ «Журналѣ для дѣтей», издаваемомъ г. Чистяковымъ. Иногда пробиваются въ немъ либеральныя выходки, въ родѣ выше-приведенной нами; но такія выходки противорѣчатъ всему журналу, который весь служитъ все-таки къ тому, чтобы въ слабомъ женскомъ тѣлѣ остался и умъ слабый, ибо умъ не можетъ окрѣпнуть, питаемый недосказываемыми, недозрѣлыми идеями, не доводимыми до всей полноты своего возможнаго развитія. Между тѣмъ только самое широкое разрѣшеніе жизненныхъ вопросовъ расширяетъ нашъ умъ; кто не знаетъ, что самое безнравственное явленіе, только показанное во всѣхъ самыхъ страшныхъ и сокровенныхъ степеняхъ своего развитія, носитъ въ себѣ несравненно болѣе возможности подѣйствовать нравственно на душу, нежели сама нравственность, высказанная голо и сухо, такъ что въ ней ни ужаснуться нечѣмъ, ни позавидовать нечему? Вѣдь жизнь, показанная съ одной стороны, все-таки мертва и ничему не научитъ, и всегда, какъ бы ни была хороша сторона ея, намъ показываемая, заставитъ насъ думать да гадать о той, о другой сторонѣ ея, отъ насъ скрываемой, и въ ней-то, въ той другой сторонѣ, всегда заподозримъ мы все самое лучшее, самое интересное, потомучто ничто не помѣшаетъ намъ представить ее себѣ такъ, какъ намъ вздумается. Мыслить, значитъ отыскивать и уничтожать противорѣчія. «Узнайте добро и зло, и будете мудры, какъ боги». О чемъ же я буду мыслить, когда мнѣ показываютъ все только одно? Правда, въ журналѣ «Разсвѣтъ», вовсе не кормятъ дѣвицъ сладкими, идиллическими картинами, — тамъ содержаніе довольно разнообразное; но нѣтъ тѣхъ крайностей, которыя поражаютъ и будятъ мысль. Мы за это совсѣмъ не упрекаемъ «Разсвѣтъ», но мы хотимъ только объяснить ему, что вотъ именно это-то обстоя-

Digitized by Google

тельство и способствуетъ къ поддержанію слабости ума въ слабомъ тѣлѣ, и намъ только немножко непріятно то лицемѣріе, которое проглядываетъ въ либеральничаньи этого журнала: ну, чтожъ? — либо то, либо другое. Зачѣмъ мазать по губамъ фразами? Намъ хочется убѣжденій. Дѣло въ томъ, что меньше всего носятся со своимъ образованіемъ люди истинно получившіе огромное образованіе. Такой человѣкъ всегда какъ-то милъ, хотя самоувѣренно простъ,

И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Гораздо хуже тѣ люди, которые во все время своего воспитанія ничего не дѣлали, и только поняли одно — самое легкое: о томъ, какъ важно и полезно обширное знаніе. Тѣ и возятся со своимъ воспитаніемъ, и лѣзутъ ко всѣмъ въ глаза. Ихъ и обвинить нельзя: чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Вѣдь вотъ и въ дѣлѣ прогресса: тѣ, у которыхъ въ душѣ прогрессъ, все и толкуютъ прямо о сокровищахъ души своей; прямо высказываютъ свое безпокойство, желанія, прямо къ дѣлу идутъ, почти не упоминая о прогрессѣ; а у тѣхъ, у кого въ душѣ не имѣется ни одного зерна жизни будущей, — постоянно слово *прогрессъ* на устахъ. Это такіе ярые прогрессисты, что Боже упаси! Недавно за однимъ обѣдомъ, когда всѣ подпили, одинъ господинъ ухватилъ другого за шиворотъ, спрашивая:

— Вѣришь ли ты въ *прогрессъ*?

— А что такое *прогрессъ*? спросилъ злой человѣкъ тономъ совершенной наивности.

— Что такое прогрессъ?.. что такое прогрессъ!.. заговорилъ ярый поклонникъ прогресса: — онъ не знаетъ, что такое прогрессъ! воскликнулъ онъ наконецъ, обращаясь къ другимъ съ отчаяннымъ хохотомъ: — хорошъ! хорошъ! что такое прогрессъ — не знаетъ!

— Позвольте, и я тоже не знаю, сказалъ другой.

— Прогрессъ, — это сапоги въ смятку, сказалъ прогрессистъ, и ушолъ въ другую комнату.

Для чего же намъ создавать такихъ прогрессистовъ? Для чего этакихъ людей размножать между женщинами? Надо давать что-нибудь существенное, что-нибудь такое, что, установляясь въ обществѣ, само бы собой разрушало старые предразсудки и повѣрья, что вытѣснило бы ихъ, занимая ихъ мѣсто. А кчему поведетъ напримѣръ истина, что слабый умъ въ слабомъ тѣлѣ вовсе не есть привлекательное качество, когда эта одна истина не сдѣластъ ума сильнымъ, а другое все способствуетъ прямо къ тому, чтобы удержать умъ дѣвицы на старомъ его положеніи? И выходитъ: «Слова,

Digitized by Google

слова, слова...» И вѣдь слабоумные-то больше всего придерутся къ этому, и съ ними какъ тогда сладишь? Они подумаютъ, что вотъ въ этихъ-то словахъ и состоитъ вся крѣпость ума женскаго; что только слѣдуетъ поклониться имъ, да безпрестанно повторять ихъ, чтобы не быть слабыми.

А вотъ возьмемъ напримѣръ самую капитальную статью журнала «Разсвѣтъ»: «Мысли женщины о женщинахъ». Редакція печатаетъ его въ приложеніи, съ особымъ заглавнымъ листомъ и особою нумераціею, что заставляетъ предполагать, что и она смотритъ на это сочиненіе съ большимъ уваженіемъ.

«Предлагаемый переводъ книги «A woman's thoughts about women» мы предлагаемъ читательницамъ, — пишетъ редакція «Разсвѣта», — находя въ этомъ сочиненіи весьма основательныя сужденія преимущественно о тѣхъ женщинахъ, которыя не вышли замужъ. Эти мысли, принадлежащія перу англійской писательницы, хотя назначены для англичанокъ, но по всей истинѣ могутъ относиться и къ русскимъ женщинамъ. Считаемъ необходимымъ оговорить, что все, не касающееся до современнаго положенія русской женщины, а также и то, что отчасти противорѣчитъ основной идеѣ «Разсвѣта», мы исключили изъ перевода».

Мы конечно не станемъ здѣсь говорить о тѣхъ истинахъ, которыя не кажутся намъ неопровержимыми истинами, но которыя однако ходятъ въ обществѣ и отъ которыхъ никакой бѣды быть не можетъ. Но напримѣръ такого рода вещь:

«Въ наше время принято женскія занятія, исключая тѣхъ, которыя называются рукодѣльемъ, вообще раздѣлять на слѣдующія отрасли: обученіе дѣтей, литературу, изящныя искусства и искусства, служащія для публичнаго развлеченія», т. е. искусство актрисъ, пѣвицъ, музыкантшъ.

Изъ этихъ исчисленныхъ мною и доступныхъ женщинамъ въ наше время занятій, послѣднее всѣхъ опаснѣе и труднѣе, потому именно, что личность дѣйствующей особы связана съ исполненіемъ. Можно нарисовать нѣсколько десятковъ картинъ, наполнить множество полокъ написанными нами книгами, и въ то время, какъ дѣти нашего ума бродятъ по всему извѣстному міру, мы можемъ спокойно сидѣть дома, и жить такъ же скромно и мирно, какъ самая счастливая изъ обыкновенныхъ женщинъ. Для артистки дѣло совсѣмъ другое: ей безпрестанно должно являться передъ публикою, не только умственно, но и физически. Глазъ публики не только освоивается съ ея геніемъ, но и съ ея манерами и мимикою, въ такой мѣрѣ, что всякій похвальный или осуждающій приговоръ есть въ тоже время и критика ея личности.»

Вѣдь стыдно это выписывать, несмотря на то, что эти мысли принадлежатъ перу англійской писательницы. Какъ! совѣтовать жен-

Digitized by Google

щинамъ заниматься литературою на томъ основаніи, что можно наполнить цѣлыя полки исписанными вами книгами и при этомъ спокойно сидѣть дома, не показывая никому своей личности? Да ужь по нашему лучше тотъ господинъ, который безо всякихъ соображеній, просто почувствовавъ желаніе быть писателемъ, пошолъ спросить у френолога, есть ли у него способности къ этому? Тотъ обратился хоть къ френологу: тутъ все же есть нѣкоторое уваженіе къ литературнымъ трудамъ; а въ совѣтѣ англійской писательницы ничего нѣтъ этого, и въ нашемъ обществѣ, уважающемъ нѣсколько литературу и смотрящемъ на печать до нѣкоторой степени серьозно, это просто смѣшно. И этому-то сочиненію приплавать важность какую-то! И что за пуританизмъ! что за старовѣрство такое! И это особенно нелѣпо еще тогда, когда вспомнишь, что опытъ показываетъ, что изъ всѣхъ искусствъ женщины больше всего отличались и занимали самыя почетныя мѣста именно въ тѣхъ только искусствахъ, гдѣ *личность дѣйствующей особы связана съ исполненіемъ*. Жоржъ-Зандъ геніальная писательница, но ей далеко до Шекспира, Байрона, Шиллера. Ей далеко даже до Теккерея и Диккенса. Но г-жи Марсъ, Рашель, Зонтагъ, Тальони — не уступаютъ никому мѣста въ своихъ искусствахъ и имена ихъ будутъ постоянно связаны съ названіями тѣхъ искусствъ, въ которыхъ онѣ были представительницами. Зачѣмъ же идти противъ опыта?

«Кто посѣщаетъ театральныя и музыкальныя общества, — говоритъ дальше англійская женщина, — тотъ конечно слышалъ повторяемыя безпрестанно слова: «моя роль», «мое пѣніе», «что думаетъ обо мнѣ публика». Да такое самолюбіе, по видимому, и неизбѣжно. При фразѣ «всякая для себя» лучшія изъ шекспировскихъ героинь краснѣютъ или блѣднѣютъ, вспомнивъ имя своей соперницы. Дѣвицу такую-то нельзя пригласить къ себѣ въ гости изъ боязни, чтобы она не встрѣтилась съ г-жею такою-то, причемъ онѣ, навѣрное, не смотря на всю ихъ притворно радостную вѣжливость, тотчасъ же ощетинятся, какъ двѣ кошки, сбѣжавшіяся у дверей гостиной. Вотъ тѣ плачевныя, хотя и не вовсе порочныя послѣдствія, къ какимъ свѣтъ, въ которомъ по необходимости должно работать, приводитъ женщинъ.

По этой-то причинѣ призваніе для публичнаго развлеченія или увеселенія, во всѣхъ родахъ, отъ восторженной трагической актрисы до бѣднѣйшей хористки, есть изъ возможныхъ занятій самое *опасное*, — не вслѣдствіе общепринятаго мнѣнія: у насъ слишкомъ довольно непорочныхъ, степенныхъ актрисъ и пѣвицъ, такъ что нѣтъ надобности возбуждать старый вопросъ о «почетномъ назначеніи» театральныхъ подмостокъ, — но это призваніе опасно по причинѣ различія нравовъ, характера и образа мыслей вообще людей этого сословія».

Богъ знаетъ что такое! И если журналъ «Учитель» возбудилъ

Digitized by Google

въ насъ подозрѣнія, не работаетъ ли на него почтенный нашъ знакомый Аѳанасій Иванычъ Товстогубъ, то, не будь въ журналѣ «Разсвѣтъ» сказано, что это произведеніе пера англійской писательницы, мы непремѣнно заподозрили бы авторомъ этого сочиненія — Пульхерію Ивановну Товстогубиху. Еслибы не заподозрили по выписанному нами отрывку, то окончательно убѣдились бы въ этомъ по слѣдующему:

«Обязанности взаимныхъ отношеній между хозяевами и прислугой исполняются какъ нельзя хуже; между тѣмъ эти отношенія столь необходимы, что они установились при самомъ сотвореніи міра и, впослѣдствіи, освятились библейскими и вообще историческими преданіями, наравнѣ съ самыми священными союзами, существующими между людьми, т. е. наравнѣ съ союзомъ родства и дружбы.

Кто же тому виною? Обѣ стороны. Старшіе виноваты потому, что они, не смотря на свое умственное развитіе и образованіе, все-таки стараются насильно заставить уважать себя только внѣшними отличіями, которыя не могутъ существовать при столь близкихъ отношеніяхъ ихъ къ своимъ подчиненнымъ. Младшіе же виноваты потому, что они, будучи образованы только до той степени, что видятъ недостатки высшаго класса, но не до того, чтобы замѣчать свои собственные, вслѣдствіе этого отказываются отъ *безусловнаго уваженія и послушанія, столь обыкновенныхъ въ древности*, и т. д.

Намъ это все очень нравится, и мы выписываемъ это какъ вещь курьозную, дважды курьозную: вопервыхъ — просто какъ произведеніе англійской писательницы, а вовторыхъ, какъ произведеніе англійской писательницы, понравившееся очень редакціи журнала «Разсвѣтъ», и не противорѣчащее основной идеѣ его. Зачѣмъ же кормить такими вещами нашихъ дѣвицъ, да еще предупредивши ихъ съ перваго номера, что мы-де будемъ вашъ слабый умъ развивать, потомучто слабость ума не есть привлекательное качество? Вѣдь это легко сказать! — Есть женщины, преимущественно старыя, которыя придутъ въ гости да и увѣрятъ тѣхъ, къ кому пришли, что тѣ похудѣли, что имъ и года не прожить съ этакой жизнію, что у нихъ мужъ тиранъ, дѣти аспиды, — и думаютъ, что онѣ удивительную принесли пользу. Имъ иногда сначала и повѣрятъ, а потомъ на нихъ же разсердятся. Журналу-то ужь совсѣмъ на нихъ походить неприлично. Зачѣмъ пускать пыль въ глаза? Для чего пускать эту

«Шумиху словъ чужихъ»?

Мы обратили особенное вниманіе на тѣ статьи, гдѣ говорится собственно о женщинахъ, потомучто эти статьи въ журналѣ «Разсвѣтъ» должны бы были особенно тщательно разработываться. И

Digitized by Google

между тѣмъ онѣ-то и оказались особенно слабы, такъ что лучше бы ихъ не было. И все Англія! Сейчасъ мы наудачу развернули еще страницу въ первой попавшейся книжкѣ и читаемъ:

«Въ Англіи женщины въ образованномъ классѣ уже начинаютъ понимать достоинства широкаго, серьознаго образованія, для котораго нѣкоторыя, по словамъ г. Михайлова, отказываются даже отъ счастія семейной жизни, такъ какъ она не позволила бы имъ развиваться такъ высоко въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ».

Ужь не приглашаетъ ли журналъ «Разсвѣтъ» къ тому же самому своихъ читательницъ? Для чего же развивать такой фанатизмъ, да еще фанатизмъ изъ подражанія, фанатизмъ по принципу? И неужели что-нибудь кромѣ слабаго ума можетъ допустить такое монашество во имя нравственнаго развитія?..

Всѣ же остальныя статьи въ «Разсвѣтѣ», постороннія, очень хороши, и если ужь надобно ограничивать чтеніе дѣвушки какимъ-нибудь выборомъ, то мы смѣло рекомендуемъ журналъ «Разсвѣтъ», для желающихъ. Только намъ крайне бы хотѣлось, чтобы редакція его была просмотрительнѣе въ выборѣ статей, касающихся прямо до вопроса о женщинахъ, и побольше давала чистыхъ, прямыхъ убѣжденій вмѣсто однихъ громкихъ названій ихъ. А то вѣдь чтожъ? — заучатъ читательницы этого журнала эти названія и замѣнивши ими сущность дѣла, начнутъ съ ними носиться, начнутъ шумѣть: намъ ужь и между мужчинами надоѣли такія явленія.

Digitized by Google

О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства въ Западной Европѣ и Россіи. Сочиненіе А. Корсака.

Изо всѣхъ экономическихъ вопросовъ едва ли не больше всѣхъ возбуждалъ и до сихъ поръ возбуждаетъ споры между экономистами вопросъ о распредѣленіи богатства. Одни находятъ, что существующее въ настоящее время распредѣленіе есть единственное законное и полезное для общаго экономическаго прогресса, и даже единственное возможное при современной организаціи труда, которую они также признаютъ высшею степенью экономическаго развитія, далѣе которой стало-быть экономическіе успѣхи идти не могутъ. Другіе находятъ современное распредѣленіе несправедливымъ, и вреднымъ, такъ какъ оно имѣетъ необходимымъ слѣдствіемъ существованіе многочисленнаго пролетаріата, — явленія, которое безъ сомнѣнія печально и само въ себѣ, и еще болѣе печально потому, что оно служило и всегда будетъ служить преградою для успѣховъ политической жизни и цивилизаціи. Пролетаріатъ всегда былъ оружіемъ, которымъ пользовались люди, ниспровергавшіе законы государственные, и на ихъ мѣстѣ ставившіе свою волю. Достаточно вспомнить, что напримѣръ Пизистратъ, Діонисій, Марій, Сулла, Цезарь, Медичи, домъ Оранскій опирались на бѣдныхъ гражданахъ, и съ ихъ помощью достигали власти. Вообще пролетаріатъ страшенъ также и для всякаго правительства. Французская революція своимъ суровымъ характеромъ обязана частью большой массѣ голоднаго народа въ Парижѣ, и не будь этой массы, — ходъ французской исторіи былъ бы безъ сомнѣнія другой. Это всѣ больше или меньше понимаютъ, и на пролетаріатъ не обращаютъ вниманія только тѣ, которые ни на что не обращаютъ вниманія. Партизаны лучшаго распредѣленія богатства, такого, при которомъ возможно было бы уничтоженіе пролетаріата, составляются, благодаря такому взгляду на гибельные результаты пролетаріата, не толь-

Digitized by Google

ко изъ гуманистовъ и истинныхъ партизановъ прогресса цивилизаціи, но и изъ тѣхъ, которые боятся именно этихъ результатовъ, — т. е. реформъ въ существующемъ порядкѣ, каковъ бы онъ ни былъ, этою массою неимущихъ, всегда наклонныхъ думать, что они доведены до своего жалкаго состоянія несправедливостью учрежденій.

Индиферентисты, тѣ, которые не обращаютъ вниманія на массу бѣдныхъ рабочихъ, доходятъ до того принципа, что признаютъ пролетаріатъ зломъ неизбѣжнымъ; впрочемъ увѣряютъ, что вредные результаты его могутъ быть отвращены системой полнаго невмѣшательства общества въ экономическія отношенія частныхъ людей, системою, которой девизъ: laissez faire, laissez passer. Въ этомъ увѣреніи, по крайней мѣрѣ со стороны нѣкоторыхъ партизановъ этой школы, играетъ главную роль задняя мысль — защита собственныхъ интересовъ въ ущербъ интересамъ бѣднаго класса. Примѣры этой недобросовѣстности нетрудно указать въ литературѣ политической экономіи и въ административной практикѣ. Другіе принимаютъ систему laissez faire, laissez passer потому, что не хотятъ обратить вниманія на уроки исторіи, гдѣ она осуждена самымъ строгимъ способомъ. Впрочемъ надобно прибавить, что партизаны этой системы состоятъ большею частью изъ людей, которымъ историческая наука мало знакома.

Въ прежнее время, и не такъ давно, голоса партизановъ этой системы были весьма многочисленны и раздавались очень громко, и причину этого надобно частію искать въ томъ, что противники ихъ, увлеченные своею доброю волею, да вѣрою въ человѣчество, нѣсколько фантастическою, заходили слишкомъ далеко въ своихъ планахъ исцѣлить современныя общества отъ ихъ язвы, пролетаріата. Немудрено, что фаланстеры, Икарія многимъ не понравились и даже многихъ напугали и расположили ихъ съ участіемъ слушать противоположное ученіе школы laissez faire, laissez passer. Теперь не то. Авторовъ наиболѣе хитрыхъ системъ нѣтъ; а изъ ихъ учениковъ иные попали во французскій сенатъ, другіе въ министры новой французской имперіи: имъ ли продолжать дѣло своихъ учителей и дѣлать пропаганду гуманныхъ идей въ какой бы то ни было формѣ? Были произведены и опыты; но менильмонтанская жизнь показалась всѣмъ только смѣшною, Икарія осуществленная оказалась очень плоха, Новый Лепаркъ и Новая Гармонія не удались, несмотря на необыкновенную личность основателя, который гораздо меньше другихъ былъ мечтателемъ. Вообще лишнія надежды не осуществились; объ нихъ стали меньше говорить; поменьше сталъ слышенъ голосъ и тѣхъ, которые были сильны тѣмъ, что дѣлали реакцію страшнымъ реформаторамъ, въ

Digitized by Google

планахъ которыхъ большинство видѣло угрозу осудить весь міръ на вѣчную каторжную работу; и теперь ужь не такъ громко раздаются голоса партизановъ экономическаго квіэтизма. Самый громкій голосъ принадлежитъ кажется г. де Молинари, столь извѣстному русской публикѣ, если впрочемъ его сочиненія не печатаются только въ «Русскомъ Вѣстникѣ», но и читаются подписчиками этого журнала, что́ очень мало походитъ на правду; гораздо вѣроятнѣе, что они просто только украшаютъ страницы «Русскаго Вѣстника».

Вообще въ экономической литературѣ крайности поостудились, и можно сказать, что противоположныя партіи нѣсколько сблизились, по крайней мѣрѣ явились связывающія ихъ ступени, къ числу которыхъ относится между прочимъ и недавно переведенная на русскій языкъ книга Гильдебрандта о школахъ въ политической экономіи. Книга эта подверглась погрому со стороны двухъ журналовъ, наиболѣе интересующихся экономическими вопросами и служащихъ представителями двухъ крайнихъ, противоположныхъ школъ, но въ сущности весьма сходныхъ между собою, потомучто и тотъ и другой журналъ принимаютъ свои теоріи какъ послѣднее слово науки, какъ наиболѣе прогрессивное ученіе. Оба они не хотятъ никого видѣть впереди себя. Разница только въ частныхъ взглядахъ: «Русскій Вѣстникъ» принимаетъ одно за послѣднее слово науки, «Современникъ» другое, и оба принимаютъ съ полною вѣрою, съ вѣрою востока. Жаль, если рецензіи обоихъ журналовъ отнимутъ охоту въ публикѣ читать книгу Гильдебрандта. А она была бы очень полезна особенно для нашей публики, совершенно незнакомой съ раціональною исторіею экономической литературы. Нигдѣ такъ хорошо не выставлены особенности экономическихъ школъ, какъ у Гильдебрандта, и особенно нигдѣ такъ совѣстливо не изложено ученіе гуманной школы.

Кромѣ Гильдебрандта много другихъ писателей, равно далекихъ и отъ квіэтизма школы laissez faire, laissez passer, и отъ фантастическихъ системъ добрыхъ людей, одушевленныхъ излишнею вѣрою въ аркадскія качества современнаго трудящагося класса. Теперь меньше кричатъ о стачкахъ работниковъ; но за то съ симпатіею предлагаютъ планы ассоціацій, устроиваютъ между ними сберегательныя кассы, и т. п. У насъ рѣшается важнѣйшій вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, съ признаніемъ необходимости для нихъ въ обезпеченномъ пропитаніи. Мѣстами пробуются на опытѣ ассоціаціи между работниками и результатъ получается удовлетворительный. Вообще кажется можно сказать, что индифферентизмъ школы laissez faire, laissez passer, выходитъ изъ моды,

Digitized by Google

что; вопреки ей, обращаютъ вниманіе не только на массу произведеній, но и на отношеніе къ нимъ производителей, на отношеніе между производителями, между трудомъ и капиталомъ, работникомъ и предпринимателемъ.

Сочиненіе г. Корсака принадлежитъ къ разряду подобныхъ трудовъ, не смотря на свое заглавіе, повидимому необѣщающее ничего кромѣ сухости предмета и педантизма въ разработкѣ его. Мы нарочно обращаемъ вниманіе на заглавіе книги г. Корсака, потому что заглавіе книги у насъ до сихъ поръ играетъ болѣе важную роль, нежели самое содержаніе ея, и практическіе люди, къ которымъ повидимому не принадлежитъ г. Корсакъ, хорошо понимаютъ это. Такъ года два назадъ г. Калиновскій — не почтенный издатель «Сѣточа», а другой — издалъ свое сочиненіе о свободѣ торговли; писать что-нибудь о свободѣ торговли вообще, особенно сдѣлать свободную торговлю предметомъ магистерскаго разсужденія, какъ это было у г. Калиновскаго, — уже дурной знакъ: это ни больше ни меньше какъ пересыпать изъ пустого въ порожнее. Между тѣмъ, г. Калиновскій далъ своей книгѣ пышное заглавіе и она имѣла успѣхъ, да еще какой! Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не сказать добраго слова о книгѣ, въ которой вамъ обѣщаютъ историческое изслѣдованіе «о развитіи и распространеніи идей свободной торговли и о примѣненіи ея къ положительнымъ государствамъ западной Европы». Конечно, въ книгѣ г. Калиновскаго ничего этого не было; но кто же заглянулъ дальше заглавія? Если кто рѣшился на этотъ подвигъ, то все-таки не пошолъ дальше того, чтобы перевернуть нѣсколько страницъ и имѣть понятіе объ ихъ общемъ видѣ, о впечатлѣніи, какое онѣ производятъ на читателя. А страницы всѣ были испещрены выписками и цитатами и ссылками на экономическую литературу. И книгу г. Калиновскаго провозгласили замѣчательнымъ трудомъ, самого г. Калиновскаго замѣчательнымъ ученымъ и т. п. А между тѣмъ по справкамъ оказалось, что г. Калиновскій вопервыхъ въ книгѣ писалъ не о томъ, о чемъ сказалъ въ заглавіи; о чемъ онъ писалъ, трудно даже опредѣлить; вовторыхъ онъ не потрудился даже заглянуть въ тѣ книги, изъ которыхъ приводилъ выписки, хотя эти книги принадлежатъ къ такимъ, которыя составляютъ нѣчто въ родѣ азбуки въ политической экономіи, т. е. ихъ долженъ знать всякій, кто только приступаетъ къ первому знакомству съ этой наукой. Выписки же приведены изъ одной или двухъ книгъ, написанныхъ для облегченія первыхъ шаговъ въ изученіи политической экономіи, между прочимъ изъ знаменитаго справочнаго словаря политической экономіи Гильомена. Собственныя разсужденія въ книгѣ г. Калиновскаго

Digitized by Google

были таковы, что они могутъ развѣ служить только доказательствомъ незначительныхъ успѣховъ наукъ у насъ впродолженіи 150 лѣтъ со времени Петра В., или доказательствомъ упадка научнаго образованія въ послѣдніе три или четыре десятка лѣтъ; по крайней мѣрѣ можно сказать, что Посошковъ, крестьянинъ временъ Петра В., для своего времени гораздо основательнѣе разсуждалъ о вопросахъ политической экономіи, нежели магистръ политической экономіи въ 1859 г. Какъ же тутъ, смотря на подобныя явленія въ нашей литературѣ, не сказать: habent sua fata libelli, и не сказать, что заглавіе у насъ играетъ важную роль?

Сочиненіе г. Корсака безъ сомнѣнія потому имѣетъ малый успѣхъ въ нашей литературѣ, что имѣетъ заглавіе слишкомъ простое: о *формахъ промышленности*. Въ самомъ дѣлѣ, намъ всѣмъ такъ надоѣли всевозможныя формы, съ которыми мы имѣли дѣло въ школѣ. Сначала насъ заставляли заниматься формами грамматическими, да не одного языка, а двухъ, трехъ, четырехъ и даже больше; потомъ шли формы словесныхъ произведеній, за ними формы кристалловъ, формы логическія... скука такая! все надобно думать да соображать. А тутъ подвертываются еще формы промышленности; ну кто ихъ станетъ читать?

Между тѣмъ и формы промышленности имѣютъ свой большой смыслъ, и г. Корсакъ умѣетъ понимать его. «Съ вопросомъ о формахъ промышленности — говоритъ онъ въ началѣ своего изслѣдованія — связаны самые существенные интересы общества. Степень самостоятельности и общественнаго значенія предпринимателей, положеніе и степень зависимости отъ нихъ рабочаго класса, отношенія между трудомъ и капиталомъ, различны въ каждой изъ нихъ до такой степени, что необходимо должны вызывать разнообразныя мнѣнія въ наукѣ и такія же желанія въ государственныхъ людяхъ». «Формы промышленности, продолжаетъ г. Корсакъ — обращаютъ на себя вниманіе *не столько съ экономической стороны, сколько съ общественной и политической*. Въ экономическихъ преимуществахъ новой, господствующей нынѣ системы всѣ болѣе или менѣе согласны: никто напр. не станетъ спорить, что машинами многое можно сдѣлать лучше и дешевле, чѣмъ обыкновеннымъ, ручнымъ способомъ, что фабрика, по качеству и цѣнѣ своихъ произведеній, стоитъ несравненно выше какой-нибудь мастерской, выдѣлывающей тѣ же самыя издѣлія. Но немного мы насчитаемъ голосовъ, которые, ради экономическихъ выгодъ, совершенно забывали бы темныя стороны фабрикъ въ другихъ отношеніяхъ. О первыхъ, какъ о фактѣ всѣми признанномъ, не можетъ быть и спора. Остается слѣдовательно обширное поле для преній ученыхъ и для дѣятельно-

Digitized by Google

ти государственныхъ людей въ другихъ сторонахъ вопроса; онѣ-то главнымъ образомъ и обращаютъ на себя вниманіе. Задача представляется весьма трудная и сложная: нужно не отказываясь отъ того, что уже всѣми признано выгоднымъ и благодѣтельнымъ для общества, придти къ удачному рѣшенію остальныхъ пунктовъ вопроса. Отказаться отъ экономическихъ преимуществъ настоящей системы производства невозможно; поэтому главная задача состоитъ въ томъ, какимъ образомъ устранить ея вредныя послѣдствія въ общественномъ, нравственномъ и политическомъ отношеніяхъ и воспользоваться только матеріальными ея выгодами».

Эта выписка сдѣлана съ тѣмъ, чтобы показать характеръ книги г. Корсака, колоритъ, который принадлежитъ автору въ ряду нашихъ экономистовъ. До сихъ поръ мы видѣли въ ряду нашихъ офиціальныхъ ученыхъ только такихъ писателей, которые, позаимствовавшись главнымъ образомъ отъ людей совсѣмъ неученыхъ, отъ писателей по дилетантизму — Бастья, де-Молинари и подобныхъ, толковали о промышленности не обращая вниманія на то, въ чью пользу идутъ продукты ея, въ пользу трудящихся или въ пользу эксплуатирующихъ. Этого мало: наши офиціальные ученые явнымъ образомъ были наклонны въ пользу богатыхъ предпринимателей, ко вреду бѣдныхъ работниковъ. Такъ г. Вернадскій считалъ себя обязаннымъ доказывать, что обезпеченіе существованія нашихъ крестьянъ, когда дѣло шло еще объ ихъ освобожденіи, дѣло излишнее. Г. Кашиовскій въ своей дисертаціи выражалъ сожалѣніе, что правительство Людовика Филиппа не прибѣгло къ пушкамъ и штыкамъ для убѣжденія работниковъ, старавшихся защитить свой кусокъ хлѣба. Г. Леонтьевъ, съ каѳедры университетской, на торжественномъ актѣ университета, будучи представителемъ науки и отъ ея имени увѣрялъ публику, что для крестьянина все равно на чьей землѣ ни работать, на своей или на чужой, и что для насъ не будетъ вредно, если наша почва соединится во владѣніи немногихъ богатыхъ людей, а слѣдовательно народъ, подобно тому, какъ это было до Бориса Годунова, будетъ путешествовать изъ одного имѣнія въ другое, отыскивая работы.

Въ ряду такихъ сочиненій, трудъ г. Корсака, написанный имъ для полученія степени магистра политической экономіи, представляется чѣмъ-то въ родѣ оазиса среди пустыни, и это сравненіе непремѣнно придетъ въ голову читателю, если попробовавши читать произведенія нашихъ экономистовъ ex officio и по призванію, онъ на одной сторонѣ нашолъ сушь и убивающій самумъ африканской пустыни, а съ другой соединеніе всѣхъ болотныхъ почвъ въ поэтическомъ безпорядкѣ, можетъ-быть не лишонномъ художественно-

Digitized by Google

сти, но лишенномъ всякой разумной системы и притомъ съ большимъ количествомъ міазмовъ, да еще съ прибавкою отрывковъ изъ той же африканской пустыни. На такого читателя трудъ г. Корсака дѣйствительно произведетъ то впечатлѣніе, какое оазисъ производитъ на путешественника среди песчаной степи.

Въ самомъ дѣлѣ, уже съ первыхъ строкъ сочиненія г. Корсака видно, что онъ не индифферентистъ въ политической экономіи, что онъ именно писатель изъ сферы политической экономіи, а не изъ сферы индустріальной экономіи; что ему нужна не только масса произведеній, а и отношеніе ихъ къ производителямъ; что быть работника его интересуетъ; что онъ разсматриваетъ экономическія явленія не только въ одномъ экономическомъ отношеніи, но также въ общественномъ, нравственномъ и политическомъ. Съ другой стороны очевидно, что г. Корсакъ сталъ на единственно возможную почву при ученыхъ изслѣдованіяхъ, — не отрываться отъ фактовъ и держаться дѣйствительности не затѣмъ, чтобъ принять какъ норму все что она представляетъ, а затѣмъ, чтобъ разобравши хорошо элементы ея, отдѣлить въ нихъ то, что абсолютно необходимо и полезно, отъ того, что представляетъ важныя неудобства и потому должно быть устранено и замѣнено другими элементами, лишенными этихъ важныхъ неудобствъ.

Понятно для чего нужны г. Корсаку формы промышленности, почему онѣ составляютъ предметъ его изслѣдованія. Многіе, особенно у насъ, наслышавшись и начитавшись о преимуществахъ той или другой системы, той или другой отрасли или формы промышленности, воображаютъ, что намъ недостаетъ именно того, что имъ такъ нравится въ другихъ мѣстахъ и чего они хорошо не понимаютъ, потомучто не вычитали полной, всесторонней оцѣнки извѣстной экономической формы. Отсюда проистекаютъ эти жалобы на непримѣненіе у насъ теоріи свободной торговли, на недостаточное развитіе фабрикъ; отсюда проистекла между прочимъ ревность наша къ учрежденію акціонерныхъ компаній: думали, что западная промышленность обязана своими успѣхами акціонернымъ компаніямъ. А оказалось нѣчто очень нехорошее: однѣ компаніи дурно ведутъ свои дѣла, другія кончили свое существованіе, третьи не въ состояніи сдѣлать того дѣла, за которое взялись; а какъ прибавленіе къ этому, являются еще газетныя статьи, которыя объясняютъ и акціонерамъ компаній и публикѣ, что рѣдко гдѣ въ компанейскомъ дѣлѣ обошлось безъ плутовства. Г. Корсакъ рѣшился разсмотрѣть это дѣло обстоятельнѣе, обсудить всѣ условія, отъ которыхъ зависятъ успѣхи той и другой формы промышленности.

Digitized by Google

Надобно отдать полную справедливость его системѣ: взялся онъ за дѣло весьма раціонально. Сначала онъ абсолютно разсматриваетъ свойства различныхъ формъ промышленности, безъ отношенія ихъ къ той или другой опредѣленной странѣ. Потомъ разсматриваетъ историческія условія, которыя привели за собою извѣстное развитіе формъ промышленности въ западной Европѣ и въ Россіи; далѣе говоритъ о современныхъ условіяхъ, имѣющихъ вліяніе на формы промышленности на западѣ и у насъ, и отсюда дѣлаетъ соображенія относительно возможныхъ и желательныхъ успѣховъ различныхъ формъ производства и особенно домашней промышленности въ Россіи.

За основаніе дѣленія промышленности на классы относительно формы г. Корсакъ беретъ вообще экономическую самостоятельность труда и вообще его спеціальность. Съ этой точки зрѣнія онъ дѣлитъ промышленность на нѣсколько родовъ и видовъ, которые можно свести къ двумъ отдѣламъ: большое производство и малое производство. Къ большому производству относятся фабрики и мануфактуры, къ малому ремесла и домашняя промышленность. Авторъ допускаетъ еще третій отдѣлъ — домашнюю систему производства. Но она очевидно одною стороною, капиталомъ, относится къ большому производству; другою, трудомъ, къ малому. Спеціальность труда, какъ извѣстно, имѣетъ результатомъ возможно большую массу и лучшее качество произведеній. Результатъ экономической независимости труда или работника, есть его экономическая обезпеченность, лучшее вознагражденіе за трудъ и безъ всякаго сомнѣнія гораздо болѣе удовлетворительное нравственное состояніе. Всего болѣе спеціальности въ трудѣ фабричномъ, который нерѣдко состоитъ въ томъ, что работникъ постоянно повторяетъ одно или нѣсколько самыхъ простыхъ движеній. Этотъ трудъ всегда бываетъ соединенъ съ большою помощью машинъ, и допущенное самое крайнее раздѣленіе, даетъ всего больше продуктовъ. Относительно массы произведеній никакая форма промышленности съ нимъ соперничать не можетъ. Это вещи давно извѣстныя, и г. Корсакъ напрасно много распространялся о нихъ. Гораздо менѣе спеціаленъ трудъ въ ремеслѣ, гдѣ работникъ большею частію одинъ приготовляетъ цѣлую вещь, переходя отъ одной операціи къ другой, до тѣхъ поръ пока вещь совсѣмъ не будетъ готова. Такъ же мало спеціаленъ трудъ въ домашней промышленности, гдѣ сельскій житель употребляетъ свое свободное отъ сельско-хозяйственныхъ занятій время на приготовленіе какихъ-нибудь мануфактурныхъ произведеній. Здѣсь также большею частью

Digitized by Google

цѣлая вещь приготовляется однимъ работникомъ отъ начала до конца. Даже въ домашней промышленности трудъ можно сказать еще менѣе специаленъ нежели въ ремеслѣ, потому что въ домашней промышленности работникъ иногда не только самъ обрабатываетъ матеріальную вещь, товаръ, но самъ же приготовляетъ или обработываетъ и сырой матеріалъ: шерсть, ленъ, даже желѣзо, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами же сельскіе работники добываютъ изъ болотной руды, и потомъ сами же обращаютъ въ издѣлія. Такимъ образомъ въ домашней промышленности трудъ специаленъ менѣе нежели на фабрикѣ; впрочемъ надобно прибавить, что нигдѣ въ ремеслѣ и въ домашней промышленности трудъ допускаетъ значительное раздѣленіе, если работникъ въ своемъ семействѣ имѣетъ помощниковъ: такъ болѣе легкія и требующія менѣе искусства работы предоставляются женщинамъ и дѣтямъ. Одинъ путешественникъ чрезвычайно удивился тому, что напримѣръ въ приготовленіи перочинныхъ ножей нашими крестьянами онъ нашелъ такое раздѣленіе, которое было бы подъ-стать какой-нибудь фабрикѣ или мануфактурѣ. Маленькія дѣти приготовляли въ грубомъ видѣ черенки, другіе ихъ отдѣлывали, третьи въ грубомъ видѣ приготовляли лезвія и металлическія части для ручекъ, наконецъ работники — они отдѣлывали лезвія, другіе составляли изъ приготовленныхъ частей ножи. Слѣдовательно домашняя промышленность, какъ и ремесло, допускаетъ значительное раздѣленіе труда, хотя конечно не такое, какое возможно на фабрикахъ при содѣйствіи машинъ.

Относительно степени самостоятельности работниковъ безспорно первое мѣсто принадлежитъ домашней промышленности. Вообще мануфактурный работникъ имѣетъ менѣе самостоятельности, нежели земледѣлецъ, особенно при томъ состояніи сельскаго хозяйства, въ какомъ оно существуетъ у насъ. Нашъ крестьянинъ-земледѣлецъ имѣетъ очень немного потребностей, для удовлетворенія которыхъ онъ нуждался бы въ деньгахъ, т. е. въ трудѣ другихъ; большею частію все нужное для него онъ имѣетъ у себя дома и самъ умѣетъ приготовить. Ремесленникъ же долженъ все купить, потому что самого, его благосостояніе весьма много зависитъ отъ спроса на его работу: если работы нѣтъ, то ремесленникъ такъ же какъ и фабричный работникъ, остается безъ средствъ къ жизни. А работы очень часто можетъ не быть и дѣйствительно не бываетъ благодаря многимъ обстоятельствамъ. Въ послѣднее время петербургскіе ремесленники вообще жалуются на уменьшеніе заказовъ, которые иногда даже совсѣмъ прекращаются. Такимъ образомъ уже по самой сущности дѣла, и ремесленникъ и фабричный ра-

Digitized by Google

больше всѣхъ зависитъ отъ другихъ людей и въ средствахъ къ жизни и во всѣхъ занятіяхъ. Фабричный работникъ имѣетъ еще другую зависимость — отъ предпринимателя. Иногда фабрикантъ уменьшаетъ плату рабочему изъ-за того, что не можетъ больше платить, разсчитывая будущій спросъ на цѣну товаровъ, или потому что желаетъ пользоваться большими выгодами отъ предпріятія, беретъ большій процентъ за затраченный капиталъ и отсчитываетъ себѣ большее вознагражденіе какъ автору даннаго предпріятія. Въ такомъ случаѣ фабричный работникъ находится въ зависимости не только отъ обстоятельствъ, а отъ личнаго произвола другого человѣка, который, ставя выше всего свою выгоду и зная безпомощное состояніе работниковъ, не отвѣчается ничѣмъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ и строитъ свое благосостояніе, увеличиваетъ свои капиталы тѣмъ, что уменьшаетъ кусокъ насущнаго хлѣба, который пріобрѣтаютъ въ его заведеніи бѣдные рабочіе. Въ этомъ случаѣ фабричный работникъ дѣйствительно беззащитенъ, потому что обыкновенное явленіе во всѣхъ фабричныхъ государствахъ то, что труда предлагается больше, нежели требуется, и фабрикантъ всегда имѣетъ возможность съ выгодою для себя замѣнить осмѣлившихся его работниковъ, тогда какъ работникъ, оставившій фабрику, осуждаетъ себя почти на вѣрную нищету.

Въ ремеслѣ нѣтъ этого послѣдняго вида зависимости: тамъ работникъ зависитъ только отъ спроса, т. е. отъ обстоятельствъ, да разумѣется отъ своего искусства и прилежанія. Въ домашней промышленности также нѣтъ мѣста этой зависимости отъ спроса, но въ ней она гораздо менѣе чувствительна для работника, потому что главная существенная черта домашней промышленности состоитъ въ томъ, что въ ней работникъ ищетъ только дополнительныхъ средствъ для жизни; главная его промышленность, основаніе его благосостоянія есть земледѣліе. Если крестьянинъ-земледѣлецъ, занимающійся у себя дома какимъ-нибудь производствомъ, благодаря недостатку спроса или благодаря предпочтенію только этого недостатка, не получаетъ отъ своей промышленности тѣхъ дополнительныхъ средствъ къ жизни, на которыя онъ всегда разсчитывалъ и которыя всегда имѣлъ прежде, — его положеніе дурно, ему грозитъ лишеніе, онъ не можетъ удовлетворить нѣкоторымъ изъ своихъ потребностей, но ему не грозитъ нищета, кусокъ хлѣба у него остается, и онъ не лишенъ пристанища, подобно фабричному работнику, потерявшему работу. Это есть главное преимущество домашней промышленности передъ фабричною. Нужно сказать, что преимущество это весьма важно, потому что недостатокъ въ работѣ

не есть что-нибудь необыкновенное: онъ имѣетъ мѣсто не только во время такихъ всеобщихъ кризисовъ, какъ кризисъ 1857 г.; онъ случается довольно часто; даже во всякое время есть много работниковъ безъ работы, и повременамъ бываютъ маленькіе кризисы, благодаря нерасчетливости предпринимателей или благодаря спекуляціи. Крестьянинъ, занимающійся у себя дома какимъ-нибудь производствомъ, легко переноситъ подобные кризисы; фабричный работникъ благодаря имъ лишается куска хлѣба и подвергается имъ гораздо чаще, потомучто скопленіе продуктовъ, отъ котораго происходитъ значительное пониженіе цѣнъ, и невозможность для всѣхъ фабрикантовъ продолжать производство, по крайней мѣрѣ въ прежнихъ размѣрахъ, всего чаще происходитъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыми успѣло овладѣть большое, преимущественно фабричное производство.

Кромѣ этого преимущества домашняя промышленность, частію вмѣстѣ съ ремесломъ, имѣетъ много другихъ, весьма значительныхъ сравнительно съ фабриками. Домашняя промышленность не отрываетъ человѣка отъ семейнаго быта; объ этомъ преимуществѣ распространяться много нечего, его хорошо пойметъ всякій, кто не сочувствуетъ тому образу жизни, который есть удѣлъ большихъ центровъ европейской промышленности и который состоитъ почти въ отрицаніи семейной жизни или въ искаженіи ея. Отъ фабричнаго и вообще отъ большого производства больше нечего и ждать; хорошаго въ этомъ отношеніи быть не можетъ тамъ, гдѣ дѣти обоего пола идутъ на работы безо всякаго надзора, гдѣ женщины и дѣвицы, какъ оказалось изъ офиціальныхъ изслѣдованій въ Англіи, участвуютъ въ работахъ вмѣстѣ съ мужчинами, и притомъ въ такихъ, которыя весьма мало приличны ихъ полу, и должны убивать въ нихъ всякое чувство стыдливости. Вообще нельзя не признать деморализирующаго вліянія фабрикъ, которое совершенно не имѣетъ мѣста въ домашней промышленности. Домашняя промышленность немыслима безъ семейнаго очага, тогда какъ фабричные работники и работницы въ большихъ городахъ осуждены самою натурою ихъ занятій на удаленіе или на совершенное отчужденіе отъ него. Невыгоды этого рода такъ велики, что правительства Англіи и Франціи еще въ сороковыхъ годахъ сочли нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло и регламентировали его. Конечно партизаны laissez faire, laissez passer осудятъ это, но не осудятъ тѣ, которымъ самимъ приходилось видѣть напримѣръ эту дѣйствительно безнравственную продажу малолѣтныхъ дѣтей родителями на фабрики, гдѣ они росли какими-то полулюдьми, уродами въ нравственномъ и даже

въ физическомъ отношеніи. Какая разница съ работою дѣтей въ семействахъ, гдѣ самыя маленькія дѣти 7—8 лѣтъ помогаютъ своимъ родителямъ, выполняя присущія дѣтямъ для ихъ работы какія-нибудь легкія, доступныя для ихъ возраста приготовленія.

Кромѣ того самое разнообразіе дѣятельности жизни земледѣльца, занимающагося мануфактурнымъ производствомъ, имѣетъ на него полезное вліяніе: оно развиваетъ его, расширяетъ его взглядъ на все; это преимущество замѣтили не поэты-идиллики, а экономисты. Въ самомъ дѣлѣ, сравните занятія подобнаго земледѣльца съ работою фабричнаго работника, цѣлый день, цѣлую недѣлю, цѣлую жизнь повторяющаго нѣсколько простыхъ движеній. Тутъ и хорошая натура отупѣетъ, превратится въ автомата, потому что тутъ нѣтъ мѣста для мысли и соображенія. У насъ подобное сравненіе земледѣльца съ работникомъ фабричнымъ, слѣдовательно большею частью городскимъ, можетъ-быть окажется иногда въ пользу работника городского; но это имѣетъ причину въ томъ, что у насъ земледѣлецъ гдѣ-нибудь въ глуши еще почти не подвинулся ни на шагъ изъ того умственнаго и нравственнаго состоянія, въ какомъ онъ былъ до Петра, тогда какъ городской житель такъ или иначе уже подвергнулся вліянію новой цивилизаціи. Притомъ у насъ почти нѣтъ еще такихъ фабричныхъ работниковъ, какіе есть напримѣръ въ Англіи. А что есть преимущество въ занятіяхъ земледѣльческихъ, особенно соединенныхъ съ мануфактурнымъ производствомъ, передъ занятіями фабричными, за это частью ручается то, что оно замѣчено еще Адамомъ Смитомъ. Нибуръ тоже высказываетъ подобное мнѣніе, даже еще даетъ ему болѣе значенія (1).

Разумѣется все-таки главное преимущество домашней промышленности сравнительно съ фабричною заключается въ большей обезпеченности экономической, противъ которой возражать нельзя, и въ томъ, что оно, давая естественное направленіе всей жизни человѣка, тѣмъ самымъ поддерживаетъ на высшей степени весь вообще нравственный уровень человѣка. Прибавимъ, что эта обезпеченность и высшій нравственный уровень, имѣя значеніе и чисто-экономическое, имѣютъ гораздо большее значеніе политическое и общественное.

Конечно эти причины опредѣлили взглядъ г. Корсака на домашнюю промышленность, по которому онъ непохожъ на тѣхъ изъ нашихъ экономистовъ, которые, не имѣя обыкновенія дѣлать

(1) См. изслѣдованіе г. Леонтьева о судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ Римѣ. P. S. 1861, № 1.

Digitized by Google

всестороннюю критику извѣстныхъ экономическихъ формъ, желали бы, чтобъ наша промышленность была копіею промышленности тѣхъ изъ западно-европейскихъ государствъ, которыя имъ больше нравятся, потому что больше знакомы.

«Принимая выводы науки слишкомъ безусловно и узко,—говоритъ г. Корсакъ о подобныхъ экономистахъ нашей литературы,—многіе не признаютъ законности даннаго экономическаго явленія, какъ скоро оно не подходитъ подъ какой-нибудь параграфъ учебника. Они знаютъ напримѣръ, что для успѣшнаго производства необходимо раздѣленіе труда; и вотъ, помня этотъ выводъ науки, дѣлаютъ заключеніе, что мануфактурная промышленность для земледѣльца не годится, что ни она, ни сельское хозяйство не могутъ хорошо идти при такомъ сочетаніи двухъ различныхъ родовъ дѣятельности, что земледѣлецъ-ремесленникъ будетъ дурнымъ земледѣльцемъ и дурнымъ ремесленникомъ. Припоминая, что говоритъ наука о значеніи капитала въ промышленности, они дѣлаютъ прямое заключеніе, что домашній способъ производства не можетъ устоять въ борьбѣ съ фабриками и не заслуживаетъ никакого поощренія, что онъ неспособенъ къ развитію и осужденъ заранѣе исчезнуть безъ всякихъ слѣдовъ. Далѣе, разсуждая совершенно справедливо, что дешевизна и удобство полученія сырого матерьяла имѣютъ большое значеніе для промышленности, и не находя этого условія въ какой-либо отрасли домашняго производства, они тотчасъ же произносятъ надъ нимъ строгій судъ и осуждаютъ на изгнаніе, послѣ чего соображаютъ, куда бы переселить его изъ неподобающаго ему мѣста и какимъ бы промысломъ замѣстить свободную вакансію. Другія условія промышленной дѣятельности жителей мало обращаютъ на себя ихъ вниманіе: есть сырой матерьялъ на мѣстѣ—есть и мѣсто для промысла; нѣтъ его—нѣтъ и ему мѣста. Подобная логика ведетъ иногда къ весьма страннымъ заключеніямъ, которыя становятся очень опасны, если дѣлаются основаніемъ и указателями для административной дѣятельности».

Г. Корсакъ приводитъ и свое мнѣніе, очень вѣрное, о причинахъ подобныхъ заключеній.

«Трудно—говоритъ онъ—освободиться отъ такого рода ошибокъ, но должно сознаться, что эта трудность происходитъ главнымъ образомъ отъ слишкомъ большой поспѣшности выводовъ, отъ узкости взглядовъ, и отъ заранѣе составленныхъ идей. Избѣжать крупныхъ ошибокъ возможно однимъ путемъ: должно не услаждаться созерцаніемъ даннаго явленія, не лишать его всякой основы, а ана-

Digitized by Google

[illegible] путемъ сравнительнымъ и историческимъ, не забывая свои изъ виду [illegible] дѣйствительной почвы. [illegible] г. Корсаковъ изложилъ рядъ [illegible], которой онъ слѣдовалъ при рѣшеніи своей задачи. Онъ обстоятельно занялся изслѣдованіемъ тѣхъ выгодъ, которыя представляетъ каждая форма промышленности собственно въ экономическомъ отношеніи. Фабричное производство, какъ уже сказано, имѣетъ преимущество предъ всѣми другими формами относительно большей, сравнительно, массы произведеній, достающихся на извѣстное количество труда; но фабричное производство требуетъ большихъ капиталовъ для устройства фабрикъ и машинъ, для оборотнаго капитала, который требуется тѣмъ въ большемъ количествѣ, что фабрикантъ невсегда расчитываетъ на скорый сбытъ; и притомъ роль фабрикъ ограничивается тѣмъ, что онѣ производятъ только однообразныя издѣлія, гдѣ механическое движеніе можетъ легко замѣнить руку работника. Для издѣлій разнообразныхъ, сложныхъ, часто измѣняющихся сообразно перемѣнѣ вкуса, моды, фабрики не могутъ замѣнить личный трудъ человѣка.

Домашняя промышленность имѣетъ одно экономическое преимущество, которое позволяетъ ему соперничествовать съ фабричнымъ: это дешевизна производства. Фабрики производятъ много; но не смотря на большую массу, произведенія ихъ все-таки не могутъ быть дешевы, потомучто въ цѣну ихъ входятъ вычисленные выше элементы, оборотный капиталъ, процентъ и погашеніе основного капитала, ремонтъ и содержаніе фабрики; кромѣ того сюда входитъ еще неопредѣленный элементъ — выгода предпринимателя. Все это дѣлаетъ произведенія фабрикъ дорогими въ извѣстной степени. Въ домашней системѣ цѣна продукта составляется только изъ оборотнаго капитала, т. е. цѣны сырого матерьяла и издержекъ производства, и платы за трудъ рабочему. Здѣсь нѣтъ процентовъ съ основного капитала, потомучто капиталъ этотъ ничтоженъ: это нѣсколько орудій, стоющихъ весьма незначительной суммы. Здѣсь нѣтъ платы предпринимателю, потомучто предприниматель — это самъ работникъ, который доволенъ очень умѣренной платой за свой трудъ въ качествѣ работника. Но главное условіе дешевизны произведеній домашней промышленности то, что они не составляютъ главнаго [illegible] работника, а только второстепенное, побочное. Будь домашнее производство главнымъ занятіемъ, продукты его также [illegible] дороги. Но работникъ-земледѣлецъ не отъ своей мануфактурной промышленности имѣетъ свое содержаніе; она даетъ ему только небольшой доходъ для дополненія того, который онъ

имѣетъ отъ земледѣлія. Притомъ онъ заряжается своею промышленностью въ свободное отъ сельскохозяйственныхъ занятій время, которое у него безъ того пропадало бы даромъ. Эта дешевизна производства даетъ возможность домашней промышленности соперничать даже съ фабриками. Но при этомъ нужно сдѣлать оговорку: все-таки домашняя промышленность не можетъ соперничать съ фабриками въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, которыя по природѣ матерьяла и издѣлія весьма удобны для дѣйствія машинъ, которыя даютъ такое количество продуктовъ, съ которымъ никакія формы промышленности соперничать не могутъ. Но сюда относится только одно производство, именно пряденіе хлопчатой бумаги. Съ машиннымъ пряденіемъ ея не можетъ соперничать ни въ какомъ случаѣ ручное пряденіе. Во всѣхъ другихъ отрасляхъ производства рядомъ съ машинами существуетъ трудъ человѣка и болѣе или менѣе удачно выдерживаетъ конкуренцію фабрикъ, не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ машины доведены до удивительнаго совершенства; такъ пряденіе льна, шерсти вездѣ производится какъ на фабрикахъ машинами, такъ и въ домашней системѣ руками работниковъ и работницъ. Во многихъ отрасляхъ производства домашній трудъ имѣетъ преимущество передъ фабричнымъ. Все это съ возможною подробностью изложено г. Корсакомъ въ нѣсколькихъ главахъ его сочиненія. Особенно подробно излагаетъ г. Корсакъ состояніе домашней промышленности въ Россіи. И изъ частнаго анализа условій и состоянія разныхъ видовъ промышленности, авторъ дѣлаетъ общій выводъ, съ которымъ нельзя не согласиться. Въ настоящемъ состояніи наша домашняя промышленность имѣетъ, по словамъ г. Корсака, много темныхъ сторонъ.

«Ея неподвижность и рутина, — говоритъ онъ, — по большей части дурное качество ея издѣлій выкупаются только отчасти дешевизною, которая не всегда соединяется съ выгодами производителей. Экономическія условія домашняго производства не всегда выгодны; такъ немногія отрасли его обработываютъ домашніе матерьялы. Раздѣляя общій характеръ мелкаго производства, оно пріобрѣтаетъ ихъ покупкою по мелочамъ у различныхъ торговцевъ съ надбавкой высокихъ процентовъ». «Въ сбытѣ издѣлій множество мелкихъ посредниковъ. Въ ремесленныхъ отрасляхъ промышленности у насъ еще болѣе чѣмъ за границею затруднены непосредственныя, болѣе или менѣе близкія сношенія съ рынкомъ или съ оптовой торговлей; на каждомъ шагу являются барышники, тулаки и т. п. Все это даетъ ненормальное направленіе конкуренціи производителей, которая усиливается только между производителями

мы въ отношеніи къ перекупщикамъ и торговцамъ, но не къ потребителямъ. Располагая вполнѣ сбытомъ, монополисты заботятся только о томъ, чтобъ имъ самимъ достались издѣлія дешевле; для этого они обращаются къ дешевымъ, но плохимъ работникамъ, а потребителямъ продаютъ эти плохія, но дешевыя издѣлія все-таки не такъ дешево, какъ могли бы они продаваться при болѣе прямыхъ сношеніяхъ съ рынкомъ самихъ производителей. Поэтому же домашнія произведенія у насъ не только не улучшаются, но дѣлаются хуже прежняго».

Надобно признаться, что эта общая картина нашей домашней промышленности выходитъ совсѣмъ неутѣшительна. Но если всмотрѣться даже только въ этотъ общій обзоръ, легко убѣдиться, что всѣ причины, имѣющія вредное вліяніе на нее, принадлежатъ къ причинамъ случайнымъ, притомъ къ такимъ, которыя естественнымъ образомъ перестанутъ существовать съ постепеннымъ распространеніемъ образованія въ нашемъ сельскомъ населеніи. Конечно не осуждены же мы на вѣчный застой, и было бы странно предположить, что наши наименѣе образованные классы такъ и останутся въ томъ состояніи, въ какомъ они находились до Петра. Такимъ образомъ неподвижность и рутина рано или поздно должны уступить мѣсто усовершенствованіямъ; разумѣется надобно, чтобъ для этого были приняты какія-нибудь мѣры даже сверху. Правительства западной Европы устраиваютъ техническія школы, устраиваютъ выставки; это дѣлается частью и у насъ, но не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, и жители отдаленныхъ губерній почти не имѣютъ возможности пользоваться выгодами подобныхъ учрежденій. Можно желать и надѣяться, что освобожденный земледѣлецъ легко примкнетъ къ общему движенію цивилизаціи, и что общее движеніе пойдетъ быстрѣе, нежели оно шло до сихъ поръ. Можно надѣяться, что уничтожатся нѣкоторыя другія препятствія для успѣховъ промышленности нашей вообще, тѣ препятствія, о которыхъ нѣсколько лѣтъ назадъ г. Бабстъ первый подалъ голосъ, вредное дѣйствіе которыхъ и г. Корсакъ отмѣчаетъ въ своемъ трудѣ. Теперь ужь время другое; а можетъ-быть впрочемъ всѣ эти надежды и не исполнятся. Тогда дѣлать нечего; и домашняя промышленность пойдетъ рядомъ съ другими сторонами жизни, пойдетъ по прежней, избитой колеѣ.

Но конечно движеніе впередъ, по крайней мѣрѣ желаніе его, всегда предполагается, когда идетъ рѣчь объ успѣхахъ въ какой бы то ни было сторонѣ общественной жизни; и съ этимъ предположеніемъ можно надѣяться, что рутина и неподвижность и другія без-

[illegible] препятствія исчезнутъ изъ [illegible] домашней промышленности. Точно также и съ общимъ усиленіемъ общественной жизни, съ улучшеніемъ путей сообщенія, крестьянину-промышленнику будутъ доступнѣе рынки, гдѣ [illegible] первоначальный сырой матеріалъ и продастъ свои издѣлія прямо потребителямъ или торговцу, не такому, какой теперь [illegible] его занятій, котораго г. Корсакъ называетъ барышникомъ и кулакомъ. Въ сношеніяхъ крестьянъ-производителей съ [illegible] многое зависитъ отъ опытности ихъ самихъ, отъ [illegible], даже иногда отъ случая. Г. Корсакъ приводитъ случай, какъ крестьяне, приготовлявшіе камешки въ вологодской губерніи рогожи, были систематически грабимы компаніею купцовъ, которые, сговорившись между собою, понизили цѣну рогожъ до 14 рублей за тысячу, тогда какъ сами продавали ихъ по 38 рублей торговому дому Брандта въ Архангельскѣ. Это стало извѣстно самому г. Брандту, и онъ вступилъ въ прямыя сношенія съ производителями, отчего выиграли [illegible] и онъ самъ, и еще больше производители-крестьяне. Часто, именно благодаря невѣдѣнію, неопытности производителей и потребителей, тѣ и другіе терпятъ невыгоды отъ слишкомъ дорогихъ посредниковъ. Само собою разумѣется, что эта неопытность, невѣдѣніе производителей мало-помалу должны уменьшаться, уступая мѣсто опытности и знанію рынковъ и потребителей. Въ западной Европѣ крестьянинъ и городской ремесленникъ въ часы отдыха читаетъ свою грошовую газету; нашъ крестьянинъ и ремесленникъ вмѣсто подобнаго занятія, еще недоступнаго ему, [illegible] долгомъ напиться; а какъ оказывается изъ нѣкоторыхъ недавно [illegible] наружу фактовъ, благонамѣренный человѣкъ не имѣетъ возможности дѣйствовать противъ этого общаго недостатка нашего рабочаго класса. Конечно, если это и другое пойдетъ тою же дорогою, большихъ успѣховъ и въ нихъ ждать нельзя.

Но по крайней мѣрѣ наша домашняя промышленность не имѣетъ въ себѣ никакихъ внутреннихъ, присущихъ ей причинъ, которыя грозили бы ей паденіемъ. Если она существуетъ теперь и развиваетъ довольство тамъ, гдѣ она распространена, — можно надѣяться, что состояніе ея будетъ еще лучше, если всѣ выгоды, которыя она доставляетъ, будутъ обращаться въ пользу производителей, а не кулаковъ, посредниковъ между ними и потребителями. Удивительно было бы, если бы рутина и неподвижность уступили мѣсто усовершенствованіямъ, когда посредники доводятъ плату работникамъ до [illegible] минимума, дальше котораго невозможно производство. Усовершенствованія требуютъ знакомства съ [illegible]

производство, помощь орудій, но это нужны средства; а въ настоящемъ положеніи дѣло средства сосредоточиваются въ рукахъ посредниковъ-купцовъ, да кромѣ-того и потому не дѣлается усовершенствованій, что кромѣ-дѣлового расчисленія не возможно ожидать ихъ, потому что они и увеличились. Что за охота производителю дѣлать вещи лучше, когда онъ знаетъ, что не получитъ за нее больше. Торговецъ заботится только о томъ, чтобъ дешевле купить, расчитывая обмануть покупщика одинъ разъ, а потомъ исправить, чтобъ въ другой разъ Богъ слушка послалъ. Извѣстно, что хорошая работа требуетъ непремѣнно только не такихъ расчетовъ и оставляется. Эти барышники — истинный бичъ домашней промышленности; безъ нихъ мало того что производство постоянно улучшалось бы, оно значительно расширилось бы, потому что издѣлія стали бы и лучше и дешевле, и натурально имѣли бы большій сбытъ. Напримѣръ теперь въ Петербургѣ кирсіе сапоги продаются около трехъ рублей за пару, и конечно довольно плохіе. Безъ сомнѣнія такіе сапоги у мастера стоятъ не больше двухъ рублей. Дайте самому мастеру три рубля, и вы получите сапоги, за которые въ Петербургѣ нужно заплатить 7 рублей. Товаръ будетъ лучше. И тогда всякій будетъ его покупать, и сбытъ будетъ огромный, потому что уже и теперь онъ довольно значителенъ.

Вникая г. Корсака на состояніе нашей домашней промышленности, состояніе дѣйствительное и возможное, отличается вѣрностью, какую даетъ ему знакомство съ этимъ дѣломъ и пониманіе значенія домашней промышленности преимущественно у насъ въ Россіи. Не скрывая дурныхъ сторонъ ея, онъ и не приписываетъ имъ большого значенія. Будучи слѣдствіемъ причинъ случайныхъ или такихъ, которыя должны потерять свое дѣйствіе съ успѣхами цивилизаціи, онѣ сами исчезнутъ наконецъ, и тогда домашняя промышленность должна явиться въ лучшемъ видѣ, съ результатами болѣе полезными и для потребителей, и особенно для производителей, и слѣдовательно для народнаго богатства вообще.

«Новѣйшее время, — говоритъ авторъ въ заключеніи своей диссертаціи, — показало, что даже на западѣ, въ центрѣ фабричнаго производства, гдѣ фабрики поглотили уже родственную имъ мелкую промышленность, гдѣ мелкіе производители не имѣютъ того выгоднаго положенія, въ какомъ могутъ быть наши крестьяне, есть еще возможность даже простымъ работникамъ пользоваться всѣми выгодами фабричнаго производства, на правахъ самостоятельныхъ хозяевъ. Возможность эта заключается въ кредитѣ и ассоціаціи мелкихъ ремесленниковъ, въ общественныхъ мастерскихъ и общественныхъ машинахъ.

Digitized by Google

Вотъ гдѣ рѣшеніе задачи: кредитъ и ассоціація; общественныя мастерскія и общественныя машины. Что касается до общественныхъ мастерскихъ и машинъ, потребность ихъ для русской домашней промышленности весьма сомнительна. Русскій народъ въ экономической сторонѣ жизни всегда показывалъ и до сихъ поръ показываетъ много общественнаго духа; но это, если относится къ общественнымъ работамъ, то только при отходныхъ промыслахъ и притомъ къ такимъ, гдѣ является только просто соединенный трудъ, безо всякихъ общихъ построекъ, покупокъ орудій и т. п. Наши крестьяне, при самомъ посредственномъ состояніи, имѣютъ каждый свою ригу, овинъ, гумно, всѣ орудія; отправляясь въ дорогу, они любятъ собраться массою, но этимъ и кончается общественный характеръ дѣла. Г. Корсакъ приводитъ примѣръ, что шубники какой-то мѣстности на общій счетъ отправляютъ свои товары въ Москву, и тамъ нанимаютъ лавку: прекрасный примѣръ для подражанія нашимъ сельскимъ промышленникамъ; но тутъ опять ассоціація въ сбытѣ, а не въ производствѣ. Если, благодаря особеннымъ обстоятельствамъ, случается, что наши сельскіе производители пользуются одною мастерскою, нѣсколько семействъ, въ такомъ случаѣ они пользуются ею попеременно одни послѣ другихъ. Можетъ-быть благодаря этому духу индивидуальности, независимости въ работѣ, имѣетъ столь значительное развитіе вся наша домашняя промышленность. Русскій работникъ, какъ замѣчаетъ самъ г. Корсакъ, не любитъ регулярности, и благодаря частью этому, у насъ происходитъ явленіе противное всѣмъ государствамъ запада,— именно, что иногда не фабричные работники ищутъ работы у фабрикантовъ, а фабриканты ищутъ людей для работы. Да это и вообще противно натурѣ человѣческой: человѣкъ не можетъ вполнѣ сдѣлаться машиною; стѣсненный въ томъ и другомъ, онъ хоть въ подробностяхъ работы любитъ быть самъ себѣ господиномъ; это прекрасно развито Прудономъ въ критикѣ ученія Луи-Блана. И безъ сомнѣнія, благодаря этой наклонности къ индивидуальности въ подробностяхъ жизни и работы, не удались всѣ попытки организаціи общественнаго труда. Точно такъ же мало примѣнимо у насъ заведеніе общественныхъ машинъ. Въ Англіи онѣ существуютъ въ городахъ, и то все-таки въ видѣ частной, недѣлимой собственности, только устроиваются и помѣщаются такъ, что могутъ служить многимъ рабочимъ. У насъ и машины дороже и капиталы дороже, стало-быть подобная машина потребуетъ значительной наемной платы; и потому ей трудно найти довольно практики даже въ городахъ, не только въ селахъ. Если осуществится что-нибудь подобное, то это будетъ стоить дорого; а не надобно забывать, что главное условіе жизненности домашней

Digitized by Google

промышленности состоитъ въ дешевомъ производствѣ, и что цѣна фабричныхъ произведеній не можетъ слишкомъ много понижаться благодаря употребленію на фабрикахъ дорогихъ машинъ.

Другое дѣло ассоціація и кредитъ. Кредитъ былъ у насъ устроенъ въ широкихъ размѣрахъ инициативою правительства для развитія земледѣлія, и въ сознаніи въ большинствѣ случаевъ служилъ только поводомъ къ расточительности; теперь снова заговорили о такихъ же сомнительныхъ учрежденіяхъ, имѣющихъ быть съ ничтожною помочь не улучшенію земледѣлія, а опять той же расточительности; можно подумать и о помощи домашней промышленности, которая дала бы съ экономическою обезпеченностью земледѣльческаго класса посредствомъ поземельнаго залога основу будущаго благосостоянія народа и застраховала его противъ пролетаріата, тѣмъ болѣе что въ этомъ дѣлѣ и нуженъ и возможенъ кредитъ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, и главною залогою его должно быть освобожденіе производителей отъ обременительныхъ посредниковъ въ покупкѣ сырого матеріала и продажѣ произведеній. Равно и ассоціація не пойдутъ и даже не должны имѣть дальше покупки сырого матеріала и продажи издѣлія. Но, опершись на этихъ двухъ подпорахъ, наша домашняя промышленность дѣйствительно должна дать не только такіе результаты, какъ въ Швейцаріи, но даже лучшіе, потомучто несмотря на довольно значительное дѣленіе почвы, все-таки организація русскаго земледѣльческаго класса больше благопріятствуетъ развитію домашней промышленности.

Г. Корсакъ твердо увѣренъ въ блестящей будущности нашей домашней промышленности. Онъ думаетъ даже, что современемъ фабрика уступитъ ей часть своей области, хотя это можетъ быть и нескоро. Разумѣется, рѣчь идетъ только о такомъ производствѣ, въ которомъ большія машины не имѣютъ того могущества, какъ напримѣръ въ прядевіи шерсти, льна и т. п. Послѣ того какъ онъ занялся такъ раціонально изслѣдованіемъ состоянія домашней промышленности у насъ и въ западной Европѣ, онъ имѣетъ полную компетентность въ сужденіи объ этомъ предметѣ.

«Мы видѣли, говоритъ онъ, что и въ немъ (домашнемъ производствѣ) возможно раздѣленіе труда, даже самое сложное; на примѣръ Англіи мы замѣтили, что и для него доступны машины (1), а на многихъ примѣрахъ Европы и Россіи — что и оно можетъ ука-

(1) Машины употребляются и у насъ въ домашнемъ производствѣ, напримѣръ въ металлическомъ и друг.

[illegible] фабричной труда обеспечивает благосостояние работника, чего скоро не встретится ни одному покупщику с сибирями, при даже и в этом случае, если он будет устроить себе некоторые выгоды фабричного производства, они должны [illegible] фабрики; что при наличных фирмах ассоциации и вдали от них [illegible] перекупщиков и кулаков, при малейшей тяжи помощь кредита (не перекупщиков) они дать рабочему [illegible] положение.

Вот выводы, до которых дошел г. Корсак в своем исследовании о домашней промышленности России. С ними нельзя не согласиться; тем больше, — с ними очень приятно соглашаться, — это [illegible] в нашей экономической литературе.

Позволимъ себѣ прибавить къ этому нѣсколько замѣчаній относительно подробности разсмотрѣнія авторомъ различныхъ отраслей промышленности. Источники, которыми пользовался авторъ для полученія свѣдѣній о состояніи домашней промышленности не только западной Европы, но и Россіи, были повидимому недостаточны и неудовлетворительны.

Кажется, г. Корсакъ допустилъ въ своемъ изслѣдованіи нѣсколько невѣрныя данныя относительно состоянія нѣкоторыхъ отраслей домашняго производства. Такъ онъ относитъ ткацкое бумажныхъ издѣлій по домашней системѣ къ числу самыхъ невыгодныхъ занятій для земледѣльцевъ; и это основываетъ на статьяхъ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, владимірскихъ губернскихъ вѣдомостей и даже на матеріалахъ для статистики Россіи, собираемыхъ по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ. Кому приходилось видѣть самому состояніе домашнихъ тканей бумажныхъ матерій на мѣстѣ, тотъ удивится, прочитавши выше объ этомъ предметѣ г. Корсака. Или можетъ-быть состояніе этой промышленности слишкомъ различно для различныхъ мѣстъ, — тому съ трудомъ можно вѣрить. Такъ въ московской губерніи около Богородска, около самой Москвы и Коломны, эта отрасль домашней промышленности находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Крестьяне, даже занимаясь земледѣліемъ, живутъ достаточно именно отъ ткацкаго бумажныхъ матерій. Г. Корсакъ приводитъ цифры изъ журнала министерства внутреннихъ дѣлъ, гдѣ около сорокового года крестьянинъ не могъ на этомъ промыслѣ заработать больше 1 р. 70 копѣекъ въ мѣсяцъ, и потомъ изъ мат. для стат. Россіи, что въ послѣднее время крестьяне ярославской губерніи, занимающіеся

ленно промышленности, не могутъ заработать отъ зимнихъ бывшіе 2½ р. ст. Вѣрно ли эти цифры? Крестьяне костромской губерніи, вообще неуспѣвающей мѣстности, не изъ собственныхъ разсказовъ, легко заработываютъ 10, 15 и даже до 20 рублей въ мѣсяцъ. Разница слишкомъ велика и не можетъ быть объяснена только разностью заработной платы вообще въ томъ и другомъ мѣстѣ. А что эти разсказы не выдумка, это видно на дѣлѣ: крестьяне въ этихъ мѣстахъ нашли дѣйствительно чрезвычайно достаточно; это легко видѣть даже съ перваго взгляда; тотчасъ оказывается и явный наведеніе болѣе основательныхъ справокъ, такъ что цифры, представляемыя г. Корсакомъ, кажутся больше нежели подозрительными. И въ самомъ дѣлѣ статистикамъ въ дѣлѣ цифръ полной довѣренности давать нельзя: здѣсь возможна и почти всегда имѣетъ мѣсто утайка, особенно уменьшеніе цифръ заработковъ и вообще дохода, изъ опасенія, что изъ большой суммы придется много платить куда-нибудь. Конечно если цифры, найденныя г. Корсакомъ, неудовлетворительнымъ образомъ убѣдиться въ этомъ трудно, кромѣ лучше собственное наблюденіе дѣла на мѣстѣ и притомъ не въ качествѣ статистическаго лица. Но разумѣется тутъ является совсѣмъ другой вопросъ о средствахъ, которыя для этого нужны и которыми не всѣхъ можетъ располагать. А было бы можно, если бы произведено было подобное изслѣдованіе нашей домашней промышленности.

Если дѣйствительно цифры, добытыя г. Корсакомъ, невѣрны, это нисколько не ослабляетъ его выводовъ, напротивъ даже усиливаетъ. Въ такомъ случаѣ даже современная картина не будетъ такъ печальна, и это составитъ новый аргументъ въ пользу естественности домашней промышленности на нашей почвѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если при современныхъ жалкихъ условіяхъ, производство представляетъ результаты довольно удовлетворительные, то тѣмъ больше основательно ждать отъ него при условіяхъ болѣе благопріятныхъ.

Говоря о современныхъ причинахъ, способствующихъ развитію нашей домашней промышленности, г. Корсакъ повидимому выдаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ находитъ, что между этими причинами есть нѣсколько такихъ, которыя относятся къ преходящимъ, и что онѣ скоро должны миновать, и тогда причинъ развитія домашняго производства будетъ меньше, слѣдовательно оно должно будетъ упасть. Потому онъ и говоритъ, что «домашняя организація производства въ настоящее время у насъ еще господствуетъ»: значитъ г. Корсакъ видитъ, что она перестанетъ господствовать.

Это противорѣчитъ общимъ выводамъ, сдѣланнымъ имъ, особенно противорѣчитъ высказанной имъ надеждѣ, что современемъ даже фабрики частью уступятъ домашней промышленности изъ того, что ими уже завоевано. Это можетъ ввести въ ошибку читателей книги Корсака, тѣмъ болѣе что и въ другихъ мѣстахъ въ ней разсѣяны кое-гдѣ подобныя обмолвки; и читатель вмѣсто того, чтобъ принять его выводы, отброситъ ихъ и отнесетъ существованіе нашей домашней промышленности главнымъ образомъ къ этимъ преходящимъ причинамъ. Читатель въ этомъ ошибется, потомучто эти преходящія причины, если и дѣйствительно перестанутъ существовать, все-таки не перестанетъ существовать и не уменьшится наша домашняя промышленность. Къ нимъ г. Корсакъ относитъ: «малочисленность сельскаго населенія, слабое раздѣленіе труда въ производствѣ, и слабое развитіе промышленности вообще, отсутствіе благопріятныхъ условій для фабричнаго производства, рѣдкость, недостатокъ путей сообщенія и капиталовъ, низкія цѣны на земледѣльческіе продукты, безыскусственность и невыгодность земледѣлія». Разберемъ коротко эти причины, насколько онѣ благопріятствуютъ теперь домашнему производству, и почему уменьшеніе ихъ будетъ вредно для него.

Во-первыхъ многочисленность сельскаго населенія. Оно у насъ составляетъ 90% всего населенія. Какъ велико предполагаетъ г. Корсакъ уменьшеніе его? Въ Швейцаріи оно составляетъ 87%. Если наше сельское населеніе упадетъ до этой цифры, то почему же въ немъ упадетъ домашняя промышленность, когда въ Швейцаріи она рѣшительно преобладаетъ надъ фабричною? Если же онъ думаетъ, что у насъ цифра эта еще болѣе упадетъ, то отчего не падаетъ она въ Швейцаріи, гдѣ нѣтъ такого выгоднаго для сельскаго населенія распредѣленія почвы?

Слабое раздѣленіе труда въ производствѣ. Что это такое? На фабрикахъ и мануфактурахъ у насъ трудъ раздѣленъ по фабричному. Въ домашней промышленности? Но выше приведены слова г. Корсака, которыя говорятъ противное. Гдѣ же еще слабое раздѣленіе труда? И гдѣ и почему онъ современемъ способенъ допустить большее раздѣленіе?

Слабое развитіе промышленности вообще. Г. Корсакъ самъ признаетъ развитіе всѣхъ формъ промышленности. Почему же онъ думаетъ, что домашнее производство въ это время упадетъ, когда онъ самъ сказалъ, что наша домашняя промышленность для будущаго находится въ особенно хорошихъ условіяхъ, а въ историческомъ обозрѣніи развитія всѣхъ вообще формъ промышленности въ Россіи

Digitized by Google

сказалъ, что фабричная промышленность, не смотря на сильное покровительство, всегда шла и до сихъ поръ идетъ плохо; а домашняя промышленность, при всѣхъ ея неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, всегда удачно, даже съ нею соперничала во многихъ отрасляхъ промышленности; а нѣкоторыя до сихъ поръ остаются исключительно за домашнею промышленностью.

Отсутствіе благопріятныхъ условій для фабричнаго производства, т. е. дороговизна работы, недостатокъ капиталовъ и искусныхъ работниковъ. Но почему же думаетъ г. Корсакъ, что работа современемъ подешевѣетъ? Развѣ онъ расчитываетъ на пролетаріатъ? Нѣтъ, онъ не допускаетъ его, благодаря нашему поземельному устройству и той же домашней промышленности. Стало-быть работа и не будетъ дешевле, и лай Богъ. И почему думаетъ г. Корсакъ, что образованіе большихъ капиталовъ убьетъ домашнюю промышленность? Напротивъ, возьмемъ опять Швейцарію: тамъ большіе капиталы не могутъ соперничать съ домашнею промышленностью и ищутъ себѣ помѣщенія внѣ Швейцаріи, между прочимъ во Франціи, на что, какъ извѣстно, и жалуются очень сурово французскіе экономисты, говоря, что швейцарскіе капиталисты скупятъ современемъ всю почву Франціи и будутъ отдавать ее въ наймы французамъ, такъ что французы изъ хозяевъ сдѣлаются фермерами чужестранцевъ на своей же почвѣ. Думаетъ ли г. Корсакъ, что техника нашихъ работниковъ вообще поднимется? Это должно непремѣнно быть; только отъ этого прежде всего и больше всего выиграетъ домашняя промышленность, потомучто въ ней искусство работника есть единственное условіе достоинства вещи, тогда какъ на фабрикахъ это есть ли не послѣднее, по крайней мѣрѣ неглавное. Или машины сдѣлаются дешевле, но тогда онѣ сдѣлаются доступнѣе для домашней промышленности, и она воспользуется нѣкоторыми изъ нихъ, т. е. воспользуются новымъ оружіемъ въ борьбѣ съ фабриками, которое имъ теперь недоступно.

Недостатокъ путей сообщенія. Но отъ улучшенія путей сообщенія домашняя промышленность выиграетъ больше нежели фабрики, потомучто продукты домашней промышленности, равно какъ сырой матеріалъ, употребляемый ею, имѣютъ большею частью объемъ сравнительно бо́льшій, чѣмъ объемъ сырого матеріала и продуктовъ фабрикъ. И притомъ наша домашняя промышленность также далеко отправляетъ свои произведенія. Изъ губерній нижегородской, владимірской они идутъ даже въ Малороссію и въ Новую Россію: тутъ въ издержкахъ транспорта можно много выиграть.

Низкія цѣны на земледѣльческіе продукты. Правда, цѣны эти должны подняться. Но не надобно забывать, что при этомъ и обра-

ботка должна быть старательнѣе, стало-быть будетъ стоить дороже, и выгода земледѣльца останется пропорціональна выгодамъ другихъ рабочихъ; и земледѣліе не оттянетъ отъ домашней промышленности никого, тѣмъ болѣе, что зима вѣроятно попрежнему останется и тогда обработка земли должна будетъ, какъ и теперь, прекращаться. А высокія цѣны на хлѣбъ не повредятъ домашней промышленности сравнительно съ фабриками, потомучто земледѣлецъ-промышленникъ все-таки будетъ употреблять по крайней мѣрѣ большею частью *свой* хлѣбъ и другіе сельскіе продукты, что всегда обходится дешевле; потомучто при покупкѣ его въ городѣ, прибавится цѣна провоза, да барышъ купца, и даже не одного.

Такимъ образомъ, если всѣ эти преходящія условія дѣйствительно пройдутъ, то отъ тѣхъ условій, которыя ихъ замѣнятъ, домашняя промышленность большею частью выиграетъ, не только абсолютно, но даже и сравнительно съ фабриками. Г. Корсакъ вѣроятно допустилъ ихъ значеніе по ошибочному стремленію къ логической полнотѣ, всесторонности, которая перешла у него въ противорѣчіе другимъ его положеніямъ. Впрочемъ тутъ пробивается наружу и другой элементъ, вслѣдствіе котораго этимъ условіямъ авторъ далъ значеніе. Г. Корсакъ называетъ эти условія «свойственными каждому народу на извѣстной степени его экономическаго развитія». Въ другихъ мѣстахъ у него вырываются подобныя выраженія, которыя идутъ какъ-будто изъ мысли, что домашняя промышленность есть низшая ступень экономическаго развитія, за которою слѣдуетъ высшая фабричная промышленность. Эти выраженія имѣютъ начало повидимому въ томъ, что г. Корсакъ не успѣлъ вполнѣ освободиться отъ ученія индустріальной школы. Между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ его книги есть мѣсто, которое должно сдѣлать полный разрывъ между нимъ и этою школою. Это похвала, которую онъ дѣлаетъ прусскимъ die Haspel und die neue Ordnungen. Эти Ordnungen не больше и не меньше какъ регламентація производства, отъ которой страдали фабриканты Франціи въ прошломъ столѣтіи. Эта регламентація полмерлась если не проклятію экономистовъ. Какъ могъ похвалить ее г. Корсакъ въ Пруссіи въ XIX столѣтіи? А нельзя не признаться, — хорошо сдѣлалъ. Сюда относится между прочимъ выраженіе, что домашнее производство у насъ *еще* господствуетъ. Самое полное опроверженіе этой мысли существуетъ въ исторіи экономическаго развитія государствъ Европы и въ сравнительномъ изученіи современнаго состоянія обрабатывающей промышленности въ разныхъ странахъ. Фабричная промышленность во всѣхъ государствахъ пользовалась большимъ покровительствомъ, и не смотря на то, не могла вы-

Digitized by Google

тѣснять промышленность домашнюю. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ даже домашняя промышленность вытѣснила фабричную. Слѣдовательно при естественномъ ходѣ экономическаго развитія, это имѣло бы мѣсто еще въ большей степени, что и оказывается въ Швейцаріи. Швейцарія есть страна, которая практикуетъ свободу торговли больше нежели какая-нибудь другая страна Европы; слѣдовательно можно допустить, что въ ней наиболѣе естественное отношеніе разныхъ формъ промышленности. А въ Швейцаріи основаніе всей промышленности есть домашній трудъ. При этой системѣ промышленность находится на самой высокой степени совершенства. Не говоря о спеціальностяхъ Швейцаріи, она по крайней мѣрѣ не уступаетъ Франціи въ шолковомъ, а Англію превосходитъ въ хлопчато-бумажномъ производствѣ, такъ что Англія ограждается отъ ея продуктовъ тарифомъ! Притомъ Швейцарія есть страна богатая капиталами. Такимъ образомъ есть ли какое-нибудь основаніе сказать, что домашняя промышленность есть низшая форма, сравнительно съ фабричною? Нѣтъ, уступая фабричной системѣ нѣкоторые роды производства и принимая во вниманіе обезпеченность работника, его болѣе высокое нравственное и умственное состояніе при господствѣ домашней промышленности, мы должны допустить, что домашняя промышленность на самой высшей степени политико-экономическаго развитія должна стоять рядомъ съ промышленностью фабричною. Конечно, фабричная промышленность есть явленіе позднѣйшее въ исторіи экономическаго развитія; но явившись послѣ, она не должна и не можетъ вытѣснить домашнюю промышленность изъ экономической дѣятельности народа; она должна исключительно взять на свою долю нѣкоторыя отрасли промышленности; другія останутся за домашнимъ производствомъ, какъ это существуетъ во всѣхъ государствахъ Европы, особенно въ Швейцаріи, гдѣ промышленность до сихъ поръ шла и теперь идетъ наиболѣе естественнымъ путемъ, чуждымъ всякаго искусственнаго направленія ея. Могутъ сказать, что фабричная промышленность еще не успѣла вполнѣ развиться, что будущія усовершенствованія въ машинахъ еще расширятъ ея область, что она пойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ шла до сихъ поръ, и будетъ одну отрасль за другою присвоивать себѣ исключительно: такъ она присвоила себѣ пряденіе бумаги, потомъ пряденіе шерсти, наконецъ пряденіе льна и т. п. Но въ томъ-то и дѣло, что подобныя захватыванія имѣли мѣсто только въ пряденіи, котораго у фабрикъ никто и не думаетъ отнимать. Но въ другихъ отрасляхъ фабрики существуютъ рядомъ съ домашнимъ производствомъ; въ нѣкоторыхъ они окончательно уступили ему поле, и вообще въ послѣднее время замѣ-

Digitized by Google

чается, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производствъ, обратное движеніе отъ фабрикъ къ домашней промышленности. Усовершенствованія въ машинахъ безъ сомнѣнія могутъ еще усовершенствовать самое производство на фабрикахъ, но эти усовершенствованія могутъ также принести пользу и домашней промышленности. Надобно прибавить еще, что всѣ важнѣйшія механическія изобрѣтенія и усовершенствованія послѣдняго столѣтія имѣли въ виду большое производство; можно надѣяться, что и малое производство, до сихъ поръ бывшее въ тѣни, не обращавшее вниманія экономистовъ, съ перемѣною взгляда на него не замедлитъ вызвать изобрѣтенія, приспособленныя собственно для него. Тогда и область его и значеніе должны будутъ еще расшириться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и благосостояніе рабочихъ классовъ получитъ новое основаніе и обезпеченіе болѣе прочное, нежели то, которое они имѣютъ теперь.

Digitized by Google

ОБЪ ИНДЮШКАХЪ И О ГЕГЕЛѢ

(Письмо въ редакцію «Времени»)

Какія прекотны коровки!
Есть право менѣе булавочной головки!

Крыловъ.

Съ изумленіемъ и радостью вижу, милостивый государь, что труды мои на пользу россійской словесности вовсе не такъ ничтожны и микроскопически-малы, какъ я полагалъ сперва по свойственной мнѣ скромности. Я не предполагалъ, что мои незначительныя и робкія наблюденія характеризуютъ такія обширныя сферы и затрогиваютъ такія твердыя убѣжденія, какъ это оказалось. Вижу теперь, что былъ справедливъ, не пренебрегая малымъ и трудясь надъ анализомъ явленій, повидимому не имѣющихъ никакой важности. Черты, мною найденныя, оказываются вполнѣ вѣрными. *Отрицаніе общихъ авторитетовъ* защищается, *самостоятельность* мыслей, до которыхъ каждый собственнымъ умомъ дошолъ, признается за великое благо, *соблазнительная ясность* господствуетъ.

Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ статья: *По поводу журнальной полемики — Повальное недоразумѣніе*, помѣщенная въ августѣ *Библіотеки для Чтенія*. Я счелъ бы непростительнымъ не воспользоваться этимъ яркимъ явленіемъ, какъ нельзя лучше подтверждающимъ мои слова.

Главное содержаніе этой статьи есть оцѣнка достоинствъ и заслугъ г. Чернышевскаго. Такой обширный и важный предметъ мнѣ не по силамъ, и я осторожно оставлю его въ сторонѣ. Я ограничусь только тѣсною задачею — разобрать то, что сказано въ защиту мнѣній г. Чернышевскаго о паденіи Рима. Изъ этого не будетъ слѣдовать общаго заключенія, но все-таки будетъ слѣдовать нѣкоторое заключеніе, по пословицѣ: *вы узнаете ихъ по плодамъ ихъ*.

Отчего погибъ Римъ? вотъ вопросъ, который вновь рѣшается

Digitized by Google

въ статьѣ «Библіотеки для Чтенія». Поклонникъ г. Чернышевскаго, намъ кажется, не вполнѣ понялъ, противъ чего ратовалъ г. Чернышевскій, утверждая, что Римъ погибъ *только отъ варваровъ*.

«Мы не должны, говоритъ поклонникъ, притворяться незнающими того, что̀ именно оригинальнаго заключается въ словахъ г. Чернышевскаго: Римъ погибъ отъ варваровъ. Прежде къ этимъ словамъ обыкновенно прибавляли еще: отъ *роскоши и разврата*. Г. Чернышевскій, вслѣдъ за двумя-тремя чрезвычайно авторитетными писателями, опустилъ эти слова: отъ *роскоши и разврата*.»

Ну, это не совсѣмъ такъ. Не это отвергаетъ г. Чернышевскій. Сейчасъ и видно, что авторъ самъ еще очень близокъ къ тѣмъ учебникамъ, въ которыхъ говорится о роскоши и развратѣ, при паденіи государствъ, напримѣръ къ всеобщей исторіи Кайданова. Но мы не намѣрены здѣсь поправлять поклонника, который не сумѣлъ понять рѣчей своего авторитета. Пусть будетъ и такъ. Рѣчь такого рода, что Римъ погибъ отъ роскоши и разврата, положимъ не очень глубокая рѣчь, но все-таки не чужда человѣческаго смысла. Роскошь и развратъ, о которыхъ здѣсь говорится, суть вещи дурныя, ненормальныя; съ этимъ согласится и самъ г. Чернышевскій. Слѣдовательно есть нѣкоторое вѣроподобіе, что общество, въ которомъ дурныя явленія взяли перевѣсъ надъ хорошими, можетъ погибнуть.

И такъ посмотримъ, что̀ же возражаетъ на это авторъ статьи. Развѣ это возможно? восклицаетъ онъ въ недоумѣніи; и затѣмъ продолжаетъ:

«Недоумѣніе наше было бы гораздо значительнѣе, еслибы, напримѣръ, эксцентричные англичане предложили намъ за огромную премію, доказать возможность погибели отъ разврата и роскоши не то что государства, а хоть семейства индюшекъ, такъ чтобы при рѣшеніи этой задачи никакимъ образомъ не допускалось предположеніе о вѣроятности быть перерѣзанными этимъ индюшкамъ, за ихъ вкусное мясо, варварами-людьми, а также и о томъ, что они могутъ опиться и объѣсться. Это послѣднее предположеніе не должно быть допущено потому, что вѣдь и Римъ не опился и не объѣлся; при всемъ нашемъ изумленіи къ чудовищнымъ сказкамъ о его несодѣянной роскоши, мы не только можемъ сообразить, но и положительно знаемъ, какъ будто это происходило у насъ на глазахъ, что развратничало и роскошничало въ Римѣ научительно ничтожное меньшинство: остальное громадное большинство населенія страдало, напротивъ, отъ слишкомъ высокой степени добродѣтелей, противоположныхъ разврату и роскоши. Можно держать какое угодно пари, что предполагаемая премія эксцентричныхъ англичанъ не была бы выиграна: вѣроятность погибели семейства индюшекъ отъ роскоши не можетъ быть доказана, не говоря уже о раз-

Digitized by Google

врагъ, который, въ этомъ случаѣ, способствовалъ бы только къ развитію и процвѣтанію индюшечьей цивилизаціи.

Предполагаю, милостивый государь, что эти драгоцѣнныя слова были вызваны у автора *соблазномъ ясности*. Не погонись онъ за ясностью, не вздумай по примѣру г. Чернышевскаго объяснять дѣло сравненіями, — и мы не имѣли бы этого блистательнаго отрывка. Но въ то же время я прихожу въ величайшее изумленіе, видя, какъ эта ясность спутываетъ самыя простыя понятія и приводитъ къ непроходимой темнотѣ.

Вѣдь что мнѣ приходится теперь подробно объяснять автору? То, что люди не индюшки, а индюшки не люди!

Древніе Римляне и индюшки — какое удивительное сравненіе!

Авторъ очевидно принимаетъ индюшекъ за людей; онъ не замѣчаетъ того, что роскошь и развратъ суть человѣческія явленія, свойственныя одному человѣческому обществу, и, какою-то несмышленою игрою воображенія, придаетъ роскошь и развратъ — семейству индюшекъ!

Съ другой стороны, авторъ дѣйствительно считаетъ римлянъ индюками; потому что единственное зло, которое, по его мнѣнію, могло бы послѣдовать для Рима отъ роскоши и разврата, состояло бы въ томъ, что Римъ бы *опился и объѣлся*. Помилуйте! Для индюшекъ это конечно единственное дурное слѣдствіе индюшечьей роскоши и индюшечьяго разврата; но зло человѣческой роскоши и человѣческаго разврата *всего менѣе* состоитъ въ томъ, что кто-нибудь обопьется или объѣстся.

Авторъ предполагаетъ, что его индюшки образуютъ "семейство"; положимъ такъ, хотя можетъ-быть еще можно спорить, дѣйствительно ли индюшечье семейство тоже самое, что человѣческое семейство. Но мы сдѣлаемъ слѣдующее тонкое замѣчаніе: индюшки, никакъ не могутъ образовать государства; поэтому намъ кажется несомнѣннымъ, что если въ индюшечьемъ мірѣ не можетъ быть римской имперіи, то въ этомъ мірѣ невозможно и паденіе Рима. Только мы, люди, можемъ наслаждаться теперь статьями о паденіи Рима, случившемся въ нашей исторіи; индюшки же въ своемъ мірѣ безъ сомнѣнія лишены этого удовольствія.

Вообще замѣтимъ, что для того, чтобы какъ-нибудь понимать исторію, прежде всего въ полномъ смыслѣ слова, необходимо строго отличать людей отъ индюшекъ. Если мы станемъ принимать индюшекъ за людей, живущихъ семейнымъ образомъ, то конечно отъ этихъ фантазій бѣда еще небольшая. Г. Чернышевскій въ своемъ *Антропологическомъ принципѣ* подробно объяснилъ, что въ сердцѣ

Digitized by Google

куриды таятся очень нѣжныя чувства и что собаки разсуждаютъ точь въ точь какъ люди. Несмотря на то, куры попрежнему не показуются особенно—глубокимъ нашимъ сочувствіемъ, и на мнѣнія собакъ никто не обращаетъ большого вниманія. Но если наоборотъ, мы людей будемъ принимать за индюшекъ, тогда все пропало: тогда исторія исчезаетъ совершенно, Римъ погибаетъ *только* отъ варваровъ — и такъ далѣе, и такъ далѣе, безъ конца. Все будетъ такъ, какъ бываетъ въ индюшечьемъ мірѣ; судьба индюшки, какъ справедливо замѣчаетъ цитуемый нами авторъ, вполнѣ зависитъ отъ варвара, то-есть отъ повара; люди же, какъ извѣстно, привыкли думать, что судьба ихъ немножко зависитъ и отъ нихъ самихъ.

Мнѣ конечно жаль, что въ настоящее время подобныя, нѣсколько элементарныя объясненія стали необходимыми въ нашей литературѣ. Но меня утѣшила въ этомъ случаѣ статья г. Антоновича въ августѣ *Современника о Гегелевой философіи*. Къ ней я предложилъ бы обратиться автору той статьи, о которой говорилъ выше. Первыя страницы статьи г. Антоновича принесли бы ему, по мнѣнію, великую пользу. Г. Антоновичъ, согласно со мною, возстаетъ противъ увлеченія соблазномъ ясности. Примѣромъ философовъ онъ доказываетъ, что видимая темнота не есть еще дѣйствительная ерунда. Онъ говоритъ, что на первый взглядъ *смысла философскихъ рѣчей чрезвычайно страненъ*. Неопытный читатель легко можетъ придти къ мысли,

будто философы — это какіе-то полупомѣшанные люди, по крайней мѣрѣ съ разстроеннымъ воображеніемъ; а иначе какъ же объяснить то, что они говорятъ нелѣпости ни съ чѣмъ не сообразныя, порятъ дичь, въ которой нѣтъ и капли здраваго смысла, убиваются и ломаютъ голову надъ пустяками, о которыхъ и толковать не стоитъ, которые всякому извѣстны?

Г. Антоновичъ считаетъ подобный наскоро составленный взглядъ невѣрнымъ и указываетъ на средства, которыми можно отъ него избавиться. Для этого, по его словамъ, нужно *заниматься философіею, вчитаться* въ философскія книги, *войти во вкусъ философіи*; для этого нужно, чтобы въ такихъ занятіяхъ прошло нѣсколько времени. Какія прекрасныя и, признаюсь, для меня неожиданныя рѣчи! Г. Антоновичъ не совсѣмъ опредѣленно говоритъ здѣсь о времени; но какъ видно изъ дальнѣйшаго, онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что если только есть талантъ (conditio sine qua non), то чѣмъ больше времени вчитываться въ философовъ, тѣмъ лучше можно ихъ понимать. Я осмѣливаюсь распространить этотъ глубокій взглядъ и на другія науки; онъ тоже во многихъ случаяхъ могутъ показаться дичью и нелѣпостью; но такому обольщенію не до-

Digitized by Google

же, вѣрить: *нужно заниматься, нужно считаться*, — и черезъ нѣсколько времени все покажется иначе.

Вотъ что говоритъ г. Антоновичъ о томъ, какъ черезъ *нѣсколько времени* кажутся читателямъ философы. По его словамъ, ихъ мысли оказываются *имѣющими очень серьозный смыслъ и важное значеніе;* сами философы оказываются людьми съ *большою энергіею и силою въ мыслительной способности*. Читатель убѣждается, что

«дѣйствительно, если посмотрѣть на дѣло такъ, какъ онъ (философъ) говоритъ, то естественно и даже необходимо придти къ его мыслямъ, къ его образу воззрѣній на вещи. Всѣ вопросы, казавшіеся новичку, до знакомства его съ философіей, неинтересными и не требующими рѣшенія, теперь представляются ему во всей многосложной запутанности, представляющей лишь слабую надежду на ихъ рѣшеніе, и чѣмъ больше онъ занимается философіей, тѣмъ яснѣе понимаетъ трудность философствованія, тѣмъ больше уваженія онъ чувствуетъ къ философамъ, создавшимъ самостоятельныя оригинальныя системы, и наконецъ окончательно убѣждается, что не всякая голова, не всякій умъ способны на это дѣло».

Съ трудомъ вы можете себѣ представить, какъ отрадно мнѣ было встрѣтить эти строки въ «Современникѣ»! Я очень желалъ бы, чтобы онѣ произвели все свое благодѣтельное вліяніе на его многочисленныхъ читателей, чтобы они убѣдили ихъ, что чѣмъ больше занимаешься наукой, тѣмъ больше чувствуешь къ ней уваженія!

Г. Антоновичъ очень хорошо указываетъ и на то, по какимъ причинамъ философію и, прибавлю, многое другое, иногда принимаютъ за ерунду. Все это, какъ онъ говоритъ, отъ *недоразумѣній*, отъ неумѣнья *подняться на высоту отвлеченія*. Все дѣло въ томъ, что люди не умѣютъ или не хотятъ мыслить; новая книга или новая наука — вѣдь это значитъ новая мысль; а люди читаютъ эту книгу или эту науку, — упорно оставаясь при своихъ старыхъ мысляхъ, при своемъ прежнемъ пониманіи. Чтоже мудренаго, что *новое* имъ кажется *непонятнымъ*, безсмысленнымъ, то-есть чушью, ерундою?

Такъ прекрасно объясняетъ это дѣло г. Антоновичъ, поучая любознательныхъ читателей журнала, въ которомъ онъ участвуетъ. И затѣмъ уже, уже изложивши все свое уваженіе къ философамъ, онъ приступаетъ къ изложенію системы Гегеля. Казалось бы, чего лучше? Но увы!

Нѣтъ ни въ чемъ намъ благодати...

На одной изъ слѣдующихъ страницъ читатель встрѣчаетъ вотъ какое обстоятельное изложеніе мнѣній Гегеля:

Digitized by Google

«Если кто-нибудь, движимый чувством человѣколюбія, мысленно и идеально положилъ въ карманъ бѣдняка сто руб. сер., что это значитъ, по обыкновенному разумѣнію, что онъ реально ничего не положилъ въ карманъ ничего нѣтъ, онъ абсолютно пустъ; а по возрѣнію Гегеля найдетъ, что въ карманѣ хоть и нѣтъ ста рублей матеріальныхъ, но онъ не пустой, — въ него положена мысль, которая и лежитъ тамъ, какъ лежали бы и дѣйствительные сто руб., и изъ которой, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣйствительно могутъ развиться настоящіе матеріальные руб. ли. Гегелевы мысли и понятія — это дѣйствительно предметы и вещи, которыя такъ сказать можно осязать и ощупать; на столѣ стоитъ свѣчка, тутъ же подлѣ нея стоитъ мысль о свѣчкѣ, понятіе объ ней: понятіе, положимъ, вслѣдствіе своего развитія загорится; въ тоже самое время, отъ этого загорится и свѣчка, то-есть понятіе о горѣніи — реализуется».

Я согласенъ, что въ этомъ отрывкѣ сильно проглядываетъ сочувствіе г. Антоновича къ бѣдняку, который вмѣсто ста рублей имѣетъ въ карманѣ только мысль о ста рублях. Но однакоже, если взять дѣло чисто съ философской точки зрѣнія, чтоже это такое! Вѣдь если судить по приведеннымъ словамъ г. Антоновича, то въ самомъ дѣлѣ окажется, что Гегель-то *человѣкъ съ разстроеннымъ воображеніемъ, что онъ поретъ дичь, въ которой ни капли здраваго смысла*. А кто такимъ образомъ понимаетъ и толкуетъ глубокомысленныхъ философовъ? Самъ же г. Антоновичъ сказалъ, что такъ ихъ понимаютъ только люди несвѣдущіе, которые не занимались философіею, не вчитались въ книги философовъ, не умѣютъ *подняться на высоту отвлеченія*. Чтоже отсюда слѣдуетъ? По строгой логикѣ мнѣ кажется необходимо признать одно изъ двухъ: или что Гегель не стоитъ того, чтобы объ немъ писалъ г. Антоновичъ, или же наоборотъ, что г. Антоновичъ еще не годится для того, чтобы писать о Гегелѣ. Къ крайнему моему ужасу, я не нахожу выхода изъ этой дилеммы.

Все остальное, что содержится въ статьѣ, не выводитъ меня изъ этого недоумѣнія и не разгоняетъ сомнѣнія, колеблющаго мой умъ.

Г. Антоновичъ говоритъ о Гегелѣ по поводу книги Гайма: *Гегель и его время*, переведенной г. Соляниковымъ (Спб. 1867 г.). Нашъ критикъ повидимому признаетъ Гайма за непреложный авторитетъ и во всемъ слѣдуетъ этому ухищренному нѣмцу. Вотъ это меня и смущаетъ; г. Антоновичъ много говоритъ о Гегелѣ, а о Гаймѣ какъ будто и не рѣшается судить. Между тѣмъ дѣло немаловажное. Въ концѣ концовъ оказывается, что Гаймъ опровергаетъ философію Гегеля и *разбиваетъ ее въ пухъ и прахъ*. И чтоже? Мы принуждены вѣрить этому на слово. Г. Антоновичъ долго разсуждаетъ о системѣ, объ абсолютномъ, о діалектикѣ, какъ ихъ понимаетъ Ге-

Digitized by Google

гель и даже *вообще философы*; но какъ понимаетъ эти важныя категоріи Гаймъ, и слѣдовательно г. Антоновичъ, — остается скрытымъ для читателя. Мнѣ странно, какимъ образомъ напримѣръ Гаймъ можетъ отвергать и *разбить въ пухъ* ученіе Гегеля и вообще философовъ объ абсолютномъ, когда самъ Гаймъ, судя по изложенію г. Антоновича, не имѣетъ объ абсолютномъ никакого мнѣнія.

Но не будемъ требовательны. Повѣримъ на слово г. Антоновичу, что Гаймъ во всемъ правъ — какое пріятное убѣжденіе! Книга вполнѣ вѣрная, на которую можно положиться безъ дальнѣйшихъ разсужденій — вѣдь это сокровище!

Теперь понятно, почему г. Антоновичъ съ такимъ высокомѣріемъ и пренебреженіемъ отзывается о замѣчаніяхъ редакціи «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», которая осмѣлилась прибавить нѣсколько своихъ строкъ къ переводу Гайма, первоначально помѣщенному въ ея журналѣ. Къ сожалѣнію, возраженіе г. Антоновича такъ же темно, какъ побѣда Гайма надъ Гегелемъ. Г. Антоновичъ различаетъ то, что̀ смѣшала редакція, именно какіе-то два рода категорій: однѣ, какъ онъ выражается, *обыкновенныя*, а другія вѣроятно необыкновенныя; однѣ у него категоріи въ *смыслѣ Канта*, а другія *оригинальныя гегелевскія*; послѣднія онъ называетъ *мнимосамостоятельными*, такъ что первыя будутъ *дѣйствительно самостоятельными*. Очень, очень любопытно. Вѣдь это не шутка — различить два рода категорій! Конечно, г. Антоновичъ полагается на довѣріе читателей къ своему авторитету, но намъ очень жаль, что онъ не счелъ нужнымъ объясниться обстоятельнѣе.

Точно также, едва могу я добраться до того, что̀ думаетъ г. Антоновичъ о философіи вообще, хотя это для меня весьма любопытно, и вѣроятно очень заинтересуетъ и другихъ читателей. Напримѣръ какъ вы думаете, милостивый государь, нужна философія, или можно ее — по боку? Согласитесь, что вопросъ заманчивый, игривый. Вы вѣроятно поблагодарите меня, если я по мѣрѣ силъ объясню вамъ, какъ думаетъ объ этомъ г. Антоновичъ.

Сначала онъ какъ будто и признаетъ философовъ, даже съ большими похвалами отзывается о Гегелѣ; но тайной своей мысли не высказываетъ. И объ абсолютномъ, и о системѣ, и о діалектикѣ онъ говоритъ какъ будто о дѣлѣ. Только мимоходомъ вскользь онъ броситъ замѣчаніе, что есть-де *философы, которые и не составляли цѣлыхъ системъ*. Любопытно, очень любопытно, но г. Антоновичъ ничего болѣе не говоритъ объ этихъ философахъ.

Но, приложивъ вниманіе и терпѣніе, *вчитываясь и входя во вкусъ*, можно дойти и до истинныхъ мнѣній г. Антоновича. Въ концѣ статьи воздаются великія похвалы Гайму. Тутъ-то, прикрыв-

Digitized by Google

шись Гаймомъ, какъ непроницаемымъ щитомъ, и чувствуя себя безопаснымъ, г. Антоновичъ можетъ-быть невольно высказалъ свои мысли. Посмотрите, говоритъ онъ среди своихъ похвалъ, „Гаймъ *нисколько не уважаетъ авторитетовъ, даже авторитетъ самого Гегеля, великаго Гегеля для него нипочемъ!* Но здѣсь еще не все.

«И самъ же Гаймъ.—хвалебно продолжаетъ критикъ,—не выдумалъ никакой философіи, не противопоставилъ системѣ Гегеля своей системы, да даже не считалъ этого и нужнымъ, говоря, что можно обойтись всегда и безъ философской системы».

Понимаемъ! значитъ и намъ нужно то же дѣлать. Неопытный читатель пожалуй уже готовъ отказаться отъ всякой философіи; но я удержу его замѣчаніемъ, что слѣдуетъ хорошенько вникнуть въ слова г. Антоновича. Г. Антоновичъ очень остороженъ; онъ сказалъ: *безъ философской системы*, а не просто безъ философіи; безъ системы онъ готовъ остаться, но остаться совсѣмъ безъ философіи, онъ какъ-будто не рѣшается.

Перевертываю еще страницу — и кажется дѣло разъясняется: тамъ есть намеки, что будто бы въ Германіи колеблются *и частные и общіе* (слышите ли? общіе!) *авторитеты*; основываясь на примѣрѣ Гайма, тамъ уже прямо говорится, что — *нѣмецкая литература, самая зрѣлая и развитая, дошла до отрицанія авторитетовъ, до опроверженія цѣлыхъ системъ и наукъ...*

Какъ наукъ? Какихъ наукъ? Вѣдь дѣло шло только объ одной наукѣ, о философіи? Значитъ вы намекаете, что Германія дошла до отрицанія философіи? И даете понять, что и намъ нужно то же дѣлать?

Да что же это такое? Какъ же можно намеками и обиняками говорить такія важныя вещи? Кто мѣшалъ изложить все это обстоятельнѣе? Вѣдь это ужасно любопытно — узнать, какъ тамъ все это дѣлается въ Германіи!

Нечего дѣлать, — чтобы удовлетворить своему любопытству, я рѣшился самъ читать Гайма. Не можетъ быть, думалъ я, чтобы нѣмцы *опровергали цѣлыя науки*. Скорѣе же они натворятъ безъ числа всякихъ новыхъ наукъ, чѣмъ станутъ отвергать прежнія!

Что же я нашолъ? Гаймъ предпринялъ *чисто историческое* изложеніе системы Гегеля. Онъ не совсѣмъ ясно излагаетъ, что онъ разумѣетъ подъ этимъ *чисто историческимъ* изложеніемъ; да впрочемъ намъ и нѣтъ нужды говорить объ этомъ. Пусть посредствомъ этого хитраго пріема онъ опровергаетъ Гегеля; дѣло въ томъ, не отрицаетъ ли онъ философіи? Едва ли! Вотъ что онъ пишетъ:

Digitized by Google

«Я согласенъ также и съ тѣмъ взглядомъ (и уже здѣсь желалъ бы заявить это), что и въ исторической критикѣ нынѣшняго умозрѣнія постоянно должны уже находиться въ запасѣ элементы, рано или поздно долженствующіе составить новое метафизическое зданіе».

А въ другомъ мѣстѣ:

«Вѣроятно путь нашъ приведетъ насъ къ возможности новой спекулятивной продукціи...»

Ну такъ и есть! Нѣмецъ, какъ нѣмецъ! Недовольный прежними системами, онъ просто мечтаетъ о созданіи еще новой философіи. Дѣло только въ томъ, что, какъ онъ самъ признаетъ, новая спекулятивная продукція еще не удалась ему въ этой книгѣ объ Гегелѣ. Слѣдовательно тутъ онъ былъ на перепутьи между старымъ и новымъ. Ужели же онъ однакоже оставался безъ всякой философіи? Право не знаю; я лучше приведу вамъ его собственныя слова, которыми онъ старается описать свое состояніе.

«Глубоко потрясающее чувство овладѣваетъ истиннымъ другомъ философіи, когда онъ пробуждаетъ въ себѣ все человѣческое для того, чтобы слѣдить за біеніемъ вѣчно живаго, за тѣмъ сопряженіемъ собственнаго духа съ духомъ міра, которое совершается въ одушевленіи изслѣдованія, то стремительнаго, то сосредоточивающагося, то снова устремляющагося».

А въ другомъ мѣстѣ:

«Истины и дѣйствительности божественныхъ идей я ищу ни въ чемъ иномъ, какъ въ вѣчно живомъ процессѣ человѣческаго духа».

Не забудьте, что этими словами Гаймъ хочетъ обозначить все свое направленіе, тотъ духъ, въ которомъ написана имъ книга. Громкія рѣчи, не правда ли? Мнѣ все кажется, что громъ этихъ рѣчей, сказанныхъ немножко отрывочно, отзывается какими-то знакомыми понятіями, какою-то знакомою философіею. Но, я не берусь рѣшить, что́ за взглядъ въ нихъ выражается. Послѣдователи Гайма вѣроятно его понимаютъ. Г. Антоновичъ, во всемъ согласный съ Гаймомъ, вѣроятно вмѣстѣ съ нимъ любитъ *искать истины и дѣйствительности божественныхъ идей*, и, *сопрягаясь съ духомъ міра, слѣдить за біеніемъ вѣчно-живаго*.

Но гдѣ же отрицаніе философіи и опроверженіе *цѣлыхъ наукъ*? Его нѣтъ и слѣда. Я не думаю, чтобы его можно было найти и въ слѣдующихъ словахъ Гайма:

«Чтобы у насъ непремѣнно была какая-нибудь система, *какая-нибудь философія*, — въ этомъ конечно нѣтъ необходимости; между тѣмъ безусловно необходимо имѣть чувство истины, неподкупную совѣстливость, свободу духа, коренящуюся въ характерѣ».

Мнѣ не совсѣмъ нравится образъ выраженія этой мысли: слово *необходимость*, а особенно *безусловная необходимость* мнѣ кажется здѣсь неумѣстно; но самая мысль хороша. Еслибы я сталъ писать на эту тему, то я сказалъ бы такъ:

Позволительно и не знать философіи; въ этомъ нѣтъ никакой вины; но никакъ не позволительно писать о философіи, когда ее не знаешь, хотя вина здѣсь и небольшая. Знаніе не обязательно, да оно и не всѣмъ доступно; нельзя требовать, чтобы всякій былъ философомъ. Но всякій обязанъ быть честнымъ и добрымъ человѣкомъ, и это всѣмъ доступно. Не имѣя глубокихъ познаній, можно и должно имѣть однакоже *чувство истины*, то-есть умѣть различать, что знаешь и чего не знаешь; можно и должно быть скромнымъ, то-есть не бросать менѣе свѣдущимъ пыли въ глаза мнимымъ глубокомысліемъ и всегда быть готовымъ учиться у другихъ, болѣе свѣдущихъ. Знаніе и умъ не составляютъ высшаго достоинства человѣка: въ человѣкѣ мы больше любимъ твердость характера и глубину сердца.

По моему мнѣнію, это вѣрныя и хорошія мысли.

Н. КОС.

PS. Мѣста изъ Гайма не заимствованы мною изъ перевода г. Солянникова, а переведены мною самимъ.

Digitized by Google

Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола. Записки Александра Б. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г.

Историческая жизнь человѣчества идетъ далеко не ровнымъ путемъ. Бываютъ эпохи нравственнаго застоя, жизнь какъ-будто умираетъ, общество довольствуется тѣмъ statu quo, которое въ немъ утвердилось съ незапамятныхъ временъ. Потомъ вдругъ поднимается движеніе, общество какъ-будто отрезвляется отъ долгаго сна и начинаетъ искать выхода изъ своего прежняго положенія.

Причины такого неровнаго, порывистаго хода исторіи заключаются въ самой жизни человѣчества. Жизнь есть борьба. Вся она, взятая во всей своей цѣлости, слагается изъ жизни многихъ, часто противоположныхъ другъ другу элементовъ. По самой противоположности своей, эти жизненные элементы не могутъ ужиться между собой въ дружбѣ: борьба вслѣдствіе того между ними неизбѣжна. Но въ этой-то борьбѣ и заключается главное существенное условіе ихъ жизни. Въ природѣ та только вода здорова, чиста, которая имѣетъ длинный и сильный протокъ; тѣ только мускулы сильны, которые постоянно напрягаются и отъ частыхъ упражненій въ борьбѣ пріобрѣтаютъ силу и ловкость. Вотъ хоть бы дерево, обдуваемое вѣтромъ: оно постоянно борется съ напоромъ воздуха, гнется, даетъ ему дорогу и опять выгибается, но эта-то постоянная борьба его съ вѣтромъ и укрѣпляетъ его ткани. Тоже самое и въ жизни. Живетъ только то, что участвуетъ въ борьбѣ, что постоянно находится подъ дѣятельнымъ контролемъ противоположныхъ силъ и въ свою очередь само контролируетъ послѣднихъ. При дѣятельной борьбѣ противоположныхъ силъ невозможны крайности и увлеченія, невозможны односторонности, которыя такъ дорого иногда обходятся человѣчеству. Но бываютъ эпохи, когда

Digitized by Google

борьба повидимому вовсе прекращается; вотъ тутъ-то и замираетъ жизнь. Историческія обстоятельства помогаютъ какому-либо жизненному элементу выдвинуться на первый планъ; онъ пріобрѣтаетъ тогда особенную силу, и пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, овладѣваетъ такъ-сказать цѣлою жизнью. Борьба тутъ невозможна, все равно какъ одному невозможно бороться противъ троихъ. Для лучшаго объясненія нашей мысли мы воспользуемся примѣромъ. Представьте себѣ арену, на которой нѣсколько бойцовъ. Пока ихъ было много тутъ, пока они были ровны по силамъ, на этой аренѣ не было насилія, никто не обижалъ другъ друга. Но представьте, что силы одного удесятерились; равномѣрная борьба невозможна, бойцы одинъ за другимъ удаляются съ арены, на ней остается одинъ только гигантъ и хорошо, если онъ не злоупотребитъ своей силой, что впрочемъ невозможно безъ дѣятельнаго надъ нимъ контроля. Тоже самое и въ жизни. Когда одна какая-либо сила пріобрѣтаетъ особенное, исключительное положеніе въ жизни, начинаются въ ней односторонности и крайности; жизнь не идетъ прежнимъ ходомъ впередъ, когда противоположныя ея силы развивались во взаимной борьбѣ, и потому самому дружно шли къ прогрессу: она пріобрѣтаетъ тогда особенное, одностороннее направленіе, которое проникаетъ весь ея составъ и такъ-сказать окрашиваетъ всѣ ея проявленія. Руководящимъ началомъ тутъ становятся извѣстные принципы, которые дѣлаются при этомъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ воззрѣній и правиломъ всякой дѣятельности. Такъ образуются системы, которыя самовластно господствуютъ надъ жизнію.

Но человѣкъ всегда остается человѣкомъ: онъ никогда не свыкнется и не помирится съ такою тяжолой жизнью. Поэтому всѣ эпохи одностороннаго господства какой-либо системы сопровождаются недовольствомъ людей, которые живутъ подъ этой системой. Недовольство прежде всего проникаетъ въ ту среду, которой всего тяжелѣй; оно достигаетъ извѣстной степени, — и вотъ начинаются у ней энергическія усилія выйти изъ своего тягостнаго положенія.

Иногда это недовольство бываетъ сознательнымъ, иногда безсознательнымъ. Сознательное недовольство бываетъ у мыслящихъ людей, безсознательное у толпы. Она понимаетъ, что ей тяжело, что ее что-то давитъ, что-то мѣшаетъ ей на каждомъ шагу, но по своей недальнозоркости она не видитъ главныхъ причинъ своего statu quo. Вотъ и бываетъ, что ея борьба противъ всего хода дѣлъ начинается сначала борьбой противъ производнаго зла; окончательный исходъ ея обыкновенно бываетъ или совершенный разрывъ мас-

Digitized by Google

съ ея обществомъ, когда послѣднее не понимаетъ своихъ ошибокъ по отношенію къ ней, или же введеніе новаго порядка вещей.

Вотъ почему реформаторскія движенія въ народѣ иногда принимаютъ характеръ часто случайныхъ событій. Въ XVI вѣкѣ Лютеръ, какъ извѣстно, произвелъ реформу на западѣ. На первый взглядъ, такъ этотъ фактъ своимъ происхожденіемъ одолженъ чисто случаю. Леону X нужны были деньги на построеніе петровской цателлы. Какъ человѣкъ предпріимчивый и въ высшей степени сообразительный, онъ сообразилъ, что если грѣшникамъ продавать свидѣтельства объ отпущеніи ихъ грѣховъ или индульгенціи, такъ явятся и деньги, потомучто кому же не захочется откупиться отъ ада? Случилось, что одинъ монахъ, Тецель, продавалъ въ Виртембергѣ эти индульгенціи, а въ Виртембергѣ жилъ Лютеръ, не любившій ни ордена, къ которому принадлежалъ Тецель, ни его индульгенцій. Вотъ они и поссорились между собою; бѣда не велика, потомучто ктожъ не ссорится? И въ Виртембергѣ дѣло затѣялось повидимому совершенно случайно. Вѣдь продавались же индульгенціи и въ другихъ мѣстахъ, кромѣ Виртемберга, но тамъ эта продажа сошла съ рукъ. Подъ вліяніемъ такого рода соображеній, другой quasi-историкъ пожалуй и скажетъ, что не будь Лютера, Меланхтона да Тецеля, такъ не было бы и реформаціи; что дескать какъ Москва загорѣлась отъ конечной свѣчи, такъ и реформаторскій духъ одолѣлъ западомъ именно вслѣдствіе ссоры двухъ монаховъ, къ которой пристали и другіе злонамѣренные люди, впослѣдствіи увлекшіе за собою цѣлыя страны. Точно также въ глазахъ недалекаго историка сама французская революція можетъ показаться дѣломъ совершенно случайнымъ. Будь у королей французскихъ деньги, или лучше не будь банкира Лоу, да не правь Франціей герцогъ орлеанскій, не сзывай Людовикъ XVI констаблей, не будь въ числѣ ихъ Мирабо — революціи не было бы. Вѣдь французская революція повидимому совершенно случайное событіе? Да такъ она и объясняется во многихъ исторіяхъ, что ее произвели вопервыхъ сочиненія извѣстныхъ писателей, непокорный духъ революціонеровъ, а главное, главное — Мирабо, отчаянный-де котъ и кутила.

Между тѣмъ, какъ говоритъ Куно Фишеръ, съ нѣкоторыми мнѣніями котораго наши читатели уже познакомились, надобно очень и очень глубоко искать причинъ всякому реформаторскому движенію въ средѣ извѣстнаго народа или цѣлаго человѣчества. Исторія слишкомъ скупа на случайности. Они такъ же рѣдки въ ней, какъ въ физической природѣ рѣдки такъ называемые монстры. Историческія событія подготовляются цѣлыми вѣками, они подго-

товляются цѣлою предшествовавшею жизнью общества. Это въ особенности должно замѣтить при объясненіи какого-либо народнаго движенія. Извѣстные случаи, которые дали поводъ къ обнаруженію реформаторскаго духа — не болѣе, какъ простой поводъ къ событію.

Такъ, говоримъ, историческія причины каждаго народнаго движенія залегаютъ очень глубоко, хотя обнаруженіемъ своимъ оно большею частью бываетъ обязано случаю. Извѣстный народъ глубоко понимаетъ необходимость обновленія своего быта, или по крайней мѣрѣ разрыва съ окружающей его дѣйствительностью; онъ враждебно смотритъ на все, что его окружаетъ, и ищетъ только случая отречься отъ всего, что его давитъ и гнететъ. Случай представляется и онъ отказывается отъ прежнихъ своихъ связей иногда просто изъ-за какихъ-либо частностей. Вотъ почему бываетъ, что за теологическимъ споромъ слѣдуетъ реформа не теологическая только, но и соціальная, или за соціальными неудовольствіями поднимается реформа не соціальная только, но и теологическая. Такъ было въ XVI вѣкѣ, въ лютеровы времена. Споръ объ индульгенціяхъ поднялъ вопросъ о справедливости цѣлой системы, запрялявшей тогда ходомъ вещей. И теологическая реформа повлекла за собой реформу соціальную, которая извѣстна каждому, сколько-нибудь знакомому съ исторіей реформаціи. Такъ было, только нѣсколько наоборотъ, во французскую революцію. Неудовольствія соціальныя повлекли за собой ниспроверженіе самой религіи, уже послѣ возстановленной Наполеономъ I. Удивительнаго впрочемъ тутъ ничего нѣтъ. Все въ жизни тѣсно связано одно съ другимъ: за недовольствомъ одной стороной ея всегда скрывается, хотя на первый разъ и не обнаруживается, недовольство цѣлою жизнью. Это такъ же достовѣрно, какъ достовѣрно и то, что не недовольство индульгенціями только повело человѣчество къ реформѣ религіознаго и общественнаго быта въ XVI вѣкѣ.

Такъ вотъ и о появленіи нашего русскаго раскола надобно разсуждать съ большою осторожностью. Всякому извѣстенъ фактъ, что въ XVII вѣкѣ простой народъ цѣлыми массами отказывался отъ церкви, съ которой состоялъ въ связи, а затѣмъ и отъ самого общества, въ которомъ находилась эта церковь. Для всякаго теперь очевиденъ фактъ, что расколъ стоитъ уединенно отъ современнаго общества, имѣетъ свое религіозное ученіе, отличное отъ ученія самой церкви, имѣетъ свой соціальный бытъ; исторія образовала у него свои нравы и обычаи, свои воззрѣнія на вещи. Откуда же взялся у насъ въ исторіи такой фактъ? Но прежде нежели мы посмѣемъ

Digitized by Google

нибудь объ этомъ предметѣ собственное мнѣніе, послушаемъ, что объ этомъ говорятъ другіе.

Можно сказать, чтобъ по части исторіи происхожденія и развитія русскаго раскола у насъ было ужь очень мало сочиненій. Въ послѣднее время особенно какъ-то развилась у насъ охота заниматься расколомъ. Вопросъ о русскомъ расколѣ чуть не сдѣлался модянымъ вопросомъ, о которомъ толковать у всякаго пробудилась охота. Такъ вотъ явилось много и печатныхъ толкователей о немъ. Но главное-то дѣло въ томъ, что, за немногими исключеніями, никто не постарался заглянуть въ дѣло поглубже. Иные изъ этихъ изслѣдователей старались фактъ объяснять самимъ же фактомъ. Это одна фаланга писателей. Другіе, понимая, что фактъ объяснять самимъ же фактомъ значитъ переливать изъ пустого въ порожнее, хотѣли поглубокомысленнѣй объяснить появленіе раскола и тоже въ свою очередь представили въ объясненіе историческаго факта какія-то блѣдныя гипотезы. Это другая фаланга изслѣдователей по расколу. Первая фаланга, ставя вопросъ о происхожденіи раскола, поставляла себѣ задачей объяснить, какъ образовались и мало-помалу развились тѣ мнѣнія, которыя легли потомъ въ основу раскола. Эти мнѣнія—о сугубой аллилуіи, о хожденіи посолонь, о крестѣ, объ Іисусовомъ имени и проч. На вопросъ, какъ образовались эти мнѣнія, отвѣчали обыкновенно такъ: когда возникли эти мнѣнія, неизвѣстно; вотъ въ такомъ-то вѣкѣ мы находимъ такое-то мнѣніе окончательно утвердившимся и созрѣвшимъ въ такой-то странѣ. Объясненіе, какъ видно, весьма удобное для писателя, но не совсѣмъ полное для читателя, потомучто послѣдній ровно ничего отсюда не видитъ, и вопросъ о происхожденіи раскола послѣ чтенія такихъ объясненій еще остается для него все еще вопросомъ. Мы сказали выше, что историку строго нужно различать поводъ къ извѣстному событію отъ самыхъ причинъ его происхожденія, а мнѣніе о сугубой аллилуіи, объ имени Іисусовомъ и т. п., послужило для раскола не болѣе какъ поводомъ къ его отдѣленію отъ господствующей церкви; слѣдовательно, фактъ объясняется самимъ же фактомъ, т. е. что раскольники потому отдѣлились отъ церкви, не принимавшей ихъ мнѣній объ аллилуіи и имени Іисусовомъ, что у нихъ было своеобразное мнѣніе о такихъ вещахъ. Объясненіе, какъ видно, не совсѣмъ глубокомысленно. Да и оставался вопросъ о происхожденіи и образованіи этихъ мнѣній такъ, что его никакая исторія никогда не могла рѣшить. Какъ извѣстно, объ аллилуіи раскольники думаютъ, что его должно читать и пѣть въ извѣстныхъ случаяхъ дважды, а не трижды, какъ дѣлаетъ это русская церковь. Ну, скажите на милость, не словопреніемъ ли будетъ вопросъ: когда возникло двоеніе аллилуіи и какъ разви-

лось и образовалось подобное заблужденіе? Говорятъ, что прежде въ старину пѣли аллилуія трижды, а потомъ оказалось въ XV вѣкѣ, что во Псковѣ поютъ дважды... Ну какая же серьезная исторія возьмется прослѣдить, какъ отъ троенія аллилуіи перешли къ ея двоенію. Не такъ ли, что дескать понемногу стали уклоняться отъ принятаго правила, и въ такомъ-то году, въ такомъ-то мѣстѣ стали пѣть аллилуія по $2^3/_4$ раза, а потомъ по $2^1/_2$, доколѣ не дошли до двухъ разъ, что уже застаетъ самая достовѣрная исторія. Вслѣдствіе подобныхъ изысканій оказывалось въ результатѣ, что главной причиной появленія раскола были то писцы вравшіе въ книгахъ, которыя переписывали, то просто недоразумѣніе, какъ это случилось съ крестнымъ знаменіемъ, недоразумѣніе, которое смѣшало два вида крестнаго знаменія — именословное съ простымъ, и первымъ замѣнило и изгнало изъ употребленія въ извѣстной мѣстности второе; то близость съ латинянами, у которыхъ тоже замѣчается нѣчто похожее на нѣкоторыя мнѣнія раскола. Словъ, какъ видно, говорится очень много, а дѣло-то остается все-еще нетронутымъ; существенныхъ-то причинъ появленія раскола все-таки не оказывалось въ такихъ изслѣдованіяхъ. Пробовали свалить вину и на Никона, который предпринималъ исправленіе книгъ, — что дескать онъ повелъ дѣло слишкомъ горячо и неблагоразумно; на бояръ, которые унизивъ Никона, будто бы унизили дѣло начатое имъ. Конечнымъ результатомъ всѣхъ изслѣдованій этой фаланги ученыхъ оказывалось, что не будь Никона, не будь бояръ, низвергнувшихъ его, а еще лучше не будь мнѣній о сугубой аллилуіи, о крестномъ знаменіи, — раскола и запаху не было бы. Появленіе раскола потому выходитъ у нихъ дѣломъ слишкомъ случайнымъ. По не объяснимымъ обстоятельствамъ, мнѣніе, принятое во Псковѣ напримѣръ, вдругъ распространялось въ Соловкахъ, нижегородскихъ, черниговскихъ лѣсахъ, а мнѣнія общепринятыя не находили себѣ доступу во Псковъ. Все это выходило у нихъ какъ-то ужь слишкомъ чудесно. Впрочемъ, мы не будемъ останавливаться на такихъ изслѣдованіяхъ, вовсе лишенныхъ научнаго характера. Пусть остается въ покоѣ эта добрая, наивная фаланга писателей.

Теперь перейдемъ къ другой фалангѣ, которая повидимому не довольствуется объясненіями, образецъ которыхъ мы представили выше, и хочетъ указать свои причины происхожденія раскола. Она говоритъ, что три причины главнымъ образомъ способствовали происхожденію раскола: вопервыхъ невѣжество русскаго народа, вовторыхъ его суевѣріе, втретьихъ, исправленіе книгъ предпринятое Никономъ. Недавно появилась даже брошюрка, которая спеціально занимается вопросомъ о происхожденіи раскола и указываетъ на тѣ именно его причины, на какія мы выше указали. Мы очень

хорошо-начитанность, наши сознательно-любопытные взгляды у разбирательной нашей коллегіи неизвѣстно Беретов, видите ли, фактъ не-начитанности нашей простой народъ, держащійся раскола, невѣжа и суевѣръ. Кто-жъ изъ нашего, что не читаетъ, особенно нашихъ толковыхъ коллегій, о разныхъ этихъ серьезныхъ вещахъ онъ не имѣетъ отъ рождественій съ нами, образованными людьми, большого-пребольшого отличія, — досталъ гдѣ-нибудь проповѣдь туда или сюда, вотъ и разсужденіе! Извѣстно, какъ легко онъ можетъ между тѣмъ отъ — нашихъ отцовъ — задумать проповѣдывать власти церковной и гражданской, стать держаться своей религіозной доктрины, въ обыкновенную свою жизнь ввесть иные нравы и обычаи, однимъ словомъ произвесть расколъ. Такая близорукость невѣжества въ расколовѣдѣніи, естественно, завела нашихъ изслѣдователей не-туда-то, куда-то въ самомъ дѣлѣ, не было ли невѣжество русскаго народа главной причиной распространенія русскаго раскола? Вотъ и пошли выводы такіе о невѣжествѣ народа, и стали они чуть-чуть не исключать изъ нашихъ очень многихъ сочиненій, занимающихся его исторіей. Все это конечно очень мало и правдоподобно, тѣмъ болѣе, что не говорить о невѣжествѣ русскихъ простыхъ людей значитъ компрометировать себя, какъ знатока ихъ быта. — Такимъ только неосновательнымъ фазисомъ привелось и къ другой причинѣ происхожденія раскола — къ суевѣрію простого народа. Извѣстно, что раскольники всегда обнаруживали и теперь обнаруживаютъ особенную любовь къ старинными книгамъ, спорятъ объ аллилуіа, двоеперстіи и т. п. Отсюда нашей коллегіи писателей показалось яснымъ, что народъ нашъ очень и очень суевѣренъ, значитъ и расколъ — произведеніе его суевѣрія. И эта причина какъ-будто правдоподобна. Наконецъ третья причина заключается уже въ Никонѣ. Но чтобъ не компрометировать Никона, наша коллегія такъ палетируетъ изложеніе третьей причины: какъ невѣжа и суевѣръ, нашъ простой народъ не понялъ значенія великаго дѣла, предпринятаго Никономъ; подпавшій нѣкоторымъ злонамѣреннымъ людямъ, невѣжда противъ Никона, сталъ возставать противъ его святого дѣла. По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ и произошелъ расколъ въ русской церкви.

Повидимому, такъ всѣ эти объясненія очень правдоподобны. Но дѣло-то вотъ въ чемъ. Они не выдерживаютъ самой легкой критики, даже если стать на одну съ нашими объяснителями почву. Говоря о расколѣ, они конечно уже подразумѣваютъ, что много перемѣнилося съ нашимъ нѣкогда, что онъ нецерковенъ, — дѣло не-чистое и суевѣрное, что онъ однимъ словомъ, гдѣ-нибудь фактовъ невѣжества и суевѣрія. Но съ такимъ образомъ они вѣдь хотъ какъ

ставить вопросъ: какъ объяснить такое неединство коренныхъ русскаго народа? — и отвѣчаютъ, что этой смѣси всего удобнѣй такое-то объясненіе. Но не неединствомъ коренныхъ русскихъ племенъ, говоря просто, невѣжество и суевѣріе произошло изъ невѣжества и суевѣрія. Такъ объяснять историческіе факты чрезвычайно легко, затѣмъ ни основанія. Видите ли, въ вѣкъ патріаршества на Руси народъ нашъ отличался неиспорченностью нравовъ; потомъ онъ обманомъ разъ взяткой далъ и присягу, то присягалъ Борису Годунову, то самозванцу; смотря потому, кто требовалъ отъ него присяги въ данное время. Тогда онъ особенно сильно развилъ умственной взглядъ на самого себя, какъ лучшій народъ въ мірѣ и т. п. Представьте же себѣ, что ставится въ исторіи вопросъ: откуда произошла такая испорченность нравовъ? А историкъ и отвѣчаетъ: тогда еще не было распространено начало доброй нравственности и т. п. Вѣдь что такое подобныя объясненія, какъ не мелочи, принадлежащія къ обширной сферѣ словоизверженія? Или, естествоиспытатель ставитъ вопросъ: отчего дерево сухо, а плоды на немъ сладки, медовы и т. п.? А онъ вамъ на это вы дали бы ему такой отвѣтъ: отчего это дерево сухо, или что-нибудь другое въ этомъ родѣ. Вѣдь, право, онъ признанъ бы васъ скорѣй за шутника, чѣмъ за глубокаго естествоиспытателя. Подобныя разсужденія еще болѣе, какъ только запутываютъ вопросъ, отвлекаютъ отъ него вниманіе читателей и наполняютъ его голову безполезнѣйшими знаніями. — Разсмотрѣвшись до историческихъ изслѣдованій, наши историки весьма глубокомысленно разсуждаютъ: должно было когда-то начало проникать въ русскую среду невѣжество и суевѣріе, затѣмъ увеличилось тогда-то и обнаружилось въ расколѣ въ такое-то время. Оно такъ будто и ладно выходитъ, а посмотришь на дѣло серьезно, да подумаешь, такъ увидишь, что такія разсужденія просто мороченье добрыхъ людей. Я, покорнѣйшій вашъ слуга, сравненія люблю примѣры, и потому съ вашего позволенія вамъ объясню мое мнѣніе примѣромъ. Видите ли вы, куда беретъ вода въ устьѣ Волги близъ Астрахани? Вопросъ вамъ покажется, можетъ-быть, странный, но я васъ спрошу, что есть вода близъ Саратова, что она такимъ-то извѣстнымъ путемъ течетъ до Астрахани; охота до указаній достигнетъ у васъ до такихъ развѣдокъ, что онъ укажетъ вамъ всѣ извѣстные закоулки, мелкіе пороги, чрезъ которые саратовская волжская вода протекаетъ до Астрахани. Указанія эти вѣрны, и любопытны, но приводятъ ли они васъ хотя на какую-нибудь степень къ отвѣту на нашъ вопросъ? А то укажетъ вамъ при этомъ на такую воду, которая вовсе не имѣетъ отношенія къ волжской астраханской водѣ. Это то же самое, какъ если бы кто сталъ объяснять причину, почему

[illegible] сообщающихся между собою сосудовъ есть вода, такимъ манеромъ: вода оттого въ одномъ сосудѣ, что она есть въ другомъ, а въ другомъ оттого, что есть въ первомъ и т. д. А вѣдь все-таки онъ будетъ говорить правду: докажите-ка, что онъ лжетъ. Впрочемъ, чтожъ тутъ удивляться? Мы на своемъ роду, а замѣтимъ, что мы еще не очень стары, видали не такіе-еще виды...

Доказательства разбираемой нами фаланги писателей строятся по самому строгому силлогизму. Поэтому и первая причина происхожденія раскола обыкновенно излагается такъ: до монгольскаго ига у насъ было просвѣщеніе на Руси потому, что мы тогда находились въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Византіей; но монгольское иго уничтожило на Руси просвѣщеніе, и потому русскій народъ впалъ въ невѣжество и суевѣріе, и тутъ-то стали расти мнѣнія, легшія потомъ въ основу раскола. И коротко и ясно. Оказывается, что были же время, когда мы были и образованы, и несуевѣры. И комплиментъ тутъ дѣлается нашему мягкому русскому сердцу и силлогизмъ выходитъ полный и... правильный. Впрочемъ погодимъ сказать «правильный»; довольно будетъ на первый разъ сказать «полный». А полный онъ потому, что тутъ всѣ посылки, и большая и меньшая, и заключеніе удовлетворятъ какого ни есть логика. Мы не хотимъ разбирать вполнѣ этого *полнаго* силлогизма: это значило бы рисковать вниманіемъ нашихъ читателей; скажемъ кое-что только о первой посылкѣ. А вѣрность второй пусть докажетъ намъ русскій историкъ Соловьевъ, о которомъ что бы ни говорили «Отечественныя Записки», нельзя сказать, что онъ не историкъ. Онъ спокоенъ, что вліяніе монголовъ на Русь не было на столько сильно, чтобы все на Руси перевернуть вверхъ дномъ. Ну-съ, такъ первая посылка вышесказаннаго силлогизма гласитъ слѣдующее. До монгольскаго періода у насъ было просвѣщеніе на Руси, источникомъ котораго была Византія. Этимъ-то просвѣтительнымъ вліяніемъ Византіи мы теперь немного и займемся. Что Византія имѣла вліяніе на ходъ русской жизни, это не подлежитъ сомнѣнію, но было ли оно просвѣтительнымъ для Руси — это еще вопросъ. Чтобы доказать это, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ доказать и слѣдующее: были ли сами митрополиты и епархіальные епископы, пріѣзжавшіе къ намъ съ востока, на столько образованы, чтобы умѣть что-нибудь передать намъ? Не споримъ, что они были люди благочестивые, прѣнко привязанные къ интересамъ греческой церкви. Но объ ихъ образованіи нужно говорить съ большою осторожностію, тѣмъ болѣе, что сама Греція послѣ X вѣка не очень-то была богата просвѣщеніемъ; далѣе нужно доказать, что они именно, а не сами князья устроили училища, которыя дѣйствительно были на Руси до

монгольскаго ига; затѣмъ нужно доказать, что старинное наложничество разливало на Руси свѣтъ просвѣщенія; примѣчать нужно найти, что наложники вопервыхъ сами были люди довольно образованные, вовторыхъ путешествовали не по однимъ монастырямъ и т. д. А вѣдь доказать все это фактами, да не такими, которые принадлежатъ къ исключеніямъ, очень трудно, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ все это остается еще недоказаннымъ. Задача дѣйствительно очень трудная, до тѣхъ поръ, покуда положительно не докажутъ силу вліянія Византіи на Русь. Дѣлать его исходнымъ пунктомъ какихъ угодно разсужденій, значитъ допускать petitio principii: повѣрьте дескать тому, что я напередъ вамъ скажу, и тогда я вамъ объясню дѣло — вотъ такъ. Пожалуй объясняйте, коли хотите, для развлеченія отъ скуки, но пожалуйста не претендуйте при этомъ на истину.

Точно также строится и второй силлогизмъ, и на самомъ дѣлѣ построить его мы предоставляемъ самимъ читателямъ. Совѣтуемъ въ этомъ случаѣ вопервыхъ взять за образецъ первый силлогизмъ, а вовторыхъ замѣнить слово невѣжество — суевѣріемъ; затѣмъ и не будемъ его касаться, потому что это отняло бы у насъ много мѣста и времени, да и скука-то была бы какая, — а у насъ еще впереди много дѣла. Опять тутъ замѣшалось бы и монгольское иго, и просвѣтительное вліяніе Византіи и т. д. О третьей причинѣ и говорить нечего, потому что ктожъ не видитъ, что исправленіе Никономъ церковныхъ книгъ — одинъ только поводъ къ обнаруженію раскола, слѣдовательно тутъ разсуждать и полемизировать съ разбираемой нами фалангой писателей по расколу, значитъ тоже терять время. Но вѣдь мы еще въ долгу предъ читателями... Въ началѣ своихъ разсужденій о расколѣ мы обѣщались сказать о причинахъ его появленія — свое собственное слово. Мы и скажемъ его... но не потому, чтобъ сами ужь считали непогрѣшимымъ свое собственное мнѣніе: нѣтъ, просто потому, что не любимъ какимъ бы то ни было долговъ. И опять оговорка. Мы вовсе не обѣщаемъ ученѣйшихъ цитатъ, глубокомысленныхъ разсужденій... ну, хоть такихъ, какія читаемъ въ каждой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Мы слишкомъ недовѣрчивы къ самимъ себѣ, скажемъ болѣе — робки, а потому будемъ высказывать свое мнѣніе гипотетически. Мы пожалуй сами готовы сказать, что мнѣнія наши — парадоксы. А потому читатель ничего не потеряетъ, если опустить безъ вниманія слѣдующую страницу нашего журнала.

Не было ли причинъ къ отдѣленію нашего простого народа отъ русской церкви въ самомъ соціальномъ положеніи тогдашняго простого народа. Этотъ парадоксъ относится къ вопросу: чувствовалъ

ли простой народъ нужду въ отдѣленіи отъ общества, съ которымъ прежде состоялъ въ связи? Это первое.

Не было ли въ самой тогдашней религіозной русской жизни причинъ, почему въ расколѣ образовался извѣстный взглядъ на извѣстнаго рода вещи, и не способствовала ли вся она образованію людей, въ свое время поднявшихъ знамя раскола? Этотъ парадоксъ относится къ вопросу объ естественности такого явленія, какъ расколъ.

Опять говоримъ, что все это не болѣе, какъ парадоксы и гипотезы. Вы, читатель, можете и не обращать на нихъ никакого вниманія. Но мы, имѣя въ виду сдѣлать ихъ еще болѣе парадоксальными, рѣшаемся прибавить къ двумъ вышесказаннымъ вопросамъ еще кое-какія разсужденія.

Вотъ видите ли дѣло въ чемъ: исторія раскола той эпохи, когда онъ только-что появился, и современной намъ эпохи показываетъ два замѣчательныхъ факта. Первый тотъ, что куда ни проникалъ расколъ, онъ вездѣ распространялся съ большою скоростью, какъ-будто вездѣ была подготовлена для него почва. Не забудемъ при этомъ, что въ основѣ раскола всегда, какъ прежде, такъ и теперь, лежала и лежитъ мысль о необходимости для раскольника отдѣленія отъ общества и образованія своего. Не правда ли, что подобный фактъ указываетъ на то, какъ сильно вездѣ было распространено между простымъ народомъ недовольство и недовѣріе ко всему, что́ не изъ его среды, и что стоило только явиться какому-нибудь простому монаху, который бы казался сочувствующимъ его интересамъ, — народъ готовъ былъ прервать всякую связь съ высшимъ для него обществомъ. Тутъ нельзя ссылаться на то, что народъ отступился отъ церкви именно вслѣдствіе религіознаго разномыслія, а не чего-нибудь другого. Въ подтвержденіе нашей мысли мы можемъ указать на слѣдующій чисто современный фактъ. Извѣстно, какъ держитъ себя всякій раскольникъ при увѣщаніяхъ обратиться къ православію. Ему пожалуй и докажутъ, что аллилуію нужно трегубить, а не сугубить и т. д., а онъ все держится своего, — все говоритъ что нѣтъ ужь, бачно, оставь меня, гдѣ намъ, и т. д.: такъ и видно, что ему дорого общество, въ которомъ онъ живетъ, что не религіозное разномысліе относительно аллилуія удерживаетъ его въ немъ, а кое-что другое. Скорѣй всего можно предположить, что это «кое-что другое» есть именно вся система, которую онъ олицетворяетъ подъ видомъ аллилуія и т. п. Опять-таки тутъ нельзя утверждать, что это упорство въ своемъ мнѣніи есть порожденіе невѣжества, ничего непонимающаго. Нѣтъ! мужикъ-раскольникъ — человѣкъ, и тоже способенъ понимать что-

нибудь, — объ этомъ совѣстно и говорить болѣе. Теперь нагукажемъ пункты, на которые исторія раскола должна обратить вниманіе для уясненія себѣ его происхожденія. Опять говоримъ, что наше мнѣніе — парадоксъ. Но ужъ такъ пришлось остановиться на немъ, можетъ-быть просто для развлеченья. Историкъ раскола хорошо бы сдѣлалъ, уяснивъ намъ:

Какое положеніе въ обществѣ занималъ нашъ крестьянинъ до XVII вѣка? Какая была система, заправлявшая тогда отношеніями сословными?

Въ какой мѣрѣ она была усвоена администраціей церкви, невыгодно поставившей себя въ средѣ, въ которой съ особенною силою распространялся расколъ?

Какое обстоятельство способствовало попыткамъ простого народа отдѣлиться отъ общества, съ которымъ онъ жилъ прежде въ связи, — слиться съ попыткою жить самостоятельною религіозною жизнью, независимою отъ религіозной жизни остального общества и т. д.?

Теперь объяснимся по второму парадоксу. Вотъ видите ли дѣло въ чемъ:

Всякой почвѣ такъ-сказать прирождены своего рода травы. На глинистой почвѣ не ростетъ лапушникъ, это всякому извѣстно. Посѣете овесъ: на томъ мѣстѣ, гдѣ сѣяли, — не будетъ ржи, а непремѣнно выростетъ овесъ; огуречное сѣмя даетъ вамъ огурецъ, а не смокву, дыню, или что-нибудь другое. Посадите яблоню, будете ходить за ней, да холить ее, — будутъ у васъ и яблоки хорошіе, и много ихъ будетъ. Нѣтъ? — на нѣтъ и суда нѣтъ. Законы природы неизмѣнны; все въ ней развивается только въ то, чѣмъ можетъ-быть оно по самому существу своему и развивается только при извѣстныхъ условіяхъ. Такъ вотъ точно также и въ нравственномъ царствѣ. Что́ посадите... нѣтъ, прежде всего — что́ вы въ состояніи посадить, какъ будете помогать расти посадку, то́ у васъ и будетъ. У хорошаго отца большею частью бываетъ хорошій сынъ, хотя бываютъ исключенія; изъ хорошей нравственной сферы выходятъ люди хорошіе, хотя тоже и тутъ бываютъ исключенія. Развитіе человѣка въ такую или другую личность много и очень много зависитъ отъ воспитанія, какое получаетъ онъ. У иного образуются такіе взгляды на вещи, у другого другіе, а все оттого, что они обращались и росли въ различныхъ кружкахъ. Иной выходитъ фанатикъ, иной не-фанатикъ, а все-опять таки оттого, что изъ одного сдѣлали фанатика, изъ другого нѣтъ. Говоря такимъ образомъ, мы вовсе не думаемъ считать человѣка — какъ tabulam rasam дескать что́ на этой tabula отпечатлѣлось, съ тѣмъ она и останется.

Digitized by Google

У каждаго человѣка есть конечно прирожденныя личныя свойства, которыя не изглаживаются въ немъ никакимъ воспитаніемъ и которыя имѣютъ безспорное вліяніе на полное развитіе всякой личности. Говорить ли, что указанныя нами явленія повторяются и въ религіозномъ воспитаніи народовъ? Итакъ историкъ раскола, по нашему парадоксу, долженъ обратить вниманіе на слѣдующій естественно вытекающій отсюда вопросъ:

Почему простой народъ между главными причинами своего отпаденія отъ церкви, поставилъ сугубую аллилуію, двуперстное знаменіе и т. п. вещи?

Все это, повторяемъ, парадоксы, и мы за нихъ не хотимъ отвѣчать. А высказывали ихъ потому, что не хотимъ остаться въ долгу у нашихъ читателей. Мы знаемъ, что они несогласны съ нашимъ воззрѣніемъ. Пусть мы говоримъ парадоксы, а вотъ, отчего же это ученые-то наши не разъяснятъ дѣла? Вопросъ о расколѣ — одинъ изъ важныхъ вопросовъ; многіе занимаются имъ, но когда приходится имъ рѣшать его, они рѣшаютъ его такъ-себѣ, какъ вздумается. Они совершенно не держатся при этомъ самаго древняго латинскаго присловья: audiatur et altera pars. Вотъ другой-то pars и не слушаютъ, а можно бы много кой-чего нужнаго узнать изъ того, что̀ сказалъ расколъ.

Мы говоримъ о сочиненіяхъ раскольническихъ и хотимъ указать всю важность ихъ значенія въ дѣлѣ рѣшенія вопросовъ по расколу. Что они имѣютъ большую важность для всякаго, кто занимается расколомъ, это дѣло несомнѣнное. Сочиненій раскольниковъ очень много. Всѣ они написаны большею частью въ первую эпоху развитія раскола и притомъ людьми, которые ближе всего принимали къ сердцу расколъ. Лица эти извѣстны: Аввакумъ, Лазарь, Feодоръ, Савва и др. Отъ этого обстоятельства сочиненія раскольниковъ получаютъ въ глазахъ изслѣдователя особенное достоинство, равно отъ него же и теряютъ нѣсколько своей цѣны. Достоинство потому, что писатели историческихъ раскольническихъ книгъ были большею частью очевидцы событій; а теряютъ часть своей цѣны потому, что, какъ люди, слишкомъ много заинтересованные въ дѣлѣ, они не могли отнестись къ нему съ полнымъ безпристрастіемъ. Особенно это обстоятельство имѣло вліяніе на раскольническихъ писателей потому, что эпоха появленія раскольническихъ сочиненій была эпохой только-что появившейся секты; а извѣстно то совершенно вѣрное историческое замѣчаніе, что каждая секта на первыхъ порахъ своей жизни отличается особеннымъ фанатизмомъ. Это время было самой лучшей эпохой въ жизни раскола. Раскольническія убѣжденія исповѣдывались тогда съ осо-

Digitized by Google

[illegible] силой. Чтобы сохранить для нихъ свободу, державшіяся ихъ лица не задумывались покидать свой родной очагъ, [illegible] своего рожденія и воспитанія; для нихъ они не задумывались разрывать узы родства, крови, бѣжали въ лѣса, подвергались [illegible]ніямъ, пыткамъ и различнаго рода казнямъ. Такой силы и [illegible] расколъ никогда не достигалъ во все послѣдующее время своей исторической жизни. Предводители раскола работали въ пользу его сколько хватало силъ и способностей; и словомъ и писаніемъ защищали дѣло, которое считали святымъ, своимъ, дѣломъ жизни. Оттого-то сочиненія раскольниковъ и дышатъ той восторженностью, которая при чтеніи такъ обаятельно дѣйствуетъ даже на человѣка совершенно нерасположеннаго въ пользу раскола. Въ каждой строкѣ, въ каждой мысли проглядываетъ какая-то несокрушимая сила убѣжденія, какая-то нечеловѣческая преданность одной предположенной цѣли. Вотъ почему теперешняя мысль раскольниковъ съ любовью всегда обращается къ этой эпохѣ, полной историческихъ воспоминаній, съ любовью вспоминаетъ тѣхъ дѣятелей, которые всю свою жизнь употребили на дѣло распространенія раскола и наконецъ сложили голову за свои убѣжденія.

Въ этихъ-то раскольническихъ сочиненіяхъ между прочимъ заключаются весьма важныя для насъ матеріалы для изученія нашей народности. Извѣстно, писатели большей части раскольническихъ сочиненій вышли изъ самой среды народа, всю жизнь свою обращались именно въ этой средѣ, усвоили себѣ ея воззрѣнія на вещи, смотрѣли на весь міръ подъ ея угломъ зрѣнія, однимъ словомъ были полными представителями народныхъ нуждъ, стремленій, инстинктовъ. Въ ихъ сочиненіяхъ отразилось именно міросозерцаніе нашего народа, воспитавшагося при извѣстныхъ намъ историческихъ обстоятельствахъ, та простота, съ какою судитъ онъ о вещахъ, и искренность гнѣва или радости, смотря потому, чѣмъ и въ какой мѣрѣ возбудились въ немъ гнѣвъ или радость. Мы нисколько не преувеличимъ значенія ихъ, если скажемъ, что раскольническія сочиненія даютъ намъ возможность полнѣй и всесторонней изучить народный типъ XVII столѣтія. Въ другихъ писаніяхъ этого вѣка мы не найдемъ полнаго отраженія его страстей, его стремленій, характера, образа его мышленія; не найдемъ потому, что близость писателя къ властямъ контролировала всякое свободное выраженіе внутренней жизни, сглаживала всякое болѣе рѣзкое проявленіе какъ индивидуальности, такъ и жизни общества. Ихъ языкъ не могъ быть откровененъ, потомучто откровенность приводила большею частью къ батогамъ, особенно сильно свирѣпствовавшимъ на Руси въ XVII вѣкѣ; потому мысль общества

народа къ особенности. Я не могъ выразиться въ этомъ со всею точностію и полнотою. Дѣло же раскольщиковъ было совсѣмъ другое дѣло. Бояться они много не боялись, говорили что думали, потому что въ жару религіозномъ они не боялись богохульствовать. Вы скажете, они были фанатики? — можетъ-быть! но всякій фанатизмъ имѣетъ оттѣнокъ народными чертами; въ нихъ-то и выразился фанатизмъ XVII столѣтія.

Впрочемъ мы должны говорить о той сторонѣ раскольническихъ сочиненій, которою они соприкасаются собственно съ предметомъ нашимъ, т. е. расколомъ, а мы говоримъ объ ихъ важности для изученія русской народности вообще и исторіи XVII вѣка въ частности. Объ этомъ, пожалуй скажете вы, лучше всего говорить напр. г. Буслаеву и г. Соловьеву: эти вещи — ихъ собственно спеціальный предметъ. Такъ конечно. Оттого-то вѣдь мы повернули въ касаемой этихъ пунктовъ, вовсе не желая присвоивать себѣ чужую область изслѣдованій. Suum cuique. Мы только хотѣли обратить вниманіе нашихъ читателей на тотъ кладъ, который у насъ лежитъ вовсе нетронутымъ: авось-либо кто задумаетъ воспользоваться имъ и тѣмъ принесетъ пользу наукѣ. Затѣмъ мы возвратимся опять къ своему предмету.

По раскольническимъ сочиненіямъ можно усмотрѣть, что за главная причина побудила массы нашего простого народа отдѣлиться отъ церкви и общества, съ которымъ прежде онъ состоялъ въ связи. Тамъ вы найдете исторію событій, имѣющихъ очень важное значеніе въ жизни раскола. Тамъ вы найдете средства узнать то знамя, около котораго группировался расколъ.

Опять-таки повторяемъ, тутъ нужно умѣнье искать, умѣнье не сбиваться съ толку догматическимъ разногласіемъ и не считать частности главными вещами. Тогда сочиненія раскольническія будутъ намъ-то такимъ, съ чѣмъ нужно знакомиться только ex officio, что нужно знать потому только, что писаны они раскольниками. Можетъ-быть добросовѣстное и безпристрастное изученіе ихъ поведетъ насъ къ рѣшенію нѣкоторыхъ очень трудныхъ вопросовъ, касающихся раскола.

Къ сожалѣнію мы должны замѣтить, что авторъ описанія раскольническихъ сочиненій вовсе не умѣлъ, надлежащимъ образомъ приступить къ изученію ихъ. Изъ его сочиненія видно, что онъ хотѣлъ чего-то добиться отъ раскольническихъ сочиненій, но положительное желаніе осталось у него не болѣе какъ желаніемъ. Дѣло въ томъ, что онъ подступалъ къ раскольническимъ сочиненіямъ или съ такими вопросами, которыхъ вовсе не стоило задавать, или съ вопросами дѣльными, но самъ-то вовсе не умѣлъ

Digitized by Google

найти на нихъ отвѣта въ раскольнической литературѣ. И если изъ его толстой книжки выкинуть все что написано безъ всякой опредѣленной цѣли, то мы изумились бы ничтожности того, что осталось бы стоющимъ нѣкотораго вниманія.

Авторъ, г. Александръ Б. приступалъ къ труду со всѣми схоластическими пріемами. О каждомъ сочиненіи онъ хотѣлъ предложить читателямъ: 1) свѣдѣнія касательно внѣшней его стороны, о его писателѣ, о тѣхъ особенно обстоятельствахъ жизни писателя, которыя сопровождали появленіе на свѣтъ его сочиненія, *о впечатлѣніи и вліяніи, какія сочиненіе произвело или можетъ производить*; потомъ: 2) свѣдѣнія касательно внутренней стороны сочиненія, именно свѣдѣнія о главномъ предложеніи, главной мысли, или идеѣ сочиненія; его планѣ, выдержанности идеи и плана въ отдѣльныхъ частяхъ сочиненія, обстоятельности каждой изъ частей, общемъ характерѣ, языкѣ и замѣчательнѣйшихъ мѣстахъ сочиненія, наконецъ о значеніи сочиненія въ отношеніи къ старообрядству.

Не правда ли, что *рубрикъ* тутъ чрезвычайно много, хотя, какъ увидимъ ниже, и не Богъ-знаетъ сколько пользы принесла многочисленность этихъ рубрикъ. Происхожденіе ихъ у автора объяснить очень легко. Авторъ просто хотѣлъ приложить къ раскольническимъ сочиненіямъ тотъ методъ, какимъ обозрѣваются въ духовныхъ заведеніяхъ книги св. писанія и еще самъ приложилъ кое-что такое, чего нельзя прилагать къ книгамъ, которыя считаются неприкосновенными. Оно повидимому и хорошо такъ описывать книги, какъ это дѣлаетъ авторъ. Предъ вами книга, пожалуй хоть житіе протопопа Аввакума. Въ видахъ облегчить ея пониманіе, вамъ скажутъ, кто былъ писатель (конечно съ приличными аргументами), съ какою цѣлью написана книга, какія были побужденія и поводъ къ написанію ея, гдѣ и когда написана она, какое впечатлѣніе и вліяніе она произвела или можетъ производить; затѣмъ скажутъ, какая главная идея и т. д., — все скажутъ, а вы только слушайте. Узнаете ли изъ всего этого о книгѣ то, что вамъ нужно — это вопросъ другой; только слушать вамъ приходится много. Вопросъ напримѣръ идетъ о цѣли, поводѣ или побужденіяхъ къ написанію книги. Побужденіемъ къ написанію книги послужило, говорятъ вамъ, то обстоятельство, что такой-то побужденъ былъ такимъ-то, «да не забвенію предано будетъ дѣло божіе». Вамъ пожалуй можетъ представиться вопросъ: да какія же могутъ быть у автора особыя побужденія къ написанію того или другого сочиненія? Просто захотѣлъ написать — и написалъ; а захотѣлъ потому, что считалъ такое-то дѣло важнымъ, стоющимъ того, чтобъ изъ-за него взять перо въ руки. Доискиваться тутъ особыхъ побужденій нечего: это значитъ ло-

Digitized by Google

[illegible] тѣмъ, вслѣдствіе какихъ побужденій Язонъ напримѣръ поѣхалъ въ Колхиду. Но вы послушайте, вамъ еще скажутъ о цѣли книги. Видите ли, побужденіе къ написанію ея состояло въ томъ, чтобы не предать забвенію такое-то дѣло; задается вопросъ о цѣли, и вамъ снова повторяется тоже самое, только въ другой формѣ: цѣль состоитъ въ томъ, чтобы разсказать во славу божію то и то. А то еще не угодно ли послушать что-нибудь о поводѣ къ написанію книги? Или нѣтъ, довольно. Мы и то боимся утомлять вниманіе читателей.

Не значитъ ли все это, правду сказать, переливать изъ пустого въ порожнее? Развѣ это ученая манера — говорить о томъ впечатлѣніи или вліяніи, какое производило въ прежнія времена или теперь производитъ чтеніе извѣстнаго сочиненія? Гдѣ это г. авторъ подслушалъ, какими вздохами въ старыя времена сопровождалось чтеніе напримѣръ писемъ Аввакума? Неслишкомъ ли ужь онъ рискуетъ тутъ своею личностью? На одного человѣка чтеніе извѣстнаго сочиненія производитъ такое впечатлѣніе, а на другого совсѣмъ иное. Вѣдь нельзя не согласиться, что бываютъ люди съ различными степенями воспріимчивости. Такъ какъ же послѣ этого г. Александръ Б. можетъ категорически объявлять всѣмъ своимъ читателямъ, что такое сочиненіе производитъ-де такое впечатлѣніе, а такое-то совсѣмъ другое? Или нѣтъ ли ужь и тутъ у автора особенныхъ цѣлей? Можетъ-статься онъ полагалъ, что сказавъ о худомъ вліяніи извѣстнаго сочиненія, онъ отниметъ тѣмъ охоту у публики читать такую книгу. Неправда ли, что это очень и очень наивно? Или авторъ хочетъ показать слишкомъ большой запасъ своихъ психологическихъ свѣдѣній и хочетъ выставить ихъ во всемъ объемѣ? Не потому ли онъ часто и принимается опредѣлять, какое вліяніе производитъ извѣстное сочиненіе на человѣка необразованнаго и какое на образованнаго? Необразованный человѣкъ — извѣстное дѣло — невѣжда, дуракъ, его обмануть легко; и вотъ авторъ обыкновенно говоритъ, что такое-то сочиненіе на необразованнаго человѣка производитъ впечатлѣніе довольно сильное и можетъ совратить его съ истиннаго пути. А на образованнаго то же сочиненіе, по его словамъ, дѣйствуетъ увлекательно; хотя тутъ дѣло дѣлается уже безобманно, т. е. хотя такое-то раскольническое сочиненіе производитъ на образованнаго человѣка увлекательное дѣйствіе, но оно уже не на того напало: образованнаго-де человѣка трудно обмануть. Вѣдь сколько тутъ можно извлечь пользы для жизни изъ подобнаго открытія г. Александра Б.! Вотъ все говоримъ, что трудно узнать людей! Теперь ларчикъ просто открывается: стоитъ только дать раскольническую книгу какому угодно человѣку, и потомъ смо-

трѣть, какое вліяніе производитъ на него чтеніе этой книги; затѣмъ остается только узнать изъ росписи г. Александра Б., какими результатами сопровождается чтеніе той книги у образованнаго и необразованнаго человѣка: когда все это сдѣлано, можно уже дѣлать заключеніе и къ уму испытываемаго лица.

Писатель имѣетъ тенденціи говорить объ языкѣ, какимъ написаны раскольническія книги, и по всему видно, что онъ въ совершенствѣ знаетъ граматическія правила г. Греча о словосочиненіи. Затожъ и досталось отъ него этимъ неучамъ-писателямъ XVII вѣка. Люди они, какъ извѣстно, были необразованные; они выходили не изъ заиконоспасской школы, а прямо изъ среды народа, слѣдовательно знали только то, что Богъ послалъ. Уже одно то слишкомъ ярко выставляетъ ихъ невѣжественность, что они издавали въ свѣтъ свои труды не подумавъ, что скажутъ объ нихъ ученые XIX вѣка. Ну, развѣ не стыдъ имъ, неучамъ, что они, не учившись грамотѣ, тоже пустились въ занятія нѣкотораго рода литературой? И за дѣло жъ ихъ наказываетъ г. Александръ Б.! Хорошенько ихъ! Граматики не знаютъ, а тоже пускаются въ витіеватость, употребляютъ *тропическій* языкъ. Мы совершенно раздѣляемъ авторское негодованіе на безграмотность раскольническихъ писателей. Впрочемъ всякое дѣло на землѣ нельзя считать такимъ уже совершеннымъ, что нельзя бъ было пожелать отъ него чего-либо лучшаго. Такъ и тутъ. Мы хотѣли бъ спросить автора, отчего онъ не пустился въ изслѣдованія хотя бы о народномъ языкѣ, употреблявшемся въ эпоху появленія раскольническихъ сочиненій? Безъ шутки, мы горько жалѣемъ, что онъ не подѣлился съ нами своею ученостью. А вѣдь тутъ можно бъ было пуститься въ филологическія изслѣдованія, сказать нѣчто объ исторіи языка, потому что періодъ между самымъ раннимъ раскольническимъ сочиненіемъ и самымъ позднимъ обнимаетъ собой никакъ не менѣе цѣлаго столѣтія.

И при разборѣ внутренней стороны, авторъ не пожалѣлъ раскольнической литературы. Тутъ вездѣ слышится его благородный и сильный укоръ за ея невѣжество въ знаніяхъ граматическихъ, логическихъ, историческихъ и т. п. Однимъ словомъ, сущіе невѣжды были эти раскольническіе писатели. Не знали граматики, а пускались тоже писать обширныя сочиненія; не знали логики, а тоже вздумали мыслить, тоже пустились въ полемику, какъ будто и возможно было ихъ невѣжественнымъ и нелогичнымъ головамъ уличить кого-либо въ недостаткѣ знанія истины! Оттого при разборѣ внутренней стороны каждаго раскольничьяго сочиненія у автора оказывается:

Приступъ: «Здѣсь безсмысленная смѣсь нѣкоторыхъ изреченій,

без сомнѣнія достойнымъ (еще бы!); такого-то св. отца, съ такою-то мыслію, такимъ-то образомъ замышляетъ цѣль и пр.»

Положеніе: Здѣсь безпорядочный сборъ такихъ и такихъ вещей.

Затѣмъ опять такъ произносится общее рѣшеніе о сочиненіи въ роль слѣдующаго: «приступая составлять нелицемѣрно: по совершенному отсутствію порядка и логическаго смысла, онъ нельзя, хотя основательность сочиненія въ немъ высказалась достаточно, и т. д.

Для г. Александры В. пришлось излагать, что собственно содержится въ книгѣ и пуститься въ подробности, послѣ предварительнаго неизбѣжнаго замѣчанія, что тутъ-де все сумбуръ, безпорядочная связь. Тутъ онъ вамъ разсказываетъ, сколько частей въ книгѣ, на сколько онѣ раздѣляются главъ, главы — на сколько частей, и затѣмъ предлагаетъ подробный подсчетъ этихъ главъ, съ критикой умѣнія ихъ содержанія. Да такъ разговорится иногда о содержаніи этихъ книгъ, что хоть къ самому описанію это дѣлай новое отношеніе. Авторъ вѣроятно хотѣлъ познакомить публику съ ивановыми у него подъ руками раскольничьими сочиненіями; но за нѣкоторыми исключеніями, онъ описалъ большую часть ихъ такъ, что знакомиться съ ними нужно хотя какъ: въ одной рукѣ держать его сочиненіе, а въ другой описываемую книгу. Только при этомъ разсчетѣ читатель можетъ разсчитывать, что прочитавъ самое сочиненіе и описаніе, онъ пойметъ что говорится какъ въ первомъ, такъ и во второмъ.

Между тѣмъ подобнаго рода изслѣдованіями авторъ думалъ достигнуть всего какой цѣли. «Въ отношеніи къ лицамъ, которыя должны относительно извѣстной односторонности изучить русскій расколъ; чтобъ послѣ успѣшно дѣйствовать на него мѣрами убѣжденія, это описаніе имѣетъ нравственное не только опасеніе: опасеніе это не только опасеніе этихъ лицъ съ ихъ мнѣніями, напитанными, въ которыхъ расколъ раскрывается, на которыя онъ опирается, но и показать, какъ онъ распространялся и овладѣвалъ умами старообрядцевъ, какъ образовался въ систему старообрядства и защищался своими поборниками, — чтобъ эти лица, знали, какое оружіе употребляли и употребляютъ они противъ насъ; ясно понимали, какое оружіе мы должны употребить противъ раскола. Для другихъ читателей сочиненіе это можетъ осѣтить глубину и густоту мрака, въ которомъ бродитъ нашъ расколъ; раскрыть прочность связи источниковъ его. Наконецъ читатели, не принадлежащіе по расколу и способные размышлять о немъ, это сочиненіе можетъ показать, какимъ басенъ они обучаются, отрицаясь истиннаго благочестія».

А по нашему мнѣнію, такъ напрасно авторъ предпослалъ такую тираду своему сочиненію, потому что онъ просто не достигъ имъ

никакой цѣли. Очень трудно сказать, въ какой мѣрѣ [illegible] можетъ кому-либо пособить основательно и во всей обширности изучить расколъ. Авторъ повидимому подробно раскрываетъ, какое раскольническое ученіе помѣщено въ такомъ-то сочиненіи. Но читая описаніе его, скорѣй всего приходишь къ убѣжденію, что онъ [illegible] мѣстилъ въ немъ разности раскольничьяго ученія не потому, что онѣ даны самой описываемой книгой, а потому, что отысканы въ ней самимъ авторомъ, какъ предзанятыя данныя. Оттого и выходитъ, что какъ ни описываетъ раскольническія сочиненія г. авторъ въ каждомъ изъ нихъ, по его словамъ, все одно и тоже. Поэтому вмѣсто обширнаго-то знанія раскола, изъ чтенія всей его книги вы вынесете убѣжденіе, что не стоитъ заниматься раскольнической литературой, а нужно познакомиться только съ однимъ или двумя сочиненіями и потомъ заключать отъ нихъ къ остальнымъ. Вѣдь этакъ г. Александръ Б. уничтожитъ пожалуй въ насъ охоту заниматься расколомъ! Далѣе автору хотѣлось показать, какъ расколъ распространялся и овладѣвалъ умами старообрядцевъ, какъ образовался въ систему и защищался... чтобы и мы, жители XIX столѣтія, могли тѣмъ же орудіемъ противодѣйствовать расколу, какимъ онъ дѣйствуетъ противъ насъ. Вотъ что значитъ ужь сильно разораторствоваться! Ну скажите на милость, развѣ это не слова, сказанныя наобумъ, не обѣщанія, исполнить которыхъ авторъ вовсе и не думалъ? Мы видѣли методъ, какой употребляетъ онъ при разборѣ раскольническихъ сочиненій; развѣ можно достигнуть имъ такихъ цѣлей? Авторъ говоритъ еще, что онъ хотѣлъ освѣтить густоту мрака, въ какомъ ходятъ раскольники. Правда, что онъ хотѣлъ, это видно въ его трудѣ, но вѣдь и остался при одномъ только хотѣніи. Хотѣлъ онъ указать густоту раскольничьяго мрака, а книга его оказалась наполненной голословными, нисколько не доказательными возгласами о безсмысленности и безграмотности раскольническихъ сочиненій!

А вѣдь говоря правду, мы вовсе не противъ изученія раскольническихъ сочиненій. Богъ съ вами, изучайте ихъ сколько хотите, можете пользу тѣмъ оказать обществу. Только изучайте съ добросовѣстностью и безпристрастіемъ; приступая къ труду, не набирайтесь никакихъ предзанятыхъ цѣлей, не беритесь только за трудъ съ неизмѣнною цѣлью — одно похвалить, другое осудить. Вотъ это-то и есть conditio sine qua non: пожалуйста побольше безпристрастія и добросовѣстности! Нечего тутъ пускаться въ собственныя, крайне иногда неудачныя разсужденія, стараться представить [illegible] томъ именно свѣтѣ, въ какомъ вы хотите представить, [illegible] дѣло говорить само за себя; повѣрьте, оно само лучше и [illegible]

чиній васъ скажетъ что нужно. Тогда за вами останется роль безпристрастнаго и добросовѣстнаго изслѣдователя, васъ никто не окинетъ подозрительнымъ взглядомъ, вы тогда будете двигать науку въ собственномъ смыслѣ, а не дѣлать изъ нея орудіе для какихъ-нибудь предположенныхъ цѣлей.

Мы очень хорошо понимаемъ причину, почему такія повидимому серьозныя изслѣдованія не достигаютъ вовсе никакой цѣли. Дѣло-то въ томъ, что мы при всякомъ дѣлѣ стараемся достигать окончательныхъ результатовъ и рѣдко довольствуемся ролью простого разработывателя матерьяловъ. Предварительная работа надъ чѣмъ бы то ни было какъ-то не по нашему характеру. Мы всегда не прочь щегольнуть послѣдними результатами науки, а какъ самимъ дойти до нихъ, какой путь ведетъ къ нимъ — это для насъ слишкомъ неважно. Теперешнее время, по отношенію къ народной литературѣ, къ которой мы причисляемъ и сочиненія раскольниковъ, есть время только разработки матерьяловъ; мы еще плохо вникнули въ смыслъ ея, умѣемъ въ ней разбирать только начальныя буквы... Нуженъ цѣлый рядъ добросовѣстныхъ, безпристрастныхъ, серьозно ученыхъ людей, чтобъ посредствомъ долгихъ, непрерывныхъ трудовъ дойти до какихъ-либо положительныхъ результатовъ. Потому еще не рановата ли такая работа, образецъ которой представилъ г. Александръ Б.? Извѣстно, какъ рѣдки экземпляры раскольническихъ сочиненій; большинство публики, интересующейся ими, вовсе не имѣетъ ихъ подъ руками. Оно поэтому и не можетъ слѣдить за тѣмъ, насколько вѣрно всякій описыватель раскольничьихъ сочиненій относится къ нимъ. Значитъ всѣ эти описыватели по необходимости требуютъ отъ публики довѣрія къ своей честности и добросовѣстности: вы дескать вѣрьте мнѣ и слушайте, что́ я буду описывать вамъ. Согласитесь, что публика никакъ не можетъ быть слишкомъ расточительна на довѣріе всякому лицу, имя котораго въ первый разъ является въ печати. Вѣдь почемъ знать: можетъ-статься, иной авторъ изъ подобныхъ описаній можетъ сдѣлать средства для какихъ-нибудь узкихъ, исключительныхъ цѣлей? Если у васъ есть желаніе познакомить публику съ раскольническими сочиненіями, такъ издайте ихъ въ подлинникѣ. Для публики это будетъ большимъ подаркомъ, потомучто она очень интересуется ими. Да и вы можете даже тутъ показать всю свою ученость. Нѣкоторыя раскольническія сочиненія существуютъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Вотъ и сличите ихъ, да покажите, которая редакція вѣрнѣе: тогда и ваша ученость и публика будутъ въ выигрышѣ. А иначе какъ же? нельзя отдѣлывать набѣло того, чего не приготовишь вчернѣ.

Или отчего бы напримѣръ не составить исторіи раскола по его

Digitized by Google

сочиненіямъ, строго слѣдя въ нихъ одно изъ двухъ и подвергая, гдѣ нужно, исторической критикѣ? Вѣдь дѣлается это напримѣръ въ Иллюстраціи, кажется г. Максимовымъ. Тогда облегчились бы изслѣдованія нашихъ историковъ XVII столѣтія; вмѣсто того чтобы рыться въ запыленныхъ рукописяхъ, не теряя нужное для нихъ время иногда безплодно, они могли бы найти готовый изслѣдованія въ хорошей монографіи, составленной какимъ-либо умнымъ и трудолюбивымъ ученымъ.

Опять повторяемъ, что описывать наши старыя рукописи такъ, какъ это дѣлаетъ г. Александръ Б., значитъ недостигнуть никакой цѣли. Его трудъ нельзя назвать предварительной разработкой матеріаловъ, потомучто во всемъ его сочиненіи проглядываетъ тенденція произносить окончательный судъ надъ сочиненіями. Нельзя назвать его трудъ и окончательнымъ выводомъ науки, потомучто ему не достаетъ основательности и безпристрастія. Такъ чтожъ это такое? спросите вы насъ. Послѣ всего, что мы уже сказали о его трудѣ, отвѣтъ на этотъ вопросъ мы предоставляемъ сдѣлать уже самимъ читателямъ.

Digitized by Google

ДЕРЖАВИНЪ-ГРАЖДАНИНЪ

Сочиненія Гавріила Романовича Державина 1743—1812. Изданіе Русской Бесѣды. Москва 1860.

Помните, читатель, время вашего воспитанія, годы въ школѣ — помните классъ русской словесности? Но впрочемъ можетъ-быть вы, выросшій и образовавшійся подъ другими впечатлѣніями, не раздѣлите этихъ воспоминаній... Въ воображеніи нашемъ непремѣнно въ ту минуту, какъ долетаетъ до насъ громкое слово «Державинъ», ярко возникаетъ почтенная личность нашего бывшаго наставника. Читая лекцію о Державинѣ, онъ обыкновенно всякій разъ восторгался до того, что причислялъ поэта къ какимъ-то неземнымъ существамъ; онъ никакъ не постигалъ возможности, кромѣ похвалы, говорить о Державинѣ что-нибудь другое. Лекція начиналась декламаціею оды «Богъ»: безконечное умиленіе, безконечное благоговѣніе выражало лицо педагога. Затѣмъ говорилось о великости Державина: о томъ, какой онъ былъ добродѣтельный старецъ, какой примѣрный ревнитель закона, какъ переkладывалъ онъ псалмы и сочинялъ оды духовнаго содержанія, какъ за «Фелицу» получилъ онъ подарокъ отъ Екатерины II, попалъ къ ней въ милость и сдѣлался потомъ вельможей; ко всему этому добавлялось, что никто изъ поэтовъ лучше его не былъ проникнутъ духомъ священнаго писанія, и что семейная жизнь его представляетъ образецъ самый поучительный. Останавливаясь на посланіяхъ къ Голикову (*Первому сосѣду*), Скопихину, онъ указывалъ на нихъ какъ на увѣщанія, которыя Державинъ писалъ своимъ современникамъ, удерживая ихъ отъ праздности, роскоши и другихъ пороковъ. Ода «Зубову» (на возвращеніе его изъ Персіи), говоря о которой, педагогъ никогда не позабывалъ добавить, что «она написана въ похвалу вельможѣ, находившемуся въ немилости», служила неисчерпаемымъ источникомъ для самыхъ восторженныхъ возгласовъ о Державинѣ:

Digitized by Google

«Великій!.. знаменитый!.. совершившій благотворные перевороты въ жизни русскаго общества XVIII столѣтія!.. Мужъ государственный!.. за правду, за все высокое восставшій съ сильными, полагавшій за ближняго душу свою, защищавшій бѣдныхъ отъ сильныхъ вельможъ! Безсмертный! божественный! геніальный Державинъ, невинно пострадавшій и за свои высокія убѣжденія, и за свои великія дѣла!» Такіе отзывы раздавались обыкновенно среди мертвой тишины цѣлаго класса благоговѣйно внимавшихъ юношей. Самъ Гоголь (скрѣпляя свою рѣчь педагогъ) сказалъ, что Державинъ постоянно стремился начертать образъ мужа праводѣйствующаго... Когда же дѣло доходило до чтенія «Вельможи», гдѣ Державинъ [illegible] чуетъ совѣтника», по выраженію педагога, тогда измѣнялась вся его физіономія: глаза сверкали, лицо какъ-то передергивало, изо рта била пѣна негодованія; онъ размахивалъ руками, задыхался и дрожалъ всѣмъ тѣломъ...

«А тамъ — вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ грудным младенцемъ на рукахъ,
Покрова твоего желаетъ:
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
Въ тебѣ его знавъ прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

«А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрелъ на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медалями украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

«А тамъ — гдѣ жирный песъ лежитъ,
Гордится вратникъ галунами,
Заимодавцевъ полкъ стоитъ,
Къ тебѣ пришедшихъ за долгами.
Проснися, сибаритъ! — Ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь!
Несчастныхъ голосу не внемлешь!»(*)

(*) Сочиненія Державина. Изданіе Д. П. Шишкина. С. Петербургъ. 1845 г. стр. 176.

И странно! что-то неуловимое западало тогда въ душу, брало за сердце, какъ будто вызывало на что-то великое и святое, уносило куда-то въ туманную даль... Мы мечтали и забывались среди своихъ мечтаній...

О наша юность!.. о наша свѣжесть,

легко увлекающаяся, легко довѣрчивая ко всякому слову, ко всякой фразѣ, лишь бы они были за правду, за все высокое и прекрасное!..

Да, лекція о Державинѣ проходила не безъ обаянія на насъ. Ограниченность знаній не давала возможности повѣрять убѣжденія педагога, а сила молодости и полнота чувства рисовали Державина въ воображеніи великимъ, стяжавшимъ вѣнецъ безсмертія за борьбу, за правое дѣло... И мы благоговѣли передъ нимъ.

А теперь?..

«Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!»

Кажется и времени-то немного прошло съ тѣхъ поръ какъ читались эти лекціи, а между тѣмъ, что осталось отъ нихъ?.. Однакоже убѣжденія нашего педагога не были исключительно его убѣжденіями: онѣ существовали впродолженіе слишкомъ цѣлаго полустолѣтія и печатно высказывались еще съ большею силою.

Критика, современная Державину, исключительно ограничивалась безусловнымъ благоговѣніемъ къ нему, разсыпалась передъ нимъ въ самыхъ лестныхъ похвалахъ, выраженныхъ приторными, цвѣтистыми эпитетами: такъ кромѣ общихъ фразъ о немъ, какъ о великомъ, геніяльномъ, божественномъ пѣвцѣ Фелицы и т. п., до насъ не дошло ни одного болѣе дѣльнаго и основательнаго разбора его стихотвореній. Вообще Державинъ былъ сильнымъ авторитетомъ для современныхъ ему поэтовъ и литераторовъ и пользовался отъ нихъ большимъ почетомъ (1). Они старались посвящать ему свои произведенія, считая это великою честью для себя; такъ поступилъ Озеровъ, поднесшій Державину въ 1804 году свою трагедію «Эдипъ въ Афинахъ» (2); такъ поступилъ С. П. Жихаревъ.

---

(1) Москвитянинъ на 1842 г. № 1. статья *Державинъ. Изъ Записокъ Ивана Ивановича Дмитріева*. Стр. 150, 151.—*Мелочи изъ запаса моей памяти* Дмитріева въ Москв. 1853 г. № 23. декабрь, кн. 1, стр. 157.—*Дневникъ Чиновника* С. П. Жихарева. Статья 1, въ «Отеч. Зап.» 1855 г., апрѣль, стр 394; и статья 3, въ «Отеч. Зап.» 1854 г., іюль, стр. 125, 126, 140.—*Семейная Хроника и Воспоминанія* С. Т. Аксакова. Москва 1856 года. Издан. 1, стр. 520—521; 527—528; 531—532; 542.

(2) *Объясненія на сочиненія Державина*, имъ самимъ диктованныя родной его племянницѣ, Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой въ 1809 г. Изданныя Ѳ. П. Львовымъ, въ четырехъ частяхъ. С. Петербургъ 1834. Ч. 1 стр. 67—68. Также см.

Digitized by Google

авторы «Дневника Чиновника», испрашивавшій у Державина позволеніе посвятить ему своего «Артабана» (1). Поэты писали ему оды, торжественныя посланія; таково напримѣръ было стихотвореніе А. П. Буниной «Видѣніе въ сумерки», написанное съ цѣлью польстить Державину, очень слабое и по выраженію и по содержанію (2); таковы были сильные стихи Родзянки, которыми оплакалъ онъ смерть Державина (3).

Взгляды на Державина и его произведенія болѣе позднѣйшихъ его современниковъ: И. И. Дмитріева, С. П. Жихарева (автора «Дневника Чиновника») и С. Т. Аксакова, познакомившагося съ Державинымъ уже при самомъ концѣ дней его, доказываютъ тоже, что лица эти были самыми горячими поклонниками поэта (4).

Далѣе. Князь Вяземскій въ статьѣ своей «Державинъ», написанной вскорѣ послѣ смерти поэта, величаетъ его могущественнымъ, геніальнымъ, великимъ, «лучезарнѣйшимъ свѣтиломъ» нашей поэзіи, «почтеннымъ Несторомъ музъ», «знаменитымъ мужемъ, прошедшимъ со славою и пользою поприще долгой жизни», «пѣвцомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ», которому даже «вся природа покорна» и котораго «геній природа образовала въ особенномъ сосудѣ — и бросила сосудъ» и проч. и проч. (5).

Мерзляковъ въ публичныхъ своихъ лекціяхъ о Державинѣ, помѣщенныхъ въ журналѣ его «Амеонъ», разбирая построчно оду Державина, восторгается безусловно каждымъ ея стихомъ и превозноситъ поэта чуть не до небесъ (6).

«Сочиненія Державина» изд. Смирдина 1847. Т. I, стр. 30; примѣчаніе къ стих. г. Озерову «На приписаніе Эдипа».

(1) Отеч. Зап. 1855, апрѣль. *Дневникъ Чиновника*, ст. 1, стр. 395.

(2) Отеч. Зап. 1855 г. Августъ. «Дневникъ Чиновника, ст. 4, стр. 401—402.

(3) «Семейн. Хрон. и Воспом.» Аксакова 1856. 1-ое изд., стр. 546.

(4) Москвит. на 1842 г. № 1, стр. 149—164 (*Державинъ. Изъ Записокъ Ив. Ив. Дмитріева*). — *Семейн. Хрон. и Воспом.* Аксак., изд. 1-е 1856 г., стр. 529—531. Въ *Дневникѣ Чиновника* записано:

«Былъ у Державина — и до сихъ поръ не могу прійдти въ себя отъ сердечнаго восхищенія. Съ именемъ Державина соединено было все въ моемъ понятіи, все, что составляетъ достоинство человѣка: вѣра въ Бога, честь, правда, любовь къ ближнему, преданность къ государю и отечеству, высокій талантъ и трудъ безкорыстный... и вотъ я увидѣлъ этого мужа:

Кто, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ!»

(Отеч. Зап. 1855 г. Апрѣль, стр. 394.)

(5) Полная Русская Хрестоматія А. Галахова. Изд. шестое, Москва 1853 г. Ч. 1, стр. 267, 268, 270.

(6) *Амеонъ*, издав. Мерзляковымъ 1815 г. іюль, стр. 113—146.

Digitized by Google

Критика позднѣйшая, обыкновенно дѣлившая разборъ произведеній Державина на чести историческую и эстетическую, приписывала самому поэту какіе-то небывалые гражданскіе подвиги, великіе перевороты въ жизни общественной вѣка Екатерины II. Таковы были двѣ статьи о Державинѣ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1843 года за мартъ и апрѣль мѣсяцы, потомъ статья профессора Никитенки (въ «Библіотекѣ для чтенія» 1846 г., за январь мѣсяцъ), статья Полевого (въ изданіи сочиненій Державина, Штукина, 1845 года и въ «Очеркахъ русской литературы» 1839 года). Всѣхъ болѣе въ этомъ отношеніи замѣчательно краснорѣчивое ораторствованіе г. Никитенки: «Державинъ (говоритъ онъ) былъ поэтомъ-мужемъ, *дѣятелемъ нравственнаго порядка, зиждительнымъ могуществомъ, полнымъ событій* (?!), тѣмъ могуществомъ, которое не испаряется въ пустыхъ отвлеченностяхъ, а *печатлѣетъ себя знаменіями неизгладимыми на своей эпохѣ*» (?!). (Библіотека для чтенія 1846 года, январь. Критика, стр. 8).

«Онъ не былъ поэтомъ мечты и сладостныхъ грезъ, потому что онъ былъ *мужъ-дѣятель*»... (стр. 19). Патріотическіе восторги его «были не восклицанія и общія мѣста (?!): *это былъ мощный кликъ гражданина* (?!), одушевленнаго разумною возможностью и дѣйствовать и подавать свой голосъ о дѣйствіяхъ другихъ» (стр. 13).

«Былъ *представителемъ идей* (?!!), *которыми возраждающаяся Россія вступала въ союзъ со всемірною образованностью*, онъ смотрѣлъ на Екатерину какъ на олицетворенный принципъ новаго положенія своей отчизны, какъ на генія, организующаго громадное твореніе Петра съ могуществомъ державнаго властелина и тонкою заботливостью любящаго сердца. Онъ благоговѣлъ передъ нею, какъ гражданинъ и какъ человѣкъ. Оттого хвалы, произносимыя имъ монархинѣ, достойны ихъ обоихъ; *онѣ чужды пошлой лести столько же, сколько и офиціальныхъ восторговъ* (?!); онѣ свободны, какъ голосъ чести; *важны и серьозны, какъ убѣжденіе;* (?!) теплы и живы, какъ сердце. *Ихъ можетъ принять Россія на свою отвѣтственность* (вотъ даже какъ!) — и въ этомъ смыслѣ Державинъ поэтъ народный» (стр. 14).

«Державинъ однакожъ, въ *качествѣ защитника и представителя всѣхъ благородныхъ вѣрованій* (?!), недовольствовался внутреннимъ осужденіемъ того, что заражало ихъ своимъ нечистымъ прикосновеніемъ: онъ ополчился противъ него грозною сатирою, которая, какъ карающая молнія, упадала на общество съ тѣхъ же высотъ, откуда летѣло къ нему роскошное, животворное дыханіе весны» (стр. 21).

«Мы должны быть благородны безсмертному Державину, кото-

рый, оказывая обществу услугу въ его высшихъ требованіяхъ, не оставилъ безъ удовлетворенія и другой насущной его нужды — нужды въ мужественномъ голосѣ противъ современныхъ пороковъ. Этимъ онъ довершилъ свой союзъ съ обществомъ, и такимъ образомъ развилъ въ себѣ вполнѣ элементъ поэзіи истины и вещей, поэзіи дѣйствительности» (стр 22).

«Направленіе его сатиръ также оригинально. Этотъ мощный духъ, обнимавшій жизнь только въ огромныхъ размѣрахъ, ихъ не примѣнялъ и къ различнымъ ея явленіямъ, свѣтлымъ и темнымъ. *Что ему въ мелкихъ повсемѣстныхъ сплетняхъ страстей* (!?), *въ которыхъ запутываются люди столь мелкіе*, что ихъ ничтожество можетъ въ одно время служить имъ и извиненіемъ и казнью? *Его мѣсто тамъ, гдѣ побѣда покупается опасностью пораженія и гдѣ самое пораженіе оставляетъ еще герою своего рода торжество — право сказать: «все потеряно, кромѣ чести»* (?!). *Онъ выходитъ на бой съ порокомъ могучимъ, осыпаннымъ дарами фортуны, способнымъ приводить въ смятеніе нравственный порядокъ* (?!), *исторгать стоны и слезы изъ сердца людей и обладающимъ средствами избѣгать заслуженной кары. Онъ долженъ напасть на злоупотребленіе силъ, предназначенныхъ благотворить и распространять на землѣ владычество добра и разума, на безумную гордыню, презирающую всѣ* (?!) и проч. и проч. (стр. 23).

Наговоривъ въ подобномъ духѣ и приведя нѣсколько отрывковъ изъ оды «Богъ», «Изображенія Фелицы», «Видѣнія музы», «Посвященія Екатеринѣ» и отрывокъ изъ стихотворенія «На переходъ Альпійскихъ горъ» г. Никитенко объявляетъ, что «показалъ то, что ставитъ его (Державина) *въ число призванныхъ и великихъ дѣятелей эпохи*» (стр. 25).

Теперь разумѣется подобные риторическіе возгласы о Державинѣ, какъ о «глашатаѣ правды, добра и истинной славы», какъ о «великомъ призванномъ дѣятелѣ эпохи», покажутся весьма странными.

А было время, когда стихотворныя замѣтки поэта о самомъ себѣ вмѣстѣ съ ихъ *объясненіями* въ книгѣ «Львова» (диктованными самимъ же Державинымъ) да съ *Ключемъ* «Остолопова» (¹), вводили въ сильное заблужденіе критику. Съ благоговѣніемъ и безграничною вѣрою смотрѣла она напримѣръ на слѣдующія отрывки державинскихъ стихотвореній:

(¹) *Ключъ къ сочиненіямъ Державина* 1822 г. Остолопова.

ПРОБЛЕСКЪ

«Коль не былъ гордъ и подлъ, и лишь изъ самолюбья
Пронырствомъ не пролѣзъ вельможъ я въ сонмъ»...

Когда не царскія желалъ, искалъ награды,
И мзды чьей за труды, за подвигъ мой,
Но домогался лишь вездѣ единой правды,
Считая жребій всѣхъ за жребій свой»...

Но, искренной душой презря препятства,
Невинныхъ въ вредъ себѣ спасалъ людей...

Не изъ корысти коль себѣ хвалы и славы,
Но изъ желанія лишь всѣмъ добра,
Смиреньемъ укрощавъ враждебны нравы,
Судилъ, мирилъ, на сильныхъ мощь не зря... (1)

МЕРКУРІЮ

«Да вмѣсто виста и бостону,
Я съ ней на лирѣ порѣзвлюсь,
Монаршу, божеску закону,
Суду и правдѣ поучусь;
Не дамъ волкамъ овечки скушать»... (2)

НА УМѢРЕННОСТЬ

«Собрать не алчетъ милліоновъ;
Не скалится на жирный столъ;
Не требуетъ ничьихъ поклоновъ;
И не лощитъ ничей самъ носъ;
Не вьется въ душу къ царску другу,
Не ловитъ таинствъ и не льститъ»... (3)

МОЙ ИСТУКАНЪ

«Мнѣ добрая пріятна слава;
Хочу я человѣкомъ быть,
Котораго страстей отрава
Безсильна сердце развратить;

---

(1) Соч. Держав., изд. Штукина 1845 г. стр. 27.
(2) Ibid. стр. 218.
(3) Ibid. стр. 206.

Digitized by Google

Кого ни мзда не ослѣпляетъ,
Ни санъ, ни мест, ни блескъ порфиръ;
Кого лишь правда научаетъ,
Любя себя, любить весь міръ
Любовью мудрой, просвѣщенной,
По добродѣтели священной»... (1)

ИЗДАТЕЛЮ МОИХЪ ПѢСНЕЙ

«...Долгъ поэта
Въ міръ правду вѣщать» (2)

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦЕВОЙ

«Меня-жъ ничто вредить не можетъ:
Я злобу твердостью сотру;
Враговъ моихъ червь кости сгложетъ;
А я піитъ — и не умру» (3).

ТОНЧІЮ

Иль нѣтъ, ты лучше напиши
Меня натурой самой грубой:
Въ жестокій мразъ съ огнемъ души,
Въ косматой шапкѣ, скутавъ шубой;
Чтобъ шолъ, природой лишь водимъ,
Противъ погодъ, волнъ, горъ кремнистыхъ,
Въ знакъ, что рожденъ въ странахъ я льдистыхъ;
Что былъ прапращуръ мой Багринъ (4)

ЧЕРТА КЪ БІОГРАФІИ ДЕРЖАВИНА

«Кто велъ его на Голиконъ
И управлялъ его шаги?
Не школъ витійственныхъ содомъ,
Природа, нужда и враги» (5).

КЪ САМОМУ СЕБѢ

«Но и тѣмъ коль безполезенъ,
Что горячъ и въ правдѣ чортъ (6).

---

(1) Ibid. стр. 219.
(2) Ibid. стр. 140.
(3) Ibid. стр. 158.
(4) Ibid. стр. 133.
(5) Ibid. стр. 222.
(6) Соч. Держав. изд. Смирд. 1847 г. Т. II, стр. 52.

Digitized by Google

ХРАПОВИЦКОМУ

Боговъ пѣвецъ
Не будешъ никогда подлецъ. (1).

Да и какъ въ самомъ дѣлѣ было не приходить въ восторгъ отъ этихъ стихотворныхъ замѣтокъ поэта о самомъ себѣ, когда въ ушахъ многихъ раздавались еще благоговѣйные клики професора Мерзлякова, авторитетомъ Державина воспитавшаго цѣлыя поколѣнія студентовъ московскаго университета. Какъ было не увлекаться ими въ то время, когда умѣнье въ пышныхъ фразахъ, въ безпрестанныхъ туманныхъ отступленіяхъ и воззваніяхъ къ читателю, въ безпрестанныхъ пробѣлахъ, наполненныхъ краснорѣчивыми точками, когда это умѣнье наговорить много, не высказавъ ровно ничего, считалось необходимою принадлежностью всякой хорошей критики? Какъ въ самомъ дѣлѣ было не довѣрять этимъ замѣткамъ, когда онѣ такъ убѣдительно толкуютъ о великости Державина, придавая значеніе каждому самому обыкновенному происшествію съ нимъ, ставя каждое мелкое событіе и всякій ничтожный фактъ въ его жизни особенною для него заслугою?..

Что напримѣръ удивительнаго въ томъ, что Державинъ въ пугачевскую войну освободилъ изъ плѣна около полуторы тысячи колонистовъ, захваченныхъ киргизами (2)? — развѣ этого не сдѣлалъ бы и другой на его мѣстѣ, и развѣ это не есть самое простое исполненіе служебныхъ обязанностей?

Что за диковинка въ томъ, что Державинъ, бывши статсъ-секретаремъ Екатерины II, читалъ во время торжества послѣдняго мира съ турками объявленіе о наградахъ отличившимся на войнѣ? А между тѣмъ онъ возводитъ себя за это въ какой-то «органъ мирныхъ благъ и мира» (3)! Прочтя подобную выспренность, невольно подумаешь: «что такое за благо и миръ, которыя даровалъ Державинъ?» Впрочемъ, благодаря коментарію, загадка разрѣшится скоро, но зато ужь послѣ не знаешь, какую силу вѣроятія дать остальнымъ замѣткамъ безъ поясненія, какъ смотрѣть на нихъ: «вѣрить или нѣтъ», тѣмъ болѣе, что показанія самого Державина (какъ увидимъ мы ниже) часто грѣшатъ противъ истины и въ книгѣ «Львова», и въ *запискахъ* поэта. Словомъ, Державинъ въ своихъ *объясненіяхъ* не пропускаетъ ни одного самаго ничтожнаго

(1) Соч. Держав. изд. Штукина 1845 г., стр. 128.
(2) Объясненія на соч. Держав. Львова. Ч. 1, стр. 38.
(3) Ibid. стр. 39.

Digitized by Google

обстоятельства, чтобы не выставить себя въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, чтобы не сказать о себѣ лестныхъ словъ. Такъ напримѣръ, въ примѣчаніи къ одѣ, написанной въ честь графа Алексѣя Григорьевича Орлова, читаемъ: «графъ былъ давно уже въ отставкѣ, когда сія иносказательная ода въ честь ему была написана. Авторъ былъ уже сенаторомъ и до отставнаго графа Орлова никакого не имѣлъ дѣла, но написалъ ему похвалу изъ единаго чувства благодарности ..» и проч. (1). Кчему эти добавленія? Развѣ для того только, чтобы порисоваться собою? «Замѣчайте же, замѣчайте мое благородство!..» какъ бы говоритъ Державинъ. «Этимъ вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе!..»

Подобнымъ тщеславіемъ, доходящимъ нерѣдко до смѣшного, до удивительной наивности и мелочности, проникнуты и самыя автобіографическія *Записки Державина*. Стоитъ только хорошенько изучить ихъ, присмотрѣться къ характеру и тону ихъ языка, чтобы въ его малѣйшихъ оттѣнкахъ понимать внутреннюю жизнь Державина; тѣ едва уловимые изгибы его сердца, тѣ едва замѣтныя движенія его души, въ которыхъ иногда, какъ въ зеркалѣ, ясно отражаются всѣ его природныя свойства, всѣ его наклонности и стремленія въ жизни.

Такъ во время пугачевщины, «повергаясь въ меланхолію» (2), отъ того что не имѣлъ «средства и удобства» (3) «употребленъ быть въ войнѣ или въ какомъ либо отличномъ порученіи» (4), какъ потомъ обрадовался Державинъ, что Бибиковъ, умѣвшій *проникнуть* (5) его, взялъ въ свою экспедицію! Съ первыхъ же дней этой командировки Державинъ, сильно возмечтавъ о себѣ, засуетился и завертѣлся около Бибикова: изъ желанія выслужиться передъ нимъ, онъ, основываясь на весьма отдаленныхъ и смутныхъ толкахъ, доноситъ объ измѣнѣ, залуманной при встрѣчѣ съ Пугачевымъ частью войскъ, посланныхъ для его усмиренія (6)... Какъ восхищается Державинъ своимъ новымъ положеніемъ!.. Какъ расплывается онъ въ разговорахъ съ Бибиковымъ (7), который, поручая сильный «отпоръ назойливому офицеру» (8), «хотѣлъ проникнуть, таковъ ли онъ былъ на дѣлѣ, какъ на словахъ» (9)... А на дѣлѣ-то какъ рисуется Дер-

(1) Ibid. Ч. 2, стр. 63—64.
(2) Записки Держав. стр. 51.
(3) Записки Держав. стр. 51.
(4) Ibid. стр. 51.
(5) Ibid. стр. 51.
(6) Ibid. стр. 52, 53, 54.
(7) Ibid. стр. 54.
(8) Ibid. стр. 55.
(9) Ibid. стр. 55.

Digitized by Google

самимъ собою и какое значеніе придаетъ онъ каждому своему ничтожному дѣйствію!.. То онъ «съ почтеніемъ умалчиваетъ» (1) о себѣ, то говоритъ, что всего болѣе надѣялись «на его ревность и разсужденіе» (2)... Съ какимъ полнымъ самодовольствомъ наслаждается онъ каждымъ своимъ распоряженіемъ, каждымъ своимъ поступкомъ, каждымъ движеніемъ, и какія эффектныя сцены и обстановки придумываетъ онъ для нихъ (3). Ясно, все это было слишкомъ близко сердцу Державина, до того насыщало его тщеславную, честолюбивую душу, что за всѣмъ этимъ онъ уже не понималъ другой жизни, другихъ стремленій, кромѣ стремленія быть представленнымъ высшему начальству (4), тереться при дворѣ, около знати, среди шума, блеска и роскоши... Понятно, почему такъ сильно озадачилъ его холодный пріемъ въ Москвѣ, въ полку, гдѣ не только что его не «представили прямо къ высочайшему престолу» (5), какъ обѣщали ему многіе генералы и вельможи, но даже, позабывъ про всѣ его геройскіе подвиги, обошли наградами въ сравненіи съ товарищами (6)... Понятно, почему онъ впалъ въ тоску и уныніе, почему досадовалъ и не могъ помириться съ своимъ настоящимъ, съ своею участью (7). Давъ ему возможность «двигать чрезъ свои сообщенія корнусами генераловъ, брать деньги въ городахъ сколько хотѣлъ, посылать лавутчиковъ, казнить смертью» (8) и проч., этимъ самымъ только подожгли его тщеславныя стремленія, и позволивъ имъ немного разгорѣться, тотчасъ же потушили ихъ, переведя Державина въ полкъ, гдѣ не только-что дали ему незначущую роль обыкновеннаго офицера, но еще за невинную ошибку въ наказаніе безочередно нарядили на палочный караулъ (9). Державинъ былъ только раздраженъ, только обманутъ сладкими мечтами на извѣстность, на славу, на гласность, но не остановился на этой досадѣ, а пошолъ далѣе, рѣшился во что бы ни стало заявить себя передъ императрицей и требовать наградъ. «Размысля непріязнь къ себѣ сильныхъ людей и не имѣя ни единой подпоры, пролилъ горькія слезы (10) и потомъ долго, настойчиво, хотя напрасно, обивалъ онъ пороги Потемкина. Подавая письмо Екатеринѣ II, онъ конечно не за-

(1) Ibid. стр. 58.
(2) Ibid. стр. 64.
(3) Ibid. стр. 59, 60, 72, 80—82, 89, 91, 94.
(4) Ibid. стр. 106.
(5) Ibid. стр. 106.
(6) Ibid. стр. 107.
(7) Ibid. стр. 106—107.
(8) Ibid. стр. 106.
(9) Ibid. стр. 107.
(10) Ibid. стр. 107.

Digitized by Google

былъ наговорить, что «преслѣдовалъ хищниковъ-кайсаковъ» (1), что «избавилъ изъ ихъ плѣна однихъ колонистовъ около тысячи человѣкъ» (2), что «въ самыхъ крутизняхъ несчастія, подвергаясь явнымъ опасностямъ, былъ почти два раза въ рукахъ Пугачева» (3), что если онъ и не захватилъ самозванца, то все-таки «первой всюду далъ знать» о его поимкѣ (4) и проч., — и просилъ за это чинъ полковника и награжденіе деревнями (5).

Отношенія Державина къ Панину (во время пугачевщины) имѣютъ странный и на первый взглядъ мало понятный характеръ. Зачѣмъ ѣдетъ поэтъ къ этому гордому вельможѣ? «На вольную страсть» (6): порисоваться собою, — «гвардіи офицеромъ» (7), и въ силу этого безъ позволенія сѣсть за графскій столъ, раздражать этимъ поступкомъ надменнаго вельможу, потомъ льстить ему, чтобы загладить свой промахъ, и наконецъ по недальновидности промахнуться снова (8), чтобы въ послѣдующую жизнь свою внести нѣкоторый навыкъ и умѣнье ласкать чужія самолюбія и за это собирать съ нихъ матерьяльную дань, извлекать существенныя выгоды...

Въ дальнѣйшей жизни, для своихъ тщеславныхъ стремленій Державинъ не останавливается уже ни передъ чѣмъ: онъ приноситъ имъ въ жертву и собственный покой, и честность, благородство своихъ поступковъ, и прямоту образа своихъ дѣйствій. Обращеніе его съ Вяземскимъ уже не остается безъ болѣе выгодныхъ для него послѣдствій: къ князю, въ надеждѣ полученія мѣстечка, онъ подбирается чтеніемъ ему книгъ, игрою въ карты, да льстивыми, приторными стихами, восхваляющими красоты княгини, согласіе и счастье ея супружеской жизни, чего на самомъ дѣлѣ вовсе и не было (9). Получивъ отъ Вяземскаго мѣстечко, онъ впослѣдствіи хотя и негодуетъ на него за несправедливыя нападки и притѣсненія, хотя выслушиваетъ его гнѣвные выговоры «съ чувствительнымъ огорченіемъ и пролитіемъ слезъ» (10), да все-таки сгибается передъ нимъ, руководясь пословицей: «съ сильнымъ не бороться, а съ бо-

(1) Ibid. стр. 114.
(2) Ibid. стр. 114.
(3) Ibid. стр. 114.
(4) Ibid. стр. 115.
(5) Ibid. стр. 118.
(6) Ibid. стр. 97.
(7) Ibid. стр. 99.
(8) Ibid. стр. 90—101.
(9) Ibid. стр. 122—124.
(10) Ibid. стр. 243.

Digitized by Google

гатымъ не тягаться» (1), какъ ни тяжело ему крѣпиться до тѣхъ поръ, когда за Фелицу поступаетъ онъ наконецъ подъ покровительство самой Екатерины II. Это все еще пожалуй сносно и извинительно, особенно въ XVIII столѣтіи. Но вотъ, если пристально вглядѣться въ Державина по отлученіи его отъ тамбовскаго губернаторства, тогда невольно теряется уже всякое къ нему уваженіе. Находясь «въ безднѣ погибели» (2), оттого что графъ Мамоновъ, любимецъ Екатерины II, «ни съ какой стороны не былъ знакомъ ему» (3), Державинъ однакоже кое-какъ съ помощью графа Панина (котораго прежде, во время пугачевщины, бранилъ онъ), да съ помощью двухъ тысячъ, отданныхъ сенатскому оберъ-секретарю, улаживаетъ тамбовское дѣло и получаетъ наконецъ прощеніе Екатерины II (4). Но съ этимъ только Державинъ не мирится: ему снова нужны почести, извѣстность, слава... И вотъ для нихъ рѣшается онъ пустить въ ходъ талантъ свой, чтобы получить доступъ къ Зубову, фавориту Екатерины II, пишетъ оду «на изображеніе Фелицы» (5), за которую дѣйствительно императрица, въ благодарность Державину, велитъ Зубову пригласить къ себѣ автора на ужинъ и потомъ допускать его въ свои бесѣды (6). Въ квартирѣ Зубова поэтъ играетъ самую жалкую роль: въ то время, когда онъ обивается пороги фаворита, сгибается передъ нимъ, льститъ ему, Зубовъ едва обращаетъ на него вниманіе; онъ только по необходимости, по приказанію Екатерины II ласкаетъ его изрѣдка (7), но зато ужъ и вволю издѣвается надъ нимъ, стравливая его напримѣръ съ Еминымъ и нисколько не думая сдѣлать для него что-нибудь болѣе существенное (8)... Какая незавидная, жалкая обстановка!.. Но въ обстановкѣ этой Державинъ не внушаетъ къ себѣ уваженія, онъ не вызываетъ ни участія, ни состраданія къ себѣ: самъ, по собственной охотѣ напросился онъ на эту роль, — на возмутительную роль шута въ палатахъ царскаго фаворита, изрѣдка только въ видѣ подачки допускающаго его до своихъ ужиновъ. И однакожъ, несмотря на это Державинъ сильно доволенъ своимъ новымъ положеніемъ... Онъ радъ напримѣръ, что между Потемкинымъ и Зубовымъ «случилась *пріятная* для него исторія» (9), и что Потемкинъ —

(1) Ibid. стр. 240.
(2) Ibid. стр. 283.
(3) Ibid. стр. 283.
(4) Ibid. стр. 293, 294.
(5) Ibid. стр. 298.
(6) Ibid. стр. 298.
(7) Ibid. стр. 298.
(8) Ibid. стр. 311, 309, 310.
(9) Ibid. стр. 302.

Digitized by Google

даже самъ великолѣпный Потемкинъ! — сталъ необыкновенно ласкаться (1) къ нему (чему разумѣется нельзя вѣрить) и засыпать съ разными предложеніями (2)... Какъ радъ теперь Державинъ нарисоваться, пощеголять передъ свѣтлѣйшимъ!... И дѣйствительно, въ Запискахъ своихъ онъ говоритъ, что въ сочиненномъ имъ описаніи извѣстнаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ, онъ, вопреки ожиданію Потемкина, не польстилъ ему (3)!... Еще бы льстить Потемкину въ то время, когда Зубовъ (говорятъ, по проискамъ Суворова) (4) подкапывался подъ Потемкина, и когда слѣдовательно этою лестью Державинъ могъ только накликать на себя неудовольствіе отъ двора, отъ Екатерины II и ея фаворита!

Вообще должно замѣтить, что Державинъ въ дѣлѣ подлѣзанія оказывается человѣкомъ весьма ловкимъ и уклончивымъ: онъ, какъ говорится, «и нашимъ и вашимъ». Въ то время какъ Потемкинъ и Зубовъ враждовали между собою, а Державинъ одновременно имѣлъ къ нимъ равный доступъ, — онъ «въ таковыхъ мудреныхъ обстоятельствахъ не зналъ что́ дѣлать и на которую сторону искренно предаться, ибо отъ обоихъ былъ ласкаемъ» (5)... Зубову онъ угождаетъ тѣмъ, что слушается его приказаній относительно Потемкина, не принимать отъ него никакихъ подарковъ (6). Отъ Потемкина же, не отвертѣвшись слѣдующей фразой: «что какъ отъ князя онъ никакихъ еще благодѣяній личныхъ не имѣлъ, а коротко великихъ его качествъ не знаетъ» (7), то и превозносить его не можетъ, — не отвертѣвшись этими словами, потому что за ними тотчасъ же послѣдовали гнѣвъ и брань Потемкина (8), Державинъ однако вскорѣ же, въ первое воскресенье, ѣдетъ къ свѣтлѣйшему засвидѣтельствовать ему свое нижайшее почтеніе (9). Вообще Державинъ одновременно недоволенъ и Зубовымъ, и Потемкинымъ, и Вяземскимъ и другими, бранитъ ихъ всѣхъ разомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ѣздитъ къ нимъ съ поклонами на-домъ, льститъ и угождаетъ имъ... Къ Вяземскому — и притомъ Богъ знаетъ зачѣмъ — несмотря на постоянныя непріятности, которыми вредилъ онъ Державину, послѣдній все-таки обиваетъ княжескіе пороги до тѣхъ поръ, когда жена

(1) Ibid. стр. 301, 304.
(2) Ibid. стр. 304.
(3) Ibid. стр. 307.
(4) Ibid. стр. 305 и примѣч. 1-е.
(5) Ibid. стр. 305.
(6) Ibid. стр. 304.
(7) Ibid. стр. 307.
(8) Ibid. стр. 307—308.
(9) Ibid. стр. 308.

Digitized by Google

Вяземскаго, поравнявшись съ Зубовымъ, показываетъ ему свою спину (1).

Подобные примѣры не рѣдкость въ *Запискахъ* Державина: они встрѣчаются и въ царствованіе Екатерины II, и въ царствованія Павла I и Александра I.

Любители гражданскаго значенія Державина говорили обыкновенно, что онъ въ дѣлѣ правды и чести всегда смѣлъ, гордъ, непоколебимъ, отваженъ и за ближняго готовъ положить душу свою; въ доказательство они приводили замѣтки Державина о собственныхъ подвигахъ, въ родѣ напримѣръ слѣдующихъ: что поэтъ возвращалъ законнымъ владѣльцамъ несправедливо, съ помощью ябедничества оттяганныя деревни, что онъ при производствѣ дѣлъ людей сильныхъ и богатыхъ не щадилъ, а судилъ ихъ строго, изобличая всѣ ихъ плутни и каверзы (2)... и проч. Близкое знакомство по запискамъ Державина съ происшествіями подобнаго рода удостовѣряетъ вполнѣ, что личность поэта на дѣлѣ вовсе не такъ свята и чиста, какъ она обрисовывается имъ самимъ, на словахъ.

Въ исторію съ деревней (о которой упоминается и въ стихотвореніяхъ поэта, и въ *объясненіяхъ* книги Львова (3)), принадлежавшей Бехтѣеву и отнятой у него сутягой Зубовымъ, отцомъ фаворита, Державинъ замѣшанъ былъ противъ всякаго желанія, совершенно нечаяннымъ образомъ. Когда явился Бехтѣевъ къ Державину и сталъ усильно просить, чтобъ онъ былъ съ его стороны въ совѣстномъ судѣ посредникомъ, въ который онъ подалъ на старика Зубова прошеніе, — Державинъ, сколько могъ, отговаривался отъ сей чести, извиняясь, что онъ не можетъ идти противъ отца того, который оказываетъ ему свое благорасположеніе» (4)!

Гдѣ же тутъ геройская, неуклончивая борьба съ пороками? Гдѣ тутъ наконецъ самое обыкновенное исполненіе долга, служебныхъ обязанностей?

Далѣе, когда Бехтѣевъ настаиваетъ въ своей просьбѣ, ссылаясь на учрежденіе о губерніяхъ, гдѣ именно воспрещено отказываться отъ посредничества въ совѣстномъ судѣ, Державинъ не знаетъ

---

(1) Ibid. стр. 298.

(2) Объясненія на соч. Держав. Львова. Ч. 1, стр. 29. См. стих. «На умѣренность». Также стих. «Проблескъ»: стр. 27 въ изд. Штукина. 1845.

(3) Объясненія на соч. Держав. Львова. Ч. 1, стр. 29:

«Крезъ завладѣлъ чужой деревней»

«Одинъ богатый и случайный человѣкъ неправильно пріобрѣлъ деревню, которая ходатайствомъ автора по закону возвращена владѣльцу».

(4) Записки Державина, стр. 303.

Digitized by Google

что дѣлать: какъ идти противъ Зубова? (1) Онъ бѣжитъ къ послѣднему, вертится передъ нимъ, и кое-какъ съ согласія его уладитъ дѣло (2), торжественно твердитъ потомъ (и въ своихъ стихотвореніяхъ, и въ объясненіяхъ къ нимъ, и въ самыхъ запискахъ), что онъ возвращалъ деревни, спасалъ во вредъ себѣ невинныхъ людей (3), и проч.

Что касается до Логинова (о которомъ находятся замѣтки и въ стихотвореніяхъ поэта, и въ объясненіяхъ къ нимъ (4)), то Державинъ выводитъ наружу плутни его въ то время, когда сильный покровитель его Потемкинъ умеръ (5) и его многочисленная партія значительно ослабѣвала; да кромѣ того сама Екатерина II, послѣ дерзкихъ и забывчивыхъ объясненій этого откупщика, настоятельно требовала отъ Державина, чтобы съ нимъ поступалъ онъ круто, по всей строгости законовъ (6)... Какъ же послѣ этого можно было *оправить* (7) Логинова, когда сама императрица не велѣла щадить его?..

Еще другіе случаи: напримѣръ пропажа 600,000 рубл. изъ заемнаго банка и дѣло Свищова. Въ первомъ, въ которомъ былъ замѣшанъ директоръ банка Завадовскій, вывезшій къ себѣ на домъ тайно ночью два сундука, одинъ съ серебромъ, другой съ золотомъ (8), Державинъ, выбранный по этому дѣлу въ члены судной комиссіи, дѣйствуетъ еще осторожнѣе, еще осмотрительнѣе: онъ взвѣшиваетъ каждое свое слово, каждое движеніе, боясь чтобъ не нажить себѣ бѣды, такъ какъ партія Завадовскаго была слишкомъ сильна. Когда Терскій, генералъ-ревизмейстеръ и докладчикъ по тяжебнымъ процессамъ, человѣкъ весьма близкій къ императрицѣ, имѣвшій вліяніе на дѣла въ государствѣ, объявилъ ему на ухо съ заклятіемъ никому не сказывать о пропажѣ денегъ и о поступкѣ Завадовскаго, тогда Державинъ соображаетъ: «Терскій не выдаетъ ему подобной тайны просто, безъ участія императрицы, безъ ея-

---

(1) Ibid. стр. 303.

(2) Ibid. стр. 303—304.

(3) Объясн. Львова. Ч. 1, стр. 29. Соч. Держав. изд. Штукина, стр. 27. Записки Держав. стр. 349—350

(4) Въ объясненіяхъ Львова (ч. 1, стр. 43—44) находимъ слѣдующее примѣч. къ стих. «*Храповицкому*»:

«Какъ Л..... дать оправить.»

«То-есть какъ Логинова дать оправить. Логиновъ былъ откупщикъ и впалъ въ преступленія: дѣло его разсматривалъ авторъ».

(5) Записки Держ. стр. 331.

(6) Ibid. стр. 331—332.

(7) Въ стих. *Храповицкому:* «Какъ Л..... *оправить*.

(8) Записки Держав. ст. 371.

Digitized by Google

бенной цѣлью; и тутъ же отправляется къ ея любимцу Зубову, вы-
вѣдать какого онъ мнѣнія объ этомъ происшествіи, какъ отзовется
о немъ (1): «Сей молодой временщикъ, хотя по обыкновенію его не
сказалъ, ни да, ни нѣтъ; но на лицѣ его написано было, что онъ
не безъ удовольствія принялъ сіе извѣстіе. И такъ Державинъ
принялъ намѣреніе дѣйствовать по сущей правдѣ и доводить о
семъ чрезъ него до свѣдѣнія государыни; ибо, что́ ему было извѣ-
стно, то всемѣрно и она знала; но это такъ было искусно скрыто,
что никакимъ образомъ участія ея въ чемъ-либо дознаться было не
возможно (2).» Ясно, *сущая правда*, по которой рѣшился дѣйство-
вать Державинъ, не была его обыкновеннымъ принципомъ; здѣсь,
независимо отъ его стремленій, она сложилась сама собою — при-
дворными интригами, отзывомъ временщика. Взгляни иначе на это
дѣло Зубовъ, слѣдовательно Екатерина — и Державинъ взглянулъ
бы на него иначе, дѣйствовалъ бы сообразно съ этими взглядами,
разумѣется по своей привычкѣ уклончиво, стараясь не раздражить
слишкомъ противъ себя ни той, ни другой стороны: какъ-нибудь
загладить, замазать дѣльцо, обдѣлать такъ, чтобы выдти изъ него
здраву и невредиму. Даже и послѣ объясненій съ Зубовымъ, Дер-
жавинъ, производя слѣдствіе о пропавшихъ деньгахъ, все еще вы-
жидаетъ и сдерживается: видя напримѣръ, что президентъ комис-
сіи Завадовскій (онъ же подсудимый и директоръ банка) вымаралъ
многіе весьма нужные вопросные пункты, написанные Держави-
нымъ для кассира и кассирши, и заключая изъ этого о его явномъ
пристрастіи къ этимъ лицамъ, Державинъ однакоже ничего не го-
воритъ въ комиссіи, не противорѣчитъ Завадовскому (3) — и по-
тому именно, что боится обнаружить намѣренія Зубова, искавшаго
вредить Завадовскому... Такая же точно осторожность по этому
дѣлу замѣтна и въ составленіи доклада императрицѣ: «а паче, какъ
предсѣдатель самъ былъ прикосновенъ къ дѣлу, то чтобъ не зацѣ-
пить его какъ-либо обидно и слишкомъ выразительно, да также и
не закрыть, а потому и требовалось великой осторожности...» (4) то
есть въ простомъ переводѣ: чтобы угодить и тѣмъ и другимъ,
чтобы «и волки были сыты, и овцы цѣлы»...

Въ дѣлѣ Свищова о подложной завѣщательной записи на имѣніе
покойной жены этого помѣщика, Державинъ дѣйствуетъ еще хуже,
еще уклончивѣе... Отъ своего голоса, отъ своего ходатайства (Дер-

(1) Ibid. стр. 371.
(2) Ibid. стр. 371.
(3) Ibid. стр. 371.
(4) Ibid. стр. 375.

Digitized by Google

жавинъ избранъ былъ посредникомъ съ правой стороны), онъ отступается тотчасъ же, какъ только Зубовъ Дмитрій Александровичъ грозитъ ему враждою брата, любимца Екатерины II и всей ихъ фамиліи, если онъ станетъ защищать этотъ процессъ (1). И Державинъ, «подумавъ, что навлекать на себя непріязнь такихъ людей, которые ему благопріятны (2)», невыгодно, — уклонился... Уклонился онъ также опять въ этомъ же самомъ дѣлѣ черезъ два года, — и тогда не только не отстаивалъ смѣло и открыто *правыхъ*, но угрозами отъ имени временщика Кутайсова доведенъ былъ до того, что перешолъ на сторону неправыхъ и потакалъ ихъ незаконнымъ требованіямъ... (3)

Такихъ примѣровъ уклончивости поэта не мало найдется въ его *запискахъ*. И Державинъ, если иногда и обращаетъ на себя вниманіе смѣлымъ и прямымъ отвѣтомъ Павлу, Екатеринѣ II и другимъ сильнымъ людямъ, то это происходитъ больше отъ его недальновидности, отъ необдуманности, неосторожности, или отъ его поэтической забывчивости: отъ увлеченія самимъ собою, своими достоинствами и добродѣтелями — отъ мысли: «такъ онъ великъ и уменъ, что сильные міра сего допускаютъ его къ себѣ, говорятъ съ нимъ, а иногда даже обращаются къ нему съ важными вопросами, выкидая его многознаменательнаго слова...» Или просто эти выходки случались въ слишкомъ большихъ припадкахъ раздражительности, съ которою Державинъ, какъ извѣстно, никогда не умѣлъ совладать, даже въ лѣта глубокой старости (4). Да и вслѣдъ за этими выходками идутъ тревожныя мысли о собственной неловкости, досада на самого себя за промахъ и болезненное ожиданіе царскихъ немилостей... Припомните, что́ дѣлалъ Державинъ послѣ объясненій съ Павломъ, послѣ отвѣта Екатеринѣ II: «что наслѣдника съ императрицею судить не можетъ.» Онъ обиваетъ пороги придворныхъ, заискиваетъ у любимцевъ, проситъ, чтобы они замолвили о немъ доброе словечко... (5) Нѣтъ, Державинъ вовсе не былъ изъ таковыхъ, чтобы сознательно и обдуманно итти на борьбу съ врагами и за правду стоять горою, не уступая ея ни для какихъ обстоятельствъ... Онъ всегда выбираетъ положенія болѣе выгодныя для себя и своего матерьяльнаго благосостоянія, переходитъ на сторону

(1) Ibid. стр. 421.

(2) Ibid. стр. 421.

(3) Ibid. стр. 423.

(4) См. «Семейн. Хроника и Воспомин.» Аксакова 1856 г. Изд. 1, стр. 521, 540—542.

(5) Записки Держав. 393, 394;

Digitized by Google

тѣмъ, которые осмѣлятся, и въ неравный бой не кинется, какъ кричалъ объ немъ нѣкоторые критики... (1)

И послѣ всего этого какими глазами смотрѣть на разсѣянныя повсюду въ запискахъ Державина его приторныя самовосхваленія, въ родѣ напримѣръ слѣдующихъ: что онъ «сначала и въ продолженіи всей своей службы имѣлъ себѣ въ непремѣнное правило, чтобъ никогда, никого, ни о чемъ не просить, и ни на что не напрашиваться, и напротивъ ни отъ чего не отказываться, и когда какое поручатъ служеніе, исполнять оное со всею вѣрностію и честію, по правдѣ и по законамъ, сколько его силъ достанетъ, основывая то правило на священномъ писаніи: что никто же пріимет честь токмо званный отъ Бога, и что пастырь добрый не прелазитъ чрезъ ограду, но входитъ дверью и пасетъ повѣренныхъ ему овецъ, полагая за нихъ свою душу...» (2); что «о своихъ дѣлахъ не заботился и не радѣлъ, а хлопоталъ и ссорился всегда за казенныя и за чужія, ему по должности порученныя» (3)?

А между тѣмъ, кромѣ указанныхъ случаевъ недобросовѣстности и происковъ Державина, мы видимъ еще изъ «Записокъ Храповицкаго», (4) какъ черезъ холатайство Потемкина добивается онъ владимірскаго крестика; мы слышимъ также въ плачевномъ тонѣ разсказа самыхъ его *записокъ*, какъ огорченъ онъ, когда узналъ, что его не представили къ анненской лентѣ, тогда какъ многихъ другихъ сенаторовъ представили, и какъ радъ потомъ, когда ему надѣваютъ эту ленту: какъ отъ этого обстоятельства ему хочется умилиться, расплыться въ приторныхъ, ни къ чему не ведущихъ благодарностяхъ, «что ежели онъ чѣмъ виноватъ...» (5) и проч.

Говоря въ своихъ *Запискахъ* про другихъ, Державинъ не позабываетъ упоминать, что они унижались или ласкались передъ тѣмъ или другимъ. Напримѣръ о Тутолминѣ, который (по словамъ составителя примѣчаній къ Запискамъ Державина), пользуется болѣе выгодной репутаціей, какъ человѣкъ дѣятельный и трудолюбивый въ царствованіе Екатерины II (6), — объ этомъ Тутолминѣ Державинъ отзывается, что «онъ подлымъ образомъ ласкалъ и угож-

(1) Библіот. для чтенія 1846 г. № 1 стр. 23.
(2) Записки Державина, стр. 349.
(3) Ibid. стр. 350.
(4) Библіограф. Записки 1858 г. № 5 стр. 141.
(5) Записки Державина, стр. 428—429.
(6) Записки Державина стр. 249.

Digitized by Google

дѣтъ (*) Зубову..! А развѣ самъ онъ не льстилъ Зубову, не подлѣзалъ къ нему? Развѣ не писалъ онъ стиховъ для доставленія своимъ тщеславныхъ капризовъ, не продавалъ своего таланта изъ-за того только, чтобъ втереться въ покои царскаго любимца?

Вообще, должно замѣтить, лживость показаній Державина о самомъ себѣ заставляетъ недовѣрчиво смотрѣть на разсказы его *Записокъ* о другихъ лицахъ и другихъ событіяхъ, предварительно не изслѣдовавъ ихъ критически, не повѣривъ другими документами, мемуарами другихъ личностей. На это многіе пожалуй возразятъ намъ, что такъ какъ автобіографія Державина писана имъ за три года до его смерти, въ глубочайшей старости, то слабѣющая память легко могла измѣнить ему и вовлечь его въ невольныя ошибки, особенно въ разсказахъ объ отдаленномъ прошломъ. Совершенная правда. Но дѣло въ томъ, что ошибки, причиною которыхъ была единственно ослабѣвшая память Державина, заключаются въ мелочахъ: въ неточности хронологическихъ указаній на тѣ или другія происшествія, въ невѣрности и перепутанности названія именъ и фамилій личностей мелкихъ, занимавшихъ ничтожныя роли въ отношеніяхъ своихъ къ Державину, или наконецъ въ разсказахъ поэта о какихъ-либо незначительныхъ происшествіяхъ. Разумѣется подобнаго рода ошибки не бросаются въ глаза; проходя незамѣченными и нисколько не измѣняя характера записокъ поэта, они вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ и вовлечь читателя въ ложное сужденіе о его душевныхъ свойствахъ... Другое дѣло — лица и событія, имѣвшія болѣе сильное значеніе въ жизни Державина: тамъ невѣрность разсказа записокъ уже не можетъ подтверждаться ослабѣвшею памятью, и для разъясненія дѣла необходимо искать другихъ причинъ, проистекавшихъ чисто изъ личныхъ свойствъ поэта, изъ его душевныхъ наклонностей и стремленій въ жизни. Вотъ примѣръ нѣсколько подобныхъ разсказовъ, несогласныхъ съ разсказами о томъ же самомъ въ запискахъ другихъ личностей.

Такъ о характерѣ статсъ-секретарской дѣятельности Державина дошли до насъ совершенно-различныя показанія. Самъ поэтъ и въ *Запискахъ* своихъ, и въ *объясненіяхъ* къ своимъ стихотвореніямъ отзывается о себѣ съ самой выгодной стороны. Онъ говоритъ, что на его разсмотрѣніе поручались всегда важныя и весьма непріятныя дѣла, лежавшія нерѣшоными лѣтъ по двадцати, что онъ при докладахъ не вертѣлся на всѣ стороны, но читалъ что было написано, несмотря на лица; что императрица нерѣдко скучала, когда онъ обременялъ ее докладами, но онъ, желая доставить право-

(*) Ibid. стр. 383.

Digitized by Google

ніе и оставлять людей достойныхъ, не обращать на это вниманіе, что нерѣдко даже императрица, приписывая ему въ скоропостижномъ гнѣвѣ, просила у него прощенья (1), и проч. и проч.

Въ Запискахъ же «Храповицкаго» находимъ другое: тамъ говорится, что вторая жена Державина и ея мать выцарапались въ дѣла поэта изъ корыстныхъ видовъ, и что это обстоятельство вмѣстѣ съ пустымъ надоѣдливостью и раздражительностью Державина были главными причинами, вызвавшими неудовольствіе и гнѣвъ Екатерины II. Вотъ что читаемъ мы въ этихъ любопытныхъ Запискахъ:

«13 декабря 1791 года. Г. Р. Державинъ опредѣленъ въ секретари.

«15. Державинъ явился. Объ немъ докладывали; подсѣлъ. Послѣ обѣда впущенъ. Приласкали, но не очень.

«18. Съ гнѣвомъ у меня и у Турчанинова спрашивали, почему знаетъ графъ Кобенцель, что Державину поручены меморіи сената? Онъ пишетъ о томъ въ нотификаціи. Я оправдался тѣмъ, что и самъ такой новой должности не зналъ и съ министрами никакой связи не имѣю.

«18 февраля 1792. Сказали мнѣ послѣ доклада Державина, что онъ ходитъ съ такими просьбами, какими дабы (?) (вѣроятно бабы) разжаловали тещу и жену его. Я промолчалъ.

«14 февраля. Державинъ не пріѣзжалъ во дворецъ, прислалъ сказать, что болятъ зубы.

«1792 марта 2. Какъ-то не въ добрый часъ Державинъ докладывалъ по дѣлу графа Мочениго съ банкиромъ Сутерландомъ. По наклоненію его не захотѣли рѣшить на основаніи приговора, въ пользу учиненнаго, и съ неудовольствіемъ отпустили. Потомъ тотчасъ призвавъ меня, разсказывали объ обстоятельствахъ дѣла: какъ мнѣ это рѣшить? пусть разбираются межъ собой, или помирятся; онъ (т. е. Державинъ) со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзетъ. Я отвѣчалъ, что какъ это дѣло заключается только въ комерческихъ расчетахъ, то могли выбрать посредниковъ, комерцію знающихъ, и кончить расчетъ. Пошли къ прическѣ волосъ и скоро кликнувъ Державина, при парикмахерахъ со словъ моихъ дали резолюцію. Послѣ и безъ него говорили: «Онъ такъ новъ, что ходитъ съ дѣлами до него не принадлежащими».

«4 марта. Говорили мнѣ о Д—нѣ по случаю просьбы купца Мамотина, по почтѣ изъ Софіи присланной, гдѣ ссылается на просьбу

(1) Объясненія Львова. Ч. 1, стр. 30. — Записки Державина, стр. 320, 321, 323, 336, 337.

Digitized by Google

Д. (Державину) подмную, что Д. принимаетъ всѣ прошенія о деньгахъ, готовъ принять на милліонъ; это работа его тещи. Говорено съ жаромъ.

«5 апрѣля. Подписанъ указъ, чтобъ Васильеву, Державину и Новосильцову ревизовать Сутерландову контору. Державинъ прибавленъ Зубовымъ.

«21 апрѣля. По просьбѣ Елмановой велѣно ей сказать: j'ai un cœur de roche, и спросить Державина: не знакома ли ему? Теща его всѣхъ просительницъ знаетъ.

«28 апрѣля. Послѣ обѣда пріѣхали въ царское село. — — — Тутъ лежала записка Попова о капитанахъ гвардіи, назначенныхъ въ полковники, также заготовленный Державинымъ указъ о томъ, что по два года не выходятъ приговоры въ сенатѣ. Обѣ пьесы не состоялись и теперь попали въ запечатанный пакетъ.

«30. При отдачѣ мнѣ бумагъ для доклада, графъ Безбородко сказывалъ, что и съ нимъ говорили о Державинѣ. Графъ внушилъ, что по меморіямъ имянныхъ указовъ давать сенату нельзя. Сказалъ я графу о предположеніяхъ князя Потемкина-Таврическаго, поданныхъ Поповымъ. Онъ дополнилъ, что сказали: «давай ихъ сюда», думая найти проэкты какіе, но увидѣли только записки о дачѣ Державину 2 кл. Владиміра, о помѣщеніи бывшаго въ Астрахани губернатора Алексѣева, о гвардейскихъ капитанахъ, назначенныхъ въ полковники, — все очень худо принято и особенно о Д. отвѣчали, «что долженъ быть много доволенъ, что взятъ изъ-подъ суда въ секретари, а орденъ безъ заслугъ не дается» (1).

Какъ согласить подобныя противорѣчія? Какое заключеніе вывести изъ нихъ?..

Про вторую жену Державина мы очень мало знаемъ. Изъ разсказовъ о ней поэта мы видимъ только, что это была женщина расчетливая и практичная, погруженная въ матеріальные интересы, занятая «своимъ хозяйствомъ и прилежнымъ смотрѣніемъ за домомъ» (2), нежели чѣмъ-либо другимъ, болѣе высшимъ и лучшимъ. Она, «поправивъ разстроенное состояніе, присовокупила втеченіе 17 лѣтъ недвижимаго имѣнія, считая съ великолѣпными пристройками домовъ, едва ли не половину, такъ что въ 1812 году, когда сіи записки писаны, было за ними вообще въ разныхъ губерніяхъ уже около 2000 душъ и два въ Петербургѣ каменные знатные дома» (3). Извѣстно также изъ *Записокъ*, что она и родственники всегда имѣли

(1) Библіографическія Записки 1858 г. № 5, стр. 139—141.
(2) Записки Державина стр. 369.
(3) Ibid. стр. 369.

Digitized by Google

самое дѣленіе наложено; «онъ напрямикъ послѣ неудачнаго разговора Державина съ нимъ Павломъ, оскорбивъ его со всѣхъ сторонъ грубою», «принудили его искать средствъ преклонить на милость государя» (1). Вотъ все, на чемъ приходится основывать дальнѣйшія выводы о характерѣ статсъ-секретарской дѣятельности Державина.

Причину скораго увольненія отъ статсъ-секретарства Державинъ опять-таки объясняетъ совершенно иначе, нежели другое, до насъ дошедшее свидѣтельство.

Самъ поэтъ разсказываетъ, что въ Царскомъ селѣ 15 іюля 1793 года, докладывая Екатеринѣ II по своимъ дѣламъ, онъ пробылъ въ ея кабинетѣ до седьмого часа вечера, и потомъ выполнивъ «многія изъ ея приказаній, отправился гулять въ садъ, гдѣ встрѣтилъ императрицу «сидящую подъ тѣнью деревъ въ задумчивости». Статсъ-секретарь Петръ Ивановичъ Турчаниновъ, желая развеселить государыню, придумалъ играть въ горѣлки, въ которыхъ по недостатку кавалеровъ упросилъ участвовать и Державина (2). Догоняя великаго князя Александра Павловича, онъ упалъ и вывихнулъ себѣ лѣвую руку. «Великій князь и прочіе придворные побѣжали къ нему и, подымъ едва живаго, отвели его въ его комнату. Хотя вправили руку, но онъ не могъ одѣться и долженъ былъ оставаться дома, обыкновенныхъ 6 недѣль, пока нѣсколько рука не состала совсѣмъ не затвердѣла» (3). Въ объясненіяхъ къ своимъ стихотвореніямъ Державинъ прибавляетъ, что это было причиной, по которой онъ «удалился отъ двора и опредѣленъ въ сенаторы» (4).

Вовсе не такъ разсказываетъ объ этой причинѣ *Дневникъ Чиновника* С. П. Жихарева.

«Однажды (говорится тамъ) Державинъ докладывалъ императрицѣ по какому-то очень важному дѣлу и, по случаю одолѣвшаго его возбужденія, до того забылся въ горячности своего объясненія, что осмѣлился схватить ее за конецъ мантильи, какъ бы въ спорѣ съ какою-нибудь обыкновенною знакомою дамою. Государыня тотчасъ позвонила. «Кто еще тамъ есть?» спросила она очень хладнокровно вошедшаго на звукъ колокольчика камердинера своего, Зотова. «Статсъ-секретарь Поповъ», отвѣчалъ Зотовъ. — «Позови его сюда». Поповъ вошелъ. «Побудь здѣсь, Василій Степанычъ», сказала императрица ему съ улыбкою: «а то вотъ этотъ господинъ много дастъ воли рукамъ своимъ».

(1) Ibid. стр. 393.
(2) Объясненія Львова Ч. 1, стр. 42. Записки Держав. 322.
(3) Записки Держав. стр. 323.
(4) Объясненія Львова Ч. 1, стр. 43.

Digitized by Google

«Державинъ отличался и въ отношеніи бросился популярнѣйшимъ вещамъ. «Ничего», приговаривала императрица: «народъ найдетъ, чѣмъ позабавиться; а слушаетъ».

«Это происшествіе (прибавляетъ Дневникъ), которое разсказывалъ Поповъ и въ которомъ сознавался самъ Державинъ, было настоящею причиною перемѣщенія его изъ статсъ-секретарей въ сенаторы» (1).

Точно также изъ записокъ И. И. Дмитріева видно, что замѣчаніе Державина о консультаціи и о лѣности И. И. Дмитріева, какъ генералъ-прокурора (2), оказываются совершенно невѣрными (3). И причина дурного отзыва о Дмитріевѣ, съ которымъ Державинъ до 1812 года былъ всегда въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, можетъ объясняется слѣдующимъ случаемъ:

«Когда Дмитріевъ былъ министромъ юстиціи, Державинъ просилъ его за кого-то по одному дѣлу. Просьбы его или ходатайства въ пользу этого лица, по закону никакъ нельзя было уважить. Дмитріевъ, по окончаніи уже дѣла, на упрекъ Державина сталъ объяснять ему обстоятельства этого дѣла; а онъ, какъ человѣкъ горячій и нетерпѣливый, не слушая его, отвѣчалъ только: «Ну что говорить, Иванъ Ивановичъ! покривилъ душой! покривилъ душой!» (4)

Такъ какъ записка Державина писана вскорѣ послѣ этого происшествія, то ясно, и отзывъ Державина о Дмитріевѣ сложился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ досады, которая еще не успѣла остынуть и изгладиться.

Пріученный самолюбіе (5) Державина, его упрямый, упорный и раздражительный нравъ (6) не терпѣли никакихъ противорѣчій себѣ, какъ бы законны и основательны они ни были. Особенно часто онъ ссорился за это съ своими сочиненіями, если они даже были и самыми близкими ему людьми, его друзьями: противорѣчіе его просьбамъ и заступничеству, разъясненіе всѣхъ подробностей дѣла, представленіе его дѣйствительнаго значенія, а не того какъ-

(1) Дневн. Чиновн. С. П. Жихарева ст. 4, стр. 379—380. Отеч. Зап. 1855 г. августъ.

(2) Записки Державина, стр. 498.

(3) Московск. Вѣдомости, 1860 № 69, 27 марта стр. 539.

(4) Ibid.

(5) Державинъ. Изъ записокъ Ив. Ив. Дмитріева. Москвитян. 1842 г. № 1, стр. 162—163.

Семейн. Хрон. и Воспомин. Аксак. Москва 1856 г., изд. 1, стр. 521, 552; 526—531; 536, 537, 540. Москвитян. 1853 г. № 23, стр. 151. *Дневн. Чиновн.* Отеч. Зап. 1855 г. январь стр. 307. Іюль стр. 153—154, 129—130.

(6) Семейн. Хрон. и Воспомин. Аксакова. Москва 1856 г., изд. 1, стр. 321, 540—542. *Дневн. Чиновн.* Отеч. Зап. 1855 г. іюль, стр. 127.

Digitized by Google

[illegible], которое вообразилъ себѣ поэтъ, — только раздражали его самолюбіе, и тогда, въ припадкахъ горячности и вспыльчивости, онъ уже не помнилъ себя, не могъ удержать своихъ порывовъ и дѣлалъ всегда вещи несправедливыя и непростительныя въ высшей степени.

Живши всегда подъ вліяніемъ одного чувства, Державинъ рѣдко соображалъ что-нибудь и безпрестанно увлекался; впечатлительность его, какъ поэта, доходившая до поражающихъ размѣровъ, одна распоряжалась всѣми его побужденіями и направляла его поступки такъ или иначе... Часто случалось, что эта впечатлительность и душевная настроенность Державина представляла ему дурное хорошимъ, хорошее дурнымъ, смотря потому, въ какомъ расположеніи духа находился онъ, какъ *настроивали его домашніе*: жена (1) (относится до второй жены Державина), его друзья, и проч.

Случалось, вдругъ иногда ему переставало нравиться то, чѣмъ вчера онъ восторгался до безумія, — и онъ тотчасъ же начиналъ хвалить то, что вчера бранилъ самымъ жестокимъ образомъ. Увидѣлъ онъ напримѣръ человѣка, и если на первый взглядъ онъ ему понравился и произвелъ на него впечатлѣніе — а это случалось обыкновенно, когда Державину въ цвѣтистыхъ фразахъ высказывали похвалу и лестные комплименты (2), хвалили его стихотворенія, или оказывали какую-нибудь услугу, и проч. — поэтъ, придя домой, тотчасъ же брался за перо и создавалъ торжественное и вычурное посланіе... Но если этотъ же самый господинъ, вчера вдохновившій Державина, на другой день не исполнилъ какой-нибудь его хотя бы и невозможной для исполненія просьбы, не удовлетворялъ его поэтическимъ капризамъ, или наконецъ просто противорѣчилъ его словамъ, Державинъ вдругъ становился его *заклятымъ врагомъ*, отзываясь о немъ уже съ дурной стороны. Вышеприведен-

---

(1) Записки Держав. стр. 393.

(2) Въ запискахъ Ив. Ив. Дмитріева разсказанъ между прочимъ слѣдующій случай:

«Однажды слуга входитъ въ кабинетъ его (Державина) съ докладомъ, что какой-то живописецъ проситъ позволенія войти къ нему. Державинъ, принявъ его за челобитчика, приказываетъ тотчасъ позвать его. Входитъ румяный живописецъ, начинаетъ высокопарною рѣчью извинять свою дерзость, произшедшую, по его словамъ, *единственно отъ непреодолимаго желанія насладиться лицезрѣніемъ великаго мужа, знаменитаго стихотворца* и проч. Потомъ бросается цѣловать его руки. Державинъ хотѣлъ отплатить ему поцѣлуемъ въ щеку. Живописецъ повисъ къ нему на шею и насилу выпустилъ его изъ своихъ объятій. Наконецъ онъ вышелъ изъ кабинета, утирая слезы восторга, поднимая руки къ небу и восклицая хозяина хвалами. Я примѣтилъ, что это явленіе не непріятно было для простодушнаго поэта». См. Москвит. 1842 г., № 1, стр. 183.

Digitized by Google

ный случай съ И. И. Дмитріевымъ какъ нельзя лучше подтверждаетъ это свойство характера Державина. Вполнѣ подтверждаетъ его также и отношеній поэта къ Рѣпнину, которому онъ сперва написалъ похвальную оду (1), а потомъ, въ примѣчаніяхъ къ ней (2) и

(1) См. оду *Памятникъ Герою*, въ которой Рѣпнинъ расхваленъ въ самыхъ громкихъ и лестныхъ выраженіяхъ:

«Прямой Герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ,
Внутри онъ сердца не приверженъ;
Сокровище его любезно —
Спокойный духъ и чиста совѣсть.

Въ терпѣньи твердъ, и мудръ въ напасти,
Не рабствуетъ блестящей части:
Считаетъ тѣмъ себя довольнымъ,
Коль общихъ благъ гдѣ былъ споспѣшникъ:
Блаженъ, блаженъ еще стократно,
Что страсти могъ свои умѣрить!

Вѣсами-ль гдѣ, мечемъ ли правитъ,
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ.
Его Царь — долгъ; его Богъ — правда;
Лишь Имъ онъ жертвуетъ собою;
Неусыпенъ, осторожевъ, точенъ,
Рачителенъ, не быстръ ко славѣ;

Дѣлами ненолнитель Вѣры:
Великодушія примѣры
Его всѣ мысли наполняютъ,
И Богъ его благословляетъ
Побѣдою почти безъ крови,
Который миръ даруетъ царствамъ.

Такого мужа обелиски
Не тѣмъ славны, что къ небу близки
Не мрамором, не мѣдью тверды:
Пускай ихъ разрушаетъ время,
Не вовсе истребить не можетъ:
Живетъ въ преданьяхъ добродѣтель.

Строй, Муза, памятникъ Герою,
Кто мужественъ и щедръ душою,
Кто больше разумомъ, чѣмъ силой,
Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ,
Далъ малой тратой много пользы.
Благословенъ, Рѣпнинъ, потомствомъ!

(Соч. Держав., изд. Штукина 1845 г., стр. 115—116.)

(2) Объясненія Львова. Ч. 2, стр. 112.

Digitized by Google

въ запискахъ своихъ отзывался о Рѣпнинѣ совершенно иначе (1). Дѣло въ томъ, что какъ только Рѣпнинъ принялъ Державина весьма холодно и наотрѣзъ отказался ходатайствовать за него передъ имп. Павломъ, такъ и Державинъ тотчасъ же «поклонясь вышелъ, почувствовавъ въ душѣ своей во всей силѣ омерзѣніе къ человѣку, который носилъ на себѣ личину благочестія и любви къ ближнему, а въ сердцѣ адскую гордость и лицемѣріе. Скоро послѣ этого (прибавляютъ *записки*) низость души сего князя узнали и многіе, и императоръ его отъ себя отдалилъ. Таковы-то почти всѣ святоши...» (2)

Разумѣется во всемъ этомъ нѣтъ даже и тѣни вѣроятія. Что касается холодности и рѣзкой невнимательности, которою встрѣтилъ Рѣпнинъ Державина, то она совершенно понятна и вполнѣ законна. Гуманный и просвѣщенный покровитель Новикова, другъ И. В. Лопухина, который эту дружбу считалъ лучшею для себя похвалою — какими глазами могъ онъ смотрѣть на Державина послѣ его поступка съ извѣстною книгою Радищева? Извѣстно, что Державинъ въ экземплярѣ *Путешествія*, присланнаго ему самимъ авторомъ съ полнымъ довѣріемъ и расположеніемъ къ нему, отмѣтилъ карандашомъ всѣ важнѣйшія мѣста и книгу поднесъ потомъ на разсмотрѣніе императрицы. Кромѣ того, стихотворная насмѣшка Державина надъ Радищевымъ: (3)

«Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь смѣла, дерзка и сумазбродна.
Я слышу, на копей ямщикъ кричитъ: вирь, вирь!
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты въ Сибирь» (4).

Какое сильное негодованіе вызывала она у Рѣпнина и у всѣхъ передовыхъ людей времени.

Вообще должно замѣтить, что какъ зависимость произведеній Державина отъ его личнаго расположенія и душевной настроенности, такъ и быструю безосновательную перемѣнчивость въ его образѣ чувствъ и мыслей и въ его стремленіяхъ, можно повѣрить на многихъ его стихотвореніяхъ. Оды Державина — сатирическія-ли, или похвальныя — были плодомъ или мгновенной вспышки поэта и писались безъ повѣрки собственныхъ чувствъ и мыслей, или плодомъ его личныхъ пристрастныхъ отношеній къ предмету, составлявшему ихъ содержаніе, или наконецъ сочинялись съ цѣлью войти

(1) Записки Держав. стр. 393.
(2) Ibid стр. 393.
(3) См. Русск. Вѣстн. 1858 г. № 23, стр. 430.
(4) Записки Держав. стр. 302.

Digitized by Google

въ монаршее расположеніе или въ расположеніе вельможъ, приближенныхъ ко двору и сильныхъ по своему общественному значенію. Такова напримѣръ ода «На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи», вызванная противорѣчіемъ кн. С. Ѳ. Г., рѣзко затронувшаго самолюбіе Державина (1). Такова ода «На счастье», въ которой поэтъ сатирически смѣется надъ нѣкоторыми особенностями въ жизни русскаго общества XVIII столѣтія: она написана Державинымъ въ припадкахъ досады и оскорбленнаго самолюбія, подъ вліяніемъ желчи и негодованія за то, что его не только отрѣшили отъ губернаторства въ Тамбовѣ, но и отдали еще подъ судъ (2). Къ этому же времени принадлежитъ и льстивая ода Потемкину (по случаю дѣйствій его подъ Очаковымъ) (3), на котораго онъ вѣроятно расчитывалъ

(1) Объяснен. на соч. Держав. Львова. Ч. 2, стр. 71.

(2) Ключъ къ соч. Держав. 1822 г., Остолопова, стр. 44.—Объяснен. на соч. Держав. Львова. Ч. 1, стр. 20—24.

(3) Ода «Побѣдителю», написанная въ 1788 во время нахожденія Державина подъ судомъ за тамбовское дѣло. Каждая строчка этой оды — лесть самая выспренняя, самая напыщенная.

«Тебя Онъ предъизбралъ Свой судъ свершить.
Тебя, — и зло къ тебѣ не придетъ,
Ни рана къ тѣлу твоему;
На сердцѣ здравіе почіетъ,
Веселье сердце и уму
Пойдетъ со плесками тебѣ во слѣдъ:
По торжествамъ тебя познаетъ свѣтъ.

Подъ надзираніе ты преданъ
Невидимыхъ, безплотныхъ силъ,
И легіонамъ заповѣданъ
Всѣхъ ангеловъ, чтобъ цѣлъ ты былъ:
Сапфирныя свои они крыла,
Расширя надъ тобой, блюдутъ отъ зла.

Блюдутъ тебя и сохраняютъ
Они во всѣхъ путяхъ твоихъ,
Повсюду вкругъ тебя летаютъ,
И носятъ на рукахъ своихъ,
И вѣтру на тебя претятъ порхнуть,
Въ пыли твоихъ о камень ногъ преткнуть..

На аспидовъ, на василисковъ,
На тигровъ, на эвиднъ, на львовъ,
Вдали рыкающихъ, и близко
На пресмыкающихъ гадовъ,
Шипящихъ вкругъ тебя ужей и змѣй,
Ты ступишь и попрешь ногой твоей.

Надеждъ твоихъ и всѣхъ желаній
Ты никому не объявилъ;

Digitized by Google

какъ ни ходатая за себя передъ Екатериной II; сюда же относятся и множество переложенныхъ псалмовъ и стихотвореній духовнаго содержанія. Замѣчательно, что эти стихотворенія въ особенномъ изобиліи появлялись у Державина въ то время, когда съ нимъ происходили какія-либо несчастія: увольненіе отъ занимаемыхъ имъ должностей и другія непріятности по службѣ. Кто знаетъ, что кромѣ сильнаго огорченія и сердечныхъ страданій поэтъ не имѣлъ при этомъ и другихъ мыслей и видовъ? Императрица изъ его скорби поймета раскаяніе, а за раскаяніемъ, какъ извѣстно, слѣдуетъ прощеніе, за прощеніемъ — опредѣленіе къ новому мѣстечку... Все это вѣдь было въ характерѣ и убѣжденіяхъ русскаго общества начала XVIII столѣтія, общества, изъ котораго Державинъ выдѣлялся развѣ только своимъ стихотворнымъ талантомъ.

По крайней мѣрѣ мы совершенно утвердительно можемъ сказать, что никогда бы въ русской литературѣ не было оды *Изображеніе Фелицы*, еслибы Державину не нуженъ былъ входъ къ Зубову (1), а чрезъ него милостивое расположеніе Екатерины II, служебныя отличія — звѣзды, ленты, почести при дворѣ, значительныя мѣста,

---

На небо воздѣвая длани,
Ты втайнѣ Бога лишь молилъ;
Его превѣчное ты имя звалъ,
Его изъ устъ твоихъ не испускалъ.

Господь отъ звѣздъ тебя услышалъ,
Твою мольбу проразумѣлъ;
Изъ пренебесной бездны вышелъ,
Невидимую длань простеръ.
Отъ солнца какъ бѣжитъ нощь, тьма и мгла:
Такъ отъ тебя печаль, брань, смерть ушла.

Какъ въ зеркалѣ, въ тебѣ оставилъ
Сіянье Онъ своихъ лучей,
Побѣдами тебя прославилъ,
Число твоихъ прибавилъ дней;
Спасеніе людямъ Своимъ явилъ,
Величіе свое въ тебѣ открылъ.

Но кто ты, вождь, кѣмъ стѣны пали,
Кѣмъ твердь Очаковска взята?
Чья вѣра, чьи уста взывали
Намъ Бога въ помощь и Христа?
Чей духъ, чья грудь несла Монаршій ликъ? —
Потемкинъ ты! — Съ тобой, знать, Богъ великъ!»

(Сочиненія Держав. Изд. Штукина 1845 г., стр. 113—114). Ключъ къ сочинен. Держав., Остолопова, стр. 23.

(1) Записки Держав. стр. 298.

Digitized by Google

на которыхъ онъ, до нѣкоторой степени, могъ бы самовластно распоряжаться и повелѣвать. Никогда не появилось бы льстивой оды имп. Павлу (на новый 1797 годъ), еслибы Державину не нужно было его прощеніе и право входа во дворцѣ за кавалергардовъ (1). Никогда наконецъ не нашли бы мы въ стихотвореніяхъ поэта піесы «Къ самому себѣ», изобличающей злоупотребленія государственнаго казначея Васильева, а также генералъ-прокуроровъ князя Лопухина и особенно князя Куракина, который въ началѣ царствованія императора Павла «выпросилъ себѣ и многимъ пріятелямъ великое количество на выборъ лучшихъ земель, которыя у казенныхъ посслянъ, лишнее сверхъ 8 десятинъ, отбирали даже подъ огородами, не токмо подъ пашнями, а тѣ, кому они были отданы, продавали тѣмъ же самымъ поселянамъ рублевъ по 300 и по 500 десятину; и такимъ образомъ удовлетворяли ненасытную свою алчность» (2) — никогда, повторяемъ, не нашли бы мы этой піесы, еслибы Державинъ, просившій черезъ Лопухина изъ Ямской, лежащей за Волховомъ дачи 200 четвертей земли въ обмѣнъ на Званку, не получилъ въ этомъ отказа (3)...

Подобныхъ примѣровъ бездна.

Отсюда ясно слѣдовательно, до какой степени правда, безпристрастіе и вѣрный взглядъ на вещи, гуманный и просвѣщенный — присущи стихотвореніямъ Державина. И любителямъ *историческаго* значенія произведеній Державина, охотникамъ до сличеній его одъ, относящихся къ царствованію Екатерины II, съ современными историческими записками и другими историческими документами, не много найдется пищи въ его стихотвореніяхъ (мы не упоминаемъ уже объ одахъ, относящихся къ царствованіямъ Павла I и Александра I — тѣ изъ рукъ вонъ плохи). Сличите-ка ихъ хоть напримѣръ съ Путешествіемъ Радищева, съ историческими замѣтками Щербатова, или съ разсказами иностранныхъ писателей о царствованіи Екатерины II: приговоръ выйдетъ не многословный, но зато рѣшительный. Правда, хотя всѣ стихотворенія, относящіяся до исторіи Екатерины II, и можно раздѣлить на нѣсколько разрядовъ: одни напримѣръ воспѣваютъ блескъ царствованія Екатерины, ея распоряженія и заботы о внутреннемъ благоустройствѣ государства, касаются также и другихъ лицъ царственнаго семейства и вообще при-

---

(1) Записки Держав. стр. 394. Соч. Держав., изд. Штукина 1845 г., стр. 61: Ода *На новый 1797 годъ*.

(2) Записки Держав. стр. 426.

(3) Записки Державина стр. 426. — Объясн. на соч. Державина, Львова. Ч. 3, стр. 9—10.

Digitized by Google

дворныхъ событій; другія прославляютъ доблести людей вѣка Екатерины II, ея полководцевъ, войско и вообще доблести русскаго народа; третьи касаются современнаго русскаго общества, изображаютъ праздную и порочную жизнь вельможъ XVIII столѣтія и проч. и проч. Но дѣло въ томъ, что во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ замѣтенъ невѣрный и пристрастный взглядъ поэта, постоянный риторизмъ, весьма рѣзкія отступленія отъ дѣйствительности, общія мѣста, не прикрытыя ни остротою, ни мѣткостью выраженій; что въ этихъ стихотвореніяхъ мы нерѣдко знакомимся съ однимъ сухимъ перечнемъ историческихъ фактовъ, изложенныхъ въ стихотворной формѣ.

Полуобразованный Державинъ, отъ природы недальный (1) и вмѣстѣ съ тѣмъ еще щедро надѣленный богатырскими свойствами души — размашистой фантазіей, гиперболизмомъ во взглядахъ на предметы и въ ихъ изображеніи, не могъ до глубины проникать въ явленія, проходившія передъ глазами его, разомъ мѣтко и вѣрно охватывать весь ихъ скрытый смыслъ, все ихъ внутреннее значеніе. Оттого въ произведеніяхъ Державина мы нерѣдко знакомимся съ предметами какъ бы сквозь туманъ, мѣшающій ясно различать всѣ ихъ тончайшія очертанія. Оттого наконецъ самъ поэтъ въ стихотвореніяхъ своихъ смотритъ на эти явленія глазами простолюдина: болѣе увлекается громомъ, блескомъ — внѣшностью, изъ-за которой не видитъ причинъ, ихъ породившихъ. Возьмите хоть лучшія его стихотворенія, изображающія Екатерину II. Что въ нихъ? Одна внѣшность: повтореніе того, о чемъ твердили всѣ ея манифесты, всѣ указы, одна офиціальная сторона, воспѣвавшаяся на разные лады безчисленными голосами современныхъ Державину поэтовъ и писателей. Дальше этого Державинъ нейдетъ. Онъ не разоблачаетъ того, что скрывалось за громомъ и блескомъ, за пышностью и роскошью, — онъ не добирается до тѣхъ тайныхъ побужденій, изъза которыхъ возникали различнаго рода событія въ царствованіе Екатерины II; до всего этого какъ-будто и дѣла нѣтъ Державину!

А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы ужъ кромѣ одной только офиціальной стороны, ничего другого онъ совершенно не понималъ. Признается же онъ въ *Запискахъ* своихъ, что «сія мудрая и сильная государыня, ежели въ сужденіи строгаго потомства не удержитъ по вѣчность имя великой, то потому только, что не всегда держалась священной справедливости, но угождала своимъ окру-

(1) *Дневникъ Чиновника.* Отеч. Зап. 1855 г., апрѣль, стр. 397; іюль 129, 191. Сем. Хрон. и Воспом. Аксак. Москва 1856 г. Изд. 1, стр. 523—529; 532—534; 540, 544 — *Москвитянинъ* 1842 г. № 1, стр. 163.

Digitized by Google

жающимъ, а паче своимъ любимцамъ, какъ бы боясь раздражить ихъ; и потому добродѣтель не могла, такъ-сказать, сквозь сей закоулокъ пробиться, и вознестись до надлежащаго величія; но если разсуждать, что она была человѣкъ, что первый шагъ ея возшествія на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать можетъ-быть и опасалась; ибо они ее поддерживали» (1). Признается же Державинъ, что «издалека, тѣ предметы, которые ему казались божественными и приводили духъ его въ воспламенение, явились ему, при приближеніи къ двору, весьма человѣческими и даже недостойными великой Екатерины, то и охладѣлъ такъ его духъ, что онъ почти ничего не могъ написать горячимъ чистымъ сердцемъ въ похвалу ея. Напримѣръ, я скажу, что она управляла государствомъ и самымъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ» (2). (Въ доказательство слѣдуетъ нѣсколько примѣровъ) (3).

Положимъ, многаго Державинъ не могъ высказывать гласно, противъ многаго не могъ явно вооружаться: на подобные подвиги хватало только развѣ Радищева и другихъ. Но зачѣмъ онъ, разгладѣвъ впослѣдствіи дворъ въ настоящемъ свѣтѣ, продолжаетъ еще составлять льстивыя оды и для этого запирается въ кабинетѣ на цѣлыя недѣли? И если онъ жалуется, что у него «все выходило холодное, натянутое и обыкновенное» (4), то не потомучто вмѣсто своего прежняго высокаго идеала онъ увидѣлъ вблизи подлинникъ человѣческій съ великими слабостями (5), — нѣтъ! вся сила заключалась «въ разныхъ придворныхъ каверзахъ, коими его безпрестанно раздражали» (6), да еще въ томъ, что съ наступленіемъ старости, угасали его творческія способности, и онъ уже не могъ проявить себя такъ, какъ проявлялъ въ лѣта возмужалыя. А вернись къ Державину прежняя сила его таланта и вмѣстѣ съ тѣмъ ласкай Екатерина его самолюбіе — дай ему возможность распоряжаться и повелѣвать гдѣ-нибудь на почетномъ мѣстѣ, похвали его, отличи лентою — и Державинъ расплылся бы, и написалъ тысячу посланій, одно другого льстивѣе и неправдоподобнѣе...

Все это было совершенно въ характерѣ и стремленіяхъ поэта, у

---

(1) Записки Держав. стр. 387.
(2) Ibid. стр. 339.
(3) Ibid. стр. 339—342 и др.
(4) Ibid. стр. 379.
(5) Ibid. стр. 379.
(6) Ibid. стр. 379.

Digitized by Google

котораго впродолженіе цѣлой жизни на первый планъ выдвигалось всегда собственное я, а не польза общая...

Изъ всѣхъ стихотвореній Державина значеніе историческое могутъ имѣть только развѣ оды, изображающія порочную вельможескую жизнь XVIII столѣтія. Обладая замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ, Державинъ разумѣется съ помощью его могъ бы, еслибы захотѣлъ, выдти на борьбу съ современными пороками и обличать безчисленныя злоупотребленія временщиковъ и другихъ личностей сильныхъ по своему общественному положенію. Но онъ не только ничего подобнаго не сдѣлалъ, — онъ, напротивъ, талантомъ своимъ служилъ злу и неправдѣ, осмѣялъ напримѣръ Радищева, вполнѣ сочувствуя ссылкѣ его въ Сибирь (1)... пошлымъ образомъ осмѣялъ человѣка, въ лицѣ котораго восходила заря будущаго Россіи — пробуждалась русская мысль и, встряхнувъ съ себя вѣками навѣянный гнетъ рутинныхъ понятій и привычекъ, взглянула на событія, проходившія передъ ней, взглядомъ глубокимъ, свободнымъ и отраднымъ...

И такъ въ жизни Державина лежало два пути: первый путь былъ служебный, дѣловой, на которомъ Державинъ, занимавшій важныя мѣста въ государствѣ и близкій ко дворцу, къ императрицѣ, легко могъ бы попасть «въ число призванныхъ и великихъ дѣятелей эпохи», по выраженію профессора Никитенки. Второй путь, широко открытый Державину, былъ путь литературный, на которомъ онъ легко могъ бы сдѣлаться «глашатаемъ правды, добра и истинной славы» (2), по недавнему выраженію академика Я. Грота. Но ни на одномъ изъ этихъ путей Державинъ ровно ничего не внесъ въ исторію развитія нашей гражданственности: все дѣло ограничилось разными происками, кляузами, да удовлетвореніемъ мелкому личному эгоизму въ ущербъ пользы общественной. Напримѣръ досадуя, что его выключили изъ государственнаго совѣта, и что «нѣкоторый подлый стиходѣй» (3) пустилъ по этому поводу эпиграму:

«Тебя въ совѣтѣ намъ не надо:
Паршивая овца
Все перепортитъ стадо», —

досадуя на это Державинъ послѣ утѣшается тѣмъ, что «избранными въ совѣтъ членами, послѣ его отставки, доведено стало государство до близкой въ 1812 году погибели» (4).

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* 1853 г. № 23, стр. 430. Записки Держав. стр. 302.
(2) С. Петерб. Вѣдом. 1859 г. № 102, 14 мая, стр. 456.
(3) Записки Держав. стр. 438.
(4) Ibid. стр. 438.

Digitized by Google

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ за двѣ, за три сентенціи, наполненныя резонерствующими фразами въ родѣ слѣдующихъ:

«Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безперерывно въ жизни сей!
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурны дышутъ непогоды,
Горамъ подобно гонятъ воды,
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли:
Но, вихремъ поражены, пали:
Теперь корнями вверхъ лежатъ.

Непостоянство доля смертныхъ;
Въ премѣнахъ вкуса счастье ихъ;
Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ граціи трепать;
И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ,
Твоя ужь Пенелопа въ скукѣ
Коверъ не будетъ распускать;

Не будетъ, можетъ быть, лелѣять
Судьба ужь болѣе тебя,
И вѣтръ благопріятный вѣять
Во твой парнасъ: — береги себя!
Доколь текутъ часы златые
И не приспѣли скорби злыя,
Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
На свѣтѣ жить намъ время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коимъ нѣтъ» (1).

Въ увѣщаніяхъ Скопихину:

«Престань и ты жить въ погребахъ,
Какъ кротъ, въ ущельяхъ подземельныхъ,
И на чугунныхъ тамъ цѣпяхъ
Стеречь, при блескѣ искръ елейныхъ,

(1) Стих. «Къ первому сосѣду» (М. С. Голикову). Соч. Держ. изд. Штукина 1845 г. стр. 134.

Digitized by Google

Висящи бочки серебра,
Иль лаять псомъ вокругъ двора.

Томимый скорбью водяной
Чѣмъ больше пьетъ, тѣмъ больше жаждетъ;
Вредомъ вредъ умножая свой,
Сугубой слабостію страждетъ,
Доколь, причину онъ бѣды,
Не выгонитъ изъ жилъ воды» (1).

Или въ стихотвореніи «На ворожбу:»

«Не любопытствуй запрещеннымъ
Халдейскимъ мудрованьемъ знать:
Какая есть судьба рожденнымъ,
И сколь намъ долго проживать?
Полезнѣе о томъ не вѣдать
И не гадать что будетъ впредь;
Ни лиха, ни добра не бѣгать,
А принимать, что ни придетъ.

Пусть боги свыше посылаютъ
Жестокій зной, иль лютый мразъ;
Пусть бури грозы повторяютъ,
Иль грянетъ громъ въ послѣдній разъ —
Что нужды? — Будь мудрѣй, чѣмъ прежде;
Въ прокъ винъ не запасай драгихъ;
Обрѣзывай крилѣ надеждѣ
По краткости ты дней своихъ.

Такъ! время злое быстротечно,
Летитъ межъ тѣмъ, какъ говоримъ;
Щипли жъ веселіе сердечно
Съ тѣхъ роаъ, на кои мы глядимъ;
Красуйся дня сего благими;
Пей чашу радости теперь!.. (2)-и проч.

Нельзя же за это признавать его великимъ гражданиномъ, совершившимъ благотворные перевороты! Развѣ подобныя сентенціи были исключеніемъ въ тогдашней стихотворной литературѣ? Развѣ въ безчисленномъ количествѣ не повторялись онѣ у всякаго мелкаго стихоплета, у всей писавшей братіи? Подобная философія

(1) Соч. Держав. изд. Штукина 1845 г. стр. 209.
(2) Ibid. стр. 208.

Digitized by Google

даже и XVIII вѣкѣ не много заронила благотворныхъ сѣмянъ въ душу человѣка для его умственнаго и нравственнаго развитія, для его будущей общественной дѣятельности...

Чтоже касается до остального, напримѣръ хотя того, что Державинъ написалъ сатирическую оду на Потемкина, то она вѣдь передѣлана была изъ оды «На знатность» въ 1794 г., т. е. по смерти свѣтлѣйшаго, и появилась въ печати подъ названіемъ «Вельможа» уже по смерти Екатерины II, когда слѣдовательно этой одой Державинъ только могъ расположить къ себѣ императора Павла (1); ктому же мы знаемъ, что Державинъ расхвалилъ Потемкина въ одѣ «Побѣдителю». Ода «Властителямъ и судіямъ», которую критика за нѣкоторыя ея рѣзкія и смѣлыя выраженія ставила обыкновенно въ величайшую заслугу Державину, есть ничто иное какъ буквальное переложеніе 81 псалма, написанное въ 1787 году, а не во время французской революціи. И если Державинъ, поднося въ 1795 году произведенія свои императрицѣ Екатеринѣ II, помѣстилъ тутъ же «Властителямъ и судіямъ», то послѣднее сдѣлалъ онъ безъ всякихъ цѣлей, совершенно безсознательно; для этого даже и доказательствъ никакихъ не нужно; потомучто самъ поэтъ, откровенно признаваясь во всемъ, оправдывается только тѣмъ, что «тотъ 81 псаломъ перефразированъ имъ безъ всякаго дурнаго намѣренія и напечатанъ въ мѣсячныхъ изданіяхъ подъ именемъ «Зеркало Свѣта» въ 1786 г.», и что «если онъ тогда не произвелъ никакого зла, какъ и подобные ему иные стихи, то и нынѣ не произведетъ» (2).

Объ одѣ графу Зубову (*На возвращеніе его изъ Персіи*) можно сказать: «какая польза обществу въ томъ, что упрекъ и насмѣшка князя С. Ѳ. Г. заставили Державина написать похвалу Зубову во время монаршей къ нему немилости (3)?» Да и стоило ли заниматься подобными похвалами? Выходки такого рода, если онѣ и дѣйствительно бывали у Державина, удовлетворяли развѣ только самолюбивымъ претензіямъ его раздражительнаго и настойчиваго нрава, были только личностями, почему и не могли производить никакого благотворнаго вліянія на общество.

Но теперь намъ пора уже нѣсколько оговориться... Многіе пожалуй, упрекнувъ насъ въ односторонности воззрѣнія на личность Державина, скажутъ, что мы беремъ однѣ только крайности, выставляемъ однѣ дурныя свойства Державина, позабывая, что эти свойства были общія его вѣку, и что кромѣ нихъ въ Державинѣ

---

(1) Объясн. на соч. Держ. Львова. Ч. 1, стр. 32.
(2) Записки Держ. стр. 381.
(3) Объясн. на соч. Держ. Львова. Ч. 2, стр. 71.

Digitized by Google

было еще много хорошихъ сторонъ. «Не забывайте», говоритъ г. Лонгиновъ, «что вы имѣете дѣло не съ отвлеченнымъ понятіемъ, а съ живымъ человѣкомъ и притомъ выросшимъ въ средѣ и въ вѣкѣ, гдѣ понятія у людей были другія чѣмъ теперь» (1). Совершенная правда; время и обстоятельства, при которыхъ дѣйствуетъ человѣкъ — лучшія оправданія его поступкамъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что многое извиняя Державину, и притомъ еще пристрастно, вмѣстѣ съ тѣмъ должно и смотрѣть на него другими глазами: не изображать его такимъ, какимъ онъ былъ дѣйствительно, а по старой давнишней привычкѣ безусловно умиляться передъ нимъ, величать его «глашатаемъ правды, добра и истинной славы», и проч. Такъ какъ задача нашей статьи заключалась именно въ рѣшеніи вопроса: «*Что въ гражданскомъ отношеніи сдѣлалъ Державинъ для общества, для своихъ современниковъ*», то понятна и самая односторонность, неизбѣжная при такихъ условіяхъ.

Теперь дополнимъ нѣсколько наши сужденія о Державинѣ.

Въ вѣкѣ, къ которому относится поэтъ, онъ, какъ по своему образу дѣйствія, по своимъ житейскимъ стремленіямъ, по своимъ наклонностямъ, такъ и по природной недальности и по неразвитости своего ума, по своимъ понятіямъ и взглядамъ вовсе не глубокимъ, вовсе не гуманнымъ и не просвѣщеннымъ, принадлежалъ къ большинству массы общественной, а никакъ не къ тому меньшинству передовыхъ людей времени, во главѣ которыхъ стояли Новиковъ, Радищевъ и другіе...

Однакоже личность Державина, поэтическая, одаренная самобытными творческими силами, заключала въ себѣ много хорошаго и привлекательнаго (2). Отъ природы душа дана была ему добрая, честная и искренняя, сердце благородное и теплое, полное любви къ человѣчеству, склонное на все великое и прекрасное. Но громадное самолюбіе, сильная страсть къ тщеславію, вспыльчивый, упрямый, нетерпѣливый и раздражительный нравъ его, вмѣстѣ съ поверхностнымъ и крайне неразвитымъ умомъ, да съ природнымъ гиперболизмомъ (3), если не совершенно осиливали въ Державинѣ эти хорошія свойства, не заглушили ихъ вовсе, то по крайней мѣ-

---

(1) Моск. Вѣдом. 1859 г. № 194, 16 августа.

(2) *Дневникъ Чиновника:* Отеч. Зап. 1855 г. апрѣль: 394—399; 402; 403; сентябрь: стр. 129, 130; 143, 144. *Семейная Хроника и Воспоминанія* Аксак. Москва 1856 г. изд 1, стр 520, 523, 524, 525, 534, 536, 538, 544, 545. *Москвит.* 1842 г. № 1, стр. 163—164.

(3) *Семейная Хроника и Воспоминанія* Аксак. Москва 1856 г. изд. 1, 521; 525—531; 536, 537; 540—542. *Москвит.* 1853 г. № 23, стр. 151. *Отеч. Зап.* 1855 г. апрѣль, стр. 397; іюль: стр. 127; 129—130; 153—154.

Digitized by Google

рѣ всегда мѣшали имъ принести истинную пользу, оставить послѣ себя слѣдъ дѣйствительно благотворный.

Жизнь Державина, вообще всѣ его поступки и сердечныя движенія показываютъ, какъ странно въ характерѣ его перемѣшивались всѣ эти самыя разнообразныя его душевныя наклонности; ярко выдѣлялось изъ нихъ одно только громадное самолюбіе.

Жажда гласности, жажда безсмертія постоянно жгла душу Державина; она не давала ему покою до самой его могилы, выразившись въ его послѣднемъ, предсмертномъ стихотвореніи:

«Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей;
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется —
И общей не уйдетъ судьбы (1).

И въ этомъ случаѣ замѣтки Державина о томъ, что злобу сотретъ онъ твердостью, и руководимый желаніемъ общаго блага, съ огнемъ души пойдетъ онъ наперекоръ всѣмъ служебнымъ непріятностямъ, житейскимъ невзгодамъ: горю, нуждѣ, страданіямъ (2), — всѣ эти замѣтки ни болѣе, ни менѣе, какъ

«Бредъ души его больной!..»

И этому бреду онъ самъ вполнѣ вѣрилъ. Въ пылкомъ воображеніи поэта иногда дѣйствительно составлялись самые возвышенные геройскіе планы, поражающіе идеальною законченностью, невозможною для исполненія. Нерѣдко Державинъ можетъ-быть такъ и шолъ по этимъ планамъ, разумѣется примѣняя ихъ не такъ какъ бы слѣдовало: болѣе занимаясь собою, нежели дѣломъ, и не видя тѣхъ мелочей, которыя необходимо бросались въ глаза человѣку съ умомъ всесторонниимъ и дѣйствительно занятому дѣломъ, а не останавливающемуся на немъ ради того только, чтобы порисоваться собою.

Въ Державинѣ эта страсть рисоваться да любовь къ эффектамъ, за неимѣніемъ тонкаго и проницательнаго ума, за отсутствіемъ глубокаго содержанія въ его внутреннемъ мірѣ — истинно высокаго и гуманнаго направленія, играли важную роль въ его жизни; разу-

(1) Соч. Держав. изд. Штукина 1845 г. стр. 223.

(2) Соч. Держ. изд. Штукина 1845 г., стр. 158 («На смерть графини Румянцевой»); 133 («Тончію») 222 и проч.

Digitized by Google

ѣется этому увлеченію поэта внѣшностью немало способствовали и его поэтическая природа, его гиперболизмъ и малообразованность. Увлеченіе громомъ, блескомъ, грандіозными, колосальными видами, представительною, картинною наружностью людей, трагическими, натянутыми сценами, напыщенными эфектами и ложными положеніями — безпрестанно повторяется съ Державинымъ въ его жизни; весь вѣкъ свой онъ прожилъ этими увлеченіями, постоянно высказывая ихъ и въ своихъ торжественныхъ одахъ, иногда напыщенныхъ до карикатуры и курьезностей, и въ пристрастіи къ собственнымъ трагедіямъ, которыми онъ чрезвычайно восторгается (1), и въ своемъ благоговѣніи къ Боброву (2), и въ замѣткахъ о самомъ себѣ, и наконецъ во всѣхъ своихъ поступкахъ и сердечныхъ движеніяхъ. Напримѣръ на желаніе имп. Павла сдѣлать его правителемъ дѣлъ государственнаго совѣта, онъ отвѣчаетъ государю, что «если ему угодно любить правду, какъ любилъ ее Петръ Великій, то онъ употребитъ всѣ силы свои угодить ему» (3). Какой эфектный, смѣлый отвѣтъ!.. Но зачѣмъ зашолъ онъ сюда, когда слѣдомъ за нимъ же являются и поклоны Державина вельможамъ, съ цѣлью черезъ нихъ снова получить монаршее благоволенье, право входа за кавалергардовъ, когда за нимъ же является и писанье лестныхъ одъ, наполненныхъ всевозможными комплиментами!..

Нельзя допустить вполнѣ, что Державинъ, зависѣвшій отъ своихъ чувствъ и впечатлѣній, былъ человѣкомъ прямымъ и открытымъ, у котораго «*что на умѣ, то и на языкѣ.*» Жизнь, какъ видѣли мы, выработала въ немъ до нѣкоторой степени тѣ практическіе пріемы, которыми отличаются люди *себѣ на умѣ:* мы знаемъ, что Державинъ хитрилъ насколько позволяли ему его недальній умъ, его непроницательность и раздражительный нравъ.

Нельзя также и допустить, чтобы жажда славы и безсмертія въ будущемъ, постоянно тревожившая душу Державина, была единственнымъ его стремленіемъ впродолженіе цѣлой жизни и вытѣс-

---

(1) Сем. Хрон. и Воспом. Аксакова Москва 1856, изд. 1, 526, 528—529.

(2) Въ *Дневникѣ Чиновника* находимъ:

«Не постигаю пристрастія Державина къ Боброву. Я читалъ и читаю его съ величайшимъ вниманіемъ, старался отыскать въ немъ что-нибудь, что бы затронуло душу: ничего, рѣшительно ничего! Воображеніе не только что мрачное, какъ у Юнга, но какое-то безпорядочное, и въ картинахъ не нахожу никакой вѣрности. При утомительномъ многословіи, мыслей мало; правда, грому много, но этотъ громъ театральный и не поражаетъ Вотъ ужь можно сказать: *много шуму изъ пустяковъ.*» (Отеч. Зап. 1855 г. апрѣль, стр. 418.)

(3) *Объясн. Львова.* Ч. 2, стр. 110. Зап. Держ. стр. 390.

Digitized by Google

няла собою все другое въ его внутреннемъ мірѣ, что кромѣ ей, поэтъ не думалъ и не заботился уже ни о чемъ: ни о матерьяльной обстановкѣ своего быта, ни о богатствѣ, ни о мѣстахъ по службѣ; что его не занимали ни почести при дворѣ, ни монаршія награды, ни связи съ людьми сильнѣйшими и болѣе вельможными чѣмъ онъ самъ, и что если все это и было у него въ жизни, то приходило всегда случайно къ нему, безъ малѣйшихъ со стороны его происковъ и желаній, что всѣмъ этимъ онъ легко жертвовалъ своимъ поэтическимъ претензіямъ на гражданское безсмертіе и капризамъ своего вспыльчиваго, раздражительнаго нрава... Еслибъ это было такъ, то что же вызываетъ въ Державинѣ постоянныя сильныя его заботы и хлопоты о пріобрѣтеніи деревенекъ и земель (1); что вызываетъ въ немъ боязнь лишиться этихъ деревенекъ (2); что заставляетъ его быть «неспокойнымъ о домашнихъ недостаткахъ» (3); и притомъ въ то время, когда онъ, вдовый, одинокій и безсемейный, разъѣзжалъ въ каретахъ, имѣлъ значительныя помѣстья, получалъ сенаторское жалованье?.. Что накопилъ заставляетъ его быть неспокойнымъ «о непріятностяхъ по службѣ», и вслѣдствіе этого заискивать у разныхъ вельможъ и фаворитовъ, вертѣться при дворѣ, хитрить, кланяться, унижаться передъ разными камердинерами и проч.?

Неужели во всемъ этомъ видѣлъ поэтъ будущее свое гражданское безсмертіе?.. Или наконецъ неужели онъ былъ такъ простоватъ, что принималъ подобныя немилости за нравственный ему укоръ, тревожившій его совѣсть и лишавшій его душевнаго спокойствія?.. Развѣ, оставивъ все это въ сторонѣ, при своемъ независимомъ положеніи, при средствахъ къ жизни, Державинъ не могъ избрать себѣ дѣятельность другого рода? Или онъ въ самомъ дѣлѣ не признавалъ пользы отъ этой дѣятельности? Но и этого опять-таки нельзя допустить безусловно.

Вообще жизнь Державина оставила намъ множество самыхъ разнообразныхъ, самыхъ противорѣчащихъ фактовъ. Изъ нихъ совершенно ясно одно только, что весь вѣкъ свой Державинъ прожилъ исключительно для самого себя, что никакой пользы обществу въ гражданскомъ отношеніи онъ не принесъ, потомучто этой пользѣ онъ не былъ преданъ на столько, чтобы исполнять ее во имя ея же самое, не тщеславничая и не рисуясь ею; что если у него въ душѣ иногда и зарождалось что-то похожее, то оно служило ему

(1) Зап. Держ. стр. 118, 127.
(2) Зап. Держ. стр. 310.
(3) Зап. Держ. стр. 367.

Digitized by Google

же самому, для его же самоуслажденія и нравственнаго самодовольства, омрачалось его же тщеславными выходками; что вообще къ этой пользѣ онъ не былъ привязанъ на столько, чтобы во имя ея идти наперекоръ всѣмъ обстоятельствамъ, а не отказываться и не отступать отъ нея изъ-за какихъ-нибудь личностей, мелочныхъ неудачъ по службѣ или матерьяльныхъ расчетовъ и честолюбивыхъ стремленій... Вглядитесь въ Державина пристальнѣе, внимательно прослѣдите всю его жизненную дѣятельность, изслѣдуйте хорошенько всѣ его поступки, изучите всѣ его природныя свойства, глубже проникните въ его внутренній міръ, — и вы согласитесь съ нашимъ мнѣніемъ о поэтѣ, какъ можетъ-быть ни привыкли вы видѣть въ немъ другого человѣка, нежели какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ...

Что оставила намъ жизнь Державина, какъ гражданина?.. Гдѣ слѣды ея?..

Въ самую раннюю пору ея, судьба кое-какъ выручила поэта изъ бѣдности и помогла ему нѣсколько образоваться... За отличіе перевели его въ Преображенскій полкъ — дали дорогу для будущихъ почестей... Но служба солдатская тяжела и утомительна... и вотъ нетерпѣливый Державинъ, желая поскорѣй выбраться изъ нея, бѣжитъ къ Орлову и проситъ о скорѣйшемъ производствѣ въ капралы... Этотъ періодъ жизни Державина оставилъ за собою не много хорошаго: любовныя шашни, картежныя продѣлки, грязь и безнравственность, да слишкомъ замѣтное отсутствіе всякаго высокаго направленія, замѣтный недостатокъ въ проявленіи болѣе гуманныхъ и благородныхъ стремленій — вотъ что безпрестанно встрѣчается въ немъ. Наконецъ Державинъ и офицеръ... Но здѣсь опять начинаются скандальныя исторіи. Въ Москвѣ онъ то и дѣло шатается по трактирамъ, играетъ въ карты, проигрываясь безпрестанно: проигрывая и послѣдній капиталъ матери, поручившей ему купить для себя деревню, проигрывая и деньги, постоянно имъ занимаемыя то у знакомыхъ матери, то у садоваго ученика, ѣхавшаго въ Петербургъ, то у многихъ другихъ (1)... Въ Петербургѣ, въ казармахъ онъ то сводитъ связи «съ одною хорошаго и благороднаго поведенія дамою» (2), то поддѣлывается къ своему ротному командиру, сочиняя для него любовныя письма (3), то попрежнему играетъ въ карты, но только «съ честными людьми, по необходи-

(1) Зап. Держ. стр. 28, 37, 38, 39, 41, 43, 44.
(2) Ibid. стр. 46.
(3) Ibid. стр. 45.

Digitized by Google

мости для прожитку»... (1) Положимъ и это извинительно въ XVIII столѣтіи. Но за всѣмъ этимъ ужь болѣе-то ничего вѣдь не остается отъ жизни Державина... Невидно въ немъ ни малѣйшихъ задатковъ для лучшаго направленія въ будущемъ, тѣхъ началъ высшаго умственнаго и нравственнаго развитія, которыя необходимо высказжутся всегда, отмѣтятъ человѣка, какая бы обстановка ни окружала его. Что дѣлаетъ онъ? Ему напримѣръ «жалко было и ужасно видѣть терзаніе ихъ катомъ (блѣднаго, изнуреннаго унтеръ-офицера Оловянишникова» и другихъ) (2). А во время пугачевщины онъ самъ уже сѣчетъ и вѣшаетъ подлую чернь: то съ церемоніями и парадированіями, то просто безъ церемоній, въ страхъ другимъ... (3) За свое участіе въ этой экспедиціи Державинъ получаетъ наконецъ чины, помѣстья, и выходитъ потомъ въ отставку, а вскорѣ снова опредѣляется въ службу къ гражданскимъ дѣламъ... Далѣе: изъ экзекуторовъ перваго департамента сената дѣлается онъ совѣтникомъ въ экспедиціи государственныхъ доходовъ... Здѣсь случай съ «Фелицей» открываетъ ему впереди славу, удобства въ жизни и наслажденія всѣми ея благами, какія только выберетъ онъ для себя. Державинъ не упускаетъ этого изъ виду, и вскорѣ дѣлается однимъ изъ блаженныхъ смертныхъ, наслаждаясь жизнью вполнѣ, такъ, какъ хотѣлъ онъ наслаждаться ею... Да, эту жизнь онъ умѣлъ обстановить совершенно по своему вкусу, по своимъ любимымъ, завѣтнымъ планамъ: теперь онъ и любимецъ императрицы, заслуживтій ея ласки и внимательность... «Фелицею» прославился онъ на всю читающую Россію; онъ и занимаетъ не послѣднее мѣсто при дворѣ, и надѣется современемъ достигнуть еще большихъ почестей... а чего же еще остается желать честолюбивому Державину? Съ этихъ поръ онъ постоянно уже остается при дворѣ до того времени, когда императоръ Александръ I положительно объявилъ, «что ему нѣтъ въ немъ нужды, хотя бы онъ и вовсе не пріѣзжалъ» (4), и послѣ не обращалъ уже вниманія на тѣ его разные совѣты и проектцы въ родѣ напримѣръ записокъ «о мѣрахъ, какимъ образомъ укротить наглость французовъ и оборонить Россію отъ нападенія Бонапарта», или «о нѣкоторыхъ къ оборонѣ служащихъ мѣрахъ» (5), которыми безпрестанно надоѣдалъ онъ государю и съ помощью которыхъ онъ все еще не терялъ надежды снова попасть

(1) Ibid. стр. 47.
(2) Ibid. стр. 48.
(3) Ibid. стр. 59, 60; 80—82; 89; 91; 94.
(4) Ibid. стр. 472.
(5) Ibid. стр. 500—501.

Digitized by Google

ко двору. Словомъ, дѣятельность Державина принимаетъ уже одно направленіе: онъ становится не болѣе, не менѣе, какъ пѣвцомъ придворныхъ событій и пѣвцомъ блестящихъ предводителей россійскаго побѣдоноснаго воинства, получаетъ мѣсколько орденовъ... возводится въ губернаторы, статсъ-секретари, сенаторы... Жизнь семейная также удается ему какъ нельзя лучше по вкусу: въ ней онъ точь-въ-точь Аѳанасій Иванычъ съ своей Пульхеріей Ивановной, немного развѣ повыше ихъ... Счастливый собою, онъ и не выходитъ за предѣлы своего домашняго счастья и литературныхъ бесѣдъ, «гдѣ онъ домашній пріютъ свой просвѣщалъ собранными имъ лучами высокой и великой царицы, его покровительствующей» (1)... Онъ занимается тѣмъ только, что̀ такъ изящно и пріятно для глазъ, манитъ взоръ, услаждаетъ и восхищаетъ душу, — своими родственными и литературными пріятелями (2), да придворными интересами... Онъ если и страдаетъ, глядя на мученья и горе другихъ, то больше на бумагѣ, да и страданія эти относятся у него къ людямъ высшей сферы, высшаго полета, у которыхъ и такъ много утѣхъ и сожалѣтелей, кромѣ литературныхъ, а не къ людямъ, у которыхъ страданія дѣйствительно сильны, глубоки и безвыходны. Исключенія изъ этого, если они и были, то всегда почти попадали не туда, куда бы слѣдовало: состраданіе Державина, по возможности легко обмануть его, относилось больше къ людямъ недостойнымъ. Занятый собою и своимъ, онъ правда можетъ-быть и не думалъ вовсе, что есть на свѣтѣ другой міръ, другая сфера, меньшіе братья, которые самыя вопіющія требованія для жизни покупаютъ цѣною кроваваго пота, и которые взываютъ о помощи, о защитѣ... Да и когда ему думать объ этомъ, занятому планами своего будущаго безсмертія, выѣздомъ ко двору, сочиненіемъ торжественныхъ одъ и начальственными распоряженіями въ губерніяхъ? Когда тутъ страдать за другихъ, когда столько своихъ собственныхъ, хотя нерѣдко и воображаемыхъ страданій отъ Вяземскаго, Тутолмина, Гудовича и другихъ, невинно гнавшихъ его — страдальца за правду! — когда страданій о томъ, что лентою обошли, денежныхъ наградъ не дали, въ крестьянахъ отказали (3), — когда и этихъ угнетеній не успѣвастъ онъ смиренно оплакивать псалмами, ожидая помощи свыше и новаго мѣстечка! Про Державина въ царствованіе Павла I и Александра I и говорить нечего это уже человѣкъ, дальше своей обстановки ничего не видящій и

(1) *Объясн. на соч. Державина* Львова. Ч. 1. стр. 25.
(2) *Объясн. на соч. Державина* Львова. Ч. 1, стр. 25–27.
(3) Зап. Держ. стр. 428, 387, 436.

Digitized by Google

никуда не выходящій. Новымъ началамъ обновляющейся русской жизни, новымъ стремленіямъ общества онъ не только не сочувствуетъ, но даже и вовсе не понимаетъ ихъ. Своими поместьями и наградами онъ до того доволенъ, до того наслаждается ими, что лишиться ихъ — страшный, невыносимый для него ударъ...

Въ царствованіе Александра I онъ представляется намъ старикомъ, впавшимъ въ дѣтство, увеселяющимъ себя чтеніемъ и сочиненіемъ анакреонтическихъ піесокъ двусмысленнаго содержанія вродѣ «Мельника» *съ его уже не берущимъ жерновомъ*, пьесокъ, въ которыхъ истина, за отсутствіемъ вдохновенія, выставляется напоказъ рѣзко, голо и безцеремонно, прикрытая прелестью поэтическаго изображенія (1). Добившись чиновъ и крестовъ, почестей и льстивыхъ возгласовъ современниковъ, онъ не ограничивается этимъ: любовь къ себѣ до того сильна въ немъ, что она проявляется у него на каждомъ шагу, въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ малѣйшемъ его движеніи... То напримѣръ заботится онъ о новыхъ надписяхъ въ своемъ вельможескомъ гербѣ и проситъ герольдію о выдачѣ на это грамоты (2), то... посмотрите: вотъ, въ трудные для Россіи годы, въ то время, когда она занята была великимъ вопросомъ — войною съ Франціею, Державинъ пристаетъ къ императору съ просьбою — за сочиненіе имъ соляного устава (?!) передать собственную фамилію своему родному племяннику, для того чтобы не пресѣкся родъ знаменитаго Багрима (3)!.. Смотрите

---

(1) *Семейная Хроника и Воспоминанія* Аксакова. Москва 1856 г. изд. 1, стр. 534. Соч. Держ., изд. Д. П. Штукина 1845 г., стр. 133.

(2) Зап. Держ. стр. 427.

(3) «Теперь я догадываюсь (записано въ *Дневникѣ Чиновника*), отчего Гавриила Романовичъ вчера былъ такъ невеселъ и задумчивъ. У него въ головѣ письмо къ государю о дозволеніи передать свою фамилію старшему изъ своихъ племянниковъ, Леониду Львову. Онъ намѣренъ былъ просить объ этомъ на первой недѣлѣ великаго поста, но его извѣстили, что государь скоро отъѣзжаетъ въ армію, и что теперь не время безпокоить его величество. «Боюсь, чтобъ не ушло время», сказалъ Гаврила Романовичъ, «и чтобъ не сбылось мое предсказаніе:

«Забудется во мнѣ послѣдній родъ Багрима».

«Отсутствіе государя, вѣроятно, продолжится не долго» замѣтилъ я.—«Богъ вѣсть, братецъ; а смерть не за горами».

Въ томъ же году (добавлено въ примѣчаніи къ Дневнику) Гаврила Романовичъ поручилъ автору «Дневника» отнести всеподданнѣйшее письмо его объ усыновленіи Л. Н. Львова къ П. С. Молчанову, назначенному тогда статс-секретаремъ у принятія прошеній (вмѣсто умершаго М. Н. Муравьева). Молчановъ тотчасъ же доложилъ о немъ государю; но высочайшаго соизволенія на усыновленіе Львова не послѣдовало. Это письмо, написанное собственною рукою державина, передано авторомъ «Дневника» въ подлинникѣ, съ разными другими бумагами,

Digitized by Google

далѣе: вотъ онъ съ утра до вечера заставляетъ читать себѣ свои произведенія, восторгается и восхищается ими до корчей и заслушивается ихъ до болѣзни... вотъ онъ переплетаетъ ихъ въ золото и сафьянъ, дѣлитъ по сортамъ и разрядамъ, и для каждаго сорта отдѣльно устроиваетъ ящички изъ дерева и съ бронзовыми надписями о времени созданія этихъ сочиненій (1)...

Что̀ это такое? Кому могла быть полезна подобная дѣятельность? Кому она была нужна?

И такъ, повторимъ еще разъ: не было въ жизни Державина той энергической высокой дѣятельности, которая имѣла бы важное значеніе въ исторіи развитія нашей гражданственности, и цвѣтистыя фразы писавшихъ о Державинѣ, къ сожалѣнію — невѣрное, неосмысленное переложеніе приведенныхъ нами замѣтокъ поэта о самомъ себѣ, этого «пѣтушинаго крика» (2), по справедливому выраженію Пушкина. Высокая нравственная дѣятельность, выразившаяся благотворнымъ преобразованіемъ общественной жизни Россіи XVIII столѣтія, принадлежитъ не Державину. То были другіе люди — Радищевы, Новиковы... Какое сравненіе съ Новиковымъ, какая противоположность въ самыхъ обстановкахъ ихъ жизни!.. Одному воздвигнутъ памятникъ; онъ придворный поэтъ, окружонный удобствами, счастливый въ жизни *по-своему*, занимающій почетныя мѣста, пріобрѣвшій литературную извѣстность и... рисующійся собою, зачитывающійся собственными произведеніями! Другой — въ ранней молодости тоже полуобразованный, какъ и Державинъ, но зато послѣ, въ лѣта возмужалыя, силою своего глубокаго ума и силою своего безконечно теплаго, безконечно любящаго сердца, развившійся широко и полно... Этотъ другой, горячо преданный добру, творилъ его во имя его же самого, тихо, безъ шуму, безъ возгласовъ о себѣ... Его мало знали и понимали его не многіе... Въ массѣ народной, если и носились объ немъ слухи, то они были далеко не въ его пользу. Толпа людская изображала его червокнижникомъ, еретикомъ-отступникомъ; отзывались о немъ и хуже... А между тѣмъ этотъ отступникъ всю жизнь свою отдалъ другимъ, толпѣ. И исполняя *высокіе завѣты любви и братства*, онъ отдавался имъ весь, безъ размышленья, не омрачая ихъ ни мелкимъ

М. П. Погодину; оно весьма любопытно въ томъ отношеніи, что поэтъ право свое на испрашиваемую милость основываетъ на сочиненіи имъ *Соляного Устава*. Державинъ — и соляной уставъ!» (Отеч. Зап. 1855 г. іюль, стр. 153—154).

(1) *Семейная Хроника и Воспоминанія* Аксакова. Москва 1856 г., изд. 1, стр. 525—540.

(2) Соч. Пушкина, изд. П. В. Анненкова 1855 г. Т. I, стр. 157.

Digitized by Google

личнымъ эгоизмомъ, ни житейскими расчетами. Польза общая, благополучіе ближняго были цѣлью его жизни. Ни скорбный путь, ни страданія за истину не уменьшали его великой любви къ человѣчеству, къ родинѣ, къ меньшимъ братьямъ!..

А Державинъ?

ДМИТРІЙ МАСЛОВЪ

Digitized by Google

ВЫСТАВКА ВЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ ЗА 1860—61 ГОДЪ

На выставкѣ есть одна картина, передъ которой съ утра до вечера стоитъ толпа зрителей. Одинъ уходитъ, другой подходитъ, тѣснятся, пробираются, чтобы какъ-нибудь посмотрѣть поближе, пролѣзаютъ между толпою зрителей и картиной. Толпа состоитъ изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: тутъ и головки въ драгоцѣнныхъ шляпкахъ, и головки, повязанныя платками; тутъ и долгополые сертуки, и короткіе мундиры, и каски, и сибирки, и бороды. Картина всѣмъ нравится, ни передъ одною болѣе картиной нѣтъ такой постоянной толпы. Приговоръ публики не заключаетъ въ себѣ ничего неопредѣленнаго или двусмысленнаго: дѣло ясно,—картина нравится болѣе всѣхъ остальныхъ на нынѣшней выставкѣ.

Картина стоитъ во второй античной галлереѣ; Указатель выставки гласитъ, что она изображаетъ «партію арестантовъ на привалѣ», что писалъ ее г. Якоби, что цѣна ей 1500 рублей, и что художникъ получилъ за нее первую золотую медаль, стало-быть на счетъ общественный поѣдетъ за границу на три или на четыре года, для дальнѣйшаго развитія своего таланта. Такимъ образомъ художникъ получилъ высшую награду, какая только можетъ быть дана ученику академіи. Ктому же еще на картинѣ, весьма скоро послѣ начала выставки, явился билетикъ съ надписью: *продана*. Выходитъ, что цѣль художника достигнута съ большою полнотою: его работа понравилась, онъ получилъ извѣстность, славу, и сверхъ того дымъ славы принялъ для него плотскую, осязательную форму порядочнаго куша презрѣннаго металла. Кромѣ того еще у него впереди три или четыре года жизни въ прекрасной Италіи. Со всѣми этими благами мы поздравляемъ художника, котораго карьера начинается такими блестящими задатками, и желаемъ ему дальнѣйшихъ, еще болѣе блестящихъ и звонкихъ успѣховъ.

Digitized by Google

Но, во имя художества, скажемъ нѣсколько словъ о самой картинѣ. Вѣдь и сказка «Три Мушкетера» имѣла огромное количество читателей, и она принесла своему автору хорошіе капиталы. Но этихъ обстоятельствъ еще нельзя принять за безспорное доказательство того, будто слишкомъ знаменитая сказка Александра Дюма-отца — верхъ совершенства. Мы не оскорбимъ добросовѣстнаго и правдиваго художника дальнѣйшимъ сравненіемъ съ знаменитымъ сказочникомъ; впрочемъ это говоримъ мы потому только, что наша критика смотритъ на А. Дюма какъ на что-то ужь очень дурное. Знаменитый благёръ имѣетъ нѣкоторыя особенности, которыми многое выкупается, и совершенно презрительный тонъ относительно его несовсѣмъ умѣстенъ. У Александра Дюма есть между нашими художниками не менѣе знаменитый двойникъ-живописецъ; но объ этомъ послѣ. Вспомнимъ о Дюма, мы только хотѣли сказать, что судъ большинства еще не всегда бываетъ одинаковъ съ судомъ потомства. Отъ времени, точно также какъ и отъ вѣрной критической оцѣнки, мишура чернѣетъ, опадаетъ; остается чистая и голая правда.

Партія арестантовъ на привалѣ. Привалъ сдѣланъ поневолѣ, потомучто одна телѣга сломалась; колесо лежитъ ступицей кверху; мужикъ въ страшно-изорваномъ кафтанѣ отпрягаетъ лошадь. На телѣгѣ лежитъ человѣкъ, котораго путешествіе кончилось: онъ умеръ, а ноги еще скованы; трупъ его еще арестантъ, и тогда только выйдетъ изъ этапнаго вѣдомства, когда окончательно поступитъ въ землю. По дорогому перстню на пальцѣ видно, что это не совсѣмъ обыкновенный арестантъ; ясно, что онъ не былъ бродягой, убійцей или воромъ. Трупъ лежитъ на телѣгѣ, полуприкрытый ветхою рогожей. Лѣвая рука покойника, покрытая мертвенною блѣдностью, повисла; пальцы согнуты такъ, какъ они сгибаются въ минуту смерти. На одномъ пальцѣ дорогой перстень. Можетъ-быть это послѣдній символъ того, что было драгоцѣннѣйшаго для покойника; можетъ-быть это завѣтный подарокъ любимой женщины, память друга. Онъ не разставался съ нимъ до конца, даже и въ кандалахъ.

Подъ сломаную телѣгу забрался другой арестантъ, съ отвратительнымъ лицомъ, какой-нибудь закоренѣлый мошенникъ, котораго общество съ омерзѣніемъ выбросило изъ среды своей. Тамъ, подъ телѣгой, перегнувшись самымъ неестественнымъ образомъ, потомучто тамъ тѣсно и неловко, онъ тащитъ съ пальца покойника драгоцѣнный перстень. Преступникъ одѣтъ въ лохмотья и проз-

Digitized by Google

вещичу на зрителя такое же точно впечатлѣніе, какъ гадина мерзкая и ядовитое пресмыкающееся, въ родѣ скорпіона.

Возлѣ той же телѣги стоитъ этапный офицеръ. Онъ одною рукою отстраняетъ одинъ глазъ покойника, чтобъ убѣдиться, вѣроятно, въ его смерти. Открывается мертвый большой глазъ, съ подвернутымъ книзу зрачкомъ. Офицеръ, очень равнодушно покуривая трубку, спокойно смотритъ на побѣлѣвшій глазъ, и на черствомъ лицѣ его не выражается ровно ничего: ни участія, ни состраданія, ни удивленія, совершенно ничего, такъ какъ еслибы онъ смотрѣлъ на дохлую кошку или на придорожную трясохвостку. Онъ даже гораздо больше занятъ своей трубкой, чѣмъ покойникомъ, которому въ глазъ заглянулъ только мимоходомъ. Между сослуживцами этого господина попадается очень много подобныхъ лицъ. Иначе и быть не можетъ. Эти господа всю свою жизнь только провожаютъ партіи арестантовъ, и уже насмотрѣлись на этихъ несчастныхъ, привыкли къ ихъ страданіямъ, къ ихъ болѣзнямъ, привыкли видѣть между ними людей по большой части дурныхъ. Родъ ихъ служебной дѣятельности притупляетъ въ нихъ чувствительность, и они иногда такъ же спокойно бьютъ арестантовъ, какъ набиваютъ свою трубку.

На первомъ планѣ картины, съ правой стороны, арестантъ въ лохмотьяхъ, не обращая вниманія ни на что происходящее кругомъ, занятъ своими собственными дѣлами: онъ осматриваетъ рану, натертую у него на ногѣ кандалами. Черствое лицо этого человѣка, вѣроятно высидѣвшаго многіе годы въ разныхъ тюрьмахъ, нѣсколько разъ пересланнаго изъ одного острога въ другой на цѣлыя тысячи верстъ, приняло отпечатокъ довольно общій людямъ этого рода,—отпечатокъ совершеннѣйшаго равнодушія ко всему на свѣтѣ: и къ погодѣ, и къ времени года, и къ истязанію пріятеля, и къ своему собственному страданію. Съ этимъ-то тупымъ равнодушіемъ онъ смотритъ на свою рану, и затѣмъ никакого выраженія нельзя отыскать на его жосткомъ лицѣ, полузакрытомъ растрепаными волосами.

Кромѣ того, въ картинѣ еще много лицъ второстепенныхъ: женщина съ дѣтьми, другіе арестанты, лошади, мужики, телѣги, но все это на заднихъ планахъ. Картина поражаетъ удивительною вѣрностью. Все точно такъ бываетъ и въ природѣ, какъ представлено художникомъ на картинѣ, если смотрѣть на природу такъ-сказать только снаружи. Зритель дѣйствительно видитъ на картинѣ г. Якоби настоящихъ арестантовъ, такъ, какъ видѣлъ бы ихъ напримѣръ въ зеркалѣ, или въ фотографіи, раскрашенной потомъ съ большимъ знаніемъ дѣла. Но это-то и есть отсутствіе художества.

Digitized by Google

Фотографическій снимокъ и отраженіе въ зеркалѣ — вовсе еще не художественныя произведенія. Если бы и то и другое было художественнымъ произведеніемъ, — мы могли бы довольствоваться только фотографіями и хорошими зеркалами, и самая академія художествъ была бы одною огромною безполезностью. Нѣтъ, не то требуется отъ художника, не фотографическая вѣрность, не механическая точность, а кое-что другое, больше, шире, глубже. Точность и вѣрность нужны, элементарно необходимы, но ихъ слишкомъ мало; точность и вѣрность покамѣстъ только еще матеріалъ, изъ котораго потомъ создается художественное произведеніе; это орудіе творчества. Въ зеркальномъ отраженіи не видно, какъ зеркало смотритъ на предметъ, или лучше-сказать видно, что оно никакъ не смотритъ, а отражаетъ пассивно, механически. Истинный художникъ этого не можетъ: въ картинѣ ли, въ разсказѣ ли, въ музыкальномъ ли произведеніи непремѣнно видѣнъ будетъ онъ самъ; онъ отразится невольно, даже противъ своей воли, выскажется со всѣми своими взглядами, съ своимъ характеромъ, съ степенью своего развитія. Это не требуетъ и доказательства. Пусть два человѣка разсказываютъ о какомъ-нибудь одномъ, хоть напримѣръ обыкновенномъ уличномъ событіи. Очень часто изъ другой комнаты, даже вовсе не видя самихъ разсказчиковъ, можно угадать и сколько которому лѣтъ, и въ какой службѣ который изъ нихъ служитъ, въ гражданской или въ военной, и который изъ двухъ болѣе развитъ, и даже какъ великъ чинъ каждаго изъ нихъ. Эпическаго, безучастнаго спокойствія въ наше время нѣтъ и быть не можетъ; еслибъ оно и было, то развѣ только у людей, лишонныхъ всякаго развитія или одаренныхъ чисто-лягушечьей натурой, для которой никакое участіе невозможно, или наконецъ у людей, вовсе выжившихъ изъ ума. Такъ какъ въ художникѣ нельзя предполагать этихъ трехъ печальныхъ возможностей, то зритель и вправѣ требовать отъ него, чтобы онъ видѣлъ природу не такъ какъ видитъ ее фотографическій объективъ, а какъ человѣкъ. Встарину сказали бы, что онъ долженъ смотрѣть глазами тѣлесными и сверхъ того глазами души или окомъ духовнымъ. Пусть же онъ видитъ въ «несчастныхъ» арестантахъ людей, да пусть же и намъ покажетъ это. Положимъ, что этапные офицеры нерѣдко народъ безчувственный по одному уже тому, что служебныя обязанности не допускаютъ особой чувствительности. Но нашолся же художникъ, который въ извѣстной поэмѣ: «Разсказъ этапнаго офицера» сумѣлъ въ своемъ черствомъ героѣ отковать человѣка. Допустимъ, что большою частью арестанты такъ сживаются съ своимъ безвыходнымъ положеніемъ, что становятся ко

Digitized by Google

всему, разнообразны; но въ тоже время нельзя не допустить, что они люди. Такъ давайте же намъ ихъ какъ людей, если вы художники, а сотографіями ихъ пусть занимаются френологи и судебные слѣдователи.

Художественности въ этомъ смыслѣ въ картинѣ г. Якоби нѣтъ ни капельки; онъ сотографировалъ каждаго изъ своихъ субъектовъ, и не картину написалъ, а совершилъ слѣдственную ошибку. Всѣ у него равно негодяи, и всѣ одинаки, какъ-будто потому, что въ его мнѣніи сравняла ихъ этапная цѣпь. Всѣ у него равно безобразны, начиная съ кривого этапнаго офицера до ключи, которую отпираетъ мужикъ. Есть одно только исключеніе: это исключеніе — герой картины, покойникъ, накрытый изорванной рогожей. Этотъ покойникъ былъ красавецъ, судя по остаткамъ его, не такъ и слѣдовало по академическимъ требованіямъ; ему невозможно было придать чертъ болѣе обыкновенныхъ или менѣе классическихъ: такъ и видѣнъ человѣкъ родовитый среди подлаго народа, подлаго въ томъ смыслѣ, какъ онъ разумѣлъ это весь свой вѣкъ.

Изъ этой картины очевидно, что г. Якоби, ученикъ академіи, употребилъ всѣ свои силы, все стараніе, чтобы правильно, вѣрно, точно передать дѣйствительность. Это весьма полезное, необходимое стараніе, и весьма похвальное для ученика академіи. Но это можетъ еще только механическая сторона искусства, его азбука и орографія. Конечно, и тѣмъ и другимъ надо овладѣть совершенно, прежде нежели приступить къ художественному творчеству. Прежде надо одолѣть трудности передачи правды дѣйствительной, чтобы потомъ подняться на высоту правды художественной.

А знаете ли вы, г. Якоби, что гонясь до натянутости за правдой сотографической, вы ужь поэтому одному написали ложь? Вѣдь ваша картина невѣрна положительно. Это мелодрама, а не дѣйствительность. Вы слишкомъ гнались за эффектомъ и натянули эффектъ. Вы не согласились даже пощадить этотъ разодраный тулупъ на мужикѣ. Ну когда же такъ дерутся тулупы (вдоль по всей спинѣ)? Вамъ нуженъ былъ хаосъ, безпорядокъ во чтобы то ни стало. Зачѣмъ воръ воруетъ съ пальца перстень именно въ ту минуту, когда подошолъ офицеръ? Будьте увѣрены, что еще прежде чѣмъ доложили офицеру, что умеръ человѣкъ, — арестанты всѣ разомъ, всѣмъ кагаломъ связали ему, что у него есть золотой перстень на пальцѣ, да еще торопились высказать это наперерывъ другъ передъ другомъ, можетъ быть даже пересорились во время разсказа. Будьте увѣрены тоже, что прежде еще, чѣмъ партія двинулась изъ Москвы и прежде чѣмъ новый арестантъ съ перстнемъ показался въ кругу своихъ будущихъ

Digitized by Google

товарищей, арестантъ, еще не видѣвъ его, уже знаетъ, что у него есть на пальцѣ перстень. Извѣстно ли вамъ тоже, что какимъ образомъ воръ не могъ украсть изъ-подъ телѣги перстень? Знаете ли почему? А потому, что этотъ перстень уже слишкомъ извѣстенъ партіи. Еще когда этотъ арестантъ хворалъ и готовился умереть, у многихъ, очень у многихъ была эта мысль: «какъ бы украсть, когда умретъ!» Допустите ли теперь всѣ остальные воспользоваться такимъ случаемъ какому-нибудь Васькѣ Миронову, когда того же хотѣли и Ивановъ, и Петровъ, и Александровъ? Да они изъ зависти не дадутъ его украсть. А еслибъ украли, такъ разыскали бы сами тотчасъ же. Каждый думалъ: «коли не мнѣ, такъ никому и не доставайся!» и каждый другъ за другомъ смотрѣлъ во всѣ глаза. Но вы погнались за эффектомъ; вамъ непремѣнно нужно было, чтобъ именно въ ту минуту, когда подошелъ офицеръ, ловкій воръ и совершилъ бы свою покражу. Тутъ и ловкость воровства, тутъ и contrastez — все вмѣстѣ очень эффектно. Замѣтимъ тоже, что прежде чѣмъ смотрѣть въ мертвый глазъ, офицеръ навѣрно бы посмотрѣлъ на перстень. Вѣдь онъ собственность казны: арестантъ не можетъ имѣть имущества; пропустилъ ли бы это офицеръ? Мы увѣрены, что онъ (изъ казеннаго интереса разумѣется) даже на сапоги его (довольно хорошіе) посмотрѣлъ прежде чѣмъ не глазъ. Драка арестантовъ за картами тоже какъ-будто подобрана для эффекта. Повѣрьте, что тѣ арестанты не могутъ сидѣть въ эту минуту за картами, а непремѣнно бы подошли посмотрѣть, что̀ будетъ дѣлать офицеръ съ мертвецомъ, и особенно — что̀ станется съ перстнемъ?

Есть еще одна очень забавная фотографическая невѣрность; объ ней конечно говорить бы не стоило. Арестанты въ кандалахъ, одинъ даже натеръ себѣ рану отъ нихъ, а всѣ безъ подкандальниковъ. Будьте увѣрены, что не только нѣсколькихъ тысячъ, но даже одной версты нельзя пройти безъ кожаныхъ подкандальниковъ, чтобъ не стереть себѣ ногу. А на разстояніи одного этапа безъ нихъ можно протереть тѣло до костей. Между тѣмъ ихъ нѣтъ. Вы конечно ихъ забыли, а можетъ-быть и не справились совершенно съ дѣйствительностью. Разумѣется нельзя ставить этого въ значительный недостатокъ, хотя это почти точно тоже, какъ еслибъ кто рисовалъ лошадей безъ хвостовъ. Вы сами же гнались за фотографическою вѣрностью; оттого мы это и замѣчаемъ. Самая художественная фигура вовсей картинѣ, это конечно офицеръ; онъ очень хорошъ.

Будемъ надѣяться, что г. Якоби стоитъ на хорошей дорогѣ и на полупути не остановится. Онъ уже добирается до правды дѣйствительной; далѣе, до остальной, высшей правды онъ дойдетъ уже не

Digitized by Google

академическими работами, не подъ руководствомъ своихъ профессоровъ живописи, а общимъ развитіемъ, общимъ образованіемъ, чего, какъ извѣстно, всегда недоставало не всѣмъ, а большинству нашихъ художниковъ.

И въ этомъ отношеніи академія ничего не можетъ сдѣлать. Всѣ ея усилія клонятся къ образованію спеціалистовъ, и всѣ академическія лекціи имѣютъ утилитарный характеръ, всѣ направлены къ спеціальности. Напримѣръ тамъ читается исторія съ точки зрѣнія... костюмовъ. Тамъ читается архитектура, перспектива безъ начертательной геометріи (т. е. правила перспективы — *ощупью*), теорія изящнаго безъ общаго философскаго приготовленія, анатомія съ точки зрѣнія костей, мускуловъ и покрововъ, безъ естественной исторіи человѣка, и т. д. Такое утилитарное направленіе конечно не даетъ того общаго образованія, которое крайне необходимо для художника, и художества у насъ никогда не подвинутся впередъ безъ серьознаго къ нимъ приготовленія въ университетахъ. Иначе мы никогда не выбьемся или изъ дагеротипированія, болѣе или менѣе удачнаго, или изъ непроходимаго псевдоклассицизма.

Касательно этого послѣдняго надо объясниться нѣсколько подробнѣе. Въ нынѣшнемъ году выставлено три картины, изображающія Харона, который перевозитъ души черезъ рѣку Стиксъ. Вмѣсто четвертой того же содержанія картины стоитъ, для пользы или для красы, пустая рама, безъ картины, съ подписью, что картина окончивается. Можно догадываться, что картина очень хороша, потомучто за неимѣніемъ картины, академія выставила хоть ея рамку. Впрочемъ рамка довольно обыкновенной работы, и имя мастера не выставлено. Такого рода задача, какъ Харонъ съ душами, предлагается ученикамъ академіи на томъ основаніи, что тутъ можно писать тѣло, что безъ тѣла нѣтъ академической картины. По мнѣнію академіи, картина особенно хороша, когда тѣло представлено голое, безъ одежды, или по крайней мѣрѣ съ нѣкоторою драпировкой, не болѣе. Правда, что художнику необходимо изучить анатомію, точно также какъ и врачу; но у того и у другого это только средство, а не цѣль. Да ужь и времена пришли не тѣ. Милоны кротонскіе, хотя бы они справлялись не съ быками, а съ слонами, теперь уже намъ вовсе не интересны. Въ древней Греціи они были очень важны, потомучто тогда неизвѣстны были ни штуцеръ, ни ривольверъ. Отъ развитія того или другого мускула тогда зависѣла судьба республики; поэтому одному граждане уже должны были съ любовью смотрѣть на мускулы. Сверхъ того климатъ Греціи позволялъ не прикрывать одеждой тѣло такъ старательно, какъ приходится

Digitized by Google

это дѣлать намъ. Это другая причина, почему тѣло въ Греціи было у художниковъ въ большомъ почетѣ. Затѣмъ у насъ остается одна съ нами общая причина: поклоненіе прекрасному; а конечно ничего нѣтъ на свѣтѣ прекраснѣе прекраснаго тѣла. Но гдѣ же взять нашимъ художникамъ тѣло? Гдѣ взять натуру, чтобы написать тѣло въ самомъ дѣлѣ прекрасное, такую натуру, послѣ которой не очень много оставалось бы идеализировать? У насъ еще есть возможность за хорошія деньги найти порядочнаго натурщика, но сколько-нибудь сносныхъ натурщицъ — вовсе нѣтъ. Ноги изуродованы башмаками, животъ испорченъ картофелемъ и глупымъ перехватомъ юбки, такъ что бѣдному художеству приходится хоть выдумывать женщину. И въ самомъ дѣлѣ, что́ за женщины мы видимъ на выставкѣ. Г. Алексѣевъ поставилъ «Вакханку», которая выставила непомѣрную лѣвую грудь, и «Нимфу съ сатиромъ» г. Мане изъ Парижа. Ужасъ, ужасъ, ужасъ! Послѣдняя картина выставлена конечно съ намѣреніемъ, чтобы показать, до какого безобразія можетъ дойти фантазія художника, который написалъ самую плоскую вещь и далъ тѣлу нимфы колоритъ пятидневнаго трупа. Съ другой стороны женщина въ нынѣшнемъ костюмѣ въ серьезную картину не идетъ, потомучто кринолинъ и перетянутая талія — верхъ безобразія, отъ котораго отвернется съ ужасомъ художникъ, который имѣетъ претензію писать что-нибудь долговѣчнѣе модной картинки. Впрочемъ и такая картина есть на выставкѣ, и не одна. Г. Страшинскій напримѣръ выставилъ «Дѣвицу въ кабинетѣ брата». Дѣвица эта, держа въ рукахъ недочитанный романъ, отдергиваетъ занавѣсъ, которымъ закрыта была какая-то неблагопристойная картина и любуется ею. Дѣло не въ сюжетѣ, а въ томъ что дѣвица написана хорошая, настоящая, въ розовомъ платьѣ, съ перетянутою таліей, въ кринолинѣ, въ надлежащемъ корсетѣ. Черезъ пять лѣтъ не дальше, по случаю какой-нибудь другой, новой моды, ея розовое платье устарѣетъ такъ, что на него забавно будетъ смотрѣть, оно будетъ производить впечатлѣніе модной картинки, выдранной изъ «Телеграфа». Но какъ же быть художнику? Чтоже дѣлать? Тѣла негдѣ взять, а кринолинъ, корсетъ и фракъ — претятъ человѣку съ сколько-нибудь развитымъ вкусомъ.

Но чтоже именно дѣлать — объ этомъ поговоримъ впослѣдствіи. А между тѣмъ замѣтимъ, что ложно-классическое направленіе не только не можетъ обойтись безъ тѣльца и преувеличенно-широкихъ драпировокъ, но требуетъ непремѣнно, чтобы Харонъ былъ представленъ здороваго мужичиной съ сильно развитыми и рѣзко обозначенными мускулами. Псевдоклассицизму въ живописи, или

Digitized by Google

лучше сказать академизму дѣла нѣтъ до того, что Харонъ дряхлый старикъ, и дѣла нѣтъ, что онъ перевозитъ души, а не мѣшки съ мукой, стало-быть лодка его не тяжела, и слишкомъ большихъ усилій отъ него не требуется. Потомъ академизму дѣла нѣтъ до того, что Харонъ старикъ не сердитый, что онъ разсердился только увидавъ между тѣнями живого человѣка, Данта, а потомъ гнѣвъ его пропалъ, и онъ хладнокровно занялся своимъ вѣчнымъ дѣломъ. Что за нужда академизму до всѣхъ тѣхъ соображеній, которыя могутъ представиться при обдумываньи заданной темы! Ужь ежели перевозчикъ, то поданай его всего, съ такими мышцами какъ у самыхъ сильныхъ изъ служащихъ у г. Тайвани перевозчиковъ.

Но зритель очень легко помирится со всѣми этими картинами, изображающими Харона и души, если вспомнитъ, что это работы еще только ученическія, что стало-быть живописцы въ нихъ только искали природы, добивались вѣрности рисунка и тѣней, и съ этой стороны картины очень удовлетворительны. Въ нихъ видно изученіе натурщика, стараніе, а можетъ-быть впослѣдствіи окажется у этихъ господъ и художественный талантъ. Вліяніе Флаксмана видно въ рисункѣ, но вліяніе не лучшей, не высокой половины Флаксмана, а только самаго рисунка его; а художественный смыслъ его не отразился ни въ композиціи, ни въ колоритѣ. Конечно, у Флаксмана колорита нѣтъ, но уже самые очерки фигуръ показываютъ, что онъ смотрѣлъ на дантовскія души какъ на что-то прозрачное, съ тѣломъ почти туманнымъ, почти сливающимся съ окружающею средою. Еслибы живописцы вздумали передать это въ своихъ картинахъ, то можетъ-быть это было бы художественнѣе, ближе къ дантовской фантазіи, но это было бы несообразно съ академическими требованіями. Старикъ Харонъ далеко не силачъ; его дряблые мускулы движутся по непреложной волѣ рока, онъ не старается, не лѣзетъ изъ кожи; его дѣятельность автоматическая, непроизвольная, ненуждающаяся ни въ малѣйшемъ усиліи; но академизмъ не позволяетъ такъ его изобразить, потомучто такъ не выйдетъ пожалуй ярко очерченныхъ мускуловъ, а выйдетъ, чего добраго, художественное произведеніе.

Публика любуется также четырьмя картинами одинаковаго содержанія: «Великая княгиня Софія Витовтовна вырываетъ поясъ у князя Василія Косого на свадьбѣ Василія II Темнаго». Три изъ этихъ картинъ награждены первыми золотыми медалями — что составляетъ высшую академическую награду. Тоже трое изъ этихъ художниковъ получили въ прошломъ году вторыя золотыя медали за картины, сильно смѣшившія въ свое время петербургскихъ жи-

Digitized by Google

толей, видѣвшихъ выставку, — за «Олимпійскія игры». Нынѣшнее «Вырываньe пояса» тоже занимательный сюжетъ, обработанный четырьмя художниками чрезвычайно одинаково. Главное дѣйствующее лицо, Софія Витовтовна, дама болѣе или менѣе полная, стоитъ посреди сцены съ поясомъ, въ положеніи танцовщика, который, надлежащимъ образомъ отдѣлавъ свои па и старательно повернувшись на одной ногѣ, становится передъ публикой, разставивъ руки и ноги. Вотъ такъ стоитъ Софія Витовтовна въ трехъ картинахъ, съ тою только разницею, что въ рукахъ она держитъ поясъ князя Василія Косого, тогда какъ танцовщикъ упражняется обыкновенно съ голыми руками. Всѣ остальныя фигуры разставлены такъ точно, какъ въ послѣдней картинѣ балета, когда опускается занавѣсъ. На театрѣ группировка исполняется по указанію балетмейстера; дѣло театральныхъ группъ состоитъ въ произведеніи возможно бо́льшаго эффекта, безъ особенно большихъ хлопотъ о естественности; а эффектъ сценическій совсѣмъ не тотъ, совершенно другой, чѣмъ естественный. Сценическій условенъ: онъ обусловливается потребностями театральныхъ подмостокъ, и чтобы не говорить о другихъ условіяхъ, вспомнимъ только о томъ, что актеры не имѣютъ права стать спиною къ зрителямъ, и становятся не иначе, какъ лицомъ, и ужъ не далѣе повертываются какъ въ профиль. Черезъ одно это естественность искажается; но зрители такъ привыкли къ условіямъ сценическаго эффекта, что мирятся съ ними и — иначе быть не можетъ. Эта привычка доходитъ до того, что зрители сносятъ терпѣливо и не подвергаютъ позорнѣйшимъ свисткамъ даже обыкновенное весло, выведенное на сцену въ одномъ балетѣ. Весло, правда, не совсѣмъ обыкновенное: оно значительно толще тѣхъ, которыя употребляются для управленія лодкой, и имѣетъ посрединѣ нѣкоторый выступъ или зарубку. Танцовщикъ, представляющій рыбака, нѣсколько разъ является съ весломъ, чтобы придать дѣлу извѣстную степень условной, сценической естественности. Зритель только не понимаетъ, какой тутъ умыселъ въ этой зарубкѣ и въ томъ, что бѣдному танцовщику взвалили весло далеко не граціозное и толще обыкновеннаго. Впослѣдствіи дѣло объясняется. Когда по порядку наступаютъ общіе танцы съ извѣстными группами, танцовщикъ, между разными поворотами и изложеніемъ своихъ чувствъ посредствомъ ногъ, приспособляется на самой срединѣ сцены, одинъ конецъ злокачественнаго весла упираетъ въ полъ, а другой себѣ въ плечо. Все это дѣлается какъ можно мягче, плавнѣе, граціознѣе. Затѣмъ танцовщица, главная изъ танцующихъ дамъ, примадонна, при помощи другого танцовщика, тоже между разными граціозными

Digitized by Google

наверстаніи и изворотами, становится одною ногой на выпуклую блескучественную зарубку весла, а другую протягиваетъ такъ, какъ протянута рука на фальконетовомъ монументѣ. Затѣмъ, она медленно обводитъ ногою кругъ. Дюжій танцовщикъ крѣпко держитъ весло, но старается показать, что это ничего, такъ только, даже что это для него составляетъ большую пріятность. Танцовщица, для сохраненія равновѣсія, держится одною рукою за его плечо, а другою, только одними пальчиками, за пальцы другого танцовщика, который помогъ ей взобраться на зарубку весла и продѣлать всю эту штуку. Потомъ танцовщица, съ легкостью пуха, летящаго «отъ устъ эола», соскакиваетъ на полъ и продолжаетъ излагать свои чувства ногами. Зрители не оскорблены нисколько; напротивъ, они остались довольны и приказываютъ повторить тѣ же самыя продѣлки. Танцовщикъ опять выдерживаетъ на своемъ плечѣ трехъ или четырехъ-пудовую тяжесть легкой какъ пухъ танцовщицы, и нога, напоминающая фальконетовскую руку, опять торжественно и медленно дѣлаетъ надлежащій кругъ, при звукахъ болѣе или менѣе очаровательной музыки.

Понятно, что естественность сценическая — не то что естественная. Поэтому и прекрасное на сценѣ — не тоже что прекрасное въ природѣ и въ другихъ искусствахъ, напр. въ словесности. Чтобы за доказательствами далеко не ходить, вспомнимъ, что иная театральная пьеса, очень хорошая на сценѣ, въ чтеніи не хороша, и точно также наоборотъ. Но въ особенности картинность сцены никуда не годится для живописи. Въ этомъ всякій легко убѣдится, если только посмотритъ на тѣ изображенія сценъ изъ балетовъ и оперъ, которыя печатаются иногда въ заграничныхъ, иллюстрированныхъ изданіяхъ. Точь-въточь такое же впечатлѣніе произволятъ четыре картины, изображающія Софію Витовтовну съ подсомъ Василія Косого. Во всѣхъ этихъ картинахъ группировка чисто сценическая, а не та, которая бываетъ въ природѣ. Затѣмъ разноцвѣтные костюмы, золото, ферязи и прочее, что слѣдуетъ, составляетъ эффектъ совершенно балетный, недостойный чистаго художества.

Къ такимъ же театральностямъ слѣдуетъ причислить и огромную картину: «Государственный сеймъ, на которомъ Ив. Замойскій приноситъ жалобы народа королю Зигмунду III». Здѣсь около сотни хористовъ, одѣтыхъ въ лиловые длиннополые кафтаны, сидятъ и стоятъ, а одинъ сидитъ на особенномъ креслѣ. Лица все серьозныя, оживленныя движеніемъ страсти: всѣ заботятся о народныхъ выгодахъ, то есть о себѣ, а все остальное — свѣтло-лиловое, въ ду-

Digitized by Google

вольно узких складках. Очень может быть, что въ натурѣ даже именно такъ и было; кресло съ королемъ и магнаты сейма точно такъ и были расположены, и точно такъ одноцвѣтно были одѣты; но мало ли что бываетъ въ природѣ, что не можетъ быть воспроизведено въ картинѣ, безъ оскорбленія художественнаго смысла! А впрочемъ картина весьма рѣдкая, по необычайному количеству свѣтлолиловой краски.

Немалое вниманіе зрителей обращаютъ на себя еще двѣ картины, стоящія рядомъ. Это «Умирающій отецъ», г. Журавлева, и «Духовное завѣщаніе», г. Черкасскаго. Первая изъ этихъ картинъ сгруппирована несравненно удачнѣе другой. Въ «Духовномъ завѣщаніи» всѣ фигуры поставлены рядомъ и всѣ движутся въ лѣвую отъ зрителя сторону, ни дать ни взять стройный кордебалетъ. Съ правой стороны стоитъ какой-то оборванный пилигримъ, грязное существо, вродѣ московскаго Ивана Яковлевича; онъ обращенъ влѣво отъ зрителя, къ умирающей. Она, героиня, лежитъ на постели, и только что подписала или собирается подписать духовное завѣщаніе. Рука ея протянута влѣво, къ перу. Лѣвѣе, за кроватью, стоитъ что-то въ родѣ прислужалки, обращаясь влѣво, къ племяннику съ гнусно-плутоватымъ и веселымъ лицомъ. Онъ тоже обращается влѣво, къ полячему, еще болѣе гнусно-плутоватаго вида, а тотъ зачѣмъ-то еще протягиваетъ руку влѣво, какъ къ дверямъ. Очень веселенькая картинка, несмотря на то, что блѣдность умирающей передана очень вѣрно. Но работа ученическая, какъ по композиціи, такъ и по исполненію; художникъ въ прошломъ году получилъ первую серебряную медаль.

Но что же наконецъ за неудача? Здѣсь ученическая работа, тамъ ученическая, дальше — тоже. Чуть не вся выставка состоитъ изъ ученическихъ работъ. Въ чемъ же тутъ дѣло? Въ чемъ состоитъ цѣль выставки? Какія намѣренія распорядителей? Какъ надо смотрѣть на всю выставку?

Судя потому, что большая часть работъ принадлежитъ ученикамъ академіи, надо заключить, что годичная выставка есть нѣчто вродѣ публичнаго торжественнаго экзамена и акта, вродѣ тѣхъ, какіе бываютъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь еще экзаменъ тѣмъ удобнѣе, что отчетъ объ успѣхахъ каждаго ученика весь тутъ, цѣликомъ, и можетъ быть окинутъ однимъ взглядомъ. Тутъ и публичный экзаменъ и актъ: за публично-показанные успѣхи присуждены всякому очевидныя награды. Поэтому казалось бы здѣсь слѣдовало бы ожидать однихъ только ученическихъ работъ, безо всякой примѣси другихъ. Но въ такомъ случаѣ, если академія

Digitized by Google

отдаетъ отчетъ публикѣ въ своей классной дѣятельности, то по естественному ходу дѣлъ, надо бы ожидать и тѣхъ картинъ, которыя работаны на серебряныя медали, начиная съ первой, и лучшихъ рисунковъ съ гипсовъ и съ натурщиковъ. Тогда у зрителя составилось бы ясное понятіе обо всемъ академическомъ курсѣ, видна была бы зрителю послѣдовательность успѣховъ, и главное, отчетъ обо всей дѣятельности академіи былъ бы яснѣе. Полноты все еще не было бы совершенной; до сихъ поръ академики и профессора чрезвычайно рѣдко выставляютъ свои работы. Положимъ, что профессора-преподаватели видны въ работахъ учениковъ; но есть еще профессора не по должности, а по званію; есть академики не члены совѣта, но все-таки до нѣкоторой степени члены академіи. Что они позволятъ дѣлать — они не удостоиваютъ сообщать объ этомъ публикѣ. Они не считаютъ это нужнымъ, несмотря на то, что безъ публики художества не имѣли бы разумнаго повода существовать, не было бы и самой академіи, стоющей теперь обществу значительныхъ суммъ.

Какъ бы то ни было, но выставка неполна, какъ годичный отчетъ о дѣятельности академіи; она такъ же неполна, какъ чисто педагогическій отчетъ о преподаваніи; да сверхъ того въ ней есть картины иностранныхъ художниковъ и русскихъ, не принадлежащихъ къ академіи. Въ чемъ же заключается смыслъ выставки? Не въ томъ ли, чтобы поучать зрителей? Но на это Россія имѣетъ громадное эрмитажное собраніе.

И такъ не станемъ удивляться, что на каждомъ шагу приходится говорить только объ ученическихъ работахъ, такъ какъ это и есть выставка собственно работъ ученическихъ, за исключеніемъ немногихъ произведеній, о которыхъ слѣдовало бы намъ говорить съ самаго начала.

Между произведеніями давно признанныхъ мастеровъ первое мѣсто занимаютъ три картины знаменитаго профессора Айвазовскаго. 1) Овцы, загоняемыя вьюгой въ море. 2) Партенитъ на южномъ берегу Крыма. 3) Буря подъ Евпаторіей. Талантъ г. Айвазовскаго всѣми признанъ несомнѣнно точно такъ же, какъ и талантъ Александра Дюма-отца; и между этими двумя художниками чрезвычайно много общаго. Г. Дюма пишетъ съ необычайною легкостью и быстротою, и г. Айвазовскій тоже. Г. Дюма написалъ ужасно много, г. Айвазовскій тоже. И тотъ и другой художникъ поражаютъ чрезвычайною эфектностью, и именно чрезвычайною, потому что обыкновенныхъ вещей они вовсе и не пишутъ, презираютъ вещи обыкновенныя. Занимательность ихъ композицій не подле-

Digitized by Google

житъ сомнѣнію: Дюма читался съ жадностью, съ азартомъ; картины г. Айвазовскаго раскупаются нарасхватъ. У того и у другого произведенія имѣютъ сказочный характеръ: бенгальскіе огни, трескотня, вопли, вой вѣтра, молнія. И тотъ и другой употребляютъ краски вопервыхъ обыкновенныя, а потомъ, вдобавокъ къ нимъ, пускаютъ тамъ и сямъ эфекты — тоже съ естественнымъ источникомъ, но преувеличенные до послѣдней степени, до той точки, гдѣ начинается уже карикатура. Собственно говоря, въ этомъ сравненіи для г. Айвазовскаго оскорбительнаго ничего нѣтъ; все искусство состоитъ въ извѣстной долѣ преувеличенія, съ тѣмъ однакожъ, чтобы не переходить извѣстныхъ границъ. Портретисты знаютъ это очень хорошо. Напримѣръ у оригинала нѣсколько великъ носъ; для сильнѣйшаго сходства надо сдѣлать его чуть-чуть подлиннѣе; но затѣмъ если прибавить носа еще немножко, выйдетъ карикатура. Зная это очень хорошо, плохіе портретисты никакъ не могутъ справиться съ обыкновенными лицами, въ которыхъ носъ не слишкомъ великъ, однако нето чтобы и слишкомъ малъ, а ротъ и подбородокъ въ самомъ дѣлѣ умѣренные. Отъ этого художнику средней руки, не Гоголю, низачто бы не удался портретъ Павла Ивановича, человѣка съ пріятными манерами, съ ловкостью почти военнаго человѣка, безо всякихъ рѣзкостей въ характерѣ и въ поступкахъ. Александръ Дюма за такіе портреты не берется. Г. Айвазовскій тоже не любитъ такихъ обыкновенныхъ предметовъ. Съ тремя знаменитыми героями Дюма случаются все вещи необыкновенныя: то они втроемъ осаждаютъ городъ, то спасаютъ Францію и совершаютъ подвиги неслыханные. У г. Айвазовскаго мы видимъ тоже самое. Скала; объ нее со всего разбѣгу расшиблась волна; на скалѣ сидитъ чайка. И больше ничего. Точно Арамисъ или Портосъ, обращающій въ бѣгство непріятельскую армію. Идетъ большое стадо бѣлыхъ курчавыхъ овецъ; на нихъ свѣтитъ солнце такъ ярко, что смотрѣть больно, какъ на всякій бѣлый предметъ, въ упоръ освѣщенный солнцемъ. Г. Айвазовскій передаетъ это на полотнѣ, и на его овецъ въ самомъ дѣлѣ больно смотрѣть. Природа есть, даже преувеличенная, но это еще не художество; это длинный носъ, сдѣланный втрое длиннѣе чѣмъ нужно. Художникъ можетъ-быть позволилъ бы себѣ въ большой картинѣ двѣ-три овцы, освѣщенныя такимъ образомъ; но цѣлое стадо — никакъ, и цѣлая картина, написанная нарочно такъ эфектно, что на нее больно смотрѣть, сильно напоминаетъ подвиги д'Артаньяна. На нынѣшней выставкѣ есть стадо овецъ, загоняемыхъ вьюгой въ море. Съ отлогаго берега мчится стадо; два пастуха стараются остановить его; нѣкоторыя

овцы уже въ водѣ; ихъ бьетъ волна, и въ этой сумятицѣ не разберешь, гдѣ начинаются волны и гдѣ кончаются овцы; все покрыто синеватымъ колоритомъ вьюги. Очень хорошо, все это возможно; естественная правда тутъ есть, но нѣтъ правды художественной. Знаменитый герой охотничьихъ карикатуръ Хама, баронъ Кракъ выходилъ однажды изъ болота, гдѣ доставалъ убитую утку, запнулся, упалъ, и растянувшись, прямо попалъ рукою на лежавшаго въ травѣ зайца. Въ тоже время его ружье неожиданно выстрѣлило, и попало въ летѣвшаго мимо бекаса. Все это физически возможно, но художникъ не рѣшился бы написать это въ картинѣ, точно такъ же, какъ не разсказалъ бы этого Аксаковъ, еслибы съ нимъ что-нибудь подобное случилось. Но г. Айвазовскій не останавливается передъ подобною нехудожественною правдой. Бываетъ мгновеніе, когда вечернее солнце золотитъ предметы, на которые свѣтитъ. Г. Айвазовскій беретъ это мгновеніе и пишетъ золоченую картину, какъ «Партенитъ на южномъ берегу Крыма»: въ ней корабль, стоящій на якорѣ подъ берегомъ, освѣщенъ солнцемъ такъ, что правый бортъ его весь изъ розоваго золота. Бросьте два-три пятна изъ розоваго золота, какъ сдѣлалъ Гоголь въ описаніи степи, но пожалѣйте глаза зрителей и не давайте золотой картины. Оттого-то Дюма и не художникъ, что онъ не можетъ удержаться въ своей разнузданной фантазіи отъ преувеличенныхъ эфектовъ. Положимъ, что графъ Монте-Кристо богатъ; но къ чему же изумрудный флаконъ для яду? Къ чему то питательное вещество, которымъ онъ могъ одной щепоткой насытиться на нѣсколько дней? Конечно, есть физическая вѣроятность отыскать въ природѣ крупный изумрудъ, который годится на флаконъ. Но надо же знать и мѣру, надо умѣть удержаться вовремя. Извѣстно, что солнце дѣлаетъ чудеса своимъ свѣтомъ и тѣнями, и кто присматривался къ его эфектамъ, тотъ видалъ много непередаваемыхъ, почти неуловимыхъ — не столько красотъ, сколько странностей. Но передавая намъ о чудесахъ, давайте же имъ настоящее ихъ мѣсто, сдѣлайте ихъ рѣдкими въ той же мѣрѣ, какъ они рѣдки въ теченіи дня, и въ теченіи года; не забудьте передать намъ и обычные, ежедневные, будничные подвиги солнца. А то если станете толковать только о чудесахъ, поневолѣ впадете въ сказку, въ Монте-Кристо. Истинные художники знаютъ мѣру съ изумительнымъ тактомъ, чувствуютъ ее чрезвычайно правильно. У Гоголя Маниловъ съ Чичиковымъ въ своихъ сладостяхъ только разъ договорились до «имянинъ сердца». Другой, не Гоголь, по поводу разговора въ дверяхъ о томъ, кому прежде пройти, на вопросъ Чичикова, «отчего-же онъ образованный», непремѣнно заставилъ

Digitized by Google

бы Манилова насказать какой-нибудь чепухи вродѣ имѣнинъ сердца и праздника души. Но художникъ зналъ мѣру, и Маниловъ отвѣчалъ все-таки очень мило, но весьма скромно: «да ужь оттого». Г. Дюма и г. Айвазовскій низачто бы не могли удержаться, не дали бы такого безличнаго отвѣта, и при семъ удобномъ случаѣ одинъ наговорилъ бы вздору, а другой пустилъ бы блескъ удивительно эффектный, неожиданный, преувеличенный.

«Буря подъ Евпаторіей» г. Айвазовскаго также изумительно хороша, какъ всѣ его бури, и здѣсь онъ мастеръ — безъ сопернаковъ, здѣсь онъ вполнѣ художникъ. Въ его бурѣ есть упоеніе, есть та вѣчная красота, которая поражаетъ зрителя въ живой, настоящей бурѣ. И этого свойства таланта г. Айвазовскаго нельзя назвать односторонностью уже и потому, что буря само по себѣ безконечно разнообразна. Замѣтимъ только, что можетъ-быть въ изображеніи безконечнаго разнообразія бури никакой эффектъ не можетъ казаться преувеличеннымъ, и не потому ли зритель не замѣчаетъ излишнихъ эффектовъ въ бурахъ г. Айвазовскаго?

Воды у насъ довольно много на выставкѣ. Кромѣ г. Айвазовскаго, есть вода г. Ларсона, шведскаго живописца, который прислалъ 13 картинъ; есть ніагарскій водопадъ г. Рейснера, два вида г. Горавскаго, буря г. Вележева, «Озеро четырехъ кантоновъ» Каламa и даже работа г. Иванова, которая поставлена въ первой комнатѣ и озадачивала всѣхъ посѣтителей выставки. Въ этомъ послѣднемъ пейзажѣ, попавшемъ на выставку неизвѣстно какимъ образомъ, на правой сторонѣ картины берегъ и двѣ башни, на лѣвой вода. Что онъ изображаетъ, неизвѣстно: онъ не попалъ въ указатель. Но съ какой цѣлью онъ выставленъ? Это уже не ученическая работа: это произведеніе опытнаго и заматерѣлаго въ живописи суздальца. Такіе пейзажи нерѣдко попадаются на станціяхъ и въ трактирахъ уѣздныхъ городовъ. Надо надѣяться, что онъ выставленъ собственно для противоположности, для показанія ученикамъ академіи, какъ не должно писать, чего бояться и до чего можетъ доходить бездарность.

Тринадцать картинъ шведскаго живописца Ларсона отличаются огромностью размѣровъ, огромностью цѣнъ и буровато-желтымъ цвѣтомъ. У него подъ бурожелтымъ небомъ буровато-желтыя волны разбиваются о бурожелтоватые камни. Физіологія говоритъ, что есть люди, имѣющіе ненормальное зрѣніе относительно цвѣтовъ и красокъ. Но въ обыкновенныхъ людяхъ это не такъ замѣтно, какъ въ живописцѣ. Ежели живописецъ не различаетъ желтаго цвѣта отъ синяго, то происходятъ такія печальныя явленія, какъ произве-

Digitized by Google

ленія г. Ларсона. Одна изъ его картинъ, величиною чуть не съ «Послѣдній день Помпеи», изображаетъ кораблекрушеніе въ Богусландскихъ шхерахъ, при закатѣ солнца. Можетъ-быть, еслибы вода, небо и скалы имѣли свой естественный цвѣтъ, то картина была бы хороша.

Картина Калама «Озеро четырехъ кантоновъ» составляетъ истинное украшеніе выставки. Огромное, извилистое озеро лежитъ между высокихъ горъ. Кромѣ изумительной вѣрности природѣ, кромѣ того что каждая часть, каждая подробность отдѣлана совершенно тщательно, картина поражаетъ тѣмъ, что волшебникъ-художникъ вложилъ въ нее свою душу. И ровно ничего нѣтъ особеннаго въ картинѣ: горы и спокойная вода съ легонькимъ туманомъ. Но всякій безъ исключенія зритель глубоко и сладко задумается надъ этою картиной, всякій увидитъ, что художникъ самъ былъ погруженъ въ какую-то грустную задумчивость всматриваясь, въ далекія горы, въ ясное небо, въ туманную даль. Какъ онъ сдѣлалъ, чтобы передать все это на картинѣ — это уже его тайна; но ясно, что онъ не фотографировалъ природу, а только взялъ ее средствомъ, чтобы навѣять на зрителя свое собственное кроткое, мирное, сладко-задумчивое расположеніе духа. Ничего нѣтъ легче, какъ скопировать подобную простую картину; но перейдетъ ли въ копію душа оригинала — сомнительно.

Другой швейцарецъ, Диде (Diday), выставилъ водопадъ Рейхенбахъ въ швейцарскихъ Альпахъ. Это почти столь же мастерское произведеніе, и тоже не голая фотографія водопада. Диде не искалъ сверхъестественнаго или случайнаго освѣщенія; онъ не хлопоталъ объ эффектѣ, и не писалъ портрета своего водопада, а передавалъ то впечатлѣніе и то расположеніе духа, какое производилъ въ немъ Рейхенбахъ съ своею грандіозною обстановкой.

Если сравнить громадное «Кораблекрушеніе» Ларсона (цѣна 4000 р.) съ маленькимъ видомъ «Озера» Калама (цѣна 1200 р.) или съ небольшою картиною «Рейхенбаха» Диде (цѣна 1500 р.), то жалко станетъ того господина, который вздумаетъ истратить деньги на пріобрѣтеніе огромнаго полотна Ларсона, раскрашеннаго желтозѣдою краской. Г. Ларсонъ можетъ-быть думалъ озадачить объемомъ и полагалъ, что у насъ, у варваровъ, это будетъ принято за достоинство.

Пейзажъ у насъ процвѣтаетъ и далеко опередилъ историческую живопись. Россія можетъ съ гордостью назвать нѣсколько почтенныхъ именъ, возлѣ которыхъ господа Ларсоны имѣютъ полное право спрятать свои кисти и продать запасы бурожолтой краски. Пей-

Digitized by Google

заяная живопись обязана у насъ своими успѣхами можетъ-быть двумъ обстоятельствамъ: тому, что мы народъ по преимуществу съ сельскими наклонностями, и тому еще, что въ пейзажной живописи академизмъ гораздо труднѣе можетъ быть водворенъ и стало-быть ему не такъ легко связывать и ограничивать развитіе талантовъ. Въ пейзажной живописи учитель несравненно разнообразнѣе всѣхъ на свѣтѣ профессоровъ, какъ бы они талантливы ни были: это сама природа. Для души, открытой ея лекціямъ, преподаваніе идетъ необыкновенно успѣшно, кротко, безъ заносчивости, а стало-быть не только не забиваетъ ученика, а ведетъ каждаго по пути его призванія такъ медленно или такъ скоро, какъ только можетъ каждый идти.

Трудно вычислить всѣ прекрасные пейзажи, какіе выставлены въ нынѣшнемъ году. Первое мѣсто занимаютъ два прекрасные вида г. Горавскаго. Затѣмъ нельзя не упомянуть о прекрасныхъ работахъ гг. Рязанова, д'Альгейма, Каменева, Дюкера, Сухомельскаго, Грязнова, Попова, Мещерскаго и въ особенности г. Клодта I-го. Во многихъ изъ картинъ этихъ мастеровъ чувство природы очень живо, и нѣкоторые, какъ напримѣръ г. Клодтъ I-й, обращаются къ природѣ съ тою художественною наивностью, съ тѣмъ безыскусственнымъ, чистосердечнымъ довѣріемъ, которое всегда показываетъ истиннаго художника. Мѣстами замѣтно, какъ напримѣръ г. Горавскій трезво воздержался отъ преувеличенія эффектовъ, вродѣ г. Айвазовскаго, хотя эта воздержность и не вездѣ выдержана. Между всѣми этими пейзажами есть и такіе, въ которыхъ оказываются прекрасныя стремленія, великолѣпные задатки, но исполненіе небрежное, безъ любви, подмалевки, какъ напримѣръ картины г. д'Альгейма. Спѣшность ли работы (которая однакоже не была заказана) тутъ причиной, или презрѣніе къ публикѣ, только подмалевки г. д'Альгейма, показывая прекрасный, многообѣщающій талантъ, остаются подмалевками.

Между жанристами первое мѣсто въ нынѣшнемъ году принадлежитъ г. Бракемеру, который выставилъ картину: «Ловля мышей». Наивность этой сцены очаровательна; натяжки, придуманныхъ эфектовъ — вовсе нѣтъ. Содержаніе картины такъ просто и такъ она оживлена сильнымъ, хотя будничнымъ интересомъ, что всякій зритель невольно улыбнется, но не улыбкою насмѣшки, а участія. Дѣло въ томъ, что мышь забралась въ шкапъ, а старикъ и старуха намѣрены ее оттуда добыть и повергнуть смертной казни. Старикъ, волнуемый ожиданіемъ, стоитъ съ метлой, готовой поразить домашняго вора, а старуха достаетъ изъ шкапа щипцами всѣ-

Digitized by Google

кую всячину, за которой мышь прячется. Ясно, что у хозяйки тутъ затронуты самые живые интересы хозяйской души; она приноситъ въ жертву видимый порядокъ, для водворенія порядка внутренняго.

Г. Морозова «Отдыхъ на сѣнокосѣ» и г. Корзухина «Пьяный отецъ семейства» награждены академіею вторыми золотыми медалями совершенно по заслугамъ, такъ что зритель, незнакомый съ требованіями псевдоклассицизма, недоумѣваетъ, какимъ образомъ тою же медалью награждена картина г. Литовченко «Харонъ, перевозящій души». Но въ требованіяхъ академизма есть чудеса, которыя и не снились нашимъ мудрецамъ.

Настоящіе жанристы, не въ шутку, это гг. Шильдеръ и Перовъ. Г. Шильдеръ за картину «Расплата съ кредиторомъ» признанъ академикомъ, а г. Перовъ за «Проповѣдь въ селѣ» получилъ первую золотую медаль. «Расплата съ кредиторомъ» очень сильно отзывается мелодрамой, а по случайности своей напоминаетъ водевили средней руки, въ которыхъ развязка наступаетъ не въ силу естественнаго хода обстоятельствъ, а совершенно случайно. Герой этого водевиля, молодой человѣкъ прекрасной наружности, только-что пріѣхалъ въ ту минуту, какъ кредиторъ явился за полученіемъ денегъ по векселю. Должникъ, больной старикъ, сидитъ въ креслахъ и самъ себя не помнитъ отъ радости. На полу лежитъ разорваный вексель, тутъ же только-что раскрытый чемоданъ, изъ котораго очевидно вынуты деньги для расплаты. Герой, къ которому на шею въ знакъ благодарности, бросилась дочь старика, не обращая надлежащаго вниманія на ея сладостныя объятія, грозно смотритъ на кредитора, который ретируется въ двери, а за нимъ Немезида, въ видѣ квартальнаго надзирателя. Есть еще нѣсколько лицъ: жена, дѣти; обстановка бѣдная, но героиня, дѣвица, въ довольно богатомъ платьѣ. И представляется зрителю все что за симъ слѣдуетъ: дочь, благодарная за спасеніе отца отъ тюрьмы или отъ описи имѣнія, выходитъ за освободителя и надлежащимъ образомъ любитъ великодушнаго своего мужа; впослѣдствіи старикъ весело умираетъ, попировавъ на крестинахъ своихъ внучатъ, и такъ далѣе, впредь до будущихъ подобныхъ сценъ, когда нынѣшній освободитель, тоже больной и дряхлый, будетъ сидѣть на креслахъ и будетъ сильно нуждаться въ освободителѣ, и такового не окажется такъ кстати, какъ теперь, потомучто до такой степени кстати случается это только въ водевиляхъ.

«Проповѣдь въ селѣ» г. Перова отличается очаровательною наивностью. Тутъ почти все правда, та художественная правда, ко-

Digitized by Google

торая дается только истинному таланту: и мужики и бабы, и заснувшій помѣщикъ, и ясное небо, и крестный ходъ, и ребятишки.

Еще одна замѣчательная картина отличена высшею академическою наградой, первою золотою медалью: картина г. Клодта 2-го «Послѣдняя весна». Больная, умирающая дѣвица сидитъ въ большомъ креслѣ противъ открытаго окна. У нея чахотка, дольше весны она не проживетъ, и домашніе это знаютъ. Сестра ея стоитъ у окна и плачетъ; другая сестра стоитъ возлѣ больной на колѣнахъ. За ширмами отецъ умирающей и мать сидятъ и толкуютъ между собой. Невеселый долженъ быть ихъ разговоръ; нехорошо положеніе умирающей, скверно положеніе сестеръ ея, и все это освѣщено прекраснымъ, яркимъ весеннимъ солнцемъ. Вся картина написана прекрасно, безукоризненно, но въ итогѣ картина далеко не прекрасная. Кто захочетъ повѣсить такую патологическую картину въ своемъ кабинетѣ или въ своей гостиной? Разумѣется никто, ровно никто. Это безпрерывное memento mori для себя и для своихъ ближнихъ мы всѣ знаемъ очень хорошо и весьма удобно можемъ обойтись безъ напоминанья, которое къ тому же ровно никчему не служитъ, кромѣ постоянной и непрерывной отравы жизни. Сама по себѣ смерть — отвратительное дѣло; но ожиданіе ея гораздо еще отвратительнѣе. Художникъ выбралъ себѣ такимъ образомъ чрезвычайно трудную задачу: отвратительное представить прекрасно; это никогда никому не удастся. Смерть близкихъ болѣе или менѣе каждому изъ насъ знакома. Это такой роковой, тупой, безсмысленный ударъ, къ которому, говорятъ, надо быть всякому готовымъ. Это совершенный вздоръ; какъ ни готовъ бываетъ къ нему человѣкъ, но все-таки онъ какъ-будто неожиданъ. Есть драматическія произведенія, въ которыхъ смерть выводится на сцену. Почему же и нѣтъ? Смерть — дѣло житейское, какъ говорятъ плакальщицы, промышляющія по кладбищамъ. Но представьте же себѣ, что актеръ или актриса стали бы умирать на сценѣ по всѣмъ правиламъ патологіи, со всевозможною не сценическою, а естественною правдой, передавая всю агонію, одно явленіе за другимъ, такъ какъ это бываетъ въ природѣ: то умирающаго поведетъ, какъ кусокъ бересты въ печкѣ; то онъ привстанетъ и посмотритъ большими мертвыми глазами, то онъ лепечетъ что-то сухимъ, воспаленнымъ языкомъ и синими пальцами хватаетъ, будто щиплетъ воздухъ, а зрачки катаются въ бѣлкахъ, какъ у плохого провинціальнаго актера, играющаго Отелло, и ноги между тѣмъ стынутъ, и пальцы на ногахъ подкорчиваются. Да всѣ зрители разбѣжались бы отъ такого представленія. А г. Клодтъ 2-й представляетъ намъ агонію умирающей

Digitized by Google

и съ нею почти что агонію всего семейства, и не день, не мѣсяцъ будетъ продолжаться эта агонія, а вѣчно, пока висѣть будетъ на стѣнѣ эта прекрасно выполненная, но злосчастная картина. Никакой зритель не выдержитъ, — убѣжитъ. Нѣтъ, художественная правда совсѣмъ не та, совсѣмъ другая, чѣмъ правда естественная.

Нѣкоторые живописцы пользуются уже готовымъ содержаніемъ и выполняютъ его какъ задачу. Такъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ художникъ, кажется г. Бронниковъ, выставилъ умирающаго гладіатора, по Лермонтову. Въ картинѣ гладіаторъ точно умираетъ; но такъ какъ у поэта онъ умирая вспоминаетъ родину, то это воспоминаніе повторено у г. Бронникова надъ гладіаторомъ въ облакахъ, довольно туманно. Это сильно напоминаетъ старинныя гравюры, на которыхъ отъ рта дѣйствующихъ лицъ проводилась тесемка съ надписью ихъ рѣчей. Еще тоже нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ господинъ выставилъ двѣ отдѣльныя картины: на одной была недурно написана сосна, а на другой прекрасно написана пальма, и объявилъ, что это изъ Лермонтова или изъ Гейне; сосна думаетъ, какъ далеко на югѣ растетъ пальма.

Въ нынѣшнемъ году тоже есть три подобныя картины: «Весталка», по г. Полонскому, «Капитанская дочка» по Пушкину и «Фаустъ съ Мефистофелемъ» по Гёте. Едва ли когда-нибудь такого рода вещи могутъ быть удачны. Въ произведеніи литературномъ излагается вся исторія чувства, а въ живописи — одно только мгновеніе. Какъ же тутъ быть? Очень просто: или написать пять или десять Весталокъ, то-есть ту же Весталку въ пяти или десяти оттѣнкахъ чувства, или не браться за невозможное дѣло.

Нынѣшняя выставка между прочимъ замѣчательна отсутствіемъ батальныхъ картинъ, которыхъ встарину бывало каждый разъ такъ много. Чтоже дѣлать? Такое уже видно пришло время, что общественное вниманіе обращено теперь на другіе, неменѣе важные предметы. Есть правда и нынѣче нѣсколько сценъ изъ военнаго быта, но къ счастію немного, и именно къ счастію, потомучто художественнаго въ нихъ ничего нѣтъ, да и быть не можетъ. — «Сцены изъ военнаго быта» выставлены г. Іебенсомъ. Въ указателѣ выставки сказано съ большою любовью, что «г. Іебенсъ, Адольфъ (Jebens), ученикъ Поля Деларош, пріѣхалъ въ Россію въ 1848 и имѣлъ счастіе поднести государю императору Николаю I картину, изображающую военную сцену, вслѣдствіе чего получилъ порученіе отъ Его Величества писать коллекцію военныхъ сценъ, чѣмъ и нынѣ занимается.» Г. Іебенсъ выставилъ двѣ сцены, или вѣрнѣе группы, состоящія изъ солдатъ, одѣтыхъ въ надлежащіе

Digitized by Google

пундары со всѣми необходимыми вынушками и петличками; и такъ какъ онъ въ этомъ дѣлѣ спеціалистъ, то надо полагать, что все нарисовано какъ слѣдуетъ и форма соблюдена вполнѣ.

Портретовъ выставлено довольно много, точно также немало и фотографій. Но мы поговоримъ о нихъ въ другой разъ, именно по поводу сочиненій г. Даля.

Архитектурныхъ проектовъ выставлено очень мало, не болѣе одиннадцати; всѣ они отличаются великолѣпіемъ и необычайною грандіозностью. Вообще академія не любитъ у насъ простой, утилитарной архитектуры, и все дѣлаетъ проекты колоссальные. Но и объ архитектурныхъ проектахъ мы поговоримъ въ другой разъ.

Digitized by Google

Поѣздка въ Южную Россію А. Аѳанасьева-Чужбинскаго. Часть I. **Очерки Днѣпра**

Не дальше какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, ѣхалъ я на чухонской таратайкѣ. Чухна, мой возница, всѣми силами старался увѣрить меня, что онъ русскій.

— Да какой же ты русскій? говорилъ я ему: — ты и говорить-то порусски не умѣешь.

— Вотъ только что говоримъ-то мы почухонски; а то мы всѣ русскіе, и въ русскую церковь ходимъ.

— Значитъ вы православные, а все же вы чухны.

— Нѣтъ, русскіе.

Ему такъ хотѣлось быть русскимъ, что мнѣ даже стало жаль его. Изъ чего хлопочетъ этотъ человѣкъ? И еще больше мнѣ становилось его жаль, когда при встрѣчѣ съ русскими крестьянами, онъ, снявъ шапку, такъ учтиво и осторожно распрашивалъ у нихъ, какъ ближе проѣхать, куда намъ нужно было. Такъ обратился бы какой-нибудь господинъ изъ благородныхъ, но забитыхъ, къ какому-нибудь важному лицу съ просьбой объ огонькѣ для закуренья папиросочки. И какое-то особенное удовольствіе проявлялось на его лицѣ, когда нашъ мужикъ подробно объяснялъ ему, какъ проѣхать. Совсѣмъ не чувствовалось этого при встрѣчѣ моего чухны съ чухнами. Тутъ онъ былъ свой и былъ несравненно развязнѣе.

Глядя на него, я поневолѣ вспоминалъ другое обстоятельство. Проѣзжая по нѣкоторымъ мѣстамъ Россіи съ смѣшаннымъ народонаселеніемъ, напримѣръ подъѣзжая къ харьковской губерніи, гдѣ начинаются малороссійскія деревни; ѣдучи по таврической губерніи, гдѣ тогда было много татаръ, и гдѣ попадаются нѣмецкія колоніи, спрашивалъ я нашихъ ямщиковъ о хохлахъ, о татарахъ, о нѣмцахъ, и всегда встрѣчалъ такіе добрые отзывы, столько похвалъ этимъ людямъ, что во всемъ этомъ смутно чувствовалось какое-то странное, тоже очень трогательное, маленькое самоуничи-

Digitized by Google

женіе. Иногда совершенно откровенно вырывалось слово: «Гдѣ намъ до нихъ!»

Такое чувство совершенно понятно, особенно когда припомнишь, что и между нами — не въ тѣсномъ смыслѣ людей образованныхъ, но въ болѣе обширномъ смыслѣ — людей, кое-чему учившихся — встрѣчается еще много людей стараго времени, ищущихъ еще по старой привычкѣ успокоенія въ какомъ-то отчаянномъ убѣжденіи, что изъ насъ ничего путнаго выйти не можетъ, и лучше вѣлющихъ на этомъ успокоиться, нежели вѣчно волноваться сладкой надеждою на какія-нибудь перемѣны и улучшенія. Нужно много силы душевной для того, чтобы не терять надежды ни въ какихъ обстоятельствахъ. Только не слѣдуетъ смѣшивать этого отчаянія съ довольствомъ: вотъ ошибка, въ которую впадаютъ всѣ поверхностные наблюдатели. Породить отчаяніе и оббить крылья очень легко; но это вовсе не значитъ удовлетворить или уничтожить тѣ или другія потребности. Онѣ перестанутъ навремя высказываться, но не уничтожатся. И самое то самоуничиженіе, въ которое добровольно ставили себя допрашиваемые мною ямщики относительно колонистовъ, было все-таки ничѣмъ инымъ, какъ сознаніемъ превосходствъ этихъ колонистовъ. А это уже есть признакъ движенія впередъ. Я распрашивалъ о тѣхъ же колонистахъ татаръ: татары не сознавали передъ собой ихъ преимуществъ. Въ этомъ уже видна неподвижность. А колонисты, такъ тѣ считали русскихъ чѣмъ-то вродѣ свиней, о которыхъ и говорить не стоитъ: это ужь безнадежно-печальное довольство самимъ собою, за которымъ возможны развѣ одни только матерьяльныя улучшенія.

Научиться уважать другихъ гораздо легче, нежели научиться уважать себя, ибо для послѣдняго нужно еще, чтобы другіе насъ уважали. Давно ли было время, когда между нами очень образованные люди почти не считали нужнымъ изучать Россію и совершенно ею не интересовались, несмотря на то, что тогда были больше въ ходу, нежели нынѣче, фразы о любви къ отечеству? Нужно прежде всего чувствовать себя на своихъ ногахъ, чтобы уважать себя; нужно имѣть возможность заявлять свою національность для того, чтобы любить ее. И вотъ, едва намъ дали немножко расправить свои крылья, какъ мы начинаемъ интересоваться преимущественно своимъ, и вмѣсто книгъ, изъ которыхъ мы такъ подробно узнавали прежде положеніе Парижа и Лондона, мы съ бо́льшимъ интересомъ бросаемся теперь на книгу, изъ которой мы можемъ узнать положенье Днѣпра напримѣръ. Конечно, мнѣ только тогда интересно узнавать подробности о какомъ-нибудь предметѣ, когда я самъ, если не дѣломъ, такъ хоть словомъ могу принять участіе въ его положе-

Digitized by Google

нія, особенно если предметъ этотъ по свойствамъ своимъ долженъ неминуемо вызвать мое участіе. Всякое стѣсненіе человѣческихъ стремленій вызываетъ апатію, равнодушіе.

Книга г. Чужбинскаго должна непремѣнно обратить на себя всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что въ ней разсказывается все, хорошее и худое, безъ утайки, товаръ продается на лицо, слѣдовательно и купить его можно безъ опасенія.

Одна только бѣда, что у насъ такихъ книгъ мало; мы мало слышали разсказовъ хоть о Днѣпрѣ, и потому мы можетъ-быть слишкомъ многаго потребуемъ отъ одной книги; но чтоже дѣлать? Увидимъ мы путника изъ чужой земли и ужь вѣрно мы его не закидаемъ такъ вопросами, какъ другого путника, побывавшаго на нашей родинѣ и видѣвшаго родныхъ и друзей нашихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы знаемъ каждую улицу, каждую площадь въ Парижѣ; берега Рейна знаемъ какъ свои пять пальцевъ, хотя ни когда не бывали тамъ; но ничего не знаемъ о своемъ Днѣпрѣ. Выходитъ книга г. Чужбинскаго, и намъ хочется сейчасъ же изъ нея узнать все; а всего-то мы и не узнаемъ. Живописная часть Днѣпра, напримѣръ, остается для насъ совершенно неизвѣстною, хотя объ этомъ и говорится въ книгѣ. Но говорится въ ней объ этомъ какъ-то разбросъ: мелькаютъ передъ вами описанія отдѣльныхъ деревень, мѣстъ, городовъ, — все въ высшей степени интересное; но мѣшающее общему представленію. Было бы гораздо пріятнѣе, если-бы все это было расположено такъ, чтобы легко было составить всю картину Днѣпра съ его деревнями, порогами, городами, скалами, плавнями; интересно бы было видѣть топографическую карту Днѣпра приложенную къ этому сочиненію. Но все это маленькое недовольство все-таки прекрасною книгою родится только вслѣдствіе чрезвычайнаго интереса, ею возбуждаемаго, вслѣдствіе торопливаго нашего желанія узнать все разомъ, и все это нисколько не мѣшаетъ читать книгу отъ доски до доски съ удовольствіемъ и интересомъ, не ослабѣвающими ни на минуту, тѣмъ болѣе, что живописная сторона этого путешествія и не составляла, собственно говоря, главной цѣли автора. Наконецъ, можетъ-быть, при многократномъ прочтеніи этой книги и возникаетъ до нѣкоторой степени полное, хотя ни въ какомъ случаѣ не географически-точное желаемое представленіе. Ему много вредитъ то, что авторъ описываетъ два берега Днѣпра не единовременно, но сперва правый, а потомъ лѣвый берегъ, такъ что при самомъ усиленномъ вниманіи не знаешь, какая мѣстность одного берега приходится противъ какой мѣстности другого, или, зная это, не въ одно время видишь объ

Digitized by Google

мѣстности, такъ что приходится перевертывать много десятковъ страницъ для того, чтобы сравнить жизнь двухъ лежащихъ одна противъ другой мѣстностей, какъ напр. Берислава и Каховки. Берславъ городъ, Каховка помѣщичье село; но въ Каховкѣ и гостиный дворъ, и двѣ ярмарки, на которыхъ продаются даже предметы роскоши; въ Берславѣ — деготь, канаты и т. п. круглый годъ.

Хотя не въ этомъ главное дѣло; главное дѣло въ томъ, что книга г. Аѳанасьева-Чужбинскаго знакомитъ насъ съ бытомъ приднѣпровскихъ городовъ и селеній, начиная съ Екатеринослава и кончая Кинбурномъ и Очаковымъ. Мы видимъ всю жизнь, всю суматоху, все скромное довольство или страданія то тѣхъ, то другихъ селеній; мы видимъ и спящіе мертвымъ сномъ, повременамъ только пробуждающіеся города, какъ Александровскъ, Никополь, Алешки, и совершенно уснувшіе, какъ Очаковъ и Кинбурнъ, и трудолюбивыя, сравнительно благоденствующія нѣмецкія колоніи, какъ Кичкасъ, Кустерка; и богатыя, благоустроенныя села барона Штиглица, и бѣдствующія и до сихъ поръ плачущія, какъ на рѣкахъ павлоцкихъ, еврейскія колоніи, и длинные обозы чумаковъ, переправляющихся черезъ Днѣпръ въ Каховкѣ, и самую эту Каховку и Берславъ, и общины вольныхъ матросовъ, и общины днѣпровскихъ лоцмановъ. Все это проходитъ передъ нами живо, со всѣми своими пѣснями, костюмами, привычками, жалобами, со всѣми своими столкновеніями съ мѣстными и отдаленными властями, и мы то радуемся, то сквозь слезы улыбаемся, то негодуемъ и ропщемъ, забѣгая за живое, нечаянно увидавши въ горѣ далекаго приднѣпровскаго жителя повтореніе своихъ собственныхъ неудобствъ и неудовольствій. А порадоваться есть чему, также точно какъ есть отъ чего и придти въ негодованіе. Вопервыхъ очень радуетъ оживленность многихъ мѣстъ, происходящая отъ добросовѣстной распорядительности нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ помѣщиковъ. Напримѣръ опять-таки также Каховка, село помѣщика Куликовскаго. Тутъ идетъ главный путь чумаковъ, отправляющихся въ Крымъ за солью. Проходитъ до 200.000 возовъ, и тутъ же существуетъ переправа. Село это давно уже было замѣчательно, такъ что на картѣ Ланя, составленной въ 1812 г. по Мальтъ-Брену, оно уже означено на маленькой картѣ Россіи; но еще недавно бѣднымъ чумакамъ приходилось богъ-вѣсть сколько времени ждать въ Берславѣ очереди для переправы или платить огромныя деньги вольнымъ паромщикамъ. Теперь же владѣтель Каховки завелъ пароходъ, который безъ остановки буксируетъ паромы съ платою по 30 к. съ повозки, и чумаки себя не чуютъ отъ радости. Вольные паромщики стараются

Digitized by Google

вѣрять ихъ, что это нечистая сила ихъ возитъ, да они говорятъ, что надо благодарить и чорта, когда онъ добро дѣлаетъ. Намъ жаль только, что г. Чужбинскій въ большей части случаевъ встрѣчалъ очень ласковый и предупредительный пріемъ со стороны владѣльцевъ продаётающихъ имѣній. Мы совсѣмъ не думаемъ заподозрить чистосердечіе его описаній; но дѣло въ томъ, что сердце человѣческое всегда пристрастно, и замѣчательно то, что чѣмъ оно лучше, чѣмъ оно выше по своему развитію, тѣмъ оно пристрастнѣе. И всѣ мы, едва познакомимся съ человѣкомъ, едва успѣемъ полюбить его, какъ уже сейчасъ рождается въ нашемъ сердцѣ маленькая способность — смотрѣть, съ величайшей уступчивостью, на поступки и распоряженія этого господина его собственными глазами. Познакомьтесь пожалуйста покороче съ какимъ угодно становымъ или слѣдственнымъ приставомъ, и если только у васъ нѣтъ съ нимъ столкновеній въ вашихъ собственныхъ интересахъ, вы вопервыхъ увидите, что онъ прекрасный отецъ семейства, большая часть этихъ господъ очень добрые отцы; кромѣ того — хлѣбосолъ, гостепріимный хозяинъ, такой ласковый, добрый въ своей семьѣ, такъ онъ дѣлаетъ все что можно, такими хорошими сигарами васъ угощаетъ, что незамѣтно и вы перейдете на его сторону. Да и главное дѣло состоитъ еще въ томъ, что у каждаго человѣка есть всегда совершенно достаточно причинъ, чтобы быть именно тѣмъ, а не этимъ, и стоитъ намъ только узнать всю подноготную его задушевныхъ побужденій, чтобы все то, что насъ возмутило бы со стороны, показалось намъ вовсе не такъ возмутительнымъ. Вся наша ошибка въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что слыша о какихъ-нибудь злоупотребленіяхъ, мы представляемъ себѣ человѣка, въ нихъ обвиняемаго, такимъ точно какъ мы, съ нашими чувствами и пониманіями, вслѣдствіе чего дѣйствительно иногда его поступки идутъ къ нему, по нашему предположенію, какъ къ коровѣ сѣдло, и составляютъ горбы на его тѣлѣ, наросты, уродливость. Но подходимъ мы къ нему ближе, и видимъ, что онъ и его поступки составляютъ одно, что они выходятъ изъ всего существа его; что они совершенно гармонируютъ съ его понятіями объ умѣ, долгѣ, чести; что они даже не противорѣчатъ самымъ лучшимъ качествамъ души его, и у насъ опускаются руки, и мы не можемъ не опустить того камня, который приготовили, чтобы кинуть въ него.

На Днѣпрѣ есть нѣсколько еврейскихъ колоній. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ Новый-Бериславъ и Львова. Обѣ колоніи состоятъ изъ переселенцевъ изъ Литвы и Курляндіи, которые, имѣя въ виду обѣщаніе воловъ, хаты и разныя другія пособія, отозвались на вызовъ правительства переселиться. Въ обѣихъ колоніяхъ,

Digitized by Google

управляющій нѣмецкій колонистъ, и у него все отлично, а у евреевъ — грязь, соръ, нечистота, неряшество, запущеніе. У нѣмца и нивы полны, и вокругъ дома сады; а евреи увѣряютъ, что почва нехороша и что на ней никакое деревцо не принимается. Пашутъ они — умираютъ; жнутъ, косятъ — еще того хуже: мечется жидъ съ косой въ разныя стороны; и туда не поспѣетъ, и здѣсь не захватитъ, до поту лица бьется и все скверно выходитъ. Идетъ жидовка полоть и чулокъ несетъ съ собой: сквозь слезы пополетъ немножко, а потомъ сидитъ и чулокъ вяжетъ между грядами. Видимо, засадили ихъ не за свое дѣло. А колонистъ-нѣмецъ требуетъ еще отъ нихъ чистоты и опрятности, требуетъ, чтобы они сады вокругъ домовъ разводили. Хорошо разводить сады тому, кто своей жизнью доволенъ, у кого на душѣ спокойно, кто любитъ то мѣсто, на которомъ живетъ: онъ и радѣетъ о немъ, онъ и украшаетъ его; а еврей только и смотритъ, какъ бы улизнуть ему изъ деревни куда-нибудь въ городъ, или въ другую деревню, словно все еще мучимый лютой тоскою по отнятой у него родинѣ, и у него все свое соображеніе: «Положимъ, я посѣю 5 четвертей; соберу 20 — это уже хорошо. Пять долженъ оставить я на посѣвъ; могу продать только пятнадцать. Пусть будетъ 7 карбованцевъ четверть — значитъ, я заработаю 105 кербелей. И какая работа! Весна, лѣто и осень пропадутъ за 105 рублей! Дайте же мнѣ 30 кербелей, и пустите меня съ лошадьми хоть въ Херсонъ: я буду *ничего не дѣлать*, а черезъ полгода заработаю 150 карбованцевъ и возвращу вамъ деньги съ большимъ процентомъ.»

И конечно онъ правъ, какъ равно правъ и въ слѣдующемъ разговорѣ, приводимомъ г. Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ:

Еврей жалуется г. Чужбинскому на нѣмца смотрителя:

— Пусть онъ бьетъ меня за то, что дурно пашу, сѣю — тутъ значитъ есть выгода: больше было бы хлѣба и стало-быть больше денегъ; но да что же меня штрафовать, если я не поливаю деревьевъ или не выметаю двора! Вай, вай! Что мнѣ изъ деревца? А еще больше — какая мнѣ польза, что будетъ чистый дворъ?

Я старался убѣдить его, что чистота необходима человѣку, какъ воздухъ, и желая, чтобы онъ понялъ яснѣе мои убѣжденія, привелъ ему примѣръ изъ жизни животныхъ.

— Вѣдь ты видѣлъ, что и кошка, если только поѣстъ что-нибудь или выпачкаетъ лапку, тотчасъ умывается и вытирается.

— Да, точно такъ, однако же кошкѣ это ничего нестоитъ: ей не надо расходовать воды и покупать мыло и полотенце.

Я не нашелся что отвѣчать своему собесѣднику противъ такой находчивости еврейскаго ума, обладающаго способностію прилагать всѣдѣ

Digitized by Google

свою собственную ариѳметику, однако мнѣ все-таки не хотѣлось оставить разговора.

— Такъ неужели по своему жить и ходить въ грязи?

— А развѣ она мѣшаетъ!

— Да вѣдь пріятнѣе же войти въ чистую хату, надѣть чистое бѣлье, платье...

— Гдѣ намъ! Въ хатѣ лишь бы тепло было, а чистое платье мы держимъ про шабашъ.

— А зачѣмъ такое у васъ грязное бѣлье?

— Помилуйте, кто же будетъ его часто мыть: да если и мыть, то оно испортится.

— Ты же видѣлъ какъ нѣмцы живутъ чисто.

— Нѣмцы другое дѣло.

— Отчего же другое дѣло?

— Тамъ такъ заведено.

— Отчего же вамъ не завести?

— Намъ некогда.

— Ну ужъ, любезный, это сущій вздоръ! Нѣмцы гораздо больше васъ заняты; а ты лучше скажи, что лѣнь заняться чистотою. Я не знаю какъ вы живете: вѣдь войти въ избу нельзя — запахъ такой, что съ ногъ сшибаетъ.

— Отчего?

— Оттого, что свѣжему человѣку дышать нельзя.

— А намъ ничего.

— Привыкли, должно-быть.

— Свое никогда не пахнетъ дурно, проговорилъ еврей, воображая, что удивительно съострилъ.

Да онъ не хотѣлъ и острить. Ему совсѣмъ и не до остротъ; онъ улыбнулся тому, что произнесъ слово непозволительное; а это его глубочайшее убѣжденіе. Нужно нѣкоторое довольство собой, чтобы потребовалась нѣкоторая роскошь вокругъ, чистота; а когда человѣкъ самъ собой недоволенъ, когда все кругомъ презираетъ его такъ, что онъ самъ чуть не заражается этимъ же къ самому себѣ презрѣніемъ, такъ для чего будетъ онъ искать приличнаго помѣщенія для своего бреннаго тѣла, которому было бы только куда укрыться, и то́ впору? Вѣдь не дальше какъ за нѣсколько десятковъ страницъ до выписаннаго нами разговора, читали мы слѣдующій разговоръ г. Чужбинскаго съ малоруссомъ, крестьяниномъ деревни Гавриловки, лежащей нѣсколько выше Новобереславской колоніи:

— Что это, старина, у васъ такъ невесело: молодежь не поетъ пѣсенъ, даже ребятишки не играютъ по улицамъ?

— Теперь не до веселости, отвѣчалъ онъ: — какъ разъ рабочая пора, всякій устанетъ...

Работаютъ всѣ, старики положатъ свои бревна и поворачиваютъ въ разныхъ концахъ села дѣвушки и парни выходятъ на улицу.

— Село сердитое, и что дѣлается у нихъ, тебѣ всѣмъ можно въ господскихъ.

— Вѣроятно же у васъ есть запрещенія?

— Запрещенія нѣтъ, да какъ-то знаете лучше сидѣть молча.

— А подростковъ у васъ не посылаютъ на работу?

— Гоняютъ всѣхъ, развѣ не трогаютъ такихъ какъ я, что ногъ не передвигаю.

— Однако, любезный, я вовсе не думалъ встрѣтить въ эту пору такое молчаливое село.

— А можетъ-быть, кто его знаетъ! отвѣчалъ старикъ, почесывая какъ лунь голову.

Село ни съ того, ни съ другого молчаливымъ не выдается. И если поприлежнѣе вникнуть да разобрать, то можетъ-быть и выйдетъ что-нибудь вродѣ слѣдующаго (мы это выписываемъ изъ той же книги г. Чужбинскаго, нѣсколько страницъ выше):

Въ ненастный вечеръ, возвратясь однажды изъ пустынной плавни, пошолъ я къ умному крестьянину побесѣдовать о разныхъ разностяхъ. Рѣчь склонилась на колонистовъ, и я началъ надегать на то, — отчего бы и прочимъ добрымъ людямъ не жить какъ живутъ нѣмцы?

— Мы никогда не можемъ достигнуть этого; во первыхъ имъ дано очень много земли, во вторыхъ они съ измалу пріучаются къ работѣ и порядку, а въ третьихъ, у нихъ совсѣмъ другое начальство.

— Такъ, любезный другъ, но вѣдь есть нѣмцы безземельные, а посмотри какъ они стараются: и въ избѣ и возлѣ избы у нихъ чистота, опрятность, да и каждый обутъ и одѣтъ хорошо.

— А это я самъ знаю. Видите ли, у него много дѣтей, сколько ихъ есть, мальчики и дѣвочки, ходятъ въ школу; тамъ не спрашиваютъ, что нѣтъ мѣста, а приходи и учись сколько хочешь. У насъ же этого нельзя. Наша школа маленькая, и еслибы все село вадумало учить дѣтей, такъ иному хлопцу пришлось бы стоять на выгонѣ, а какъ же онъ учился бы да верстѣ?

— Ну, а грамотность, по твоему, полезна?

— А какъ же! одно то, что человѣкъ можетъ читать святое письмо (свящ. писаніе) — стало быть у него другія мысли, а другое — съумѣетъ разсчитать или записать что-нибудь по хозяйству.

— Кромѣ того, парню легко сдѣлаться писаремъ.

— Боже сохрани! Это навѣрное сдѣлаться горчайшимъ пьяницей. Писарь такъ и норовитъ, чтобы содрать съ кого на водку, или выпрашиваетъ угощеніе. Это народъ ледащій (дрянной).

Digitized by Google

— Мы говоримъ однакоже о постороннемъ, а разскажи-ка почему вамъ нельзя жить какъ живутъ нѣмцы.

— Я жъ вамъ говорю, что они всѣ грамотны, у всѣхъ есть часы и все дѣлается по часамъ. Да и порядки у нихъ мудренѣе, чортъ ихъ побери! Мы никогда не съумѣемъ поравняться съ нѣмцами. Да вотъ хоть бы ихъ *оранка* (паханье)! Выѣдетъ пахать — и вѣдь лошадьми, на какое хочешь твердое поле. Смотришь, *бісова німота* (бѣсовы нѣмцы) едва не рысью бѣгаетъ за плугомъ, и не успѣешь мигнуть глазомъ, какъ онъ и напахалъ десятину, а тамъ запрегъ лошадей, сложилъ плугъ на фургонъ и ѣдетъ себѣ домой, хоть бы за десять верстъ.

— Для этого же не надо быть грамотнымъ.

— Знаю, да я хоть и грамотный, а не умѣю дѣлать этого. Какъ его пахать лошадьми? Мой прадѣдъ, дѣдъ и отецъ пахали волами, да и всѣ добрые люди...

— Это ничего не значитъ, что дѣдъ и отецъ...

— Позвольте! да какъ его и завести такихъ лошадей! человѣкъ боится купить лошадку. Чуть завелъ что нибудь порядочное, — тотчасъ возьмутъ и заѣздятъ. Очередь ли, не очередь, а давай, да еще какъ попадется — подъ какое начальство. Вы развѣ не знаете какъ бѣгаетъ наше начальство!.. Прогоновъ, если тамъ кто и платитъ, мы никогда не видимъ: старшина и писарь пропьютъ, а съ нихъ не получишь. А ты держи въ исправности лошадь и упряжь.

— Мнѣ кажется и волами можно напахать хорошенько, и я знаю многихъ богатыхъ людей, которые могли бы перенять нѣкоторые полезные обычаи, да не хотятъ...

— Есть, что и не хотятъ. Оно и то сказать, построй себѣ напримѣръ хорошую хату, то и ее въ глаза не увидишь, то подъ начальство, то подъ постой... А вотъ я и небогатый человѣкъ, а думаю построить нѣмецкую машину (вѣтреную мельницу). Надо правду сказать — нѣмецъ сдерегъ и дорого, да ужь если построитъ, такъ и внуки будутъ благодарить. Ну чтожъ? машина машиной, а жить намъ не выходитъ какъ нѣмцамъ — у насъ другіе обычаи.

— Я и не говорю, чтобы вы онѣмечились, но почему бы не перенять иного хорошаго? Посмотри, напримѣръ, какъ у колонистовъ разрослись садики возлѣ каждаго дома.

— Правда, на это мило смотрѣть, да намъ не рука.

— Отчего не рука? стоитъ захотѣть.

— У насъ не тѣ порядки; посадишь деревцо, а какъ уйдешь въ поле на работу, то его или выроютъ свиньи, или повыдергаютъ дѣти.

— Это все вздоръ.

— Нѣтъ не вздоръ! Нѣмецъ привыкъ къ порядку...

— Зачѣмъ же и вамъ не привыкнуть?

— Насъ такъ ужь пріучили свиньмалу.

— Такъ вы учите хоть своихъ дѣтей.

Digitized by Google

— Нѣтъ, любезный, ты человѣкъ разумный, а не хочешь понять, что добрая воля всему начало.

— Оно такъ, да сосѣди будутъ смѣяться.

— Пусть смѣются, а умный разъ увидитъ, что хорошо, то и сами начнутъ дѣлать по твоему.

— Вонъ солнце восходитъ, рано глаза выѣсть.

— Нѣтъ, братъ, не худо бы перенять кое что у нѣмцевъ. А что ты говорилъ насчетъ начальства?

— Да это я такъ сказалъ.

— Вотъ и не хорошо: вѣдь я не становой, не помощникъ окружнаго.

— А кто васъ знаетъ! Конечно вы должно быть панъ хорошій и бѣдно не нашему говорите; да вѣдь я не былъ у васъ въ душѣ. Мы иной разъ спроста скажемъ что нибудь и не такъ, а послѣ съ васъ не оберешься.

— Я готовъ хоть побожиться.

— Божиться зачѣмъ! Да оно, видите, начальство сюда и не касается.

— Конечно не касается, но вѣдь оно же не будетъ запрещать дѣлать у себя какъ лучше.

— Извѣстно, ему какое дѣло! Нѣтъ, я говорю, что вашъ богатый вотъ къ чему. Ужъ я сказалъ: первый — у васъ много земли, другое — всѣ грамотны.

— Ну, у нихъ, если примѣрно, человѣкъ разбогатѣетъ, и нашего жметъ себѣ да Богу хвалится; у нихъ сосѣди-то, а мужики-это какъ бы наши старшины, порядкуетъ честно и по совѣсти. У нихъ тоже и большое начальство есть и тоже ничего. Такъ если поймаютъ какого бродягу, то не прибѣжитъ становой, а все начальство наказываетъ сторожами самыхъ богатыхъ людей, одного очередями.

Вонъ оно, какъ договариваются наши мужики до настоящаго дѣла. Они все переберутъ, а самую суть-то и пропустятъ, на всякій случай оставятъ, и выскажутъ разъ только нечаянно. А тутъ если нашъ крестьянинъ боится что-нибудь заводить, то жиду бояться этого еще позволительнѣе, и намъ кажется, что всѣ ихъ расположеніе къ бродяжничеству происходитъ именно отъ безпокойнаго чувства ежеминутной опасности посреди чужого народа, не связаннаго съ ними ни одною любовью, ни одними желаніями, ни даже одною религію. Это тоскливое непосѣдство евреевъ едва ли можетъ быть уничтожено одними мѣстными, полицейскими мѣрами. Евреи перекрещенные не отличаются грязью въ своихъ жилищахъ. Едва онъ пріобрѣтаетъ права, равныя съ правами коренного населенія, какъ онъ успокоивается и пріобрѣтаетъ осѣлость. Зна-

Digitized by Google

читъ неряшество не есть недостатокъ ихъ племени, какъ замѣчаетъ г. Чужбинскій; также нельзя заподозрить, чтобы и религія ихъ къ этому содѣйствовала: это свойство всякаго загнаннаго человѣка.

Убирать свою комнату такъ же иногда не хочется, какъ не хочется пѣть.

Впрочемъ нельзя упрекать г. Чужбинскаго за то, что онъ не указываетъ связи между приводимыми имъ фактами. Можетъ-быть именно это обстоятельство дѣлаетъ книгу его особенно драгоцѣнною. Потомучто для связи иногда натягиваются факты, искажается смыслъ ихъ; а г. Чужбинскій разсказываетъ то что видѣлъ, и на его поясненія нѣкоторыхъ фактовъ можно смотрѣть какъ на личныя его ощущенія. Тѣмъ болѣе, что эти личныя ощущенія обращаютъ только большее вниманіе на фактъ, который ими не затемняется.

Досадуя напримѣръ на какое-то упорное молчаніе жителей села Гавриловки, онъ забываетъ, что такое же точно, только совсѣмъ не добровольное молчаніе онъ уже встрѣтилъ однажды, въ началѣ своего путешествія, въ другомъ мѣстѣ, именно въ Лоцманской Каменкѣ, въ той самой Каменкѣ, гдѣ осматриваются, и въ случаѣ нужды разгружаются не въ мѣру нагруженныя суда, для перехода черезъ пороги днѣпровскіе; въ той Каменкѣ, гдѣ сосредоточивается главное управленіе лоцмановъ, проводящихъ суда черезъ пороги.

Собираясь прожить недѣли двѣ въ Каменкѣ, — разсказываетъ г. Чужбинскій, — я тотчасъ же намѣревался приступить къ собиранію пѣсень; но меня удивило, что по вечерамъ я не слыхалъ пѣнія, какъ это водится въ Малороссіи. Тихой ночью изъ сосѣдней деревни доносились ко мнѣ знакомые мотивы, но въ Каменкѣ тишина. Дѣвушки мнѣ объяснили это тѣмъ, что священникъ запрещаетъ пѣть по вечерамъ пѣсни. Я не вѣрилъ и полагалъ, что священникъ запрещаетъ молодежи веселиться наканунѣ праздниковъ, но къ кому ни обращался, всѣ отвѣчали, что пѣть строжайше не приказано. «Матери наши, прибавила одна дѣвушка, знаютъ довольно пѣсенъ, а мы немного».

— Ну, свой же, милая, хоть немного, а я запишу.

— Э, не хочу: ще батюшка (священникъ) дознаетьця — буде біда.

Мнѣ показалось страннымъ, что дѣвушки не соглашались пѣть у меня въ хатѣ, да еще днемъ, когда имъ позволено, и вскорѣ я убѣдился, что онѣ, считая меня въ числѣ начальства, и полагая, что пѣсня — преступленіе, не рѣшались познакомить меня съ своимъ репертуаромъ. Съ парнями было тоже самое. Признаюсь, я первый разъ въ жизни нашелъ село, полное гостепріимнымъ, добрымъ народомъ, съ отсутствіемъ пѣнія, этого невольнаго спутника каждаго крестьянина и

крестьянин. У простолюдина пѣсня обыкновенно служитъ какъ бы облегченіемъ труда, часто весьма тяжелаго, что можно замѣтить въ іюльскіе жары во время жатвы. Я нарочно узнавалъ, не у поселянъ точно ли не позволено пѣніе, и мнѣ сказали, что запрещено пѣть по вечерамъ, а днемъ можно. Но вѣдь днемъ молодежь не можетъ сходиться вмѣстѣ, значитъ она лишена увеселеній своего возраста. Я со всѣми разговаривалъ объ этомъ, но многимъ казалось даже страннымъ мое удивленіе.

Непремѣнно есть связь между тѣмъ и другимъ обстоятельствомъ, связь конечно не непосредственная, но тѣмъ не менѣе существенная. Связь есть во всемъ, что существуетъ въ мірѣ, и врядъ-ли есть хоть одно совершенно отдѣльно стоящее явленіе, въ мірѣ нравственномъ, какъ въ мірѣ физическомъ. — Отъ этого же самаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жители деревни находятъ въ окрестныхъ курганахъ разныя древности, такъ трудно достать у нихъ эти выкопаныя ими вещи. Впрочемъ самъ г. Чужбинскій объясняетъ причину этого въ слѣдующихъ словахъ:

Крестьяне боятся всякаго пріѣзжаго, видя въ немъ чиновника, и увы не знаю, что разумѣя подъ этимъ, по крайней мѣрѣ я слышалъ это на себѣ, что ни спросишь съѣстнаго у хозяекъ въ деревняхъ — масла, молока, яицъ, куфину, всегда одна отвѣтъ: попытайте въ сосѣдяхъ, можетъ быть и дадутъ. Но если предпослать предисловіе, что за все будетъ заплачено, съѣстные припасы являются въ изобиліи, и хозяйка сама предлагаетъ услуги сварить обѣдъ.

— Отчего же ты отказывала спрва? спрашиваешь иную хозяйку.

— Боялась, баше, что не дадите грошей.

И потомъ еще:

Не могу не привести здѣсь одной встрѣчи въ селѣ Волошинѣ, потому что это грустный фактъ, и сожалѣніе еще возникаетъ въ душѣ, что успѣлъ войдти въ избу и переодѣться послѣ дороги, пока хозяинъ-господинъ въ почтенномъ возрастѣ, увидавъ какой-то экипажъ, старался объ всемъ путешествіи цѣль свѣдѣнія знать въ простолюдинахъ, а не слишкомъ люблю заходить въ деревняхъ знакомства со всякимъ подобнаго покроя, однако-же съѣстное было показать тотчасъ, что визитъ его неувѣстенъ. Оставалось лишь изобрѣсти средство какъ бы сократить неожиданное посѣщеніе. Гость мой самъ помогъ мнѣ въ этомъ случаѣ. Объявивъ при входѣ чинъ и званіе, онъ прежде меня уже закурилъ сигару.

— Вину, что знать вѣнаю, сказалъ онъ, но знаете скуки — одна мужики, дурачье съ ума сойдешь.

Я собрался отвѣчать.

— Прислали сюда на съѣдобье, продолжалъ онъ, знаете, сторожа какого, пѣзрѣнка, здѣсь скажу вамъ, подлецы, народъ грубый,

съѣстнаго еще и такъ, и сякъ, а ужъ денегъ не возмешь! Не то, что бывало въ старину, какъ разсказываетъ капитанъ N. N. Не можете ли вы одолжить сколько нибудь подъ росписку? Я постараюсь отслужить.

Я отвѣчалъ непереможному господину, что самъ я путешественникъ и при томъ человѣкъ, живущій своимъ трудомъ, что немогу помочь, а бездѣлицу предложить совѣстно.

— Не безпокойтесь, всѣмъ буду доволенъ.

Вручивъ поскорѣе своему гостю рубль серебромъ, въ надеждѣ, что буду дня на два избавленъ отъ его посѣщенія, я принялся приводить въ порядокъ свои замѣтки. Черезъ часъ я услышалъ въ сѣняхъ грянкій повелительный голосъ недавняго гостя.

— Старшина и сопкій здѣсь?

— Здѣсь, отвѣчали ему.

— Тотчасъ чтобы были двѣ курицы, масло, да сливокъ собрати густыхъ! Слышишь.

— Чую.

— Вы должны угостить маіора.

— Та мы жъ для васъ уже добули.

— То для меня, болванъ, а это для пріѣзжаго! Развѣ маленькая деревня, не можете собрать такихъ пустяковъ, каналіи? Шевелись у меня, не то, знаешь, я по военному.

Я отворилъ дверь на этотъ шумъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ старшинѣ, что для меня ничего не нужно.

— Вы, маіоръ (не знаю уже почему новый знакомецъ счелъ меня маіоромъ), слишкомъ снисходительны съ этими канальями, ихъ надобно по шеѣ. Вотъ вчера ночевалъ здѣсь капитанъ, такъ тотъ не долго думалъ, старшину въ морду, и все было готово. Для васъ же хлопочу.

Поблагодаривъ за хлопоты, я тутъ же изъяснилъ строгому господину, что во-первыхъ не имѣю права драться съ нѣмъ бы то ни было, а во-вторыхъ считаю это недостойнымъ порядочнаго человѣка.

— Удивляюсь, прибавилъ я, какимъ образомъ можно позволить себѣ подобное обращеніе.

— У насъ, маіоръ, по военному.

Напрасно было бы убѣждать, что ни военный, ни статскій чиновникъ не имѣютъ права требовать ничего безденежно и еще посредствомъ кулака; собесѣдникъ мой былъ на-веселѣ, и я только просилъ его обо мнѣ не безпокоиться.

Вечеромъ уже поздно этотъ господинъ снова явился ко мнѣ съ очень радостной физіономіей. Я запечатывалъ письма, которыя съ разсвѣтомъ надо было послать за двадцать верстъ на почту.

— Поздравляю, маіоръ!

— Сдѣлайте одолженіе, не придавайте мнѣ этого чина.

— Виноватъ, подполковникъ! позвольте сигару. Поздравляю.

Не желая останавливать развязнаго господина, который началъ бы

напьется меня генералом, и давая сигару, и вспомнив удивление по случаю позднего визита:

— Съ чѣмъ же вы меня поздравляете?

— Получилъ извѣстіе, что завтра въ восемь часовъ будетъ слѣдователь. Теперь вы мнѣ можете до утра одолжить три рубля, и вотъ росписка.

При этомъ гость положилъ мнѣ на столъ клочекъ бумаги.

— Росписку можете взять, денегъ у меня нѣтъ, и я буду васъ покорнѣйше просить оставить меня въ покоѣ.

— Ахъ, подпоручикъ, мнѣ очень нужно. Ужъ за процентъ я вамъ услужилъ бы.

При этомъ онъ мнѣ сдѣлалъ одно предложеніе, прибавивъ, что капитанъ за подобную услугу далъ ему денегъ. Съ чрезвычайно грустнымъ чувствомъ я настоятельно просилъ оставить меня въ покоѣ, и по выходѣ безцеремоннаго господина слышалъ, какъ онъ въ сѣняхъ совѣтовалъ моему Ивану утащить у меня десятокъ сигаръ, обѣщая за это на выпивку.

Такъ вотъ какія личности попадаются еще въ черномазыхъ пальто и въ фуражкахъ съ кокардами.

Но вотъ что разсказываетъ г. Чужбинскій о своей собственной особѣ:

Изъ Кенчиса меня отправили въ Кронцвейнъ, а изъ этой колоніи дали лошадей до Бырдиной. Прекрасная деревенька небольшая, чистая и разбросанная на большомъ разстояніи. Послѣ многихъ разспросовъ мнѣ удалось узнать, что близъ господскаго двора живетъ подпоручикъ, занимающій подводами. Я отправился съ открытымъ листомъ требовать лошадей до Языковой. Въ простой избѣ на какомъ-то подобіи кровати лежалъ подпоручикъ съ больною ногою. Послѣ обычныхъ разспросовъ подпоручикъ объяснилъ мнѣ, что въ деревнѣ Бырдиной лошадей нѣтъ и никогда не бывало и что подъ этимъ даются подводы, о которыхъ мнѣ предстоитъ ждать до завтра, потому что отправленъ больной транспортъ арестантовъ. Мнѣ такъ хотѣлось быть поскорѣе у *себя*, хотя бы въ самой бѣдной избушкѣ. Былъ часъ второй пополудни и начинали собираться предательскія октябрскія тучи.

— Какъ же мнѣ быть? нельзя ли попросить у помѣщика?

— Помѣщика здѣсь нѣтъ. Да у васъ откуда лошади?

— Изъ Кронцвейна.

— Ахъ, канальи! Эти колонисты всегда такіе. Да вы вотъ что: пѣшка пошелъ, ихъ отвезетъ дальше, а вмѣсто прогонокъ покажите ему шишъ-тѣдальную подорожную.

Объяснивъ подпоручику неудобство подобнаго распоряженія, я узналъ отъ него, что здѣсь живетъ становой, къ которому я немедленно отправился. Выкушавшій, становой нашъ ермолку, что вмѣстѣ съ халатомъ придавало ему внушающій видъ, и выслушавъ со

мною къ воротамъ, гдѣ нѣмецъ, стоя возлѣ фургона, покуривалъ свою трубочку. Предпославъ прежде весьма крупную энергическую фразу, становой началъ приказывать нѣмцу отвезти меня дальше, но нѣмецъ притворился непонимающимъ русскаго языка; я тотчасъ же хотѣлъ вступить въ должность переводчика, но становой величественно показалъ нѣмцу увѣсистый кулакъ, и мой возница въ одинъ моментъ, на плохомъ малорусскомъ языкѣ изъявилъ готовность отвезти меня въ Языкову за прогоны, и если я дамъ ему на водку. Поблагодаривъ грознаго чиновника за одолженіе, я отправился дальше.

Конечно, въ дорогѣ очень непріятно остаться безъ лошадей; но развѣ это не насиліе? Мы очень рады, что г. Чужбинскій не воспользовался предложеніемъ подпоручика и отказался показать нѣмцу щипъ вмѣсто прогоновъ. Но пріятно-ли было человѣку везти г. Чужбинскаго и за прогоны на усталой уже лошади, на которой ему слѣдовало еще возвращаться домой? Въ самомъ сердцѣ г. Чужбинскаго лежитъ разгадка, отчего иногда мужикъ не поетъ пѣсенъ, хотя ему этого и не запрещаетъ никто. Grattez un peu un russe, vous y trouverez un tartare; grattez encore, vous y trouverez un ours. — Но, это напрасно. Наполеонъ сказалъ объ однихъ русскихъ; это же самое можно сказать объ всѣхъ людяхъ въ мірѣ; и самомъ французѣ, подъ шерстью котораго великій полководецъ не надѣялся никакъ ужъ найти медвѣдя. Вѣдь французы, какъ и всѣ другіе народы, едва успѣютъ пріѣхать къ намъ въ гости, какъ живо пріобрѣтутъ всѣ наши привычки и наклонности, и короткая, своевольная расправа, подъ рукой, для своего употребленія всегда для всякаго окажется пригоднѣе всякой другой расправы; мы только другимъ боимся ее предоставить, опасаясь, чтобы не было злоупотребленія, а за себя-то кто опасается! Пока мы великодушно не сознаемъ всѣ своихъ слабостей и не станемъ въ спокойныя минуты хоть исподволь писать законы противъ самихъ себя, для блага ближняго, до тѣхъ поръ ни мы, ни ближніе наши не будемъ застрахованы отъ злоупотребленій выгодами различныхъ положеній. Вѣдь посмотрите, послушайте г. Чужбинскаго, такъ кажется, что онъ мухи не обидитъ; видъ кулака, показаннаго даже другому, для него невыносимъ и оскорбляетъ его такъ, что всѣ нервы и жилы у него содрогаются; а показалъ человѣкъ кулакъ ничѣмъ не виноватому нѣмцу и заставилъ этого нѣмца противъ желанія везти самого г. Чужбинскаго, и г. Чужбинскій не находитъ этотъ кулакъ вовсе возмутительнымъ, жметъ руку, его показавшую, и по всей вѣроятности, весело садится въ экипажъ, радуясь, что такъ счастливо все кончилось, что онъ наконецъ ѣдетъ въ нѣмецкомъ фургонѣ, а не сидитъ въ дрянной,

разбросаной деревушкѣ, гдѣ нибудь у хохла-крестьянина, безо всякой нужды, да еще посмѣивается внутренно на то, какую глупую рожу сдѣлалъ нѣмецъ, увидавши увѣсистый кулакъ величественнаго становаго, да еще пожалуй съ нѣкоторымъ трепетомъ сердца подумываетъ о своемъ *открытомъ листѣ*, о которомъ онъ часто разсказываетъ въ своемъ путешествіи не безъ нѣкоторой даже гордости и всегда съ большимъ самодовольствіемъ.

«Не знаю я — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ — управляющаго какъ администратора, но знаю, что несмотря на генералъ-губернаторскій открытый листъ, онъ мнѣ не хотѣлъ дать помѣщенія ни въ одной крестьянской избѣ и располагалъ даже отказать въ обывательскихъ лошадяхъ».

Ну такъ чтожъ? Это совсѣмъ не такое важное обстоятельство, чтобы объ немъ стоило говорить, тѣмъ болѣе что онъ никому изъ крестьянъ не запрещалъ принимать къ себѣ постояльца съ открытымъ листомъ и давать ему лошадей за деньги. Вотъ напримѣръ происшествіе съ этимъ открытымъ листомъ въ Кинбурнѣ имѣетъ смыслъ; да тамъ совсѣмъ другое дѣло:

Кинбурнъ — разоренная въ послѣднюю войну союзными войсками крѣпостца, въ которой теперь никакой жизни нѣтъ и никакого народу, кромѣ людей все еще пишущихъ и отписывающихся въ крѣпостной канцеляріи. Г. Чужбинскаго приняли тамъ за кого-то другого, и какой-то чиновникъ военнаго министерства, за отсутствіемъ коменданта, показалъ ему по этому случаю всю крѣпость со всѣми подвалами, заключающими въ себѣ разную рухлядь, оставшуюся послѣ союзниковъ: старые деревянные французскіе башмаки, нѣсколько обрывковъ якорныхъ цѣпей и два якоря. Объ этихъ-то вещахъ и шла еще во время посѣщенія Кинбурна г. Чужбинскимъ переписка. Осмотрѣлъ г. Чужбинскій, не подозрѣвая никакой ошибки и еще удивляясь услужливости чиновника, крѣпость и воротился домой, гдѣ остановился, въ избу къ перевозчику.

«Не успѣлъ я поблагодарить хозяйку за обѣдъ и отпереть сакъ-вояжъ, — разсказываетъ дальше самъ г. Чужбинскій, — какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался топотъ, и вслѣдъ затѣмъ два огромныхъ солдата съ зелеными выпушками, вошли ко мнѣ и остановились у двери.

— Что вамъ нужно, братцы? спросилъ я, занимаясь своимъ дѣломъ.

— Пожалуйте къ капитану.

— Къ какому капитану?

— Къ В—му.

— Я его не знаю.

— Они васъ требуютъ.

Digitized by Google

— Во первыхъ капитанъ не можетъ меня требовать, во вторыхъ не пойду, потомучто не имѣю ни малѣйшаго желанія съ нимъ познакомиться.

Солдаты переглянулись, и одинъ, который посмышленѣе, велѣлъ товарищу остаться въ кухнѣ, а самъ побѣжалъ доложить командиру моемъ ослушаніи. Я рѣшительно не понималъ, что за исторія и, наливъ себѣ стаканъ чаю, кликнулъ хозяина.

— Что это за капитанъ такой?

Хозяинъ указалъ сперва жестомъ на дверь, за которою стоялъ солдатъ и сказалъ громко:

— Кордонный начальникъ.

— Да вѣдь онъ не городничій?

— Какой городничій! ихъ тутъ и въ заводѣ не бывало.

Дальнѣйшихъ разспросовъ дѣлать было неловко, не ставя хозяина въ непріятное положеніе, и потому я заговорилъ о другомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ возвратился солдатъ и сказалъ, что капитанъ требуетъ мой паспортъ. Тотчасъ же я досталъ изъ сумки открытый листъ за подписью новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора и былъ въ полной увѣренности, что грамотному человѣку достаточно взглянуть на эту бумагу, чтобы прекратить всякіе разспросы. На этотъ разъ солдаты ушли оба. Я снова кликнулъ хозяина.

— Что это за капитанъ такой, скажи мнѣ пожалуста?

— Это онъ васъ хочетъ запугать.

— Ну запугать-то меня нельзя, да я и не имѣю никакого дѣла до таможни.

— А если вы можете съ нимъ поспорить, то не поддавайтесь.

Я улыбнулся наивному совѣту хозяина и, предложивъ стаканъ чаю, началъ разспрашивать о жизни кинбурнскихъ обывателей.

Долго мы разговаривали, а бумага моя не возвращалась. Меня начало тревожить нетерпѣніе, и не ближе какъ черезъ часъ хозяйка вбѣжала съ возгласомъ:

— Самъ капитанъ идетъ!

Я выглянулъ въ окно. Къ моей квартирѣ подходила высокая фигура въ сопровожденіи двухъ сателлитовъ. Послышались тяжелые шаги въ кухнѣ и ко мнѣ вошелъ грозный капитанъ съ подобающею важностью. Безъ всякаго привѣтствія, даже легкаго поклона, онъ положилъ на столъ открытый листъ.

— Это вашъ видъ? спросилъ онъ меня самымъ грубымъ тономъ.

Я съ своей стороны не счелъ нужнымъ привстать и отвѣчалъ лаконически:

— Мой.

— А знаете ли, онъ подозрителенъ?

— Не думаю.

— Я имѣю право васъ арестовать.

— Вы не имѣете на это никакого права, но если пришла подобная фантазія, то силѣ противиться не буду.

Digitized by Google

— Я вамъ говорю, вашъ видъ подозрителенъ.

— А я вамъ говорю, что вы ошибаетесь. Открытый листъ подписанъ генералъ-губернаторомъ, вамъ вѣроятно извѣстна подпись графа.

— Подпись вѣрна.

— И печать графская.

— И печать его сіятельства.

— Чего же вы хотите?

— У васъ не проставленъ чинъ въ бумагѣ, произнесъ капитанъ съ улыбкой, которая выражала: а! попался, голубчикъ.

— А если у меня нѣтъ чина? спросилъ я, смотря ему прямо въ глаза.

Капитанъ немного смѣшался.

— Какъ нѣтъ чина?

— Да такъ, если нѣтъ: гдѣ же мнѣ его взять?

— Но это не можетъ быть.

— Какъ вамъ угодно.

— Нельзя же безъ чина! Это подозрительно. Я не могу отпустить васъ.

— Да вы развѣ полицейскій чиновникъ?

— Помилуйте, я кордонный начальникъ. Здѣсь, знаете, граница.

— Я вѣдь не ѣду за границу, а путешествую по Новороссійскому краю.

— Во всякомъ случаѣ я донесу начальству.

— Сколько угодно. Этимъ вы должны бъ начать; но присылать за мной солдатъ и не уважать подписи генералъ-губернатора, своего начальника, не имѣли права, не имѣли права потому, что во-первыхъ оскорбляете незнакомаго человѣка, который не имѣлъ и не имѣетъ никакого желанія знакомиться съ вами, во-вторыхъ потому, что въ открытомъ листѣ графъ не только не предписываетъ дѣлать мнѣ непріятности, а напротивъ приказываетъ содѣйствовать мнѣ при моихъ разъѣздахъ.

— Еслибы у васъ былъ чинъ...

— Это до такой степени непріятно и утомительно, что я попрошу васъ оставить меня въ покоѣ.

— Вы забываете, что я капитанъ.

— Это для меня совершенно все равно.

— Я буду жаловаться.

— Сдѣлайте одолженіе, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Разгнѣванный капитанъ ушелъ и съ досады хлопнулъ дверью. Хозяинъ торжествовалъ. Но мой день былъ испорченъ, и я скоро уѣхалъ въ Покровку, чему отчасти способствовала мысль: не раздумалъ бы капитанъ и не арестовалъ бы меня въ самомъ дѣлѣ.

Все это произошло оттого, что жена коменданта, остававшаяся дома, обидѣлась, что какой-то господинъ осматривалъ крѣпость

Digitized by Google

безъ ея позволенія, такъ какъ за отсутствіемъ мужа, она ближайшая начальница, и пожаловалась корюшному капитану.

Конечно, это вещь любопытная, какъ и все въ книгѣ г. Чужбинскаго; но однако въ ней часто встрѣчаются и такія вещи, въ которыхъ всего любопытнѣе взглядъ на вещи разказчика.

Мы напримѣръ замѣтили, что авторъ разбираемой нами книги очень часто удивляется такимъ вещамъ, въ которыхъ нѣтъ ничего удивительнаго, и возмущается тому, въ чемъ ничего возмутительнаго не заключается.

Въ Херсонѣ стоитъ памятникъ Говарду, знаменитому филантропу, хлопотавшему много о тюрьмахъ и объ улучшеніи быта арестантовъ. Англичанинъ Говардъ умеръ въ Херсонѣ; оттого ему тамъ и памятникъ поставленъ. Но не знать, кто былъ Говардъ, очень позволительно. А г. Чужбинскій приходитъ въ негодованіе, когда видитъ, что одна дама, стоящая у памятника съ дѣтьми, не знаетъ ничего о Говардѣ, и даже послѣ объясненія г. Чужбинскимъ о томъ, кто такой Говардъ, спрашиваетъ: «Чтоже онъ здѣсь, побѣдилъ кого-нибудь?..»

Потомъ г. Чужбинскій часто удивляется такимъ вещамъ, которыя въ сущности есть только гораздо грубѣйшее проявленіе того же обстоятельства, которое ему позволило не застрянуть безъ нужды въ совершенно ненужной ему деревушкѣ. Все это производитъ немножко непріятное впечатлѣніе фразы, и заставляетъ, можетъ-быть совершенно несправедливо, заподозрить въ авторѣ нѣкоторое желаніе порисоваться своею собственною особою, что нынче въ большомъ ходу вообще, и конечно будетъ болѣе или менѣе часто являться до тѣхъ поръ, пока серьозныя преобразованія, а за ними ученье не уровняютъ всѣхъ насъ до нѣкоторой степени.

Очень непріятно напримѣръ читать подобныя мѣста въ «Очеркахъ Днѣпра»:

Вообще на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на меня смотрятъ какъ-то очень подозрительно и стараются быть какъ можно осторожнѣе. *Шинки* по праздникамъ представляетъ самое обильное поле для изслѣдованій этнографа, и я иногда отправляюсь въ это заведеніе, гдѣ нерѣдко присутствуютъ представители всѣхъ партій сельскаго міра. Здѣсь мнѣ попадаются и интересныя пѣсни, вызванныя веселымъ расположеніемъ духа, которыхъ я не могъ слышать въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же раскрываются за лишней чаркой всѣ подробности быта, которыя непремѣнно ускользнутъ при всѣхъ прочихъ условіяхъ. У порога шинка иногда веселая молодежь, лѣтнимъ вечеромъ, танцуетъ подъ звуки скрипки туземнаго маэстро. Мнѣ это ставится въ большую вину: вмѣсто того, чтобы заняться *образованной бесѣдой въ кругу по-*

порядочныхъ людей, онъ ходитъ по шиннкамъ и за панибрата съ мужиками». Я считаю лишнимъ оправдываться противъ этихъ обвиненій. У каждаго свои понятія объ образованной бесѣдѣ, о порядочномъ кругѣ и о мужикахъ. Я съ большимъ удовольствіемъ послушаю разумнаго мужика, когда онъ мнѣ просто разсказываетъ о своей вчерашней рыбной ловлѣ, нежели инаго барина, который съ жаромъ опишетъ мнѣ какъ онъ травилъ русаковъ и какъ собственноручно *отвалялъ* главнаго своего охотника, который, *ракалія*, провѣвалъ лисицу. Я полагаю, что не потеряю моего достоинства, коснувшись пріятельски грубой руки простолюдина, но господинъ, предающійся своимъ феодальнымъ привычкамъ, и рука котораго въ пылу гнѣва касается физіономіи ближняго, можетъ быть названъ порядочнымъ развѣ въ южныхъ штатахъ Америки.

Въ этихъ поступкахъ г. Чужбинскаго ничего нѣтъ такого, что бы требовало объясненія или оправданія. Если же есть люди, которые находятъ страннымъ, когда человѣкъ предпочитаетъ ихъ бесѣду бесѣдѣ простолюдина, такъ объ этомъ тоже говорить не стоитъ, и ужъ если сказать, такъ развѣ для того, чтобы имъ отъ этого не поздоровилось, а совсѣмъ не для того, чтобы объяснить свои собственные поступки и побужденія.

Такимъ точно иногда читаешь съ улыбкою тѣ мѣста въ «Очеркахъ Днѣпра», изъ которыхъ узнаешь напримѣръ, что г. Чужбинскій любитъ молочную кашу съ запахомъ дыма, или какъ онъ простъ въ обращеніи съ простолюдинами. Ну и хорошо, такъ и слѣдуетъ.

Вотъ потому-то вездѣ, гдѣ г. Чужбинскій говоритъ о себѣ, кажется, что книга его написана для дѣтей; тамъ же, гдѣ идутъ описанія фактовъ и мѣстностей, книга снова становится серьезною, и выписывать изъ нея интересныя мѣста значило бы всю ее перепечатать, за исключеніемъ очень немногихъ страницъ. Ждемъ съ нетерпѣніемъ второй части этой книги — очерковъ Днѣстра, и очень желаемъ побольше такихъ книгъ нашей литературѣ.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Австрійскія дѣла. — Закрытіе венгерскаго сейма. — Закрытіе пестскаго комитатскаго собранія. — Арестъ вице-бана Іелачича.

Французскія дѣла. — Высочайшая степень благополучія и благоденствія Франціи. — Маленькія непріятности на швейцарской границѣ.

Итальянскія дѣла. — Новый циркуляръ г. Рикасоли. — Усмиреніе разбоевъ. — Празднества въ Неаполѣ, въ Римѣ и во Флоренціи.

Турецкія дѣла. — Финансы. — Движеніе въ Герцеговинѣ и въ Черногоріи.

Американскія дѣла. — Война и деньги.

Общее положеніе. — Послѣднія извѣстія.

Осенняя погода наступила для Австріи. Все небо заволокло густыми облаками съ плоскимъ и тупымъ осеннимъ характеромъ. Это не лѣтнія тучи, которыя часто бываютъ темнѣе осеннихъ, разражаются страшной грозой, очищаютъ воздухъ, и ясная погода возвращается. Теперь, напротивъ, тучи мало-помалу опускаются до самой земли, и все заволакиваютъ туманомъ: въ двухъ шагахъ ничего не видно. Небосклонъ обложился такъ, что куда ни посмотришь — мгла кругомъ, безнадежная мгла, и время еще поворачиваетъ къ морозу. Рѣки, озера, соки въ деревьяхъ, мысли въ головахъ, — все мало-помалу замерзаетъ, все становится неподвижнымъ и погружается въ зимнюю спячку... Когда-то еще придетъ весна? Когда-то еще солнце взломаетъ ледъ, прогонитъ снѣгъ и разсѣетъ непроглядные туманы?..

Венгерскій сеймъ закрытъ; пестское комитатское собраніе закрыто; вице-банъ Елачичъ арестованъ за рѣчь, сказанную имъ на аграмскомъ сеймѣ; подати собираются вооруженною рукою въ мирной странѣ, среди безоружныхъ жителей, какъ въ завоеванномъ краю. И все это дѣлается не порывисто, не съ шумомъ, безъ грубыхъ пріемовъ дикаго насилія, безъ кровопролитій и безъ пушечнаго грома. Все это дѣлается во имя законности, неторопливо, рас-

четливо, для блага народовъ, какъ встарину тѣлесныя наказанія употреблялись для блага паціентовъ. Такъ и венгерскій сеймъ уничтоженъ, для его же собственнаго блага, слѣдующимъ рескриптомъ:

«*Любезно-вѣрные*, венгерскій сеймъ продолжался четыре мѣсяца и не согласился на сдѣланныя ему отъ насъ предложенія. Къ весьма великой печали нашего сердца, мы впредь не можемъ ожидать полезныхъ для блага Венгріи работъ отъ сейма, который въ столь важное время не понялъ своего великаго призванія къ невыгодѣ всѣхъ, до кого это касалось, и даже объявилъ прерванною нить переговоровъ, на томъ основаніи, что нельзя было исполнить требованій, которыхъ объемъ далеко превосходитъ мѣру того, что *можетъ-быть допущено*. Поэтому мы признали за благо распустить нынѣшній сеймъ, созванный ко 2 апрѣля сего года, предоставляя себѣ созвать новый сеймъ — если возможно, черезъ шесть мѣсяцевъ.»

Этотъ рескриптъ былъ прочитанъ президентомъ 22 августа во второй палатѣ венгерскаго сейма. Рескриптомъ же назначенъ былъ фельдцейхмейстеръ графъ Галлеръ королевскимъ комиссаромъ для закрытія сейма. Президентъ потомъ объявилъ, что графъ Галлеръ, вручая ему рескриптъ, сообщилъ объ имѣющемся у него предписаніи, въ случаѣ сопротивленія, распустить сеймъ вооруженною силой. Тогда депутатъ Деакъ сказалъ:

«Почтенная палата, вооруженная сила исключаетъ всякое совѣщаніе; поэтому я объявляю съ своей стороны, что не нахожу возможнымъ противиться силѣ. Утверждаю еще разъ протестъ, который разсмотрѣнъ вчера, и къ которому присоединилась другая палата.» Палата встала съ живыми возгласами; она присоединилась единымъ словомъ и объявила, что послѣ нынѣшняго засѣданія она расходится. Затѣмъ королевскій рескриптъ былъ отосланъ въ верхнюю палату. Передъ самымъ закрытіемъ засѣданія президентъ благодарилъ палату и изъявилъ надежды на будущее. — Намѣренія [illegible] кабинета были извѣстны заранѣе, и потому палата еще наканунѣ утвердила слѣдующій протестъ:

«Сеймъ не могъ законнымъ образомъ исполнить строгаго [illegible], какъ на основаніи венгерской конституціи, которою [illegible] [illegible]; [illegible] [illegible] сеймъ [illegible] составленію [illegible] было законнымъ образомъ [illegible] [illegible] законамъ [illegible] [illegible] [illegible] работа сейма [illegible]

чительно защитою правъ страны; сеймъ имѣлъ право, даже обязанъ былъ это сдѣлать въ своемъ неполномъ составѣ. Нить переговоровъ была разорвана королевскимъ рескриптомъ, который, въ противность основнымъ договорамъ, измѣнилъ наше старинное устройство въ самой сущности, самодержавною властью и хотѣлъ ограничить наши пренія предѣлами императорскихъ патентовъ и дипломовъ, на что мы не могли законно согласиться. Этотъ королевскій рескриптъ убѣдилъ насъ, что его величество не имѣлъ намѣренія возстановить нашу конституцію въ смыслѣ прагматической санкціи, которой мы никогда неизмѣняли. И это убѣжденіе станетъ еще сильнѣе, если вмѣсто законнаго дополненія сейма и возстановленія парламентскаго управленія, сеймъ будетъ закрытъ, что противно закону. По смыслу статьи IV закона 1848 года, сеймъ не можетъ быть распущенъ прежде нежели министерство представитъ отчетъ за прошлый годъ и смѣту на слѣдующій, а сеймъ на нихъ сдѣлаетъ свое постановленіе. Но это постановленіе закона не было исполнено; оно даже исполнено быть не можетъ, пока не возстановлено отвѣтственное министерство и сеймъ не дополненъ, потому что нѣтъ законнаго правительства; а такъ какъ сеймъ законнымъ образомъ не дополненъ, то онъ и не можетъ утвердить смѣты. — Вышесказанная статья постановляетъ также, что послѣ распущенія сейма втеченіи трехъ мѣсяцевъ собирается новый сеймъ. Если, по закрытіи, новый сеймъ не будетъ созванъ въ срокъ, предписанный закономъ, то постановленія закона этимъ опять будутъ нарушены. И такъ мы принуждены заранѣе всякій незаконный поступокъ такого рода считать противнымъ конституціи и продолженіемъ неограниченной системы, существовавшей двѣнадцать лѣтъ. Мы не можемъ противиться силѣ, но мы торжественно протестуемъ противъ того, что дѣлается такимъ образомъ, и объявляемъ, что мы неизмѣнно преданы законамъ, существующимъ по праву, равно какъ и законамъ 1848 года, и будемъ считать неконституціонною всякую мѣру правительства, противную этимъ законамъ.

Съ своей стороны, г. фонъ Шмерлингъ, сообщая палатѣ о закрытіи венгерскаго сейма, по приказанію императора, изложилъ очень подробно причины этого событія и принципы будущей политики правительства. Онъ говорилъ, что Венгрія не поняла благихъ намѣреній императора касательно ея устройства. Предположено было воскресить ея старинное устройство всецѣло, но такъ, чтобы оно гармонировало съ единствомъ австрійской монархіи. Для этого надо было, чтобы Венгрія уступила нѣкоторую долю своей законной самостоятельности, отказалась бы отъ распоряженій своими финансами и рекрутскими наборами. Но она не хотѣла понять, что

ей же это будетъ лучше, легче и удобнѣе, что это очень хлопотливое дѣло — считать свои деньги, и что императоръ, требуя отъ Венгріи такихъ уступокъ, дѣлалъ ей благодѣяніе, и въ тоже время поступалъ справедливо относительно остальныхъ своихъ королевствъ и земель. По мнѣнію г. фонъ Шмерлинга, уступка со стороны Венгріи требовалась самая ничтожная: только отказаться отъ распоряженія своими деньгами; но такъ какъ Венгрія не хотѣла исполнить этого отеческаго требованія, внушеннаго чувствомъ любви къ народу, то сеймъ и закрывается. Несмотря на неповиновеніе мадьяровъ, императоръ однакоже, отступая отъ венгерской вѣковой конституціи, *не можетъ и не хочетъ* допустить другого порядка дѣйствій, какъ порядокъ конституціонный, по конституціи, сочиненной г. фонъ Шмерлингомъ 20 октября прошлаго года, передъ варшавскимъ свиданіемъ. По этой конституціи всѣ королевства и народы Австріи будутъ имѣть одинаковыя права, безъ особенныхъ исключеній для Венгріи, исключеній, обидныхъ для другихъ народовъ, въ особенности для нѣмцевъ. Независимо отъ разрушенія венгерской конституціи, его величество хочетъ поддержать единство монархіи и законно установленную самостоятельность всѣхъ королевствъ и земель, и то и *другое, единство и самостоятельность*, въ конституціонной свободѣ. «Его величество, укрѣпленный сознаніемъ чистоты своихъ намѣреній, убѣжденный въ томъ, что право государя — проявлять необходимую строгость въ опредѣленныхъ формахъ — прекрасно, а съ другой стороны въ томъ, что обязанность государя требуетъ твердости непоколебимой, рѣшился въ этомъ дѣлѣ показать твердость и милосердіе.»

По поводу этой рѣчи г. фонъ Шмерлинга, «The Press» дѣлаетъ нѣкоторыя размышленія. «Отчаянный идеалистъ г. фонъ Шмерлингъ задалъ себѣ задачу, неразрѣшимую человѣческими средствами, — соединить единство съ самостоятельностью, разрушеніе законности съ поддержаніемъ и утвержденіемъ законовъ, непоколебимую твердость и милосердіе. Во второй половинѣ XIX вѣка такимъ путемъ ходятъ только люди, которые во что бы то ни стало хотятъ не попасть на настоящую дорогу, боятся встрѣтиться съ дѣйствительностью и посмотрѣть ей прямо въ лицо. Куда же приведутъ насъ эти отвлеченности, эта схоластическая идеологія, игра въ слова, которая однакоже отзывается разореніемъ цѣлаго края, утвержденіемъ и увѣковѣченіемъ взаимной вражды двухъ племенъ, которыя при справедливости могли бы жить очень согласно подъ скипетромъ одного и того же государя какой угодно династіи? На идеалистической почвѣ г. фонъ Шмерлинга нѣтъ возможности найти твердую точку опоры: все кругомъ колеблется, дрожитъ, падаетъ,

Digitized by Google

...должность быть воздержно только цензурною, распѣсать. Искать ...ѣрной средины между законностью и безаконіемъ, между непоко...ебящею твердостью и милосердіемъ, — это въ такой же мѣрѣ не...практично, какъ стараться воспитывать естественные цвѣты такъ, ...тобы они совершенно были похожи на искусственные. Заранѣе по...тановить себѣ рѣшеніе и потомъ гнуть къ нему факты — дѣло до...тойное идеалиста, дѣло обычное, запутанное, которое не ведетъ ни къ чему, кромѣ несчастія. Г. фонъ Шмерлингъ говорилъ фразы ...чень милыя и занимательныя: милосердіе, твердость, соединеніе двухъ лицъ въ одномъ нераздѣльно, единство, самостоятельность... Это не хочу объяснялъ все дѣло, и затѣмъ совершенно безпомощнымъ становится всѣ остальныя фразы. Фантъ состоитъ въ томъ, что Венгрія имѣетъ достаточно гражданской зрѣлости, чтобы заниматься своими дѣлами; оцѣнка здѣсь со стороны г. фонъ Шмерлинга — совершенно личная. Хотябы это обстоятельство могло еще подлежать сомнѣнію, то выдержка сейма, его дисциплина рѣшаютъ всякое сомнѣніе. Не признать факта, презирать его, значитъ добровольно вдаваться въ обманъ и идти по ложной, темной и опасной дорогѣ, гдѣ каждый слѣдующій шагъ совершенно непонятенъ. Только что выйдете изъ рельсовъ, какъ пойдутъ толчки, крушенія, переломанныя руки, разбитые лбы, расквашенные носы. Исторія, философія, все говоритъ, что надо остерегаться всякихъ предрѣшеній; г. фонъ Шмерлингъ этого не слушается и идетъ путемъ идеалистовъ. Ну, скоро появятся расквашенные носы, а пожалуй и весь поѣздъ свалится съ откоса. Ничего нѣтъ ужаснѣе, нагруженнаго кондуктора-идеалиста.»

Государственный совѣтъ, гдѣ г. фонъ Шмерлингъ произнесъ рѣчь, такъ не понравившуюся газетѣ «The Press», отвѣчалъ на рѣчь восторженными рукоплесканіями. Потомъ баронъ фонъ Пиллерсдорфъ предложилъ отвѣтить на это сообщеніе почтительнымъ адресомъ его величеству, для чего тотчасъ же и составлена была комиссія. Черезъ недѣлю составленный адресъ предложенъ на разсмотрѣніе палаты. Произнесено нѣсколько рѣчей, изъ которыхъ стоитъ упомянуть только о рѣчи галицкаго представителя г. Смольки. Онъ горячо принялся за разсмотрѣніе событій 1848 и 1849 годовъ въ Венгріи. По его мнѣнію, венгерскій вопросъ есть жизненный вопросъ для Австріи; отъ его рѣшенія зависитъ будущность имперіи. Когда въ 1849 году пала свобода Венгріи, вслѣдъ за нею была схоронена свобода другихъ земель. Поэтому нынѣшнее министерское сообщеніе требуетъ самаго тщательнаго обсужденія и самаго обдуманнаго отвѣта. По поводу политики въ Венгріи, надо вопросить министерству довѣріе или недовѣріе. Должно ли оно про-

Digitized by Google

делъ, какъ по прямому разумѣнію конституціи. Г. Смолка указываетъ, что его партія составляетъ сильное большинство въ палатѣ и что она не можетъ допустить, чтобы ея мнѣніе было игнорировано. Вопросъ этотъ, повторяемъ, есть вопросъ о правѣ венгерской націи. Безъ удовлетворенія Венгріи невозможно никакое благополучное развитіе конституціи и дружественныя отношенія между обѣими частями имперіи. — Палата выслушала императорское сообщеніе. Не императорское посланіе, не рѣчь его величества, а нѣчто вродѣ какъ министерская программа. Г. Смолка очень сожалѣетъ, что министерство, во всемъ своемъ составѣ, не можетъ выставлять впереди лицо его величества. Монархъ никогда не можетъ поступать дурно или ошибочно, а министерство можетъ ошибаться и подвергать корону нареканіямъ. Многіе принципы, считавшіеся прежде священными, признаютъ теперь ложными, и потому министерство не должно выставлять на свою защиту лицо его величества, если оно не хочетъ навлечь опасныя затрудненія въ своихъ конституціонныхъ отношеніяхъ. Палата не признаетъ права правительственнаго вопроса рѣшеній, которыя были бы для него обязательны. Венгерскія дѣла находятся въ зависимости только отъ тамошняго народнаго представительства и его короны. Далѣе ораторъ доказывалъ, что венгерскія событія 1848 года были вызваны не венгерцами, и не конституціей 1848 года, что правительство само много разъ объявляло, будто тогдашняя революція вызвана небольшою партіею ослѣпленныхъ людей, и потому нельзя ставить теперь всю націю искупать грѣхъ немногихъ. Г. Смолка сдѣлалъ такого рода выводъ, что Венгрія совершенно права, отвѣтительство совершенно неправо, и что онъ по этому дѣлу адресъ министерству.

Послѣ довольно оживленныхъ преній, послѣ отказа Шмерлинга адресъ былъ принятъ и утвержденъ. Въ немъ выражалась благодарность палаты за поддержаніе конституціи, благодарность за закрытіе венгерскаго сейма, призывалось благословеніе небесное на главу его величества.

Императоръ отвѣчалъ на это рескриптомъ, въ которомъ благодарилъ палату за ея вѣрноподданническія чувства, за ревность къ конституціи. Тѣмъ и кончилась пока венгерское дѣло. Венгрія молчитъ впредь до созванія новаго сейма.

Газета „Evening Mail“ по поводу этихъ преній и утвержденнаго государственнымъ совѣтомъ адреса замѣчаетъ, что палата такимъ образомъ совершенно произвольно отрѣшилась даже и отъ той конституціи, которая дана ей 20 октября. Вашъ бѣдный король, привлеченный къ суду Шмерлингомъ для оправданія послѣ совѣщенно сварив-

[illegible]ой венгерской конституціи, заключается въ *единствѣ* имперіи и въ [illegible]омъ, что онъ не можетъ и *не хочетъ* отказаться отъ своего сочи[illegible]ненія 20 октября, хотя событія и требуютъ этого отказа. Допу[illegible]стивъ только законность этого довода, палата развязываетъ руки [illegible]безотвѣтственнымъ, произвольнымъ распоряженіямъ г. фонъ-Шмер[illegible]линга. Послѣ этого онъ можетъ закрыть общинные совѣты или за[illegible]претить всѣ журналы и газеты, потому только, что *не хочетъ*. Когда [illegible]одна палата одобряетъ беззаконое закрытіе другой, то она забываетъ позаботиться о собственномъ своемъ существованіи, сама признаетъ надъ собою полную власть произвола, сама кладетъ свою голову на плаху, съ условіемъ, что топоръ опустится тогда, когда захочетъ г. фонъ-Шмерлингъ. «Мы говоримъ здѣсь, — прибавляетъ «Evening Mail», — объ австрійской конституціи съ точки зрѣнія самихъ нѣм[illegible]цевъ, составляющихъ большинство палаты и не понимающихъ г. Смолку, хотя онъ довольно чисто выражается по-нѣмецки. Съ на[illegible]шей же или съ обыкновенной человѣческой точки зрѣнія объ этомъ говорить нечего, какъ о явленіи случайномъ, роковомъ, которое [illegible]

[illegible] стороны *повиновеніе* и законную [illegible] требовать.

[illegible] въ порядкѣ, а на дѣлѣ все остается попрежнему; только неудо[illegible]ствіе, которое прежде высказывалось, теперь скрывается, уходитъ внутрь и накипаетъ горячею, волканическою накипью. Слѣдующій сеймъ, который, по об[illegible]тва, соберется черезъ шесть мѣсяцевъ, и слѣдующій комитатскій совѣтъ сдѣлаются ли [illegible]

сей, будетъ считать себя простымъ исполнителемъ предначертаній и распоряженій и безусловно подтвердитъ постановленія расширеннаго сейма? Хотятъ, въ этомъ сомнѣваться надобно, чтобы оправдать бѣгство изъ Варенна? Они ему рукоплещутъ? Что же удостоивая играть историческія событія [illegible]

Фельдмаршалъ-лейтенантъ графъ Георгій Ключевъ, по случаю своего назначенія епископомъ, въ качествѣ члена духовнаго сейма приноситъ присягу и по этому поводу сказалъ рѣчь, въ которой отчетливо выразилъ свои архипастырскія чувства, свойственныя ему ревность къ пользѣ и процвѣтанію конституціи, дарованной Августѣйшимъ 3 октября, и свои надежды на благополучіе Краціи. Будучи затѣмъ самъ былъ исключенъ изъ службы и отнесенъ въ крѣпость Кинтсбургъ, гдѣ Шперлинъ, несмотря на то, что онъ, какъ епископъ, есть неприкосновенный членъ сейма, и стало-быть имѣетъ право высказывать свои мнѣнія и не можетъ быть судимъ иначе, какъ въ предѣлахъ конституціи. По заключеніи его въ крѣпость, казалось бы должно кончиться и придти въ надлежащій порядокъ. Но Шперлинъ сейчасъ на этотъ разъ показалъ себя совершенно неспособнымъ сдержать надлежащее повиновеніе и законную зависимость. Онъ вздумалъ, что епископъ Ключевъ пользуется въ Краціи чрезвычайнымъ уваженіемъ, что сверхъ того членъ сейма имѣетъ право публично выражать свои политическія убѣжденія и надѣялся, что епископъ горячо говорилъ о своей преданности престолу и желалъ тѣмъ вмѣстѣ вмѣстѣ въ крѣпость Кинтсбургъ, куда былъ заключенъ и Сергей, торжественно и довѣрчиво сдающійся нашимъ войскамъ. Поэтому сейчасъ рѣшилъ — просить его величество объ отмѣнѣ мѣръ, принятыхъ противъ Ключева.

Неизвѣстно еще, что изъ этого будетъ; но можно сказать, что то, что Шперлинъ, въ своей мудрости, найдетъ удобнымъ, для блага правовъ, закрыть имъ сеймъ, чтобы привести его въ подобающее *повиновеніе* и законную *зависимость*.

Тѣмъ дѣло по-малу приводится въ порядокъ. Различныя собранія, которымъ показалось, будто они въ самомъ дѣлѣ имѣютъ право совѣщаться о своихъ нуждахъ и говорить то, что имъ имѣютъ, правда

Французскія дѣла

Если судить по рѣчамъ, которыя произносились въ этомъ году въ разныхъ городахъ Франціи, по случаю открытія генеральныхъ совѣтовъ въ департаментахъ, то страна совершенно

высочайшей степени благополучія, благоденствія и всѣхъ возможныхъ благъ. Она задыхается, даже заговаривается отъ счастья. Офиціальные араторы доказываютъ это весьма ясно и словами своими, и примѣромъ. Франціи вовсе нечего болѣе желать; у нея все есть, и даже еще болѣе, какъ говоритъ Маниловъ. «Императоръ даровалъ Франціи порядокъ, котораго основъ она искала впродолженіе шестидесяти лѣтъ; славу, которая есть первый ея инстинктъ; миръ, который составляетъ первую ея потребность; благосостояніе, къ которому она стремится всею дѣятельностью своего труда и производительности; императоръ, *въ размышленіяхъ своего всемогущества*, спрашивалъ себя, пришло ли время усовершенствовать наши улучшенія; и 24-го ноября, тѣмъ достопамятнымъ декретомъ, который составитъ одну изъ лучшихъ страницъ его царствованія, онъ добровольно уступилъ намъ политическую свободу. (Одобреніе) Этимъ смѣлымъ актомъ, котораго никто не ожидалъ, императоръ предупредилъ желанія своего правительства и даже своей страны...»

Но нѣтъ возможности, да и нелюбопытно слѣдить за [illegible] офиціальнаго Манилова. Чтобы получше достигнуть своей цѣли, онъ порицаетъ прежде бывшія правительства. «Правительства — говоритъ онъ — потому, что ихъ основанія не были довольно широки, потому что они были правительствами не цѣлой націи, а только части ея. Да и что такое реставрація? Стану говорить о ней съ уваженіемъ: она происходила изъ великаго права наслѣдственной монархіи; феодальная и аристократическая королевская власть во Франціи; это — прошедшее нашей исторіи, а это прошедшее славно. Старинныя историческія фамиліи, конечно, всегда представляютъ общественное вліяніе, которое нельзя не принять во вниманіе; когда они [illegible], то займутъ и въ государствѣ то значительное мѣсто, какое занимаютъ въ странѣ. Но когда явилось старинное монархическое право съ однимъ только ручательствомъ политической свободы по хартіи, то что случилось? Реставрація [illegible] возстановила противъ себя буржуазію и демократію, и пала...»

Что касается до буржуазіи, то это уже странно; она занимаетъ огромное мѣсто; когда она была ничѣмъ, по словамъ Сіейеса, она хотѣла быть всѣмъ. Ну, это было уже слишкомъ много. Она пользовалась властью впродолженіе восемнадцати лѣтъ, съ избирательнымъ корпусомъ, который почти весь въ ней заключался; если бы буржуазія могла одна управлять Франціей, то она была бы во главѣ и теперь; потому что у ней были искусные государственные люди, славные писатели, знаменитые воины; однакожъ и парламентская королевская власть рушилась въ свою очередь, не сумѣвъ [illegible]

Digitized by Google

[illegible]

«Потомъ явилась республика, то-есть революціонная демократія, до тѣхъ поръ, пока поголовная подача голосовъ не дала намъ демократіи безъ революціи.

«Новая имперія, господа, не есть ни аристократія, ни буржуазія, ни народъ, это все вмѣстѣ, это демократія въ сѣномъ широкомъ въ самомъ возвышенномъ значеніи, организованная въ правительство, которое беретъ изъ этого истоковъ не огромнѣйшую силу для совершенія всего, что необходимо для славы, для богатства, для благосостоянія Франціи.

На этомъ, конечно, Маниловъ не останавливается; и, описывая всеблагополучіе Франціи, происходящее отъ императорской власти, прибавляетъ довольно неловко: «У насъ, господа, государь, который размышлялъ прежде нежели сталъ управлять, который на томъ же столѣ, гдѣ приготовляетъ государственные законы, пишетъ *Исторію Юлія Кесаря.*» Вслѣдъ за этимъ, безо всякой видимой связи, Маниловъ еще добавляетъ: «Онъ знаетъ, что всякая связь должна имѣть свою узду и что этою мудрою сдержанностью великой имперіи могутъ поддерживаться и развиваться». (Рукоплесканія).

«Вотъ это называется: зарапортоваться! — замѣчаетъ «Evening Mail»: — почему же это всякая связь должна имѣть свою узду? И что же за связь между исторіей Юлія Кесаря, завоевателя Галліи, не знавшаго никакой узды, и мудрою сдержанностью? Безъ сомнѣнія, офиціальный ораторъ неумѣренно намекнулъ на узду по поводу Кесаря. Впрочемъ французы не привыкли очень близко вскрываться въ смыслъ рѣчей, и не требуютъ отъ нихъ вообще большого толку. Было бы громко, звонко, пышно, было бы напыщенно сказано о воинской славѣ, — и ораторъ навѣрное можетъ расчитывать на рукоплесканія, на самый блестящій успѣхъ. Если бы еще онъ хотѣлъ свою приправить кушечными выстрѣлами, то, помимо одного смысла, это произвело бы отличное впечатлѣніе».

Многія изъ этихъ звонкихъ рѣчей удостоились замѣчаній и возраженій англійскихъ газетъ, и лица, ихъ произносившія, имѣютъ полное право этимъ гордиться. Извѣстный французскій экономистъ Михаилъ Шевалье, произнесъ рѣчь, которая имѣла негодованіемъ противъ Англіи, особенно противъ перваго министра. «Times» на это отвѣчаетъ:

«Г. Михаилъ Шевалье увѣряетъ, будто Франція, протягивая одну руку Англіи, другую руку держитъ на посѣвѣ своей школы. Но это совершенно вѣрно и продолжается уже много лѣтъ сряду. Мы не имѣемъ права на это жаловаться, это дѣло Франціи, а не наше; не

мы имѣемъ право наблюдать за ней и сообразно съ этимъ поступать. Нѣтъ сомнѣнія, что Франція пользуется уваженіемъ иностранныхъ державъ, какъ говоритъ Шевалье. Мѣсто ея между народами опредѣляется ея могуществомъ, и ея вліяніе весьма увеличилось въ нынѣшнее царствованіе; но орудіе возвышенія тутъ шпага, а не что другое. Императору удавалось иногда оружіемъ, и постоянно вооруженіями, настращать Европу своимъ могуществомъ... Франція держится всегда наготовѣ, такъ что во всякое время можетъ прибѣгнуть къ послѣднему доводу государей, и она доказала, что можетъ прибѣгать къ нему подъ предлогами, которые другимъ могли бы показаться недостаточными. Это положеніе гордое конечно, и пріятное національному чувству Франціи; но если это не значитъ — держать одну руку на эфесѣ своей шпаги, то мы не знаемъ положенія, которое заслуживало бы такого выраженія. Г. Мишель Шевалье изъявляетъ претензію, что Франція должна нести мечъ христіанства, и что зная принципы ея политики, мы не должны бы опасаться ея положенія и съ недовѣрчивостью держаться на сторожѣ. Франція есть боецъ, вооруженный съ головы до ногъ и готовый въ битву. Но она есть боецъ права, и никто не долженъ заподозривать ее и недовѣрять ей, кромѣ проповѣдниковъ неправды. Зачѣмъ же Англія показываетъ недовѣрчивость вмѣсто сочувствія, и зачѣмъ первый министръ Великобританіи, по своей недовѣрчивости, даетъ мѣсто *страстямъ иного вѣка?* — Мудрено думать, чтобы г-ну Шевалье нуженъ былъ отвѣтъ на такіе доводы; но если такъ, то отвѣчать очень легко.

«Ни въ какія времена правительства не имѣли привычки уступать одному изъ нихъ управленіе международными дѣлами. Несообразно ни съ безопасностью, ни съ независимостью государствъ — оставлять одному государству чрезмѣрно развивать свое могущество вооруженіями, тогда какъ остальныя безпечно станутъ довѣряться честности намѣреній «бойца». Франція, по словамъ г. Шевалье, приписываетъ себѣ призваніе, съ которымъ связано по крайней мѣрѣ дѣятельное вмѣшательство. Ея не боялись бы одни и не считали бы опорою другіе, еслибы она намѣрена была оставить дѣла въ томъ положеніи, какъ они есть. Народы, которыя надѣются на болѣе счастливую участь, смотрятъ на нее съ удивленіемъ, потому-что расчитываютъ на ея помощь; люди другого вѣка ненавидятъ ее и недовѣряютъ ей, потомучто боятся ея нападенія. Въ этихъ выводахъ нѣтъ ничего, что́ не допустилъ бы охотно всякій французъ. Страна эта во всѣ времена брала на себя такую роль, и конечно, сдѣлала много добра Европѣ. Но зато она также наносила Европѣ бѣдствія войны, и если у нея теперь нѣтъ честолюбія и властолюбія,

Digitized by Google

то она все-таки не можетъ разумнымъ образомъ ожидать, чтобы другія державы отказались отъ своихъ правъ и предоставили ей одной распоряжаться европейскими дѣлами.

«Когда Франція вооружается, другія державы должны вооружаться, если не хотятъ быть повержены на степень второстепенныхъ державъ. Если бы императоръ въ самомъ дѣлѣ былъ вполнѣ согласенъ съ своей первоначальной программой, если бы Франція обѣ руки протянула согласію, вмѣсто того чтобы держать одну руку на мечѣ, — тогда мы отвергли бы всякую мысль о войнѣ. Но теперь мы не можемъ поступать иначе, какъ взять его протянутую руку своей правой рукой со всею откровенностью, а лѣвую приберечь для защиты. Мы вовсе не думаемъ, чтобы Франція питала къ намъ чувства враждебныя. Мы приняли всѣ ея предложенія — до послѣднихъ дѣламъ. Если она вздумаетъ бросить свою шпагу въ ножны и отказаться отъ протекціи всѣхъ вѣрныхъ этимъ орудіемъ, тогда мы должны объявить въ этомъ случаѣ спасительный миръ. Но одинъ только императоръ, который жалуется на нашу недовѣрчивость, можетъ сознаться, что безъ этой недовѣрчивости война была бы доведена до Севастополя, то намъ нельзя вернуться къ образу дѣйствій. Мы отвѣдали не душекъ — и принесемъ его безъ отлагательствъ, — чтобы вооруженія Франціи повелись для вторженія въ Англію. Мы думаемъ, что императоръ очень откровенно ведетъ союзъ съ Англіей; но мы не совершенно увѣрены, что тѣ міры, которыя будутъ приняты Франціей въ качествѣ европейскаго бойца, будутъ пользоваться нашимъ сочувствіемъ и согласіемъ. У насъ есть вѣчные интересы во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Мы должны умѣть сказать свое слово касательно многихъ вопросовъ внѣ нашихъ границъ. Чтобы имѣть возможность дѣйствовать съ прочностью и успѣхомъ, намъ надо быть въ условіяхъ равенства. Другими словами, Англія должна быть такъ же сильна, какъ Франція; равенство силъ составляетъ условіе взаимнаго уваженія и въ тоже время составляетъ единственную прочную основу мира и дружбы между государствами.

Но чтобы такъ не говорила газета «Times», — Франція, по словамъ оппозиціонныхъ ораторовъ, открывающихъ генеральные совѣты департаментовъ, есть боецъ за покой, есть опора цивилизаціи, она не только не угнетаетъ, но пользуется полнѣйшею свободой; она несетъ плоды христіанства, она имѣетъ неоспоримое вліяніе на дѣла новаго міра; она богаче всѣхъ; она всѣмъ ушла и просвѣщеннѣе; но императоръ разыщетъ, прежде чѣмъ сдѣлался императоромъ, его побѣдоносныя войски напечатлѣютъ своею силою новый міръ, и т. д.; дошло почти до сочиненія сердца». — Болѣе ясно

брать всѣ восемьдесятъ слишкомъ рѣчей, сказанныхъ нынѣче при открытіи департаментскихъ совѣтовъ, то составилось бы два или три тома великолѣпнѣйшихъ панегириковъ.

Въ послѣднее время только произошла маленькая непріятность на швейцарской границѣ, извѣстная подъ названіемъ «дѣла Ville-la-Grand.» Въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ (съ 18 на 19 августа) произошло на савойской границѣ происшествіе. Ville-la-Grand — небольшая деревенька, раздѣленная было, постановленіемъ вѣнскаго конгресса, на двѣ части, изъ которыхъ одна, бо́льшая, отошла къ Савойѣ, а другая осталась швейцарскою. Двѣ главныя харчевни этой деревни приходятся въ Швейцаріи, на землѣ женевскаго кантона; и одна изъ харчевенъ, по постановленію вѣнскаго конгресса, стоитъ на женевской землѣ, а окна ея выходятъ на улицу, которая уже на землѣ савойской. По случаю присоединенія Савойи къ Франціи, изъ окна харчевни Шаффа стоитъ протянуть только руку, и рука очутится уже за границей, а высунуть голову безъ особеннаго паспорта, прописаннаго у консула, почти не дозволяется. 18 августа въ Ville-la-Grand бываетъ храмовой праздникъ, по случаю котораго и дѣлается вѣроятно исключеніе. По естественной притягательной силѣ харчевень, деревенскій народъ обыкновенно толпится возлѣ этихъ заведеній, и гульба продолжается всю ночь, до утра. Всегда праздникъ проходилъ благополучно, хотя на всякій случай присылались на него жандармы съ обѣихъ сторонъ, съ савойской и съ женевской. И нынѣче были жандармы, но случилось несчастье. Какая-то женщина, торговка, поссорилась съ французскими жандармами, перешла по этому случаю на два шага въ сторону, въ Швейцарію, разставила тамъ свой столикъ и разложила товары. По закону, для торговли въ Швейцаріи, она должна была внести пошлину, всего одинъ франкъ, да записку въ надлежащія книги. Деньги эти она заплатила охотно, и благополучно продавала свои вещи. Какъ водится на храмовыхъ праздникахъ, прихожане выпили болѣе или менѣе надлежащее количество горячительныхъ напитковъ, и нѣсколько молодыхъ парней стали бранить швейцарскихъ жандармовъ за неправильный будто бы поборъ съ торговки. Одинъ молодой парень, французъ, отчаянный, вошелъ въ харчевню Шаффа съ своимъ отцомъ и начали уже слишкомъ сильно буянить. Его арестовали швейцарскіе жандармы, несмотря на то, что онъ защищался энергически; арестовали и его отца, который пьянъ не былъ, но слишкомъ горячо отбивалъ своего сына. Это было уже около десяти часовъ вечера. Женевская полиція видѣла, что народу все прибавляется, и потому рѣшила запереть обѣ харчевни. Между тѣмъ человѣкъ полтораста

французскихъ крестьянъ требовали освобожденія арестованныхъ земляковъ своихъ. Французскихъ жандармовъ уже не было: они ушли домой. На швейцарскія харчевни посыпался градъ камней, въ двери, въ окна, на крышу! Прибыли два конные жандарма, но ничего не могли сдѣлать и молчаливо ушли, чтобы увеличить за помощью. У потребителей двое суточныхъ не могли, по случаю близости французской границы. Но еще три жандарма были осаждены въ харчевнѣ. Они выломали разъ-требовали, чтобы нападающая толпа разошлась и грозили въ противномъ случаѣ стрѣлять. Такъ какъ требованія ихъ не были исполнены, то они дѣйствительно выстрѣлили, изъ ружей и одинъ изъ нихъ палъ. Пули ихъ полетѣли въ Швейцарію во Францію, за границу, и ранили трехъ мужиковъ. Толпа отступила, но долго еще потомъ продолжала издали бросать камнями въ окна и въ двери харчевни. Тѣмъ дѣло и кончилось, или лучше сказать — началось. Всѣмъ извѣстенъ Тувенель, министръ иностранныхъ дѣлъ, стоявшій во главѣ управленія во время занятія Савойи. Швейцарское правительство отвѣчало, что жандармы только защищались отъ нападенія, что французскіе жандармы значительно ушли въ Савойю, что, какъ видно, нападеніе на пограничную стражу было сдѣлано преднамѣренно, потому что ночью собиралась сильная толпа народу изъ другихъ деревень, а жандармовъ всего не больше. Обычай дипломатическихъ нотъ происходить весьма обстоятельно, и неизвѣстно, что будетъ: можетъ быть война, защита всѣхъ христіанъ, защитница невинности, вступится за Савойю Англія, а тогда — да трепещетъ Швейцарія! Равнодушная пока не обращаетъ большого вниманія на это событіе, она еще не знаетъ какимъ голосомъ пѣть, и потому молчитъ, боясь не попасть въ тонъ, въ ожиданіи внушенія сверху.

Благодаря системѣ внушеній и предостереженій, французскія газеты теперь прекрасно дрессированы, и въ свою очередь дрессируютъ почтенную публику. Напрягши въ долгое время толковыя свои о томъ, что французскія войска занимаютъ Римъ, оправдывали это всячески, волновались, и такъ какъ дѣло занятія Савойи не маленькое, то и предсказывали его исходъ различнымъ образомъ, каждая на свой ладъ. Что вошло выводъ ихъ сужденій и догадокъ состояло въ томъ, что дѣло въ рукахъ императора, и онъ, въ своей всеобъемлющей и въ своей мудрости знаетъ, какъ это рѣшить и какъ предохранить отъ всякой опасности католическую религію и католическую религію святую власть папы. Но въ концѣ августа пронесся слухъ, что газеты «Siècle» и «Opinion nationale» получили разрѣшеніе начать борьбу противъ святой власти папы. Правда это,

[illegible] сировку.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ Монитёру, который неутомимо [illegible]ѣетъ своихъ читателей. Это, какъ извѣстно, офиціальный органъ французскаго правительс[illegible] [illegible]ства, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Эмилемъ Рене [illegible] только потому, что [illegible] французскаго общества [illegible] [illegible] Густавъ Рабб[illegible], считается [illegible] [illegible] обществѣ [illegible] на судьбу міра. [illegible] убѣдился [illegible] что Густавъ [illegible] хотя [illegible] была у него [illegible] [illegible] обращаться осторожно, [illegible] говорить [illegible], которыя могутъ его [illegible] что видѣть министра, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Digitized by Google

всей ничтожность, такъ легко внушаемая въ грубые организмы. Затѣмъ не было никакихъ правилъ, которыя поддерживали бы дисциплину, или внушали бы солдату уваженіе къ его званію и къ самому себѣ. Солдатъ было 180.000, хорошо вооруженныхъ, съ деньгами, съ крѣпостями, со всѣмъ, что необходимо для войны; однакоже они не дрались; они отступали передъ горстью героевъ, которые смѣло шли имъ навстрѣчу; цѣлые полки, цѣлые корпуса отдавались въ плѣнъ. Ихъ распустили по домамъ; но привыкнувъ къ праздности и къ разврату, отвыкнувъ отъ работы, они сдѣлались разбойниками. Если въ отвратительныхъ предпріятіяхъ своихъ они иногда поднимаютъ знамя бурбоновъ, то это только по привычкѣ, а не по любви. Они обезчестили себя, когда не защищали этого знамени, а теперь безчестятъ его, ставя его эмблемою убійства и грабежа.

Такъ образовались неаполитанскіе разбойники, но къ нимъ присоединяются еще мошенники, бѣглые каторжники съ цѣлаго свѣта, посланники европейской реакціи; всѣ туда бѣгутъ, потомучто тамъ, гдѣ разыгрывается ихъ послѣдняя ставка. Для дополненія картины, мнѣ горестно, но я нахожусь въ необходимости упомянуть о лицѣ, о которомъ въ качествѣ католика и итальянца, мнѣ хотѣлось бы говорить лишь съ уваженіемъ; но умолчать я не могу, не долженъ: неаполитанскіе разбои составляютъ надежду европейской реакціи, а европейская реакція устроила главную цитадель свою въ Римѣ. Теперь, лишонный власти король неаполитанскій — ея боецъ, а Неаполь — его цѣль. Бывшій король живетъ въ Римѣ въ Квиринале, чеканитъ тамъ фальшивую монету и снабжаетъ ею неаполитанскихъ разбойниковъ. Копейки, собранныя у католиковъ со всей земли во имя святого Петра, идутъ на вербовку разбойниковъ со всей Европы. Въ Римѣ они записываются публично, получаютъ наставленія и благословенія, съ которыми, въ своемъ невѣжествѣ, весело идутъ на грабежъ и на убійства. Изъ Рима они получаютъ заряды и оружіе, сколько имъ нужно. На римско-неаполитанской границѣ у нихъ складочныя мѣста, и тамъ же они собираются, туда уходятъ и оттуда опять кидаются съ новыми силами за добычей.

Аресты и слѣдствія, произведенные въ послѣднее время французскими войсками, не оставляютъ въ этомъ случаѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Враждебное положеніе одной части духовенства и слова, произнесенныя имъ въ разныхъ торжественныхъ обстоятельствахъ; оружіе, порохъ, прокламаціи, открытыя въ нѣкоторыхъ монастыряхъ; священники, монахи, захваченные въ рядахъ разбойниковъ, наконецъ преступленія, — все показываетъ, откуда и во имя кого дѣлаются подстрекательства. И такъ какъ тутъ рѣчь идетъ не о защитѣ религіозныхъ интересовъ (а еслибъ они и были, то не такимъ

Digitized by Google

оружіемъ, не такими байдами и не такими средствами ихъ слѣдуетъ защищать), то ясно, что соумышленность и соучастіе римскаго двора съ неаполитанскими разбоями происходитъ отъ общности свѣтскихъ интересовъ, и что тамъ хлопочутъ о поддержаніи возстанія и безпорядковъ въ южныхъ провинціяхъ только для того, чтобы свѣтская власть папы не лишилась въ Италіи своей послѣдней поддержки. Мы надѣемся, что это будетъ новымъ и сильнымъ, по очевидности доказательствомъ того, что свѣтская власть отвергается не только неодолимою логикою національнаго единства, но что она уже стала несовмѣстна съ цивилизаціей и съ человѣколюбіемъ».

Далѣе, описавъ, какъ хорошо держитъ себя Неаполь и большинство народонаселенія бывшаго королевства, г. Риказоли прибавляетъ: «Мнѣ кажется, что изо всѣхъ этихъ фактовъ для васъ будетъ совершенно ясно, что неаполитанскіе разбои не имѣютъ политическаго характера; что ихъ питаетъ европейская реакція, основавшая свою главную квартиру въ Римѣ и тамъ поощряемая, во имя клерикальныхъ интересовъ, во имя свѣтской власти папы, злоупотребляя присутствіемъ и покровительствомъ французскихъ войскъ, поставленныхъ тамъ съ другою, болѣе высокою и болѣе духовною цѣлью. Цивилизація и человѣколюбивыя стремленія нынѣшняго вѣка не могутъ долѣе терпѣть, чтобы дѣло притѣсненій приготовлялось въ мѣстопребываніи и въ центрѣ католичества, не только съ снисхожденіемъ, но и съ поощреніемъ со стороны министровъ того, кто, на землѣ служитъ представителемъ Бога любви и мира. Религіозная совѣсть возмущается злоупотребленіемъ священныхъ предметовъ для цѣлей чисто свѣтскихъ; робкія души приведены въ смущеніе при видѣ возрастающаго разлада между ученіемъ евангельскимъ и дѣйствіями того, кто долженъ бы быть толкователемъ и учителемъ евангелія».

При сообщеніи этого циркуляра, г. Тувенель сообщилъ итальянскому посланнику, что тонъ циркуляра г. Риказоли не можетъ доставить особеннаго удовольствія тюльерійскому двору, который впрочемъ имѣетъ весьма вѣрныя донесенія о дѣлахъ Италіи отъ своихъ тамошнихъ агентовъ.

«Times» по поводу циркуляра замѣчаетъ, что противъ такихъ затрудненій средство одно: чтобы соединенная Италія вошла въ Римъ и разогнала тамошнее разбойничье гнѣздо. Это было бы всего проще; Чіальдини могъ бы это сдѣлать въ недѣлю, а черезъ мѣсяцъ послѣ того Италія заняла бы свое мѣсто между правильно организованными государствами. Но имѣется препятствіе. Императоръ французовъ говоритъ, что итальянцы не сдѣлаютъ этого. Кто же виноватъ во всей этой пролитой крови, въ смутахъ, въ отсутствіи

Digitized by Google

безопасности на всемъ пространствѣ этой богатой и прекрасной страны? Надобно ли говорить, что виноватъ не кто иной, какъ императоръ французовъ? Этотъ врагъ итальянской свободы отрицаетъ теперь у Италіи, имъ самимъ созданной, право свободно дышать. Это не можетъ долго продолжаться. «Daily News» говоритъ, что эта депеша есть могучее, полное и ясное изложеніе существующихъ затрудненій. «Morning Chronicle» находитъ, что депеша составлена искусно; ясность ея заслужила бы одобреніе Макіавеля, а отъ сильныхъ порицаній папы затрепетало бы радостью сердце Лютера. «Globe» находитъ, что депеша полная и искусная; «Daily Télégraph» — что депеша искусная и ясная. Клерикальныя газеты, напротивъ, съ пѣною у рта, предаютъ проклятію перваго министра и все его министерство; онѣ находятъ, что эта депеша — гнусная ложь, подлая клевета, наглый обманъ. Кардиналъ Антонелли протестовалъ противъ депеши г. Ракасоли дипломатическою нотой, въ которой утверждаетъ, что папское правительство наблюдало строжайшій нейтралитетъ въ отправленіи бурбонистскихъ шаекъ. Протестовалъ также и министръ бывшаго неаполитанскаго короля, г. дель-Ре. Онъ утверждаетъ, что возстаніе имѣетъ чисто политическій характеръ, что народъ только по ошибкѣ въ прошедшемъ году примкнулъ къ Гарибальди и возсталъ противъ своего законнаго короля, а что на дѣлѣ онъ обожаетъ своего любимаго монарха. Сильнѣйшимъ доводомъ г. дель-Ре служитъ то обстоятельство, что «инсургенты вездѣ ходятъ подъ королевскимъ знаменемъ, съ военною дисциплиной, что они нападаютъ и защищаются въ военномъ порядкѣ, и что въ городахъ, которые они занимаютъ, первою заботою ихъ бываетъ — разбить савойскій гербъ, вмѣстѣ съ портретомъ Виктора-Эммануила и Гарибальди, и замѣтить ихъ изображеніемъ законнаго своего государя».

Но кто бы что ни говорилъ о циркулярѣ г. Ракасоли, нельзя не сознаться, что это явленіе весьма знаменательное. Въ циркулярѣ нѣтъ ничего новаго; всѣ итальянцы и даже неитальянцы знали очень хорошо все что тамъ сказано, знали, какъ и кто разбойничаетъ, кто даетъ разбойникамъ деньги и наставленія. Все это извѣстно; новое же здѣсь то, что такого рода рѣчи являются не въ какомъ-нибудь презрѣнномъ красномъ журналѣ, котораго никто не читаетъ, или не въ устахъ какого-нибудь агитатора, держащаго рѣчь гдѣ-нибудь въ кабакѣ на проселочной дорогѣ, а въ официальной дипломатической нотѣ, которая читается открыто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ настоящимъ министромъ и докладывается потомъ его государю. Это явленіе тѣмъ важнѣе, что люди привыкли цѣнить вещи по ихъ обстановкѣ, и если два человѣка говорятъ

Digitized by Google

одно и тоже, слово въ слово, а изъ нихъ одинъ темный агитаторъ, а другой — признанный министръ великой державы, то уже и слушаютъ различно, и выходитъ какъ-будто не одно и тоже.

Люди, которые съ неодолимою храбростью сражаются противъ того, что дѣлалъ Кавуръ, въ этомъ вѣроятно отдадутъ ему справедливость; этимъ Италія обязана чисто ему, одному ему. Онъ съ изумительною ловкостью провелъ итальянскую революцію сначала въ видѣ пьемонтской конституціи въ Туринѣ, потомъ въ видѣ конгресса въ Парижѣ, потомъ въ видѣ Гарибальди въ Сицилію и въ Неаполь; ему обязана она, что теперь заявляетъ себя тонко въ иностранныхъ министерствахъ иностранныхъ дѣлъ, и только господа Тувенели находитъ, что тонъ ея депешъ несовсѣмъ благоприличенъ.

То, что по Римазоли называется разбоями, а по дель-Ре — бурбонистскимъ движеніемъ въ Неаполѣ, начинаетъ мало-помалу утихать, благодаря дѣятельности Чіальдини, его войскамъ и національной гвардіи. Новыя шайки безпрестанно входятъ въ бывшія неаполитанскія провинціи и высаживаются на ихъ берега; но зато внутри южныхъ провинцій разбои почти подавлены. Пишутъ, что тамъ переловлена шайка человѣкъ въ пятьдесятъ, здѣсь человѣкъ двѣсти взято въ плѣнъ; въ другомъ мѣстѣ разбойники не выдержали напора національной гвардіи и разбѣжались. Для удобнѣйшаго дѣйствія въ горахъ, итальянскимъ офицерамъ приходится дробить свои отряды на маленькія партіи, такъ что иной командуетъ тридцатью или пятьюдесятью отрядцами, окружаетъ ими лѣсъ или гору, и забираетъ любителей римскихъ денегъ и чужого добра. Даже клерикальныя газеты начинаютъ уже поговаривать, что злочестіе одерживаетъ верхъ, что порокъ торжествуетъ, что впрочемъ въ сей юдоли плача бываетъ нерѣдко. Онѣ все меньше и меньше разсказываютъ о подвигахъ преверженцевъ бѣлаго знамени и о подлой трусости защитниковъ единства Италіи, а больше начинаютъ возлагать надежды свои на Бога. Это съ ихъ стороны весьма хорошо; но крайней мѣрѣ прекрасныя южныя области отдохнутъ немного.

Несмотря на завыванье клерикальныхъ газетъ, Неаполь живетъ очень спокойно и весело. 7 сентября праздновалась годовщина вступленія въ Неаполь Гарибальди; 8 числа былъ праздникъ Piedigrotta. Это часовня, у подошвы Позилипова грота, посвященная Богоматери; 8 сентября, встарину, короли отправлялись на поклоненіе въ эту часовню. И нынѣче было, какъ прежде, большое торжество съ военнымъ смотромъ. И сошлось очень удачно три праздника: богомольные люди праздновали день Мадоны; роялисты — восшествіе на престолъ Карла III, родоначальника бурбон-

Digitized by Google

свой династіи въ Неаполѣ; патріоты — побѣду надъ австрійцами при Вилетри. Бѣднымъ было роздано 9000 дукатовъ. Но настоящій праздникъ начался собственно еще за два дня, и приготовленія къ 7 числу дѣлались самыя блестящія. Работники, женщины, дѣти, граждане наперерывъ покупали куски матеріи національныхъ итальянскихъ цвѣтовъ, чтобы дѣлать изъ нихъ флаги. Кажется, уже на всѣхъ окнахъ были флаги, а продажа все еще шла. Въ день вступленія Гарибальди было нѣсколько процессій. Прошли работники со знаменемъ; прошли дѣти, нѣкіе нарочно для этого сочиненный гимнъ; прошли сорентскіе инвалиды. Эти товарищи Гарибальди, которые ранами вынуждены къ бездѣйствію, были встрѣчены депутаціей отъ національной гвардіи. Они прошли по городу съ криками: да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ Гарибальди! да здравствуетъ Викторъ Эммануилъ! Также слышались крики: *въ Римъ*! но въ нихъ ничего не было особенно воинственнаго.

А въ Римѣ тоже былъ въ этотъ день праздникъ. Папа въ торжественной процессіи отправился въ церковь Santa Maria del Popolo, гдѣ присутствовалъ при богослуженіи. Смотрѣть на процессію стеклось безчисленное множество народу, который громкими криками требовалъ апостольскаго благословенія и оглашалъ воздухъ криками ура! называя папу и отцомъ и королемъ. «Народнымъ энтузіазмомъ сильно былъ тронутъ и папа, и толпа», прибавляетъ къ этому *Римская газета*. Другая газета, *Римскій наблюдатель* говоритъ: «Изо всѣхъ устъ слышался одинъ крикъ: не хотимъ другого государя, ты нашъ король! Всѣ были въ высшей степени взволнованы. Августѣйшій первосвященникъ безпрестанно поднималъ руку для благословенія народа, и тогда восклицанія раздавались еще восторженнѣе. Глаза папы увлажились, и толпа была точно такъ же тронута, какъ и онъ».

Наконецъ и во Флоренціи былъ праздникъ, но тамъ не церковный, а гражданскій, по случаю выставки итальянскихъ произведеній. Король въѣхалъ во Флоренцію 10 сентября и былъ встрѣченъ на выставкѣ рѣчью распорядителя ея, маркиза Ридольфи. Онъ говорилъ, что Италія была извлечена королемъ изъ ея древняго рабства и призвана къ занятію мѣста среди образованнѣйшихъ государствъ, а теперь по его же голосу собрала въ одно мѣсто произведенія земледѣлія, промышленности и искусствъ. Еслибы не было другихъ доказательствъ, то уже одно зрѣлище общеитальянской выставки могло бы служить блестящимъ доказательствомъ, что отъ вершинъ Альповъ до дальнихъ береговъ Сициліи есть уже теперь одинъ народъ, соединенный въ одну семью, гдѣ все общее: и силы, и богатства, и чувства».

Digitized by Google

Блестящая музыка, великолѣпные хоры, восторженные клики сбѣжавшейся толпы, все способствовало къ украшенію праздника. Говорятъ, что послѣ выставки король поѣдетъ въ Неаполь, и что къ тому времени разбои будутъ прекращены. Послѣ наказанія предводителей, всѣ остальные плѣнные, которыми теперь наполнены и переполнены тюрьмы, будутъ помилованы, и дѣла Италіи пойдутъ болѣе правильно. Затѣмъ однакоже ей много останется дѣла. Не говоря уже о томъ, что ей необходимо дополниться Римомъ и Венеціей, надо позаботиться о дорогахъ и промышленности, о торговлѣ, объ уменьшеніи пошлинъ, и т. д.

Турецкія дѣла

Первые шаги нынѣшняго султана по вступленіи его на престолъ возбудили всеобщій восторгъ туркофиловъ. Но теперь, когда Кибризли-паша палъ, а великимъ визиремъ сдѣлался Аали-паша, всѣ самообольщенія рушились. Государственная колесница вкатилась въ ту самую колею, по которой шла при покойномъ султанѣ, и всѣми умами овладѣла совершенная безнадежность. Добрая воля султана не ослабѣла; онъ попрежнему хочетъ добра, порядка, экономіи, виды его и чувства прекрасны; но его прекрасныя намѣренія разбиваются, какъ лодка о гранитныя скалы, — о страшную, плотную лигу чиновниковъ, привыкшихъ жить въ безпорядкѣ и бездѣйствіи. Эта лига и свергла визиря. Онъ хотѣлъ вести дѣло слишкомъ скоро, онъ хотѣлъ вдругъ очистить весь накопившійся соръ, и — не совладалъ съ нимъ. Напримѣръ онъ хотѣлъ сократить штаты привратниковъ. Этихъ людей, занимающихся поднманіемъ занавѣса въ дверяхъ, когда кто-нибудь проходитъ, состоитъ теперь по штату шестьсотъ человѣкъ; онъ хотѣлъ убавить ихъ до сорока, что тоже было бы числомъ еще слишкомъ большимъ. Остальные 560 всхлопотались: пошли въ дѣло сплетни, происки, доносы, поднялась и всплыла наружу всякая грязь... И это не одно уменьшеніе количества дармоѣдовъ, это только примѣръ, и всѣ недовольные вмѣстѣ свергли наконецъ Кибризли-пашу. Султанъ уменьшилъ издержки своего дома ровно въ три съ половиною раза противъ того, что было при его предмѣстникѣ, и несмотря на то, что онъ такимъ образомъ подвергъ себя нѣкоторымъ лишеніямъ, все еще денегъ нѣтъ, все еще денежные знаки не доходятъ до своей нормальной цѣны, и все спрашиваетъ, отчего же это? — Но у него нѣтъ опытности, онъ не понимаетъ, что сдѣлать преобразованія во добрѣ, это вовсе не то, что преобразовать государство.

Digitized by Google

Въ сравненіи съ другими государствами Европы, финансы Турціи еще не въ очень дурномъ состояніи. Считая піастръ по нынѣшнему нашему курсу въ 5'¼ копѣекъ, внутренній долгъ Турціи простирается до 105 мильоновъ рублей, а внѣшній долгъ не болѣе 96 мильоновъ, а всего 201 мильонъ рублей. При чистомъ доходѣ въ 79 мильоновъ, это долгъ ничтожный, особенно если принять во вниманіе, что здѣсь же заключается до 30 мильоновъ рублей текущаго долга. Проценты вмѣстѣ съ погашеніемъ потребуютъ въ годъ до 17 мильоновъ, а остальные 62 мильона останутся на государственныя нужды. При хорошемъ управленіи, при надлежащей бережливости, этой суммы совершено достаточно. Но въ такомъ случаѣ надо бы прекратить безполезную и разорительную войну, происходящую теперь въ Черногорьѣ и въ Герцеговинѣ.

Эта послѣдняя страна заключаетъ въ себѣ до 650,000 жителей; большая часть изъ нихъ принадлежитъ къ греческой церкви, и не болѣе 25,000 мусульманъ. Земля почти вся находится въ рукахъ правовѣрныхъ. Въ тамошней гористой странѣ для земледѣлія имѣютъ значеніе только долины; всѣ онѣ заняты мусульманами. Виноградники, шелковичныя плантаціи и всѣ тѣ промыслы, которые требуютъ сколько-нибудь европейскихъ свѣдѣній, находятся въ рукахъ христіанъ. Но ихъ *пользованіе*, несмотря на гатти-гумаюнъ, никакъ не можетъ перейти въ *собственность*. Торговля въ Герцеговинѣ самая ничтожная: черезъ Далмацію ввозятся кое-какіе товары, съ которыхъ Австрія беретъ невѣроятныя пошлины; вывозятся только овцы, на славонскія границы. Герцеговинское возстаніе 1853 года было удачно подавлено Омеромъ-пашой, но броженіе бывшаго возстанія осталось. Тогда много имѣній было конфисковано, и христіанскіе предводители, возставшіе вмѣстѣ съ мусульманами противъ всевозможныхъ неправдъ правителей, были казнены, изгнаны, заточены или успѣли скрыться. Впослѣдствіи султанъ разрѣшилъ многимъ изъ магометанъ возвратиться, но зародыши возстанія далеко не были искоренены. При Исакъ-пашѣ, бывшемъ гражданскимъ губернаторомъ Герцеговины, непокорность страны опять готова была проявиться открыто, и борьба готовилась. Въ 1857 году *муширомъ*, или военнымъ губернаторомъ назначенъ былъ Измаилъ-паша, а *сарефомъ*, или губернаторомъ гражданскимъ — Вассифъ-паша, извѣстный тѣмъ, что одно время былъ въ изгнаніи за взятки въ діарбекирскомъ пашалыкѣ. Всемилостивѣйше прощенный, онъ былъ опредѣленъ губернаторомъ въ Герцеговину, и конечно продолжалъ здѣсь вести дѣла на тѣхъ же началахъ какъ въ Діарбекирѣ. Уѣздные начальники при немъ требовали съ управляемыхъ такіе налоги, о какихъ прежде не смѣли и думать. *Закіи* или

Digitized by Google

жандармы силою врывались въ дома и не уходили безъ полученія денегъ. Многія церкви были закрыты, нѣкоторыя даже были разрушены. Наконецъ народъ не выдержалъ, и юговосточные уѣзды провинціи возстали открыто. Три нахіи или уѣзда объявили себя подданными черногорскаго князя Данінла, и до сихъ поръ эти три уѣзда, Либреникъ, Пира и Дробнякъ, составляютъ яблоко раздора между турками и черногорцами. Въ восточной части, тамъ, гдѣ Зла-гора, отъ самой Требинья до Никсика, возстаніе сдѣлалось хроническимъ. Съ 1857 года каждую осень и каждую весну начинаются военныя дѣйствія. Зимою горы покрыты глубокимъ снѣгомъ, а лѣтомъ всѣ рѣчки, ручьи и колодцы пересыхаютъ почти до послѣдней капли, такъ что большому количеству людей существовать нельзя. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, почему турки до сихъ поръ не подавили тамошняго возстанія. Съ іюня мѣсяца Омеръ-паша собираетъ силы для того, чтобы привести страну въ порядокъ. Омеръ-паша окружилъ непокорную страну со всѣхъ сторонъ низамомъ въ 25000, и отрядомъ башибузуковъ въ 11000 человѣкъ. Низамъ, или регулярное войско, не получало жалованья за послѣдніе семнадцать мѣсяцевъ, но башибузуки получили все сполна, и постоянно получаютъ. Въ случаѣ же, еслибы имъ хоть что-нибудь не было доплачено, они только того и смотрятъ, какъ бы разбрестись или даже передаться непріятелямъ. Мало-помалу подходятъ къ Омеру-пашѣ еще башибузуки изъ албанцевъ, арнаутовъ, изъ Янины. Каждый изъ этихъ головорѣзовъ получаетъ въ мѣсяцъ по 150 піастровъ или по 7 р. 87 коп. Не говоря уже о томъ, что это для нихъ большія деньги, они чувствуютъ къ Черногорью какую-то глубокую, историческую ненависть, и каждый изъ нихъ съ наслажденіемъ рискнетъ своею жизнью, только чтобы отрѣзать носъ и уши черногорцу.

Такимъ образомъ все готово и военныя дѣйствія начались. Международная комиссія, состоящая изъ консуловъ великихъ державъ, намѣревалась помирить враждующія стороны. Совершенно было приготовлено свиданіе между Омеромъ-пашой и черногорскимъ владыкой Николаемъ; но въ назначенный день владыка прислалъ сказать, что онъ не пріѣдетъ, потомучто у него сдѣлалась лихорадка. Послѣ этой неудачи, комиссія пригласила къ себѣ Луку Вукаловича, предводителя возставшихъ жителей Герцеговины; но онъ объявилъ, что его христіане ровно ничего не хотятъ слышать о договорахъ и не имѣютъ ни малѣйшаго довѣрія къ обѣщаніямъ турокъ. Тѣмъ и кончилось. Объ этомъ печальномъ результатѣ дѣятельства комиссіи донесено было въ Константинополь; посланника приказали консуламъ прекратить переговоры, а султанъ приказалъ

Digitized by Google

Омеру-пашѣ начать военныя дѣйствія. Тотчасъ же турецкій главнокомандующій приступилъ къ приведенію непокорныхъ въ порядокъ, и началъ съ того, что зажогъ лѣса по всей сѣверной черногорской границѣ, начиная отъ Петрова до Слана, близъ Рагузы. Для успѣшнѣйшаго водворенія спокойствія между заблуждающимися черногорцами и герцеговинцами, для ихъ же собственнаго блага, Австрія разрѣшила турецкимъ войскамъ проходить къ театру военныхъ дѣйствій черезъ австрійскія земли. Въ Черногоріи всѣ военныя силы, то-есть всѣ мужчины отъ пятнадцати до шестидесяти лѣтъ, отправились къ своей сѣверной границѣ подъ главнымъ предводительствомъ Петра Степановича Буковича. Владыка Николай съ колоновожатыми отправился туда же. Все населеніе вооружено; красное знамя съ бѣлымъ крестомъ развѣвается передъ домомъ владыки. Съ юга тоже дѣйствуютъ. Тамъ командуетъ Абди-паша; онъ расчитывалъ какъ-то на дняхъ истребить жителей Вранины, напалъ уже на нихъ, но тамошніе сербы убили тридцать человѣкъ турокъ, девятерыхъ взяли въ плѣнъ, и отбились.

Однакоже это ничего не значитъ, и частные успѣхи не отвратятъ отъ христіанъ висящей надъ ними бѣды. Порядокъ конечно восторжествуетъ, еслибы даже пришлось для порядка истребить черногорцевъ вмѣстѣ съ непокорною частью герцеговинцевъ. И тогда Вассифъ-паша будетъ продолжать свои упражненія касательно пытокъ, обиранья у отцовъ дочерей, разрушенія церквей и т. д., и будетъ все въ порядкѣ.

Американскія дѣла

Какъ только вашингтонское правительство, созданное великимъ основателемъ Соединенныхъ Республикъ для мира, для спокойнаго и нормальнаго развитія, вступило на путь насильственныхъ мѣръ, такъ и пошли насилія. Понадобились деньги, для сбора которыхъ оказалось нужнымъ постановить налоги, которыхъ прежде не было. До сихъ поръ доходъ не былъ обложенъ никакимъ налогомъ, а теперь постановлено сбирать три процента со всякаго дохода, превосходящаго тысячу рублей, получается ли доходъ съ недвижимой собственности, или съ промышленаго предпріятія, или съ торговыхъ оборотовъ, или если даже онъ весь состоитъ изъ жалованья или задѣльной платы. Сдѣлано и другое насиліе: всякій человѣкъ, имѣющій въ Соединенныхъ Штатахъ нѣкоторый доходъ, но живущій за границей, платитъ 2%. Штаты, въ которыхъ теперь, по случаю военныхъ обстоятельствъ, сборъ этотъ производимъ быть не

Digitized by Google

можетъ, будутъ считаться должниками въ той суммѣ, какая на нихъ долю приходится, съ платою съ этой суммы по пяти процентовъ въ годъ. Увеличены также таможенныя пошлины, введены бумажныя деньги и — чего до сихъ поръ не бывало — казначейство производитъ уплаты не золотомъ, а шестипроцентными билетами, выдавая при этомъ золотомъ только небольшую долю всей суммы. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого было то, что казначейскіе билеты нѣсколько упали въ цѣнѣ и ходятъ теперь на нью-іоркской биржѣ четырьмя процентами дешевле своей номинальной цѣны. Это обстоятельство всегда ведетъ правительство къ дальнѣйшему выпуску бумажекъ уже не во сто долларовъ, а въ пятьдесятъ, въ двадцать пять въ десять. Добромъ такія вещи не кончаются, и легкость, съ какою выпускаются бумажки, потомъ жестоко отзывается на денежныхъ курсахъ, а стало-быть и на всѣхъ дѣлахъ.

Въ половинѣ августа палата представителей приняла большинствомъ 60 голосовъ противъ 48 законъ о конфискаціи всей собственности инсургентовъ. По этому случаю прочитано было письмо генерала Бутлера, который спрашиваетъ, что ему дѣлать съ невольниками, которые къ нему перебѣгутъ или будутъ захвачены въ непріятельскомъ лагерѣ. Здоровые и годные въ работу невольники есть нѣчто въ родѣ военной контрабанды, стало-быть ихъ слѣдовало бы задерживать; но какъ же быть съ женщинами, съ дѣтьми, со стариками? При очищеніи Гамптона перешло подъ покровительство гарнизона форта Монро не менѣе 900 невольниковъ. Въ этомъ числѣ было не болѣе 300 человѣкъ рабочихъ, а остальные — дѣти, женщины, старики. Такъ если, по законамъ Соединенныхъ Штатовъ невольники составляютъ признанную, законную собственность своихъ господъ, то передавшись въ плѣнъ, остаются ли они вещами или становятся существами свободными? Если они принадлежали своимъ господамъ, то достались войску въ видѣ добычи; но войско такой добычи не хочетъ и бросаетъ ее: поэтому невольники становятся ничьею собственностью, то-есть свободными.

Вашингтонскій кабинетъ принялъ это толкованіе. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его оказывается то обстоятельство, что послѣ войны, если сѣверные штаты одержатъ верхъ, дѣла не могутъ остаться въ прежнемъ положеніи, то-есть невольничество южныхъ штатовъ уже не можетъ быть гарантировано, какъ право, соединеннымъ правительствомъ: а то пришлось бы возвращать прежнимъ владѣльцамъ нынѣшнихъ бѣглыхъ невольниковъ послѣ того уже, какъ они воспользуются полною свободой во все время войны. Къ счастью, законъ о конфискаціи имущества инсургентовъ разрѣшаетъ этотъ во-

Digitized by Google

прессу вполнѣ удовлетворительно, и невольничество послѣ войны уже не будетъ существовать, если побѣда останется за сѣверомъ.

Но едва ли это будетъ такъ. Послѣ двухъ большихъ пораженій, волонтеры, составляющіе сѣверное войско, остаются на службѣ очень неохотно. Начались побѣги, такъ что въ иной день сѣверное войско убавлялось на нѣсколько сотъ человѣкъ. Противъ этого приняты мѣры; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стрѣляли уже въ солдатъ, собиравшихся уйти, и порядокъ возстановляется; но это плохой порядокъ, и солдаты, которыхъ удерживаютъ подъ знаменами посредствомъ выстрѣловъ, будутъ очень плохо драться, когда придетъ пора. Президентъ южныхъ отдѣлившихся штатовъ уже дѣлалъ г. Линкольну предложеніе кончить дѣло переговорами, во избѣжаніе дальнѣйшихъ кровопролитій. Но такое предложеніе разумѣется принято не будетъ, потомучто г. Джефферсонъ Девисъ требуетъ признанія независимости южныхъ штатовъ и полной ихъ самостоятельности. Теперь уже г. Линкольнъ согласиться на это не можетъ, потомучто разлутый имъ огонекъ принялъ размѣры неодолимаго пожара. Воинственный энтузіазмъ въ тѣхъ людяхъ, которые сами лично не участвуютъ въ войнѣ, доходитъ теперь до высочайшей степени. Въ Нью-Іоркѣ теперь нельзя ни слова сказать противъ войны, чтобы не подвергнуться большимъ непріятностямъ. Народъ ломаетъ прессы тѣхъ газетъ, которыя подозрѣваются въ сочувствіи къ мирному окончанію нынѣшнихъ затрудненій. Капиталисты охотно даютъ свои деньги, и въ августѣ правительство очень легко нашло 130 милліоновъ по 7%. Говорятъ, что по окончаніи войны бумаги этого займа будутъ выгодно продаваться на европейскихъ биржахъ. Въ августѣ же соединенные банки Нью-Іорка, Бостона и Филадельфіи назначили правительству въ пособіе на продолженіе войны 50 милліоновъ долларовъ; но передъ закрытіемъ засѣданія комитетъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе: «Комитетъ принимаетъ на себя великую отвѣтственность, давая средства для поддержанія правительства; и потому онъ считаетъ своею обязанностью почтительнѣйше выразить президенту Соединенныхъ Штатовъ довѣріе свое къ правительству, которое конечно, не принимая во вниманіе никакихъ партій или лицъ, будетъ направлять дѣла по каждому изъ департаментовъ своихъ со всею силою, честностью, бережливостью и дѣятельностью, какія необходимы для успѣшнаго окончанія войны». Копія съ этого постановленія, подписанная президентомъ и секретаремъ комитета, была послана г. Линкольну.

Невозможно деликатнѣе этого высказать, что въ администраціи многое надо передѣлать, и что если вы не можете управлять веденіемъ войны съ большею силой, съ большею бережливостью и дѣя-

Digitized by Google

ствительностью, то мы впередъ не можемъ принять на себя отвѣтственности снабжать васъ капиталами. Такимъ образомъ, имѣя славное оружіе, деньги, сѣверные штаты поведутъ войну съ обычною энергіей своего племени. Близкіе наблюдатели говорятъ даже, что въ сѣверо-американцахъ заключается именно французская живость съ упорною настойчивостью англичанъ. Для войны на сторонѣ южныхъ штатовъ есть важное преимущество, именно дисциплина, которой въ сѣверномъ войскѣ очень мало. И на югѣ дисциплина почти составляетъ привычку: тамъ далеко нѣтъ того равенства, какое замѣчается на сѣверѣ; общественныя положенія людей на югѣ строже разграничены по степенямъ, и тоже самое оказалось въ войскѣ. Тамъ ротный командиръ непремѣнно знатнѣе, и богаче, и больше имѣетъ значенія въ своемъ краю, нежели простой прапорщикъ его отряда. На сѣверѣ же этого нѣтъ; тамъ иной солдатъ гораздо богаче своего полковника, и потому до нѣкоторой степени чувствуетъ себя такимъ же точно человѣкомъ, какъ самъ командиръ. Мы пока не говоримъ о степени нравственности этого явленія на югѣ; мы указываемъ только на дрессировку людей въ общественномъ быту какъ на явленіе весьма выгодное для военной дисциплины. — Съ другой стороны, у сѣвера есть преимущество, какого не имѣетъ югъ. Онъ можетъ объявить (что и сдѣлано уже генераломъ Фремономъ въ штатѣ Миссури), что если гражданинъ возстаетъ противъ союзныхъ войскъ и захваченъ будетъ съ оружіемъ въ рукахъ, то онъ будетъ судимъ военнымъ судомъ, и если окажется виновнымъ, то разстрѣлянъ, и сверхъ того, его недвижимая и движимая собственность конфискуются въ пользу государства, а невольники объявляются свободными. Противъ такой ужасающей прокламаціи южнымъ штатамъ гораздо труднѣе устоять, чѣмъ противъ пушки-револьвера и парового ружья. Какъ скрыть ее отъ невольниковъ? Непремѣнно проникнетъ она въ самыя отдаленныя отъ театра войны захолустья и развратитъ невольниковъ неисправимымъ образомъ. Въ 1856 году этотъ Фремонъ былъ кандидатомъ въ президенты республики; тогда все цвѣтное населеніе было увѣрено, что вслѣдъ за его выборомъ всѣ невольники освободятся. Теперь этотъ же самый человѣкъ наноситъ первый ударъ невольничеству. Понятно, что всѣ рабы тотчасъ развратятся сладостною надеждою на лучшую долю, на свободу, на право считаться людьми.

Общее положеніе. Послѣднія извѣстія

Кромѣ войны въ Соединенныхъ Штатахъ, въ южныхъ областяхъ Италіи, въ сѣверозападной части Турціи, въ центральныхъ

Digitized by Google

областяхъ Китая, въ Мексикѣ, въ Аргентинской республикѣ, въ Кохинхинѣ, кромѣ хронической охоты за невольниками въ прибрежныхъ частяхъ центральной Африки, кромѣ голодныхъ смертей англійскихъ фабричныхъ съ семействами и кромѣ каторжной работы ирландскихъ и нѣкоторыхъ другихъ рабочихъ, приговоренныхъ общественнымъ устройствомъ, все обстоитъ на земномъ шарѣ почти благополучно. Только въ Англіи экономисты, а за ними и филантропы сильно озабочены положеніемъ хлопчато-бумажныхъ дѣлъ. Начинаетъ чувствоваться недостатокъ въ хлопчатой бумагѣ: порты отложившихся штатовъ блокированы союзными кораблями; г. Джефферсонъ Девисъ сверхъ того запретилъ вывозъ хлопка; на складахъ въ Англіи не болѣе 800.000 кипъ этого матеріала, питающаго бумагопрядильни и ткацкія фабрики, и въ нихъ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочаго народа. Индѣйскій хлопокъ тоже есть, но въ незначительномъ количествѣ и довольно низкаго качества, такъ что онъ не годится для товаровъ высокаго достоинства. Наступитъ скоро для этихъ десяти тысячъ работниковъ и для ихъ семействъ время воздержанія отъ работы, а стало-быть и отъ пищи; наступитъ голодъ. Англичане привыкли видѣть въ своихъ статистическихъ таблицахъ графу, въ которой обозначено число людей, умершихъ въ такъ называемомъ благоустроенномъ государствѣ съ голоду; но дѣло идетъ къ тому, что цифры этой графы грозятъ выйти изъ своей нормы, и экономисты съ филантропами начинаютъ совѣщаться о сокращеніи неумолимой цифры. Къ счастью для государства, для его спокойствія, порядка и благосостоянія, другіе классы общества, не прядильщики, не-ткачи и не-филантропы не очень озабочены предстоящей бѣдой. Извѣстно изъ биржевыхъ газетъ, сколько гдѣ хлопка на складѣ: извѣстно также, сколько его надо, чтобы существующее число фабрикъ было занято впродолженіе зимы, сколько на нихъ занято рабочихъ; стало-быть легко сосчитать, сколько именно человѣкъ рабочихъ приговорены къ голодной смерти и съ котораго дня они начнутъ умирать. Даже приблизительно вѣрно можно опредѣлить, по скольку человѣкъ въ день будетъ умирать, принявъ въ соображеніе живучесть человѣка и замѣчательную способность его питаться нѣкоторое время старыми сапожными голенищами и ремешками. Но къ несчастью для спокойствія страны, объ этомъ не хлопочутъ понапрасну тѣ, до кого это не касается. Епископъ Рипонскій напримѣръ недавно употребилъ 62.000 рублей на пристройку къ епископскому дому, изъ денегъ прихожанъ; кромѣ того, ему надо было прибавить четыре стойла къ своей конюшнѣ; да еще 2500 рублей было возвращено ему за обои, которыми онъ на свой счетъ заново оклеилъ епископское

Digitized by Google

жилище; да сверхъ того назначено на устройство цистерны при домѣ 1662 рубля, а всего на епископскій домъ 66.162 рубля. Для той же цѣли епископу глочестерскому изъ церковныхъ суммъ выдано 150.000 рублей. Но не останавливаясь на этихъ двухъ епископахъ, надо отдать честь и другимъ, которые точно также занимались улучшеніями своихъ жилищъ и увеличеніемъ пріятностей своего быта. Стало-быть можно надѣяться, что наступающее время голода для рабочихъ не смутитъ, не потрясетъ установившагося порядка вещей. Попрежнему лорды и члены палаты будутъ говорить послѣ сытныхъ обѣдовъ пышныя рѣчи, стараясь въ нихъ гнуть факты каждый въ свою сторону или въ сторону своей партіи, какъ недавно говорилъ знаменитый г. Робукъ на банкетѣ въ Шеффильдѣ. Такъ какъ у этого господина есть дѣла въ Австріи, именно онъ тамъ устроилъ пароходную компанію, то и говорилъ онъ въ особенности объ Австріи, восхвалялъ министровъ, зная очень хорошо, что общественное мнѣніе о большей и меньшей прочности извѣстнаго правительства имѣетъ значительное вліяніе на курсы той страны. Онъ находилъ, что нынѣшнее устройство Австріи очень похоже на англійское устройство, и что нѣтъ на свѣтѣ страны болѣе Австріи похожей на Англію. Въ сущности это довольно справедливо. Но затѣмъ онъ порицалъ Венгрію за то, что она отстаиваетъ свои вѣковые права, и тѣмъ препятствуетъ образованію въ центрѣ Европы большого и могущественнаго государства; а послѣ, говоря о борьбѣ, происходящей въ Соединенныхъ Штатахъ, выражалъ сочувствіе къ невольникамъ и увѣрялъ, что ежели торговые интересы Англіи на югѣ, то тѣмъ не менѣе пламенныя желанія ея — за угнетенныхъ. Но чтобы не останавливаться на этихъ противорѣчіяхъ, вспомнимъ, что не надо искать большой послѣдовательности въ рѣчахъ, которыя говорятся на банкетахъ.

Кстати объ угнетенныхъ: нельзя не вспомнить любопытнаго спора, происходившаго 29 августа въ баварской палатѣ депутатовъ по поводу угнетенной промышленности. Шла рѣчь объ отмѣнѣ цеховъ, которые теперь ровно ни къ чему не служатъ, кромѣ стѣсненія труда. Вопросъ этотъ уже рѣшенъ почти во всей Германіи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старина держится еще очень упорно. И баварская палата *въ принципѣ* допускаетъ пользу свободы промышленности, признаетъ безполезность цеховъ, но на практикѣ — нѣтъ, какъ можно такъ вдругъ! Все были цеха, а вдругъ ихъ не будетъ! Такъ-то такъ, цеха безполезны, даже допустимъ, что вредны, да все же — не оставить ли пока такъ, какъ есть, «а то на первыхъ порахъ какъ бы не потерпѣть убытки»? — И цеха оставлены, свобода промышленности отложена на неопредѣленное время, бла-

Digitized by Google

министромъ 69 голосовъ противъ 61. Какъ не вспомнить нашу помѣщицу Коробочку?

Признаніе полезности, даже необходимости извѣстной мѣры и въ тоже время ея откладываніе, какъ говорится, въ долгій ящикъ — случается довольно часто и всегда найдутся любители отсрочекъ и проволочекъ. Такъ въ вѣнскомъ парламентѣ были въ прошломъ мѣсяцѣ большіе толки объ общинахъ. Зашла рѣчь о томъ, должны ли крупныя собственники быть членами своихъ сельскихъ общинъ, или они должны быть отчислены куда-нибудь особо? Земли ихъ будутъ ли составлять часть общинъ, относительно налоговъ и повинностей, или будутъ обложены особо, такъ что общинамъ до нихъ не будетъ дѣла? Не говоря уже о томъ, что *крупная собственность* есть понятіе относительное и весьма неясное, эти господа забыли, что передъ лицомъ закона, въ образованномъ государствѣ, всѣ равны, что крупнѣйшая въ мірѣ собственность все-таки лежитъ на землѣ, а не на облакахъ, и наконецъ, что крупный собственникъ тоже имѣетъ сосѣдей, съ которыми у него множество общихъ интересовъ, много встрѣчъ, и могутъ быть недоразумѣнія, которыя должны же быть гдѣ-нибудь разрѣшаемы, и нигдѣ иначе, какъ въ своей же общинѣ. Говорили-говорили, и рѣшили полумѣрой. Постановлено, что «провинціальные сеймы опредѣлятъ, должна ли, и если да, то въ какихъ условіяхъ должна крупная поземельная собственность разсматриваться отдѣльно отъ общины». Замѣчательно, что министры подавали голоса *противъ* этого постановленія, также какъ русины и большая часть нѣмцевъ; а аристократическій центръ, поляки и чехи — *за* постановленіе. Принято оно большинствомъ 88 голосовъ противъ 75.

Въ послѣднее время были слухи, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ приглашалъ Гарибальди принять начальство надъ союзнымъ войскомъ для приведенія въ порядокъ невольничьихъ штатовъ. Говорятъ, будто знаменитый патріотъ отвѣчалъ, что въ Европѣ еще не все кончено, еще слишкомъ много дѣла. Другія газеты увѣряютъ, будто онъ свой отказъ объяснилъ тѣмъ, что Римъ и Венеція еще не освобождены, и потому онъ не можетъ оставить Европу. Вѣроятно, это пустой слухъ, и г. Линкольнъ не рѣшился бы предложить Гарибальди начальство: это значило бы — слишкомъ горько обидѣть своихъ генераловъ.

Неаполитанскіе работники, которые любятъ Гарибальди, какъ своего избавителя и благодѣтеля, недавно сдѣлали складчину и отправили на ос. Капреру корабликъ, нагруженный съѣстными припасами, макаронами, мукой и даже каменнымъ углемъ. Знаменитый пустынникъ очень небогатъ, и такъ какъ нигдѣ и *никому* теперь не

Digitized by Google

служитъ, то и не заработываетъ себѣ на хлѣбъ. Приношеніе неаполитанцевъ будетъ для него очень кстати. Отъ короля нельзя ему принять денежной награды, а община, которой онъ сослужилъ большую, неоцѣненную службу, естественнымъ образомъ должна его кормить. Съ этимъ хлѣбомъ-солью отправилась и депутація.

Печально-знаменитый студентъ Беккеръ, совершившій покушеніе на жизнь прусскаго короля, судомъ приговоренъ къ каторжной работѣ на двадцать лѣтъ, и потомъ — къ изгнанію. Крейц-дейтунгъ удивляется кротости приговора и говоритъ, что гораздо бы лучше такого отъявленнаго злодѣя повѣсить.

Другой сумасшедшій недавно покушался точно также на жизнь королевы греческой, въ то время, когда ея величество была на дворцовой площади. Къ счастью, выстрѣлъ былъ неудаченъ и пуля пролетѣла мимо. Разумѣется, столь великое злодѣяніе вызвало единодушный взрывъ всеобщаго негодованія. Преступникъ арестованъ и наряжено строжайшее слѣдствіе.

Еще печально-знаменитый, Миресъ, окончательно провалился во второй инстанціи, по своей апелляціи. Второй судъ подтвердилъ, что Миресъ виноватъ въ мошенничествѣ, и за нимъ остались наказанія, къ которымъ онъ приговоренъ въ первой инстанціи.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Наклонность дѣлъ къ войнѣ. — Причины этой наклонности.

Французскія дѣла. — Посѣщеніе Франціи королями прусскимъ и голландскимъ. — Приведеніе въ порядокъ благотворительныхъ обществъ. — Общество мошенничества.

Англійскія дѣла. — Мнѣнія газетъ объ императорско-королевскихъ свиданіяхъ.

Послѣднія извѣстія.

Общее положеніе

Положеніе дѣлъ въ Европѣ приближается къ идеальному совершенству. Европа ликуетъ, торжествуетъ, иллюминуется, говоритъ пышно-торжественныя рѣчи, съ благоразумнымъ хладнокровіемъ обсуживаетъ готовящіяся событія, съ довѣріемъ смотритъ впередъ и твердыми шагами идетъ по пути преуспѣянія къ славѣ, спокойствію, счастію, благоденствію и богатству вѣрноподданныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, націи богатѣютъ, капиталы ростутъ, богатства увеличиваются, промышленность дѣлаетъ чудесные успѣхи, торговля бросаетъ цѣлые грузы товаровъ съ одного конца свѣта на другой, а машины обѣщаютъ взять на себя весь трудъ человѣка, предоставляя затѣмъ человѣчеству читать романы, изучать Гегеля и наблюдать затмѣніе спутниковъ Юпитера. Вмѣстѣ съ общимъ благополучіемъ увеличиваются также общественные и частные долги; но политическая экономія увѣряетъ, что это ничего, даже что это очень хорошо, ибо чѣмъ нація богаче, тѣмъ болѣе у нея долговъ, а это означаетъ, что нація пользуется кредитомъ. Увеличивается въ тоже время, въ густонаселенныхъ странахъ, количество голодныхъ смертей; но политическая экономія говоритъ, что это ничего, что это показываетъ только перевѣсъ предложенія труда передъ спросомъ, а законъ, открытый *наукою*, гласитъ то-то; при этомъ законѣ приводится съ спокойствіемъ дьяка, въ приказахъ посѣдѣлаго. Торго-

Digitized by Google

вля находится въ тоже время подъ постоянною грозою кризиса, или терпитъ кризисъ хронический; но политическая экономія говоритъ, что это ничего, что это очень естественно, такъ какъ торговля находится подъ вѣчнымъ страхомъ войны, вслѣдствіе преувеличенныхъ вооруженій густонаселенныхъ государствъ. Такъ докторъ, къ которому пришолъ за совѣтомъ майоръ Ковалевъ — какъ ему быть съ пропавшимъ посомъ, говорилъ ему: «нѣтъ, нельзя; ужь лучше такъ оставайтесь, потомучто можно сдѣлать еще хуже». Впрочемъ политическая экономія говоритъ (а человѣчество должно вѣрить, когда говоритъ *наука*), что всѣ эти мелкія неудобства пройдутъ, что чрезмѣрныя вооруженія прекратятся, люди перестанутъ умирать голодною смертью, настанетъ на землѣ вѣчный миръ, торговля будетъ приносить еще большіе барыши, промышленность еще быстрѣйшіе будетъ дѣлать успѣхи, долги будутъ погашаться и ликованіе благоденствующаго человѣчества не будетъ омрачено малѣйшею тѣнью какого бы то ни было неудовольствія. Все это произойдетъ тогда, когда люди будутъ знать политическую экономію и слушаться ея мудрыхъ наставленій.

Но безъ сомнѣнія наука говоритъ правду, что все это ничего, потомучто и теперь Европа ликуетъ, и празднества смѣняются празднествами. Давно ожиданное и всестороннимъ образомъ обсужденное газетами свиданіе короля прусскаго съ императоромъ французовъ совершилось. Охота, обѣды, катанья, торжественные спектакли, смотры войскъ — все тутъ было. Потомъ въ Кенигсбергѣ совершилось священнѣйшее коронованіе короля прусскаго. Представитель императора французовъ при торжествѣ коронаціи, графъ де Морни, получилъ въ свое распоряженіе полтора милліона франковъ, чтобы ослѣпить своими пиршествами и балами, а французскіе работники, сидя за своей работой, или сгибаясь надъ плугомъ, будутъ радоваться, что такимъ образомъ и ихъ, копѣйка не щербата. Надо замѣтить, что полтора милліона франковъ, это только издали кажется крупною цифрой, а съ тридцати восьми милліоновъ французовъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, это приходится всего только по $25^1/_2$ сантимовъ съ души, или съ семейства въ четыре человѣка — мужъ, жена и двое дѣтей — какой-нибудь франкъ. — Между тѣмъ, императора французовъ посѣтилъ еще король голландскій, и торжества его встрѣчи и проводовъ тоже отличались изяществомъ и великолѣпіемъ. — Король итальянскій совершилъ небольшую поѣздку по сѣвернымъ своимъ провинціямъ, и вездѣ былъ встрѣчаемъ неподдѣльнымъ восторгомъ своихъ вѣрноподданныхъ. Даже совершаемыя теперь приготовленія къ войнѣ, именно къ походу въ Мексику для истребованія съ правительства разныхъ долговъ, имѣютъ ха-

рактеръ торжественнаго спокойствія, и война будетъ скорѣе походить на увеселительную прогулку шеститысячнаго корпуса, чѣмъ на настоящую войну. Къ довершенію картины, война будетъ имѣть какой-то странный оттѣнокъ совершенно миролюбиваго характера. Испанія, Франція и Англія согласились надавить на Мексику общими силами, съ тѣмъ чтобы не трогать ея правительства, не касаться внутреннихъ дѣлъ по управленію, а только получить деньги. Для этой цѣли только будутъ заняты важнѣйшіе порты республики и конфискованъ будетъ въ пользу кредиторовъ получаемый въ нихъ таможенный доходъ. Дѣло совершится спокойно, безъ шуму, со всѣмъ неоспоримымъ авторитетомъ силы, точно такъ какъ совершается взысканіе долга съ частнаго человѣка. Эта война будетъ чѣмъ-то въ родѣ процеса, въ которомъ проигравшій заплатитъ что долженъ, да еще заплатитъ за судебныя, т. е. военныя издержки.

Стоитъ замѣтить, что этотъ походъ есть простѣйшій видъ войны. Одна сторона считаетъ, что другая ей должна и идетъ силой требовать свое; другая сторона защищаетъ то, что она привыкла считать своимъ. Въ сущности впрочемъ это содержаніе и смыслъ всякой войны, безъ исключенія; одна сторона привыкла считать своею или независимость, или право заключать такіе или другіе трактаты, а другая сторона можетъ желать, вслѣдствіе честолюбія или выгодъ, прекратить эту независимость или это право и поработить ихъ себѣ, стало-быть нѣкоторымъ образомъ тоже смотритъ на нихъ какъ на нѣчто свое. Надо замѣтить, что такое порабощеніе въ большей части случаевъ разрѣшается въ доходъ, въ денежный вопросъ, или проще-сказать въ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, въ стремленіи улучшить этотъ кусокъ и одолѣть пауперизмъ, нищету, которая насъ одолѣваетъ.

Изо всѣхъ потребностей человѣка самая безусловная, самая неизбѣжная есть потребность питанія. Для ея удовлетворенія человѣкъ прибѣгаетъ къ труду и къ промышленности. Трудъ столько же необходимъ человѣку для поддержанія физической его жизни, сколько и для умственнаго развитія. Все что у насъ есть, все что мы знаемъ, имѣетъ источникомъ трудъ; наука, искусство, богатства обязаны существованіемъ своимъ труду.

Затѣмъ представляется важнѣйшій вопросъ: что надо человѣку для его питанія или вообще для его потребленія? Сколько онъ стало-быть можетъ произвесть? Сколько ему надо трудиться?

Способность потребленія у человѣка безпредѣльна; способность производить, напротивъ, довольно ограниченна. Это такъ по самой природѣ вещей. Потреблять, пожирать, разрушать, уничтожать — способность отрицательная, хаотическая, неопредѣленная.

Digitized by Google

Напротивъ производить, создавать, организовать, давать жизнь — способность положительная, подчиненная законамъ числа и мѣры, стало-быть ограниченію.

Въ природѣ на все граница, предѣлъ, извѣстныя правила, отъ которыхъ не отступаютъ ни вещи, ни растенія, ни животныя, ни человѣкъ. Силы человѣка очень ограниченны; мускульная сила человѣка среднимъ счетомъ не достигаетъ десятой части силы паровой лошади. Человѣкъ не можетъ, безъ изнуренія, работать болѣе десяти полныхъ часовъ въ сутки, а въ годъ болѣе трехсотъ дней. Онъ не можетъ провести одного дня безъ пищи, и на другой день работать съ прежней силой; онъ не можетъ ограничиться половинною порціей и въ тоже время оставаться здоровымъ. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ народонаселеніе довольно тѣсно, необходимость труда чувствуется съ каждымъ днемъ все сильнѣе; тамъ, гдѣ населеніе довольно еще просторно, голодъ не такъ свирѣпо даетъ себя чувствовать. Въ малонаселенныхъ странахъ работа гораздо льготнѣе, легче, потомучто большая часть потребностей, какъ напримѣръ въ Россіи и въ Австріи, удовлетворяется домашнимъ производствомъ. Правда, что въ менѣе населенныхъ и въ тоже время менѣе цивилизованныхъ странахъ потребностей у человѣка меньше, чѣмъ въ густо-населенныхъ, или лучше-сказать потребности эти проще, вслѣдствіе чего и меньше требуется труда для ихъ удовлетворенія; эти страны относительно степени физическаго обезпеченія своихъ жителей составляютъ въ Европѣ покамѣстъ счастливыя исключенія.

Но почти везлѣ на свѣтѣ человѣкъ, на нѣкоторой степени цивилизаціи, добываетъ посредствомъ труда столько, сколько нужно для удовлетворенія его физическихъ и умственныхъ потребностей, ни больше, ни меньше. Здѣсь рѣчь идетъ о большинствѣ, о девятистахъ девяносто девяти изъ тысячи. Иной заработываетъ только буквально на хлѣбъ, и конечно съѣдастъ его, доѣдая въ праздникъ остатки будничной добычи. Другой заработываетъ гораздо больше, но ему до крайности необходимо тоже гораздо больше хлѣба; кромѣ чаю и различныхъ вкусныхъ вещей къ обѣду, ему *необходимо* дать воспитаніе дѣтямъ и послушать итальянской оперы. Это для него такая же потребность, какъ для иного черный хлѣбъ. Это роковое ограниченіе потребленія производствомъ въ тоже время дѣйствуетъ и взаимно: производство тоже ограничивается потребленіемъ. Чтобы убѣдится въ этомъ, стоитъ только вспомнить неаполитанскаго лаццарони, который ни за какія деньги не тронется съ мѣста поѣвши макаронъ; его дѣятельность совершенно ограничена потребностями: кромѣ обѣда ему ничего не нужно.

Это взаимное ограниченіе нашего производства и нашего потре-

Digitized by Google

блена и есть *бѣдность*. Это непреложный законъ нашей природы, котораго однакоже на слѣдуетъ смѣшивать съ пауперизмомъ, явленіемъ ненормальнымъ, случайнымъ.

На это есть множество готовыхъ возраженій. Говорятъ напримѣръ, что природа неистощима, а трудъ становится все болѣе и болѣе производительнымъ. Земля далеко еще не даетъ всего, что она дать можетъ. Придетъ время, когда всевозможныхъ благъ на землѣ будетъ такъ много, что ихъ дѣвать будетъ некуда, и человѣчество будетъ жить въ довольствѣ, съ излишками, среди мира и радостей. Стало-быть нѣтъ никакого закона бѣдности.

Но не совсѣмъ это такъ. Дѣйствительно, природа неистощима, но только въ томъ смыслѣ, что въ ней человѣкъ безпрерывно открываетъ новыя полезныя вещи и свойства, но съ условіемъ безпрерывнаго увеличенія труда; а это не выходитъ изъ правила. Самыя промышленныя, самыя богатыя націи — именно тѣ, которыя упорнѣе и болѣе работаютъ. Но въ этихъ-то націяхъ нищета свирѣпствуетъ всего болѣе.

Причина и двигатель производства есть нужда. Поэтому между продуктомъ и нуждою, заставляющею производить его, существуетъ естественная связь. Какъ только ослабѣваетъ нужда — и работа въ свою очередь ослабѣваетъ. Если предположить, что нужда уменьшилась, а производство остается тоже, то произойдетъ слѣдующее: явится много продуктовъ, на которые нѣтъ спроса, и тогда они упадутъ въ цѣнѣ, все равно какъ-будто часть этихъ продуктовъ вовсе не была произведена; при совершенной безполезности цѣнность ихъ обратится даже въ нуль. Въ самомъ дѣлѣ, какую цѣнность имѣетъ предметъ, неудовлетворяющій никакой нуждѣ; все равно — назначался ли онъ первоначально для удовлетворенія первыхъ потребностей, или роскоши? Да и нѣтъ возможности провести рѣзкую границу между предметами первой необходимости и предметами роскоши. Это понятія условныя, различныя у различныхъ людей.

Всматриваясь въ существованіе, въ привычки, наклонности, степень образованности огромнаго большинства работниковъ всѣхъ націй, нельзя не замѣтить, что у нихъ трудъ доходитъ до высшей степени напряженности, когда двигатель его — нужда. Онъ быстро понижается и скоро угасаетъ, когда удовлетворены нужды первой необходимости. Вообще, человѣкъ любитъ трудиться только надъ тѣмъ, что ему полезно въ-обрѣзъ. Потомъ, добившись необходимаго, онъ стремится къ отдыху, который составляетъ первую и наиболѣе жадно желаемую роскошь. Чтобы получить отъ человѣка прибавку работы, надо бы удвоить или утроить плату за трудъ, то-есть заплатить за работу больше нежели она стоитъ, а это совершенно

Digitized by Google

противно закону не только выгоднаго, но и всякаго производства. Тутъ теорія опять подтверждается практикою. Производство развивается только тамъ, гдѣ народонаселеніе увеличивается, то-есть становится тѣснѣе: тогда имѣется большая нужда въ пропитаніи и слѣдовательно постоянный спросъ на трудъ. Тогда конечно производство увеличивается, но въ тоже время возрастаетъ и населеніе, стало-быть дѣла остаются въ прежнемъ, относительно, видѣ, — остается бѣдность.

Но можетъ случиться, и уже случалось, что посредствомъ образованія рабочія массы поднимутся на одну ступень въ цивилизаціи, то-есть, можно сказать, въ духовной своей жизни; тогда чувствительность рабочаго станетъ нѣжнѣе, воображеніе утонченнѣе, нужды многочисленнѣе, деликатнѣе, и весь человѣкъ взыскательнѣе, и въ тоже время потребленіе поднимется на одинъ уровень съ новыми требованіями, въ той же самой пропорціи увеличится или улучшится трудъ, а положеніе останется тоже, то-есть человѣчество, развиваясь умственно, будетъ заработывать только хлѣбъ насущный для тѣла и души, и все-таки останется бѣднымъ.

Часто упрекаютъ русскаго человѣка въ томъ, что онъ плохо работаетъ, мало работаетъ, много гуляетъ, и такъ далѣе. Конечно, если сравнять его съ англійскимъ рабочимъ, то преимущество останется на сторонѣ послѣдняго. Это фактъ, но за него упрекать человѣка нельзя, точно также какъ нельзя упрекать его за горбъ или за длинный носъ. Дѣло тутъ въ степени умственнаго развитія, въ томъ, что хлѣбъ насущный англійскаго работника разнообразнѣе и дороже чѣмъ у русскаго. Англійскому работнику напримѣръ совершенно необходимо въ полдень, во время отдыха, купить хотя вчерашнюю газету и прочитать ее; это для него нужнѣе, чѣмъ нашему рабочему чайку напиться. Для удовлетворенія этой новой потребности усиливается или улучшается работа. Англійскій земледѣлъ, работникъ на фермѣ, не будетъ спать иначе какъ раздѣвшись, на простынѣ и покрытый другою простынею. Это ему такъ же точно необходимо, какъ русскому рабочему сходить въ баню, но значительно дороже: для покрытія этого расхода опять работа улучшается.

Все что происходитъ теперь у насъ и въ болѣе населенныхъ странахъ, подтверждаетъ тоже самое. Въ послѣднія сорокъ лѣтъ производство конечно весьма усилилось; оно даже стало больше относительно народонаселенія, то-есть на каждую душу теперь приходится больше продуктовъ, чѣмъ было въ 1821 году. Однакоже всякій, жившій въ концѣ царствованія императора Александра I, скажетъ, что теперь во всѣхъ классахъ общества дѣла находятся въ болѣе стѣсненномъ положеніи, чѣмъ тогда. Это особенно видно въ

Digitized by Google

Англіи, во Франціи, въ Германіи, въ Бельгіи. Отчего это? Отъ того что нравы въ среднихъ и высшихъ классахъ сдѣлались утонченнѣе, и въ тоже время нѣтъ равновѣсія, нѣтъ увѣренности, бѣдность стала тягостнѣе; изъ естественнаго положенія она сдѣлалась мученіемъ. У насъ преувеличены желанія; такъ что нехватаетъ и необходимое. Доказательства налицо: въ послѣднія сорокъ лѣтъ взято нѣсколько тысячъ привилегій, настроено множество паровыхъ машинъ, желѣзныхъ дорогъ, финансовыя спекуляціи развились, общественные долги удвоились, цѣна помѣщеній и всѣхъ предметовъ потребленія увеличилась на 50 и на 100 процентовъ, а въ итогѣ это состоитъ всѣми признанное стѣсненное положеніе и вѣчный, непрерывный кризисъ.

Выходитъ, что всякая нація бѣдна, каковы бы ни были ея учрежденія и правительство, и тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ болѣе удаляется отъ первобытнаго состоянія. Въ бывшихъ Соединенныхъ Штатахъ народонаселеніе увеличивается неровно, земля захватывается, естественные источники изобилія изсякаютъ, законъ труда становится все настоятельнѣе: что встарину давалось даромъ, или почти даромъ, дѣлается все дороже, и начинаетъ образовываться пролетаріятъ. Нѣчто подобное происходитъ и въ Испаніи. Послѣ нѣсколькихъ вѣковъ спячки, Испанія пробудилась для труда и свободы. Она взялась за обработку земли, и тотчасъ явилось всеобщее изобиліе, что дало возможность общему умственному уровню нѣсколько подняться; но въ какія-нибудь пятьдесятъ лѣтъ народонаселеніе увеличилось, сдѣлалось пропорціональнымъ изобилію, и наступило равновѣсіе, то-есть бѣдность.

Но на это можетъ кто-нибудь возразить, что стало-быть не изъ за чего намъ такъ сильно хлопотать; что если такъ, то всѣ огромныя предпріятія, всѣ колоссальныя работы, удивительныя машины, плодотворныя изобрѣтенія, промышленность, — все это безполезно, все это обманъ, самообольщеніе. Къчему добиваться за разныя хитрости, когда трудъ ничего не даетъ, кромѣ необходимаго? Выходитъ, что счастіе и мудрость заключаются въ узкости понятій, въ невѣжествѣ, въ нежеланіи лучшаго, въ мелкости и ограниченности.

Нѣтъ, не выходитъ. Сначала можетъ-быть было время, что человѣкъ добывалъ себѣ необходимое лопаткой, потомъ прибѣгнулъ къ сохѣ, а когда люди еще размножились, то принуждены были обратиться къ плугу, а потомъ, вслѣдствіе того же развитія, обратились къ механикѣ, къ пароходу и локомотиву. Мало ли нужно богатствъ, чтобы проторить на пространствѣ $28^{1}/_{2}$ тысячъ квадр. верстъ 1.600.000 человѣкъ, какъ въ московской губерніи, что составитъ по 55 человѣкъ на каждую квадратную версту, если еще

Digitized by Google

половина пространства занята лѣсами? Нѣтъ, приходится усиленно работать, потомучто иначе придется всѣмъ перемереть съ голоду. Приходится всячески увеличивать и развивать свои средства, изобрѣтать машины, искать удобрений, воздѣлывать новыя питательныя растенія, устроивать водотягу, сѣять рыбу въ рѣкахъ и въ прудахъ; отыскивать каменный уголь, ткать, прясть, особенно дѣлать бумагу, открывать способы сбыта. Все это до крайности необходимо, потомучто при тѣснотѣ, да безо всего этого — голодная смерть. И при всемъ этомъ, при величайшемъ усилін производительнаго труда, окажется, что мы заработали только свой хлѣбъ насущный и что никакой нѣтъ возможности отпраздновать масляницу длинною въ двѣ недѣли, не почувствовавъ голода.

Правда, что при усиленномъ трудѣ довольно тѣснаго народонаселенія значительно улучшится существованіе каждаго отдѣльнаго человѣка: пища его будетъ лучше, питательнѣе и разнообразнѣе, одежда будетъ чище, отдыхъ будетъ пріятнѣе и разумнѣе, чѣмъ въ состояніи дикости. Въ этомъ состоитъ прогресъ. Но это не мѣшаетъ человѣчеству оставаться бѣднымъ, потомучто оно всегда имѣетъ только необходимое и не можетъ потерять ни одного дня, чтобы тотчасъ не почувствовать голода.

Никакъ нельзя устроить, чтобы человѣкъ могъ работать, среднимъ счетомъ, болѣе десяти или двѣнадцати часовъ въ сутки. Невозможно устроить, чтобы двадцать-пять человѣкъ исполняли работу пятидесяти или чтобы человѣкъ, заработывающій четвертакъ издерживалъ всякій день полтинникъ. Можетъ-быть есть возможность съ точностью сосчитать, сколько получаетъ за работу въ годъ цѣлое народонаселеніе большого государства, напр. Великобританіи. Спрашивается, издерживаются ли въ годъ всѣ эти заработки, или нѣтъ? Политическая экономія увѣряетъ, будто образуются запасы, составляющіе капиталы. Но эти запасы, эти остатки образуются обыкновенно въ сундукахъ богачей, гдѣ уже заранѣе были положены прочные фундаменты накопленію капиталовъ.

Вся роскошь городовъ, колосальныя богатства, публичныя работы, трескотня и шумъ банковъ, биржи, мильоновъ и мильярдовъ, всѣ упоительныя наслажденія великолѣпныхъ пировъ, о которыхъ разсказы доходятъ иногда до бѣднака, — все это собирается съ трудовыхъ копѣекъ. Но тутъ ничего нѣтъ ни обиднаго, ни оскорбительнаго; обо всемъ этомъ жалѣть нечего. Всякій мужественно долженъ смотрѣть на свое положеніе и воспитать въ себѣ такого рода убѣжденіе, что самый счастливый человѣкъ есть тотъ, который лучше другихъ умѣетъ быть бѣднымъ.

Такая бѣдность, о которой мы говоримъ, далеко не есть нищета и

Digitized by Google

въ тоже время далеко не есть довольство. Человѣку негодится быть слишкомъ благополучнымъ; надо напротивъ, чтобы онъ постоянно чувствовалъ напоры нужды. Понятно, что человѣчеству нечего и думать вырваться изъ-подъ этого неизбѣжнаго закона природы и общества. Такая бѣдность дѣло хорошее: она составляетъ начало труда, умѣренности, начало семейныхъ, кроткихъ наслажденій, причину спокойствія совѣсти.

Еслибы человѣчество могло жить въ такой спокойной бѣдности, то на землѣ царствовалъ бы совершенный порядокъ. Не было бы ни пороковъ, ни преступленій; люди составляли бы общество мудрецовъ. Но теперь это не можетъ быть, и никогда этого не было, вслѣдствіе нарушенія двухъ великихъ законовъ, бѣдности и умѣренности.

Когда человѣкъ вышелъ изъ первобытныхъ временъ неприхотливаго, дикаго довольства, и вынужденъ былъ работать, онъ началъ цѣнить вещи по труду, какого эти вещи стоили, у него явилась лихорадка богатства: съ перваго шагу онъ сбился съ дороги.

Человѣкъ вѣритъ возможности богатства. Обязанный производить то что потребляетъ, человѣкъ привыкъ смотрѣть на скопленіе богатствъ и на наслажденія, изъ этого проистекающія, какъ на свою цѣль. Эту цѣль человѣкъ преслѣдуетъ съ великимъ жаромъ: по примѣру нѣсколькихъ разбогатѣвшихъ людей ему кажется, что и всякому это можно. И человѣкъ откладываетъ, копитъ, собираетъ; душа его плаваетъ въ будущихъ наслажденіяхъ, онъ наслаждается... мысленно. Нынѣшній вѣкъ глубоко проникнутъ этимъ убѣжденіемъ. Умы направлены къ этому изученіемъ новорожденной, лепечущей науки, политической экономіи; особенно соціялисты толкали человѣчество по этому пути. Создавать богатство, дѣлать деньги, богатѣть, окружать себя роскошью, — это сдѣлалось какимъ-то нравственнымъ принципомъ.

Но всякому, кто хоть минуту подумаетъ объ экономическомъ порядкѣ вещей, ясно, что богатство не есть нѣчто дѣйствительное, а только относительное. Предположите, что всѣ безъ исключенія жители земного шара, по какому-нибудь невозможному стеченію обстоятельствъ, отложили, въ видѣ звонкой монеты, все то, что заработали въ теченіи года. Спрашивается, стали ли они отъ этого богаче? Нисколько. По сокращеніи и приведеніи всего этого къ одному знаменателю, оказалось бы, что ихъ положеніе точь-въ-точь тоже самое, что теперь. Богатство есть отношеніе производства къ потребленію, предложенія къ спросу, труда къ капиталу, нужды къ дѣйствію.

Для цѣлой націи или для цѣлаго человѣчества вопросъ о богатствѣ сводится на *рабочій день*. Все что нація или человѣчество

Digitized by Google

произведетъ втеченіе своего рабочаго дня; не можетъ законнымъ образомъ превосходить количество необходимаго, того, что называемъ хлѣбомъ насущнымъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Къ словамъ тутъ конечно никто придираться не станетъ, и вмѣсто рабочаго дня можно пожалуй взять рабочій годъ. Мысль о томъ, чтобы удвоить и утроить производство страны, какъ можно удвоить и утроить заказъ на фабрикѣ, независимо отъ пропорціональнаго увеличенія труда, капитала, народонаселенія и сбыта, въ особенности независимо отъ совершеннаго развитія умовъ (что требуетъ большихъ заботъ и обходится очень дорого),—мысль такая нелѣпа, еще нелѣпѣе квадратуры круга; это противорѣчіе, безсмыслица.

Любопытно было бы вычислить средній дневной доходъ человѣчества. Для одной Франціи лѣтъ тридцать назадъ считали кто 56 сантимовъ, кто 69 сантимовъ. Г. Шевалье, членъ законодательнаго собранія, въ недавней рѣчи своей о бюджетѣ, опредѣлялъ весь годовой доходъ цѣлой Франціи въ 13 милльярдовъ. Потомъ въ его рѣчи были указаны нѣкоторыя ошибки и преувеличенія, такъ что можно довольно приблизительно положить этотъ доходъ въ $11^1/_2$ милльярдовъ. Это составитъ на душу въ день $87^1/_2$ сантимовъ или 22 копѣйки, а на семью, состоящую изъ отца, матери и двоихъ дѣтей — 88 копѣекъ. На эти деньги можно жить бѣдно, но можно быть сытымъ, обутымъ, одѣтымъ. Еслибы даже наименьшій доходъ былъ не болѣе 44 копѣекъ для всѣхъ почти семействъ Франціи, а наибольшій доходъ немногихъ семействъ 4 или 5 рублей въ день, причемъ каждое семейство производило бы то что потребляетъ, то при общей бѣдности не было бы вовсе пауперизма, нищеты. Нація пользовалась бы тогда неслыханнымъ благосостояніемъ.

Но равстоянія между богатствами далеко не такъ умѣренны. Бѣдныя семейства далеко не получаютъ 44 коп. въ день, а богатыя не довольствуются десятерными доходомъ. По недавнимъ вычисленіямъ одного ученаго и добросовѣстнаго экономиста, большая часть населенія Бретани тратитъ на себя въ день не болѣе 6 копѣекъ на душу и не считается нищимъ. Съ другой стороны извѣстно, что нѣкоторыя богатства простираются не до четырехъ или пяти рублей дневного дохода, а до 20, 50, 100, 1000 и даже до 3000 рублей дохода въ день. Такое большое неравенство составляетъ причину нищеты: семейство, получающее менѣе 44 коп. въ день за работу, должно по справедливости считаться нищимъ.

Бѣдность далеко еще не есть несчастье; бѣдность — естественное, нормальное состояніе человѣка, а нищета есть бѣдность ненормальная, дѣйствующая разрушительно. Отчего бы она ни происходила, она состоитъ въ недостаткѣ равновѣсія между издержками че-

Digitized by Google

ловѣка и его нуждами. Когда работникъ получаетъ для себя и своей семьи менѣе 44 коп. въ день, онъ не можетъ возстановить свои силы, поддерживать хозяйство, воспитывать дѣтей и еще менѣе того — развивать свой разумъ. Незамѣтно онъ впадаетъ въ унынiе, въ безнравственность. Онъ терпитъ медленный голодъ, продолжающійся каждую минуту, всякій день, круглый годъ, всю жизнь. Этотъ голодъ не убиваетъ сразу, въ одинъ день, а состоитъ изъ всѣхъ лишеній и всѣхъ сожалѣній; онъ безпрерывно подкапывается подъ здоровье человѣка, изсушаетъ умъ, производитъ всѣ болѣзни и всѣ пороки; производитъ лѣность, отвращеніе отъ работы, нищету, робость характера, низость чувства.

У такъ-называемыхъ богатыхъ людей дѣло идетъ иначе. Доказано опытомъ, что чѣмъ болѣе непроизводительный человѣкъ истребляетъ, тѣмъ болѣе и болѣе всякій день ему нужно, вслѣдствіе раздраженія аппетита и недѣятельности мускуловъ и мозга. И по мѣрѣ того какъ богатый уступаетъ этимъ потребностямъ, нищета осаждаетъ его все болѣе и болѣе, онъ становится расточительнымъ и въ тоже время скупымъ и жаднымъ. Все касающееся алчности, относится и до другихъ наслажденій: человѣкъ становится взыскательнѣе, по мѣрѣ ихъ удовлетворенія. Мало-помалу фантазія и тщеславіе принимаютъ участіе въ дѣлѣ, и тогда недостаетъ уже никакихъ богатствъ; среди наслажденій онъ становится бѣднякомъ. Касса у него пустѣетъ, и пауперизмъ овладѣваетъ имъ совершенно, толкаетъ его въ рискованныя предпріятія, въ нелѣпыя спекуляціи, въ игру, въ мошенничество, и наступаетъ позорнѣйшее разореніе.

Это только крайности пауперизма: но между ними происходитъ тоже самое. Люди средней руки тянутся за богачами. Отецъ семейства, мучимый воображаемыми нуждами, мечтаетъ о томъ, чтобы, какъ онъ говоритъ, *поправиться*, *улучшить свое положеніе*, что чаще всего значитъ — увеличить роскошь и издержки. Заранѣе наслаждаясь этою мыслью, онъ дѣлаетъ заемъ у будущаго, и скоро наступаетъ повсюду недочетъ. Отсюда общее затрудненіе въ дѣлахъ, финансовые и комерческіе кризисы, банкротства, увеличенія долговъ.

Привычное поклоненіе демону богатства могло имѣть мѣсто на которое время. Но оно должно исчезнуть передъ явнымъ опытомъ, который гласитъ, что человѣкъ, осужденный на ежедневный трудъ, на строгую умѣренность, долженъ искать своего человѣческаго достоинства не въ удовлетвореніи роскоши, не въ пустомъ тщеславіи. А мы, назло природѣ и правдѣ, протестуемъ противъ законовъ бѣдности и умѣренности; — вотъ за это всѣхъ насъ и одолѣваетъ пауше-

Digitized by Google

ризмъ, а за нимъ, за нищетою, идутъ неизбѣжные спутники ея: несогласія, вражда, война.

Что внутреннія несогласія, вражда и перевороты происходятъ всѣ отъ пауперизма, этого не надо и доказывать. Вся исторія это показываетъ. Отъ того времени, какъ римскій народъ удалился на священную гору до послѣдняго провозглашенія принципа свободной торговли трактатомъ между Франціей и Англіей, всѣ политическіе, экономическіе и религіозные перевороты сводятся на заботы объ обезпеченіи для рабочихъ массъ хотя наименьшаго дохода, напр. 44 коп. въ день на семью.

Въ 1789 произошла во Франціи революція противъ финансоваго недочета, противъ феодальныхъ правъ, противъ привилегій корпорацій, противъ неправильнаго распредѣленія тягостей — стало-быть противъ порядка вещей, наиболѣе способствующаго обнищанію народа. Въ 1799 пауперизмъ одолѣлъ среднее сословіе, мѣщанство. Всѣ кричатъ о бѣдности. Директорія объявляетъ банкротство; пятипроцентныя облигаціи продаются за десятую долю своей цѣны; капиталисты получаютъ свой непрерывный доходъ ассигнаціями и умираютъ съ голоду; эти обстоятельства производятъ переворотъ, которымъ свергнута директорія, и Бонапартъ объявленъ первымъ консуломъ. Въ 1830 старшая линія Бурбоновъ пала, потомучто всѣ платившіе были недовольны; имъ казалось, что они заплатили мильярдъ эмигрантамъ въ счетъ возстановленія ихъ феодальныхъ правъ. Церковь тоже протестовала и требовала возвращенія своихъ имуществъ. Въ 1848 дѣла были въ застоѣ, спросъ на трудъ ничтожный; массы требовали себѣ правъ, думая, что только при помощи этихъ правъ они могутъ найти работу и хлѣбъ. Въ 1851 году обстоятельства сложились наоборотъ, и принцъ Наполеонъ имѣлъ блестящій успѣхъ потому, что консерваторы смотрѣли на него какъ на охрану, а народъ видѣлъ въ немъ покровителя противъ злоупотребленій сильныхъ міра сего.

Все это повторяется во всѣхъ переворотахъ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ. Всѣ перевороты основаны въ глубинѣ своей на интересахъ, стало-быть обращены противъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, привилегій, дармоѣдства, нищеты, голода. Въ XVI вѣкѣ, во время реформаціи, стѣсненіе въ дѣлахъ было общее и давно общій голосъ обвинялъ въ этомъ Римъ. Католическая церковь, кромѣ доходовъ съ огромныхъ имѣній своихъ, получала всевозможные сборы десятинами, аннатами, индульгенціями и пр., и большая часть этихъ доходовъ стекалась въ Римъ. Народъ былъ бѣденъ, а религіозныя конгрегаціи богаты. Зависть съѣдала бѣдняковъ, и богачей, и знатныхъ, и знатнѣйшихъ. Главная, основ-

Digitized by Google

вая причина переворотовъ всегда оставалась таже, но поводы приводятся совсѣмъ иные, смотря по обстоятельствамъ. Такъ Филиппъ-красивый, весьма нуждавшійся въ богатствахъ рыцарей храмовниковъ, обвинилъ ихъ въ безнравственности и въ безбожіи. Конечно, они были народъ не совсѣмъ невинный; но никто же не сталъ бы очень сильно заботиться о ихъ добродѣтеляхъ, если-бы они были не такъ богаты.

Такъ причиною внутреннихъ переворотовъ и несогласій всегда бываетъ пауперизмъ. Онъ же составляетъ всегда причину внѣшнихъ войнъ. Статистика доказала несомнѣнно, что посягательства на чужую собственность становятся рѣже по мѣрѣ увеличенія благосостоянія массъ. У кого есть чѣмъ жить, тотъ вообще мало занимается своимъ сосѣдомъ. Точно также и у народовъ. Какъ въ государствѣ не будетъ рѣзкихъ переворотовъ, когда потребности гражданъ удовлетворены, такъ и между государствами не будетъ войны, ежели не втянетъ ихъ въ войну неодолимая сила пауперизма. Если у націи есть извѣстная доля свободы (пропорціальная степени умственнаго развитія), безопасности и средствъ къ жизни, она не очень будетъ заботиться о сосѣдяхъ, не станетъ толковать о слитіи, о присоединеніи, объ исправленіи границъ. Вся исторія подтверждаетъ это самымъ несомнѣннымъ и безспорнымъ образомъ.

Когда народы-пастыри накинулись на Египетъ, они дѣйствовали очевидно подъ вліяніемъ жестокой нищеты. Нѣсколько вѣковъ держали они Египетъ какъ оброчную статью, а когда потомъ египтяне ихъ прогоняли, то они повиновались той же самой причинѣ. Но были тутъ приводимы и политическіе доводы. «Вы работали, — могли сказать древніе бедуины, — вы парыли каналовъ, вспахали землю, настроили городовъ; это прекрасно. Но кто далъ вамъ эту собственность? Если вы намъ будете платить дань, то это будетъ только справедливымъ вознагражденіямъ». — Одни требуютъ, другіе отказываютъ: война. Въ старину, въ древности война была простымъ грабежомъ, безъ всякой маски, и древніе герои этого не скрывали. Вся политика древнихъ египтянъ, ассиріянъ, мидянъ, персовъ состояла въ томъ, чтобы дѣлать набѣги, требовать дани, подъ страхомъ пожаровъ и поголовнаго истребленія. Знаменитые аргонавты плавали въ Колхиду за золотомъ, и считались героями. Галлы, кимвры, тевтоны, гунны, аланы, монголы, мадьяры, всѣ дѣйствовали такимъ же образомъ. Народъ встаетъ какъ одинъ человѣкъ, идетъ гурьбою въ болѣе богатую страну, забираетъ земли, или по крайней мѣрѣ требуетъ права прохода, и ведя переговоры, и проходя, пользуется правомъ войны, грабитъ. Тамъ, гдѣ такая ватага остановится и успѣетъ одолѣть

Digitized by Google

туземцевъ, если сама не будетъ истреблена, тамъ образуется новое государство, и риторы, поэты, историки поютъ славу основателя. Долгое время разбойничество и пиратство было въ большомъ почетѣ. Скандинавскія саги только и дѣлаютъ, что воспѣваютъ разбойничьи подвиги. До послѣдняго времени выдавались крейсерскія свидѣтельства, имѣющія цѣлью вооруженія частныхъ людей для пиратства. До сихъ поръ въ горахъ Греціи, Испаніи и Калабріи разбойники пользуются большою популярностью.

Въ историческія времена Греціи обыкновенное пиратство и разбой замѣнились наложеніемъ дани. Но Спарта еще была организованною шайкою разбойниковъ. Война для грабежа, и грабежъ какъ средство жизни — вотъ въ чемъ состояли учрежденія Ликурга. Ссора между Спартой и Аѳинами произошла изъ раздѣла городовъ-данниковъ. Теперь, въ XIX вѣкѣ, все это кажется намъ возмутительнымъ, чудовищнымъ. Цѣлые города и области составляютъ оброчныя статьи двухъ-трехъ городовъ. При воспоминаніи объ этомъ много теряетъ слава бойцовъ при Маратонѣ и Термопилахъ. Любопытенъ поводъ пелопонезской войны. Корцира, колонія Коринѳа, сама основала колонію Эпидавръ. Вѣроятно на основаніи того, что приплодъ отъ животныхъ принадлежитъ хозяину, коринѳяне требовали себѣ Эпидавръ, а корциряне его не давали. Аѳиняне приняли сторону корцирянъ, то-есть признали за данникомъ право имѣть своихъ данниковъ. Ѳиванцы взяли сторону коринѳянъ, и война возгорѣлась. Въ тѣ времена грабежъ былъ до такой степени сущностью войны, причиною, поводомъ и цѣлью, что спартанцы напримѣръ вступили сухимъ путемъ въ Аттику, а аѳиняне на кораблихъ пошли грабить Пелопонезъ. Посовѣтовалъ эту мѣру Периклъ, разсчитывая, что нечего рисковать битвой, когда можно безъ всякой опасности добыть столько добычи, что разореніе вслѣдствіе спартанскаго вторженія съ излишкомъ окупится.

Александръ-македонскій, вступивъ на престолъ, началъ съ того, что освободилъ всѣхъ своихъ подданныхъ отъ всевозможныхъ налоговъ и тягостей, а требовалъ только людей для войска. Стало-быть онъ заранѣе, съ намѣреніемъ отнялъ у себя всѣ средства, разсчитывая, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія другой знаменитый воитель, войну питать войною. Тѣмъ, кто остался дома, заранѣе зачитывалась ихъ доля добычи освобожденіемъ отъ налога.

Впослѣдствіи завоеватели стали присоединять данниковъ къ своему государству. Римляне присоединяли области и царства, чтобы кормить голодный городъ; но присоединеніемъ только называлось обложеніе данью. Ближе къ нашему времени войны приняли другой характеръ. Въ большихъ государствахъ, какъ напр. въ Англіи

Digitized by Google

и Франціи недостатокъ экономическаго равновѣсія заставляетъ безпрестанно искать внѣ страны средства для пополненія безпрерывныхъ недочетовъ. Государству, котораго населеніе увеличивается, которое страдаетъ пауперизмомъ, нужно увеличить свои средства, расшириться, нужны колоніи, сообщенія, необходимо обладаніе цѣлымъ теченіемъ рѣкъ, горныхъ проходовъ, моря, нужно все это завоевать и присоединить. Потомъ нужно завоеванное сохранить, обезпечить себѣ съ него доходъ, противиться вторженіямъ извнѣ и внутреннимъ возстаніямъ: все это требуетъ безпрерывнаго развитія силъ, поддержанія хроническаго военнаго положенія. Но всего этого еще мало. Государство, какъ тѣло органическое, стремится къ росту, къ увеличенію, до тѣхъ поръ пока его увеличеніе не будетъ ограничено другимъ, сосѣднимъ органическимъ тѣломъ. Надо округлиться, занять стратегическіе пункты, овладѣть проходами, установить границы, защититься отъ вторженія не только чужихъ войскъ, но и чужихъ товаровъ. Дѣятельность таможенъ имѣетъ видъ покровительства интересовъ, предохраненія отъ убытковъ, отъ той же нищеты, отъ пролетаріата.

А теперь всѣ государства въ Европѣ терпятъ недочеты. Каждая нація производитъ только свое необходимое, и человѣчество всякій день проситъ у Бога и у труда своего хлѣба насущнаго. Но расходъ постоянно и несравненно выше прихода, именно потому, что человѣчество, вѣря въ возможность богатства, сообразно съ этой вѣрой и поступаетъ. Долги европейцевъ, какъ государственные, такъ и закладные, доходятъ до цифры, можетъ-быть превышающей сто мильярдовъ, и замѣчательно, что болѣе всего отягощены страны самыя производительныя, дѣлающія наиболѣе дѣлъ. Эти же страны оказываютъ наиболѣе наклонности къ войнѣ, къ завоеваніямъ, къ захватамъ. Въ послѣдніе четыре вѣка открытія мореходовъ дали различнымъ державамъ Европы многіе источники доходовъ и огромныя пространства для колонизаціи. Различныя колоніи въ другихъ частяхъ свѣта имѣли большой вѣсъ въ мирѣ Европы. Но это положеніе долго продлиться не можетъ. Скоро на свѣтѣ не останется ни одного свободнаго уголка; вездѣ почти земля составляетъ уже собственность; нѣкогда пустынныя страны наполняются европейскими колонистами и потомъ становятся непріятелями своихъ метрополій. Что же остается для новыхъ захватовъ? Когда Индія, Австралія, острова Океаніи, Африки, всѣ страны, изъ которыхъ теперь европейцы высасываютъ себѣ выгоды, объявятъ себя свободными; когда эти страны устроютъ свои фабрики, возвысятъ цѣну своихъ продуктовъ, и не станутъ давать Европѣ ничего иначе, какъ за настоящую цѣну, — тогда всѣ народы земного шара бу-

Digitized by Google

дутъ блокированы одни другими и оттѣснены каждый въ глубину своего пауперизма. Тогда, если не возстановится вездѣ равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, между размноженіемъ людей и усиленіемъ промышленныхъ способовъ, тогда въ политическихъ поводахъ недостатка не будетъ, и разразится борьба неумолимая, всемірная, борьба изъ-за куска хлѣба.

Теперь война смотритъ во всѣ окна, стучится во всѣ двери, и если смотрѣть только съ политической точки зрѣнія, то такой запутанности еще никогда не бывало. Возникаютъ вмѣстѣ всѣ вопросы, трудные, раздражающіе, поставленные съ неопредѣленностью и сложностью, которыя способны привести въ отчаяніе самаго опытнаго дипломата и бросить въ войну массы народовъ: вопросъ политической реформы и національностей; вопросъ европейскаго равновѣсія и естественныхъ границъ; вопросъ централизаціи и федераціи; вопросъ о вмѣшательствѣ, невмѣшательствѣ и протекторствѣ; вопросъ о духовномъ и свѣтскомъ; вопросъ рабства и вопросъ невольничества; вопросъ о торговлѣ свободной и обязательной; вопросъ о жизни и смерти государствъ и о наслѣдованіи остатками; вопросъ о ихъ полной независимости и о подчиненіи верховному конгресу или сейму. Это все общіе вопросы; а сколько еще частныхъ или спеціальныхъ!

Правительства, въ высокой практической мудрости своей боятся войны и дѣлаютъ всевозможныя усилія, чтобы ее избѣгнуть. Но они обязаны предвидѣть ее и къ ней готовиться: а только этого и надо, чтобы война разразилась.

Говорятъ еще, что нѣкоторые полководцы ведутъ войны за идеи. За торжество своей идеи, справедливость которой требуется еще доказать, бросить въ добычу смерти сотню тысячъ людей, это — было бы жестоко, еслибы не было фразой. Что представляютъ идеи? — Конечно интересы, то-есть выгоды, то-есть то же бѣгство отъ пролетаріата. Изъ-за чего поддерживать независимость Турціи? Пустяки! Бейрутская экспедиція и вмѣшательство европейской комиссіи въ черногорскія дѣла показываютъ, что эта независимость цѣнится ни во что. Дѣло въ томъ, что Турція, такъ какъ она есть, составляетъ хорошій рынокъ и потомъ — стоитъ на пути въ Индію. Стало-быть ея независимость есть только фигуральное выраженіе, означающее только то, что бумажные фабрикаты требуютъ сбыта, а сообщенія съ выгодною въ денежномъ отношеніи Индіей требуютъ обезпеченія, и потому должны быть въ слабыхъ рукахъ. Изъ-за чего затѣвается теперь походъ? Причина все таже: пауперизмъ. Много испанцевъ, французовъ и англичанъ искали счастья, то-есть богатства въ Мексикѣ. Если они

Digitized by Google

уѣхали туда, то ужь конечно выгнаны были нищетою, потомучто отъ добра добра не ищутъ. Тамъ они потерпѣли большіе убытки и впали въ пролетаріятъ горше прежняго. Точно также много европейскихъ капиталовъ, бѣжавшихъ изъ дому отъ малыхъ, но вѣрныхъ процентовъ къ большимъ, но невѣрнымъ, затрачено въ мексиканскій заемъ, который вовсе не платится. Капиталы эти переведены были въ Мексику тоже вслѣдствіе нищеты капиталистовъ, которымъ не хватило процентовъ на прожитокъ. Поэтому теперь правительство испанское, французское и англійское вынуждены выручать своихъ изъ нищеты и предпринимаютъ походъ аргонавтовъ за золотымъ руномъ. Добрый путь! тѣмъ болѣе, что это далеко не послѣдній походъ.

Французскія дѣла

Третьяго октября, въ 65 верстахъ отъ Парижа, въ городѣ Компьенѣ, произошла большая суматоха. Достопочтенный меръ этого города, г. Арашкевъ собралъ муниципальный совѣтъ, объявилъ ему, что 6 числа будетъ въ ихъ городѣ его величество король прусскій и предложилъ на обсужденіе, какія должны быть приняты мѣры и сколько можетъ быть израсходовано денегъ, чтобы сдѣлать какъ можно болѣе блестящую встрѣчу его прусскому величеству. Муниципальный совѣтъ, понимая всю важность дѣла, разрѣшилъ ему тратить деньги безъ всякаго ограниченія какой бы то ни было цифрой, только чтобы было хорошо и вполнѣ достойно добраго императорскаго города Компьеня. Въ ночь съ 3 на 4 октября началась въ городѣ возня неслыханная. Вся дорога отъ станціи желѣзной дороги до императорскаго дворца покрылась рабочими, которые начали строить разныя колонны, тріумфальныя арки и прочія украшенія. Работа кипѣла впродолженіе всего четвертаго числа, и жители города заранѣе восхищались выраженіемъ своихъ политическихъ убѣжденій плотничной работы. Г. Арашкенъ работалъ за десятерыхъ, былъ вездѣ, все видѣлъ, все наблюдалъ, и распоряжался какъ главнокомандующій, который никогда не знаетъ покою и ни въ какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ не теряетъ присутствія духа.

Городъ Компьенъ лежитъ въ 65 верстахъ отъ Парижа. Это красивый городокъ съ 11,000 жителей, процвѣтающій, благодаря тамошнему старинному дворцу, отдѣланному при нынѣшнемъ императорѣ великолѣпно. При дворцѣ прекрасный лѣсъ въ 15,000 десятинъ, прорѣзанный въ разныхъ направленіяхъ шоссейными дорогами, а въ этомъ лѣсу еще особенный небольшой, плотно огороженъ-

Digitized by Google

ный паркъ, туго набитый дичью, зайцами, оленями, дикими козами, фазанами и т. д., точно какъ рыбный садокъ иногда бываетъ рыбой.

Вечеромъ 4 числа, въ самомъ разгарѣ работъ, получено было повелѣніе не дѣлать никакихъ торжественныхъ приготовленій. Вдругъ приказано было все сломать, и рабочіе, не покидая топора, стали ломать еще торопливѣе чѣмъ строили. Тріумфальныя арки, разныя колоны, столбы съ перекладинами, щиты съ изображеніемъ великаго короля Вильгельма, все было снесено и щепки тщательно убраны. Достопочтенный меръ Аранкенъ былъ очень огорченъ, но совершенно напрасно, такъ какъ дѣло для него состоитъ не въ тріумфальныхъ аркахъ, а въ оказаніи достодолжнаго усердія, нежалѣя денегъ своихъ согражданъ. Не теперь, такъ послѣ готовность его отзовется; усердіе его не пропадетъ. Но добрые жители добраго города Компьеня были очень огорчены: имъ показалось уже, что его величество король прусскій опять отложилъ свой пріѣздъ. Но эти мрачныя опасенія скоро разсѣялись, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что самъ король Вильгельмъ не желалъ пышной встрѣчи. Пятаго числа, въ 5 часовъ и 5 минутъ пополудни, на колокольнѣ императорской придворной церкви св. Іакова раздался радостный набатъ, возвѣщавшій жителямъ пріѣздъ на станцію императорскаго поѣзда. День былъ торговый; народу изъ окрестныхъ деревень было множество, и ни одинъ крестьянинъ не удалъ домой, не добившись чести взглянуть на своего императора. Поэтому дорога отъ станціи до дворца была запружена народомъ. Безъ сомнѣнія, густая толпа радостнаго и благодарнаго народа, носящаго тріумфальныя арки въ своемъ сердцѣ, гораздо почетнѣе тріумфальныхъ арокъ плотничной работы.

На другой день, 6 числа, изъ Парижа съѣхалось въ Компьень безчисленное множество любопытныхъ. Поѣзды желѣзной дороги отправлялись каждый часъ, а потомъ и каждые полчаса, и всѣ мѣста въ вагонахъ не было. Очень многимъ пришлось ночевать въ Компьенѣ; но не только не было мѣста въ гостинницахъ, трудно было достать мѣсто даже въ какой-нибудь конюшнѣ, чтобы переночевать. Небогатые домовладѣльцы въ этотъ день и въ слѣдующій дѣлали хорошія дѣла, какъ встарину у насъ въ Петергофѣ 1 іюля: за комнату съ тремя напр. кроватями они брали по 150 и по 200 фр. въ сутки.

Около половины шестого пять придворныхъ каретъ, самая послѣдняя, пріѣхали на станцію желѣзной дороги, чтобы тамъ ожидать короля прусскаго. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того восторженные крики: да здравствуетъ императоръ! возвѣстили при-

Digitized by Google

бытіе еще кареты, которой никто не ожидалъ. Самъ императоръ пріѣхалъ на станцію съ двумя адъютантами, генераломъ Флёри и генераломъ Монтебелло и съ однимъ изъ своихъ штальмейстеровъ, маркизомъ де Ко, чтобы встрѣтить своего августѣйшаго гостя. Ожидая королевскаго поѣзда, его величество четверть часа прохаживался по станціи и съ участіемъ разспрашивалъ обо всѣхъ подробностяхъ желѣзной дороги.

Ровно въ шесть часовъ на станціи остановился поѣздъ великолѣпныхъ императорскихъ вагоновъ съ королемъ Вильгельмомъ I и всею его свитой. Король прусскій, во фракѣ, первый ступилъ на платформу, и повидимому былъ въ восторгѣ отъ чрезвычайной вѣжливости, съ какою императоръ пріѣхалъ его встрѣтить. Оба государя дружелюбно пожали другъ другу руки, обмѣнялись нѣсколькими словами, тотчасъ прошли залъ станціи и сѣли въ первую карету, которая подъѣхала. Императору угодно было, чтобы король Вильгельмъ занялъ въ ней почетное мѣсто, а самъ сѣлъ съ лѣвой стороны. Ни одинъ изъ адъютантовъ не сѣлъ въ туже карету, и такъ какъ было условлено, что встрѣча произойдетъ безъ всякой торжественности, то за каретой не было никакой почетной стражи. Черезъ четверть часа весь поѣздъ каретъ въѣхалъ на дворцовый дворъ.

Ея величество императрица, имѣя у себя съ правой стороны княгиню д'Эслингъ, а кругомъ статсъ-дамъ и другихъ придворныхъ чиновъ, встрѣтила короля внизу большой почетной лѣстницы. Чувствуя такую высокую предупредительность, король прусскій наклонился два раза, чтобы дважды поцѣловать руку императрицы, которую король держалъ въ своей рукѣ, а потомъ подъ руку съ нею поднялся въ первый этажъ. Императоръ шолъ подъ руку съ княгинею д'Эслингъ. Оставшись нѣсколько минутъ въ большомъ залѣ, гдѣ огромныя вазы севрскаго фарфора были нагружены тропическими ароматнѣйшими растеніями, императоръ отвелъ короля въ приготовленные ему покои. Эти покои помѣщаются въ правомъ флигелѣ дворца. Меблировка комнатъ — въ стилѣ Людовика XVI. Спальня короля была обтянута бѣлою шолковою матеріей, тканою въ узоръ. Кресла и стулья голубого шолку.

Въ половинѣ седьмого ихъ величества сѣли за столъ. Это былъ семейный обѣдъ, всего на тридцать приборовъ; тамъ присутствовали только три министра, бывшіе въ Компьенѣ: министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Персиньи, государственный министръ Валевскій и министръ иностранныхъ дѣлъ Тувенель. Остальные собесѣдники были разные придворные дежурные при императорѣ и императрицѣ, а

послѣ обѣда, въ девять часовъ, была на дворцовомъ дворѣ охота за оленемъ.

Втеченіи дня императорская охота, подъ начальствомъ барона Ламберта, охотилась за оленемъ, который потомъ живой и былъ доставленъ во дворецъ. Въ девять часовъ открылись окна оружейнаго зала; король Вильгельмъ показался на балконѣ подъ руку съ императрицей, а императоръ сталъ по правую его руку. Шестьдесятъ лакеевъ въ великолѣпныхъ ливреяхъ освѣтили дворъ факелами и сдерживали любопытство толпы, для которой открыты были всѣ ворота. Три раза трубы проиграли торжественные охотничьи туши, три раза собаки бросались на оленя, но всякій разъ были отхлопнуты бичами, оглашая дворъ, дворецъ и всю окрестность радостнымъ лаемъ и жалобнымъ визгомъ. Наконецъ олень былъ имъ *данъ*. Короля прусскаго весьма заняло это зрѣлище.

Вечеръ долженъ былъ кончиться бесѣдою.

На другой день, 7 числа, въ девять часовъ утра августѣйшій гость любовался великолѣпнымъ отдѣльнымъ паркомъ и видомъ на прекрасный компьенскій лѣсъ. Вокругъ ихъ величествъ была вся императорская охота, маршалъ Маньянъ, князь де-ла Москова и маркизъ Тулонжонъ. Началась ружейная охота, съ такимъ жаромъ, съ такимъ оживленіемъ, что продолжалась до половины перваго. При чрезвычайномъ изобиліи дичи, убито было 762 штуки. Императоръ убилъ сто три штуки, король прусскій сто одну, а князь Рейсъ — сто семь.

Было уже около часу, когда весь дворъ сѣлъ за завтракъ, приготовленный съ изумительнымъ великолѣпіемъ на 76 приборовъ.

Въ три часа пополудни изъ дворца въѣхало въ лѣсъ пять большихъ шарабановъ, по двѣнадцати мѣстъ каждый. Императоръ, императрица и король прусскій занимали первую лавку въ первомъ шарабанѣ. Императрица была одѣта во вкусѣ временъ Людовика XV, въ сѣромъ платьѣ. На головѣ у ней была низенькая шляпа съ поднятыми по бокамъ полями, украшенная пѣтушьими перьями. Сначала предполагалось остановиться у Петровскихъ прудовъ, гдѣ была приготовлена закуска въ новомъ императорскомъ сельскомъ домикѣ. Но такъ какъ было уже довольно поздно, то проѣхали прямо въ Пьерфонъ, котораго великолѣпныя развалины теперь реставрируются и возобновляются.

Пьерфонъ — живописная развалина стариннаго феодальнаго замка, построеннаго въ XIV столѣтіи Людовикомъ орлеанскимъ, въ шестнадцати верстахъ отъ Компьена. Весьма часто онъ служилъ разбойничьимъ притономъ. Знаменитый Ріё занималъ этотъ замокъ отъ имени лиги, держался тамъ съ большою шайкою разбойниковъ и при помощи ихъ собиралъ дань съ окрестныхъ селъ, грабилъ

Digitized by Google

кущевъ и всякихъ пріѣзжихъ. Онъ сопротивлялся тамъ всѣмъ атакамъ лучшихъ полководцевъ Генриха IV. Теперь эта развалина съ большою любовью возобновляется императоромъ Наполеономъ.

Въ стѣнахъ самаго замка, на глыбахъ камней была приготовлена закуска, состоявшая изъ холоднаго мяса и плодовъ. Генералъ Флери сдѣлалъ тутъ ихъ величествамъ поэтическій сюрпризъ: онъ помѣстилъ во рву замка оркестръ гвардейскихъ музыкантовъ. Первые звуки музыки послышались слабо, едва внятно, подобно звукамъ эоловой арфы, пощаженной временемъ среди развалинъ. Король прусскій казался въ восторгѣ отъ этой деликатной сценической обстановки. Закуска была очень оживлена: императрица любитъ эти маленькіе сельскіе праздники.

Въ шесть часовъ, когда уже становилось темно, дворъ вернулся въ Компьень, объѣхавъ кругомъ пьерфонскія развалины. За императорскимъ поѣздомъ ѣхало по лѣсу нѣсколько сотъ экипажей.

Въ семь часовъ былъ большой обѣдъ на восемьдесятъ приборовъ. Въ девять часовъ король прусскій, подъ руку съ императрицей, и императоръ, подъ руку съ княгинею Анною Мюратъ, вошли въ императорскую ложу компьеньскаго театра. Императоръ и король прусскій, оба въ черныхъ фракахъ, сѣли посрединѣ ложи. Налѣво отъ короля сидѣла императрица, направо отъ императора княгиня Анна Мюратъ. На императрицѣ было бѣлое платье помпадуръ съ букетами розъ; на шеѣ великолѣпное брильянтовое ожерелье. На императорѣ была лента чернаго орла, а на королѣ прусскомъ лента почетнаго легіона. Позади ихъ величествъ, блистая лентами, орденами и нарядами, сидѣли маршалы, генералы, министры, придворные чины и дамы.

Сыграны были двѣ веселенькія пьесы, по поводу которыхъ ихъ величества нѣсколько разъ подавали сигналы къ восторженнымъ рукоплесканіямъ, а въ половинѣ двѣнадцатаго спектакль былъ конченъ, и дворъ возвратился въ пріемные апартаменты.

Осьмого октября, около десяти часовъ утра, полкъ колоновожатыхъ и батальонъ гвардейскихъ зуавовъ въ полной парадной формѣ вступили во дворецъ. Смотръ, который хотѣлъ сдѣлать король прусскій, ожидался на главной дорогѣ, ведущей черезъ лѣсъ, почему эта дорога заранѣе осаждена была зрителями. Другіе говорили, что смотръ будетъ на дворцовомъ дворѣ: и тамъ собралось множество народу. Каково же было общее удивленіе, когда войско вошло въ отдѣльный паркъ, куда уже никто попасть не могъ. Императоръ и король, оба въ гражданской одеждѣ, прогуливались уже на большой апельсинной терассѣ, когда зуавы и колоновожатые выстроились на большомъ лугу, передъ ними. Вскорѣ ихъ величе-

Digitized by Google

ства, къ сопровожденіи трехъ маршаловъ и нѣсколькихъ генераловъ, сошли внизъ, а императрица и придворныя дамы остались на терасѣ, чтобы наслаждаться общимъ видомъ. Король прусскій осмотрѣлъ всѣ подробности вооруженія пѣхотнаго и конного солдата и съ большими похвалами говорилъ о французскомъ войскѣ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго былъ поданъ завтракъ на восемьдесятъ приборовъ въ большомъ залѣ Діаны, знаменитомъ богатѣйшею позолотою и необыкновеннымъ вкусомъ отдѣлки. Въ четверть перваго король простился съ императрицей и поѣхалъ вмѣстѣ съ императоромъ на станцію желѣзной дороги. Императоръ оставилъ своего августѣйшаго гостя на ступеняхъ вагона, и всѣ бывшіе при прощаніи государей явственно могли слышать, что король прусскій выражалъ императору свою благодарность за внимательный пріемъ. Онъ прибавилъ даже, тономъ болѣе короткимъ и дружелюбнымъ: «поцѣлуйте за меня вашего сына». Потомъ онъ дружески пожалъ руку императора и вошолъ въ вагонъ. Тогда откланялись императору генералы и офицеры королевской свиты; каждому изъ нихъ его величество пожалъ руку, и остался на площадкѣ до тѣхъ поръ, пока поѣздъ тронулся.

Черезъ пять дней послѣ того пріѣхалъ въ Компьень король нидерландскій Вильгельмъ III. Его посѣщеніе было продолжительнѣе только-что разсказаннаго нами, и въ нихъ довольно много сходнаго, такъ что мы не станемъ разсказывать о немъ такъ подробно. Онъ пріѣхалъ 13 числа. На другой день точно также ѣздили въ Пьерфонъ, закусывали тамъ и слушали музыку, а вечеромъ присутствовали на парадномъ спектаклѣ. На третій день была псовая охота за оленемъ, замѣчательная въ особенности тѣмъ, что въ этотъ день въ первый разъ императорскій принцъ присутствовалъ на охотѣ въ настоящемъ охотничьемъ костюмѣ и съ начала охоты верхомъ. Онъ получилъ *пуговку*, что и было причиною особеннаго прекраснаго семейнаго праздника. Извѣстно, что немногіе удостоиваются чести быть приглашонными на императорскую охоту, а изъ приглашонныхъ весьма немногіе, за свою ловкость и пріятное обращеніе, получаютъ право являться на охоту въ особенномъ, присвоенномъ для охоты мундирѣ: зеленый пиджакъ съ золотымъ и серебрянымъ шитьемъ по швамъ, амарантовый жилетъ и бѣлые лосины. Удостоенные этой высокой чести получаютъ особенную *пуговку*, нѣчто въ родѣ ордена почетнаго охотничьяго легіона. Публика, стоявшая толпами на всѣхъ перекресткахъ компьеньскаго лѣса, встрѣчала громкими рукоплесканіями юнаго шестилѣтняго принца, ѣхавшаго на сборное мѣсто въ полной охотничьей формѣ на маленькой лошадкѣ половой масти. Императоръ и императрица, ѣхавшіе сзади

съ королемъ Вильгельмомъ въ шарабанѣ, не могли безъ волненія видѣть, какое трогательное впечатлѣніе производитъ на зрителей новый кавалеръ императорской охоты.

Потомъ началась охота, императоръ и императрица сѣли верхами, также какъ и принцеса Анна Мюратъ и большая часть приглашенныхъ. Затравили оленя, прогонявъ его цѣлые полтора часа. Вечеромъ того же оленя травили собаками на дворцовомъ дворѣ, при заказахъ, со всею пышностью, какая была при королѣ прусскомъ.

Черезъ два дня послѣ этого король осматривалъ версальскую галерею, а послѣ завтрака, близь Тріанона, была опять большая охота, но на этотъ разъ ружейная, подъ руководствомъ князя де-ла-Москова, императорскаго оберъ-егермейстера. Ихъ величества со свитою убили 1320 штукъ дичи. Цѣлые три часа продолжался въ лѣсу батальный огонь. На долю ихъ величествъ досталось штукъ по полтораста.

Между тѣмъ на маленькомъ дворѣ тріанонскаго павильона выстроилась батарея гвардейской артилеріи, чтобы маневрировать въ присутствіи нидерландскаго короля, который выразилъ желаніе видѣть это воинское представленіе. Въ четыре часа начались маневры, передвиженія, перестроенія, примѣрное заряженіе, отступленіе, перемѣна положенія, и все это съ изумительною точностью и правильностью, на самомъ небольшомъ пространствѣ. Послѣ церемоніальнаго марша, артилерія выстроилась во фрунтъ, пропустила кареты, въ которыхъ императоръ, король и вся свита возвращались въ Парижъ, и потомъ, въ качествѣ тѣлохранителей, во весь опоръ провожала императорскую карету до самаго выѣзда изъ версальскаго лѣса. Пушки и зарядные ящики производили страшный шумъ и громъ, и поѣздъ былъ самый воинственный. Эта батарея получила, передъ выѣздомъ изъ Тріанона, пятьдесятъ зайцовъ изъ императорской охоты, а встрѣчные прохожіе и улыбались, и въ тоже время были тронуты, видя зайцевъ, привѣшенныхъ къ сѣдламъ нѣкоторыхъ солдатъ; да, были тронуты великодушіемъ императора, который хотѣлъ, чтобы всѣ, даже простые солдаты, принимали участіе въ его праздникѣ.

Но довольно — объ этихъ милыхъ, дружелюбныхъ, трогательныхъ встрѣчахъ, смотрахъ, празднествахъ, закускахъ. Мы забыли только сказать, что при встрѣчѣ короля нидерландскаго, императрица была въ голубомъ платьѣ, а императорскій принцъ въ гренадерскомъ мундирѣ. Довольно обо всемъ этомъ. Счастливая Франція не знаетъ теперь другой политики, и газеты, на этихъ двухъ королевскихъ визитахъ, какъ на канвѣ, вышиваютъ узоры своего

Digitized by Google

собственнаго изобрѣтенія. И судя по ихъ самоувѣренности по ихъ словамъ, явно, что каждая изъ нихъ присутствовала при бесѣдахъ королей съ императоромъ, каждая имѣла своего собственнаго корреспондента тамъ, гдѣ двѣ коронованныя особы разговаривали съ глазу на глазъ, только вдвоемъ.

Одна газета говоритъ, что теперь уже рѣшена участь Германіи: къ Франціи присоединяется лѣвый берегъ Рейна и Бельгія вся, а Пруссія за эту уступку станетъ во главѣ германской имперіи. Другая газета говоритъ, что неправда, что объ этомъ и разговору не было, что императоръ затѣмъ только и пригласилъ къ себѣ короля, чтобы внушить ему, какъ поступать въ голштинскомъ вопросѣ. Третья увѣряетъ, будто все это пустяки и ничего этого не было, а толковали только о признаніи итальянскаго королевства и о томъ, что Австріи уже недолго осталось жить на свѣтѣ. Четвертая трубитъ во весь голосъ, что теперь Германія почти-что наша, потому-что генералы и офицеры свиты короля прусскаго, откланиваясь императору, цѣловали ему руку. Такое храброе сочиненіе вызвало протестъ въ прусскихъ газетахъ, которыя утверждаютъ, что прусскіе офицеры не цѣлуютъ руку своему королю, такъ съ какой же стати стали бы цѣловать руку чужому императору? Не знаю, дойдетъ ли этотъ протестъ до французскихъ читателей не дойдетъ, да еслибы и дошелъ, то уже поздно: тщеславная нація уже успѣла насладиться новымъ, хотя и воображаемымъ торжествомъ, и пусть тамъ себѣ толкуютъ кто что хочетъ, а мы, французы, первый народъ въ мірѣ, ведемъ войну за идеи, а наши воды и идеи торжествуютъ. Нѣтъ возможности, даже и не любопытно слѣдить за всѣми разглагольствованіями газетъ по поводу совѣщаній. Газетный муравейникъ расползся по всѣмъ направленіямъ, имѣя однакоже одну общую мысль, что воинская слава Франціи гремитъ по всей вселенной, и всякая либеральная идея всегда будетъ имѣть Францію защитницей, покровительницей и проводницей.

Какъ бы то ни было, въ послѣднія двѣ недѣли очень многія газеты и даже двухнедѣльное изданіе «Revue des deux Mondes», получили предостереженія, будто бы за возбужденіе негодованія и презрѣнія къ правительству. Подвергнувшаяся опалѣ статья «Revue des deux Mondes» перепечатана въ нашемъ «Journal de St. Pétersbourg»; но г. Перенье становится все болѣе и болѣе непоколебимымъ, осторожнымъ, стараясь не давать пищи и потребностямъ высказываться публично. Исторія научитъ его, что вслухъ высказанныя нужды могутъ, чего добраго, возбудить сочувствіе и искать удовлетворенія. А этого онъ никакъ позволить не можетъ: если правительству придется слушать нужды народныя,

Digitized by Google

то оно, по мнѣнію г. Персиньи, хотя и будетъ полезно, не можетъ пожалуй потерять свое обязательное, недоступное величіе.

Между другими предостереженіями, сдѣлано одно очень замѣчательное: предостереженіе благотворительнымъ обществамъ. Министръ разослалъ префектамъ циркуляры, въ которыхъ обращаетъ ихъ вниманіе на то, что нѣкоторыя благотворительныя общества существуютъ въ провинціяхъ безъ особеннаго разрѣшенія ихъ правительствомъ и потому имѣютъ нѣкоторымъ образомъ видъ тайныхъ обществъ. Такъ какъ въ благоустроенномъ государствѣ такого рода общества терпимы быть не могутъ, то приказано префектамъ всѣ ихъ разрѣшить и утвердить, такъ какъ благотворительность — дѣло святое. Но это дѣло по преимуществу мѣстное; благотворители всего лучше исполняютъ свое великое призваніе относительно тѣхъ неимущихъ, которые живутъ возлѣ нихъ, стало-быть они, благотворители, никакой не имѣютъ нужды въ центральныхъ комитетахъ, и дѣйствуя въ провинціи, не нуждаются въ руководствѣ и указаніяхъ какого-нибудь комитета въ Парижѣ, такъ какъ подобный комитетъ, не зная близко дѣлъ и вмѣшиваясь въ нихъ, можетъ только стѣснять и ничѣмъ не пособитъ благому дѣлу. Поэтому всѣ центральные комитеты такого рода предположено закрыть, чтобы не вводить ихъ въ искушеніе заниматься политическими дѣлами, которыя вовсе до нихъ не касаются.

Эта мѣра была вообще благосклонно принята газетами. Не только въ дѣлахъ благотворительныхъ, но и въ большей части остальныхъ дѣлъ жители каждой общины лучше всѣхъ знаютъ свои потребности и нужды, и ежели въ чемъ-нибудь имъ нуженъ бываетъ центръ, напр. для согласнаго дѣйствія по общимъ дѣламъ въ одномъ направленіи, то конечно центральный комитетъ, дающій имъ направленіе дѣламъ, долженъ быть избранъ различными мѣстными комитетами, а не навязываться силою, какъ это дѣлаетъ парижскій комитетъ благотворительнаго общества Saint-Vincent de Paul, въ чемъ справедливо упрекаетъ его министръ въ своемъ циркулярѣ.

Но всѣ эти прекрасныя фразы разрѣшаются очень просто. Католическое духовенство, подъ вліяніемъ Рима, составляетъ оппозицію глухую, закрытую, дѣйствующую внутри совѣсти каждаго изъ прихожанъ; и тоже самое духовенство принимаетъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ благотворительнаго общества Saint-Vincent de Paul, которое такимъ образомъ составляетъ нѣчто въ родѣ политической оппозиціи. Нужно было прекратить это, и министръ сдѣлалъ это подъ весьма благовиднымъ предлогомъ освобожденія мѣстныхъ комитетовъ отъ центральнаго. Жаль только (съ его же точки зрѣнія), что онъ говоритъ непріязненно о центральномъ па-

Digitized by Google

рижскомъ комитетѣ, который навязывается другимъ насильно. Это можетъ повести къ сближеніямъ, неблагопріятнымъ для централизаціи, къ которой такъ склонна Франція.

Кстати: говоря о католическомъ духовенствѣ, нельзя не вспомнить недавняго процеса Берара. Въ этомъ процесѣ играли очень незавидную роль весьма многіе каноники. Все это дѣло, грязное, гадкое, воровское, состоитъ вотъ въ чемъ... Но странно же, что говоря о Франціи, почти всякій мѣсяцъ приходится заносить въ хронику одно или нѣсколько грязнѣйшихъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшаны лица съ прекрасными, почтенными именами или званіями!

Нѣкоторая дама, которой мужъ пользуется общимъ уваженіемъ, госпожа де Берти, жила довольно открыто; ея гостиная, часто посѣщаемая многими духовными лицами, каноникамъ благородной наружности и щеголеватой, но благоприличной выдержки, была мѣстомъ всевозможныхъ интригъ. Тамъ занимались направленіемъ совѣстей, свадьбами, морганатическими или побочными браками, сомнительнымъ помѣщеніемъ капиталовъ, комиссіонерствами разнаго рода. Героями этой гостиной были нѣкто г. Бераръ, кавалеръ ордена почетнаго легіона, ловкій пройдоха, и графъ д'Омбръ, еще болѣе ловкій промышленникъ, почти можно сказать, что маленькій Миресъ. Это почтенное общество, состоящее изъ мадамъ де Берти, мосьё де Берара, графа д'Омбра, нѣсколькихъ священниковъ, мадамъ де Шоффье и другихъ, въ послѣднее время дѣятельно занималось разработкою чужихъ кармановъ при помощи изобрѣтенныхъ ими богатѣйшихъ каменноугольныхъ копей въ княжествѣ Валлійскомъ. Добыли бумаги на какія-то давно заброшенныя по невыгодности копи, накупили въ другихъ мѣстахъ каменнаго угля и продали его въ Парижѣ. Это было нѣчто въ родѣ образцовъ, шесть барокъ. Такъ какъ дѣло обработывалось откровенно, такъ сказать на чистоту, продажа прекраснаго угля происходила кто, кому же переговоры шли въ великолѣпномъ салонѣ мадамъ де Берти, то и нашлось немало довѣрчивыхъ людей, которые просили принять ихъ въ долю, и внесли свои деньги на разработку копей въ большихъ размѣрахъ. Кто внесъ 11,000 франковъ, кто 76,000, кто 30,000, кто 34,000, кто 20,000, и т. д., и дѣло пошло на лѣтъ; мосье де Бераръ и мадамъ де Берти зажили было отлично; но, по просьбѣ одного изъ обобранныхъ, судъ нашолъ, что они воры, и посадилъ ихъ въ тюрьму. Графъ д'Омбръ успѣлъ скрыться и приговоренъ заочно.

Англійскія дѣла

Когда англійскій парламентъ не въ сборѣ, тамъ нѣтъ дѣлъ политическихъ. Зато газеты тѣмъ усерднѣе занимаются политикой и вершатъ европейскіе вопросы каждая на свой ладъ, впредь до слѣдующаго перерѣшенія. Въ государствѣ съ такими прочными основными учрежденіями не можетъ быть большихъ внутреннихъ переворотовъ, и тамъ уже считается ужасно смѣлымъ преобразователемъ тотъ, кто предложитъ мѣру самую естественную по обыкновенному человѣческому разуму, не искалѣченному предразсудками касты. Казалось бы, что ежели устроено правленіе представительное, то должно быть по одному выборному съ извѣстнаго числа жителей, покамѣстъ все равно съ какого. Въ Англіи эта мысль кажется нетолько слишкомъ смѣлою, но даже революціонною, чуть ли не республиканскою. Многіе государственные люди Англіи, понимая всю нелѣпость этого, старались ввести преобразованіе на болѣе разумный ладъ; но не успѣвали въ этомъ, встрѣчая тупое, рутинное сопротивленіе представителей. При такой преувеличенной наклонности къ поддержанію старыхъ порядковъ во что бы то ни стало, нечего ждать изъ Англіи особенно важныхъ и любопытныхъ новостей. Зато различные вопросы наперерывъ обсуживаются газетами, которыя служатъ тамъ довольно вѣрнымъ зеркаломъ общественнаго мнѣнія. Это послѣднее само бываетъ измѣнчиво смотря по слоямъ и отдѣламъ общества и по времени, и потому ничего нѣтъ удивительнаго, что и газетныя мнѣнія мѣняются съ большою легкостью.

Напримѣръ извѣстная газета «Times» перемѣняетъ свои мнѣнія два раза въ недѣлю, иногда черезъ день, но случается, что и всякій день. По поводу компьеньскаго посѣщенія короля прусскаго, явилась въ этой газетѣ энергическая выходка противъ Франціи; въ отвѣтъ на это французскія газеты разразились возраженіями; а черезъ день, еще не получивъ парижскихъ возраженій, таже газета помѣстила равнодушнѣйшую статью, которая не подозрѣваетъ въ визитѣ, сдѣланномъ императору французовъ королемъ прусскимъ ничего, кромѣ обыкновенной, ничего незначущей вѣжливости, безъ малѣйшаго оттѣнка политическихъ намѣреній.

«Король прусскій — говоритъ «Times» — былъ принятъ въ Компьенѣ съ лишнею учтивостью. Печать встрѣтила его съ совершенно непонятною лестью, и полуофиціальный публицистъ, эта новая сила, которую Людовикъ-Наполеонъ имѣлъ честь изобрѣсти, привѣтствовалъ его брошюрой. Король прусскій болѣе обратитъ внима-

нія на брошюру, чѣмъ на лесть печати и на учтивость монарха, не потому чтобы въ брошюрѣ выражались истинныя мысли французскаго правительства, а потому, что въ ней изложено то что́ правительство хочетъ выдать за свои убѣжденія. Конечно, никому не придетъ въ голову болѣе страннаго способа поздравить съ пріѣздомъ важнаго гостя, пріѣхавшаго изъ-за границы, какъ тотъ способъ, который придуманъ французскою печатью.

«Принимая важнаго иностранца, удивительно странно увѣрять его, что вы не имѣете ни малѣйшаго намѣренія захватить его, обобрать или убить. Между друзьями, даже между обыкновенными знакомыми такое прекрасное намѣреніе считается обыкновенно извѣстнымъ заранѣе. Но что́ сдѣлала Франція? Вѣроятно же французское правительство унало въ своихъ собственныхъ глазахъ, если сочло нужнымъ дружественнаго государя, посѣтившаго Францію, увѣрять, будто оно не имѣетъ намѣренія сдѣлать изъ рѣки, текущей по Пруссіи, свою естественную границу. Цѣль брошюры *Рейнъ и Висла* состоитъ въ томъ, чтобы увѣрить *короля* прусскаго, будто Франція не намѣрена раздвинуть свои границы до большой германской рѣки потому собственно, что это невыгодно. Эта аргументація сама по себѣ неуспокоительна. Да и ни одинъ человѣкъ не считалъ бы себя въ безопасности, еслибы очень сильный иностранецъ увѣрялъ его, что онъ ненамѣренъ отнять у него часы потому собственно, что часы ему теперь ненужны. Можно бы имѣть къ нему нѣсколько болѣе довѣрія, еслибы онъ сослался на принципы нѣсколько болѣе возвышенной нравственности. Справедливое и несправедливое неизмѣнны; но всякій день человѣкъ можетъ перемѣнить свое мнѣніе касательно своихъ выгодъ, и можетъ найти полезнымъ выразить по этому поводу новое мнѣніе.

«Совершенно справедливо, какъ утверждаетъ брошюра, что рѣка — дурная граница, дурная линія защиты; правда, что сила Франціи заключается въ ея однородности; и мы можемъ прибавить, что военныя операціи для овладѣнія Рейномъ, и ударъ, который былъ бы этимъ нанесенъ возникающей промышленности, были бы слишкомъ высокою цѣною. Брошюра говоритъ намъ, что французское войско неодолимо; а неодолимыя войска не ищутъ сильныхъ границъ. Правда, что Савойя и Ницца требовались нами прелатомъ, будто надо усилить восточныя границы Франціи; но тогда это никого не обманывало. Всѣ поняли, что Савойя и Ницца присоединены были только для удовлетворенія страсти къ расширенію, что́ брошюра отрицаетъ у Франціи.

«Не ради отыскиванья границъ первая республика и первая

имперія перенесли оружіе на Эльбу, на Вислу, на Нѣманъ и дальше. Если Рейнъ дурная граница, то можетъ-быть найдется лучшая на востокъ отъ него, въ горахъ. Кто объясняетъ, что не беретъ извѣстной вещи собственно потому, что это ему невыгодно, этимъ самымъ допускаетъ, что онъ готовъ брать все что́ найдетъ выгоднымъ взять. Тѣ, которые хвалятся, что они разорвали вѣнскій трактатъ и не признаютъ своимъ желаніямъ иныхъ предѣловъ, кромѣ того, что́ они считаютъ выгоднымъ, тѣ можетъ-быть внушатъ страхъ своими силами, но не могутъ надѣяться внушить прочное довѣріе на такомъ шаткомъ основаніи...»

Другая статья той же газеты, черезъ два дня, говоритъ нѣсколько иначе, но тоже несовсѣмъ дружелюбно:

«Можетъ-быть было бы ошибочно приписывать большую важность свиданіямъ государей, которые въ послѣдніе годы стали довольно часты. Государи — тоже люди, и очень естественно, что когда всѣ путешествуютъ, имъ тоже хочется посмотрѣть и столицы, и государства, гдѣ правятъ ихъ августѣйшіе братья. Потомъ любопытство, вѣжливость и сверхъ-того добрыя чувства, возбужденныя почестями, вызываютъ ихъ къ отдачѣ болѣе или менѣе торжественныхъ визитовъ. Можетъ-быть посѣщеніе короля Вильгельма прусскаго было поводомъ къ какимъ-нибудь важнымъ и таинственнымъ объясненіямъ; но гораздо вѣроятнѣе, что два государя великихъ военныхъ сопредѣльныхъ державъ, другъ друга подозрѣвающіе, сочли удобнымъ оказать взаимную вѣжливость, чтобы разсѣять страхи, возникшіе въ Европѣ по поводу ихъ предполагаемыхъ несогласій.

«Хотя императоръ французовъ есть государь признанный и могущественный, хотя онъ и началъ двѣ войны, оконченныя имъ успѣшно; однако онъ еще не такъ совершенно вошелъ въ категорію законныхъ государей, чтобы совершенно быть равнодушнымъ къ обществу германскаго государя первой величины. Завлечь прусскаго короля въ свою гостиную, угостить его великолѣпно, нарядить его свиту орденами, принимать важные комплименты берлинскихъ придворныхъ, — это не послѣднее удовольствіе даже для побѣдителя при Маджентѣ и Сольферино. Съ другой стороны, король, еще такъ недавно сдѣлавшійся прусскимъ государемъ, весьма можетъ съ удовольствіемъ принять приглашеніе такого могущественнаго и политичнаго главы государства. Если прусскій дворъ не очень измѣнился, то онъ извѣстенъ именно за самый честолюбивый дворъ въ Германіи. Встарину главное стремленіе его состояло въ расширеніи прусскихъ границъ: теперь мечта о при-

Digitized by Google

соединенія провинцій замѣнена мечтою о пріобрѣтеніи преобладанія надъ всей Германіей...»

Одна изъ самыхъ лучшихъ охотничьихъ газетъ въ Англіи дѣлаетъ преимущественно замѣчанія объ охотѣ, происходившей въ компьенскомъ и тріанонскомъ паркахъ.

«Не станемъ говорить о политической сторонѣ знаменитыхъ визитовъ. Очень можетъ быть, что они имѣютъ чудное, колоссальное, ужасающее, неодолимое вліяніе на судьбы міра; можетъ-быть при слѣдующемъ свиданіи будутъ подаваться на охотничьемъ завтракѣ тартинки... можетъ-быть это будетъ вкусно и даже удобоваримо. Ничего мы этого не знаемъ: наше дѣло спортъ и охота.

«Говорятъ, что короли любятъ охоту, что это королевское удовольствіе. Слѣдуетъ замѣтить, что короли едва ли имѣютъ понятіе объ истинныхъ наслажденіяхъ охоты. Чтобы пить съ удовольствіемъ, надо чувствовать жажду, а охотиться значитъ — съ жаждою искать, въ надеждѣ найти и убить. Чтобы чувствовать удовольствіе, доставляемое полнымъ яхташомъ, надо испытать иногда, что значитъ нести его пустымъ, такъ что онъ развѣвается по вѣтру. Карлъ X былъ великій охотникъ; онъ убивалъ по семи и по восьми сотъ штукъ въ день; мимо его безпрерывно тянулась вереница куропатокъ и кроликовъ, зайцевъ и фазановъ, и ему оставалось только выбирать. По-нашему, это весьма печальное занятіе. Вообразите фермера, котораго птичный дворъ находится въ большой исправности и хорошо населенъ. Беретъ нашъ фермеръ охотничье ружье, стрѣляетъ направо и налѣво, и по окончаніи охоты восклицаетъ радостно, что убилъ триста штукъ! — Чтобы находить настоящее удовольствіе въ охотѣ, надо отправляться съ смутнымъ страхомъ, что ничего не принесешь. Первая убитая штука доставляетъ огромное наслажденіе: что-нибудь уже да есть въ карманѣ, и охотникъ идетъ далѣе спокойнѣе, болѣе твердымъ шагомъ. Далѣе пятьсотъ штукъ едва ли вмѣстѣ доставляютъ такое удовольствіе, какъ одна первая. Но когда счастливые дни считаются въ восемьсотъ штукъ, а несчастливые въ семьсотъ, — разницы мнѣ никакой: что за дѣло, нагружены ли фуражки верхомъ, или только полны ло-верху? Удовольствіе настоящаго охотника начинается въ то мгновеніе, когда собака нападетъ на слѣдъ дичи. У нормандцевъ нѣтъ такихъ собакъ, а если и есть, то они ихъ не употребляютъ: лаянье собаки испортитъ сотни полторы-или двѣ законныхъ. Далѣе, удовольствіе усиливается, когда собака останавливается надъ притаившеюся въ травѣ дичью, дѣлаетъ стойку. Короли никогда не видывали стойки хорошей собаки: передъ ними течетъ непрерывная рѣка дичи. Охотникъ наслаждается цѣлымъ днемъ

изъ пасти собаки; разсматривая убитую штуку, онъ видитъ, какъ попалъ зарядъ; по этому поводу онъ дѣлаетъ комментаріи, которыя повторяются, когда дичина является въ видѣ жаркого; подъ кирасой изъ свиного сала. Онъ подробно разсказываетъ друзьямъ, какъ что было, какъ она поднялась, какой сдѣлала крюкъ, и все слегка преувеличиваетъ, чтобы виднѣе была его ловкость, все въ пользу своего самолюбія. Короли видятъ дичину не иначе, какъ на разстояніи двадцати шаговъ, не трогаютъ ее никогда и кушаютъ безъ удовольствія. Дѣло ихъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать тысячу выстрѣловъ. — Герцогъ бурбонскій стрѣлялъ, говорятъ, хорошо; это возможно; но всегда есть поводы сомнѣваться въ ловкости принца, когда онъ не стрѣляетъ иначе, какъ въ стадо зайцевъ. Двѣнадцать егерей заряжали ему ружье, сто загонщиковъ гнали дичь; принцъ стрѣлялъ, стрѣлялъ; поле битвы покрыто было мертвыми. Но любопытно бы посмотрѣть, какъ этотъ принцъ безполезно шарилъ бы по кустамъ впродолженіи двухъ часовъ битыхъ, а потомъ вдругъ неожиданно выскочилъ бы заяцъ отъ него въ сорока шагахъ. Попалъ ли бы онъ? — Весьма сомнительно.

«Надо искать дичь; если она идетъ къ вамъ сама, то удовольствіе далеко не то. Впрочемъ, можетъ-быть имъ некогда ухаживать за дичью и потому они предпочитаютъ готовую. Но все же это не охота...»

Послѣднія извѣстія

Въ Австріи дѣла мало-помалу устроиваются, улаживаются и приводятъ въ порядокъ. 5 октября собирались въ Генуѣ нѣкоторые венгерскіе эмигранты и многіе члены бывшаго и распущеннаго пестскаго сейма, собрались и постановили слѣдующія рѣшенія: «То, что происходитъ въ нашей странѣ, можетъ съ минуты на минуту произвести политическій переворотъ, и потому необходимо теперь же заняться будущностью нашего дорогого отечества. Поэтому, признавая въ лицѣ князя Круи-Чанеля венгерскаго наслѣдника Андрея III, прозваннаго венеціянскимъ, мы ручаемся ему за ниже содѣйствіе въ томъ, чтобы всеобщею подачею голосовъ признаны были его права на корону. Восшествіе на престолъ наслѣдника св. Стефана только и можетъ возвратить Венгріи спокойствіе, благосостояніе и независимость».

Между тѣмъ, такъ какъ австрійскій государственный совѣтъ не въ полномъ составѣ, и онъ, по смыслу февральской конституціи, не могъ заняться разсмотрѣніемъ бюджета на 1862 годъ, то на слѣдующій годъ, особеннымъ рескриптомъ, утвержденъ старый бю-

Digitized by Google

джетъ 1861 года безъ измѣненій, съ тѣмъ, что измѣненія могутъ происходить впослѣдствіи, если государственный совѣтъ пополнится всѣми неприсланными въ него членами.

Въ Венгріи объявленъ рекрутскій наборъ, но мѣстныя власти полагаютъ, что онъ не можетъ произойти успѣшно, ибо на каждомъ шагу будетъ встрѣчаться сопротивленіе. Комитаты получили даже приглашеніе изъ Вѣны содѣйствовать рекрутскому набору; а на это предложеніе отвѣчалъ кардиналъ-примасъ, монсиньоръ Щитовскій, въ качествѣ начальника гранскаго комитата, объявляя, что тамошнія присутственныя мѣста не только не рекомендуютъ своимъ чиновникамъ содѣйствовать набору, но прямо имъ это запретятъ. Кардиналъ предлагаетъ императору пріѣхать въ Буду, чтобы разсѣять опасенія касательно конституціи, находящейся въ опасности, и принять мѣры для скорѣйшаго созванія сейма. До тѣхъ поръ пока императоръ такимъ образомъ не избавится отъ иноземнаго вліянія, не могутъ разрѣшиться вопросы о налогахъ и рекрутскомъ наборѣ.

Вслѣдствіе этого кардиналъ-телеграфомъ вызванъ въ Вѣну, чтобы оправдаться или объясниться по поводу письма, адресованнаго имъ канцлеру. Между тѣмъ канцлеръ получилъ на свой циркуляръ отвѣты отъ всѣхъ комитатскихъ начальниковъ или губернаторовъ: всѣ отвѣты согласны съ словами князя-примаса и заключаютъ въ себѣ отказы отъ содѣйствія рекрутскому набору.

Кроатскій сеймъ, безъ всякихъ объясненій, просто отказалъ послать своихъ представителей въ государственный совѣтъ, а въ Трансильваніи, гдѣ сеймъ скоро долженъ былъ собраться, встрѣтились разныя конституціонныя препятствія, и сеймъ не соберется ранѣе конца ноября или даже въ декабрѣ. Но вѣнскія газеты никакого не ждутъ проку отъ этого собранія, такъ какъ и при самыхъ выборахъ венгерскій элементъ не довольно отстраненъ.

Такимъ образомъ австрійскія дѣла и отношенія уясняются все болѣе и болѣе, и въ самомъ скоромъ времени конечно придутъ въ совершенный порядокъ: наступитъ царство силы, и страна впадетъ въ глубокій, летаргическій сонъ, застынетъ.

Но уже Австрія и вся Европа ждутъ отставки перваго министра и фонъ Шмерлинга. Сочиненная имъ февральская конституція не принимается; очевидно, что его сочиненіе не нравится никому; ясно, что этому сочиненію суждено провалиться на полкахъ книгопродавцевъ, оно не разойдется. А навязать его насильно, сдѣлать обязательнымъ — нельзя.

Въ Италіи дѣла, напротивъ, запутываются, благодаря особен-

Digitized by Google

ному усердію клерикальныхъ и вообще реакціонныхъ газетъ. Онѣ увѣряютъ, что подвигами такъ называемыхъ приверженцевъ законнаго порядка и короля, ньемонтцы, разбойническимъ образомъ захватившіе Неаполь, стѣснены до послѣдней степени въ бывшемъ королевствѣ Обѣихъ Сицилій, такъ что уже недалеко теперь то время, когда законный король можетъ возвратиться, чтобы стать во главѣ своихъ вѣрныхъ воиновъ. Съ другой стороны, газеты итальянскія увѣряютъ, что разбойники, во имя бывшаго короля грабящіе города, села, деревни, убивающіе мирныхъ гражданъ и путешественниковъ, скоро будутъ истреблены до послѣдняго, что теперь ужь ихъ немного, такъ что и говорить о нихъ нечего: стоитъ только посылать небольшіе отряды пошарить въ горахъ и переловить воровъ. Правда конечно заключается между этими двумя крайностями.

Между тѣмъ бывшій іезуитъ, патеръ Пассалья, выдалъ одну за другою двѣ брошюры, въ которыхъ доказываетъ, на основаніи религіозныхъ источниковъ, что для цѣлости, благополучія и преуспѣянія католичества свѣтская власть папы вовсе ненужна, что она есть плодъ человѣческихъ комбинацій и ухищреній, а вовсе не священное, религіозное учрежденіе. Съ другой стороны, бывшій министръ Людовика Филипа, г. Гизо, протестантъ, въ своемъ новомъ сочиненіи доказываетъ, что свѣтская власть духовнаго главы католичества совершенно необходима для сохраненія мира Европы, для блага католичества, для счастія человѣчества, и такъ далѣе.

Въ тоже время говорятъ, что къ марту будущаго года Италія снаряжаетъ 300.000 человѣкъ войска и будетъ готова ко всевозможнымъ случайностямъ.

Въ Кенигсбергѣ благополучно и чрезвычайно торжественно совершилось коронованіе его величества короля Вильгельма I, въ присутствіи большого числа представителей всѣхъ европейскихъ дворовъ. При этомъ было много колокольнаго звона, пушечныхъ выстрѣловъ, торжественныхъ гимновъ, поздравительныхъ и отвѣтныхъ рѣчей. Король говорилъ много разъ, по поводу представлявшихся ему представителей разныхъ вѣдомствъ, и преимущественно обращалъ ихъ вниманіе на то, что онъ «получаетъ корону отъ Бога, и потому созвалъ ихъ для присутствованія при возложеніи имъ на себя короны предковъ». Въ привѣтственныхъ рѣчахъ были выражены чувства преданности, самопожертвованія, готовности къ услугамъ и тому подобное.

Такимъ образомъ по цѣлой Европѣ хотя и дѣлаются военныя

приготовленія, но дѣла имѣютъ характеръ торжественно-мирный, законно-спокойный. Только въ Турціи законныя власти вовсе не законно обращаются съ порабощенными христіанами, грабятъ ихъ, рѣжутъ, насилуютъ. Только во Франціи наступила неслыханная дороговизна на хлѣбъ, такъ что въ Парижѣ цѣна печенаго хлѣба дошла до 50 сантимовъ за килограмъ. Это произвело значительное неудовольствіе, почти даже волненіе. Но правительство, черезъ кассу булочниковъ приняло мѣры для предупрежденія еще большаго возвышенія цѣнъ. Къ счастію, возрастаніе цѣны прекратилось само собою, и дѣло пошло на убыль. Килограмъ равняется $2\frac{1}{2}$ нашимъ фунтамъ, а 50 сантимовъ (по послѣднему курсу въ 350 франковъ за 100 рублей) нѣсколько менѣе 11 копѣекъ. Стало быть фунтъ бѣлаго хлѣба въ Парижѣ стоитъ $4\frac{1}{2}$ копѣйки, что тамъ составляетъ уже огромную дороговизну. У насъ же фунтъ ситника второго и перваго сорта продается за $3\frac{1}{2}$ и 5 копѣекъ, а въ французскихъ булкахъ 6 копѣекъ.

Въ Америкѣ война застыла. Два вражескіе стана, сѣверные и южные, «другъ друга хитро облегли» въ трехъ довольно отдѣльныхъ пунктахъ. Любопытно видѣть на сколько подвинутся дѣла отъ пріѣзда въ сѣверный лагерь двухъ принцевъ орлеанской фамиліи, которые до сихъ поръ жили въ Англіи. Нѣкоторыя англійскія газеты увѣряютъ, что смѣлыхъ и рыцарственныхъ молодыхъ людей дома орлеанскаго привлекаетъ въ Америку жажда крови, а другія, будто республиканское начало въ Америкѣ отжило свой восьмидесятилѣтній вѣкъ, и молодые люди хотятъ попытать счастья, устроивъ тамъ прочную и сильную монархію.

СМѢСЬ

ВОПРОСЪ О КОЛОНИЗАЦІИ

Цѣль колонизаціи. — Выборъ мѣстъ. — Необходимость точныхъ свѣденій о колонизируемыхъ странахъ. — Выборъ колонистовъ. — Обязательныя переселенія. — Колоніи штрафныхъ. — Колоніи иностранцевъ. — Способы выселенія и перевозки колонистовъ. — Водвореніе переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. — Продажа земель. — Нравственныя потребности колонистовъ. — Самостоятельность колоній.

Вопросъ о колонизаціи мѣсяцевъ пять назадъ подвергался публичному обсужденію въ политико-экономическомъ комитетѣ географическаго общества. Члены разныхъ ученыхъ сословій и обществъ, экономисты, путешественники и другія лица, богатыя многосторонними свѣденіями и опытомъ, собирались въ теченіи трехъ вечеровъ на эти засѣданія. Протоколы этихъ собраній напечатаны, и вѣроятно прочитаны публикою, интересующеюся предметомъ преній или ихъ содержаніемъ.

Надобно однакожъ сознаться, что того значенія, какое ожидалось сначала, эти сужденія вовсе не получили. Публика какъ-будто забыла о нихъ на другой же день послѣ собраній. Замедленіе ли въ обнародованіи отчетовъ о засѣданіяхъ, или другія обстоятельства были причиною этого, мы не можемъ сказать; но полагаемъ лично отъ себя, что самый характеръ преній, ихъ отвлеченность и, если позволено сказать, безсистемность были не малымъ поводомъ къ признанію безплоднымъ прекраснаго начинанія. Отсутствіе точныхъ, опредѣлительныхъ выводовъ, которые бы въ краткихъ словахъ представляли всю сущность преній и ихъ результаты, также не мало повредило популярности этихъ ученыхъ бесѣдъ.

Digitized by Google

Не будемъ впрочемъ разбирать содержанія заранѣе приготовлявшихся или импровизированныхъ въ собраньяхъ рѣчей. Онѣ, какъ замѣчено было при самыхъ засѣданіяхъ, существенно принадлежали двумъ направленіямъ: отвлеченно-теоретическому, соотвѣтствовавшему программѣ, и чисто-практическому, вызванному знакомствомъ съ колонизаціею или съ колонизируемыми краями нѣсколькихъ лицъ, преимущественно гостей комитета. Пользуясь протоколами засѣданій и нѣсколькими другими источниками, особенно историческими, попробуемъ теперь формулировать нѣкоторые главные вопросы о колонизаціи, вмѣстѣ съ короткими, по возможности исчерпывающими сущность дѣла отвѣтами. Кажется, не будетъ ошибкою, если мы скажемъ, что важнѣйшіе изъ нихъ состоятъ въ слѣдующемъ:

Для *какихъ цѣлей* можетъ производиться колонизація? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ почти все остальное. Въ самомъ дѣлѣ, переселеніе можетъ совершаться или по личной волѣ колонистовъ, или по государственнымъ надобностямъ, напр. для удаленія изъ общества порочныхъ членовъ, занятія какихъ-либо нужныхъ земель или усиленія людности въ занятыхъ уже краяхъ. Нельзя же во всѣхъ этихъ случаяхъ руководствоваться одними правилами. Очевидно, что колонизація, вызываемая правительственными выгодами, должна и совершаться подъ руководствомъ и отчасти насчетъ правительства. На это вызываетъ государственная необходимость, которая въ ближайшемъ будущемъ и настоящемъ не всегда же есть необходимость экономическая. Мы видимъ изъ исторіи, что колоніи были и есть трехъ родовъ. Англія, напримѣръ, выселяетъ въ Канаду, на мысъ Доброй Надежды, въ Новый Южный Валлисъ только добровольно идущихъ туда честныхъ гражданъ; напротивъ въ Гвіану, на нѣкоторые вестъ-индскіе острова, на Пуло-Пенангъ перевозятъ преступниковъ, а населеніе Новой Зеландіи составлялось еще недавно изъ тѣхъ и другихъ. У насъ въ Россіи Сибирь представляетъ всѣ три вида колонизаціи: туда ссылаютъ преступниковъ, тамъ заводятъ поселенія на Амурѣ и въ Киргизской степи по соображеніямъ политическимъ и военнымъ, и наконецъ туда же правительство предоставляетъ переходить свободнымъ гражданамъ, по ихъ личному выбору. Очевидно, что система колонизаціи не можетъ быть во всѣхъ этихъ случаяхъ одинакова.

Вопросъ о *выборѣ мѣстъ* для колоній кажется намъ вторымъ важнымъ вопросомъ въ разбираемомъ дѣлѣ. Кто укажетъ эти мѣста? Гг. Тернеръ и Лѣсковъ въ засѣданіяхъ комитета замѣтили, что это нужно предоставить передовымъ колонистамъ, ходокамъ, такъ-сказать соглядатаямъ всего переходящаго населенія — и ни-

Digitized by Google

кому больше. Осмѣлимся однако замѣтить, что это положеніе не совсѣмъ практично. Отправить ходоковъ, хоть изъ курской губерніи въ Приморскую область, съ тѣмъ чтобъ они вернулись назадъ и потомъ служили вожаками переселяющейся общинѣ, должно обойтись ей очень недешево, не считая уже огромной потери времени. Притомъ, если бы предоставить напримѣръ нашимъ крестьянамъ заселять по этой системѣ Амуръ, то они вѣроятно на первое время, да и долго впослѣдствіи, не пошли бы никуда, кромѣ пространства между Зеею и Хинганомъ. Страна здѣсь прекрасна; русскій селянинъ привыкъ къ равнинамъ и не любитъ гористыхъ мѣстъ; климатъ достаточно теплъ и напоминаетъ отечественный: чего же болѣе? Могло бы пожалуй случиться, что даже превосходнѣйшая часть амурской долины, отъ Хингана до Усури, осталась незаселенною. «Зачѣмъ дескать намъ идти за горы, когда и здѣсь хорошо?..» Вѣдь возникало же у казаковъ желаніе селиться на Буреѣ и нигдѣ болѣе. Всѣ хотѣли туда: насилу можно было убѣдить переселившихся напр. къ Усури, что они не только ничего не потеряютъ, но еще выиграютъ.

Здѣсь очень важно коснуться одного обстоятельства, которое, къ сожалѣнію, въ большей части случаевъ упускалось при началѣ колонизаціи не только у насъ, но и у другихъ европейскихъ народовъ. Страны новыя, выбираемыя для заселенія, большею частію суть страны малоизвѣстныя. Путешественники, проникающіе въ нихъ первыми, — будутъ ли то ученые натуралисты, астрономы или же просто работники, обыкновенно приносятъ лишь общія свѣденія. Страна хороша, прекрасна, богата лугами, лѣсомъ, звѣрями, иногда золотомъ, или гориста, болотиста — и ничего болѣе. Молва быстро распространяетъ этого рода свѣденія и вселяетъ въ готовящихся къ переселенію извѣстнаго рода предубѣжденія, обмануться въ которыхъ потомъ тяжело. Точныя свѣденія, въ простой, общедоступной формѣ обнародуемыя, были бы чрезвычайно полезны для дѣла колонизаціи во всѣхъ ея видахъ. Сѣверо-американцы напримѣръ, отнявъ у Мексики Калифорнію, тотчасъ наряднли туда экспедицію Фримона, Имори, Аберта, Пика и пр., и ихъ въ высшей степени поучительные отчеты быстро познакомили съ новымъ краемъ не только ихъ согражданъ въ Америкѣ, но и массу европейцевъ, искавшихъ выѣзда изъ отечества. Мы не можемъ рѣшительно похвалиться ничѣмъ подобнымъ. У насъ Сибирь находится уже 280 лѣтъ въ нашихъ рукахъ и до сихъ поръ лишена хорошаго описанія. Мы не говоримъ о прекрасномъ трудѣ Гагемейстера: но онъ и изъ образованнаго класса доступенъ лишь тѣмъ,

Digitized by Google

кто служитъ въ одномъ изъ немногихъ учрежденій, существующихъ для Сибири или въ самой этой странѣ.

Но допуская нѣкоторое вмѣшательство правительства въ дѣло выбора мѣстъ для колоній, и особенно желая видѣть отъ него, обыкновенно имѣющаго всѣ средства узнать хорошо колонизируемый край, *обнародованіе свѣденій объ этомъ краѣ*, непосредственно для колонистовъ необходимыхъ, мы конечно должны предоставить затѣмъ самыя подробности водворенія — здѣсь или тамъ — свободному выбору поселенцевъ. Нельзя же напр. дѣлать такъ, что мнѣ понадобилось имѣть вотъ здѣсь почтовую станцію, и я давай селить къ окрестности пятнадцать-двадцать семействъ, хотя бы въ степи, въ болотѣ или въ дремучемъ лѣсу, гдѣ нѣтъ даже лужаекъ для пашень и огородовъ. О подобнаго рода вещахъ конечно не должно бы было вести и рѣчи, еслибъ, къ сожалѣнію, не бывало примѣровъ, подходящихъ къ сказаннымъ нами словамъ. Возьмемъ напр. Илійское укрѣпленіе въ Киргизской степи. Кто же захочетъ водвориться среди голыхъ песковъ, въ бездождной почти странѣ, хотя бы и на судоходной рѣкѣ, у большой дороги? Возьмемъ Барабу: она вся заселена подобнымъ образомъ и не болѣе, какъ въ два года. Энергическій генералъ-губернаторъ Чичеринъ нашолъ необходимымъ заселить эту печальную, болотистую страну, по крайней мѣрѣ вдоль почтовой дороги,— и вотъ приказано строить дома, ввести въ нихъ поселенцевъ не только изъ ссыльныхъ, но и изъ свободныхъ крестьянъ, и затѣмъ они обязаны жить здѣсь со всѣмъ потомствомъ. Г. Поповъ предлагалъ нѣчто подобное и для Киргизской степи между Коряковымъ и Каркаралами, гдѣ находятся его мѣдные рудники: какъ заводчикъ, онъ безъ сомнѣнія правъ, но какъ экономистъ... сомнѣваемся.

Пойдемъ теперь далѣе. Иногда регламентація заходитъ такъ далеко, что думаетъ создать въ извѣстномъ мѣстѣ важный промышленный пунктъ, и для этого всѣми силами привлекаетъ въ этотъ пунктъ колонистовъ. Мы имѣемъ прекрасный примѣръ этого рода въ Сергіополѣ. Имѣлось въ виду вновь возникавшій въ степи окружный приказъ поставить на выгодной точкѣ. И поставили на мѣстѣ пересѣченія большой караванной дороги, изъ Китая, съ рѣкой Аягузомъ, самой значительной въ этой части степи. Чего бы кажется лучше?.. Но караваны, по особымъ соображеніямъ, стали ходить значительно сѣвернѣе. Тогда рѣшено было перенести городокъ на новое мѣсто, въ надеждѣ, что онъ сдѣлается-таки торговымъ. Для большаго обезпеченія въ достиженіи этой цѣли, приселено было къ крѣпостцѣ до сотни семействъ казаковъ. И что же

Digitized by Google

случилось?.. Караваны вернулись на прежній путь, а Сергіополь остался жалчайшею деревушкою.

И такъ мы думаемъ, что если уже вмѣшательство власти въ дѣло выбора мѣстъ для колоній почему-нибудь неизбѣжно, то задача ея должна состоять только въ указаніи цѣлаго края, но не собственно мѣстъ для селеній. Относительно послѣднихъ полезно сообщить колонистамъ точныя свѣденія; но стѣснять ихъ въ разселеніи вовсе нѣтъ надобности. Внутренній смыслъ дѣла и положеніе заселяемыхъ мѣстностей рѣшитъ, которая изъ нихъ будетъ важнѣйшею, сдѣлается центромъ колоній; а опредѣлять это произвольно заранѣе нѣтъ никакой нужды (*). Разумѣется, есть случаи, когда угадать важность мѣста легко и безъ особенно глубокихъ соображеній, какъ напримѣръ было въ Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ и проч.; но тогда оцѣнка этой важности доступна и простому переселенцу, который самъ охотно пойдетъ на точку сліянія двухъ большихъ рѣкъ или въ пунктъ, лежащій на важномъ коммерческомъ трактѣ, у гавани, въ центрѣ золотыхъ пріисковъ и т. п.

Теперь о *выборѣ самихъ колонистовъ*, если такъ можно выразиться относительно свободно-разумныхъ личностей. Принудительная система выселеній возможна въ строгомъ смыслѣ только для преступниковъ или отверженцевъ общества. Но бываютъ случаи, что правительственная власть нуждается въ заселеніи тѣхъ или другихъ пространствъ, а между тѣмъ по особымъ соображеніямъ не хочетъ вводить туда порочнаго, ненадежнаго населенія. Такъ напримѣръ было и есть на Кавказѣ, у подножія горъ, на Иртышѣ, на Амурѣ. Что тогда дѣлать?.. Мы думаемъ, что правительство имѣетъ полное право выселять въ такомъ случаѣ тѣ классы общества, которые, будучи разъ призваны на службу отечеству и получивъ за это особыя льготы отъ общественныхъ тягостей, предоставлены въ его распоряженіе законами края. Таковы напримѣръ у насъ казаки. Конечно, употреблять ихъ въ дѣло колонизаціи нужно какъ можно менѣе; но если ужь зло неизбѣжно, то нѣтъ никакой возможности подвергнуть кого-либо упреку за то, что въ ви-

(*) Въ Соединенныхъ Штатахъ правительство однакоже продаетъ иногда антрепренерамъ большіе участки земель для основанія городовъ. Тогда спекуляторъ разбиваетъ на мѣстности улицы, дѣлитъ кварталы на дачи и продаетъ ихъ желающимъ. Иногда эту обязанность исполняетъ само правительство. Новые горожане во всякомъ случаѣ обязаны застроивать свой городъ по утвержденному плану. Но и въ этомъ случаѣ *принужденія* къ выбору мѣстъ нѣтъ никакого. Кто хочетъ, только и идетъ въ новый городъ. Бываютъ случаи, что такіе city и town'ы остаются пустыми, а сосѣднія villages заселяются и становятся потомъ важными городами. См. J. Neumann's Reise nach den Ver. Staaten, и сочиненія Лакіера, Циммермана и пр.

Digitized by Google

дахъ государственной надобности пришлось выселять людей противъ ихъ воли или, по крайней мѣрѣ, не спросясь ихъ желанія. Чисто экономическій принципъ тутъ, по праву, долженъ отступать на второй планъ и проявляться развѣ въ выборѣ къ переселенію менѣе зажиточныхъ обывателей, которые бы въ новомъ краю, при пособіи отъ правительства, могли поправить свое состояніе и не жалѣли потомъ объ отчизнѣ.

Вопросъ о *колоніяхъ преступниковъ* много занималъ членовъ комитета географическаго общества. Приведено было много примѣровъ изъ исторіи колоній англійскихъ, и повидимому нѣкоторыми изъ членовъ осуждалось дарованіе преступникамъ права устроивать свой бытъ вдали отъ отечества наравнѣ съ свободными гражданами. Этого рода негуманный, безсердечный приговоръ тяжело было слышать между строками въ нѣкоторыхъ рѣчахъ. Какъ-будто въ преступникѣ нѣтъ ничего человѣческаго, какъ-будто преступленіе часто не вызывается страстностью натуры или увлеченіемъ, или даже незнаніемъ условныхъ, не вытекающихъ изъ чистаго разума законоположеній (*) страны? Какъ-будто падшій разъ человѣкъ не можетъ быть потомъ превосходнымъ гражданиномъ, честнымъ, спокойнымъ, уважающимъ права общества и отдѣльныхъ лицъ! Неужели въ самомъ дѣлѣ преступнику, даже смертоубійцѣ, не остается ничего, кромѣ галеръ, работы въ рудникахъ, на заводахъ и проч.? Говоримъ: тяжело было слушать даже намеки на эту мысль, хотя разумѣется она не была нигдѣ формулирована въ ея окончательномъ видѣ... Мы думаемъ, напротивъ, — да и факты говорятъ въ нашу пользу, — что переселенье преступниковъ въ далекія страны есть вѣрнѣйшій путь къ ихъ исправленію, къ возвращенію цѣлой странѣ, государству полезныхъ гражданъ. Особенно это справедливо насчетъ людей, доведенныхъ до преступленія своею природною страстностью, высшимъ честолюбіемъ, хотя бы и не раскаявшихся вполнѣ по наружности. Этихъ людей, съ переселеньемъ ихъ въ новый край и послѣ нужнаго испытанія, общество должно простить, принять вновь въ свои полноправные члены и ничѣмъ не стѣснять въ тяжолыя для нихъ минуты переходнаго состоянія. Извѣстно, что ничто такъ не убиваетъ человѣка нравственно, ничто не вызываетъ на новое преступленіе, какъ безжалостные попреки прежними его заблужденіями. Да и имѣютъ ли право люди, сами всегда способные ошибаться, лишать другихъ

(*) Одинъ изъ членовъ экономическаго комитета справедливо замѣтилъ, что нерѣдко дѣйствіе преступное въ одномъ государствѣ, не считается даже проступкомъ въ другомъ. Такъ у насъ безпаспортный человѣкъ есть бродяга, подлежащій ссылкѣ на поселеніе; въ Англіи паспортовъ не знаетъ никто.

Digitized by Google

всего нравственнаго бытія только потому, что эти другіе подпали карѣ законовъ? Мы не думаемъ: такой строгій судъ принадлежитъ уже не людямъ...

И такъ колонія преступниковъ не только возможны, но даже необходимы. Не нужна только безотвязчивая регламентація ихъ, излишне-строгій присмотръ за каждымъ шагомъ переселенца-преступника. Разумѣется, что общество, лишивъ людей свободы и средствъ, должно имъ дать на первое время въ новомъ краю средства для устроенія быта; оно можетъ за это требовать отъ нихъ особыхъ повинностей и работъ (какъ въ Китаѣ, гдѣ ссыльные обыкновенно служатъ поставщиками хлѣба въ казну), можетъ лишать ихъ части политическихъ правъ, напримѣръ права выборовъ; но не должно, и по духу христіанской нравственности, и по основаніямъ чисто психологическимъ, тѣснить людей, уже разъ наказанныхъ, растравлять раны ихъ сердца безпрестаннымъ напоминаніемъ, что они преступники. Мы приведемъ этому убѣдительный доводъ. Масса нашихъ ссыльныхъ въ Сибирь конечно пошла туда за нарушеніе правъ чужой собственности, и однакоже нигдѣ нельзя такъ мало опасаться за свое имущество, какъ въ Сибири. Отчего это? — Оттого, что эти люди, эти воры и грабители, разъ узнавъ горькія послѣдствія нарушенія права и ставъ потомъ снова свободными, больше всего заботятся, чтобы вновь не навлечь на себя укоризны. Попробуйте попрекать ихъ прежнимъ — и вы увидите, что они скоро возьмутся опять за прежнее. Подобный же примѣръ нравственнаго усовершенствованія отверженцевъ общества привелъ изъ исторіи заселенія Австраліи г. Калиновскій. Онъ довольно подробно разсказалъ, какъ преступники-колонисты въ Новомъ Южномъ Валлисѣ и Тасманіи дѣлались постепенно порядочными гражданами, такъ что англійское правительство, которое въ 1792 году держало ихъ подъ строгимъ надзоромъ, въ 1822 году предоставило уже имъ контроль надъ властью губернатора, а въ 1829 дало право участвовать въ составленіи законовъ.

Говорилось также о томъ, что преступники и штрафные не должны быть смѣшиваемы съ честными гражданами, не должны быть водворяемы съ ними рядомъ. Что сказать намъ на это? Неужели ученые экономисты, столь враждебные всякой регламентаціи, столь горячіе защитники всякой свободы, захотѣли тутъ отступить отъ своего начала собственно потому, что люди, о которыхъ шла рѣчь, заклеймены *вѣчнымъ* позоромъ, какъ говорили нѣкоторые?.. Да не вѣчнымъ, замѣтимъ мы, вовсе не вѣчнымъ. Вѣчное осужденіе принадлежитъ только будущей жизни, а на нашемъ свѣтѣ оно можетъ быть произнесено лишь относительно тѣхъ, которые

Digitized by Google

на свободѣ, при полныхъ правахъ гражданина остаются заворожѣлыми въ своихъ предразсудкахъ, заблужденіяхъ и порокахъ. Такъ напримѣръ упреку подлежитъ либералъ, придерживающійся неподтишка деспотизма, юристъ, торгующій правосудіемъ; но тотъ, кого общество разъ наказало, кто былъ виновенъ лишь въ одномъ частномъ преступленіи, на того послѣ понесеннаго наказанія не должно падать никакой укоризны... Колонизировать страну штрафными, съ полнымъ успѣхомъ, повторяемъ, всегда возможно; нужно только, чтобъ число этихъ людей не перевѣшивало числа честныхъ гражданъ, нужно дать переселенцамъ произволъ въ выборѣ мѣстъ и занятій, да нужно наблюденіе общества, чтобъ никто изъ нихъ не оставался безъ честнаго дѣла. При этихъ условіяхъ, конечно, штрафные и сами скоро убѣдятся, что лучше быть порядочными людьми, чѣмъ бездомными бобылями и бродягами.

Гдѣ наиболѣе случается преступленій, въ какого рода колоніяхъ?.. Тамъ, гдѣ совершенно свободные, самолюбивые граждане ищутъ прибылей или исключительныхъ правъ. Такова напримѣръ была Калифорнія въ первые годы по открытіи золота на р. Сакраменто. Ни австралійскія колоніи, ни Сибирь, заселенныя массами официальныхъ преступниковъ, не представляютъ особой деморализаціи въ правахъ своихъ обитателей. Про Сибирь можно даже сказать противное, т. е. что въ ней средній уровень нравственнаго развитія выше, чѣмъ въ европейской Россіи. Не говоримъ уже про образованіе, которымъ сибиряки обязаны опять-таки толпамъ ссыльныхъ; даже собственно нравственный, этическій элементъ въ нихъ сильнѣе, чѣмъ напримѣръ въ подмосковныхъ крестьянахъ, совершенно свободныхъ и даже пользующихся матеріальнымъ довольствомъ.

И такъ при выборѣ колонистовъ, по нашему мнѣнію, могутъ быть допущены не только переселенцы свободные, охотно идущіе въ новый край, но и другіе разряды народныхъ массъ. Обязательное переселеніе казаковъ, въ небольшомъ впрочемъ числѣ и не иначе какъ по крайней необходимости, намъ тоже не кажется противнымъ началамъ здравой политики. Ссылка на поселеніе преступниковъ и штрафныхъ и того меньше подлежитъ упреку, если только она также направляется раціональнымъ путемъ и производится въ должныхъ размѣрахъ. Ущерба экономическаго и даже нравственнаго отъ этихъ выселеній новымъ краямъ опасаться нечего. Въ одно, а ужь навѣрное въ два поколѣнія всѣ кажущіяся неудобства колоній штрафныхъ исчезнутъ, а выгода отъ нихъ сохранится навѣки.

Но кромѣ исчисленныхъ классовъ переселенцевъ, государство, стремящееся водворить на извѣстной территоріи возможно боль-

Digitized by Google

шую массу жителей, можетъ прибѣгнуть къ особой мѣрѣ ея пополненія. Разумѣемъ *колонизацію иностранцевъ*. Этотъ способъ доставилъ населеніе почти всѣмъ Соединеннымъ Американскимъ Штатамъ, да употреблялся отчасти и въ нашемъ отечествѣ. Польза отъ него можетъ быть очень значительна, но только при соблюденіи нѣкоторыхъ условій. Несомнѣнно, по нашему мнѣнію, что не слѣдуетъ привлекать иностранцевъ какими бы ни было льготами и преимуществами противъ собственныхъ подданныхъ. Это не только оскорбительно для народнаго самолюбія, но и вредно съ политико-экономической точки зрѣнія. Вопервыхъ иностранцы, особенно въ пустынномъ краю, на границахъ страны, всегда менѣе надежны въ политическомъ смыслѣ. Вовторыхъ они, если пользуются особыми льготами, скоро становятся властителями извѣстнаго края и начинаютъ тяготѣть надъ сосѣдними жителями-туземцами. Нерасположеніе послѣднихъ не можетъ не поддерживаться, когда они видятъ, что иностранцы напримѣръ избавлены отъ военной службы или отъ натуральныхъ земскихъ повинностей. Саратовскія и самарскія колоніи намъ служатъ примѣромъ. При всей пользѣ, которую онѣ приносятъ казнѣ, по справедливости можно жалѣть, что ихъ жители отличены особыми правами отъ своихъ сосѣдей руссинхъ, которые, подъ вліяніемъ отчужденности, не заимствуютъ даже у трудолюбивыхъ нѣмцевъ лучшихъ способовъ домоводства и земледѣлія. На Амурѣ напримѣръ намъ очень хотѣлось бы видѣть нѣсколько образчиковъ раціональной культуры; но если для этого нужно водворить тамъ массу вторыхъ сарептцевъ, то да позволено будетъ пожелать, чтобы это благо миновало далекій край. Пусть колонистъ-нѣмецъ станетъ тѣмъ же крестьяниномъ, какого мы видимъ въ Богородскомъ, Михайловскомъ, въ Кизи, — тогда можно будетъ надѣяться, что онъ сродится съ господствующею массою населенія и привьетъ ей свои занятія, свой опытъ, свое трудолюбіе. Такой взглядъ мы высказываемъ конечно не подъ вліяніемъ узкаго чувства національности, а исключительно по твердому, основанному на ознакомленіи съ фактами убѣжденію, что единство правъ разныхъ народностей въ новыхъ краяхъ есть всегда важнѣйшій залогъ сближенія ихъ, а слѣдовательно и залогъ связи съ метрополіею и самаго преуспѣянія колоній.

Теперь коснемся четвертаго важнаго вопроса въ дѣлѣ о заселеніи новыхъ странъ, именно вопроса о *способѣ выселенія* колонистовъ. Само собою разумѣется, что выселеніе штрафныхъ и преступниковъ, лишонныхъ свободы, а часто и имущества, должно дѣлаться насчетъ государства. То же можно сказать и о принудительной колонизаціи свободныхъ гражданъ, хотя бы даже казаковъ.

Digitized by Google

Лишая этихъ людей дома, части хозяйства, связи съ знакомыми и родными, надобно же вознаградить ихъ за потерю всѣхъ этихъ благъ. И вознагражденію этому, намъ кажется, должно быть тѣмъ больше, чѣмъ рѣзче переходъ, который долженъ будетъ послѣдовать для переселенца съ водвореніемъ его въ новой мѣстности. Такъ напримѣръ нельзя, по нашему мнѣнію, одинаково вознаграждать переселенца изъ вологодской губерніи въ Сибирь или въ прикавказскія степи. Вознагражденіе въ первомъ случаѣ, при томъ же разстояніи до мѣста водворенія, можетъ быть меньше уже по одному тому, что бытъ вологодскаго охотника немногимъ отличается отъ быта сибирскаго звѣролова. Устюжцу или тотемцу гораздо легче будетъ устроиться въ томской тайгѣ, чѣмъ въ южнорусскомъ безлѣсьѣ. Разумѣется, что естественныя богатства новаго края также должны быть принимаемы въ расчетъ, и напримѣръ мы сдѣлали бы большую ошибку, еслибъ задумали одинаково помогать переселенцамъ изъ Перми на Алтай и въ Киргизскую степь.

Впрочемъ извѣстно, что вопросъ о вспомоществованіяхъ, какъ и самая принудительная колонизація, подвергались въ комитетѣ строгому осужденію.

Какъ выселять тѣхъ, которые пожелали оставить родныя поля или призваны къ этому народною властью? это вопросъ тоже важный въ дѣлѣ колонизаціи. Само собою разумѣется, что переселенцамъ-охотникамъ нужно предоставить и полную свободу въ выборѣ способа выселенія. Если государство нуждается въ гражданахъ не нѣтахъ, избираемыхъ ими для водворенія, то можно простить имъ недоимки, дать пять-шесть лѣтъ льготы отъ податей въ новыхъ мѣстахъ и даже предоставить какія-нибудь исключительныя права, лишь бы онѣ не были «вѣчными.» Но если надобности большей въ переселенцахъ нѣтъ, то конечно нѣтъ и повода прощать имъ какія-либо общественныя повинности. Правда, всякій переселенецъ оставляетъ за безцѣнокъ на своей родинѣ часть нажитыхъ уже имъ богатствъ и имѣетъ необходимость заводиться потомъ всѣмъ въ новомъ краю, а потому нуждается въ средствахъ; но лучше озаботиться открытіемъ ему кредита, чѣмъ прощать долги государству, поощряя такимъ образомъ бродяжничество и производя колебанія въ бюджетѣ доходовъ.

Важнымъ облегченіемъ для переселенія колонистовъ могутъ служить свѣденія о дорогахъ къ новымъ краямъ или, по меньшей мѣрѣ, краткіе маршруты съ обозначеніемъ разстояній и переправъ черезъ рѣки. Когда выступающій въ путь колонистъ знаетъ, гдѣ ему лучше ѣхать, гдѣ онъ можетъ встрѣтить задержки, гдѣ найти болѣе дешевое продовольствіе для себя и перевозящихъ его лоша-

Digitized by Google

ей, то можно сказать, что онъ избавленъ не меньше, какъ отъ половины дорожныхъ убытковъ. Къ сожалѣнію, только въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи издаются такія руководства для колонистовъ; у насъ же ничего подобнаго неизвѣстно. Разсматривая прекрасныя изданія Бюлова, Флейшмана, Юнглера, Битнера и другихъ, легко поймешь, что колонисту-нѣмцу въ Соединенныхъ Штатахъ нетрудно было найтись съ перваго раза и прямо направить свой путь туда, гдѣ могъ онъ найти себѣ больше всего удобствъ. Если бы напримѣръ у насъ было подробное описаніе пути на Амуръ съ точной характеристикой всѣхъ пригоднѣйшихъ для заселенія мѣстъ на самой этой рѣкѣ, на Усури и у Японскаго моря, то нѣтъ сомнѣнія, что простолюдины напримѣръ изъ Бѣлоруссіи и сѣверо-западныхъ губерній съ удовольствіемъ промѣняли бы свои родныя болота и скудныя пашни на изобиліе новаго края.

Самый способъ перевозки колонистовъ на новыя мѣста заслуживаетъ при каждомъ переселеніи особаго вниманія тѣхъ лицъ, на которыхъ лежитъ отвѣтственность за успѣхъ всего дѣла. Въ засѣданіяхъ комитета была высказана мысль, что перевозка моремъ обходится въ нѣкоторыхъ случаяхъ дороже, чѣмъ перевозка сухимъ путемъ. Говорилось напримѣръ, что изъ Петербурга на устье Амура выгоднѣе доставлять людей на почтовыхъ лошадяхъ, чѣмъ на судахъ вокругъ свѣта. Примѣръ этотъ однакоже намъ не кажется убѣдительнымъ, а самая мысль справедливою. Море есть всегда самая легкая и удобная дорога для всякаго рода передвиженій, разумѣется если только колонисты не очень далеко жили отъ него въ своемъ старомъ отечествѣ и не должны уходить далеко же въ глубь новой страны. Конечно, морской перевозъ всегда сопряженъ съ нѣкоторыми лишеніями, неизвѣстными на сухомъ пути; для колонистовъ въ пустынныя страны онъ невыгоденъ особенно тѣмъ, что они не могутъ взять съ собою или купить на дорогѣ достаточное число скота, который такъ нуженъ бываетъ въ первое же время ихъ водворенія. Но, повторяемъ, все это горе поправимое, а между тѣмъ при перевозкѣ моремъ и переѣздъ обыкновенно дѣлается скорѣе, и имущество переселенцевъ гораздо болѣе сохраняется. Возьмемъ для поясненія довольно неблагопріятный намъ примѣръ: берега Японскаго моря отъ Кастри до устья Тумень-улы. Какъ всего удобнѣе населить ихъ? Переселеніемъ изъ западно-русскихъ губерній, съ перевозомъ колонистовъ моремъ изъ Риги и Петербурга. Разумѣется, что небольшой авангардъ долженъ быть отправленъ сухопутно самими переселенцами на мѣста будущихъ колоній для ближайшаго осмотра и выбора мѣстъ, закупки скота, подготовки строительныхъ матеріаловъ и проч. Сѣмена для первыхъ посѣвовъ,

Digitized by Google

столь дорогія въ амурскомъ крае, переселенцы могли бы взять съ собою. Конечно, этого рода колонизація предполагаетъ помощь со стороны государства судами, но вѣдь и сухопутныя переселенія обходятся казнѣ да и народу недешево. Кромѣ отягощенія казначейства расходомъ на денежное вспомоществованіе, онѣ тяжело ложатся на жителей странъ, чрезъ которыя колонисты слѣдуютъ. Примѣры 1859—60 годовъ тому ясное доказательство. Одна изъ партій переселенцевъ, въ 200 слишкомъ семействъ, даже не дошла до Амура, оттого что нечѣмъ было ее кормить на дорогѣ. Къ великому гору переселенцевъ, имъ пришлось повернуть по направленію къ Киргизской степи и потомъ водвориться на песчаной почвѣ у Семипалатинска, вмѣсто богатыхъ земель Приамурья. При перевозкѣ моремъ этого не случилось бы.

Вопросъ объ *условіяхъ водворенія* колонистовъ также принадлежитъ къ существеннѣйшимъ въ разсматриваемомъ нами предметѣ. Г. Тернеръ справедливо замѣтилъ, что главными условіями успѣха колонизаціи съ этой точки зрѣнія должны быть: предоставленіе переселенцамъ полной свободы въ выборѣ ремесла и занятій и возможность пріобрѣтенія ими поземельной собственности. Ученый экономистъ основательно предположилъ первый пунктъ не требующимъ доказательствъ (въ самомъ дѣлѣ, нельзя же заставлять пирожника шить сапоги), и остановился съ нѣкоторою подробностью на второмъ. Онъ справедливо замѣтилъ, что переселенецъ-собственникъ извлечетъ изъ земли гораздо болѣе выгодъ, чѣмъ арендаторъ, что онъ не подверженъ опасности быть согнаннымъ съ воздѣлываемаго имъ участка, и потому охотно употребитъ на обработку его все стараніе, а быть-можетъ и капиталъ. Арендаторъ или земледѣлецъ-общинникъ конечно всегда будутъ находиться въ менѣе счастливыхъ условіяхъ; но тутъ, намъ кажется, возможно одно серьозное возраженіе. Община во многихъ странахъ, и особливо у насъ, давно уже сдѣлалась естественнѣйшею формою быта земледѣльческихъ сословій; она стала явленіемъ не только фискальнымъ, имѣющимъ свою цѣль въ облегченіи казны собирать подати, но и вполнѣ народнымъ, допускающимъ безобидный раздѣлъ естественныхъ произведеній страны. Аграрный коммунизмъ, по справедливому замѣчанію Гакстгаузена, сроднился съ понятіями славянскихъ племенъ и дорогъ для нихъ какъ наслѣдье отцовъ. Положимъ, что патріархальность предковъ не можетъ служить закономъ для ихъ потомковъ; но должно же уважать главнѣйшія формы національнаго быта (*), чтобъ не дѣлать реформъ, для которыхъ складъ

(*) Это и сдѣлано у насъ положеніемъ объ амурской колонизаціи, которое,

Digitized by Google

народнаго ума еще вовсе не подготовленъ. Притомъ замѣчаніе Рошера, что земледѣльческія колоніи требуютъ массивныхъ переселеній и только въ такомъ случаѣ обѣщаютъ быть прочными, — это замѣчаніе намъ кажется нѣсколько совпадающимъ съ общиннымъ деревенскимъ устройствомъ. Отчего напримѣръ китайцы на Амурѣ не умѣли водвориться вполнѣ основательно? Мы думаемъ потому, между прочимъ, что они поселяли въ этомъ краю одиночныхъ колонистовъ и не занимали важнѣйшихъ мѣстъ цѣлыми общинами.

Должно ли *продавать землю* вновь поселяющимся въ пустынныхъ краяхъ или же удобнѣе надѣлять ею даромъ? Этотъ вопросъ былъ рѣшонъ въ засѣданіяхъ комитета, если не ошибаемся, въ пользу перваго положенія. Говорилось, что только *купленная* земля пріобрѣтаетъ цѣнность въ глазахъ колониста, что только ею будетъ онъ дорожить, что лишь на нее будетъ употреблять трудъ разумный. Однако, признаемся, что это замѣчаніе показалось намъ не совсѣмъ практичнымъ, по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ нашимъ колонистамъ. Какимъ образомъ я, колонистъ, буду считать себя вполнѣ счастливымъ, если мнѣ отведены, за мои скудныя деньги, на Амурѣ три десятины, на которыхъ наконецъ почва истощилась и дала худой урожай, когда я вижу, что рядомъ лежитъ пустое, никому ненужное поле, которое мнѣ стоило только вспахать, чтобъ получить обильную жатву? Скажутъ, что я могу купить не три десятины, а тридцать, и на нихъ уже завести перемѣну полей; но вѣдь за 30 десятинъ надобно заплатить въ десять разъ больше, чѣмъ за три, а у меня вовсе нѣтъ для этого свободнаго капитала. Завести прямо плодопеременную систему хозяйства, хорошо удобрять свои пашни?.. Это все легко говорить, но не такъ-то легко сдѣлать на самомъ дѣлѣ. Шелеховъ и другіе ученые хозяева твердили это же самое въ европейской Россіи болѣе двадцати лѣтъ назадъ; однако и до сихъ поръ чуть ли не во всей имперіи (кромѣ дорого-стоющихъ земледѣльческихъ училищъ и фермъ) господствующая система — трехпольная. Плодопеременное хозяйство требуетъ немало наукообразныхъ свѣденій и свободныхъ капиталовъ для своего введенія; а гдѣ же искать ихъ напр. у нашего сельскаго населенія?

Впрочемъ мы готовы были бы признать вопросъ о надѣлѣ землею за деньги безспорнымъ, еслибы не одно важное обстоятельство. Въ Соединенныхъ Штатахъ ни одинъ акръ не данъ правительствомъ даромъ на всемъ пространствѣ отъ Аллегановъ до Тихаго океана; рядомъ съ ними, въ Мексикѣ, хотя бы предлагали и даромъ,

---

предполагая общину главною формою экономическаго устройства колонистовъ, допускаетъ и частное владѣніе землею.

Digitized by Google

ни одинъ порядочный европеецъ не возьметъ самъ ни акра. Отчего это? — Понятно, оттого что колонистъ ищетъ въ новомъ отечествѣ не одного вещественнаго благосостоянія, а и гарантій нравственныхъ. Чѣмъ больше эти гарантіи, тѣмъ выше могутъ быть условія для покупки земли. Разумѣется, что ирландецъ, оставляющій свое, даже бѣдное, разоренное отечество, лучше предпочтетъ купить клочекъ въ Висконсинѣ, въ Иллинойсѣ, чѣмъ въ Мексикѣ, не смотря на богатство ея природы. А если напримѣръ гановерскому выходцу, которому ужь надоѣлъ домашній абсолютизмъ, приходится выбирать между тѣми же странами, — неужели онъ позволитъ себѣ задуматься хоть минуту? — Этотъ элементъ, къ сожалѣнію, вовсе не былъ затронутъ въ засѣданіяхъ ученаго комитета, и намъ бы хотѣлось, чтобы его принимали въ соображеніе тѣ, которые полагаютъ возможнымъ скоро населять ту или другую страну потому только, что о богатствахъ ея много писалось въ журналахъ. Конечно, въ Китаѣ быть-можетъ этого было бы и достаточно, потомучто китайцу (особенно если онъ долго питался водорослями на морскихъ берегахъ) все равно, гдѣ ни подставлять спину подъ бамбуки, гдѣ ни отдавать карманъ въ распоряженіе мандариновъ — на Формозѣ или въ Кульджѣ; — но вѣдь кромѣ китайскихъ колонистовъ есть много другихъ.

Здѣсь мы могли бы кончить посильныя замѣчанія наши о предметѣ, который обсуждался ученымъ собраніемъ экономистовъ въ мартѣ текущаго года; но позволимъ себѣ коснуться еще одного вопроса, который по существу своему и важности долженъ бы былъ занять мѣсто при началѣ этихъ замѣтокъ. Вопросъ этотъ возникъ въ комитетѣ изъ нападокъ г. барона Мейендорфа на самую мысль о расширеніи, помощью колоній, тѣхъ государствъ, въ которыхъ населеніе и безъ того мало сравнительно съ обширностью территоріи. Ораторъ замѣтилъ, что «предполагая даже, что мы успѣемъ устроить «благосостояніе всѣхъ новыхъ поселеній, мы этимъ только будемъ «способствовать ихъ отдѣленію отъ метрополіи, какъ учитъ исторія всѣхъ колоній». Этого рода опасенье вовсе не ново и, признаемся, мы полагали, что не можетъ и быть иначе при сознательномъ стремленьи, всюду обнаруживающемся, къ децентрализаціи управленія. Но это не составляетъ зла и вовсе не грозитъ распаденьемъ народности, какъ думалъ вѣроятно баронъ Мейендорфъ. Академикъ Бэръ справедливо сдѣлалъ ему возраженіе въ слѣдующихъ (*) словахъ: «Весьма справедлива мысль, что колоніи рано или поздно стремятся къ пріобрѣтенію независимости отъ метропо-

(*) См. «Вѣкъ» 1861 года. № 22.

Digitized by Google

лій. Подобныя стремленія всѣхъ колоній могутъ быть доказаны исторіей; но въ нихъ нѣтъ еще никакого бѣдствія, если мы будемъ смотрѣть на нихъ съ здравой точки зрѣнія. Государственные люди Англіи совершенно убѣдились и нѣсколько разъ громко высказывали, что Великобританія имѣетъ гораздо болѣе выгодъ отъ своихъ колоній съ тѣхъ поръ, какъ онѣ сдѣлались самостоятельными, нежели когда онѣ были въ зависимости отъ метрополіи. Это убѣжденіе привело даже къ тому, что Великобританія старается давать своимъ колоніямъ тѣмъ болѣе самостоятельности, чѣмъ болѣе она успѣваетъ развивать ихъ способности къ самоуправленію, и отсюда происходитъ между прочимъ *ея* благосостояніе. Такъ Канада уже имѣетъ свой собственный парламентъ, и ея связь съ Великобританіею болѣе номинальная. Колоніи мыса Доброй Надежды предоставлено имѣть собственныя военныя силы, и съ тѣхъ поръ прекратились кровавыя войны съ кафрами. Въ Австраліи также водворены нѣкоторыя начала самоуправленія. Несмотря однако на такое постепенное освобожденіе колоній, онѣ продолжали приносить пользу метрополіи; въ нихъ распространялись употребленіе общаго съ метрополіей языка, ея нравы и обычаи, что значительно облегчало торговыя сношенія, возраставшія съ каждымъ новымъ шагомъ къ независимости. При этомъ надлежитъ только заботиться объ одномъ: не возбуждать, чрезъ сопротивленіе самостоятельности, горечи въ отношеніяхъ, которая конечно не можетъ содѣйствовать торговлѣ. Еслибы было справедливо, что нужно воздерживаться отъ колонизаціи вслѣдствіе стремленія колоній къ самостоятельности, тогда и отецъ никогда не долженъ бы желать имѣть сына изъ опасенія, что послѣдній рано или поздно пожелаетъ пріобрѣсти самостоятельность. Но никогда благоразумный отецъ не можетъ имѣть такихъ опасеній».

Этими благородными словами академика мы и заключимъ нашу замѣтку о предметѣ, занимавшемъ экономическій комитетъ русскаго географическаго общества. Тотъ, кто захочетъ сравнить съ нею программу комитета, конечно найдетъ между ними немало различій и быть-можетъ упрекнетъ насъ за наклонность къ протекціонизму, за то, что мы больше говорили о колонизаціи принудительной, чѣмъ свободной, защитѣ которой, судя по программѣ, должны были посвящаться засѣданія комитета. Но осмѣлимся замѣтить, что мы совершенно чужды склонности отрицать положенія науки и достоинство гражданской свободы во всѣхъ ея видахъ. Мы потому и не говорили почти о нихъ, что считаемъ излишнимъ подтверждать истины давно всѣми признанныя. Задача наша была ска-

Digitized by Google

зать нѣсколько словъ, какъ намъ казалось, болѣе близкихъ къ практикѣ, чѣмъ содержаніе комитетской программы и нѣкоторыхъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ средѣ комитета. Достигли ли мы этого, нѣтъ ли, — судить конечно не намъ.

М. В.

Digitized by Google

ОДИНЪ ИЗЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ВОПРОСОВЪ

Какое мѣсто должно занимать изученіе греческаго и латинскаго языковъ въ нашихъ общественныхъ школахъ?

Вотъ вопросъ, о которомъ намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ. Онъ теперь на очереди, и разрѣшеніе его въ ту или другую сторону слишкомъ важно не только для возрастающаго поколѣнія, но и для всей образованной Россіи.

Мы очень хорошо знаемъ, въ какую сторону склоняется мнѣніе большинства по поводу рѣшенія этого вопроса. Намъ не менѣе извѣстны результаты прежнихъ усилій сдѣлать у насъ основою общественнаго образованія преподаваніе классическихъ языковъ. Эти результаты, нельзя не сознаться, до сихъ поръ вполнѣ оправдываютъ неблагопріятное мнѣніе большинства. Наша литература, приглашенная обсудить предварительно «Проектъ устава высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній», обратила вниманіе и на этотъ вопросъ и высказала свое pro и contra. Безпристрастіе требуетъ признаться, что противники и защитники классическихъ языковъ имѣютъ каждый на своей сторонѣ хорошіе доводы; на чемъ же теперь остановиться? Какъ рѣшить этотъ вопросъ? Не большинствомъ же голосовъ? Да оно и не рѣшило бы подобнаго вопроса. Не можетъ ли этотъ вопросъ рѣшиться самъ собою, т. е. не можетъ ли изученіе классическихъ языковъ представлять намъ исторію своего происхожденія, услугъ, оказанныхъ имъ въ свое время, и современное положеніе его у тѣхъ народовъ, которые воспользовались имъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, чтобы стряхнуть съ себя невѣжество политической и интеллектуальной жизни? Но это именно тотъ главный пріемъ, къ которому обыкновенно прибѣгали защитники классическихъ языковъ. Эпоха «возрожденія», выведшая западный умъ изъ лабиринта схоластики, была вызвана, говорятъ они, изученіемъ греческаго и римскаго міра. Господство изученія классической литературы въ западной Европѣ до настоящаго времени, и въ особенности въ Ан-

Digitized by Google

гліи, гдѣ оно остается почти исключительнымъ, служило вторымъ главнымъ доводомъ для защитниковъ нашего вопроса.

Все это такъ, но не могло ли повториться съ авторитетомъ классическихъ языковъ въ дѣлѣ школьнаго образованія того, что случалось въ исторіи со многими авторитетами, когда они, утративъ прежнее значеніе, продолжали предъявлять свои требованія на власть? Католичество въ борьбѣ съ язычествомъ оказало конечно громадную услугу человѣчеству; но когда оно, освободивъ общество отъ языческихъ оковъ, взяло его на свою опеку, оно обратилось въ папизмъ, который напрасно ссылался на свое великое значеніе въ прежнее время. Не могло ли облечься въ форму папизма и ученіе о необходимости всеобщаго преподаванія классическихъ языковъ?

Скажемъ прямо: могло, и дѣйствительно обратилось.

Если въ XVI столѣтіи думали одною покупкою индульгенцій пріобрѣсть вѣчное спасеніе души, то въ наше время точно также многіе весьма серьозно утверждаютъ, что достаточно научить всѣхъ латинскому и греческому языкамъ, чтобы упрочить образованіе тамъ, гдѣ его не было.

Удивительно ли, что такой экстазъ вызвалъ крайнее противное мнѣніе? Между тѣмъ дѣло идетъ вовсе не о томъ, что быть или не быть изученію классическихъ языковъ, а только о томъ, чтобы ему *быть тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть* и чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ было и даже есть, въ такихъ странахъ, какъ напримѣръ Англія. Мы хотѣли бы не уничтоженія классическихъ языковъ, а уничтоженія приписыванія имъ излишне важнаго значенія. Странно, а между тѣмъ совершенно справедливо, что усилія защитниковъ классическаго образованія всего болѣе содѣйствовали паденію классической образованности. Эта образованность вытѣснила нѣкогда схоластику и кончила тѣмъ, что сама сдѣлалась схоластикой. Между тѣмъ мы, повидимому возставая противъ классическихъ языковъ, хотѣли бы именно всего болѣе возстановить всю важность и громадное значеніе, которое могло бы имѣть и всегда будетъ имѣть филологическое изученіе древности.

Да развѣ это изученіе было даже и въ XVI столѣтіи основою народнаго образованія? Много ли было тогда Рейхлиновъ, Эразмовъ, Кротовъ, Рубіяновъ, Кобановъ, Муціановъ Руфовъ и пр. Думали ли они о томъ, чтобы дѣтей 12—13 лѣтъ посадить за латинскія и греческія склоненія? Въ наше время, когда на древнихъ языкахъ ничего уже болѣе не пишутъ и они уже не играютъ прежней роли, такихъ людей меньше, а между тѣмъ очень многіе дѣлаютъ такое требованіе. То были люди жизни; они боролись не съ трудностями буквъ и діалектовъ, а съ грубыми препятствіями,

которыя ставила схоластика и отжившая политика среднихъ вѣковъ. Не таковы потомки Рейхлиновъ, наши современные защитники изученія классическихъ языковъ: они приняли весьма серьозно то, что для Рейхлиновъ было однимъ орудіемъ къ достиженію другихъ живыхъ цѣлей.

Напрасно также эти защитники ссылаются на примѣръ западной Европы, а въ особенности Англіи; и тамъ подымались сильно голоса въ пользу возвращенія настоящаго значенія классическому преподаванію. Мы приведемъ почти цѣликомъ мнѣніе одного французскаго публициста по поводу этого вопроса. Оно замѣчательно особенно по популярности своего изложенія; авторъ пишетъ рядъ писемъ къ своей сестрѣ, и въ одномъ изъ нихъ говоритъ о состояніи и результатахъ классическаго преподаванія въ французскихъ коллегіяхъ и лицеяхъ (гимназіяхъ). Какъ ни предосудительны заднія мысли бонапартистскаго публициста, но картина имъ очерчена вѣрно; онъ весьма ошибается въ своихъ цѣляхъ и нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ, но для насъ важенъ заявленный имъ фактъ. Число знающихъ латинскія склоненія и спряженія дѣйствительно теперь велико во Франціи. Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, извѣстный гуманистъ XVI столѣтія и другъ Рейхлина, осмѣивая схоластиковъ, упрекавшихъ его за то, что онъ не имѣетъ ученой степени магистра, и называвшихъ его Nichts, нулемъ, написалъ остроумную поэму подъ заглавіемъ Nemo, т. е. Никто. Въ посвященіи его Кроту, Гуттенъ говоритъ: «теперь обществомъ управляютъ люди, которые имѣютъ степень и титулъ, и о которыхъ не спрашиваютъ, знаютъ ли они что-нибудь, но — имѣютъ ли они степень магистра?» Гуттенъ могъ бы написать теперь тоже о Франціи, гдѣ безъ степени баккалавра классическихъ языковъ надобно оставаться Nemo. Кто же такіе эти баккалавры?

«Въ прошлый понедѣльникъ, — пишетъ авторъ названныхъ нами писемъ своей сестрѣ, — вечеромъ около 4 часовъ, ко мнѣ вошла добрая тетушка Камилла съ своимъ сыномъ. Ты помнишь эту миленькую крошку Октава, котораго все семейство называло Тото? Ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ; русые волосы Октава обстрижены, и его можно назвать взрослымъ человѣкомъ въ миніатюрѣ. Впрочемъ онъ хорошо воспитанъ, держитъ себя прилично: мать его не отпускала отъ себя ни на шагъ. Мнѣ было очень пріятно видѣть его подросшимъ и сложившимся, хотя такія метаморфозы дѣтей, родившихся на нашихъ глазахъ, ужасно какъ подгоняютъ насъ къ старости.

«Я отдыхалъ, окончивъ свою ежедневную работу, и перелистывалъ, вмѣсто отдыха, превосходную брошюру, присланную мнѣ

утромъ отъ Данію. Я обожаю людей, которые думаютъ какъ я, не требуя при этомъ чужой головы, и я пришолъ въ восторгъ, видя, что Anatole de la Forge, изъ благородныхъ, разрѣшилъ такъ справедливо вопросъ о герцогствахъ.

— Дѣло идетъ не объ Италіи, заговорила тетушка Камилла, женщина дѣятельная и положительная, и которая не любитъ терять своего времени. — Мнѣ нужно у васъ попросить совѣта, и весьма важнаго совѣта, потомучто отъ него будетъ зависѣть судьба моего сына.

Такое предисловіе испугало меня. Я не прочь самъ попросить совѣта, потомучто никто меня не обязываетъ послѣдовать ему; но если дѣло идетъ о томъ, чтобъ я его далъ, мнѣ всегда страшно и подумать, что кто-нибудь повѣрилъ моимъ словамъ, и что я потомъ буду упрекать себя за несчастіе другихъ. Тетушка Камилла не обратила никакого вниманія на мое замѣшательство и продолжала, не замѣчая, что я покраснѣлъ до ушей:

— Октаву пора начать заниматься: я передала ему то немногое, что сама знала; отъ меня ему нечего больше учиться. Вы его родственникъ, вы кончили свой курсъ; вы начинаете знакомиться съ Парижемъ; теперь время пріема въ учебныя заведенія: куда вы посовѣтуете отдать мнѣ своего сына? Чѣмъ ему заняться? Какой путь ему избрать, чтобы чего-нибудь достигнуть?

Она говорила довольно долго, все въ этомъ родѣ, съ болтливостью, свойственной дамамъ. Между тѣмъ я придумывалъ, кого бы рекомендовать ей для совѣта изъ людей болѣе опытныхъ, и такимъ образомъ оказать услугу, не принимая на себя никакой отвѣтственности? Я вспомнилъ весьма кстати одного стараго учителя латинскаго языка, съ которымъ я познакомился за общимъ столомъ въ ресторанѣ. Не разъ мы разсуждали съ нимъ вмѣстѣ, обнищая грушу или ощипывая вѣтку винограда. Его идеи меня часто удивляли своею причудливостью; но онъ былъ въ нихъ убѣжденъ, и защищалъ ихъ со всѣмъ жаромъ добросовѣстнаго человѣка. Я его считалъ честнѣйшею душою въ мірѣ, не смотря на его манію перевернуть все обученіе.

— Тетушка! говорю я Камиллѣ, — доброй воли недостаточно для добраго совѣта. Я былъ въ гимназіи (collège), какъ и всѣ; но я такъ мало этимъ воспользовался, что мои родители лучше бы сдѣлали, сохранивъ плату за мое содержаніе въ пансіонѣ. Учителя меня считали заразой, наблюдатели предсказывали, что я кончу жизнь на эшафотѣ, а товарищи смотрѣли на меня какъ на дикаря, потомучто я творилъ нелѣпости во всѣхъ отношеніяхъ. Въ послѣдній годъ, я выучилъ наизусть толстѣйшую книгу подъ заглавіемъ Ру-

Digitized by Google

ководство для выпускныхъ (Manuel du baccalauréat). Факультетъ заставилъ меня проговорить оттуда нѣсколько мѣстъ, и далъ мнѣ дипломъ, пожимая плечами.

«Послѣ этой церемоніи, я началъ работать по своему вкусу, занимался съ наслажденіемъ, доказалъ другимъ и самому себѣ, что я не зараза, и не умру на эшафотѣ, развѣ только случится какая-нибудь совершенно непредвидѣнная революція. Изъ этого слѣдуетъ, что я нисколько не сожалѣлъ о гимназіи, потомучто я, только оставивъ ее, научился чему-нибудь, считалъ себя нѣсколько счастливымъ и уважаемымъ. Однако я продолжаю вѣрить, что классическія занятія и изученіе греческихъ и латинскихъ писателей необходимы для воспитанія и развитія ума. Можетъ-быть меня рано стали начинять этою хорошею пищей, или учителя забывали ее приправлять? Не умѣю сказать... Во всякомъ случаѣ мои десять лѣтъ въ гимназіи были для меня слишкомъ непріятны и безполезны, чтобы я могъ пожелать того же вашему милому сыну.

«Не примите мои слова за совѣтъ: это одно воспоминаніе дѣтства. Я не могу объяснить самому себѣ, отчего я смотрю на классическія занятія съ величайшимъ уваженіемъ, а на уроки гимназіи съ глубокимъ отвращеніемъ. Но, если вы мнѣ позволите, я позову сюда одного стараго ученаго, который живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ; онъ можетъ-быть приведетъ въ согласіе мои противорѣчія и объяснитъ намъ обоимъ нѣкоторыя вещи, о которыхъ я имѣю сбивчивыя понятія, безъ возможности найти для нихъ выраженіе.

«Тетушка Камилла приняла мое предложеніе. Я побѣжалъ за моимъ ученымъ, и такъ какъ онъ выходилъ только на уроки да на обѣдъ, то я и засталъ его дома. Онъ съ охотою послѣдовалъ за мною, и предложилъ свои услуги теткѣ съ радушіемъ, которое ее тронуло.

«— Вотъ мой единственный сынъ, говорила она. Онъ вся надежда моей жизни, и я могу сказать вамъ — единственная подпора, которую мнѣ далъ Богъ для моихъ преклонныхъ лѣтъ. Мое главное желаніе состояло бы въ томъ, чтобы онъ въ хорошей гимназіи научился греческому и латинскому языку для того, чтобы получить степень (баккалавра) и съ нею достигнуть всего. Мой родственникъ, повидимому, охуждаетъ мое честолюбіе и въ то же время боится дать совѣтъ. Вы — наставникъ; я обращаюсь къ вамъ; скажите, что я должна дѣлать?

«Наставникъ медленно втянулъ щепотку табаку, взялъ за подбородокъ маленькаго Октава и сказалъ нѣсколько докторальнымъ тономъ;

Digitized by Google

«— Вашъ планъ заслуживалъ бы похвалу во всѣхъ отношеніяхъ, если бы этотъ милый мальчикъ современемъ имѣлъ сто тысячъ франковъ дохода...

«Я вскрикнулъ; тетушка также.

«— Позвольте! замѣтилъ онъ; — вы перервали вторую часть моего предложенія. Я говорю: если бы вашъ сынъ имѣлъ современемъ сто тысячъ франковъ дохода вѣрнаго и несомнѣннаго, или если бы вы его предназначили сдѣлаться такимъ же старымъ педантомъ, какъ я. Преподаваніе древнихъ языковъ, какъ оно было установлено нашими предками и какъ оно существуетъ до сихъ поръ въ нашихъ общественныхъ заведеніяхъ, годно только какъ украшеніе ума молодыхъ и богатыхъ людей, или какъ способъ достать профессоровъ греческаго и латинскаго языка.

«— Я вдова, замѣтила тетушка съ скромностью, не лишенною достоинства, — а вдова и не имѣю состоянія. Мой мужъ занималъ почетное мѣсто въ одномъ частномъ управленіи; съ его смертью я не получила никакихъ правъ на пенсію. Наше общее имущество, увеличенное всевозможными сбереженіями, составляетъ до того ничтожный капиталъ, что я принуждена сама лично пускать его въ оборотъ. Я открыла небольшую лавочку съ холстомъ въ кварталѣ Бонапарговскаго лицея, и вотъ уже два года, какъ я выручаю среднимъ числомъ въ день отъ 7 до 8 франковъ. Въ Парижѣ этого мало достаточно на предметы первой необходимости, при настоящей дороговизнѣ. Однако я подумала, что осудивъ себя на нѣкоторыя лишенія, я могла бы опредѣлить моего сына въ лицей вольнопрактикующимъ, чтобы дать ему классическое образованіе, которое ведетъ и къ деньгамъ, и къ почестямъ.

«— Увы! отвѣчалъ онъ, вашъ сынъ въ томъ же положеніи, какъ и девять десятыхъ нашихъ учениковъ. Девять семействъ изъ десяти, не только въ Парижѣ, но и во всей Франціи, даютъ своимъ дѣтямъ классическое образованіе и думаютъ тѣмъ доставить имъ кусокъ хлѣба. Вся буржуазія въ нашей странѣ, отъ 1789 года, и до 1859, слѣпо стремится по этой ложной дорогѣ.

«— Почему же ложной?

«— Отвѣтъ на это требуетъ нѣкотораго историческаго объясненія... но не опасайтесь, я не начну отъ потопа. Онъ молча улыбнулся при такой шуткѣ и продолжалъ:

«До революціи, во Франціи было около 50,000 молодыхъ людей, которые рождались богатыми. Каждый изъ нихъ находилъ въ своей колыбели все что ему было нужно, чтобъ жить и жить хорошо. Ихъ будущность была готова наперед, ихъ доходы обезпечены. Если бы имъ вздумалось жить въ своихъ помѣстьяхъ,

Digitized by Google

она не имѣла бы надобности ни въ комъ и ни въ чемъ. Если бы они предпочли жить въ Версали или въ Парижѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ замѣчательномъ городѣ государства, всѣ придворныя должности, всѣ гражданскія мѣста принадлежали имъ по праву рожденія. Равные почти другъ другу и по рожденію и по богатству, они могли отличаться внутреннимъ достоинствами; потому-то ихъ родители преимущественно и заботились о томъ. Они воспитывались въ отеляхъ или замкахъ своихъ отцовъ, подъ руководствомъ опытнаго наставника; другіе поступали въ гимназіи, или одни, или вмѣстѣ съ гувернеромъ. Въ гимназіяхъ они пользовались всѣми выгодами общественнаго воспитанія, потомучто оно пріучало дѣтей жить въ обществѣ. Такъ какъ у нихъ было довольно времени впереди, и никакое спѣшное дѣло не призывало ихъ къ свѣту, то они оставались по десяти лѣтъ въ тѣхъ нѣкотораго рода интеллектуальныхъ монастырахъ.

«Нѣсколько хорошихъ учителей, которые не были ни свѣтскими ни духовными, но которые походили на тѣхъ и другихъ, заботились только объ умственномъ развитіи молодыхъ людей. Ихъ обдѣлывали на изящной литературѣ, питали наилучшею прозою и совершеннѣйшими стихами; въ совѣтники и друзья имъ назначались величайшіе люди древности; они обѣдали въ сообществѣ Гомера и засыпали съ Цицерономъ. Очень скоро прикосновеніе такихъ знаменитыхъ образцовъ переродило ихъ умъ и языкъ, они думали по-гречески и по-латыни, говорили нарѣчіями забытыми, писали рѣчи безъ всякаго содержанія, но на прекрасномъ языкѣ Саллюстія. Учители радовались, и какъ имъ было не радоваться? Всѣ эти юноши были люди свободные. Они не имѣли ничего, что могло бы ихъ приневолить къ труду, чѣмъ они могли бы быть болѣе полезными обществу, своимъ семействамъ и самимъ себѣ. Когда они выходили изъ гимназіи, они были въ состояніи играть хорошую роль въ свѣтѣ, написать безупречно записку, произнести безошибочно рѣчь, здраво обсудить бельлетристическое произведеніе и доказать людямъ хорошаго происхожденія во всей Европѣ, что они кончили курсъ классическаго образованія. Въ тѣ времена, обученіе въ гимназіяхъ было именно тѣмъ, чѣмъ оно должно было быть, и по моему мнѣнію, оно достойно всякой похвалы.

«Къ обществу тѣхъ богатыхъ людей и хорошаго происхожденія, которые платили за себя большія суммы въ пансіонъ, гимназія старалась присоединять нѣсколькихъ казеннокоштныхъ, избранныхъ за ихъ таланты въ низшихъ слояхъ общества. Эти бѣдные молодые люди получали даромъ то же самое образованіе, которое другимъ продавалось дорого; но за то они предназначались обучать

Digitized by Google

другихъ въ свою очередь и вступали на каѳедру своихъ учителей. Такъ Ролленъ, сынъ бѣднаго ремесленника въ Парижѣ, былъ принятъ изъ милости, или скорѣе по ловкому расчету, въ Collège du Plessis, гдѣ онъ замѣстилъ своего наставника, будучи двадцатидвухъ лѣтъ отъ роду. Все это шло какъ нельзя лучше, если и не спѣшилось. Гимназія назначалась не для людей средняго класса. Туда принимали богатыхъ дѣтей для развитія въ нихъ блестящихъ качествъ ума, и нѣсколькихъ жалкихъ бѣднякъ, предназначаемыхъ на тяжолый трудъ обученія. Ремесленники, лавочники, которые назначали своихъ дѣтей на трудъ для жизни, не осуждали ихъ на чтеніе или писаніе латинскихъ стиховъ втеченіе десяти лѣтъ.

«Англичане не имѣли у себя 89 года; публичное воспитаніе у нихъ осталось тѣмъ же, чѣмъ оно было до революціи у насъ. Эта нація, имѣющая много у себя посредственнаго, всегда была велика въ вопросахъ практической жизни; она не кормила быковъ апельсинами, а буржуазію латынью. Знаете ли, сколько она имѣетъ у себя коллегій, лицеевъ и классическихъ факультетовъ? Всего только два: въ Оксфордѣ да въ Кембриджѣ. Два изумительныхъ учрежденія, первыхъ въ свѣтѣ для изученія греческой и латинской литературы; но туда поступаетъ не всякій. Дѣти, предназначаемыя въ пэры лордовъ, маленькіе милліонеры, которыхъ положеніе въ свѣтѣ совершенно упрочено, являются въ Оксфордъ и Кембриджъ отполировать свой умъ на плитахъ древности. Они тамъ остаются долго, и посвящаютъ себя трудамъ самымъ безполезнымъ и самымъ почтеннымъ; они пишутъ не только латинскіе стихи, но даже и греческіе. У нихъ для того довольно времени. Кусокъ ихъ хлѣба обезпеченъ. Среди ихъ образуется нѣсколько почтенныхъ профессоровъ, вышедшихъ изъ толпы, и которые въ изученіи латинскаго и греческаго языка видятъ средство къ существованію. Остальная масса націи учится поспѣшно, въ первоначальныхъ школахъ, предметамъ необходимымъ для жизни, и расходится потомъ по различнымъ дорогамъ промышленности и торговли.

«Не таковы мы, французы. Послѣ революціи, буржуазія хотѣла, чтобы дѣти ея воспитывались, какъ прежде дѣти принцевъ. Она не знала навѣрное, къ чему это можетъ повести, но ей хотѣлось взять приступомъ старыя коллегіи, какъ взята была Бастилія. Всѣ правительства, какія пребывали у насъ, въ послѣднія семьдесятъ лѣтъ, поддерживали такую манію въ народѣ. Они строили лицей на лицеѣ, коллегію на коллегіи; они образовывали ученыхъ профессоровъ тысячами, великодушно понизили цѣну классическаго обученія и облили французскій мозгъ до верху латынью. Такое честолюбіе однихъ и уступчивость другихъ привели насъ, вы знаете,

Digitized by Google

къ чему. Каждый годъ, въ концѣ лѣта, учебныя публичныя заведенія разливаютъ по странѣ ужасный потокъ баккалавровъ, невѣжественныхъ во всемъ, кромѣ латинскаго языка, и убѣжденныхъ, что міръ принадлежитъ имъ. Большей части изъ нихъ нечѣмъ жить. Что же имъ дѣлать? Правительство дало имъ такое образованіе; у правительства они и спрашиваютъ кусокъ хлѣба.

«Правительство, какъ добрый отецъ, начало удовлетворять требованіямъ, которыя оно возбудило само. Оно роздало своимъ питомцамъ всѣ общественныя мѣста, которыя сдѣлались вакантными послѣ паденія аристократіи. Но толпа баккалавровъ прибывала. Правительство открыло новыя должности. Но и этотъ запасъ истощился; надобно было придумать сверхштатныхъ, т. е. рядъ мѣстъ, на которыхъ работаютъ безплатно. Число баккалавровъ увеличивалось, и даже сверхштатныхъ мѣстъ не хватало. Правительство учредило кандидатство на сверхштатныя мѣста... насмѣшка на насмѣшкѣ!

«Теперь со всѣхъ сторонъ семейства кричатъ правительству: «научите нашихъ дѣтей тому, что было бы имъ полезно; мы не оставляемъ имъ никакихъ доходовъ; дайте имъ кусокъ хлѣба». Правительство, воодушевленное самыми лучшими намѣреніями, но привыкшее дѣлать все вполовину, колеблется, идетъ ощупью, предписываетъ и отмѣняетъ, судитъ и пересуживаетъ, передѣлываетъ программы и не приходитъ ни къ какому результату. Оно присоединяетъ къ классическому обученію новѣйшіе языки, рисованіе, математику естественныя науки и физику. Отлично! кричатъ положительные люди. Но скоро начинаютъ замѣчать, что не хватаетъ мѣста, т. е. времени для обученія греческому и латинскому языку. Какъ помочь дѣлу? Коллегіи раздѣляютъ на два отдѣла. Въ однихъ учатъ полезнымъ наукамъ, въ другихъ — тѣмъ прекраснымъ и знаменитымъ безполезностямъ, которымъ обучалъ Ролленъ въ 1687 году. Но тутъ новая бѣда. Полезный отдѣлъ преисполненъ учениковъ: таковъ духъ времени и требованіе вѣка; а учитель классическихъ наукъ остается одинъ на каѳедрѣ, и проповѣдуетъ пустымъ скамейкамъ. Правительство полагаетъ, что оно стало на ложную дорогу; оно возвращается назадъ. Оно ведетъ заблудшихся и разбѣжавшихся овечекъ на поле латинской и греческой словесности; оно обязываетъ всѣхъ имѣть степень баккалавра литературы, кто хочетъ быть чѣмъ-нибудь. Даже баккалавръ математическихъ наукъ долженъ пройти чрезъ кавдинскіе проходы латинской націи. Всѣ повинуются, но ропщутъ; никто недоволенъ порядкомъ, установленнымъ въ публичныхъ школахъ, ни даже само правительство.

Digitized by Google

— Но, замѣтила тетушка Камилла, — вы не сказали однако, что же мнѣ сдѣлать съ сыномъ?

— Дѣло идетъ не объ одномъ вашемъ сынѣ, а о сотнѣ тысячъ дѣтей того же возраста, которые каждый годъ, въ началѣ октября, находятся въ подобномъ же затрудненіи. Если бы правительство удостоило спросить у меня совѣта! Мой планъ готовъ, я все предвидѣлъ. И какъ было бы легко преобразовать въ самое короткое время наше бѣдное народное просвѣщеніе!

— Что́ же вы сдѣлали бы? спросилъ я въ свою очередь.

— Что́ я сдѣлалъ бы? я устроилъ бы въ каждой общинѣ хорошее заведеніе первокласснаго и дарового обученія, но не обязательнаго.

— Это уже сдѣлано.

— Да, почти. Въ каждомъ департаментскомъ городѣ и во всѣхъ городахъ болѣе значительныхъ я имѣлъ бы второклассное учебное заведеніе, гдѣ дѣти отъ 10 до 15 лѣтъ учились бы французскому и одному иностранному языку, ариѳметикѣ и геометріи, физикѣ и химіи, съ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ космографіи, исторіи Франціи и элементарнымъ фактамъ всеобщей исторіи, рисованію, музыкѣ и гимнастикѣ.

«Знаете ли, какъ трудно у насъ найти грамотнаго человѣка? Пятнадцати баккалавровъ изъ двадцати отказываютъ за неумѣнье ихъ правильно писать. Рисованію учатъ немного въ спеціальныхъ школахъ, и между тѣмъ каждый имѣетъ надобность умѣть сколько-нибудь рисовать. Музыка для большей части нашихъ согражданъ болѣе нужна, чѣмъ китайскій языкъ, между тѣмъ какъ метода, изобрѣтенная Руссо и усовершенственная Шеве, удивительная по своей простотѣ, сдѣлала ее доступною для каждаго. Гимнастика, постыдно забытая нами, укрѣпила бы новыя поколѣнія и возстановила бы ущербъ силъ, причиняемый сидячими занятіями. Вотъ коллегія, о которой я мечтаю; вотъ школа, куда средній классъ нашей страны охотно посылалъ бы своихъ дѣтей, потомучто тамъ научили бы полезному; были бы довольны и университеты, потомучто они увидѣли бы около своихъ каѳедръ людей. По выходѣ оттуда, каждый слѣдуетъ своему призванію. Одни вступаютъ въ академію художествъ, другіе въ комерческое училище, третьи на образцовую ферму. Морское училище, военные корпуса вербовали бы у насъ моряковъ и воиновъ.

— Но что же вы сдѣлаете съ греческимъ и латинскимъ языками? спросилъ я.

— То, чѣмъ имъ должно быть въ обществѣ, подобномъ нашему:

Digitized by Google

украшеніе нѣсколькихъ умовъ, которые не имѣютъ въ этомъ мірѣ другой заботы, кромѣ собственнаго развитія. Я не уничтожилъ бы всѣхъ лицеевъ, но оставилъ бы ихъ не въ большомъ числѣ, сколько ихъ напримѣръ въ Англіи. Вмѣсто того, чтобы понизить годовую плату въ этихъ школахъ, я бы удвоилъ ее или даже учетверилъ. Я принималъ бы туда только дѣтей достаточныхъ родителей, вмѣстѣ съ бѣдными дѣтьми хорошихъ способностей, которые назначаютъ себя для профессорскихъ должностей. Тамъ будутъ глотать цѣликомъ грековъ и латиновъ, и не въ видѣ крошечныхъ тартинокъ, какъ это дѣлается въ нашихъ коллегіяхъ, но большими ломтями, цѣлыми кусками, какъ Боссюетъ нѣкогда угощалъ дофина Франціи».

Нельзя безусловно согласиться съ Эдмондомъ Абу относительно его мнѣнія о той роли, которую онъ думаетъ назначить для классическихъ языковъ въ дѣлѣ общественнаго образованія. Его уваженіе къ нимъ отзывается ироніей. Для него классическіе языки годны для одного украшенія ума, который счастливымъ матеріальнымъ положеніемъ освобожденъ отъ тяжолой мысли о необходимости заработать себѣ кусокъ хлѣба. Еще менѣе можно согласиться съ побужденіями г. Абу, которыя вызвали его противъ классическихъ языковъ. Онъ является матеріалистомъ; но этотъ матеріализмъ отзывается матеріализмомъ временъ римской имперіи: пусть каждый знаетъ свое ремесло, трудится въ своей мастерской и не теряетъ даромъ времени на знакомство съ Цицерономъ, Тацитомъ, Ѳукидидомъ; такое знакомство вызоветъ въ немъ вопросы иного рода, между тѣмъ какъ матеріализмъ привязываетъ человѣка къ инструменту и дѣлаетъ безразличнымъ въ отношеніи вопросовъ высшаго интереса. Если въ самомъ дѣлѣ таковы результаты г. Абу, то онъ забываетъ, что мы живемъ не въ XVI столѣтіи. Тогда конечно для своей эманципаціи человѣкъ не имѣлъ предъ собою ничего, кромѣ произведеній классической литературы. Таково ли положеніе современной образованности? Неужели наши литературы находятся теперь въ томъ же отношеніи къ классической литературѣ, въ какомъ находилась литература среднихъ вѣковъ? Можно ли серьозно опасаться, что нашъ современникъ, прочтя Маколея, Гизо, Бёкля, Канта, Гегеля и др., останется въ томъ же тупомъ состояніи, въ какомъ его оставили бы средневѣковыя произведенія, если бы не явилась на помощь классическая литература? Но съ другой стороны, состояніе новѣйшей образованности нисколько не упраздняетъ необходимости классическихъ языковъ. Они остаются, и теперь, и всегда останутся, не только украшеніемъ празднаго ума, какъ утверждаетъ г. Абу, но насущною необходимостью каждаго

Digitized by Google

человѣческаго общества, въ которомъ не угасли преданія о древности свободной человѣческой мысли. Слѣдуетъ ли изъ этого однако, что изученіе классическихъ языковъ должно быть принято за главную основу школьнаго народнаго образованія? Какъ такая основа, это изученіе классическихъ языковъ будетъ всегда сводиться на ознакомленіе съ склоненіями и спряженіями, и будетъ потому вызывать справедливо другое крайнее мнѣніе — вообще о безполезности древнихъ языковъ. Если мы желаемъ, чтобы эти языки приносили общественному образованію такую же пользу, какую они принесли уже однажды человѣчеству, то мы должны ожидать такой пользы вовсе не отъ того, что все населеніе страны будетъ склонять и спрягать полатыни и погречески. Въ странѣ образованной всегда найдутся люди, которые своимъ глубокимъ изученіемъ классической образованности извлекутъ изъ нея великія истины и внесутъ ихъ въ народную жизнь. Мы не можемъ сказать, чтобы въ наше время мы еще не имѣли теперь людей; но безъ сомнѣнія, они обязаны своими филологическими знаніями не тому, что обученіе классическимъ языкамъ было главною основою нашего школьнаго образованія. Какъ же рѣшить этотъ вопросъ у насъ? Во всякомъ случаѣ было бы жаль, еслибъ у насъ повторилось то, что происходило во Франціи теченіе послѣднихъ семидесяти лѣтъ. Древніе языки очень хорошая вещь; но еслибъ для изученія ихъ пришлось пожертвовать другими знаніями, напримѣръ хоть естественными науками, то, скажемъ прямо, по нашему мнѣнію, цѣна эта не могла бы принести ожидаемой отъ нея пользы. Въ наше время — время легкаго знакомства со всевозможными литературами посредствомъ очень хорошихъ переводовъ — гораздо полезнѣе обойтись безъ древнихъ языковъ, чѣмъ безъ тѣхъ наукъ, которыя объясняютъ намъ жизнь, даютъ хлѣбъ, а главное, дѣлаютъ насъ людьми вполнѣ развитыми и образованными. Съ одними древними языками еще недалеко уйдешь въ дѣлѣ настоящаго образованія. Съ древней, классической литературой можно познакомиться и безъ изученія этихъ языковъ. Да и много ли, скажите, изъ тѣхъ, которые учились этимъ языкамъ, знаютъ ихъ основательно? Одни останавливаются на склоненіяхъ и спряженіяхъ; другіе, читавшіе когда-то Цицерона и Тацита, перестаютъ читать ихъ, лишь только выйдутъ изъ университетовъ.

Прежде, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, древніе языки конечно дѣлали людей людьми. Теперь не они уже это дѣлаютъ. Одни они были бы уже недостаточны. И безъ нихъ современный, вполнѣ развитой и образованный человѣкъ можетъ познакомиться съ классическою литературой.

Digitized by Google

Но изучая эти языки, познакомится ли онъ съ тѣми знаніями, которыми пришлось бы пожертвовать для нихъ изученія?

Напримѣръ, хоть съ естественными науками?

А безъ этихъ наукъ вѣдь ужь очень плохо современному человѣку.

Digitized by Google

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

I. ЖУРНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Былъ споръ литературный, о которомъ мы не очень давно имѣли честь доводить до свѣдѣнія нашихъ читателей. О чемъ былъ споръ, — это все равно, и не въ томъ теперь дѣло: дѣло только въ томъ, что у одного изъ спорившихъ сорвалось тогда съ языка словечко: «*интересы* народной массы», т. е. интересы русскаго народа, къ достиженію которыхъ означенная масса якобы «стремится путемъ всякихъ темныхъ дѣлъ.» Другой спорившій не пропустилъ мимо ушей этого словечка и отвѣтилъ противнику въ такихъ или подобныхъ выраженіяхъ: «Эхъ, государь мой! да полно знакомы ли вы еще съ *интересами*-то русскаго народа? знаете ли вы» и проч. Не помнимъ, какъ тамъ дальше было выражено, но смыслъ состоялъ въ томъ, что дескать интересы русскаго народа и пути къ достиженію ихъ не совсѣмъ то, что вы думаете; что если вы будете ихъ мѣрить аршиномъ вашихъ собственныхъ интересовъ и путей, то можете сильно ошибиться и приписать народу такія свойства, желанія и стремленія, какихъ у него вовсе нѣтъ. При этомъ казется было пояснено и то, что интересы русскаго народа въ сущности очень просты и крайне немногосложны, такъ что если начать умствовать и опредѣлять ихъ издали, прикидывая на свой-то умозрительный аршинъ, то легко можно перехитрить, увлечься, уйти въ сторону и, начавъ во имя народныхъ интересовъ, предаться другимъ интересамъ, народу совершенно чуждымъ...

Впрочемъ не ручаемся, дѣйствительно ли все это было высказано по поводу упомянутаго спора, и не прибавили ли мы послѣднихъ оттѣнковъ той же мысли изъ другого мѣста и изъ другого журнала. Въ самомъ дѣлѣ, было нѣчто подобное и въ другомъ жур-

Digitized by Google

нія, который пошелъ въ этомъ отношеніи далѣе: онъ излилъ горькіе упреки на нѣкоторыхъ журнальныхъ *народниковъ* зато, что они толкуютъ о народности, сами не зная хорошенько народа, накидываются рѣзко и неумѣренно на людей, высказывающихъ мнѣнія, противныя ихъ мнѣніямъ, и тѣмъ мѣшаютъ свободной разработкѣ вопросовъ, а главное — нарушаютъ условія *литературнаго приличія*...

Теперь мы припоминаемъ и каемся, что послѣдняя фраза вышеприведенной мысли, вызванной словомъ «интересы народа», принадлежитъ намъ самимъ. Именно такъ! Читая горькія жалобы на нарушителей условій литературнаго приличія, мы тогда же подумали: какъ легко увлекается вообще человѣкъ! Начнетъ во имя какого-нибудь интереса, искренно, благородно начнетъ, а потомъ незамѣтно и нечувствительно сойдетъ въ сторону, предастся другому, независимому отъ перваго интересу и погрузится въ него почти всецѣло, т. е. отдастъ этому новому интересу главнѣйшій пылъ своего одушевленія, а старому уже удѣлитъ одни только тепленькіе остаточки его. Уже не годъ и не два, какъ наши журналы предались интересамъ народа, благородно одушевившись имя и считая ихъ необходимѣйшею и лучшею потребностью читающей публики и всего русскаго общества. Коснувшись такой живой и чувствительной струны, конечно нельзя было избѣжать столкновенія мнѣній, и такъ какъ струна-то была очень чувствительна и жива, то и столкновенія могли иногда послѣдовать чувствительныя и рѣзкія... Обидѣлись обидчивые люди и вспомнили о законахъ литературнаго приличія... Съ тѣхъ поръ законы приличія сдѣлались преобладающимъ интересомъ обидчивыхъ людей и предметомъ домашнихъ хлопотъ многихъ журналовъ. А извѣстно, что у кого заведутся домашнія хлопоты, у того, по слабости человѣческой природы, все прочее, постороннее неизбѣжно отойдетъ на второй, если не на третій планъ. И дѣйствительно, если теперь послушать внимательно говоръ разныхъ журналовъ, то нельзя не замѣтить наибольшаго одушевленія тамъ, гдѣ изливается негодованіе на бранчивое направленіе нашей журналистики, на крикуновъ и нарушителей литературныхъ приличій. Досугъ ли же тутъ еще преслѣдовать чужіе интересы, хотя бы напримѣръ интересы поодаль стоящаго народа? Вѣдь этакъ пожалуй и одушевленія недостанетъ!

Но чтожъ такое? Если уже убѣдились люди въ великой важности преступленій и проступковъ противъ законовъ литературнаго приличія, то почему жъ имъ не избрать себѣ исключительной, хотя временной цѣлью преслѣдованіе и искорененіе этихъ преступленій и проступковъ? Но вотъ что непостижимо: бываетъ такъ, что са-

мые строгіе и жаркіе преслѣдователи этого журнальнаго зла, обличая преступника, въ то же время сами нарушаютъ всѣ извѣстные имъ законы, и какъ нарушаютъ! Не словомъ, а дѣломъ, т. е. не рѣзкостью выраженій, а выкапываніемъ фактовъ, неподходящихъ ни подъ какіе законы ни литературнаго, ни общежитейскаго приличія.

Напримѣръ: ваистрожайшій преслѣдователь крикуновъ, «Русскій Вѣстникъ» однажды отыскалъ въ «Современникѣ» юмористическое стихотвореніе, въ которомъ ради шутки говорится о тяжеломъ положеніи журналиста, о трудности пріобрѣтать хорошія статьи, украшенныя громкими именами, и между прочимъ есть четверостишіе:

«Дорогъ ужасно Тургеневъ —
Публики первый герой —
Эта Елена, Берсеневъ,
Этотъ Инсаровъ... ой-ой!»

Эти стишки «Русскій Вѣстникъ» растолковалъ такъ, что «Современникъ» измѣнилъ свой тонъ относительно г. Тургенева и называетъ «скорбныя сѣтованія на дороговизну его произведеній».

«Современникъ», вѣроятно сообразивъ, что шутить и говорить серьозно — двѣ вещи разныя, замѣтилъ, что «Русскій Вѣстникъ» своимъ толкованіемъ «ущипнулъ» г. Тургенева, и затѣмъ о своихъ отношеніяхъ къ этому писателю объяснился такъ:

«Нашъ образъ мыслей произвелся для г. Тургенева на столько, что онъ пересталъ одобрять его. Намъ стало казаться, что послѣднія повѣсти г. Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? Ссылаемся на самого г. Тургенева.

Заслышавъ такія рѣчи, «Русскій Вѣстникъ» говоритъ: «На насъ лежитъ *долгъ* поправить *дѣло*.» И начинаетъ поправлять дѣло тѣмъ, что, извинившись и сказавъ, что онъ не хотѣлъ «щипать» г. Тургенева, тотчасъ же заявляетъ, что г. Тургеневъ не напечаталъ своей послѣдней повѣсти въ «Современникѣ» совсѣмъ не изъ расчета: *на потому*, что «Русскій Вѣстникъ» предложилъ ему болѣе выгодныя условія, а напротивъ *несмотря на то*, что условія, которыя предлагались ему съ другой стороны, были несравненно значительнѣе.»

Скажите же, развѣ это *прилично*? Развѣ можно пріискать какое-нибудь разумное побужденіе журналу — доводить серьозно до общаго свѣдѣнія или публично заявлять, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ другой журналъ розошелся съ извѣстнымъ писателемъ и кто отъ кого отвернулся, — журналъ отъ писателя, или писатель отъ

Digitized by Google

журналахъ? Вѣдь такія явленія могутъ пожалуй кому-нибудь показаться правильными взаимными отношеніями двухъ органовъ Островскаго: сатиры и дворянству, и самаго по-человѣчеству. И какъ бы это ни показать статейку изъ кодекса литературныхъ или какихъ другихъ приличій, которая бы оправдывала это домашнее явленіе? Или не оправдаютъ ли его какіе-нибудь общественные интересы? Къ интересамъ какой части публики можетъ оно относиться? Какими общественными нуждами оно могло быть вызвано? Ужь не интересы ли русскаго народа выиграютъ отъ разъясненія вопроса: кто больше предлагалъ за повѣсть г-на Тургенева — «Современникъ» или «Русскій Вѣстникъ»?.. Сдѣлаю не красиѣя это многознаменательное явленіе, «Русскій Вѣстникъ» какъ-будто немножко сконфузился, и говоритъ:

«Довольно! Намъ очень непріятно, что мы должны были вступаться въ такія объясненія (прочъ прошлаго?)... Но что же дѣлать послѣ этихъ объясненій? Увы, это очень грустно, но мы должны сознаться, что въ нашемъ литературномъ положеніи есть что-то очень ненормальное! Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ того, что дѣлается въ нашей литературѣ: нигдѣ журналы не обезсмертятъ взаимно другъ друга, не перебраниваются, и даже не объясняются между собою. Кромѣ полемики по горячимъ вопросамъ политики въ ежедневныхъ газетахъ, ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи журналы не вступаютъ ни въ какія объясненія между собою. Возьмите какой угодно изъ порядочныхъ европейскихъ журналовъ: вы даже не узнаете изъ него, существуютъ ли еще другіе журналы въ той странѣ, гдѣ онъ издается».

Посмотрите въ самомъ дѣлѣ, какіе благовоспитанные люди эти иностранцы!.. Да ужь полно правда ли это? Впрочемъ должна быть правда, если такъ говорятъ бывалые люди. Вотъ и г. Жеваховъ, тотъ бывалый человѣкъ, долго стоявшій съ эскадрой у сицилійскихъ береговъ, разсказывалъ собравшемуся кружку писателей руки Аѳеньи Тихоновны, что у нихъ въ Сициліи живетъ такой образованный народъ, что тамъ даже отъ простого мужика не услышишь русскаго слова: всѣ говорятъ по-французски.

Да дѣйствительно, не припомнимъ мы, чтобы между какими-нибудь порядочными европейскими журналами выходили пререкоры изъ-за сотрудника или возникали объясненія о томъ, который журналъ предлагаетъ и платитъ за статьи больше и который меньше. А что, что касается до столкновенія и борьбы мнѣній и направленій, не однихъ политическихъ, но такихъ нравственныхъ, эстетическихъ и иныхъ, то не постигаетъ разумъ нашъ, отчего бы неприлично было одному журналу поспорить, и горячо поспорить съ дру-

тить, особенно учась среди неустановившихся мнѣній и направленій! Въ подобныхъ случаяхъ почему бы одному журналу не объясниться съ другимъ? Почему не сказать: вы, мы вамъ скажемъ изволите грубить не въ ту сторону, что ваши мнѣнія принадлежатъ такому-то направленію, которое мы считаемъ невѣрнымъ потому-то, потому-то и пр.? Сверхъ того, не должно забывать, что въ западной литературѣ главную роль играютъ ежедневныя газеты, а у насъ наоборотъ, ежемѣсячныя изданія. А почему, спрашивается, намъ обезьянничать? Помилуйте, совѣстопляс не вести человѣка, *потому что* на западѣ этого не водится!

Въ числѣ предметовъ хулы есть еще рѣзкость выраженій, которыми у насъ называютъ *браню*, *сенсомъ*, *нелитературнымъ языкомъ*, и приписываютъ ее отсутствію *благовоспитанности*, деликатности, грубости нравовъ. Но и тутъ вѣдь нельзя не принять въ расчетъ предмета, по поводу котораго заявляются мнѣнія. Возьмемъ, напримѣръ исторію г-на Чернышевскаго съ Токвилемъ: какія только пошлости не произнесла смѣсь даже въ лагерѣ горячихъ противниковъ сего! Послѣднія книги журналовъ всѣ наполнены полемикой прессы о Чернышевскомъ. Августовская книга «Отеч. Записокъ», напримѣръ, у даже вся посвящена ему. Въ ней мы насчитали до шести статей, старающихся доказать, что онъ ничего не знаетъ. Въ одной московской газетѣ есть даже статейка, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Чернышевскій и его время». Говорите послѣ этого, что Чернышевскій не есть явленіе въ нашей литературѣ! Недоумѣваешь послѣ этого, если 172 № «Спб. Вѣдомостей» перещеголялъ всѣхъ возможныхъ свистуновъ, сравнивъ г-на Чернышевскаго съ человѣкомъ... *подумавшимъ*. Тутъ конечно какой-нибудь умѣренный человѣкъ и подумаетъ: «положимъ Токвиль великій политикъ, да зачѣмъ же стулья-то ломать?..»

Покорнѣйше просимъ обратить вниманіе на существенный предметъ нашей настоящей рѣчи: мы собираемъ литературные, выражаясь тѣснѣе, журнальные интересы, которые должны войти въ нашу лѣтопись въ числѣ другихъ современныхъ интересовъ. Подъ журнальными интересами, отличными отъ всѣхъ прочихъ, мы разумѣемъ на этотъ разъ тѣ собственно интересы, которые, казалось исключительно журнальнаго міра, чужды прочему остальному человѣчеству, которые начинаются тамъ, гдѣ кончаются интересы остальнаго человѣчества, и которые являются въ міръ только съ тѣхъ случаяхъ, когда журналъ заключается не своему домашнему хозяйству, да и выбѣгаетъ въ люди весь подъ вліяніемъ этихъ самыхъ забытъ завѣтныя тѣ болѣе общіе интересы, во имя которыхъ онъ открылъ міру свое существованіе и свою дѣятельность. Мы разум-

Digitized by Google

всѣмъ на эти частные или домашніе интересы вчерашнихъ потому, что они, будучи обнародованы, становятся общественнымъ достояніемъ, а вчерашніе потому, что внутренній процессъ ихъ обнародованія передко представляетъ любопытное психологическое явленіе, какъ читатели могли замѣтить изъ вышеизложеннаго. Пытаясь уяснить себѣ это явленіе, мы можемъ сдѣлать такое предположеніе, что когда совершается процессъ означеннаго обнародованія, тогда воображенію лица обнародывающаго представляется только извѣстная малая группа читателей, напримѣръ членовъ какой-нибудь редакціи, а все остальное читающее человѣчество для него въ эту роковую минуту какъ бы перестаетъ существовать; если же оно и припоминается ему смутно, то вѣроятно тутъ же является успокоительная мысль, что завѣтную публикацію, непричастную дѣлу человѣчество читать не будетъ, по чувству скромности, все равно какъ бы это было чужое, не къ нему адресованное письмо...

Еще разъ дѣлаемъ оговорку, что гдѣ хотя слегка замѣшались какая-нибудь человѣческая идея, или общественный вопросъ, или отдѣльный фактъ, имѣющій значеніе въ жизни общества, или что-нибудь поважнѣе, лишь бы оно носило сколько-нибудь свойственную публичности физіономію, — тамъ всѣ возможные журнальные споры, безъ свиста и съ присвистомъ, принадлежатъ въ нашихъ глазахъ къ области общихъ, а не исключительно журнальныхъ интересовъ и, во имя этихъ интересовъ, имѣютъ законное право существованія. Если же насъ попрекнутъ тѣмъ, что мы такимъ образомъ допускаемъ свистъ и покрываемъ нарушителей законовъ литературнаго приличія, да если еще заговорятъ о необходимости и священномъ долгѣ литературы — воспитывать общественные вкусы, то мы попросимъ прежде опредѣлить поточнѣе и посовѣстительнѣе, чѣмъ именно воспитываются общественные вкусы, и при этомъ поразсудить хорошенько, не слишкомъ ли много приписываемъ мы, въ дѣлѣ этого воспитанія, благопристойію тона, чистотѣ и сладости звуковъ безъ крика и свиста? Да еще — не успѣшнѣе ли воспитываются и не яснѣе ли опредѣляются общественные вкусы сущною усвоенныхъ понятій, мыслей и чувства? А если такъ, то прежде нежели воздвигать гоненіе на свистуновъ, сопровождаемое горькими жалобами на зловредное и ведущее къ растлѣнію нравовъ нарушеніе законовъ литературнаго приличія, слѣдовало бы кажется всякому, предназначающему себя въ воспитатели общественныхъ вкусовъ, освободить свои помыслы отъ всѣхъ домашнихъ хлопотъ, съ которыми неразлучны нѣкоторые маленькіе, непріятно развлекающіе дрязги, въ родѣ расчетовъ за статьи, и потомъ уже выступить на поприще съ помыслами чистыми, вос-

питателя достойными; да при этомъ помнить такое слово, сказанное Спасителемъ: «не называйте себя учителями». Выступивъ такимъ образомъ, воспитатель, если онъ вооруженъ наукой, и твердыми убѣжденіями, а главное — вѣрнымъ пониманіемъ воспитываемой среды, не будетъ имѣть причины бояться или считать себѣ помѣхою какой бы то ни было свисть: свиснетъ ли человѣкъ мелькнувшись словомъ, или онъ свиснетъ мелькнувшись мыслью; какъ бы ни показалось воспитателю, или какъ бы ни было на самомъ дѣлѣ дико это мелькнуванье, оно не раздразнитъ его, не выведетъ изъ себя и не помѣшаетъ его благимъ урокамъ, потомучто чѣмъ рѣзче дикость, тѣмъ труднѣе обмануть ею воспитываемую среду, тѣмъ кратковременнѣе ея успѣхъ и тѣмъ легче восторжествовать благимъ урокамъ, если только въ нихъ дѣйствительно кроется источникъ блага, если въ нихъ въ самомъ дѣлѣ таится зерно истины...

Однако мы кажется начинаемъ сбиваться на тонъ проповѣди, чего, признаться, ужасно боимся. Попытаемся отдѣлаться отъ такого настроенія и перемѣнить хоть тонъ, если не самый предметъ рѣчи, потомучто... вотъ эти литературныя приличія все еще мелькаютъ передъ нами...

«Московскія Вѣдомости» недавно посвятили довольно большую статью разсужденію о журнальныхъ объявленіяхъ. Это разсужденіе — нѣчто въ родѣ обвинительнаго акта, обличающаго нѣкоторые журналы въ спекулятивномъ направленіи, въ духѣ торгашества, такъ какъ ихъ «широковѣщательныя» объявленія — ничто иное, какъ зазываніе подписчиковъ посредствомъ пышныхъ обѣщаній, невсегда или даже очень рѣдко исполняемыхъ. Говорится въ этомъ актѣ, что такимъ образомъ журналы роняютъ свое достоинство и подрываютъ кредитъ другихъ періодическихъ изданій; что публика давно перестала вѣрить въ пышныя обѣщанія и уже смѣется надъ ними, между тѣмъ какъ тѣ журналы, которые «скромно и просто заявляютъ о своемъ существованіи», расходятся въ тысячахъ экземпляровъ.

Такъ, такъ! слѣдуетъ карать его, журнальное шарлатанство, потомучто оно роняетъ достоинство литературы, не соблюдаетъ законовъ литературнаго приличія. Но... подумаешь, какіе бываютъ оригиналы! У насъ есть одинъ пріятель, который не подписывается ни на одинъ журналъ, заимствуясь ими отъ добрыхъ людей, но страстно любитъ читать журнальныя объявленія. Осень для него едва ли не самое лучшее время года; но крайней мѣрѣ съ наступленіемъ сентября, онъ какъ-то особенно оживляется, какъ бы предчувствуя близкое наслажденіе. Всѣ его знакомые, получающіе ка-

Digitized by Google

кіе-нибудь газеты или журналы; зная страсть чудака, собираютъ для него всѣ объявленія и вручаютъ ихъ ему иногда цѣлыми пачками. Садится онъ за эти пачки точно такъ, какъ гастрономъ садится за роскошный обѣдъ; въ числѣ блюдъ этого обѣда попадаются ему иногда и великолѣпныя объявленія отъ книжнаго магазина Маврикія Осиповича Вольфа, и прейсъ-куранты китайскихъ чаевъ; но онъ хладнокровно откладываетъ эту примѣсь въ сторону, и очистивъ пачку, приступаетъ къ чтенію собственно-журнальныхъ объявленій, а потомъ, начитавшись всласть, составляетъ изъ нихъ коллекцію для своей библіотеки. Объясняя свою страстную охоту, онъ разсуждаетъ очень краснорѣчиво. «Вѣдь нельзя думать, говоритъ онъ, чтобы какой-нибудь журналъ могъ издаваться и редактироваться людьми ограниченными, — это совсѣмъ невѣроятно. А гдѣ же найдете вы самыя-то, что̀ называется, сливки редакторскаго ума, какъ не въ объявленіи объ изданіи журнала? Тутъ ужь онъ весь, въ сосредоточенномъ такъ-сказать видѣ. Въ книгѣ иногда капитальное произведеніе посторонняго автора красуется на первомъ планѣ, какъ звѣзда первой величины, и замѣняетъ собою редакцію или выкупаетъ ея слабыя стороны; а въ объявленіи редакціи спрятаться незачто: тутъ она сама является лицомъ къ лицу съ публикой и рекомендуется, и старается высказать самую лучшую, самую горячую свою мысль. Ну, вотъ мнѣ и любопытно послушать, что̀ скажутъ умные люди, что̀ они думаютъ и что̀ намѣрены дѣлать. Изъ того, что̀ они наговорятъ, у меня составляется цѣлая група свѣтлыхъ надеждъ, — и мнѣ весело! Положимъ, что половина этихъ надеждъ можетъ-быть и не сбудется; да послушайте: вѣдь еслибы наши надежды сбывались всѣ до одной, то мы ужь давно шагнули бы за предѣлы мелкой житейской суеты и очутились бы въ идеальномъ мірѣ...

— Что̀же толку, возражаютъ нашему оригиналу, — обольщать себя надеждами, если знаешь напередъ ихъ несбыточность?

— Какъ несбыточность?

— Да вѣдь вы сами говорите, что половина вашихъ надеждъ не сбудется.

— Я допускаю возможность такого несчастія; но пока оно не случилось, передо мною желанія редакцій — исполнить мои надежды.

— А если у нихъ совсѣмъ нѣтъ тѣхъ желаній, какія вы предполагаете, а есть одно только желаніе — наловить побольше подписчиковъ?

— Э, полноте! Наловить подписчиковъ!.. Какъ вамъ не стыдно питать такія мысли и во всемъ видѣть одну темную сторону!.. Конечно, нельзя же представить себѣ такую безплотную редакцію, ко-

торая бы оставалась совершенно равнодушною къ числу своихъ подписчиковъ, которой было бы все равно, составитъ ли это число пять единицъ или пять тысячъ единицъ. Для кого же и издается журналъ, какъ не для подписчиковъ, т. е. читателей? Кому придетъ охота проповѣдывать въ пустынѣ? Стало быть ота — какъ вы говорите — ловля подписчиковъ неизбѣжно должна входить въ число цѣлей всякой, даже самой честной и добросовѣстной редакціи. Всѣ ли редакціи равно достигаютъ этой цѣли — это уже другой вопросъ; да это-то и зависитъ отъ существенныхъ достоинствъ редакціи, о которыхъ я сужу по объявленію, и, знаете ли, сужу довольно вѣрно. Вѣдь есть же для чего-нибудь у насъ съ вами и смыслъ, и вкусъ, и наблюдательность. Неужели вы думаете, что всѣ журнальныя объявленія мнѣ одинаково нравятся и возбуждаютъ во мнѣ одинаковыя надежды? Если вы такъ думаете, значитъ вы никогда не вчитывались какъ слѣдуетъ въ журнальныя объявленія, не дѣлали надъ ними достаточно-внимательныхъ наблюденій. Тутъ, я вамъ скажу, не только видишь разныя степени умственныхъ силъ и встрѣчаешь разнообразіе мыслей и направленій, но открываешь также разнообразіе личныхъ характеровъ, даже темпераментовъ и сердечныхъ свойствъ. Бываютъ напримѣръ характеры мрачные, склонные къ лаконизму; эти характеры большею частію съ достоинствомъ, но они сухи и къ нимъ какъ-то не тянетъ, — сердце не лежитъ. Бываютъ и наоборотъ — характеры открытые, которымъ ужасно хочется, чтобъ ихъ хорошенько поняли; они иногда повторяются, но это ничего; я ихъ люблю; въ нихъ жизни много. Иногда бываетъ замѣтно, что прежде чѣмъ приступить къ объявленію, редакція какъ-будто раздумывала: какой бы оттѣнокъ дать ей своей дѣятельности? подумала — и придумала извѣстный оттѣнокъ, разумѣется болѣе или менѣе соотвѣтствующій ея индивидуальной личности. Вотъ личность-то и прорвалась наружу, я ее и подмѣтилъ; а потомъ — симпатизировать ли ей или нѣтъ, это уже мое дѣло. Впрочемъ случается и такъ, что индивидуальная-то личность спрячется, если она не довольно рельефна, а вмѣсто нея выступятъ «современныя потребности образованной публики», или «новѣйшее направленіе умовъ», или «послѣдніе выводы науки», за которыми дескать мы, редакторы, почтемъ священнымъ долгомъ слѣдить неустанно и неусыпно... Ну, къ этимъ высокимъ цѣлямъ я уже прислушался, и онѣ не производятъ на меня впечатлѣнія... дѣло извѣстное! Что касается до поименныхъ обѣщаній, т. е. реестровъ капитальныхъ статей съ именами, то я ихъ тоже сортирую; они имѣютъ для меня значеніе не по ихъ буквальному смыслу, а по извѣстнымъ заключеніямъ, которыя я вывожу изъ нихъ, т. е. изъ цѣлыхъ реестровъ.

Digitized by Google

[illegible] это или нечто обещанное. Подъ именемъ разумѣется то, что [illegible] влено, т. е. еще не написано, а можетъ-быть даже и не задумано, стало-быть находится въ полной зависимости отъ вдохновенія автора, которое, какъ извѣстно, никакихъ обязательствъ и даже властей надъ собой не признаетъ. Все это и многое другое, что [illegible] изъявленіе искренности, на которую у меня есть такъ мало чутья, — все это соображая, и любезные мои соображенія рѣдко меня обманываютъ [illegible]

[illegible] Ну что вы будете дѣлать съ такимъ оригинальнымъ россіянами? Впрочемъ, можетъ-быть онъ этого только тѣмъ доказываетъ, что самъ напечатанъ не журналѣ не подписывается, а воспользуется объявленіемъ и вмѣстѣ съ другими выйдетъ къ намъ свѣтлымъ явленіемъ — дорого! Имѣемъ еще у насъ другой знакомый, человѣкъ прекрасный, который такожде не подписывается на журналы, но одинъ изъ увлеченный роковымъ, подписался на журналъ «Современникъ» [illegible] быть [illegible] изъ числа первыхъ неподписчиковъ своего обѣщанія быть прекраснымъ журнала. Этотъ горемыка до сихъ поръ не можетъ успокоиться, и какъ только найдетъ рѣчь о журналѣ, непремѣнно задумается и предастся размышленіямъ своихъ неподписчиковъ. «Никогда, говоритъ, не прощу себѣ!.. Этакъ промигнуться! Одурачены, совсѣмъ одурачены: два нумера — и только! Если уже онъ (то есть г. Кореневъ, редакторъ) какъ-нибудь такъ дѣлалъ, что не запускался, такъ лучше бы обратился прямо ко мнѣ, написалъ мнѣ: вы бы ему помогли, непремѣнно помогли бы: мнѣ проронила-то была какая — чудо!.. Я все ждалъ, не возобновится ли такъ внезапно, какъ-то такъ ни съ того, ни съ сего, объявленіе... Нѣтъ! ни слуху, ни духу! Вонъ и теперь [illegible] два нумера и получилъ... Да вѣдь наглость-то какая: хоть бы извинился человѣкъ, — такъ нѣтъ! Правда, и онъ, [illegible] правда! Теперь я чувствую, что слѣдовало бы [illegible] еще что-нибудь, да нѣтъ! я боюсь, и расположенія нѣтъ, [illegible] только досадно вспомнить — и досадно.

— Дѣйствительно, когда слушаешь эти горькія сѣтованія, то дико [illegible] становится и жаль и досадно. Правда, примѣръ «Современника» — примѣръ довольно [illegible], чтобы служить опредѣленіемъ характера журнальныхъ объявленій (особенно если принимать нѣсколько противоположныхъ примѣровъ, гдѣ прекратившіяся изданія съ честью оставили поприще, расчитавшись дочиста съ подписчиками); но на вѣстахъ ничего не говоритъ противъ [illegible] «Московскихъ вѣдомостей». Пусть какой-нибудь оригинальный пріятель смотритъ на объявленія съ одной стороны, а

«Московскія вѣдомости» въ другой [illegible] будетъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] или отъ [illegible] [illegible] [illegible] новостей [illegible] [illegible], журналы, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] другу [illegible] объявленій (которыя [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] чтеніе), да притомъ [illegible] [illegible] надежды и начнутъ [illegible] [illegible].

Впрочемъ — наша духовная современная литература обогащается новымъ журналомъ: «Духъ Христіанина». Можетъ быть въ то время, когда эти строки дойдутъ до читателей, передъ ними уже будетъ первый нумеръ «Духа Христіанина», которое журнала [illegible] съ перваго наступающаго сентября.

— [illegible] журналы народные. «Крестьянинъ» уже объявленъ и назначенный къ выходу съ октября нынѣшняго года въ Петербургѣ, подъ редакціею Я. [illegible], [illegible] «Крестьянскій [illegible]», о которомъ идутъ только слухи, [illegible] [illegible] въ Москвѣ, подъ редакціею А. [illegible], и [illegible] [illegible] преимущественно характеръ [illegible] [illegible]. Говорить объ этихъ будущихъ журналахъ пока нечего. Въ объявленіи объ изданіи «Грамотѣя» мы не [illegible] никакой новой мысли: цѣль [illegible] — удовлетвореніе насущныхъ потребностей народа, точно такъ, какъ цѣль всѣхъ возможныхъ журналовъ — удовлетворять насущнымъ потребностямъ общества или той части его, для которой журналъ въ особенности назначается. Дѣло стало быть въ исполненіи, въ которомъ мы все еще не можемъ [illegible] къ народу.

Объ этомъ много было говорено и безъ сомнѣнія еще много будетъ говориться и безъ насъ; а мы (т. е. я, составитель этой хроники), какъ уже сказали разъ, не беремъ на себя разрѣшенія мудреныхъ вопросовъ.

Есть еще слухи о предполагаемыхъ журналахъ мѣстныхъ; напримѣръ въ Одессѣ затѣвается учено-литературный журналъ «Югъ», цѣль котораго — «открыть новый органъ для самостоятельнаго и безпристрастнаго обсужденія вопросовъ, возникающихъ въ общественной жизни Одессы»; въ Харьковѣ [illegible], говорятъ, программа литературно-политической газеты «Харьковскій Вѣстникъ», основная мысль которой — «проводить и осуществлять матеріальныя и духовныя побужденія края». Стало быть цѣли того и другого изданія очень сходны между собою, а изъ этого можно заключить, что потребность въ новыхъ мѣстныхъ органахъ есть.

«Вѣкъ» говоритъ, что онъ «рѣшительно не вѣритъ въ возможность процвѣтанія литературной дѣятельности въ нашихъ провин-

ціальныхъ городовъ. Очень жаль, что сказавъ о своемъ невѣріи, «Вѣкъ» (за недостаткомъ мѣста) не помекнулъ, даже вскользь, о причинахъ этого невѣрія, и разсужденіе о нихъ отложилъ до другого времени. Хотѣлось бы послушать этого разсужденія; оно, намъ кажется, было бы вновь поучительно какъ для насъ, такъ и для провинціальныхъ городовъ, жизнь которыхъ безъ сомнѣнія коротко знакома «Вѣку». Извѣстно, что Наполеонъ I не вѣрилъ въ возможность пароходовъ. У насъ въ настоящее время создать цвѣтущую литературную дѣятельность въ провинціальныхъ городахъ — было бы можетъ быть такимъ же исполинскимъ подвигомъ ума человѣческаго, какъ во времена Наполеона I — пустить по волнамъ морскимъ паровую машину. Однако великій вождь ошибся, и машина пошла, что мудренаго, что и наша провинціально-литературная машина пойдетъ... Чтожъ, тогда «Вѣкъ» можетъ сказать, что не онъ первый, не онъ послѣдній, — и при этомъ сослаться на Наполеона I.

Говоря о народныхъ журналахъ, мы неумышленно, не можетъ быть кстати пропустили одно извѣстіе, въ которомъ, — кто знаетъ, не таится ли зародышъ явленія, долженствующаго когда-нибудь повести къ сближенію «Вѣка» съ Наполеономъ I. Графъ Л. Толстой объявляетъ о предпринятомъ имъ изданіи новаго журнала; не вдаваясь ни въ какія сужденія объ этомъ предпріятіи, мы изложимъ сущность его словами самаго объявленія.

«Съ 1 октября 1861 года *въ сельцѣ Ясной-Полянѣ*, тульской губерніи крапивенскаго уѣзда, будетъ издаваться ежемѣсячный журналъ подъ названіемъ «Ясная-Поляна».

«Ежемѣсячное изданіе будетъ состоять изъ двухъ отдѣльныхъ выпусковъ: «Школа Ясной-Поляны» и «Книжка Ясной-Поляны». *Школа* будетъ заключать въ себѣ статьи педагогическія, *Книжка* будетъ содержать статьи народныя, т. е. удобопонятныя и занимательныя для народа... Вотъ вся наша программа (продолжаетъ объявленіе), съ тою лишь особенностью, что по нашему убѣжденію, педагогика есть наука опытная, а не отвлеченная, и что *для народа*, по выраженію Песталоцци, *самое лучшее только какъ разъ съ пору*.

«Мы убѣдились, что почти всѣ руководства школъ дурны, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что и по существующимъ плохимъ руководствамъ въ большей части школъ чтеніе идетъ успѣшно. Стараясь разъяснить для себя это кажущееся страннымъ противорѣчіе, мы убѣдились, что успѣхъ ученія основанъ не на руководствахъ, а на духѣ организаціи школъ, на томъ неуловимомъ вліяніи учителя, на тѣхъ отступленіяхъ отъ руководствъ, на тѣхъ ежеминутно измѣняемыхъ въ классѣ пріемахъ, которые исчезаютъ безъ слѣда, но которые и

Digitized by Google

составляютъ сущность успѣшнаго ученія. Узнавать ихъ пріятно и найдти въ нихъ законы, составить задачу нашей школы и ея отношенія къ отдѣльному журналу, называемому «Школой Родной Словесности».

«Сотрудниками нашими поэтому будутъ преимущественно учителя сельско-приходской школы, и могутъ быть только учителя, которые на свое занятіе не только какъ на средство существованія, но только какъ на обязанность обученія дѣтей, но какъ на область понятія для науки педагогики.

«По части народной литературы, мы убѣдились, что для того, чтобы писать книги для народа, нужно болѣе чѣмъ необыкновенный талантъ и кабинетное изученіе народа, — нужно живое сужденіе самаго народа, нужно, чтобы написанныя для него книги были имъ сначала одобрены. Съ этою цѣлью мы намѣрены представлять на судъ народа, собирающагося въ нашей школѣ, всѣ тѣ книги, которыя, по нашему крайнему разумѣнію, ближе подходятъ къ цѣли, и не отвѣчающія ей, помѣщать въ отдѣлѣ «Книжки Родной Словесности» только тѣ статьи и книги, которыя будутъ имъ одобрены.

«Мы боимся отъ души желать, чтобы удалось этотъ смѣлый опытъ выбора книгъ и статей для народа.

Если случалось вамъ, читатель, пытаться въ журналѣ на статьи, посвященныя ихъ личнымъ дѣламъ и отношеніямъ, никакого общаго значенія не имѣющимъ и никакого любопытнаго чтенія не представляющимъ, въ такія минуты, когда вы бѣжали подъ впечатлѣніемъ отъ шумѣвшихъ вокругъ васъ устныхъ голосовъ, вызванныхъ горячими и живо-ростущими нуждами дѣйствительной жизни, и тогда вы безъ сомнѣнія поймете и оправдаете побужденіе, по которому мы заговорили и такъ много наговорили объ этихъ исключительно-журнальныхъ интересахъ. Можетъ быть въ подобныя минуты вамъ самимъ приходилось слушать такихъ ораторовъ этихъ статей знали, какими глубокими разсудительностью обсѣченное малодѣйствіе можетъ встрѣтить ихъ очеркъ, — они вѣрятно много взглянули бы на свое право публичныхъ заявленій и можетъ быть сами стали бы пользоваться имъ съ большею разборчивостью. Если же съ вами этого не бывало, и вамъ непонятно наше побужденіе, въ такомъ случаѣ простите, что мы подались писать вамъ не въ путь.

Осень наступаетъ и несетъ съ собою результаты предшествовавшей [illegible] поры. Въ области мысли и творческой фантазіи готовится осуществленіе замысловъ, можетъ-быть родившихся подъ вліяніемъ тѣхъ же [illegible] лучей солнца, подъ которыми растутъ и зрѣютъ всѣ плоды земные; и въ низшихъ сферахъ жизни сводятся счеты этимъ плодамъ земнымъ, т. е. хлѣбу насущному. Сказать бы готовый стихами:

Уже румяна осень носитъ
Снопы златые на гумно,
И роскошь...

На этомъ послѣднемъ словѣ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, можетъ голосъ оборваться, особенно если вспомнишь, какія мысли родились въ головѣ. Погодина въ послѣдній путь-дорогу вечеромъ, проведенномъ имъ въ Петербургѣ, и что долго спустя. Погодина эти мысли, которыя въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, примкнувшись съ свойственною имъ силою аргументовъ къ одной почтенной наукѣ, такъ ужасно [illegible], что наука, говорятъ, принуждена была зажать уши и удалиться отъ непріятныхъ [illegible]. Какая именно участь на нынѣшній разъ постигла опустѣвшаго Крыму виноградъ, которого просятъ на вино за исключеніемъ никакимъ назначеніемъ роскошь — мы еще не знаемъ; а что касается до самой румяной осени, то можетъ быть всѣ рады или больше въ воображеніи поэта: вѣрно, она всѣмъ кажется румяною; въ массовой же дѣйствительности она гостья является, говорятъ, въ иныхъ мѣстахъ довольно блѣдною: нетъ на гумно, вмѣсто златыхъ сноповъ, какіе-то [illegible] кучки. И толкуетъ озабоченный людъ объ этомъ явленіи: тамъ [illegible] дожди, застигнувъ кой-кого снопами среди [illegible] недоразумѣній, и хлѣбъ сгнилъ въ полѣ, то на корню, то [illegible] снопахъ, соприкасавшихся съ землею; тамъ была [illegible] суше, трава сгорѣла, яровой хлѣбъ сгорѣлъ, нѣтъ сѣна, нѣтъ яровой соломы, — чѣмъ же скотомъ кормиться? Крестьяне обвиняютъ [illegible] въ томъ, что на одной землѣ да по одной [illegible] что вмѣсто [illegible] прокормить, не хотятъ же [illegible] пашню съ весны удобрять? — Ну, ужъ голодъ! произноситъ [illegible] помѣщикъ, грустно поглядывая на скудные дары, принесенные имъ осенью. Между тѣмъ изъ другихъ мѣстъ прилетаютъ къ намъ

и утѣшительныя вѣсти: гдѣ однимъ чѣмъ-нибудь Богъ благословилъ, гдѣ другимъ. Все это слагается въ сердцѣ и все ходитъ въ размышленія о [illegible] предметомъ заботъ думъ и соображеній... Что̀ будетъ съ цѣнами? — вотъ вопросъ, къ которому клонятся всѣ эти соображенія.

Изъ Оренбургскаго края пишутъ г. Небольсину: «Работа дорога, и рабочія руки дороги; урожай хорошій: можно полагать его въ *самъ-двѣнадцать.*» И обитатели менѣе счастливыхъ мѣстъ, качаютъ головами, повторяя: «самъ-двѣнадцать! Каково? а у насъ овесъ принесетъ и *полтора раза!*»

На югѣ хвалились великолѣпнымъ урожаемъ, но — саранча! Сколько она изволила скушать и сколько соблаговолила оставить людямъ, — это кажется еще не приведено въ положительную извѣстность; но что пировала она на славу и не стѣсняясь, что пиръ ея совершался не въ одномъ, а во многихъ мѣстахъ южнаго края, это уже несомнѣнно извѣстно. Какъ тамъ вели съ нею войну; какъ въ иныхъ мѣстахъ и не вели войны, считая, по народному повѣрью, грѣхомъ убивать врага, посланнаго Богомъ; какъ въ другихъ мѣстахъ бездѣйствовали иногда сильные люди, не считая грѣхомъ отказывать въ помощи меньшимъ братьямъ, бѣднымъ сосѣдямъ, и какіе наконецъ случались при этомъ грустные анекдоты, — все это описано, все было предметомъ толковъ, и теперь уже ничему не поможетъ.

Съ другихъ сторонъ несутся грозные слухи о сибирской язвѣ и пугаютъ озабоченный людъ. И объ этомъ страшномъ явленіи ходятъ разные анекдоты. Разсказываютъ напримѣръ, что въ какой-то усадьбѣ, въ отсутствіе хозяина, уѣхавшаго куда-то далеко, налетѣвшая бѣда уничтожила весь скотъ; наемные люди, составлявшіе прислугу, разбѣжались въ ужасѣ, потому что язва одного изъ нихъ захватила. Осталась одинокая хозяйка, да одна чудомъ уцѣлѣвшая лошадь, любимица хозяина, и хозяйка принялась ухаживать за этимъ единственнымъ оставшимся съ нею живымъ существомъ, сѣна и корму понемногу давала, и на водопой ее водила, пока не воротился хозяинъ... Слушая съ невольнымъ страхомъ такіе, отчасти трогательные анекдоты, хозяева, имѣющіе скотъ, очень естественно находятъ великій интересъ въ какой-нибудь публикаціи объ испытанномъ и оказавшемся весьма удовлетворительнымъ способѣ леченія язвы. Сочувствуя этимъ простымъ и совершенно [illegible] интересамъ, мы готовы даже повторить одну изъ такихъ публикацій, въ которой нѣкто г. Н. С. сообщаетъ способъ, узнанный имъ отъ казака, которому научилъ его какой-то сибирякъ-знахарь. — Когда замѣтите (такъ излагается способъ) у пораженнаго язвою животнаго опухоль, тотчасъ дѣлайте надрѣзы вдоль и поперекъ

Digitized by Google

[illegible], погзубно, до [illegible] мѣста, [illegible] пресыщение ихъ [illegible] кормятъ сухими и постными [illegible] на совершенно голодную діету, отъ шести до двѣнадцати дней, въ продолжение [illegible] Благотворное лечение замѣчаютъ съ удивительной [illegible] и [illegible] спасение, [illegible] сбережётъ и Д. г. Н. С. [illegible] что у него этимъ лечениемъ [illegible] [illegible] было прервано, хотя срокъ полной діеты [illegible] разсказомъ, [illegible] намъ.

Еще есть [illegible], свирѣпствующій на русской землѣ въ лѣтнюю пору, о дѣйствіи котораго также сводятся къ осени грустныя [illegible] данныя. Это пожаръ: «Воръ воруетъ, — хоть стѣны остаются (толкуетъ народъ), а огонь и того не оставитъ». Въ виду разрушительнаго дѣйствія пожаровъ, всякаго конечно радуютъ извѣстія о принимаемыхъ въ послѣднее время мѣрахъ къ улучшенію пожарныхъ командъ въ уѣздныхъ городахъ. Такъ сообщаютъ, что въ Твери уже получено недавно предписаніе учредить въ шести городахъ этой губерніи казенную пожарную команду, и вмѣстѣ общественную изъ охочихъ гражданъ, по образцу [illegible] (прославленной, какъ уже давно извѣстно, образцовою).

Предположенное повсемѣстное преобразованіе уѣздныхъ пожарныхъ командъ, по примѣру [illegible], начинается, такъ [illegible], и въ другихъ губерніяхъ. Одинъ уѣздный житель изъ [illegible] пишетъ, что въ городѣ Болховъ пріѣхалъ изъ Петербурга чиновникъ, г. Богдановичъ, принялся за дѣло не офиціально, не напугалъ горожанъ, созывая ихъ въ думу, какъ это прежде дѣлалось, но устроилъ частныя совѣщанія съ купцами на квартирѣ у головы. Понявъ очень хорошо духъ этихъ людей, хотя вообще мало образованныхъ, но весьма толковитыхъ, онъ началъ хотя запросто, но весьма умно убѣждать ихъ въ несомнѣнномъ превосходствѣ общественной пожарной команды предъ штатною, и предложилъ имъ устроить у себя подобную общественную команду. Купцы единодушно приняли благое предложеніе. Чиновникъ предлагалъ собравшихся купцовъ жертвовать, не стѣсняясь, кто сколько можетъ, на учрежденіе и лучшее устройство новой пожарной команды и на пріобрѣтеніе огнегасительныхъ снарядовъ; купцы съ готовностью обязались по подпискѣ назначить значительную сумму. Такъ какъ для успѣшнѣйшаго дѣйствія пожарной команды, кромѣ немногихъ вольнонаемныхъ служителей, необходимы еще и охотники, то г. Богдановичъ сдѣлалъ вызовъ, и число изъявившихъ желаніе оказалось столь значительно, что вѣроятно превзошло ожиданія. Вскорѣ подобную же готовность изъявили и жители г. Брянска. Сверхъ того купечество, какъ Болхова, такъ и Брянска, до того

[illegible]

Мы нарочно привели слова ее, чтобы показать, сообщение почти одинаковое съ тѣмъ, объ которомъ сказано выше, но очень характерно. Тѣ же видимъ мы тѣ же погорѣвшіе; а между тѣмъ до конца, почти всѣми сознаваемаго, еще далеко. У русскаго человѣка сердце разыгралось, и руки расположились [illegible] — преобразовать, такъ преобразовать! Чего тутъ мелочиться! А иной помечтаетъ-помечтаетъ, да и подумаетъ: «Ужъ такъ и быть, потѣшимъ господина инженера!» Человѣкъ-то онъ хорошій, обязательный [illegible]

О городѣ Вологдѣ пишутъ въ екатерининскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ нѣчто подобное, но нѣсколько проще. «Жители Вологды предположили назначить для пожарной части, кромѣ мѣста купцовъ и мѣщанъ, одного старосту, двухъ помощниковъ и нѣсколько человѣкъ, обязанныхъ на случай пожара немедленно всѣ обязанности имѣющихъ нынѣ пожарной командѣ, для подъема пожарныхъ инструментовъ поставлять отъ городскихъ обывателей десять лошадей, которыя по порядку очереди должны быть въ готовности при первомъ сигналѣ. Сверхъ того, по жительству въ Вологдѣ государственныхъ крестьянъ, предположено возложить на нихъ обязанность имѣть отъ себя къ усиленію пожарной части людей, по возможности, всѣ необходимые пожарные снаряды, въ городскихъ же конюшнѣ, въ находящемся въ настоящее время при городской полиціи инструменту (одна большая пожарная труба, восемь бочекъ и проч.), пріобрѣсти еще двѣ трубы и два щита.»

Но много еще осталось у насъ уѣздныхъ городовъ съ старыми нѣтными пожарными командами, а еще больше селъ и деревень безъ всякихъ конныхъ и безъ всякихъ средствъ тушить пожары. Кажется, всякому разуму человѣческому не измѣрять, какое приблизительно время, впродолженіе котораго завелутся у насъ во всѣхъ поселеніяхъ достаточныя огнетушительныя средства. А между тѣмъ, кому случалось видѣть деревенскіе пожары, тому понятна вся ихъ [illegible] и опустошительность. Этотъ народный [illegible] бѣдствія, [illegible] ничѣмъ, кромѣ фатализма не объяснишь того, какъ поступаетъ русскій народъ относительно отвращенія своего достоянія отъ огня. Пишущій эти строки былъ недавно свидѣтелемъ одной небольшой пожарной сцены. Въ качествѣ пѣшехода, находился онъ въ двухъ-трехъ верстахъ отъ мало-знакомой ему деревни, ко-

саемой государственными крестьянами, когда въ ней что-то сильно задымилось. Пока я шолъ эти двѣ-три версты, прошло можетъ-быть съ полчаса, и дымъ сталъ какъ-будто уменьшаться. Когда я подходилъ къ деревнѣ, туда же бѣжали съ полей, подъ острымъ угломъ съ моей дорогой, человѣкъ пять крестьянъ, съ топорами и безъ топоровъ; а изъ деревни выходило нѣсколько женщинъ. Встрѣтившись, они перекинулись словами двумя, и мужики пошли дальше, а женщины продолжали подвигаться ко мнѣ навстрѣчу.

— Что́ горитъ? спросилъ я ихъ.

— Овинъ, батюшка.

— И только?

— Только. Намъ сказали, — мы и воротились, а вонъ мужики-то пошли.

Я пришолъ на пожаръ. Овина уже нѣтъ: онъ весь свалился въ яму, которая еще пылаетъ соломой и торчащими изъ-подъ нея бревнами. Вкругъ ямы раскиданы также дымящіяся бревна и солома; по бревнамъ и соломѣ бѣгаютъ огоньки. Саженяхъ въ десяти отъ пылающей ямы, и прямо подъ вѣтромъ, стоитъ копна хлѣба, а рядомъ съ нею другой овинъ. Вкругъ пожара движется человѣкъ двадцать крестьянъ; всѣмъ имъ служитъ оруліемъ единственный багоръ, которымъ они таскаютъ изъ ямы пылающія бревна и бросаютъ тутъ же на разбросаную солому. Вереница женщинъ тянется отъ избъ съ ведрами, въ которыхъ онѣ носятъ откуда-то воду, а мужики принимаютъ отъ нихъ ведра и выплескиваютъ въ яму. Ведра опростаны; яма продолжаетъ пылать, женщины стоятъ кучкой и смотрятъ на огонь.

— Развѣ нѣтъ лошади, чтобъ привезти бочку воды? говорю я стоящему безъ всякаго дѣла обывателю.

— Бочки-то у насъ во всей деревнѣ нѣтъ.

— Какъ бочки нѣтъ?

— Такъ! У насъ и въ заведеніи нѣтъ бочекъ-то.

— Какъ же это вы съ пожарами справляетесь? Хорошо еще — овинъ, далеко отъ избъ. Ну, а какъ въ самой деревнѣ?

— Что́ дѣлать? Богъ милостивъ; а то вотъ ведрами таскаемъ изъ пруда.

Кучка прекрасныхъ обывательницъ продолжаетъ посматривать на огонь.

— Бабы! говорю я нерѣшительно, ужасно боясь сконфузиться: — водица-то была бы нелишняя, еслибъ вы и еще принесли.

Онѣ посмотрѣли на меня, потомъ переглянулись между собою и — ни съ мѣста; одна помоложе отвернулась и засмѣялась... Видно, что легкомысленная!.. Я разумѣется сконфузился, и отошолъ.

Digitized by Google

Вабы! кричать мужики, ерепенятся, что теперь стали? давайте водки!

Да хоть ведро-то дай, не у всѣхъ есть, объѣдятъ прекрасные обыватели и спутники-путешественники.

Думаю, думаю, что мнѣ дѣлать? Потомъ спотрю на нашу хлѣбосольную компанію и спрошу себя вопросъ: какъ чужой могъ ущелить его добро? Съ тѣмъ ли нерасторжимымъ для меня вопросомъ обращаюсь къ благосердой публикѣ, и одинъ туземный мыслитель, повидимому, глубоко проникнувшій въ сущность вещей и въ естественныя причины явленій, разрѣшаетъ мнѣ его такъ: по другую сторону сгорѣвшаго овина, стало быть, было на вѣтрѣ, случилось ветру огромной прочности, онъ заслонялъ огонь отъ вѣтра; вѣтеръ обѣгалъ кругомъ, и оттого пламя не въ ту сторону, а крутилось вихрями, овинъ сгорѣлъ, а между тѣмъ на мнѣ и на сосѣдней семьѣ уцѣлѣли всѣ ведра.

Совершенно удовлетворившись этимъ рѣшеніемъ вопроса, причислившимъ почти всю честь спасенія моего и другого имѣнія, я нашелъ возможнымъ оставить потухшій пожаръ, которому и безъ меня ничто не могло помѣшать современемъ потухнуть. Того же мнѣнія вѣроятно былъ одинъ пожилой мужичекъ, двинувшійся вмѣстѣ со мной отъ пожара:

— Ты здѣшній же? спрашиваю я спутника.

— Я вонъ оттолева, по сосѣдству, отвѣчаетъ онъ, мотнувъ головой на виднѣющуюся невдалекѣ другую деревню.

— У васъ есть бочки?

— Бочекъ у насъ нѣтъ.

— Отчего же?

— Заведенія нѣтъ такого, чтобы бочки... На всей деревнѣ отродясь не бывало.

— А вѣдь на случай пожара нужно бы.

— Надо-то бы надо! И бумага была, приказано было... да поди ты съ ними! У насъ вонъ скорѣй пропьютъ, чѣмъ что-либо.

— А у васъ кажется и бондарь свой есть?

— Есть.

— Чтожъ вы? Вѣдь слѣдовало бы вамъ, старикамъ, мірскимъ вліяніемъ обязать его этимъ...

— Да хоть ведро съ нимъ!

Ну, хоть бы тотъ первый загоревался...

Мужичекъ отвернулся. Я приготовился слушать, но онъ ничего не сказалъ. Дороги наши скоро разошлись, и мы такіе

онъ налѣво, я направо. Такъ я и не узналъ, что думалъ мужичекъ въ ту минуту, когда откашлянулся.

III. ИНТЕРЕСЫ БОЛЬШИХЪ РАЗМѢРОВЪ

Мелкіе житейскіе интересы, обобщаясь и сцѣпляясь одинъ съ другимъ, образуютъ интересы крупные и производятъ тѣ трудные общественные вопросы, которые мучатъ головы мыслителей-экономистовъ. У насъ они все еще сводятся на одну главную заботу, на одну мысль о тяжоломъ финансовомъ времени, которое переживаютъ русскіе люди. Мы невольно останавливались и теперь останавливаемся на этой заботѣ, потому что невозможно выдѣлить изъ нея всѣ тѣ явленія, которыми характеризуется наше время; мы указывали и теперь думаемъ указать на мнѣнія людей, принимающихъ на себя разработку вопроса или близко-стоящихъ къ его предмету, для того чтобы хотя слегка намѣтить путь, по которому мысль пробирается къ истинѣ, обѣщаясь довести насъ до желаннаго выхода изъ образовавшейся тѣсноты общественнаго положенія. Мы давно слушаемъ экономическія разсужденія и споры, и если люди, умудренные наукой и громко исповѣдывающіе ея законы, до того рѣзко сталкиваются въ мнѣніяхъ, что одно изъ нихъ положительно уничтожаетъ другое и авторы ихъ взаимно другъ друга повергаютъ въ прахъ, то какъ же требовать отъ насъ, простыхъ наблюдателей, внимающихъ мудрецамъ, чтобы мы не почли себя въ непроницаемомъ туманѣ и не смутились духомъ, отлагая всякое помышленіе не только отъ разбора этихъ мнѣній, но и отъ изысканія причинъ ихъ взаимнаго противорѣчія?

Прежде мы слышали, что нашъ экономическій бытъ страдаетъ недостаткомъ оборотнаго капитала и въ тоже время избыткомъ денежныхъ, именно бумажныхъ знаковъ; а назадъ тому мѣсяцъ привели статью «Вѣстника промышленности», доказывающую, что мы богаты вещественными, недвижимыми капиталами, почти не имѣющими въ настоящее время никакой цѣны, но страдаемъ недостаткомъ денежныхъ знаковъ. Теперь г. А. Козловъ («Московскія вѣдомости» № 165), сведя эти два противоположныя мнѣнія, говоритъ:

«Мы думаемъ, что въ настоящее время обнаруживается и недостатокъ капиталовъ, и недостатокъ денежныхъ знаковъ. Авторъ статьи, помѣщенной въ «Вѣстникѣ промышленности», былъ очень близокъ къ тому, чтобы признать и то и другое, но заключилъ только къ послѣднему, не обративъ должнаго вниманія на различіе по-

стоящаго капитала и оборотнаго. «Земля, лѣса, заводы, государственныя облигаціи (говоритъ онъ) продаются за безцѣнокъ, а ихъ никто не покупаетъ; слѣдовательно нѣтъ денегъ». Слѣдовательно, скажемъ мы, нѣтъ капиталовъ *оборотныхъ вообще*, и оборотнаго капитала по преимуществу — денегъ. Для того, чтобы покупать *за безцѣнокъ* вышеупомянутыя вещи, деньги, обращающіяся у насъ, еще достало бы; но чтобы получать какую-нибудь выгоду съ земель, лѣсовъ, заводовъ, нужно употребить для нихъ значительное количество различныхъ оборотныхъ капиталовъ, какъ-то: наймы, скотъ, рабочій скотъ, сѣмена, земледѣльческія орудія, сырые матеріялы разнаго рода, машины, наконецъ рабочія руки, — и все это стоитъ весьма дорого; слѣдовательно никто и не купитъ лѣсовъ, земель и т. п., когда нечего приложить къ нимъ, т. е. когда дороги оборотные капиталы, потомучто ихъ нѣтъ».

Далѣе:

«Первому (недостатку денежныхъ знаковъ) легко помочь... Гораздо труднѣе помочь недостатку капиталовъ. Для этого нужно сильное напряженіе всей хозяйственной дѣятельности народа, оживленіе торговли, мануфактурной и особенно земледѣльческой промышленности, безъ которой шагу не могутъ сдѣлать остальныя»...

Съ другой стороны слышимъ другой голосъ:

«Бѣда наша въ томъ (это говоритъ г. Н. Перозіо), что большая часть затратъ внѣ государства съ нѣкотораго времени производится звонкою монетою; что эти затраты не покрываются суммою отвозныхъ товаровъ; что они увеличиваются ежегодно, и наконецъ, что вывозъ товаровъ изъ Россіи постоянно уменьшается. По этимъ причинамъ, если онѣ не измѣнятся, нельзя ожидать и поправленія нашего денежнаго рынка. Ничто не можетъ привлечь звонкой монеты въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы пополнять ея недостатокъ при такихъ обстоятельствахъ, если только торговля не будетъ въ состояніи покрыть съ избыткомъ всѣ частныя и правительственныя затраты въ чужихъ краяхъ. Поэтому мы остаемся въ убѣжденіи, что для пособія нашему денежному стѣсненію необходимо обратить вниманіе на то, чтобы *уменьшить привозъ* и *увеличить отвозъ товаровъ*, а это, мы увѣрены, не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда. Пусть торговое сословіе употребитъ болѣе дѣятельности на торгъ отвозными товарами; пусть старается доставлять эти товары въ мѣста сбыта имъ, для отвоза за границу; пусть достигнетъ только *удешевленія цѣны и улучшенія качества нашихъ сырыхъ продуктовъ*, а вмѣсто нелѣпой идеи монополіи и биржевой игры, пусть наше купечество обратитъ главнѣйшее вниманіе на то, чтобы отвозъ постоянно увеличивался и достигъ того,

Digitized by Google

чтобы цѣнность его превзошла всѣ наши затраты въ чужихъ краяхъ!»

Все это для г. Н. Перозіо «не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда». Не знаемъ, съ котораго взгляда исчезнетъ тутъ трудность для нашего купечества... «Удешевить цѣны и улучшить качество сырыхъ продуктовъ!» Только и нужно! Велико ли дѣло, кажется? Стоитъ только *большому числу*, а еще лучше — *большинству* промышленниковъ и торговцовъ просвѣтиться до усвоенія себѣ этой мысли, до возможности одушевиться ею, до признанія ея необходимѣйшею и лучшею цѣлью, — и тогда они «употребятъ болѣе дѣятельности» и проч. Потомъ останется только создать условія удешевленія продуктовъ, т. е. дешевизну производства и (вотъ это — задача!) дешевизну доставки къ мѣстамъ сбыта... При большей, т. е. усиленной дѣятельности конечно всего достигнуть можно, если только твердое, искреннее, сознательное единодушіе... Впрочемъ, мы пустились въ собственныя размышленія, чего не предполагали; эти размышленія начинаютъ увлекать насъ въ область мечтаній, а между тѣмъ существенность еще не перестаетъ представлять намъ факты въ родѣ новѣйшей исторіи съ серебряными лавками... Будемъ лучше слушать другихъ!

Дилетантъ въ земледѣліи, промышленности и торговлѣ, издающій свои *Записки*, первая часть которыхъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ вышла въ свѣтъ и уже была въ виду нашихъ читателей, выступилъ теперь съ *антрактомъ* между этой первой и будущей второй частью *Записокъ*. Антрактъ начинается уподобленіемъ его театральному антракту. «Не случалось ли вамъ (спрашиваетъ г. дилетантъ) бывать въ Александринскомъ театрѣ, хоть по какому-нибудь чрезвычайному случаю? Конечно вы знакомы съ этимъ театромъ на столько, на сколько позволяютъ это вамъ ваши свѣтскія приличія», и проч.

Намъ непремѣнно захотѣлось увидѣть въ этихъ словахъ болѣе или менѣе злую иронію надъ свѣтскими приличіями, вслѣдствіе чего они, т. е. слова эти, потеряли для насъ всякое отталкивающее свойство, такъ что мы съ великимъ любопытствомъ прочли весь антрактъ до конца. Вотъ какія умныя рѣчи есть между прочимъ въ этомъ антрактѣ:

«Народная промышленность бываетъ естественная и искусственная.

«Естественная, имѣющая цѣлью выработку мѣстныхъ сырыхъ произведеній — независима.

«Искуственная возникаетъ и можетъ существовать единственно подъ покровительствомъ таможеннаго тарифа. Это косвенный на-

Digitized by Google

логъ на потребителей: ихъ (чтобы мѣстныя деньги не брали слишкомъ обширнаго заморскаго полета) принуждаютъ платить въ тридорога, у себя дома, за такіе предметы, которые можно пріобрѣтать чуть не за безцѣнокъ, сдѣлавъ два-три шага черезъ сосѣднюю границу. До какой степени подобный косвенный налогъ необходимъ для государствъ вообще, а для нашего въ особенности, — that is the question...

...«Многіе удивляются, что наше золото, подобно нашимъ больнымъ, все отправляется за границу. Винятъ путешественниковъ»... «Можно запретить ѣздить за границу, но уже никакая сила въ мірѣ, никакая китайская стѣна не удержитъ у насъ дома ни золота, ни серебра, покуда нужды наши на заграничные предметы будутъ превышать заморскія потребности въ нашихъ продуктахъ»... «Неужели гг. тарифисты въ самомъ дѣлѣ полагаютъ, что мы теперь много издерживаемся на заграничные предметы роскоши? Если они прикидываются вѣрующими въ это изъ своихъ расчетцевъ, тогда они хоть и не совсѣмъ, а все-таки тонко дѣйствуютъ; если же они вѣруютъ въ это отъ чистаго сердца, то жестоко заблуждаются. Куда ужь намъ теперь роскошничать (хоть и рады бы), когда у насъ всеобщее безденежье!»..

Ой, не ручайтесь, г. дилетантъ (вставляемъ мы, не удержавшись, свое слово)! Ни у кого не найдется столько, какъ у насъ, искусства при самомъ крайнемъ безденежьѣ, находить деньги именно на предметы роскоши. Наша извѣстная всему міру торговатость еще далеко не сдѣлалась анахронизмомъ, и ей-то ужь именно «иностранцы справедливо удивляются»... Вынужденная безденежьемъ бережливость еще ожидается, и ею только грозятъ благоразумные люди, въ минуты негодованія на роскошь. Но — г. дилетантъ продолжаетъ:

«Э, нѣтъ, господа! отложите-ка въ сторону свою врожденную безпечность, свою ледяную, безплодную, эгоистическую любовь къ отечеству, принимайтесь-ка за дѣла, не бросаясь отъ одного предмета къ другому, не окончивъ какъ слѣдуетъ перваго — этимъ доказывается только жадность къ большимъ барышамъ, всегда близкая къ банкротству; обратите-ка лучше вниманіе на *мѣстную выработку сырыхъ нашихъ продуктовъ, чтобы уменьшить ихъ вѣсъ и объемъ и сдѣлать ихъ такимъ образомъ доступными на заграничныхъ рынкахъ:* тогда вы увидите, что вопросъ измѣнится вполнѣ, и что сколько бы ни взяли съ собой золота ваши заграничныя, праздношатающіяся дѣтища, все оно безъ изъятія воротится къ намъ, да еще въ компаніи съ голландскими червонцами, американскими долларами и французскими наполеондорами». .

Digitized by Google

Теперь мы видимъ, что предположенная нами въ начальныхъ словахъ *антракта* иронія надъ свѣтскими приличіями, по поводу Александринскаго театра, совершенно согласуется съ послѣдующими мыслями г. дилетанта. Вѣдь у насъ многое, что могло бы дать жизнь и душу этому театру, остается также невыработаннымъ сырымъ продуктомъ, частью отъ «врожденной безпечности» русскихъ людей, а частью и оттого, что многіе изъ нихъ, при мысли хотя бы объ Александринскомъ театрѣ, все еще имѣютъ слабость принимать въ расчетъ свои «свѣтскія приличія».

Это — отступленіе; но невозможно пропустить безъ должнаго вниманія главнаго предмета мысли г-на дилетанта — разработки мѣстныхъ матеріальныхъ продуктовъ. Намъ кажется, что мысль эта сама по себѣ не новая, по крайней мѣрѣ мы давно, еще въ лѣта юности, слыхивали рѣчи нѣкоторыхъ практическихъ мыслителей, недоумѣвавшихъ, какимъ образомъ и по какимъ логическимъ законамъ люди, еще не научившись ничего порядочнаго сдѣлать изъ того, что имъ даетъ и суетъ прямо въ руки ихъ родная земля и окружающая природа, какъ-будто слѣпые, не видящіе, что у нихъ подъ руками,—тянутся всѣми силами за далекія моря, тащатъ оттуда и начинаютъ обработывать чужой продуктъ, который уже давно и безъ насъ обработываютъ другіе, обработываютъ въ огромнѣйшихъ размѣрахъ и уже такъ набили на немъ руку, что тягаться съ ними не знаю кому подъ силу?.. Помнимъ, что и мы тогда раздѣляли недоумѣніе мыслителей, покачивали вмѣстѣ съ ними головой, да потомъ и забыли. Теперь одинъ изъ этихъ мыслителей, обитающій далеко отъ насъ, прочитавъ *антрактъ* г-на дилетанта, непремѣнно скажетъ, какъ бывало говаривалъ встарь: «А вѣдь мысль-то моя!» — Да, ваша! примолвили бы мы ему: — а ктожъ вамъ велѣлъ сидѣть до сихъ поръ съ вашей мыслью, излагая ее только въ устной бесѣдѣ съ людьми, ничего не умѣвшими изъ нея сдѣлать?.. Встрѣтившись съ этой знакомой, какъ-будто родной намъ по воспоминанію мыслью, мы рады еще нѣсколько послѣдовать за дилетантомъ.

«Надо бы намъ приняться за дѣло (повторяетъ онъ). Пора бы и намъ приниматься и пиры пировать, и войны воевать не на свои кровныя, а на чужія деньги! Не можетъ же быть, чтобы мы, являясь рьяными патріотами, когда дѣло доходитъ до кулаковъ, оказывались только говорунами и борзописцами, когда дѣло касается улучшенія быта, образованія, переформированія гнилыхъ мертвыхъ обычаевъ въ новую, живую жизнь; не можетъ это быть, — и вслѣдствіе того предлагаю устроить компанію на паяхъ, но компанію, которая имѣла бы для Россіи громадное значеніе...

Digitized by Google

«Въ этомъ дѣлѣ надо только побольше энергіи, помельче нашего прадѣдовскаго сна, побольше работы мыслью. Нужно хорошенько вникнуть и удостовѣриться, что въ настоящее время для Россіи сильно требуется.

«Нужны ей деньги!

«Деньги можно привлечь посредствомъ возбужденія требованій на заграничныхъ рынкахъ нашихъ сырыхъ продуктовъ, въ разработанномъ уже видѣ.

«Поэтому-то я и предлагаю составить компанію на паяхъ».

Такимъ образомъ г. дилетантъ нешутя предлагаетъ составить товарищество на паяхъ, которому называться «*Товариществомъ для разработки сырыхъ продуктовъ въ Россіи*». Особенности этого предлагаемаго товарищества состоятъ въ томъ, что на каждое лицо дается не больше одного пая, стоящаго тысячу рублей, и что въ первоначальные годы на эти паи биржевая игра не допускается. Дилетантъ, говоримъ мы, не шутитъ; онъ говоритъ дальше: «Какъ во время штурма вызываются отважные охотники для взятія приступомъ передовыхъ линій и бастіоновъ, такъ точно и здѣсь вызываю я предпріимчивыхъ людей, немногихъ, для начала, взъявить согласіе идти со мной впередъ, во что бы то ни стало». Онъ приглашаетъ желающихъ обратиться письменно *въ С. Петербургѣ, въ контору Языкова и Комп.*, прибавляя, что денегъ впередъ онъ не проситъ, а только желаетъ имѣть предварительное согласіе, чтобы знать число людей, ему сочувствующихъ...

Но въ чемъ же именно дѣло? спросите вы. На что соглашаться? — Пояснимъ, сколько можемъ, словами дилетанта:

«Необходимо (говоритъ онъ) начать съ чего-нибудь. Для примѣра возьмемъ хоть одно дѣло, вполнѣ мнѣ извѣстное и уже изслѣдованное... Цѣль этого дѣла — спасти отъ гибели одну часть такого сырого продукта, которая до сихъ поръ, въ цѣлой Россіи, при нынѣшнемъ всеобщемъ способѣ производства одной изъ важнѣйшихъ отраслей промышленности въ государствѣ, пропадала положительно; однимъ словомъ, возродить ее и стараться сдѣлать изъ нея новый предметъ для нашей внѣшней торговли.

«Это дѣло — покуда тайна».

Дальше, какъ видите, идти намъ некуда. Мы и такъ уже забрались въ предметъ, касающійся собственно тѣхъ, у кого есть лишняя тысченка рублей; для нихъ-то и прослѣдили мы вторую половину *актракта*, переходящаго отъ общихъ разсужденій къ существенному и опредѣленному дѣлу. Тѣхъ изъ нихъ, въ комъ пробудится сочувствіе къ этому дѣлу, мы обращаемъ къ 176 и 177 №№ «Спб. вѣдомостей», гдѣ помѣщенъ весь *актракт*, изъ котораго и о предло-

Digitized by Google

кенія, дилетанта узнаютъ они нѣсколько подробнѣе. Онъ самъ называетъ способъ этого предложенія нѣсколько оригинальнымъ. Оригинальность въ глазахъ умныхъ людей не есть недостатокъ. Что касается до самаго предложенія, то судить о немъ конечно не намъ и не тѣмъ, для которыхъ, какъ для насъ, существенная часть его остается тайною. Но первоначальному источнику, но мысли, изъ которой выведено предложеніе, нельзя не сочувствовать и нельзя не желать, чтобы и у тѣхъ, для кого разъяснится все дѣло и всякая тайна разоблачится, не нашлось ни малѣйшей причины отвернуться отъ него съ охлажденнымъ сочувствіемъ.

Здѣсь кстати привести примѣръ, доказывающій, какъ много у насъ въ разныхъ мѣстахъ кроется добра, никому невѣдомаго до норы до времени, потомучто его не ищутъ, устремляя взоры вдаль, за моря и океаны... Вотъ этотъ примѣръ, недавно сообщенный въ газетахъ. Въ троицкомъ уѣздѣ (оренбургской губерніи), недалеко отъ Кусинскаго завода, въ башкирскихъ дачахъ, открыта «превосходная» фарфоровая глина. Предпріимчивые люди тотчасъ воспользовались открытіемъ и построили было въ этомъ мѣстѣ фабрику; уже все было готово къ началу работъ, какъ пожаръ разрушилъ предпріятіе до основанія. Теперь постройка фабрики начата вновь, и скоро надѣются приступить къ работамъ.

Къ слову, — такъ какъ дѣло пошло на факты. Выше мы привели указаніе на необходимость удешевленія цѣнъ и улучшенія качества нашихъ продуктовъ. Слышали мы на дняхъ разговоръ о томъ, что на нынѣшней нижегородской ярмаркѣ торговля шла удовлетворительно, исключая желѣза, на которое предлагаемыя цѣны были низки, «потому дескать, что теперь иностранное желѣзо конкурируетъ». Тутъ же люди, имѣющіе случай обращаться съ желѣзными издѣліями, подтвердили давно всѣмъ извѣстное, что иностранное желѣзо невпримѣръ хуже нашего, что наше мягко, а иностранное «хрупко какъ соль». Тутъ стало-быть дѣло только уже въ легенькомъ удешевленіи производства, да... доставка-то, отцы родные! — отъ Рифея до невскихъ береговъ!.. Случился въ разговорѣ и заводчикъ, имѣющій дѣло съ машинами. «А зато (замѣтилъ онъ) въ дѣлѣ все иностранное — чудо! У насъ вотъ крана никакъ не умѣютъ сдѣлать: здѣшній кранъ непремѣнно каплетъ. Поневолѣ пожелаешь иностраннаго!»

Какъ бы въ опроверженіе недовольнаго кранами заводчика, находимъ вдругъ въ газетѣ «Акціонеръ» нѣчто весьма рѣдкое у насъ. Это — заявленіе, подписанное Иваномъ Черновымъ, изъ Костромы, подъ заглавіемъ: *Пріятная источность въ исполненіи заказа*

Digitized by Google

механическимъ заводомъ господъ Шиповыхъ, въ Костромѣ. Вотъ въ чемъ дѣло:

«Къ навигаціи нынѣшняго года (пишетъ г. Черновъ) былъ принятъ отъ меня на заводѣ заказъ буксирнаго парохода въ 80 силъ, высокаго давленія, съ передаточными шестернями, горизонтальными (лежачими) цилиндрами и съ расширительными коробками, съ тѣмъ чтобы пароходъ велъ до 60.000 пудовъ груза, употребляя отъ 18 до 20 саженъ аршинныхъ дровъ въ сутки.

«Согласно этимъ условіямъ пароходъ былъ мною и принятъ. Но что же оказалось? вмѣсто 60-ти тысячъ пудовъ груза, пароходъ буксируетъ 90 тысячъ пудовъ, и вмѣсто того, чтобы жечь отъ 18 до 20 саженъ дровъ, онъ довольствуется 12-ю саженями».

Далѣе г. Черновъ, замѣтивъ, что чрезъ такую *экономію* онъ выгадываетъ до 30% въ грузѣ и до 40% въ топливѣ, и описавъ отличное устройство парохода, высказываетъ свою благодарность инженеръ-технологу К. Д. *Цывинову*, по чертежамъ и при наблюденіи котораго построенъ пароходъ.

Весело слышать эти признанія поступательнаго движенія впередъ, и вспомнившись, какъ-разъ придется мнѣ маниловскимъ мечтаніямъ о мостѣ черезъ прудъ, съ устроенными на немъ лавками, въ которыхъ бы продавались разные товары... Что если бы, думаемъ мы, хоть напримѣръ телеграфы имѣли такое свойство, какое, по словамъ давнишняго смѣшного анекдота, приписалъ имъ одинъ чудакъ, повѣсившій на телеграфный проводъ сапоги, добродушно повѣривъ, что они точнѣйшимъ образомъ будутъ переданы его сыну, проживающему въ томъ городѣ, куда идетъ телеграфъ! Что если бы, повторяемъ, телеграфы передавали не одни слова, но и вещи, потяжелѣе сапоговъ: какое движеніе уже кипѣло бы у насъ теперь, потому что не многія изъ механическихъ устройствъ въ Россіи такъ быстро развиваются, какъ устройство телеграфовъ. Что такъ называемыя телеграфныя остановки, если вѣрить всѣмъ слухамъ, ежемѣсячно составляютъ не малой длины списки — это уже куда ни шло; по новости дѣла, нельзя ставить каждое лыко въ строку; но вѣдь по послѣднимъ свѣдѣніямъ теперь въ европейской Россіи телеграфныхъ линій больше чѣмъ на 20,000 верстъ, и на этомъ дѣло не останавливается: все строятся и впредь предполагаются новыя линіи, а съ нынѣшняго года электрическій токъ проникаетъ даже въ глубину Сибири, направляясь къ Иркутску. Офиціально извѣстно, что проектъ сибирскаго телеграфа уже исполняется; въ нынѣшнемъ году назначено устроить часть линіи, именно отъ Казани до Омска, на протяженіи безъ малаго двухъ тысячъ верстъ, а вся-то линія до Иркутска составитъ съ небольшимъ пять тысячъ

Digitized by Google

берегъ; стало-быть и всю ее жать не придется долго. Затѣмъ останется продолженіе ея по Забайкалью и Амурскому краю, о чемъ также производится изслѣдованіе.

Конечно по самому свойству разныхъ государственныхъ и общественныхъ задачъ, по степени ихъ многосложности, не каждая изъ нихъ можетъ выполняться одинаково быстро. Мы видѣли, что головные люди уже положительно видятъ вѣрнѣйшій и даже единственный выходъ изъ нашихъ затрудненій—въ усиленіи отпуска за границу нашихъ мѣстныхъ продуктовъ; но развѣ легко въ самомъ дѣлѣ опредѣлить, когда это можетъ осуществиться въ желанныхъ размѣрахъ? Между тѣмъ изъ «Морского Сборника» узнаемъ, что въ морскомъ министерствѣ, безъ сомнѣнія, въ виду этого будущаго осуществленія, готовятся соотвѣтствующія ему мѣры, составляющія также многотрудную и нескоро-исполнимую задачу. Это—мѣры къ развитію русскаго торговаго мореплаванія. Въ морскомъ министерствѣ работаютъ надъ изслѣдованіемъ этихъ мѣръ; въ майскомъ нумерѣ «Морского Сборника» напечатано «Краткое обозрѣніе» работъ, еще приготовительныхъ, коснуться содержанія этой статьи нельзя безъ того, чтобъ не войти въ подробности, которыя увлекли бы насъ за предѣлы нашей статьи. Ограничиваемся указаніемъ важнаго факта, касающагося великаго общественнаго интереса.

Къ интересамъ огромнаго размѣра и первостепенной важности долженъ быть отнесенъ предметъ слѣдующаго коротенькаго извѣстія, встрѣченнаго нами въ «Экономич. Указателѣ». Къ прежнему извѣстію о томъ, что ко всѣмъ нашимъ ученымъ и юристамъ были разосланы проекты устава о гласномъ и устномъ судопроизводствѣ, теперь прибавляютъ, что для составленія устава приглашены изъ Москвы, какъ представившіе лучшія сужденія о проектѣ: губернскій прокуроръ Равинскій, оберъ-прокуроръ VII департамента Буцковскій и оберъ-секретарь общаго собранія сената и профессоръ университета Побѣдоносцевъ.

IV. НѢЧТО О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ

—Пьютъ, сударь мой, отлично, и дерутся тоже отлично, словно вольные, — говорилъ недавно посторонній человѣкъ, промышленникъ, присмотрѣвшійся, въ нѣкоторой знакомой ему мѣстности, къ вышедшему изъ крѣпостной зависимости люду.

—Удивительно! отвѣтилъ ему собесѣдникъ:—чѣмъ бы вникать въ новый бытъ и улучшаться, а они... Чего же ждать, когда вотъ

Digitized by Google

по новому положенію будетъ большая продажа вина, — соблазнъ на каждомъ шагу?..

— Ничего, сударь, ничего! Будьте спокойны! И насъ ужъ время и обычай такой; праздникъ, такъ нельзя не погулять: а у нихъ теперь общій, мірской праздникъ — волю празднуютъ... Она лѣтъ потолкутся этакъ годокъ другой, а тамъ и за дѣло примутся — нельзя! И посмотрите еще, какъ примутся! Вотъ теперь я былъ у г. Ш... Къ нему пришли сто человѣкъ иностранцевъ-рабочихъ — выписалъ онъ ихъ; народъ все такой здоровый. Ужъ работать начали; работаютъ, говорятъ, хорошо. Наши-то стали было смѣяться...

— Чему же смѣяться?

— Ну вотъ, что говорить не умѣютъ порусски... Только господинъ-то запретилъ, строго запретилъ, чтобъ не смѣялись. Я и говорю теперь: какъ появятся этакъ чужія руки то здѣсь, то тамъ, наши-то и опомнятся; послѣ и гульба на разумъ не пойдетъ. Вѣдь тоже и помѣшанность, и все — нельзя!

Указываемъ на это разсужденіе, какъ на образчикъ довѣрія къ народу простого, близко стоящаго къ нему человѣка. Конечно оно должно быть вѣрнѣе многихъ опасеній чрезчуръ боязливыхъ и полувѣрчивыхъ людей. Конечно, тяжело было слышать о такъ называемыхъ недоразумѣніяхъ, возникшихъ въ разныхъ мѣстахъ съ началомъ полевыхъ работъ. Но теперь и изъ печатныхъ свѣдѣній, и изъ устныхъ отзывовъ и разсказовъ даже противоположной изъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ, узнаемъ, что почти ни въ одномъ изъ этихъ недоразумѣній не былъ безусловно виноватъ самъ народъ, если не ставить ему въ вину его невѣжества; что эти недоразумѣнія были вызваны отдѣльными недобрыми личностями...

Потомъ думали недовѣрчивые люди, что мировые посредники, какъ принадлежащіе къ одному изъ двухъ заинтересованныхъ сословій, не будутъ одинаково безпристрастны къ обѣимъ сторонамъ. Но сколько ни есть теперь печатныхъ и устныхъ слуховъ, ни одинъ не подтверждаетъ этого опасенія. Намъ удавалось слышать нѣкоторыхъ лицъ, удивляющихся, откуда вдругъ набралось столько хорошихъ людей! А вотъ для примѣра и мѣстныя газетныя вѣсти:

Изъ *калужской* губерніи: «Должности мировыхъ посредниковъ всѣ замѣщены, и открытіе волостей и сельскихъ обществъ подвигается впередъ. Самый важный результатъ введенія новаго сельскаго управленія, по отзывамъ нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, есть тотъ, что крестьяне, понявъ значеніе старшинъ и сельскаго схода, замѣтно стали спокойнѣе, а сильно развившееся между ними въ послѣднее время пьянство — умѣреннѣе. Жалобы и недоразумѣнія большею частію оканчиваются миромъ. Въ одномъ не-

Digitized by Google

ровень участкѣ въ теченіи менѣе двухъ мѣсяцевъ было 70 разбирательствъ, изъ нихъ окончено миролюбиво 66, арестованы только два человѣка и двое оштрафованы деньгами».

Извѣстіе изъ *тверской* губерніи говоритъ, что мировые посредники назначены во всѣхъ уѣздахъ и дѣйствуютъ во многихъ мѣстахъ очень успѣшно... За этимъ общимъ словомъ слѣдуютъ два замѣчанія, составляющія между собою довольно рѣзкій контрастъ. Во-первыхъ корреспондентъ жалѣетъ, что «нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ требовали войскъ для усмиренія имѣній, гдѣ не пробовали дѣйствовать словомъ убѣжденія, гдѣ даже и не были сами, а посылали только приказы.» Потомъ разсказываетъ:

«Иные изъ мировыхъ посредниковъ, желая дѣйствовать какъ можно деликатнѣе съ крестьянами, разговаривая съ ними, не только употребляютъ мѣстоименіе *вы*, но и называютъ крестьянъ не иначе, какъ съ прибавленіемъ слова *господинъ*, что не только смѣшитъ присутствующихъ при этихъ разговорахъ дворанъ, но и самихъ крестьянъ, называющихъ такихъ посредниковъ обыкновенно *французами*... Одинъ посредникъ ошибочно назвалъ крестьянина отъ выборовъ, а затѣмъ извинился передъ нимъ, называя его по фамиліи, съ прибавленіемъ титула *господинъ*.»

Въ заключеніе выражается весьма уважительное и естественное желаніе: «чтобы мировые съѣзды были какъ можно публичнѣе, чтобы гласность проникла въ эти новыя учрежденія, и чтобы всѣ желающіе, какъ дворане, такъ купцы, мѣщане и крестьяне, могли присутствовать при съѣздахъ, разумѣется безъ права голоса. Не излишнею мѣрою было бы предварительное объявленіе въ губернскихъ вѣдомостяхъ о днѣ сбора того или другого мирового съѣзда.»

Эта крайность деликатности нѣкоторыхъ мировыхъ посредниковъ, если отложить въ сторону ея комическій характеръ, приводитъ на мысль одно обстоятельство, которое не принималось въ расчетъ недовѣрчивыми людьми, опасавшимися небезпристрастныхъ дѣйствій со стороны мировыхъ посредниковъ. Эти люди не приняли въ расчетъ щекотливаго положенія посредника, положеніе, происходящаго именно отъ легкости возбудить означенныя опасенія: посредникъ самъ чувствуетъ, что со стороны могутъ ожидать отъ него пристрастія, и что ему необходимо опровергнуть на дѣлѣ эти недостойныя ожиданія... Мы знаемъ, что нѣкоторые помѣщики понимаютъ эту щекотливость положенія и сами стараются не доводить посредника до хлопотъ и непріятностей. Есть конечно и такіе (мы навѣрное знаемъ, что есть), которые говорятъ такъ: «чтожь вы за посредникъ, если не поддержите и не отстоите своего брата, дво-

Digitized by Google

равно? Вѣдь вы дворянинъ?» — Дворянинъ. — «Такъ не сравнивайте же вы меня со всѣмъ»... Но эти едва ли не составляютъ теперь весьма слабаго меньшинства; по крайней мѣрѣ намъ приходилось слышать о подобныхъ проявленіяхъ только такихъ лицъ, у которыхъ не столько тѣло, сколько умъ упученъ годами и уже не въ силахъ оторвать затвердѣвшихъ въ немъ старыхъ понятій.

Остается одно неотклонимое, которое именно наступившей теперь осенью должно совершиться. Это то, что множество мелкихъ помѣщичьихъ хозяйствъ (въ которыхъ однако числится больше 21 души), не обладая запасными денежными капиталами, должны будутъ закрыться. Съ окончаніемъ полевыхъ работъ, они безъ сомнѣнія предстанутъ уставныя грамоты и, по утвержденіи ихъ посредниками, закончатъ свое экономическое существованіе. Судя по извѣстнымъ намъ намѣреніямъ нѣкоторыхъ, они или продадутъ все оставшееся у нихъ за крестьянскимъ надѣломъ, или, отдавъ въ наемъ луга, — собственно пахатную, удобренную землю оставятъ внутрь, боясь вступленія ея наемщиками, что очень естественно по нашему у насъ понятію о правильной арендаторской системѣ. Это немножко грустно, потомучто грустно вообще запустѣніе какого бы то ни было угла, а запустѣніе части нашихъ полей, которыя и безъ того еще далеки были отъ полнаго кипѣнія жизнью и дѣятельностью, должно быть грустно въ особенности.

Но такъ какъ мы живемъ упованіями и всюду ждемъ возрожденій, то и здѣсь будемъ ждать феникса.

V. РАЗЛИЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ ГЛАСНОСТИ

Назадъ тому мѣсяца два, именно въ іюльской книгѣ, мы съ торжествующимъ видомъ указали, какъ на примѣръ энергическаго начинанія въ дѣлѣ распространенія грамотности, — на пожертвованіе кузнецкимъ предводителемъ дворянства Д. И. Хардинымъ трехъ тысячъ рублей для открытія школъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Читатели можетъ-быть помнятъ, что мы объяснили тогда, что это извѣстіе сообщено въ «Московскія вѣдомости» г. Богдановымъ, который описалъ какъ было дѣло: какъ г. Хардинъ, у себя на обѣдѣ, говоря дворянамъ рѣчь объ обязанности ихъ содѣйствовать распространенію грамотности, прибавилъ, что жертвуетъ три тысячи рублей въ доказательство того, что говоритъ не пустыя слова.

Вскорѣ послѣ выхода іюльской книги, посѣтили мы одного нашего знакомаго и застали его именно на 5 страницей, на которой

Digitized by Google

красовались имена гг. Харлина и Богданова. Завидѣвъ насъ, знакомый вздумалъ тотчасъ же, ни съ того ни съ сего, разсказать намъ одинъ, будто бы сохранившійся у него въ памяти фактъ, о которомъ, какъ говорилъ онъ, ему напомнило выраженіе: «не пустыя слова».

«Во время послѣдней войны (говорилъ нашъ пріятель), одинъ довольно богатый и молодой помѣщикъ, также въ какомъ-то уѣздномъ городѣ и также у себя на обѣдѣ, произнесъ нѣчто въ родѣ рѣчи о долгѣ каждаго гражданина жертвовать всѣмъ отечеству, и въ доказательство того, что говоритъ «не пустыя слова», тутъ же торжественно объявилъ, что онъ поступаетъ въ формировавшееся тогда ополченіе и ведетъ съ собою въ ратники тридцать человѣкъ дворовыхъ людей. Спустя нѣкоторое время, въ которое молва объ этомъ успѣла распространиться за предѣлы города, а можетъ-быть и уѣзда, нашъ герой почувствовалъ возобновленіе давнишней боли въ ногѣ, что однако не помѣшало ему, съ тридцатью обремененными въ ратники молодцами, отправиться на всю слѣдующую осень въ отъѣзжее поле травить русаковъ, а въ ополченіе, говорили тогда, поступилъ вмѣсто его какой-то писецъ или кто-то въ этомъ родѣ... Дай то Богъ (прибавилъ разсказчикъ), чтобы настоящее ополченіе противъ безграмотности было подѣйствительнѣе, нежели какъ ополченіе противъ англо-французскихъ войскъ.»

Этотъ разсказъ, показавшійся намъ вовсе нейдущимъ къ дѣлу, не знаю почему произвелъ тогда на насъ непріятное впечатлѣніе, какъ-будто онъ былъ какимъ-то недобрымъ предзнаменованіемъ... Вообразите же, читатель, что наше предчувствіе (если только это было дѣйствительно предчувствіе) сбылось. Теперь мы поставлены въ самое странное положеніе: намъ слѣдуетъ извиняться предъ гг. Богдановымъ и Харлинымъ, и въ чемъ извиняться?.. въ томъ, что мы, разгорячившись, хотя и съ чужихъ словъ, но все же тоже приписали одному изъ нихъ сообщеніе хорошей вѣсти, другому доблестный поступокъ, отъ которыхъ они, и тотъ и другой, торжественно отказываются... Да! оба они прислали въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», по письму (1), въ которыхъ увѣряютъ: одинъ, что онъ ничего подобнаго никогда не сообщалъ, другой — что все сообщенное о немъ — и обѣдъ, и рѣчь, и пожертвованіе — ложь. Кромѣ того, г. Богдановъ проситъ редакцію прислать ему подлинное, написанное отъ его имени письмо, для того чтобы онъ могъ по почерку открыть злонамѣреннаго человѣка, который такъ дерзко рѣшился во зло употребить гласность, незаконно присвоить имя

(1) Письма напечатаны въ 154 № «Моск. Вѣд.»

Digitized by Google

его, г. Богданова, и оклеветать г. Харлина... но что мы сказали? Оклеветать!.. Какъ странно звучитъ здѣсь это слово!.. Однако что же именно этотъ злонамѣренный человѣкъ сдѣлалъ съ г. Харлинымъ? Мы слова приличнаго не можемъ подобрать..! Пошутилъ? Но нѣтъ! это какъ-то совсѣмъ непохоже на шутку... Словомъ: непонятенъ человѣкъ, совершившій такой невыразимый поступокъ! Редакція «Московскихъ Вѣдомостей» говоритъ, что она послала въ Кунавецкъ рѣзкое подложное письмо. Если можно желать г. Богданову успѣха въ отысканіи виновнаго, то именно для того, чтобы получить разъясненіе побудительныхъ причинъ этого любопытнаго для наблюдателя акта.

— Такъ какъ гласность мы считаемъ великимъ двигателемъ общественной жизни, то и не можемъ не слѣдить съ особеннымъ участіемъ за ея успѣхами и лучшими проявленіями. Поэтому не можемъ не указать на одинъ примѣръ ея, который кажется намъ такъ серьезенъ, смѣлъ и чистъ, что намъ даже какъ-то неловко перейти къ нему прямо отъ вышеизложенной странной исторіи... Просимъ читателя забыть на время эту исторію и выслушать слѣдующее, напечатанное въ № 188 «Московскихъ Вѣдомостей» извѣщеніе, поражающее благородствомъ тона, не нарушеннаго ни одной рѣзкой мыслью и ни однимъ жесткимъ словомъ.

«Считаю долгомъ сообщить гг. помѣщикамъ мологскаго уѣзда (*) слѣдующее обстоятельство:

«10 августа прибыли ко мнѣ московскіе помѣщики: Николай Андреевичъ Глѣбовъ, Дмитрій Владиміровичъ Михайловъ, графъ Алексѣй Владиміровичъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Владиміръ Владиміровичъ Мусинъ-Пушкинъ, Сергѣй Михайловичъ Селифонтовъ, Николай Андреевичъ Чистяковъ и Петръ Алексѣевичъ Щепочкинъ. Они объявили мнѣ, отъ имени большинства дворянства мологскаго уѣзда, что обсуждая мои дѣйствія, они находятъ мои убѣжденія совершенно несогласными и даже прямо противоположными съ ихъ убѣжденіями; что при исполненіи моихъ обязанностей, я часто увлекаюсь ложными мечтами, и впродолженіе почти трехлѣтней моей службы, они имѣли случай удостовѣриться, что я будто бы постоянно дѣйствовалъ пристрастно противъ дворянскаго сословія, а потому въ настоящее важное время они не рѣшаются долѣе довѣрять мнѣ свои общественныя дворянскія дѣла и интересы.

«Послѣ этого я тотчасъ же просилъ распоряженія г. начальника губерніи о немедленномъ увольненіи меня отъ службы. *Мологскій уѣздный предводитель дворянства Авдѣй Ивановъ Шиповъ*».

(*) Ярославской губерніи.

Digitized by Google

Всѣ люди не могутъ быть одинаковыхъ убѣжденій. Если убѣжденія одного человѣка несогласны съ убѣжденіями, общими нѣсколькимъ другимъ людямъ, — это еще ничего не доказываетъ и не можетъ служить нареканіемъ ни тому, ни другимъ. Шутить убѣжденіями нельзя; можно пожалуй посмѣяться надъ словомъ «убѣжденіе», но это непремѣнно будетъ насмѣшка циническая. Имѣть твердыя, сросшіяся съ душою убѣжденія и дѣйствовать согласно съ ними, не мочь дѣйствовать вопреки имъ, не мочь жертвовать ими никому и ни для чего, — это и есть быть честнымъ человѣкомъ. Что же можно думать о человѣкѣ, который съ своими убѣжденіями, проводимыми имъ не на бумагѣ, а на дѣлѣ и въ жизни, смѣло рѣшается выступить на судъ общественнаго мнѣнія?

Въ обстоятельствѣ, сейчасъ нами приведенномъ, можетъ быть судьею только общественное мнѣніе.

Digitized by Google

БѢДНАЯ ДОЛОРЕСЪ.

(повѣсть, съ испанскаго, Фернандо Кабальеро.)

Между Сан-Люкаромъ де Баррамеда, гдѣ Бетисъ покидаетъ земли Испаніи, а смѣющійся Кадиксъ бросается по серединѣ водъ, какъ бы для того, чтобъ идти навстрѣчу своимъ флотамъ, лежитъ на возвышеніи скромная и смиренная деревенька. Она называется Рота. Исторія и великолѣпный замокъ, принадлежащій герцогамъ аркосскимъ, свидѣтельствуютъ, что эта деревенька древняго и благороднаго происхожденія.

Со стороны, обращенной къ юго-западу, т. е. къ Атлантическому океану, площадка, на которой разстилается деревня, перерѣзана вертикально; внизу плоскій берегъ, имѣющій тотъ однообразный видъ, какой море придаетъ берегамъ, омываемымъ его водами: ихъ безплодные пески то появляются, то исчезаютъ въ волнахъ. Напрасно бы стали тамъ отыскивать таинствъ океана, которыя иногда вырываются изъ его нѣдра, или печальныхъ признаковъ пустыннаго и неизвѣстнаго кораблекрушенія: на плоскомъ берегу Роты можно найти однѣ ничтожныя раковины; морскія звѣзды (звѣздчатки), которыя вмѣстѣ съ жизнью теряютъ свой свѣтъ; хлопки пѣны, разъ оторванные отъ волны, лишились и блеска и формы; несчастнаго полипа, неизвѣстно — живого или мертваго, потомучто въ немъ жизнь такъ же бездѣйственна, какъ и смерть; неуклюжаго морского рака, который поднимаетъ свою тяжолую массу на безобразныхъ ногахъ и бѣжитъ съ усиліемъ и неловкостью хромоногаго, ковыляющаго на своихъ костыляхъ; кучи водорослей, которыя волны съ презрѣніемъ выбрасываютъ на землю; конецъ каната, или кусокъ дерева, брошенные за негодностью съ рыбачьихъ лодокъ, и красивыя арабески, выведенныя на пескѣ легкими слѣдами чаекъ. Вотъ все, что представляютъ намъ эти пу-

Digitized by Google

тынныя плоскости, окружающія Испанію: среднее поле между землей и водами, почву безъ цвѣтовъ, берегъ безъ жемчужныхъ раковинъ.

По лѣвую сторону деревни, колышется море и образуетъ бухту, которая могла бы быть портомъ, еслибы она была глубже и еслибы воды послѣ отлива не оставляли большого пространства черной грязи, усѣянной камнями. Во время прилива, море доходитъ до самыхъ жилищъ, которыя защищаются самороднымъ валомъ изъ утесовъ, о которые волны бьются какъ сердце отъ напора крови.

Противъ остраго конца треугольника, который образуетъ селеніе, находится гавань, гдѣ привязаны (морск. оплвартованы) фелуки, назначенныя для ежедневной перевозки плодовъ и овощей въ городъ, и штурманскія лодки, которыя ходятъ навстрѣчу богатымъ жителямъ Кадикской бухты, чтобъ довезти ихъ безопасно до пристани.

Отдѣленіе Роты отъ проѣзжихъ дорогъ, недостатокъ сообщенія съ другими селеніями, ея смиренное и незначительное положеніе, кладутъ на нее печать патріархальнаго спокойствія и простоты, которыхъ вообще не имѣютъ морскіе порты.

Идеалъ сельской жизни не такъ представляется въ нашемъ воображеніи. Не эта скромная деревня, расположенная на берегу океана, оглушенная безпрерывной суетой и движеніемъ, похожимъ на суету нашего свѣта: гдѣ барки смѣло причаливаютъ каждая съ своимъ вымпеломъ, одна при попутномъ вѣтрѣ, другія противъ волнъ и быстрины, какъ люди, которые волнуются въ житейскомъ морѣ нашего времени. Мы лучше любимъ мечтать объ избушкѣ, которой служатъ горизонтомъ поля съ хлѣбомъ и оливковыми плантаціями, у которой вмѣсто шума и движенія — пѣніе птицъ и возгласы пѣтуховъ, шопотъ деревенъ и звонъ колокола, и соѣдство — другая такая же избушка, которую она называетъ *кумушкой*. Здѣсь море и земля лежатъ бокъ-о-бокъ, какъ миръ и брань, какъ тишина и движеніе, какъ спокойствіе и опасность, какъ созиданіе и разрушеніе.

А со всѣмъ тѣмъ, трудно найти болѣе спокойное мѣсто, какъ Рота. Жителей болѣе трудолюбивыхъ и искусныхъ въ земледѣліи, потому что произведенія земли составляютъ промыселъ этой стороны. Каждый житель Роты имѣетъ небольшой уголокъ, который онъ обработываетъ, и только немногіе засѣваютъ большое количество земли. Виноградъ, дыни, арбузы, всякаго рода овощи, всегда ранніе и превосходные — вотъ главныя произведенія почвы. Кромѣ этихъ, отличаются своей величиной, количествомъ и качествомъ тыквы и морковь; изобиліе послѣднихъ доставило ротан-

цамъ названіе «морковниковъ». Не менѣе любопытно великое множество ивовыхъ корзинъ, употребляемыхъ для перевозки овощей.

Андалузцы, какъ извѣстно, большіе насмѣшники, которые не щадятъ ни лица, ни вещи, придумали насчетъ добрыхъ ротанцевъ множество сказокъ, поговорокъ, пѣсенъ и остротъ.

Мы сообщимъ нѣкоторыя изъ нихъ — не потому только, что онѣ намъ кажутся забавными, но потому, что онѣ дадутъ точное понятіе о способности этого умнаго и веселаго народа давать всякой вещи смѣшной оборотъ.

Однажды ротанцы вздумали праздновать день святого Роха, своего патрона. Съ этою цѣлью они прислали извѣстнаго проповѣдника и двухъ клерковъ, которымъ отвели помѣщеніе въ домѣ алькада. Хозяинъ, узнавши, что гости его изъявили желаніе пить шоколадъ за ужиномъ, позвалъ кухарку и приказалъ ей приготовить.

— Но, сказала кухарка съ замѣшательствомъ, — чего же туда положить?

— Воды, отвѣчалъ хозяинъ.

Недовольная этимъ, кухарка пошла къ сосѣдкѣ, которая слыла очень свѣдущей хозяйкой и спросила ее, какъ дѣлается шоколатъ?

— А что сказалъ тебѣ хозяинъ?

— Велѣлъ налить воды.

— Воды? и больше ничего? отвѣчала профессорша. — Господи Іисусе! Неужели ты не знаешь, матушка, что шоколатъ безъ моркови никуда не годится?

Вотъ еще другой:

Ротанцы вздумали достать небо, при помощи своихъ корзинокъ. Вотъ они и взгромоздили цѣлую кучу, одну на другую, такъ высоко, что стали выше луны и звѣздъ. Нужно было поставить еще одну, чтобъ достать до неба, но корзинки нигдѣ не нашлось. Не желая отказаться отъ своего предпріятія изъ-за такой бездѣлицы, они вынули изъ-подъ своего зданія первую, которая служила основаніемъ и — всѣ другія разсыпались.

Одна старуха изъ Роты встрѣтилась на дорогѣ съ человѣкомъ изъ Порто-санта-Маріа, который напѣвалъ пѣсню великаго полководца. Когда они сошлись носъ съ носомъ, этотъ человѣкъ пѣлъ слѣдующія стихи:

Та страшная шпага,
Которая разсѣетъ варваровъ...

— Эй ты, нищій! закричала раздраженная старуха: — варвары-то живутъ въ Порто-санта-Маріа, слышишь ли?

Digitized by Google

Чтожъ касается до пѣсенъ, то мы предлагаемъ для образца нѣсколько строфъ одной изъ нихъ:

Никогда не зналъ
И никогда не узнаютъ
Какъ велико число ословъ,
Живущихъ въ Ротѣ.
Ихъ безчисленное множество.
У ротанцевъ есть обычай
Угощать своихъ невѣстъ
Зернами плодовъ —
Лакомствомъ своей стороны.
Одинъ умный человѣкъ изъ Роты
Думалъ однажды очень умно,
Что если не будетъ моркови,
То и свѣтъ кончится.

Скажемъ наконецъ, что даже эпоха вторженія французовъ подала поводъ къ слѣдующему куплету:

Если они будутъ грозить Ротѣ пушками,
То достанется и моркови.

II

Какъ отрадно сердцу, какъ весело глазамъ смотрѣть, когда вечеромъ поселяне возвращаются съ работы домой. Они ѣдутъ на своихъ ослицахъ; за ними бѣгутъ и скачутъ ослята, которые спѣшатъ насладиться своей скоротечной молодостью, какъ-будто какой-то пророческій инстинктъ говоритъ имъ, что эта радость, это блаженство, веселые прыжки — первые и послѣдніе въ этой скучной жизни, жизни труда и нищеты. Мужичекъ везетъ полныя корзины плодовъ и овощей; дневной сборъ наполняется пучкомъ маисовыхъ колосьевъ, для ужина. Хозяйка дожидается мужа на порогѣ дома и посылаетъ дѣтей навстрѣчу къ отцу; за ними бѣжитъ, какъ членъ семейства, собака лохматая, гадкая, но преданная и вѣрная, которая не промѣняетъ хозяйскую корку хлѣба на богатые дворцы. Нѣкоторые отцы берутъ на руки младшаго изъ дѣтей и сажаютъ его съ собой, а старшіе догоняютъ осленка и бѣгутъ вмѣстѣ съ нимъ. Другіе слѣзаютъ съ ословъ и велятъ садиться самымъ старшимъ изъ дѣтей, а сами, взявши на руки маленькихъ, группами идутъ домой, гдѣ ждетъ ихъ добрая мать и счастливая жена.

Сколько разъ мы съ сердечнымъ умиленіемъ глядѣли на картины истиннаго домашняго счастія, которое не ищетъ тайны и не

Digitized by Google

выставляется напоказъ, которое не требуетъ ни блеска, ни извѣстности, подобно кроткому свѣту луны! Часто мы спрашивали самихъ себя, съ глубокимъ чувствомъ грусти: зачѣмъ жизнь матерьяльная, съ своимъ ненасытнымъ честолюбіемъ, съ своимъ утонченнымъ вкусомъ и глупой модой, замѣнила эти чистыя, святыя радости другими, которыя не удовлетворяютъ ни сердца, ни поэзіи души, ни совѣсти? Зачѣмъ она, пренебрегая тѣмъ счастіемъ, которое Богъ далъ, создала мысль о существованіи поддѣльномъ, которое своими стремленіями къ невозможному, осмѣливается бросать презрительный взглядъ на то счастье, которое намъ указываютъ судьба, Богъ и разумъ? Когда же мы поймемъ, что воображаемаго счастія нельзя сыскать ни въ облакахъ, ни въ воздушномъ шару, увлекаемомъ дуновеніемъ страстей, безъ направленія и цѣли; и что то, которое нужно намъ, такъ близко, почти подъ рукой, какъ цвѣты, которыми Господь усѣялъ нашъ предназначенный путь? Когда же поэты, эти пѣвчія птицы, забавляющія насъ во время ясныхъ дней и утѣшающія во время безмолвныхъ ночей, изъ которыхъ составлена наша жизнь, поймутъ, что вмѣсто того, чтобы воспламенять, преувеличивать, идеализировать страсти человѣка, они могутъ наставлять, просвѣщать его, и такимъ образомъ сдѣлать его гораздо лучше, гораздо счастливѣе? Страсти, въ моральномъ отношеніи — тоже, что лихорадка въ отношеніи физическомъ: это болѣзни рода человѣческаго, которыхъ не могутъ побѣдить ни усилія моралистовъ, ни опыты медицины; и не напишутъ ни одной идилліи, ни одной сцены изъ жизни человѣческой, безъ того, чтобъ не дать мѣста страстямъ. Но мнѣ кажется, что называть прекраснымъ, благороднымъ то состояніе, въ какое повергаютъ насъ страсти — весьма дурная и нелѣпая попытка; называть ихъ принадлежностью душъ возвышенныхъ, — есть опасное заблужденіе. Возвышенныя души управляютъ своими добрыми склонностями и господствуютъ надъ дурными.

Въ прекрасный лѣтній вечеръ, одинъ старикъ, верхомъ на ослицѣ, возвращался въ Роту. За нимъ шли два красивые мальчика, статные, съ загорѣлыми лицами и несли на плечахъ мотыку. Недалеко отъ дому, они увидѣли ребенка лѣтъ пяти, который шолъ къ нимъ навстрѣчу, таща за собою крошечную дѣвочку; онъ весь раскраснѣлся отъ усилій ускорить колеблющіеся шаги своей маленькой сестрички. Остановивши ослицу, одинъ изъ молодыхъ людей поднялъ дѣтей, посадилъ ихъ къ старику, одного направо, другую налѣво, и ослица, не дожидаясь побужденія, пошла спокойнымъ шагомъ къ дому, сама остановилась, не дожидаясь, покуда звонкое «so!» раздастся въ ея повислыхъ ушахъ.

Digitized by Google

Прежде чѣмъ войдемъ въ домъ старика, постараемся описать его и познакомиться съ его жителями.

Пройдя черезъ главную дверь, выходишь на большой дворъ, вымощенный камнемъ; направо — цвѣтникъ, съ такимъ множествомъ цвѣтовъ, кустарниковъ и ползучихъ растеній, что можно подумать, что они съѣхались на свой конгрессъ; налѣво — обширная бесѣдка изъ лучшихъ виноградныхъ лозъ. Въ глубинѣ двора — жилая кухня съ залой; задній дворъ и массивная наружная лѣстница изъ кирпича, безъ крыши, на чердакъ. Направо дверь на улицу. Домъ состоялъ изъ небольшой залы и еще одной комнаты. Точно также была расположена и лѣвая сторона, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ маленькихъ комнатъ, изъ которыхъ выходъ былъ на дворъ; небольшая комнатка уютная и отдѣльная, подлѣ кухни, съ окнами на задній дворъ.

Хозяинъ дома, дядя Матео Лопецъ, занималъ всю лѣвую сторону съ своимъ семействомъ, не исключая дочери его Катерины, которая было замужемъ за *йегуеро* (¹), матери двоихъ дѣтей, которыхъ мы видѣли идущихъ навстрѣчу дѣдушкѣ. Чердакъ нанимала за шесть реаловъ вдова несчастнаго, утонувшаго моряка; послѣ него она осталась съ двоими дѣтьми. Бѣдная женщина не платила денегъ дядѣ Матео за квартиру; а дядя Матео боялся у нее требовать, разсуждая очень просто и справедливо: «Если у *бѣдной* ничего нѣтъ, то чѣмъ же она заплатитъ?»

Отдѣльная комнатка подлѣ кухни отдана была бѣдному монаху, послѣ уничтоженія монастырей. Комнаты съ правой стороны нанималъ карабинеръ съ женой — они одни только и платили хозяину.

Карабинеръ Кануто былъ превосходный человѣкъ. Имя его значило тростникъ; никогда человѣкъ длиннѣе, прямѣе и пустѣе нашего карабинера не носилъ такого приличнаго имени. Онъ прежде былъ солдатомъ, солдатомъ серьознымъ, суровымъ и молчаливымъ; а съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался карабинеромъ, то-есть человѣкомъ довѣреннымъ у правительства, эта суровость обратилась въ безпристрастіе мраморнаго Катона.

Кануто, отъ самаго рожденья не имѣвшій собственной воли, не тщеславился своей властью; онъ мѣнялъ свой жилетъ не иначе, какъ спросивши у жены, какой она прикажетъ ему надѣть. Лѣтъ 50 тому назадъ, онъ былъ бѣлокурый, или бѣлый, но неумолимое

(¹) *Йегуада* называется стадо кобылицъ, назначенныхъ для приплода, и которыхъ оставляютъ на свободѣ цѣлое лѣто на пастбищѣ. Пастухъ этого стада называется *йегуеро*.

время и трудности службы не оставили другихъ слѣдовъ прежней красоты, кромѣ ужасныхъ усовъ, похожихъ на двѣ отмычки. А жена его говорила между прочимъ, что онъ былъ бѣлѣе лилій, бѣлокурѣе пеньки, и что на спинѣ его можно и теперь еще писать какъ на почтовой бумагѣ.

Цепа (такъ называлась жена его) была моложе мужа. Это была одна изъ тѣхъ образцовыхъ женщинъ, которыя внутри самихъ себя носятъ драгоцѣнное приданое, и которыя отдаютъ его мужьямъ больше изъ любви, чѣмъ по долгу, или лучше-сказать сплавливаютъ любовь вмѣстѣ съ долгомъ; и изъ этого сплавленія выходитъ что-то отрадное, святое, мудрое и достойное удивленія. Эти женщины обладаютъ искусствомъ управлять своими мужьями, исправлять сдѣланные ими промахи, увѣрить и ихъ, и самихъ себя, и другихъ, что онѣ всегда правы, и что онъ ведутъ дѣла свои какъ должно. У этихъ женщинъ есть благоразуміе, которое, смягчая всѣ ихъ дѣйствія, не даетъ мужьямъ и повода отгадывать ихъ намѣренія; такъ у матерей есть пѣсни, чтобъ утѣшить и убаюкать своихъ дѣтей; у нихъ есть покорность судьбѣ, которую онѣ умѣютъ передать имъ и словомъ и примѣромъ; у нихъ есть любовь къ порядку и чистотѣ, что заставляетъ и мужей наблюдать за собою; снисходительность ихъ до того велика, что онѣ скрываютъ свои собственныя пожертвованія, для того чтобъ не дать повода обвинить въ строгости тѣхъ, кто имѣетъ право требовать жертвъ; а сверхъ всего этого, у нихъ есть преданная любовь, самоотверженіе, увѣренность самихъ себя — чувства, которыя могли бы перейти въ смѣшное, при недостоинствахъ мужа, еслибы начало ихъ не было достойно уваженія.

Кануто почти никогда не открывалъ рта и хорошо дѣлалъ; но когда приходилось говорить, онъ говорилъ коротко, сентенціями, съ удареніемъ, въ твердой увѣренности, что всѣ уши на свѣтѣ такъ же благосклонны, какъ уши жены. А сказать правду, нашъ добрый карабинеръ и не совсѣмъ былъ неправъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи своихъ хозяевъ.

III

Отецъ Ноласко, бѣдный монастырскій изгнанникъ, котораго превосходное семейство Лопеца пріютило у себя, былъ достойный человѣкъ; онъ не выдумалъ ни пороху, ни книгопечатанія; онъ не былъ сотрудникомъ ни одной энциклопедіи; но онъ зналъ то, что ему должно было знать для исполненія своихъ обязанностей. Если

Digitized by Google

у него и былъ маленькій недостатокъ чувства собственнаго достоинства, зато онъ былъ очень благочестивъ, зналъ духъ народа, его нравы, его языкъ, на столько, чтобъ наставить его на путь истины. Неприличнымъ онъ считалъ иногда употреблять сагатва съ людьми взрослыми, и щелчки по носу съ маленькими. Народъ, съ своей природной смѣтливостью, хорошо понималъ, что добрый отецъ самъ шолъ истиннымъ путемъ; зато любилъ и уважалъ его, хоть иногда и посмѣивался надъ нимъ.

Здѣсь нужно сдѣлать замѣчаніе. Есть два разительные, или лучше сказать, два противоположные способа смѣяться: одинъ смѣхъ — благосклонный, другой — чисто-насмѣшливый. Одинъ — пріятный, веселый, безобидчивый; другой — горькій, мрачный и язвительный. Одинъ выходитъ изъ сердца честнаго и похожъ на веселый потокъ чистой ключевой воды; другой — изъ сердца жосткаго, жолчнаго; онъ такъ же тлетворенъ, какъ та жидкость, которая разъѣдаетъ и сожигаетъ все, на что попадетъ; одинъ — увѣнчанъ цвѣтами, другой — колючками. Не нужно говорить, что смѣхъ, возбуждаемый поступками и жестами святого отца, былъ смѣхъ благосклонный.

О. Ноласко былъ немного глухъ, и потому выходило, что онъ часто не такъ понималъ вещи; и наставленія, которыя онъ дѣлалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, имѣли двойной исходъ: кающемуся онъ говорилъ наудачу, а то, что говорено было въ видѣ проповѣди, могло быть пригодно ко всѣмъ обстоятельствамъ жизни. Онъ вовсе не былъ жолченъ, но не менѣе того, былъ порядочно хитеръ и нелегко поддавался тѣмъ, кто хотѣлъ его обмануть. Трудно было найти человѣка искреннѣе и правдивѣе его; онъ, безъ всякой колкости и не принимая на себя вида превосходства, умѣлъ каждому дать замѣтить, что хорошо и что дурно, и, слушая его, никто не оскорблялся.

По наружности о. Ноласко походилъ на резинковую фигурку, которую можно вытягивать на столько, на сколько она можетъ тянуться. Голова у него была длинная, узкая; носъ длинный, подбородокъ длинный, руки и пальцы длинные, ноги и ступни длинныя. Съ тѣхъ поръ какъ онъ вышелъ изъ монастыря, по милости одного благодѣтеля, дона Марцелино Торо, пріѣхавшаго изъ Америки, у него былъ кафтанъ, жилетъ и панталоны изъ черной матеріи, которые до того были выношены и вытерты хозяйкиной щеткой, что очень похожи были на вощанку.

Хоть отцу Ноласко и было ужь лѣтъ 60, но онъ былъ довольно проворенъ; и исключая вѣтровъ въ животѣ, которые прогонялись чаемъ, онъ наслаждался полнымъ здоровьемъ, разумѣется благо-

Digitized by Google

даря своей умѣренности и простотѣ пищи. Сестра его покровителя, донья Браулія Торо, давала ему каждый мѣсяцъ по два фунта шоколату въ 7 или 8 реаловъ: этотъ шоколатъ и поджаренный хлѣбъ, составляли его завтракъ. Богатый кумъ, дядя Гиль Пиньонесъ, выдавалъ ему ежемѣсячно извѣстное количество сѣраго гороху, за то, что онъ училъ его сыновей служить при обѣднѣ; и такъ — горохъ, нѣсколько унцій говядины и ветчиннаго сала, которыя присылали ему тѣ, кому онъ писалъ вмѣсто нихъ письма, составляли его обыкновенную пищу, втеченіи 365 дней. На ужинъ онъ отдавалъ себѣ въ чашку бульону, а остальное отдавалъ бѣдной вдовѣ, жившей на чердакѣ.

О. Ноласко говорилъ *ты* всѣмъ, родившимся въ этотъ вѣкъ просвѣщенія. Однажды докторъ, молодой человѣкъ, замѣтилъ ему, что эта вольность въ разговорѣ противна достоинству человѣка. «Достоинству человѣка! — отвѣчалъ о. Ноласко: — кто имъ занимается нынѣче! Полно: достоинство въ словахъ — недостоинство въ дѣйствіяхъ. Я говорю «ты» моему духовному отцу, святому о. Франциску, а тебѣ, этакому молокососу, буду говорить «ваша милость» или «ваше благороліе»? Пошолъ! или-ка лечить горячки, а меня не учи: я не очень подчиняюсь моднымъ обычаямъ: эти корки слишкомъ жостки для моихъ старыхъ зубовъ. Слышишь ли?»

Самымъ злымъ противникомъ о. Ноласко былъ сынъ бѣдной вдовы. Это былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, ловкій, проворный, хорошенькій и симпатичный; онъ непремѣнно хотѣлъ сдѣлаться морякомъ, вопреки желанію матери. Она, потерявши мужа, погибшаго во время бури, трепетала при мысли, что сынъ ея пойдетъ въ море, и просила отца Ноласко помочь ей уговорить сына оставить свое намѣреніе; но все было безполезно. Чѣмъ больше добрый монахъ выхвалялъ выгоды твердой земли и прелести мирной жизни, тѣмъ больше отважный ребенокъ выказывалъ энтузіазма къ славнымъ странствованіямъ по непостояннымъ волнамъ морскимъ. Въ отмщеніе себѣ, о. Ноласко прозвалъ его *Монтевидео*: извѣстно, что для нѣкоторыхъ людей долгимъ путешествіемъ составляетъ путешествіе въ Америку; а Монтевидео есть его Финистеръ.

— Ты не пойдешь на море, говорилъ добрый отецъ.

— Отчего же? отвѣчалъ Томазильо, съ какой-то особенной улыбкой, принадлежащей только ему и сестрѣ, и въ которой читалась радость и кротость, какъ свѣтъ и блескъ въ солнцѣ.

— Потомучто море врагъ человѣка, ты это знаешь. Твой отецъ умеръ на морѣ; и я не понимаю, упрямая голова, какъ тебѣ пришла охота быть морякомъ?

— А вашъ отецъ, о. Ноласко, гдѣ умеръ? спросилъ Томазильо.

Digitized by Google

— Очень покойно, на своей постели, отвѣчалъ отецъ.

— Какъ же вашему-то преподобію приходитъ охота ложиться на постель?

— Оставь свои шутки, молодой англійскій шутокъ, Томазино, ты знаешь, что изъ десятерыхъ служащихъ на кораблях, девять погибаютъ въ цвѣтѣ лѣтъ и умираютъ безъ исповѣди. А такъ какъ ты хуже другихъ, то съ тобой скорѣй и случится это. Если ты промѣняешь море на землю, то тебѣ же будетъ хуже, а никто другой ничего отъ этого не потеряетъ. Я говорю это для тебя же и для пользы твоей бѣдной матери, которая любитъ тебя, потому что родила тебя, и которой ты долженъ быть опорой.

— Чего же хочетъ преподобный отецъ Ноласко? чтобы я, мальчишка, вышелъ на берегъ, чтобы я далъ Магделѣ другомъ и кумомъ и гонялъ маленькихъ птичекъ?

— Ну, гдѣ же тутъ опасность?

— Я люблю опасность, отецъ Ноласко.

— Молчи, ты, крылатая рыба. Кто любитъ опасность, тотъ и погибнетъ отъ опасности. Я говорилъ объ себѣ моимъ друзьямъ Гилю Пиньонесу; они обѣщали взять тебя свинопасомъ.

— Не пойду! Что мнѣ за охота нарываться на ножъ? Хозяинъ можетъ ихъ пасти.

— Ну, такъ ты не хочешь трудиться, господинъ баловень? Ты не хочешь сдѣлаться хорошимъ человѣкомъ и помогать матери? признайся, мошенникъ!

— Хочу! Только не хочу быть ломовой лошадью, не хочу всю жизнь просидѣть дома, какъ улитка. Если я умру — такъ тому дѣлу и быть; но не хочу, чтобы меня прозвали морковщикомъ, не хочу!

— Ты хочешь, чтобъ тебя звали Монтевидео? Посмотримъ какъ ты не пойдешь къ куму Гилю Пиньонесу. Я самъ отведу тебя къ нему; а если ты будешь упираться, я возьму тебя за ухо. Полно! довольно я говорилъ, довольно безпокоилъ себя! Ты думаешь, что ты самъ по себѣ легко получилъ бы должность свинопаса у кума Пиньонеса? Ты сейчасъ же долженъ съ нимъ поладить, чтобъ завтра съ ранняго утра отправиться въ поле.

На слѣдующее утро мальчикъ убѣжалъ и скрылся на лодкѣ, отъ которой невозможно было оторвать его. А такъ какъ онъ былъ ловокъ, веселъ, проворенъ и симпатиченъ, то скоро онъ понравился своему патрону; онъ оставилъ его у себя и въ короткое время сдѣлалъ его *контрезолемъ*. (Такъ называютъ мальчиковъ, кончившихъ ученье и имѣющихъ право получать четвертую часть жалованья, получаемаго взрослымъ работникомъ.)

Digitized by Google

— Монтевидео, сказалъ ему о. Ноласко, когда тотъ пришолъ повидаться съ нимъ: —ты похожъ на сосновую шишку Раниты, которую надо толочь семь лѣтъ, и первое зернышко, которое изъ нея выскочитъ, выбьетъ тебѣ глазъ.

— Отецъ Ноласко, отвѣчалъ Томазильо, — три вещи образуютъ человѣка: наука, море и королевская гвардія.

IV

Послѣ ужина все семейство собралось у воротъ дома, исключая бѣдной вдовы, которую болѣзнь и работа удерживали въ комнатѣ.

На скамейкѣ по правую сторону сидѣли о. Ноласко и Кануто, который этотъ вечеръ былъ свободенъ отъ караула, и дядя Матео. Между колѣнами онъ держалъ маленькаго внучка, который обѣими рученками упирался въ дѣдушку.

Налѣво сидѣли Эстеванъ, старшій изъ сыновей, которыхъ мы видѣли идущими съ поля за отцомъ, — ему было двадцать лѣтъ; братъ его, Лоренцо, восемнадцати лѣтъ, и съ ними хорошенькая дочка вдовы, Марія Долоресъ, которую оба брата любили какъ милую сестру.

— Славный мальчикъ, этотъ Томазильо! говорилъ дядя Матео. — Онъ веселѣе фанданго; онъ встаетъ и ложится, распѣвая какъ птичка.

— Это правда, отвѣчала тетка Мельхіора. — А Марія Долоресъ какой ангелъ!

Долоресъ исполнилось 14 лѣтъ; въ этомъ возрастѣ лѣтство и юность заключаютъ между собой такой тѣсной союзъ, что нужно чтобы годы призвали на помощь слезы, для того чтобъ разорвать его.

Тетка Мельхіора сидѣла на порогѣ съ маленькой внучкой, которая, положивши головку на бабушкину юбку и не выпуская изъ рукъ виноградной кисти, заснула какъ маленькая вакханка.

Пепа, жена карабинера, и Катерина, мать маленькихъ дѣтей, вынесли два низенькіе стула и усѣлись рядомъ; онѣ искренно любили другъ друга. У Катерины на рукахъ былъ спящій ребенокъ, котораго она еще кормила.

— Я думаю, что будетъ дождь, сказалъ карабинеръ: — поднимается восточный вѣтеръ; а въ это время года, когда подуетъ восточный вѣтеръ, то непремѣнно пойдетъ дождь. Что вы думаете, дядя Матео?

Digitized by Google

— Вы правы, отвѣчалъ онъ: — сегодня четвергъ, памятный день; когда солнце садится въ тучу, быть перемѣнѣ погоды.

— Ты пойдешь со мной Лоренцо, сказалъ Эстеванъ, который очень любилъ брата: — тамъ собрались молодые люди съ гитарой и будутъ танцовать.

— Нѣтъ, я останусь, отвѣчалъ Лоренцо, который былъ не въ духѣ.

— Ну такъ не ходи, сказалъ Эстеванъ: — ты сердишься за всякую бездѣлицу; оставайся, если хочешь. Ты всегда глядишь какъ человѣкъ, у котораго занимаютъ деньги, да не отдаютъ. Не болитъ ли у тебя что?

— Голова болитъ.

— Ну, Господь съ тобой, дитя мое! Когда зубъ болитъ, то надо его или выдернуть, или терпѣть.

Эстеванъ ушолъ.

— Отчего ты не идешь? спросила Долоресъ.

— Мнѣ здѣсь лучше.

— Отчего?

— Не знаю.

— А еслибы мнѣ можно было идти туда, гдѣ есть гитара, я бы не осталась здѣсь.

— Еслибъ даже и землю пахали цѣлый день?

— Полно, лѣнивецъ! Развѣ другіе не работали также какъ ты?

— У тебя есть возлюбленникъ, Лоренцо?

— Нѣтъ, отвѣчалъ отрывисто молодой человѣкъ. — Вотъ что, Долоресъ, прибавилъ онъ минуту спустя: — я хочу объявить тебѣ однажды навсегда, что когда я захочу влюбиться, то полюблю тебя; и покуда Богъ продлитъ мою жизнь, я не буду любить другой женщины, кромѣ тебя.

Марія Долоресъ громко засмѣялась.

— Ты смѣешься? спросилъ оскорбленный Лоренцо.

— А почему же и не смѣяться? Ты, въ меня влюбишься? Странная мысль!

— Не такъ странна! И ужь если я разъ вберу въ голову быть твоимъ любовникомъ, то такъ буду приставать къ тебѣ, что ты не будешь смѣяться какъ дурочка Анна.

— Я не буду твоей любовницей, съ твердостью отвѣчала Долоресъ.

— Не будешь? Увидимъ! Будешь, хоть и не хочешь.

— Нѣтъ!

— Да!

— Нѣтъ же!

Digitized by Google

— Будь здорова, дочка!

— Пресвятая Дѣва! вскричала дѣвушка почти со слезами; — отецъ Монтевидео!

Въ этотъ моментъ обозвался веселый и чистый голосъ, который принадлежалъ мальчику лѣтъ двѣнадцати.

О мать, благодари Господа:
Дитя твое воротилось.
Маленькая птичка не можетъ потеряться
Покуда Богъ хранитъ ея гнѣздо.

Это былъ Томасъ, радостно покрикивавшій Долорось и побѣжавшій навстрѣчу тому кто пѣлъ.

— Здравствуйте, господа! сказалъ Томасъ, неся въ рукахъ корзинку съ рыбой.

— Милости просимъ, сынъ мой.

— Тетя Мельхіора, говорилъ мальчикъ, раздавая рыбу, — вотъ вамъ морской ракъ, какого, я знаю, что вы любите сушить изъ раковъ. Госпожа Пепа, вотъ вамъ молодыя семги. Отецъ Монаско, возьмите всю эту мелочь себѣ на ужинъ.

— А, ты ужь и вернулся, Монтевидео? сказалъ о. Монаско. — Какой разговорчивый! Ты бѣгаешь быстрѣе чѣмъ дурная вѣсть. Что скажешь новенькаго?

— Я скажу вамъ, отецъ, напрямикъ, Томасильо; возьмите эту рыбу себѣ на ужинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу сушу; въ мои лѣта здоровье есть опасно, кушать рыбный.

— Да благословитъ тебя Богъ, Томасильо, сказала тетка Мельхіора.

— Благополучно, прибавила Пепа.

— Не стоитъ, отвѣчалъ мальчикъ; еслибы я наловилъ лучше этой рыбы, я бы и ту вамъ принесъ.

— Далеко ты былъ, Томасильо? спросила Катерина.

— Господь до Гибралтара, въ страну англичанъ.

— Какъ? Ты былъ въ Англіи? спросила Катерина.

— Нѣтъ, это большая каменная гора въ Испаніи, принадлежащая англичанамъ. Не правда ли, отецъ Монаско?

— Слушай, сказала тетка Мельхіора, — не говори, Монаско, дозволено конфетъ Монаско, ужь я тебѣ больше тридцати разъ напоминала объ этомъ.

— Такъ говорятъ въ Кадиксѣ люди хорошаго тона; не правда ли, господинъ Кануто?

Угрюмый и молчаливый Кануто, вызванный на отвѣтъ прямо къ нему относящимся вопросомъ, отвѣчалъ:

Digitized by Google

— Не говорятъ *Нонаско*.

— Видишь ли?

— Да и *Нонаско* не говорятъ!

— Смотрите?

— Говорятъ *Понато*.

— Но, прервала Мельхіора, такъ называютъ святого Раймонда (*).

— Потому что оба носятъ одно и тоже имя, съ увѣренностью сказалъ Кануто.

— Что сказалъ господинъ Кануто, сказала Катерина, той правды онъ знаетъ больше чѣмъ Сенека.

— Послушайте, что́ такое Сенека! спросилъ квартеронъ.

— Почемъ я знаю? отвѣчала Катерина; — вѣрно какой-нибудь адвокатъ.

— Отецъ Нонаско, закричалъ маленькой морякъ: — не угодно ли вашему преподобію сказать мнѣ, что такое Сенека?

— Ревекка? переспросилъ Нонаско, не разсчитавши. — Это наступка въ странѣ виолеемской.

— Я не объ томъ васъ спрашиваю, прервалъ его квартеронъ. Что такое Сенека, Сенека, Сенека?

— Не знаю, отвѣчалъ добродушный монахъ; этого имени нѣтъ ни въ требникѣ, ни въ четьи-минеи.

— Г. Кануто́, сказалъ Томазильо, вновь обращаясь къ нему: — прошу покорно вашу милость разрѣшить мое невѣдѣніе и сказать мнѣ, что́ это такое — Сенека? Мнѣ чрезвычайно любопытно узнать.

— Сенека, отвѣчалъ карабинеръ съ той же самоувѣренностью: — Сенека, — маврскій мудрецъ, который своими совѣтами направляетъ волю короля, точно также какъ у насъ папа.

— Вотъ какъ! А я и не знала этого, сказала жена. — Впрочемъ я всегда слыхала, что мавры очень учены.

— Вотъ видите ли, благоразумно ли поступаютъ тѣ, которые запираютъ женщинъ? Не правда ли, что она немножко глупа, отецъ Нонаско?

— Можетъ-быть, отвѣчалъ онъ. Но теперь они стали легче дыму, который прорывается во всѣ щелочки.

— Послушай-ка, квартеронъ, прервалъ дядя Матро, не видалъ ли ты на морѣ сирены?

(*) *Понато* есть дѣйствительно прозваніе Раймонда, одного изъ святыхъ, представленныхъ испанскою легендой. Игра словъ уже не имѣетъ никакого значенія въ подлинникѣ.

— Я? нѣтъ. То, объ чемъ вы хотите знать, это просто морская собака, или морская свинья.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала тетка Мельхіора: — сирена, — безстыжая дѣвушка, которая ходила по нашей сторонѣ, прельщая своей красотой и пѣснями моряковъ; но въ одинъ день отецъ проклялъ ее и пожелалъ, чтобъ она обратилась въ рыбу. И оттого то она и сдѣлалась рыбой отъ пояса до ногъ. Устыдившись самое себя, она бросилась въ море и уплыла въ самую глубь; тамъ она продолжала пѣть, точно также какъ пѣла и на берегу, и увлекать людей къ погибели. Вотъ слова ея пѣсни:

Морская сирена —
Прекрасная женщина;
Отецъ проклялъ ее,
А Богъ далъ ей мѣсто въ морѣ.

— Такъ ты не знаешь, Томазильо, что когда дельфины прыгаютъ и сирены поютъ, то это вѣрный признакъ бури и кораблекрушенія?

— Нѣтъ, г-жа Мельхіора, я ничего другого не слыхалъ, кромѣ храпѣнія морскаго угря; а сирена, это должно-быть рыба не нашихъ морей. Вотъ я пойду теперь къ матери, и скажу ей, что я отправляюсь юнгой на такомъ же огромномъ фрегатѣ, какъ этотъ замокъ.

— Куда жъ ты ѣдешь, мальчикъ? спросили всѣ присутствующіе.

— Дальше Америки.

— Господи Іисусе! вскричали всѣ вмѣстѣ.

— Объ чемъ это говорятъ? спросилъ о. Поласко. Дядя Матео повторилъ ему.

— Не предвидѣлъ ли я этого? сказалъ монахъ. — Въ Индію! въ Монтевидео! Онъ не зналъ себѣ покоя до тѣхъ поръ, покуда не достигъ желаемаго; этотъ негодяй гораздо вѣтренѣе карнавала. Смотрите пожалуста! онъ отказался быть свинопасомъ у кума Жиля Пиньонеса, чтобъ сдѣлаться пищею рыбъ морскихъ! Вѣроятно ли это?

— Промѣнять нашу мать — землю на злую мачиху — море! сказала тетка Мельхіора.

— Нѣтъ, подъ лежачій камень и вода не течетъ, лежа на боку ничего не пріобрѣтешь. А я хочу заработать много денегъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, чтобъ успокоить старость моей бѣдной матушки.

— Томазильо! кто хочетъ разбогатѣть въ одинъ годъ, того непремѣнно повѣсятъ черезъ шесть мѣсяцевъ.

— О, Боже мой! возлюбленный братъ мой, сказала Долорес съ

Digitized by Google

горькими слезами: — не уходи за эти дальнія моря, которыя служатъ могилой христіанамъ.

— Молчи, молчи, Долорзилья; я вернусь, какъ донъ Марцелино и привезу съ собой много золота. Матушкѣ я привезу цѣлый коробъ сахару для сиропа, тебѣ попугая, а о. Поласко арапченка, чтобъ прислуживать ему во время обѣдни.

— Оставь пожалуста своихъ арапченковъ, сказалъ о. Поласко, и помни, что кто ищетъ опасности, тотъ въ опасности и погибнетъ. Но къ чему служитъ говорить нѣкоторымъ людямъ «dia», а другимъ «holà» (*)?

— О. Поласко, слава и деньги принадлежатъ тому, кто ихъ пріобрѣтаетъ.

— А если, черезъ пріобрѣтеніе того и другого, ты потеряешь жизнь или здоровье? Если ты не вернешься?

— Вернусь, отецъ, вернусь живъ и здоровъ; привезу денежекъ, которыя и есть настоящее-то здоровье! — весело отвѣчалъ квартеронъ, уходя къ матери.

V

Ничто не могло остановить предпріимчиваго и рѣшительнаго мальчика: ни совѣты добрыхъ людей, ни увѣщанія и слезы матери и сестры. Кто боится, тотъ не пускайся въ море, говорилъ онъ. Знаете, что̀ гласитъ пѣсенка:

Если судьба не дала тебѣ
Майората въ Испаніи —
Садись на корабль, спустись въ море
И плыви на другую сторону!

Томасъ уѣхалъ. Ни кистью, ни перомъ невозможно описать горесть матери. Жизнь ея, раздѣленная между прошедшимъ горемъ и настоящими страданіями, угасала, какъ жизнь дуба, поражоннаго громомъ и въ тоже время подточеннаго червемъ. Такъ прошолъ годъ.

Однажды въ комнату бѣдной вдовы вошолъ старый кормчій, пріятель ея покойнаго мужа. Онъ принесъ письмо. Письмо это было диктовано Томасомъ, изъ Монтевидео.

Мальчикъ былъ счастливъ больше, чѣмъ когда-нибудь. Онъ писалъ, что благополучно совершилъ путешествіе, что онъ веселъ

(*) «Dia» — слово употребляемое извозчиками, когда нужно, чтобъ кто своротилъ налѣво. «Holà» значитъ «гей!» Можно сказать: иди налѣво, иди направо.

Digitized by Google

какъ рыба въ морѣ, что онъ выросъ на цѣлый локоть, что онъ вернется на томъ же суднѣ, съ тѣмъ же капитаномъ, который очень любитъ его. Съ этой минуты не проходило дня, чтобы мать не сходила на пристань и не всматривалась въ ту безграничную лазурную степь, на которой должно показаться судно, везущее сына, какъ жемчужное кольцо, охватывающее брильянтъ. Напрасно старались увѣрить ее, что эти безполезныя хожденія вредятъ ея слабому здоровью. Когда дѣйствительность отнимаетъ у насъ счастіе, тогда сердце завладѣваетъ мечтою, и не покидаетъ ея, и живетъ ею. Но проходили и дни, и волны, и облака, — а Томаса нѣтъ какъ нѣтъ.

Былъ вечеръ равноденствія. Свѣтлое, жгучее лѣто уходило, оставляя землю сухою, истощенною; холодная, угрюмая зима наставала, чтобъ дать землѣ отдохнуть отъ набѣга ураганов, чтобъ оплодотворить ее потокомъ дождя. Она извѣщала о своемъ приближеніи тѣмъ шумнымъ движеніемъ въ природѣ, которое поселяетъ всюду безпокойство, даже и въ сердцѣ человѣка.

Счастлива та семья, которая, въ бурные зимніе вечера, сидитъ вся вмѣстѣ, около свѣтильника ночного и которая, поблагодаривши Бога за свое собственное счастіе, молится за тѣхъ, кто страдаетъ и за тѣхъ, кто въ опасности.

Не такова была участь несчастной вдовы. Обожаемый сынъ былъ на морѣ; каждый порывъ ванадцего вѣтра вырывалъ изъ глазъ ея послѣднія слезы, какъ срываетъ послѣдніе листья съ дерева, и колыхалъ ея сердце порывами страданіями, какъ цѣлыя горы волнъ колышатъ море. Такъ прошла ночь въ ужасномъ безпокойствѣ. По утру вдова не могла встать съ постели. Дочь, подавши ей чашку супу, которую о. Поласко оставлялъ ей ежедневно отъ своего обѣда, пошла отбирать хлѣбныя зерна, къ богатой хлѣбницѣ.

Какъ скоро бѣдная женщина осталась одна, она не могла совладѣть съ своимъ горемъ, встала съ постели и пошла на прибрежье.

Кто могъ смотрѣть безъ потрясающаго удивленія на величественный океанъ въ ту минуту, когда онъ заразъ сыплетъ на берегъ и вѣтры, и волны; когда эти неизмѣримыя волны сталкиваются одна съ другою и, какъ говоритъ Шекспиръ, встаютъ, подымая свои чудовищныя, курчавыя головы? Кто, глядя на это ужасное воздыманіе волнъ, не думалъ, что слышитъ дрожанье его гнѣва, или страшный ревъ разъяренныхъ дикихъ звѣрей, выходящій изъ глубины его? Кто не трепеталъ при взглядѣ на разрушительныя дѣйствія этой безграничной власти, противъ которой ничто не можетъ устоять на землѣ? Кто, видѣвши, какъ на прибрежьѣ бьется и умираетъ грозная волна, смѣняющая одна другую, не подумалъ о баснословной гидрѣ, которую ни одна потеря не обезсиливала, у ко-

Digitized by Google

торой ни одна побѣда не уменьшала ея безчисленныхъ головъ? Казалось, что горизонтъ закрыся цѣлой стѣной дождя, а дождь борясь съ вѣтромъ, образовалъ косвенныя линіи, за которыми исчезъ Кадиксъ съ своимъ маякомъ, какъ-будто всемогущая рука времени стерла его съ великой карты свѣта. Отяжелѣвшія облака потеряли свою летучесть и воздушныя формы; они падали быстро, какъ все нисходящее.

Бѣдная вдова остановилась на прибрежьѣ, пораженная ураганомъ, который, прибивая ея платье къ тѣлу, обрисовывалъ худобу ея членовъ. Она смотрѣла на море и ничего не видала, кромѣ ужасныхъ судорогъ природы, впродолженіе которыхъ всякое живое существо казалось куда-то занесено шкваломъ. Бѣдная женщина стояла твердо и собирала послѣднія силы въ материнской любви; она была неподвижна, думая видѣть на каждомъ пѣнящемся гребнѣ, на верху волнъ, бѣлые паруса барки, отыскиваемой пристань.

VI

Въ этотъ вечеръ Кануто пришолъ домой съ видомъ своего обычнаго достоинства. Жены не было дома; онъ сѣлъ, чѣмъ-то недовольный; часто вставалъ съ мѣста, дѣлалъ нѣсколько шаговъ, останавливался и почесывалъ за ухомъ, ворча что-то про себя; все въ немъ выражало нетерпѣніе.

— Что съ вами, господинъ Кануто? спросила его тетка Мельхіора.

— У меня... у меня большое горе, отвѣчалъ карабинеръ.

— Что такое? Господи Боже мой! Вы не изъ числа тѣхъ, что выходятъ изъ себя отъ бездѣлицы.

— Я... я нашолъ мертвую женщину на прибрежьи.

— Матерь божія! убитую?

— Нѣтъ; умершую законно, физическою смертью. Это еще ничего; а вотъ что худо: эта женщина ваша жилица, тетка Томаза.

— Пресвятая Богородица! Что вы говорите, господинъ Кануто?

— Правду, безъ всякихъ обиняковъ, тетка Мельхіора. Только и всего; а я сейчасъ долженъ донести объ этомъ.

— Это самое послѣднее дѣло, сказала Мельхіора, заливаясь слезами.

— Нѣтъ, это не шутка! Вы думаете, что рапортъ написать все равно что бланъ испечь? И Пепы нѣтъ дома! Я такъ и думалъ,

Digitized by Google

прибавилъ карабинеръ, когда увидѣлъ всѣхъ сосѣдей, собравшихся въ кучку и услышалъ ихъ плачъ. — Извольте писать рапортъ въ этой сумятицѣ! Я мало говорю, и ниразу не приходилось говорить такъ, чтобъ послѣ не раскаяться. Ты не могъ помолчать, Капуто, чортовъ говорунъ? Ты забылъ, что въ устахъ скромнаго человѣка должно оставаться тайною даже и то, что всѣмъ извѣстно?

Къ счастью, жена пришла въ эту минуту; онъ взялъ у нея ключъ отъ своей комнаты и заперся тамъ писать свой рапортъ.

— Это милость божія для бѣдной женщины, что она перестала страдать, сказала тетка Мельхіора: — она была святая мученица, и вѣрно получитъ хорошее мѣстечко на небѣ. Богъ ее благослови!

— Правда ваша, тетка Мельхіора; ученые люди говорятъ, что Богъ не послалъ смерти Каину за наказаніе: одни говорятъ, что онъ подъ землей, а другія — что онъ сидитъ на рогахъ луны; а дѣло-то въ томъ, что онъ не умираетъ. Смерть — сущее благодѣяніе для бѣдной Томазы.

— Отъѣздъ сына доканалъ ее, сказала Катерина: — всѣхъ жалчѣе теперь ея бѣдная дочь.

— Госпожа Пепа, сказала одна сосѣдка: — вы любите ее, у васъ дѣтей нѣтъ, вы бы усыновили ее.

Эта прекрасная, благодѣтельная мысль ужь заглядывала въ сердце доброй женщины; но не смѣя рѣшиться сама собою и не смѣя высказать желаніе, изъ опасенія, что въ случаѣ неудачи все это нежеланіе сдѣлать доброе дѣло припишется ея мужу, она отвѣчала:

— Я буду помогать ей всѣмъ, чѣмъ могу; но взять на себя попеченіе о чужихъ дѣтяхъ — это обязанность важныхъ людей. Тѣмъ труднѣе становится эта обязанность, что она добровольная и какъ говоритъ пословица: кто беретъ чужого ребенка, тотъ кладетъ головешку себѣ за-пазуху.

— А кто сказалъ бѣдной Долоресъ о смерти матери? спросила Катерина.

— Отецъ Ноласко скажетъ ей, когда придетъ изъ церкви, отвѣчала тетка Мельхіора. — Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ всегда лучше положиться на святыхъ отцовъ: они знаютъ какъ поступить.

Пепа вошла въ горницу; она нашла мужа, кончающаго рапортъ, который онъ писалъ очень прилежно. Скоро онъ вышелъ, чтобъ послать нарочнаго къ судьѣ въ Порто-санта-Марія, въ вѣдомствѣ котораго находилась Рота.

— Знаешь ли, что мы сейчасъ говорили? начала добрая старушка: — надо непремѣнно, чтобы Богъ послалъ подпору этой бѣдной

Digitized by Google

оставленной сиротѣ и что этой подпорой можешь быть ты, потому-что Пепа очень любитъ бѣдненькую Долоресъ.

— А что Пепа сказала? спросилъ карабинеръ.

— Она сказала, что брать чужихъ дѣтей есть обязанность большихъ людей; но еслибы ты захотѣлъ...

— Чтобъ я захотѣлъ!.. закричалъ карабинеръ и вытаращилъ глаза. — Развѣ у меня есть майоратъ, приносящій мильонъ дохода, чтобъ сдѣлать сиротскій пріютъ, какъ сдѣлала королева? По истинѣ, тетка Мельхіора, у тебя странныя идеи. Ты знаешь изрѣченье:

Вѣрь и не вѣрь;
Чужихъ дѣтей не бери;
Не воспитывай цыпленка, не сажай виноградныхъ лозъ
И не хвали никогда свою жену?

Сказавши это, карабинеръ съ грознымъ видомъ ушолъ въ свою комнату.

— Кануто! спросила Пепа, когда онъ опять вошолъ: — и такъ, бѣдная женщина ужь не дышала, когда ты нашолъ ее?

— Она была такъ мертва, какъ будто бы три дня лежала на прибрежьѣ и начинающійся приливъ ужь затопилъ ей ноги.

— Бѣдная, несчастная женщина! Хоть бы она тебя увидала прежде чѣмъ испустить духъ! Ты всегда былъ дружелюбенъ къ ней!

— Правда, жена.

— Хоть бы ты усладилъ ея послѣднія минуты, сказавши ей: — «умирай покойно; я беру на себя позаботиться о твоей дочери, и Пепѣ скажу, чтобъ и она позаботилась объ бѣдной Долоресъ».

— Какъ ты хорошо говоришь, жена! отвѣчалъ карабинеръ, на лицѣ котораго мѣсто суровости заступило чувство сожалѣнія, какъ только увидѣлъ слезы жены.

— Какое несчастіе, Кануто, что у тебя не было времени сдѣлать это доброе дѣло, достойное твоего благороднаго сердца!

— Жена, не сама ли ты сказала теткѣ Мельхіорѣ, что воспитывать чужихъ дѣтей есть обязанность большихъ людей?

— Я и не отпираюсь. Но я не говорила, что боюсь этой обязанности и никогда не забываю завѣтъ Христовъ: «Другъ друга тяготы носите!» А теперь прибавлю, что почту себя счастливой, если ты будешь согласенъ; ты знаешь, что я всегда желала имѣть дочь; конечно Богъ потому и не далъ намъ дочери, что оберегалъ насъ для этой несчастной дѣвочки.

— Ну, Пепа, и мнѣ кажется, что это будетъ доброе дѣло, и вре-

Digitized by Google

ма-то не умно. Да, въ самомъ дѣлѣ, это хорошо будетъ; она станетъ тебѣ помогать, и ты немножко отдохнешь.

— Не дѣлай для этой причины, а дѣлай такъ, изъ милосердія. Кто дѣлаетъ добро, тотъ дѣлаетъ для себя. Будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы распорядилась послать за бѣдной покойницей и велѣла бы перенести ее въ церковь, гдѣ по крайней мѣрѣ есть мѣсто и свѣчи; потомучто у бѣдной женщины некому объ этомъ подумать.

Карабинеръ надѣлъ свой клеенчатый картузъ, вышелъ на дворъ и сказалъ теткѣ Мельхіорѣ съ напыщеннымъ томомъ:

— Тетка Мельхіора, я беру къ себѣ дѣвочку. Богъ сказалъ: «другъ друга тяготы носите», и эта малютка будетъ полезна для Пепы.

— А я думала, что она не хочетъ ее брать, сказала уязвленная старушка.

— Я хозяинъ у себя, тетка Мельхіора, и моя Пепа не имѣетъ другой воли кромѣ моей, слышите?

Сказавши это, Кануто пошолъ важной поступью, какъ король.

Въ это время пришолъ о. Ноласко и ему пересказали о происшедшемъ.

О. Ноласко обладалъ даромъ безстрастія, даромъ столько же полезнымъ для хирурговъ во время страданій тѣлесныхъ, сколько священнымъ во время недуговъ души. У людей избранныхъ, это безстрастіе есть слѣдствіе силы воли и возвышенной души; у людей обыкновенныхъ, оно рождается отъ привычки къ ихъ печальной обязанности; какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ оно равно драгоцѣнно и всегда имѣетъ счастливыя послѣдствія.

— Да будетъ воля господня! сказалъ добрый отецъ, выслушавши все:—сегодня ты, завтра я; всѣ мы пойдемъ по одной дорогѣ. Несчастіе состоитъ не въ томъ, что она умерла, а въ томъ, что она не успѣла пріобщиться св. таинъ и умерла какъ варварійскій мавръ. Но бѣдная несчастливица была праведница, и она не будетъ вмѣстѣ съ грѣшниками, не будетъ.

Тутъ послышалось свѣжее, веселое пѣніе Долоресъ, возвращавшейся съ работы отъ хлѣбницы.

— Пошли вамъ Господь добрый вечеръ, сказала она. — Вашу руку, отецъ Ноласко! — и взглянувши вверхъ, она увидѣла, что двери на чердакъ затворены.

— А маменька вышла? спросила она. Испуганнымъ взоромъ окинула она окружающихъ ее женщинъ и замѣтила, что всѣ онѣ молча плачутъ.

— Что случилось? спросила она задыхающимся голосомъ.

Никто не отвѣчалъ.

Digitized by Google

Можно было замѣтить, что вся кровь прилила у ней къ сердцу; оно не билось, она задыхалась.

— Маменька! маменька! Гдѣ маменька? закричала она наконецъ.

— Мать твоя тамъ, гдѣ всѣ мы ждемъ быть, сказалъ отецъ Ноласко. — Помочь нельзя тому, что случилось, и наше дѣло только молиться Господу Богу, чтобъ онъ принялъ ее какъ достойную дочь и какъ добрую христіанку. Поступить иначе, значитъ быть непокорной промыслу, что противно нашему долгу.

Долоресъ испустила пронзительный крикъ и бросилась на лѣстницу.

Катерина и Пепа бросились за ней, схватили ее за руки и сказали: Ее нѣтъ здѣсь, дитя мое, нѣтъ ее.

— Ее здѣсь нѣтъ!.. сказала несчастная сирота внѣ себя; — ее здѣсь нѣтъ! гдѣжъ она?

— Въ церкви.

Дѣвушка вырвалась изъ ихъ рукъ и побѣжала къ калиткѣ на улицу.

Катерина и Пепа побѣжали за ней.

— Не удерживайте меня, не останавливайте меня! кричала бѣдная дѣвушка, вырываясь отъ нихъ: — я хочу ее видѣть, я хочу видѣть мою милую мать!

— Не ходи туда! я, твой духовный отецъ, запрещаю тебѣ! — говорилъ отецъ Ноласко, догоняя ее. — Ты хочешь взволновать народъ и сдѣлать смущеніе въ церкви? Чѣмъ поможешь ты, если пойдешь туда? Пойдемъ, дочь моя, успокойся; мы всѣ должны умереть; смерть страшитъ только грѣшниковъ.

Долоресъ бросилась на руки Пепы и Катерины, со стономъ и рыданіями, и обѣ женщины отнесли ее на свою постель. Скоро пришолъ съ поля дядя Матео съ сыновьями; тетка Мельхіора посылала за ними. Всѣ они казались очень смущены. Долоресъ, лежа на постели, плакала и рыдала; всѣ стояли около нея. «Я хочу идти за маменькой! Пустите меня идти къ маменькѣ! Я хочу ее видѣть! Если ее похоронятъ, я ужь не увижу ее! Кто имѣетъ право запретить мнѣ идти къ ней? Мать моя одна въ церкви, одна, совершенно одна, нѣтъ у ней товарищей, кромѣ четырехъ свѣчъ; нѣтъ никакого шума, кромѣ вѣтра, который раскачиваетъ рамы; нѣтъ другого сторожа, кромѣ птицы ночной на колокольнѣ. Мать! мать! Я хочу видѣть мою мать!..»

— Не печалься, Долоресъ! я пойду караулить твою мать, сказалъ Лоренцо.

— И я также, прибавилъ Эстеванъ.

Digitized by Google

— Да благословитъ васъ Господь Богъ и пречистая Матерь Его, и всѣ святые за вашу святую милостыню! отвѣчала Долоресъ со слезами. Послѣ этого горесть ея какъ-будто притихла и она безъ чувствъ, съ закрытыми глазами, упала на постель.

По прошествіи четверти часа она вдругъ вскочила и приложа обѣ руки къ сердцу, испустила длинный вопль.

— Что будетъ со мной? сказала она.

— То что будетъ со мной, отвѣчала Пепа, цѣлуя ее, — потомучто отнынѣ мы не разлучимся. Ты потеряла мать, но найдешь ее во мнѣ, милое дитя.

Долоресъ обвила руками шею Пепы, съ горячимъ выраженіемъ благодарности, не въ силахъ будучи выразить ее ничѣмъ, кромѣ слезъ.

VII

Была полночь. Глубокая тишина, царствовавшая въ селеніи, нарушалась только звучнымъ и отрывистымъ шумомъ волнъ морскихъ, прибиваемыхъ приливомъ къ утесамъ и валунамъ. Холодный и блѣдный свѣтъ луны такъ тихо проливался на землю, какъ продлевается звукъ отдаленнаго эха; деревня была бы похожа на остановившіеся часы, еслибы время отъ времени пагубный пѣтухъ не оглашалъ воздухъ тремя пронзительными нотами, похожими на крикъ часовыхъ, которымъ они окликаютъ другъ друга.

Въ домѣ дяди Матео, молодой человѣкъ стоялъ подъ окномъ, выходящимъ на дворъ. Во внутренности окна виднѣлось хорошенькое личико молодой дѣвушки. Свѣтъ луны, падающій на это кроткое, блѣдное лицо, ясно выказывалъ на немъ выраженіе грусти: по этому глубокому и полному достоинства взгляду, можно было подумать, что это стоитъ изображеніе Размышленія, обдумывающее свое горькое прошлое и печальное будущее.

Напротивъ того, юноша имѣлъ физіономію ясную, энергическую, выказывающую дѣятельнаго человѣка; со взглядомъ пристальнымъ и пылкимъ, обличающимъ сильныя страсти, съ гордымъ челомъ человѣка неукротимаго, котораго ничто не поколебаетъ, и который идетъ навстрѣчу всѣмъ неудачамъ съ надменной рѣшимостью.

— Не предсказывалъ ли я тебѣ, говорилъ онъ, что ты полюбишь меня? Все, чего я желаю, исполняется силою моей воли; какъ ни смѣялась ты, какъ ни сердилась...

— Тогда я была ребенокъ, отвѣчала она.

Digitized by Google

— Тогда!.. Цѣлый вѣкъ, какъ говорятъ... а прошло три года только!

— Не знаю, сколько прошло времени; но съ тѣхъ поръ я перестала быть ребенкомъ и въ это время ты сдѣлалъ такой поступокъ, который навсегда покорилъ тебѣ мое сердце; еслибы у меня были сотни сердецъ, я всѣ бы отдала тебѣ.

— Я не хочу, Долоресъ, чтобъ ты любила меня изъ благодарности: такая любовь похожа на долгъ, который уплачиваютъ, а не на подарокъ, который даютъ.

— Если вода, которую ты пьешь, утоляетъ твою жажду, — зачѣмъ ты будешь доискиваться, изъ какого источника она взята?

— Нужно для того, чтобъ узнать ея качество.

— Она добраго качества, Лоренцо.

— Посмотримъ: я еще не пробовалъ ее. Я не могу тебя испытать, но кажется, что ты меня не любишь.

— Отчего, негодный человѣкъ?

— Оттого что ты всегда печальна: изъ этого слѣдуетъ, что любви моей мало для тебя.

— Послушай, Лоренцо: любовь, уничтожающая всѣ другія чувства — нехорошая любовь; сердце безъ воспоминаній не можетъ быть достойно въ своихъ привязанностяхъ...

— Любовь, пренебрегающая настоящимъ и живущая прошедшимъ, по твоему мнѣнію, хорошая любовь? Ты живешь своею грустью, тогда какъ должна жить надеждой, еслибы ты любила меня.

— Дай Богъ, чтобъ я могла стереть съ моей памяти образъ, безпрестанно представляющійся мнѣ! — образъ возлюбленной матери, одинокой, оставленной, умирающей на холодномъ берегу моря, не слышащей ничего, кромѣ рева волнъ, которыя съ каждой минутой подходили ближе, ближе — и наконецъ затопили ей ноги. Конечно, бѣдная женщина умерла больше отъ страха, чѣмъ отъ болѣзни... А меня не было съ ней!.. И я не видала ее послѣ того, какъ она умерла!.. Вотъ, Лоренцо, двѣ занозы, вонзившіяся въ мое сердце, которыхъ никакъ нельзя вырвать... Изъ всего семейства у меня остался одинъ любимый братъ, и Богъ-знаетъ, не поглотило ли его море, въ отмщеніе зато, что не удалось поглотить и мать, также какъ поглотило отца? Могу ли же я забыть объ этомъ? Могу ли я быть весела?

— Стало-быть никогда не должно снимать траура, потомучто каждому изъ насъ есть объ чемъ пожалѣть?

— Правда, сказала Долоресъ вздыхая.

Digitized by Google

— Ну такъ скажи мнѣ, зачѣмъ же Богъ сотворилъ различные цвѣта?

— Для дѣтей, для птицъ и для цвѣтовъ, отвѣчала молодая дѣвушка, склонивши голову на желѣзную оконную рѣшотку.

— Марія Долоресъ! отвѣчалъ съ горечью Лоренцо: — кто такъ сильно любитъ мертвыхъ и отсутствующихъ, тотъ не много можетъ удѣлить любви присутствующимъ!

— Ошибаешься, Лоренцо: одно и тоже солнце живитъ и кипарисъ, и розу. Повѣрь, что твоя недовѣрчивость обратится въ желчь, которая сдѣлаетъ горькою нашу жизнь.

— Только тотъ боится недовѣрчивости, кто можетъ укорить себя чѣмъ-нибудь.

— Я не боюсь ее, но стыжусь, какъ бы устыдился каждый честный человѣкъ при одной мысли, что его считаютъ контрабандистомъ.

— Знаешь отчего? Потомучто многіе, не будучи контрабандистами, занимаются контрабандой.

— И я, Лоренцо, занимаюсь контрабандой? спросила Долоресъ съ легкимъ оттѣнкомъ укоризны.

— Отецъ Ноласко говоритъ, что женщины лгутъ, не желая лгать, и обманываютъ только ради обмана.

— Онъ говоритъ такъ о дурныхъ женщинахъ; обо мнѣ онъ этого не скажетъ.

— Ну вотъ, скажетъ ли онъ это про тебя, про свой правый глазъ? У кого отецъ алькадомъ, тотъ идетъ въ судъ, высоко подпявши голову.

— Видишь ли, если отецъ Ноласко вѣритъ мнѣ, — а онъ вовсе не нѣженъ и не влюбленъ въ меня, — значитъ, что я говорю правду. И ты всегда будешь таковъ, Лоренцо?

— Да, если только мать не переродитъ меня.

— Замѣть, что постоянно носить въ себѣ сомнѣніе, есть болѣзнь; а отъ болѣзни человѣкъ умираетъ.

— А ты помни вотъ что: что женщина похожа на море, отъ нее происходитъ все горькое. Кажется, что ужь обладаешь женщиной, не тутъ-то было, ускользнула!

— Дай Богъ, Лоренцо, чтобъ другія выслушивали твои злыя сужденія съ такимъ же терпѣніемъ, какъ я!

Связанная благодарностью за благодѣяніе, одаренная характеромъ кроткимъ и терпѣливымъ, подавленная деспотизмомъ Лоренцо, Долоресъ предвидѣла для себя судьбу равную той, какую несутъ всѣ добрыя жены и матери въ простомъ классѣ людей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, обнародовали указъ. Это

Digitized by Google

былъ общій ударъ кинжала, который поражалъ всѣхъ жителей, разрушалъ счастье многихъ, разрывалъ много сердечныхъ связей и глубже всѣхъ останавливался въ сердцахъ матерей: велѣно было бросать жеребій.

Несчастіе поселянина заключается не въ работѣ, къ которой онъ привыкъ; не въ недостаткахъ и лишеніяхъ, которые онъ легко переноситъ; не въ большомъ количествѣ дѣтей, потомучто онъ ихъ любитъ; но драму его жизни составляетъ конскрипція.

Оба сына тетки Мельхіоры были призваны вмѣстѣ. Отчаянію ея не было границъ; она впала въ какое-то оцѣпенѣніе.

Эстеванъ отдѣлался отъ перваго тиража: жеребій не выпалъ на его долю, а мать говорила, что непостоянная судьба не даетъ два раза счастія. Она думала, что и съ Лоренцо будетъ тоже, а самъ онъ предчувствовалъ, что рука его будетъ его врагомъ. Ни мать, ни сынъ не обманулись въ своихъ предчувствіяхъ: жребій палъ на обоихъ братьевъ.

VIII

Булочница, къ которой ходила Долоресъ перебирать зерна, была молодая вдова. Она имѣла склонность къ Лоренцо и всегда находила какой-нибудь предлогъ, чтобъ придти къ теткѣ Мельхіорѣ и пользовалась всѣми случаями, чтобъ завлечь къ себѣ Лоренцо. Но онъ, отъ природы гордый, смотрѣлъ съ презрѣніемъ и жестокостью на всѣ искательства молодой, прекрасной и богатой женщины; булочница же показывала видъ, что ничего не замѣчаетъ и любила его попрежнему.

Лоренцо былъ у нея въ вечеръ, назначенный для бросанія жеребья. Купивши у нея что было нужно, и по обыкновенію не говоря ни слова, онъ сталъ уходить, когда вдова вернула его.

— И такъ, сказала она: — теперь ты солдатъ!

— Такъ должно было быть, отвѣчалъ Лоренцо: — судьба мнѣ не благопріятствуетъ.

— Погоди, сказала вдова: — еслибы тебѣ дали денегъ откупиться?

Сердце молодого человѣка встрепенулось, какъ отъ прикосновенія вольтова столба.

— Развѣ кто-нибудь хочетъ дать мнѣ денегъ? спросилъ онъ, какъ-то съ страданіемъ.

— Да, отвѣчала она: — я даже знаю человѣка, который дастъ вамъ денегъ.

Digitized by Google

При этихъ словахъ Лоренцо, давно подозрѣвавшій любовь вдовы, отгадалъ ея намѣреніе. Его минутная радость потухла какъ огонь, и лицо приняло обычное ему выраженіе.

— Ну, Лоренцо, что скажешь ты? Неужели мое предложеніе такъ дурно, что лицо твое потемнѣло, какъ декабрьское небо?

— Вы знаете, сударыня, что говорится въ пѣснѣ: «Не бери ни отъ кого подарковъ, если не хочешь быть обязанъ.»

— Полно, дитя, не сердись. Къ чему такая осторожность? Не хочешь ли ты быть вторымъ дядей Мигуэлемъ, который стыдился всего на свѣтѣ, даже быть добрымъ человѣкомъ? Въ здѣшнемъ мірѣ можно отъ всего избавиться, кромѣ смерти. Еслибы ты не былъ такимъ дикаремъ, мы бы поняли другъ друга. Ты знаешь, что мой добрый Хуанъ оставилъ мнѣ и домъ и хлѣбное заведеніе; мнѣ, какъ хлѣбъ насущный, нуженъ человѣкъ, который бы принялъ на себя затѣйливое хозяйствомъ; дѣла ему будетъ немного, а прибыль онъ будетъ получать большую.

— Сударыня, я ничего не смыслю по пекарнѣ.

— Ты знаешь также, что онъ оставилъ мнѣ многочисленное стадо...

— Сударыня, я ничего не понимаю въ скотоводствѣ.

— И порядочное количество деньжонокъ. Ты увидишь ихъ чистоганомъ.

— Что же съ ними дѣлать?

— Ты пустишь ихъ въ проценты.

— Нѣтъ, это не по моей части, отвѣчалъ Лоренцо, удаляясь: — я не хочу никакой должности; не хочу ни заботъ, ни скуки.

— Всѣ твои отвѣты — чистое ребячество; не ясно ли я говорю тебѣ, что стоитъ только пожелать — и все будетъ твое.

— Не хочу богатства, подъ которымъ скрыта западня, отвѣчалъ молодой человѣкъ уходя.

— Негодный гордецъ! проворчала вдова, смотря ему вслѣдъ.

Хлѣбница была увѣрена, что Лоренцо приметъ ея предложеніе: она думала, что если жребій выпадетъ не долю Лоренцо, онъ не захочетъ надѣть солдатскій мундиръ, не захочетъ ходить по грязи и ѣсть въ солдатской артели.

И въ городѣ и въ деревнѣ обо всякомъ дѣлѣ повторяютъ съ прибавленіями и варьяціями; намѣреніе вдовы откупить Лоренцо, дошло до семейства Лопеца, пополняясь съ каждымъ изданіемъ. Дядя Матео не хотѣлъ ничему вѣрить, тетка Мельхіора съ ума сходила отъ радости, Долоресъ была въ смущеніи.

— Лоренцо! закричала добрая мать, едва завидя сына: — правда ли, что вдова хочетъ купить за тебя рекрута?

Digitized by Google

— Что́ вы говорите, матушка?

— Всѣ говорятъ, что она дастъ тебѣ денегъ на этотъ случай.

— Давать! давать! Матушка! даютъ только добрый день.

— Она не даритъ, а взаймы даетъ.

— Въ займы даютъ только терпѣніе, матушка.

— Ты не хотѣлъ взять, Лоренцо?

— Я, матушка? Душа моя непохожа на души въ чистилищѣ, которыя все ожидаютъ, что имъ дадутъ.

— Онъ хорошо сдѣлалъ, что не взялъ взаймы, сказалъ отецъ. — Онъ хорошій работникъ, всѣ его любятъ и желаютъ имѣть у себя; но Богъ знаетъ, когда онъ будетъ въ состояніи отдать долгъ. Въ долгъ взятая свинья хрюкаетъ цѣлый вѣкъ.

— Лоренцо, сынъ мой! продолжала мать: — еще говорятъ, что она предлагала тебѣ жениться на ней; ты отказался?

— Кто это разсказываетъ? Вы знаете, матушка, что не мужчинѣ слѣдуетъ говорить: нѣтъ. Нѣтъ, слово знатнаго происхожденія; оно предоставлено женщинамъ. Зачѣмъ нападать на доброе имя вдовы?

— Никто не нападаетъ, сынъ мой; объ ней ничего дурного не говорятъ.

— Да, конечно, ее не топчутъ ногами, но выставляютъ ее напоказъ. О, зависть, зависть! Оттого что она богата и хороша, другіе хотятъ треснуть съ досады!

Лоренцо сидѣлъ на отдѣльной скамьѣ; а между тѣмъ цѣлая семья собравшись въ кучку около двери, оплакивала отъѣздъ обоихъ братьевъ. Онъ замѣтилъ, какое грустное впечатлѣніе сдѣлало на Долоресъ то, что́ было говорено о богатой хлѣбницѣ, и прислонившись головой къ стѣнѣ, съ глазами поднятыми кверху, казалось онъ пѣлъ звѣздамъ пѣсенку, которая прямо относилась къ молодой дѣвушкѣ.

Лоренцо пѣлъ тихимъ голосомъ, но съ большой отчетливостью, съ удивительной гибкостью и вѣрностью, которыхъ требуютъ нѣжныя и часто странныя модуляціи народныхъ пѣсенъ. Долоресъ не проронила ни одного слова, ни одного тона; и то и другое, касаясь слуха, доходило прямо до ея сердца:

— Прекрасный пастухъ! ты живешь въ поляхъ,
Сердце твое не знаетъ любви.
Скажи мнѣ, я пришла тебя спросить:
Не хочешь ли ты жениться? —

«Не хочу я жениться!»
Отвѣчаетъ ей грубый мужикъ:
«У меня на горѣ стадо пасется —
Прощай! я уйду отъ тебя.»

Digitized by Google

— Прекрасный пастухъ! на тебѣ надѣты
Штаны изъ толстой холстины;
Если ты на мнѣ женишься,
Я дамъ тебѣ панталоны. —

«Не хочу я твоихъ панталонъ!»
Отвѣчаетъ ей грубый мужикъ:
«У меня на горѣ стадо пасется —
Прощай! я уйду отъ тебя.»

«Прекрасный пастухъ! у тебя на плечахъ
Негодный камзолъ,
Женись на мнѣ — и я тебѣ дамъ
Богатый и теплый кафтанъ. —

«Не хочу я твоего кафтана!»
Отвѣчаетъ ей и проч.

— Прекрасный пастухъ! ты питаешься
Дурнымъ ячменнымъ хлѣбомъ;
Женись на мнѣ — и будешь ты ѣсть
Самый бѣлый пшеничный хлѣбъ. —

«Не хочу твоего пшеничнаго хлѣба!»
Отвѣчаетъ ей и проч...

— Прекрасный пастухъ! ты всегда спишь
На рогожкѣ, или на соломѣ;
Если ты женишься на мнѣ,
Ты можешь спать на моихъ тюфякахъ —

«Я не хочу твоихъ тюфяковъ!»
Отвѣчаетъ ей и пр..

— Если ты женишься на мнѣ, мой отецъ
Хочетъ дать тебѣ лошадей и повозку,
И ты можешь пріѣзжать ко мнѣ
Каждую субботу по вечерамъ. —

«Я не хочу ѣздить въ повозкѣ!»
Отвѣчаетъ ей и пр...

— Я велю сдѣлать фонтанъ
Съ четырьмя вызолоченными трубками,
Для того чтобъ ты водилъ туда
Твое стадо, пить воду. —

Digitized by Google

«Я не хочу твоего фонтана!»
Отвѣчаетъ ей грубый пушкинъ:
«Не хочу я и самое тебя;
Красотка! ты слишкомъ влюблена!»

Въ то время какъ Лоренцо пѣлъ, другіе конспиритъ, болѣе его веселые или менѣе печальные, пили, чтобъ скрыть или утопить въ винѣ свое горе; они бродили по улицѣ и напѣвали:

Если вы желаете имѣть любовниковъ,
Молодыя дѣвушки, то велите написать портретовъ.
Потомучто теперь сыны Испаніи
Принадлежатъ вашей королевѣ Изабеллѣ

Лоренцо, дрожащимъ голосомъ и съ горечью говорилъ Долоресъ:

— Я увѣренъ былъ, что жребій мнѣ выпадетъ. Вотъ теперь ты счастлива.

— Да проститъ тебя Богъ, отвѣчала со слезами Долоресъ; ты смѣешься надо мной, Лоренцо, для того чтобы твое отсутствіе сдѣлать для меня еще невыносимѣе.

— Ты забудешь меня, Долоресъ?

— Нѣтъ, даже и тогда, когда ты меня забудешь.

— Ты знаешь, что этого не можетъ быть.

— Скорѣе забудешь ты, нежели я.

— Отчего жъ?

— Отъ того, что у тебя нѣтъ такого воспоминанія, которое построило тебѣ алтарь въ моемъ сердцѣ.

— Именно поэтому-то я и не могу вѣрить тебѣ: любовь твоя есть скорѣе любовь дочери, чѣмъ любовь невѣсты.

— Не будь такъ мелоченъ. Чувство, внушенное воспоминаніемъ объ матери, не рядовое чувство; эта любовь продолжительнѣе, святѣе той, которая раждается при звукахъ гитары.

— Ну такъ клянись же мнѣ, сберечь эту любовь.

— Клянусь.

— Чѣмъ?

— Спасеніемъ души моей.

— Этого мало.

— Моею жизнію.

— Мало.

— Жизнью вѣчною.

— И этого мало.

— Душой моей матери. Къчему такая недовѣрчивость?

— Сердце говоритъ мнѣ, что ты забудешь меня.

Digitized by Google

— Твое сердце — твой мучитель, Лоренцо.

— Оттого что оно чисто. Клянись другимъ.

— Чѣмъ же?

— Что ты никогда неуйдешь; неуйдешь отъ моей матери и тогда даже, когда Пепа уйдетъ отсюда.

— Хорошо, клянусь.

— Теперь скажу тебѣ одно: если ты бросишь меня для другого, то этотъ другой перестанетъ ѣсть хлѣбъ; онъ умретъ отъ моей руки.

— Не грози, Лоренцо, это нехорошо.

— Я не грожу, а предупреждаю тебя.

— Я никогда не сдѣлаю изъ страха того, чего не сдѣлаю изъ любви, Лоренцо. Если ужь ты отъ природы недовѣрчивъ, то совѣтую тебѣ не вѣрить въ ту любовь, которой ты угрожаешь; но отдайся совершенно той, которую ты имѣешь. Пользуйся ею какъ пчела пользуется медомъ, а не разрывай ее на части, какъ волкъ свою добычу, и уѣзжая, оставь мнѣ по себѣ воспоминаніе, которое бы утѣшало меня, а не огорчало.

IX

Прошолъ годъ, и въ домѣ дяди Матео съ каждымъ днемъ все больше и больше чувствовалось отсутствіе сыновей. Старый отецъ, оставшись одинъ, успѣвалъ обработывать только половину земли.

Добрые, веселые глаза тетки Мельхіоры померкли отъ слезъ, а постоянная сердечная грусть придавала имъ грустное выраженіе. Въ домѣ не было ужь того мирного блаженства, которое давало ему такой веселый видъ.

Новое неудовольствіе готовилось для семейства; и въ жизни тихой, однообразной, всякая перемѣна похожа на ураганъ въ ясную погоду. Кануто потребовали въ Севилью и онъ собирался ѣхать. Что для всѣхъ было огорченіемъ, то для бѣдной Долоресъ было жестокой мукой; ей не хотѣлось разлучаться съ Пепой, добрѣйшей женщиной, такъ нѣжно любившей ее; а данная клятва Лоренцо удерживала ее въ деревнѣ. Да и могла ли она оставить семейство Лоренцо, которое съ отсутствіемъ сыновей было въ затруднительномъ положеніи? Пепа желала взять ее съ собою, а тетка Мельхіора хотѣла оставить ее при себѣ. Она любила Долоресъ горячо и нѣжно, какъ свойственно матери любить дѣвушку, любящую ея сына: въ сердцѣ ея находила она вѣрный отголосокъ своимъ опасеніямъ

и привязанности. Бѣдная Долоресъ чувствовала, что должна отказать и той и другой.

Многимъ можетъ-быть покажется пустымъ вымысломъ фантазіи эта великодушная борьба двухъ бѣдныхъ семействъ, въ отношеніи бѣдной сироты. Тогда мы пригласимъ тѣхъ, которые не вѣрятъ, прогуляться по нашимъ деревнямъ: они не найдутъ тамъ воспитательныхъ домовъ и не услышатъ о дѣтоубійствѣ; но они могутъ справиться и узнать, что дѣлается съ сиротами. Они удостовѣрятся, что у насъ довольно этихъ несчастныхъ созданій, потомучто люди долговѣчны въ сторонѣ, подверженной климатическимъ измѣненіямъ, неизвѣстнымъ на сѣверѣ.

Долоресъ призвала на совѣтъ о. Ноласко. Если достойный монахъ не имѣлъ понятія о Сенекѣ, оттого-что онъ не попалъ въ число его чтимыхъ святыхъ, за то онъ хорошо изучилъ сердце, страсти и привычки деревенскаго жителя. Здравымъ смысломъ и простыми доводами онъ умѣлъ отклонять всякое затрудненіе лучше, чѣмъ другой ученый съ большими познаніями. Не ломая головы, чего впрочемъ онъ и не привыкъ дѣлать, о. Ноласко предложилъ Долоресъ средства выйти изъ затруднительнаго положенія.

— Послушай, сказалъ онъ ей: — донья Браулія просила меня рекомендовать ей молоденькую горничную. Она желаетъ имѣть дѣвушку добрую, смирную, опрятную, трудолюбивую, однимъ словомъ, она полагается на мой выборъ. Иди къ ней въ услуженіе; это хорошіе люди; не уѣзжай отсюда, не будь никому въ тягость и получай 20 реаловъ въ мѣсяцъ: въ цѣлый годъ приходится 240 реаловъ: вотъ тебѣ и будетъ на приданое, когда вернется Лоренцо. Еслибы твой вѣтреный братъ поступилъ свинопасомъ къ куму Жилю Пиньонесу, въ то время, какъ я ему предлагалъ, онъ не скакалъ бы теперь изъ моря въ море. Болтунъ! не думай поучить его чему-нибудь; разъ скажетъ: *это вотъ такъ*, — такъ ужь нечего переговаривать. А между тѣмъ онъ былъ кротокъ какъ ягненокъ, веселъ какъ день, свѣтелъ какъ реалъ, но упрямъ какъ астурійскій оселъ.

Долоресъ согласилась на предложеніе добраго отца, какъ ни тяжело ей было разставаться съ Пепой, которая, съ своей стороны, затаивши свою грусть, не могла ничего найти противъ этого благоразумнаго рѣшенія.

Донья Браулія была женщина добрая, простая, невысокаго роста и большая говорунья. Но это послѣднее качество она бросила съ тѣхъ поръ, какъ получила наслѣдство отъ брата Марцелино Торо. Мѣсто его она замѣнила претензіей на остроуміе, которое наполнило жизнь ея горечью. Свое простосердечіе и откровенность она при-

Digitized by Google

крыла какой-то мелочной принужденностью, точно также какъ толстые члены затянула въ корсетъ, выписанный изъ Кадикса. Но, какъ корсетъ безобразилъ всю ея фигуру, такъ неловкость въ обращеніи дѣлала ее смѣшною и отнимала у ней природный видъ добродушія.

За то Роза, ея единственная дочь, тринадцати-лѣтняя дѣвочка, была настоящей дочерью Андалузіи: откровенная, живая, ловкая, плутоватая и прямодушная. Наружность гармонировала какъ нельзя лучше съ характеромъ и возрастомъ ея. Лицо круглое, улыбающееся; свѣжій ротикъ, бывшій въ вѣчномъ движеніи, показывалъ рядъ ослѣпительной бѣлизны зубовъ, всякій разъ какъ открывался для разговора, пѣнья, или смѣха; прекрасные глаза ея бросали то насмѣшливые, то веселые взгляды; повременамъ отражались въ никъ гордость, или лукавство, но безъ злобы, или невинность, но безъ скромности. Прекрасная головка, всегда убранная цвѣтами, безпрестанно поворачивалась; ея быстрыя движенія, ея рѣзвость, наконецъ доброе сердце и прямодушіе, составляли такое прелестное, очаровательное цѣлое, что всѣ сердца поддавались ей съ какимъ-то непреодолимымъ увлеченіемъ, точно такъ, какъ невольно поддаешься свѣжему, тихому дыханію весны.

Роза не знала слезъ и не понимала горя; она говорила, что веселость, естественность и откровенность — единственное состояніе духа, приличное человѣку. Она боялась людей угрюмыхъ особенно съ тѣхъ поръ, какъ мать ея сдѣлалась жеманною и притворно-скромною; она бѣжала бы на край свѣта отъ скучныхъ людей. Двухъ минутъ сряду она не могла думать объ одномъ и томъ же; для такой головки, которая ничего не носила кромѣ цвѣтовъ, размышленіе было бы значительной тяжестью. Не пріученная матерью къ противорѣчію, она отражала въ себѣ всѣ выгоды и невыгоды такого воспитанія. Трудно было поселить серьозную мысль въ ея неповоротливомъ разумѣ, еще труднѣе — заронить дурное чувство въ ея непорочномъ сердцѣ. Роза бѣгала по тропинкамъ жизни, какъ по аллеямъ своего сада; и здѣсь и тамъ она требовала цвѣтовъ, какъ дани; вся забота ея была — украшаться ими.

У Розы были два важныя желанія: одно, и очень старое — имѣть куклу, которая бы открывала и закрывала глаза; другое, новѣйшее — имѣть обожателя, который доставлялъ бы ей невыразимое удовольствіе, и потихоньку отъ матери, разговаривать съ нимъ подъ окошкомъ, какъ другія дѣвушки. И еслибы оба эти желанія исполнились, то кукла, открывающая и закрывающая глаза, была бы страшной соперницей ея обожателя, и навѣрное скорѣй, чѣмъ родительская власть, часто заставляла бы ее не являться на свиданія.

Digitized by Google

Когда мать вздумала пригласить учителей, то было уже поздно: не было возможности заставить ее выучить *а*, или написать палочки.

— Неужели вы хотите, говорила она матери, — заставить меня, как маленькую дѣвочку, складывать: б, а, ба; б, е, бе? Я не знаю азбуки; но не приглашайте учителей — и завтра же я буду знать ее хочу, чтобъ другія дѣвушки смѣялись надо мной.

— Какой ребенокъ! Какова дѣвочка! говорила мать. — Воспитаніе есть принадлежность высокаго круга людей — это капиталъ.

— Ахъ, мама! отвѣчала молодая дѣвушка, — послушайте пѣсенку:

Много знать, и ничего не имѣть, —
Очень печальное преимущество;
И чтожъ пріобрѣтаетъ ученый?—
Голодъ — отъ утра и до вечера!

Донья Брауліа призвала на совѣтъ о. Ноласко; но и тотъ имѣлъ не лучшій успѣхъ.

— Во всякомъ возрастѣ можно учиться, говорилъ добрый монахъ: — дядя твой пятидесяти лѣтъ сталъ рисовать, и наконецъ сдѣлался чѣмъ.

— А вы отчего не учились рисовать?

— Одни богатые учатся рисовать; но учиться читать можетъ всякій; а кто умѣетъ читать, тотъ все знаетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Роза. — А вы, со всей своей ученостью, не знаете одной вещи; а по званію своему вы должны бы ее знать.

— Какой вещи?

— Чѣмъ похожи одинъ на другого чахоточный и пустынникъ?

— Какая нелѣпость! Чѣмъ похожи? Ничѣмъ на свѣтѣ.

— Анъ нѣтъ, похожи!

— Перестань, замолчи.

— Говорю вамъ, что похожи, и вамъ лучше слѣдуетъ знать объ этомъ, потомучто я ни докторъ, ни ученый.

— Что ты разсказываешь, глупенькая?

— Что ваша милость, при умѣньи читать и писать, не знаетъ, что чахоточный и пустынникъ похожи другъ на друга тѣмъ, что оба они немолечимы. Теперь знаете, о. Ноласко?

— Малиновка-то улетѣла! сказалъ монахъ, смотря вслѣдъ Розы, которая бѣжала и прыгала по саду.

X

Теперь мы должны познакомить читателя съ донъ Марцелино Торо, который нѣсколько разъ появлялся въ нашемъ разсказѣ.

Донъ Марцелино, сынъ богатаго купца, былъ посланъ донъ Марцелино-отцомъ въ Америку, потому что двумъ нечего было дѣлать въ его конторѣ. Тамъ онъ нашолъ выгодное мѣсто; годы терпѣнія и честнаго труда доставили ему, по словамъ соотечественниковъ, мильоны, а на самомъ дѣлѣ у него было только 25,000 дуросовъ. Онъ торжественно возвратился въ свою деревню, и сверхъ того съ великимъ изобиліемъ шитья, галуновъ и сардиновъ на рукавахъ; эти сардины, занимавшіе тутъ неизвѣстно какую должность, составляли впрочемъ послѣдній рядъ украшеній, которыя носятъ на себѣ неимѣющіе права носить настоящихъ знаковъ отличія.

Очень часто бываетъ, что великое счастіе и великія бѣдствія проходятъ незамѣченными въ мірѣ. И дѣйствительно, трудно составить себѣ идею о переворотѣ, случившемся съ донъ Марцелино: онъ былъ бѣденъ какъ Іовъ, тогда какъ выѣхалъ изъ отечества — а возвратился туда богатъ какъ Крезъ.

Тотчасъ же по пріѣздѣ онъ купилъ домъ, достойный своей знатной особы. Добрый человѣкъ любилъ богатство и наружный блескъ; но любилъ также и мексиканчики, сладкій плодъ своихъ трудовъ. Увлекаемый одной страстью и удерживаемый другою, онъ боролся между скупостью и любовью къ роскоши, но наконецъ кое-какъ устроился. Не желая принять на себя заботы о постройкѣ, онъ купилъ лучшій домъ изъ продававшихся въ то время; немного спустя, этотъ домъ показался ему слишкомъ малъ; онъ купилъ другой, по сосѣдству, и соединилъ его съ первымъ. Теперь недоставало сада — а донъ Марцелино хотѣлъ имѣть садъ во что бы то ни стало, но садъ аристократическій, который бы совершенно гармонировалъ съ сардинами владѣтеля, — садъ съ тисовыми деревьями, статуями, перспективами, басейнами съ красненькими рыбками, и особенно съ лабиринтомъ: лабиринтъ — былъ идеалъ Марцелино. Вотъ онъ купилъ третій домъ, съ большимъ дворомъ, соединяющимся съ его землей, обвелъ все кругомъ стѣною и развелъ садъ. Тутъ онъ собралъ все, объ чемъ мы говорили, исключая перспективы, чего невозможно было сдѣлать; но онъ утѣшился тѣмъ, что велѣлъ написать ихъ на стѣнахъ. Для этого онъ выписалъ изъ Мадрита плохого живописца, съ которымъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, свелъ самыя дру-

шенника. Сынъ, по имени Хименесъ, напередъ былъ извѣстенъ розовыхъ кустовъ, миртъ и другихъ придворныхъ цвѣтовъ, которые отдыхали на короткое время отъ своихъ трудовъ, поставляя Цитеру розовыя почки. Изъ лабиринта, въ которомъ могли заблудиться только пчелы, сдѣлалась прелестная партерная куртина, и мелкіе растенія образовали затѣйливое плетеніе крошечныхъ ветвей, украшенныхъ желтыми и розовыми цвѣтами. Изъ бассейна съ красными рыбками, обсаженнаго виноградникомъ, сдѣлалась прелестная пустынька, свѣжая и прохладная. Розаны и другіе кустарники бросали тѣнь стыдливости на деревянныя статуи чахоточной Діаны и крошечной Венеры, такъ что изъза ихъ вѣтвей выставлялись одни только носы, вовсе непохожіе на греческіе.

Когда дошло дѣло до меблировки дома, — первою заботой дона Марцелино было заставить живописца написать свой портретъ, чтобъ увѣковѣчить память своихъ сардиновъ. Маляръ принялся передавать строгому полету мелкую фигуру дона Марцелино, которая принимала еще печальнѣе отъ какой-то плоской тѣни, падшей на щеки и уголья рта, противящейся выскочить, какъ человѣкъ, желающій пристыдить головной болью, и окончательно сѣсть на носу, на ихъ бородкѣ. Но замѣчательнѣе всего живописецъ отличился въ главномъ чертежѣ портрета: лѣвая рука, приложенная на груди, держала между пальцами, похожими на колышки, на рукавѣ блистали знаменитыя сардины. Въ другой рукѣ дона Марцелино держалъ старый листъ, которое очень было похоже на пачку сигаръ; можно было прочесть:

Juan Almazarron fecit.

Это произведеніе искусства поставлено было въ залѣ на самомъ видномъ мѣстѣ и прикрыто газомъ, для защиты отъ мошекъ, которыя могли испортить краски. Дона Марцелино такъ восхитилъ этотъ великолѣпный образецъ живописнаго искусства, что онъ самъ рѣшился заняться этимъ на свободныя часы.

Какъ въ *мѣщанствѣ дворянина* Мольера вдругъ сдѣлался всѣхъ родовъ учитель, такъ у дона Марцелино въ скоромъ времени пробудилась страсть сдѣлаться артистомъ. Живописецъ поддерживалъ эту склонность, нарисовавши ему нѣсколько головъ, и успѣлъ поселить въ немъ благородное соревнованіе и желаніе любоваться произведеніями Мурильо.

Предоставляемъ читателямъ судить о чудовищности рисунковъ учителя и ученика! А можно ли имѣть ихъ нѣсколькихъ положеній, между которыми одинъ усатый былъ съ Наполеона,

друга дона Мерседесъ. И не отъ добрыхъ монахъ ли учился онъ
дару сверхъестественному?

Первые опыты съ натуры, сдѣланные тайкомъ отъ учителя, кото-
рый былъ изъ предметовъ, самыхъ жизненныхъ, для него
дорогихъ, поручилъ была исполненіе картины, отправляясь куда-
нибудь говорить, подѣлиться, потѣшить, пощекотать, рецептомъ своимъ
и честью и славою Роты — знаменитую колбасу, которой онъ напишетъ
тайно отъ всѣхъ планъ. Колбасу полезныхъ ископаемыхъ, которая
очень напоминала по длинную бороду сатира; рѣка тоже была
изъ колбасъ, а небо и скалы тоже, какъ будто сплошь изъ
колбасъ. Недосѣчкинъ нарисовалъ первый планъ, постепенно
въ глубину картины, онъ бросалъ свой кровавый цвѣтъ на рѣку и
превращалъ ее въ свеклу; а отымалки придавали колбасѣ большее
сходство съ лицомъ извѣстнаго пирата Барбаруссы.

По счастливомъ окончаніи картины, украсившей столовую, уче-
ники осмѣлились писать уже самостоятельно. Размѣръ ихъ работъ
былъ не выше того, что увеличенная литографическая копія, и
могъ напомнить до размѣра колоссальное святое Христофора,
которое всѣ окрестные жители страны моцелаи видѣть и которое
произвело всеобщее удивленіе. Ф. Монасо, гордившійся передъ
своими учениками, приведетъ ихъ къ Мосѣевой колоссальной
святого. «Вотъ, говорилъ онъ, указывая имъ на противоположный конецъ мастерской, — вотъ! Вотъ какъ нужно
самому долженъ смотрѣть изъ себя». И затѣмъ, показывая краски
и кисти, онъ прибавлялъ: «Это, Мигель, стоитъ дороже твоей
жатвы; какже, друзья мои, можно дурно рисовать, когда имѣешь
столько красокъ и кистей? Вотъ любопытно было бы посмотрѣть,
еслибъ онъ нехорошо нарисовалъ! Съ хорошими припасами, объ
не бываетъ дурно».

При такомъ торжествѣ св. Христофора, старый донъ Мерседесъ
запустилъ руки и повеселѣлъ; не было границъ его привѣтливости. Онъ
натянулъ полотно въ восемь локтей ширины и въ четыре локтя
длины, съ цѣлью испробовать свои новые вкусы историческою кар-
тиной. Онъ колебался въ выборѣ: изобразить ли взятіе Роты, въ
двѣнадцатыхъ годахъ, Альфонсомъ XI, прозваннымъ *Мудрымъ*, или
взятіе той же Роты графомъ Эссексомъ, которой высадился на бе-
регъ въ 1700 г., при помощи англійскаго губернатора самаго, по
мнѣнію Сеньйора Бранчанчіе. Донъ Мерседесъ рѣшилъ взять
перваго происшествія, не потому чтобы онъ былъ патріотъ, но
оттого, что ему представлялся случай писать пальмы.

Но тутъ явились важныя затрудненія, не артистическія — ихъ
не существовало ни для Альмаррона, ни для ученика его, — но

Digitized by Google

трудненія матерьяльныя. Донъ Марцелино былъ малъ ростомъ и не могъ достать даже до трети вышины полотна; отецъ Ноласко помогъ имъ въ этомъ дѣлѣ: онъ отыскалъ въ своемъ монастырѣ каѳедру, съ которой говорили проповѣди; колесникъ подѣлалъ подъ нее колеса и каѳедру подкатили къ чудовищной картинѣ, которая писалась на дворѣ, на вольномъ воздухѣ, подъ огромнымъ зонтомъ. Стоя на каѳедрѣ какъ проповѣдникъ, донъ Марцелино съ своимъ помощникомъ окончилъ вторую половину картины; оставалась третья часть, и онъ не могъ достать ее, даже ставши на цыпочки на своей каѳедрѣ. Напрасно учитель, ученикъ и отецъ Ноласко ломали головы, какъ бы ухитриться помочь горю. Отчаяніе заступило энтузіазмъ, какъ на прибрежьѣ отливъ смѣняется приливомъ.

Однако нельзя же было оставить башни безъ зубцовъ, лошадей безъ ушей, героевъ безъ головъ, мавровъ безъ тюрбановъ, солнца безъ значковъ и небо безъ облаковъ изъ берлинской лазури, которой было заготовлено огромное количество. Необходимо нужно было придумать средство пристроить дона Марцелино такъ, чтобы онъ могъ достать и зубцы, и уши, и тюрбаны, и значки. Отецъ Ноласко предложилъ ходули, учитель лѣстницу; но ни то ни другое не могло удовлетворить неловкаго и робкаго, и кончилось тѣмъ, что Марцелино придумалъ самъ для себя, вскорѣ отыскалъ удобное и вѣрное средство подняться до надлежащей высоты. Онъ принялъ конструировать высокаго сѣдла, привязалъ къ нему толстую веревку, ввернулъ въ крышу прочное желѣзное кольцо; продѣлъ въ него веревку и обвязался ею вругомъ тѣла, велѣлъ учителю и отцу Ноласко поднимать себя до вышины картины. Все это какъ нельзя лучше, и вотъ почтенный донъ Марцелино, съ палитрой и кистями въ рукахъ, взлетѣлъ на воздухъ какъ птица, къ величайшему удовольствію своихъ машинистовъ.

Но когда артистъ поднялся до извѣстной степени высоты, то веревка и другая веревка начали разкручиваться съ возрастающей быстротой. Учитель и отецъ Ноласко увидѣвши, что донъ Марцелино съ распростертыми руками и съ страшными воплями кружится на воздухѣ, испугались, выпустили изъ рукъ веревку и убѣжали, а несчастный донъ Марцелино упалъ на землю, бременемъ своимъ раздавивъ лягушку.

Это происшествіе, такое же какъ и то, которое стоило жизни бѣдному Журильо, охладило артистическій энтузіазмъ нашего начинающаго и онъ полюбилъ другіе Аполлона.

Донъ Марцелино наслаждался невозмутимымъ счастіемъ. И если бы кто-нибудь сказалъ ему, что одинъ французъ не находитъ на земли человѣка совершенно счастливаго, кромѣ паріи въ Индійской хижинѣ (¹), — онъ не засмѣялся бы, потому что онъ не смѣялся съ вѣку; но разсердился бы непремѣнно на всѣхъ писателей, [illegible]. Онъ прогуливался по саду и по вечеру всегда въ наружно-невозмутимомъ спокойномъ настроеніи духа и сокрушался только объ томъ, что день имѣетъ не больше 24 часовъ, а цѣлый годъ не больше 365 дней.

Такимъ образомъ донъ Марцелино былъ постоянно счастливъ десять лѣтъ, растрачивая понемногу свои возлюбленные [illegible], когда [illegible] можно было [illegible] ожидать, злая Парка, вмѣсто ножницъ, вооружилась [illegible], и черезъ шесть дней, при всемъ своемъ нежеланіи, донъ Марцелино переселился въ лучшую жизнь.

Донъ Марцелино умеръ покойно; онъ не прощался съ однимъ врагомъ, потому что у него ихъ не было; въ духовномъ завѣщаніи онъ назначилъ большія суммы для раздачи милостыни, поручилъ свою добрую душу Богу и, отдавая послѣднюю дань слабости человѣческой, просилъ, чтобы его похоронили въ мундирѣ.

Сестра его, донья Браулія Теро, вдова [illegible] мужа, получила по наслѣдству все имѣніе брата и поселилась въ его домѣ, который былъ составленъ изъ трехъ домовъ. Знаменитый портретъ остался на томъ же почетномъ мѣстѣ, и со времени кончины оригинала, тѣни на немъ сдѣлались еще темнѣе. Ни одного разу о. [illegible] не взглянулъ на портретъ, не отозвавшись объ немъ съ похвалою, вслѣдъ за которой благоговѣйно прочитывалъ «Отче нашъ». Роза подмѣтила это; и когда добрый монахъ приходилъ къ нимъ, хитрая дѣвушка не забывала привлекать его вниманіе на портретъ, зная напередъ, что не обойдется ужъ безъ восклицанія «прекрасная фигура»! и вслѣдъ за нимъ «Отче нашъ».

Мать, замѣтившая ея хитрость, побранила дочь и запретила ей такія шутки; но Роза, по обыкновенію [illegible], не слушалась и всякій разъ какъ она произносила имя покойника, — слышалось «прекрасная фигура»! и неразлучный «Отче нашъ» слышались въ залѣ.

(¹) *Индѣйская хижина*, Бернардина де-Сен-Пьера.

На другой день своего разговора съ Долорес, о. Ноласко пришелъ къ Браулія и сказалъ ей:

— Браулія, я нашолъ для тебя превосходную служанку.

— Что лучше отвѣчала она: — очень рода? умна ли она? Хороша ли она христіанка? умѣетъ ли она стирать бѣлье? опрятна ли она? особенно, не слишкомъ ли похожа на переводчицу?

— Говорю тебѣ, женщина, что это находка.

— Отецъ Ноласко! сказала Роза: — не правда ли, что дядюшкинъ портретъ очень похожъ?

О. Ноласко помолчалъ голову, посмотрѣлъ на портретъ и отвѣчалъ:

— Изрядно? Онъ такъ же похожъ на твоего дядю, какъ я на папскаго. Какая прекрасная живопись! Это особенность Вилло, что Хуанъ Алмацарронъ хорошо знаетъ свое дѣло. Намедни священникъ сказывалъ, что въ Мадритѣ теперь пишетъ портретъ королевы кто-то Франсиско Медина. Говорятъ, что выходитъ удивительно хорошо, но все не то. Еслибъ Хуанъ Алмацарронъ былъ въ Мадритѣ, тогда была бы другая пѣсня! Еслибъ удалось ему написать портретъ! Прекрасная фигура! Отецъ нашъ былъ такого же роста.

— Полгуака злой, очень грубый сказала дочь Браулія, зная, что святой отецъ не услышитъ ея выговора, — и молодая хорошо воспитанная дѣвушка не должна себѣ позволять этого; а ты очень огорчилъ меня, и такъ упрямишь тебя, что ты мальчика только обижешь отъ удовольствія; я только, чтобы ты былъ живъ, дорожу тобой, а ничего для тебя не значу.

— Ахъ, мама, оставьте эту аффектацію. Всему свое время. Дайте мнѣ лучше кистей винограду; онъ блестятъ какъ драгоцѣнные камни.

— Хорошо воспитанные люди не ѣдятъ безпрестанно, отвѣчала скупая мать.

— Отецъ Ноласко! закричала молодая дѣвушка, — мама не хочетъ мнѣ дать винограду; она говоритъ, что это нехорошо. Не правда ли, что мама, который былъ очень хорошо образованъ, кушалъ виноградъ?

— Правда, отвѣчалъ о. Ноласко, улыбаясь при этомъ воспоминаніи: — мускатный виноградъ приносили обыкновенно

— А теперь, отъ винограда толстѣешь! сказала Роза со смѣхомъ: — отъ него похожа на мальчика, выкормленнаго отъ груди.

— Наконецъ, голъ я просилъ мускатъ, сказалъ отецъ Браулія.

— Солгала, проворчала дѣвочка.

— Что ты говоришь? спросилъ священникъ. —

— Не замѣчаете ли вы, закричала Роза, — что у дѣвицы Мисскахъ точно пластыря отъ зубной боли, какъ у цырюльника, и большая муха на носу?

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Ноляско, смотри не ошибись: — все очень вѣрно; эта рука — есть. Многимъ помогала эта рука, которымъ дѣлать нѣчего до нея! Мнѣ онъ далъ это платье и сказалъ: «Отецъ Ноляско, желаю, чтобъ ваше здоровье долго продолжалось!» А ваша жизнь еще долѣе», отвѣчалъ я ему. Желаніе мое исполнилось такимъ какъ исполняется всякое: потому что платье перешло ко мнѣ. Прекрасная фигура! сказалъ онъ, вздохнувши. — Да спасетъ его Господь Богъ! Отче нашъ...

Ой, ой! закричала Роза, пустившись бѣжать. Она почувствовала на рукѣ своей прикосновеніе достойныхъ мальчиковъ своей прелестной наставницы.

На слѣдующій день Долоресъ поступила въ школу въ домѣ. Она была печальна и робка, но покорна и старалась угодить, принимаясь за свою новую должность.

Въ короткое время Роза привязалась къ ней; и донья Брауліа объявила, что она очень довольна ею. Она была исполнительна, скромна, трудолюбива и сверхъ того имѣла два великія достоинства, которыя больше всего нравились старой хозяйкѣ: она мало ѣла и была бѣдна.

Долоресъ очень мила, сказала однажды дѣвочка своей матери, что она похожа на индѣйку. Она красна какъ свѣжеощипанная муха, и ходитъ какъ черный горохъ.

— Чудесно! сказала Роза, помирая со смѣху: — я де смерти люблю такія сравненія; ихъ можно сразу понять.

— Я хотѣла сказать, что она очень хорошенька, сказала дѣвица Брауліа съ замѣшательствомъ.

— Неужели вы хотите, маменька, съ живостію возразила Роза, — чтобъ все дѣлалось само-собою.

— Никогда не говорите «маменька», должно говорить «мама» или «маменька», глупая ты голова!

— Ради Бога, сеньора, оставьте при своихъ: пусть, какъ хотятъ, называютъ. Все это годится для дѣтей, или для тѣхъ, кто потерялъ свою память и у кого языкъ тупой; а я, слава Богу, говорю очень чисто и языкъ мой развязенъ.

— Прошу покорно, какова дерзость! Откуда что берется! —

— Не могли ли вы снять съ меня мѣрку для башмаковъ? Нѣтъ, этого не будетъ, сеньора! Я хочу работать какъ острый ножъ; я, какъ доброе вино, не нуждаюсь въ перегонкѣ. —

— Я не хочу, чтобъ ты работала, — у меня для этого есть слу-

жила, отвѣчала ему: — не хочу, чтобъ ты жилъ, потому что ты очень дурно пишешь; у тебя стѣны отъ стѣны не видно верху.

Доброесть провелъ въ этомъ домѣ цѣлый годъ покойно, даже можно сказать счастливо, если грустное воспоминаніе о матери не тяготило его сердце ей, какъ огонь въ печи; если воспоминаніе о Тонино и Лоренцо не жгло, какъ жжетъ, это сердце.

Однажды Роза печально спросила его:

— Доброесть, есть у тебя обожатель?

Въ деревнѣ любовь всегда бываетъ предтечею замужества. Это для нихъ такое естественное, дозволенное, законное, что тѣ, которыя уже завязали это дѣло, никогда не скрываютъ его, и потому Доброесть очень просто отвѣчала:

— Да, есть.

— Ты очень счастлива, отвѣчала Роза: — но гдѣ же онъ? я еще не видала его.

— Онъ уѣхалъ.

— Уѣхалъ! Ахъ, Боже мой! Почемъ же ты знаешь, что онъ твой обожатель?

— Потому что мы любимъ другъ друга; онъ знаетъ, что я люблю его.

— Отсутствующій обожатель, это — такъ нестерпимо, которой не поетъ! Къ чему онъ пригоденъ? Я бы не хотѣла такого. Если бы у меня былъ обожатель, то я заставила бы его весешить меня музыкой, и я бы сейчасъ вышла за него замужъ.

— Отчего ты такъ спѣшишь выйти замужъ?

— А ты думаешь, что у меня нѣтъ причины? Для того, чтобъ выйти изъ-подъ власти матери, которая гораздо тяжелѣе большой мухи, во время отдыха. Но послушай, когда твой возлюбленный возвратится... Какъ его зовутъ?

— Лоренцо.

— Лоренцо Лопецъ? Ахъ, Господи Іисусе! если это правда, что онъ дуррель и четверыхъ, то я тебѣ скажу, Доброесть, что когда Лоренцо возвратится и приметъ тебя, онъ броситъ тебя, какъ мокрую курицу отъ себя, какъ настоящій воробей. Мнѣ кажется, что они всѣ обожатели представляютъ себѣ убійцами. Я увѣрена, что отецъ мой женился не на, не бывши его обожателемъ.

— Онъ не придетъ сюда, отвѣчала Доброесть, такъ уговорились. Тебѣ можно будетъ и въ окошко поговорить съ нимъ, если меня увидитъ. Онъ увѣдомитъ, теперь тебя, что онъ обожатель прежде всего.

— Я не подойду къ окошку, сударыня, сказала Доброесть

Не называй меня дурочкой, когда тутъ нѣтъ ничего. Я просила тебя объ этомъ больше одиннадцати тысячъ разъ. Въ этой юбкѣ и, конечно, въ которой она затянулась въ этой модной пантильи, моя бѣдная мать, съ своей дурной таліей, похожа на худосвязанный узелъ; названіе *сеньоры* и *доньи* такъ же къ ней пристали, какъ ко мнѣ платье съ длиннымъ шлейфомъ нашей инфанты. Такъ и во всемъ другомъ. Въ прежнее время она приготовляла такія лакомыя блюда, что можно было угощать самого короля; кремы, пудинги, блинчики, желе, сладкіе пирожки, торты, едва ли кто могъ такъ сдѣлать какъ она; а теперь, что ни дѣлаетъ, все сожжетъ, или не доваритъ, такъ что совсѣмъ ѣсть нельзя. Но скажи мнѣ, Долоресъ, у тебя есть обожатель, тебѣ бы надо быть покойной и веселой; а ты похожа на какую-то скорбящую; во всю твою истинно-святую жизнь, ты не говорила, не смѣялась, не пѣла!

— Было время, отвѣчала Долоресъ, — когда я и пѣла, и смѣялась! Но съ тѣхъ поръ, какъ отецъ мой утонулъ, бѣдная мать умерла одинокою на прибрежьи, мой возлюбленный братъ уѣхалъ такъ далеко отъ меня, что отсутствіе его можетъ продолжиться цѣлый вѣкъ, а Лоренцо попалъ въ солдаты и тоже уѣхалъ, — какъ же хочешь ты, Роза, чтобъ я говорила, пѣла и смѣялась?

— Правда, сказала Роза, и на глазахъ ея блеснула слеза; — бѣдная Долоресъ! Но утѣшься, милая: мертвые у Бога, а живые возвратятся.

— Аминь! отвѣчала Долоресъ, вздыхая.

XII

Однажды вечеромъ Долоресъ работала въ саду. Ее рецептная книжка доньи Брихиды, ревизованная отъ Духовною цензурою, какъ выполненная въ наше время, просвѣщеннаго и строгаго. Большое пятно покрыло ея страницы, когда слезы падали изъ глазъ; стальное перо зарѣзало иногда на томъ мѣстѣ, которое прежде было чернилъ, и полетѣя, рѣчь уѣхала на новую прекрасную линію.

Можно себѣ представить, въ какомъ отчаяніи была Роза, которая, [illegible] ея [illegible] ошибками.

— Вы истребили всѣ мои [illegible], сказала она, [illegible] и, [illegible] отъ сада по [illegible] дорогѣ, прямо къ [illegible]. Дай Богъ, чтобъ ваша капуста посохла, [illegible] чтобъ [illegible]!

Digitized by Google

Вечеръ былъ пасмурный, и вѣтеръ предвѣщалъ приближеніе зимы. Долоресъ смотрѣла, какъ бѣжали облака, [illegible] [illegible] [illegible] сравненіе; она [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] о берегъ, [illegible] [illegible] распространялась темнота. [illegible], [illegible] [illegible] лась по горизонту и покрыла все пространство [illegible]

«Увы! думала она, гдѣ-то мой бѣдный Томасъ встрѣтится съ наступающей бурей? На морѣ, на землѣ или въ погодѣ? Можетъ быть мнѣ никогда больше не видать возлюбленнаго брата!»

Въ эту минуту постучались въ ворота. Долоресъ побѣжала отпирать. За калиткой стоялъ высокій, стройный молодой человѣкъ, въ красивомъ платьѣ моряка. На его бѣлокурой, кудрявой головкѣ была надѣта каталанская шапочка; но загорѣвшимъ, улыбающимся щекамъ текли двѣ слезинки, такъ сильно противорѣчащія и его улыбкѣ, и вообще той радости, которая выражалась во всѣхъ чертахъ его.

— Ты не узнаешь меня? сказалъ онъ, видя, что Долоресъ безмолвно ждетъ отъ него объясненія причины его прихода.

При этомъ голосѣ вырвался крикъ изъ глубины сердца Долоресъ, вмѣстѣ съ словами: «братъ!» И она бросилась на шею моряка. Но радость ея была минутная. Бѣдная дѣвушка, привыкшая къ страданіямъ и обезсиленная безпрерывной работой, не могла вынести такого нечаяннаго счастія и упала безъ чувствъ.

На крикъ Долоресъ прибѣжала донья Браулія и Роза.

— Что это такое? кто ты, молодой человѣкъ? спросила первая.

— Я братъ ея, сеньора, отвѣчалъ Томасъ.

— Еслибъ ты былъ ей братъ, она бы не испугалась тебя.

— Но, сеньора...

— Ступай, ступай вонъ, у тебя нѣтъ въ рукахъ твоего свидѣтельства о крещеніи, и Богъ знаетъ какія у тебя намѣренія!

— [illegible], сказала Роза съ [illegible]: [illegible] [illegible], Томасъ, братъ Долоресъ; [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] другъ друга; [illegible] [illegible] на [illegible].

— [illegible], [illegible], сказала мать: — [illegible] [illegible] [illegible] за ней [illegible] Долоресъ. А ты, прибавила она, обращаясь къ моряку, — убирайся вонъ, ты [illegible]. Ты думаешь, [illegible] свободно, какъ [illegible] въ свой домъ?

[illegible], что какой-то [illegible] [illegible] [illegible] Браулію прогнать [illegible] молодого [illegible]. [illegible] [illegible] и [illegible] ея были безопасны [illegible] [illegible];

[illegible]

— Роза, говорила Долорес: — помни, что эта любовь не должна продолжаться и не можетъ имѣть хорошаго исхода; мать твоя захочетъ имѣть зятя богатаго и чиновнаго.

— Ну долго придется ей ждать исполненія своего желанія! Я не люблю чиновныхъ людей. Недавно сюда пріѣхали изъ Кадикса молодые господчики. Пресвятая Дѣва! Что это за сбродъ такой, эти господчики! На однихъ были шляпы безъ всякой формы и фасона, съ большими полями, просто какъ зонтики, платье безъ рукавовъ, широкое, какъ кафтанъ у пастуховъ; всѣ они разстегнуты и растрепаны, хуже чѣмъ св. Серапіо. Одинъ изъ нихъ вздумалъ любезничать со мной: «Вы бы, сеньоръ, попривычнѣе одѣлись», отвѣчала я ему: — у васъ точно всѣ члены вывихнуты.» Нѣтъ, нѣтъ, Долорес, эти господа могутъ идти подъ пару дѣвушкамъ въ нарядныхъ шляпкахъ и въ богатыхъ мантильяхъ; у всякой овечки есть своя парочка, душка моя! —

И такъ въ этой дѣтской любви все было [illegible]

[illegible]

[illegible] сказаній, что [illegible] не [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

— Что съ тобой? [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

— [illegible] Сейчасъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] ю двадцати-пяти лѣтъ и не посмотритъ въ [illegible] нѣ: это какъ нельзя лучше входитъ въ мои расчеты. [illegible] расчеты входитъ, [illegible] думала я [illegible] себя, не дожившш еще до шестнадцати лѣтъ, — подарить [illegible] внука. Тогда ты ужь будешь кормчимъ и [illegible] да ли, Томасъ?

— Надѣюсь, но надо подождать, Роза; вы [illegible] стоите гораздо выше меня, и мать [illegible]

— Какъ это, мы стоимъ выше тебя? Дядя [illegible] [illegible] братъ моей матери. Если она не [illegible] меня въ церковь, и дѣло съ концомъ.

— Чтожъ ты отвѣчала матери? спросилъ Томасъ.

— Что я отвѣчала? [illegible] отецъ, посмотрите на дядю». Онъ посмотрѣлъ [illegible] ра! и прочелъ Отче нашъ, какъ и всегда. Я стала [illegible] матери, потомучто она всегда щиплетъ меня, [illegible]

— [illegible] самомъ дѣлѣ? А за что?

— Зато, что я [illegible] [illegible] получила наслѣдство, она стала [illegible]

— Обратимся къ дѣлу. Ты [illegible] что привлекла вниманіе монаха на дядинъ портретъ?

— Слушай, дойдетъ дѣло до конца. Я сказала [illegible] когда онъ кончилъ [illegible] «Отецъ, [illegible] вѣка безобразнѣе [illegible] — Боже! [illegible] воскликнула мать. — Ты знаешь, что она поднимается [illegible] что она такъ же хитра какъ и я; а обѣ мы похожи [illegible]

[illegible] фигура!» отвѣчалъ о. Ноласко, который такъ [illegible] что не [illegible] закричала мать. А я, обрадовавшись, что [illegible] отдѣлалась, пустилась бѣжать и прибѣжала сюда [illegible] [illegible] — И [illegible] — Что [illegible] счастливая дѣвушка [illegible] — Отчего? [illegible]

— А я тоже счастливъ, но я знаю отчего.

— А отчего?

— Оттого, что ты меня любишь.

— [illegible]

— И еще оттого, что капитанъ обѣщалъ взять меня [illegible] [illegible] въ качествѣ матроса и велѣлъ приготовиться [illegible].

— А куда онъ увезетъ тебя?

— Въ Гамбургъ.

— Стало быть ты опять поѣдешь въ Индію?

— Нѣтъ, это въ другую сторону.

— Дальше?

— Нѣтъ, ближе. Сюда, выше.

— Господь съ тобой! Но помни, что я не хочу, чтобъ ты опять отправился въ Монтевидео. Отецъ Ноласко говоритъ, что разъ тамъ побываетъ, тотъ въ другой разъ туда не доѣдетъ.

— Не вѣрь тому, что О. Ноласко говоритъ о переплаваніи: онъ такъ боится воды, что я почти увѣренъ, боится даже и той, которая наливается въ купель для крещенія.

— Мнѣ хочется сказать тебѣ кое-что, Томасъ.

— И мнѣ также, Роза.

— Ну, начинай.

— Нѣтъ, ты начинай; юнки всегда идутъ впереди.

— Я загадаю тебѣ загадку; отгадаешь ли ты?

— Увидишь.

— Ну, слушай.

[illegible]
Составляешь [illegible]
Впереди [illegible]
Назади пара глазъ.

— Глаза назади, стрѣлка впереди... Это павлинъ.

— Какой догадливый! А двѣ сестры? Ножницы, глупенькой, ножницы! Скажи же и мнѣ какую-нибудь загадку, которая бы позабавила меня. Начинай.

Томасъ сказалъ:

Я знаю одну прекрасную даму,
Которая всегда близка къ опасности;
Она рѣжетъ безъ ножницъ
И шьетъ безъ иглы.

[illegible]

— Прекрасная дама? Это я. Которая всегда въ опасности? Это я всегда [illegible] ки? Это не я!

— Не ты ли [illegible] въ своему [illegible] безъ иголки, милая малютка?

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ!

— Но это совсѣмъ не то, ты не отгадала.

— Что это?

— [illegible]

— Ахъ, Боже мой! мать идетъ! закричала Роза. — Если она застанетъ меня здѣсь, то непремѣнно прибьетъ. Ну да это ничего, а вотъ, если она вздумаетъ заложить окошко, это будетъ для меня гораздо важнѣе.

Сказавши это, она бросилась было бѣжать, но потомъ вернулась и сказала:

— Пожалуйста, Томасъ, не забудь привезти мнѣ морскихъ раковъ слѣдующій разъ какъ ты вернешься съ моря.

Послѣ этого она тихо ускользнула, какъ легкій дымъ. Какъ часто злоязычіе легкія проступки называетъ смертельными грѣхами. Какъ часто молодыя дѣвушки, отъ недостатка осторожности и скромности, подвергаютъ клеветѣ свое доброе имя!

XIII

Покуда Роза и Томасъ плели себѣ вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ, наступилъ 1850 годъ, и всѣ войска временно распустили. Оба

брата Лопеца получили [illegible] сторону, и желая явиться нечаянно посреди [illegible], не увѣдомляли объ этомъ никого. Мысль Лоренцо [illegible] не въ одной только нечаянной радости своихъ [illegible], но онъ желалъ скрыть свой пріѣздъ больше для того, чтобъ не дать времени утаить отъ себя, если-бъ что-нибудь непріятное случилось во время его отсутствія.

Было воскресенье. Вечеръ клонился къ концу и уступалъ мѣсто ночнымъ тѣнямъ. Солнце уходило въ свое мочное убѣжище, какъ будто увлекаемое тяжестью своего вѣнца изъ золотыхъ лучей. Вѣтеръ посвѣжѣлъ отъ холоднаго дыханія ночи. Пронзительный крикъ ласточекъ замолкъ — онѣ успѣлись на мѣста. Одна робкая сова, избѣгающая свѣта, стонала, какъ стонетъ парія въ пустынѣ о бѣдствіяхъ своей касты. Безстрастныя волны морскія покоились на прибрежьѣ; ихъ громкій голосъ [illegible] глухой [illegible] тучи, [illegible] вѣчности, [illegible] на покой.

[illegible] дорогѣ изъ Сан-Люкара въ Роту. [illegible] раздался, какъ будто предметы, встрѣчаемые на пути, узнали ихъ и кричали имъ: «Идите!»

— Я жалѣю, сказалъ старшій, что мы не предупредили [illegible]; она, бѣдная, не такъ сотворена, чтобъ переносить такія потрясенія.

— А я такъ не далъ отвѣчать младшій; радость можетъ воскресить и такимъ образомъ я лучше узналъ, что [illegible] Долорес.

— Замолчи, Лоренцо, замолчи; твоя недовѣрчивость [illegible] тебя [illegible] такого сокровища, какъ Долорес.

— Эстеванъ, ты знаешь пословицу: «доброму не вѣрь, а злого берегись». Долорес [illegible] моего желанія поступила въ услуженіе къ донъѣ Браулін; а зачѣмъ она такъ сдѣлала, я не знаю. Стало быть у ней есть причина, да она не хотѣла мнѣ сказать. Она ушла изъ моего дома. Та молодая дѣвочка, у которой нѣтъ слова [illegible] Зачѣмъ идти въ чужой домъ, когда она могла жить у [illegible] тушки? Перебирая всѣ мои сомнѣнія одно по одному, я старался убѣждаться, что червячекъ завелся подъ скорлупкой.

— Типунъ бы тебѣ на языкъ! Бѣдная Долорес! такъ-то ты думаешь объ ней? Какъ она будетъ несчастна! Положимъ, что она поступила въ услуженіе; надо знать, мой другъ, въ какой домъ? Ко вдовѣ донъѣ Браулін, у которой никого нѣтъ, кромѣ молодой дочери, такой же скромной и невинной, какъ ея Монита.

Digitized by Google

— Я не говорю никого о вдове; но знаешь ли ты, что дѣлается у ней въ домѣ?

— Братъ, сказалъ Эстеванъ, — перестань говорить, или говори только одно хорошее; мы разговариваемъ о такихъ вещахъ, которыхъ нѣтъ и не было. А хорошо было бы, если бы Долорета въ настоящее время не была твоею женою.

— Не говори этого, братъ, даже и въ шутку. Шутка приноситъ несчастіе.

Была ночь, когда они вошли въ селеніе.

— Пройдемъ мимо дома вдовы, сказалъ Лоренцо.

— Другъ мой, ты сходишь съ ума; пойдемъ домой; прежде разсвѣта не бываетъ и кумовства.

— Братъ, сказалъ Лоренцо, поворачивая налѣво; — намъ только два шага лишнихъ.

Эстеванъ колебался; но чтобъ не дразнить одному въ отцовскій домъ, онъ пошелъ за братомъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

Тотъ подошелъ къ дому. У послѣдняго окна онъ замѣтилъ человѣка, облокотившагося на рѣшетку. Ночь была темная; человѣкъ стоялъ къ нему спиной; Лоренцо могъ видѣть только то, что онъ молодъ и высокъ.

При этомъ зрѣлищѣ глаза его расширились, облако покрыло взоръ его, все тѣло затряслось какъ трясется земля, когда горячая лава ищетъ себѣ выхода. Онъ подходилъ тихо, чтобъ шумъ шаговъ его не обезпокоилъ и не прервалъ разговоръ человѣка, стоявшаго у рѣшетки.

— Эстеванъ зналъ что-нибудь! пробормоталъ Лоренцо сквозь стиснутые зубы.

— И вамъ, говорилъ человѣкъ голосомъ, который казалось не долженъ былъ подслушанъ быть: — ты всегда будешь любить меня?

— Вѣчно, прошепталъ пріятный и веселый голосъ женщины.

— И ты выйдешь за меня замужъ?

— Непремѣнно; это рѣшено.

— Даже если будутъ противиться?

— Если даже будетъ противиться король и все его войско, подъ предводительствомъ отца Ноласко.

— Господи, помилуй меня! я умираю! закричалъ молодой человѣкъ, падая какъ трупъ на землю.

— Это я! сказалъ Лоренцо гробовымъ и гнѣвнымъ голосомъ; посмотримъ, какъ вы женитесь безъ вмѣшательства того, кто имѣетъ право противиться вашему браку.

— Лоренцо! братъ мой, это ты! сказалъ раненый, кроткимъ голосомъ, узнавши своего убійцу.

— Боже мой! кто называетъ меня по имени? — вскричалъ испуганный и трепещущій Лоренцо.

— Я! я! Томасъ! Неужели ты не узнаешь меня?

— Ты! Ты! — пробормоталъ Лоренцо сквозь зубы.

И бросившись къ раненому, онъ съ ужасомъ узналъ молодое, прекрасное лицо брата Долоресъ. Ставши на ноги, онъ поднялъ руки къ небу въ страшномъ отчаяніи вскричалъ:

— О я, проклятый!

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ раненый слабымъ голосомъ. — Богъ проститъ тебя, какъ я прощаю.

И бѣдный молодой человѣкъ упалъ безъ чувствъ.

— Братъ, уйди, спасайся! сказалъ Эстеванъ, который, несмотря на свои страданія и опасенія, сохранялъ все присутствіе духа.

На крикъ Розы всѣ сбѣжались.

— Уйди, говорилъ братъ: — я позабочусь о несчастномъ; можетъ-быть, по милости божіей, онъ останется живъ; спасайся, и не убей съ горести отца и мать.

Лоренцо оставался на мѣстѣ и билъ себя кулаками въ голову; но братъ толкнулъ его въ переулокъ.

Лоренцо исчезъ въ темнотѣ.

Много ужь народу собралось, когда Эстевану пришло въ голову, что если онъ придетъ одинъ въ домъ отца, то возбудитъ его подозрѣніе. Онъ рѣшился идти отыскивать брата, который имѣлъ нужду въ помощи и утѣшеніи. Онъ замѣшался въ толпу пришедшихъ; но уже невозможно было скрыться такъ, чтобъ его не замѣтили.

Напрасно избѣгалъ онъ всѣ окрестности — онъ не отыскалъ Лоренцо. Онъ пошолъ въ Сан-Люкаръ, и продолжалъ свои поиски, на другой день; но онъ не зналъ, что за нимъ слѣдятъ, и при выходѣ изъ таверны, куда онъ входилъ послушать, не говорятъ ли чего о его братѣ, или о раненомъ, — его схватили и арестовали.

XIV

Долоресъ проводила всѣ воскресные вечера у Лопецовъ; а со времени возвращенія Томаса, посвящала эти часы, наступленія которыхъ ожидала еще съ большимъ нетерпѣніемъ, брату, и проводила ихъ вмѣстѣ съ нимъ въ своемъ старомъ жилищѣ. Томасъ, вышедши на берегъ, прямо пришолъ туда, гдѣ жила мать, но Лопецы, любившіе его какъ сына, и слышать не хотѣли, чтобъ онъ жилъ не съ ними вмѣстѣ.

Digitized by Google

Братъ и сестра провели вечеръ по обыкновенію. Долоресъ говорила о своей бѣдной матери, а Томасъ, чтобы развлечь ее, разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, о своихъ удачахъ и неудачахъ.

— Все это очень хорошо, Монтевидео, возражалъ на всѣ его разсказы о. Ноласко, — но было бы гораздо лучше, еслибъ ты избѣгалъ всѣхъ этихъ противныхъ случайностей. Ты былъ бы гораздо покойнѣе и счастливѣе, еслибъ остался пасти свиней кума Тиля Пиньонеса.

— Отецъ Ноласко, говорилъ Томасъ, видите вы эти облака?

— Вижу. Что же изъ этого?

— Велите имъ стоять на мѣстѣ — и вы увидите, сдѣлаютъ ли они это?

— Прекрасное сравненіе! У нихъ есть вѣрный путеводитель, который управляетъ ими.

— Ну, отецъ, и во мнѣ есть путеводитель, который не даетъ мнѣ сидѣть на мѣстѣ.

— Экая змѣя! Ты съ своимъ моремъ — тоже что бабочка съ огнемъ: ты тогда только замолчишь, когда море поглотитъ тебя.

— Прощай, Долоресъ, сказалъ Томасъ подъ конецъ вечера.

— Ты умъ уходишь? спросила она печально.

— У меня есть дѣло, отвѣчалъ онъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Ему не сидится покойно, сказалъ о. Ноласко.

— Томасъ, Томасъ! сказала сестра, догадавшись куда онъ идетъ: — ты не слушаешь моихъ совѣтовъ?

— Перестань, отвѣчалъ братъ со смѣхомъ: — ты хочешь быть вторымъ томомъ отца Ноласко. Послушай, я тоже хочу дать тебѣ совѣтъ, черезъ эту пѣсенку:

Пусть дождь идетъ изъ облаковъ,
Пусть солнце свѣтитъ въ непогоду;
Пусть льются слезы стариковъ,
Пусть любятъ юноши свободу.

— Еслибъ я была королевой и имѣла бы дочь, я не задумалась бы отдать ее замужъ за него, сказала Долоресъ, провожая брата глазами.

— Какъ онъ сталъ хорошъ! отвѣчала тетка Мельхіора: — я смотрю не насмотрюсь на него.

— Онъ сохранилъ свой прежній характеръ: все тотъ же умъ, та же миловидность, та же веселость, та же откровенность, прибавила къ ихъ похваламъ Катерина.

— Правда, сказалъ о. Ноласко: — онъ былъ бы малой совершенный, еслибъ былъ не такъ упрямъ.

Digitized by Google

Въ то время какъ происходила описанная нами катастрофа, Долоресъ собиралась возвратиться къ хозяйкѣ; вдругъ по цѣлой деревнѣ пронеслось страшное слово: раненый!

Когда это зловѣщее слово распространяется по небольшому селенію, то дѣйствіе его бываетъ гораздо сильнѣе и возмутительнѣе: пѣсни, игры, смѣхъ прекращаются въ одну минуту, мрачное молчаніе заступаетъ ихъ мѣсто; потомъ слышатся восклицанія горести и ужаса; изъ всѣхъ домовъ выходятъ блѣдныя, испуганныя женщины; поправляя наскоро свою одежду, онѣ спѣшатъ скорѣе прибѣжать на роковое мѣсто; всѣ съ сердечнымъ томленіемъ шепчутъ слова: «мой мужъ, мой сынъ, мой братъ»! Сколько разъ случалось видѣть, что во время ссоры, женщины очень рѣшительно бросались между дерущимися, не боясь ни брани, ни ударовъ. Это доказываетъ, что идеализмъ гораздо совершеннѣе и чаще въ природѣ, нежели въ романическихъ созданіяхъ воображенія; потому что идеалъ чувства находится въ сердцѣ, а не въ головѣ.

— Это Томасъ, Томасъ, сынъ бѣдной тетки Томазины! говорили нѣсколько женщинъ, проходя по улицѣ.

— Что́ онѣ говорятъ? спросила Долоресъ, слухъ которой поразили имена матери и брата; — что онѣ сказали? и упала на стулъ, не въ силахъ будучи держаться на ногахъ.

Катерина выбѣжала на улицу, и бѣжала что́ есть духу вслѣдъ за женщинами, прошедшими мимо дома.

— Я ничего не поняла, отвѣчала тетка Мельхіора, которая стояла подлѣ Долоресъ ни жива, ни мертва, хотя и слышала мимоходомъ тѣ же имена.

Отецъ Ноласко ничего не слыхалъ, а дядя Матео былъ на дворѣ.

Въ это время тихо и молча прошли нѣсколько мужчинъ, неся раненаго на лѣстницѣ, вмѣсто носилокъ. Онъ лежалъ безъ чувствъ, весь бѣлый, какъ цвѣтокъ жасмина, упавшій съ стебелька; онъ, казалось, заснулъ безъ горя и безъ гнѣва.

— Братъ! вскрикнула Долоресъ задыхающимся голосомъ, скрестивши на груди руки съ судорожнымъ движеніемъ.

— Боже мой! Томасъ! сказалъ съ отчаяніемъ дядя Матео: — кто тотъ злодѣй, который поднялъ руку на невиннаго?

— Никто не знаетъ, отвѣчали мужчины.

— Томасъ, сынъ мой, ты не слышишь меня! сказалъ о. Ноласко, взявши безжизненныя руки молодого человѣка. — Не умеръ ли онъ? и дотронулся до лица раненаго. Нѣтъ! бѣгите скорѣй за фельдшеромъ.

— Идетъ! отвѣчалъ кто-то.

Томаса положили на бывшую постель Лоренцо.

Digitized by Google

Хирургъ вошолъ, осмотрѣлъ рану, перевязалъ ее, далъ нѣкоторыя лекарства и уходя, сказалъ отцу Ноласко:

— Какъ только онъ опамятуется, то причастите его; онъ не переживетъ этой ночи.

О. Ноласко сѣлъ у изголовья раненаго, который черезъ минуту открылъ глаза и спросилъ:

— Гдѣ я?

— У меня, у меня, сказала добрая старушка,— на постели моего Лоренцо.

— Снимите меня, снимите меня съ этой постели! сказалъ раненый слабымъ голосомъ, выражавшимъ ужасъ.

— Зачѣмъ же, сынъ мой?

— Затѣмъ, что если я умру здѣсь, Лоренцо не захочетъ лечь въ эту постель.

— Ты выздоровѣешь на ней, сынъ мой, отвѣчала тетка Мельхіора.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ бѣдный юноша, — я умираю; видите ли, отецъ мой, сказалъ онъ съ кроткой улыбкой, обращаясь къ отцу Ноласко, — что смерть ждала меня не на морѣ!

— Тѣмъ лучше для тебя: ты умрешь какъ праведникъ, окруженный всѣми, кто тебя любитъ; и я здѣсь, я пріобщу тебя святыхъ таинъ.

Алькадъ пришолъ взять показаніе съ раненаго. Томасъ отвѣчалъ, что должно быть его ранили по ошибкѣ, какъ онъ могъ заключить изъ словъ незнакомаго ему убійцы. И ктобъ онъ ни былъ, онъ его прощаетъ.

Всѣ присутствующіе скоро ушли и оставили его одного съ о. Ноласко, чтобъ дать ему время приготовиться къ причастію.

По окончаніи исповѣди, когда монахъ спросилъ у Томаса, не осталось ли у него чего-нибудь на совѣсти, бѣдный юноша отвѣчалъ:

— Да, отецъ мой, сейчасъ я немного солгалъ.

— Какъ это, сынъ мой, немного, сейчасъ?

— Да, отвѣчалъ умирающій, — я отвѣчалъ алькаду, что не знаю своего убійцу.

— А ты знаешь его?

— Подъ тайной исповѣди, говорю вамъ, что знаю!

— Ктожъ онъ такой?

— Этого я не скажу вамъ, отецъ мой, и совѣсть не упрекаетъ меня въ томъ, что я скрываю его имя.

Въ эту минуту кровь въ огромномъ количествѣ показалась изъ горла несчастнаго и посреди волненія, которое произошло по этому

Digitized by Google

служанка Долорес выражалась изъ толпы женщинъ, удерживавшихъ ее вдали отъ брата. Она, съ блуждающими глазами, бѣдная, какъ мраморная надгробная статуя, неслась въ комнату.

— Бѣдная Долорес! сказалъ умирающій, освободившимъ отъ перетянувшаго ее платка, и дѣлая усилія, чтобы выразиться изъ-подъ душившихъ, но все еще прекрасныхъ, борящихся съ жизнью губъ.

— Ему нуженъ покой; уйди, сказалъ о. Ноласко, передавая ее опять на руки женщинамъ, ожидавшимъ ее. — Уйди, ты можешь ухудшить его душу. И подошолъ опять къ умирающему: — Думай объ одномъ только Богѣ, отцѣ твоемъ, призывающемъ тебя.

— Я объ немъ одномъ и буду думать, отвѣчалъ Томасъ, поднимая глаза къ небу.

— Теперь, сынъ мой, вознеси сердце твое къ милосердому Господу, предъ котораго ты скоро предстанешь, и умри съ миромъ. Я буду охранять душу твою, какъ бы ты былъ мой собственный сынъ.

Томасъ тихо пожалъ руку своего монаха, улыбнулся, открылъ глаза, и не раскрывалъ ихъ больше.

Сначала шопотомъ потомъ вслухъ, и наконецъ, среди женскихъ рыданій, страшное слово: онъ умеръ! пронеслось прямо изъ устъ въ уста.

— О горе, горе! кричали женщины. — Колокола сами собою будутъ звонить. Какое безчеловѣчіе — лишить жизни невиннаго, никогда не оскорбившаго, даже мысленно!

— И онъ простилъ, говорили другія со слезами. — Это былъ ангелъ; онъ умеръ такъ какъ жилъ, не сдѣлавши никому зла. Это смерть Авеля!

Долорес казалась совсѣмъ уничтоженною: глаза ея плакали, губы не жаловались, только судорожныя движенія, время отъ времени, доказывали, что она жива еще. Добрыя женщины положили ей на сердце лоскутокъ краснаго сукна, вспрыскивали лицо холодной водой; но безчувственное состояніе упорно продолжалось. Вдругъ она вскочила, подошла къ шкапу, который тетка Мельхіора опредѣляла для ея вещей, вынула оттуда всѣ выработанныя деньги, которыя она откладывала и берегла себѣ на приданое, отдала ихъ доброй старушкѣ, сказала едва слышнымъ голосомъ:

— На покупку гроба, тетка Мельхіора, и за обѣдню; я хочу, чтобъ у него былъ приличный гробъ и чтобъ молились за него.

Сказавши это, она простонала, и упала какъ мертвая на полъ.

Digitized by Google

XV

Эстевана препроводили въ Сеговію, гдѣ онъ долженъ былъ быть преданъ военнымъ судамъ.

Онъ приготовился отвергать допросы, при которыхъ говорили, что онъ совершилъ преступленіе противъ Сеговійскаго дона Бермудо, который прежде былъ его убійствомъ, показалъ, что онъ узналъ его и разговаривалъ съ нимъ; онъ не отвергалъ истины этого показанія, но не признался въ преступленіи. Ему возразили, что такъ какъ онъ находился на томъ мѣстѣ, въ самое то время, какъ совершилось убійство, то онъ долженъ былъ видѣть убійцу; онъ твердо отвѣчалъ, что ничего не зналъ и не видѣлъ, что еще больше увеличивало подозрѣніе судей. Его побѣгъ изъ Роты въ первой часъ ночи, тогда какъ онъ говорилъ, что вышелъ изъ Роты безпрепятственно и спокойно, съ которой онъ объѣхалъ всѣ таверны въ Сеговіи, прислушиваясь къ разговорамъ, разспросы о положеніи раненаго, запирательство и нерѣшительные отвѣты на нѣкоторые вопросы — все это, взятое вмѣстѣ, такъ ясно свидѣтельствовало, что онъ былъ виновникъ убійства, что всѣ единогласно произнесли ему смертный приговоръ.

Эстеванъ выслушалъ этотъ приговоръ равнодушно. Изъ всѣхъ своихъ дѣлъ, насильственная смерть должна была не такъ ужасна, когда она составляетъ жертву, а не наказаніе за преступленіе.

Въ ту минуту, какъ приговоренаго хотѣли вывести изъ палаты совѣта, отъ толпы отдѣлился молодой человѣкъ и твердыми шагомъ подошолъ къ судьямъ. Спокойствіе его выразительнаго лица, казалось, не было достаточнымъ признакомъ душевнаго волненія. Можно было подумать, что такой природный цвѣтъ кожи, всѣ черты которого показывали совершенное отсутствіе жизни, кромѣ черныхъ глазъ, въ которыхъ свѣтился зеленый огонь.

Этотъ человѣкъ началъ говорить твердымъ и сильнымъ голосомъ, обращаясь къ собранію:

— Почемъ ты знаешь это, вѣчный доносчикъ?

— Присутствіе моего господина.

— Когда?

— Сію минуту.

— Укажи его.

Оглянувшись

— Кто же онъ?

— Я.

— Ты?

— Я самъ обвиняю и предаю себя.

На минуту водворилось глубокое молчаніе.

— Братъ! вскричалъ наконецъ Эстеванъ: [illegible]

— А тогда душа, отвѣчалъ тотъ, [illegible] Ты считалъ меня подлецомъ? Знаю, что я никогда не былъ добрымъ; а всегда таилъ въ сердцѣ своемъ какое-то право, которое ранняя ложно должны были меня погубить; на это не вѣдаетъ, что и способенъ братъ подлецомъ и хочу дать умереть за себя невинному. Я хотѣлъ освободить тебя изъ тюрьмы, и не могъ, потому что лучше не удается тому, кого оставили руки бѣдныя. Пусть же законъ накажетъ виновнаго и пусть совершится надо мною приговоръ суда. Подымающій мечъ на ближняго своего, можетъ и погибнуть. Прощай! Утѣшай родителей нашихъ; и прости меня [illegible]

Послѣ этого неожиданнаго происшествія, сеньоръ покинулъ присутствіе; Лоренцо отпущенъ на свободу. Но онъ, какъ пораженный громомъ, остался на мѣстѣ безъ движенія, безъ воли и безъ словъ. Отъ полусознанія его кто-то сильно потянулъ его за руку и увлекъ за собою съ этого рокового мѣста. Безъ малѣйшаго сопротивленія онъ позволилъ вести себя въ какой-то домъ, гдѣ тотчасъ же заперли двери, [illegible] вошелъ туда.

— Обойдись! сказали ему, подавая стаканъ вина: [illegible] друзья желаютъ этого.

Эстеванъ поднялъ глаза, и первый разъ взглянулъ на того, кому онъ позволилъ увести себя.

— Это вы! вскричалъ онъ съ волненіемъ [illegible]

— Друзья берегутся для случая, отвѣчалъ ему собесѣдникъ, [illegible] первый былъ не другой кто, какъ онъ старый конецъ, карабинеръ.

— И ты хотѣлъ быть умереть! сказалъ прибѣжавшая Пепа, [illegible] Эстевана за связанныя [illegible]

— Неужели надо было донести на брата? отвѣчалъ онъ. [illegible]

— Въ эту минуту, сказалъ карабинеръ, садись на почтовое судно и отправляйся въ Сан-Люкаръ, а оттуда въ Ронкилью будетъ цѣлѣе, когда глаза не будутъ видѣть [illegible] —

— Извините меня, отвѣчалъ Эстеванъ, возвратившій себѣ свою бодрость: — я хочу остаться съ братомъ.

Пепа и мужъ ея напрасно старались отвратить [illegible] этого намѣренія.

Карабинеръ пошолъ съ нимъ вмѣстѣ; но когда [illegible] въ

Digitized by Google

порыву, къ нимъ вышелъ навстрѣчу офицеръ, тотъ самый, который защищалъ Эстевана и который какъ-будто ожидалъ ихъ посѣщенія.

— Преступникъ поручилъ мнѣ выйти къ вамъ навстрѣчу и сказать, что онъ не желаетъ васъ видѣть. Не потому, чтобъ у него недоставало мужества — онъ покоенъ и покоренъ судьбѣ; и не потому, чтобъ онъ не любилъ васъ, но именно изъ любви и участія къ вамъ, онъ хочетъ избавить васъ отъ той горести, которую вы неминуемо должны будете испытать при свиданіи съ нимъ, тѣмъ болѣе, что ваша горесть не будетъ скоротечная, какъ его собственная. Онъ сказалъ мнѣ, что если воля умирающаго священна, то вы должны уважить ее: уѣзжайте сію же минуту; постарайтесь утѣшить родителей, и доставьте ему черезъ это послѣднее утѣшеніе. Когда вы пріѣдете домой, распечатайте это письмо: это его послѣднее сообщеніе съ міромъ; и съ тѣхъ поръ, какъ онъ продиктовалъ мнѣ его, онъ ни о чемъ не думаетъ кромѣ вѣчности, которая никогда не кажется намъ такъ необъятна, какъ въ минуту смерти. Не приходите въ отчаяніе; вѣрьте, что если возможно что-нибудь для него сдѣлать, то будетъ сдѣлано.

При этихъ словахъ несчастный Эстеванъ впалъ въ ту же безчувственность.

Добросердечный карабинеръ, не говоря ни слова, увелъ съ собою Эстевана.

— Ободрись, ободрись, говорилъ онъ: — надо стать лицомъ къ лицу съ несчастіемъ. Ступай домой; что ты будешь здѣсь дѣлать?

Говоря такимъ образомъ, онъ притащилъ его къ рѣкѣ, гдѣ уже стояла лодка, готовая къ отплытію въ Сан-Люкаръ. Онъ посадилъ его, заплатилъ за перевозъ, поручилъ его знакомому моряку и вернулся домой тогда только, когда судно отплыло.

Какое перо можетъ описать сцены отчаянія, слѣдующія одна за другой, въ томъ домѣ, гдѣ прежде жило столько радостныхъ счастья, въ семействѣ Лопецовъ, когда они узнали все, что пересказалъ имъ Эстеванъ? Кто можетъ описать эту глубокую, нескончаемую горесть? Все, что бы мы ни сказали, будетъ гораздо слабѣе дѣйствительности, такъ точно, какъ живописецъ, изображая огонь и воду, не можетъ дать теплоты одному и движенія другой.

Наконецъ о. Ирласко сталъ читать письмо Лоренцо. Онъ писалъ слѣдующее:

«Никогда прощеніе не испрашивается напрасно у Бога и у отца. Я просилъ прощенія у Бога: также точно прошу и у васъ, которымъ я такъ худо заплатилъ за любовь ко мнѣ. Не плачьте о судьбѣ моей: я пожинаю то, что посѣялъ, и съ покорностью смотрю на

неизвѣстіе, какъ за искупленіе грѣха. Богъ да направитъ тебя, братъ мой, за твою преданность ко мнѣ! Если бы я осталась жива, я въ знакъ благодарности, цѣловалъ бы землю, гдѣ ступала нога твоя.

«Есть одно обѣщаніе, которое ты должен исполнить, если дорожишь, чтобъ я умерла спокойно. Будь покровителемъ и опорой бѣдной дѣвушки, которой я, достойный несчастія, женись на ней, самой жизнь ея пріятною на столько, на сколько я страшился ее. Дайте другъ другу слово, при чтеніи моего письма, которое я получилъ это слово, вмѣсто того, кто долженъ умереть; мысль что вы исполните мое желаніе, есть единственное утѣшеніе, которое я уношу изъ земной жизни.

«Прощайте меня и поручите душу мою Богу, утѣшителю всѣхъ.»

Но окончаніи письма, во время чтенія котораго слышались стоны и проливались слезы, Эстеванъ полетѣлъ къ постели, на которой лежала несчастная Долоресъ, какъ безжизненный трупъ.

— Долоресъ, сказалъ онъ ей: — послѣдняя воля брата священна: ты не можешь имѣть другого мужа, кромѣ меня, а я не могу имѣть другой жены, кромѣ тебя. Онъ вѣритъ, что мы исполнимъ его послѣднее желаніе, а мы не должны измѣнять ему.

Долоресъ молчала и продолжала рыдать.

— Если ты не согласишься, съ грустью продолжалъ Эстеванъ, ты докажешь тѣмъ, что не любишь брата, пренебрегаешь имъ и не уважаешь наше семейство. Обѣщай, Долоресъ, время горько.

— Обѣщаю, отвѣчала Долоресъ со стономъ, исполнить то, что онъ хочетъ и чего ты требуешь.

XVI

Эта агонія продолжалась шесть дней. Бѣдная мать была въ безпрерывно-суморочномъ состояніи; слезы другъ смѣнялись и текли ручьями до самыхъ поръ пріятное и тяжкое, сознаніе, какъ дерево, сломленное бурей. Жизнь Долоресъ была въ опасности. Катерина почерпала силы, чтобъ не пасть совершенно подъ тяжестью горя, и любви матерей. Эстеванъ не покидалъ всей своей грусти, чтобъ не увеличить страданія семейства. Одинъ Нелаква былъ не таковъ, теперь онъ былъ противникомъ тѣхъ добрыхъ людей, которые прежде помогали ему. Онъ за всѣми ухаживалъ, всѣхъ утѣшалъ какими убѣдительными доводами, почерпая ихъ въ своихъ испытаніяхъ, указывая имъ на дело божіе, на примѣръ нашей Матери божіей. Иногда онъ читалъ молитвы, слушалъ его знакомый умилительный голосъ, посредь мертвенной тишины, доходящій

до сердца слушателей, и какъ-будто волшебной силой, наполнялъ ихъ то утѣшеніемъ, то воспоминаніемъ, то надеждой, охватывалъ ихъ какъ узами, связывающими живыхъ съ мертвыми, жизнь здѣшнюю съ жизнью будущей.

Сосѣды, которыя наперерывъ ходили прислуживать несчастному семейству, ждали однажды выхода доктора.

— Никакое, предписанное вами лекарство, сказали онѣ, не помогаетъ бѣдной матери; нечего обольщать себя надеждой, она скоро умретъ.

— Отецъ безпокоитъ меня больше, отвѣчалъ докторъ: — не смотря на его наружное спокойствіе.

— А Долоресъ? Не нужно ли причастить ее?

— Нѣтъ, погодите, она молода; еще можно помочь; кризисъ можетъ спасти ее.

Въ эту минуту дверь съ шумомъ растворилась и карабинеръ, задыхаясь отъ усталости, весь въ пыли, ворвался въ комнату, крича изо всей силы:

— Друзья, есть Богъ, есть и милосердіе! Помилованъ! помилованъ!

Больше онъ ничего не сказалъ, и не могъ сказать; но было безполезно и говорить больше, чтобъ возвратить къ жизни всѣхъ умирающихъ.

Эстеванъ внѣ себя бросился къ карабинеру.

— Что ты говоришь? Помилованъ!

— Помиловатъ!

— Мой сынъ? вскричала мать, вскочивши съ постели, на которой лежала.

— Лоренцо.

— Судомъ? спросилъ отецъ, вставая и выпрямляясь, какъ молодой человѣкъ.

— Какъ судомъ? Королевой! Да здравствуетъ королева! да здравствуетъ Изабелла! кричалъ карабинеръ, поднимая вверхъ каску.

— Онъ не умретъ? прошепталъ слабый голосъ Долоресъ.

— Когда угодно будетъ Богу, но не прежде, отвѣчалъ карабинеръ.

Сцену, которая затѣмъ послѣдовала, мудрено описать, потому-что сами дѣйствующія лица не сохранили ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, что происходило. Мать упала безъ чувствъ на руки мужа; Эстеванъ и Катерина поддерживали группу, которую составляли ихъ родители; Долоресъ отыскала довольно силы, чтобъ сидѣть на постели, скрестивши руки и горячо молиться,

благодетельною молитвою; добрыя сосѣдки плакали, напирали; карабинеръ безпрестанно дотрогивался рукой до усовъ, чтобъ стереть упавшую на нихъ слезу; одинъ о. Моласко былъ безстрастенъ.

— Видите, дѣти мои, сказалъ онъ: — Богъ посылаетъ огорченія, но не поражаетъ ударомъ. Я говорилъ вамъ: будьте покорны. Надежда — послѣднее благо, которое отъ насъ исчезаетъ; и если надежды земныя обманчивы, зато надежды на жизнь вѣчную неизмѣнны. Потому-то божественная премудрость сдѣлала надежду добродѣтелью и завѣщала всѣмъ тварямъ сохранить ее въ сердцѣ своемъ, чтобъ предохранить себя отъ паденія подъ бременемъ отчаянія. Сердце, которое отчаевается, не есть сердце христіанина.

— О милосердіе! пусть по внушенію твоему рука, имѣющая власть миловать, беретъ почаще перо, если не изъ состраданія къ виновному, то изъ жалости къ невинному семейству, не участвовавшему въ его преступленіи!

Странное происшествіе, случившееся въ военномъ совѣтѣ, возбудило всеобщее любопытство и участіе, особенно участіе офицеровъ, бывшихъ свидѣтелями сцены братской любви и чести. Благородная простота обращенія и языка людей, которыхъ называютъ необразованными, тронула ихъ. Лица, загорѣвшія отъ солнца, руки, окрѣпшія отъ владѣнія мечемъ, не мѣшаютъ сердцамъ быть чувствительными и великодушными, и еще гораздо въ большей степени, нежели способны на то сердца людей высшаго круга, которыя иногда расчувствуются отъ одного разговора.

Нѣкоторыя знаменитыя лица присоединились къ числу сочувствующихъ, и подали королевѣ просьбу.

— Онъ свободенъ, онъ придетъ сюда? спросила мать, послѣ того какъ первое волненіе утишилось.

— Еслибъ это зависѣло отъ королевы, онъ пришолъ бы... Друзья мои, да здравствуетъ королева! сказалъ карабинеръ.

— Богъ да благословитъ королеву! воскликнули всѣ, въ восторгѣ благодарности.

— Еслибъ это зависѣло отъ королевы, онъ пришолъ бы, прервалъ карабинеръ; но королева не можетъ сдѣлать ничего больше, какъ даровать жизнь; есть еще другія наказанія.

— Ссылка? вскричала несчастная мать.

— Да, такъ и должно быть, отвѣчалъ карабинеръ. Кто дѣлаетъ зло, тотъ долженъ и поплатиться за него, какъ Мельхіора.

— Но Томасъ простилъ его, Томасъ, этотъ кроткій ангелъ, который умеръ какъ Авель!

— Это обстоятельство говорить въ его пользу, но этого недостаточно.

Мать начала горько плакать.

— Мельхіора, не оскорбляй Бога, сказалъ дядя Матео, сталъ которато опять сгибался, голова опять опустилась на грудь.

— Я думала, что онъ свободенъ, говорила мать рыдая.

— Зачѣмъ обольщать себя подобными надеждами, дона? Преступленіе его считается однимъ изъ самыхъ важныхъ; наказаніе непремѣнно должно послѣдовать, отвѣчалъ достойный старикъ.

— Куда же отошлютъ его, сеньоръ Кануто? спросила бѣдная мать.

— На Маріанскіе острова.

— На сколько времени?

— Неизвѣстно, отвѣчалъ карабинеръ, который зналъ очень хорошо, что на всю жизнь.

Бѣдный дядя Матео понялъ его.

Между тѣмъ Долоресъ подозвала къ своей постели Эстеванъ и говорила ему:

— Эстеванъ, такъ какъ Лоренцо, благодаря милосердію божескому и человѣческому, остался въ живыхъ, то это освобождаетъ насъ отъ обѣта, даннаго покойнику. Покуда Лоренцо будетъ живъ, до тѣхъ поръ я не буду женой другого.

— И я также думаю, отвѣчалъ Эстеванъ; я очень люблю тебя, столько же, какъ сестру Катерину; но всегда смотрѣлъ на тебя, какъ на жену Лоренцо. Жениться при жизни его было бы стыдно и безчестно. Ты останешься съ нами, Долоресъ; у меня есть добрыя руки, чтобъ прокормить сестру. Ктому же, я дважды тебѣ братъ: одинъ разъ по Лоренцо, другой по Томасу.

Долоресъ заплакала.

— Послушай, сказалъ отецъ Ноласко, когда Эстеванъ вышелъ: — Роза поручила мнѣ сказать тебѣ, что она не навѣщаетъ тебя потому, что не хочетъ ни переступать черезъ порогъ этого дома, ни видѣть кого бы то ни было изъ семейства Лоренцо. Я старался доказать ей, что она дурно дѣлаетъ, но ничѣмъ не могъ убѣдить ее, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время. Еще она поручила мнѣ сказать тебѣ, что покуда она жива, ты должна жить вмѣстѣ съ нею. Теперь ты все знаешь.

Роза, также какъ и Долоресъ, перешла отъ дѣтства къ юности слезнымъ путемъ; свѣжій румянецъ и веселая улыбка, украшавшіе ея личико, пропали навсегда. Ея рѣзвая веселость исчезла какъ цвѣтъ отъ набѣжавшаго вихря; она ужь не вызывала больше вниманія отца Ноласко на портретъ дяди; она не противорѣчила боль-

Digitized by Google

ше матери своими рѣзкими возраженіями. Она повела жизнь строгую, ходила въ церковь, посѣщала больныхъ и занималась хозяйствомъ.

5 сентября, въ день годовщины по покойникѣ, старый священникъ, въ монастырѣ, на берегу морскомъ, медленно служилъ заупокойную обѣдню. Двѣ женщины, связанныя между собою тѣсной дружбой, пришли вмѣстѣ въ церковь: одна изъ нихъ была молода, хорошо одѣта, съ задумчивымъ, но не пострадавшимъ отъ болѣзни лицомъ; замѣтно было, что она обрекла себя на жизнь строгую и полезную. Другая была тоже молодая, въ черномъ платьѣ, блѣдная, изнуренная и худая; казалось, она приближалась къ концу своихъ страданій и испытаній. Первая была Роза, другая Долоресъ.

Когда онѣ идутъ вмѣстѣ, всѣ говорятъ съ чувствомъ сердечнаго умиленія:

— Какая произошла перемѣна въ Розѣ, дочери доньи Брауліо! Она сдѣлалась степенной женщиной, какъ и должно быть. — Еще съ бо́льшимъ участіемъ прибавляютъ: — Долоресъ, донъ татки Томазы, склоняется какъ луна къ западу; она такъ исхудала, что почти нѣтъ мѣста на лицѣ, чтобъ перекреститься; она носитъ въ груди мертвое сердце; она и родилась для однихъ страданій.

— Бѣдная Долоресъ!

СМѢСЬ

ПЛАЧЪ КОРЕКТОРА

Я тёмну лиру строю...

Случайныя обстоятельства заставили меня взять на себя обязанность корректора. Корректоромъ я недавно, всего четвертый мѣсяцъ. Меня всегда пугали корректурные листы, испещренные какими-то іероглифами. Теперь я съ этими іероглифами свыкся совершенно и дотого втянулся въ корректуру, что какъ въ былую пору для большинства русской читающей публики «печатный всякій листъ казался быть святымъ», такъ теперь для меня всякій печатный листъ быть кажется корректурой. Нешутя, какъ только возьмешься за какую-нибудь книгу, такъ прежде всего слѣдишь не за мыслью, а за грамматической ошибкой, и только потомъ, уже подъ конецъ страницы, порядочно хлопнешь себя по лбу ладонью и прошепчешь: «Богъ мой, да вѣдь это не корректура!» И снова читать принимаешься, но на этотъ разъ уже безъ мысли объ ортографическихъ ошибкахъ.

Въ первые дни меня ужасно занимали типографскіе промахи и поправлять ихъ было какъ-то отрадно. *Цы* или *ца* какая-нибудь хвостъ кверху подняла, противъ всякихъ правилъ типографскаго приличія — и мнѣ очень смѣшно было; становилось скучно, когда бывало на семи-восьми строкахъ не найдешь ниодной ошибки. Держать корректуру я кажется могъ смѣло: правильно писать я умѣлъ еще когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, а съ тѣми немногими орфографическими особенностями, которыя исключительно принадлежатъ «Времени» (напр. *потому что* писать слитно, въ прилагательныхъ муж. р. въ родительномъ ед. ч. писать *ого* вмѣсто *аго*, если ударевіе находится на предпослѣднемъ слогѣ, и друг.), типографія познакомила меня скоро. Назначеніе шрифтовъ, исправленіе сло-

га — въ кругъ моего вѣдомства не входили. Его составляли только *правила правописанія:* тутъ я можно-сказать былъ маленькій царекъ, хотя власть мою надъ ятемъ и запятыми и ограничивала повременамъ редакція.

Корректурные листы смѣнялись одни другими, время шло себѣ впередъ, и чѣмъ дальше оно подвигалось, тѣмъ крѣпче одолѣвало меня сомнѣнье: мнѣ стало казаться, что такое-то слово не такъ слѣдуетъ писать, какъ его пишутъ и какъ самъ же я писалъ до сихъ поръ, а *вѣрнѣе* было бы писать вотъ какъ; здѣсь запятая не у мѣста, тутъ прописная буква слишкомъ глаза рѣжетъ, тамъ перенесено невѣрно — такъ переносить нельзя, и проч. и проч., — и я все больше и больше убѣждался, что правильно писать порусски не умѣю. Я сталъ записывать отдѣльные случаи правописанія, казавшіеся мнѣ сомнительными, и мало-помалу мое убѣжденіе превратилось въ другое: я пришолъ къ той мысли, что *мы*, русскіе, до сихъ поръ еще не научились правильно писать на своемъ языкѣ. Всякъ мололецъ у насъ на свой образецъ, всякій на свой ладъ пишетъ. И странная вещь: всѣ журналы кажется однимъ языкомъ говорятъ, отчего же пишутъ они всякій по-своему? Удивительно странно. Ежели нашему литературному языку, для котораго не существуетъ ни вятскаго, ни новгородскаго, ни московскаго, ни другого какого нарѣчія, была возможность установиться, то вслѣдствіе какихъ же особенныхъ причинъ не можетъ у насъ установиться правописаніе?

— Ну, это еще вопросъ — установился ли нашъ языкъ, замѣтятъ мнѣ. — Уже одно многое множество иностранныхъ словъ указываетъ на недалекость его развитія.

Боже мой! да вѣдь не говорю же я, что нашъ языкъ развился и сложился окончательно, «и дай-богъ, чтобъ онъ еще какъ можно долѣе не установился, потомучто чѣмъ дольше будетъ онъ установляться, тѣмъ лучше и богаче установится онъ», добавлю я словами Бѣлинскаго (*). Однакожъ на столько-то вѣдь онъ установил-

(*) Не цитируя каждую выписку изъ Бѣлинскаго отдѣльно, скажемъ просто, что всѣ онѣ взяты изъ двухъ его рецензій, помѣщенныхъ одна въ девятомъ томѣ его сочиненій (стр. 484—510, гдѣ онъ разбираетъ «Упрощеніе русской грамматики» Кодинскаго), другая въ десятомъ (стр. 113—132, разборъ «Грамматическихъ разысканій» Васильева). Обѣ рецензіи мы прочли тогда уже, когда наши замѣтки были почти окончены. Признаемся откровенно, мы съ изумленіемъ увидали, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ нашей литературѣ раздавался такой же плачъ и рыданіе, съ какимъ мы теперь выступаемъ передъ публикой. Но — pereant qui ante nos nostra dixerunt! Можетъ и про насъ это когда-нибудь скажутъ, можетъ скорбящіе и плачущіе корректоры явятся и впослѣдствіи... А вотъ поживемъ, увидимъ.

Digitized by Google

ся же, что напримѣръ при исправленіи перевода съ какого-нибудь иностраннаго языка вы руководствуетесь (положимъ даже и инстинктивно, или вѣрнѣе — по слѣпой привычкѣ) просто тѣмъ, что дескать «порусски такъ не говорится». Такое выраженіе необходимо заставляетъ предполагать извѣстный складъ языка, извѣстную опредѣленность его формъ; а эта опредѣленность — вѣрнѣйшій признакъ того, что языкъ установился, хоть на время да установился.

Дальше-съ. Формы языка опредѣляются граматикой. Съ перваго взгляда можно бы подумать, что ежели языкъ развивается, то и граматика его, это систематическое обобщеніе формъ языка, тоже должна идти съ нимъ въ-ногу. Ну оно хоть и такъ, да не совсѣмъ. Намъ кажется, что граматика является такимъ же консервативнымъ элементомъ въ жизни языка, какимъ напримѣръ юридическія учрежденія являются въ жизни народа. Все что́ есть подвижного въ языкѣ, съ чѣмъ *можно* обращаться такъ и эдакъ — не входитъ въ граматику; граматика вовсе и не знаетъ слова «можно»; *должно* — вотъ ея слово. И какъ юридическія установленія тогда только и хороши, цѣнны, тогда только вполнѣ достигаютъ своей цѣли, когда отвѣчаютъ на современныя требованія (въ противномъ случаѣ они хоть и существуютъ по имени, но de facto они умерли), — такъ и граматика тогда только и дорога, когда доставляетъ возможность узнать современныя ей формы языка. А посмотрите-ка на наши граматики, полюбуйтесь. Тутъ недомолвка, здѣсь положительная дичь, тамъ правило черезчуръ ужь произвольное... Иной разъ крѣпко хотѣлось бы посовѣтоваться съ граматикой, да повертишь-повертишь ее въ рукахъ, не найдешь чего искалъ, подъ столъ и кинешь. Чтожъ это за граматика?

Вамъ хочется положимъ справиться, какъ слѣдуетъ произносить такое-то слово, ну хоть напримѣръ «расположенъ», или «расположенъ»? Вотъ вы беретесь за граматику, въ полной увѣренности, что тамъ для ортоэпіи, т. е. для правильнаго произношенія словъ, должно быть отведено мѣстечко. И вдругъ вмѣсто ортоэпіи вы какъ куръ во щи попадаете въ просакъ, т. е. въ просодію! Вѣдь это какъ обухомъ по лбу. Впрочемъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, просодію выпроводили изъ граматики, и куда она теперь бѣжала, кто́ принялъ ее подъ свою защиту — неизвѣстно. Поползли темные слухи, будто «Домашняя бесѣда» осѣнила ее своимъ вниманіемъ и подъ ея тактъ слагаетъ свои дикозвучные гимны. Слухи эти прояснились, послѣ того какъ редакторъ оной «Бесѣды» заявилъ публикѣ, что его фамилія не Аскоче́нскій, какъ полагалъ кажется Гейне изъ Тамбова, а Аско́ченскій: ясно, что его подстрекнула просодія.

Digitized by Google

А въ правописаніи-то что̀ у насъ творится!

Изъ трехъ частей граматики (четвертой, слогоударенія, мы не признаемъ) правописаніе — самая практическая часть. Авторитеты здѣсь мы, корректоры. Правописаніе наша наука, *мы* въ ней спеціалисты.

Съ грустью должны мы сказать, что наука наша никогда не могла достигнуть самостоятельнаго значенія. Разработывалась она большею частью спустя рукава, и въ граматикахъ ей всегда отводилось самое скромное помѣщеніе. Спеціальными сочиненіями литература нашей науки весьма бѣдна. Какъ на особенно замѣчательный трудъ, мы можемъ указать пока на монографію о буквѣ *ять*. Здѣсь вы найдете увлекательное житіе многострадальнаго ятя, составленное на основаніи записокъ очевидцевъ и разныхъ подлинныхъ документовъ въ родѣ метрическаго свидѣтельства о рожденіи и проч.; потомъ разсказываются разныя похожденія ятя и его метаморфозы, такъ что ять является какимъ-то героемъ водевиля съ переодѣваньемъ. Между прочимъ вы тутъ встрѣтите правила, какъ долженъ вести себя ять, правила, которымъ онъ безпрекословно долженъ повиноваться; тутъ же означено, какое получилъ онъ воспитаніе, его лѣта и мѣсто жительства, не бывалъ ли подъ судомъ и слѣдствіемъ, въ походахъ противъ непріятеля не участвовалъ ли и не подвергался ли какимъ взысканіямъ... Окончивъ это, авторъ приходитъ наконецъ къ заключенію, т. е. къ задней оберткѣ своего творенія («конецъ дѣло вѣнчаетъ»), и на ней извѣщаетъ особъ, соблаговолившихъ взять его книжечку въ руки, что «цѢна» оной тридцать копѣекъ. Особы разумѣется всего меньше думаютъ купить эту книжечку, расчитывая весьма основательно, что коли всякая буква въ тридцать копѣекъ станетъ, такъ нѣтъ братъ, дудки! больно накладно карману будетъ цѣлой-то азбукой обзавестись. Такъ и не берутъ книжечки. — Всѣ же остальныя буквы нашего богатаго алфавита не удостоились монографій. Тѣмъ не менѣе судьба нѣкоторыхъ изъ нихъ заслуживаетъ полнаго вниманія граматика-историка. *Ѳита* напримѣръ — буква забитая, юродивая; кругъ ея дѣятельности въ послѣднее время сильно стѣснился; теперь рѣдко когда показывается она въ литературѣ подъ своимъ именемъ, а больше является подъ псевдонимомъ ферта. Даже были попытки изгнать ее изъ области нашей науки (помните, Бѣлинскій-то? «А что̀, говоритъ, не пора ли и вовсе выкинуть ее, какъ ненужную?»), но какимъ-то чудомъ она спаслась, благодаря кажется византійской протекціи. — Пресловутая ижица теперь принимаетъ миѳическій характеръ; можно надѣяться, что скоро будетъ время, когда выраженіе: «лицо его приняло видъ ижицы» (го-

Digitized by Google

горя напримѣръ о подписчикѣ на «Орла» какого-нибудь или на «Очень занимательный вѣстникъ» Рюмина, или о сотрудникѣ «Юридическаго журнала» Салманова и т. д.) будетъ нуждаться въ комментаріѣ. — Немало горя привелось вытерпѣть и буквѣ *э*. Эпоху гоненій пережила и она, моя голубушка, но со своимъ твердымъ характеромъ все вынесла, все вынесла! Ее потому больше гнали, что въ славянскомъ алфавитѣ искали-искали ее, да такъ и не нашли (ужь начто въ палимпсестахъ, и тамъ не нашли): слѣдовательно, заключили, она не должна существовать и въ русскомъ алфавитѣ. Присовокупимъ къ этому, что въ печатной русской литературѣ буква *э* не находитъ себѣ мѣста въ «Памятникахъ московской древности» Снегирева, а въ письменной — въ любовныхъ запискахъ дворниковъ, горничныхъ, лакеевъ и другихъ истинныхъ ревнителей грамотности (всѣхъ этихъ особъ мы относимъ къ скептической школѣ, какъ читатель увидитъ впослѣдствіи).

До начальныхъ буквъ *а, б, в* и такъ далѣе дѣло пока еще не доходило, безъ сомнѣнія на основаніи русской поговорки: начинай съ конца». Впрочемъ, оно пожалуй и доходило — до буквы *жже* напримѣръ. Но Бѣлинскій хоть и увѣрялъ, что она и дурна собой, и толста невмѣру, не то-что красавица *і*, и больше *і* занимаетъ мѣста, хоть и кричалъ «вонъ ее!» и ногами топалъ — нѣтъ! ничего не помогло. Упрямица не унялась, ужасъ какая несговорчивая.

Но дальнѣйшее и болѣе подробное изложеніе литературы нашего предмета мы оставляемъ до другого раза, а если здѣсь и замолвили о ней словцо, такъ для того только, чтобъ познакомить читателя съ тономъ послѣдующихъ нашихъ статей. Продолжаемъ дальше.

Меня, какъ корректора, сильно поражаетъ одинъ случай съ Пушкинымъ. Разъ Пушкинъ писалъ что-то и вдругъ наткнулся на слово «придти». Сперва онъ написалъ *прійти*, но такое правописаніе показалось ему дико. Зачеркнулъ, и написалъ *притти*. Нѣтъ, и это не понравилось; зачеркнулъ и это, и написалъ *придти*. На этомъ правописаніи онъ успокоился. Чѣмъ, спрашивается, побуждался Пушкинъ, когда одно и тоже слово писалъ на три лада? Онъ могъ побуждаться или произношеніемъ этого слова (вотъ почему онъ написалъ *притти*), или его этимологіей (вотъ почему онъ написалъ *придти*, отъ *приду*), или наконецъ до него принятымъ произношеніемъ (а до него писали *прійти*).

Въ нынѣшнемъ нашемъ правописаніи оттого такая и путаница, что общаго-то начала въ немъ никакого не принято. Произношеніемъ исключительно мы не руководствуемся, на основаніи одной этимологіи писать намъ тоже не всегда сподручно, а писать такъ, какъ писали прежде, намъ и неохота, и совѣстно. Да правду ска-

Digitized by Google

зать, одного-то общаго начала для правописанія и принять нельзя. Попробуйте напримѣръ писать согласно съ однимъ произношеніемъ: васъ мало того что обзовутъ безграмотнымъ, да еще пожалуй въ видѣ поученія прибавятъ, что-де ни въ одномъ живомъ языкѣ такъ не водится. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ у насъ не было попытки писать такимъ манеромъ. Было бывало. Въ 1842 году г. Кодинскій, соболѣзнуя объ отчаянномъ положеніи нашихъ грамматическихъ правилъ вообще и правилъ правописанія въ особенности, предложилъ намъ «Упрощеніе русской грамматики». Упрощеніе это, надобно замѣтить, касалось преимущественно шрифта: нашъ шрифтъ, по мнѣнію господина Кодинскаго, очень сострадательнаго господина, ужасно неудобенъ какъ для краснаго и четкаго письма, такъ и для красивой и четкой печати. Поэтому онъ предлагаетъ замѣнить нашъ шрифтъ латинскимъ..,

Впрочемъ вопросъ о шрифтѣ насъ не касается, и мы оставимъ его второнѣ. Обращаемся къ занимающему насъ вопросу о правописаніи, такъ какъ, по мнѣнію г. Кодинскаго, упрощеніе шрифта необходимо будетъ имѣть благотворное вліяніе на нашу ортографію. Онъ увѣряетъ, что правописаніе наше тогда только *можетъ облагородиться*, когда «каждый звукъ рѣчи будетъ имѣть только одно, собственно ему принадлежащее правописаніе» (это его собственныя слова), т. е. просто-напросто онъ хочетъ, чтобы всѣ слова писались такъ, какъ они выговариваются. Досталось же ему отъ Бѣлинскаго за это упрощеніе! «Вмѣсто *упрощенія* русской грамматики — говоритъ нашъ критикъ — г. Кодинскій изобрѣлъ истинное *затрудненіе* ея, выдумавъ такое правописаніе, которое въ тысячу разъ сбивчивѣе и безтолковѣе существующаго теперь.» Послѣ этого врядъ ли кому придетъ охота пооригинальничать ортографіей, основанной на живомъ произношеніи. А если вамъ вздумается руководствоваться исключительно однимъ прежнимъ правописаніемъ, т. е. писать постаринному, какъ писали напримѣръ въ концѣ семисотыхъ годовъ, такъ у васъ рука не подымется теперь вмѣсто *неужели* написать *не уже ли*, или *въ прочемъ* вмѣсто *впрочемъ*.

Но если изъ только-что указанныхъ трехъ началъ ни на одномъ исключительно нельзя основывать правописанія, то чтоже остается дѣлать, чтобъ научиться писать правильно?

Вотъ объ этомъ-то мнѣ и хотѣлось бы поговорить въ этой «вступительной» статьѣ.

Если бъ дѣло касалось однихъ знаковъ препинанія, а не цѣлой системы нашей ортографіи, то мы бы незадумавшись сослались на одинъ авторитетъ... «Тщательный разборъ нѣкоторыхъ басень и постоянное наблюденіе ученика за самимъ собою лучше всѣхъ пра-

Digitized by Google

видѣ о знакахъ препинанія. Только невѣжды оправдываютъ себя незнаніемъ правилъ.» Такую мудрую рѣчь ведетъ г. Викторъ Половцовъ въ своей «Русской грамматикѣ для русскихъ» (Спб. 1843). Мысль отмѣнно тонкая и умная. Поистинѣ златое нарѣченіе! Жаль только, что не въ стихотворной формѣ, а въ смѣхотворной. Особенно послѣдній афоризмъ — объ оправданіи невѣждъ — въ стихахъ былъ бы очень хорошъ... Воображаю себѣ, какъ долженъ быть милъ пропитанцый сентеціями г. Виктора Половцова учитель грамматики въ ту минуту, когда, окончивши со своимъ ученикомъ первыя двѣ части граматики, онъ приступаетъ (именно приступаетъ) къ третьей, къ правописанію. Нужно замѣтить, что о правописаніи онъ и самъ-то имѣетъ смутное понятіе: знаетъ напримѣръ, что такое-то слово такъ *пишется*, но *можно* писать его и вотъ здѣсь. Его бросаетъ въ потъ, но онъ не унываетъ, не падетъ духомъ, утираетъ лицо платкомъ, отдувается, раздумываетъ, долго раздумываетъ... тутъ на него находитъ вдохновеніе свыше, и онъ торжественно декламируетъ, обращаясь къ своему ученику, разинувшему ротъ и развѣсившему уши:

ВНЕМЛИ УБО

Наука, братъ, трудная правописанье,
Но лучше всѣхъ правилъ, гдѣ знакъ препинанья
Такой-то поставить, никакъ не другой —
Для этого надо, любезный ты мой,
Какъ можно почаще слѣдить за собой.
Да вотъ еще что незабудь наблюдать:
Ты тщательно долженъ умѣть разбирать
Хоть нѣсколько басенъ. Признаться сказать,
Одни лишь невѣжды, братъ, правилъ незнанье
Безстыдно приносятъ себѣ въ оправданье.

Ученикъ разумѣется слушается, на то онъ и ученикъ; онъ отлично *учитъ* разборъ басенъ, постоянно наблюдаетъ за самимъ собою, и — вообразите его отчаяніе: знаковъ-то препинанія все такъ вѣрно разставить не умѣетъ. Одѣ эти запятыя проклятыя, чортъ ихъ побери...

Охъ, ужъ мнѣ эти запятыя! У меня просто волосъ дыбомъ становится всякій разъ, когда мнѣ попадается на глаза одно письмо, писаное ко мнѣ лѣтъ десять тому назадъ однимъ строгимъ блюстителемъ правописанія. Оно такъ начинается: «Оригиналъ! чудакъ! воскликнешь, быть можетъ, ты, взявъ въ руки мое письмо, напи-

Digitized by Google

санное, какъ видишь, на in 16° тетрадкѣ. Назови, какъ хочешь, меня, только не полѣнись, прошу, прочитать мое, не слишкомъ, кажется, занимательное для тебя, писанье». Пятнадцать запятыхъ на четырехъ строкахъ! Вѣдь это ужасъ, ужасъ! Что ни шагъ, то и запятая. И замѣтьте, по нашимъ граматическимъ понятіямъ, эти строки написаны правильно.

Вы чай слыхали анекдотъ про писца одного, которому столоначальникъ что ли, или вообще начальникъ, отдалъ переписать какое-то отношеніе. Писецъ переписалъ, и — такъ какъ былъ ужасный либералъ — ниодной запятой злодѣй не поставилъ. Начальникъ возвратилъ ему бумагу и велѣлъ разставить запятыя. Вотъ тотъ и разставилъ: что ни слово, то и запятая; вся бумага въ запятыхъ; запятая явилась альфой и омегой его отношенія. Начальникъ такъ и ахнулъ. Кчему дескать столько запятыхъ? ну кчему? — «Для красоты-съ», флегматически отвѣтилъ писарь.

Гимназисту третьяго класса учитель русской словесности велѣлъ разсѣять знаки въ какой-то длинной фразѣ, которая начиналась словами: «Отецъ его Иванъ Петровичъ служилъ земледѣломъ» и т. д. Ученикъ думалъ, думалъ, вертѣлъ мѣлъ въ рукахъ и наконецъ что-то такое осторожно, нѣжно черкнулъ на доскѣ передъ словами «Иванъ Петровичъ» и послѣ нихъ. — Что это ты тамъ поставилъ? спрашиваетъ деликатный учитель. — Двѣ маааленькихъ запятыхъ! отвѣчалъ какъ-то смѣшно съежившись гимназистикъ и даже отмѣрилъ величину ихъ на кончикѣ мѣла: вотъ дескать какихъ.

Эти два анекдота часто приходятъ мнѣ въ голову, когда я сижу за первой корректурой, которую я долженъ сличать съ рукописью автора, съ оригиналомъ. Вотъ гдѣ полюбоваться-то стоитъ правописаніемъ, вотъ гдѣ всего убѣдительнѣе доказывается, что у всякаго пишущаго непремѣнно есть граматика для собственнаго употребленія! Это еще ничего, что всякій журналъ отличается у насъ своими особенностями въ правописаніи: въ нихъ по крайней мѣрѣ нашъ братъ коректоръ все-таки приводитъ всѣ статьи книжки хоть къ какому-нибудь ортографическому единству. Нѣтъ, а вы возьмите сырой-то продуктъ, рукописные-то подлинники, да полюбуйтесь. Благодаря нашимъ весьма глупымъ правиламъ правописанія, авторъ иной разъ должно-быть крѣпко задумывается: запятую поставить, думаетъ — жирно будетъ, безъ запятой — какъ-то неловко; вотъ скрѣпя сердце и ставитъ маааленькую запятую, — такая знаете тоненькая, нѣженькая черточка... запятая не запятая, да и не волосокъ. А наборщики этой уловки и не поймутъ: видятъ въ рукописи нѣчто по образу и по подобію запятой — ну и ставятъ запятую, обыкновенную впрочемъ, какъ двѣ капли похожую на всѣ другія

запятыя, а не то что мелкопородистую; развѣ только для разнообразія вмѣсто головкой ее поставятъ. Смотришь — въ печати-то строка съ маленькими запятыми и превратилась въ нѣчто зубастое, на что и глядѣть страшно...

Теперь время запятыхъ слава-богу проходитъ. Конечно всего бы лучше было, еслибъ никакихъ запятыхъ у насъ не было. Было же нѣдь время, когда мы не знали запятыхъ: взгляните на наши старинныя рукописи...

Говорятъ, по почерку можно судить о характерѣ человѣка. Если это справедливо, то позвольте же и мнѣ, корректору, сказать, что по правописанію той или другой книги можно судить о характерѣ того времени, въ которое она издана. Возьмите напримѣръ любой номеръ — ну хоть конца сороковыхъ годовъ — той газетки, что издавалась у насъ блюстителями чистоты русскаго языка... Нѣтъ впрочемъ, кинемте лучше на Петра, оно легче будетъ. Возьмемте иностранное что-нибудь. Сейчасъ найду.

Вотъ напримѣръ французская книжонка 1763 года. Позвольте привести изъ нея нѣсколько строкъ изъ разныхъ мѣстъ. «...mais les Rois de Danemark, plus puissants que leurs Cadets...» «le Titre de cet Ouvrage Allemand, est...» «Le Duché de Schleswic fut enfin adjugé en 1720 au Roi de Danemark par la France et l'Angleterre, qui furent garantes du Traité qui fut fait à cette occasion». Неправда ли, какъ отъ этихъ большихъ буквъ вѣетъ низкопоклонничествомъ, угодливостью? Такъ какъ-будто и слышишь отъ каждой изъ нихъ: «vot' très-humble serviteur... prêt á vous servir... tout-à-vous... ради стараться!» Какъ выразительно говорятъ эти буквы-аристократы отъ лица своей эпохи! Послѣ тѣхъ поръ много воды утекло, и теперь вотъ ужъ какъ пишутъ французы: «mais les rois... que leurs cadets... le titre de cet ouvrage allemand... le duché... au roi... garantes du traité...» Уваженіе къ авторитетамъ, какъ видите, уже не выражаютъ прописными буквами...

У насъ еще въ 1885 году «Библіотека для чтенія» жаловалась на то, что наше правописаніе пестритъ страницу безо всякой нужды прописными буквами, и что кланяться прописными буквами извѣстнымъ званіямъ никакъ непохоже, потомучто буквы созданы не для поклоновъ и должны стоять прямо. Разумѣется теперь мы ужъ этого не скажемъ: въ четверть столѣтія прописныя буквы мало-помалу до того уже успѣли проникнуться чувствомъ собственнаго достоинства, что больше уже не гнутъ спину, и обвинять ихъ въ низкопоклонничествѣ теперь было бы немножко грѣшно.

Кстати: когда впервые появились въ божьемъ мірѣ заглавныя буквы? Это преинтересно. То-есть интересно собственно то, что за-

Digitized by Google

ставило ихъ явиться? Было же вѣдь время, когда прописныхъ буквъ не знали. А почему ихъ не знали, такъ это очень понятно и очень естественно: потомучто въ произношеніи ихъ не существуетъ. Какъ же въ письмо-то онѣ попали, вопросъ?

Ясно, что прописныя буквы — вещь чисто условная. Вѣдь точно также условная вещь — писать, какъ мы пишемъ, отъ лѣвой руки къ правой, а не наоборотъ, тогда какъ наоборотъ писать было бы и ловчѣе, и естественнѣе. Писать безъ заглавныхъ буквъ тоже было бы естественнѣе; а ужь что ловчѣе — про это и говорить нечего. Напримѣръ волокита-лакей пишетъ къ юной прачкѣ: «милыя машинка! ты Сама тому Виною што пленилъси я табою севодьни Вѣчѣромъ я васъ ждатъ буду Уподьезда» и такъ далѣе: вѣдь жалость смотрѣть здѣсь на прописныя-то буквы. Ну кчему онѣ тутъ натыканы? Для красоты? Изъ уваженія къ любимой особѣ? Ни того ни другого мы здѣсь не видимъ, а просто видимъ неестественность прописныхъ буквъ. Прачка и безъ прописныхъ буквъ навѣрно пойметъ въ чемъ дѣло; прописныя буквы нисколько не уяснятъ, не затемнятъ дѣла. Восточные языки вѣдь обходятся же безъ прописныхъ буквъ, и зато какъ красива напримѣръ турецкая печать!

Вы пожалуй скажете, что извѣстныя понятія, въ сущности весьма различныя, но выражаемыя одинаковыми словами, будутъ смѣшиваться, если не станемъ отличать ихъ большими буквами (напр. диванъ и Диванъ, богъ и Богъ). А какъ же вы не боитесь смѣшивать ихъ въ произношеніи? Пора бы кажется перестать заниматься этими глупыми форменными отличками.

Не меньше запятыхъ и заглавныхъ буквъ возмущаетъ мою коректорскую душу куча разныхъ мелкихъ словечекъ, въ родѣ предлоговъ, союзовъ, вообще частичекъ рѣчи. Недавно мнѣ вздумалось прочесть трагедію Крылова «Проказники» (вѣрнѣе «Помѣшаные», а всего вѣрнѣе «Дураки»). Вѣрите ли, я сразу не могъ ее окончить тотому только, что встрѣтилъ въ ней *не уже ли*; *ни какъ* и т. д. Что это за безсмыслица, такое раздѣленіе? «Частица отрицанія не отдѣляется: передъ глаголами и проч.», говорятъ наши граматики. Это съ какой стати? Наши предки въ этомъ случаѣ перещеголяли насъ здравымъ смысломъ. Посмотрите на наши старинные акты: писавшіе ихъ очень хорошо понимали, что частички въ родѣ не, предлоговъ, союзовъ — безсмыслица an sich und für sich и имѣютъ смыслъ тогда только, когда *соединены* съ другими словами, имѣющими самостоятельное значеніе — и отдѣльно ихъ не писали. Пушкинъ предлагалъ же вѣдь нашимъ литераторамъ прислушаться къ говору московскихъ калашницъ, въ видахъ обогащенія языка; от-

Digitized by Google

чего же бы не приглядѣться намъ къ стариннымъ актамъ, въ видахъ осмысленія нашей ортографіи?

И какъ пораздумаешь обо всемъ этомъ — и о запятыхъ, и о заглавныхъ буквахъ, и о мелкихъ словечкахъ, — такъ бы право и не глядѣлъ ни на что. Особенно на граматики наши. Всю онѣ душу мнѣ воротятъ!..

(Тутъ къ плачу присоединяется скрежетъ зубовный. Коректоръ приходитъ въ остервенѣніе и на чемъ свѣтъ стоитъ ругаетъ современное правописаніе. Наконецъ силы оставляютъ его, и онъ падаетъ безъ чувствъ. Прибѣгаютъ хозяева, подымаютъ его съ полу, относятъ на постель и покрываютъ съ головы до ногъ самыми свѣжими коректурными листами — «Политическимъ обозрѣніемъ» кажется.)

Aidons-nous mutuellement.

Поговоримте серьознѣе.

Произволъ у насъ въ правописаніи ужаснѣйшій; средствъ къ ограниченію его невидать никакихъ. Чѣмъ равнодушнѣе мы будемъ смотрѣть на этотъ произволъ, тѣмъ нелѣпѣе и рѣшительнѣе будетъ онъ дѣйствовать. Дойдетъ до того, что въ програмы своихъ изданій наши журналисты будутъ включать и то, какого правописанія они намѣрены держаться. Вѣдь изданія ихъ читать будетъ трудно.

Я не дѣлаю изъ мухи слона и говорю то, что̀ легко предвидѣть. Даже теперь выходятъ книжки (правда не часто), въ которыхъ правописаніе такое я вамъ скажу, что съ перваго разу никакъ не подумаешь, что онѣ писаны на русскомъ языкѣ. Мнѣ случилось видѣть одну такую книжонку еще въ прошломъ году... эдакая досада, позабылъ заглавіе; помню только, что она духовнаго содержанія и издана чуть ли не въ Москвѣ. Еровъ нѣтъ знаете, ять кажется тоже не признается, восьмиричное і (иже) тоже... Что̀ же дальше-то будетъ, если ужь теперь появляются такія книжки? Граматическій терроръ! То̀-то потѣшатся тогда вволю наши граматическіе робеспьеры въ родѣ г. Колинскаго! Чернилъ-то типографскихъ сколько задаромъ прольется, господи-боже ты мой!

И въ концѣ концовъ наша граматика превращается въ «чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй»... Главное лаяй: не подступайся дескать ко мнѣ никто.

Такъ не лучше ли будетъ теперь, пока время еще не ушло, ограничить возмутительный произволъ въ нашей граматикѣ, въ право-

писаніи по крайней мѣрѣ («у кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ»)? Неопредѣленность и шаткость нашихъ ортографическихъ правилъ и вообще грамматическихъ отнимаютъ всякую возможность знать грамматику; а незнаніе грамматики — говоря словами Бѣлинскаго — *«вредитъ языку народа, дѣлая его неопредѣленнымъ и починая произволу личностей... Въ формахъ языка должно быть единство.* А этого единства можно достигнуть только строгимъ изслѣдованіемъ, какъ правильнѣе должно говорить или писать то или другое».

Его-то у насъ и нѣтъ, этого единства. Напротивъ, вмѣсто стремленія къ единству мы видимъ, что у насъ чинится розни великая. Гдѣ бы надо дѣйствовать сообща, а мы тутъ отворачиваемся, махнемъ рукой и говоримъ: да ну васъ!

Non nostrum inter vos tantas componere lites!

наше дескать дѣло сторона, наша хата съ краю и т. д. Разумѣется, что при такомъ отсутствіи единодушія, при такой разъединенности у насъ никогда и ничего порядочнаго не выйдетъ, и мы весь вѣкъ свой не будемъ умѣть писать правильно.

Съ какимъ искреннимъ, теплымъ радушіемъ встрѣтилъ въ 45 году Бѣлинскій брошюрку г. Васильева: «Грамматическія разысканія»! Она такъ много сулила ему въ будущемъ...

«Можетъ-быть — говорилъ Бѣлинскій — ею начинается безконечный рядъ филологико-грамматическихъ брошюръ, разсужденій, полемическихъ статей и статеекъ, которыми должна разработаться наша грамматика и прійдти въ единство наша орѳографія...»

Онъ не угадалъ. Граматическіе вопросы не возбудили у насъ даже и холодной полемики; мы, знаете, больше все перебранивались другъ съ другомъ... до грамматики ли намъ! Теперь насъ ужасно-какъ занимаютъ «полемическія красоты» нашихъ журналовъ, мы съ жадностью вдыхаемъ въ себя ароматъ этой triple-essence нашей журнальной полемики. До грамматики ли намъ!

Нѣтъ-чтобы полюбоваться «граматическими красотами» нашихъ журналовъ! А было бы чѣмъ.

Впрочемъ — почемъ знать, можетъ еще и придется полюбоваться ими, и вотъ почему.

Писать правильно насъ бы собственно должна была учить грамматика, но учитъ-то она какъ-то плохо; оно конечно, кой-чему изъ нея научишься, да все мало. Окончательно приходится намъ учиться писать правильно — не столько изъ новѣйшихъ книгъ, сколько изъ журналовъ. Въ сороковыхъ годахъ напримѣръ

Digitized by Google

образа; «Отечественныя записки вотъ какъ пишутъ то-то или то-то» равнялась граматическому правилу и употреблялась въ случаѣ если граматика не давала никакого отвѣта и ухомъ не вела, когда ее спрашивали, какъ слѣдуетъ писать то-то или то-то.

Отсюда ясно кажется, что у насъ *установленіе правописанія, орографическое единство зависитъ исключительно отъ журналовъ.* Согласятся они такое-то слово писать всѣ одинаково — оно и въ книгахъ будетъ такъ писаться, такъ и въ граматику войдетъ въ видѣ правила; а не согласятся — и никакая граматика тогда не поможетъ, и книги никакія не помогутъ, всякій будетъ писать по-своему. Причина ясная: граматика вѣдь не только не даетъ правилъ языку, а наоборотъ, извлекаетъ правила изъ языка. Не граматика служитъ матерьяломъ для развитія языка, а языкъ для граматики. А гдѣ же и совершается у насъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, выработка языка, какъ не въ журналахъ?

Теперь позвольте мнѣ представить нѣкоторыя соображенія касательно возможности устранить произволъ въ нашей ортографіи.

Единственный путь, по которому мы думаемъ идти и наконецъ придти къ установленію правописанія, есть *аналогія.* Не принимая исключительно ниодного изъ трехъ ортографическихъ принциповъ за исходный пунктъ, т. е. ни произношенія, ни этимологіи, ни прежняго правописанія, мы беремъ извѣстный способъ писанія, общепринятый и неподлежащій сомнѣнію, за норму и — ежели дѣло идетъ объ отдѣльныхъ словахъ — подводимъ подъ нее слова одинаковымъ образомъ составленныя. И наша ортографія будетъ тѣмъ незамысловатѣе, тѣмъ проще, чѣмъ ограниченнѣе будетъ число такихъ нормъ. Понятная вещь, что каждая изъ этихъ нормъ должна явиться самостоятельнымъ правиломъ, и что между ними не должно быть противорѣчія. Собственно говоря, всякое исключеніе изъ правила есть уже противорѣчіе этому правилу, но мы постараемся, чтобъ этихъ исключеній или вовсе не было (если только это возможно), или чтобъ ихъ было какъ можно меньше. Въ крайнихъ случаяхъ, когда путь аналогіи окажется недостаточнымъ, мы будемъ обращаться къ другимъ языкамъ, разумѣется только живымъ, а не мертвымъ: de mortuis, какъ извѣстно, aut bene, aut nihil — и мы выбираемъ послѣднее.

Но если эти нормы, какъ бы ничтожно ни было ихъ число, въ свою очередь не будутъ связаны однимъ началомъ, тогда правописанію опять не дождаться единства. Такимъ началомъ, единымъ и нераздѣльнымъ, къ которому будутъ сводиться всѣ правила правописанія, мы ставимъ *красоту печати.* Такъ какъ эту красоту (въ чемъ, надѣемся, съ нами согласится всякій) портятъ только три

Digitized by Google

сія: a) прописныя буквы — въ доказательство укажемъ на нѣмецкую печать; b) знаки препинанія, употребляемые безъ особенной нужды — посмотрите на французскую печать, и c) крошечныя слова въ одну-двѣ-три буквы — въ этомъ отношеніи отвратительнѣ англійской печати ничего представить себѣ нельзя, — то отсюда ясно, къ чему клонятся всѣ наши ортографическія правила: къ тому, чтобъ быть какъ только можно скупѣе на прописныя буквы, на знаки препинанія и на крошечныя слова.

— Позвольте, позвольте! перебиваетъ меня одинъ изъ моихъ собратьевъ по ремеслу: — ужь не лучше ли всю эту дрянь — и прописныя буквы, и знаки препинанія, и крошечныя слова совсѣмъ по-боку? Красота печати отъ этого ужасно какъ выиграетъ. Да и не только выиграетъ, но можно-сказать идеаломъ красоты будетъ. Вы посмотрите-ка... стойте, на что бы? ну хоть на остромирово евангеліе: вѣдь это на вашъ взглядъ должно быть прелесть что такое! Знаковъ препинанія почти-что нѣтъ, прописныхъ буквъ вовсе нѣтъ, а про крошечныя слова и говорить нечего: ни большихъ, ни крошечныхъ словъ тамъ не найдете; отдѣлены только строка отъ строки, а не слово отъ слова. Такъ стало-быть вы къ XI вѣку насъ ведете? Ужь не слишкомъ ли широко вы шагаете?

— Что вы, что вы! говорю я оторопѣвъ. — Съ нами крестная сила! Къ чему же такая крайность...

— Какая же крайность! Вѣдь вы сами же объявляете, что единымъ и нераздѣльнымъ началомъ (вы это замѣтьте, единымъ и нераздѣльнымъ) вы ставите красоту печати. Хорошо-съ. Ее, говорите вы, портитъ то и то. Чѣмъ меньше будетъ этой порчи, тѣмъ больше слѣдовательно будетъ выигрывать красота; а когда порча совершенно будетъ устранена, тогда значитъ красота будетъ полная, во всей своей красотѣ предстанетъ такъ-сказать. Кажется ужь логичнѣе-то этого и разсуждать нельзя.

— Да, ваша правда. Одной...

— Еще бы не правда! Правдивѣе логики...

— Ахъ, да ну васъ тутъ и съ логикой-то совсѣмъ. Дайте поправиться. Чтобъ васъ.. завалили корректурой! Только разстроили меня. Теперь и не сообразишь пожалуй.

Разумѣется, что... Что я хотѣлъ сказать? Да! Разумѣется, что исключительно одной красотой печати нельзя же руководствоваться при установленіи правилъ правописанія. Но все-таки не слѣдуетъ упускать ее изъ виду, какъ это дѣлали до сихъ поръ наши грамматики. Въ настоящую пору наша ортографія знать не хочетъ о кра-

Digitized by Google

сять печати. Эстетическаго вкуса у нашихъ грамматиковъ нѣтъ, вотъ что-съ.

Такимъ образомъ мы ставимъ такого рода задачу: *установить единство правописанія, имѣя при этомъ въ виду красоту печати.* И вотъ почему отъ своего грамматическаго прошлаго мы точно такие не въ правѣ отказаться, какъ и отъ прошлаго историческаго. Мы не въ правѣ оставить безъ вниманія добросовѣстные труды нашихъ грамматиковъ; намъ не слѣдуетъ упускать изъ виду даже тѣхъ книжонокъ, которые величаютъ себя русскими или россійскими грамматиками и которыя въ сущности ничто иное какъ второе изданіе какой-нибудь прежде вышедшей грамматики, искаженное до безобразія и невѣжу укорочейное. Впослѣдствіи, перечисливъ всѣ грамматики, какія только у насъ вышли по настоящее время, мы отмѣтимъ достоинства каждой изъ нихъ (по отношенію правилъ правописанія конечно, только). Негодныя отложимъ всторону, а изъ дѣльныхъ одну примемъ за текстъ, который и будемъ дополнять варіантами изъ остальныхъ дѣльныхъ грамматикъ. Такимъ образомъ мы получимъ *сводъ всѣхъ орѳографическихъ правилъ*, признаваемыхъ нашими грамматиками, со всѣми противорѣчіями ихъ и доками-красотами. Составленіемъ этого свода закончится *первая часть* нашего труда.

Не беремся слѣдить за историческимъ ходомъ развитія нашего правописанія: исторію нашей орѳографіи предоставляемъ нашимъ спеціалистамъ-филологамъ, которые больше меня, не-филолога, имѣютъ научныхъ средствъ быть историками русскаго правописанія, начиная разумѣется съ древнѣйшихъ нашихъ рукописей и имѣя для себя одну изъ драгоцѣннѣйшихъ данныхъ въ изданіи г. Костомарова «Памятники старинной русской литературы», гдѣ удержано правописаніе подлинниковъ. Только въ сомнительныхъ, крайнихъ случаяхъ намъ придется ссылаться на наше старинное правописаніе; вообще же для разрѣшенія подобныхъ случаевъ мы будемъ обращаться къ филологическимъ изслѣдованіямъ Павскаго, Буслаева и къ общесравнительной граматикѣ русскаго языка, изданной II отдѣленіемъ академіи наукъ.

Такого рода справки будутъ относиться ко *второй части* предпринимаемаго нами труда. Кромѣ того въ нее войдутъ мои собственныя наблюденія, и тутъ же взору читателя представятся грамматическія, или точнѣе, орѳографическія красоты нашихъ журналовъ. Мы составимъ фразу въ пять-шесть строкъ, и на основаніи заранѣе собранныхъ данныхъ покажемъ, какъ пишутъ эту самую фразу наши журналы. При этомъ послѣднее слово останется за «Домашней бесѣдой», какъ за журналомъ самымъ либеральнымъ во всѣхъ отно-

Digitized by Google

шеніяхъ, даже въ отношеніи правописанія (*). Надгробнымъ рыданіемъ «Домашней бесѣды» окончится *вторая*, важнѣйшая часть нашего труда — *матерьялы для установленія русской ортографіи.*

Третью и послѣднюю часть составитъ разработка добытыхъ матерьяловъ, и въ ней предложены будутъ *правила правописанія*, результатъ моихъ изслѣдованій, если не то чтобы ужь очень добросовѣстныхъ, но по крайней мѣрѣ не безсовѣстныхъ.

Вотъ мои три лепты въ сокровищницу нашей граматики.

И если редакціи нашихъ журналовъ удостоятъ мои граматическіе этюды своимъ лестнымъ вниманіемъ и предложатъ ихъ въ руководство своимъ коректорамъ, тогда миръ и согласіе воцарятся между нашими журналами... по крайней мѣрѣ въ граматическихъ убѣжденіяхъ. Тогда коректоры перестанутъ плакаться на то, что безтолковая наша граматика волей-неволей заставляетъ ихъ думать и разсуждать; то-есть вообще званью своему неприличное пристрастье имѣть. Тогда наборщики исполнятся радостію веліею, выграютъ въ гусли и сопѣли, и въ веселія другъ друга обимутъ... Тогда наше общ...

— Батюшки, коректуры-то сколько притащили!

К. СУ—ВЪ

(*) Мѣсяца два-три тому назадъ мнѣ совершенно случайно попалась подъ руку третья книжка путешествія Дюма «De Paris à Astrakan». Между разными курьозными вещами тамъ онъ говоритъ о нашихъ журналахъ, о «Messager russe» напримѣръ, о «Contemporain» и проч., и сказавши про каждый изъ нихъ семь-восемь строкъ чепухи, въ самомъ концѣ прибавляетъ всякій разъ: Tendances libérales. Tendances libérales... Какая досада, что услужливый чичероне «знаменитаго» романиста не шепнулъ ему ниполслова про «Домашнюю бесѣду». Вдругъ бы мы читали у Дюма: «La Conversation Russe (Domachniaïa Biessiéda), redigée par M. Askotchénsky. L'opinion publique... on raconte encore... Tendances très-libérales». Вотъ-то бы одолжилъ, голубчикъ!

Digitized by Google

СЯСЬ

Вѣтеръ былъ съ ладожскаго озера, когда мы утромъ переправлялись черезъ Волховъ изъ Ладоги въ сяскій каналъ. Нуженъ опытный рулевой, хорошія лошади и привычные погоньщики, чтобы, переправляясь въ каналъ при противномъ вѣтрѣ, не сѣсть на мель у праваго берега: зазѣвался рулевой, лошадь не натянула бичевы, или погоньщикъ побоялся въѣхать въ воду по брюхо, а иногда и по шею лошади, — барка повернула носомъ къ берегу и ужъ врѣзалась въ рыхлый песокъ. Пока вдутъ крики рулевого — стой! отдай бичеву! приправленные ругательствами, барка стала бортомъ къ берегу и сѣла на все свое плоское дно. Продолжайся вѣтеръ долго, барка болѣе и болѣе будетъ приближаться къ берегу, и всѣ усилія рабочихъ столкнуться не поведутъ ни къ чему. Мы видѣли въ такомъ положеніи двѣ большія барки: работники, раздѣвшись до-нага, подсунувъ подъ нихъ стяги (бревна вершка въ два толщиной), старались съ крюками столкнуться на фарватеръ, но барки съ помощью вѣтра и волнъ тѣснили ихъ къ берегу. Наша переправа прошла благополучно: мы безъ остановокъ въѣхали въ сяскій каналъ.

Сяскій каналъ проведенъ между устьями Волхова и Сяси на пространствѣ десяти верстъ. Каналъ довольно широкъ, берега ровны и бичевникъ очень хорошъ. Вода, неспертая шлюзами, несравненно чище воды ладожскаго канала, воды грязной, вонючей, съ пескомъ, галлью и всякою гадостью, стекающею сюда изъ окрестныхъ болотъ и оставляемою проходящими судами и гонками дровъ. И такую отвратительную воду барочникъ пьетъ двои сутки, иногда четверы (если барка тяжела), а бурлакъ и еще болѣе!.. Несмотря на то, что каналъ былъ полонъ водою, рулевой далъ лошади длинную бичеву и шолъ посрединѣ. На вопросъ нашъ, почему онъ не ведетъ барки около берега, онъ отвѣчалъ, что всегда, при вѣтрѣ съ озера, каналъ наполняется водою до краевъ, но стоитъ стихнуть вѣтру, — вода сбѣжитъ, и тогда можно сѣсть на берегу. На серединѣ канала есть какая-то маленькая, чуть замѣтная деревушка. По сяскому каналу съ

Digitized by Google

высокими, ровными, открытыми берегами гораздо веселѣе ѣхать, чѣмъ по ладожскому съ низкими, грязными, застроенными плохими деревнюшками, будками и казармами съ своими непремѣнными караульными, расхаживающими по берегу и зорко осматривающими все что есть на баркѣ. Конечно они такъ зорко всматриваются въ видахъ исполненія своихъ обязанностей, соблюденія закона, но все-таки я не нахожу ничего пріятнаго въ томъ, что впродолженіи двухъ сутокъ пути находишься подъ надзоромъ... То ли дѣло сясскій каналъ: плывешь себѣ одинъ, вдали прямой каналъ да его высокіе зеленые берега; нѣтъ ни казармъ, ни вонючихъ деревень, ни форменныхъ шинелей съ зелеными кантами... Но съ божьей помощью скоро обновится и ладожскій каналъ: не будетъ пьяныхъ, мѣстъ, не будетъ гнилой, заразительной воды, не будетъ будокъ, казармъ и проч., и путешественникъ благословитъ время переѣзда по ладожскому каналу, если онъ будетъ хоть такой какъ сясскій; а онъ, говорятъ, будетъ куда лучше!

Мы проѣхали каналъ въ полтора часа, и еще разъ увидѣли желтую гладь ладожскаго озера чрезъ устье Сяси. Широкой возвышенностью подымалось озеро до черты соединенія съ горизонтомъ, близъ которой стояли на якорѣ рядъ барокъ. Черные кузовы ихъ рѣзко обрисовывались на чистой водѣ, а мачты упирались въ небо.

По Сяси мы ѣхали четыре дня. Берега ея во многихъ мѣстахъ замѣчательно хороши; такъ высоки, что деревеньки на вершинѣ кажутся игрушечными домиками, часто отъ самой воды до вершины покрыты сплошнымъ, густымъ лѣсомъ, надъ которымъ узкой лентой вьется полоса гладкой, покрытой свѣжей зеленью вершины. Въ другихъ мѣстахъ почти отвѣсный, песчаный берегъ изукрашенъ тутъ кое-гдѣ, елочками, то прилегшими къ нему, то висящими на половинѣ паденія, то наконецъ совсѣмъ перекувырнувшимися вершиной внизъ. Какъ оживляется картина, когда на высотѣ берега показывается человѣкъ! Нашъ погоныщикъ и его лошадь вечеромъ на темномъ небосклонѣ кажутся волшебными тѣнями, движущимися по чуть замѣтной линіи бичевника.

Направленіе бичевника по Сяси самое трудное для людей и лошадей: то лошадь идетъ по самому краю отвѣснаго берега саженъ въ тридцать, — недостатокъ бичевы, — или встрѣча съ другой баржей легко можетъ стащить ее въ обрывъ; то она идетъ подлѣ воды по тонкой глинѣ, погоныщикъ не можетъ идти пѣшкомъ, садится верхомъ, лошадь на каждомъ шагу вязнетъ по колѣно, и вопреки всего путешествія по Сяси не одинъ разъ приходится вытаскивать изъ глины вощевиками, или выворачивать шестами. Сколько

Digitized by Google

это отнимаетъ времени, сколько убиваетъ лошадей и какъ надрываются работники въ такихъ мѣстахъ!.. Въ прошломъ годѣ, въ это же самое время, въ серединѣ іюня, ѣхалъ я на баркѣ по Сяси и замѣтилъ два мѣста, гдѣ мы стояли часа по полтора; пока хозяинъ съ работниками вытаскивали лошадь изъ глины, пока отмывали ее, — лошадь до того намучилась, что когда ее вытащили и поставили на твердое мѣсто, она не устояла на ногахъ и упала. Проѣзжаемъ нынѣшній годъ—опять на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ лошадь чуть не по шею завязла въ глинѣ... Къ этому нужно прибавить, что избѣгнуть глины нельзя, потомучто отвѣсный берегъ не позволяетъ взять выше. Есть мѣста, гдѣ берегъ плоскій, довольно высокъ и сухъ, но зато покрытъ мелкимъ булыжникомъ, который не лучше, скорѣе хуже, жидкой глины; слой его такъ толстъ и тверлъ, что въ серединѣ іюня тысячи прошедшихъ ногъ оставили едва замѣтную тропу. Нужно представить себѣ положеніе погонщика, который безостановочно долженъ идти за лошадью, иногда бѣжать рысью, отсоривать бичеву, по этому булыжнику, который колетъ ногу черезъ какую угодно подошву, а погонщикъ въ видахъ экономіи большую часть дороги идетъ босикомъ. На этой водной дорогѣ впродолженіе лѣта пройдетъ людей, лошадей, провезется товаровъ въ десять или болѣе разъ, чѣмъ по другому шоссе, изукрашенному верстовыми столбами и разноцвѣтными камешками, показывающими четверти: на ней нѣтъ ни одного верстового столба!.. Правда, разъ гдѣ-то въ кустахъ, далеко отъ берега мы нашли полуупавшій столбъ и утѣшились, что хоть одинъ да есть.

Берега Сяси состоятъ то изъ песку и глины, то изъ известняка, которого пласты убрали удивительными рисунками правый, часто совершенно голый берегъ. Иногда разноцвѣтные пласты его представляютъ стѣну неровной феодальной постройки съ воротами, окнами или бойницами, уступами и выпуклостями. Въ другихъ мѣстахъ соединеніе красокъ такъ правильно и постепенно подобрано, что на отвѣсномъ берегу думаешь видѣть гротъ, внутри котораго, въ тѣни, такъ прохладно... какъ бы тамъ хорошо отдохнуть отъ солнца, которое накалило палубу и иссекло насъ совсѣмъ! Тутъ обрамленная зеленью мелкихъ березъ и ивняка стройно стоитъ высокая арка; тамъ видишь какое-то безыменное зданіе — не домъ, не церковь, но что-то до того красивое, что не можешь оторвать отъ него глазъ! Подъѣзжаешь ближе,—тогда только, и то съ трудомъ замѣчаешь, что это обманъ группировки цвѣтовъ известняка, переходящихъ отъ совершенно бѣлыхъ въ красные, бурые и черные.

На обоихъ берегахъ идетъ разработка извести. Печи, въ которыхъ ее жгутъ, сажень въ восемь и десять въ основаніи и около

полуторы въ вышину, сложенныя изъ известковаго плитняка, горятъ постоянно. Лѣвый берегъ просто загроможденъ этими печами, что, я думаю, доказываетъ успѣшную разработку. Печи, горящія въ отдаленіи, чрезвычайно эфектны: сперва видишь въ туманѣ чуть теплящійся огонекъ; подъѣзжаешь ближе, онъ увеличивается, превращается въ большое огненное пятно, въ длинную, широкую полосу огня, наконецъ раскрывается въ десятокъ и болѣе жерлъ, выбрасывающихъ пламя. Известь горитъ такъ сильно, пламя такъ массивно, что проѣзжая въ пятидесяти или болѣе саженяхъ отъ нихъ, думаешь чувствовать жаръ. Кругомъ печей навалены огромныя груды еще нежженой извести.

Сясь даетъ не одну только известь: берега ея покрыты огромными лѣсными дачами. Рядъ известковыхъ печей смѣняется рядомъ угольныхъ ямъ, которыя тоже всѣ на лѣвомъ берегу, по которому къ несчастью идетъ бичевникъ. Къ несчастью говорю, потомучто тутъ бичева чуть не ежеминутно задѣваетъ то за полѣнницы дровъ, то за барки съ известью, съ углемъ, или пустыя, которыя ждутъ груза. Лѣсныя дачи заготовляютъ огромный запасъ угля и дровъ (на сколько можно замѣтить съ барки). Уголь жгутъ слѣдующимъ образомъ: заготовляютъ бревна и, поставивъ ихъ конусомъ, сушатъ на солнцѣ, потомъ вырываютъ глубокую и широкую яму и складываютъ въ нее конусомъ же сухія бревна, что составляетъ огромную пирамиду, и снизу поджигаютъ. Сверху пирамида обложена дерномъ, чтобы пламень не былъ слишкомъ силенъ и не обратилъ уголь въ пепелъ, и чтобы въ самомъ углѣ осталось больше вещества для горѣнія.

На Сяси составилась компанія купцовъ, занимающихся заготовкою дровъ. Лѣсъ рубятъ на обѣихъ сторонахъ рѣки, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ, подводятъ къ берегу и прямо бросаютъ въ рѣку. Каждый хозяинъ на бревнахъ своей порубки кладетъ мѣтки, чтобы послѣ, при разборкѣ, отличить ихъ. Брошенныя въ рѣку дрова собираются въ запани. Запань есть плотъ поперекъ бревна въ четыре или пять, длиною съ версту и болѣе. Запани перебрасываются или съ одного берега на другой, или окружаютъ часть одного берега и служатъ для того, чтобы не дать расплыться срубленому лѣсу. Устройство запаней должно быть очень прочное, чтобы дрова не прорвали ихъ, и стоитъ нѣсколько тысячъ. По окончаніи порубки хозяева посылаютъ приказчиковъ и работниковъ зачищать хвостъ, т. е. отыскивать дрова, которыя остались у береговъ или около камней и мелей, и спускать ихъ внизъ къ запанямъ. Такъ какъ зачищать хвостъ приходится въ нѣсколько дней, то для приказчиковъ и работниковъ строятся особыя лодки въ родѣ паса-

Digitized by Google

жирскихъ тихвинокъ; лодки эти всегда находятся въ концѣ хвоста. Согнанныя въ одно мѣсто дрова, запертыя запанями, сплошь покрываютъ рѣку на нѣсколько верстъ; до начала выгрузки, ихъ бываетъ такъ густо, что по нимъ ходятъ какъ по землѣ; затѣмъ ихъ выгружаютъ на берегъ и складываютъ въ полѣнницы; полѣнницы дровъ — мученье погоньщиковъ и лошадей, потомучто бичева постоянно задѣваетъ за нихъ. Впрочемъ не меньше безпокойства приносятъ погонычикамъ угольныя барки. Передъ каждой угольной ямой стоитъ барка для нагрузки. Барки эти устроены на манеръ петербургскихъ барокъ съ сѣномъ: на бортахъ поставленъ плетень изъ шестовъ сажени въ двѣ съ половиной вышины, связанныхъ прутьями, такъ что барка представляетъ огромную корзину, изъ которой уголь ужь не можетъ выпасть. Около нихъ-то чрезвычайно трудно ѣхать бичевой.

Сясь представляетъ много матерьяла для обработки и торговли, матерьяла очень важнаго въ Россіи, обработка котораго изъ сырого вида въ предметъ торговли требуетъ много рукъ и большіе капиталы. О ходѣ торговли известью, плитнякомъ, дровами и углемъ, о вліяніи ея на окрестныхъ жителей и о мѣстѣ въ общей торговлѣ Россіи я не могу сказать ничего, потомучто пишу только то, что успѣлъ замѣтить съ барки и запомнить изъ разсказовъ хозяина.

Отъ сяскаго канала до села Колчанова по Сяси мы ѣхали спокойно, любуясь прекрасными мѣстами — отвѣсами, обрывами, рисунками плитняка, лѣсами, деревнями, дачами и проч. Спокойное созерцаніе природы повременамъ было прерываемо страхомъ за лошадь и погоньщика, которые то скользили надъ обрывомъ, то купались въ глинѣ на окраинѣ рѣки, или наконецъ совсѣмъ тонули; да еще непрошеные пѣвуны-комары неотступно толпились около насъ. Впрочемъ они безпощадно мучатъ только въ жаръ, а въ другое время съ ними какъ-нибудь можно ладить. Правда, бичева часто засоривалась за барки, полѣнницы и проч. и проч., но она отсоривалась своимъ порядкомъ и мы почти безостановочно плыли посрединѣ.

Живя въ Петербургѣ и слушая въ первый разъ разсказъ про путешествіе по Сяси въ баркѣ, я расхохотался, когда лодочникъ сказалъ мнѣ, что нѣсколько верстъ придется ѣхать по дровамъ. О дровахъ на водѣ я имѣлъ то понятіе, что они стоятъ (или идутъ) связанныя въ плоты. Если ихъ такъ много, что они занимаютъ всю рѣку, какъ же можно по нимъ ѣхать? вѣдь плоты тожо самое что земля,

Digitized by Google

полъ — какъ же можно ѣхать по землѣ или по полу въ баркѣ? Я и не вѣрилъ лодочнику, думая, что онъ шутитъ. А оказалось, что мы и дѣйствительно въ баркѣ проѣхались по дровамъ. Оставалось перетянуть до Колчанова. Мы въѣхали въ огромную заводь, конецъ которой терялся изъ виду гдѣ-то далеко вверхъ по теченію. Хозяинъ снялъ шапку, перекрестился и скомандовалъ: «молись, ребята, Богу». Работники начали креститься и обдергиваться, приготовляясь къ сильной работѣ. Хозяинъ обратился ко мнѣ: «ну, не вѣрилъ ты мнѣ, баринъ, что по дровамъ поѣдешь,—а вотъ за мыскомъ и онѣ». Мы обогнули мысъ и мнѣ казалось, что ѣхать далѣе нельзя: вода исчезла, вся рѣка была покрыта дровами, какъ-будто на рѣкѣ сдѣлана мостовая... Какъ же ѣхать-то?.. Къ бичевѣ припрягли еще двухъ лошадей, носовые вооружились самыми длинными шестами, и барка наша безъ другихъ особенныхъ приготовленій въѣхала въ дрова, пробивая носомъ дорогу въ нихъ при началѣ слабомъ слоѣ. Чѣмъ болѣе подвигались мы, слой становился плотнѣе—пошла такая стукотня, какъ-будто мы ѣхали въ телѣгѣ по бревенчатой мостовой: бревна били барку и снизу, и съ носу, и въ борта; попадавшійся поперегъ носу барка тащила съ собой; тяжесть увеличилась и лошади едва-едва подымались впередъ. Носовые отталкивали бревна. Во многихъ мѣстахъ дровъ было такъ густо, что лошади не могли тащить и барка стояла, пока работники немного расчищали дорогу впередъ. Хозяинъ разсказывалъ, что иногда барка, забравшись въ самую гущу, стоитъ въ ней не одинъ день: работники только ходятъ по дровамъ — разбить ихъ и спустить внизъ нѣтъ возможности. Конечно эти путешествія по дровамъ не составляютъ удобства водянаго пути, потомучто бревна пробиваютъ барку и ужъ во всякомъ случаѣ если и не пробьютъ, то убавятъ ей вѣку. Кромѣ того эти нерасчитанныя остановки приносятъ двойной убытокъ: купцу, котораго товаръ перевозится, и перевозчику-хозяину лодки — онъ платитъ за лишніе дни работникамъ. Скорость ѣзды въ дровахъ такова: обыкновенно мы ѣхали по 5—6 верстъ въ часъ, а тутъ пять верстъ ѣхали болѣе трехъ часовъ. Нужно замѣтить, что дровъ уже было немного — ходить по нимъ было нельзя. Ѣзда въ дровахъ сначала, по новости, занимаетъ; но потомъ стукъ, медленность съ постоянными остановками, въ перспективѣ дрова, которымъ не видишь конца — все это наскучиваетъ. Наконецъ зыбкій бурый помостъ кончается: вонъ видны двѣ новыя лодки съ народомъ, который зачищаетъ хвостъ, за ними и рѣка. «Молись Богу», кричитъ хозяинъ въ знакъ того, что благополучно пробрались въ дровахъ.

Благочестіе играетъ важную роль во время всего путешествія: выѣхали изъ Петербурга—молись Богу! проѣхали невскіе пороги—

Digitized by Google

молясь Богу, переправлялись черезъ Волховъ, проѣхали сяскіе пороги, Сясь, тихвинскіе пороги, каждое утро съ отчаломъ — вездѣ. Но вотъ перебрались за послѣдній шлюзъ, что близъ Тихвина, — дальше нѣтъ ни мелей, ни пороговъ, ни камней — какъ въ канавѣ; да Тихвинку и зовутъ въ тѣхъ мѣстахъ канавой съ тѣхъ поръ, какъ надѣлали на ней шлюзовъ и углубили.

— Чтоже хозяинъ не кричитъ — молиться Богу? спросилъ я носовыхъ.

Работники улыбнулись.

— А зачѣмъ? отвѣчалъ одинъ: — вѣдь пороговъ больше нѣтъ, барку не разобьетъ!

Хозяинъ, слыша нашъ разговоръ, прибавилъ:

— Въ Тихвинѣ, баринъ, помолимся, а теперь выпить да закусить надо: слободно — въ канавѣ работы нѣтъ!

За Колчановымъ начинаются пороги. Берега и дно Сяси въ порогахъ обращаются изъ песчаныхъ въ каменистые. Теченіе чрезвычайно быстрое: были примѣры, что барка поднималась вверхъ въ то время когда другая спускалась — встрѣчная разрѣзывала ее до качты. Пороги состоятъ преимущественно изъ одной огромной известняковой плиты, занимающей все дно, или изъ нѣсколькихъ, лежащихъ одна за другой; паденіе до $^3/_4$ аршина и болѣе. Рѣка суживается и дѣлается извилистою. Такъ какъ мы ѣхали противъ теченія, то хозяинъ нанялъ четверку лошадей на всѣ пороги; пара всегда была готова переправиться вплавь на другой берегъ и тащить барку двумя бичевами, чтобы сохранить ей прямое направленіе: иначе, если тянуть съ одной стороны, она будетъ стукаться о камни и задѣвать за всѣ мысы. Сильныя лошади и знающій рулевой — вотъ что нужно, чтобы подняться въ пороги безъ большихъ остановокъ. У насъ рулемъ правилъ самъ хозяинъ лодки, тихвинскій мѣщанинъ, разъ больше десяти бывшій въ порогахъ. Онъ хорошо ведетъ лодку въ открытомъ мѣстѣ, но мало знаетъ пороги; потому нашъ подъемъ былъ очень неудаченъ: мы то и дѣло садились на мель, въѣзжали на камни. Труся за лодку, въ порогѣ онъ постоянно дѣлалъ ошибки: обходя какой-нибудь опасный камень, повернетъ въ сторону больше чѣмъ слѣдуетъ, — барка теряетъ направленіе, упирается носомъ въ берегъ, одна бичева слабнетъ, на долю другой достается вся тяжесть; теченіе быстро подхватываетъ барку и, несмотря на усилія носовыхъ и лошадей, скатитъ внизъ, ступивъ по дорогѣ о встрѣчные камни. Такимъ образомъ мы чуть не на каждомъ порогѣ раза по два катались внизъ. Носовые, упершись грудью въ шесты, употребляютъ всѣ силы, чтобы остановить лодку; погонщики палками бьютъ лошадей — и все ни къ чему! те-

Digitized by Google

ченіе снесетъ таки внизъ, а люди и лошади измучатся, и пока не отдохнутъ, впередъ идти нельзя. Эти постоянныя остановки (въ которыхъ не всегда виноватъ рулевой: ударилъ носовой не съ той стороны, отна бичева натянулась больше — барка ужь и свернула съ дороги) раздражаютъ всѣхъ рабочихъ, съ рулевого до погонщиковъ. Начинаются страшныя ругательства: «стой, дьяволъ!» «отдай, анаѳема!» «вычаль!» «вчаль, еретникъ!» раздается цѣлый день и дѣлаетъ путешествіе невыносимымъ. Къ вечеру остановки чаще и чаще: работники думаютъ объ отдыхѣ, усталыя лошади не могутъ поднять бичевы, которая, тащась по землѣ, задѣваетъ за кусты, камни, брега; хозяинъ срывающимся охриплымъ голосомъ кричитъ погонщику: «отсорь, разбойникъ!» носовымъ: «держите, дармоѣды!»

Погонщики, не обращая вниманія на ругательства, кричатъ, что пора остановиться, носовые опираются назадъ. Такимъ образомъ и люди и лошади часовъ въ шесть вечера не въ состояніи больше работать, и барка, пройдя верстъ девять впродолженіи всего дня, останавливается на ночлегъ.

Работники нанимаются въ Петербургѣ съ платой около 2 р. 50 к. въ недѣлю съ хозяйскими харчами. Усилія ихъ въ порогахъ изумительны; но требованія хозяина всегда больше, а награда — ругательства. Расчетъ хозяина — привести барку какъ можно скорѣе на мѣсто; потому работники спятъ, послѣ дня безпрерывной работы, не болѣе трехъ-четырехъ часовъ: чуть немного разсвѣло, хозяинъ ужь будитъ ихъ. Правда, онъ заботится о своихъ выгодахъ; но зато, чтобы идти скорѣе, онъ не щадитъ силъ работниковъ: въ порогахъ прибавляютъ четыре лошади, но тѣ же самые работники должны своей грудью подвигать барку впередъ противъ быстраго теченія, отталкивать отъ камней, лѣзть въ воду со стягомъ, если барка сѣла на мель или на камень. За каждый неудачный ударъ шестомъ, не слишкомъ быстрое движеніе ихъ ругаютъ, какъ можно только ругать тамъ, гдѣ некому остановить. Будь работникъ старателенъ, не жалѣй своихъ силъ, лѣзь изъ кожи — хозяину дѣла нѣтъ; онъ ругаетъ чуть не каждую минуту, требуетъ чтобы онъ не зналъ усталости, одинъ остановилъ барку, которую несетъ быстрина; онъ цѣнитъ работника меньше лошади: продави себѣ грудь, сломи спину, а работай, когда нанялся — таковы требованія хозяина и таковы отношенія его къ носовому работнику. Положеніе погонщика еще хуже. Носовой въ каналѣ, въ открытомъ мѣстѣ, гдѣ лодка идетъ посереднѣ рѣки, отдыхаетъ. Погонщикъ отъ Петербурга до мѣста почти буквально не знаетъ отдыху, не считая трехъ-четырехъ часовъ ночи. Онъ забирается съ лошадью

Digitized by Google

на горы, вязнетъ съ ней въ глинѣ, колетъ небѣ ноги булыжникомъ, скачетъ черезъ лужи, бревна, бѣжитъ отсоривать бичеву; около дровъ и угольныхъ ямъ ему приходится отсоривать разъ десять кряду — въ водѣ отсорь отъ полѣна, лѣзь на барку, отсорь отъ мачты, на берегу отъ полѣницы. При переѣздѣ черезъ рѣку, лужу, ему позволяется сѣсть верхомъ; но попробуй онъ въ другомъ мѣстѣ сѣсть отъ усталости — хозяинъ ругательствами сгонитъ его. Брани на его долю достается еще больше: находясь далеко отъ барки, за кривами съ другихъ судовъ, онъ часто не разбираетъ команды своего рулевого. Какъ дѣйствуетъ на здоровье подобная жизнь, я видѣлъ нынѣшній годъ: погонщикомъ къ намъ нанялся отставной солдатъ, здоровый, видный мужчина, — на половинѣ дороги его нельзя было узнать: пожелтѣлъ, похудѣлъ, потерялъ всю солдатскую выправку — весь расклеился... Работники за ругательское обращеніе платятъ хозяину грубостью и ругательствомъ же; между собой говорятъ о немъ съ ненавистью. И дотого въ нихъ развилось недоброжелательство къ хозяевамъ, что будь и хорошій, они бранятъ его за скаредничество, нехорошую пищу; корми хорошо— будутъ жаловаться, что ихъ не поятъ виномъ.

Въ первый день въ порогахъ мы проѣхали двадцать, во второй девять верстъ и только въ третій должны были кончить ихъ. Хозяинъ проснулся съ солнцемъ и разбудилъ работниковъ. Работники поднялись, наторопясь надѣли сапоги, штаны, сплеснули лицо водой изъ рѣки и отправились каждый къ своему дѣлу. «Ну-ну, шевелитесь! солдатъ, запрягай! сходню (доска, по которой сходятъ съ барки на берегъ) возьмите!» торопилъ хозяинъ. Все готово — лошадь запряжена, носовые вооружились шестами. «Вынось легонько!» относится къ солдату, «отчаливай!» — къ работникамъ. Работники уперлись шестами въ берегъ, барка вышла на середину и несѣшна поплыла къ порогу. «Молись богу!» скомандовалъ рулевой.

Хорошо утро на рѣкѣ! Солнце поднялось изъ-за лѣса; не жжетъ; свѣжій воздухъ прогоняетъ сонъ. Подулъ холодноватый утренній вѣтерокъ, пропали комары, мучившіе насъ всю ночь. Широкая рѣка слегка дымится неуспѣвшими еще подняться парами. Справа зелень, посеребреная росой, слѣва мокрый желтый песокъ; тутъ и тамъ густой лѣсъ, темный, неосвѣщенный еще солнцемъ. Подвигаемся впередъ. Рѣка суживается и собираетъ всю воду въ маленькое русло къ правому берегу; лѣвая часть дна

Digitized by Google

постепенно выходитъ изъ воды и обращается въ плоскій, песчаный берегъ желтосѣраго цвѣта, покрытый известковымъ щебнемъ; дальше онъ расширяется болѣе и болѣе и прижимаетъ рѣку вплоть къ правому берегу, въ маленькую прогалину въ кусты. Мы думали, что это порогъ: нѣтъ, порогъ дальше. Изъ этого узкаго прохода рѣка немного расширяется и вдругъ беретъ влѣво: правый берегъ выходитъ голою площадью изъ воды, лѣвый отодвигается къ своей настоящей границѣ — лѣсу на крутомъ спускѣ. Впереди широкая сѣрая равнина, разрѣзаная черною чертой сжатой рѣки. Крутые, высокіе берега, покрытые лѣсомъ далеко по сторонамъ. Вонъ и порогъ. Три барки останавливаются внизу; двѣ идутъ сверху. Шумъ порога, крикъ погоньщиковъ, команда рулевыхъ, уханье носовыхъ, брань — все сливается въ какой-то общій, базарный крикъ. Намъ нужно объѣзжать косу. «Вороные, переправляйтесь! да захватите бичеву!» вскричалъ хозяинъ наемной парѣ, до сихъ поръ шедшей безъ дѣла. Вороные въѣхали въ воду; погоньщикъ схватилъ брошеную бичеву, на ходу, по поясъ въ водѣ, привязалъ къ оглобляхъ (въ порогахъ вообще мелко) и отправился на противоположный берегъ. «Съ правой, съ лѣвой!» командовалъ рулевой, лавируя около камней.—«Вынось, вынось, вороные!солдатъ, стой! стой, анаѳема!» Вороные шли тихо — бичева тащилась въ водѣ, солдатъ съ тройкой тянулъ сильно, и лодка въѣхала на берегъ. «Стой! стой!! мошенникъ, солдатская рожа!» кричалъ хозяинъ. «Вали, вали съ берега!» Носовые, кряхтя, уперлись шестами въ берегъ; лодка подвигалась мало — значитъ крѣпко засѣла. «Вали-вали-и!.. Да ну! вали, говорятъ вамъ!..» — Ладно! не кричи! — «Вали, говорятъ тебѣ, не разговаривай!» — Не слѣпъ, видишь, что не такъ сидимъ! отгрызались носовые. «Еретники проклѣнутые!» ворчалъ хозяинъ, ворочая рулемъ. Лодка не двигалась. «Раздѣвайсь одинъ, да ступай въ воду!» вскричалъ хозяинъ. — Раздѣвайсь! самъ бы, чортъ, полѣзъ! — заругался носовой, очередь котораго была лѣзть въ воду. — Въ погоньщики наналъ такихъ же дураковъ, какъ и самъ — ни одного камня объѣхать не можемъ! — Наконецъ лодка пошла. «Вынось, вынось, вороныя!» опять заголосилъ хозяинъ. «Солдатъ—легчая! Съ правой! съ лѣвой!» Носовые только успѣвали перебѣгать съ шестами съ одной стороны на другую. Рѣка раза три перебросилась отъ берега къ берегу: упрется въ одинъ, сажени двѣ идетъ около него, потомъ сразу отбросится къ другому. Мы огибали мысы со страхомъ засѣсть на каждомъ. Хозяинъ не переставалъ кричать: «оба съ правой!» чтобы отодвинуть барку отъ берега.—«Воронья, натягивай! солдатъ, легчая! Бери на ходъ!» Носовые шестами придавали ходу... Барка благополучно

Digitized by Google

обошла новый мысъ. «Вали на ходъ!» и носовые, согнувъ спины, упершись грудью въ шесты, опять зашагали по бортамъ, придавая ходу... Еще мысъ: снова тѣ же крики, только солдатъ мѣняется ролью съ рулевымъ, а носовые оба прутъ съ другой стороны. Порогъ близко; лодка хотя тихо, но подвигается къ нему. Криковъ нѣтъ; развѣ только солдатъ, невполнѣ изучившій искусство поровщика, засоритъ за камень: обругаетъ его оборванцемъ, жоржей — и опять тихо. (Я ужь привыкъ не обращать вниманія на крики съ другихъ лодокъ). Хозяинъ молчитъ, работники тоже. И тотъ и другіе всматриваются въ порогъ: первый можетъ-быть гадаетъ, какъ онъ пройдетъ порогъ? не посадитъ ли въ немъ барку? вторые съ обычной безстрастностью работника — вонъ, дескать, порогъ! за тѣмъ поплевываютъ на руки, приготовляясь къ сильной работѣ. Обогнувши еще мысъ, мы подошли къ порогу и причалили къ берегу позади трехъ лодокъ, стоявшихъ раньше,—переждать, пока лѣвѣ, идущія сверху, спустятся въ порогъ. «Ну, баринъ, теперь погулять можно», сказалъ хозяинъ, садясь на кормѣ закусывать. Носовые тоже сѣли по бортамъ, достали хлѣбъ и полдничали имъ, въ прикуску съ селедкой. Я пригласилъ моихъ товарищей выйти на берегъ; но они предпочли остаться въ каютѣ, и я самъ тоже остался посмотрѣть, какъ барки спустятся въ порогъ и всталъ на бортъ, чтобы лучше видѣть. Вода съ шумомъ несется черезъ порогъ: съ боковъ ее тѣснитъ гряда камней, со дна поднимается гребень известковой плиты. Вдали, за порогомъ, опять видна рѣка во всю ширину, гладкая, спокойная; ближе сюда, сжатая берегами, она собираетъ свои воды и разомъ бросаетъ ихъ на порогъ. толкаемыя сзади, онѣ тычутъ другъ друга, ударяются о каменистые берега, отскакиваютъ, рвутся дальше; тутъ подхватываетъ ихъ гребень плиты, стираетъ въ пыль и выбрасываетъ за порогъ въ широкое русло, гдѣ онѣ успокоиваются... Быстро несется рѣка черезъ порогъ. На эту-то быстрину въѣзжаетъ барка. Рулевой молчитъ, командовать и ругаться некогда: все вниманіе устремлено на руль и камни; молча носовые исполняютъ свое дѣло: длинные шесты со свистомъ сѣкутъ воздухъ, однимъ ударомъ отталкивая барку отъ камня. Носовые и рулевой работаютъ единодушно: въ глазахъ ихъ одна мысль,—пройти неразбившись. Барка летитъ со всей силой, данной ей токомъ, и прямо на насъ... Въ головѣ мелькнули разсказы, какъ барки сверху рѣжутъ пополамъ низовыя, въ минуту обращая ихъ въ щепы съ товаромъ и людьми... Барка не перемѣняетъ направленія... носовые упорно смотрятъ въ воду... вотъ-вотъ со всего розмаху она ударится въ нашу барку... еще минута... Я отскакиваю на другую сторону, не безъ дрожи смотрю что́ будетъ: но — шесты

Digitized by Google

свистнули въ воздухѣ, проскребли по камню — мимо насъ летитъ ужь рулевой, угрюмо ворочая рулемъ. Только наши носовые посмѣялись надъ моимъ скачкомъ: «испугался, баринъ!» Понятно почему рулевой угрюмъ: барка — все его имущество, домъ, кормилица; онъ десять разъ провелъ ее хорошо, — кто поручится, что въ этотъ разъ онъ не посадитъ? Вода то падаетъ, то подымается, то высовываетъ каменья, то прячетъ ихъ для большей опасности... Когда порогъ посадитъ на свой хребетъ барку, тутъ нѣтъ времени расчитывать, на какихъ мѣстахъ были каменья въ прошломъ году. Я еще разъ соскочилъ съ борта съ замирающимъ сердцемъ, когда мимо насъ неслась вторая барка, и еще разъ отдохнулъ, когда съ нами поравнялся рулевой. «Отчаливай!» раздалось съ переднихъ барокъ. Теперь лучше идти на берегъ, — успѣю наслушаться криковъ, успѣю насмотрѣться, когда пойдетъ наша барка.

Боже мой! по этому щебню невозможно идти: черезъ подошву онъ колетъ, рѣжетъ, накаленный солнцемъ жжотъ... До берега, до зелени, еще саженъ тридцать и все щебень. А тутъ еще нужно перескакивать черезъ лужи... сверху палитъ солнце, и какъ палитъ, какой духотой наполняетъ воздухъ—невыносимо! Не вернуться ли? Да нѣтъ! все-таки сколько-нибудь пройдусь, а на баркѣ все сидишь... Какъ же ходятъ по этимъ жгучимъ, острымъ камнямъ погоньщики, и еще босикомъ? Вотъ жизнь-то въ самомъ дѣлѣ: я въ сапогахъ съ двойными подошвами не могу пройти двадцать саженъ, а погоньщикъ цѣлый день идетъ по такой мостовой... Наконецъ добрался до зелени. Берегъ-то какъ высокъ: фуражка валится! А не сидѣть же здѣсь, прислонившись къ голому корню, или протянувъ ноги на горячую известь... И лѣсъ-то какъ идетъ: сосна, ель, ива, береза, шипишникъ—все мелкое, все переплелось, ступить негдѣ... Что́ за спускъ! дѣйствительно, деревья должны переплестись, чтобы помогать другъ другу держаться прямо: иначе они или перекувыркнутся вершиной внизъ, или съѣдутъ съ горы, какъ ѣдутъ мои ноги, несмотря на то, что взбираюсь хватаясь за сучья. Тутъ еще налетѣла стая оводовъ, бросающихся на всякаго, кто войдетъ въ лѣсъ... А до верхушки еще далеко, я только на серединѣ; тамъ вѣтерокъ перебираетъ листья, а здѣсь и комарамъ дали знать, что я въ лѣсу... Все же мнѣ лучше, чѣмъ погоньщику: вонъ «засорило!» кричатъ — и онъ долженъ со всѣхъ ногъ бѣжать по щебню; меня и не жжотъ, а его какъ пропекаетъ черезъ рубашку!.. Наконецъ добрался! Да какъ и усталъ! не до прогулки по берегу, лучше лечь подъ кустикомъ на зеленой травкѣ, да отдохнуть. Трава мягка, душиста; свѣжій вѣтерокъ отгоняетъ комаровъ. Небо-то, облитое лучами, какъ хорошо! Далеко видно отсюда. Вездѣ лѣсъ, зеленый,

Digitized by Google

густой, высокой; только вонъ вправо на томъ берегу поднимаются два холма, покрытые какъ коврами разнымъ житомъ; за ними видны кровли и невысокій шпицъ деревенской церкви. Самой церкви и домовъ невидно за лѣсомъ. Куда ни взглянешь, вездѣ лѣсъ. на обоихъ берегахъ, на горахъ, на скатахъ... Желтосѣрое дно рѣки рѣзко прерываетъ его зеленыя массы. Какимъ безлюдьемъ, пустыней отзывается оно: кажется люди не только стараются побѣдить силу теченія, но и уйти скорѣе изъ этого безжизненнаго мѣста. Шумъ порога, крикъ, ругательства лодочниковъ не оживляютъ его: они слишкомъ малы, чтобы оживить все накаленное его пространство. Что это? трескъ? Шестъ сломался, а за нимъ упалъ въ воду носовой. Въ первый разъ значитъ идетъ на баркѣ: нужно бы было бросить шестъ. Вонъ онъ лѣзетъ на барку. «Зѣворотъ! переломай всѣ шесты!» съ угрозой кричитъ хозяинъ. Пусть ихъ бранятся, я пока отдохну. Что за мука тамъ на баркѣ въ жары! Выйдешь днемъ на палубу, печетъ, душно; пойдешь въ каюту — мильоны комаровъ, нельзя ничѣмъ заняться! Ночью — укроешься хорошенько отъ комаровъ — жарко; раскроешься, — заѣдятъ комары; бьешься, бьешься часа два — и выйдешь на палубу ждать утра, когда вѣтеръ разгонитъ этихъ мучителей.

Но наша барка отчаливаетъ, нужно идти садиться (такъ говорятъ — какъ будто ѣдемъ въ дилижансѣ или въ вагонѣ по желѣзной дорогѣ). Все готово: хозяинъ у руля, работники съ шестами по бортамъ, солдатъ поднялъ кнутъ, вороные взяли бичеву и переправились на другой берегъ. «Отчаливай! Солдатъ, вынось! вороные, пошолъ!» Мы въѣхали въ порогъ. Небольшія, но быстрыя и сильныя волны бьютъ въ борта, въ дно, въ носъ — какъ будто мы опять ѣдемъ по дровамъ — и толкаютъ барку назадъ. Бичева вытянулась, мачта накренилась, погоньщики подняли страшный вой, кнутъ и палка гуляютъ по выгнутымъ спинамъ лошадокъ. Хозяинъ кричитъ сколько хватаетъ голоса: пошолъ, погоняй! Лошади, поощряемыя палками и страшными криками, напрягли всѣ свои силы; барка идетъ хорошо... Стопъ!.. въѣхала на плиту! Хозяинъ развелъ руками, плюнулъ и началъ ругаться. Впрочемъ ругательства ни къ чему не вели: барка все-таки съѣхала внизъ, таща за собой на бичевѣ задомъ разгорячennыхъ лошадей. Пришлось снова подыматься въ порогъ. Этотъ разъ былъ удачнѣе: поднялись какъ слѣдуетъ; еще неуставшія лошади провезли скоро по порогу, вовремя оттолкнулись отъ камней — и вотъ мы опять въ рѣкѣ. Опять она, широкая, плавная, окаймленная зелеными берегами, открылась передъ нами. Слѣдующаго порога еще невидно и неслышно; что дѣлать? Читать не хочется. Не смотрѣть же все на зеленые берега да думать

Digitized by Google

вслухъ съ товарищами: здѣсь вотъ хорошо пообѣдать, подъ тѣмъ кустомъ напиться чаю, на той горѣ поставить башню и проч. и проч. Это занятіе ужь надоѣло намъ въ первые дни пути.

Погода мѣняется: подулъ сильный вѣтеръ, комары исчезли — чего же лучше?—пойду спать. Я и такъ почти двѣ ночи не спалъ во милости жара и комаровъ... Я проснулся, когда мы въѣзжали въ Тихвинку. Хозяинъ говоритъ, что послѣдніе пороги мы проѣхали скоро и безъ всякихъ остановокъ. Сясь раздѣлилась: вправо шла она же, влѣво Тихвинка. Мы повернули въ Тихвинку (очень узенькую рѣчку при устьѣ; выше она гораздо шире). «Новая рѣка — молитесь, ребята, Богу!» сказалъ хозяинъ. — «Рано, отвѣчали работники: носъ въ Тихвинкѣ, а задъ-отъ еще въ Сяси!..»

Н. ГУЛЯЕВЪ.

Digitized by Google

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

О томъ, чѣмъ живетъ теперь нашъ народъ. — Нѣкоторыя изъ его проявленій и взгляды наблюдателей. — Характеристическіе факты изъ постановленій губернскихъ присутствій. — Нѣчто о вмѣшательствѣ въ семейныя дѣла и о народномъ здоровьѣ. — *Женскій крестьянскій комитетъ*. — Рѣшительное признаніе потребности въ грамотности и проектируемыя общества. — Женскій вопросъ, переходящій въ женскія руки. — О сословномъ характерѣ учебныхъ заведеній: упраздненіе училищъ дѣтей канцелярскихъ служителей. — Петровская академія. — Еще *самоучки*. — Возстановляющаяся кафедра. — Печальный случай въ Остяпкинѣ. — Новое поприще для общественной благотворительности.

Обширна земля наша, разнообразны ея климаты, далеки, ужасно далеки концы, по которымъ разсыпалась русская семья. Если окинуть мысленнымъ взоромъ пространство —

отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая, —

и попытаться опредѣлить нравственное состояніе, настроеніе и текущіе интересы живущаго на немъ общества, то можно испугаться собственнаго покушенія. Ежедневно слышимъ мы паровозные сигналы и чуемъ, какъ чрезъ просѣки и недавнія трущобы

Летитъ змѣя-чугунка
Съ шипѣніемъ и свистомъ;

ежедневно и непрерывно по разнымъ направленіямъ почти всей этой изумляющей своей обширностью площади совершается электромагнитный токъ, переноситъ изъ конца въ конецъ слова и мысли, нерѣдко (говорятъ, что не всегда) опережая самую чугунку; грохочутъ денно и ночно скоропечатныя машины, изъ-подъ которыхъ излетаетъ еще не исчисленное въ точности никѣмъ изъ современ-

Digitized by Google

никовъ количество листовъ бумаги, и ежемѣсячно, еженедѣльно и ежедневно разноситъ всюду многоразличныя жизненныя вѣсти... Но несмотря на все это, сила пространства еще противостоитъ человѣческой мысли, которая иногда какъ-будто не хочетъ поровняться въ быстротѣ съ электромагнитнымъ токомъ и, не обобщаясь, остается въ первобытномъ разнообразіи, подобномъ разнообразію климатовъ нашего обширнаго отечества. Человѣкъ, прибывшій изъ какой-нибудь точки окружности къ центру, слушаетъ, широко открывъ глаза, какъ бы незнакомыя рѣчи и неожиданныя мысли, слышитъ вопросъ: что тамъ, вдали, дѣлается и думается, отвѣчаетъ, и — обитатель центра открываетъ въ свою очередь глаза и внемлетъ новымъ и тоже можетъ-быть неожиданнымъ для него рѣчамъ и мыслямъ.

Въ центрѣ всегда движеніе быстрѣе, и потому текущіе интересы здѣсь обновляются и смѣняются чаще. Въ центрѣ организма образуются жизненные соки, питающіе прочія его части; нужно же время, чтобъ разнестись этимъ сокамъ по организму, переработаться и усвоиться имъ его частями. Отъ характера и предметовъ дѣятельности центра зависитъ качество образующихся соковъ, а отъ качества соковъ зависитъ степень жизненности и здороваго состоянія въ частяхъ организма. Въ нашемъ единственномъ общественномъ центрѣ къ 19 февраля нынѣшняго года образовался питательный, животворный продуктъ, который теперь разработывается всѣми частями огромнаго организма. Имъ надолго станетъ этой пищи; онѣ будутъ жить ею и въ то время, когда въ центрѣ образуются (если уже и теперь не образовались) другіе элементы, долженствующіе поглотить его дѣятельность. Теперь весь народъ живетъ положеніями 19 февраля и разработываетъ ихъ. Мы постоянно читаемъ соображенія и постановленія мировыхъ учрежденій, губернскихъ присутствій и главнаго комитета, разъясненіе статей положеній, дополненіе или измѣненіе ихъ, и вотъ въ чемъ состоитъ существеннѣйшая черта этой общей работы: она порождается практическимъ примѣненіемъ этихъ статей, вызывается условіями народной жизни и тотчасъ вся входитъ въ эту жизнь. Понятно, что по мѣрѣ того какъ народъ будетъ глубже проникать въ смыслъ положеній и яснѣе сознавать права свои, — вопросы будутъ возникать все изъ болѣе и болѣе глубокихъ основъ его жизни и отвѣты на нихъ болѣе и болѣе будутъ соотвѣтствовать характеру и потребностямъ народа.

Эта разработка имѣетъ еще то важное свойство, что въ ней должны постепенно выясниться духъ народа и коренныя черты его характера. До сихъ поръ конечно еще немногое открылось въ этомъ

Digitized by Google

отношеніи; обнаружилась только скрытность народа и крайняя недовѣрчивость его къ бывшимъ господамъ. Хотя съ одной стороны слышимъ, что вслѣдствіе справедливыхъ и безпристрастныхъ дѣйствій большинства мировыхъ посредниковъ народъ обращается къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ; но съ другой говорятъ, что народъ уклоняется отъ подписанія уставныхъ грамотъ и вообще отъ подписанія чего бы то ни было, какъ-будто боясь даться въ обманъ и утратить права, дарованныя ему его *хартіей* — положеніемъ. Такъ крѣпко, говорятъ, держится онъ за эту *хартію*! Одинъ кореспондентъ съ юга увѣряетъ (Соврем. лѣтоп. № 40), что помѣщики жалуются на холодность и недостатокъ сочувствія народа. Что́ бы ни предлагалъ помѣщикъ — говоритъ онъ — крестьяне все недовольны, и все ждутъ чего-то другого, болѣе широкаго; какія бы уступки ни дѣлалъ помѣщикъ въ ихъ пользу, они ничего не относятъ къ его великодушію, и все считаютъ только исполненіемъ закона. Яркій примѣръ недовѣрчивости крестьянъ и темныхъ надеждъ ихъ «на что-то другое, болѣе широкое», представляетъ дѣло помѣщика самарской губерніи Кавелина, который подарилъ крестьянамъ четвертую часть надѣла. Вотъ что разсказывается объ этомъ въ «Самар. губ. вѣдомостяхъ»: «Дѣло состоялось при полномъ согласіи со стороны крестьянъ; но даръ помѣщика тѣмъ не менѣе не остановилъ ихъ отъ предположенія бо́льшихъ правъ съ ихъ стороны на землю, на полный надѣлъ, что по ихъ мнѣнію должно послѣдовать по истеченіи временно-обязаннаго положенія. Въ силу такого соображенія они просили владѣльца включить въ грамоту дополнительное условіе, которымъ бы онъ обязался остальное количество земли, находившейся въ ихъ пользованіи, не отчуждать на правѣ неограниченной собственности въ теченіе одиннадцати лѣтъ. Чтобъ устранить всякую тѣнь сомнѣнія, г. Кавелинъ далъ это обязательство; тѣмъ не менѣе онъ замѣтилъ крестьянамъ шаткость ихъ надеждъ и неизмѣнную волю правительства... Данное г. Кавелинымъ обязательство вызвало порицанія въ томъ отношеніи, что исполненіемъ просьбы крестьянъ онъ какъ бы подкрѣпляетъ ихъ надежду, не имѣющую опоры въ положеніи, и губернское присутствіе даже сочло необходимымъ высказаться въ этомъ смыслѣ. Съ другой стороны, намъ сообщали, что это обстоятельство произвело на крестьянъ обратное впечатлѣніе: говорятъ, они убѣдились, что ихъ надежда напрасная, такъ какъ въ противномъ случаѣ владѣлецъ не согласился бы такъ охотно дать на себя письмо».

Вотъ и наблюдайте пріемы народнаго мышленія!.. О томъ, какъ вообще проявляется въ послѣднее время народъ, разные наблюдатели замѣчаютъ слѣдующее:

Digitized by Google

«Крестьяне (говорит один) въ короткое время значительно выросли въ смыслѣ свободныхъ людей; они уже смотрятъ вамъ прямо въ глаза, а не понуря голову, и говорятъ прямо что они желаютъ, а не обиняками».

«Новымъ духомъ вѣетъ въ селахъ русскаго царства (замѣчаетъ другой). Этотъ новый духъ чувствуется во всемъ; вы слышите его въ крестьянскихъ рѣчахъ, вы видите его на крестьянскихъ лицахъ. И можетъ ли быть иначе?.. Цѣлыя массы народа вдругъ очутились въ совершенно новомъ положеніи. Вдругъ прекратилось право безотвѣтственнаго и произвольнаго распоряженія трудомъ и личностью людей. Тѣлесныя наказанія, если еще не совсѣмъ исчезли, то перестали быть личной расправой; но и по суду исправительныя тѣлесныя наказанія назначались нынѣшнимъ лѣтомъ очень рѣдко, несравненно рѣже чѣмъ прежде. Патріархальный способъ короткой расправы вовсе выходитъ изъ употребленія. Это всеобщій фактъ. Нельзя не привѣтствовать этого факта, подтверждаемаго вамъ со всѣхъ сторонъ; тѣмъ болѣе нельзя не привѣтствовать его, что рука объ руку съ нимъ идетъ другой фактъ — усиливающаяся увѣренность въ совершенной личной безопасности помѣщиковъ. Трусливая мнительность, ожидавшая богъ-знаетъ какихъ неурядицъ, становится теперь воспоминаніемъ, надъ которымъ подтруниваютъ даже самые робкіе изъ робкихъ. Никому въ голову не приходитъ запасаться за себя и свое семейство. Никто уже не труситъ ѣхать въ свою деревню, и помѣщики живутъ въ своихъ деревняхъ такъ же спокойно, какъ прежде; если они чего опасаются, то отнюдь не насилія, а экономическаго ущерба. Крестьяне держатъ себя вѣжливѣе, чѣмъ даже можно было ожидать...»

Чувствуется, что въ этихъ наблюденіяхъ очень много сущей правды; но мы имѣемъ право сдѣлать скромное предположеніе, что нѣкоторые факты здѣсь немного слишкомъ обобщены. Напримѣръ, что тѣлесныя наказанія перестали быть личной расправой — это конечно должно быть такъ; но чтобъ и по суду они назначались нынѣшнимъ лѣтомъ *очень рѣдко*, въ этомъ, если не возразить, то усомниться можно. Нынѣшнимъ лѣтомъ было много поводовъ на этой печальной мѣрѣ: сколько мы читали свѣдѣній о такъ называемыхъ недоразумѣніяхъ, а сколько еще осталось неизвѣстныхъ и слѣдовательно непрочтенныхъ частныхъ случаевъ личнаго увольненія отъ исполненія предписанныхъ обязанностей!.. Кромѣ того, еще одинъ наблюдатель замѣчаетъ, что «чаще всего предаются на судъ общественнаго мнѣнія требованія иныхъ землевладѣльцевъ, добивающихся примѣрнаго наказанія, безъ суда, крестьянъ, особенно женщинъ, изъ какихъ-нибудь пустыхъ причинъ. Между

тѣмъ по высочайшему повелѣнію уже объявлено, что нынче нельзя потѣшаться розгами по произволу...» Это говорится о циркулярномъ предложеніи управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губерній отъ 11 августа, гдѣ сказано, что «изъ числа крестьянокъ и дворовыхъ женскаго пола, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, не могутъ быть приговариваемы къ тѣлесному наказанію:

а) достигшія пятидесятилѣтняго возраста;

б) получившія образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ;

в) занимающія должности повивальныхъ бабокъ, смотрительницъ больницъ, сельскихъ училищъ и школъ;

г) принадлежащія къ семействамъ изъятыхъ отъ тѣлеснаго наказанія должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управленія».

Въ то же время обнародовано, что во II отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи находится на разсмотрѣніи вопросъ *объ отмѣнѣ вообще тѣлесныхъ наказаній для лицъ женскаго пола.*

Такимъ образомъ уменьшеніе, а потомъ можетъ-быть и совершенное исчезновеніе тѣлесныхъ наказаній относится еще къ свѣтлому будущему и составляетъ только предметъ сладкой надежды. Что касается до замѣчаемой со стороны крестьянъ *вѣжливости*, то вѣдь это понятіе крайне относительно, и всѣ условія его ни въ какомъ законѣ не исчислены, между тѣмъ крестьяне, какъ выше сказано, крѣпко держатся только за свою хартію. Мы напримѣръ слышали много частныхъ случаевъ, въ которыхъ нѣкоторые помѣщики, находя обращеніе крестьянъ не вполнѣ удовлетворяющимъ всѣмъ условіямъ вѣжливости, благоразумно притворяются незамѣчающими этого, и скоро побѣждаютъ своей великодушной терпимостью временную запосчивость людей упоенныхъ быстрой перемѣной положенія. Другіе помѣщики напротивъ входятъ въ амбицію и предъявляютъ претензію, что крестьяне не ломаютъ предъ ними шапки. Конечно эти претензіи, какъ смѣшныя по своей мелочности, и кончаются большею частью смѣшнымъ; но все-таки фактъ крестьянской вѣжливости намъ кажется немножко слишкомъ обобщеннымъ.

Продолжаемъ наблюденіе надъ проявленіями народа.

«На мировыхъ съѣздахъ (сказано въ одной кореспонденціи) всегда присутствуетъ множество внимательныхъ зрителей новаго и непривычнаго для насъ публичнаго разсмотрѣнія жалобъ на посредниковъ и обсуживанія экономическихъ вопросовъ».

Г. Мельгуновъ пишетъ изъ другой мѣстности: «Мнѣ было во многихъ отношеніяхъ пріятно видѣть, въ послѣднюю мою поѣздку

Digitized by Google

въ Рязань, что крестьяне ближайшихъ мѣстъ, ихъ старшины и другіе выборные люди сидѣли въ большой залѣ дворянскаго собранія и слушали, какъ члены мироваго съѣзда разсуждали между собой объ ихъ дѣлахъ. Конечно мужички многаго не уясняли себѣ; но по ихъ сосредоточенному вниманію видно было, что предметъ совѣщаній очень ихъ занималъ, даромъ что дѣла, бывшія на очереди, не касались присутствовавшихъ. Это были простые зрители, наравнѣ со всѣми другими гражданами. Тѣ изъ поселянъ, о которыхъ заходила рѣчь, призывались особенно: ихъ распрашивали, съ ними совѣщались. Но зрители, какъ и слѣдуетъ, должны были молчать да слушать, или уйдти. Вотъ для крестьянъ новая школа, гражданская и отчасти юридическая!»

Если при этомъ вспомнимъ общее замѣчаніе, что мировыя учрежденія видимо скоро привились у насъ, то можно получить твердую увѣренность въ ихъ живучести и въ великихъ послѣдствіяхъ ихъ полнаго укорененія. «Мировые посредники (говоритъ одинъ мѣстный наблюдатель) подаютъ добрый примѣръ безкорыстія и уваженія къ правдѣ, а это, вмѣстѣ съ распространеніемъ грамотности и развитіемъ частнаго самоуправленія, скоро уничтожитъ взяточничество въ самомъ его основаніи, т. е. въ измѣнившихся взглядахъ народа на судъ и судей: будутъ бояться праваго суда, но не произвола судей. Нечестнымъ мужику противъ мужика въ настоящее время, при возбужденномъ состояніи умовъ, рѣшительно быть нельзя: его просто заѣли бы всѣмъ міромъ, еслибы онъ только попробовалъ покривить душой... Чиновнику тоже нельзя быть нечестнымъ противъ мужика, потомучто у него подъ бокомъ честный мировой посредникъ, за нимъ мировой съѣздъ и губернское присутствіе... Мужикъ это очень хорошо сознаетъ, а потому не пресмыкается предъ тѣмъ, кого прежде трепеталъ».

Таково должно быть будущее значеніе нашихъ мировыхъ учрежденій! Дѣйствительно, если подъ бокомъ у мужика честный мировой посредникъ, а за нимъ мировой съѣздъ и губернское присутствіе, то онъ можетъ не пресмыкаться. Въ примѣръ того, какую защиту и теперь находитъ мужикъ въ своихъ мировыхъ учрежденіяхъ, можно привести нѣсколько постановленій орловскаго губернскаго присутствія, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ напомнятъ, что обширна земля наша и что понятія и нравы въ ней все еще такъ же разнообразны, какъ климаты. Вотъ что узнаемъ мы напримѣръ изъ этихъ постановленій:

1) Помѣщикъ орловскаго уѣзда *Ефимовъ* жаловался мировому посреднику Нарышкину и (кажется) губернскому присутствію на неповиновеніе крестьянъ. По этимъ жалобамъ сдѣлано дознаніе, и

онѣ оказались совершенно неосновательными: г. Ефимовъ (и съ нимъ вмѣстѣ г. *Бурнашевъ*) требовалъ какъ прежде, такъ и на предстоящую уборку, чтобы крестьяне поднимали паръ на сороковой десятинѣ въ двѣ сохи, что, по свидѣтельству всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ и управляющихъ, совершенно невозможно. Въ тѣхъ окрестныхъ имѣніяхъ, гдѣ десятины тридцатыя, требуется двѣ сохи на десятину и по двѣ косы для косьбы хлѣба; на сороковыя же десятины всегда требовались три сохи для пахоты, три косы для косьбы ржи и пять косъ на двѣ десятины для косьбы овса и гречихи. На этомъ основаніи мировой посредникъ рѣшилъ, «что требованія гг. Бурнашева и Ефимова неосновательны и чрезмѣрно обременительны для крестьянъ, и утвердилъ въ ихъ имѣніяхъ размѣръ работы, существовавшій досель во всѣхъ окрестныхъ имѣніяхъ». Губернское присутствіе постановило: увѣдомленіе его объ этомъ принять къ свѣдѣнію.

2) Малоархангельскій мировой посредникъ Чиркинъ увѣдомилъ присутствіе, что временно-обязанный дворовый человѣкъ Козьма Прохоровъ приходилъ къ нему нѣсколько разъ съ жалобами на притѣсненія отъ помѣщика Владиміра *Мацнева* и на дурное содержаніе. Посредникъ два раза просилъ письменно г. Мацнева выдать Прохорову увольнительный актъ; но г. Мацневъ, вмѣсто того, пригласилъ къ себѣ непремѣннаго члена малоархангельскаго земскаго суда *Нелюбова*, чтобы привесть въ повиновеніе Козьму Прохорова, который, по словамъ г. Мацнева, отказывается ходить на работу, ссылаясь на приказаніе мирового посредника. Нелюбовъ прибылъ въ имѣніе Мацнева, призвалъ Козьму Прохорова для внушенія повиновенія, наказалъ его розгами и, по показанію Прохорова, подбилъ ему кулакомъ глазъ. Трое свидѣтелей удостовѣряли, что г. Нелюбовъ билъ Прохорова, и глазъ оказался дѣйствительно *подбитымъ жестоко*. Прохоровъ положительно отрицаетъ показаніе г. Мацнева, что будто бы онъ ссылался на приказаніе посредника — не ходить на работу. При слушаніи этого увѣдомленія въ губернскомъ присутствіи, начальникъ губерніи заявилъ, что по полученному имъ отъ г. Чиркина донесенію, уже сдѣлано распоряженіе о производствѣ по этому дѣлу слѣдствія. Присутствіе постановило: просить мирового посредника Чиркина выдать дворовому человѣку Козьмѣ Прохорову, на основаніи 18 статьи положенія о дворовыхъ людяхъ, если онъ того пожелаетъ, *увольнительный актъ*.

3) Здѣсь мы хотимъ разсказать дѣло, объ окончательной развязкѣ котораго еще не знаемъ; но разскажемъ его, потомучто оно очень любопытно, и разскажемъ словами обнародованнаго постановленія губернскаго присутствія. «Ботоговской волости, Брянскаго

Digitized by Google

уѣзда, деревни Полтинки, въ имѣніи г. Жаковскаго, крестьяне въ 1841 году начали дѣло о свободѣ, доказывая, что они принадлежатъ Бѣлобережскому монастырю. Дѣло это болѣе пятнадцати лѣтъ было на разсмотрѣніи разныхъ судебныхъ мѣстъ и рѣшилось въ пользу помѣщика; но крестьяне отказались ему работать, и за противозаконныя ихъ дѣйствія, всѣ домохозяева, числомъ болѣе сорока-пяти человѣкъ, были заключены въ тюрьму и содержались тамъ около четырехъ лѣтъ. Въ это время помѣщикъ отрѣзалъ всю ихъ землю къ господской запашкѣ, такъ что когда крестьяне были освобождены изъ тюремнаго заключенія, то остались совершенно безъ земли. Дѣло объ этихъ крестьянахъ еще неокончено, и всѣ они состоятъ подъ судомъ; поэтому никто изъ нихъ не можетъ быть, на основаніи 144 ст. общаго положенія, избранъ въ должности. Брянскій мировой посредникъ Головинъ, не стѣсняясь этою статьей, учредилъ тамъ сельское общество; а что касается до работъ на помѣщика, то такъ какъ крестьяне не пользуются никакими земельными угодьями, исключая очень маленькаго огорода, то г. Головинъ не считалъ себя вправѣ заставлять крестьянъ работать на помѣщика три дня въ недѣлю, тѣмъ болѣе, что состояніе крестьянъ, живущихъ *христовымъ именемъ*, вполнѣ несправедливо. По собраніи сельскаго схода, г. Головинъ убѣдился, что крестьяне не такъ испорчены, какъ объяснилъ ему о нихъ помѣщикъ; они съ готовностью объявили желаніе отбывать какъ казенныя, такъ и на помѣщика повинности, если только имъ будетъ выдѣлена та самая земля, которою они владѣли до своего заключенія въ тюрьму; но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что предпочитаютъ лучше платить оброкъ, нежели отправлять издѣльную повинность, *потомучто послѣдняя можетъ служить поводомъ къ новымъ на нихъ жалобамъ*. Г. Жаковскій изъявилъ желаніе отдѣлить имъ землю, но только не ту, которою они владѣли, но запольную, требуя при томъ, на основаніи положенія, уплаты половины оброка впередъ. Посредникъ нашолъ, что какъ надѣлъ запольной земли, такъ и требованіе полнаго оброка несправедливо: крестьяне въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что нельзя и думать о переселеніи ихъ на другую землю, которая безъ удобренія не будетъ въ состояніи вознаградить за уплаченный оброкъ; требованіе же за нынѣшній годъ оброка потому неправильно, что крестьяне не могутъ воспользоваться всѣми доходами съ земли, не посѣявъ въ яровомъ и пропустивъ время пахоты подъ озимь, слѣдовательно у нихъ останутся только одни луга, за которые будетъ несправедливо взыскивать полный оброкъ, положенный за всѣ полевыя угодья. Губернское присутствіе, принимая во вниманіе, что въ отношеніи мироваго посредника не объяснено, какимъ количе-

Digitized by Google

строить земли пользовались крестьяне, какое имъ предлагаетъ помѣщикъ въ настоящее время, и что вопросъ этотъ, по своей важности, требуетъ обстоятельнаго и тщательнаго разсмотрѣнія на мѣстѣ, постановило: просить посредника, по открытіи мироваго съѣзда, внесть это дѣло на его разсмотрѣніе, въ одно изъ первыхъ засѣданій, и затѣмъ просить съѣздъ, не приводя въ исполненіе своего постановленія по сему предмету, представить его на разсмотрѣніе губернскаго присутствія».

Мы не можемъ вести подробную лѣтопись примѣненія новаго положенія; но позволили себѣ выписать эти три, въ одно и тоже время обнародованные случая, какъ характеристику нравовъ и той обстановки, въ которой застали народъ мировыя учрежденія, долженствующія поэтому взять на себя часть подвига очищенія нашихъ нравовъ. Здѣсь нѣтъ особенно громкихъ словъ, особенно рѣзкихъ и исключительныхъ событій; говорится о вещахъ болѣе или менѣе обыкновенныхъ, домашнихъ, въ которыхъ однако оказалась необходимою и спасительною защита со стороны мировыхъ посредниковъ и губернскаго присутствія... Если съ одной стороны справедливо, что «съ распространеніемъ грамотности и развитіемъ частнаго самоуправленія измѣнятся взгляды народа», то съ другой — отъ чего будетъ зависѣть измѣненіе взглядовъ гг. Мацнева и Жаковскаго на себя и другихъ людей? Грамотность между ними вѣроятно уже распространена; стало быть остается въ виду развитіе частнаго самоуправленія, вліяніе котораго будетъ безъ сомнѣнія всеобщее, а не ограничивающееся однимъ сословіемъ крестьянъ. Впрочемъ и грамотность принимается здѣсь конечно не въ буквальномъ и тѣсномъ ея значеніи, а въ смыслѣ истиннаго образованія, которое должно способствовать устраненію и такихъ явленій, какое, по словамъ одной офиціальной статьи, представила помѣщица Кочетурова, требовавшая отъ священника, чтобъ онъ не вѣнчалъ ея дѣвки, на томъ будто бы основаніи, что вышелъ новый указъ, чтобъ всѣ выходящія замужъ платили барынѣ оброкъ. Чтобъ растолковать помѣщицѣ значеніе закона, превратно ею понимаемаго, необходимо, говоритъ, было нравственное вмѣшательство и главнаго начальника края, и мѣстнаго преосвященнаго.

Вѣроятно этотъ, а можетъ-быть другіе подобные случаи вызвали слѣдующее правительственное распоряженіе: святѣйшій синодъ опредѣлилъ предписать по духовному вѣдомству циркулярными указами, чтобы крестьяне и дворовые люди, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, были вѣнчаны безъ требованія на то дозволенія бывшихъ ихъ владѣльцевъ.

Что такое собственно для народа грамотность и идущее за нимъ

просвѣтленіе понятій — объ этомъ уже нечего говорить; особенно нечего говорить о значеніи этого блага въ устройствѣ и развитіи политическаго и общественнаго быта народа; но еще остается его внутренній индивидуальный и домашній міръ, въ который ни мировыя и никакія учрежденія не имѣютъ ни возможности, ни права вторгаться, который между тѣмъ еще полонъ для насъ такой глубокой тьмы, а черты, прорывающіяся повременамъ изъ этой тьмы, возбуждаютъ такое живое участіе, а иногда и состраданіе!.. Вотъ хоть бы напримѣръ возбужденный въ той же орловской губерніи, малоархангельскимъ мировымъ посредникомъ Мейеромъ вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ. Г. Мейеръ противъ раздѣловъ; онъ пришолъ къ убѣжденію, что жалобы крестьянъ на неудобства совмѣстной жизни и просьбы о дозволеніи раздѣловъ большею частью происходятъ черезъ ссоры женщинъ или во избѣжаніе рекрутства, або крестьяне вѣрятъ, что три брата, разошедшіеся въ разные дворы, уже не будутъ подлежать рекрутству. Посредникъ внушалъ крестьянамъ, что раздѣлы ведутъ къ неминуемой неисправности раздѣлившихся въ отбываніи казенныхъ и помѣщичьихъ повинностей; но общества, несмотря на эти внушенія, продолжаютъ весьма легко дозволять раздѣлы. Находя въ этомъ вредъ и источникъ разоренія для крестьянскихъ семействъ, г. Мейеръ просилъ губернское присутствіе указать правила: въ какихъ случаяхъ сельскія сходки могутъ дозволять семейные раздѣлы. Но губернское присутствіе, какъ видно, иначе смотритъ на предметъ: оно нашло, что ограничивать предоставленное сельскимъ сходкамъ право разрѣшать семейные раздѣлы нѣтъ никакой необходимости, потомучто если на семейный раздѣлъ согласны общество и желающіе раздѣла члены семьи, — стороны прямо заинтересованныя въ этомъ, — то необходимо предоставить все это ихъ собственному усмотрѣнію. «Русская рѣчь» говоритъ по этому поводу: «О несправедливости вмѣшательства какой бы на было сторонней власти во внутреннюю жизнь семьи, хотя бы и съ самыми гуманными цѣлями — въ наше время говорить неумѣстно, потомучто въ несправедливости этого вмѣшательства никто не сомнѣвается. Въ ней не сомнѣвается и весь народъ, на здравый смыслъ котораго нельзя не полагаться. Но здѣсь можетъ-быть мѣсто напомнить, что ратующая за принципъ невмѣшательства экономическая наука разсматриваетъ выгоды моральнаго положенія народа, какъ самый прочный залогъ народнаго благоденствія. Съ научной, да и опытной точки зрѣнія, цѣль возвышенія благоденствія искусственными мѣрами соединенія людей, не имѣющихъ духовной связи, обусловливающей дружное взаимодѣйствіе ихъ къ достиженію общихъ интересовъ, — невозможна. Люди, которыхъ

Digitized by Google

духовный міръ разорванъ тѣмъ бы то ни было — враждою ли бабъ, или діаметральною противоположностью побужденій — не могутъ согласно идти рука объ руку къ одной цѣли».

Мысль о противодѣйствіи раздѣламъ г. Мейеръ вынесъ конечно изъ практики, изъ дѣйствительнаго сельскаго быта. Всѣ сколько нибудь знакомые съ этимъ бытомъ очень хорошо знаютъ, что одиночный семьи рѣдко благоденствуютъ, что раздѣлившаяся семья непремѣнно бѣднѣетъ. Между тѣмъ несправедливость постороннаго вмѣшательства въ дѣла семьи также не подлежитъ сомнѣнію. Чѣмъ же можно помочь горю? Чѣмъ можетъ быть устранено зло, кромѣ единственнаго средства — просвѣтлѣнія народныхъ понятій? Мы недавно слышали разговоръ бывалыхъ людей по этой части. «Всѣ бросились въ раздѣлъ, говорилъ бывалый человѣкъ: — отбою нѣтъ отъ желающихъ раздѣла; дошло до того, что ужь мужъ съ женой дѣлятся...

— Это какъ? спрашиваютъ разсказчика: — что за небывальщина?

— Такъ! У старика съ старухой два сына женатыхъ. Одинъ-то сынъ вздумалъ поколачивать отца, а другой — мать. Братья не ладили и пошли въ раздѣлъ, и старики туда же: отецъ пошолъ къ тому сыну, который колотилъ мать, а мать къ тому, который колотилъ отца.

Можно желать уменьшенія семейныхъ раздѣловъ, но къ исполненію этого желанія ведетъ ужь никакъ не постороннее вторженіе въ семейныя дѣла, а только нравственное просвѣтлѣніе и возвышеніе понятій народа. И сколько еще вообще лежитъ на народѣ тьмы, которую предстоитъ разогнать будущему свѣту! Сколько предразсудковъ, странныхъ, совсѣмъ дѣтскихъ!.. Не угодно ли напримѣръ, мы напомнимъ нѣкоторые случаи, недавно напечатанные въ газетахъ?

Вотъ одинъ «интересный сельско-хозяйственный случай», какъ озаглавили его «Сѣверная Пчела». Крестьянинъ волоколамскаго уѣзда Иванъ Ѳедуловъ развелъ на своей землѣ питомникъ тузем-ныхъ и иностранныхъ растеній, именно: тополя серебристаго, яблони, крыжовника, малины, сибирской сирени, воздушнаго жасмина, tamnus gratiegus, — съ цѣлью торговать ими. Крестьяне, его односельцы, по случаю повторяющихся неурожаевъ и болѣзней на хлѣбъ, возстали на Ѳедулова, приписывая эти несчастія вліянію питомника, особенно *заморскихъ* растеній, и стали грозить уничтожить этотъ питомникъ. Ѳедуловъ, для опыта, посѣялъ хлѣбъ въ десяти саженяхъ отъ питомника, и хлѣбъ уродился, и никакой болѣзни не подвергся. Это однако его не успокоило, и вотъ — прихо-

дить онъ въ вольное экономическое общество и просить разрѣшить вопросъ: не можетъ ли въ самомъ дѣлѣ имѣть такое вредное вліяніе питомникъ, а если нѣтъ, то выдать ему въ этомъ удостовѣреніе, для успокоенія односелыцевъ и отраженія нетерпящихъ его нападеній.

А крестьяне вятской губерніи, потребляющіе наряды изъ краснаго, такъ называемаго французскаго сукна, считаютъ его врагомъ божіимъ — неурожая, потому что онъ, знаете ли, крашенъ собачьей кровью, такъ что въ пищу и въ церковь ходить нельзя. И это уже вѣрно, потому что одному мужичку на волѣ явились два чудные старца, которые мѣряли поле лаптяной веревочкой, приговаривая: «это выпалить жаромъ, а это огнемъ сжечь». Они-то, эти старцы, и велѣли истребить красные наряды.

Эти явленія-то крайней мѣрѣ способны вызвать улыбку и имѣютъ такое свойство, что можно спокойно ждать постепеннаго ихъ исчезновенія. Но есть, именно въ домашней жизни народа, такія стороны, надъ которыми уже никакъ не улыбнешься, и для которыхъ потребность въ образованіи самая неотложная. Напримѣръ въ той же «Русской Рѣчи» все заговариваютъ о мѣрахъ къ сохраненію народнаго здоровья, и подъ вліяніемъ этой мысли недавно разсуждали о недостаткѣ врачебныхъ пособій въ деревняхъ, о печальномъ, безотрадно-печальномъ состояніи деревенскихъ женщинъ.

Разсматривалась высказанная гдѣ-то, кажется въ «С.-петербургскихъ вѣдомостяхъ», мысль «о необходимости *обязательнаго* содержанія врачей крестьянскими обществами»; говорилось о томъ, что крестьяне, содержа поневолѣ врача, сами все-таки пойдутъ къ знахарямъ и ворожеямъ, которымъ больше вѣрятъ, нежели врачамъ. Что касается до обязательности содержанія врачей, то пусть каждый не себѣ примѣритъ, въ какой степени полезно и пріятно обязательное содержаніе кого бы то ни было. Напримѣръ въ Петербургѣ прислуга обязана жить по адреснымъ билетамъ, дающимъ право на безплатное поступленіе въ больницу для черноработныхъ. Но можно почти съ увѣренностью сказать, что изъ тѣхъ, которые живущихъ по адреснымъ билетамъ, найдется одинъ или два, которые признаютъ для себя пользу отъ билета и решатся, въ случаѣ болѣзни, на больницу; а остальные деликатно вмѣсто только неукоснительно выполнятъ установленному порядку, но думая о больницѣ, и отвернутся отъ нея. Недовѣріе же крестьянъ вообще къ врачамъ — дѣло перѣшенное. Мы напримѣръ знали одного отставного врача, оставившаго практику и занимающагося въ небольшой деревенькѣ сельскимъ хозяйствомъ. Онъ хотя говоритъ, что уже не практикуетъ, но въ сущности его практика не прекратилась, потому что

всего околодка къ нему безпрестанно являются *больные*, привозятъ больныхъ взрослыхъ, приносятъ больныхъ дѣтей; совѣты его крестьяне исполняютъ, вѣрятъ въ нихъ и благословляютъ его. Знаемъ еще одну вдову врача, которая при жизни мужа набралась отъ него кой-какихъ простыхъ медицинскихъ свѣдѣній; — у ней также постоянныя консультаціи съ больными крестьянами. Изъ этихъ фактовъ пожалуй можно заключить, что если есть недовѣріе, то къ не знанію врача и не къ дѣйствительности его средствъ, а къ извѣстному официальному или официально поставившему себя лицу. Къ надлежащимъ врачебнымъ средствамъ не можетъ быть недовѣрія со стороны крестьянъ, потомучто вѣдь они не идіоты; но врачу, такъ же какъ священнику, надо умѣть жить съ народомъ, чтобы дѣйствовать спасительно на его тѣло и душу...

Настоятельная потребность въ нравственномъ просвѣщеніи народа не только давно провозглашена литературой, но и давно чувствуется даже въ глубинѣ нашего отечества. Въ ней кажется уже никто не сомнѣвается, и теперь намъ дороги тѣ факты, гдѣ сознаніе этой потребности переходитъ въ чистую и искреннюю частную дѣятельность. Къ такимъ фактамъ надо отнести извѣстіе, сообщенное редакціи «Сѣверной Пчелы» г. В. Половцовымъ изъ села Воскресенскаго, лежащаго во ста верстахъ отъ Казани.

«Богъ помогъ (пишетъ г. Половцовъ) учредить въ здѣшнемъ цифѣніи *женскій крестьянскій комитетъ*, которымъ страшаютъ (?) не только бабъ, но и мужиковъ. А всего только двухъ женщинъ и призывали для наставленія, да и тѣхъ отпустили съ миромъ. Цѣль комитета — водвореніе доброй нравственности и вспомоществованіе истинно-нуждающимся, а на первый разъ — изученіе молитвъ. Это такой рычагъ, что имъ всего удобнѣе было тронуть возъ съ мѣста, чтобъ привести въ движеніе и дать надлежащее религіозно-нравственное направленіе. Достиженіе этой цѣли разумѣется не легко, но фундаментъ этому положенъ здѣсь уже восемь лѣтъ тому назадъ. Двигателемъ была во все время одна и таже особа: дѣвица Пелагея Алексѣевна Бахарева, выдавшая около полусотни прихлопокъ замужъ, все тутъ же, въ одномъ мѣстѣ. Разумѣется, что торжество ея было немалое, когда теперь и старухи одиннадцати участковъ выбрали ея питомицъ въ старшія. Эти-то старшія и состоятъ членами женскаго крестьянскаго комитета. Теперь я взялся за мужчинъ и выспрашиваю, кто какія молитвы знаетъ.»

Въ этой мысли есть много хорошаго, но есть также и нѣчто ближе какъ будто неясное или недосказанное. Что значитъ, что комитетомъ *страшаютъ*? Что значитъ: «да и тѣхъ отпустили съ миромъ?» А развѣ предполагается отпускать иныхъ и съ врем-

Digitized by Google

дой? Вѣдь въ такомъ добровольномъ и сердечномъ дѣлѣ только и могутъ быть дѣйствительны — миръ да любовь. Недоразумѣнность почуялась намъ вѣроятно оттого, что мы во-первыхъ не совсѣмъ поняли составъ комитета, т. е. кто эти старшіе, выдвинутые замужъ пріютки: вышедшія ли изъ народа, или изъ среды чуждой народу; а во-вторыхъ не знаемъ, какіе именно пріемы употребитъ члены комитета для достиженія предположенной цѣли, а отъ пріемовъ-то и зависитъ весь успѣхъ дѣла... Можетъ-быть г. Половцовъ будетъ продолжать печатныя свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла. Тогда увидимъ.

Въ заключеніе свѣдѣній о мировомъ дѣлѣ приведемъ слухъ о прекрасномъ предпріятіи Е. Н. Карновича: онъ, говорятъ, предполагаетъ съ начала будущаго года издавать газету подъ названіемъ: «Мировой Посредникъ.» Газета будетъ служить органомъ для обмѣна мыслей между лицами, принявшими на себя званіе мировыхъ посредниковъ, для выраженія ихъ недоразумѣній и вообще для передачи всего, что будетъ вырабатываться на мировыхъ съѣздахъ. Кромѣ того, газета будетъ представлять статьи юридическаго и историческаго содержанія, относящіяся къ развитію общихъ началъ мирового посредничества.

Переходя собственно къ дѣлу образованія, мы прежде всего упомянемъ о нѣкоторыхъ частныхъ начинаніяхъ, которыя обыкновенно дѣйствуютъ прямо и просто, а потому и воспринимаются легко и скоро.

Въ бузулукскомъ уѣздѣ (самарской губ.) въ селѣ Коноваловкѣ священникъ Фальковъ открылъ воскресную школу для толкованія закона божія. Въ извѣстіи говорится, что слушатели у него преимущественно мордва и что число ихъ постоянно увеличивается. Можно догадаться, что это — воскресная школа для взрослыхъ, и дѣятельность священника Фалькова также представляетъ, по выраженію г. Половцова, рычагъ, которымъ можно двинуть возъ; а мордва, кто ихъ знаетъ, возъ довольно тяжолый.

О томъ, какъ крестьяне желаютъ учить дѣтей грамотѣ, свидѣтельствуетъ г. М. Турскій, которому пришлось жить нынѣшнее лѣто въ сельцѣ Пажинѣ гдовскаго уѣзда, — въ мѣстности глухой, лѣсной и болотистой. «Деревня (разсказываетъ г. Турскій) изобилуетъ дѣтьми, вѣчно играющими на улицѣ. Нельзя было не пожелать научить ихъ чему-нибудь, хотя читать да писать на первый случай. Выбравъ удобное время, мы отправились по крестьянскимъ избамъ приглашать желающихъ учиться грамотѣ. Намъ казалось почему-то, что мы встрѣтимъ оппозицію со стороны крестьянъ. Не тутъ-то было. Хозяинъ первой избы прямо объявилъ намъ, что

Digitized by Google

онъ бы радъ учить свою дочь, да это дорого стоитъ, не по его карману, и много благодарилъ насъ, когда его дочь каждый день начала ходить къ намъ въ классъ. Въ другой избѣ мы узнали, что крестьянинъ давно уже подумывалъ отдать своего сынишку въ ученье, да не зналъ куда. Мы предложили услуги. Мальчикъ, о которомъ мы хлопотали, былъ тутъ же въ избѣ. —«Хочешь учиться?» спросилъ его одинъ изъ насъ. —«Не гораздо», отвѣчало дитя. —«Дурачина ты! замѣтилъ отецъ: выучишься — хорошо будетъ, будешь писарь; выучишься считать, лавочникомъ можешь быть.» Одинъ крестьянинъ до того былъ взволнованъ нашимъ предложеніемъ, что не желая упустить случая, сталъ навязывать намъ своего пятилѣтняго сына. Мы отказывались, но мужикъ настаивалъ. «Возьмите, говорилъ онъ: маленькій-то еще лучше въ толкъ возьметъ; вотъ развѣ только бояться будетъ, если пристрастишь когда, а то можно, ничего.»

Короче сказать: по словамъ г. Турскаго, во всей деревнѣ нашолся только одинъ мужикъ, отказавшійся посылать въ ученье четырнадцатилѣтняго мальчика, который былъ нуженъ ему для работъ: но зато самъ мальчикъ почувствовалъ сильную охоту учиться и урывками прибѣгалъ въ классъ. Женщины, въ особенности старухи, были какъ-будто не совсѣмъ довольны, вѣроятно боясь, что дѣтей будутъ бить; мужики же напротивъ сами просили поколачивать ребятъ, разсуждая такъ: «Нельзя чтобъ не побить: дѣло божье, нелегкое, сразу не поймешь; побьютъ, такъ оно лучше пойдетъ.»

Еще разъ: пора окончательно признать, что неохота простыхъ людей отдавать дѣтей въ книжное ученье, — неохота, о которой прежде бывало обыкновенно говорили, составляетъ уже прошедшее. Она прошла, и прошла какъ-то вдругъ, какъ-будто рукой ее сняло. Откуда же взялось вдругъ это разумное стремленіе? Если изъ новаго положенія, то могло ли оно такъ широко развиться въ нѣсколько мѣсяцевъ, съ 19 февраля? «Это — магическое дѣйствіе свободы!» скажете вы съ умиленіемъ. Да! но если говорить проще, то не всегда ли оно существовало и сознавалось, только сознаніе лежало въ душѣ и не выходило наружу? На народъ чуть ли не наговорили напраслину: вѣдь зналъ же онъ всегда, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, только не примѣнялъ этой мысли къ дѣлу, не примѣнялъ ея къ себѣ, полагая, что она къ нему не относится, что онъ обреченъ на тьму, изъ которой выходить ему судьба не велѣла. Теперь стоило только намекнуть ему о противномъ — и человѣческое стремленіе разомъ вспыхнуло, и уже нельзя удержать его естественнаго хода! Теперь пока еще отецъ рисуетъ сыну блестящую будущ-

Digitized by Google

есть, представляя его писарем или лавочником, а скоро и эти образы исчезнут из народного воображения и заменятся другими, более чистыми идеалами.

И так — грамотность сделалась народной потребностью, требующею удовлетворения. Слава-богу, что эта потребность, этот крик голодных душ не остался неуслышанным, потому что... мы ужасно много говорим об этом, и даже делаем, — хотя не очень быстро и с некоторыми запинками, но все-таки делаем. У нас даже являются иногда новые формы предприятий поэтому делу; так например читаем: «В г. Якобштадте высочайше утверждено *акционерное* общество для постройки здания *для частного училища* с пансионом». Такого общества с такою целью у нас еще не бывало.

Но главное — не промышленые, а безкорыстные общества распространения грамотности, — они-то нужны, от них-то многого следовало бы ждать. Мы знаем, что кромѣ комитета грамотности при вольном экономическом обществѣ, возникают подобные же общества и въ разных других пунктах; но многія ли изъ них уже дошли до открытія своих дѣйствій, — этого не знаем. Слышали например давно, что въ Полтавѣ зародилась мысль объ учрежденіи «общества для распространенія грамотности и элементарных знаній въ народѣ». Теперь разсказывают, что уже составлены проекты устава общества, что изъявили желаніе около шестидесяти лицъ быть дѣйствительными членами и двѣнадцать лицъ — почетными членами, и что остается только обществу получить утвержденіе отъ правительства.

Изъ Кіева также несется вѣсть о «прекрасной мысли учредить общество распространенія грамотности и православнаго образованія въ югозападных губерніях». Здѣсь также говорится, что нѣкоторые изъ извѣстнѣйших жителей Кіева уже составили проектъ устава и вошли съ прошеніем о дозволеніи приступить къ учрежденію самого общества, выставивъ въ прошеніи убѣдительнѣйшія причины, почему образованіе такого общества въ томъ краю даже можетъ-быть необходимѣе, чѣмъ въ какихъ-нибудь другихъ частях Россіи. Далѣе излагаются вкратцѣ эти убѣдительнѣйшія причины, и оканчивается извѣстіе молитвою о томъ, «чтобы все это не осталось однимъ проектомъ».

Мы не дерзнули бы сравнивать степени необходимости обществъ грамотности для разных частей Россіи, а просто желаемъ, чтобъ они были вездѣ. Еслибы не осталось ни одного уголка, гдѣ бы не дѣйствовало подобное общество, то это было бы самое лучшее.

Ярославской губерніи въ г. Романовѣ открыто 30 августа двѣ

слое приходское училище. Ученицъ поступило двадцать пять, большею частью изъ торговаго сословія; основной капиталъ училища — *тридцать* рублей; преподавателями вызвались быть безмездно штатный смотритель и учители уѣзднаго училища и священникъ Покровскій.

Въ недавнее время женскихъ народныхъ училищъ было у насъ такъ мало... такъ мало, что почти совсѣмъ не было; теперь они множатся чуть не съ каждымъ днемъ.

Въ одной изъ передовыхъ статей «Сѣверной Пчелы», недавно, недалѣе какъ 22 сентября, опять читаемъ слѣдующіе не въ первый разъ задаваемые вопросы: «отчего женщина, занятая тѣмъ же дѣломъ, какъ и мужчина, работаетъ больше, а вырабатываетъ меньше его? Отчего кухарка беретъ меньше жалованья, нежели поваръ? наставница меньше, нежели наставникъ? повивальная бабка беретъ меньше за визитъ, нежели акушеръ?» и т. д. Отвѣтъ на эти вопросы очень простой: оттого что въ большей части случаевъ женщина меньше знаетъ нежели мужчина, а меньше знаетъ она оттого, что ее не всему тому учатъ, чему учатъ мужчину. Все это авторъ знаетъ конечно и безъ насъ, и потому идетъ дальше...

«Мы того мнѣнія (говоритъ онъ), что женщины лучше мужчинъ; что онѣ могли бы исправлять виновныхъ лучше нежели мужчины, точно также какъ лучше уходъ ихъ за больными; а большею частью что такое виновный? — тотъ же больной. Почему же не участвуютъ женщины въ разбирательствахъ права и правды? Почему ихъ не учатъ основательно медицинѣ?» и т. д. Въ заключеніи ставится слѣдующее положеніе: «до той поры мало будетъ и толку и добра на свѣтѣ, пока надъ женщиной будетъ преобладать чувственность и легкомысліе мужчины».

Появленіе теперь этихъ вопросовъ и этого положенія, въ передовой статьѣ «Сѣверной Пчелы», отчасти удивило насъ. Нѣсколько времени тому назадъ они поднялись-было въ нашей литературѣ съ особенной силой, и мы еще тогда (если припомнитъ благосклонный читатель) замѣтили какъ-то, что дурно дѣлаютъ тѣ люди, которые слишкомъ покавалерски глумятся надъ такимъ дѣломъ, неразобравши и непонявши какъ слѣдуетъ его смысла, какъ будто умышленно стараясь всѣми силами опошлить его въ глазахъ читающей публики. Тогда (сказать по правдѣ, это было недавно) нашолся даже человѣкъ, или журналъ, который не знаю для чего притворился простачкомъ, и очень наивно, съ видомъ какого-то заѣзжаго степняка, спросилъ во всеуслышаніе: «да о чемъ тутъ хлопочутъ? Какихъ еще правъ нужно женщинамъ? Вѣдь онѣ же пользуются всѣми гражданскими правами.» Но когда раздался громкій голосъ

Digitized by Google

сего вопрошателя, вдругъ все глумящееся смолкло; веселые посты перестроили свои лиры и запѣли о чемъ-то другомъ, кажется о мыльныхъ столахъ и стеариновыхъ колонахъ. Надо полагать, что послѣ этого вопроса всѣмъ стало совѣстно продолжать и идти дальше... Мы начинали-было думать, что вопросъ, сбитый такимъ образомъ съ толку, западетъ надолго, и онъ можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ запалъ бы, еслибы не вступились тѣ, до которыхъ онъ непосредственно касается, т. е. сами женщины. Перемолчавъ время, кипѣвшее глумленіемъ, онѣ вышли съ твердою рѣчью на защиту своихъ правъ, и въ ихъ устахъ вопросъ начинаетъ входить въ свои законныя границы, дѣлается вопросомъ о воспитаніи и образованіи женщинъ... Можетъ-быть и авторъ статьи въ «Сѣверной Пчелѣ» задавалъ свои вопросы въ минуту одушевленія голосами женщинъ? — Гдѣ же слышны эти голоса? спросите вы. Указываемъ на г-жу Софью Андрееву, явившуюся въ августовскомъ нумерѣ «Отеч. Записокъ» съ критической статьей по своему предмету; указываемъ на г-жу Е. С—ину... Послѣдняя-то и заставила насъ заговорить объ этой женской исторіи, попавшейся-было въ мужскія руки; собственно мы хотѣли говорить о ней, т. е. о ея статьѣ въ 35 № *Современной Лѣтописи*: «по поводу учрежденія екатеринославской женской гимназіи». Вотъ что г-жа Е. С—ина говоритъ въ началѣ своей статьи:

«Съ тѣхъ поръ какъ издано положеніе объ учрежденіи женскихъ училищъ перваго и второго разряда, въ короткое время въ Россіи успѣло возникнуть множество новыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Желательно было бы знать всѣ подробности объ открытіи этихъ заведеній и о ходѣ въ нихъ образованія. Но къ сожалѣнію и то и другое, особенно для насъ, жителей отдаленныхъ провинцій, покрыто совершеннымъ мракомъ неизвѣстности. Мы читаемъ только, что тамъ-то и тамъ-то женскія гимназіи открыты; что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ учителя предложили безвозмездное преподаваніе, Но на какихъ началахъ основаны эти новыя женскія учебныя заведенія, какія начала приняты въ нихъ для умственнаго и религіозно-нравственнаго образованія, какими матерьяльными средствами располагало общество при ихъ учрежденіи, какія сословія преимущественно жертвовали, какихъ сословій дѣвицы по преимуществу пользуются въ нихъ образованіемъ, кѣмъ и на основаніи какихъ данныхъ избраны попечительницы и наставницы женскихъ гимназій и училищъ, — ни о чемъ этомъ мы не встрѣчаемъ свѣдѣній ни въ литературныхъ, наиболѣе распространенныхъ журналахъ, ни въ газетахъ; вообще нельзя себѣ составить ясное понятіе о вновь открываемыхъ женскихъ гимназіяхъ. И признаемся, несмотря на это мол-

чаніе „мы не можемъ не удивляться равнодушію общества къ одному изъ главныхъ его интересовъ. Въ самомъ дѣлѣ, общество кажется сознало уже и высказало, что причина нравственнаго безсилія, которое замѣчается во всѣхъ образованныхъ классахъ нашего общества, — безсиліе, на которое всѣ такъ жалуются, — кроется отчасти *въ нынѣшнемъ, ложно направленномъ воспитаніи женщинъ*, въ воспитаніи, которое преимущественно развиваетъ въ женщинахъ съ дѣтства мелочную суетность и пустое, унизительное тщеславіе. Общество сознало уже и высказало, что средства къ исправленію этого зла, и слѣдовательно къ улучшенію нравовъ вообще, должно искать между прочимъ *въ возстановленіи достоинства женщины*. Какъ же послѣ этого не считать женскаго воспитанія однимъ изъ главныхъ интересовъ общественныхъ, и какъ не удивляться замѣчаемому равнодушію къ этому вопросу?..»

Этотъ голосъ, поданный русскою женщиною, этотъ вѣрный и искренній — мы и заносимъ въ лѣтопись, какъ руководство за то, что среда русскихъ женщинъ скоро озарится полнымъ сознаніемъ своего нравственнаго и общественнаго положенія, и поднятые о нихъ вопросы не заглохнутъ... Предметъ и цѣль статьи г-жи С—ной составляютъ слѣдующія мысли:

1) Независимо отъ женскихъ гимназій, и даже прежде нихъ, необходимо заботиться объ учрежденіи женскихъ училищъ второго разряда, чтобы обезпечить элементарное образованіе всѣхъ классовъ общества.

2) Женскія гимназіи назначаются преимущественно для высшихъ классовъ, т. е. дворянства; а такъ какъ большая часть дворянскихъ семействъ живетъ внѣ городовъ, то при гимназіяхъ нужно устроить пансіоны, безъ которыхъ онѣ для дочерей помѣщиковъ были бы недоступны.

3) Такъ какъ дворянству даровано нынѣ право устроивать женскія учебныя заведенія посредствомъ частныхъ ассоціацій, то само дворянство и должно воспользоваться этимъ правомъ съ полнымъ единодушіемъ и энергіею; оно должно — изыскать у себя матеріальныя средства, принять на себя опредѣленіе нынѣшней системы воспитанія и наблюденія за примѣненіемъ и развитіемъ этой системы (снявъ эту тяжолую заботу съ центральной административной власти). Жертвуя своими матеріальными средствами, оно само должно и распорядиться ими: вѣрить попечительство предводителю дворянства (чтобы такимъ образомъ новое учрежденіе примкнуло къ учрежденію уже существующему), избрать изъ среды себя комитетъ для обсужденія проекта организаціи женскаго воспитанія, и при этомъ (необходимѣйшее условіе) вызвать дѣятельное участіе

Digitized by Google

образованнѣйшихъ матерей-воспитательницъ, которыя бы высказали свое мнѣніе о болѣе правильной системѣ нравственнаго и умственнаго образованія дѣвушекъ.

Хотя г-жа С—ина въ одномъ мѣстѣ своей статьи говоритъ: «чтобъ не вводить въ новое учрежденіе сословныхъ предразсудковъ, мы должны были бы допустить въ него воспитанницъ и изъ другихъ сословій», — но другія мѣста статьи и все ея направленія какъ будто и не исключаютъ вполнѣ сословнаго духа. Мы напримѣръ читаемъ въ ней такія строки: «Для дочерей бѣдныхъ родителей, нисшаго сословія, необходимы собственно училища второго разряда, съ необширною програмой. Болѣе образованныя и достаточныя семейства городскихъ жителей могутъ давать дочерямъ образованіе болѣе обширное... Вообще намъ кажется утопіей мысль объ учрежденіи одного общественнаго учебнаго заведенія для образованія женщинъ всѣхъ сословій. Сближеніе сословій, нѣтъ сомнѣнія, цѣль прекрасная, но конечно странно полагать, чтобъ этой цѣли можно было достигнуть именно одинаковою програмой наукъ для дѣвицъ высшаго и нисшаго классовъ общества».

Все это повидимому очень благоразумно; но кажется не оказали бы мы противодѣйствія прекрасной цѣли сближенія сословій, еслибы не стали учреждать ни одного такого заведенія, которое бы предназначалось исключительно или преимущественно для одного какого-либо сословія, будетъ ли то заведеніе мужское или женское. На знанія не должно бы кажется быть ценса; шолковыя и бумажныя издѣлія могутъ предназначаться — одни для богатыхъ; другія для бѣдныхъ; но знанія и этому раздѣленію подчинить нельзя. Надо быть нисшимъ заведеніямъ, съ ограниченной програмой, надо быть и высшимъ, съ програмой болѣе обширной. Но почему жъ бы иной дворянкѣ не остановиться въ концѣ нисшаго курса; еслибы случилось такое устройство ея головки, что больше ничего въ нее не вмѣстится? Почему съ другой стороны не пройти и мѣщанской дочери высшаго курса, еслибы понудилъ ее къ тому внутренній голосъ? Конечно большая часть мѣщанскихъ дочекъ ограничится нисшимъ курсомъ, находя его для себя совершенно достаточнымъ; но зачѣмъ же говорить имъ, что дескать высшее-то не про васъ?.. Почему не учреждаться заведенію для всѣхъ *желающихъ образованія*; и почему бы не поставить при этомъ главною заботою — чтобы заведеніе было доступно по возможности всѣмъ и привлекало бы всѣхъ; а потомъ — всѣ ли пойдутъ въ него и какого званія воспитанницы будутъ въ немъ преобладать — это уже дѣло не вполнѣ отъ самого заведенія зависящее.

Можетъ-быть многіе найдутъ наши рѣчи сильно непрактич-

Digitized by Google

ными, владѣющими въ утопію; но чтоже дѣлать, если практика-то наша все еще идетъ врозь съ безусловной правдой. А вотъ, какъ вы найдете слѣдующую мысль г-жи С—ной, которою она хочетъ подтвердить неудобство слитія сословій въ учебныхъ заведеніяхъ:

«Воспитаніе женщинъ нашего высшаго сословія (говоритъ она) далеко не можетъ похвалиться направленіемъ, которое бы прямо вело общество къ лучшему, къ прогрессу. — Не передадимъ ли мы женщинамъ другихъ сословій суетность, роскошь и тщеславіе, которыми заражены сами?»

Чтоже такое? мы какъ-то не можемъ въ толкъ взять; вѣдь это кажется значитъ: отдѣлять нашихъ нисшихъ отъ высшихъ, изъ опасенія, чтобы высшіе не заразили нисшихъ? Да искренно ли вы это сказали? Такъ-таки и оцѣнить по карантиннымъ правиламъ, какъ зачумленныхъ?.. Положимъ, что опасенія ваши и имѣютъ основаніе; но вѣдь вы думаете о радикальномъ преобразованіи системы воспитанія, о созданіи такой системы, которая бы искоренила тщеславіе и суетность. Такъ не лучше ли, составивъ проектъ преобразованія, т. е. придумавъ систему, вмѣстѣ съ введеніемъ ея допустить, какъ вспомогательное средство противъ сказанныхъ недуговъ, дѣйствіе примѣра нисшихъ, недугами не заражонныхъ?.. Мы не стоимъ за дѣйствительность средства, а только дѣлаемъ выводъ изъ вашихъ посылокъ: если можно опасаться, что въ общемъ учебномъ заведеніи недостатки высшаго сословія передадутся нисшимъ, и если поэтому нисшія признаются свободными отъ этихъ недостатковъ, то при радикальной системѣ воспитанія не вѣроятнѣе ли предположить обратное дѣйствіе, отъ нисшихъ къ высшимъ?

Какъ бы то ни было, вопросъ очень важенъ, а мы только набрасываемъ бѣглыя замѣтки, къ общему соображенію. Во всякомъ же случаѣ торжествуемъ тотъ фактъ, что русскія женщины вступились за свое дѣло. «Женщины лучше мужчинъ», говоритъ «Сѣверная Пчела». Можетъ-быть женщины и докажутъ это на дѣлѣ, что въ настоящемъ случаѣ имъ и не слишкомъ трудно будетъ сдѣлать, послѣ того, какъ нѣкоторые гг. мужчины стали было поступать съ женскимъ вопросомъ.

А что касается до сословнаго характера учебныхъ заведеній, то мы имѣемъ официальный фактъ, относящійся къ этому предмету. У насъ существовали училища для дѣтей канцелярскихъ служителей, бывшія подъ вѣдѣніемъ приказовъ общественнаго призрѣнія. По общему отзыву, училища эти не отличались особеннымъ процвѣтаніемъ и пользы обществу приносили мало. Теперь послѣдовало высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, которымъ положено:

Digitized by Google

«1) Дальнѣйшій пріемъ воспитанниковъ въ училища дѣтей канцелярскихъ служителей, въ томъ числѣ и въ особый для нихъ пансіонъ при олонецкой гимназіи, нынѣ же прекратить.

«2) Взамѣнъ того, предоставить приказамъ общественнаго призрѣнія употреблять соразмѣрную со средствами ихъ сумму на помѣщеніе дѣтей канцелярскихъ служителей и бѣдныхъ чиновниковъ стипендіатами въ другія учебныя заведенія, какъ общія, такъ и спеціальныя, съ необходимымъ пособіемъ на одежду и учебныя принадлежности, оставляя впрочемъ сихъ дѣтей на попеченіи родителей, родственниковъ, опекуновъ и даже постороннихъ, но вполнѣ благонадежныхъ семействъ, съ тѣмъ чтобы лишь при совершенной къ тому невозможности, приказы содержали таковыхъ дѣтей въ сиротскихъ домахъ или другихъ воспитательныхъ заведеніяхъ, либо своими пансіонерами въ учебныхъ заведеніяхъ.

«3) На изложенныхъ основаніяхъ (п. 2) должны быть размѣщены и воспитанники, находящіеся нынѣ въ училищахъ дѣтей канцелярскихъ служителей; по мѣрѣ же распредѣленія ихъ, самыя училища имѣютъ быть закрыты, съ присоединеніемъ экономическихъ капиталовъ ихъ къ суммамъ приказовъ, въ распоряженіе коихъ поступятъ и зданія, принадлежащія симъ училищамъ.

«4) Министерству внутреннихъ дѣлъ предоставить тѣ зданія упраздняемыхъ канцелярскихъ училищъ, въ коихъ не будетъ предстоять надобности для приказовъ, передать въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, для помѣщенія въ нихъ заведеній для образованія сельскихъ учителей» и пр.

Такимъ образомъ это постановленіе касается двухъ современныхъ потребностей: съ одной стороны полагаетъ конецъ несвоевременному, обветшалому учрежденію, а съ другой — оказываетъ содѣйствіе къ открытію новыхъ, необходимо нужныхъ заведеній.

Говоря о народномъ образованіи, мы не можемъ умолчать объ одномъ правительственномъ начинаніи, которое можетъ считаться событіемъ нынѣшняго года. Это — высочайше утвержденное предположеніе объ основаніи *петровской земледѣльческой академіи*. Въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ помѣщена подробная статья, въ которой изложены историческій ходъ этого предположенія, и начала, на которыхъ учреждается академія. Мы остановимся нѣсколько на послѣднихъ, чтобы дать хотя общее понятіе о духѣ и характерѣ будущаго учрежденія.

Академія учреждается въ купленомъ для этой цѣли министерствомъ государственныхъ имуществъ у частнаго владѣльца имѣніи — селѣ Петровскомъ-Разумовскомъ, находящемся близъ Мо-

Digitized by Google

сѣмья, въ десяти верстахъ отъ кремля, по дорогѣ въ Петровскій паркъ, и въ восьми верстахъ отъ станціи желѣзной дороги.

Полный академическій курсъ будутъ составлять слѣдующіе предметы: 1) математика (геометрія, тригонометрія, алгебра, упражненія въ комерческихъ исчисленіяхъ, практика съемки, нивелировки, разбивки плановъ въ натурѣ), 2) физика, 3) химія, 4) механика, 5) ботаника, 6) зоологія, 7) строительная наука, 8) лѣсоводство, 9) агрономія, 10) сельская экономія, 11) скотоводство и 12) технологія.

При академіи будутъ слѣдующія заведенія:

1) Библіотека, физическій кабинетъ и химическая лабораторія.

2) Консерваторія, въ которой можно было бы изучать: производительныя силы Россіи, положеніе ея сельской промышленности и современное состояніе сельско-хозяйственной техники.

3) Опытное поле.

4) Ботаническій садъ.

5) Особое отдѣленіе въ оранжереяхъ для физіологическихъ изслѣдованій надъ растеніями.

6) Фруктовый садъ и огородъ.

7) Заведеніе искусственнаго рыбоводства.

8) Птичій дворъ.

Сверхъ этого предположено тутъ же основать ферму.

Академія будетъ открыта, за извѣстную плату, для всѣхъ, безъ различія званій и лѣтъ.

Въ ней будутъ только вольнослушатели. Начальство будетъ заботиться только объ устройствѣ для нихъ помѣщеній при академіи и удобнаго сообщенія съ Москвою.

Вступительныхъ и переводныхъ экзаменовъ совсѣмъ не будетъ.

Посѣтителямъ предоставляется по произволу — слушать полный курсъ, или только нѣкоторые предметы, или даже одинъ извѣстный предметъ.

Кто пожелаетъ имѣть удостовѣреніе въ пріобрѣтенныхъ познаніяхъ, тотъ можетъ добровольно подвергнуть себя выпускному экзамену, и выдержавъ его, получаетъ — за полный курсъ дипломъ, за одинъ или нѣкоторые только предметы — свидѣтельство. Свидѣтельство не даетъ никакихъ правъ, кромѣ удостовѣренія въ знаніяхъ, а дипломъ даетъ права наравнѣ съ высшими учебными заведеніями.

Управленіе заведеніями вѣряется директору (въ эту должность уже избранъ и назначенъ академикъ Желѣзновъ); учебною частью завѣдуетъ коллегія профессоровъ.

Выборъ профессоровъ предоставляется самой ихъ коллегіи.

Digitized by Google

Всѣ профессора академіи пользуются одинаковыми правами, безъ раздѣленія ихъ на степени, какъ это введено въ университетахъ.

Такимъ образомъ (какъ сказано въ самой статьѣ) «доступъ въ академію открытъ для всѣхъ; выборъ предметовъ предоставленъ каждому; пособія для науки положено имѣть возможно полныя; избраніе профессоровъ обезпечено судомъ ихъ самихъ: таковы принципы, которые положены фундаментомъ заведенія и на которыхъ долженъ рости его успѣхъ. Отсутствіе всякихъ формальностей для слушателей должно обратить всѣ усилія ихъ на свое дѣло... Съ одной стороны устранены всѣ преграды къ доступу въ заведеніе, а съ другой — въ самомъ заведеніи устранено все, что можетъ мѣшать дѣлу.»

Это напоминаетъ намъ о «настежь-растворенныхъ дверяхъ академіи и университетовъ», о которыхъ мы говорили нѣсколько мѣсяцевъ назадъ. Здѣсь дѣйствительно обѣщаются настежь-растворены двери, въ которыя вѣроятно и войдутъ охотно тѣ, которые при прежнихъ средствахъ колотились въ нихъ самоучками... Насчетъ самоучекъ недавно встрѣтили мы въ газетахъ еще одно замѣчательное явленіе: это — разсказъ г. А. Ломоносова о знакомствѣ его съ Васильемъ Михайловичемъ *Кочькинымъ*, бывшимъ крѣпостнымъ, а теперь временно-обязаннымъ крестьяниномъ г-жи Орловой, — родомъ изъ владимірской губерніи, ковровскаго уѣзда, деревни Аргуновой, — живущимъ въ Москвѣ и занимающемся «болѣе по лѣсной части».

«В. М. Кочькинъ (разсказываетъ г. Ломоносовъ) пришолъ ко мнѣ съ просьбой одолжить ему численныхъ таблицъ Адлеркрона и Кулика. Меня удивила правильность, съ которою онъ произноситъ иностранныя имена. На вопросъ, зачѣмъ понадобились ему эти таблицы, Кочькинъ отвѣчалъ, и совершенно толковито, что первыя, т. е. адлеркроновы, заключаютъ въ себѣ объемы усѣченныхъ конусовъ разныхъ размѣровъ, а вторыя — квадраты, кубы и корни чиселъ отъ 1 до 100,000, и что онѣ ему нужны по лѣсному дѣлу. Это повело къ разговору, продолжавшемуся нѣсколько часовъ, и тутъ-то я имѣлъ случай разсмотрѣть ближе эту выходящую изъ ряда личность. Оказалось, что В. М. Кочькинъ обстоятельно знаетъ ариѳметику, геометрію, тригонометрію и употребляетъ въ вычисленіяхъ таблицы логариѳмовъ Каллета; онъ умѣетъ производить топографическую съемку и составилъ свои таблицы натуральныхъ синусовъ и косинусовъ, находя ихъ выводными для большей точности... Математическія знанія пріобрѣлъ онъ *самоучкою*, по курсу штыкъ-юнкера Войтяховскаго»... «Разговоръ его

Digitized by Google

[illegible] слѣдовать; если и толковать не говорю о дѣлѣ, они принимаютъ въ особое одушевленіе»... «Когда слушаешь его сложный разговоръ, когда смотришь на его мыслящее лицо и видишь напряженные умомъ глаза его, дѣлается какъ-то легко на душѣ. Вѣроятно не одинъ подобный Кочькинъ выглянетъ еще на свѣтъ божій!..»

Конечно не одинъ! Вотъ хоть бы и Иванъ Терентьичъ *Сычовъ*, поселянинъ енисейской губерніи, минусинскаго округа, изобрѣвшій какой-то новый механическій двигатель и не имѣющій средствъ сдѣлать модель; о немъ съ большимъ участіемъ говоритъ «Вѣкъ» въ № 39.

Мы говоримъ о народномъ образованіи; но сами-то мы (намъ уже сказано было въ одной статьѣ нашего журнала), мы люди болѣе или менѣе грамотные, развѣ не народъ? И мы-то развѣ не выразимъ потребности въ средствахъ къ дальнѣйшему развитію образованія? Въ этомъ отношеніи, для грамотныхъ людей должно упомянуть про одну пріятную новость, которую въ особенности оцѣнятъ тѣ, которые сидѣли на университетскихъ скамьяхъ, но давно, лѣтъ десять или больше назадъ, когда еще существовала въ нашихъ университетахъ кафедра *исторіи философіи*. Потомъ эта кафедра исчезла, и вотъ теперь только возстановляется при петербургскомъ университетѣ. Лица, желающія занять эту кафедру, приглашаются представить на конкурсъ, къ 1 декабря нынѣшняго года, свои сочиненія и дать три пробныя лекціи въ присутствіи ректора и факультета. При этомъ объявляютъ, что «въ видахъ непремѣннаго замѣщенія кафедры, не будутъ отвѣчаться ученой степенью конкурента.»

Новая редакція «Русскаго Инвалида» обращается къ общественной благотворительности, вызываясь быть посредницею между ею и нуждающимися юношами; «Русская Рѣчь» слѣдуетъ ея примѣру; «Русское Слово» предлагаетъ въ пользу поступающихъ въ студенты молодыхъ людей жертвовать съ литературнаго гонорарія по 1%... Редакція нашего журнала, съ общаго согласія своихъ сотрудниковъ, дѣлаетъ такое же предложеніе...

Далѣе. Изъ Рязани доставлено въ пользу московскихъ студентовъ болѣе трехсотъ рублей; изъ Твери получено редакціею «Московскихъ вѣдомостей» на тотъ же предметъ пятьсотъ рублей; въ редакцію «Русской Рѣчи» поступило нѣсколько мелкихъ приношеній... Изъ нихъ составилась небольшая сумма, всего *тридцать четыре* руб., но въ этой суммѣ заключаются *пятьдесятъ коп.*, полу-

Digitized by Google

ченныя отъ временно-обязаннаго крестьянина Ивана Тимофѣева Новаго. Это — лепта евангельской вдовицы, и она примется точно также, какъ была принята та лепта. Дѣйствительно, эта полтина временно-обязаннаго крестьянина имѣетъ для насъ большее нравственное значеніе, нежели полсотня рублей, пожертвованная богатымъ человѣкомъ. Мы ищемъ общаго теплаго сочувствія, съ которымъ можно всякую нужду обойти, всякую бѣду поправить. На сочувствіе просвѣщенныхъ и болѣе или менѣе достаточныхъ людей можно расчитывать; сочувствіе же простого человѣка къ дѣлу просвѣщенія у насъ еще ново и дорого. Въ искренности сочувствія Ивана Тимофѣича Новаго нельзя сомнѣваться, потомучто не можетъ быть другого источника, другого побужденія къ его жертвѣ; но — еслибы онъ былъ въ этомъ случаѣ представителемъ всего своего сословія!.. Еслибы всѣ временно-обязанные пожертвовали хоть по одной копѣйкѣ, понимая, на что́ они жертвуютъ, сознавая добро, которое они дѣлаютъ всему обществу, слѣдовательно и себѣ также, — Господи, что́ бы это было!

Мы говорили, что народъ весь живетъ теперь разработкою своего новаго положенія. Это — сельскіе обыватели; но почти тоже самое можно сказать и о городскихъ обывателяхъ въ собственномъ смыслѣ, которыхъ сильно занимаютъ отданные на общее обсужденіе проекты преобразованій торговыхъ пошлинъ и мѣщанскихъ повинностей. У русскихъ людей начинаетъ развязываться языкъ: купцы и мѣщане, отдѣльными лицами и цѣлыми обществами, подаютъ голоса, представляютъ замѣчанія на проекты, отстаивая болѣе или менѣе свои права и выгоды. Какія изъ этихъ замѣчаній будутъ приняты и какія нѣтъ — мы конечно не знаемъ, а разбирать ихъ въ лѣтописи — не мѣсто.

Нѣкоторые города, напримѣръ Кіевъ, Ростовъ на Дону и, какъ слышно, Тверь, думаютъ и выражаютъ желаніе о введеніи у нихъ городского управленія, т. е. состава думы по примѣру петербургской...

12 сентября открыта рижско-динабургская желѣзная дорога, и, какъ мы слышали стороной (не выдаемъ впрочемъ за несомнѣнную правду), общество дороги предполагаетъ взять на себя продолженіе этой линіи на соединеніе съ будущею, пока еще воображаемою, — московско-ѳеодосійскою дорогой.

По части частной промышлености, «Эконом. Указатель» сообщаетъ, что въ костромской губерніи готовится большой льнопря-

Digitized by Google

дальній завоз. Мы поздравляемъ себя съ этимъ предпріятіемъ, если ему суждено осуществиться и получить полное и правильное развитіе.

По части литературной есть слухи объ одной находкѣ, о которой мы не можемъ не упомянуть, по собственному неодолимому влеченію, хотя ею еще не живетъ наше общество. Извѣщаютъ, что открыто нѣсколько сочиненій Н. В. Гоголя, совершенно-неизвѣстныхъ публикѣ; что они были переданы авторомъ покойнику А. И. Иванову, по смерти котораго перешли къ брату его; что всѣ эти сочиненія принадлежатъ къ лучшей порѣ дѣятельности Гоголя, и что теперь ждутъ только прибытія въ Москву его родственниковъ, чтобы приступить къ изданію драгоцѣнной находки.

Въ настоящее время, когда... и проч.

(Изгнанный изъ употребленія приступъ)

Насъ заинтересовало заглавіе фельетонной статьи въ «Сѣверной Пчелѣ»: *Провинціальные корреспонденты и г. Щедринъ*, подписанной г. Ал. Пятковскимъ. Прочли мы эту статью и узнали вотъ что. Г. Щедринъ, какъ извѣстно, въ одномъ изъ нумеровъ «Современника» за нынѣшній годъ помѣстилъ разсказъ: *Литераторы-обыватели*; въ немъ онъ распекъ провинціальныхъ корреспондентовъ, т. е. литераторовъ-обывателей, и распекъ очень хорошо, съ достоинствомъ... Говоря нешутя, г. Щедринъ замѣтилъ за нѣкоторыми корреспондентами-обличителями значительную долю безтактности, замѣтилъ въ ихъ корреспонденціяхъ смѣшную сторону и, желая безъ сомнѣнія оградить нашу формирующуюся гласность отъ опошленія, поразилъ эту смѣшную сторону корреспондентовъ своимъ мощнымъ словомъ; но въ тоже время далъ имъ такъ-сказать превосходную программу, какъ слѣдуетъ подвизаться на поприщѣ гласности. Г. Пятковскому чрезвычайно понравился этотъ разсказъ; онъ увидѣлъ въ немъ «болѣе глубокую мысль, чѣмъ сколько можно бы предполагать по его игривой, юмористической формѣ». Увидѣвъ эту мысль, г. Пятковскій долго молчалъ и вдругъ 25 августа сего 1864 года накинулся на гг. провинціальныхъ корреспондентовъ-обличителей со всею силою своего негодованія. Зачто же это? Развѣ еще мало щедринскихъ ударовъ? — Разсказъ: *Литераторы-обыватели* вѣроятно уже произвелъ свое дѣйствіе: если между корреспондентами были дѣйствительно неизвѣстные, то они безъ сомнѣнія смутились и сконфузились; а сознавшіе въ себѣ силы и понявшіе суще-

Digitized by Google

ственный смыслъ разсказа, приняли его къ свѣдѣнію и еще опрометчивѣе имъ. Въ самомъ дѣлѣ, если прослѣдить хорошенько за провинціяльными корреспонденціями, то нельзя сказать, чтобъ онѣ остановились на одной точкѣ и не шли впередъ. Притомъ вся до сихъ поръ ведшаяся корреспонденція, дѣльная и мелочная, развѣ осталась совсѣмъ безплодною? Развѣ не вызвала она многихъ именъ, оправдавшихся въ мути съ своими грѣшками? Развѣ не ввела она въ обычай, чтобы обвиняемый оправдывался предъ обществомъ? Наконецъ — развѣ безполезно было намъ знакомство съ самими корреспондентами, съ ихъ силами и средствами, съ ихъ положеніемъ, съ ихъ достоинствами и недостатками?.. По какому же поводу г. Пятковскій теперь-то именно напалъ на нихъ? И чѣмъ онъ окончилъ свою статью? Онъ перифразировалъ слова г. Щедрина, вложенныя имъ въ уста обличителя: «чѣмъ икру-то пожирать, не лучше ли было бы пожертвовать эти деньги на воскресную школу?» и говоритъ, обращаясь къ обличителю: «чѣмъ бумагу-то марать и толковать о лякзинскихъ птицахъ, не лучше ли употребить свое время и туже самую бумагу на пользу обучающагося народа?»

Ну, слушайте же добрые люди: мы уже года два-три пообличали всѣмъ міромъ, — довольно! Теперь бросайте обличительныя перья, всѣ берите указки, собирайтесь въ кругъ и давайте такъ всѣмъ міромъ учить народъ и сочинять для него книжки! Да чуръ-приниматься всѣмъ! Неумѣньемъ никто не смѣй отговариваться!.. Такъ-таки и огласить окружнымъ посланіемъ, или лучше — циркулярнымъ предписаніемъ: дѣлай то что велятъ, а не то, что ты тамъ у себя въ углу нашолъ себѣ сподручнымъ... Вѣдь это ужь въ самомъ дѣлѣ совершенное подобіе той икрѣ, на которую негодуетъ щедринскій обличитель! И какъ, подумаешь, гениямъ мы нашу жизнь! Тоже на курьерскихъ!.. Теперь-то газета «Амуръ» почувствуетъ неудобство отдаленнаго мѣстожительства: она думаетъ, что мы все еще живемъ въ періодѣ обличеній, и не знаетъ, что этотъ переломъ мы уже пережили и вступаемъ въ періодъ учительства; она все еще толкуетъ «о необходимости карать зло, насиліе и несправосудіе выставленіемъ его къ позорному столбу и бичевать его ядовитою насмѣшкою, а также о тѣхъ мелкихъ язвахъ, которыя причиняютъ самыя большія боли общественному тѣлу»; она все еще толкуетъ о томъ, что изъ агентовъ администраціи, для народа самые важные тѣ, которые стоятъ къ нему *ближе*, — агенты низшіе, третьестепенные; что имъ-то и должны быть лучшіе люди, и что стало-быть изъ нихъ-то среды и надлежитъ всячески вытѣснять зло... Что вы будете дѣлать съ этой запоздалой газетой?..

Между тѣмъ кто же эти провинціяльные корреспонденты? Неу-

Digitized by Google

жели "все праздные зрители, "занимающіеся подглядываньемъ и производящіе всеобщее рылокошеніе, какъ выразился г. Щедринъ? Нѣтъ, не всѣ такіе! Въ корреспонденціяхъ мы часто слышимъ голоса изъ среды сыновъ народа, которымъ приходится сталкиваться съ низшими агентами администраціи, ближайшими къ народу представителями ея, и намъ передаютъ ощущенія, производимыя этимъ столкновеніемъ... Г. Пятковскій дѣлаетъ оговорку, что онъ не противъ *гражданской* гласности. — Да противъ чего же онъ? Противъ стереотипныхъ фразъ: «въ настоящее время, когда...» и проч., или «въ нашъ вѣкъ прогресса...» и проч.? Но вѣдь это такой маленькій предметъ, что о немъ теперь, послѣ статьи г. Щедрина, ужъ и заговаривать не стоитъ. Или онъ противъ тѣхъ, которые сообщаютъ ничтожные по его мнѣнію факты? А гдѣ же мѣрка ничтожности? И можно бы кажется послужить дѣлу терпимости и не карать слабыхъ *силъ* за ихъ слабость.

Приведемъ, въ видѣ примѣровъ, небольшую группу фактовъ, взятыхъ изъ разныхъ корреспонденцій, отдавая на судъ читателямъ степень ихъ важности или ничтожности.

Во-первыхъ — *проводы экспедитора*. Г. Василій Бѣловъ разсказываетъ, что онъ отъѣзжалъ изъ Нижняго въ Петербургъ и взялъ билетъ въ почтовой каретѣ до Владиміра на 6 іюля. Что отправились вмѣсто назначенныхъ шести часовъ утра, въ шесть часовъ вечера, это еще ничего,— почта опоздала; но вотъ двинулись. Въ числѣ пассажировъ былъ чиновникъ нижегородской почтовой конторы, экспедиторъ; его провожали нѣсколько молодыхъ людей, въ томъ числѣ и почтовые чиновники. Доѣхали до гостинницы Ермолаева (вѣроятно всѣмъ извѣстной въ Нижнемъ); послѣдовала остановка: гг. чиновники пошли къ Ермолаеву проводить экспедитора; пассажиры съ должнымъ смиреніемъ ождали въ каретѣ съ полчаса и побольше. Совершивъ проводы, чиновники вышли и за ними появился неизвѣстный кулекъ, скромно помѣстившійся въ ногахъ кондуктора. Тронулись дальше, а противъ станціи желѣзной дороги опять послѣдовала остановка: гг. чиновники вышли на шоссе; кулекъ раскрылъ свою внутренность и была совершена вторая часть проводовъ съ взліяніемъ. Пасажиры еще разъ смиренно ождали. На первой станціи г. Бѣловъ хотѣлъ было насчетъ самовара, но оказалось, что нельзя: станціонная комната была занята, — въ ней пили чиновники. Г. Бѣловъ предложилъ было другому пасажиру, г. Раушенбаху, принять общими силами какія-нибудь мѣры, чтобы предупредить могущій быть со стороны окмелѣвшихъ скандалъ; но одинъ изъ пившихъ, чиновникъ казенной палаты Николай Ивановъ, оказался предупредительнѣе ихъ: онъ сдѣлалъ скандалъ, на-

звать который въ печати г. Бѣловъ не считаетъ себя вправѣ, но говоритъ, что скандалъ былъ ужасно крупный...

Тутъ мы хотимъ только указать на смиреніе и благонравіе русской публики. Ужь такого смиренія, какое явили ждущіе пасажиры, не найдете вы въ другихъ странахъ! Гг. чиновники, зная это, такъ и поступали, сообразно съ обстоятельствами.

У г. В. Пелевкова не оказалось такого смиренія. Отъѣзжая изъ Москвы по подорожной, онъ хотѣлъ послать на почтовую станцію за лошадьми, но услышалъ, что «на станціи лошадей не даютъ *никому*», и что «кто желаетъ выѣхать изъ Москвы, тотъ *долженъ* взять *вольныхъ* до первой станціи, за четверные или тройные прогоны». Слѣдовало бы тотчасъ же смиренно покориться обычаю, но г. Пелевковъ не покорился: онъ отправился самъ; несмотря на рѣшительные отзывы г. Губанова или Губанова, что лошадей нѣтъ, добрался по книгамъ, что лошади есть, и нетолько самъ получилъ лошадей, но и помогъ получить таковыхъ же другому, болѣе терпѣливому отъѣзжающему г. Махову, да еще тутъ же имѣлъ случай пособолѣзновать о дѣвушкѣ, пришедшей за лошадьми отъ штабсъ-капитана Коха и съ горькими слезами просившей записочки, въ удостовѣреніе того, что ее задержали на станціи по нежеланію будто бы лошадей.

Должно-быть г. Пелевковъ принадлежитъ къ исключеніямъ, потомучто больше встрѣчается примѣровъ терпѣнія, нежели настойчивости. Таковъ и эпизодъ изъ нижегородской ярмарки, который можно было бы озаглавить словами: *Хлопокъ лѣзетъ въ гору*. Его разсказываетъ приказчикъ И. Ѳ. Б. слѣдующимъ образомъ:

«Три дня дня сряду хожу и ѣзжу въ Кунавино на телеграфъ, и каждый разъ только дѣлаю, что поклонюсь два раза посаженному господину, а онъ никогда и не кланяется.

«Третьяго дня онъ сказалъ мнѣ: «Сегодня депеша ваша идти не можетъ, приходите завтра.» Вотъ я пріѣзжаю вчера, а онъ и говоритъ: «Теперь телеграфъ не въ дѣйствіи — поврежденъ; приходите завтра.» Ну что будешь дѣлать? Поврежденъ, значитъ не дѣйствуетъ, а депешу-то отправить хочется. Вотъ я стою и переминаюсь съ ноги на ногу, а онъ все что-то пишетъ да исподлобья посматриваетъ на меня. Я постоялъ — постоялъ, вижу, что толку не будетъ — и вышелъ. Сегодня въ восемь часовъ утра посылаю въ Кунавино съ депешей молодца (самому-то было некогда), а тамъ ему опять говорятъ: «Скажи твоему хозяину, что депеша его не можетъ идти сегодня, а пойдетъ завтра къ вечеру; лежать же депешѣ все равно, что здѣсь, что у хозяина.» Вижу: дѣло худо! Хлопокъ все «лѣзетъ выше», а купить приказано — цѣной. Надо спро-

Digitized by Google

сить хозяина, велитъ ли прибавить, коли хочетъ купить. Дѣлать нечего, бросилъ дѣло и ѣду самъ; а дождь какъ изъ ведра, такъ и окатилъ съ головы до ногъ. Вотъ я этакимъ сусликомъ, только-что вылитымъ изъ норы, и являюсь на телеграфъ...»

Тутъ опять слѣдуетъ сцена, кончившаяся тѣмъ, что депешу не приняли. Побрелъ сусликъ по грязи обратно, а навстрѣчу ему тащится на извозчикѣ Филипъ Петровичъ...

«— Куда это вы, Филипъ Петровичъ?

«— Да депешу отправить въ Рыбинскъ.

«— Ну, не совѣтую вамъ и ходить; толку не будетъ: не примутъ.

«— Почему?

«— Да кто знаетъ почему. Просто не примутъ депешу, да и дѣлу конецъ.

«— Нѣтъ, извините — не конецъ! Я поѣду къ начальству...»

Слѣдуетъ: *Путешествіе Яна Черешонка по этапу*. Въ прошломъ году въ кіевской губерніи, въ радомысльскомъ уѣздѣ нашли на дорогѣ убитаго солдата, прозывавшагося Алялинымъ. За три дня видѣли, что онъ шолъ по дорогѣ съ другимъ *молодымъ* солдатомъ. Алялинъ былъ отправленъ изъ Петербурга по этапу, въ отставку, на родину; шолъ такъ до Кіева, а оттуда пошолъ свободно, на своемъ содержаніи. Вытребованы были списки всѣхъ шедшихъ съ нимъ по этапу, а такъ какъ въ спискахъ не было примѣтъ, то описали примѣты подозрѣваемаго и разослали къ тѣмъ начальствамъ, къ которымъ поступили шедшіе по этапу, съ тѣмъ чтобы они сличили ихъ съ примѣтами, и если найдется сходный, то сдѣлали бы у него обыскъ и выслали его въ радомысльскій уѣздъ. Въ спискахъ былъ между прочими Янъ Черешонокъ; бумага о сличеніи его съ примѣтами поступила къ командиру ковенскаго батальона внутренней стражи, который, справившись, что Черешонокъ ушолъ на родину въ вилькомирскій уѣздъ, написалъ къ тамошнему исправнику, чтобъ найти его, и отправить въ радомысльскій уѣздъ. Исправникъ поручилъ исполненіе этого становому приставу Орловскому. Нашли Черешонка; Черешонокъ *старъ* (шестидесяти лѣтъ), *боленъ*, работать не можетъ — задыхается, живетъ на пропитаніи помѣщика Поморницкаго... Сдѣлали обыскъ, ничего не нашли; а все-таки его взяли, посадили въ острогъ, потомъ приковали къ пруту и повели за 1250 верстъ. И шолъ смиренно Черешонокъ три мѣсяца и пришолъ на мѣсто убійства и слѣдствія. Посмотрѣлъ на него слѣдователь, посмотрѣли видѣвшіе подозрѣваемаго убійцу; сказали, что это не тотъ, и — Черешонка повели съ миромъ обратно въ велько-

Digitized by Google

мирскій уѣздъ, только уже къ пруту на этотъ разъ не приковали. Вотъ и все.

Можно еще много набрать другихъ, менѣе крупныхъ фактовъ, но — всего не перечтешь; мы напримѣръ слышимъ много жалобъ на безцеремонность и жестокость представителей разныхъ частныхъ администрацій; но тамъ все дѣйствуютъ больше оскорбленныя личныя самолюбія и недостатокъ смиренія, такъ что эти факты и не гармонировали бы съ приведенными нами. Впрочемъ мы можемъ, не нарушая гармоніи, выписать маленькую сценку изъ путешествія профессора Киттары, отправившагося нынѣшнимъ лѣтомъ въ петровскій уѣздъ саратовской губерніи, по приглашенію тамошнихъ землевладѣльцевъ, для разсмотрѣнія и обсужденія условій ихъ хозяйства. Отправляясь изъ Москвы, профессоръ заглянулъ къ третьеклассную залу московской станціи нижегородской желѣзной дороги...

«Въ этой залѣ (говоритъ онъ) тѣснота доходитъ до размѣровъ духоты и давки. Здѣсь уже мало стоящихъ вдоль стѣнъ лавокъ: здѣсь весь полъ устланъ лежащими путниками. Насъ поразило въ особенности множество выбитыхъ стеколъ въ дверяхъ и окнахъ. «Отчего это?» спросили мы одного изъ охранявшихъ выходъ.

«— Да видите, что за народъ — жарко стало, ну и давай бить стекла!

«— Ну, окна бы отворить, замѣтили мы.

«— Порядокъ нарушать — выскочатъ прежде времени.

«— Ну, фортокъ бы побольше подѣлать.

«— Фортокъ? Фортокъ больше нѣтъ, вѣрно не положено.

«Въ залахъ перваго и втораго классовъ стекла были цѣлы; тамъ были и диванчики, и кресла, и стулья; тамъ меньше, далеко меньше было и путниковъ и зато видимо несравненно больше къ нимъ вниманія. Дѣло значитъ не въ количествѣ, а въ качествѣ, что безспорно весьма резонно; да отчего жъ бы не дать залѣ третьяго класса свѣжаго воздуха? Воздухъ, благодареніе Богу, ничего пока не стоитъ.»

Этимъ словомъ намъ хочется окончить нашу статью, чтобы не нарушать впечатлѣнія, которое производитъ его благодушный, теплый, сердечный тонъ.

Digitized by Google

ПО ПОВОДУ ЭПИГРАФИЧЕСКОЙ ЗАМѢТКИ «РУССКАГО ВѢСТНИКА»

«Стонетъ сизый голубочикъ....»

Прежде всего выпишемъ то, что мы между прочимъ говорили Русскому же Вѣстнику въ майской книжкѣ нашего журнала. Это нужно къ дѣлу:

«Во всякомъ обществѣ съ начала міра всегда есть огромное большинство людей, стоящихъ за то, что по ихъ понятіямъ незыблемо и неподвижно. Эту незыблемость и неподвижность они любятъ преимущественно зато, что она совпадаетъ съ ихъ матерьяльными текущими интересами, часто въ ущербъ остальнымъ и многочисленнѣйшимъ ихъ собратьямъ, и для нихъ хоть весь свѣтъ гори, было бы имъ хорошо. Въ интересахъ своихъ они составляютъ себѣ и нравственность, и другія правила, обыкновенно взявъ первоначальную, праведную идею и для собственныхъ выгодъ извративъ ее до того, что отъ первоначальной сущности ея не остается даже и тѣни. Разумѣется, это большинство съ ненавистью смотритъ на всякій намекъ о прогрессѣ, на всякое нововведеніе, откуда бы оно ни шло; — явленіе впрочемъ нормальное и происходящее отъ потребности самосохраненія. Рядомъ съ этой наибольшей частью общества всегда есть и меньшинство, которое съ отвращеніемъ смотритъ на неподвижность большинства, на его озлобленную тупость, на нерасчетъ въ пониманіи своихъ собственныхъ выгодъ, на извращеніе всѣхъ естественныхъ и праведнѣйшихъ идей въ угоду грубымъ интересамъ; а главное, на извратителей, угодниковъ и обольстителей толпы, дѣйствующихъ почти всегда изъ собственной, личной выгоды. Въ этомъ меньшинствѣ таятся прогрессивныя, жизненныя силы въ противоположность застою всего общества. И та и другая сторона сами по себѣ законны и даже необходимы одна другой. Но ненависть и борьба между ними непрерывны. А между тѣмъ въ обоихъ лагеряхъ бываютъ почти всегда люди честные и высокихъ нравственныхъ качествъ. Между меньшинствомъ являются иногда люди геніальные; кромѣ того, всегда есть люди честные, прямые, готовые всѣмъ пожертвовать для блага общества и стоически переносить всевозможныя гоненія. Но рядомъ съ ними существуютъ мальчишки и

Digitized by Google

крикуны. Они суетятся, забѣгаютъ впередъ, исповѣдуютъ новую идею до крайностей, бездарно и грубо схватываютъ однѣ только ея верхушки, и они-то наиболѣе вредятъ всякой новой идеѣ, опошливая ее въ глазахъ и безъ того уже враждебнаго къ ней большинства. Эти крикуны неизбѣжны; они существовали вездѣ и всегда, во всѣ времена и во всѣхъ народахъ, и существуютъ тоже по какому-то неизбѣжному закону природы. А между тѣмъ, какъ ни смѣшны эти крикуны, изъ числа ихъ бываетъ много людей честно и благородно преданныхъ дѣлу. Да и вообще между людьми гораздо болѣе честныхъ и благородныхъ, чѣмъ подлецовъ. Прозорливый человѣкъ никогда не будетъ судить по этимъ крикунамъ о стойкости и истинности какой-нибудь новой прогрессивной идеи, проповѣдуемой въ избранномъ меньшинствѣ общества лучшими его представителями. Но тѣ, которые льстятъ большинству изъ выгоды, немедленно подхватываютъ смѣшную сторону крикуновъ, указываютъ и растолковываютъ ее всѣмъ желающимъ слушать ихъ: ума тутъ много не нужно; надо только глумиться, а иногда и поклеветать — и дѣло въ шляпѣ. Поклеветать же необходимо.

Теперь выпишемъ для читателей нашихъ всю главную часть тирады «Русскаго Вѣстника», которую онъ тиснулъ въ своей послѣдней (августовской) книжкѣ, подъ названіемъ «Элегическая замѣтка». Въ томъ же номерѣ есть и другая «замѣтка»... Но мы только скажемъ объ элегической.

«Обо многомъ были мы намѣрены поговорить въ этой книжкѣ; но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Обстоятельства заставляютъ насъ отложить наблюденія наши надъ русскою литературой до другой, болѣе благопріятной минуты.

«Бѣдное русское слово, бѣдное русское образованіе! Какая-то участь ожидаетъ васъ? Позади немного, впереди смутно и темно. Во всемъ чувствуется пустота и безсиліе, отсутствіе жизненной почвы, недостатокъ мысли, вытекающей изъ дѣла и идущей къ дѣлу. Никогда еще въ такомъ обиліи не распложалось у насъ словъ и фразъ какъ въ теперешнее время, когда всѣ толкуютъ о самостоятельной мысли, никогда еще не доходила до такого всевластнаго господства самая пошлая рутина, самое безсмысленное и раболѣпное повтореніе мнѣній изъ чужой жизни, остывшихъ и забытыхъ, или случайныхъ и отрывочныхъ, лишенныхъ связи и смысла, какъ именно теперь, когда всѣ повидимому изъ того лишь и бьются, чтобы жить своимъ умомъ и не покланяться авторитетамъ. Еслибы не разныя обстоятельства, какъ легко было бы прослѣдить генеалогію каждой фразы, выдаваемой за мысль, какъ легко было бы изобличить ея ничтожество и пошлость! Будущій историкъ нашего образованія конечно сдѣлаетъ это, и тогда сами собой обнаружатся причины тѣхъ эфемерныхъ явленій, которыя представляетъ наша жизнь. Явленія эти смѣняются съ

Digitized by Google

поразительною быстротою; мы переживаемъ фазу за фазой; повидимому вещественныя творческія начала таятся въ основѣ нашей жизни и безъ отдыху работаютъ, ежеминутно покидая старое, ежеминутно слагая новое.

«Въ дѣйствительности же, какъ извѣстно, ничего нѣтъ, и весь этотъ прогрессъ, всѣ эти движенія, всѣ эти смѣны доктринъ, всѣ эти фазы развитія, не болѣе какъ мыльные пузыри. Нѣтъ ничего забавнѣе той серіозной мины или того задора, съ которыми наши мыслители толкуютъ о жизни и прогрессѣ. Они думаютъ, что занимаются очень горячими вопросами, и издѣваются надъ тѣми, кто посвящаетъ свои труды наукѣ, по предметамъ отвлеченнымъ или далекимъ. Но въ наукѣ нѣтъ ничего такого, что не шло бы къ дѣлу; для серьознаго знанія нѣтъ вопроса, нѣтъ факта, которые не заслужили бы изученія или были бы безплодны. Зато, наоборотъ, въ этихъ доктринахъ, которыя пекутся для жизни и величаютъ себя жизненными, часто нѣтъ ни одного слова годнаго для дѣла, ничего годнаго для жизни. Эти доктрины, гдѣ рѣчь идетъ о жизни, бываютъ несравненно болѣе удалены отъ нея чѣмъ самыя абструзныя выкладки математики, чѣмъ самыя дробныя изслѣдованія эрудиціи. Математическая формула таится подъ явленіями жизни, и она необходима для ихъ уразумѣнія. Всякая эрудиція, какъ бы ни была она спеціальна, имѣетъ своимъ предметомъ фактъ дѣйствительной жизни, и также необходима для ея уразумѣнія. Но всѣ эти пустяки, всѣ эти пряности словъ, весь этотъ перецъ фразъ, выдаваемый за живое дѣло жизни, по большей части выражаетъ только отсутствіе жизни въ умахъ своихъ виновниковъ, безсиліе и косность мысли. Въ этихъ ученіяхъ не высказывается ничего заслуживающаго вниманія, ничего сколько-нибудь годнаго. Интересъ ихъ заключается не въ томъ, что̀ ими высказывается, а въ самомъ ихъ существованіи, въ возможности ихъ появленія, къ тѣхъ причинахъ, которыя порождаютъ ихъ. У насъ причины этихъ явленій очевидны. Въ обществѣ нашемъ нѣтъ жизни: мудрено ли, что отсутствіе жизни ознаменовывается этою гнилью, этою фосфорическою блескотнѣй, этимъ потокомъ словъ безъ мысли? У насъ до сихъ поръ нѣтъ ничего похожаго на науку; до сихъ поръ наука не пустила въ нашей почвѣ никакихъ побѣговъ. Науку считали у насъ роскошью, дѣломъ излишнимъ, даже опаснымъ. Науку прилаживали къ разнымъ посторонимъ ей условіямъ; ее презирали, ею пренебрегали; она была жалкимъ педантомъ въ нашемъ обществѣ, запуганнымъ, прибитымъ Тредьяковскимъ. И вотъ затоптанные начатки умственной дѣятельности даютъ себя знать. Духъ знанія, свободный и неимѣющій другихъ цѣлей кромѣ истины, мысль, неимѣющая другихъ цѣлей кромѣ знанія, блистательно заявляютъ свое отсутствіе нашею литературой, этими мыльными пузырями нашихъ доктринъ, всѣми этими отвратительными карикатурами на мысль, знаніе, прогрессъ. Чему учатъ пустозвоны нашихъ дней? Не говорятъ ли они точно также, что наука сама по себѣ есть дѣло излишнее и негодное? Не готовы ли они лаять на вся-

нако, кто въ области знанія не признаётъ другихъ цѣлей кромѣ чистой истины? Не возводятъ ли они въ теорію то, что у насъ такъ долго было на практикѣ? Не являются ли они достойными толкователями и выразителями того духа презрѣнія и недовѣрія къ высшимъ дарамъ человѣческой природы, который господствовалъ у насъ въ жизни?

«У насъ нѣтъ общества, нѣтъ общественнаго дѣла, въ которомъ каждый принималъ бы живое участіе и которое давало бы предметы, направленіе и внутреннюю норму для дѣятельности. У насъ нѣтъ общества, но есть *кружки*, фальшивыя подобія общества. Въ этихъ-то кружкахъ съ ихъ спертымъ воздухомъ, въ этихъ маленькихъ, ничтожныхъ подобіяхъ общества, въ этихъ кружкахъ съ ихъ ребяческимъ самодовольствомъ, разобщенныхъ съ жизнью, лишенныхъ всякой почвы, осужденныхъ на умственную и практическую праздность, развиваются всѣ тѣ чудеса прогресса, о которыхъ мы упоминали выше; здѣсь-то совершаются эти быстрыя развитія, — быстрыя, потомучто пустыя, — здѣсь-то, на словахъ, передвигаются горы, и на фразахъ переворачивается міръ; здѣсь-то мѣсяцами и недѣлями переживаются цѣлые вѣка, смѣняются философскія системы, общественныя доктрины, великіе геніи, передающіе другъ другу свѣточъ прогресса.

«Вотъ причины жалкаго состоянія нашего образованія; вотъ причины пустоцвѣтовъ, которыми наша литература безпрерывно наполняется съ отчаяннымъ изобиліемъ; вотъ причины этого ребяческаго нахальства, этого невѣжества, прикрытаго фразами украденными у науки, этого непониманія жизни, соединеннаго съ нелѣпыми притязаніями на перестройку ея основаній, на разрѣшеніе ея задачъ. Вотъ также причины, почему всякая нелѣпость можетъ имѣть у насъ ходъ и расчитывать на успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ такой нелѣпости, которая могла бы у насъ отчаяваться въ успѣхѣ. *Нѣтъ у насъ такихъ возмутительныхъ людей, за которыхъ можно было бы поручиться, что они вдругъ, къ изумленію окружающихъ, не пустятся въ трезвость.* Кого же винить и что дѣлать? Должно ли съ сугубою силой налечь на тѣ незамѣтные, на тѣ ничтожные зачатки знанія и мысли, чтобъ окончательно подавить ихъ? Должно ли усиливать тѣ причины, которыми порождаются праздные кружки, праздныя доктрины, тѣ причины, которыми поддерживаются ребячество мысли и *безсовѣстность* слова? Будемъ ли мы придавать серіозное значеніе всѣмъ этимъ нелѣпостямъ, которыя зарождаются въ атмосферѣ кружковъ, какъ бы эти нелѣпости ни казались намъ чудовищны? Будемъ ли мы усиливать ихъ и давать имъ *raison d'être*, считая ихъ чѣмъ-нибудь существеннымъ, а не тѣмъ, что онѣ есть въ дѣйствительности — пустыми миражами?

«Наши *esprits-forts*, наши прогрессисты, герои нашихъ кружковъ, борзописцы нашихъ журналовъ не представляютъ никакихъ задатковъ будущаго; все это одна гниль разложенія. Пусть начнется жизнь, и гниль исчезнетъ сама собой.»

Digitized by Google

Мы нарочно перепечатали все это мѣсто цѣликомъ; мы не хотѣли передавать его своими словами, чтобъ не упрекнулъ насъ «Русскій Вѣстникъ» (какъ уже и сдѣлалъ это однажды), что мы выхватали изъ него фразъ и злоумышленно представили дѣло въ искаженномъ видѣ.

И такъ вотъ каково мнѣніе «Русскаго Вѣстника» о современномъ положеніи вещей въ нашей литературѣ, въ нашей наукѣ, и даже въ нашей жизни. Нѣтъ у насъ «совѣстливыхъ» людей, говоритъ онъ обо всѣхъ безъ исключенія. «У насъ ничто и ничего не представляетъ никакихъ задатковъ будущаго: все это одна гниль разложенія.» Однимъ словомъ; все гниль, и всѣ гниль!..

Сильно сказано.

И пусть «Русскій Вѣстникъ» не придирается къ намъ; пусть не говоритъ потомъ, что мы сами выдумали про *все* и про *всѣхъ*, а онъ никогда ничего не говорилъ подобнаго. Еслибъ онъ говорилъ не обо всѣхъ безъ исключенія, то онъ отнесся бы къ этой «гніющей» средѣ, также какъ мы опредѣлили ея мѣсто въ общемъ движеніи. (Ссылаемся на выписку изъ майской книжки нашего журнала.) Онъ не принялъ бы крикуновъ за дѣятелей, бездарныхъ фразеровъ и пустозвоновъ за всѣхъ и за все. — *Все*, *всѣ*! Но вѣдь это несмѣтанная дерзость противъ здраваго смысла! вскричитъ читатель.

Конечно такъ; но «Русскому Вѣстнику» какое дѣло до криковъ и дѣлъ въ иныхъ случаяхъ до здраваго смысла. Ему надо доказать, что все гниль, одна гниль, и даже вовсе не отъ обстоятельствъ какихъ-нибудь гниль, а просто отъ собственной нашей безсовѣстности... Впрочемъ онъ вѣдь и не доказываетъ. Онъ только кричитъ... Но разберемъ однакоже, такъ ли онъ кричитъ?

То мѣсто нашей замѣтки, гдѣ вы, «Русскій Вѣстникъ», сравнивали нашу науку съ «Тредьяковскимъ», намъ показалось значительнымъ. Показалось намъ, что вы именно указываете на больное мѣсто и недалеки отъ настоящей причины плачевнаго состоянія нашей образованности. Но надежды наши тотчасъ разсѣялись. Какъ оборотили вы дѣло? Вы начали ругать нашихъ «прогрессистовъ», нашихъ «борзописцевъ», нашихъ «крикуновъ», не только за ихъ увлеченія и малоуміе, — это пусть бы! — нѣтъ, намъ надо было еще доказать, что они нечестные люди, что они *безсовѣстные*. Мы даже убѣждены, что вы собственно *для* этого-то и пустили вашъ элегическій плачъ... Безъ этого чтожъ за выгода была бы вамъ повторять, что у насъ нѣтъ науки, нѣтъ литературы? Вѣдь это все такъ старо! Вы ужъ такъ часто объ этомъ говорили и прежде...: Вы даже увѣряли, что и русской народности-то нѣтъ... Нѣтъ, у васъ

была другая цѣль, а именно та, на которую мы указали. Вы раздражены. Мы знаемъ отчего произошолъ вашъ задоръ... Но объ этомъ послѣ.

И такъ между борзописцами, между заблуждающимися (ужь уступимъ вамъ это, навремя, вполнѣ) нѣтъ ни одной чистой совѣсти, ни одного честнаго существа, ни одного пустого человѣка, ни одного дѣйствительно-трудящагося, заботящагося, страдающаго, мученика мысли и науки. Какже вы говорите: «начнется жизнь, и гниль исчезнетъ сама собой»? Да какъ же она начнется въ такой средѣ, съ такими людьми? По щучьему велѣнью?

Но позвольте, мы начнемъ по порядку.

Вы говорите, что никогда еще не распложалось такъ много словъ и фразъ, какъ теперь, когда всѣ толкуютъ о самостоятельности мысли. Согласны; но это понятно: готовымъ ничего не дается; все нужно сдѣлать, выжить и даже выстрадать, и все начинается сначала, а начинается всегда такъ. Никто разомъ не доходитъ до послѣдняго слова, до окончательной гармоніи въ жизни. Вы говорите: «никогда еще не доходила до такого всевластнаго господства рутина, безсмысленное и рабское повтореніе мнѣній изъ чужой жизни, какъ теперь, когда всѣ повиднмому изъ того лишь бьются, чтобъ жить своимъ умомъ и не поклоняться авторитетамъ». Но вѣдь и вы знаете, что если нѣтъ почвы и если невозможна дѣятельность, то стремящійся духъ именно выразится въ явленіяхъ ненормальныхъ и безпорядочныхъ, именно — приметъ фразу за жизнь, накинется на готовую чужую формулу, обрадуется даже ей и ею замѣнитъ дѣйствительность? Въ фантастической жизни и всѣ отправленія фантастическія. Но по-нашему это страданія, это безвыходныя муки. А по-вашему, всѣ фразеры. Да развѣ это возможно? Развѣ увлекающійся фразой, готовой формулой непремѣнно долженъ быть безсовѣстный человѣкъ, пустой крикунъ, мыльный пузырь? Развѣ не можетъ увлекаться и ошибаться истинная, честная пытливость ума, честный и совѣстливый человѣкъ? Съ страданіемъ ища выхода, онъ спотыкается, падаетъ... Да такіе-то люди и спотыкаются. Зачѣмъ же пятнать ихъ названіемъ безсовѣстныхъ? Кому придетъ въ голову, особенно въ иную минуту, сѣяться намъ такими людьми, кромѣ васъ, изъ глубины кабинета, въ которомъ вы сидите съ вашимъ олимпійскимъ спокойствіемъ? Вы даже какъбудто рады этому. Блаженъ тотъ, который и въ уродливомъ явленіи способенъ увидѣть его историческую, серьозную сторону! Блаженъ тотъ, который не думаетъ, что къ нему въ ротъ будутъ готовыя галушки падать! Блаженъ тотъ, кто отъ залѣзшаго, хоть не въ трубу, трубочиста, не потребуетъ непремѣнно академическихъ поз

Digitized by Google

и красоты Аполлона бельведерскаго! Блаженъ наконецъ тотъ, который не оскорбился своимъ свистомъ несчастнаго, въ минуту его несчастья!

«Эти доктрины, — говорите вы, — гдѣ рѣчь идетъ о жизни, бываютъ несравненно болѣе удалены отъ нея, чѣмъ самыя абструзныя (абструзныя! эко словечко-то! тридцать педантовъ, сойдясь вмѣстѣ, не выдумаютъ ничего лучше этого слова!) выкладки математики... Математическая формула таится подъ явленіями жизни, и она необходима для ихъ уразумѣнія...»

А вы знаете ее, эту формулу? Чтожъ вы намъ ее не откроете, коли знаете? Вы такъ свысока говорите, что можно подумать, вы ужь ее и нашли, и бережоте про себя это сокровище. Вѣдь вамъ все такъ легко: у васъ вонъ жизнь придетъ когда-нибудь сама собою; вы сердитесь, что нѣтъ до сихъ поръ общества, а есть кружки, какъ-будто общество такъ само собой и устроится безъ первоначальныхъ кружковъ? Вамъ все такъ легко! Чтожъ если другіе-то именно и ищутъ эту формулу, о которой вы говорите; не довольствуются однимъ утѣшеніемъ, изъ прописей, что она есть и должна быть, а именно хотятъ сами найти ее, или споспѣшествовать ея открытію, ищутъ, иногда вредѣшно, ошибаются, падаютъ, а вы только стоите да посмѣиваетесь надъ ними, надъ ихъ судорогами и ошибками, пальцемъ не желая къ дѣлу притронуться, чтобъ не замарать ручекъ. Да ужь не вы ли и есть одинъ изъ тѣхъ фразеровъ, на которыхъ вы такъ сердитесь? И вотъ что еще: вы ужасно легкомысленны. Вы думаете, что такъ легко обмануть людей: «да я-то дескать и тоскую, я науку защищаю, которую унижаютъ и уничтожаютъ крикуны-мальчишки; я самъ тоскую и скорблю глядя на это, и вотъ, пустилъ свой элегическій плачъ.» Но при всемъ вашемъ умѣньи фразерствовать, вы вѣдь такъ наивно высказываете свою настоящую цѣль! Вы не за науку стараетесь, вы ровно ни очемъ не тоскуете. Вамъ просто *надо* было назвать всѣхъ «прогресистовъ» безсовѣстными, пустозвонами и манкенами. Вѣдь такое превратное не можетъ быть у серьозно и свято сочувствующаго дѣлу человѣка, у умѣющаго хоть что-нибудь различать человѣка. Съ какимъ цинизмомъ вы обнажили себя! О Боже! еслибъ вы говорили только о крикунахъ и мальчишкахъ, бездарныхъ, бездарно и грубо схватывающихъ одну верхушку идеи, толкующихъ ее односторонне, съ *предательскимъ* легкомысліемъ вредящихъ всякой новой идеѣ ужь тѣмъ однимъ, что они кричатъ и извѣстятъ о ней, опошливающихъ ее въ глазахъ и безъ того уже враждебнаго къ ней большинства, — о, тогда мы бы сами присоединились къ вамъ, рады бы вы или не рады были такой компаніи! Но вы вообразили *поголовно* всѣхъ мыслящихъ и желающихъ свѣта, кромѣ

Digitized by Google

себя, считаете крикунами, а вовторыхъ всѣхъ этихъ по-вашему крикуновъ и прогресистовъ считаете *безсовѣстными*, и именно на это-то напираете, именно это хотите доказать. Вы говорите: нѣтъ у насъ такихъ *совѣстливыхъ людей*, за которыхъ можно было бы поручиться... Это ваши собственныя слова. Вы говорите далѣе, что мы (мы тутъ разумѣется для красы) оттого прогресисты, что боимся прослыть людьми отсталыми, что «мы готовы нести или выслушивать всевозможную чепуху, *чтобъ только не подать подозрѣнія, что мы не прогресисты*» (слѣдовательно сознательно-безсовѣстны), что наконецъ «гаркни кто-нибудь, что прогресса нѣтъ, что все въ жизни безсмысленно и случайно... и мы готовы смиренно подчиниться и такому рѣшенію, *лишь бы только остаться на счету прогресистовъ*».

Такъ ли? такъ ли? Ради здраваго смысла, возможно ли это для всѣхъ, для всѣхъ поголовно? Возможно ли, чтобъ въ цѣломъ обществѣ не было нималѣйшихъ признаковъ жизни? Что́ за безотрадный, что́ за ужасный, невозможный взглядъ? Очень можетъ быть, что усилія этихъ прогресистовъ не отвѣчаютъ жизни; но неужели-жъ не жизнь, не стремленіе жить и формулировать эти стремленія управляютъ ихъ дѣйствіями, а одно тупое, безсовѣстное желаніе прослыть прогресистами, какъ увѣряете вы? Неужели-жъ всѣ они только маикены, а не живые люди? Неужели же всѣ тѣ, которые въ послѣднее время порывались хоть что-нибудь высказать, хоть что-нибудь формулировать, — однѣ бездушныя, выпускныя куклы, которыхъ двигали бездушныя, механическія пружинки, а не дѣйствительная жажда познанія и истины? И всѣ, всѣ такіе? Неужели-жъ вы только одинъ и есть на всей Руси, вы, профессорствующій «Русскій Вѣстникъ», которому такъ легко на все плюнуть и все раздавить ногой? Да ужь не вы ли одинъ и остались для спасенія нашего? Такъ скорѣе, скорѣе спасайте насъ! «Иванъ Александровичъ! ступайте управлять департаментомъ!»

И что́ проповѣдуете вы? Ктожъ не знаетъ (и увѣряю васъ, даже самые бездарные крикуны и мальчишки это понимаютъ), что дѣйствительность и настоящая дѣятельность облагородили бы насъ, дали бы каждому изъ насъ свой удѣльный вѣсъ и значеніе, измѣрили бы силы наши и привели бы насъ къ самопознанію. Ктоже не знаетъ, что съ прикосновеніемъ къ дѣйствительности, съ началомъ дѣятельности, исчезла бы эта вереница предзаданныхъ идеекъ, успокоительныхъ формулъ и проч. и проч., чѣмъ задается въ наше время чуть не всякой человѣкъ, жаждущій дѣятельности. Но по-вашему такъ легко успокоиться и не тосковать; такъ легко избѣжать грезъ, мечтаній, не упасть, не надѣлать ошибокъ. Это спокойствіе,

Digitized by Google

эта ленность, недоверительны. Они показываютъ равнодушіе и обнаруживаютъ самолюбивый до сладострастія (ужь позвольте такъ выразиться) эгоизмъ. Да вѣдь вы сами формулами задаетесь! Праздный, но безпокойный, пытливый умъ, безъ дѣйствительности, естественно долженъ отклониться отъ нормальнаго пути и увлекаться теоретическими бреднями. Чѣмъ бы осмыслить это явленіе, чѣмъ бы проникнуть въ него (какъ-было и начали вы), вы кончили тѣмъ, что этихъ же несчастныхъ, этихъ же алчущихъ и жаждущихъ назвали чуть не подлецами и даже отняли у нихъ всякое право жизни, признавъ ихъ одними пустыми фарсерами и даже отказавъ имъ въ человѣческихъ чувствахъ. Да развѣ ошибающійся человѣкъ непремѣнно подлецъ? Да иногда именно чѣмъ уродливѣе проявляется жизнь, чѣмъ судорожнѣе, чѣмъ безобразнѣе, чѣмъ неустаннѣе это проявленіе, тѣмъ больше значитъ жизнь хочетъ заявить себя, во чтобы то ни стало, — а вы говорите, что и жизни-то нѣтъ. Тутъ тоска, страданіе, да вамъ-то что за дѣло? Все это не соотвѣтствуетъ вашей тайной идейкѣ, слѣдственно нечего и признавать въ этомъ ни тоски, ни жажды жизни. — Все мыльные пузыри!

Вотъ вы напримѣръ: говорите сюсюка и даете уроки, а вѣдь все это такая пропись — наши уроки, такая тупая отвлеченность, такая абструзность (о милое словечко! гдѣ это вы его достали? по дѣлу видѣнъ художникъ). Тѣ, отверженцы-то, хоть что-нибудь дѣлаютъ, хоть копаются, чтобъ выйти на дорогу, хоть ошибаются, и такимъ образомъ избавляютъ другихъ, послѣдующихъ дѣятелей отъ подобныхъ же ошибокъ, слѣдственно хоть отрицательно, да полезны; а вы, мелодраматически сложивъ руки, стоите да посмѣиваетесь. Нанялъ жидъ работника рубить дрова; мужикъ рубитъ и крехтитъ съ каждымъ ударомъ. Жидъ смотритъ и спрашиваетъ: — Зачѣмъ ты крехтишь? — «А такъ легче.» — Ну такъ ты руби, а я буду за тебя крехтѣть, говоритъ жидъ. Мужикъ какъ ни взмахнетъ топоромъ, а жидъ подкрехтываетъ. Изрубивъ дрова, мужикъ проситъ денегъ; жидъ и даетъ меньше чѣмъ уговаривались. «Какъ же такъ? — говоритъ мужикъ: — вѣдь я все изрубилъ?..» — А я крехтѣлъ, — говоритъ жидъ: — тебѣ легче было. — Жидки хитрый народъ! Ужь не крехтите ли и вы понапрасну-то? Но нѣтъ, у васъ на умѣ выгода: вамъ именно хочется провозгласить: всѣ фальшиво поютъ, одинъ я соловей. Такъ мы и повѣримъ вамъ? Нѣтъ, вы намъ сами сдѣлайте свое собственное фью-фью-фью — какъ говоритъ г. Щедринъ, котораго вы такъ хорошо знаете. Нѣтъ, если ужь вы желаете добра, такъ покажите-ка сами какъ бы вы сдѣлали, безъ ошибокъ-то. Но вижу, вы высокомѣрно улыбаетесь. Вы вѣдь увѣрены, что жизнь придетъ сама собою и принесетъ что-нибудь, самое лучшее, англи-

Digitized by Google

кого товару-съ, а до тѣхъ поръ и нечего безпокоиться. Налягаете бремена тяжкія и неудобь-носимыя... и т. д. Разумѣется, вся ваша выгода стоять теперь передъ всѣми въ загадочномъ спокойствіи. Чего добраго, пожалуй за такого непочатаго мудреца примутъ, что и въ Англіи не найдешь!

Да и кчему въ самомъ дѣлѣ вамъ со всякой этой «гнилью» якшаться? Вы увѣрены, что «придетъ жизнь — и гниль исчезнетъ сама собою». Когда же она придетъ? какъ же она придетъ? Какое удивительное знаніе дѣйствительности! Правда, Булгаринъ и Аскоченскій разрѣшаютъ загадки жизни еще легче. У нихъ все такъ готово, такъ все разлиневано. «Когда придетъ жизнь»... видно, что вы объ этомъ не очень задумываетесь; да и зачѣмъ? Тѣ, кто объ этомъ заботятся, могутъ ошибаться, окомпрометировать себя, ну а вамъ неприлично ошибаться и себя компрометировать. На это есть чернорабочіе; надъ ними смѣются, они крикуны, свистуны, пустозвоны; и работа такая черная, скучная, хлопотливая даже. Надо лазить, трубы чистить, тяжести таскать, крючиться... Неприлично. Академической позы не выйдетъ. А вѣдь мы герои!

И вѣдь мы вамъ уступили. Мы согласились, что крикуны ошибаются. Оно такъ, ошибаются. Вонъ они науки не признаютъ, они легкомысленны, они на все бросаются... правда! А знаете ли вы, что историческій ходъ дѣла — странная вещь? И такъ непохожъ иногда на теоретическій! Да почти всегда. Кажется смекнешь все теоріей, у себя въ кабинетѣ: вотъ такъ, вотъ именно такъ все должно случиться, и примѣръ есть, — такъ вотъ и въ Англіи было. Смотришь: вовсе не такъ выходитъ на дѣлѣ. Ничего предсказать и предугадать нельзя заранѣ. Странная вещь; даже предосадная вещь!

А знаете ли что мы вамъ скажемъ въ заключеніе. Вѣдь это васъ г. Чернышевскій разобидѣлъ недавно, своими «полемическими красотами», вотъ вы и испустили свой элегическій плачъ. Мы по крайней мѣрѣ увѣрены въ этомъ. Онъ даже не удостоилъ заговорить съ вами языкомъ приличнымъ. Такая обида! Намъ можно говорить о г. Чернышевскомъ не боясь, что насъ примутъ за его сеидовъ и отъявленыхъ партизановъ. Мы такъ часто задѣвали уже нашего капризнаго публициста, такъ часто не соглашались съ нимъ. И вѣдь престранная судьба г. Чернышевскаго въ русской литературѣ! Всѣ изъ кожи лѣзутъ убѣдить всѣхъ и каждаго, что онъ невѣжда, даже нахалъ; что въ немъ ничего, ровно ничего нѣтъ, пустозвонъ и пустоцвѣтъ, больше ничего. Вдругъ г. Чернышевскій выходитъ напримѣръ съ чѣмъ-нибудь въ родѣ «полемическихъ красотъ»... Господи! Подымается скрежетъ зубовный, раздается элегическій вой. «Отечественныя Записки», послѣ этихъ красотъ, поиѣ-

Digitized by Google

стили въ одной своей книжкѣ чуть не шесть статей разомъ (да кажется именно шесть и было), единственно о г. Чернышевскомъ, и именно съ тѣмъ, чтобъ доказать всему свѣту его ничтожество. Одинъ шутникъ даже сказалъ, что въ той книжкѣ «Отеч. Зап.» только въ «Десяти итальянкахъ» и не было упомянуто имя г. Чернышевскаго. Но если онъ такъ ничтоженъ и смѣшонъ, для чего же шесть статей въ такомъ серьозномъ и ученомъ журналѣ, да еще разомъ, въ одной книжкѣ? Тоже и въ Москвѣ: тамъ тоже было вродѣ маленькаго землетрясенія. Писались даже отдѣльныя брошюры о г. Чернышевскомъ. Кчему бы кажется такъ безпокоиться? Угадать нельзя. Странная, дѣйствительно странная судьба этого страннаго писателя!..

Но такъ какъ ужь пошло на отгадки, — скажите, «Русскій Вѣстникъ», кчему вы напечатали стихотвореніе князя Вяземскаго: «Замѣтка» въ той же августовской книжкѣ, въ которой и элегическая ваша замѣтка? Конечно это стихотвореніе для насъ замѣчательно не само по себѣ, а потомучто вы его у себя помѣстили. Не за такіе же стихи, какъ:

На всѣхъ сверкаетъ онъ *молніеноснымъ глазомъ*,

или:

Враждѣ людей — ея твердыни *не потрясть* —

помѣстили вы это стихотвореніе. Конечно не такіе стихи соблазнили васъ. Но кчему распрашивать? кчему задавать такіе затруднительные вопросы?..

Да, «Русскій Вѣстникъ», мы уже вамъ пророчили прежде, что вы рано ли, поздно ли, поворотите на одну дорожку. Дорожка эта торная, гладкая. Вѣроятно найдете и товарищей... Счастливый путь! И весело, и выгодно! Останавливать не будемъ!

Digitized by Google

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

КНИГА

ДЛЯ

ПЕРЕВОДОВЪ

СЪ РУССКАГО ЯЗЫКА НА ФРАНЦУЗСКІЙ И НѢМЕЦКІЙ

СОСТАВЛЕННАЯ

П.П. КУСКОВЫМЪ И А. КРЕСТЛИНГКОМЪ

Книга эта состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: 1) Книга для переводовъ, 2) Приложенія. Приложенія состоятъ изъ трехъ частей: а) фразы и выраженія, требующія небуквальнаго перевода, б) примѣры перевода предлоговъ и в) лексиконъ.

Текстъ книги составленъ изъ отрывковъ сочиненій лучшихъ европейскихъ и русскихъ писателей; бо́льшая половина книги состоитъ изъ переводныхъ статей, такъ какъ нельзя набрать изъ произведеній русской словесности такихъ отрывковъ, которые, будучи переведены на иностранный языкъ, не внесли бы въ этотъ переводъ чисто русскаго, совершенно чуждаго тому языку элемента. И литературные переводы на иностранные языки нашихъ писателей представляютъ нѣкоторую смѣсь *французскаго съ нижегородскимъ*; чтоже можно ожидать отъ класнаго, школьнаго перевода? Чтобы избѣжать такого неудобства, нужно было именно дать для класныхъ переводовъ самые близкіе переводы съ тѣхъ же самыхъ языковъ, которые изучаются.

Въ книгѣ есть отрывки не только французскихъ и нѣмецкихъ, но и другихъ европейскихъ писателей. При выборѣ сихъ послѣднихъ постоянно имѣлись въ виду французскіе и нѣмецкіе переводы ихъ.

Кромѣ того, составители этой книги имѣли въ виду и нѣкоторое развитіе вкуса учениковъ, для чего выбраны граціознѣйшіе отрывки изъ сочиненій Гёте, Шиллера, Гейне, Шекспира, Байрона и проч.

Книга эта не заключаетъ въ себѣ ничего удушливо-класнаго; докучливая мораль замѣнена въ ней легкостью, общепонятностью и изяществомъ переводныхъ отрывковъ, а *приложенія* должны способствовать къ тому, чтобы удалить даже и отъ класнаго перевода ученическую небрежность и очень часто безсмысленность.

Цѣна книги 1 рубль. Перес. за 1 фунтъ.

Для учебныхъ заведеній, покупающихъ у авторовъ (Загородный проспектъ № 30, кв. № 6), хотя бы чрезъ посредство своихъ комисіонеровъ, болѣе 10 экз., дѣлается уступка 25%.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

За чѣмъ пойдешь, то и найдешь. Женитьба Бальзаминова. Картины московской жизни. А. Островскаго. 5

Мое дѣтство. (Изъ одной записки). М. Воронова 60

Отъ Босфора до Черноморскаго побережья. Изъ записокъ, веденныхъ во время четырехлѣтняго путешествія демаркаціонной комиссіи по Турціи и Персіи. М. Г. (Продолженіе) 82

Изъ стихотворенія «Деревня». Ѳ. Берга 115

Ученіе Спинозы о Богѣ. (Изъ исторіи философіи Куно Фишера). 117

Изъ Гейне. Стих. Странно польскаго 141

Съ чешскаго. (Изъ Гавличка). Стих. Его же 142

Мери Бартонъ. Повѣсть о манчестерскихъ труженикахъ. (Съ англійскаго). Часть шестая и послѣдняя. Пер. Е. Бекетовой . . 89

Въ горахъ. Стих. А. Майкова 6

Записки изъ Мертваго Дома. Ѳ. М. Достоевскаго

Глава пятая и шестая 243

Глава седьмая и восьмая 461

Покуда. (Повѣсть). А. С—вой 273

Свѣжее преданье. (Романъ въ стихахъ). Я. Полонскаго. 301

Мормонизмъ и Соединенные Штаты 322

Крестьянскія дѣти. Н. Некрасова. 356

Уголокъ Андалузіи (изъ путевыхъ записокъ). Д. Григоровича . 364

Два разсказа, съ французскаго:

I. Голубятня 435

II. Бѣдный мальчикъ. 447

Мадамъ Лакостъ (изъ уголовныхъ дѣлъ Франціи) 497

Легенды сербовъ 519

По поводу уничтоженія откупной системы и замѣны ея акцизной. I. Шилля. Статья первая. 545

Digitized by Google

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Подвиги нашихъ колумбовъ въ восточномъ океанѣ. — Историческое обозрѣніе образованія россійско-американской компаніи и дѣйствія ея до настоящаго времени. Составилъ П. Тихменевъ. Часть I. — Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана. Четыре выпуска. Приложеніе къ Морскому Сборнику 1

Явленія современной литературы, пропущенныя нашей критикой. Г-жа Кохановская и ея повѣсти 20

Разсвѣтъ. Журналъ для дѣвицъ 34

О формахъ промышленности вообще и о значеніи домашняго производства въ Западной Европѣ и Россіи. Сочиненіе А. Корсака. 42

Объ [illegible] о Гоголѣ. (Письмо въ редакцію «Времени») [illegible] Кос 69

Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола. Записки Александра Ф [illegible] 79

Державинъ-гражданинъ. Записки Гавріила Романовича Державина 1743—1812 Дмитрія Маслова 101

Выставка въ академіи художествъ за 1860—61 годъ 159

Поѣздка въ Южную Россію А. Аѳанасьева-Чужбинскаго Часть I. Очерки Днѣпра 169

[illegible]

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Австрійскія дѣла. — Закрытіе венгерскаго сейма. — Закрытіе шестнадцати комитатскаго собранія. — Арестъ вице-бана Елачича. — Французскія дѣла. — Высочайшая степень благополучія и благоденствія Франціи. — Маленькія непріятности на швейцарской границѣ. — Итальянскія дѣла. — Новый циркуляръ г. Риказоли. — Усмиреніе разбоевъ. — Празднества въ Неаполѣ, [illegible] и во Флоренціи. — Турецкія дѣла. — Финансы. — Движеніе въ Герцеговинѣ и въ Черногоріи. — Американскія дѣла. — Война и деньги. — Общее положеніе. — Послѣднія извѣстія 1

Общее положеніе. — Наклонность дѣлъ къ войнѣ. — Причины этой наклонности. — Французскія дѣла. — Посѣщеніе Франціи королями прусскимъ и голландскимъ. — Приведеніе въ порядокъ благотворительныхъ обществъ. — Общество мошенничества. — Англійскія дѣла. — Мнѣнія газетъ объ императорско-королевскихъ свиданіяхъ. — Послѣднія извѣстія 68

Digitized by Google

СМѢСЬ

Вопросъ о колонизаціи 1
Одинъ изъ важнѣйшихъ педагогическихъ вопросовъ 17
Наши домашнія дѣла. (Современныя замѣтки).
I. Журнальные интересы 30
II. Интересы мелко-житейскіе 43
III. Интересы большихъ размѣровъ 49
IV. Нѣчто о крестьянскомъ дѣлѣ 58
V. Различное употребленіе гласности 60
Бѣдная Долоресъ (повѣсть Фернандо Кабальеро) 69
Плачъ корректора. К. Су—ва. 127
Сясь. Я. Гуляева 143
Наши домашнія дѣла. (Современныя замѣтки.)
О томъ, чѣмъ живетъ теперь нашъ народъ. — Нѣкоторыя изъ его проявленій и взгляды наблюдателей. — Характеристическіе факты изъ постановленій губернскихъ присутствій. — Нѣчто о вмѣшательствѣ въ семейныя дѣла и о народномъ здоровьѣ. — *Женскій крестьянскій комитетъ*. — Рѣшительное признаніе потребности въ грамотности и проектируемыя общества. — Женскій вопросъ, переходящій въ женскія руки. — О сословномъ характерѣ учебныхъ заведеній: упраздненіе училищъ дѣтей канцелярскихъ служителей. — Петровская академія. — Еще *самоучки*. — Возстановляющаяся каѳедра. — Печальный случай въ Останкинѣ. — Новое поприще для общественной благотворительности 157
По поводу элегической замѣтки «Русскаго Вѣстника» 189

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 27 октября 1861 года

Цензоръ Ѳ. *Веселаго*

Digitized by Google